

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919650 1

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CXLVI. — 1/18 ЮЛЯ, 1878.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

Т Р И Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д Ъ

ТОМЪ IV

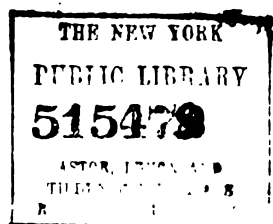
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

(386)

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

УВЯДШІЯ ЛИСТЯ.

Не тучи спшиблись грозовня,
Соплились двѣ рати боевня.
Не громъ раскатистый гремитъ,
Резуть орудья, не смокая.
Не ливень прыгаетъ-шумитъ,
Течеть-сочится кровь людская.
Какъ ураганъ въ лѣсной глуши,
Свиститъ картечь, визжатъ гранаты;
Какъ дубы, рушатся вожди,
Какъ листья, падаютъ солдаты.
Гдѣ дубъ упалъ, остался слѣдъ,
Лежатъ гніющіе обломки;
Ихъ даже послѣ многихъ лѣтъ
Увидать дальніе потомки.
Но листья, листья безъ слѣда
Исчлѣбютъ скоро навсегда.
Одна лишь вѣтвь, осиротѣвши,
Въ вершинѣ плачется по нихъ,
Но боязливъ и скромно-тихъ
Сиротки шопотъ наболѣвшій:
Онъ не встревожитъ сонный лѣсъ,
Онъ не домчится до небесъ.
И только юноша случайно
Въ тотъ лѣсъ, быть можетъ, забредеть,

Быть можетъ, въ сердцѣ онъ найдетъ
 На шепотъ скорби отеликъ тайный,
 Какъ я, быть можетъ, загруститъ,
 Прольетъ слезу, какъ я рыдаю,
 Быть можетъ, вздохъ имъ посвятить,
 Какъ я имъ пѣсню посвящаю...

II.

ПАМЯТИ N.

Непомраченный суетою
 Нечистыхъ думъ, недобрыхъ дѣлъ,
 Твой взоръ безгрѣшной чистотою
 И тихимъ счастьемъ горѣлъ.
 Какъ херувимъ, что молить Бога,
 Красой небесной ты цвѣла,
 И въ страхъ черная тревога
 Бѣжала свѣтлаго чела.
 Увы! Прекрасное созданье,
 Недолго жизнь твою щади,
 Судьбы холодное дыханье
 Коснулось скоро и тебя...
 Но даже полная тоскою,
 Ты о земномъ скорбѣла злѣ,
 Какъ прежде, чуждая землѣ,
 Какъ прежде, ясная душою.
 Такъ надъ паденіемъ людскимъ
 Скорбѣла дѣва неземная,
 Такъ, падшихъ братьевъ вспоминая,
 Скорбитъ безгрѣшный херувимъ...

III.

ЗАСУХА.

Я помню: лѣтнею порою
Грозилъ намъ голодъ разъ. Поля
Всѣ были выжжены жарою,
Желтѣя, трескалась земля.
Грозы молили всѣ у неба;
Толпились въ церкви весь народъ,
Кричали дѣти у воротъ:
«Дай, Боже, дождика, дай хлѣба
Для дѣтокъ маленькихъ твоихъ!»
И Богъ мольбу слышалъ ихъ.
Не даромъ въ скорби непритворной
Упала нахаря слеза,
Примчались тучи стаяй черной,
И разразилась гроза.
Когда же стихнулъ дождь желанный,
Я вышелъ въ садъ благоуханный
И тамъ нашелъ среди кустовъ
Гнѣздо, размытое грозюю.
Надъ нимъ съ безпомощной тоскою
Кружилась мать. Своихъ птенцовъ
Она звала и щебетала,
Ихъ грѣла трепетнымъ крыломъ,
Металась, билась надъ гнѣздомъ,
И возлѣ мертвая упала.
И думалъ я: что, если-бъ мать
Могла въ тоскѣ своей понять,
Что той грозой неумолимой
Спасенъ весь край?—Что край родимый!—
Когда не стало навсегда
Гнѣзда, родимаго гнѣзда!

IV.

НАШИ ВОСТОРГИ.

Гроза пришла... И страха полны,
На міръ влочущій глядимъ.
Дрожа, встрѣчаемъ пламя молній
И внемлемъ рокотамъ глухимъ.

Гроза прошла... И громы стихли,
Погасли молніи въ тиши,
И лишь по скатамъ съ грязью рыхлой
Стекаютъ мутные ручьи.

Н. Минскій.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

ВЪ

ОБШИРНОМЪ СМЫСЛѢ.

I.

Общіе начала учения о борьбѣ за существованіе — Источники и послѣдствія этой борьбы. — Нѣсколько частныхъ примѣровъ.

Прежніе авторы обозначали общимъ терминомъ: «борьба за существованіе» — цѣлый рядъ сложныхъ процессовъ, ведущихъ къ сохраненію организмовъ, процессовъ, заключающихся въ противо-дѣйствіи разрушающему вліянію разнообразныхъ внѣшнихъ условий. Поэтому они говорили о «борьбѣ» растений со стужею, съ наводненіями и т. п., равно какъ и о борьбѣ за существованіе въ смыслѣ активной борьбы двухъ животныхъ. Въ то же время они распространяли этотъ терминъ и на сложные явленія соперничества между однородными организмами изъ-за пищи, жилища и проч.

Еще въ прошломъ столѣтіи была замѣчена зависимость явлений борьбы за существованіе отъ черезъ-чуръ усиленной плодovitости организмовъ. Франклинъ уже указалъ на то, что «воспроизводительная способность растений и животныхъ не имѣетъ границъ и сдерживается только тѣмъ, что, размножаясь, они отнимаютъ другъ у друга пищу». Мальтусъ развиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: «Растенія и животныя повинуются своему инстинкту, не заботясь о томъ, какая судьба постигнетъ ихъ потомство. Недостатокъ мѣста и пищи уничтожаетъ въ

обоихъ царствахъ то, что выступаетъ за предѣлы, указанные природой для каждой породы».

Какъ извѣстно, эти результаты вошли въ составъ новой теоріи общаго происхожденія видовъ, однимъ изъ основныхъ положеній которой является именно понятіе о всемірной борьбѣ за существованіе. Оба основателя современнаго трансформизма — Дарвинъ и Уоллесъ — связали это явленіе съ процессомъ измѣненія видовъ, въ чемъ собственно и заключается ихъ огромная заслуга. Что же касается самаго понятія о борьбѣ за существованіе, то они восприняли его отъ прежнихъ авторовъ, не внося въ анализъ явленія чего-нибудь существенно новаго. Дарвинъ включаетъ въ это понятіе всѣ тѣ же явленія, которыя относились къ «борьбѣ» и его предшественникамъ, какъ, напр., противодѣйствіе засухѣ со стороны растенія, прозябающаго на краю пустыни, попыткѣ растенія прорости изъ сѣмени, заброшеннаго въ заросшее другими растеніями мѣсто, или, напримѣръ, соперничество омелы съ другими ягодными растеніями, соперничество изъ-за перенесенія ягодъ птицами. «Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ значеніяхъ, *переходящихъ одно въ другое*, я ради удобства употребляю общій терминъ — борьба за существованіе», говоритъ Дарвинъ.

Относительно главнаго источника борьбы за существованіе Дарвинъ вполне присоединяется къ мнѣнію своихъ предшественниковъ. «Борьба за существованіе — говоритъ онъ — наступаетъ necessarily вслѣдствіе сильной степени, въ которой стремятся размножиться всѣ организмы». «Это есть — продолжаетъ Дарвинъ — ученіе Мальтуса, перенесенное въ усиленной степени на все животное и растительное царство».

Измѣненіе, внесенное послѣдователями Дарвина, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они выдѣлили изъ всей суммы явленій борьбы за существованіе процессъ соперничества между наиболее родственными организмами. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Зейдлицъ, находятъ даже вовсе неудобнымъ соединять столь, по ихъ мнѣнію, разнородныя явленія, какъ конкуренція и активная борьба или противодѣйствіе внѣшнимъ вліяніямъ, и потому они предлагаютъ вовсе уничтожить терминъ: «борьба за существованіе», и хотятъ замѣнить его болѣе частнымъ и опредѣленнымъ терминомъ: «конкуренція съ собой подобными». Хотя такое нововведеніе и оправдывается тѣмъ, что, съ точки зрѣнія измѣняемости вида, наиболее важнымъ моментомъ борьбы является именно такая конкуренція, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это явленіе представляется отнюдь не замкнутымъ и легко переходитъ въ другія стороны борьбы. Когда, напримѣръ,

дѣя собаки бѣгутъ за брошенной имъ костью, то онѣ находятся въ періодѣ соревнованія, такъ какъ каждая изъ нихъ желаетъ обогнать соперницу; но затѣмъ онѣ вступаютъ въ драку, и «пассивная конкуренція съ себѣ подобнымъ» быстро переходитъ въ активную борьбу двухъ представителей одного и того же вида. Само собою разумѣется, что такой видъ борьбы имѣетъ не меньшее значеніе въ дѣлѣ измѣняемости видовыхъ признаковъ, какъ и пассивная конкуренція. Въ то время какъ послѣдняя (въ нашемъ примѣрѣ) ивоощряетъ органы движенія, активный видъ борьбы даетъ поводъ къ естественному подбору особей, наиболѣе драчливыхъ и всего чаще побѣждающихъ въ дракѣ. Подъ вліяніемъ такого стимула должны были образоваться, такъ-называемые «солдаты» между муравьями, т.-е. особи, специально приспособленныя къ активной борьбѣ съ себѣ подобными, т.-е. съ муравьями того же вида, но обитателями другихъ муравейниковъ.— Если, съ одной стороны, не научно отдѣлять рѣзкой чертой «пассивную конкуренцію съ себѣ подобными» отъ активной борьбы представителей одного и того же вида, то, съ другой стороны, неправильно выдѣлять до такой степени моментъ борьбы между «себѣ подобными» изъ общей сложности явленій борьбы за существованіе. Прилагая такое узкое опредѣленіе, мы, къ тому же, встрѣчаемся на каждомъ шагѣ съ препятствіями. Въ борьбѣ между пчелами-работницами и трутнями будемъ ли мы имѣть дѣло съ борьбою «себѣ подобныхъ»? И тѣ, и другія принадлежатъ къ одному виду, но къ различнымъ поламъ. Если смотрѣть на дѣло исключительно съ точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости видовъ, то въ данномъ случаѣ слѣдуетъ исключить изъ разряда явленій борьбы съ себѣ подобными эту распрю двухъ половъ, включивъ въ него только соперничество между изгоняющими трутней работницами съ одной стороны и соревнованіе въ приѣмахъ самозащиты между трутнями — съ другой. Въ этомъ случаѣ оба пола будутъ являться въ качествѣ разнородныхъ сторонъ, во многихъ же другихъ примѣрахъ самцы и самки находятся въ отношеніи простыхъ соперниковъ.

Въ случаѣ столь часто встрѣчающейся борьбы между муравьями одного вида, но различныхъ муравейниковъ, мы будемъ имѣть, во-первыхъ, активную борьбу, во-вторыхъ—взаимную конкуренцію между борцами каждаго муравейника. Съ точки зрѣнія измѣняемости вида, въ данномъ примѣрѣ первенствующая роль выпадетъ не на долю конкуренціи между наиболѣе близкими существами, т.-е. между представителями одного и того же муравейника, а, напротивъ, на долю активной борьбы между муравьями

различныхъ муравейниковъ. Тоже и при соперничествѣ двухъ разновидностей одного и того же вида. Положимъ, напр., что происходитъ борьба за существованіе между окрашенной и бѣлой разновидностью какого-нибудь вида—борьба, вызванная преслѣдованіемъ хищниковъ. Бѣлыя особи, какъ наиболѣе кидающіяся въ глаза, будутъ выловлены и погибнуть, цвѣтныя же экземпляры, какого бы цвѣта они ни были, окажутся въ данномъ случаѣ «наиболѣе приспособленными», и потому выживутъ, давая начало новому многочисленному поколѣнію. Здѣсь, слѣдовательно, на первый планъ выступаетъ соперничество не между наиболѣе близкими родичами, т.-е. недѣльными одной и той же расы, а между болѣе отдаленными представителями обѣихъ расъ. Такъ съ точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости и происхожденіи видовъ. Съ точки же зрѣнія вопроса о разновидности главнѣйшую роль играетъ, понятно, конкуренція между нѣскольکو болѣе и нѣскольکو менѣ темными, или нѣскольکو болѣе и менѣ яркими представителями каждой расы.

Сказанное нами ведетъ къ тому, чтобы признать, во-первыхъ, что активную борьбу нельзя строго различать отъ пассивной, а во-вторыхъ—къ тому, что разграниченіе явленій «борьбы за существованіе» съ спеціальной точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости вида можетъ имѣть значеніе только для рѣшенія одного этого вопроса, и потому не должно быть допускаемо въ случаѣ, когда идетъ рѣчь о явленіяхъ борьбы съ общей точки зрѣнія. Ради удобства мы можемъ и тутъ сосредоточить кругъ изслѣдованія на извѣстной части этихъ явленій, но при этомъ не должны забывать, что всякое подраздѣленіе послѣднихъ будетъ дѣломъ чисто искусственнымъ и потому пригоднымъ лишь въ практическомъ отношеніи.

Если мы настаиваемъ на принятіи термина «борьба» въ обширномъ смыслѣ, то то же самое должны мы теперь распространить и на понятіе «существованіе». Нерѣдко къ этой категоріи относятъ только потребность самосохраненія, т.-е. обезпеченіе пищи и избѣжаніе враговъ, но этого, разумѣется, недостаточно. Къ этому понятію нужно отнести и другія, менѣ постоянныя потребности, какъ, напр., половую потребность, инстинктъ перелета, семейныя потребности и многое другое. Съ этой точки зрѣнія такъ-наз. «половая борьба», т.-е. драка или другая менѣ воинственная форма соревнованія между самцами изъ-за обладанія самкою должна быть также точно отнесена къ суммѣ явленій «борьбы за существованіе». Нерѣдко такая драка дѣйствительно кончается смертью, т.-е. прекращеніемъ «существованія»;

въ однихъ случаяхъ кто-нибудь изъ борцовъ загрызается до смерти; въ другихъ случаяхъ половой борьбы побѣжденный кончаетъ смертью отъ водобоязни; борющіеся олени иногда такъ спутываются своими рогами, что не могутъ разойтись и въ такихъ случаяхъ оба умираютъ отъ голода.—То же самое должно быть распространено и на многія другія явленія, какъ, напр., на соперничество изъ-за удовлетворенія честолюбія, различныхъ прихотей и т. п. Какъ ни ничтожными кажутся эти вещи для существованія однихъ, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ быть очень существенны для тѣхъ, кто лишаетъ себя жизни вслѣдствіе неудовлетвореннаго самолюбія, потери части состоянія или кто умираетъ на дуэли изъ-за дѣла «чести».

Въ виду того, что «борьба за существованіе», какъ оказывается, захватываетъ собою огромную сумму явленій, невозможно болѣе ограничиваться признаніемъ за усиленнымъ размноженіемъ организмъ единственнаго стимула этой борьбы. «Борьба за существованіе—говоритъ Дарвинъ—необходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой стремятся размножаться всѣ органическія существа». И далѣе: «такъ какъ родится болѣе особей, чѣмъ сколько можетъ ихъ выжить, то во всякомъ случаѣ должна происходить борьба за существованіе либо съ особями того же вида, либо съ особями другого вида, либо съ физическими условіями жизни». Противъ этого нѣсколько разъ выставляли на видъ, что Дарвинъ слишкомъ изолируетъ самое явленіе усиленнаго размноженія и ставитъ его въ основу борьбы и подбора, между тѣмъ какъ оно само подлежитъ измѣненію и вліянію того же естественнаго подбора. Самъ Дарвинъ приводитъ случаи, гдѣ организмы одолѣвали въ борьбѣ за существованіе исключительно ради усилившейся ихъ плодовитости; слѣдовательно, уже поэтому одному на эту способность нельзя смотрѣть какъ на неизбѣжную и неизмѣнную основу всего процесса борьбы. Можно утверждать, что многочисленные примѣры особенно сильной плодовитости, какъ, напр., миллионы яицъ и личинокъ, производимые солитерами и другими паразитами, или огромное число дѣтенышей, рождаемыхъ травяными вшами и т. п., представляютъ намъ явленія сравнительно поздняго происхожденія, явленія, вызванныя борьбою за существованіе и удержанныя естественнымъ подборомъ. На этомъ основаніи, для того чтобы правильнѣе поставить самый вопросъ объ источникахъ борьбы, необходимо нѣсколько шире взглянуть на дѣло.

Размноженіе, какъ уже много разъ было замѣчено, есть одна изъ функций питанія. Можно сказать вообще, что излишекъ пи-

тательнаго матеріала, за удовлетвореніемъ нуждъ даннаго существа, идетъ на образованіе новаго поколѣнія. Отсюда тотъ антагонизмъ между индивидуальнымъ развитіемъ и размноженіемъ, на который съ давнихъ поръ обратили вниманіе натуралисты, и который послужилъ основной тѣмой для соображеній о размноженіи какъ Прудону, такъ въ особенности и Герберту Спенсеру. Овязь эта въ ея наиболѣе чистой и ненарушенной вторичными измѣненіями формъ замѣчается у низшихъ организмовъ, т.-е. въ томъ мірѣ, гдѣ преобладаетъ размноженіе посредствомъ дѣленія, почкованія и другихъ способовъ такъ-наз. бесполого размноженія. Инфузоріи и монады передъ раздѣленіемъ поглощаютъ обильную пищу и нерѣдко начинаютъ приготовляться къ акту размноженія, прежде чѣмъ у нихъ окончится процессъ пищеваренія. Голодные гидры перестаютъ производить почки, но послѣ новаго принятія пищи онѣ снова начинаютъ размножаться. И при половомъ размноженіи можно нерѣдко наблюдать случаи очень явственной зависимости размноженія отъ питанія организма. Особенно рѣзкіе результаты даетъ въ этомъ отношеніи сравненіе паразитическихъ животныхъ съ ближайшими къ нимъ по организаціи свободно живущими формами. Такъ, напр., паразитическое поколѣніе одной глисты, водящейся въ легкихъ лягушекъ и жабъ, производитъ тысячи личинокъ, тогда какъ свободно-живущее поколѣніе того же червя даетъ всего три-четыре такихъ же личинки. Правда, первое поколѣніе отличается значительно большими размѣрами, но это различіе далеко не соотвѣтствуетъ степенямъ плодovitости обоихъ поколѣній. — У такъ-наз. водяныхъ блохъ (дафній) скудость условій питанія вызываетъ и перемѣну въ способахъ размноженія. Въмѣсто того, чтобы производить живыхъ дѣтенышей, которыхъ съ-разу образуется обыкновенно по нѣскольку и образованіе которыхъ потребляетъ огромное количество питательнаго матеріала, при наступленіи неблагоприятныхъ вѣншнихъ условій, — дафній начинаютъ производить по одному или по нѣмпогу яицъ, на образованіе которыхъ идетъ гораздо меньшее количество вещества.

Сводя, такимъ образомъ, процессъ размноженія къ обособленію излишка питательнаго матеріала, мы естественно приходимъ къ выводу, что въ основаніи перваго лежитъ фактъ способности организма къ принятію большаго противъ необходимаго для поддержанія жизни количества пищи. Способность эта тоже съ особенной ясностью можетъ быть наблюдаема у простѣйшихъ организмовъ. Какъ ни велика извѣстная всѣмъ прожорливость домашнихъ животныхъ, по сравнительно она представляется далеко не

столь большой, такъ какъ у нихъ количество принимаемой пищи находится въ зависимости отъ такого частнаго и сравнительно съ объемомъ тѣла небольшого органа, какъ желудокъ. Несравненно больше сѣдають различные насѣкомыя, пауки и другіе болѣе мелкіе организмы. Шелководамъ хорошо извѣстно, какія массы тутовыхъ листьевъ нужны для прокормленія жадныхъ червей, большая часть тѣла которыхъ выполнена длиннымъ желудкомъ. Прожорливость пауковъ, изслѣдованная подробно англійскимъ натуралистомъ Поллоузомъ, поистинѣ изумительна.

Если мы спустимся къ еще болѣе низшимъ организмамъ, то увидимъ значительно болѣе поразительную прожорливость. Все тѣло такихъ существъ, какъ корненожки или сходныя съ ними простѣйшія животныя, состоитъ изъ однороднаго живого вещества, которое цѣликомъ способно играть роль пищепріемнаго и пищеварительнаго органа. Окружая подобные организмы мелкими веществами, мы видимъ, что громадныя количества послѣднихъ попадаютъ внутрь ихъ тѣла. Это особенно удобно на такихъ организмахъ, какъ такъ-наз. слизистые грибы, крупное сѣтевидное и подвижное тѣло которыхъ въ самое короткое время набѣдается множествомъ поднесенныхъ ему окрашенныхъ веществъ и само принимаетъ цѣль послѣднихъ. — Въ высшей степени интересенъ слѣдующій случай, видѣнный впервые проф. Ценковскимъ. Одинъ изъ мельчайшихъ микроскопическихъ организмовъ, описанный имъ подъ названіемъ крахмальной монады (*Monas amyli*), прилѣпляется къ крахмальному зерну, имѣющему приблизительно отъ ста до ста-двадцати-пяти разъ болѣе объемъ, чѣмъ самая монада; послѣдняя распластывается на поверхности зерна и затѣмъ одѣваетъ его цѣликомъ въ видѣ тончайшей, едва замѣтной оболочки. Этимъ кончается актъ пищепріянія, вслѣдъ за которымъ начинается медленное и постепенное претвореніе крахмальнаго зерна. Обыкновенно процессъ этотъ не успѣваетъ дойти до конца и часть неперевареннаго зерна отбрасывается, какъ лишняя, между тѣмъ какъ значительно увеличившееся тѣло монады распадается на множество зачатковъ новаго поколѣнія. Тутъ мы воочию видимъ источникъ усиленнаго размноженія.

Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что борьба за существованіе вытекаетъ въ концѣ-концовъ изъ способности организмовъ въ чрезмѣрному приматію пищи, излишекъ которой расходуется на размноженіе. Чѣмъ больше появляется на землѣ организмовъ, тѣмъ сильнѣе и постояннѣе борьба между ними. Разнообразіе же организмовъ само собою вызываетъ и разнообразныя формы борьбы. Такимъ образомъ, усиленное воспроизведеніе, или, какъ

выражаются, «стремленіе къ размноженію въ геометрической прогрессіи» является только частнымъ возбуждителемъ борьбы, а при нмѣшпныхъ сложныхъ условіяхъ органической жизни это явленіе само въ большинствѣ случаевъ служитъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе.

Всякія стремленія вообще, какого бы свойства они ни были, естественно ведутъ къ борьбѣ, какъ это справедливо было развито Прейеромъ (*Der Kampf um das Dasein*. 1869, стр. 19—21). Стремленіе получить кратчайшимъ путемъ значительное количество пищи побуждаетъ пчелъ производить набѣги и ведетъ къ ожесточенной борьбѣ между ними. Кровавыя битвы составляютъ обычное занятіе муравьевъ, добывающихъ работу и т. д. — Отсюда понятно, что для объясненія всеобщности и распространенности борьбы за существованіе вовсе нѣтъ надобности прибѣгать къ принятію перенаселенія всего земного шара и думать, чтобы всегда борьба вызывалась крайностью, нуждою «въ кускѣ насущнаго хлѣба». Можно положительно утверждать, что во многихъ мѣстахъ земли (напр., на океаническихъ островахъ) число живого населенія далеко еще не дошло до избытка, что, однакоже, не мѣшаетъ самымъ многочисленнымъ и разнообразнымъ проявленіямъ борьбы.

Вообще говоря, въ природѣ проявляется болѣе потребностей, чѣмъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Всѣ организмы такъ или иначе дѣйствуютъ съ цѣлію достиженія этихъ средствъ; слѣдовательно, вступаютъ въ борьбу; а въ силу общаго закона, по которому нѣтъ двухъ существъ совершенно тождественныхъ или находящихся при абсолютно одинаковыхъ условіяхъ, предметъ борьбы достается одной изъ борющихся сторонъ. Такимъ образомъ, являются побѣдители и побѣжденные. Первыми будутъ во всѣхъ случаяхъ существа «наиболѣе приспособленные» при данныхъ условіяхъ. Установить какія-нибудь общія правила относительно характера этихъ наиболѣе приспособленныхъ побѣдителей, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, едва ли возможно. Дарвинъ пытался доказать, что болѣе сложность организаціи, т. е. болѣе степень спеціализаціи отдѣльныхъ органовъ — съ одной стороны, и болѣе степень измѣчивости организма — съ другой, составляютъ капиталныя условія, дающія значительный шансъ побѣды. Отсюда онъ пришелъ къ заключенію, что борьба за существованіе и вытекающій изъ нея естественный подборъ ведутъ, вообще говоря, къ «усовершенствованію организаціи». Въ другомъ мѣстѣ я по возможности разобралъ этотъ вопросъ и выставилъ на видъ, что побѣда въ борьбѣ за существованіе зависитъ не

только отъ качествъ даннаго организма, но еще и отъ вѣшнихъ условій, при которыхъ совершается борьба ¹⁾. Такимъ образомъ, положеніе Дарвина о прогрессированіи организаціи должно было быть ограничено. То же должно быть сдѣлано и относительно принципа, по которому наибольшія отклоненія въ признакахъ борющихся сторонъ выгодны въ борьбѣ за существованіе. Безспорно, что въ случаѣ, напр., сильнаго спроса на извѣстную пищу и возникшаго отсюда соперничества — чрезвычайно важно, если какая-нибудь изъ борющихся сторонъ окажется способной къ принятію новаго рода пищи, если, напр., хищное животное, въ случаѣ недостатка въ животной пищѣ, станетъ принимать растительную. Въ подобнаго рода случаяхъ, относимыхъ Дарвиномъ къ его закону «расхожденія признаковъ», борьба временно утихаетъ и получаетъ иное направленіе. Столь же полезнымъ является приобрѣтеніе способности къ жизни въ новой средѣ въ случаѣ перенаселенія какой-нибудь мѣстности; напр., если, при гѣлотѣ на сушѣ, нѣкоторыя особи получаютъ привычку жить въ водѣ. Въ другихъ же случаяхъ «расхожденіе признаковъ», т. е. отклоненіе отъ нормы, можетъ быть — напротивъ — губительно въ борьбѣ за существованіе. Такъ, напр., при соперничествѣ особей даннаго вида въ дѣлѣ избѣжанія враговъ, отклоненіе въ цвѣтѣ и привычкахъ бываетъ часто очень вреднымъ; поэтому альбиносъ различныхъ животныхъ обыкновенно первыми попадаютъ въ жертву хищникамъ. Тѣ самыя особи, которыя вслѣдствіе приобрѣтенія новой привычки, напр., жизни въ новой средѣ, удачно оканчиваютъ борьбу изъ-за мѣста, могутъ оказаться побѣжденными въ борьбѣ съ другими водяными обитателями, вслѣдствіе незнакомства съ новыми врагами и новыми условіями существованія.

Только-что сказанное должно послужить намъ не только для того, чтобы показать относительное значеніе «расхожденія признаковъ», но также и для разъясненія самаго направленія борьбы за существованіе. Въ однихъ случаяхъ послѣдняя ведетъ къ значительному уравниенію переживающихъ формъ, въ другихъ же она, напротивъ, служитъ къ установленію все большихъ и большихъ отличій. При борьбѣ изъ-за какой-нибудь потребности, побѣжденные особи или вымираютъ, или же приспособляются къ новымъ условіямъ существованія. Такъ, напр., вышеупомянутые альбиносъ, при большинствѣ условій, рѣзко выдаются въ глаза хищникамъ и становятся ихъ добычей; на сѣверѣ же и на вы-

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1876, июль, стр. 173—189.

сокихъ горахъ, т.-е. въ мѣстностяхъ, богатыхъ сѣномъ, они если и не непременно переживаютъ всѣхъ своихъ соперниковъ, то, по крайней мѣрѣ, сами не подвергаются такому истребленію и образуютъ новую породу. Въ случаяхъ первой категоріи, т.-е. при истребленіи побѣжденныхъ, оставшіеся побѣдители уравниваются, вслѣдствіе присущаго всѣмъ имъ общаго признака, того именно, который обусловилъ ихъ побѣду. Такимъ образомъ, изъ первоначально разношерстной массы соперниковъ переживаютъ только болѣе однообразные. Въ случаяхъ же второй категоріи (расхожденіе признаковъ), напротивъ, первоначальныя различія соперниковъ становятся еще болѣе рѣзкими, напр., когда одна изъ борющихся сторонъ поселяется въ новой средѣ и прежняя масса соперниковъ, жившихъ, положимъ, на берегу, распадается на сухопутныхъ и водяныхъ обитателей. Уравнивающему вліянію борьбы за существованіе приписываютъ, напр., тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что дикія животныя и растенія несравненно болѣе однообразны, чѣмъ соотвѣствующія имъ культивированныя породы. Одно изъ существенныхъ условій культуры состоитъ въ охраненіи одомашненныхъ породъ отъ многихъ сторонъ борьбы за существованіе, въ устраненіи необходимости для животныхъ самимъ добывать себѣ пищу, защищаться отъ враговъ, зимней стужи и проч. Въ виду этого, многіе признаки, которые при условіяхъ свободной жизни повели бы къ гибели въ борьбѣ, подъ охраняющимъ вліяніемъ человѣка, продолжаютъ существовать, обуславливая тѣмъ болѣе разнообразіе. Такъ, напр., нѣкоторыя бѣлыя породы, какъ, напр., бѣлые кролики и крысы, невидерживающіе конкуренціи на свободѣ, процвѣтаютъ въ человѣческомъ хозяйствѣ. Отсюда понятно, что, въ случаяхъ одичанія многихъ культивированныхъ породъ, послѣднія, какъ говорятъ, возвращаются къ дикой первоначальной породѣ, т.-е. что изъ всѣхъ одичавшихъ особей побѣдителями въ свободной борьбѣ за существованіе окажутся именно такіе, которые всего менѣе отклонились подъ вліяніемъ охранительныхъ условій культуры.

Вопросъ объ отношеніи борьбы за существованіе къ процессу образованія собственно видовъ въ органической природѣ, какъ вопросъ частный и притомъ уже разработанный въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть обойденъ нами. Я ограничусь здѣсь только указаніемъ на главнѣйшіе результаты. Сущность дарвинизма состоитъ, какъ извѣстно, въ установленіи причинной связи между обоими моментами, т.-е. между борьбою за существованіе и образованіемъ опредѣленныхъ группъ организмовъ, связанныхъ общими форменными признаками, т.-е. группъ, называемыхъ «ви-

даннѣ. Положеніе это должно быть признано неизбѣннымъ вкладомъ въ науку. Отсюда однако же не слѣдуетъ дѣлать вывода, будто оба названные момента всегда находятся въ зависимости. Напротивъ, можно утверждать, что во многихъ случаяхъ они бывають разобщены, т.-е. что есть виды, признаки которыхъ фиксировались помимо борьбы за существованіе, и съ другой стороны, что послѣдняя не необходимо ведетъ къ образованію форменныхъ признаковъ, составляющихъ видовыя отличія ¹⁾. Въ виду этого, на измѣчивость или постоянство вида вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на указателя степени и силы борьбы за существованіе. Есть виды, отличающіеся замѣчательною живучестью и постоянствомъ, и въ то же время они подвержены сильнѣйшей борьбѣ; въ этихъ случаяхъ боевыя признаки не носятъ на себѣ форменнаго характера и кроются въ глубинѣ физико-химической организаціи. Указать на это я здѣсь считъ нужнымъ для того, чтобы устранить могущее возникнуть недоразумѣніе, которое привело бы къ ограниченію борьбы за существованіе въ случаяхъ ослабленія или остановки собственно видообразовательнаго процесса.

Главную причину некомпоты нашихъ свѣдѣній о борьбѣ за существованіе слѣдуетъ искать въ недостаточности фактической подготовки, безъ которой немыслимо прочное установленіе общихъ взглядовъ на столь многообразное и сложное явленіе. Какъ ни распространены всевозможныя проявленія этой борьбы, тѣмъ не менѣе изученіе ея хода сопряжено съ величайшими затрудненіями. Она совершается во всѣ возрасты и можетъ касаться всевозможныхъ, какъ открытыхъ, форменныхъ, такъ и скрытыхъ, составныхъ признаковъ организма. Для сужденія объ ея характерѣ нужно поѣтому подробное знакомство съ свойствами организма и, кромѣ того, съ особенностями внѣшнихъ условій борьбы. Даже въ случаяхъ особенно интенсивной борьбы это сужденіе есть дѣло нелегкое, а иногда и вовсе недоступное. Приводя примѣры вытѣсненія однихъ формъ другими въ борьбѣ за существованіе, Дарвинъ въ большинствѣ случаевъ не указываетъ на причины побѣдъ, но нерѣдко ссылается на то, что онѣ должны быть очень глубокія и скрыты. Мнѣ самому привелось быть свидѣтелемъ одного примѣра чрезвычайно энергичной борьбы. Одно

¹⁾ Положеніе это составляетъ основную мысль моего „Очерка вопроса о происхожденіи видовъ“, къ которому я и отсылаю читателя, если бы онъ пожелалъ подробнѣе ознакомиться съ дѣломъ. Главнымъ образомъ сказанное положеніе развито въ главахъ VIII, IX и X. См. „Вѣстникъ Европы“, 1876 г.: май, июль, августъ.

сложно-двѣтное растеніе мексиканскаго происхожденія (*Eupatorium adenophorum*) принадлежитъ къ числу распространеннѣйшихъ представителей флоры острова Мадейры. Посѣянное впервые въ саду бывшаго англійскаго консула въ концѣ тридцатыхъ годовъ, оно скоро перешло отсюда на свободу, заняло скалистые берега рѣкъ и другія свободныя мѣста, но потомъ стало вытѣснять другія растенія и сдѣлалось полнымъ хозяиномъ во многихъ частяхъ острова. Уже въ 1855 году оно заняло возвышенныя мѣста до двухъ или трехъ тысячъ футовъ и перешло на сѣверную часть острова, гдѣ оно сдѣлалось однимъ изъ обыкновеннѣйшихъ растений ¹⁾. Мѣстные жители обратили вниманіе на это растеніе и дали ему названіе «*Abundancia*» и «*Inça muito*» (т.-е. мошес). Несмотря на такую очевидную силу въ борьбѣ за существованіе, ни одному натуралисту, наблюдавшему это растеніе, не удалось опредѣлить, почему именно оно оказывается способнымъ къ побѣдѣ. И я не былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе, хотя и направилъ изслѣдованіе съ спеціальною цѣлью разрѣшить этотъ вопросъ. Предположеніе, что клейкіе листья и стебли абундансіи составляютъ надежный оплотъ противъ насѣкомыхъ, которыми открытъ доступъ къ другимъ мадейскимъ растеніямъ, не оправдалось, такъ какъ я на очень многихъ листьяхъ находилъ гусеницъ бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ.

Въ растительномъ мірѣ изъ числа сухопутныхъ растеній, кромѣ многихъ низшихъ представителей, особенной живучестью отличаются сорныя травы и другія растенія, водящіяся по близости къ человѣку. Де-Кандоль (*Géographie botanique*, стр. 582) считалъ, что они составляютъ двадцать-пять процентовъ всей суммы распространеннѣйшихъ растеній. Въ теченіи короткаго времени нѣкоторыя сорныя травы, какъ, напр., сныгъ, коровякъ, собачки и др., распространились въ Сѣверной Америкѣ, оттѣснивъ туземныя растенія. Такой фактъ подалъ Агассі поводъ провести слѣдующую параллель. «Эти завезенныя въ Америку европейскія растенія (т.-е. названныя сорныя травы) распространяются и завладѣваютъ почвой, занятой прежде туземными растеніями, которыя клонятся къ исчезновенію приблизительно такъ же, какъ индійская раса отступаетъ передъ бѣлымъ человѣкомъ и исчезаетъ въ виду цивилизаціи, утверждающейся на землѣ краснокожихъ». На основаніи подобныхъ фактовъ, Де-Кандоль предсказываетъ (I. с. 803 и 807), что со временемъ наиболѣе живучія и между ними сорныя растенія получатъ еще большее

¹⁾ См. *Lowe*, *Manual Flora of Madeira*. 1868, стр. 435, 436.

распространение, вследствие чего общій характер флоры сдѣлается болѣе однообразнымъ.

Изъ міра насѣкомыхъ, къ числу особенно живучихъ относятся присосѣдившіеся къ человѣку тараканы, потомки однихъ изъ древнѣйшихъ сухопутныхъ животныхъ, свидѣтелей образованія каменно-угольныхъ залежей. Изъ тараканьяго семейства оwoло человѣка водится довольно значительное число видовъ, иногда вступающихъ другъ съ другомъ въ борьбу за существованіе. На сѣверѣ побѣдителями являются мелкіе виды (прусакъ и ланландскій прусачокъ) по всей вѣроятности вслѣдствіе своей способности прятаться отъ зимней стужи въ очень маленькіе и скрытые закоулки, а также, быть можетъ, и вслѣдствіе болѣе высокой плодовитости (мелкія животныя, вообще говоря, плодовитѣе крупныя). На югѣ же побѣдителями оказываются болѣе крупныя виды, какъ, напр., черный и американскій тараканы. Примѣръ этотъ особенно ясно иллюстрируетъ упомянутое выше положеніе, что побѣда въ борьбѣ зависитъ какъ отъ особенностей борющихся сторонъ, такъ и отъ свойствъ окружающей обстановки.

Одно изъ животныхъ, отличающихся особенной силой въ борьбѣ за существованіе, есть безспорно наша обыкновенная крыса, такъ-называемый пасюкъ. Явившись въ Европу въ первой, а въ Америку—въ послѣдней трети прошлаго столѣтія, онъ вытѣснилъ нѣсколько другихъ видовъ крысъ, ранѣе его пріютившихся по близости къ человѣку. Въ Европѣ и въ части Сѣверной Америки пасюкъ почти всюду вытѣснилъ черную крысу. Послѣдняя нѣсколько меньше ростомъ, но за то обладаетъ однимъ призывомъ, который долженъ былъ дать ей нѣкоторый перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе, именно черный цвѣтъ. Извѣстно, что ночью черныя крысы менѣе выдаются въ глаза, чѣмъ буровато-сѣрый пасюкъ, который поэтому въ болѣе степени можетъ быть замѣченъ главнымъ врагомъ крысъ—кошкою. Несмотря на то, пасюкъ оказался побѣдителемъ, отчасти вслѣдствіе превосходства физической силы и способности лучше приспособляться къ водѣ, отчасти же вслѣдствіе болѣе хитрости и нахальства. Въ Новой-Зеландіи онъ вытѣснилъ туземную крысу, а въ Китаѣ и на Формозѣ онъ побѣдилъ болѣе крупную, чѣмъ самъ, породу (*Mus siniga*). Эту послѣднюю побѣду пасюкъ одержалъ, по мнѣнію Суанго (зоолога, путешествовавшего въ Китаѣ), благодаря своей необыкновенной хитрости.

Приведенные здѣсь частные примѣры, также какъ и болѣе общее изслѣдованіе вопроса о естественномъ подборѣ (представленное мною въ цитированной выше статьѣ) не даютъ никакого

права утверждать, чтобы возведенное въ законъ прогрессированіе организаціи находилось въ тѣснѣйшей и необходимой связи съ необходимостью въ борьбѣ за существованіе.

Но случайно то, что приведенные примѣры явленій вытѣсненія однихъ организмовъ другими, родственными имъ, взяты именно изъ обстановки, окружающей человѣка. Съ одной стороны, это зависитъ отъ того, что такіе организмы особенно выдаются своей силой въ борьбѣ за существованіе; съ другой же стороны, это является результатомъ того, что они поневолѣ обращаютъ на себя вниманіе человѣка и что потому о нихъ собрано большее число и притомъ отчасти историческихъ данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса. Къ тому же, въ этихъ случаяхъ борьба представляется особенно интенсивной и быстрой, вслѣдствіе связи ея съ такимъ энергическимъ дѣятелемъ, какъ человѣческая культура, которая вообще очень сильно вліяетъ на ходъ борьбы за существованіе во всей органической природѣ. Но, конечно, нѣтъ существа, у котораго это явленіе могло бы быть изслѣдовано съ такою полнотою, какъ у самого человѣка.

II.

Общая начала борьбы за существованіе въ человѣческомъ мірѣ. — Ученіе объ естественномъ неравенствѣ. — Очеркъ апіорическихъ воззрѣній на ходъ борьбы за существованіе между людьми.

Связавъ свое ученіе съ теоріей Мальтуса, Дарвинъ естественно не могъ не коснуться вопроса о борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ мірѣ. И здѣсь онъ видитъ существеннѣйшій источникъ борьбы въ значительной плодовитости. При удвоеніи населенія въ двадцатипятилѣтій періодъ, нынѣшнее населеніе земного шара уже черезъ 463 года размножилось бы въ такой степени, что люди должны бы были тѣсно стоять другъ возлѣ друга, не имѣя возможности ни сѣсть, ни двинуться съ мѣста (Г. Фикъ). Отсюда слѣдуетъ, что безпрепятственное возрастаніе населенія должно въ сравнительно короткий періодъ вести къ перенаселенію и усиленной борьбѣ за существованіе и къ установленію различныхъ препятствій съ цѣлью задерживать произрожденіе и уменьшать число народившихся людей.

Вопросъ о «перенаселеніи», какъ въ высшей степени сложный, слѣдовало бы подвергнуть здѣсь обстоятельному изслѣдованію, если бы мы, согласно съ Дарвиномъ, видѣли въ усиленномъ размноженіи главнѣйшій, если не единственный, источникъ борьбы

за существование. Следует, однакожъ, указать на то, что понятие о перенаселении въ высшей степени условно: состояніе, которое для одного народа будетъ наибѣгчайшимъ, для другого, болѣе производительнаго, окажется совершенно сноснымъ. Многіе дикари уничтожаютъ значительную часть своего потомства, чувствуя себя въ состояніи перенаселения, между тѣмъ какъ европейцы въ тѣхъ же мѣстностяхъ находятъ возможнымъ не только свободно размножаться, но еще и принимать большую массу вселенниковъ. Понятіе о перенаселении имѣетъ въ значительной степени субъективный характеръ и въ этомъ смыслѣ можетъ быть приложено къ нѣкоторымъ явленіямъ дѣйствительности.

Стимулы, вызывающіе борьбу за существованіе, сложны и разнообразны во всемъ органическомъ мірѣ; но нигдѣ они не доходятъ до той степени усложненія, какъ въ предѣлахъ человѣческаго рода. Всякія человѣческія стремленія ведутъ къ борьбѣ изъ-за удовлетворенія ихъ, и уже то, что человѣкъ, лишенный такихъ стремленій, обыкновенно считается нисходящимъ на степень животнаго, показываетъ, до чего присущи эти стимулы борьбы истинно-человѣческому существованію. Стремленіе къ щеголянью и роскоши составляетъ одно изъ самыхъ раннихъ и распространенныхъ человѣческихъ стремленій и служитъ постояннымъ источникомъ разнообразныхъ явленій борьбы. Чтобы судить о силѣ его, слѣдуетъ припомнить, до чего распространено татуированіе и другія подобныя операціи, которыя всегда причиняютъ сильную боль, а иногда бываютъ даже смертельны. Южно-американскій индеецъ въ теченіи двухъ недѣль исполняетъ тяжелую работу для того, чтобы имѣть возможность приобрести необходимое для размалеванія количество красной краски (Гумбольдтъ). Желаніе нарядиться во множествѣ случаевъ удовлетворяется въ ущербъ питанію и общему здоровью организма. Потребность въ отысканіи любви ежегодно стѣбитъ многихъ жертвъ, какъ то показываетъ статистика самоубійствъ.

Ясно, что для объясненія различныхъ явленій борьбы вовсе не необходимо прибѣгать къ принятію усиленной густоты населенія и вытекающаго отсюда недостатка въ жилищѣ и пищѣ. Человѣкъ есть существо общественное, а это условіе само по себѣ уже въ высшей степени усложняетъ жизнь, какъ это отчасти было уже показано выше на примѣрѣ борьбы въ мірѣ пчелъ и муравьевъ. Въ человѣчествѣ мы видимъ борьбу между обществами и между отдѣльными лицами. Къ первой категоріи относится война, какъ выраженіе активной борьбы, соперничество народовъ на всемірномъ торговомъ и промышленномъ рынкѣ,

т.-е. борьба, повидимому, болѣе миролюбиваго свойства. Другой формой той же борьбы является чисто фзіологическая сторона національной и расовой жизни, т.-е. способность различныхъ человѣческихъ группъ переносить извѣстныя болѣзни, климатическія и другія стихійныя перемѣны. Общественная борьба имѣетъ длинную скалу степеней и подраздѣленій. Она обнимаетъ борьбу между расами, народами, политическими партіями и вообще между всякими группами, соединенными во имя одного какаго-нибудь общаго принципа.

То же повторяется и при индивидуальной борьбѣ. Здѣсь мы также встрѣчаемъ активную—мускульную борьбу, затѣмъ—конкурренцію въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и, наконецъ, соматическую борьбу. Борьба возникаетъ между болѣе или менѣе однородными лицами, что, конечно, значительно вліяетъ на самый ходъ ея.

Силы, участвующія въ борьбѣ, болѣею частью, если не всегда—неравны, и потому ведутъ не къ равновѣсію, а къ перевѣсу одной стороны надъ другою. Правило это, приложимое вообще къ органическому міру, въ сильнѣйшей степени примѣнимо и къ человѣчеству. Обыкновенно, тѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ болѣе онъ представляетъ индивидуальныхъ особенностей. Уже одного этого вывода достаточно для того, чтобы указать на то, какъ отличія между людьми должны быть значительнѣе, чѣмъ между другими животными. Многочисленныя измѣренія людей различныхъ расъ показали, что индивидуальные отличія вообще сильнѣе у высшихъ расъ, нежели у низшихъ, у мужчинъ сильнѣе, нежели у женщинъ, у взрослыхъ сильнѣе, чѣмъ у дѣтей. Индивидуальныя отклоненія замѣчаются притомъ не только на наружныхъ признакахъ человѣка, но также и на внутреннихъ органахъ его. Проф. Зерновъ изслѣдовалъ съ этою цѣлью сто мозговъ, принадлежавшихъ преимущественно взрослымъ мужчинамъ, уроженцамъ средней Россіи, и пришелъ къ заключенію, «что рисунокъ бороды у взрослого человѣка подверженъ множеству индивидуальныхъ видоизмѣненій» (стр. 6). Уклоненія эти настолько значительны, что другой ученый, Вейсбахъ, принялъ ихъ за выраженіе племенныхъ отличій. Признаки, болѣе скрытые въ глубинѣ организма, подвержены еще болѣе сильнымъ колебаніямъ. Гальтонъ замѣтилъ (и я могу подтвердить справедливость этого наблюденія), что близнецы, сходные по виду до неузнаваемости, легко могутъ быть отличаемы по почерку. Сіамскіе близнецы, несмотря на все наружное сходство и неразрывную связь, представляли тѣмъ не менѣе весьма рѣзкія отличія характера.

Отличія между большими человѣческими группами, народами и расами настолько крупны и очевидны, что я даже считаю лишнимъ распространяться здѣсь объ этомъ. Вліяніе культуры на усиленіе индивидуальных отличій человѣка такъ же несомнѣнно, какъ и въ мірѣ домашнихъ животныхъ. Вліяніе это по крайней мѣрѣ отчасти зависитъ отъ той же причины, которая была приведена выше для объясненія сравнительной однородности дикихъ животныхъ. Цивилизованные народы употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы охранять людей отъ тѣхъ вліяній, которыя бы непременно погубили ихъ при условіяхъ первобытной жизни. Огромная смертность дѣтей первобытныхъ народовъ представляетъ намъ, быть можетъ, самый крупный примѣръ борьбы за существованіе въ человѣческомъ родѣ, и является актомъ отбора слабѣйшихъ недѣльныхъ. «Есть основаніе думать, — говоритъ Дарвинъ, — что оспопрививаніе сохранило тысячи людей, которые бы преждевременно умерли отъ оспы вслѣдствіе слабости сложенія». То же самое и по отношенію во многимъ другимъ болѣзнямъ и болѣзненнымъ расположеніямъ. Цивилизованныя государства не только охраняютъ жизнь своихъ слабѣйшихъ членовъ, но даже даютъ имъ возможность нерѣдко вступать въ бракъ и производить потомство; слѣдовательно, допускаютъ передачу по наслѣдству и фиксированіе особенностей своей слабой организаціи. Съ цѣлью иллюстрировать это, я приведу хотя и исключительный, но за то весьма характерный случай. Въ Баваріи существуетъ деревня Биллингсгаузенъ, населеніе которой, состоящее изъ 356 душъ, пользуется значительнымъ матеріальнымъ довольствомъ; но такъ какъ оно исповѣдуетъ исключительно протестантскую вѣру среди большого католическаго населенія, то всѣ жители деревни въ большей или меньшей степени породнились. Половина изъ нихъ страдаетъ каталепсией, болѣзью, передающейся по наслѣдству; все же населеніе Биллингсгаузена, т.-е. со включеніемъ и некаталептиковъ, «хило, слабо и малоросло» ¹⁾. Извѣстны даже случаи браковъ между глухонѣмыми ²⁾ и слабоумными. По вюртембергскому уложенію 1687 года, если желающій вступить въ бракъ достаточно развитъ, чтобы понимать, «что такое супружеское состояніе», то ему не можетъ быть отказано въ вѣнчаніи.

Въ то время, какъ нестѣсненная борьба за существованіе при первобытныхъ условіяхъ даетъ полный просторъ естествен-

¹⁾ См. статью Фиса въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“. 1872. T. XVIII, стр. 275.

²⁾ По Майру, на сто глухонѣмыхъ приходится все-таки четыре женатыхъ. См. „Gesetzlosigkeit im Gesellschaftsleben. 1877, стр. 207.

ному подбору уничтожать слабѣе конкурентовъ и тѣмъ выравниваетъ остающихся членовъ, цивилизація, поставившая своимъ идеаломъ сохраненіе возможно большаго числа людей, несмотря ни на какіе ихъ недостатки, наоборотъ, вліяетъ въ противоположномъ направленіи и тѣмъ самымъ обуславливаетъ накопленіе все большаго числа индивидуальныхъ отклоненій, т.-е., вообще говоря, усиливаетъ неравенство.

Предыдущія замѣчанія могутъ, мнѣ кажется, послужить къ уясненію очень важнаго вопроса «объ естественномъ неравенствѣ», занявшаго столь важную роль въ экономической наукѣ и потому выдвинутаго на самое видное мѣсто въ известномъ спорѣ между Трейчке и Шмоллеромъ. Въ то время, какъ первый пытается свести всѣ явленія общественнаго неравенства къ основному естественному различію между людьми, Шмоллеръ старается всячески умалить значеніе послѣдняго и извѣститъ большую часть вины на культурныя вліянія. «Вы говорите,—обращается онъ къ Трейчке,—исключительно о неравенствѣ, данномъ природою. Вы полагаете, что всякій, кто не хочетъ насиловать исторію, долженъ начать съ признанія, что природа дѣлаетъ всѣ существа неравными». «Это то же самое ученіе,—продолжаетъ онъ,—которое отрицаетъ единство человѣческаго рода». «Но вообще мы можемъ сказать, что религіозное и философское движеніе, продолжающееся цѣлыя тысячелѣтія, сдѣлало это ученіе невозможнымъ, и что новѣйшее направленіе научной этнографіи, опирающейся на теоріи Дарвина о медленномъ и постепенномъ преобразованіи отдѣльныхъ племенъ, возвратилось къ ученію о единствѣ человѣческаго рода и во всякомъ случаѣ не сомнѣвается въ единствѣ и равенствѣ человѣческаго вида относительно мыслительной способности» (Grundfragen, стр. 21). Здѣсь Шмоллеромъ смѣшаны двѣ совершенно различныя вещи, что и ведетъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Первое положеніе, которое онъ вкладываетъ въ уста Трейчке, т.-е. фактъ, «что природа дѣлаетъ всѣ существа неравными», не только не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ воззрѣніемъ Дарвина на единство человѣческаго рода, но, наоборотъ, составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней всего дарвинизма, сущность котораго состоитъ въ «переживаніи наиболѣе приспособленныхъ особей въ борьбѣ за существованіе», гдѣ уже само собою подразумѣвается, что всѣ особи естественно неравны, и что одніе изъ нихъ болѣе, а другіе менѣе приспособлены къ даннымъ условіямъ. Единство же человѣческаго рода есть теорія, по которой всѣ человѣческія расы

произошли отъ одного общаго корня, хотя сами эти расы и разошлись, т.-е. сдѣлались различными во многихъ отношеніяхъ.

Итакъ, естественное неравенство между отдѣльными особями, племенами и расами есть общій принципъ въ организованномъ мірѣ. Это неравенство можетъ, разумѣется, подвергаться различнымъ вліяніямъ и потому колебаться въ ту или другую сторону. Мы уже видѣли, какъ можетъ культура усиливать природныя отличія и вообще обуславливать большую разнородность членовъ даннаго общества, но все же въ основѣ этого лежитъ первобытное, хотя и меньшее неравенство. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что увеличеніе природнаго неравенства можетъ являться въ результатѣ прямо противоположныхъ стремленій. Чѣмъ больше цивилизація заботится о предоставленіи всѣмъ безъ различія индивидуумамъ, включая сюда и умственно-неспособныхъ, калѣкъ, хронически больныхъ и проч., одинаковыхъ правъ въ пользованію жизнью и ея благами, тѣмъ сильнѣе вліяетъ она на фиксированіе природныхъ, передаваемыхъ путемъ наслѣдственности, различій. Съ другой стороны, цивилизація вліяетъ также и на усиленіе чисто культурнаго неравенства, идущаго часто въ разрѣзъ съ природнымъ, вліяетъ путемъ предоставленія различныхъ правъ и привилегій, дающихъ возможность лицамъ отъ природы слабымъ одерживать побѣду надъ недѣльными, болѣе одаренными.

Эти различные моменты неравенства (во-первыхъ, первобытное естественное неравенство, во-вторыхъ, усиленное культурой природное, и, наконецъ, обусловленное культурой въ разрѣзъ съ природнымъ неравенство) спорящими сторонами нерѣдко смѣшиваются другъ съ другомъ и потому ведутъ къ невозможности согласенія. Мнѣ придется еще вернуться къ этому предмету, теперь же я затронулъ его только съ цѣлью показать, что естественное неравенство между индивидуумами и группами ихъ вообще присуще человѣческому роду, и что поэтому, при соперничествѣ какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, перевѣсъ долженъ быть на какой-нибудь одной сторонѣ, и что въ результатѣ должны (по общему правилу) быть побѣдители и побѣжденные.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли найти какихъ-нибудь общихъ признаковъ, по которымъ бы можно было отличать побѣдителей отъ побѣжденных и, на основаніи ихъ, предсказывать результатъ борьбы? Натуралисты, писавшіе объ этомъ, высказываются вообще очень ясно и опредѣленно на этотъ счетъ, хотя они болѣею частью рѣшаютъ вопросъ въ его цѣлостности, не расчленивъ предварительно на болѣе частныя положенія. Вотъ, напримѣръ, сводъ выводовъ, къ которымъ пришелъ

известный нѣмецкій физиологъ Прейеръ: «дурное—говоритъ онъ—то-есть менѣе способное къ жизни, погибаетъ, тогда какъ лучшее, болѣе способное, то-есть болѣе совершенное, побѣждаетъ и переживаетъ» (33). По отношенію къ человѣку это положеніе примѣняется и развивается имъ слѣдующимъ образомъ: «чѣмъ глубже мы станемъ проникать въ послѣдствія соперничества между людьми, тѣмъ благодатнѣе они намъ представляются». «Въ борьбѣ за существованіе въ концѣ-концовъ добро и все болѣе совершенное одерживаетъ побѣду надъ худшимъ и менѣе совершеннымъ, такъ что она постоянно переходитъ въ борьбу за болѣе прекрасное и благородное существованіе и постепенно все болѣе приближаетъ насъ къ совершенству, хотя при существующемъ порядкѣ природы мы и не можемъ его вполне достигнуть. Но уже и то имѣетъ не малое значеніе, если это соревнованіе показываетъ намъ, что, поощряя дурное, мы сами вредимъ себѣ, что безнравственное въ то же время и глупо, и что въ сущности только нравственные поступки доставляютъ удовольствіе. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что оружія, которыми мы ведемъ борьбу за наше существованіе, суть не что иное, какъ поступки хорошей нравственности, человеколюбія и права» (38). Увлекаясь подобнаго рода картинами, Прейеръ восклицаетъ: «развѣ эта мысль объ естественномъ прогрессѣ, о никогда не прекращающемся улучшеніи, облагороженіи и совершенствованіи не представляетъ намъ нѣчто несравненно болѣе драгоцѣнное, чѣмъ слѣпое удивленіе передъ гармоніей природы, которой въ дѣйствительности вовсе не существуетъ? Развѣ другая гармонія, равновѣсіе враждебныхъ силъ природы, непреложность законовъ природы, побѣда лучшаго надъ худшимъ, не безконечно возвышеннѣе, чѣмъ погоня за цѣлями, тамъ, гдѣ никакихъ цѣлей не существуетъ, гдѣ мы принуждены искусственно придумывать ихъ, тамъ, гдѣ, напротивъ, все совершается въ силу причины и слѣдствія?» (31).

Замѣняя такимъ образомъ одинъ идеализмъ посредствомъ другого, Прейеръ не остается безъ единомышленниковъ и послѣдователей. Другой нѣмецкій натуралистъ, известный какъ анатомъ и антропологъ, Экверъ, произнесъ зимою 1871 года, т.-е. во время франко-прусской войны, рѣчь, въ которой онъ проводитъ въ сущности тѣ же идеи, какъ и его предшественникъ, но только, если возможно, въ еще болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ. «Подобно тому—говоритъ онъ—какъ въ торговой и промышленной конкуренціи истинное превосходство матеріала и ума всегда одерживаетъ побѣду, такъ точно и на болѣе возвышенномъ поприщѣ,

каковы бы ни были отдѣльные исключенія, добро побѣждаетъ зло, истина пробивается наружу и право остается правымъ. И если законы природы неизмѣнны, то и въ человѣчествѣ существуетъ естественный подборъ, т.-е. накопленіе благихъ качествъ, приобретенныхъ въ борьбѣ за существованіе» ¹⁾. Выводъ этотъ Экверъ примѣняетъ въ частности и къ борьбѣ расъ и народовъ.

Къ числу подобныхъ же идеалистовъ-естествоиспытателей долженъ быть отнесенъ у насъ проф. Бекетовъ, развившій впервые свой взглядъ на публичныхъ лекціяхъ (см. «Вѣст. Евр.» 1873, октябрь, особенно главу III), также какъ и его предшественники—Прейеръ и Экверъ.—Но не между одними натуралистами, т.-е. учеными, стоящими далеко отъ человѣческихъ дѣлъ и судящими о нихъ болѣею частью а priori, а и среди представителей науки о человѣческой жизни встрѣчаются не менѣе оптимистическія воззрѣнія. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, Шэффле, одинъ изъ видныхъ современныхъ экономистовъ. Пытаясь вывести основы нравственности и права изъ законовъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, онъ выдвигаетъ слѣдующіе афоризмы: «наиболѣе нравственные общества суть въ то же время и сильнѣйшія». «Игра естественнаго подбора является не только орудіемъ общественнаго совершенствованія, но также и судомъ, единственной эмпирически-познаваемой долей нравственнаго строя природы, который возвышаетъ болѣе совершенное и уничтожаетъ болѣе низкое» ²⁾ и т. д.

Легко понять, какъ, идя априорическимъ путемъ, можно придти къ подобнымъ выводамъ; но для знакомства съ предметомъ необходима и индуктивная повѣрка. «Многіе писатели — сказать Маккиавелли — изображали государства и республики такими, какими имъ никогда не удавалось встрѣчать ихъ въ дѣйствительности. Къ чему же служили такіа изображенія? Между тѣмъ, какъ живутъ люди; и тѣмъ, какъ должны они жить—разстояніе необъятное».—Попробуемъ, въ самомъ дѣлѣ, обратиться прежде всего къ дѣйствительности и почерпнуть изъ нея свѣдѣнія для рѣшенія вопросовъ о ходѣ борьбы за существованіе между людьми.

¹⁾ Рѣчь Эквера напечатана во франц. переводѣ въ Revue scientifique, 1872. См. стр. 817.

²⁾ См. статью Шэффле о правѣ и нравственности съ точки зрѣнія социологическаго расширенія теоріи подбора въ Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1878. Тетрадь 1-ая, стр. 46, и другую статью того же автора, въ томъ же обозрѣніи за 1877. Тетр. 4, особенно стр. 553.

III.

Основныя положенія о конкуренціи въ челоѣчествѣ.—Слабая роль нравственнаго момента въ конкуренціи, вслѣдствіе недостаточной опредѣленности нравственнаго мѣрила.—Поясненіе этого на примѣрѣ этической школы экономистовъ.

Конкуренція между людьми есть неизбежное слѣдствіе несоотвѣстности между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію. Чѣмъ больше это несоотвѣстствіе, тѣмъ многочисленнѣе потребности и тѣмъ болѣе число людей чувствуетъ ихъ, тѣмъ конкуренція должна быть сильнѣе. Культура, при помощи своихъ удивительныхъ открытій, доставляетъ постоянно все новыя и новыя средства къ удовлетворенію челоѣческихъ потребностей, но въ то же время, значительно поднимая степень развитія, она въ еще сильнѣйшей степени увеличиваетъ число и силу самыхъ потребностей. Отсюда возникаетъ усиленное столкновение интересовъ и усиленная борьба за несравненно болѣе требовательное существованіе. Съ этой точки зрѣнія легко понять, что явленіе всеобщей конкуренціи между членами обширнаго культурнаго общества представляется фактомъ въ высшей степени крупнымъ и существеннымъ и до извѣстной степени сходнымъ съ необходимыми естественными явленіями (*Naturgemässheit der Concurrenz*, по мнѣнію многихъ экономистовъ). Мнѣніе, будто конкуренція не заложена такъ глубоко въ челоѣчествѣ и составляетъ нѣчто легко устранимое, чрезвычайно шатко. «Извѣстно — говоритъ Адольфъ Вагнеръ ¹⁾ — что современная система свободной конкуренціи составляетъ продуктъ новѣйшей исторіи, и вовсе не видно, почему она въ настоящей формѣ должна представлять окончательный результатъ историческаго развитія. Какъ сложившаяся исторически, въ зависимости отъ категорій пространства и времени, она, напротивъ, имѣетъ значеніе только для извѣстной фазы развитія и составляетъ нѣчто необходимо преходящее». Мнѣнію этому нивнымъ образомъ не слѣдуетъ придавать значеніе возраженія противъ понятія о необходимости конкуренціи, и оно можетъ быть раздѣляемо развѣ только по отношенію къ частностямъ «современной системы свободной конкуренціи». Но и по мнѣнію самыхъ горячихъ приверженцевъ этой системы, послѣдняя не составляетъ нѣчто уже сложившееся, а только идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться. «Въ исполнѣ организованной системѣ міроваго хозяйства — говоритъ Эмингстаусъ — сила кон-

¹⁾ Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre. 1876. T. I, стр. 186

курренціи была бы непреодолима, постоянна, и дѣйствія ея могли бы быть точно опредѣляемы, подобно дѣйствіямъ закона природы». Насколько силенъ принципъ конкуренціи въ человѣчествѣ, можно видѣть отчасти изъ сказаннаго въ началѣ этой главы, отчасти же изъ дальнѣйшаго изложенія.

Конкуренція въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ мірѣ всякихъ другихъ общественныхъ животныхъ, есть явленіе чрезвычайно сложное. Всякое общество слагается изъ разнородныхъ элементовъ, которые приходятъ между собою въ столкновеніе; но, кромѣ того, мы видимъ и соперничество однородныхъ членовъ каждой группы. При торговой конкуренціи, напр., «совершается, во-первыхъ, борьба покупателей съ продавцами; первые хотятъ приобрести требуемое за возможно низшую цѣну; вторые же стремятся получить елико возможно большую плату. Во-вторыхъ, покупатели борются съ покупателями и, наконецъ, продавцы съ продавцами. Во всякой такой борьбѣ побѣду одерживаетъ сильнѣйшая сторона» (Эммингсгаусъ). Изъ всѣхъ категорій борьбы важнѣйшею, какъ и всегда, представляется конкуренція между наиболѣе однородными членами. Ее-то мы, главнымъ образомъ, и будемъ имѣть въ виду.

Конкуренція заставляетъ напрягать всѣ силы и потому въ значительной степени содѣйствуетъ увеличенію человѣческой дѣятельности. Это положеніе можетъ быть принято какъ общезвѣстное, такъ какъ оно подтверждается ежедневнымъ наблюденіемъ. Ослабленіе конкуренціи ведетъ за собою обыкновенно и ослабленіе энергій. Но,—какъ замѣчаетъ Рощеръ—«свободная конкуренція освобождаетъ всѣ силы, какъ добрыя, такъ и злыя». Поэтому она содѣйствуетъ увеличенію не только знанія, предпринимчивости, трудолюбія, общительности и проч., но также и изощряетъ хитрость, обманъ и другія стороны умственной природы человѣка, признаваемые обыкновенно безнравственными. Въ то время, какъ активная борьба вліяетъ на увеличеніе различныхъ сторонъ физической силы, т.-е. силу мускуловъ, гибкость членовъ и ловкость движеній, такъ мирная конкуренція содѣйствуетъ, главнымъ образомъ, развитію всѣхъ сторонъ умственной дѣятельности.

Двойственное вліяніе конкуренціи особенно замѣтно въ современномъ европейскомъ мірѣ, въ которомъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ мотивовъ, чрезвычайно сильна борьба за существованіе. Съ одной стороны, значительное повышеніе ума, знанія и трудолюбія, съ другой же—пренебреженіе кодексомъ нравственныхъ правилъ. Сами приверженцы полной свободы конкуренціи

признають, что «широкая совесть помогаетъ одерживать побѣду въ конкуренціи; слишкомъ же большая щепетильность оказывается вредной въ торговомъ дѣлѣ» (Эмингсгаусъ). Гербертъ Спенсеръ въ довольно большой статьѣ «торговая нравственность» (Опыты, т. II), приводитъ достаточно данныхъ, чтобы судить о вліяніи торговой конкуренціи на нравственность и, что еще важнѣе, показываетъ намъ процессъ, которымъ люди, сами по себѣ не лишенные признаваемыхъ за нравственные побужденій, становятся приведены въ необходимость совершать поступки, считающіеся безусловно безнравственными. Гербертъ Спенсеръ сообщаетъ цѣлый рядъ ухищреній, пускаемыхъ въ ходъ торговцами для достиженія своихъ цѣлей, ухищреній, доходящихъ до рафинированнаго симулированія добросовѣстности и честности». Еще болѣе утонченную продѣлку объяснилъ намъ—пишетъ Г. Спенсеръ—человѣкъ, который самъ прибѣгалъ въ ней, когда служилъ въ оптовой торговлѣ и до того наловчился, что его часто призывали на подмогу, когда покупатели колебались, несмотря на всѣ старанія другихъ приказчиковъ. Продѣлка состояла въ томъ, чтобы казаться до крайности простоватымъ и честнымъ; при первыхъ покупкахъ онъ доказывалъ свою честность, обращая вниманіе покупателя на недостатки продаваемого имъ товара, а затѣмъ, заручившись довѣріемъ, спускалъ дурной товаръ за высокія цѣны (стр. 48). Разнообразныя продѣлки, болѣе или менѣе хитрыя и по общепринятому кодексу безнравственныя, до того распространились въ коммерческомъ мірѣ, что имъ поневолѣ должны подчиняться лица, прикосновенныя къ торговому дѣлу. «Чѣмъ большее число лицъ поддалось соблазну—говоритъ далѣе Спенсеръ—чѣмъ шире распространилась продѣлка, тѣмъ труднѣе бываетъ устоять остальнымъ. Натискъ конкуренціи становится все чувствительнѣе и чувствительнѣе. Добросовѣстнымъ людямъ приходится вести войну неравнымъ оружіемъ: они лишены одной изъ отраслей барыша, которой обладаютъ ихъ противники, и невольно должны идти по слѣдамъ остальныхъ» (56). Въ высшей степени важно слѣдующее мѣсто изъ той же статьи: «намъ извѣстна исторія одного торговца сукнами, который хотѣлъ во что бы то ни стало дать совѣстливости право голоса въ своей лавкѣ и отказался отъ всѣхъ обмановъ, принятыхъ въ его отрасли»... «То, что конкуренты его сбывали помощью лжи, оставалось у него непроданнымъ, и дѣло стало столь невыгоднымъ, что онъ два раза обанкротился. Человѣкъ, передававшій намъ обстоятельства этого дѣла, увѣрялъ насъ, что торговецъ этотъ нанесъ гораздо больше вреда ближнимъ чрезъ свое банкротство, нежели бы могъ нанести

обычными торговыми обманами. Вот до какой степени усложняется вопрос, и какъ трудно опредѣлить преступность купца въ подобныхъ случаяхъ. Ему почти всегда приходится бороться съ двумя крайностями. Если онъ ведетъ свое дѣло съ строгой честностью, продаетъ только цѣльный товаръ, отпускаетъ только полныя мѣры, то конкуренты, надувая публику, имѣютъ возможность продавать дешевле: лавка его пустѣетъ, а книги весьма скоро показываютъ, что онъ будетъ не въ состояніи выполнить свои обязательства и содержать свою семью. Что же ему дѣлать?» «... слѣдовать примѣру конкурентовъ и пускаться въ ходъ надувательства... что кажется болѣе основательнымъ не только ему, но и другимъ людямъ. Зачѣмъ же онъ станетъ разорять и себя и семейство свое въ попыткахъ вести дѣло иначе, нежели ведутъ его другіе? И онъ рѣшается дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ другіе». Нечего и говорить, что экономисты современной этической школы раздѣляютъ вполне эти взгляды о вліяніи конкуренціи на нравственность. «При свободной конкуренціи — говоритъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей этой школы, Адольфъ Вагнеръ — побѣждаютъ не только болѣе способные, но слишкомъ часто и болѣе безсовѣстные элементы, неограниченно эксплуатирующие выгодныя для нихъ экономическія условія». «Но и лучшіе элементы частію соблазняются успѣхомъ другихъ, частію же непосредственно вынуждаются конкуренціей поступать столь же безсовѣстно. Такимъ образомъ, почти неизбѣжно ухудшается общее мѣрило промышленной и торговой нравственности» (I. с. 202). Шмоллеръ, другой представитель той же школы, говоритъ: «никто изъ имѣвшихъ случай ближе ознакомиться съ болѣе благородными изъ круга предпринимателей — не станетъ отрицать того, что они сами видѣли себя отъ всего, что имъ приходится видѣть, и что они сами должны продѣлывать въ силу конкуренціи» (Grundfragen, 135).

Таково общее мнѣніе знающихъ дѣло и въ то же время научно развитыхъ людей. Нельзя и ожидать, разумѣется, чтобы эта сторона конкуренціи могла быть подвергнута точной, статистической разработкѣ, но во всѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе приподнимается завѣса коммерческой дѣятельности, приходится наблюдать поступки, несоотвѣтствующіе принятому въ Европѣ кодексу нравственности. Нѣсколько уголовныхъ процессовъ за послѣдніе годы значительно послужили къ разъясненію этого явленія. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи процессъ крупнаго желѣзнодорожнаго дѣятеля въ Австріи, барона Офенгейма, человека, о которомъ бывшій министр-президентъ высказывалъ

на судѣ «величайшую похвалу» и за которымъ другой бывшій министръ не подмѣтилъ «и слѣда какого либо грязнаго поступка». На судѣ обнаружилось, что разныя безчестныя продѣлки въ высшей степени распространились въ мірѣ предпринимателей, какъ это видно, между прочимъ, и изъ слѣдующаго отрывка изъ письма самого Оффенгейма. «Мы желаемъ честно, обходительно и прямодушно провести наше предпріятіе. Если же мы съ ихъ стороны (т.-е. со стороны вліятельныхъ и сильныхъ лицъ) не встрѣтимъ подобнаго же взгляда, то они вынудятъ насъ и съ нашей стороны перейти въ область мошенничества и обмана, и, быть можетъ, ученики превзойдутъ тамошнихъ великихъ учителей».

Шмоллеръ довольно мѣтко, хотя и нѣсколько утрированно, охарактеризовалъ побѣдителей въ современной промышленной борьбѣ. «Эти люди—говоритъ онъ—вѣрять только въ деньги и биржу, ихъ единственная добродѣтель есть респектабельность, т.-е. случайные обычаи внѣшней жизни хорошаго общества; успѣхъ предпріятій есть единственное, что они уважаютъ, а матеріальныя наслажденія—единственное, къ чему они стремятся» (157). Этотъ послѣдній признакъ выбранъ не совсѣмъ полно и вѣрно, все же остальное очень близко къ дѣйствительности.

Особенно важны для насъ слѣдующія замѣчанія Герберта Спенсера: «Люди самыхъ разнообразныхъ занятій и положеній, люди по природѣ крайне добросовѣстные, негодующіе на униженіе, которому они вынуждены подчиняться,—всѣ въ одинъ голосъ выражали намъ грустное убѣжденіе, что на промышленномъ поприщѣ нѣтъ возможности сохранить строгую честность. Общее мнѣніе всѣхъ и каждаго изъ нихъ—что высоко честный человѣкъ долженъ тутъ погибнуть». «Для жизни въ коммерческомъ мірѣ—говоритъ онъ далѣе—необходимо принять его нравственный кодексъ, стоять не выше и не ниже его—быть не болѣе и не менѣе честнымъ, нежели всѣ. Тотъ, кто падаетъ ниже установленнаго градуса, изгоняется; тотъ, кто поднимается выше, сбивается на надлежащую высоту или приводится къ разоренію». Другія слова, сказанныя болѣе трехъ-сотъ лѣтъ назадъ, очевидно, приложимы и къ нашему времени. «Человѣкъ—говоритъ Маккиавелли—желающій въ наши дни быть во всѣхъ отношеніяхъ чистымъ и честнымъ, долженъ погибнуть въ средѣ громаднаго безчестнаго большинства. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій, желающій удержаться, можетъ и не быть добродѣтельнымъ, но непременно долженъ пріобрѣсти умѣнье казаться или не казаться такимъ, смотря по обстоятельствамъ».

Если бы наша задача исчерпывалась указаніемъ на противорѣчіе, въ какомъ находятся апіорическіе выводы теоретиковъ ученія о борьбѣ за существованіе съ фактической дѣйствительностью, то можно было бы ограничиться вышеприведенными замѣчаніями. Но такъ какъ для рѣшенія главныхъ занимающихъ насъ вопросовъ этого недостаточно, то слѣдуетъ постараться проникнуть по возможности глубже въ причины указаннаго результата борьбы между людьми.

Почему такъ часто и нерѣдко совершенно неизбежно люди въ борьбѣ съ другими людьми прибѣгаютъ къ средствамъ, которыя ими же самими признаются не вполне нравственными? Въ неоднократно цитированной статьѣ Герберта Спенсера мы встрѣчаемъ соображеніе, которое значительно поможетъ намъ разрѣшить этотъ вопросъ. «Сочувствіе—говоритъ онъ—достаточно сильное, чтобы предупредить поступки, немедленно наносящіе вредъ извѣстному лицу, можетъ быть недостаточно сильно, чтобы предупредить поступки, наносящіе отдаленный вредъ лицу неизвѣстному. Оказывается, — факты подтверждаютъ въ этомъ случаѣ выводъ, что нравственные преграды къ такимъ поступкамъ измѣняются сообразно ясности, какой достигаетъ понятіе о послѣдствіяхъ извѣстнаго зла. Человѣкъ, который ни за что не согласился бы украсть что-нибудь изъ кармана другого лица, не задумываясь, поддѣлываетъ различные товары; человѣкъ, которому и во снѣ не приходилось промышлять фальшивой монетой, принимаетъ смѣло участіе въ продѣлкахъ акціонерныхъ банковъ» (69).

Чѣмъ сложнее данное общество, чѣмъ болѣе перепутаны человѣческія отношенія, тѣмъ и послѣдствія даннаго поступка становятся все болѣе сложными и теряютъ свою первоначальную ясность. Вредъ, причиненный въ одномъ мѣстѣ, можетъ превратиться въ пользу въ другомъ—и наоборотъ. Убіеніе одного лица можетъ спасти жизнь десятка другихъ, которыя могли бы пострадать или погибнуть отъ зловредныхъ дѣйствій перваго. Подавленіе одной націи совершается нерѣдко во имя предполагаемой пользы для всего человѣчества, и наоборотъ, интересы человѣчества, какъ наиболѣе отдаленные и неясные, приносятся нерѣдко въ жертву интересамъ болѣе мелкихъ человѣческихъ группъ. «Сложность условій человѣческой жизни—говоритъ Дж. С. Милль — виновата въ томъ, что нельзя постановить такихъ правилъ поведенія, которыя бы не требовали исключеній» (Утилитаріанизмъ, стр. 58).

Отсюда, съ одной стороны, вытекаетъ вообще шаткость всякихъ сужденій и, слѣдовательно, неясность представленія о всѣхъ послѣдствіяхъ даннаго поступка, съ другой же стороны—обширное

поле для сдѣлокъ съ совѣстію и оправданія своего поведенія. «Нѣтъ ничего обыкновеннѣе — говоритъ Лекки — какъ то, что люди, представляющіе образецъ честности въ частной жизни, извиняютъ или даже оправдываютъ самыя возмутительныя проявленія политической нечестности и насилія». «Вслѣдствіе удивительнаго нравственнаго парадокса — прибавляетъ онъ далѣе — нерѣдко политическія преступленія связаны съ національными доблестями» (I, 135). Чѣмъ болѣе распространяется общительность и чѣмъ болѣе разливаются на все большія и большія группы людей, тѣмъ труднѣе опредѣлить полезность или вредъ поступковъ. Какъ ни трудно (если только возможно) составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе объ «общемъ благѣ» цѣлаго народа или обширнаго разноплеменнаго государства, но еще неизмѣримо труднѣе опредѣлить общее благо цѣлаго человѣчества настоящаго и будущаго, и на основаніи этого регулировать человѣческіе поступки. Наоборотъ, несравненно легче соображаться съ интересами небольшихъ группъ, каковы: семья или какое-нибудь замкнутое и опредѣленное общество съ ясными ограниченными цѣлями, какъ напримѣръ, монастырское братство. Въ случаяхъ столкновенія между сложными и неопредѣленными интересами большого общества или цѣлаго человѣчества и интересами небольшой, но опредѣленной группы, побѣда должна быть на сторонѣ послѣдней. Мы уже видѣли это на приведенномъ Г. Спенсеромъ примѣрѣ человѣка, который желаетъ торговать согласно съ правилами строгой честности, но уступаетъ, не желая разорять «и себя, и семейство свое». Семейство и всякая другая ограниченная группа, давая обширный просторъ для дѣятельности, исполненной самопожертвованія и другихъ высокихъ нравственныхъ побужденій, тѣмъ болѣе отнимаетъ силы отъ дѣйствій въ пользу общаго блага большихъ группъ. Этимъ и объясняется указанная Лекки непоследовательность многихъ людей и различіе ихъ масштаба нравственности при сужденіи о поступкахъ «честной жизни», вращающейся, главнымъ образомъ, въ сферѣ семьи, и поступкахъ болѣе широкой общественной дѣятельности. Для того, чтобы составить себѣ правильное сужденіе о силѣ семейнаго чувства, по крайней мѣрѣ, въ европейскихъ обществахъ, слѣдуетъ припомнить борьбу, которую противъ него долженъ былъ выдержать католицизмъ, религія съ самыми опредѣленными цѣлями и организацией, и вообще учрежденіе, отличающееся чрезвычайной силой и живучестью. «Едва ли какая либо мѣра — говоритъ Гольцендорфъ¹⁾

¹⁾ Der Priester - Cölibat: 1876, стр. 9. (Изъ собранія современныхъ вопросовъ Гольцендорфа и Онкена).

— бывала въ средѣ самой церкви и со стороны духовенства столь упорное противоѣдствіе, какъ запрещеніе вступленія въ бракъ священникамъ. Во всѣ времена—прибавляетъ онъ—насиленное вторженіе закона въ семейную жизнь представлялось одною изъ труднѣйшихъ задачъ».

Экономисты прежней школы, очевидно, имѣли въ виду это неравенство условій борьбы между стремленіемъ къ благу семьи и къ общему благу обширной социальной группы. Отсюда ихъ основное воззрѣніе на личный интересъ (къ которому относится не только эгоистическій интересъ данной личности, но и интересы цѣлой семьи) какъ на главную пружину экономической дѣятельности. Вотъ, напр., какъ это выражено у Мальтуса: «на- стоящее наше положеніе требуетъ, чтобы каждый имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, свои собственныя потребности». По отно- шенію къ дѣтямъ, которые имѣютъ несомнѣнное право на забо- ты и попеченія родителей, очевидно, что привязанность, побуж- дающая послѣднихъ къ исполненію этой священной обязанности, почти равносильна любви ихъ къ самимъ себѣ. И мы имѣемъ полное право утверждать, что, за исключеніемъ немногихъ, рѣд- кихъ случаевъ, послѣдній кусокъ будетъ раздѣленъ между ними поровну. Вслѣдствіе этого благодѣтельнаго инстинкта, самые не- извѣстные люди трудятся для общей пользы, чего не было бы, если бы главнымъ побужденіемъ ихъ было благотвореніе. Чтобы благотвореніе было великимъ и непрерывнымъ побужденіемъ для нашихъ воступковъ, и чтобы принципъ этотъ былъ неизмѣнной основой нашего поведенія, для этого необходимо, чтобы мы были вполне знакомы съ причинами и ихъ слѣдствіями. «Такое ограниченное существо, какъ человѣкъ, заблудилось бы, если бы руководствовалось, исключительно, имъ однимъ, и вскорѣ возму- тило бы господствующій вокругъ него порядокъ: изобиліе усту- пило бы мѣсто нуждѣ, а воздѣланныя плодородныя нивы пришли бы въ запустѣніе» (Опытъ о законѣ народонас., II, 359). Это положеніе оправдывается многочисленными примѣрами вредныхъ послѣдствій, поступковъ, въ основаніи которыхъ лежало самое искреннее желаніе добра. Извѣстно, какъ часто благотворитель- ность, вмѣсто облегченія человѣческихъ страданій, ведетъ къ укорененію пороковъ и зла. Въ виду такого обстоятельства Бокль и пришелъ къ столь парадоксальному, съ перваго взгляда, вы- воду, что, «ослабляя добродѣтель, вы сдерживаете зло», и построилъ свое извѣстное ученіе о незначительности вліянія нравственности въ дѣлѣ историческаго прогресса.

Другіе представители манчестерской школы держатся того же

принципа. «Для споспѣшествованія экономическому благу народа вообще — говоритъ Принсъ Смитъ — фритредеръ видитъ только одинъ возможный путь, именно свободу каждаго отдѣльнаго лица по мѣрѣ силъ способствовать своему благу. Каждый понимаетъ споспѣшествованіе своему благу лучше, чѣмъ другіе, лучше, чѣмъ все другое». Въ этомъ-то и заключается этическая основа прежней школы. Она зиждется именно на положеніи, что «общее благо» само по себѣ есть вещь слишкомъ туманная и неопредѣленная, тогда какъ «частное благо», наоборотъ, понятно и опредѣленно. Новая нѣмецкая школа экономистовъ, называющая себя «этической» и утверждающая, что «экономическая дѣятельность подчиняется нравственной», возстала противъ этого ученія. Но для того, чтобы вести борьбу по возможности равнымъ оружіемъ, ей было бы необходимо войти въ прямое и обстоятельное изслѣдованіе положеній какъ теоретической, такъ и практической этики, и установить какой-нибудь общій руководящій принципъ. Еще Ланге, котораго можно считать однимъ изъ провозвѣстниковъ этической школы экономистовъ, выставилъ слѣдующее требованіе: «такъ какъ мы уже достаточно знаемъ дѣйствія эгоизма, а послѣдствій морали, напротивъ, не знаемъ, то мы не получимъ улучшеннаго народнаго хозяйства, прежде чѣмъ не будемъ имѣть началъ научной теоріи нравственности, но и этихъ началъ мы имѣть не будемъ безъ большого прогресса въ экономической наукѣ» ¹⁾. Успѣхъ послѣдней во всякомъ случаѣ немислимъ при такой неопредѣленности и шаткости этическихъ основъ, какая встрѣчается у лучшихъ представителей этическихъ экономистовъ. Шмоллеръ, котораго неоднократно цитированное сочиненіе признается «лучшимъ обще-философскимъ основаніемъ молодой этической школы національной экономіи» (А. Вагнеръ, I. с., 3) и котораго воззрѣнія почти цѣликомъ раздѣляются приверженцами этой школы, нигдѣ не ставитъ прямо вопроса о свойствѣ нравственнаго принципа, который бы могъ быть положенъ въ основаніе новой политической экономіи. Только мимоходомъ, полемизируя противъ пяти основныхъ правъ, признаваемыхъ Трейчзе, онъ высказываетъ, что «краеугольнымъ камнемъ современной этики вообще можетъ быть признано слѣдующее положеніе Шлейермахера: ни одинъ человѣкъ не долженъ быть только средствомъ для другого; каждый человѣкъ, напротивъ, хотя онъ, между прочимъ, и исполняетъ роль для другихъ цѣлей, долженъ быть въ то же время признанъ имѣющимъ свою собственную цѣль, при-

¹⁾ J. St. Mill's Ansichten über die sociale Frage. 1866, стр. 23.

званъ монадой» (I. с. 121). Принципъ этотъ настолько неопредѣленъ, что не годится даже для той цѣли, ради которой его приводитъ Шмоллеръ. Ни Трейчке, ни кто другой и не утверждаетъ, чтобы личность всецѣло поглощалась для какихъ бы то ни было внѣ ея лежащихъ цѣлей; степень же поглощенія ея вовсе не опредѣляется вышеозначеннымъ изреченіемъ. Поэтому понятно, что Шмоллеръ и не пользовался имъ для установленія своихъ теоретическихъ воззрѣній. При этомъ онъ и вообще не затрогиваетъ глубочайшихъ слоевъ вопроса. Высшій нравственный принципъ, на который онъ ссылается во время своей аргументаціи, резюмированъ имъ слѣдующимъ образомъ: «суть заключается и всегда будетъ заключаться въ томъ, чтобы мы вообще шли впередъ въ дѣлѣ экономического развитія, чтобы мы больше производили, правильнѣе распредѣляли бы производимое, чтобы наше потребление увеличивалось какъ въ дѣлѣ удовлетворенія благороднѣйшихъ и высшихъ, такъ равно и низшихъ потребностей, чтобы мы становились болѣе образованными, прилежными, умными и справедливыми людьми» (стр. 51). Здѣсь, что ни слово, то ссылка на ходячія въ обыденной жизни понятія, подлежащія, однакоже, самымъ разнообразнымъ, нерѣдко противорѣчивымъ опредѣленіямъ. Какъ философскій принципъ, это во всякомъ случаѣ не годится, именно вслѣдствіе этой неопредѣленности и доступности разнородному толкованію. Верховный этический принципъ, выставляемый Ланге, отличается во всякомъ случаѣ несравненно болѣею цѣльностью и опредѣленностью. «Жизнь, разъ произведенная — говоритъ онъ — должна быть сохраняема». Это положеніе Ланге считаетъ принципомъ всякаго цивилизованнаго человѣка, и потому на немъ онъ думаетъ основать прекращеніе или по крайней мѣрѣ ослабленіе борьбы за существованіе въ человѣческомъ родѣ.

Одно изъ основныхъ положеній этической школы состоитъ въ ограниченіи свободнаго соперничества, — и съ этой точки зрѣнія она представляетъ для насъ еще и специальный интересъ. Но по отношенію къ этому вопросу, равно какъ и по отношенію къ основнымъ нравственнымъ принципамъ, эта школа не даетъ намъ цѣльнаго и ясно опредѣленнаго взгляда. Главный представитель ея, Шмоллеръ, очевидно признаетъ благотворное дѣйствіе конкуренціи, но крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и притомъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такъ, онъ говоритъ о хорошихъ послѣдствіяхъ ея при соперничествѣ развитыхъ представителей крупной торговли (стр. 81). То же вытекаетъ и изъ слѣдующихъ его словъ: «увеличивающееся неравенство имущества справедливо, по-

сколько оно обусловлено различіемъ талантовъ; но это различіе объясняетъ скорѣе, почему банкиръ X заработалъ въ послѣдніе годы только одинъ, а банкиръ Y — двадцать милліоновъ, или почему рабочій A сдѣлался подмастерьемъ съ шестью-стами ежегоднаго содержанія, а рабочій B остался носильщикомъ съ двумя-тремястами талеровъ» (109). Тутъ, слѣдовательно, признается справедливость побѣды одного соперника надъ другимъ; то же заключается и въ слѣдующихъ его словахъ: «я всегда готовъ стоять за преимущества образованія, но не за привилегію кошелька или рожденія». Да и самая теорія «справедливаго распредѣленія» (*vertheilende Gerechtigkeit*), т.-е. вознагражденія по заслугамъ, обявываетъ давать сильнѣйшему конкуренту болѣе, чѣмъ слабѣйшему. «Чѣмъ болѣе увѣренъ человѣкъ, — говоритъ Шмоллеръ, — что добродѣтель вознаграждается на этомъ свѣтѣ, что прилежаніе, болѣшая дѣятельность и болѣе напряженіе пропадутъ не даромъ, тѣмъ болѣе напрягаются всѣ струны энергій».

Сводя все это, слѣдуетъ придти къ заключенію, что Шмоллеръ признаетъ пользу конкуренціи, поскольку она состоитъ въ соперничествѣ личныхъ и притомъ признаваемыхъ нравственными качествъ, но возстаетъ противъ нея, когда пускаются въ ходъ безнравственныя силы, т.-е. хитрость, обманъ и пр., — или же преимущества, даваемые рожденіемъ и состояніемъ. Правда, онъ нигдѣ не высказываетъ категорически этого воззрѣнія и нерѣдко впадаетъ съ нимъ въ противорѣчіе. Такъ, напримѣръ, онъ возстаетъ противъ свободы конкуренціи «во всѣхъ областяхъ, гдѣ богатый конкурируетъ съ бѣднымъ, лицо, могущее ждаты, съ другимъ, которому необходимо торопиться, *умный съ глупымъ, сильный съ слабымъ*» (81). Первые два случая еще могутъ находиться въ согласіи съ резюмированной выше теоріей, но какъ согласить признаніе преимуществъ таланта и вознагражденіе по личнымъ заслугамъ съ этимъ возставаніемъ противъ побѣды умнаго надъ глупымъ и сильнаго надъ слабымъ? Какъ согласить, далѣе, теорію справедливаго распредѣленія и конкуренціи, основанной на признаніи преимущества таланта и образованія, съ признаваемымъ Шмоллеромъ правомъ наслѣдственной собственности? «Я защищаю наслѣдственное право, — говоритъ онъ, — поскольку оно полезно, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи» (65). — Отсутствіе ясно сформулированнаго взгляда и противорѣчивость основныхъ положеній Шмоллера дѣлаютъ невозможнымъ признать его замѣчанія о конкуренціи вкладомъ въ положительное знаніе. Постоянныя же ссылки

его на нравственные начала («добродѣтель должна рѣшать» вопросы о распредѣленіи, участіе вознагражденной добродѣтели въ изpraжненіи экономической дѣятельности, признаніе наслѣдственного права, поскольку оно полезно въ нравственномъ отношеніи, и т. д.) и подведеніе къ нимъ основныхъ положеній экономической науки, оставляютъ читателя тѣмъ менѣе удовлетвореннымъ, что онъ тщетно сталъ бы искать у Шмоллера точной постановки и развитія этическихъ принциповъ.

Взглядъ, отчасти сходный съ тѣмъ, который былъ извлеченъ нами изъ различныхъ цитатъ Шмоллера, но только отличающійся несравненно болѣею цѣлностью, опредѣленностью и послѣдовательностью, былъ высказанъ еще за десять лѣтъ до появленія его «Grundfragen» извѣстнымъ популяризаторомъ и общественнымъ дѣвателемъ—Бюхнеромъ. Онъ считаетъ немислимымъ уничтоженіе борьбы за существованіе, и потому задается только вопросомъ объ уравненіи средствъ этой борьбы. «Пусть отыщутъ формулу, — говоритъ онъ, — которая бы уничтожила или, по крайней мѣрѣ, уменьшила до извѣстной степени неравенство социальной борьбы за существованіе, — и общественный, а вѣстѣ съ тѣмъ, и рабочій вопросы будутъ вполне или, по крайней мѣрѣ, приблизительно рѣшены». — «Такая формула найдена, — продолжаетъ онъ: — мы не имѣемъ никакого основанія ее скрывать, такъ какъ она заключаетъ средство удобопримѣнимое, не нарушающее непосредственно ничьихъ личныхъ интересовъ, не противорѣчающее прямо нынѣ существующимъ условіямъ, — къ тому же, средство, которое при постепенномъ усиленіи становится все болѣе дѣйствительнымъ, которое значительно облегчаетъ немущихъ, не вредя непосредственно имущимъ, поэтому, — средство, по возможности, сглаживающее общественныя неравенства и притомъ не только не притупляющее, но, напротивъ, *усиливающее стимулы къ конкуренціи, ведущій ко всему великому*. Средство это состоитъ въ реформѣ или медленномъ, постепенно увеличивающемся преобразованіи наслѣдственного права въ пользу общую» ¹⁾. Сущность этого воззрѣнія, поскольку оно касается нашего вопроса, совершенно ясна: Бюхнеръ стоитъ за соперничество, основанное на природномъ неравенствѣ, и, наоборотъ, возстаетъ противъ участія въ борьбѣ за существованіе момента чисто-культурнаго неравенства.

¹⁾ См. цитаты у Ланге: „Mill's Ansichten“, стр. 105, 106. Статьи Бюхнера напечатаны въ „Deutsches Wochenblatt“ и въ подлинникѣ мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстна.

Несравненно менѣе радикально мнѣніе Мауруса. Подобно Бюхнеру, онъ тоже не считаетъ возможнымъ уничтоженіе борьбы за существованіе. «Въ разрѣзъ съ социалистическимъ мнѣніемъ о необходимости уничтоженія всякой конкуренціи и устраненія капиталистическаго производства вообще, — говоритъ онъ, — мы, вмѣстѣ съ буржуазною экономіею, считаемъ конкуренцію экономическою необходимостью, и думаемъ, что было бы ошибочно лишить общество выгодъ этой экономической силы, прямого продукта раздѣленія труда и человѣческаго эгоизма, и замѣнить ее другою, еще менѣе экономической организаціею производства» ¹⁾. Неравенство условій борьбы Маурусъ, подобно многимъ другимъ экономистамъ, сводитъ, въ концѣ-концовъ, къ естественному неравенству. «Стремленіе къ установленію матеріальнаго равенства между людьми, — говоритъ онъ, — всегда останется тщетнымъ, потому что оно потерпитъ крушеніе вслѣдствіе различія индивидуальной человѣческой природы. Объ эту скалу разбивались и будутъ разбиваться всѣ попытки даже самыхъ гениальныхъ системъ, основанныхъ на матеріальномъ равенствѣ и общей собственности» (стр. 11). Въ виду неизбежности конкуренціи, Маурусъ предлагаетъ только мѣры для устраненія нѣкоторыхъ ея вредныхъ послѣдствій и, съ этой цѣлью, проповѣдуетъ вмѣшательство закона, который долженъ опредѣлять заработную плату, «подвергнуть устройство фабрикъ государственнымъ ограниченіямъ, руководствуясь при этомъ правомъ и благомъ рабочихъ, и такимъ образомъ оградить ихъ отъ эгоизма капитала» (284) и т. д.

Совершенно иначе смотритъ на дѣло Адольфъ Вагнеръ. «Правда, — говоритъ онъ, — что люди уже отъ природы неравны, что личное или индивидуальное неравенство, подобно тому, какъ у всѣхъ представителей одного рода или вида, такъ равно и у человѣка составляетъ законъ природы. Отсюда можно бы было вывести относительно всѣхъ другихъ случаевъ, но именно не относительно человѣка, необходимость и желаніе побѣды недѣлимыхъ, болѣе одаренныхъ отъ природы. Я это утверждаю на томъ основаніи, что у людей, по крайней мѣрѣ — отчасти, возможно *уравненіе этого природнаго неравенства, путемъ воспитанія и культуры и посредствомъ охраненія*, которое общество можетъ и должно оказать своимъ слабымъ членамъ. Естественное неравенство недѣлимыхъ ведетъ къ требованію, чтобы не всѣ элементы безъ разбора были предоставлены конкуренціи и чтобы слабые не были отданы ей въ жертву. Именно отсюда и должно быть

¹⁾ „О свободѣ въ политической экономіи“. Рус. пер., стр. 274.

выведено дальнѣйшее *ограниченіе* свободной конкуренціи, что въ новѣйшее время и проводится все болѣе и болѣе на практикѣ (учрежденія для охраны дѣтей, стариковъ и т. п.)» (I. с. 200).

Приведенныя воззрѣнія могутъ быть сгруппированы въ двѣ категоріи. Къ первой относятся мнѣнія ученыхъ, признающихъ борьбу за существованіе явленіемъ чрезвычайно глубоко заложенымъ въ природѣ человѣка и потому неустранимымъ, и, въ виду этого, стремящихся уничтожить чисто-культурное неравенство и заставить конкуренцію войти въ ея естественное русло. Эта точка зрѣнія порицаетъ борьбу, успѣхъ которой зависитъ отъ какой-нибудь культурной привилегіи, напримѣръ, побѣду богатаго дурака надъ бѣднымъ, но умнымъ соперникомъ, и, напротивъ, она признаетъ правильнымъ соперничество между людьми, одинаковыми въ смыслѣ общественнаго положенія и матеріальной обстановки, но различными по степени природныхъ способностей. Въ такомъ видѣ воззрѣніе это можетъ быть соглашено съ взглядами нѣкоторыхъ представителей манчестерской школы. Одинъ изъ горячихъ приверженцевъ ея и, въ то же время, ожесточенный противникъ этической школы, которой онъ предсказываетъ ближайшее крушеніе, Даметъ, заявляетъ, «что естественные законы общественной экономіи не оправдываютъ иного неравенства», какъ неравенство личнаго участія. «Развѣ неравенство, какъ принципъ, — говоритъ онъ, — не проявляется всюду въ челоѣчествѣ, равно какъ и вообще во всемъ мірѣ? Развѣ естественные законы общественной экономіи могутъ уничтожить это неравенство? — Свѣжете ли вы, что существуетъ антагонизмъ между Рафаелемъ и обыкновеннымъ живописцемъ, потому что первый создаетъ великія творенія, а второй только посредственными картины, и потому что покупатели предпочитаютъ первыя послѣднимъ? Если хотите, это тоже антагонизмъ, борьба производства, а слѣдовательно, и распредѣленія, — борьба между искусными и неискусными, но, по совѣсти, развѣ вы можете вѣнчать ее естественнымъ законамъ общественной экономіи? — да и какъ вы, наконецъ, излечите ее? ¹⁾». Дарвинъ также можетъ быть причисленъ къ этой категоріи. Разбирая вопросъ о вліяніи культуры на борьбу за существованіе, онъ указываетъ на усиленное накопленіе богатства и майоратъ, какъ на обстоятельства, отклоняющія въ вредную сторону естественный ходъ этого процесса;

¹⁾ „Journal des Economistes“, ноябрь, 1877, стр. 207.

но онъ не придаетъ особеннаго значенія первому препятствію, такъ какъ число очень богатыхъ людей никогда не бываетъ особенно большимъ и, къ тому же, нерѣдко они, по неумѣнью, растрачиваютъ все свое состояніе.

Соглашеніе между партіями возможно, слѣдовательно, на призваніи не теперешней формы «свободы конкуренціи», совершающейся на почвѣ привилегій и другихъ моментовъ чистокультурнаго неравенства, но такой формы борьбы за существованіе, которая бы наиболѣе приближалась къ условіямъ безпрепятственнаго естественнаго подбора. При этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Бюхнеръ, стимулъ къ борьбѣ не уменьшится, а скорѣе увеличится, и въ сильнѣйшей степени освободятся всѣ личныя силы, «какъ добрыя, такъ и злыя». При этомъ также возможно достиженіе той же степени природнаго равенства, которое вообще получается при безпрепятственномъ ходѣ подбора въ живой природѣ, такъ какъ въ борьбѣ, основанной на природномъ неравенствѣ, побѣдителями останутся лица «наиболѣе приспособленныя къ борьбѣ», а соперники, не представляющія этого свойства, будутъ побѣждены. Въ результатъ такого процесса борьбы, всѣ воспринимающія участіе въ ней силы, а между ними и «злыя», должны постепенно все болѣе и болѣе развиваться.

На совершенно иной почвѣ стоитъ воззрѣніе А. Вагнера. Онъ не хочетъ безпрепятственной борьбы между людьми, различно одаренными отъ природы; онъ возстаетъ противъ закрѣпленія естественнаго неравенства и, слѣдовательно, стоитъ за культурное неравенство, какъ средство для сглаживанія природныхъ различій. Онъ требуетъ, чтобъ культура давала слабому отъ природы средство для выдерживанія борьбы съ болѣе сильнымъ соперникомъ, и потому хочетъ расширенія и теперь уже существующихъ учреждений съ цѣлью охраненія слабыхъ. Воззрѣніе это непосредственно вытекаетъ изъ формулированнаго Ланге нравственнаго принципа, по которому всякій цивилизованный человѣкъ желаетъ, чтобы «живны, разъ произведенная, была сохраняема», — принципа, который Дарвинъ признаетъ «благороднѣйшей частью нашей природы». Ставъ на такую точку зрѣнія, Вагнеръ приводится ею, естественно, къ системѣ благотворительности (*caritatives System*), которая должна ослаблять зло, происходящее вслѣдствіе природнаго неравенства. Но, говоря о примѣненіи этой системы, онъ не можетъ не видѣть многочисленныхъ источниковъ злоупотребленія. Пробѣжавъ нѣкоторые изъ

нихъ, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Правда, — говорить онъ, — что всѣ эти бѣды могутъ быть устранены при *правильномъ* примѣненіи «карикативной» системы, особенно если строго держаться принципа осторожнаго индивидуализированія при допущеніи къ удовлетворенію потребностей, допускаемыхъ системой. Но съ перваго взгляда понятно, и весь опытъ подтверждаетъ это, что ошибки въ этомъ отношеніи не всегда могутъ быть устранены, и *съ теченіемъ времени скорѣе увеличиваются, чѣмъ уменьшаются*» и т. д. (I. с. 222). Какъ собственно установить «правильное» примѣненіе каритативной системы, мы у Вагнера не находимъ, равно какъ не находимъ у него и устраненія возраженій, сдѣланныхъ впервые англійскими учеными. Эти возраженія Дарвинъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «У дикарей слабые тѣломъ и духомъ скоро устраняются и переживающіе обыкновенно бываютъ одарены крѣпкимъ здоровьемъ. Мы, цивилизованные народы, дѣлаемъ все возможное, чтобы задержать этотъ процессъ уничтоженія: мы строимъ пріюты для слабоумныхъ, калѣкъ и больныхъ; мы издаемъ законы въ пользу бѣдныхъ, и наши врачи употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы продлить жизнь каждаго до послѣдней возможности. Есть основаніе думать, что оспопрививаніе сохранило тысячи людей, которые, при своемъ слабомъ сложеніи, прежде погибли бы отъ оспы. Такимъ образомъ, и слабые члены цивилизованнаго общества распространяютъ свой родъ. Ни одинъ человѣкъ, знакомый съ законами разведенія домашнихъ животныхъ, не будетъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это обстоятельство крайне неблагоприятно для человѣческой расы. Насъ поражаетъ, до какой степени быстро недостатокъ ухода или неправильный уходъ ведетъ къ вырожденію домашней породы; и за исключеніемъ случая, касающагося самого человѣка, едва ли найдется столь невѣжественный заводчикъ, чтобы допустить къ размноженію худшихъ животныхъ». «Мы бы не могли — замѣчаетъ онъ дальше, — сдерживать нашего сочувствія, слѣдуя голосу разсудка, безъ уничтоженія благороднѣйшихъ свойствъ нашей природы... и мы должны *безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія переживанія и размноженія слабыхъ*».

Геккель называетъ это самое охраненіе физически слабѣйшихъ «медицинскимъ подборомъ» и, ударяя на его вредныя послѣдствія, намекаетъ даже на средства къ его устраненію. Самымъ умѣреннымъ изъ возможныхъ средствъ слѣдуетъ считать запрещеніе лицамъ, страдающимъ хроническими болѣзнями, всту-

пять въ бракъ. Такая мѣра во всякомъ случаѣ наименѣе расходится съ современнымъ нравственнымъ строемъ, т.-е. съ желаніемъ во что бы то ни стало сохранить жизнь, хотя бы и сопряженную съ величайшими страданіями. «Но не будетъ ли самымъ ужаснымъ ядомъ, который только можно влить въ больного, вмѣненіе ему безнадежной любви», спрашиваетъ докторъ Гартзень, горячій защитникъ *status quo* медицинскаго подбора ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что, давая полный просторъ нашему сочувствію, т.-е. дѣйству наперекоръ естественному подбору, мы тѣмъ самымъ ослабляемъ нашу силу въ борьбѣ за существованіе, подобно тому, какъ мы ослабляемъ ее у животныхъ, охраняемыхъ въ нашемъ домашнемъ хозяйствѣ. Если бы даже и удалось включить проявленіе нашего сочувствія въ извѣстные предѣлы и поставить его въ равновѣсіе съ условіями борьбы въ данную минуту, то при усиленіи борьбы, вслѣдствіе ли перенаселенія, или какихъ-либо другихъ причинъ, это равновѣсіе легко могло бы быть нарушено. На выборъ представляется два пути. Слѣдуя по одному изъ нихъ, указываемому «благороднѣйшими свойствами нашей природы», мы можемъ не «сдерживать нашего сочувствія» и всѣми силами перечить естественному подбору, но въ такомъ случаѣ «мы должны безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія» такой системы и безъ боязни идти къ пораженію въ борьбѣ за существованіе. «Слѣдуя голосу разсудка», т.-е. избирая другой путь и заставляя подавлять и ограничивать наше сочувствіе, можно быть гораздо болѣе увѣреннымъ въ побѣдѣ, но за то слѣдуетъ мириться съ настоящимъ зломъ, вытекающимъ изъ приниженія благороднѣйшей стороны нашей природы. При этомъ въ большихъ размѣрахъ передъ нами возникаетъ тотъ же вопросъ, который, какъ мы видѣли, неизбежно рождается и у каждаго, выступающаго на поле промышленной и торговой борьбы: или ограничить требованія высокой нравственности и побѣдить, или же дѣйствовать сообразно съ этими требованіями и остаться побѣжденнымъ. Выходъ изъ этой альтернативы зависитъ уже отъ чисто-субъективнаго момента, отъ той сложной смѣси, которая составляетъ сущность характера.

Все, сказанное нами до сихъ поръ, служить доказательствомъ разлада, существующаго между побѣдностью въ борьбѣ за суще-

¹⁾ См. его статью объ отношеніи теоріи происхожденія видовъ къ нравственности и политикѣ, въ *Athenaeum*, 1875, стр. 32. О вредномъ влияніи цивилизаціи на укорененіе непредусмотрительности и безпечности, см. Г. Спенсера „Изученіе Соціологія“, II, 556 и слѣд.

ствование и удовлетвореніемъ широкихъ нравственныхъ стремленій. Осознанность и отчетливость интересовъ отдѣльнаго лица или небольшой тѣсно связанной съ нимъ группы составляетъ главную причину того, что въ практической жизни эти интересы одолеваютъ всѣ другіе, т.-е. интересы большихъ группъ, благосостояніе которыхъ (т.-е. цѣль высшихъ нравственныхъ стремленій) представляется задачей въ высшей степени сложной и неподдающейся ни точному научному изслѣдованію, ни рѣшенію непосредственнаго чувства. Вотъ почему всякая теорія, основывающаяся на узкихъ интересахъ лица и семьи (Selbstinteresse), имѣетъ больше шансовъ получить практическое примѣненіе, чѣмъ теорія, создающаяся на этическихъ началахъ, такъ какъ они сами по себѣ еще чрезвычайно непрочны установлены.

И. Л. Мечниковъ.

СТАРИННЫЯ ДѢЛА

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ.

А иное бы писалъ и не имѣю что
писать отъ многа жалобъ.

Сов. Лѣт. I, 19.

II *).

БЕРЕЗАЙ.

I.

.... — Вася никогда не рвалъ своихъ тетрадокъ и не пачкалъ лица и рукъ; за это его папѣ подарилъ ему хорошенькую копилку, и въ ней былъ новенькій полтинникъ. Тогда Вася сказалъ, что онъ будетъ беречь этотъ полтинникъ и класть въ копилку всѣ деньги, которыя ему будутъ давать. Васинъ папѣ позволилъ каждому изъ своихъ дѣтей...

— А въ нимъ приходили нищіе? — перебиваю я рассказщицу, нашу гувернантку, Наталью Васильевну Кустыркину.

— Ахъ, да не перебивай же! — конечно, ходили; мало ли вездѣ лѣнтяевъ, которые не хотятъ работать, а только попрошайничаютъ. Оттого-то Васинъ папѣ и училъ своихъ дѣтей бережливости, чтобы они не сдѣлались со временемъ нищими...

— И Вася не подавалъ нищимъ? — опять замѣчаю я уже нѣсколько враждебно.

Наталья Васильевна колеблется: ей хочется какъ-нибудь обойти вопросъ, — не можетъ же она, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что Вася

*) См. выше: июнь, 474 стр.

не подавалъ нищамъ; она знаетъ, что подавать милостыню великая добродѣтель, а благодѣтельный Вася, конечно, долженъ былъ обладать всѣми добродѣтелями;—въ то же время она не можетъ допустить, чтобы онъ потакалъ лѣнтяямъ и попрошайкамъ, какъ она сама только-что обовзала нищихъ... Ну какъ тутъ быть?...

— Вотъ видите ли, — съ торжествомъ заключаю я: — вапъ Вася «нарочный!» И отчего это вы все «нарочное» рассказываете? Вонъ — Михайлычъ, тотъ всегда только «всамдѣлшное» говоритъ — за то его и весело слушать, а васъ скучно.

— Ахъ, ты Господи! — восклицаетъ Наталья Васильевна: — что это за дѣвочка...

— Да, — упрямо продолжаю я: — вы это про Васю все выдумали, и теперь сами не знаете, какъ лучше сказать: помогалъ онъ нищимъ или нѣтъ; а если бы вы не выдумали, то знали бы, былъ ли онъ добрый или скупой... Михайлычъ всегда знаетъ.

— Бѣда мнѣ съ тобой, — скажетъ, бывало, тутъ Наталья Васильевна: — я тебя къ Михайлычу пускать не буду, вотъ что! — Богъ его знаетъ, что онъ тебѣ тамъ наказываетъ.

Угроза не пустить къ Михайлычу повторялась не разъ; дѣйствовала она на меня различно: иногда я, скрѣпя сердце, дослушивала рассказъ про умнаго Васю, или послушную Катеньку, причемъ они, какъ и всѣ благодѣтельные герои повѣстей Натальи Васильевны, всегда кончали тѣмъ, что дѣлались богаты и знатны, — что меня, однако, трогало очень мало и не мѣшало заявлять, что они, все-таки, скучные и «нарочные». Иногда же я начинала «вапризняться», и все дѣло разрѣшалось горькими слезами, проливаемыми въ углу, куда меня ставили непременно носомъ, и гдѣ я продолжала твердить: — А все-таки у Михайлыча все всамдѣлшное, а у васъ нарочное. — Я была глубоко убѣждена во «всамдѣлшности» Михайлычевыхъ рассказовъ, даже когда онъ говорилъ про вѣдьмъ, лѣшихъ и домовыхъ, которымъ я въ обиденной жизни не вѣрила; но, вѣдь, то, что говорилъ старикъ, относилось больше къ «старымъ временамъ прошлымъ», — къ тѣмъ временамъ, рассказы о которыхъ начинаются словами: «жилъ-былъ»... Никогда не слыхала я отъ него ничего о Васяхъ и Петяхъ, Катенькахъ и Машенькахъ съ завитыми волосками, чистенькими платицами, копилками... О, какъ я ненавидѣла ихъ всѣхъ, со всѣми ихъ добродѣтелями!

Еще стоя въ углу я начинала придумывать какъ бы улизнуть къ Михайлычу. Размышленія по этому поводу обыкновенно прекращались мои всхлипыванія; не слыша ихъ болѣе, Наталья Васильевна прощала меня и выпускала изъ угла до новыхъ ка-

призовъ. Черезъ нѣсколько времени я таки-ухитрилась исчезнуть и пробраться на застольную къ Пареену Михайлычу Морозову, или дѣдѣ Михайлычу, какъ звалъ его въ Березѣ старъ и малъ.

Не великъ чинъ былъ на Пареенѣ Михайлычѣ—онъ былъ не болѣе, какъ отставной кучеръ. Служилъ онъ сначала моему праѣду, а потомъ дѣду; отецъ мой уже мало ѣзжалъ съ нимъ, такъ какъ Михайлычъ, по старости лѣтъ, находился на повоѣ. Въ то время, о которомъ я говорю — въ началѣ пятидесятихъ годовъ—ему уже было далеко за семьдесятъ лѣтъ. Года не сторбили его, даже не убѣдили его русскихъ мудрей, которымъ только порѣдѣли, да развились немного и какъ-то странно отбѣяли его бѣлую какъ снѣгъ бороду. Макушку онъ брилъ, хотя по старой вѣрѣ не былъ; ходилъ въ сѣромъ армякѣ домашнего тканья и въ лаптяхъ; подпоясывался поясомъ по-кучерски. На палку опираться не любилъ—бралъ ее развѣ когда шелъ въ село къ обѣдѣ или за грибами въ лѣсъ—и то больше отъ собакъ, да отъ лихого человѣка. Михайлычъ былъ старикъ, степенный; смѣялся рѣдко, никогда и никого не ругалъ худимъ словомъ, несмотря на то, что былъ изъ кучеровъ: — «ругатели они, прости Господи», — говорила про нихъ моя нянюшка, Марья Дементьевна. Разсердясь на кого-нибудь отойдетъ, бывало, старикъ въ сторону и только скажетъ: «Эхъ, пабалки васъ возьми!»—Значенія этихъ «пабалокъ» я такъ отъ него и не добила; на всѣ мои разспросы по этому поводу онъ отвѣчалъ: «Да, какъ-те сказать что такъ пабалки.... пабалки онѣ, вотъ-те и весь сказъ!...».

Занимался старикъ тѣмъ, что лапти ковырялъ, или индюшатъ пасъ, сидя на завалинкѣ. Изба его приминала къ скотному двору, который стоялъ какъ разъ у озера, подъ горой; тутъ же помѣщался и птичный дворъ, и конюшня, и все это составляло западную ограду большого барскаго сада, особенно густо разросшагося тутъ, благодаря близости озера, скотнаго двора и конюшни. Одно изъ оконъ избы выходило въ садъ; около него заканчивался слѣва рядъ елей и рябины, посаженныхъ, чтобы скрыть отъ ясныхъ господскихъ очей хозяйственные службы, — справа росло двѣ-три кудрявыхъ березки и нѣсколько вустовъ бузины и черемухи. Подъ самымъ окномъ прилѣпилась завалинка, заворачивая и на лицевую сторону избы, смотрѣвшей, также какъ и барскій домъ и всѣ остальные избы усадьбы, на югъ. Изъ Михайлычевой избы видны были: прямо—поднимавшіяся вверхъ на отлогую гору поля, въ сторонѣ поѣмные луга, и за ними, за рѣкой, далеко-далеко синѣющія вершины сосноваго бора, за старою трактовою Екатерининскою дорогой.

До садовой части завалянки можно было добраться только съ трудомъ: тамъ густо разрослись тамъ черемуха и бузина. Михайлычева завалянка вызываетъ цѣлый рядъ воспоминаній въ моей душѣ: сидя на ней, улетала я въ дни ранняго дѣтства ватрушки бабушки Акулины Вахрамѣвны, жены Михайлыча, дѣтъ на двадцать его моложе; позднѣе я тамъ же слухала и его рассказы, нравившіеся мнѣ уже гораздо болѣе ватрушекъ. Дружба моя со старикомъ началась еще въ такія времена, которыхъ я и сама не запомню, — меня приносила къ дѣдѣ няня, когда я еще ходить не умѣла. Старикъ бралъ меня на руки, и я его ни капельки не боялась, теребила за бороду и обнимала, часто даже засыпала у него на рукахъ, — чему весьма рада была моя Марья Дементьевна, имѣвшая мало сходства съ другими нянюшками, такъ какъ, повидимому, не чувствовала никакой привязанности къ тяжелой здоровой ношѣ, которую должна была день-деньской таскать на рукахъ, между тѣмъ какъ пятеро ея собственныхъ дѣтей и топили, и горѣли и въ лѣсу блуждали... Михайлычъ словно чувствовалъ, что мнѣ недостаетъ чего-то, и нянчился со мною съ тою же простодушной любовью, съ какою возился съ вѣренными ему Вахрамѣвной индюшатами. Съ годами дружба росла и крѣпла, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Старикъ повѣряла я всѣ свои дѣтскія радости и горести, шалостей моихъ онъ не выдавалъ никогда, а иногда и самъ помогалъ въ различныхъ проказахъ. Если я пропадала изъ дому, то искать меня шли къ дѣдѣ, а если оказывалось, что мы оба исчезли, то уже, навѣрно, либо уплыли на лодкѣ рыбу удить, либо въ лѣсъ за грибами ушли. «Извѣстно: старый да малый», — говорила тутъ Вахрамѣвна. По возвращеніи начинались наставленія и старикъ, и мнѣ: ему отъ бабки — мнѣ отъ подлежащаго начальства, Натальи Васильевны, надзору которой мы были поручены въ отсутствіе отца, командовавшаго полкомъ на Кавказѣ. Мать моя умерла, когда мнѣ было всего три года.

Наталья Васильевна была очень добра, очень недалека и почти ничего не знала. Вся ея наставническая дѣятельность по отношенію ко мнѣ ограничивалась тѣмъ, что она задавала мнѣ изъ разныхъ учебниковъ «отсюда и досюда». Что касается до меня, то я выучивала или не выучивала заданное, смотря по настроенію. Я, впрочемъ, любила Наталью Васильевну, хотя не ставила ее въ грошъ и была ея «мученъемъ». Мои вѣчно изорванные платья, грязныя руки, спутанные волосы и промоченныя ноги приводили ее въ отчаяніе. Михайлыча она просто возненавидѣла бы, если бы кроткое, любящее существо было въ состоя-

ни ненавидѣть кого бы то ни было—она все приписывала винѣ этого «потатчика». Дѣло дошло, наконецъ, до того, что нужно было предпринять что-нибудь рѣшительное, такъ какъ, помимо Михайлыча, у меня завязалась дружба со всевозможными деревенскими мальчишками и дѣвчонками, и я совершенно отбилась отъ рукъ. Требуется, напримѣръ, отъ меня Наталья Васильевна, чтобы я сѣла учить уроки. Заниматься ими я соглашаюсь только подъ однимъ условіемъ, именно, оставаться на балконѣ—я ни за что не хочу запереться въ душную комнату; тутъ уже не помогаютъ ни выговоры, ни наказанія. Итакъ, право «взобрить» на балконѣ отвоевано, я усаживаюсь и открываю книгу съ искреннимъ намѣреніемъ углубиться въ заданное... вдругъ внизу, въ кустахъ, что-то начинаетъ шевелиться и до моего слуха доносится осторожный шопотъ:

— Слышь, слышь, Машенька Миколавна, рачебъ бы половить съ нами... ась? асенъки?

Ну, кто могъ бы противостоять подобному зову? У кого хватило бы воли уткнуть носъ въ Греча, либо Ободовскаго, и твердить непремѣнно на распѣвъ и съ своеобразными удареніями. Въ Нидерландѣхъ главный гб-родъ Амстердамъ, главный гб-родъ и Га-га и сто-ли-ца ко-ро-ля!—Если бы я не передѣлывала прозы учебниковъ на свой ладъ, въ нѣкоторое подобіе стиховъ, я вовсе не была бы въ состояніи выучивать своихъ уроковъ.

— Господи!...—съ отчаяніемъ восклицала я:—да какое мнѣ-то дѣло до того, что «Гага и столица короля». И на что это ему два главныхъ города понадобилось?—точно одного не довольно; это все для того только, чтобы труднѣе учиться было маленькимъ дѣвочкамъ, которымъ хочется гулять и играть.

Какъ нарочно въ такія минуты слышался зовъ какого-нибудь искуителя:—«а нутеось за рачками!...». Тихо-тихо, сама едва слыша дѣлаемый мною шорохъ, запрятывала я ненавистнаго Ободовскаго за кадку съ олеандромъ и кралась ползкомъ по балкону, подъ окнами гостиной—все вдоль стѣнки, чтобы не увидала ненарокомъ Наталья Васильевна, сидѣвшая у окна за нескончаемымъ филиейнымъ вязаньемъ. Ползкомъ пробиралась я и по террасѣ, опять-таки тѣсно прижимаясь къ стѣнѣ.—Стой! что-то скрипнуло наверху—окно или балконная дверь...

— Машенька, — зоветъ Наталья Васильевна: — нѣтъ?... и книжки нѣтъ—ушла, значить, доучивать урокъ въ бесѣдку... ну Богъ съ ней... и жарко же сегодня!...

— Ухъ, слава тебѣ Господи!—ушелъ рябой чортъ!—Признаюсь, у меня тогда не было другого названья для доброй души,

по убѣжденію терзавшей меня Гречами и Ободовскими. — Ну, теперь ближайшая опасность миновалась; теперь нужно только добраться до рощи такъ, чтобы не увидали, а тамъ: держи вѣтра въ полѣ! Аксютка и Степка и Наташка ужъ тутъ.

— Чего-жъ ты застряла! гляди, вонъ уже и обѣдъ скоро; ну, шевелись же! — подгоняють меня сообщники. — И вотъ мы уже и въ рощѣ и за рощей; кубаремъ скатываемся мы подъ горку на лугъ, къ рѣкѣ, гдѣ насъ ждетъ не богатая добыча, а просторъ, звонкій ребячій хохотъ, нестерпимо палящее полуденное солнце и свобода, свобода!...

Широко разстилается береговой лугъ, рѣка быстро струится по песчаному дну, такъ быстро, что въ омутѣхъ и зимой не замерзаетъ. Кулики свистятъ; надъ озеромъ, чрезъ которое подалше на-лѣво, по пути, протекаетъ рѣка, съ крикомъ несутся чайки; въ полуверстѣ на-право, на шоссе, звенитъ колокольчикъ; по новому шоссеиному мосту грохочетъ пустая телега... потомъ все на минуту смолкаетъ, и слышны только тихій плескъ воды о берегъ, да шелестъ камыша.

— Ты, Степка, тамотко, на-лѣво становись, да положи кошель-то подалѣ отъ берега, неровенъ часъ — сплхнешь въ воду. Я на-право пойду, а ты, барышня, тутотко съ Наташкой оставайтесь, — не горазды вы обѣ рыбачить-то, ну вдвоемъ-же, дастъ Богъ, парочку рачковъ изымаете.

Такъ распоряжается Аксютка, она старше всѣхъ, ей уже одиннадцать лѣтъ. Я ужасно обижена ея недовѣріемъ къ нашему съ Наташкой умѣнью ловить раковъ, но молчу и думаю: «погоди, мы съ Наташкой больше вашего наловимъ».

Воцаряется глубокая тишина. Мы ловимъ раковъ прямо руками: каждый изъ насъ ложится ничкомъ, во всю длину, на берегъ; голова надъ водою; какой сказочно-причудливый видъ все принимаетъ въ водѣ — камушки, водоросли... камыши стоятъ поодаль отъ берега, между ними подъ водою темная чаша, — ни въ ней, ни за ней, ничего уже не видно; за камышами рѣка глубокая-преглубокая, — тамъ черные, глухіе омуты. У самаго берега песокъ, тутъ все дно видно. Почва берега песчаная, какъ и рѣчное дно, но ее превратили въ зеленый лугъ ежегодные разливы рѣки, нанесшіе на песокъ толстый слой ила, превратившагося въ богатый черноземъ. Слой этотъ подрытъ; подъ нимъ, между изоловиною обнаженными корнями прибрежныхъ кустовъ, образовались подводныя норы и ходы; тамъ, притаившись, сидятъ черныя раки и поводятъ усами въ ожиданіи добычи. Подъ берегъ, въ нору, нужно засунуть голую руку, — уходитъ она туда по

локоть—надо успѣть схватить рака, пока онъ не устрѣльнулъ въ камыши. Я опускаю руку въ воду,—рѣка такъ быстра, что течение ощутительно даже у самаго берега; я чувствую, какъ влага охватываетъ мою руку и струится дальше; сверху вода теплая, поглубже прохладная;—теперь скорѣе руку въ нору: щелкъ, щелкъ, щелкъ, хлопъ, хлопъ... трепещется и щелкаетъ хвостомъ пойманный ракъ.

— Анъ, видишь, я-то прежде всѣхъ рака поймала—съ торжествомъ восклицаю я,—и сердце мое бьется такъ скоро, скоро... отъ радости, что ракъ и попался, и не ущемилъ моихъ пальцевъ.

— Тыфу, провались ты стампи!—раздается испуганный голосъ одного изъ товарищей, — вишь какъ спужала, ракъ-то вѣдь мой ушелъ — эво ли какъ стрѣлянулъ въ осокѣ, и не видать ужъ...

— Охъ-ти мнѣ-тушки, охъ...—вызвать другой ловецъ и всю всѣхъ силъ трясеть надъ берегомъ рукой, въ которую впился ракъ, отчаянно защищаясь.

Ну какіе же Греки въ состояніи удержать отъ участія въ такихъ наслажденіяхъ!

Возвращеніе домой бывало, конечно, не такъ весело, какъ отправленіе: дома ждали и переодѣванья—я была вся перемазана и перемочена—и поученія и наказанія въ родѣ того, напримѣръ, чтобы переписать сто разъ слова: «я опять ушла безъ спросу». — «Изъ-подъ самаго твоего носу» — шептала я при этомъ, въ видѣ отчаянной мести за нестерпимую необходимость сидѣть и писать—писать: «эти глупости!»

Какъ бы то ни было, но такіа шалости, такое непослушаніе, привели, наконецъ, Наталью Васильевну въ полнѣйшее отчаяніе, и она рѣшилась написать о моихъ прѣсудахъ отцу. Я не придавала особеннаго значенія ея словамъ, и когда она пригрозила пожаловаться «папѣ» и попросить его отдать меня въ институтъ, я про себя рѣшила, что это все глупости, и что отецъ либо пришлетъ мнѣ только письменный выговоръ, либо не отдастъ привезенныхъ гостинцевъ, когда прійдетъ, а спрячетъ ихъ до поры до времени, пока я исправлюсь. Это случалось уже и раньше, и однажды привезенныя игрушки были въ конецъ изгрызены мышами—такъ долго я не хотѣла исправляться.

Но на этотъ разъ случилось иначе: отецъ написалъ Натальѣ Васильевнѣ, что черезъ мѣсяцъ прійдетъ самъ, и если окажется нужнымъ, отвезетъ меня въ институтъ. Когда отецъ пріѣхалъ и увидалъ меня, то, по его мнѣнію, это дѣйствительно оказалось

необходимости и пришлось мнѣ разстаться и съ любимымъ Михайлычемъ и со всѣми моими березайскими друзьями.

II.

Шесть лѣтъ институтской жизни прошли скоро. Дологъ и тяжелъ показался мнѣ только первый годъ. Своенравная, дикая, нѣтъ стѣнной жеребеночекъ, я сначала чуть не задохнулась въ четырехъ стѣнахъ заведенія. Училась я хорошо; по-французски и по-нѣмецки болтала бойко, такъ какъ до Натальи Васильевны у насъ была гувернантка швейцарка, говорившая на обоихъ языкахъ, а впоследствии, когда Наталья Васильевна ее замѣнила, я стала читать иностранныя книги, крадя ихъ изъ отцовской библіотеки, когда дурная погода задерживала меня дома, или же выходилъ рѣшительный запретъ по отношенію къ Михайлычу и деревенскимъ друзьямъ. Вадумалось же мнѣ читать иностранныя книги потому, что Наталья Васильевна дѣлала для моего чтенія слишкомъ строгій выборъ русскихъ — у меня прошла охота читать ихъ, и я стала таскать, сквозь разбитыя стекла книжныхъ шкафовъ библіотеки, книги нѣмецкія и французскія, увѣряя Наталью Васильевну, что беру ихъ изъ дѣтскаго шкафа. Обманъ мой удавался, благодаря ея незнакомству языковъ.

Итакъ, я въ институтѣ училась хорошо, и тѣмъ болѣе времени оставалось у меня на мечты, а мечтала я до боли о своемъ родномъ гнѣздѣ, Березаѣ, и всѣхъ его обитателяхъ. Ночью подруги иногда будили меня, говоря, что мой плачь во снѣ не даетъ имъ спать... мнѣ же все снилась родина, поля, лѣса, просторъ и свобода, и я плакала отъ счастья, что я опять тамъ, опять среди всего милаго, своего, а не далеко, между чужими.

Прозвали меня въ классѣ «мужикомъ», и не мужикомъ даже, а «le moujik».

— Je te reconnais à ta marche légère! — напѣвала мнѣ вслѣдъ которая-нибудь изъ подругъ.

— Мнѣ душно здѣсь — я въ лѣсъ хочу! — декламировала другая.

— Отстаньте, пострѣлята! — кричала я съ досадой.

— Mesdames, qu'est ce que ces — «пострѣлята»?

— Черти, право черти! — огрызалась я.

Раздавался хохотъ, и начинались новыя поддразниванія, новые мученія.

Казенное камлотовое платье растирало мнѣ плечи до крови;

башимаки были узки... но ужаснѣе всего былъ корсетъ. Этой послѣдней пытки я не забуду никогда, а меня въ теченіи года каждое утро, несмотря на просьбы и слезы, затягивали въ корсетъ по приказанію и въ присутствіи классной дамы. Только къ концу перваго года я догадалась сбрасывать его потихоньку отъ моихъ учителей.

Все это, конечно, осталось не безъ вліянія какъ на душевное, такъ и на тѣлесное мое здоровье. По прошествіи года-двухъ, чуткіе дѣтскіе умы нашли нужнымъ измѣнить мое прозвище «мужика» и стали звать меня «щепкой», что чрезвычайно вѣрно выражало и мою худобу, и какое-то деревянное отношеніе ко всему окружающему. Не узналъ бы тутъ Михайлычъ своего вѣрнаго товарища.

Мало-по-малу, однако, тоска по родицѣмъ притупилась; я стала сживаться съ институтскими порядками; потому что они начали занимать меня, и въ концѣ-концовъ, черезъ шесть лѣтъ, личинка превратилась въ куколку, ничѣмъ не отличавшуюся отъ сотни ей подобныхъ, получающихъ воспитаніе въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я была вполне пропитана тою же безпредметною мечтательною грустью, какъ и всѣ мои подруги, тою же женственною стыдливостію, тѣмъ же окончательнымъ незнакомствомъ жизни и людей. Въ головѣ и въ душѣ было пусто — кое-гдѣ только, въ далекихъ уголкахъ ихъ, копошились узко-личныя, самолюбивыя, мелкія заботишки и чувствѣнца.

Къ счастью — я говорю такъ въ настоящее время, тогда я считала это ужаснымъ несчастіемъ — судьба забросила меня, по выходѣ изъ института, въ тотъ же Березай.

Я почти задохнулась отъ наплыва впечатлѣній, когда очутилась дома, — я такъ давно отвыкла что-либо дѣйствительно чувствовать. Извнѣ налетали и толпились новыя ощущенія, изнутри — призраками прошлаго вставали воспоминанія.

Заплакалъ старыми очами Михайлычъ, когда я, забывъ напускныя институтскіе приемы, по прежнему бросилась ему на шею, а не дала «подойти къ ручей», какъ онъ намѣревался, увидавъ во мнѣ высокую, привираженную барышню.

Что говорить о деревенской жизни барышни-помѣщицы того времени? Вездѣ и для всѣхъ она была одна и та же: однообразно, безцѣльно тянулись дни за днями, недѣли за недѣлями. Безцвѣтный строй обыденной жизни прерывался развѣ выѣздомъ къ сосѣдямъ или пріѣздомъ какихъ-либо гостей — больше ничѣмъ. Какъ ни дорогъ былъ мнѣ родной Березай, какъ ни мило все, что меня тамъ окружало, но мнѣ хотѣлось для себя другой об-

становии, въ которой я могла бы веселиться, блистать, жить—однимъ словомъ. Я была въ сущности вынуждена оторвана отъ жизни своего родного гнѣзда, жизни, представлявшей что-либо самобытное уже ниважъ не въ господскихъ хоромахъ. Между мною и тою частью Березая, гдѣ трепетала живая жизнь, гдѣ люди дѣйствительно работали, отдыхали, радовались и печалились въ самомъ дѣлѣ, а не «нарочно», глубокою пропастью легли шесть тѣлесныхъ институтскихъ лѣтъ. Вернувшись въ Березай, я, конечно, отнеслась съ любовью не только къ болѣе близкимъ мнѣ людямъ: я, такъ-сказать, вспомнила и о прежней своей любви къ простому русскому человѣку, но это было уже не то... это уже не было чувство равнаго къ равнымъ, а какое-то—не то снисхожденіе, не то сожалѣніе. Да если сказать по совѣсти, то простой человѣкъ занималъ меня лишь настолько, насколько разгонялъ свирѣпую скуку, которая начала овладѣвать мною, какъ только я освоилась и пообжила въ деревнѣ. Мы не получали ни газетъ, ни журналовъ; приходилось довольствоваться тѣми же романами и путешествіями, которыми я наслаждалась въ дѣтствѣ.

Я стала читать романы запоемъ, и сама начала мечтать о любви, о женихахъ... Но ни любовь, ни женихи не являлись, а если какой-нибудь женихъ и подвертывался, то былъ до такой степени далекъ отъ того превосходства, котораго я считала себя въ правѣ требовать отъ избранника своего сердца, что я чувствовала только горькую обиду за дерзкія, по моему мнѣнію, притязанія тѣхъ, кто осмѣливался за меня свататься. По прошествіи трехъ-четырехъ лѣтъ такая жизнь сдѣлалась мнѣ совершенно невысимою и я начала стремиться и рваться куда бы то ни было, только вонъ изъ этого «болота». Но средствъ жить всей семьей въ Петербургѣ и поддерживать тамъ «достоинство своего дома» у отца не было, — онъ былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы изыскивать ихъ, да и вообще находилъ, что нужды въ этомъ нѣтъ: живемъ мы и здѣсь, слава Богу! Отпустить меня одну гостить къ кому-нибудь изъ родныхъ? На это нужно было рѣшаться, а рѣшался отецъ на всякое новое дѣло съ трудомъ. Потомъ же, разъ отпустишь—захочется и еще, и еще—конца этому не будетъ. Послать пожить у тетокъ для ловли богатаго жениха? Старикъ мой былъ слишкомъ честенъ, да и мнѣ подобная вещь не пришла бы въ голову; ну, я и жила, какъ жилось: скучно! Въ это время въ Петербургѣ устроились педагогическіе курсы; узнала я объ этомъ печально, изъ насмѣшливаго разсказа одной сосѣдки. Вотъ случай ухватить для дѣла,—я съ трудомъ уговорила отца, но, видя въ этомъ возможность разъ навсегда разогнать тоску, начинав-

шую дѣйствовать уже и на мое здоровье, старикъ согласился, заставивъ замолчать даже дворянскую гордость, не могшую помириться съ мыслью, что я буду готовиться въ учительницы. Я, впрочемъ, успокоила его, обѣщавъ, что займусь только для пополненія собственнаго образованія. Дѣло, начатое ради скуки, заняло меня. Я прожила въ Петербургѣ у тѣтокъ двѣ зимы и усердно работала. На лѣто я возвращалась домой, въ деревню, куда меня, съ тѣхъ поръ, какъ я не была тамъ прикована, начала тянуть не только любовь къ семьѣ, но, благодаря вѣчному времени, и та сторона жизни, связующимъ звеномъ съ которой былъ для меня Михайлычъ и прежніе друзья. Въ началѣ 1866 г. занятія мои прекратились, повидимому, окончательно, и я воротилась подъ свои сосны съ тѣмъ, какъ я думала тогда, чтобы долго не покидать Березая.

III.

Не такою радостной и привѣтливой встрѣтила меня родная картина, какою я оставила ее въ прошломъ году. Уже выйдя изъ вагона на желѣзно-дорожной станціи, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Березая, меня поразило какое-то смутное выраженіе не то тревоги, не то заботы на лицахъ крестьянъ, толпившихся на станціонной платформѣ.

— Охъ, родимые! — плакался какой-то женскій голосъ въ сторонѣ, гдѣ толпа была всего гуще:—охъ, хрещенные, довезла я своєю жадбнаго касатика, почитай, что до самаго дому... и вотъ что попричилось! Охъ, батюшка, кормилецъ ты мой, на кого ты покинулъ меня, горемычную?.. Взовьюсь я сѣрой кукушечкой, горюшечкой—закукую, заплачу: пролью слезы вдовья горькія, какъ мнѣ вѣкъ вѣковать одной, горемычной, безъ моей безъ улады, безъ государя моего, Петра Иваныча...

Жгучей болью, тоской отзывались ноющія причитанія съ востливыми выкриками.

— Матушка, Микалаевна, насилу разыскалъ я тебя!—смѣялся мнѣ на встрѣчу рыжебородый станціонный стоечникъ, Никита, обыкновенно отвозившій меня со станціи въ Березай, но и его улыбка не была на этотъ разъ такъ широка и безнечно привѣтлива, какъ прежде.—Все ли здорова будешь, барышня? Слышу я, папенька твой знаетъ даль, ѣдетъ-де Микалаевна, заложилъ троечку, да и подхватилъ за тобой къ станціи — искалъ-искалъ,

насилушку нашелъ: нпъ что народу-то, валомъ нонѣ валить домой съ Питера.

— Скажи, ради Бога, Никита, что тутъ такое?

— Да, что: везла баба Медвѣдѣвска мужа въ горячкѣ съ самаго Питера, думала, отстанетъ хворь-то дома; довезла доседа—а тутотво до Медвѣдева всего верста—вынесла на рукахъ съ вагону, положила на платформу... за лошадью сбѣгать хотѣла—нанять, а онъ тутъ и кончился... грѣхи, я тебѣ скажу!

— Да, что же всѣ-то словно въ горѣ ходять; вѣдь не всѣ же объ этомъ мужикѣ убиваются?

— А ты разѣ не слыхала, что и у насъ тутъ горячка, да холера по деревнямъ народъ все одно что косой косятъ?

— Слыхать-то я слыхала, да неужели такъ ужъ очень много помираетъ?

— Охъ, матушка, страсти-что мреть народу; да, вотъ, прѣдень домой, спросишь напеньку да сестрицѣ, они тебѣ расскажутъ.

Мнѣ собственно уже писали, что въ окрестностяхъ Березая свирѣпствуютъ тифъ и холера, но въ Петербургѣ я обратила мало вниманія на это извѣстіе.

— И-ахъ, какъ лютуетъ она, эта самая горячка: скрутить тебѣ бабу, аль-бо мужика—живо: въ день-въ два лежитъ онъ будто пласть, и горитъ весь; и выступаютъ по ѣмъ пятна красныя съ сининой, а то и совсѣмъ темныя—станетъ во всемъ тѣлѣ рабой, а отъ самого жаромъ такъ и пашетъ, такъ и пашетъ... Бредятъ тожно, только болѣ смирно лежатъ, ничего не говорятъ и не помнятъ. Помираетъ ихъ много. Насъ пока Господь милуетъ на станціи: баютъ люди ученые оттого это, что-де на высокомъ мѣстѣ живемъ, и жилье не болно тѣсно другъ околѣ дружки.

Много рассказывалъ мнѣ Никита.... Мнѣ сдѣлалось невыносимо болно за весь этотъ безпомощно-болѣющий и безъ утѣшенія-умирающій народъ: окрестные священники, по словамъ ямщика, не успѣвали навѣщать всѣхъ хворыхъ,—отъ станціоннаго же доктора никто не ждалъ и не требовалъ помощи.

Часа черезъ два съ половиною мы подѣвжали къ Березайскимъ огуменикамъ и, круто повернувъ на красный дворъ, быстро подкатили къ крыльцу. Было часовъ одиннадцать утра; яро зеленѣли лужайки двора, валитыя іюньскимъ солнцемъ. Въ усадьбѣ все смотрѣло такъ же спокойно и беззаботно, какъ и встарь: сѣрый домъ съ зеленой крышей; старыя деревья, перевѣсившіяся за высокую ограду сада; голуби въ слуховомъ окнѣ чердака;

воробьи до того смѣлые, что влетали почти изъ-подъ коннѣ лошадей и стаями опять тотчасъ поналетали на дорогу, позади подѣхавшаго въ крыльцу тарантаса....

Поздоровавшись съ вышедшими мнѣ на встрѣчу отцомъ и сестрами, я вошла въ дѣвичью, гдѣ меня, по обыкновенію, ожидала вся домашняя и дворовая челядь. Впереди стоялъ Михайлычъ съ Вахрамѣвной. Старикъ поразилъ меня своимъ видомъ: онъ весь какъ-то опустился — глаза смотрѣли тускло; на лицѣ осеннею мглою легла тяжелая забота.

— Здравствуй, дѣдушка, — сказала я, — по старинному цѣлюясь съ нимъ трижды.

— Здравствуй, родная, здравствуй, Машенька, моя Минолаевна.

— Что ты, здоровъ ли, дѣдушка! не веселъ ты что-то, на мой взглядъ.

— Не отъ чего веселымъ быть, желанная; да, вотъ отпустишишь народъ, такъ я тебѣ словечко скажу, коль милости твоей угодно будетъ.

— Въ чемъ же дѣло, дѣдушка? — спросила я, когда окончила здороваться съ остальными и дѣвичья опустила.

— Охъ, матушка, вѣдь безъ тебя тутъ и Глафира наша помирать собралась, — проговорилъ тоскливо старикъ.

— Что-ты, дѣдушка, неужели и она?

— Да, родная ты наша; кабы ты раньше пріѣхала, може и помогла бы чѣмъ. Спервоначалу какъ стала Глафира хворать, такъ все поминала: «Нанеси, Господи, нашу большуху скорѣе! дюже мнѣ неможется, дѣдушка»... Я къ ней кажинный день хожу, али Вахрамѣвна, а то и ночевать остаемся который-нибудь. Ахъ, ты, Господи, и что только тепериче на деревнѣ у насъ дѣется... весной пашню міромъ пахали за больныхъ, кто здоровъ оставался; болѣ половины народу — кто и по сейчасъ безъ памяти лежитъ, а кто такъ еле бродитъ.

Глафира была вдова Михайлычева внука. Не мало воспоминаній моего дѣтства было связано и съ нею. Жизнь ея не тянулась однообразной сѣренькой полоской, какъ у другихъ крестьянскихъ женщинъ. Глафирѣ и въ дѣтствѣ, и впоследствии пришлось испытать много душевныхъ бурь. Дѣдушка часто рассказывалъ мнѣ про нее — онъ любилъ ее вѣрно, кажется, даже больше всѣхъ самыхъ близкихъ ему людей. Глафира была чрезвычайно хороша собою. Больше всего въ ней нравились мнѣ ея глаза: темно-синіе, нѣсколько впалые, пылливо и строго глядѣвшіе на все окружающее. Волосы у ней были свѣтло-русые и

ились, что рѣдко встрѣчается у русскихъ женщинъ. Когда она вышла замужъ, она, по обычаю, стала прятать ихъ подъ полойникъ. Я какъ-то разъ зашла къ ней нечаянно на прогулкѣ — она расчесывала волосы: густой волной рассыпались изъ-подъ грѣбня длинныя кудри съ золотистымъ теплымъ отливомъ.

— Ахъ, какая ты красавица, Глаша! — вскрикнула я невольно. — Она засмѣялась.

— Было, родная, было, да и бывшемъ поросло. Гляди-ко-ся, не много у нашей сестры красоты остается, какъ такую ораву робать народишь, да выкормишь. Двоешекъ-то своихъ я въ полѣ на житнѣхъ родила, да въ подолѣ домой съ полосы принесла. Послѣ первинькаго хворала тожно, второго да третьяго легко Господь пронесъ, а вотъ четвертымъ совсѣмъ бы померла, дабы бабушка Вахрамѣвна день да ночь, глазъ не смыкаячи, не сидѣла надо мною. Надоть родить ихъ — это разъ; объ хозяйствѣ же своимъ чередомъ позаботиться нужно; работать такъ-то отъ зари до зари, рукъ не покладаячи. Сама знаешь, долго и мужъ-то мой, Степанъ Еоимычъ, хворалъ, пока померъ. Гдѣ ужъ тутъ красивой быть, аль оставаться. А какъ Степанъ Еоимычъ померъ, такъ у меня вдвое противъ прежняго работы прибавилось: не хотѣла я въ бобыльки, таготы мірскія всѣ несу съ мужиками наравнѣ. Какъ большакъ вотъ мой подростетъ, такъ хозяйство какъ быть слѣдуетъ отъ матери приметъ.

Большаку было тогда около восьми лѣтъ; онъ молча слушалъ материнскую рѣчь и, только когда она упомянула о немъ, съелъ долгомъ и самъ дать знать о себѣ, фыркнувъ и вѣжливею утеретьъ носъ рукавомъ.

— Рости же, смотри, скорѣй, Васютка, — сказала я.

— Лан-но, неужъ не вырасту.

— Да, онъ и теперь мнѣ подмога, — гордо и любовно глядя на сына, промолвила Глафира. — Онъ ужъ и тепериче коѣ-что по-дому, да околъ скота мнѣ помогаетъ. Грѣхъ мнѣ на робать на своихъ жаловаться, — не обидѣлъ меня ими Господь. Васютка вонъ ужъ и читать, и писать начинается... и такой это у ихъ съ Алѣнкой промежъ собой споръ идетъ, индо до слезъ надъ ими захохочешься. Знаешь, чай, Архиныча — солдатъ у насъ отставной, школу завелъ — міръ на томъ порѣшилъ, чтобы позволить ему, — по рублю съ мальченка, за выучку беретъ: это читать-писать и молитвы: Отче, тамъ, ну, Богородицу и други, какі слѣдуютъ; — такъ Алѣнѣ завидно, что я Васютку къ Архинычу пошлю: и что это, говорить, мамушка, быдто дѣвчонки ужъ и не-люди; я тоже, говорить, учиться хочу; я, погляди, скорѣй

Васюткина вначусь. Стану я ей на это смѣяться: тебѣ, говорю, рано; тебѣ всего сѣмь годъ идетъ, — такъ она вся такъ и ирѣбидется: породе, скажетъ, дай Богъ Марьюшкѣ, большухѣ-то нашей, Николаевнѣ, пріѣхать — я къ ей схожу; она выучить, небось, лучше Архипычева. Тобой все и страдала. Дѣлать нечего, стала и ее къ старику посылать; такъ споры у нихъ, да переборы завелись съ Васюткой: ты-де не такъ читаешь, — нѣтъ, ты не такъ. Разъ, вотъ-те Христось, разнимать пришлось. Грѣхъ съ ими, да и только!

Алѣнка сидѣла въ углу, на лавкѣ, уткнувшись носомъ въ стѣну.

— Что-жъ, вотъ и большуха пріѣхала, Марьюшка твоя, Николаевна, — застыдилась теперь, небось!

— Аль загордилась, Алѣнка? — спросила я.

— Нѣ, не загордилась, — отвѣчала она, улыбаясь все-таки въ стѣнку.

— Приходи-ка ко мнѣ уже съ дѣвчонками; пойдемъ вмѣстѣ за ягодами.

— Лан-но, приду.

— Смотри же, приходи.

Возиться съ крестьянскими ребятами входило и раньше въ число немногихъ моихъ развлеченій. Но съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣзжала въ Березай только на лѣто, меня сближали съ деревенскимъ людомъ и нѣсколько иныхъ побужденія. Я заходила иногда и къ большимъ, и безпомощнымъ, стараясь сдѣлать что-нибудь для нихъ — помощь моя принималась всегда охотно, хотя я очень сомнѣвалась, чтобы она въ дѣйствительности приносила кому бы то ни было пользу. Тѣмъ не менѣе крестьянскія женщины стали частенько-таки захаживать и ко мнѣ, кто за лекарствомъ, кто зачѣмъ. Ребятишки прибѣгали, чтобы пойти съ нами въ лѣсъ, за ягодами или за грибами; имъ было не скучно съ нами, тѣмъ болѣе, что насъ всегда сопровождала сытная закуска, которою мы съ ними охотно дѣлились. Глафирины ребята чаще другихъ прибѣгали въ усадьбу, то къ дѣдкѣ, то ко мнѣ.

— Барышня, а барышня, я-те зайчать пару изловилъ, да принесть, — мнѣ неколи съ ими баловаться, да и кормить ихъ нечѣмъ; сказывала мамушка, что ты до всякихъ животныхъ охочи, ну, я тебѣ и принесть.

— Давай, Васенька, давай.

Притащилъ мнѣ Вася и журавля молодого, и, хотъ некогда ему было баловаться, однако, онъ иногда прибѣгалъ изъ деревни, кажется, столько же для того, чтобы повидаться съ Журкою,

сталью и съ дѣдушкой. А Журка выросъ на славу, и на зиму не улетѣлъ. Ходилъ онъ горделиво, словно панъ какой по двору и по саду. Мы за ягодами — и онъ съ нами; мы малину собираемъ — и Журка прямо съ кустовъ ягоды клонетъ. Мы къ озеру: смотрѣть, какъ рыбаки, дядя Федоръ молченогій, съ сыномъ Сидоромъ, рыбу изъ лодки на берегъ выгружаютъ — и Журка тутъ-тутъ. Станетъ Федоръ рыбу на пять кучь раскладывать: себѣ четыре, барину пятую, — Журка, не стѣсняясь, то изъ той, то изъ другой кучи, знай-себѣ, рыбку подбираетъ. Мы его гвatz, а онъ увернется, да опять къ рыбѣ, а Федоръ и скажетъ: «не трожьте его, онъ — птица — тоже свое знаетъ, понимаетъ толкъ въ рыбушкѣ; небось, гляди, съ хвоста некоторую не клонетъ, а особенно ерша опасается». Идемъ ли мы въ лѣсъ за грибами, — Журка опять-таки съ нами: сестры мои, ребятишки и я идемъ впереди; по бокамъ шныряютъ въ кустахъ Цампа, Валетка и Бѣльша; сзади, неслышно, крадется по песочку Розетта, жирный, желтый котъ, окрещенный меньшою сестрою въ припадкѣ романтической мечтательности именемъ Розетты!... Подъ ногами вертится щенокъ-Жуекъ, а рядомъ съ нами степенно выступаетъ Журка, вѣчно враждующій съ Жукомъ за то, что тотъ непремѣнно каждый вечеръ стремится завладѣть его гнѣздомъ — корзинкой съ сѣномъ, стоящей подъ дѣвичьимъ крыльцомъ.

— Охочи-таки наши барышни до всякихъ животныхъ, — скажутъ, бывало, встрѣчные крестьяне. — Ишь, вѣдь, прости Господи, какого только звѣря не ведутъ съ собой!

IV.

«Какое-то теперь Глафирѣ и ея дѣтямъ?» — думалось мнѣ, услышавъ Михайлычеву печальную вѣсть. Бѣдные ребята! Вотъ, когда Васюткѣ и совсѣмъ ужъ баловаться не придется! Надо бы навѣстить Глафиру, непремѣнно, сегодня же.

Съ Михайлычемъ вмѣстѣ отправилась я къ ней въ тотъ же день. Мы выбрали ближайшую дорогу въ Березай-село, гдѣ она жила. Дорога эта шла по лѣсу, по узкому, извилистому песчаному наносу, между озерами и моховыми болотами, и мѣстами перерѣзывалась тонкими оврагами, гдѣ приходилось пробираться по бревнамъ, наполовину увязшимъ въ полужидкой грязи. Носила она названье Волчьего-перегоня и огибала лѣсистый песчаный холмъ, весь покрытый могильными курганами, и называемый окрестными крестьянами «татарскими могильниками». По описанному про-

селку, гдѣ можно было, впрочемъ, идти только пѣшкомъ, до Береза-села было не болѣе четырехъ верстъ; проѣзжая же и притомъ плохая дорога; минуя озера и топи, растапулась верстъ на двѣнадцать; ѣхать по ней взяло бы больше времени.

Дойдя до могильниковъ, старикъ убавилъ шагъ.

— Гляди, Миколасевна, вотъ онъ самый и пенъ, около котораго я Глафиру притулившимъ нашелъ... Ой, да и жалко-жъ мнѣ бабу—болно разумна, да работяща. Схоронилъ я сына, внука схоронилъ, а ее всѣхъ жалчѣ хоронить будетъ—лучше бы самъ въ сыру-могилу легъ... и слезъ нѣтъ у меня,—всѣ высохли. Вахрамѣвнѣ—той легче: у ней еще слезно горе есть, а у меня и слезъ, у старика, нѣту-ти больше....

И вправду тяжело было глядѣть на старика, подавленнаго глубокой душевной печалью, не могшей вылиться наружу слезами.

Лѣсное мѣсто, по которому мы шли, и связанные съ нимъ воспоминанія имѣли важное значеніе для всей Глафириной жизни, хорошо извѣстной мнѣ, отчасти по разсказамъ Михайлыча, отчасти потому, чему я сама была свидѣтельницей.

Старикъ охотно говорилъ о прошломъ, особенно часто толковалъ онъ о Глафирѣ, любовно вспоминая свою первую встрѣчу съ ней, происшедшую при довольно странныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Вотъ какъ онъ разсказывалъ мнѣ прежде объ этомъ, а теперь дополнилъ нѣкоторыми подробностями:

— Чудны дѣла дѣются на свѣтѣ: вотъ хоть бы какъ я Глашутку въ лѣсу нашелъ. Былъ я уже и тогда не молодъ, на покой, почитай, находился, — только развѣ въ Христовъ день, при большомъ паратѣ, выѣзжалъ съ бариномъ; а такъ-то, въ будень-день, въ просто время, болѣ дома сидѣлъ, да кое-что ковырялъ: сбрую чинилъ, аль-бо лапти плелъ, также какъ и те-перичеа—знамо, старый человекъ. Любилъ я и тогда сидѣть на завалинкѣ—все, бывало, забредетъ кто-нибудь: богомолочка старенька, либо человекъ добрый проходящій—шло ихъ въ тѣ-пори много, былъ трахтъ шоссейнымъ единымъ путемъ съ Москвы на Питеръ—чугунка еще проведена не была. Захаживалъ такъ-то народъ бредучій—и отдохнуть, и напитаются, и посидятъ, бывало, со мной, старикомъ. Разсказывали они много про Святы мѣста и про пути-дороги дальнія, а кто и сказки сказывалъ и пѣсни пѣлъ. Говорили тоже про воровъ-разбойниковъ и про старинныя времена, когда добрые люди кладъ въ землю хоронили отъ лихого человека. Бояли прохожіе, что прежнія времена не вонѣшнимъ чета: было тогда по всей Руси во крестьянствѣ богатство—

варили по селамъ, по поселкамъ, пива, меда, пьяныя, курили зелено вино; скота держали много: кормить его чѣмъ было. Пчелу тоже держали—ульевъ по сту на дворъ и болѣ. Рыбушка водилась по рѣкамъ, по озерамъ, не въ примѣръ противъ тепершняго. Охотились хрещенные тоже на звѣря лѣсного, пушистаго—наживали себѣ золото-серебро. Приѣзжали тогда въ наши мѣста купцы съ Новгорода, покупали, вымѣнивали товары наши—мѣхъ и кожи и меда—и везли ихъ на дальній сѣверъ, къ самому Бѣлаго моря, а туда англичанинъ корабли посылали торговые и мѣнялся съ купцами съ Новогороцкими, за свои товары заморскіе...

— А, должно быть, давно это было! — перерывъ самъ себя на минуту дѣдушка, и опять принялся рассказывать.

Жили дѣды такъ-то богато и вольно, какъ вдругъ стали насъ тѣснить злы татаровья; только мы ихъ въ свою сторону далеко не пустили—тѣи-же, кои подагѣ зашли, отъ своихъ отбилися—всѣ тутъ и востыми полегли: дюже доставалось имъ отъ народа русскаго-хрещенаго. Было у тѣихъ ли злыхъ татаровьевъ много добра понаграблено, и какъ зарывали они своихъ убитыхъ, да надъ ими курганы въ полѣ насыпали, такъ и добро награбленное—золото-серебро—въ тѣи же курганы хоронили, и слово тако приговаривали, чтобы не доставаться кладу въ руки народу христіанскому. Ну, однако, есть такіе люди, что противу этого слова другіе знаютъ, и находятъ тогда татарскіе клады—все это рублевикіи старинныя, дольгонькіе какъ рыбицы, и оттого они рублями прозываются, что отъ кованаго серебра рублены. И все-то это у тѣихъ злыхъ татаровьевъ на Руси, на святой, награблено было! Ну, а кто не знаючи наговорнаго слова татарску могилу разрывать зачнетъ, тотъ тоже до клада добирается и горшки находитъ, и какъ только выйметъ горшокъ, и возьметъ его въ руки, да заглянетъ туда... а тамъ рублевикіи-то прахомъ сѣрыми разсыпались, а по-подъ горшками стрѣлы громовы лежать... Все такое сказывали мнѣ прохожіе люди. Послѣ злыхъ татаровьевъ стала насъ тѣснить Литва, да Москва, и много мы тутъ горя натерѣлись. Тутъ также люди добрые клады хоронили по лѣсамъ, по полямъ, только энти клады труднѣе отыскивать, потому тутъ для каждаго особаго примѣты и особое слово знать надо.

Наслушавшись я такъ-то объ кладахъ, и стали они мнѣ что ночь сниться. И вижу я, приходитъ ко мнѣ въюношѣ младѣ, весь въ бѣломъ, словно бы Егорій Побѣдоносецъ, и говорить: «иди ты рабъ Божій, Пареевъ, на востокъ солнца, и какъ дойдешь до татарскихъ могильниковъ, пойдѣ ты направо, въ третей

могилѣ—тутъ и найдется тебѣ счастье всему дому твоему». Ты, вѣдь, братецъ ты мой, могильники знаешь: кустовѣмъ поросши они густымъ-прегустымъ: — ель, да сосна молодая, а мѣстами торчатъ промежъ кустовъ сосны такі старыя, что, кажись, можно бы имъ расти уже и тогда, когда еще и сами злы татаровья не народились, кои тутъ своей братьѣ на могилахъ курганы насыпали. Глухое это мѣсто — страсть какъ глухое: налѣво, сама знаешь, Кузино—большое, направо Кузина—малое озеро, — межъ ними, да вокругъ, болото моховое, а посередь, да около болота — высоки рѣлки ¹⁾ песчанныя, тоже сосновымъ лѣсомъ поросшія. Направо, не доходя Кузина малаго, и есть та рѣлка, на коей пять кургановъ, и прозывается она татарскими могильниками. Все же мѣсто околъ рѣлки, да въ межозерьѣ, по всему тропка вьется, зовется Волчьимъ-перегономъ, потому много ихъ тутъ перебѣгаетъ—нѣтъ имъ лѣтомъ, да осенью дороги никакой другой по сосѣдству: налѣво большо Кузино — тутъ негдѣ ихнему брату разгуляться; направо—можно бы имъ мала Кузина обѣжать, такъ за имъ больша́ дорога—а по ей, нѣтъ-нѣтъ, кто со звонкомъ и пройдетъ—ну, этого они тоже не любятъ...

Михайлычу хорошо было извѣстно, что я знакома съ описанною имъ мѣстностью не хуже его самого; не разъ хаживали мы туда съ нимъ же вмѣстѣ за грузями, да за боровиками;—старикъ только по словоохотливости не могъ не поговорить всласть о Волчьемъ-перегонѣ и татарскихъ могильникахъ, разъ заведи рѣчь о нихъ. Тамъ же случилось съ нимъ и со мною одно происшествіе, которое мы не забыли, какъ не забывали ни одного изъ сколько-нибудь выдающихся событій нашей бѣдной впечатлѣніями жизни. Это было еще до моего поступленія въ институтъ. Проходя въ какъ-то цѣлое послѣобѣда за грибами, мы возвращались со старикомъ домой, съ корзинами, полными бѣлыхъ грибовъ; вечерѣло:—въ лѣсу начинало темнѣть. Дружелюбно бесѣдуя, подходили мы уже къ самымъ могильникамъ, какъ вдругъ, шагахъ въ десяти отъ насъ, изъ кустовъ на болотѣ раздался такой отчаянный и неистовый ревъ, что у насъ волосы встали дыбомъ. Старикъ опомнился прежде меня и съ крикомъ: «волкъ корову рѣжетъ!» бросился въ кусты, на помощь. Оказалось, что никакого волка нѣтъ, а просто корова, отбившаяся отъ стада, заблудилась въ болотѣ, и теленокъ ея завязъ въ топкомъ мѣстѣ,

¹⁾ Рѣлка—песчаный холмъ, окруженный болотомъ.—Номг. нарѣчіе.

около одного изъ ключей, которыхъ тамъ много. Корова ревѣла съ отчаянія, а, можетъ быть, дѣйствительно, звала пастуха на помощь. Михайлычъ вытащилъ теленка изъ грязи и корова принялась его обнюхивать и лизать, причемъ шерпавымъ языкомъ лизнула въ щеку и меня, вертѣвшуюся около дрожащаго и еле стоящаго на ногахъ теленка. Михайлычъ увѣралъ меня, что она сдѣлала это изъ благодарности: «она-де животная, а свой умъ имѣетъ, не хуже много человѣка!» Не мало удовольствія доставило мнѣ и то, что мы пригнали корову въ усадьбу, гдѣ я никому ни за что не хотѣла уступить обязанности напоить ее и задать ей корму на ночь...

— Вотъ, братецъ ты мой, вижу это я во снѣ Егорья разъ, и наутро говорю Вахрамѣвнѣ: какой, молъ, мнѣ сонъ чудной приснился!—и рассказывалъ ей... а старуха мнѣ: «помолись, дѣдка, Богу, да свѣчку поставь Егорію-то и жди, что дальше будетъ». Исполнилъ я все такъ-то, и снится мнѣ черезъ день все тотъ же сонъ, и говоритъ мнѣ Побѣдоносецъ: «не ходи ты туда ночью, а пойди въ сумерки». Таковъ мнѣ радостно стало, даже во снѣ:—я и съ вечера-то все думалъ, что ночью ни за что не пойду на то нехрещеное мѣсто. На утро рассказываю я это опять старухѣ моей, а она мнѣ: «погоди еще, Михайлычъ-батюшка, еще разъ свѣчку чудотворцу ставь и жди что будетъ». Послушался я ее впрямую, и опять мнѣ въ третій разъ тотъ же самый сонъ снится. Ну, сталъ я тогда и впрямь подумывать, какъ бы мнѣ на могильники сходить. А тутъ, будто нарочно, случись кака-то нужда у моей старухи до кумы до одной въ Березаѣ-селѣ, и проситъ меня Вахрамѣвна: «сходи, дескать, дѣдка, къ кумѣ, къ Степанидѣ Игнатьевнѣ, такъ и такъ, молъ, скажи ей»... Ну, а кака тамъ нужда была, я теперичка ужъ и запомнилъ.

Была въ тоѣ время осень глубокая на дворѣ: осина да береза давно уже безъ листву стояли — холодно было... Надѣлъ я полушубокъ, взялъ палку, прицѣпилъ кошель берестяный за спину,—а лопаты не бралъ, потому: не говорилъ мнѣ Егорій, чтобы землю рыть. Старуха до околицы меня проводила... а вѣтеръ-то такъ и кружить и вѣетъ листь палый, да хвою старую,—того и гляди самого съ ногъ свалить;.. стонетъ-воетъ непогода, ну, ровно кто по покойникѣмъ голосить...

— Ахъ, ты Господи!—говоритъ Вахрамѣвна:—возьми-ка ты, старикъ, хоть платокъ мой на шею надѣнь—вишь ты какъ разыгралась погода: свищетъ, да закручивается—а на то, кажись, еще

и дождь пойтить собирается — накрапывать. — А то вернись добръ, ну ее—и куму, и кладь!..

Взялъ я платокъ—не хотѣлось обижать старуху:—больно она у меня жалостна, да заботна,—пойтить же все-таки пошелъ, а она домой вернулась. Сталъ я уже и въ лѣсокъ заходить, что за гумнами, и слышу бѣжить кто-то сзади: глядь, это моя старая опять меня догоняетъ: «ой, вернись лучше, Михайлычъ, безъ грѣха — сердце-то у меня такъ и заныло, какъ ты за огуменники зашелъ—не быть бы чему неожиданому—бѣдѣ какой!..

— Нѣтъ, говорю, старуха, не вернусь... Господь намъ свою волю провѣщалъ:—хочетъ онъ нашему дому счастье послать,—не слѣдъ намъ отъ счастья своею отказываться... Такъ и ушелъ я отъ нея.—Иду все далѣ въ лѣсъ, самъ про себя молитву читаю: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его, и яко таетъ воскъ отъ лица огня...—ну и дальше, какъ слѣдуетъ быть. Только подхожу я уже къ Волчьему-перегону и могильники впереди чернѣются, и слышу вдругъ плачетъ будто что голосомъ дѣтскимъ. Слышу, а самъ думаю: это кладъ татарскій плачетъ, что ему въ руки христіанскія доставаться; и сталъ я молитвы читать всѣ, какіи зналъ, одну за одной,—а самъ все впередъ иду. Иду и слышу: плачетъ дѣтскій голосъ все громче, все жалостнѣй,—ажъ меня за сердце хватаетъ. Ну, думаю, плохо дѣло, когда меня жалость брать начинается: значить, поддаюсь я проклятому навожденью... и сказалъ я тутъ, таковъ громко: святъ, святъ, святъ! Наше мѣсто свято. И смолкъ голосъ. Ага, думаю, испугалось! Подошелъ я ужъ тутъ къ самымъ могильникамъ—вьюга такъ и закручивается, дождемъ не дождемъ, а холоднымъ сиверкомъ прямо въ лицо мнѣ хлещетъ, и вдругъ мѣсяцъ изъ-за тучъ проглянулъ и видится мнѣ у самой дороги, у пня придорожнаго, словно бы дитя прижатшися—дѣвочка. Рветъ съ нея вѣтеръ сарафанишко худенькій, посвонный,—ноги босы, сама простоволосая и теребить ей погодой космы... Чуръ меня, говорю, разсыпсы передо мной златомъ, либо серебромъ, а не то сгинь-пропади!—И вдругъ слышу голосокъ такой тоненькій: дядюшка, возьмите меня съ собой. — Таковъ мнѣ тутъ страшно стало... даже потомъ всего прошибло, даромъ, что холодная погода, осенняя... и сталъ я пуще прежняго твердить: святъ, святъ, святъ!—Дяденька,—просить опять дѣвочка, Христа ради, возьмите меня съ собою... Ну, какъ она Христа поминула, Царя небеснаго, догадался я, что не видится мнѣ это, а что впрямь я на дитя заблудшее набрелъ. Подошелъ я къ ней, а она и не пошевелится: «я, говоритъ, дя-

денька, смерала совсѣмъ». Поднялъ я ее, взялъ на руки; пригодился мнѣ тутъ платокъ Вахрамѣвнича: надѣлъ ей.

— Откуда, говорю, такая будешь?

— Съ Мотовилихи, — отвѣчаетъ — съ малой, отъ Пригунцевыхъ. — А это, сама знаешь, верстахъ въ пятнадцати отъ насъ будетъ.

— Какъ же ты сюда-то попала?

— Ушла я съ дому, дядюшка, и бѣжала, сама не знала куды.

— Ахъ, грѣхъ какой! да въ умѣ ли ты? вѣдь тебя въ дѣсу волки разорвать могли бы. Какъ тебя звать-то?

— Глашуткой, — говорить.

— Ты не Орефьевнина ли дочка-то будешь?

— Ейна... Я бы, дядюшка, рада, коли-бъ меня волки разорвали...

— Ахъ, ты Господи! да что же это у тебя въ такі малы годъ ужъ мысли такі грѣшны, чтобъ безъ покаянья помереть... Боторый тебѣ годокъ-то?

— Одиннадцатый, — говорить: — съ Покрова пошелъ...

Да какъ заплачетъ опять, столь же жалостно, сколь и раньше, ажъ у меня опять душу защемило... Ой, дѣдушка, дѣдушка... только и сказала... Какъ бороду мою нащупала, такъ дѣдушкомъ звать стала, а я ее, какъ на руки спервоначалу взялъ, такъ всю дорогу домой и несъ... и не то что объ Вахрамѣвниной Березайской кумѣ, а и объ владѣ у меня изъ головы вонъ: тороплюсь домой, хочется мнѣ дѣвчоночку поскорѣе обогрѣть да накормить. Обернуль я ей ноженьки босыя полушубкомъ — застывши была почитай совсѣмъ. Стала она ужъ и по дорогѣ отогрѣваться.

Ну, сказала она такъ-то: «Ой, дѣдушка, дѣдушка»... какъ стонъ простонала и не дѣтскимъ даже голосомъ, а потомъ, какъ перенякалась: не было, говорить, силъ моихъ терпѣть долѣ: взяли меня отъ мамушки, съ кухни, въ горницу — чулки вязать заставляють. Когда не на посылаехъ я у господъ, такъ все время и сиди въ дѣвчечьей одна... Оба барина, промежъ собой разсердимшись, и на меня все сердятся: одному что сдѣлаешь — отъ другого пинокъ... другому угодишь — отъ того толчокъ... Мамушку тожно зовутъ — за меня выговаривають, а то и въ щеку: плохо-де дочку учишь; рвутъ ее такъ-то отъ дѣла, а потомъ съ нея же дѣло спрашиваютъ. Мамушку избивать, да измучають, а она меня за космы, аль свѣчь... Бита, я бита, дѣдушка, болѣ всѣхъ ребятъ Мотовилихинскихъ. И ни въ буддень, ни въ праздникъ меня ни отдохнуть, ни поиграть не пустятъ. Прежде-то, какъ поменѣ я была, такъ съ сосѣдскими дѣвчонками то же по

грибы въ лѣсъ бѣгала, рыбу въ рѣкѣ у бережка бродили, за годами ходили... а тутъ посадили въ горницу и нигуда не пускаютъ. И стало у меня, дѣдушка, нутро какъ каменное...»

И такъ она это опять сказала, будто ей и не одиннадцатый годъ, а словно бы она старуха старая, древняя. Ну, все это она мнѣ не съ-разу рассказала, а помаленьку: все я ее спрашивалъ. Какъ-же ты, говорю, изъ дому сбѣжала?

«Охъ, дѣдушка, былъ у меня котеночекъ махонькій—игрунъ таковъ... выкинули его отъ кошки сосѣдски ребята на огуменники, а Машутка, сестрѣнка моя, и найди его — ей-то всего сѣмнй годовѣ идетъ, и хворая она, такъ ее въ горницу еще не берутъ; нашла она его и принесла домой... Мамушка хотѣла-было вы-бросить, такъ Машутка выпросила: дай, говорить, мамушка, мнѣ его вырастимъ. Стали мы его поить-кормить, и таковъ онъ вы-ровнялся игрунъ... Какъ уйдутъ куда господа наши, аль по со-сѣдамъ поѣдутъ, Машутка его ко мнѣ и принесетъ, а мнѣ и безъ господъ не велѣно изъ горницы уходить, добро барское стеречи приказано. Инымъ часомъ урвусь и я затѣмъ на кухню,—ну, только тамотко играть мнѣ съ нимъ не приходилось,—только и есть мнѣ радости, какъ Машка его въ горницу принесетъ... и таковъ онъ, дѣдушка, уменъ... Только разъ принесла его Ма-шутка, а онъ и заберись куды-то, да и залегъ — не нашли мы его, какъ ни искали. А тѣмъ временемъ господа съ гостей во-ротились, и нашелся Васенька у старшова барина за подушками: спать. Осерчалъ баринъ страсть какъ, да котеночка-то... коте-ночка... и повѣсилъ... меня же и за веревкой спосылалъ... я и не знала, дѣдушка, на что веревка, а то бы убѣгла, скорони-лась бы гдѣ ни на есть... Пытала я плакать, убиваться... а онъ... повѣсилъ, при мнѣ повѣсилъ... я не глядѣла дѣд...»

Таково ли тутъ горько сплавнула опять моя находочка, не по себѣ — по котеночкѣ-игрунѣ.

«Потомъ билъ меня баринъ, мамушка тожно сѣкла, да мнѣ тутъ ужъ все ничего—мнѣ Васеньку жалко, Васеньку... игрунъ былъ такой, ласковый... ой, дѣдушка, ой, родимый... Вотъ я ду-маю я:—уйду я на край свѣта, пропаду гдѣ ни на есть—все легче. Въ рѣку бы бросилась, да мелкая она у насъ: вытащутъ—хуже прежняго бить стануть... и ушла я... бѣгу куда глаза гля-дятъ, а тутъ попадись мнѣ дядюшка съ чужой, съ дальней де-ревни — ѣдетъ съ возомъ».

— Куды бредешь, дѣвушка?

— Въ Лохдово, къ попу господа посылаютъ.

— Да ты не туды. Ахъ, грѣхи! Въ такую погоду дѣвчонку

махоньку, босу, да простоволосу за десять верстъ посылають и дороги порядкомъ не покажутъ. Садись, говорить, я-те подвезу. Подвезъ онъ меня, почитай, доседова. Ну, говорить: поворачивай ты вправо—въ верстѣ тутъ и Лохово будетъ, а на-лѣво не ходи; тамотко, говорить, въ лѣсу заблудишься, тамъ и дорогъ нѣту, а въ межозерьѣ, въ таку-то осеннюю пору, и днемъ волкъ бродить.

«Еще свѣтло было, какъ меня проѣзжій дядюшка съ возу ссадилъ, а же изъ дому чѣмъ свѣтъ ушла. Какъ сказалъ онъ мнѣ, да уѣхалъ, а я сюда повернула: меня въ Лоховѣ-то знаютъ, сейчасъ къ господамъ назадъ сведутъ; а тутъ, думаю, лѣсомъ и нивѣстъ куды уйду,—и волки мнѣ не страшны показались, какъ подумала, что съ Лохова меня домой свести могутъ. Бѣжала я, бѣжала, а тамъ устала, да озябла, а тамъ мнѣ страшно сдѣлалось: притулилась я ко пню и стала голосить... Какъ молчу, такъ мнѣ еще страшнѣе... тутъ ты дѣдушка и пришелъ, а я сначала думала волки...»

Какъ рассказывала, такъ съ послѣднимъ словечушкомъ и заснула, руками меня за шею обнявши. Принесъ я ее такъ и домой: гляди, говорю, Вахрамѣвна, каковъ такой я кладъ въ лѣсу нашелъ! Диву далась старая, однако: «На все, говорить, Божья воля; сподобилъ тебя Господь дитя неповинное отъ смерти лютой спасти».

На утро присылаетъ барыня, маменька твоя, за мной:

— Что это такое мнѣ рассказываютъ, Михайлычъ, будто ты дѣвочку въ лѣсу нашелъ?

— Точно такъ, матушка, Анна Петровна...

Ну, и рассказалъ барыни все какъ есть: какъ я нашелъ Глашутку и все, что мнѣ дѣвчонка сказывала. Добрая душа была маменька твоя—прослезилась даже... Посылаетъ дѣвушекъ горничныхъ:

— Подите, приведите сюда Михайлычеву находочку.

Привели Глашутку: не хотѣла было идтить сначала отъ Вахрамѣвны, словно бы къ матери родной къ ней припала... ну, и та съ ней къ барыни въ горницу пришла.

— Ахъ!—сказала это барыня, дѣвчоночку увидавши:—какая красавица: глаза синіе, какъ васильки, а волосы золотые, кольцами вьются!..

Вахрамѣвна же причесала и обрядила ее какъ быть слѣдуетъ, какъ къ барынѣ идтить.

— Расскажи же мнѣ, бѣдная дѣвочка, какъ ты въ лѣсу блуждала...

А Глашутка только въ полѣ смотритъ, ничего не отвѣчаетъ, даромъ что съ нами, на застольной, все утречко щебетала, ровно пташечка: рада, небось, теперь, что волки не съѣли. Только барыня и говоритъ:

— Что же мы съ ней дѣлать станемъ, Михайлычъ, и не хотѣлось бы отсылать ее въ Мотовилиху, а вѣдь придется-таки воротить ее къ господамъ, да къ матери?

Какъ вззоетъ тутъ моя дѣвка: уцѣпилась за-полу за мою и голосить... даже барыня испугалась:

— Ахъ, уведите ее, уведите скорѣе, она Машеньку испугаетъ! Это тебя-то, а тебѣ еще и годочка тогда не было.

Какъ ни добры были баринъ съ барыней, а велѣли-таки заложить лошадей, да меня самого и послали Глашутку назадъ отвозить. Плакала она сначала, а какъ въ тележку сѣла со мной—и замолчала; вотъ, думаю, что значить умъ робячий: рада прокатиться—и молчать. Ну, только отвѣхали мы съ полверсты отъ усадьбы, а она и говоритъ: «Ахъ, дѣдушка, дѣдушка!.. вотъ велѣли,—ты самъ меня и повезъ...» да таковы ли жалостно глянула на меня, что повернуть я лошадь назадъ, и какъ ни привыкъ господамъ служить,—не прекословить, а тутъ прямо къ барыней пошелъ, въ ноги ей повалился: «не вели, матушка-государыня, грѣха на душу брать, не вели дѣвку на мученье везти,—не по нашей волѣ она къ намъ попала,—по Божьей...»

Былъ въ это самое время у господъ братецъ въ гостяхъ, — Павелъ Матвѣичъ; проживалъ онъ всегда болѣе по чужимъ краямъ, — совсѣмъ на барина, на русскаго, непохожъ сдѣлался: лакею своему крѣпостному «вы» говорилъ и жалованье ему платилъ, словно какому чужому человеку. Только и было у него крѣпостныхъ людей, что одинъ лакей тотъ, — съ нимъ и по чужимъ землямъ ѣздилъ; другихъ же — ни крестьянъ, ни дворовыхъ — у Павла Матвѣича не было: не захотѣлъ онъ ихъ, — деньгами свою долю отцовскаго имѣнья забралъ.

Вышелъ онъ тоже въ дѣвичью, какъ я съ барыней говорю, и спрашиваетъ: «въ чемъ дѣло?» Барыня сказала. «Ахъ», говоритъ Павелъ Матвѣичъ, «не отсылайте дѣвочку Прыгунцамъ: ее тамъ замучатъ до-смерти; мы лучше пошлемъ письмо, что я купить ее готовъ,—они (это Глашуткины-то господа) деньгамъ обрадуются, — имъ деньги, да еще хорошія, вѣдь въ диковинку». Дозволено-то не было дозволено покупать дочь отъ матери, да въ тѣ поры промежъ себя—это еще бывало: не пойдетъ же проданный-то жалиться. Ну, а кто, да каковы Глашуткины господа были,—это я тебѣ сейчасъ скажу.

V.

— Видишь ли, много лѣтъ прожилъ я на бѣломъ-свѣтѣ, много чего повидалъ, — ну, а удивительнѣе Глашениныхъ господъ, двухъ братьевъ Пригунцевъ, не доводилось ничего видѣть. Мотовилиху знаешь? — ну вотъ отъ насъ въ пятнадцати верстахъ, какъ по коломенской дорогѣ поѣдешь, да отъ Лебяжьей лужи свернешь влѣво по первому проселку, такъ второ село и будетъ она, эта самая Мотовилиха. Она-то не Пригунцевыхъ, а большого барина Назарова, Василья Петровича, — объ Назаровыхъ я тебѣ тоже, когда на досугѣ, расскажу; а была у нихъ тутъ, у Пригунцевъ, десятинъ двадцать земли, да усадьба. Вотъ, братецъ ты мой, село-то прозывается Большая-Мотовилиха, а Пригунцева усадьба будетъ Мотовилиха Малая. Какъ ихъ настоящее прозвище было, господъ этихъ, — ужъ я по-старости и запоминать; да и то сказать: мало ихъ по-настоящему звали, — все, бывало, Пригунцы, да Пригунцы; такъ и по всей округѣ версты на пятьдесятъ слыли. Стали же ихъ Пригунцами звать по ихней по собственной дурости, не тѣмъ будь помянуты, померли обою теперичка, — царство имъ небесное... Да ты постой, не перебивай, всему свой чередъ будетъ... Отецъ-то ихъ, Пригунцевъ, безпутный, да пьяный человекъ былъ, служилъ сначала гдѣ-то въ полку, потомъ выгнанъ былъ со службы, — и увязался въ нашъ край съ Васильемъ Петровичемъ Назаровымъ. Прожили онъ сначала у Назарова въ домѣ, да за что-то разъ съ Васильемъ Петровичемъ на охотѣ не поладилъ, — ну, тотъ возьми и прогони его, да еще, слышно было, и побилъ-таки порядкомъ: не самъ, а — что того хуже — лакеямъ приказалъ. Пригунцевъ отецъ, не будь глупъ, да въ судъ, — и затѣялось дѣло. Богатъ былъ Назаровъ и силенъ, ну — только много грѣховъ за нимъ накопилось, — Пригунцевъ же родитель про все это знаетъ... Пришлось Назарову отъ судовъ большими деньгами откупаться — немного бы — и совсѣмъ не осилилъ; просадилъ онъ тутъ, деньжищъ страсть что... чуть только отъ острога ушелъ, да благо за умъ взялся: помирился со своимъ съ докащикомъ. А тотъ еще и надругайся надъ имъ: «Хочу», говоритъ, «надъ самой твоей усадьбой свою имѣть, и чтобы тоже Мотовилихой прозывалась». Такъ дѣло и устроилось, и на Назаровой полюбовницѣ прежней женился, изъ однопорожъ. Далъ за ей Назаровъ приданое хорошее, да не надолго его хватило. Родила она мужу двухъ сыновъ, Пригунцевъ этихъ, и померла. Онъ и при ней

не то чтобы больно остепенился, а какъ она-то померла, такъ и во всѣ тяжкія пустился,—покончилъ тѣмъ, что пьяный въ гнилой канавѣ на болотѣ утонулъ, а тамъ и воды-то не болѣе какъ на аршинъ было. Остались бы тутъ Прыгунцы, по пятому да четвертому году, одни-одинешеньки на свѣтѣ, кабы не переѣхала къ нимъ материна сестра, тѣтенка ихняя. Пожилая ужъ была, дотошъ у богатаго господина въ губерніи въ барскихъ барыняхъ находилась; набралась она тамъ спѣси да гордости и пожелала тутъ настоящей барыней стать,—надъ своими собственными крѣпостными покуражиться. Было же у Прыгунцевъ, да у ей, крѣпостныхъ людей всего-то двѣ души съ половиною, да и тѣмъ имъ грѣхомъ достались; были это: Глашутенинъ отецъ, Коронатомъ звали, да жена его Орефьевна, и ужъ поддѣе—Глафира съ Машутею;—вотъ-те и вся дворня и все село. Я съ этимъ самымъ Коронатомъ водился, пока онъ у настоящихъ господъ своихъ, у Назаровыхъ, находился — ѣзжалъ я кое-когда туда съ барыномъ — ну, потомъ, какъ оставленъ я былъ на покоѣ, рѣдко приходилось видать Короната... да, семь, я тебѣ все по порядку скажу. Былъ Коронатъ человекъ ндравомъ суровый, ремеслу иконописному выученъ, — живописецъ, одно слово; находился онъ на оброкѣ и завсегда, почитай, въ отлучкѣ. Орефьевна же въ барскомъ домѣ въ экономкахъ состояла. Тогда не было у ихъ еще ни Глафиры, ни Марьи, а одинъ только сынъ — Семень, лѣтъ этакъ двѣнадцати, шустрый парнишка, да веселый, — взять тоже былъ въ горницу, въ казачкахъ у Василья Петровича находился. Только дюже не любилъ Коронатъ господъ своихъ: придетъ, бывало, домой на побывку — жену повидать — ну, господа его къ себѣ требуютъ, спрашиваютъ: принесть ли, моль, оброкъ хоть на этотъ разъ? — Какой вамъ оброкъ? — скажетъ Коронатъ, и таковъ сурово глянетъ на нихъ: — нѣтъ вамъ отъ меня оброку никакого: вамъ Орефьевна вѣрой, правдой и неправдой служить, — какой, говорить, вамъ еще оброкъ нуженъ?

— Эхъ-ма, — скажетъ, бывало, мнѣ-то, какъ свидится: — кабы меня, дядя Пареевъ, съ малыхъ годовъ учили, да не на посылакахъ только я у господъ состоялъ — не холонами, не хамами мы уже въ утробѣ у матери были — быть бы мнѣ у батюшки блага-царя, на святой на Руси министромъ, либо гнить въ рудникѣ сибирскомъ... — Умная былъ голова, нѣчего говорить, рассудительная.

Съ Орефьевной ласковъ былъ, — не былъ ее никогда; только и скажетъ, бывало, порой да времячкомъ: «дура ты, дура: чего своей барынѣ то, срамницѣ, потакаешь?» Орефьевна же барыню

свою дюже любила—поди, вотъ!—а та-то нельзя сказать, чтобы честно жила: баринъ въ одной сторонѣ гуляетъ, а барыня отъ него въ другой не отстаётъ,—худо таковъ говорили про нее по всей округѣ. Вотъ, какъ Орефьева всѣ эти барынины грѣхи покрывала, такъ та, всякій разъ, какъ Коронать что согрѣбитъ, его въ бѣды передъ баринѣмъ и выручаетъ,—это чтобы Орефьева ей служила вѣрнѣй. И, ахъ, какъ замаливала Орефьева грѣхъ свой, что таковымъ дѣламъ помогаетъ, а пуще того молила Господа за госпожи своей грѣхи. Сама же она была женщина степенная, честная,—ничего худого за ней не водилось, окромѣ того, что барыню покрывала. И какъ убивалась объ томъ Орефьева, а тебѣ и сказать не могу... Ну, только думается мнѣ, что простилося ей все на томъ свѣтѣ,—милосердѣ Господь и многомилостивъ: Ему батюшкѣ, Царю-Небесному, извѣстно было, что любя она такъ дѣлала, и не токма ради барыни, а и мужа своего ради, господамъ непокорнаго... Да что это я тебѣ-то объ такихъ дѣлахъ говорю? — одурѣлъ я на старости лѣтъ, прости Господи!

Ну, вотъ: приходитъ разъ Коронать на побывку, а Сенька-то евои и облуди что-то, и велѣно его на конюшнѣ выдрать отъ барина, отъ Василія Петровича. Узнавъ про это Коронать, услыхалъ: разсвирѣпѣлъ, словно звѣрь какой, вбѣжалъ къ барину ажъ въ самый кабинетъ: «я», говорить, «не токма что васъ, да я всякаго уничтожу, кто Сеньку мовѣ пальцемъ тронетъ!» — любилъ мальчонку оченно... Только этой грубости Василій Петровичъ ужъ не стерпѣлъ, — разсердился, людей позвалъ: связали Короната, да рядомъ съ сыномъ разложивши, на той же конюшнѣ обѣихъ и висѣли. На тотъ разъ Пригунцева эта тѣтенька тутъ же подвернулась: продайте намъ, молъ, этого человѣка,—я его вымуштрую... «Бери ихъ и всѣхъ даромъ!» — это Василій Петровичъ. А и до него слухи дошли, что Орефьева баринѣ въ худыхъ дѣлахъ потатчица, — тутъ ужъ и барыня ничего подѣлать не могла. И—что же, братецъ ты мой?—словно бы одурѣлъ Коронать Власичъ со всего съ этого. Хмѣлемъ зашибать сталъ, выдохъ весь, ходитъ будто опалѣлый,—слова ни съ кѣмъ не промолвить; а и скажетъ что,—ровно бы оно непутевое. Стала его Пригунцева барыня дома держать — не понадѣялась, чтобы онъ ей оброкъ доставлять сталъ — такъ кое-что околѣ дома работать заставляла. Ну, ничего: молчать онъ; что прикажутъ, то и дѣлать. Сеньку въ ученѣ въ Питеръ отослали, — думали, какъ выучится тамъ столярному ремеслу, такъ будетъ господамъ своимъ денежки добывать. Однако не долго онъ въ Питерѣ пожилъ: помѣръ въ скорости въ больницѣ. Убивалась объ емъ

Орефьевна крѣпко, — утѣшилась только, какъ ей, почитай, на старости лѣтъ, Господь Глашутку послалъ. А тамъ и Маншутка родилась; да какъ Коронатъ Власичъ тутъ ужъ порядочно хворъ былъ, такъ послѣдняя-то дѣвчонка, Марья эта самая, не больно здорова уродилась, — тоже скоро померла; Глашутка же на-славу дѣвка вышла. И вся-то она въ отца, и все-то съ нимъ. Всего ей восьмой годовъ шелъ, какъ померъ онъ, а она словно бы старуха старая сидитъ надъ нимъ, — не отойдетъ, какъ плохъ онъ больно сдѣлался. Съ ней съ одной только и разговаривалъ.

— Объ чемъ это татѣйка съ тобой говорить? — спросить, было, Орефьевна.

— Такъ, — отвѣчаетъ дѣвчонка: — объ хворости объ своей мнѣ тетенька сказывается. — Это мнѣ коѣ люди, коѣ сама Глашутка рассказывала. Отъ нея же узналъ я, что не токма объ хворости своей говорилъ съ нею Коронатъ, а всячески ее на дуть наставлялъ: какъ жить, кому вѣрить, кого опасаться. «Больно господъ своихъ влялъ», сказывала Глафира: «не своихъ только, да и не господъ однихъ, а всякаго злого человѣка, кто чужимъ потомя кровью упивается». Все это слушала дѣвчонка и запоминала, словно бы и не дитя малое. — Ну, такъ и померъ Коронатъ Власичъ. Молодые господа Пригунцы тутъ ужъ выросши были, и стали на Орефьевну все болѣ да болѣ дѣла наваливать, — и кухарка она, и прачка, и ключница... Сама-то тетенька господска старѣться стала, и, почитай, ни въ чемъ отъ нея Орефьевнѣ помощи, — а допрежь того, хоть и спѣсива и крута была, ну, все болѣ сама по хозяйству по домашнему хлопотала. Молоды же господа, чѣмъ бы тоже за что путѣвое взяться — видючи, что имѣнья отцовскаго не много, да и что есть не ахти какъ золотое дно — временемъ покучивать стали... а денегъ-то у нихъ нѣтъ и добыть неоткудова: ничему они толкомъ не выучены, ничего дѣлать не умѣютъ — да и то сказать: и не хотять — ну, сладкаго же куска тоже урвать хочется, ровно какъ и большѣмъ господамъ. И пошло у нихъ тутотка страсть, что! другъ дружку попрекають, — спорятся: ты-де домъ отцовскій разоряешь! — Нѣтъ, ты! говорить. — Это братья-то! — Ты, молъ, никуда не годенъ. — Нѣтъ, говорить, изъ тебя проку нѣтути нивакого. — Стали они по сосѣднимъ помѣщикамъ ѣздить, — другъ на дружку жалиться. И глядѣть-то на нихъ не хочется, и жалость тебя беретъ, — ну, и смѣхъ тоже. Стали, по малу-маленьку, сосѣди, кто побогаче, надъ ними шутики шутить, а подъ конецъ и совсѣмъ шутиками на весь уѣздъ сдѣлались. Обмажутъ ихъ въ иномъ мѣстѣ дегтемъ, въ перьяхъ вываляютъ, собаками травить стануть... Ну,

тоже подарен имъ за то дѣлали, — тѣмъ только они и жили, и кормились, какъ тѣтенка ихняя померла. А она, какъ увидала, что они таки-то непутевые, что у самой было поприпрятано, еще съ жителя у богатаго барина, — все племянницѣ одной оставила, все за чиновника въ губерніи замужъ отдана была.

И, Господи, чего-чего только не приставятъ эти самые Пригунцы. Приѣзжали тожко къ намъ: поссорившись-то, они наймутъ въ деревнѣ крестьянску телѣгу, сѣдутъ въ нее другъ къ другу задомъ и приѣдутъ. Приѣхавши, слѣзутъ съ телѣги, одинъ на другого не глядятъ, и войдутъ — старшій съ крыльца паратваго, — молодшій съ чернаго: уступалъ въ этомъ брату, — а ужъ въ одну дверь — ни за что. Какъ войдутъ это, — да зайчиками; зайчиками, на корточкахъ, и просекаютъ по всему дому; такъ изъ разныхъ дверей и въ гостиную пожалуютъ. За эту за самую дурость и дано имъ по округѣ прозвище: «Пригунцы». Прискакавши въ гостиную, подойдутъ къ обѣимъ барышнямъ — къ маменькѣ твоей, да къ бабушкѣ, коли тутъ же гостить — въ ручкѣ, а тамъ и зачнутъ то да сѣ приставлять. Не любила покойница, маменька твоя, гаерства этого, — и папенька не любилъ: велитъ имъ въ телѣгу муки да кое-чего положить, и скажетъ: «ну, теперь пора бы, гости дорогіе, и по домамъ». А у ихъ, истинно сказать, хоть не велики хоромы, а все равно что на два дома живутъ; потому, какъ поссорились они, такъ домъ-то на двѣ половины подѣлили: ты-де на мою не ходи, и я на твою заглядывать не стану. Чего-чего не натерпѣлась только у нихъ Орефьевна съ дѣвчонками — сама ты понимать можешь.

Такъ вотъ каковы Глашуткины господа были.

— Какъ это дяденька твой, Павелъ Матвѣичъ, слово свое вымолвлялъ, что хочеть онъ Глашутку у Пригунцевъ откупать, а и возрадовался, потому у нашихъ господъ то-ли не житье было, какъ съ другими посравнишь; — не били у насъ, не сѣкли, работой тоже не замаривали... Конечно, не тебѣ будь сказано, не волю свою человекъ все-жъ-таки чувствовалъ, только не столь она была горька, какъ по другимъ мѣстамъ. Глашутѣ же, наша-то жизнь должна бы раемъ показаться, опосля того, какъ надъ ей въ Мотовилихѣ куражились, а особливо такіе пустіе господа, каковы Пригунцы эти самые были.

Такъ и поѣхалъ я въ Мотовилиху одинъ: замѣстъ Глашутки — письма повезъ. Приѣхалъ: — вижу ходить Орефьевна сама не своя, и лица на ей нѣту; а Пригунцы, слышно, и рвутъ и мечутъ: — какъ же, вѣдь полъ-дворни это у ихъ въ бѣгахъ оказалось, какъ Глашка ушла. Ну, сказалъ я старухѣ, что жива, да цѣла

дочка, и въ горницу къ господамъ пошелъ. И смѣхъ это на чѣхъ глядѣть, я тебѣ скажу: вышелъ кажинный со своей половины въ сѣни—а въ сѣняхъ по полу углемъ черта по самой середкѣ проведена:—здѣсь-де старшого, а тутъ молодшаго брата угодыя—и за черту ни тотъ, ни другой не переступаетъ. Подалъ я обоймъ по письму—ну, прочитали и видно рады, рады, а показывать другъ дружѣ радость свою не хотять, и мнѣ не говорятъ ничего, потому боятся, что коли одинъ согласится, такъ другой перечить будетъ. Такъ ничего и не сказали... велѣли только Орефьевну позвать, отрядили ее за мужикомъ съ телѣгой, а потомъ къ намъ въ Березай поѣхали, другъ къ дружѣ спиной повернувшись. Какъ и что они прїѣхавши съ нашими господами говорили, этого я доподлинно не знаю, и сколько имъ за Глашутку дадено, тоже въ точности сказать не могу:—потому при томъ не находился, — только осталась Глашутка у насъ, а я страсть радъ, потому, сама знаешь, жалостливъ я больно сердцемъ до ребятъ, особливо до сирыхъ, до обиженныхъ, какова и была внучка моя найденная.

VI.

Такъ и осталась Глашутка у насъ. И какá душевна дѣвчонка оказалась, и сказать я тебѣ не могу. Спервоначалу тосковала она, какъ будто, маленько по матери, да по сестрѣнцѣ. И какъ возьметъ ее эта самая тоска, она и придетъ ко мнѣ, на завалинку, сядетъ, прижмется этакъ близко-близко ко мнѣ старому, и скажетъ: «скучно мнѣ больно по мамушкѣ, да по Машкѣ, дѣдушка... да такъ-то все-жъ-таки лучше, что меня съ ими нѣту: меньше грѣха;—никто теперичка мамушку бить за меня по щекамъ не станетъ». А сама все-таки плачетъ.

Соберемся это мы съ ей въ большой праздникъ къ обѣднѣ въ Мотовилиху; чѣмъ свѣтъ выйдемъ изъ дому и идемъ себѣ полями, да лядинами,—гдѣ придется и темнымъ боромъ проходить... И не устанетъ Глашутка ни эстольки, только радуется, да смѣется:—Ахъ дѣдушка, ахъ желанный ты мой! И какъ на свѣтѣ хорошо бываетъ... кажется жилъ бы, все жилъ, вотъ какъ теперичка, не годъ, не два, а сотни лѣтъ, да тысячи!... А и впрямь хорошо было: полями идемъ,—рожь колосится-колышется; лугами идемъ—зеленѣютъ вокругъ насъ луга, разстилаются; въ лядиное, въ рощи зайдѣмъ,—пробирается солнышко скрозь березовы, да рябиновы вѣтви; играетъ по травѣ, по кустовью низ-

ному-частому. Ино зайко изъ лѣсу на дорогу высочить—запри-
 кѣтитъ насъ:—остановится, на дыбки встанетъ, не шелѣхнется;
 —только ушками поводитъ чуть-чуть. «Дѣдушка, дѣдушка, гляди
 зайка-то... шепнеть мнѣ Глашутка, а сама и не дышетъ—боятся
 не спугнуть бы косо́го. А то войдемъ мы въ боръ:—тихо тамъ,
 словно въ церкви Божіей; сосны высокія, какъ свѣчки прямыя
 стоятъ; солнышко въ боръ и не заглядываетъ, такъ только скрозъ
 часты иглы сосновыя, какъ скрозъ сито свѣтъ свѣтъ... и не су-
 крачно въ бору, а свѣтло, только-что всего—блеску деннаго
 нѣту. И таково тамъ тихо, что тебѣ ажъ жутко становится...
 только верхушки у деревьевъ далекія, все что-то промежъ собой
 шепчутъ, нѣкогда не умолкаютъ—ни днемъ, ни ночью, хоть бы
 и вѣтру не было. Прижмется тутъ ко мнѣ моя находочка и ска-
 жетъ: «Страшно будто, дѣдинька, а все-таки хорошо!» И идемъ
 мы съ ней такъ-то по дорогѣ, не часъ, не два—пятнадцать вѣдъ
 верстъ до Мотовилихи-то:—вьется себѣ дорога полями, да роща-
 ми, да лугами, да боромъ, далѣко промежду сосенъ видно, пе-
 скани желтыми разсыпается. Вѣбираемся, гдѣ придется, на при-
 горки и ручьи вбродъ переходимъ и добираемся въ Мотовилиху
 къ обѣднѣ къ поздней — къ ранней не успѣвали. Простонимъ
 обѣдню, помолимся, а тамъ и къ Орефьевнѣ въ гости заходимъ.
 Чествовала она насъ, нече сказать, какъ дорогихъ гостей. Охва-
 тить это, кажинный разъ, дѣву, да плачетъ,—плачетъ надъ ей...
 Машутка тутъ ужъ совсѣмъ на ладонь дышала, да и померла
 скоро, такъ Орефьевнѣ одна утѣха только и есть, что Глашутка.
 А эта, бывало, и скажетъ:—«не плачь, молъ, мамушка, вотъ я
 выросу: у господъ откуплюсь и тебя откуплю, будешь ты жить
 у меня на покоѣ, да въ холѣ».—«Ахъ, ты, дѣвушка, дѣвушка,
 дочка ты моя милая,—отвѣтитъ старуха:—да гдѣ же ты денегъ
 возьмешь, чтобы откупиться?»

— Я, мамушка, заработаю.

— Какъ-же ты заработаешь?

— Стану узоры вышивать учиться... Вонъ, тятенька, какъ
 писать умѣлъ! не токма что образа... а я не красками писать
 буду — шелками шить разноцвѣтными, узоры разные... денегъ
 наберу:—тебя и себя выкуплю...

Показаетъ тутъ только головой Орефьевна. А Коронату
 Власичу, покойнику, и впрямь отъ Бога таланъ былъ даденъ —
 писать: онъ, вѣдъ, домъ-то господскій въ Мотовилихѣ росписалъ,
 сама знаешь, таково хорошо:—будто живые со стѣнъ, да потоло-
 ковъ глядятъ на тебя птицы, да цвѣты разные. Глашутка же,
 бывало, все шьетъ старается и тогда—какъ умѣла — дѣта была

малое, ну, кажи-ни-на-есть, а тоже узоры выводила. Какъ по-старше стала, да попала къ намъ, такъ и настоящей мастерицей сдѣлалась, если съ другими дѣвками посравнить. Выпросить это у Вахрамѣвны, у моей, бумаги красной, да синей, да такихъ коли пѣтуховъ на полотенцы насажаетъ, что всѣ только диву даются, откуда что у дѣвки берется.

— Охъ дѣда, ты мой дѣда сердечный, — скажешь, бывало: — гдѣ-бъ это мнѣ вышивать поучиться?

— Пойди, скажу: — къ барынѣ, она мастерица: поклонись ей въ ноги, попроси, чтобъ поучила.

— А ну ее, отвѣтитъ: — не пойду — станеть она меня въ горницы держать.... А въ горницу ей пуще всего не хотѣлось. Какъ купилъ ее Павелъ Матвѣичъ, такъ хотѣли ее тоже сперво-началу въ горницу, въ дѣвчонки, взять — ну, таковой-коли ревъ подняла дѣвка, таковой плачь, что барыня..... добрая была, страсть слезъ боялась, жалѣла кто плачетъ: холопскихъ слезъ и тѣхъ на душу брать не хотѣла — маленька-то твоя и говоритъ: пусть дѣвочка сначала у Михайлыча поживетъ, да попривыкнетъ. И Павелъ Матвѣичъ тоже сказалъ, взять же къ себѣ ее не взять, потому у его и дому своѣ не было — жилъ онъ, сама знаешь, по чужимъ краямъ, одного только и держалъ при себѣ человека. Глашутку же онъ только такъ, жалючи, по барской охотѣ, купилъ, сузилъ даже на волю отпустить... и пожалуй, что и отпустилъ бы тогда же, да должно дѣла тутъ у его поважнѣе по-встрѣчались, и забылъ онъ объ ей, — такъ и уѣхалъ. По барскому приказу, стала Глашутка у насъ съ бабушкой жить, пока привыкнетъ, а сама рада-рада и мы съ бабушкой рады.

Только стала и ты тутъ подрастать, а нянюшка твоя, Марья Дементьевна, частенько-таки приносить тебя, бывало, подъ садовое окошко наше, а инѣ и оставить у насъ же наподобѣе — своихъ ребятъ у ей куча: нужно и обшить и обмыть ихъ, а некогда — бросишь барское дитя безъ присмотра, такъ за это отвѣтишь: добры, добры были господа, ну, а за васъ тоже строго съ нашего брата взыскивали. Вотъ и принесетъ тебя, бывало, къ намъ, Дементьевна, коли ей у себя дома дѣла много, особливо-же ежели господа въ гости уѣхамши, али у нихъ гости — знаешь и она, что больно жалостливъ я до ребяточекъ и съ глазъ со своихъ тебя не спущу. Посадить это тебя на коврикъ, аль-бо прямо на песочекъ сухой, солнышкомъ нагрѣтый, и приставить насъ съ Глашуткой тебя стереги. Сажу я на завалинѣ: лапти плету, — индюшатики молоденьки въ песочекъ роются и ты тутъ же, и твердишь: дѣда, дѣда... и Глашутка около насъ же вьется, а

ты и ластинься—то ко мнѣ, то къ ей... Любила она тебя: начесть тебя ходить учить... Изъ-за тебя же я ей разъ и волосянку задать — разъ, это только и было: ушелъ я за чѣмъ-то ненадолго въ кѣбу и вдругъ слышу, кричишь ты не своимъ голосомъ... выбѣжалъ — вижу Глашутка вся испугамшись, а ты съ крику посинѣла даже... Ахъ грѣхи, говорю:—что тутъ такое?

— Ой, дѣдушка, — отвѣчаетъ Глафира, — это я Машеньку въ ножку укусила....

— Что ты, говорю:—очумѣла, что ли? да за косма ее...

— Дѣдушка, — говоритъ Глашутка, — разулась Машенька, ножка такъ маленька, бѣленька, да толстенька... стала я ее цѣловать, сама барышню стращаю шутемъ... гамкаю абы Жучка, да такъ, играючи и укусила, сама не знаю какъ...

— Ахъ, говорю:—дура ты, дура, ну, развѣ, можно такъ съ ребенкомъ — вѣдь это доведись хоть и не господскому, такъ не хорошо!—А самому-то ужъ и жалко, что за космы ее потрясъ — тоже, вѣдь, ребенокъ и сама-то. Ну, не на все у нея такой-то разумъ былъ—въ другу пору и говорить, и дѣлаетъ все, словно старуха старая, и таковъ чудно на тебя смотреть глазами своими синими.

По времени стала она горницы мѣнѣ бояться—заглядывала туда... ну, не то, чтобы отъ себя, а такъ, пошлетъ ее, бывало, Вахрамѣвна зачѣмъ къ Дементьевнѣ; а ты какъ увидишь ее тамъ, говорила Глашутка, такъ вся и затрепещешься съ радости, и прочь отъ нея нейдешь. И увидь это барыня: «Приходи, говорить, чаще, Глаша, съ барышней играть». Царство небесное, маменькѣ твоей, какъ распознала она, что Глашутка до смерти горницы боится — не стала ее туда нудить. Ну, и начала Глашутка частенько-таки къ тебѣ побѣгивать, какъ перестала бояться, что ее въ дѣвчонки возьмутъ; да ты, чай, сама ужъ это помнишь?

Я, конечно, помнила мои игры съ Глашей, только не при жизни матери—мнѣ не было и четырехъ лѣтъ, когда она умерла, а поздиѣ. Неразрывно съ Глафирой были связаны мои первыя представленія о природѣ: звѣряхъ, птицахъ, цвѣтахъ. Глаша бѣгала со мною по саду, рвала цвѣты, ловила букашекъ и давала мнѣ, уча не бояться ихъ. Она сажала мнѣ божію коровку на руку и приговаривала: «Божія коровушка, распусти ты крылушки: полети на небушка, принеси намъ хлѣбушка!» Она же находила улитокъ и заставляла меня припѣвывать имъ: «Уліта, уліта, высуну рога—дамъ кусокъ пирога!»

Если шель дождь, она пѣла: «Солинышко—вѣдрышко, взглянь въ оконечко!»

А сказки ея: все про звѣрей—про Котофея Иваныча и Лису Патрикѣевну; про собачку-пустолаечку, да котича сѣраго-попрошачку; или же: про козу-дерезу, за два гроша куплену... про пѣтушка, масляну головушку... да много ихъ было...

Отца въ это время съ нами тоже не было: послѣ смерти матери онъ уѣхалъ служить на Кавказъ, а насъ поручилъ пожилой уже дѣвушкѣ, Наталѣ Васильевнѣ Кустыркиной. По порученію отца же, она сначала поѣхала съ нами къ бабушкѣ, у которой мы и прожили года полтора, послѣ чего вернулись домой, такъ какъ намъ, и въ особенности нашей бѣдной Наталѣ Васильевнѣ, приходилось терпѣть слишкомъ много отъ сестеръ отца — озлобленныхъ на свою судьбу старыхъ дѣвокъ, противъ которыхъ бабушка, слѣпая и больная старушка, была не въ силахъ защищать насъ. Когда мы вернулись въ Березай, Глафира была высокая, худая дѣвочка и находилась, по старому, на застольной, гдѣ помогала уже въ стряпнѣ бабушкѣ Вахрамѣевнѣ. Глашѣ некогда было теперь много возиться со мною, но за то я постоянно бѣгала на застольную къ ней и къ дѣдкѣ. Отецъ, повидимому, полюбилъ кавказскую службу; дядя Павелъ Матвѣичъ «рыскалъ по заграницамъ, ищучи гдѣ лучше», по выраженію Михайлыча, двѣ меньшія сестры мои не отходили отъ Наталы Васильевны, а я не отставала отъ дѣда и Глаши, шалила и росла... росла до того, что Наталья Васильевна съ ужасомъ, не иначе звала меня какъ: «наша Бобелина», что меня страшно обижало, такъ какъ я, по дорогѣ отъ бабушки, на постояломъ дворѣ, видѣла лубочную картинку съ изображеніемъ уродливой великанши, которую кто-то при мнѣ называлъ Бобелиною.

Пока я такъ росла и бѣловалась до десяти лѣтъ, когда меня отдали въ институтъ на исправленіе, Глафира успѣла выровняться въ красивую, взрослую дѣвушку. Ровесницы ея одна за другою выходили замужъ; она же, несмотря на свои восемь-надцать лѣтъ, не выказывала никакого желанія послѣдовать ихъ примѣру. Почему это такъ было—я предоставляю разсказать Михайлычу.

— Какъ выросла наша Глафира, такъ така́ боли дѣвѣзъ выровнялась, что лучше нея и нѣту: глаза эти самые синіе, да коса русая, свѣтлая, густая, а по затылку, да около лба кудерьки выются — пытала она ихъ водой примачивать, чтобъ не торчали, да ничего не подѣлаешь, такъ и бросила... Сама бѣ-

лая, да румяная, ростомъ высокая, станомъ гибкая—что березка молоденька... ну, красавица-красавицей... Работаща же какъ и говорить нечего. Управится это съ бабкой по-утру и уйдетъ на сѣнокосъ, али на жнитво, и вездѣ-то у ей дѣло спѣрится — въ рукахъ горитъ. И вожевата и ласкова; первая сказочница на бесѣдахъ, первая что-ни-на-есть пѣсельница, да плясунья въ хоровахъ. Пытали парни за ей увиваться, такъ и не глядитъ на нихъ. Засылали и сватѣвъ: «не пойду, говорить, дѣдушка, ни за кого». Ну, принуждать ее не могли, потому, надоть бы отъ Павла Матѣвича дозволенья, а какъ намъ ему объ этомъ писать изъ чужіе-то края, не знали мы, гдѣ онъ и есть... зналъ баринъ, папенька твой, а намъ—гдѣ же. Ну, еще и то: работница была хорошая, такъ прикащику и любо, что она замужъ нейдетъ, во дворѣ остается.

И тогда все полотенцы вышивала, да строчила по вечерамъ, и таково хорошо, что сказать нельзя... только ужъ объ томъ, чтобы этимъ самымъ деньги на выкупъ заработать, ничего не говорила — поняла, что пустяки это у нея ребячьи думы прежде были.

И веселая же, я тебѣ скажу, иной порой была... какъ засмѣется звонкимъ своимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, да вскинеть на тебя глазами, да тряхнетъ головушкой, будто всѣ невеселыя думы далеко прочь отъ себя гонить, такъ и сдѣлается тебѣ, словно въ невеселый день красно солнышко изъ-за тучъ выглядывать... возрадуюсь я тутъ, бывало, на нее гляючи, всей-то душой своей старой, усталою. Про Вахрамѣевну и говорить нечего: души въ ней не чаяла — любила очень. Шутница тоже была дѣвка-потѣшница, только никогда чтобы надъ убогимъ, али старымъ шутки шутить. Да вотъ я тебѣ скажу, какъ она дядю Миколая печника подѣла. Былъ онъ балагуръ тожно, ну и испивалъ, а какъ изопьетъ, такъ ино супружницу свою, Ивановну-то, и всклицеть, да такъ-то-ли, что и лучше не надо. Не любила этого Глаша: «что это, говорить, дѣдушка, будто на человѣка палка нужна... скотину и тую бить жалко—и тая слово понимаетъ». И вѣрно она это говорила, знаю самъ, что вѣрно, не даромъ я лѣтъ сорокъ слишкомъ при конюшнѣ состоялъ — конь и тотъ доброму слову внемлетъ.

Ну, конечно, не со зла билъ дядя Миколай жену свою, а такъ,—винище это въ емъ дурило. Когда тверезъ, бывало,—душа-человѣкъ,—одно слово. Игралъ онъ на балалайкѣ больно хорошо. Соберутся это крещенные о праздникѣ, выйдутъ на улицу гулять, а дядя Миколай тутъ же,—любилъ повеселиться на па-

родѣ, поиграть на бандурѣ на своей. А какъ станетъ народъ плясать, такъ такого ли трепака Миколай съ Ивановной со своей отчешутъ, что всѣ инда въ покатушку. Знаешь, чай, сама,—не бабѣ дѣло трепакъ плясать, ну, дѣвушки да молодухи и опасаются, а инѣ бабочка, кѣмъ такъ ужъ въ годахъ, да ежели еще и хлебнеть малѣнько, такъ и-йхъ, держись только, какъ отчеканивать начнетъ! Такъ-то и Миколаева Ивановна. Вотъ и стали разъ, въ сѣнокося, послѣ господской помочи, дѣвки на дворѣ на барскомъ, пообѣдавши, да отдохнувши, хороводы водить; и Миколай приполѣзъ, и Ивановна... ну, и мы тутъ же съ Вахрамѣйной, да съ Глашуткой. И вдругъ какъ крикнетъ Миколай: «А и что вы, хрещенные, лебедью своей бѣлюю изъ насъ душу тянете, — не гоже такъ-то, какъ-будто... это что же за веселье? Дайте-ка я вамъ лучше казачка сыграю, да, семъ, мы съ Ивановной пройдемся»... Встали тутъ дѣвки,—пѣть перестали, и заигралъ Миколай,—да какъ заюлить, какъ завертится,—а самъ балалайки изъ рукъ не выпускаетъ, знай наигрываетъ. Ну, про Ивановну что и говорить!.. знатно плясала! Кончили,—народъ смѣется: «баско,—говорять,—пляшешь, дядя Миколай, да самъ себя подыгрываетъ!» А Глашутка и выскочи: «ахъ,—говорить,—дяденька, больно ужъ вы хорошо играете!»

— А что? нравится, что-ль, тебѣ, красавица? — отвѣчаетъ Миколай.

— Какъ, молъ, не нравится,—это Глафира: — балалайка-то ваша словно бы человѣчьимъ голосомъ поетъ!

— Ну, и что-жъ поетъ она тебѣ, дѣвушка? — спрашиваетъ Миколай, а самъ народу подмигиваетъ: хотѣлъ надъ Глафирой шутку каку ни-на-есть шутить, да не на тую наскочилъ...

— А вотъ что,—говоритъ Глафира:—поетъ она, да словно бы не мнѣ, дяденька...

Ай ты, дядя Миколай, Миколай,—

Рукамъ воли не давай, не давай...

Ты виница пьянаго не пей, ты не пей;

Ты Иванову, сердечную, не клычь, да не беи!..

Какъ загогочетъ тѣтотка народъ,—ржутъ, одно слово, катаются, за бова держутся...

И кто же бы, ты подумала, обидѣлся?—Ивановна! «Чтой-то,—говорить,—дѣвушка ты молодая, и осрамила меня, женщину пожилую, степенную, при всѣмъ при честномъ народѣ!»

Глашутка ажъ застыдилась, да прочь скорѣй въ кухню.

И—вѣришь ли?—долго опосля того не игралъ Миколай на

балабайкѣ. «Ишь, вѣдь, — скажетъ: — лѣшій-дѣвка заговорила, надо-быть, бандуру-то мою: какъ зачну играть, а струна мнѣ голоскомъ тоненькимъ дѣвичьимъ:

Ай ты, дядя Миколай,
Рукамъ воли не давай!

— Даже Ивановну мѣнѣ бить сталъ.

Ну, только не всегда такимъ вѣзыремъ была наша Глафира. Привадувается инѣ, пригорюнится, вздыхаетъ тяжело таковѣ, будто и у ей какѣ горе есть... а какому у нея горю быть? — было одно, какъ мать померла, такъ ей всего толи пятнадцатый годовѣкъ шшелъ—утѣшилась она давно въ тоемъ ли горюшекъ: въ тѣ пору, про вою я говорю, было ей лѣтъ, почитай, восемнадцать, а не то и болѣ. Какѣ такѣ горе въ тѣи года у дѣвушекъ бываетъ?.. развѣ мѣлодецъ какой приглянется, — зазнобушка... ну, за Глафирой этого не было,—дивились мы тому съ Вахрамѣвной и толковали промежъ собой, что видно такой ей отъ Бога придѣлъ положенъ: замужъ нейти,—во міру спастись. Это, чтобы въ монастырь,—объ томъ и рѣчи не было: такі ли красавицы, да работницы въ монастырь уходятъ.

VII.

Жили мы себѣ такъ-то потихонечку, да помаленечку: молодое росло, — старое старилось...

Вась тутъ, барышень, порядочно ужъ какъ вого куда развезли: тебя въ ученье отдали, сестрицѣ Наталья Васильевна къ маменькиной сестрицѣ, къ тѣтенькѣ отвезла... Скучалъ я, старикъ, тожко тогда по тебѣ, — что-то, думаю, Машенька моя, Миколаевна, вспоминаетъ ли меня, старика?..

— Какъ не вспоминать? — вспоминала, дѣдушка! Тосковала я больно по тебѣ, да и по всему въ Березаѣ...

— Тосковала? на что тосковать... такъ бы вспоминать нужно, полегонечку; а тосковать на что же?—тоска сердце сушить... Ну, да то дѣла прошлыя; вотъ и опять сидимъ мы съ тобой вмѣстѣ, и ведемъ рѣчи дружныя про тѣи времена, про давнишнія... охъ, и много-много ихъ, годовѣхъ этихъ самыхъ, прошло съ тѣихъ ли поръ, какъ я въ такихъ лѣтахъ былъ, какъ ты таперя, аль какъ Глашутка, какъ Стѣпушка—внучекъ нашъ изъ Ярославля, изъ ученья, къ намъ въ Березаѣ воротился... И скажу я тебѣ: былъ нашъ Ефимъ молодецъ, а Стѣпа куда лучше его выровнялся.

Видалъ я такихъ молодцовъ, когда самъ былъ молодъ, ну, да и тогда ихъ не много было; въ стары же годы, сказываютъ люди, и весь былъ таковъ народъ новгородскій,—ну, тогда ни болѣвней этихъ не было, какъ теперичко, ни тяготы такой въ работѣ...

Былъ Стѣпушка росту высокаго, лицомъ бѣлый, — и не то, чтобы румянъ больно, а такъ,—видно, что кровь въ емъ здоровая, хоть въ щекѣ и не играетъ. Вились у него кудри русыя, темныя, и округъ лица борода корбенька, густенька, курчавилась и усъ вился русый, тоже темный и будто только малѣнько съ рыжиною,—глаза же голубые, да такі ли веселые, да ласковые. Жилъ нашъ-то Ефимушка по оброку—и жена съ нимъ же, и сынъ—болѣ все по Волгѣ, въ Нижнемъ, да въ Ярославѣ; тамъ, въ Ярославѣ, и былъ отданъ Стѣпа въ огороднику въ ученье. Ефимъ столярнымъ дѣломъ занимался, попалъ какъ-то, ненарокомъ, по подряду, въ Ярославъ, да тамъ и жить остался: полюбилась ему, видишь ли, мѣщаночка тѣмошня, дѣвушка вольная, и пошла за него, за раба крѣпостного, не погнушалась... ну, конечно, бѣдная была, а онъ-то жилъ хорошо, оброкъ доставлялъ господамъ въ точности и они его не обижали, не нудили ничѣмъ: не требовали передъ очи свои ясныя. Какъ померъ Ефимушка, и почему такъ рано, — Господь его вѣдаетъ... баялъ потомъ Стѣпа, что хворость какъ-то приключилась съ-разу, да и скрутила въ недѣлюшку. И Маланья, жена его, тожно померла въ скорости, только она-то еще ранѣ и при мужѣ чахла—тяжео ей очень жить было въ бѣдности сиротой, пока за него вышла; и сыночка ему одного только и родила — Стѣпушку нашего. Жилъ Стѣпа у огородника еще при батькѣ, по барскому велѣнью; умеръ Ефимъ, а тамъ и Маланья, и вышелъ отъ господъ приказъ доживать мальчонкѣ у хозяина—доучиваться. Ну, какъ выучился онъ мастерству огородному, стали его господа требовать—папенька твой—это больше не папенька, а прикащикъ-управитель. Провели у насъ въ ту пору чугунку, станцію построили большую—селѣтся народъ служащій околѣ станціи, и овощъ туда всякая требуется. Вотъ, прикащикъ нашъ, Яковъ Абраимовичъ, барину и отписываетъ: — а былъ баринъ въ тѣ поры еще въ полку — выгодно-де намъ свой большой огородъ заводить: садить овощу всякаго по многу, станцію продовольствовать; у насъ-де свой огородникъ въ Ярославѣ доучивается; какъ выйдетъ ему срокъ контракту, нужно его выписать, — препоручить ему тое огородное дѣло. Баринъ свое согласіе далъ, и велѣно Стѣпѣ въ Березай прїѣзжать, какъ ученью срокъ придетъ. Ну, и прїѣхалъ. Спакнуля мы съ Вахрамѣвной, какъ его уви-

дали, вспомнили Ефимушку, — похожъ былъ на него, какимъ Ефимъ былъ, какъ ушелъ отъ насъ въ чужу-дальню сторону. Откупаться на волю тоже все думалъ сынокъ-то нашъ, — ну, да самъ Господь свободилъ его...

Пріѣхалъ Стѣпа по послѣднему пути санному, какъ-разъ передъ постомъ великимъ, передъ масляной. Сидимъ это мы съ Вахрамѣвной и толкуемъ:

— Наступаетъ, — говоритъ старуха, — завтра масляна, и будетъ же у насъ опять грѣха съ Авдотѣй съ Егоровной, — это съ прикащиковой женой: — станетъ она меня за муку на блины, да за масло припирать, да стыдить, что много-де извожу... и не дай Господи нивому въ стряпухахъ жить, — не берешь ты никакого грѣха на душу, а все словно бы грѣхъ какой за тобой есть: всякъ такъ на тебя и смотреть, будто утаиваешь ты господское добро.

Только промолвила — Глашутка тутъ же сидитъ: полотенце ковряетъ — и слышимъ — скрипять съ горы полозья санные, — за песокъ задѣваютъ.

— Ой, батюшки, никакъ кто-то къ намъ подъѣзжаетъ, — говоритъ Вахрамѣвна, — и видимъ стали у воротъ у нашихъ дровни, а съ дровней-то молодецъ сходитъ и къ намъ на крыльцѣ идетъ. Ну, вошелъ въ избу: образамъ, какъ быть слѣдуетъ, помолился... а за нимъ Никиты стоечника сынокъ вошелъ, парнишка лѣтъ этакъ пятнадцати... «Это, — говоритъ, — я вамъ, дѣдушка, Пареевъ Михайловичъ, Степана Ефимовича, внука вашего, привезъ» — шустрый паренекъ, Миколка-то, весь въ отца...

Какъ всплеснетъ Вахрамѣвна руками, какъ заголоситъ: «Соловоекъ ты мой ясный! Солнышко красно!..» А молодецъ-то нашъ словно бы и застыдился сначала, ну, а тамъ и обошелся: поклонился намъ, дѣдеѣ съ бабкой, низехонько, чуть не до земли; поцѣловались мы съ нимъ трижды, — поздоровались. Подходить онъ потомъ и къ Глафирѣ: «А эта, — говоритъ, — дѣвица какъ: тоже сродственница къ намъ приходится?» И кланяется ей такъ ли важевато, а самъ улыбается. Поклонилась ему и Глафира, а у самой румянецъ то вспыхнетъ, то пропадетъ... «Нѣтъ, — отвѣчаетъ, — Степанъ Ефимовичъ, не сродственница, а дѣдушкѣ съ бабушкой по душѣ дочка покорная».

Ну, сѣли мы тутъ, стали рѣчи вести разные... бабка хлопотеть: внучка съ дороги чайкомъ отогрѣвается... и объ блинахъ позабыла... и вдругъ бѣжитъ сама Егоровна къ намъ на застолью: «Никакъ ты, Акулина Вахрамѣвна, очумѣла — народъ хрещеный на первый день масляной безъ блиновъ оставить со-

бралась!.. и расходилась—было... ну, увидавши чужого человѣка, ругаться не стала, а то люта была, зубастая: не то, что всякаго тамъ мужика, аль бабу, перекричить—пса—и того перелаеть! Отдохнувши денёкъ-другой, принялся Стѣпушка и за работу—было ее много: всѣмъ, почитай, сызнова заводиться приходилось. Сталъ онъ гряды облаживать, а какъ тепло время пришло—сидитъ да сбѣять... и должно зналъ онъ дѣло свое хорошо, и рука у его легкая: все такъ-то ли у его росло, да распускалося, что всѣ только диву давались. Ну, и старателенъ былъ, даже ночью выходить поглядѣть, все ли въ порядкѣ—знаешь, чай, какъ у насъ инымъ годомъ до самой Троицы по утречкамъ примораживается—вотъ и поидетъ онъ смотрѣть, не морозить ли и, коли нужно, такъ гряды, на коихъ овощъ понѣжнѣе, соломой и прикроетъ. Одно слово—себя не жалѣлъ.

Съ нами, стариками, ласковъ былъ—покоренъ: замѣстъ отца съ матерью почиталъ,—Глафиру же за родну сестру, а звалъ ее не иначе, какъ Глафирой Коронатовой, и никакихъ съ ей шутокъ не шутилъ, какъ другіе парни, бывало... и уважалъ ее во всемъ.

Прошелъ постъ великій:—Степанъ маленько у насъ ужъ обжился,—а какъ Троицынъ день наступать сталъ, такъ ужъ всѣмъ намъ казалось, будто и вѣкъ Стѣпа съ нами жить. Была въ тотъ годъ Пасха ранняя, а весна поздняя—сталъ снѣгъ таять будто бы и рано, а морозцы все примораживали по ночамъ. Травушка-то муравушка, правда, давно уже зеленѣла—снитка, да дубки тоже изъ-подъ листу прошлагодняго, пѣлаго, по кустамъ развивались... прилетѣли и жаворонки давно... ну, а березки только передъ самымъ Троицынымъ днемъ, какъ надо быть, распустились, а настоящая весна тутотко только и установилась. И радуется же всяка душа человѣческая новой веснѣ, даже старому веселѣе становится, а про молодого и говорить нечего.

Сходили мы со Стѣпой въ лѣсъ: березокъ нарубили—разубрали избу и крылецъ, и заваину, и пошли въ село къ обѣдѣ всей семьей—только Вахрамѣевъ не удалось: нужно народъ кормить,—и въ праздникъ ей работа хуже будня-дня.

Три дня у насъ Троицу празднуютъ—веселится народъ, отъ трудовъ отдыхаетъ—къ новымъ трудамъ готовится. Водятъ тутъ молодыя люди хоробы, а мы, старики, на ихъ глядя, радуемся, тутъ же, на улицѣ, по заваинкамъ, да бревнамъ сидимъ, а и по бесѣдочкамъ ¹⁾ подъ окнами, у кого подѣланы. Пытала тутъ

¹⁾ Бесѣдка въ этомъ разсказѣ вездѣ означаетъ: скамья.—Номг. нарѣчіе.

наша Глашутка плясать, да пѣть. И скажу я тебѣ, какъ пріѣхалъ Степанъ, ни съ кѣмъ не плясала, окромѣ его—отстали съ-разу парни всѣ отъ нея, будто почуяли, что не чета они на-пему молодцу.

Помню, пошли мы на эту самую Троицу, на второй день праздника, въ Березай-село—стоялъ день словно бы лѣтній: теплынь—благодать! Приходимъ мы въ село послѣ обѣда, а дѣвки и собираются хоробыды водить—ну, Стѣпа да Глаша сейчасъ къ имъ, а я къ старикамъ сѣлъ... и поютъ это дѣвушки про море про синее, да про лебедь про бѣлую: какъ плыла лебедь по синему морю съ лебедятами, какъ ушибъ-убилъ ее добрый молодецъ... какъ подъ ей тогда волна всколыхнулася,—желты-пески привозмѣтились... какъ разбилъ молодецъ перья по чистому полю, а мелкій пухъ по зелѣну по лугу... И тутъ вдругъ, гдѣ ни взялась красна дѣвица душа: брала перья на перинушку, а мелкій пухъ на подушечку... и пливаетъ Глаша посередѣ круга, сама словно лебедь бѣлая. Гдѣ ни взялся опять удалъ-добрый молодецъ, сталъ за ей виться-увиваться, а она отъ его уходитъ, черезъ плечо на него глядитъ... беретъ онъ ее за руки бѣлыя, а она все уходитъ, не дается... и поютъ дѣвушки:

Спѣсивая, спѣсивая,
Спѣсивая-непоклонливая!..
Смотри, дѣвица,
Смотри, дѣвица,
Смотри, дѣвица, спокоешься,
Спокоешься, да не во время!..

Да, хорошо играли!..

Подъ эту самую пѣсню лучше всѣхъ Глашутка плясала; а вотъ подъ другую, такъ тамъ Стѣпушкѣ никто не чета. Плясовая это тоже пѣсня: какъ собрался молодецъ жениться, идетъ онъ, выбираетъ себѣ засковую тещу, да тестя богатаго,—милую сестрицу, да шурина молодого—а дальше:

Хожу я, гуляю,
Вдоль по хороводу—
Зайнька бѣлая—
Вдоль по хороводу.
Хожу выбираю:
Любушку-голубушку—
Зайнька бѣлая—
Любушку-голубушку.

Ходитъ это Стѣпа, выбираетъ, и выберетъ безпремѣнно Глашутку... Какъ возьметъ ее въ кругъ, и затянуть дѣвушки своими голосами:

Осѣдлаю коня,
 До шурина со двора! —
 Зайнька бѣлая —
 До шурина со двора...
 Милая сестрица,
 Прошу не сердиться! —
 Зайнька бѣлая —
 Прошу не сердиться.

Проводятъ такъ-то и тестя, и тѣшу, а тамъ и опять залягутся:

Веселья, веселья,
 Сегодняшній вечеръ:
 Что одинъ остался
 Съ тобой, моя любушка!

Такъ-то-ся!

— Ну, не все праздники были; въ будень-день не водилася Глашутка со Степаномъ и вовсе: ласкова была съ нимъ завсегда, разговаривала, коли что придется, степенно, и тоже его не иначе, какъ Степаномъ Ефимовичемъ величала, какъ и онъ ее — Глафирой Коронатовой... а такъ, чтобы какіи смѣшкы у нихъ промежъ собой, да хаханьки — этого, нѣтъ не было. Разъ это только и было, что пошутила съ имъ Глашутка, да такъ онъ ей отвѣтилъ, такъ пристыдилъ, что навсегда закачалась, а тоже не робкаго была десятка, сама знаешь. Было это, братецъ ты мой, въ троицкій мясоѣдъ — играютъ у насъ тутъ свадьбы, кто побогаче; и были мы тоже званы на свадьбу на одну: женился прикащикъ сосѣдскій. Ъзжали мы съ бариномъ въ старинные годы къ тѣмъ сосѣдямъ и водился я тоже съ жениховымъ дѣдомъ — живъ онъ былъ еще какъ свадьбу внука играли; у сына на свадьбѣ пировали вмѣстѣ и къ внуку тоже, старую дружбу вспоминая, позвали меня съ семейшкой. На дворовой же дѣвушкѣ женился прикащикъ-то, на сиротѣ, — у него въ домѣ и свадьбу справляли. Ну, Вахрамѣевичъ и тутотка нельзя изъ дому отлучиться, и взялъ я съ собою только Степана да Глафиру: пусть, думаю, повеселятся — молоды, вѣдь, оба. Приѣхали мы-таки поздненько, тоже, вѣдь, дѣло подневольное: когда-то выпросишься, да когда доѣдешь — а играли ту свадьбу отъ насъ верстахъ въ восемнадцать. Ну, однако, добрались. Какъ вошли мы во флигеръ къ прикащику — хорошо жилъ, хоть и крѣпостнымъ былъ — сидятъ ужъ нарѣченны молоды за столомъ — кругомъ дѣвушки стоятъ, поютъ пѣсни, а то и орѣхами, да праниками угощаются... юлить, вертится околъ ихъ дружка, шутить шутки разныя, а то вдругъ крикнетъ: «охъ, дѣтущки, горько!» — ну, и поцѣлуются молодые

и застыдятся... вспомнишь тутъ и про свою про молодость. Какъ только вошли мы, дѣвушки и затынули пѣсню:

На горѣ-то стоитъ елочка...

Да ты, може, знаешь эту пѣсню-то? Нѣтъ,—ну такъ я тебѣ ее всю скажу: хорошая пѣсня—оттого и спросилъ, что хотѣлось мнѣ ее всю сказать, ты до пѣсень до нашихъ охота, да и пѣсня хороша, слушай же:

На горѣ-то стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ бесѣдочка;
На бесѣдкѣ сидятъ дѣвицы,
Съ ними свѣтъ сидятъ Ивановна,
Что Ивановна, да Марьяшка...

Ну, тамъ кого нужно вспоминають.

Приходилъ къ ней ея батюшка:
Ты пойдемъ, пойдемъ домой со мной!
Я неиду, неиду домой съ тобой,
Я неиду, неиду домой съ тобой:
Ночи темныя-немѣсячныя,
Рѣки быстры—перевозовъ нѣтъ...
Рѣки быстры—перевозовъ нѣтъ,
Лѣса глухи, карауловъ нѣтъ.

Ну, вотъ и съ матушкой и съ братцемъ не пошла, а какъ пришелъ свѣтъ Пѣтра Даниловичъ: стали ночи свѣтлыя, да мѣсячныя,—на рѣкахъ на быстрыхъ перевозки проявились, во лѣсахъ караулы откликнулись.

Стоитъ тутъ Глашутка неподалечку отъ меня, да и шепчетъ: «Небось, велѣли бы господа, такъ не то что съ батюшкой, да съ матушкой, а и просто одна по лѣсамъ, да по болотамъ побѣжала бы и нивѣсть куда!»

Охъ, думаю, дѣвушка, круто въ тебѣ сердце; ишь, вѣдь, до сей поры не позабыла Прыгунцевъ своихъ. Ну, какъ тебѣ съ такимъ крутымъ сердцемъ вѣкъ-вѣченскій безъ своей воли изжить. Все вѣдь подъ началомъ, всю-то жизнь быть придется: теширичка у господъ, а какъ замужъ выйдешь, такъ окромя господъ еще и у мужа—хоть не хощь—исполняй весь вѣкъ мужнину, да господскую волю—да!

Ну, повеселились мы на свадьбѣ на той и домой воротились, и вспоминали объ томъ частенько, сидючи вечеркомъ на завалянкѣ. А объ этой свадьбѣ вспоминаячи, и о другомъ чемъ рѣчи вели: говорилъ Стѣпушка про отца съ матерью, да про

своѣмъ хозяина-огородника, — да про то, какъ спервоначалу нелюбо ему было изъ Ярославля уходить; и какъ у хозяина дочки да племянницы: одна дочка тоже замужъ выходила, а онъ на свадьбѣ въ дружкахъ былъ. Говорилъ тоже, что въ Ярославлѣ по пригородамъ хорошо больно парни да дѣвушки пѣсни играютъ — какъ у насъ на бесѣды ходять. И махнулъ тутъ Глашутка: «Може вамъ оттого и жалко было изъ Ярославля уходить, что вамъ тамъ которая изъ дѣвушекъ приглянулась?...» Ахъ, грѣхъ, думаю, вотъ такъ дѣвка! Порой така разумница, а инымъ часомъ что дитенко малое — чтѣ на умѣ, то и на языкѣ. Глянулъ на ее Степа таковѣ чудно: «нѣтъ, говорить, не было у меня зазнобы никакой...» И трахнулъ кудрями... «Да если бы и была, то васъ увидавши, Глафира Коронатовна, я объ той бы зазнобѣ всяку дѣмушку бросилъ...» Говорить, а самъ глядитъ ей въ очи и не усмѣхнется, словно бы и не шутить.

Сгорѣла тутъ дѣвка моя — устыдилася, и по-дѣломъ: не суйся къ парню съ такими рѣчами, да еще и на народѣ. Ну, тоже правду сказать, меня не опасалася, больно жалѣлъ я ее, а Вахрамѣвны на тотъ часъ съ нами не случилось. Съ той самой поры и закачалась Глаша со Степаномъ шутить, и даже будто сторониться его стала.

VIII.

Живемъ мы такъ-то, и только гляжу я словно бы дѣвушка наша сама не своя стала: сидитъ ино за прошивами за своими, за строчками, и руки опустить, а допрежь того горѣла у ей работушка въ рукахъ: золоты рученьки на всяко дѣло были. Вижу я это и думаю: аль и на нашу лебедку младъ ясенъ соколъ охотничекъ нашелся? Думаю такъ-то, ну только ничего не говорю, ниже Вахрамѣвнѣ, потому: придетъ пора-времячко, само дѣло покажется. Гляжу, сталъ это будто и Сгѣпушка призадумываться... вспомнилъ я тутъ и свои молодыя годы. Эхъ-ма! были вѣдь и мы съ Вахрамѣвной не все-то такіе стародревніе, какъ теперичка, — тоже любилися... я-то тогда хоть и не очень молодъ былъ, а полюбилъ ее что и молодому развѣ только впору. Ну, и она меня полюбила крѣпко... Да и какъ же хорошо живемъ мы съ ей, который ужъ десятокъ... была она мнѣ повсегда женой вѣрной, — не повѣрять сказать: не то что бить, слова не пришлось съ ей во весь-то вѣкъ худого вымолвить. Да, истинно сказать, не всякаго такъ Господь милуетъ, какъ насъ съ Аку-

линою. А сначала-то, какъ мы только слюбились, такъ другъ дружѣ объ томъ не говоримъ ни словечушка: ходимъ оба, будто въ туманѣ, не ѣдимъ, не пьемъ, только одинъ объ другомъ сокрушаемся—а какъ нелюбъ я своей вазнобѣ, тогда что?

А весна межъ тѣмъ своимъ чередомъ идетъ, за собой ведетъ красно лѣтничко. Вотъ распустились-расцвѣли липы въ саду и хмѣль по огородамъ вьется-зацвѣтаетъ... Вывернулся изъ-подъ листву осенняго темнаго и лавдышъ бѣлый—обсыпалъ мать сырѹ землю, словно снѣгомъ душистымъ... и соловьи прилетѣли: заплѣли-защелкали по лядинамъ, по рошамъ молоденькимъ, частымъ... Не спится тутъ молодымъ парнямъ да дѣвушкамъ, словно и у нихъ душа цвѣтомъ весеннимъ зацвѣтаетъ-убирается, не покою, а веселья да радости хочетъ. Не спалось и мнѣ, на молодыхъ глядя—стары годы вспоминаючи. И выхожу я такъ-то разъ ужъ позднечко и побрелъ въ садъ; дай, думаю, посижу я тамъ около озера, гдѣ три липы стоятъ старыя—еще бариновымъ дѣдушкой покойнымъ посажены; есть тамъ и скамеечка дерновая, и хмѣль вокругъ по тычинкамъ вьется, по липамъ вверхъ ползетъ, и съ вѣтокъ съ нижнихъ опять же надъ дерновой скамьей виситъ, колыхается... Иду себѣ такъ-то въ саду помаленечку, полегонечку—тишь така, благодать—изрѣдка только зашуршитъ что: надо быть ящерка, меня же испугамшись, въ кустовые частое стрѣлянетъ... Вдалѣ, на острову, на калинникѣ, соловей щелкаетъ-заливается, а самого то меня всего липовымъ духомъ обдаетъ, будто медомъ... ахъ, хорошо! Лѣтъ словно бы пятьдесятъ у тебя съ плечъ долой свалится...

Подхожу я ужъ въ липамъ и вдругъ слышу тамъ рѣчи тихія... ахъ ты Господи! да это Степанъ съ Глафирую... стоятъ оба, другъ противъ дружки, не въ самой въ тѣни подъ липами, а такъ неподалечку, и свѣтитъ на нихъ мѣсяцъ, а они въ свѣтъ томъ стоятъ, бѣлые-бѣлые... И слышу говорить Глафира:

— Напрасно нудите и себя и меня, Степанъ Ефимовичъ!... напрасно и сюда пришли... не затѣмъ я въ садъ вышла, чтобы васъ за собой выманить.

— Что же, Глафира Коронатовна,—отвѣчаетъ Стѣпа,—какъ за собой ходить не приказываете, такъ и свитовъ засылать не велите?...

— Нѣ, Степанъ Ефимовичъ, не присылайте, потому одинъ у меня для всѣхъ отвѣтъ: не пойду замужъ ни за кого—и за васъ не пойду.

— Глафира Коронатовна,—говоритъ опять Стѣпа,—за что же вы меня такъ обижаете... будто ужъ мы и нѣ-люди... что такъ

гордитесь-спѣсивитесь? Охъ, дѣвушка, дѣвушка! Я-ли тебя не люблю, голубка ты моя ненаглядная!...

А самъ дрожмя-дрожить и назадъ отступаетъ, и лицо у его будто еще бѣлѣй стало... схватился рукой за суку за березовой, такъ суку ажъ затрещалъ.

Смотритъ ему Глаша въ глаза прямо-прямехонько, а у самой лицо такое чудное—ну вотъ какъ Богородицу пишутъ скорбящую... слезъ не леть она, не плачетъ, а видится тебѣ, будто она внутрѣ вся слезами исходить.

— Стѣпа,—отвѣчаетъ она,—и я тебя люблю, желанный мой. Пока не видала я тебя, было у меня только одно горе—печаль великая: неволя—доля наша рабская... ну, той печали мнѣ не помочь было... и жила я такъ-то, будто какъ и всѣ люди живутъ: инымъ часомъ даже веселилася, хотя не вовсе свое горе забывала... Ну, какъ узнала я тебя, увидѣла—стала моя печаль больше прежняго... такъ велика, столь тяжка, что не известъ ее, не изжить, не вынести...

И опять заговорилъ Стѣпа, а самъ къ ней придвигается: —

— Ой, Глашенька, коли любишь, такъ чего же печалиться? Вѣдь я-то тебя, какъ душу свою... а самъ ужъ близко около ея, и обнимаетъ, и къ себѣ прижимаетъ и въ губы цѣлуетъ... а она какъ рванется отъ него назадъ...

— Побойся ты Бога, — говоритъ: — Степанъ! Ни тебя, ни себя мнѣ жалко—всѣхъ, всѣхъ хрещенныхъ! а больше всего жалко мнѣ души дѣтскія, ангельскія... Придется ихъ, ребяточекъ родить на горе... поить, кормить, вынянчивать на мученье на лютое... Мало еще мы съ тобой терпѣли? Мало еще надъ нами, да надъ отцами, надъ дѣдами нашими куражились?... А на тѣ же мученья дѣтей родить неповинныхъ... нѣтъ, этого не будетъ!... лучше сейчасъ и тебѣ и мнѣ камень на шею, да въ воду.

И говорить это таково горько и на Степана ужъ не смотритъ, а будто такъ сама съ собой говорить. Потомъ замолчала.

Молчитъ тутъ и Стѣпа; иначе опять ее обнялъ и къ себѣ прижалъ... она не противится... и заговорилъ онъ тутъ голосомъ почти неслышнымъ, будто его кто за грудь схватилъ—давить:

— Ой, Глаша, горитъ у меня все нутро... изболѣла у меня, измучилась вся душа по тебѣ, моя желанная, любимая... выходи ты за меня замужъ—откуплюсь я у господъ: заживемъ мы съ тобой людьми вольными—счастливыми.

— Пустое говоришь ты, Стѣпа,—отвѣчаетъ Глафира, а сама его опять тихонько отъ себя отстороняетъ,—знаю, ты и дѣдушкѣ и мнѣ сказывалъ, что есть у тебя сотня рублей заветная, отцомъ-

бабиной принамоленная... такъ развѣ той сотни на выкупъ хватить? А колибы на тебя хватило, такъ вѣдь я еще остаюсь... нѣтъ, чего тутъ говорить: несчастные мы, крѣпостной народъ, безаланные... Въ бѣги уйдить думала — такъ вѣдь тоже весь вѣкъ маячиться придется, да и дѣдку съ бабкой жалко. А мы вотъ что: лучше рѣчи тѣ бросимъ объ любви, да объ замужствѣ... спервоначалу трудно намъ будетъ, а тамъ окаменѣемъ мы: — не будемъ ничего чувствовать, а тамъ померемъ и снесутъ насъ въ сырѣ могилу на вѣчный покой — и не возьмемъ мы того грѣха непрощенаго на душу, не пустимъ дѣтски души невнимны по свѣту мучиться-убиваться, къ землѣ сырой вѣкъ свой гнуться подъ тяготой подъ великой.

Прижалъ ее Стѣпа къ себѣ, а самъ стонетъ:

— Любѣ ты мнѣ, моя ненаглядная, любѣ, вотъ что!...

А у Глаши личико просвѣтлѣло, словно бы свѣтомъ неземнымъ — небеснымъ: — «обняла она его тоже руками за шею, смотреть ему въ глаза и говорить почти-что шопотомъ:»

— И ты мнѣ любовь, такъ любовь, что какъ увижу тебя, какъ только голосъ твой слышу, такъ сердечушко мое, будто соловей, въ кѣткѣ затрепещется — запоетъ сладкимъ голосомъ. Взяла бы я тебя такъ, обняла бы крѣпко, навѣчно, — отъ всякаго горя-печали заслонила бы... отогнала бы отъ тебя всяку тоску-заботу... а замужъ за тебя не пойду, того грѣха не возьму на душу. — Дрогнувъ тутъ Степанъ, словно бы его кто въ грудь вожомъ рѣзавуль — оттолкнулъ ее отъ себя: — Ой, дѣвушка, дѣвушка, — говорить; — извела ты меня, засушила... ну, Богъ съ тобою! — И пошелъ прочь: идетъ, шатается на кусты, на деревья натывается, — самъ не оглядывается... И Глафира ему въ слѣдъ не смотреть... повалилась лицомъ на скамью на дерновую, заломила рѣченьки надъ головушкой и лежитъ, только плечики вздрагиваютъ, словно бы кипитъ у ней внутрѣ горе, наружу просится, а я за кустами стою, самъ себя не помню и плачу, старый, плачу, ажъ слезы всю мою сѣдую бороду смочили... Вижу я, лежитъ она долго такъ, не встаетъ, и позвалъ я ее тихонечко: — Глаша, а — Глашенька?... не отвѣчаетъ. Подошелъ я, взялъ ее за руку, поднялъ: — встала, слова не молвить, а только глядитъ на меня и лицъ опять точь въ точь у скорбящей... да вдругъ какъ крикнетъ: — хочу и я жить какъ люди!... люблю я Стѣпушку больше жизни, люблю его, желаннаго, ненагляднаго!... — да какъ заломить опять реченьки... и полились у ней тутъ слезы горячія — плакала долго, меня обнявши, лицомъ въ моему лицу старому, бородатому, припавши...

Даль я ей тѣ слезы выплывать и домой повелъ и говорю: напрасно, дочка милая, убиваешься, твоему-то горю еще помочь можно; дай срокъ, погоди: помолимся мы Богу, пораскнемъ умомъ, авось Господь насъ просвѣтитъ и научитъ, какъ намъ въ томъ дѣлѣ быть. — Ну объ томъ, чтобы ее уговаривать такъ-то, какъ теперь, за Степана идти, я и не пыталъ — потому, истинно сказать, вѣрное это ея слово, что Степану говорила: — не слѣдъ де намъ того грѣха на себя брать, что дѣтей неповинныхъ на мученье на свѣтъ родить.

Спрашивалъ я ее потомъ: какъ, молъ, ты, дѣвушка, до мыслей до такихъ дошла, что въ пору старику думному, а не тебѣ — человѣку молодому, почитай, еще малому. И отвѣчаетъ Глафира:

— Охъ, дѣда, дѣдушка! — не на моихъ ли глазахъ Короната, — батюшку, извели — сгубили?... надо мной-ли не куражились, да надъ матушкой?... И кто-же? что ни-на-есть пустые, дурашныя людишки. — Пригунцы эти самые... А какъ я-то отъ нихъ избавилась? купилъ меня Павелъ Матвѣичъ, словно бы каку утварь домашнюю... и нигдѣ-то нѣтъ для нашего брата ни правды, ни заступы... Вотъ хоть бы теперичко и Степанъ: выросъ онъ въ Ярославѣ городѣ — привыкъ тамъ, прижился... приказали господа — и пріѣхалъ. Ну, а чтобы это ему было, коли-бы у него тамъ дѣвушка любимая осталась? Ой да и тяжело было бы ему отъ нея идти; ой да и больно бы отъ любимого своего отрываться... Такъ-то дѣдушко! Ну, а какъ я до этого дошла? какъ все такое замѣчать стала, что для другихъ ни за что проходить? — на томъ батюшкѣ, Коранату Власъичу, спасибо. Мала я была, мала, какъ онъ помиралъ, ну, а рѣчи его горькія и по сейчасъ на сердцѣ у меня огнемъ горять — палать нутро мое...

Вотъ такъ и отвѣтила мнѣ.

Сталъ я тутъ умомъ раскидывать, какъ ихнему горю со Степаномъ помочь, и слышимъ вдругъ, что опять собирается Павелъ Матвѣичъ на времячко изъ чужихъ дальнихъ сторонъ къ намъ гостить пріѣхать. Только вижу кручинятся у меня больно паренъ съ дѣвницей, и говорю имъ такъ-то:

— Коли ежели кто можетъ нашему горю помочь, такъ это Павелъ Матвѣичъ: было у него колись обѣщаніе дадено Глафиру на волю отпустить, попытаю у него, какъ пріѣдетъ, не отпустить ли, какъ сунилъ въ старо времячко... А на счетъ тебя, Стѣпушка, такъ есть у тебя припасено сотня рублей и, семъ-ка, сходимъ мы еще въ свату Андрею, богатый мужикъ онъ, вольный, съ плотницкой артелью изъ году въ годъ въ Питеръ ходитъ, деньгѣ

у его водится—не выпросимъ ли въ долгъ сотню, другѣ, може и согласится тебя Миколай Матвѣичъ за выкупъ отпустить... Снимешь ты огорождъ близъ станціи, разживешься, Богъ дастъ, на волѣ—долгъ выплатишь. А покажѣсть, говорю, хоть сватовъ и не засылали, почитай ты Глафиру нарѣченной своей невѣстой. Повеселѣли оба, а Глафира и говоритъ:—Ладно, дѣдушка, что Степанова, что Христова—все одно, ни за кого замужъ не пойду, окромя его.

IX.

— Тутъ въ скорости пріѣхалъ и Павелъ Матвѣичъ, и слышно, папенька твой, Миколай Матвѣичъ, тожно съ Кавказа ворочается—война ужъ порядочно какъ покончилась. Перво-на-перво какъ пріѣхалъ Павелъ Матвѣичъ, такъ всѣхъ сосѣдей объѣздилъ, и потомъ дѣлами какими-то занялся... и не могу я времячка выбрать къ нему съ нашимъ дѣломъ сунуться. Стали тутъ домъ убирать и садъ чистить по господскому распоряженію:—нагнали съ деревни бабъ да ребятъ захребетниковъ—шумъ въ саду: чистятъ, скребутъ, кусты обстригаютъ, подвязываютъ... Слышно было, что Павелъ Матвѣичъ жениться ладить, даромъ, что четвертый десятокъ на исходѣ, и перво время опосля свадьбы желательно ему у насъ въ деревнѣ съ молодой женой прогостить. Только убрали это садъ, насадили цвѣтовъ разныхъ—сѣмена-то всѣ Павелъ Матвѣичъ съ собой привезъ и самъ Степану все показывалъ, какъ и что. И велѣно бабамъ да дѣвкамъ дворовымъ Степану на подмогу выходить—а его тутотко ужъ и въ садовники произвели—велѣно тѣмъ бабамъ да дѣвкамъ цвѣтники полоть, а вечеромъ воду носить—все въ саду поливать. Только рѣшился это я, наконецъ, въ одинъ день послѣ обѣда, подъ вечеръ, къ Павлу Матвѣичу сходить за Глафиру попросить, и сталъ къ барскому дому садомъ пробираться: ближе оно, да и думаю, не встрѣчу-ли барина въ саду, такъ оно какъ будто вольготнѣе мнѣ тамъ потолковать съ имъ:—они, господа, что Миколай Матвѣичъ, что Павелъ Матвѣичъ, никогда меня, бывало, не пропустятъ, чтобы не поговорить со мной, старикомъ. Пошелъ я и дохожу уже до тѣхъ самыхъ липъ, а тамъ ужъ и хмѣль повывранъ, и скамья дерновая новымъ дерномъ обложена, и цвѣты кругомъ какі-то заморскіе понасажены... и вдругъ слышу Глашуткинъ голосъ, да такой-ли сердитый, да громкій, а съ кѣмъ говорить, того не вижу. Подался я ближе, по за кустами меня не видно, пораздвинулъ

вѣтки, а самъ думаю: чтой-то не слыхивалъ я досель, чтобы ругалась съ кѣмъ наша пташка — гляжу; ахъ ты Господи! вижу стоитъ Павелъ Матвѣвичъ — сердучокъ на ѣмъ сѣренькій-полотняный, шляпа соломенная на бесѣдку брошена, самъ объ лиду спиной опирается — цигарку курить... Передъ нимъ наша Глафира, вся выпрямившись — только за водой идтить, видно, хотѣла, стоять пустыя ведра тутъ же... щеки у нея раскрасѣлись, платокъ съ головы свалился назадъ на шею, волосы порастрепались... смотреть она барину прямехонько въ лицо въ упоръ, таково сердито, — и громко да твердо говорить, а глаза у ей такъ и горять, такъ и свѣтятся, словно бы у дѣснаго звѣря лютаго:

— Что-жъ ты стоишь, баринъ? Чтѣ хощь, то со мной и дѣлай, во всемъ твоя воля... а какая мнѣ дорожка остается послѣ любви твоей, про то я знаю...

Спыхнуло тутъ у Павла Матвѣича все лицо, словно бы огнемъ зардѣлось...

— Прости, — говорить, — меня, дѣвушка, красива ты очень, ну, и одурѣлъ я... Богъ съ тобой, говорить, я тебѣ зла сдѣлать не желаю.

А тутъ Глаша-то и увидь край моего армячишка — грѣхи, какъ и увидала-то! за кустами вѣдь я хоронился...

— А ты, дѣдушка, что-жъ тутъ же стоишь, ничего не говоришь?

Сгорѣлъ тутъ и я со стыда, старый, да скорѣй прочь, прочь, въ избу свою... Павелъ же Матвѣичъ давно за кусты нырнулъ — съ-разу изъ виду пропасть.

А Глафира и не торопится — повернулась словно королевна, надѣла коромысло на плечи, захватила на него ведро, да въ слѣдъ Павлу Матвѣичу и молвить:

— Эхъ, вы!.. нетокмѣ что добра, вы и зла-то сдѣлать не сумѣете... ни на что-то въ васъ проку нѣту!

— На друго утро зовутъ меня въ горницу къ барину. Ну, прихожу; поздоровался со мной ласково, да весело — рюмочку настоечки поднести велѣлъ и сталъ меня кое объ чемъ насчетъ лошади больной разспрашивать, что ногу зашибла — я вѣдь коновальскимъ дѣломъ тоже малость маракую. — Ну, разспросилъ; все, какъ слѣдуетъ быть, я ему сказалъ, а онъ: хорошо, Михайлычъ! а скажи-ка ты мнѣ еще вотъ что: гдѣ тутъ старинная твоя находочка-дѣвочка? Жива-ли?

— Какъ же, говорю: батюшка, жива, — да и выровнялась, хоть куда дѣвка стала... А самъ думаю: «Господи Твоя святая воля! что это — неужто ему Глафира и впрямь приглянулась?..

Что-то теперь будетъ? Думаю такъ-то, и мнѣ ажъ въ грудь вступило... Много видалъ я на своемъ долгомъ вѣку, какъ господа не то что дѣвушекъ въ грѣхъ вводили—женъ отъ мужей отнимали... Эхъ, доля наша горькая! Видѣлъ это, ну и жалко было, а тутъ, какъ до Глафиры дѣло доходить, такъ, кажись, лучше бы онъ мнѣ, старику, голову снялъ... Все это я въ одну минуту передумалъ и тутъ же Господу мольбу вознесъ: пронеси, Боже милостивый, мимо нашей Глафиры то горе-горькое!.. И словно бы меня самъ Господь надумилъ, какъ и что сказать: сталъ я Глафиру хвалить. Да вы, батюшка, говорю: ее видѣли, это та самая дѣвушка... И хочу ему сказать, что она Стѣпушкина невеста,—можетъ, думаю, пожалѣетъ онъ ее.—А онъ:

— Да, да, говорить: помню, помню ее; я, дѣйствительно, видѣлъ ее и тогда, когда отъ Прыгунцевыхъ откупилъ, и послѣ, когда она приходила съ дѣтьми играть.

Эге, думаю, вотъ ты куда поворотилъ... ладно же, погѣшу я тебя: виду не подамъ про вчерашнее, да ужъ таперичка и своего добиваться стану... а можетъ ему и всамдѣлѣ за вчерашнее стыдно? Можетъ онъ себя только очистить желаетъ — баринъ онъ всегда былъ робкій, не то что другіе звѣри... Пожалуй, наше, Степана да Глафирино, дѣло еще и уладится... И всѣ-то эти мысли у меня сквозъ голову одна за одной, одна за одной, словно мблонъ... Сталъ я барину опять про Глашутку говорить: она-де за васъ, батюшка, Павелъ Матвѣичъ, денно и ночью Бога молить; и пока васъ не было, только у ей и рѣчи: когда-то Господь нанесетъ сюда барина мово, Павла Матвѣича, сулилъ-де онъ меня въ стары годы на волю отпустить... вотъ теперичка прійдетъ, навѣрно, отпустить!..

Вскинулъ тутъ Павелъ Матвѣичъ на меня глазами таковъ сурово, а тамъ смягчился быдто, да и говорить:

— Да, да, помню теперь, а вѣдь запоматовавъ я было со-всѣмъ объ своемъ обѣщаньи... ну, однако, что сказано было, то сказано, и въ этомъ слово твое, старикъ, вѣрное... скажи же этой дѣвушкѣ... какъ ее зовутъ?

— Глафирой, батюшка!

— Скажи Глафирѣ, что я свое обѣщанье исполню.

И повернулся, чтобы изъ прихожей, гдѣ со мною разговаривалъ, въ залу идтить. А я себя на умѣ: нѣтъ, думаю, я тебя такъ-то не выпущу, больно сподручно мнѣ говорить съ тобою при такомъ случаѣ... и сталъ я ему про Глашуткину да Стѣпушкину любовь говорить... ну, тожно не все, баринъ вѣдь, — болѣ на свою къ нимъ жалость я указывалъ. Ну, и про то слово

сказалъ, что каково теперь Глафирѣ вольной за крѣпостного замужъ идти.., и нельзя ли Степану у барина на волю откупиться. И вижу, что опять нелюбы рѣчи мои Павлу Матвѣичу, ну, однако, опять обошелся; задумался только спервоначалу этакъ на минуточку, а тамъ и говорить:

— Ладно, старикъ, вотъ пріѣдетъ братъ, тогда приходи, а я поговорю съ нимъ о вашемъ дѣлѣ. — Вышелъ было опять изъ прихожей и сейчасъ же назадъ вернулся... — Ты-де какъ, Михайлычъ, старый, вѣрный слуга—я постараюсь за тебя передъ братомъ... Впрочемъ, я думаю, что онъ и безъ моей просьбы согласится наградить твою долгую службу.

Старъ я былъ, старъ, а скорѣй молодого добѣжалъ до застольной. Глашутки на ту пору въ избѣ не случилось—вышедши была за чѣмъ-то. Только и говорю я Вахрамѣянъ, что мнѣ баринъ сказывалъ.

— Охъ,—говорить старуха:—пойтить позвать дѣвку скорѣй..—вѣришь-ли, маковой она росинки въ ротъ съ утра не брала, и всяко у ей дѣло изъ рукъ валялось, даромъ что не лѣнива...

А тутъ Глафира-то и входитъ—увидала ликъ мой радостный и спрашиваетъ:

— Что-жъ тебѣ, дѣдушка, баринъ сказывалъ?—А у самой губы ажъ посинѣли и трясутся... и какъ крикнетъ, вдругъ не своимъ голосомъ:—не томй ты меня, дѣдушка! Аль не видишь, что со мной дѣется?

— Христосъ надъ тобой, моя касатушка, говорю: — наше дѣло ладно: отпускаетъ тебя Павелъ Матвѣичъ на волю и у Николая Матвѣича за Степана просить будетъ...

Ничего не отвѣтила—зашаталася... кабы бабка не подскочила, такъ бы бѣгомъ и ударила... побѣлѣла какъ полотно. Ну, отошедши маленько—мы на лавку ее посадили, спрыснула ее бабка водицей съ уголька—залилась слезами, не горькими, а такъ это—радость неожиданная у ей слезами оборотилася. Потомъ поклонилась мнѣ въ ноги:

— Прости, говорить,—меня, дѣдушка желанный, избидѣла я тебя въ мысляхъ своихъ, не знала я тебѣ всей цѣны и о сю пору... А какъ обидѣла, того я ни тебѣ и никому не скажу...

Сѣла потомъ на лавку:

— Говори, дѣдушка сердечный, что баринъ сказывалъ, все какъ есть...—просить. Ну, я рассказалъ. — А какъ, говорить, Николай Матвѣичъ не согласится?

— Согласится: дадимъ мы ему выкупъ хорошій, Павелъ

Матвѣичъ свое слово скажетъ, и сыграемъ мы веселый пиръ, да и свадьбу.

Заторопилась тутъ Глаша:

— Господи, а Степанъ-то, Степанъ ничего вѣдь не знаетъ! Еще болитъ, ноетъ у его душа. А и скажу же я вамъ теперича, дѣдушка съ бабушкой, коли бы мнѣ еще день-другой такъ ждать, да маяться, такъ истомила бы, сокрушила бы меня въ копецъ госка, змѣя подколовая.

Отыскали мы Степана—на огородѣ оwohl градъ конается... только онъ раньше, чѣмъ мы ему что сказали, самъ догадался—все по веселому Глафирину лицу узналъ. А и сѣла-то она, словно бы солнышко красное яснымъ днемъ лѣтнимъ.

Ну, при горѣ да печали долго времячко тянется, а при счастья да весельи стрѣлой летитъ! Не успѣли мы оглянуться, какъ и папенька твой, Миколай Матвѣичъ, съ Кавказа приватилъ. Сходить я къ ему: сначала не съ большой быдто охотой меня слушалъ.

— Какъ же это такъ вдругъ,—говорить:—Степанъ тутъ при усадьбѣ нуженъ. Дѣло заведено, сдѣланы большія затраты на огороды—какъ же я теперь безъ огородника останусь?

Ну, и говорить ему Павелъ Матвѣичъ:

— Тебѣ, братъ, Степанъ хороший выкупъ даетъ; это твои затраты покроетъ, а огородное дѣло настолько хорошо со Степановой руки пошло, что оно и съ наемнымъ огородникомъ не только окупится, но и доходъ дастъ.

Говорилъ онъ это барину въ сторонѣ, а я хотя и старъ, а разобралъ—сердцемъ боѣе, нежели ухомъ.

Ну, потоловали еще, и согласился баринъ. Павелъ Матвѣичъ ему чтой-то по-французски говорить сталъ, а баринъ напѣ:

— Ахъ, вздоръ, говорить, вздоръ все это — по-русски ужъ..—Я тебѣ говорю не вздоръ,—перебиваетъ его Павелъ Матвѣичъ:—заграницей только и рѣчи, что объ этомъ,—а вы тутъ, да по войскамъ своимъ, сидите, ничего не знаете, ни къ чему не готовитесь. —А тамъ опять тише это Павелъ Матвѣичъ-то:—что теперь возьмешь, то твое и будетъ,—черезъ два-три года и радъ бы былъ, да само изъ рукъ уйдетъ.—А Миколай Матвѣичъ ему на меня глазами указываетъ.—Опосля я ужъ только и догадался, что они про волю говорили, а до тѣхъ поръ у насъ и слуху ни про каку волю не было; такъ, черезъ годъ съ небольшимъ стали объ этомъ и промежъ нашего брата поговаривать, а допрежъ того ни о чемъ такомъ мы и не слыхивали.

Ну, какъ тамъ ни было, а согласился баринъ и собрались мы со Степаномъ къ свату Андрею за деньгами.

Хоть и былъ Андрей мужикъ прижимистый, однако, согласился—триста рублей серебра далъ, и надать ему за нихъ четыре года по сту рублей платить;—а ежели какой годъ не въ сто сполна заплатишь, такъ за недоплаченное на будущій годъ вдвое. Бумаги мы на то никакой не писали, а при свидѣтеляхъ, при кумѣ Иванѣ Кузмичѣ, да при племянникѣ при Андреевомъ Севастьянѣ дѣло дѣлалось, и брали мы его на совѣсть... Ну, да Андрей родъ-то нашъ зналъ издавна; зналъ, что мы тутъ грѣха никакого на душу не возьмемъ — а что отдать слѣдуетъ, отдадимъ сполна.

Нечего говорить, сдѣлалъ съ нами я баринъ по-божески: всего двѣсти-пятьдесятъ рублей серебра взялъ: — за твою, Михайлычъ, за службу вѣрную, я бы, говорить, и такъ отпустилъ, да больно мнѣ убытковъ по огороду много.—Ну, и выговаривалъ, чтобы Степа у него до зимы прожилъ и положилъ ему жалованья пять рублей серебра въ мѣсяцъ. По осени мы и свадьбу сыграли. И Господи, кака у насъ тутъ радость въ домѣ! Бабы, кои пожилыя, даже Глафиру осуждать стали: — Что это, говорить, — испоконъ вѣку это водится, что невѣсты плачутъ, а у афтой ни слезиночки! Безстыдница, этакая, говорить. — А Глашутка только улыбается и ходитъ, словно земли подъ собой не чувствуетъ. Ну, тоже не вовсе на радость шла, да только тогда-то объ этомъ не думано, не гадаю.

Х.

Прожили они,—Степанъ да Глафира, до весны у насъ;—баринъ тому не препятствовалъ, да ему отъ этого убытковъ не было: Глафира за тронхъ работала—то бабѣ помогаетъ, то на скотномъ дворѣ—скотницѣ... Ну, подъ весну маленько и умялась;—стали и мы ее тоже отъ тяжелой работы понридерживать. Начала она тутъ кое-что заготовлять на будущаго: пеленки да шапочки... стану я ихъ, бывало, разглядывать—и все-то на мой кулакъ налѣзаютъ... ну, хоронила ихъ отъ людей, да меня вѣдь не опасалась:—все одно, что я ей и отецъ и мать, любила меня. Степанъ же все для новой теплицы прилаживалъ да для парниковъ.

По веснѣ снялъ онъ у барина одного двѣ десятины земли подъ огородъ близъ станціи, нанялъ себѣ избушечку: — своей-

то не изъ чего было строить, да и не охота свою избу на наемной землѣ ставить. Ну, на свадьбу да на обезаведенье и ушли всѣ остатки отъ выкупа денежки. Сладилъ Стѣпа парники, сталъ кое-что уже и по веснѣ продавать. Купили корову, куръ... задолжали и еще кое-кому помимо Андрея маленечко, да молоды были и заботящіе: отдать всѣмъ все сносна ладилась. Стала Глафира на людей бѣлье стирать, помы мыла у служащихъ станціонныхъ. По вечерамъ шила, строчила полотенца—сидить чуть не до полночи, сказывалъ Стѣпа, ну, и опять до свѣту на ногахъ. Жили такъ-то обон—своимъ трудомъ неустаннымъ питались.

Какъ пришла осень, да продали что нужно съ огорода, да постигали кому что отдать слѣдоваетъ, глядъ: и не хватаетъ у нихъ для Андрея тридцати рублей. Ну, заняли еще кое-у-кого, сладились—заплатили Андрею, больно бы имъ убыточно ему-то не отдать. Тутъ зима наступать стала:—Глафира Васютку, первенькаго, родимши была и похворала послѣ родовъ—не можно ужъ ей по старому много у чужихъ людей работать, и закручинились мои голуби. Только послать имъ тутотка самъ Господь счастье: стали служащіе къ Глафирѣ на харчи напрашиваться. А она, oprичъ того, что ласкова да обрядна, отъ бабки нашей, какъ слѣдуетъ быть, и куховарить научена; и пошло у ей дѣло ладно: не токмо что сама сыта, а еще и барышъ остается. Прожили, надо правду истинну сказать, зиму припѣваючи и даже тридцати-рублевый новый долгъ уплатили. И корова, что куплена была, оказалась здоровая, молочная; продавала Глаша молоко, не токма что на себя его не жалѣли.

Какъ попадешь къ нимъ, бывало—не нарадуешься: оба все въ дѣлѣ—Стѣпа зимой кое-что для весны готовить.... ходилъ тожно на служащихъ работать, когда время было: то дровъ порубить, то чтб. Случалось на станціи работа и казенная. Ну, какъ же другъ дружку жалѣли, какъ одинъ другому уважали, того и сказать я тебѣ не могу:—голуби, одно слово. Васютка тутъ же ползаетъ—не кричитъ, не плачетъ, смиренный, весь въ Стѣпу уродился... тоже чтб возьметъ въ рученки, такъ цѣлымъ часомъ молчкомъ забавляется, только твердить: тятя, да мама, да дѣда, и смѣется.

Второй годъ прошелъ лучше перваго.—Къ осени все Андрею заплатили. Завелъ на третій годъ Стѣпа огорода болѣ прежняго. Глашутка же что годъ, то робать носить, а куховарить все куховарила... и опять къ осени все уплатили.

Только стали тутъ ужъ больно много про волю твердить—шестидесятый годъ наступалъ—слышимъ мы уже и въ скорости

ладить царь-батюшка намъ волю дать... Радуется народъ крещенный, а кои сумлеваются: не можетъ этого быть, говорятъ; особенно изъ господъ не вѣрили. И какъ тутъ наша Глафира расцвѣла, я тебѣ и сказать не могу. Никого я лучше на своемъ вѣку не видалъ, а долго жилъ. Каждное воскресенье въ церковь ходила молебны служить за здравіе царя-освободителя.

— Тебѣ-то,—скажешь ей, бывало:—что же такъ за великая радость, вѣдь ты вольная?

— Ахъ, дѣда, дѣда! — отвѣтитъ: — спадаетъ теперь съ меня вся печаль горькая, коя сушила мнѣ душу-сердце съ лѣтъ съ малыхъ. Я-то вольная, да счастливая, а сколько еще безсчастныхъ въ неволѣ томатся. И глава у ей ровно бы звѣздочки свѣтятся.

И откуль бы тутъ горя ждать? А оно, горе-злостіе, недалеко было: за угломъ притаилось. — Шло, да шло себѣ времячко, и было это уже лѣто шестидесятого года на исходѣ. Стояла тутъ дня два-три погода дождливая, а тамъ и прояснѣвъло, и вѣщало въ я на свою завалинку на солнышкѣ погрѣться, — былъ, етакъ, часъ дня пятый. Сажу-себѣ, да подумываю, каковѣ-то тамъ, на станціи голуби мои поживаютъ, и какъ-бы теперичко мнѣ провѣдать ихъ хотѣлося, и слышу, вдругъ, звенять бубенцы, словно бы ихніе. А Степанъ ужъ и лошадеу завелъ — нелзя ему — дѣло у его большое, нужно то — друго привести, отвезти... Гляжу и впрямь — ихня телѣжка: дуга расписная; упряжь цыганская, пестрая. Подкатила — вижу одна Глашутка съ робятами: троечка у ихъ была въ тѣ поры. Слѣзла съ телѣги, гляжу: и сама она будто не своя, — какъ робать ссаживаетъ, такъ руки ажъ трасутся. Ну, поздоровалась.

— Что, — говорю, — такое? Что ты такъ смутная, да невеселая. Да, что же Степанъ? Аль дѣла какі задержали спѣшныя.

Какъ всплеснетъ руками: — Охъ, дѣдушка, во всемъ-то я, окаанная, виновата!

— Да что же такое? говори, не томи.

— Взяли Степана въ городъ, въ острогъ, — становой увезъ...

— За что такое, что ему приключилось?

И рассказала мнѣ все, какъ есть, правду истинну. Какъ стало, это, все болѣ да болѣ слуховъ про волю ходить, стала Глаша Степана нудить: выпиши, да выпиши, молъ, изъ Питера газету; будемъ мы все въ газетѣ читать про волю, и другимъ скажемъ. Стѣпа же мастеръ былъ — и читать, и писать, до всего дошелъ. Выписали газетину: стать къ имъ народъ валомъ валить — собираться по вечерамъ. Читаетъ имъ Стѣпа, рассказы-

вать; ну, и прослышали объ томъ господа сосѣдніе, осерчали: Степанъ-де огородникъ на станціи народъ бунтуетъ! А и впрямь сталъ народъ строптивѣе противъ прежняго, только не отъ Стѣпушки—смирный онъ былъ человѣкъ, степенный... До того дѣло доходило, что начнетъ кого баринъ какой чубукомъ по зубамъ чесать, али барыня башмаками по щенамъ лунить—ну, и говорить: не долго, молъ, вамъ теперичко еще надъ нами куражаться дозволяется... намъ царь-батюшка волю даетъ.

Спервоначалу удивлялись этому господа, толковали промежъ собой:—отчего бы, да почему народъ таковъ непокладный сталъ?... А какъ узнали про Степанову газету, и что онъ народу про волю ставиваетъ, и свалили все на его. Дали знать становому—пріѣхалъ: забралъ Степана, въ кандалы заковали бунтовщика, въ острогъ посадили....

Взвѣли мы со старухой, какъ это услышали—не знаемъ, что и дѣлать. Побѣжалъ я въ горницу къ своимъ господамъ; ну, дай имъ Богъ на томъ здоровья, заступились. Были они опять всѣ тутъ въ сборѣ: Миколай Матвѣичъ теперичко дома живъ, только, бывало, къ вамъ, въ Питеръ, съѣздить—повидается; сканывалъ, что и тебя скоро ждать надоть. И Павелъ Матвѣичъ на тотъ разъ тутъ же съ молодой женой лѣто догашивалъ. Пришелъ я въ горницу, въ прихожую, сталъ у двери въ залу, поклонился, и стою, — и нѣту на мнѣ лица, самъ чую, — и паленка твой съ-разу увидалъ, и говорить:

— Что такое случилось, Михайлычъ? говори скорѣе, какая тамъ у тебя бѣда...—самъ трубку отставилъ, а курилъ, какъ я-то пришелъ. И Павелъ Матвѣичъ тутъ же цыгарку курить, и барынька его молодая за чайнымъ столомъ сидитъ, чашки перетираетъ, ложечками побрякиваетъ... Палъ я Миколаю Матвѣичу въ ноги—до земѣ поклонился... былъ онъ человѣкъ прохладный, а живехонько тутотѣ на ноги вселочилъ, испугался ажъно....

— Что, что это ты, старикъ, Богъ съ тобой! вѣдь, ты мнѣ въ отцы годишься... — И самъ меня своей рукой поднимаетъ.... Да что случилось? говори же.

Заплакалъ я тутъ, пролилъ слезы горькія, рассказалъ свою бѣду господамъ. Слушали оба барина молча, а барынька молоденька: ахъ, какъ, говорить, жалко: старичокъ таковой старенькій плачетъ... надоть ему помочь непременно, ахъ, надоть! — Какъ рассказавъ я, стали господа промежъ собой совѣтываться—много толковали, не по-нашему, особливо Павелъ Матвѣичъ,—нашъ-то баринъ будто хомяковать маленько былъ, на рѣчи не скоръ и повсегда, и тутъ сидитъ больше молча, словно объ чемъ-то дѣ-

вуетъ, вдаль смотритъ,—Павелъ же Матвѣичъ такъ-то-ли разсуждается, и молода-барынька тожно словцо свое вставляетъ. Кончили они промежъ собой толковать — я все въ дверяхъ стою у притолка—и говорить мнѣ Миколай Матвѣичъ:

— Не горюй, Пареевъ, я думаю, что твоему дѣлу еще можно помочь — мы тоже не послѣдніе въ уѣздѣ люди; — удивляюсь, какъ насъ не спросили въ этомъ случаѣ: насъ бы первыхъ спросить надо, вѣдь Степанъ нашъ бывшій человѣкъ. Ну, да мы имъ покажемъ, что это дѣло безъ насъ не рѣшится....—А Степана-то обвинили ближніе къ станціи помѣщики — отъ насъ же это въ двадцати-пяти верстахъ будетъ. Наши господа, хоть и водились съ нами и кое-съ-кѣмъ въ родствѣ были, однако, не то, чтобы ужъ очень часто туда ѣзжали, или ихъ къ себѣ звали: Миколай Матвѣичъ по неохотѣ; Павелъ же Матвѣичъ у насъ только наѣздомъ у брата гостилъ, и того рѣже по сосѣдямъ бывалъ, разъ какой-нибудь толечко и во все лѣто. И видно приобидѣлись наши господа, что ихъ совѣта на этотъ разъ не спрошено, и порѣшили ѣхать Павлу Матвѣичу въ городъ объ Степанѣ хлопотать. Пока собирались, пока чтò—прошло денька съ три:—Глафира и мѣста себѣ не находитъ,—скорбень таковъ сталъ ликъ у ей. Пыталъ я ее уговаривать, и бабка уговаривала... и впрямь не послѣдніе люди въ уѣздѣ господа наши, самъ я знаю, и что — коли у ихъ обѣщано, то крѣпко держутъ — не пусты люди, дѣловитые.

Поѣхалъ Павелъ Матвѣичъ въ городъ, хлопоталъ тамъ недѣльку-другу: пришлось ему и благодарность тому, да другому поднести — не поскупился, спасибо ему на томъ, подсунулъ кому надо было, и възволить-таки Степушку:—вернули его къ намъ. Глафира спервоначала какъ увидала мужа, такъ и обмерла—а потомъ въ ноги ему кинулась:—прости, ты, меня—прости—бабу глупую.... я одна всей той бѣдѣ виновата!... А Степанъ посередѣ избы стоитъ сумраченъ — не видалъ я его такимъ ни допрежь того, ни опосля—и говоритъ онъ ей:—нѣтъ ни на тебѣ, ни на мнѣ вины никакой: всему виной наша доля тяжкая.... Вотъ мы и вольные, а захотѣли: въ острогъ посадили,—захотѣли: вызволили...—Сѣлъ потомъ на лавку—голову на грудь опустилъ и во весь-то вечеръ словечушко не вымолвилъ. И Глафира около его не увивается... подозвала только робятъ къ ему старшенькихъ, и тѣ смирехонько къ ему притулились; сама же съ меньшимъ къ бабкѣ за перегородку ушла.

Попелъ я къ господамъ: низехонько имъ поклонился; спасибо, говорю, батюшка, Павелъ Матвѣичъ и Миколай Матвѣичъ, что не

оставили насъ въ горѣ—помогли намъ, безпомощнымъ.—Смѣются:—На здоровье, дѣдушка; пойдеть теперь дѣло у твоихъ внучать по старому.—Только не вышло по ихнему слову: перво-на-перво какъ уѣзжали на друго утро Степанъ съ Глафиroy, она и шепчетъ:—ой, дѣдушка, сердечный ты мой, начинается у насъ мука-мученска: у Степана-то весь таковъ взглядъ, какъ у Короната-батюшки годами былъ долгими, до самой смертыньки.

— Христось надъ тобой, говорю, не поминай лучше, не на-ликая бѣды; обойдется, все по старому пойдеть,—перемѣлется—мука будетъ.—А у самого-то сердце ноетъ, тоже бѣду чуетъ.

XI.

Приѣхали они домой, сказывала опосля Глафира, — работы страсть что принакопилось; былъ у ихъ тутъ и работникъ на-вать, да ему одному всего не справить было, хоть и хорошъ и работащъ былъ парень, и со Стѣпой душа въ душу жили. Нужно бы теперь работать рукъ не покладаячи, а у Степана всяко дѣло изъ рукъ валится. Стали тоже отъ ихъ люди быдто сторониться: съ тобой, Степанъ, говорятъ, и мы еще бѣды наживемъ. И у Глафиры съ харчей болѣ половины народу ушло: — Богъ васъ, говорятъ, знаетъ, что вы за-люди:—може за вами и впрямь что-худое водится. Степана теперичьво отпустить отпустили и быдто и на самомъ дѣлѣ не за вину въ городъ возили—ну, а все же онъ въ острогѣ находился, въ кандалахъ закованъ былъ, не гоже это быдто дѣло!

Стали Степана по-малу-маленьку люди «рестантомъ» звать—спервоначалу съ досады, аль въ шутку, а тамъ и повсегда—ну, а ему-то каковъ? Горько это нашимъ родимымъ было — тяжело сначала, —потомъ, одначе, попривыкли; опять пошла у ихъ работа, только не по старому... нѣчего и говорить, что не по старому. Родила тутъ Глафира четвертаго и чуть не померла; только и вѣходила ее что Вахрамѣвна.... дай Богъ здоровья господамъ, отпустили старуху къ внукамъ на цѣльныхъ на шесть недѣль.

— Ну, Андрею-свату на этотъ годъ остатнихъ ста рублей отдать не смогли,—откупался въ городу тожно и Степушка, помимо того, что Павелъ Матвѣичъ своихъ денежекъ потратить изволилъ. Тяжела имъ — Степану съ Глафиroy — эта зима пришлась. Работника отпустили: платить ему жалованье не изъ чего было. Много работалъ тутъ Степанъ и на сторонѣ, и дома,—

Глафира же сама еле-жива бродила. Ну, къ веснѣ она-то поправилась, за то онъ будто прихварывать сталъ.

Прочитали этой самой зимой, послѣ Рождества, по церквямъ волю, и словно бы ожили тутъ, да повеселѣли мои голуби малечью, радуются:—авось-де,—говорятъ:—новая жизнь теперь на святой на Руси для всего народу хрещенаго начнется.—И что-жъ ты думаешь, самый этотъ годъ ихъ въ разоръ разорилъ. Пошли тутъ господа чудить:—Мы, говорятъ, теперича нищіе, самимъ намъ приходится и въ полѣ работать, и торговать, и все-такое... Продають лѣсъ—землю... Лавочки строить, — кон кабаковъ наставляли... Сурмиловы господа, баринъ съ барыней, недалеко отъ станціи,—сами даже за стойкой стали... Другіе-то огороды завели: развелось на станціи овощу всякаго—дѣвать нѣкуда. Стѣпа хоть и не сажай ничего, такъ дешево все стало огородное: продають господа, почитай-что, въ убытокъ—имъ что?—въ тѣ поры у ихъ, хоть и прибѣднивались они и плакались, а все по старому тѣи же даровы рабочи руки подъ началомъ были. Только и держался еще Стѣпа стараньемъ, да умѣньемъ. Однако, доѣхалъ его-таки тутъ и сватъ Андрей: требуется долгу, а долгъ, сама ты знаешь, ростъ сталъ—что Степанъ въ прошломъ году не доплатилъ, то нынѣ плати вдвое... Андрей свое не упускаетъ:—Ты-де мнѣ, такъ-то и такъ, при свидѣтеляхъ въ томъ божишься.... —Бился, бился Стѣпа — не въ могу — а самъ все прихварываетъ, что далъ, то болѣ: — Сохну я, говоритъ: вану, дѣдушка, словно бы матушка-покойница послѣ батюшковой смерти.

На тую ли еще бѣду баринъ-то, у коего онъ аренду снималъ, тожню ему за землю надбавить захотѣлъ. Ну, може какъ-нибудь и упросилъ бы его Стѣпушка той надбавкой годовъ-другой повременить, и пробился бы какъ ни-на-есть, — да стали у нихъ тутъ люди новые разные проявляться съ Москвы, да съ Питера: шныряють это по уѣду — ищуть себѣ добычи: разнюхиваютъ все, разглядываютъ. Видать промышленники эти,—чтобъ ихъ пабалки взяли!—что заселится станція—на городокъ похожа становится—и стали у барина того, гдѣ Стѣпа огородъ снималъ, тую самую землю торговать, что подъ огородомъ, и она, почитай, ужъ вокругъ домами обстроена. Ну, баринъ ее и продалъ за хорошія деньги. Построили на ней потомъ тѣи проходимцы гостинницу и садъ насадили увеселительный... У Стѣпушки же контракту съ бариномъ не было—на совѣсть у ихъ дѣло дѣлалось—не сталъ Степанъ и спорить, бросилъ все. Что у его тамъ поналожено было — парники, то-что, продалъ коб-кому — держало огороды тогда ужъ окромя его народу много—и воротился онъ къ намъ

въ Березай-село, къ міру приписаться пожелалъ. Такъ опосля и сдѣлали, когда отъ господъ Березайскимъ крестьянамъ уставная грамота вышла.

Ну, Глафира ему ни въ чемъ не перечила, а онъ—что далѣ, то хуже хворалъ. Построились они въ Березай—опять господамъ спасибо: дали лѣсу въ долгъ и не нудили никогда тѣмъ долготъ—знали, что мои сердечные голуби сами о кажинной копѣйкѣ сумѣваются, какъ бы не задержать—въ срокъ отдать.

Промаялся Степанъ года три, коли же болѣ, пока Богу душу отдать. Ну, каково Глафира себя тутъ показала, я тебѣ и сказать не могу. Была она у насъ и жать и сѣно убирать выучена, однако ни пахать, ни молотить, ничего такого ей не приходилось; ну, а какъ переѣхали они въ Березай, такъ все самой дѣлать пришлось, ни до чего Степану касаться не позволяла: вохлился онъ только дома съ ребятами, да и то ему объ ину пору не въ моготу было. Высохъ весь, грудь ввалилася, сгорбился,—хуже меня старика,—руки какъ плети висятъ, въ кудряхъ сѣдина пробивается... А Глафира молодець-молодцомъ... и не плакала, ни дома, ни къ намъ пришедши. Засталъ я ее только одинъ разочекъ на полосѣ: лежитъ—припала головой къ матери сырой землѣ, а какъ окликнулъ я ее—и вижу весь ликъ у ней слезами горькими смоченъ... ну, тоже тою-жъ минутою слезы вытерла, и мнѣ объ томъ молчать заказала, особливо-же передъ Стѣпушкой. Какъ померъ Степанъ, некогда было и убиваться бабѣ—работала она, я тебѣ скажу, болѣ неежели иной воръ-разбойникъ на каторгѣ,—да и не она одна—многимъ,—почитай, всякому—въ крестьянскомъ дѣлѣ весь вѣкъ въ такой страдѣ изживать приходится. Тяготы мірскіе несла Глафира наравнѣ съ мужиками, и нечего сказать—міръ ее не обиждалъ—уважали, какъ женщину степенную, даромъ что молода. Ужъ опосля Стѣпушкиной смерти она свату Андрею остатній долгъ выплатила... Господь ему судья—помогъ тоже чужого вѣку заѣсть.

ХІІ.

Часть всей этой горькой Глафириной повѣсти Михайлычъ рассказывалъ мнѣ раньше—часть досказалъ по дорогѣ въ Березай.

При входѣ въ деревню онъ говорилъ:

— Какъ ни билася, какъ ни крѣпилася Глафира, а не выдержала: подвосила ее теперичю хворость лютая. Охъ, Господи-Боже, пронеси ты еще эту бѣду, не дай ей, Милостивый, помереть

безъ времени: — оставить однихъ-однихъшенекъ спреть горемычныхъ на свѣтъ!

Мы пришли въ деревню оволо четырехъ часовъ вечера. Она смотрѣла какъ-то не по старому, а еще унылѣе, хотя въ ней, повидимому, ничего не измѣнилось. Какъ прежде, такъ и теперь вытянулись, какъ по веревкѣ, два ряда сѣрыхъ непритяжныхъ избъ, вдоль большой столбовой дороги, — при въѣздѣ въ деревню одинъ полосатый верстовой столбъ, — при выѣздѣ — другой;... кругомъ: голое болото, обросшее по краямъ рѣдвой брединой;... дальше: плохо вспаханныя полосы, а еще дальше, за широкою трактовою Екатерининскою старою дорогою — сосновый боръ, тянуційся верстъ на сорокъ и болѣе, до самаго Осташкова. Тамъ, близъ лѣса, близъ старой дороги, стояло когда-то зажиточное старинное Березай-село, посреди богатыхъ хлѣбныхъ полей, на высокомъ пригоркѣ, спускающемся луговымъ скатомъ къ озеру — Лебязьей-лужѣ, названномъ такъ потому, что на немъ когда-то — рассказываютъ старики — водились лебеди. Били орлы залетные бѣлыхъ лебедей, — били охотники-молодцы лебедей и орловъ, но... все это было и былѣмъ поросло. Лебеди вовсе не прилетаютъ болѣе на свое озеро, и залетные орлы рѣдко показываются... Уныло проклетчеть какой-нибудь одинъ, попавшій сюда, самъ не зная зачѣмъ, отдохнетъ на песчаномъ пригоркѣ, на старомъ пепелищѣ, напрасно подождетъ добычи и летитъ далѣе... Перевелись и охотники молодцы... зато безъ страха приходятъ пить къ Лебязьей-лужѣ дикія козы и лоси, — и только неожиданный звукъ пѣсни прохожаго, или лай собаки спугиваетъ ихъ и заставляетъ скрываться въ тѣни вѣковыхъ сосенъ, гдѣ они быстро исчезаютъ изъ виду, беззвучно мчась по мягкой хвоѣ, толстымъ ковромъ устлавшей лишенную всякой растительности почву стараго лѣса. Не слышно въ немъ ни звука, ни шороха, развѣ гдѣ на опушкѣ треснетъ сухой сучокъ надъ прыжкомъ бѣлки, и только вверхъ раздается — неумолчный, стройный шелестъ вѣчно неспокойныхъ вершинъ.

Близъ этого бора стоялъ въ старые годы Березай и хорошо жилось въ немъ, но... прошла новая столбовая дорога — и село перенесено на новое мѣсто: выстроены избы по ранжиру рядомъ съ гнилымъ болотомъ, далеко отъ воды и ровно въ шестнадцать верстахъ отъ другого такого же села, тоже перенесеннаго откуда-то, — за которымъ въ шестнадцать верстахъ лежитъ такое же третье — и такъ до самой Москвы... Со времени перенесенія Березая къ шоссе и болоту, население его начало хворать: года

не проходило, чтобы не являлась весной и лѣтомъ то лихорадка, то горячка, то поносы на дѣтей, отъ которыхъ бѣднѣи мерли по нѣскольку человѣкъ въ день — а въ селѣ насчитывается, за послѣдніе годы, всего-то не болѣе семидесяти-пяти—восемидесяти жибъ. Но этотъ годъ выдался хуже всѣхъ. Откуда шелъ моръ? крестьяне не знали; пришло двое-трое больныхъ изъ Питера, — во въ то же время хворало уже нѣсколько человѣкъ и на деревнѣ... и разыгралась лихорадка, горячка, холера, словно стараясь перещеголять одна другую.

Изба Глафиры стояла съ самаго краю, у входа въ деревню. Она была построена уже не изъ той старой красной сосны, изъ какой строились прежнія крестьянскія избы, переживавшія каменныя строенія, и у которыхъ насчитывается много-много восемь-девять вѣнцовъ, а то и не болѣе семи, какъ въ «толстой харчевнѣ» по Бѣжецкой дорогѣ... Глафирина изба была сложена изъ тонкихъ сучковатыхъ бревенъ—видно было, что мѣстность сдѣлалась столь же немилостива и къ деревьямъ, какъ къ людямъ... Она словно не въ состояніи производить болѣе тѣхъ растительныхъ великановъ, остатки которыхъ мы видимъ еще въ заповѣдныхъ господскихъ и казенныхъ лѣсахъ,—какъ не носить она, не вскармливаетъ болѣе и тѣхъ богатырей-молодцовъ, память о которыхъ ушла въ сказки... Все измельчало: орлы улетѣли, корявые молодые сосны хирѣютъ по болотамъ, и люди выродились—ослабѣли.

Глафирина изба смотрѣла бѣдно—сѣро... однимъ окномъ на дорогу—другимъ на болото; плетень огорода развалился,—гряды истоптаны, изрыты сосѣдними курами; кусты смородины обглоданы козами; на крышѣ двора безъ страха усѣлся ястребъ и выглядываетъ себѣ легкой наживы.

Мы поднялись на крылечко; сѣни были отворены, изба заперта. Михайлычъ дернулъ веревку щеколды: дверь отворилась, и на насъ пахнуло такою тлетворной затхлѣю, что я невольно подалась назадъ. Въ углу, почти у порога, лежала, свернувшись, Аленка.—Услыхавъ скрипъ отворявшейся двери, она повернула къ ней страшно исхудалое личико, затѣмъ встала и, опираясь о стѣну, добрела до насъ. Узнавъ меня, она сдѣлала слабое усиліе улыбнуться, но ей это не удалось.

— Спать мамушка, спать и Васютка, — заговорила она какимъ-то жалкимъ протяжнымъ полушопотомъ.—Я вошла за Михайлычемъ, крадучись, чтобы не разбудить больныхъ. Васютка лежалъ на печи; онъ стоналъ и бредилъ во снѣ. Глафира помѣчалась за перегородкой, на доскахъ, примощенныхъ къ подожон-

ной лавкѣ. Другихъ дѣтей не было: съ того времени, какъ заболѣла мать, они находились у Вахрамѣвны.

Я отворила окно.—Сходи-ка, дѣдушка, куда-нибудь: достань вѣресу, да покури здѣсь,—прошптала я старику;—очень ужъ плохъ тутъ воздухъ, больнымъ отъ этого еще тяжѣле.

Алѣнка подобралась ко мнѣ и дернула меня за платье:—Миколаевна, зайди ты къ дядѣ Симеону-кузнецу—приходишь въ обѣдъ: бають, слыывають онъ, воротилась Миколаевна въ Березай-усадьбу:—спосылайте ее къ намъ безпремѣнно, какъ къ вамъ придетъ. Плоха больно Алѣна ихняя... Иванъ-то на той недѣлѣ померъ...

—Ладно, Алѣнушка, я къ нимъ сейчасъ схожу, можетъ быть тѣмъ временемъ matka твоя проснется.

Я отправилась къ Симеону-кузнецу, безсрочно-отпускнуому солдату, брату Вахрамѣвны. Избушка его, стоявшая посреди деревни, была самая маленькая, самая плохонькая изъ всѣхъ. Въ ней помѣщался онъ со второй женой и двумя взрослыми дѣтьми отъ первой:—сыномъ Иваномъ и дочерью Алѣной.

Симеонъ встрѣтился мнѣ по дорогѣ:—Охъ, Миколаевна, и медлила же ты нонѣ прїѣздомъ!—не чаяли ужъ и видать... Ваниюшку нашего вотъ, почитай, недѣлку, какъ схоронили—больной изъ Питера пришелъ. Жена поправляться теперь стала, да все еще еле бродить; меня одного пока Господь миловалъ—не свалила хворь проклятая, а то некому было бы и водицы имъ испить подать, хворымъ-то, какъ горѣли они въ самомъ что ни на-есть жару.—Ну, Алѣнѣ таперича конецъ, какъ есть: у живой полъ щеки, да губа нижняя отболѣла послѣ горячки... Тоже и у Ваниюшки было—померъ, слава Богу! а то оставаться бы ему на весь вѣкъ калѣкой.

Мы вошли въ избу. Что это былъ за срамъ! Что это было за страшное, испитое существо-призракъ, съ воемъ ползшій изъ угла, изъ кучи тряпья, въ которой лежалъ, зарывшись... Ухватясь за мои ноги, обнимая и цѣлуя ихъ, больная съ воплемъ валилась на грязномъ, устланномъ сырою соломой, полу...—Миколаевна, родимая, не оставь, помоги!...

Симеонова жена плакала на лавкѣ, съ которой не могла встать по слабости; старикъ кузнецъ кулакомъ утиралъ слезы, мочившія ему усы... Я—я поднимала Алѣну и плакала громко, какъ плачутъ маленькія безсильныя дѣти. Когда я ближе взглянула на дѣвушку, я чуть не закричала...

Я научила добрыхъ людей, насколько сама умѣла, какъ промывать язвы больной. Простась и обѣщавъ зайти на слѣдующій

днѣ, я ушла, чтобы вернуться къ Глафирѣ. Но у воротъ я встрѣтила цѣлую толпу березайцевъ: — «къ намъ, къ намъ»... раздавались голоса; положеніе несчастныхъ было таково, что они даже отъ меня ожидали помощи. Мнѣ пришлось обойти чуть не все село; только-что выходила я изъ одной избы, какъ меня уже вводили въ другую. Чего—чего не насмотрѣлась я тутъ. Здѣсь—цѣлая семья въ повалку: одни въ холерѣ—другіе въ тифѣ. Тамъ—умирающая женщина, почти похолодѣвшая, и у груди ея ребенокъ, тщетно силившійся высосать каплю молока изъ высохшей материнской груди. Далѣе, опять картины, сходныя съ тѣми, что я застала у Симеона. Ужасны были эти омертвѣнія частей лица, рукъ и ногъ, какъ послѣдствіе плохого питанія и слабости больныхъ, истощенныхъ еще до болѣзни обычнымъ зимнимъ голодомъ и весенней страдой. О недостаткѣ ухода, о какомъ бы то ни было леченіи, я уже и не заикаюсь.

Не зная что дѣлать, чувствуя жалость и ужасъ, я все-таки ходила по избамъ, отрывая окна, осыпая водою запевшіяся губы, отнимая дѣтей отъ зараженной груди... плача вмѣстѣ со всѣми—и объ нихъ. Душа у меня смертельно ныла отъ собственной моей безпомощности, отъ недостатка знаній, отъ невозможности оказать хоть сколько-нибудь основательную помощь.

Я вернулась къ Глафирѣ не скоро. Когда я пришла, она давно уже не спала: — Ну, хоть повидала я тебя передъ смертью,—сказала она мнѣ тѣмъ же жалкимъ, протяжнымъ полу-тономъ, которымъ говорили и всѣ остальные больные.

— Ты не умрешь, Глафира Коронатовна, — отвѣчала я: — не всѣ отъ горячки помираютъ; вотъ погляди: выздоровѣешь.

— Нѣ, нѣ, родная, не встать мнѣ... сама чую,—нѣтъ силшки ни эстольки. Ну, да и побилась я на бѣломъ свѣтѣ довольно: не жила—горѣла душой...

Все это говорилось медленно, съ долгими перерывами.

— Робятъ жалъ, вотъ что; ну, да ихъ Господь не оставитъ, какъ не оставитъ меня, махонькую. Жалъ, больны оба старшеньки-то: Васютка безъ памяти, Алѣнка не многимъ лучше его... —Она замолчала, потомъ пыливо и пристально поглядѣла на меня своими прекрасными, строгими глазами, еще болѣе впавшими отъ болѣзни.

— Слушай, Николаевна, малы мои робята, дѣдка старъ, — баба, хоть и добра, да разумъ въ ней бабій, не въ осужденіе ей будь сказано, — некому мнѣ передъ смертынькой и сказать того, что всю жизнь мнѣ душу томило... Только и есть еще околъ меня, что ты въ годахъ молодыхъ, да съ разумомъ... да

и то: дѣло твое господское—захочешь послушаешь, захочешь—нѣтъ, меня бабу темную... а и выслушаешь, такъ поймешь ли?..

— Говори, Глафира, передъ Богомъ даю тебѣ слово, что постараюсь понять тебя и завѣтъ твой исполню, если смогу.— Много я сегодня видѣла такого, что прежде мнѣ и во снѣ не снилось: — растаяла у меня душа отъ твоихъ слезъ крестьянскихъ.

Глаза Глафиры блеснули: казалось, что вся еще оставленная ей болѣзнью жизнь сосредоточилась въ нихъ.

— Видѣла такое, чего и во снѣ не снилось... охъ, родная, такъ-то и всё вы... А то, что ты сегодня видѣла, это изъ году въ годъ наша мужицкая доля. Мнѣ-то, вотъ, все это хорошо знаемъ: ноетъ грудь отъ заботы повсѣгдашней, отъ работы непосильной, страдной. А вашъ братъ, кой и душой добѣръ, такъ все одно, что сонный посередь насъ бродить — не видитъ ничего, не слышитъ, не понимаетъ стону нашего вѣковѣчнаго. И отчего это? Може все отъ книжекъ отъ вашихъ. Вотъ, хоша-бы и ты: мало-ль бы тебѣ дѣла и тутъ-то напилось, дома-то, да около насъ... а ты, вонъ, въ Питерь уѣхала, тамъ дѣла новаго искать стала. Любила я тебя махоньку, все забывала, что ты роду дворянскаго, какъ ты дѣду обнявши, ая меня, на завалинкѣ, бывало, сидишь съ нами... да не куражишься надъ рабами крѣпостными, а отъ нихъ же себѣ ласки ждешь... Выросла ты, не та стала,—настоящей какъ есть барышней — госпожой выровнялась, хоть и не алой, не ндравной, того не говорю, нѣтъ — а такъ, чужой ты намъ стала... А я тебя все махонькой, да ласковой вспоминаю, и какъ ни сокращаю себя, чтобы тебя не любить, а не могу... тоже и старикъ нашъ больно тебя жалѣетъ, словно бы меня самоѣ,—ну, и я на него гляючи, да старое вспоминаючи, нѣтъ, нѣтъ, да любовно объ тебѣ и подумаю: и клялѣ же я себя за это. Ну, вотъ, привелъ меня Господь проститься съ тобой, Миколаевна; прости ты меня передъ смертью—всю я тебѣ правду истинну сказала про тебя, какъ на исповѣди попу говорила... А остальное, хочешь слушаешь—хочешь нѣтъ, твоя воля...

— Глубоко взволнованная словами Глафиры, я опять повторила ей, что даю слово исполнить все, чего она потребуетъ, если это будетъ въ моихъ силахъ.

— Видишь-ли, — заговорила она своимъ слабымъ, прерывистымъ голосомъ:—сказано ужъ, не жила я, душой горѣла, какъ и батюшка Коронать Власичъ, покойный. Бился онъ весь вѣкъ свой — супротивничалъ тому, кто сильнѣй его былъ, и давилъ и

грабилъ... ну, и свалился: сила соломушку ломить. Билась такъ-то и я; ну, спервоначалу, было мнѣ полегче несежель ему... Вышла воля: вотъ-то, думаю, заживемъ не только-что мы со Степаномъ, а и весь народъ хрещеный по новому, по хорошему — возрадовалась я, выиграло во мнѣ сердце: вольный, бѣлый свѣтъ шире, краше прежняго мнѣ показался, — анъ тутъ меня и подкосило. Былъ допрежь того у кажиннаго одинъ баринъ, а теперичю развелись изъ несмѣтныхъ тысячъ: и купецъ тебѣ баринъ, и становой баринъ, — баринъ тебѣ и кулакъ деревенскій... и кругомъ, да около, выше, да далѣ, все-то господа, и всякъ съ тебя грошъ твой трудовой тинеть, да еще и поклона въ придачу требуется... Было намъ и со Степаномъ вдвоемъ трудно, а какъ пошли робята, да бѣды, да оны померъ — и совсѣмъ не въ моготу стало. Сильнѣя была баба, здоровая, — а вотъ видишь, какимъ ногѣмъ пластою лежу. Ты думаешь меня хворь скрутила — думала и я такъ-то спервоначалу, такъ и дѣдка говорилъ: не поможетъ ли чѣмъ Миколаевна, какъ придетъ; ну, а какъ соскочила съ меня эта самая горячка, что меня палила, такъ я и почувала, что не встать мнѣ — силушки нѣтъ болѣ: осталась моя силушка на полюсъ, и собралъ ту силушку богатѣй въ мощну свою и трясется надъ ей, какъ кащей надъ кладомъ. И вездѣ и у всѣхъ все такъ же въ крестьянствѣ, какъ и у меня. Все-то дурость наша — темнота. И разгнѣвались на темноту на нашу силы небесныя: наслали на насъ моръ, а за моромъ гладъ наступаетъ, — стоятъ поля не паханы, полосы не ораны. И что дальше будетъ, то все хуже, все народу хрещеному тяжелѣе...

Я слушала ее напряженно, боясь проронить слово изъ этой странной для меня рѣчи: — никто изъ крестьянъ не говорилъ еще такъ со мною, барышней; я чувствовала, что тутъ не я умнѣе, что не я въ правѣ поучать, а что мнѣ самой слѣдуетъ учиться понимать жизнь у этой истощенной, умирающей, темной женщины, весь вѣкъ гнувшейся — подъ тяжестью непосильной работы, подъ гнетомъ — всяческаго произвола...

— Слушай же, — отдохнувъ, — продолжала Глафира, — да походи поближе, больно трудно мнѣ говорить-то; а ужъ коли разъ начала, скажу я тебѣ всѣ свои мысли, горемъ вымученныя. Простѣ ты и любовна по сердцу, Миколаевна, хоть и госпожа, — болитъ теперичка и у тебя душа отъ горя нашего, мужицкаго... видишь ты какъ, нонече, по больнымъ бродила, сказывалъ дѣдка... и прежде ты нами не гнушалась, особливо какъ махонька была... ну, и какъ выросла, тоже робятъ нашихъ въ себѣ приближала, наградила тебя Господь на это разумомъ... помогала тоже кое-

кому, чѣмъ могла—бѣднымъ и больнымъ, только, Христовая ты моя, не того намъ надобно. Не поможешь ты ничѣмъ такому горю нашему, ни ты, ни другіе люди одинакіе... Наше горе извести, наши слезы мужицкія вытереть—все одно, что окіянь-море высушить... Нужна на то не твоя сила... нужна любви великая... сила могучая...

Она говорила все тише, такъ тихо, что я могла разслушать ее, только близко нагнувшись надъ ней, почти прижавъ лицомъ къ ея лицу... Иногда рѣчь ея становилась уже совершенно безсвязна...

Когда Глафира замолчала—было уже темно. Михайлычъ давно ушелъ въ усадьбу, чтобы потребовать для меня экипажъ и привести Вахрамѣвну на ночь къ внучкѣ. Скоро я услышала звукъ приближающаго колокольчика, а тамъ заскрипѣло и крыльцо подъ тяжелою и неровною поступью стариковъ.

Я простилась съ Глафирой безъ слезъ, какъ-то благоговѣйно.

— А помирать не хочется, ахъ, какъ не хочется...—было ея послѣдними словами мнѣ:—робать больно жалко, изболѣло по нимъ все нутро мое: махонькіе они, неразумные—не оставьте вы ихъ, пока сами живы, дѣдушка съ бабушкой, не оставь ихъ и ты, Миколаевна!

Усталая физически, пріѣхала я домой и заснула только подъ утро. Когда я проснулась, было уже поздно; около моей кровати, въ ногахъ, сидѣла Вахрамѣвна и беззвучно плакала.

— Что Глафира?—было первымъ моимъ вопросомъ.

— Кончилась, моя голубушка, подъ самое утречко,—отвѣчала всхлипывая старуха.—Увидала это зорюшку новую на небушкѣ и только молвила: «Заря-де молодá занимается! скажи ты Миколаевнѣ»... а что сказать—такъ и не докончила, може ей что съ хворости примерещилось. Только и сказала: «Молодá заря занимается!»

А. Л.

СРЕДНЕАЗІАТСКАЯ КУЛЬТУРА

■

НАША ПОЛИТИКА НА ВОСТОКЪ.

Turkistan. Notes of journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara, and Kuldga. By Eugene Schuyler, Phil. Dr. Member of the Amerikan Geographikal Society and of the Imperial Russian Geographikal Society, etc. London. 1876.—Туркестанъ. Путевыя замѣтки о русскомъ Туркестанѣ, Кокандѣ, Бухарѣ и Кульдѣ, Е. Скайлера.

О к о н ч а н і е.

IV *).

Несмотря на то, что мы живемъ вѣками въ сосѣдствѣ и въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ народами Средней Азіи, трудъ г. Скайлера, — иностранца, посѣтившаго въ первый разъ наши новыя владѣнія и взявшагося за перо для своихъ соотечественниковъ въ далекой Америкѣ, — этотъ трудъ не менѣе любопытенъ и для насъ: такъ мало распространены въ массѣ нашего общества свѣдѣнія о томъ, что живетъ рядомъ съ нами. Г-нъ Скайлеръ, приступивъ къ описанію бытовой стороны населенія Средней Азіи, поставилъ себѣ цѣлью изложить дѣло со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ: для американца тутъ все является новымъ; но мы увѣрены, что и для нашего общества весьма многое изъ сообщеній г. Скайлера окажется излишнимъ, какъ общезвѣстное. Приемъ автора дѣлаетъ чтеніе его книги весьма

*) См. выше: июль, 578 стр.

интереснымъ: мы у него всегда находимъ или краснорѣчивый и краткій языкъ цифръ, или живыя описанія сценъ и картинъ, схваченныхъ съ натуры. Вотъ, напримѣръ, какъ живутъ зажиточные люди въ Средней Азiи, у себя, дома, въ обыкновенной домашней обстановкѣ, съ своимъ понятіемъ о комфортѣ.

— Мы подошли—такъ рассказываетъ г. Скайлеръ—къ небольшой калиткѣ, полуоткрытой; на нашъ стукъ къ намъ вышли три красивыхъ мальчика въ длинныхъ распущенныхъ рубахахъ, опоясанные ручными платками, и съ шапочками на головахъ, съ улыбающимися лицами. Они привѣтствовали насъ своимъ обычнымъ: «аманъ!» и взяли нашихъ лошадей. Мы вошли; передъ нами открылся большой дворъ, почти весь окруженный навѣсами, наполненными лошадьми; другой формы стойла здѣсь не бываетъ. Черезъ другую дверь мы вошли на другой дворъ, на двухъ сторонахъ тамъ были балконы. Этотъ дворъ называется «мужскимъ» (tish-kari), позади него, тоже черезъ дверь и черезъ узкій проходъ,—дворъ «женскій» (itch-kari). Дода Могаммедъ, купецъ богатый, имѣетъ три двора, а у другихъ бываетъ только два, но во всякомъ случаѣ женщины должны имѣть отдѣльное для себя помѣщеніе, гдѣ имъ бы ничего не мѣшало, и куда мужчинамъ входить недозволено. У мужчинъ гладкій полъ изъ твердой глины и на ней полоски дерна; съ одной стороны, стоитъ платформа въ 1—1½ фута высоты и возлѣ квадратный прудъ, отбѣиваемый деревьями, вода котораго натекаетъ въ маленькій ровъ изъ главныхъ каналовъ города и снабжаетъ водою для питья и для омовенія.

— Насъ вводятъ въ гостиную, гдѣ всѣ сидятъ на туркменскихъ коврахъ, покрывающихъ весь полъ; между тѣмъ вѣншній воздухъ становится пріятнѣе, выносятся другіе ковры и помѣщаются на платформу, а вдоль ея края кладутся тонкіе полосатые шелковые матрасы; намъ даютъ подушки, чтобы положить на нихъ локти, когда мы почувствуемъ, что сидѣть слишкомъ утомительно. Туземцы сидятъ иногда на накрестъ-сложенныхъ ногахъ, но гораздо болѣе приличнымъ считается, стоя на коленяхъ, сидѣть на ногахъ. Такое сидѣніе кажется съ перваго раза слишкомъ утомительнымъ, но можно привыкнуть къ этому; если пріобрѣсть національные шаровары, тогда каждый европеецъ можетъ легко обойтись безъ стульевъ. Всѣ дома почти устроены одинаково: есть большая комната, открывающаяся на балконъ, гостиная, и одна или двѣ маленькія, противоположныя большой. Женскія комнаты въ женскомъ дворѣ совершенно такія же, какъ и мужскія. Въ каждой комнатѣ двѣ или три двери

съ двойными створками, отрывающимися внутрь, и висятъ онѣ на чемъ-то въ родѣ стержня, который проходитъ въ притолокъ и пороги; двери украшены не рѣдко нѣжными арабесками. Окна нѣтъ, но есть продольныя отверстія надъ дверями, иногда закрытыя рѣшетками, а рѣшетки—бѣлою бумагою. Стѣны оштукатурены и иногда обдѣланы красивымъ карнизомъ изъ алебаstra; обыкновенно на нихъ много нишъ съ верхушкою на аркѣ, и эти ниши служатъ полками для книгъ, для платя, для конфетъ и сладостей, кувшиновъ и чайниковъ. Стѣны часто окрашиваютъ искусственными цвѣтами или букетами или горшками чудесныхъ цвѣтовъ и иногда маленькими арабесками; въ рѣдкихъ случаяхъ тамъ бываетъ изображеніе какого-нибудь животнаго, и вообще такихъ изображеній избѣгаютъ, какъ запрещенныхъ кораномъ. Притолокъ дѣлается изъ небольшого круга ивовыхъ вѣтвей, прилаживаемыхъ между стропилами, и обыкновенно окрашивается въ блестящій ультрамариновый голубой цвѣтъ.

— Кромѣ ковровъ и матрасовъ, мебели никакой, за исключеніемъ небольшого круглаго стола, въ нѣсколько дюймовъ вышины, на который кладутъ сласти и фрукты для гостей, или вырѣзанный изъ дерева и окрашенный ящикъ для чашекъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду одну особенность: въ углу комнаты весьма часто бываетъ тазикъ, опущенный немного ниже пола, для омовенія передъ молитвами; подлѣ него помѣщается кувшинъ съ водою. Въ первомъ дворѣ содержатся всѣ необходимыя вещи для лошадей, уздечки, сѣдла и т. п. Во внутреннемъ, женскомъ дворѣ—кухонная утварь и спеціальныя вещи для женщинъ: нитки, шелкъ и всѣ предметы, которыми онѣ окружаютъ себя. У женщинъ также мало мебели, какъ и у мужчинъ, если не считать особеннымъ предметомъ широкую деревянную постель, поднимающуюся съ полу на нѣсколько дюймовъ; надъ нею натянута сѣтчатая сѣть изъ веревки. Многіе спятъ просто на коврѣ, тонкомъ стеганомъ одѣялѣ или матрацѣ, разостланномъ на полу... Съ улицы дома не имѣютъ украшеній. Крыша плоская, сдѣланная изъ камыша или тростника, и затѣмъ густо обмазана глиною, сквозь которую легко пробиваются безчисленные скорпионы—эти постоянные гости въ домахъ туземныхъ жителей Ташкента. Случайно загнѣзуютъ въ дома и тарантулы, и другіе ядовитые пауки. Дома по большей части одноэтажныя, причѣмъ бываетъ и одна верхняя комната, называемая: *balakhana*, это нашъ *балконъ*, по-персидски *bala*.

— Весь день проходитъ въ ѣдѣ и питьѣ, въ омовеніи и въ разныхъ дѣлахъ и разговорахъ. Прежде всего былъ посланъ

передъ нами полосатый кусокъ шелковой или бумажной ткани и на немъ появились разныя яства: миндальныя и фисташковые орѣхи, иногда засахаренныя, пасты и леденцы разныхъ вкусовъ, *калосы*, небольшіе пирожки, вафли, фрукты, миндали въ сахарномъ сиропѣ и т. п. Отвѣдавъ всѣ эти разныя деликатессы, мы стали толковать о различныхъ предметахъ, о нашихъ общихъ знакомыхъ и о новостяхъ дня, о вопросахъ религіи или о мѣстной исторіи. Меня много занималъ одинъ туземецъ, высокій добродушный человѣкъ лѣтъ сорока; онъ выучился русскому языку, вступилъ въ русское общество и теперь знаетъ всѣхъ русскихъ дамъ въ Ташкентѣ, какъ ихъ зовутъ; онъ поймалъ нѣсколько французскихъ фразъ, и постоянно вводитъ ихъ въ свои рѣчи.

— Но вотъ скоро солнце садеть, и всѣ туземцы, нисколько не извиняясь, подходятъ по-одиночку къ заветному мѣсту—совершить свои омовенія: вымыть лицо, пальцы и руку до локтя. Интересно видѣть, съ какою ловкостью исполняется эта приобрѣтенная привычка: рука поднимается вверхъ, одинъ поворотъ ручной кисти—и вода ровно бѣжитъ по рукѣ въ локоть. Когда туземецъ пьетъ воду изъ ладони, онъ прилагаетъ свой ротъ такимъ образомъ, что выпиваетъ всю воду, не теряя ни одной капли. Каждый локоть вымывается три раза, и лицо столько же разъ, включая всѣ семь отверстій: глаза, уши, носъ и ротъ, и на затылокъ назадъ. Затѣмъ идетъ омовеніе ногъ; мужчины обыкновенно не снимаютъ своихъ сапоговъ, но только проводятъ свои мокрыя пальцы по пальцамъ ногъ, символически разумѣя, что вымыты и ноги. Потомъ они надѣваютъ чалмы, подергиваютъ качающійся конецъ на лѣвой сторонѣ, и, стоя на коврѣ или чистомъ платкѣ, распростертомъ на полу, лицомъ къ Меккѣ, повторяютъ свои молитвы. Молитвъ этихъ пять: 1) въ моментъ появленія солнца; 2) около полудня или часомъ, двумя позже; 3) до захода солнца; 4) сейчасъ послѣ захода; 5) около 9 часовъ вечера. Народный обычай придумалъ всѣ ежедневныя обязанности напоминать себѣ въ стихотворной формѣ, напримѣръ: поставь котелъ (намазъ дигаръ вари дигаръ)! ступай спать (хофтанъ-хорафтанъ)! зажги свѣчи (шамъ)!

Одежда азіата весьма простая. Онъ носитъ широкія шаровары изъ грубаго бѣлаго бумажнаго сукна, твердо прикрѣпленнаго къ поясницѣ веревкою съ кистью; это необходимое платье, которое снимается съ тѣла лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, но никогда не въ присутствіи другого. Часто бываетъ, когда люди на работѣ, это — ихъ единственное платье, и въ этомъ случаѣ оно постепенно оборачивается около веревки или ногъ, такъ что ра-

бечей стоит почти голый. Надъ этими распускающимися шароварами носится длинная рубаха, бѣлая или свѣтлаго цвѣта, достигающая почти до конца ногъ и съ весьма узкимъ отверстиемъ на шеѣ, такъ что нѣсколько трудно пройти въ него съ головою. Туфли длинныя и свободныя. Кромѣ этого бываетъ еще *чапанъ*, смотря по погодѣ или по желанію самого рабочаго. Чапанъ—это открытый плащъ, за которымъ удобно скрывать руки, какъ требуетъ азіатское приличіе. Плащъ этотъ имѣетъ косые воротники, съ шнурами, для завязыванія спереди, и необыкновенно широкими рукавами, сдѣланными съ огромнымъ клиномъ и вдвое длиннѣе, чѣмъ нужно. Лѣтомъ эта одежда дѣлается обыкновенно изъ русскихъ ситцевъ или туземной *алами*, полосатой бумажной ткани, или изъ шелковой ткани, тоже полосатой, или изъ какой-нибудь роскошной ткани восточнаго образца съ блестящими красками: непременно съ красною, желтою и зеленою. Скайлеръ видѣлъ и такихъ, у которыхъ эти плащи и мантии одѣвались не по три только, но по четыре и даже по пяти; они его увѣряли, что лѣтомъ сквозь эти мантии солнечный жаръ не допускается къ тѣлу. Зимой достаточно одного плаща, но изъ сукна подбитаго барашкомъ или мѣхомъ. Обыкновенный поясъ—или кушакъ, длинный платокъ, или небольшая шаль; иногда носятъ кругомъ поясицы нѣсколько разъ перевитый, длинный шарфъ. Евреямъ, при прежнемъ азіатскомъ управленіи, дозволяли носить, какъ поясъ, только веревку или шнурокъ, какъ знавъ ихъ униженія. У пояса висятъ разные ножи, кошельки, сумки, футляры для разныхъ дневныхъ потребностей. На головѣ небольшая шапочка,—въ Ташкентѣ всегда шелковая, а въ Бухарѣ—разработанная шелкомъ или англійской шерстью, крестообразнымъ швомъ. Чалма, называемая *чиз-печъ* или «сорокъ оборотовъ», очень длинна, и если носитель ея имѣетъ притязаніе на элегантность нѣжнаго и тонкаго матеріала, то онъ покупаетъ непременно только тѣ, которыя привозятся изъ Англіи. Нужно большое искусство, чтобы свить такую чалму вокругъ головы во столько складокъ, чтобы она была и хорошо сдѣлана и имѣла феенебланный видъ. Одинъ конецъ долженъ падать надъ лѣвымъ плечомъ, но это въ обыкновенное время, а во время молитвы онъ долженъ быть воткнутъ надъ верхушкою. Если этотъ конецъ будетъ на правой сторонѣ, то его называютъ афганскимъ шишемъ. Большинство чалмъ бѣлаго цвѣта; купцы предпочитаютъ голубой и полосатый. Дома мужчины ходятъ обыкновенно босыми, но, выходя на улицу, одѣваютъ или туфли съ совершенно

низкими каблукъами, или длинныя мягкіе сапоги, подонивы и голенища которыхъ сдѣланы изъ одного матеріала.

Одежда женщинъ и по формѣ и по фасону своему почти ничѣмъ не отличается отъ мужской; женщины носятъ тѣ же шаровары, рубахи и длинныя платья отъ шеи до земли, но всегда шелковыя, яркаго цвѣта. Онѣ носятъ неисчислимое количество шейныхъ ожерелій и мелкихъ амулетовъ, подвѣски въ волосахъ, серьги и даже кольцо въ носу. Скайлеръ говоритъ, что это не такъ дурно, какъ многіе полагаютъ: «красивая дѣвица съ бирюзовымъ кольцомъ въ ноздрѣ хотя и кажется чѣмъ-то необыкновеннымъ, но тѣмъ не менѣе явленіе это очень интересное и представляетъ въ себѣ много пикантнаго». Въ центральной Азіи всѣ уважаемыя женщины, выходя на улицу, покрываютъ свое лицо густымъ чернымъ вуалемъ, достигающимъ до талии; поверхъ всего набрасывается темно-голубой или зеленый халатъ, рукава котораго, связанные вмѣстѣ на вонцахъ, волочатся позади. Цѣль этого мрачнаго одѣянія состоитъ въ томъ, что женщина желаетъ избѣжать постороннихъ наблюденій. Но сами женщины весьма любопытны, и случайно въ переулкѣ иной способны подсмотреть ихъ въ ту самую минуту, когда онѣ не успѣваютъ спустить свой вуаль. Взоръ гаура или кафира не считается столь вреднымъ для нихъ, какъ взоръ мусульманина.

Въ городахъ при туземномъ управленіи за нравственностью женщинъ строго смотрѣли магометанскія власти, но въ Ташкентѣ и другихъ городахъ, принадлежащихъ теперь Россіи, число женщинъ распущеннаго характера и нравовъ расплодилось очень много, такъ какъ многія туземныя женщины предпочитаютъ жить вольною жизнью, чѣмъ съ нелюбимымъ мужемъ, и ищутъ развода до такой степени, что идутъ въ русскіе госпитали для освидѣтельствованія врачами, чтобъ, разумѣется, не нравится мужьямъ, и разводъ становится возможнымъ и легкимъ. Такія женщины всегда ходятъ безъ вуалей, постоянно гуляютъ на улицахъ, ѣздятъ въ экипажахъ на пикники и въ разныя мѣста для удовольствія. «Это очень жаль,—говоритъ Скайлеръ,—что сниманіе вуалей женщинами началось съ такого класса, потому что теперь никакая уважаемая женщина не осмѣлится идти безъ вуаля, и даже еврейскія и татарскія женщины стали ходить съ вуалами, чтобы предохранить себя отъ непріятныхъ замѣчаній, когда онѣ ходятъ по улицамъ.»

Главное турецкое кушанье — *имлазъ*, состоящее изъ риса и баранины. Приготовленіе его весьма простое: известное количество бараньяго сала или жира растоплено въ горшкѣ, потомъ бара-

нина разрѣзается на куски, кладется въ горшокъ и жарится въ немъ; когда говядина выварена такимъ образомъ, тогда въ нее кладутъ рисъ, предварительно хорошо вымытый и очищенный, и все это подвергается общему варенію, причѣмъ подмѣшываютъ туда мелкую изрубленную морковь, и, наконецъ, все вываливается на обширное глиняное блюдо, а куски мяса и кости распредѣляются артистически на верхушкѣ всего. Кто-нибудь изъ обѣдающихъ беретъ тогда изъ-за своего пояса ножъ и рѣжетъ мясо на болѣе мелкія части, чтобы ихъ распредѣлить на всѣ стороны рѣса, для удобства всѣхъ гостей. Каждый ѣстъ правою рукою (а лѣвая употребляется только для низшихъ службъ), беря рисъ пальцами, сжимая его въ ладони ручной вѣсти и искусно отправляя его въ ротъ. Если это большой праздникъ, то въ пилавъ вставляютъ, вмѣсто баранины, вареныхъ цыплятъ, а также изюмъ, фисташковые орѣхи. Обыкновенный пилавъ, съ обиліемъ соли и перца, пріятенъ, но слишкомъ жиренъ и безвкусенъ, чтобы долго нравиться европейскому нѣбу... Другія туземныя кушанья: *кавардакъ*, составленный изъ рубленной баранины, изъ остатковъ ея, жаренной съ саломъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ; — *каванъ* дѣлается изъ небольшихъ кусковъ мяса, жаренаго на вертелѣ, и рубленой баранины съ морковью. Баранина въ Средней-Азіи замѣняетъ всѣ роды говядины; конину ѣдятъ почти исключительно одни татары; Скайлеръ ее не ѣлъ, и кого онъ ни спрашивалъ въ Туркестанѣ, всѣ говорили, что у нихъ лошадей не ѣдятъ. Разъ, проѣзжая по одной киргизской деревнѣ, онъ видѣлъ, что жители рѣзали лошадиное мясо, повидимому, для ѣды, и ему говорили, что лошадиныя сосиски и жареный молодой жеребенокъ почитаются въ Коканѣ весьма вкуснымъ кушаньемъ. Хлѣбъ всегда пшеничный и дѣлается круглымъ и небольшимъ; иногда онъ большой, но тонкій какъ вафля, и когда свѣжъ, — очень хорошъ.

Для питья нѣтъ ничего, кромѣ воды и зеленого чаю. Туземцы всегда говорятъ, когда съѣдятъ пилавъ, что послѣ него слѣдуетъ напиться воды, такъ какъ рисъ растетъ въ водѣ и варится въ кипяткѣ. Черный чай явился въ Среднюю-Азію вмѣстѣ съ русскими, но туземцы продолжаютъ пить зеленый. Его пьютъ весь день, и онъ оазывается превосходнымъ средствомъ въ жаркій день, потому что, вызывая испарину, охлаждаетъ тѣло и не приноситъ никакого вреда нервной системѣ. Любимый напитокъ, особенно утромъ, — ширинъ-чай, зеленый чай съ густыми сливками или съ растопленнымъ саломъ. Коранъ запрещаетъ употребленіе винъ и другихъ крѣпкихъ напитковъ, но, несмотря

на это, въ настоящее время туземцы, за исключеніемъ людей, придерживающихся строгихъ принциповъ, рѣдко отказываются отъ стакана вина, когда имъ предлагаетъ русскій, евреи же всегда пили грубыя красныя вина. Странно, однако, что при всемъ разнообразіи фруктовъ, которыми такъ изобилуютъ эти страны, туземцы не изобрѣли никакого охлаждающаго питья, которое не заключало бы въ себѣ чего-нибудь неопыняющаго. Одинъ напитокъ, изъ зерна и называемый *бузою*, весьма опьяняющаго свойства и употребляется въ огромномъ количествѣ среди киргизовъ... Въ Средней-Азій курятъ и табакъ и опиумъ; употребленіе кальяна тоже въ большомъ ходу среди туземной аристократіи и купцовъ. Пить бузу было запрещено русскими солдатамъ.

Всѣ удовольствія у мусульманскаго общества въ туркестанскихъ владѣніяхъ заключаются въ конскихъ скачкахъ, въ охотахъ на звѣрей и птицъ. На большихъ празднествахъ, гдѣ иногда происходятъ танцы, нѣтъ никакого другого наслажденія, и люди проводятъ свои дни только въ спячій и въ разговорахъ. А что дѣлаютъ дѣти? — спросилъ Скайлеръ своего туземнаго знакомаго муллу Хаиръ-улаха. «Наша религія — отвѣчалъ онъ, — запрещаетъ дѣтямъ играть въ игрушки. Ихъ наука должны быть направлена къ религіи и войнѣ, и по этой причинѣ имъ позволяютъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ луковъ, изъ ружья и даже изъ пушки, и больше ничего». Такой способъ обученія напомнилъ Скайлеру тѣхъ персовъ, о которыхъ говорилъ греческій историкъ и воинъ Ксенофонтъ: онъ рассказывалъ, что персидскіе мальчики учились верховой ѣздѣ, стрѣлять изъ лука и говорить истину, но, къ сожалѣнію, послѣднее мало входило въ настоящую практику. Мулла также, повидимому, оказался не совсѣмъ справедливымъ, такъ какъ въ городахъ, гдѣ стоятъ русскія войска: въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и въ другихъ, — тамъ коканскіе и бухарскіе мальчики научились играть даже въ бабки, а дѣвочки — въ куклы и въ мячикъ; взрослые познакомились съ картежными играми и игорными домами.

Средне-азиатскіе народы — хорошіе стрѣлки, но, къ сожалѣнію, у нихъ все старыя ружья; съ древнихъ временъ осталась и соколиная охота. Большая часть ружей имѣютъ замокъ съ фитилемъ: это очень длинное и тяжелое ружье, стволъ очень длинный и узкій, и заряжать его приходится очень долго. Одинъ изъ беговъ, Юра-бекъ, съ которымъ былъ знакомъ Скайлеръ, стрѣлялъ превосходно. Разъ, онъ взялъ именно ружье съ фитилемъ, — Юра-бекъ стоялъ у портиана, и упершись при-

кладомъ въ колонку, выстрѣлить въ воробья, сидѣвшаго на вершукѣ большого дерева: у воробья отлетѣла голова. Юра-бекъ отлично стрѣлялъ изъ духового ружья, и Скайлеръ въ первый разъ узналъ, что такіа ружья есть вещь весьма обыкновенная въ небольшой горной долинѣ Шарисабъ, гдѣ правилъ, въ 1870 году, Юра-бекъ, одинъ изъ лучшихъ людей среди азіатской аристократіи, и, что еще важнѣе, одинъ изъ честнѣйшихъ. Это духовое ружье—длинная трубка камыша, въ которую вкладываютъ небольшую пулю въ одинъ конецъ и изгоняютъ сильнымъ вдыханіемъ.

Лошади въ центральной Азій принадлежатъ къ тремъ породамъ: киргизской, аргамаской и турменской. Киргизская лошадь—это небольшое животное, но за то она неутомима во всякихъ продолжительныхъ походахъ и переѣздахъ; она одинаково терпѣлива и зимою, и лѣтомъ. Аргамаская лошадь—смѣшанной породы; лучшія изъ нихъ находятся въ Бухарѣ. Животное не особенно большое, но легкое по своему устройству; на короткомъ пространствѣ эти лошади бѣгутъ очень быстро, онѣ пригоднѣе для гонокъ, чѣмъ для настоящаго дѣла. Есть еще одна порода: смѣсь киргизской съ аргамаской—*кара-баиръ*: она и хорошо и быстро бѣгаетъ, но можетъ и хорошо работать. Туркменскія лошади—это лошади арабскія, самыя лучшія изъ всѣхъ, они не уступятъ никакимъ лошадямъ ни въ неутомимости, ни въ усталости, ни въ быстротѣ бѣга. Турмены дорожатъ своими лошадьми и никогда не продаютъ ихъ.

Важнѣйшія стороны нравственной и религіозной мусульманской жизни представляютъ обрѣзаніе, бракъ, смерть и похороны, образованіе дѣтей, суды, религіозные обряды.

Начнемъ съ самаго рожденія ребенка. Если родился мальчикъ, акушерка не извѣщаетъ матери о полѣ родившагося, пока не выйдетъ дѣтское мѣсто; этого требуетъ преданіе, будто отъ радости рожденія сына—матери будетъ трудно выдержать послѣднія боли. Отецъ можетъ присутствовать во все время совершенія родовъ. Затѣмъ, акушерка поздравляетъ родителей и получаетъ подарки. Въ продолженіи первыхъ пяти дней на ребенка не надѣваютъ рубашки. На девятый день мать матери ребенка приноситъ колыбель, со всѣми ея принадлежностями, къ числу которыхъ принадлежитъ и ячмень. Ребенка кладутъ въ колыбель на 9-й день, и вмѣстѣ съ тѣмъ при немъ ставится постоянно горящая свѣча, чтобы сохранить отъ дурного глаза. Въ тотъ же самый день мать встаетъ съ постели, и для нея дѣлается по этому случаю большой праздникъ, соответственно со средствами семьи.

Чтобы дитя не подвергнуть злымъ влияніямъ, его не выносятъ на улицу ранѣе сорокового дня. Когда у ребенка срѣзаютъ въ первый разъ волосы, ихъ взвѣшиваютъ на мѣру золота или серебра и раздаютъ деньги бѣднымъ. Въ Ташкентѣ и вообще въ центральной Азій, мальчики подвергаются обрѣзанію отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ; эту операцію можно сдѣлать и прежде, но иногда этому мѣшаетъ бѣдность. Праздникъ обрѣзанія обходится весьма дорого, такъ какъ на такую церемонію приглашаются всѣ друзья семьи, и вотъ почему праздникъ этотъ дѣлаютъ нѣсколько семействъ вмѣстѣ, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ. Друзья мальчика собираются въ процессію, и вооружившись бумажными щитами, киверами и деревянными саблями, одѣваютъ маски изъ дынныхъ корокъ. Наиболее сильный изъ мальчиковъ несетъ на своей спинѣ обрѣзаемаго, находящагося уже въ совершенно безчувственномъ состояніи отъ данныхъ ему наркотическихъ средствъ. Когда всѣ гости соберутся, — начинается банкетъ, съ пивомъ и всякими возможными угощеніями, а иногда это бываетъ цѣлый жареный баранъ. Являются національные комедіанты и представляютъ разные фарсы и фокусы на потѣху мальчишекъ; ихъ награждаютъ деньгами и платками. Въ продолженіи всего этого праздника мальчикъ находится въ женскомъ отдѣленіи и одѣтъ въ женское платье, и когда, наконецъ, настаетъ операція, его приносятъ изъ женской комнаты къ мужчинамъ, гдѣ уже приготовлена постель изъ лучшаго бѣлья; около кровати пациента сидятъ кругомъ всѣ самые важные гости... Операція дѣлается острою бритвою, и на рану сейчасъ же послѣ операціи кладутъ порошокъ или тонкій деревянный пепелъ: заживленіе ея происходитъ на 2-й или 3-й день. Крики мальчика заглушаются криками: «Эй, мусульманъ, болгаръ кафиръ» (Будь мусульманиномъ, пропади невѣрный!) Съ этого дня онъ членъ ислама, и только величайшіе грѣхи могутъ ему препятствовать не войти въ рай блаженныхъ.

Дѣвочки въ азіатскихъ странахъ выходятъ замужъ съ 11—15 лѣтъ; по строгому закону, дѣвушка можетъ выйти замужъ даже 9-ти лѣтъ, но это не вездѣ. Въ средне-азіатскихъ странахъ женщины развиваются очень рано: въ 25 или 30 лѣтъ она уже стара и некрасива. Если кто хочетъ жениться, онъ долженъ внести *калымъ*—это или деньги, или какое-нибудь имущество, которое женихъ приносить въ даръ своей женѣ для ея обезпеченія. Прежнее мнѣніе, что *калымъ* отдается отцу какъ выкупъ—мнѣніе невѣрное. Послѣ брака, этотъ *калымъ* дѣлается собственностью жены, и она можетъ имъ воспользоваться, если

найдет нужным развестись съ мужемъ и выйти за другого. Въ Ташкентѣ вошло въ обычай, — если молодой человѣкъ дастъ торжественное обѣщаніе, что онъ имѣетъ полное желаніе жениться на дѣвушкѣ, то онъ можетъ во всякомъ случаѣ видѣть ее безъ вуала, и это есть не одно любопытство. Въ другихъ мѣстахъ осмотръ поручается желающимъ жениться своему другу прежде брака; этотъ другъ долженъ тщательно посмотрѣть и разспросить, кака у нея наружность и какіе у нея нравы, какъ будущей жены... Когда получается согласіе съ обѣихъ сторонъ относительно калыма, тогда женихъ долженъ прислать извѣстную сумму денегъ или всѣ тѣ обязательства, какія сопряжены съ заключеніемъ калыма, и представить, сверхъ того, все, что требуетъ брачный обрядъ, и свадебные подарки. Правда, что бракъ можетъ состояться и прежде уплаты калыма, но вѣстѣ съ тѣмъ жена можетъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ мужемъ, пока калымъ не заплаченъ. Если же, послѣ заключенія брачныхъ условій, мужъ хочетъ отказаться отъ контракта, то онъ обязанъ заплатить женѣ половину суммы, назначенной по калыму. Для опредѣленія цифры свадебныхъ подарковъ, получаемыхъ невѣстою, играетъ роль число девять, какъ число священное: девятью девять самое большое число. Это значитъ, что каждаго предмета, необходимаго для свадебнаго контракта, должно быть по девяти. Число девять употребляется и для другихъ подарковъ: подарки гостямъ и подарки въ обмѣнъ за гостепріимство. Послѣ полученія свадебныхъ подарковъ назначается день брака. Невѣста тогда даетъ праздникъ своимъ друзьямъ, а женихъ — своимъ товарищамъ, каждый изъ нихъ въ своемъ домѣ. Въ день свадьбы, большой праздникъ устраивается въ домѣ семьи невѣсты, и всѣ друзья и родственники съ обѣихъ сторонъ получаютъ приглашеніе въ домъ невѣсты: женщины въ одномъ дворѣ, а мужчины въ другомъ. Мулла приглашается изъ мѣстной мечети. Невѣста и женихъ не присутствуютъ при настоящей брачной церемоніи, которая совершается за нихъ ихъ свидѣтелями, исключительно изъ числа мужскихъ родственниковъ. Свидѣтели со стороны невѣсты — ее отецъ или дядя, или кто-нибудь изъ той же фамиліи; а если этого нѣтъ, то лицо, рекомендуемое въ свидѣтели, признается настоящимъ лишь брачнымъ судьей. Если невѣста невольница, то ее хозяинъ можетъ быть такимъ свидѣтелемъ. Мулла, находящійся въ одной комнатѣ съ свидѣтелями, спрашиваетъ ихъ: «Особы, которыхъ вы представляете, соглашаются ли жениться между собою? Калымъ и приданое правильно ли выданы?» Получивъ утвердительные отвѣты, онъ читаетъ сперва

молитву въ честь пророка и его послѣдователей, потомъ брачный контрактъ и затѣмъ повторяетъ молитву, которая стоитъ на первомъ мѣстѣ контракта: «Хвалимъ Господа, который дозволяетъ бракъ и запретилъ всѣ прелюбодѣйныя преступленія; пусть всѣ небесныя и земныя существованія хвалятъ Магоммеда и его чистое и честное прошлое». Затѣмъ, онъ произноситъ слова: «Я совершилъ бракъ между мужчиною и женщиною, женщиною и мужчиною, согласно съ властью, которая дана мнѣ ихъ свидѣтелями, и согласно съ условіями, постановленными въ этомъ контрактѣ». Затѣмъ, мулла и свидѣтели ставятъ свои печати подъ контрактомъ, просятъ помощи Божіей и читаютъ Zatha, первую главу Корана... По окончаніи праздника брака дѣлаютъ приношенія въ мечеть и милостыню бѣднымъ людямъ.

Въ Персіи и нѣкоторыхъ другихъ мусульманскихъ государствахъ допускается бракъ временной, но въ центральной Азіи этого не позволяютъ. Есть брачныя постановленія, запрещающія бракъ кровнымъ родственникамъ. Мужъ не можетъ жениться на родственникахъ жены ни въ восходящей линіи, ни въ нисходящей; точно также сынъ не можетъ жениться на одной изъ женъ своего отца, какъ и отецъ на женѣ сына; не позволено жениться на двухъ сестрахъ въ одно и то же время: первая должна быть разведена прежде, и только потомъ можно сдѣлать предложеніе другой; но если будетъ приобрѣтено согласіе со стороны жены, то мужъ можетъ жениться на племянницѣ своей жены.

По мусульманскому закону, каждому мужчине позволено имѣть четыре жены въ одно время, но имѣть больше нельзя безъ развода съ одной изъ прежнихъ. Богатые люди имѣютъ массу любовницъ, но женами законными онѣ не считаются... Жена обязана повиноваться мужу во всемъ и избѣгать всего, что непріятно ему; безъ его согласія она не можетъ дѣлать никакихъ договоровъ. Она имѣетъ, однако, право на пищу, на одежду, на квартиру и на содержаніе слугъ, а также на деньги для расходовъ, какіе требуются ея положеніемъ въ обществѣ: на бани, на пріемъ разныхъ посѣтителей и для пріема своихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей. Если мужъ не исполняетъ этихъ требованій, жена имѣетъ право обращаться къ суду, къ кадіямъ; этотъ судъ можетъ позволить женѣ дѣлать долги на счетъ слишкомъ расчетливаго мужа, онъ можетъ также продать имущество мужа, чтобы удовлетворить жену въ справедливыхъ требованіяхъ денегъ, которыя судъ находитъ для нея необходимыми. Она обязана также сохранять свою красоту, насколько она можетъ, и должна нравиться мужу; судъ можетъ найти и въ этомъ требованіи жены

ей право на получение денегъ. Кромѣ жены, мужъ обязанъ содержать своихъ дѣтей и даже своего отца и дѣдей, если они не могутъ содержать сами себя. Бракъ можетъ быть разрушенъ, если одна изъ сторонъ имѣнитъ магометанской религіи, или если мужъ будетъ въ отсутствіи известное время, оставляя жену безъ всякихъ извѣстій о себѣ, или если мужъ сойдетъ съ ума или заболѣетъ заразительною болѣзнію... Мужъ всегда имѣетъ право развестись съ своею женою, не приводя никакихъ причинъ. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ возвратить своей женѣ всю ей принадлежащую собственность, а также и ту часть налжна или весь налжъ, если онъ его еще не отдалъ. Какъ бы то ни было, такой разводъ долженъ быть произведенъ при свидѣтеляхъ и съ соблюденіемъ известной формы. Мужъ можетъ также дать разводъ женѣ по ея собственному желанію, и онъ долженъ такъ поступить, если она ему скажетъ, что хочетъ выйти замужъ за другого человѣка, который лучше его. Но если мужъ запретитъ женѣ требовать развода по ея собственному желанію, а она окажется способною дать достаточную причину, почему этотъ разводъ долженъ быть, то кадіи заставитъ мужа дать женѣ разводъ. Въ случаѣ ея прелюбодѣвія, мужъ не только даетъ ей разводъ, а и проклинаетъ ее; въ этомъ случаѣ она теряетъ право выйти замужъ вторично, хотя мужъ можетъ вновь жениться на ней, давъ ей одинъ и два развода, но никогда послѣ третьяго развода. Есть нѣкоторые выраженія пренебреженія, употребляемыя мужемъ противъ жены, которыя даютъ ей право требовать развода и позволяютъ ей предупреждать его отъ всякаго доступа къ ней, если онъ не купитъ этого права посредствомъ дара, который называется *кефборетъ*, и посредствомъ чтенія извѣстныхъ молитвъ.

Положеніе женщины, на которую ея мужъ смотритъ какъ на орудіе своихъ наслажденій или какъ на послушную служанку для управленія его домоу, не можетъ быть пріятнымъ, когда она можетъ быть отпущена по каковой-нибудь прихоти мужа или его желанію замѣнить ее другою. Однако, если она личность съ способностями или даже кокетка, то можетъ пріобрѣсть надъ мужемъ такое вліяніе, что онъ будетъ у нея въ полномъ контролѣ, точно также, какъ это устраиваютъ жены съ своими мужьями и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ. Какъ жена, она имѣетъ привилегію посѣщать своихъ друзей, — какъ женщина, она естественно способна собирать сплетни и скандалы, и посредствомъ своихъ исторій и бесѣдъ можетъ заставить своего мужа проводить гораздо болѣе пріятныхъ часовъ въ ея обществѣ, чѣмъ онъ проводитъ въ чужомъ дворѣ. Кромѣ этого, она можетъ

черезъ своего мужа приобрьсть вліяніе надъ многими людьми, и такимъ образомъ вмѣшиваться въ дѣла различнаго рода; а если мужъ будетъ помѣщенъ на высокое мѣсто, она можетъ имѣть тогда даже большое вліяніе на политику страны. Бываютъ женщины такіа способныя, что ихъ мужья совѣтуются съ ними почти о всѣхъ предметахъ; но это по большей части женщины исключительныя. Исслѣдовать такіе факты трудно, такъ какъ совершенно противно мусульманскому этикету—говорить другому о своей женѣ, хотя бы они находились въ крайне близкихъ отношеніяхъ. Женны рѣдко живутъ въ хорошемъ отношеніи одна къ другой, не столько отъ ревности—такъ какъ въ такихъ дѣлахъ ревность или любовь не развиваются сильно—сколько отъ зависти къ привилегіямъ, которыми другая наслаждается, а также къ подаркамъ, которые она получаетъ. Каждый мужъ пытается на сколько возможно удерживать своихъ женъ въ отдѣльности. Женны называютъ другъ друга особымъ выраженіемъ: (кюн-дамъ) дневная сотоварка или компаньонка.

Магометанское воспитаніе въ центральной Азіи строго-религіозное. Все оно находится въ рукахъ духовенства; учительское сословіе, которое не занимается церковными дѣлами, считаетъ себя ученымъ сословіемъ, но въ дѣйствительности ихъ самихъ учили только религіи и церковному праву. Кромѣ этого, ихъ не учатъ ничему. Всѣ школы двухъ родовъ: первоначальныя школы (мактабъ), по одной въ каждомъ приходѣ, подчиненномъ мечети; коллегія (медрессѣ), гдѣ проходятъ высшую религію и юридическія науки,—такихъ коллегій 17 въ Ташкентѣ, шесть изъ нихъ большія и процвѣтающія. Изъ этихъ коллегій Куколь-Таша основана 450 лѣтъ тому назадъ. Коллегія Барахъ-хана основана 320 лѣтъ тому назадъ и имѣетъ 100 студентовъ; эта коллегія однажды была почти разрушена, но Канаятъ-шахъ, одинъ изъ генераловъ Малла-хана, завѣщалъ ей огромную собственность, приобрьтенную имъ въ продолженіи всей своей жизни. Коллегія Векляръ-бека, построенная 40 лѣтъ тому назадъ, одна изъ обширѣйшихъ и богатѣйшихъ; въ ея владѣніи состоятъ многія лавки и дома, кромѣ мельницъ и земель, и содержитъ 200 студентовъ... Учители мактабовъ получаютъ добровольныхъ взносовъ отъ родителей ученика по 20 и 40 копѣекъ въ годъ, и специальный даръ или платѣе передъ праздниками, бывающими два раза въ году, передъ Рура-эшъ и Курбанъ-эшъ. Кромѣ того, они получаютъ по фунту хлѣба или какой-нибудь подарокъ въ каждый четвергъ... Въ медресахъ ученики не платятъ ничего, но они, какъ и ихъ профессоры, поддерживаются изъ *вакуфа*, то-есть изъ земель и соб-

ственности для религіозныхъ цѣлей. Разныя пожертвованія въ пользу мечетей и коллегій признавались въ продолженіи многихъ столѣтій дѣломъ благочестія и благотворительности; многіе посвящали свои капиталы въ продолженіи всей своей жизни на такія добрыя дѣла. И то же самое происходитъ и теперь, и будетъ происходить въ будущемъ, если не измѣнятся умственные воззрѣнія азіатскихъ народовъ, и если воспитаніе магометанскихъ дѣтей не приметъ другого направленія.

Теперь мальчики начинаютъ учиться въ первоначальныхъ школахъ на 5—6-лѣтнемъ возрастѣ, и курсъ ихъ ученія продолжается семь лѣтъ. Они начинаютъ съ азбуки, за которою слѣдуютъ нѣкоторыя части корана, затѣмъ они изучаютъ 6—7 книгъ, эти книги ихъ заставляютъ читать и списывать. Еще позже имъ дають читать разныя книги на персидскомъ и турецкомъ языкахъ. Первые немногія книги они читаютъ громко всѣ въ одно время и учатся писать обыкновенными индійскими чернилами на деревянныхъ дощечкахъ въ видѣ лопаточекъ. Учитель, съ громадными очками на носу, сидитъ на одной сторонѣ, а возлѣ него лежитъ пачка книгъ,—вокругъ его сидятъ на колѣняхъ мальчики, согнувшись надъ книгами, лежащими передъ ними на полу. Изъ всѣхъ книгъ, которыя они читаютъ, только одна или двѣ доступны ихъ пониманію. Ученіе начинается при восходѣ солнца и продолжается до пяти часовъ съ короткими перемѣнами для отдыха и для ѣды. Праздниковъ очень мало. Когда ученіе начинается читать коранъ, его отецъ долженъ подарить учителю платье. Окончивъ курсъ первоначальной школы, онъ переходитъ въ коллегію, гдѣ его обучаютъ церковному закону. Курсъ коллегіи дѣлится на три класса: тамъ изучается не менѣе 26 книгъ, хотя это число можетъ быть увеличено до 137; а продолжается 15 лѣтъ. Но только очень немногіе кончаютъ весь курсъ:—такіе ученые удостоиваются должностей имамовъ, приходскихъ муллъ, учителей школъ, муфтіи и секретарей кадіевъ, то-есть судей. Доходы коллегіи довѣряются *мутеваламъ*, директорамъ высшей школы, которыя платятъ назначенное профессоромъ и воспитанникамъ и разнымъ слугамъ коллегіи.

Воспитанники коллегіи обыкновенно приготавливаютъ свои уроки или дома, или въ зданіяхъ медресе. Скайлеръ присутствовалъ нѣсколько разъ на лекціяхъ профессоровъ (мударисъ) и на экзаменахъ воспитанниковъ. Профессоръ обыкновенно читаетъ изъ книги текстъ и потомъ комментируетъ его, а его слушатели разрѣшаются время отъ времени восклицаніями: ахъ, охъ! и киваютъ головою. Потомъ они дѣлаютъ свои замѣчанія и спорятъ между

собою, причемъ профессоръ тоже выражаетъ свое одобреніе тѣми же звуками. Досторонніе слушатели тоже могутъ принимать участіе въ этихъ спорахъ. Скайлеръ слышалъ двухъ муфгій, которые были такими зрителями, какъ и онъ. Споръ дошелъ до большого вдохновенія, а вопросъ, подлежащій разрѣшенію, былъ законъ о разводѣ. Когда воспитанники превращаютъ свои споры, профессоръ формулируетъ истинную доктрину и переходитъ къ другому тексту книги. Такой методъ преподаванія имѣетъ свои преимущества, хотя продолжительныя пренія иногда о пустякахъ отнимаютъ много времени у студентовъ, и этимъ объясняется, что курсъ дѣлается такимъ продолжительнымъ. Кромѣ обыкновенныхъ медрессѣ, есть спеціальныя: въ одномъ учатъ исключительно однимъ молитвамъ: Салиаватъ-Кана; въ другомъ изучаютъ наустно коранъ для поприща судьи: Кариятъ-Кана; въ третьемъ: Маснави-Кана, — изучаютъ труды поэта Маснави.

Дѣвочки тоже учатся читать и писать, и для нихъ есть еще курсы трехъ- и четырехлѣтніе. Ихъ учатъ также шитью.

Юридическія учрежденія въ Средней Азій двоякаго рода: 1) для осѣдлаго населенія, для городскихъ и сельскихъ людей — *вади*, которые судятъ на основаніи писанныхъ законовъ, по шаріату, основанному на ученіяхъ корана и введенному въ турецкія племена центральной Азій вмѣстѣ съ магометанскою вѣрою; 2) для кочевыхъ племенъ служатъ судьями «*біе*», которые судятъ на основаніи неписанныхъ преданій и обычаевъ — *адатъ*. Хотя эти преданія не написаны и не формулированы, но они извѣстны всѣмъ, какъ чистое произведеніе національной жизни, безъ всякой примѣси иностраннаго вліянія, и во многихъ отношеніяхъ стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ ученіями мусульманскаго законодательства. Самою характеристичною чертою этого обычнаго права является то, что оно не отличаетъ гражданскихъ преступленій отъ уголовныхъ, оно относится ко всѣмъ преступленіямъ какъ къ простымъ отношеніямъ между собою, — его наказанія имѣютъ цѣлью удовлетвореніе обиженной стороны. *Біи*, это — посредникъ, свѣдущій человѣкъ въ обычаяхъ своего народа, онъ не стѣсненъ въ приговорахъ никакими формальностями. Судъ происходитъ устно, никакихъ отчетовъ не записываютъ, и рѣшенія дѣлаются безапелляціонно. *Біи*, до 1869 года, до введенія среди русскихъ киргизовъ выборныхъ судей, не были постоянными судьями, но избирались на каждый случай; въ болѣеи части случаевъ разъ избранный человѣкъ; оказавшійся справедливымъ и честнымъ во мнѣніи мѣстнаго населенія, судилъ до тѣхъ поръ, пока его терпѣли. Иногда киргизы отдають свой споръ первому пришед-

шему во время спора. Скайлеру рассказывали объ одномъ русскомъ казакѣ, приходившемъ ежегодно ловить рыбу въ озерѣ Иссыкъ-Куль. Познакомившись съ киргизами, онъ приобрѣлъ у нихъ такую репутацію честнаго судьи, что они его признали своимъ биемъ и стали платить ему за его приговоры; многія дѣла оставались нерѣшенными, пока не приходилъ казакъ. Наши власти до послѣдняго времени не трогали учрежденія биевъ, и все шло хорошо. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ задалась системою обрусенія, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ее наши пужнымъ вносятъ и въ киргизскіе народы. И вотъ, у киргизовъ явились и волостныя правленія, и выборы волостныхъ старостъ, и апелляціонный судъ въ видѣ волостнаго суда, но кончилось все это тѣмъ, что несчастные киргизы попали въ руки странствующимъ татарскимъ муллъ, которые умѣли читать и писать по-русски, и потому могли служить писарями и даже переводчиками между киргизами и русскими. Какъ всякое нововведеніе, оно, разумеется, сначала пошло и криво, и косо, и смутило невѣжественныхъ киргизовъ: они отвѣчали сопротивленіемъ власти, но ихъ усмирили. Среднеазиатскіе узбеки въ своихъ земледѣльческихъ кланахъ отказались отъ шаріата и до сихъ поръ остаются при своемъ узбекскомъ *чильикъ*, особенно въ семейныхъ дѣлахъ. Точно также въ области Шарисабса мусульманскаго закона не было; тамъ управляли два бега: Юра и Баба, и они служили биями и не хотѣли платить дани бухарскому хану, эмиру Насруллаху, страшному фанативу мусульманства. Ханъ изгналъ беговъ и занявъ Шарисабсъ ввелъ своихъ чиновниковъ и кадіевъ съ шаріатомъ.

Кадіи назначаются ханами и бегами; каждый кадіи судить отдѣльно, и всѣ, кто хочетъ судиться у кадія, выбираетъ себѣ того, кому онъ больше довѣряетъ. Въ большихъ селеніяхъ и городахъ есть кадіи-каліанъ, предсѣдатель всѣхъ кадіевъ города или селенія. И въ этихъ судахъ все происходитъ устно, но приговоръ судьи и документальныя улики записываются въ особенныя книги *муфтіями*, секретарями кадіевъ, и припечатываются официальными печатами кадія. Ссылки на такіе приговоры очень часто дѣлаются алымасами, которые приставлены къ кадіямъ въ качествѣ совѣтниковъ. Область юридическихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію кадіевъ — гражданскія дѣла и мелкія уголовныя; крупныя уголовныя дѣла подлежатъ рѣшенію беговъ. Недовольные рѣшеніемъ обращаются съ апелляціонною жалобою къ мѣстному бегу, который въ иныхъ случаяхъ оставляетъ эти жалобы безъ всякихъ послѣдствій, а случается и такъ, что онъ созываетъ всѣхъ кадіевъ

данной мѣстности для изслѣдованія дѣла. Въ сессію 1863 года въ Ташкентѣ президентомъ былъ кадіи-каліанъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ ему подчиненныхъ;—въ большей части случаевъ всѣ кадіи считаютъ своимъ долгомъ, не только въ силу опытности и знаній главнаго кадія, но и по собственному желанію, быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Только смертныя и тяжкія наказанія посылаются на утвержденіе бега.

Когда русскіе заняли Ташкентъ и стали составлять правила для управленія городомъ, генераль Черняевъ счелъ нужнымъ оставить туземные суды неприкосновенными. Ясно, что, имѣя дѣло съ мусульманами, отмѣнить мусульманскую юрисдикцію, напримѣръ, по такому важному дѣлу, какъ бракъ, едва ли возможно, не пренебрегая ихъ религіозными чувствами. Въ 1864 году, сэръ Джонъ Лоренсъ, пуританинъ по своимъ убѣжденіямъ, губернаторъ Остъ-Индіи, задумалъ уничтожить кадіевъ у мусульманскихъ подданныхъ; это произвело сильное неудовольствіе среди мусульманъ, и именно тѣмъ, что безъ кадіевъ всѣ брачныя дѣла пришли въ полное разстройство. Спустя три года, королева Виктория смѣнила губернатора Остъ-Индіи, послѣ огромнѣйшей полемики не только въ мусульманской остъ-индской прессѣ, но и въ англійской прессѣ, и въ англійскомъ парламентѣ. Распоряженіе губернатора, такимъ образомъ, осталось безъ всякихъ послѣдствій, и было потомъ совсѣмъ отмѣнено. Въ Россіи были другого рода примѣры на Кавказѣ и въ Крыму: тамъ кадіи были удержаны, но право апелляціи на рѣшенія кадіевъ въ русскій судъ было распространено и на мусульманъ. Такимъ образомъ, важность суда кадіевъ постепенно уменьшалась въ глазахъ мусульманъ Кавказа и Крыма, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ семейныхъ и брачныхъ дѣлахъ кадіи остались въ полной силѣ. Въ Средней Азій, со вступленіемъ въ должность военнаго генераль-губернатора съ особенными полномочіями — фонъ-Кауфмана, должность кадія-каліана была уничтожена. Всѣ кадіи уравниены между собою, и туземные жители, живущіе въ округѣ каждаго кадія, обязаны судиться у него во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, не выше ста рублей, и въ уголовныхъ—меньшей степени; въ важныхъ же дѣлахъ уголовныхъ и въ гражданскихъ всѣ туземцы должны обращаться въ русскіе суды. Положено устраивать сѣзды всѣхъ кадіевъ въ каждомъ округѣ, и дано право апеллировать въ эти сѣзды на отдѣльныхъ кадіевъ обѣимъ сторонамъ,—и русскимъ, и туземцамъ; но, сверхъ того, можно обжаловать и приговоръ общаго сѣзда кадіевъ въ русскихъ судахъ. Отъ должности ка-

ди не требуется никакихъ особенныхъ юридическихъ качествъ, кромѣ хорошей репутаціи отъ мѣстныхъ жителей, 25-ти лѣтъ отъ реду,—и не быть ни обвиненнымъ, ни осужденнымъ ни въ какомъ судѣ. Со стороны правительства не полагается никакого жалованья, но дозволено избирателямъ, которые его выбираютъ, назначать ему жалованье, или позволять ему получать плату за наложение печатей.

Въ городѣ Ташкентѣ въ первое время русскаго господства и послѣ наступленія правленія генерала Кауфмана было четыре кадія, рѣшенія которыхъ были вообще одобрены, и въ русскіе суды поступило очень мало жалобъ; но послѣ второго выбора были уже случаи, что кадіевъ обвиняли въ вымогательствѣ взятокъ и несправедливости приговоровъ, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ удалили съ мѣстъ. Но въ одномъ случаѣ кадіи оказался заишаннымъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими чиновниками, въ спекуляціяхъ землею; пользуясь однако покровительствомъ чиновниковъ, онъ продолжалъ исполненіе суда надъ недовольными имъ избирателями, и это недовольство дошло до того, что избиратели грозили возстаніемъ: тогда только кадіи былъ смѣненъ.

Когда судъ кадія происходитъ между мусульманами только, то въ ихъ показаніяхъ много значитъ клятва. Кадіи никогда не подозрѣваетъ ни обмана, ни злости въ дѣйствіи обвиняемаго, пока дѣйствіе не доказано какимъ-нибудь фактомъ или свидѣтельствами другихъ. Если въ судѣ передъ кадіемъ защищающійся не допускаетъ справедливости въ жалобѣ жалующагося, онъ обязанъ или привести свидѣтелей съ своей стороны, или принять присягу въ доказательство, что жалоба несправедлива. Если онъ приметъ присягу, — его освобождаютъ. Есть случаи, когда защищающійся имѣетъ право требовать къ присягѣ жалующагося, что онъ неправильно составилъ свою жалобу. Если тотъ присягнетъ, дѣло рѣшается въ его пользу. Если защищающійся безусловно требуетъ, чтобы его обвинитель принялъ присягу, а самъ отказывается принять ее, послѣ троекратнаго предложенія со стороны кадія, то дѣло рѣшается противъ него. Страхъ принять ложную присягу такъ великъ у мусульманъ въ ихъ общихъ сношеніяхъ между собою, что требованіе клятвы отъ кого-нибудь считается оскорбленіемъ, и часто обвинитель, хотя онъ вполне убѣжденъ, что его требованіе справедливо, предпочтетъ потерять процессъ, чѣмъ уронить свое достоинство въ собственныхъ глазахъ и своихъ друзей произнесеніемъ клятвы въ защиту своей чести или жалобы. Слайлеръ, говоря о честности мусульманъ между собою, прихо-

дѣтъ въ такому заключенію: «надо отдать имъ справедливость, что они проявляютъ во всѣхъ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ огромное довѣріе и что судебныя тяжбы между ними далеко не такъ обыкновенны, какъ въ большинствѣ цивилизованныхъ націй».

Главный принципъ магометанской религіи, отличный отъ всѣхъ другихъ, это—безусловное единство Бога. Но въ коранѣ, кромѣ религиозныхъ доктринъ, повторяемыхъ во многихъ формахъ, есть еще рядъ правилъ относительно ежедневной жизни и дѣятельности, и даже для политическихъ отношеній. Эти правила, какъ мы видимъ изъ жизни магометанъ, постоянно напоминаютъ о разныхъ обрядахъ, и цѣлый день побуждаютъ мусульманина къ религиознымъ представленіямъ и наставленіямъ. Такимъ образомъ, долгъ каждаго мусульманина не только вѣрить въ ученіе ислама, но еще совершать всѣ вышнія обрядности, молитвы, посты, которые налагаются духовными учителями, и слушать молитвы въ мечети непременно по пятницамъ. Какъ въ большинствѣ восточныхъ странъ, такъ и въ ранней христіанской церкви день считался отъ одного солнечнаго заходженія до другого. 300 мечетей въ Ташкентѣ были всегда наполнены въ четвергъ вечеромъ и въ пятницу утромъ, особенно для молитвы 11-го часа; послѣ нея остаются въ мечети лишь немногіе привычные ежедневные посѣтители ихъ, такъ какъ между мусульманами присутствовать ежедневно въ церкви считается дѣломъ похвальнымъ. Мечети — небольшія продолговатыя зданія, открытыя на улицу только съ одной стороны; передъ этимъ входомъ есть большой портикъ, стѣна котораго обращена во входъ по направленію къ Меккѣ, и по этому направленію стоитъ въ мечети *киблетъ*, въ подражаніе мекекской *каабъ* — жертвеннику. Внутренность мечети обыкновенно лишена всякаго украшенія, — иногда тамъ налѣплены грубыя литографіи или печатные листки, присылаемые, вѣроятно, изъ Индіи и представляющіе сватыя зданія Мекки съ писанными описаніями и объясненіями. По временамъ на стѣну налѣпливаютъ изукрашенныя буквы извѣстныхъ текстовъ и сентенцій изъ корана. На землѣ каждой мечети есть свой прудъ для употребленія тѣхъ молещизновъ, которые не имѣли случая совершить свои омовенія дома. Въ каждой мечети есть одинъ *имамъ* или приходскій священникъ, который говоритъ молитвы, и *сюфи* — нѣчто въ родѣ діаконѣвъ у христіанъ. Имами получаютъ добровольныя приношенія отъ обывателей прихода во время рамазана, но сюфи только остатки отъ праздника и плащъ въ плату за умываніе мертвыхъ. Оставивъ свои башмаки у двери, мусульмане, молодые и старые, идутъ на свои мѣста и разсти-

лаютъ на полу принесенный ими коверъ, такъ какъ при молитвахъ моельщикъ долженъ стоять на совершенно чистой ткани, и, если можно, то на чемъ-нибудь принадлежащемъ ему самому. Когда моленіе началось, они не должны думать ни о чемъ другомъ и все свое вниманіе обратить на молитву. Тѣлодвиженія и молитвы въ центральной Азій тѣ же самыя, которыя употребляются во всѣхъ суннитскихъ странахъ, съ нѣкоторыми слабыми измѣненіями въ положеніи рукъ или въ манерѣ поклона. Тутъ можно замѣтить — даже скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ — глубокое религиозное рвеніе, которое, повидимому, проникаетъ всѣхъ. Вошло въ обычай у моельщиковъ становиться на коленѣ или просто стоять другъ подлѣ друга въ правильной линіи въ мечети или портикѣ, и они не позволяютъ никому вводить какія-нибудь перемѣны въ такомъ священномъ мѣстѣ, какъ церковь. Это было бы нарушеніемъ принципа равенства, который постоянно руководитъ мусульманами въ ихъ жизни.

Скайлеръ припоминаетъ случай неравенства въ мечети, который причинилъ толки въ одномъ приходѣ въ Ташкентѣ, въ которому принадлежалъ Сандъ-Азимъ, весьма ловкій интриганъ въ торговыхъ дѣлахъ, выучившійся русскому языку на ярмаркахъ въ Троицкѣ и въ Оренбургѣ. Пріѣхавъ обратно въ Ташкентъ, онъ увидѣлъ, какъ нѣкоторые сарты и татары приобрѣтали своимъ знаніемъ русскаго языка большой почетъ у русскихъ властей, въ качествѣ переводчиковъ и посредниковъ, — онъ сдѣлалъ то же, но только съ другими намѣреніями: посредствомъ вѣжливости и лести съ оффиціальными крупными людьми, онъ создалъ себѣ хорошее положеніе среди нихъ, и вообще сталъ держаться съ ними въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, дѣлая разныя услуги. Онъ постоянно жилъ въ долгахъ, но одѣвался богато и ѣздилъ верхомъ на великолѣпной лошади. Онъ вошелъ въ дѣло провіантскихъ контрактовъ и исполнялъ ихъ съ большою аккуратностью, хотя для этой цѣли онъ сильно задолжался. Такимъ образомъ, онъ скоро сталъ посредникомъ между туркестанскимъ правительствомъ и туземцами, которыхъ онъ обманывалъ и бралъ съ нихъ большія взятки по казеннымъ подрядамъ, угрожая постоянно своимъ влияніемъ у русскихъ властей. Самъ Скайлеръ потерпѣлъ отъ него, такъ какъ, благодаря дружбѣ Санда-Азима съ вице-губернаторомъ Ташкента, правдивикъ, который хотѣли сдѣлать сарты и молодой купецъ Азимъ-бей въ честь Скайлера, превратился въ простой обѣдъ. Когда мы вернулись съ хивинской экспедиціи, Сандъ-Азимъ задалъ такой пиръ, съ такими увеселеніями и танцами, которые сильно опозорили его въ обществѣ

мѣнѣи ташкентскихъ туземцевъ. Но ставъ въ отличное положеніе съ вліятельными русскими лицами, которыя конечно не особенно дорожатъ мусульманскими обычаями, Сандъ-Азимъ пожелалъ показать, что онъ и въ самой мечети можетъ проявить свою важность. Онъ видалъ, какъ у насъ знатные люди становятся на первомъ мѣстѣ, а потому, придя въ мечеть своего прихода, сталъ впереди всѣхъ. Имамъ сказалъ ему, что онъ не на своемъ мѣстѣ, но Сандъ-Азимъ все-таки продолжалъ стоять не въ одной линіи съ другими. Когда служба окончилась, имамъ выразилъ ему въ болѣе суровыхъ выраженіяхъ свое негодованіе и пригрозилъ ему, что онъ можетъ изгнать его изъ прихода. Всѣ прихожане приняли сторону имама, и съ того времени Сандъ-Азиму не оставалось ничего, кромѣ подчиненія своему приходу—или не ходить въ мечеть.

Исламъ имѣетъ свои религіозные ордена, монастырскіе и немонастырскіе, которые, хотя подвержены менѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ монастырскія братства христіанской церкви, но больше по своему числу и выше по вліянію на народный умъ. Въ одному изъ такихъ различныхъ орденовъ принадлежатъ дуване или дервиши, которыхъ такъ часто видишь въ городахъ центральной Азіи. Въ Ташкентѣ они запрещены, какъ люди, опасные для общественнаго порядка,—ихъ проповѣди и возбужденія бываютъ часто мятежнаго характера, въ ихъ восторженныхъ наліяніяхъ высказываются иногда серьезныя призывы къ истребленію гуровъ. Въ Ходжентѣ и Бухарѣ имъ свободнѣе. Въ монастырскихъ братствахъ (сулгуки) есть лица всѣхъ состояній; они вѣрятъ въ мистическія начала своего ордена, какъ въ самый вѣрный путь къ спасенію. Такія братства существуютъ и въ Ташкентѣ; ихъ тамъ пять: Накшбанди, Хуфіа, Яхріа, Кодріе и Чистіа, — послѣднее, однако, имѣетъ всего болѣе приверженцевъ въ Ходжентѣ и Кованѣ. Трудно опредѣлить ихъ происхожденіе и время основанія, такъ какъ каждое изъ этихъ братствъ имѣетъ свою отдѣльную легендарную исторію, въ которую ово строго вѣрить, и каждое изъ нихъ имѣетъ своимъ покровителемъ своего святого. Накшбанди, наиримѣръ, считаетъ своимъ покровителемъ Бага-Уддина, знаменитаго святого Бухары. Яхріа—Газрета-Ясави, прославившагося святостью; онъ похороненъ въ городѣ Туркестанѣ. Каждое братство имѣетъ свой методъ и пріемъ для достиженія вѣчнаго блаженства, для очищенія своей души и для достиженія вѣчнаго счастья. Братство Хуфіа вѣритъ, что его духовное очищеніе можетъ быть приобрѣтено въ молчаніи, а Кодріе предпочитаетъ достиженіе вѣчнаго счастья посредствомъ

упражнений голоса и громкими криками. Накшбанди, по своимъ правиламъ, много отличается отъ другихъ, — тутъ всѣ живутъ какъ монахи. Братство Яхріа имѣетъ ежедневныя службы въ разныхъ мѣстахъ Ташкента: каждое воскресенье до утра понедѣльника въ мечети Ишанъ-Ходжа, а въ понедѣльникъ отъ восьми часовъ утра до двухъ часовъ послѣ полудня въ мечети Ходжа-Акраръ; — съ девяти часовъ вечера, въ четвергъ, до пяти или шести утра въ пятницу, служба происходитъ въ мечети Ишанъ-Сагъ-Ходжа, вблизи базара Урда, гдѣ Скайлеръ смотрѣлъ ихъ церемоніи и записалъ слѣдующія сцены.

— Около десяти часовъ вечера, въ четвергъ, я, въ компаніи моихъ друзей, отправился въ эту мечеть, и насъ приняли безъ всякихъ вопросовъ. Здѣсь, въ Ташкентѣ, русскіе не имѣютъ никакихъ затрудненій входить въ каждую мечеть, и ихъ не просятъ снимать свои сапоги; вѣжливость туземцевъ къ русскимъ людямъ доходитъ до такой высокой степени, что они молчатъ и тогда, когда русскіе курятъ папиросы и сигары во время богослуженія въ мечети...

— Когда мы вошли, въ мечети стояли на коленяхъ впереди кибла (человѣкъ тридцать), молодые и старые, читавшіе молитвы съ громкими криками и съ сильными движеніями тѣла, а вокругъ нихъ былъ кругъ въ два или въ три ряда, и тутъ дѣлали тѣ же движенія. Мы стали въ одномъ углу и наблюдали, что происходило передъ нами. Наибольшая часть этихъ исполнителей сняли съ себя свои плащи и чалмы, такъ какъ ночь была теплая, а движенія были сильныя. Они повторяли такіе фразы: «Моя защита—это Богъ. Да будетъ прославленъ Аллахъ. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ ничего, кромѣ Бога. Мой свѣтъ, Могаммедъ, Богъ благослови его. Нѣтъ Бога, есть Аллахъ»... Эти фразы они пѣли на разные полумузыкальные мотивы низкимъ голосомъ, и сопровождали ихъ сильнымъ движеніемъ головы надъ лѣвымъ плечомъ къ сердцу, потомъ назадъ, потомъ къ правому плечу, и, наконецъ, внизъ, какъ-бы направляя всѣ движенія къ сердцу. Эти тексты были повторены сотни и сотни разъ, и такой кругъ обыкновенно продолжался часъ или два, хотя онъ зависитъ отъ воли ишана, который руководилъ всѣми исполнителями. Сперва движенія были медленныя, но постоянно увеличивались въ быстротѣ, такъ что исполнители становятся неспособными выдерживать долѣе. Если кто-нибудь изъ нихъ устанетъ до-нельзя или станетъ убавлять свои движенія, то ишанъ, управляющій этими движеніями, бьетъ такихъ по головѣ или выбрасываетъ вонъ изъ круга и замѣняетъ другими изъ второго или третьяго ряда.

Когда исполнитель падаетъ безъ чувствъ отъ усталости и постоянного крика, то сейчасъ же являются другіе на его мѣсто. Когда ихъ голоса становятся совершенно хриплыми, и когда, наконецъ, они начинаютъ кричать: «живи, Аллахъ безсмертный» (Гей, гей, аллахъ, гей!), сперва медленно и съ наклоненіемъ тѣла къ землѣ, тогда ритмъ дѣлается все быстрее и въ кадансѣ тѣло становится все болѣе и болѣе вертикальнымъ, пока всѣ не станутъ прямо. Тогда движеніе и крики увеличиваются въ быстротѣ, и каждый исполнитель кладетъ свою руку на плечо сосѣда, образуя такимъ образомъ нѣсколько концентрическихъ круговъ, и они движутся въ массѣ съ одной стороны на другую по всей продолговатой мечети, прыгая кругомъ съ криками: «Гей, аллахъ, гей!» Съ этого времени вся эта сцена дѣлается чѣмъ-то дикимъ и ужаснымъ, — зрители нервные не могутъ переносить ее, и изъ моихъ друзей двое принуждены были уйти изъ мечети. Хотя я былъ достаточно равнодушенъ, и видѣлъ скорѣе смѣшную сторону въ этомъ кривляньи, чѣмъ ужасную, но я не могъ, однако, отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что эти братства были просто какіе-то умалишенные, чувства у которыхъ совершенно независимы отъ ихъ собственной воли. Наконецъ, они вполнѣ лишились своихъ чувствъ, и съ прежними криками бросились въ бѣшенный танецъ. Но когда исчезли всѣ ихъ физическія силы, они усѣлись вокругъ и погрузились въ молчаливое созерцаніе, а ишанъ читалъ молитву. Послѣ молитвы было патетическое чтеніе изъ поэта Гафиза о трогательномъ эпизодѣ въ жизни одного изъ святыхъ, но бываютъ и размышленія о смертности человѣка или объ огняхъ геенны. Переливы голоса были весьма замѣчательныя и сопровождались часто очень странными жестами, — рука или книга прилагалась часто ко рту для того, чтобы выбрасывать голосъ, какъ можно дальше. Часто такіа повѣствованія представляютъ собраніе словъ безъ всякаго значенія, но, несмотря на то, они производятъ на слушателей такое же впечатлѣніе, какъ и на исполнителей: и слушатели кричатъ тоже непонятныя слова: хи, хо, очь-очь, бо-ба! выпускаютъ стоны и вздохи, плачутъ, бьютъ въ свою грудь кулаками и падаютъ на землю. Когда кончается одинъ гафизъ, начинается другой, и за нимъ слѣдуетъ другая молитва ишана, прерываемая отъ времени до времени то пѣснью братства: «Я гей я, Аллахъ!» или: «Аллахъ Окбаръ!» то жестами и ударами по лицу и бородѣ, а слова безмолвно повторяются про себя. Потомъ крики и движенія начинаются снова, за ними танцы, пока, наконецъ — и крики, и движенія, и танцы, все сливается въ одно, и каждый членъ общества пытается перекричать

голоса другихъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ новое утомленіе, и молчаніе опять воцаряется; такъ попеременно они то кричатъ, и поютъ, и танцуютъ, то молчатъ до утра. Если крики были самыми громкими и движенія самыми сильными, ишанъ остается совершенно довольнымъ и даже спрашиваетъ васъ, понравилось ли вамъ? Эту секту мусульманъ русскіе администраторы въ Ташкентѣ тоже хотѣли уничтожить, какъ самую фанатичную въ центральной Азіи...

Мусульманская религія въ центральной Азіи требовала, чтобы нарушеніе обрядностей религіи подвергалось строгимъ наказаніямъ: и въ Коканѣ, и въ Бухарѣ были прежде особые туземные чиновники, называемые рейсами, долгъ которыхъ заключался въ томъ, чтобы они слѣдили за всѣми гражданами, которые, бывъ увлечены своими дѣлами, совершенно забывали о посѣщеніи мечетей. Такихъ рейсамъ дали право понуждать всѣхъ такихъ гражданъ присутствовать въ мечетяхъ, и рейсы эти поѣтому могли даже выгонять людей изъ ихъ собственнаго дома, отнимать ихъ отъ работы и даже закрывать ихъ лавны. Когда русскіе заняли Ташкентъ, они уничтожили этихъ рейсовъ, какъ людей совершенно вредныхъ въ общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ мечети опустѣли, и, какъ говорятъ, теперь въ мечетяхъ нѣтъ и половины того числа молящихся прихожанъ, какое было прежде. Ежедневныя омовенія и молитвы исчезаютъ совершенно изъ употребленія у мусульманъ.

Г-ну Скайлеру кажется, что русскій officialный людъ въ Туркестанѣ слишкомъ злоупотребляетъ словомъ «фанатизмъ» въ примѣненіи къ разнымъ явленіямъ магометанской религіи: въ каждомъ муллѣ и дервишѣ они видятъ какого-то страшнаго фанатика, готоваго всегда подстрекать туземцевъ къ избиенію гауровъ, какъ потому, что въ нихъ проницъ духъ касты, такъ и потому, что они всегда готовы преслѣдовать собственный общій интересъ, какъ особеннаго сословія. Но развѣ не то же проявляется и въ христіанскихъ государствахъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ церкви исключительно, какъ отдѣльной корпораціи: тогда духовные готовы разрушить даже самое государство, еслибъ они могли. Папство, константинопольскій православный патріархатъ и мусульманство, всѣ они имѣютъ въ виду одинъ интересъ, и въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Съ ними, разумѣется, слѣдуетъ бороться, но только не насильственными средствами. И пусть себѣ будутъ фанатиками муллы и дервиши, нужно отдѣлять отъ нихъ народную массу, въ которой фанатизма никакого нѣтъ. Все остальное населеніе въ централь-

ной Азіи хотя и предано своей религіи, но фанатизмъ у него можетъ быть только мнимый, не имѣющій въ себѣ ничего реального. Простой народъ и всѣ другія сословія преслѣдуютъ грѣхи въ другихъ, но своихъ не видятъ; каждый человѣкъ знаетъ свои слабости, но продолжаетъ предаваться имъ, лишь бы другіе ничего не видѣли, а сами всегда рады кого-нибудь уличить и наказать. Если мы не преслѣдуемъ магометанства въ Россіи, и назначаемъ общаго муфтія магометанства, имѣющаго свою резиденцію въ Уфѣ и принадлежащаго въ русскому дворянству по своему происхожденію, то съ какой стати преслѣдовать мусульманство въ Туркестанѣ; этого, разумѣется, нѣтъ въ Ташкентѣ, гдѣ самъ генералъ-губернаторъ Кауфманъ запретилъ миссіонерскую пропаганду среди туземцевъ. Во время холеры 1862 года и важнѣйшіе изъ туземцевъ-жителей Ташкента обратились къ правительству съ просьбою о прекращеніи пляски мальчиговъ по улицамъ и разныхъ другихъ обычаевъ, несогласныхъ съ постановленіями религіи. Они желали также, чтобы русскія власти принудили ташкентскихъ мусульманъ идти въ мечети молиться о ниспосланіи милости Бога на ихъ страну. Разумѣется, русскія власти не согласились принуждать магометанъ; но музыку и пляску мальчиговъ они запретили, такъ какъ такіе зрѣлища всегда собираютъ около себя огромную толпу зрителей, а большія собранія людей могутъ увеличить распространеніе такой эпидемической болѣзни, какъ холера. Такъ было объяснено рѣшеніе правительства.

Прежнія холеры были въ центральной Азіи одновременно съ Европою: въ 1832 и въ 1848—49 гг. Холера прежде всего зарождается въ Персіи, такъ какъ въ Персіи очень часто бываютъ большіе голода. Доктора въ центральной Азіи — софты; въ своемъ леченіи они придерживаются предписаній весьма распространенной въ азіатскихъ городахъ медицинской книги, которая называется «Тукпатулъ Мумининъ». Эта книга поучаетъ, что всѣ люди принадлежатъ къ четыремъ темпераментамъ, и что леченіе болѣзни должно согласоваться съ этими темпераментами. Опредѣливъ вашъ темпераментъ и соединивъ его съ припадками вашей болѣзни, докторъ вынетъ изъ кармака или изъ шарфа, который служить ему поясомъ, свернутыя бумажки съ лекарствами, и дастъ принимать внутрь въ двухъ формахъ: въ порошкахъ и декоктахъ. Самъ докторъ всегда пробуетъ лекарство, чтобы пациентъ не опасался отравленія. Профессоръ Драгендорфъ, бывшій въ Туркестанѣ, нашелъ, что и въ центральной Азіи, какъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, существуютъ лекарства тѣхъ

арабовъ, которые завоевали центральную Азію въ VII вѣкѣ. Изъ 226 растительныхъ лекарствъ, которые изслѣдовалъ докторъ Драгендорфъ, 210 были извѣстны современникамъ великаго арабскаго врача Эбнъ Баітара, и 172 изъ нихъ были открыты Диоскоридесомъ и Галеномъ. 12 лекарствъ получаютъ изъ Китая и 62 изъ Остѣ-Индіи, 71 растеть днѣю въ центральной Азіи или культивируется въ Ташкентѣ, 50 въ Самаркандѣ и Бухарѣ, и нѣсколько другихъ привозятъ изъ Хивы, Кокана и Афганистана, 7 изъ Персіи, 6 изъ Аравіи и Турціи, одно изъ Египта и 4 изъ Европы; эти послѣднія уже давно привозились русскими купцами и продавались имъ дешевле и лучшаго качества.

Когда умираетъ человѣкъ въ центральной Азіи, трупъ его вынимается женщина, называемая *киранда*; всѣ заботы о трупѣ возлагаются на нее, и она же оплакиваетъ покойнаго во время похоронной церемоніи. Хоронятъ какъ можно скорѣе, обыкновенно въ тотъ же самый день. Послѣ омыванія его одѣваютъ, покрываютъ саваномъ, кладутъ трупъ въ наклонномъ положеніи, съ руками прямо вытянутыми по обѣимъ бокамъ тѣла, и связываютъ его кругами длиннымъ бандажемъ, который у богатыхъ сдѣланъ изъ шелковой матеріи. Въ Ташкентѣ молитва дается въ домѣ муллою, но въ Шарисабѣ и Бухарѣ тѣло, которое лежитъ на носилкахъ, снабженныхъ сверху соломенною покрывшкою, и даже покрыто богатымъ сукномъ, несется въ мечеть, гдѣ и совершается похоронная служба. Если покойникъ — женщина, — живой женщиной не позволено появляться въ мечети, — ее также отпѣваютъ. Когда тѣло несутъ на кладбище, за нимъ слѣдуютъ женщины, плачущія и испускающія разные вопли въ похвалу покойнаго и для выраженія сожалѣнія о его смерти. Тѣло останавливается передъ каждой мечетью, мимо которой оно несется, и къ нему вызывается мулла, котораго просятъ помолиться за усопшаго. Могила готовится заранѣе и состоитъ изъ глубокаго рва, на одномъ концѣ котораго вырытъ подземный покой. Когда носилки поднесены ко рву, тѣло — гроба нѣтъ — валяютъ внизъ и пихаютъ въ пустой покой вмѣстѣ съ кувшиномъ воды, изъ котораго мыли этотъ трупъ. Затѣмъ ровъ наполняется землею, и накладывается земляной валъ. Въ большинствѣ случаевъ вотъ все, что нужно; иногда всунуть палку для мѣтки; у другихъ такая могила дѣлается квадратною или продолговатою, и облагается со всѣхъ сторонъ кирпичами, утрамбованными съ жирною глиною, въ разныхъ формахъ, и иногда съ павильономъ или съ часовнею надъ могилою. Часто ставятъ маленькую лампу на могилу, а иногда и предметы, принадлежавшіе покойнику,

напримѣръ, колыбель умершаго ребенка. Кладбища въ городахъ устраиваются въ большей части случаевъ за городскими валами и представляютъ весьма печальный видъ, такъ какъ не видно, чтобы кто-нибудь ухаживалъ ихъ, даже за ними никакой нѣтъ. Женщины обязаны ходить въ траурѣ въ продолженіи одного года, въ тотъ же годъ онѣ обязаны явиться надъ могилою на седьмой день послѣ похоронъ, потомъ на сороковой день, на полугодовой и въ день смертнаго дня, и тамъ плакать и вѣть.

V.

Посмотримъ теперь, какъ живутъ русскіе въ Ташкентѣ, по наблюденіямъ г-на Скайлера.

Дворецъ генералъ-губернатора въ Ташкентѣ самое лучшее зданіе изъ всѣхъ: онъ очень великъ, покрытъ желѣзною крышею и построенъ въ огромномъ саду, который весьма красиво снабженъ холмами, деревьями, цвѣтами, прудами, каналами и даже водопадами. Здѣсь три вечера въ недѣлю играетъ военный оркестръ музыки, и садъ открывается для посторонней публики. На это время садъ обращается въ мѣсто свиданія всѣхъ русскихъ и городскихъ туземцевъ, — особенно сарты любятъ музыку. Близъ дворца генералъ-губернатора есть большой новый фортъ, построенный для охраненія города, на верху котораго разставлены тяжелыя пушки и большой гарнизонъ... Есть въ городѣ, конечно, общепринятое число правительственныхъ зданій, безъ которыхъ немыслимъ ни одинъ русскій городъ. Есть небольшая русская церковь и въ то время былъ положенъ фундаментъ для огромнаго каменнаго кафедральнаго собора, хотя русскихъ въ городѣ не болѣе 3,000, если не считать 6,000 гарнизона. Миссіонеры здѣсь запрещены. Маленькая церковь вполнѣ удовлетворяетъ настоящей потребности, но находится въ такомъ положеніи, которое указываетъ на необходимость ремонта. Русскіе ходятъ въ церковь не въ большомъ числѣ и не часто; такая небрежность удивляетъ набожныхъ мусульманъ. Новому русскому собору здѣсь будутъ угрожать землетрясенія, впрочемъ они бывають лишь нарядка сильными. Когда г. Скайлеръ былъ въ Ташкентѣ, въ тотъ день было три удара въ пять часовъ утра: стѣны дрожали, картины падали, и даже мелкіе предметы сбрасывались на полъ.

Въ Ташкентѣ нѣтъ собственно отеля, но есть одно или два мѣста, какъ Громовское напримѣръ, съ меблированными комнатами

и со столомъ; впрочемъ, оба эти мѣста грязны и неудобны. Есть порядочный ресторанъ поляка Жызуцкаго, и у него двѣ или три комнаты для прїѣзжихъ. Рынокъ въ Ташкентѣ такой же, какіе устриваются во всей Россіи. Мяса мало и дурное, но баранины изобиліе, дешевая и вкусная. Прежде жаловались на недостатокъ въ картофелѣ; но гдѣ заживутся русскіе солдаты, тамъ непременно растетъ капуста, а за капустою являются и другія овощи, такъ что теперь обиліе всѣхъ огородническихъ произведеній. Дичи тоже въ обильномъ количествѣ, но рыба рѣдкость, такъ какъ рѣка Сыръ, которая изобилуетъ осетрами, до сихъ поръ остается безъ ловли. Отличные фрукты всякаго рода очень дешевы. Скайлеръ слышалъ жалобы на затрудненія въ разведеніи ржи и вмѣстѣ съ тѣмъ на недостатокъ черного хлѣба. Вино, конечно, можно достать, но по четверной цѣнѣ С.-Петербурга; можно достать и англійскій портеръ и эль, но по 10 шиллинговъ за бутылку! Здѣсь дѣлаютъ очень плохое вино, крѣпкое и кислое.

Въ Ташкентѣ есть и клубъ, скучный и неклубный, какъ всѣ русскіе клубы. Тамъ можно ежедневно получить плохой обѣдъ; люди собираются въ клубъ немножко почитать газеты, а главное поиграть въ карты и на бильярдѣ; зимою тамъ бывають общественныя собранія, танцы и концерты. Теперь въ клубу присоединена отличная бібліотека въ 4,000 томовъ, собранныхъ первоначально въ канцеляріи генералъ-губернатора, и съ тѣхъ поръ постоянно расширяется подарками отъ другихъ лицъ: тамъ можно найти классическія сочиненія русской, французской и нѣмецкой литературы, и чрезвычайно хорошую коллекцію книгъ и статей, касающихся центральной Азіи. Между другими учрежденіями въ городѣ достойна серьезнаго вниманія химическая лабораторія, которая устроена очень хорошо и снабжена всѣмъ, что необходимо для такого учрежденія. Въ Ташкентѣ издается ежедневная газета, изданіе которой обходится въ 20,000 руб. въ годъ, а подписчиковъ у нея было въ 1873 году не болѣе 300. Въ этой газетѣ можно найти иногда интересныя статьи о разныхъ событіяхъ въ Туркестанѣ; въ ней же помѣщаются извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ Европѣ и Россіи.

Что касается до официальнаго міра, въ Ташкентѣ подражаютъ въ своихъ вишнихъ приемахъ восточнымъ владѣтелямъ, которыми здѣсь окружены. Генералъ-губернаторъ никогда не выѣзжаетъ одинъ, безъ конвоя изъ казаковъ, и даже женѣ его и дѣтямъ давали казацкій конвой. Скайлеру рассказывали, что послѣ замѣчанія одного недавно прибывшаго въ Ташкентъ офицера, который, увидя жену губернатора, окруженную казаками, наивно

спросилъ: «неужели эта дама находится подъ арестомъ?» — жена губернатора стала ѣздить, какъ и всѣ.

Кромѣ генералъ-губернатора, есть военные губернаторы и вице-губернаторы, генеральный штабъ и другія крупныя officialныя лица, такъ какъ Ташкентъ есть центръ администратіи съ ея разными департаментами и министерствами. Женъ и семейства старѣйшихъ въ officialной іерархіи воображаютъ себя *сержантскими* общества и ставятъ себя гораздо выше другихъ дамъ. Большинство офицеровъ привезли своихъ женъ изъ Россіи. Общество здѣсь дѣлится на нѣмцы и востеріи, хотя всѣ эти officialныя люди и дамы, за исключеніемъ вышнихъ officialныхъ лицъ, наѣхали въ Ташкентъ изъ С.-Петербурга; очень многіе скрылись сюда, убѣгая отъ своихъ кредиторовъ, другіе были удалены изъ службы, нѣмцы ничуть здѣсь повышенія жалованья или тепленькаго мѣстечка, а многіе поѣхали въ Ташкентъ, увлекаясь полученіемъ въ короткій срокъ хорошей пенсіи, или просто надѣялись составить себѣ хорошій капиталецъ. Поэтому и здѣсь живутъ по-петербургски. Люди встрѣчаются на вечерахъ и театральныя любительскія представленія, въ клубѣ или во дворцѣ генералъ-губернатора, но каждый кружокъ держится въ сторонѣ отъ другихъ, и такимъ образомъ настоящей общественной жизни тутъ быть не можетъ. Эти нелѣпыя раздѣленія въ такомъ небольшомъ обществѣ, и тотъ фактъ, что Ташкентъ представляется всѣмъ лишь временнымъ мѣстомъ ссылки, дѣйствуютъ очень дурно на юныхъ офицеровъ и на служащихъ въ гражданской службѣ. Удовольствій здѣсь мало, обществу скучно, и оно разрознено; ученныя и литературныя стремленія или придавлены, или не поощряются; юные офицеры не находятъ никакихъ другихъ занятій, кромѣ картежной игры и вина, и многіе изъ нихъ довели себя до того, что ихъ изгнали даже изъ Ташкента; иные прибѣгали къ самоубійству. Въ самомъ началѣ Ташкентъ былъ дѣйствительно тѣмъ, какимъ онъ описанъ въ разсказахъ г. Каразина, который самъ служилъ офицеромъ въ центральной Азіи. Въ настоящее время есть нѣкоторое улучшеніе: открытый развратъ, вутежи коубавились, но тотъ же общій тонъ преобладаетъ; общественное мнѣніе молчитъ или выражается слишкомъ слабо, и многіе позволяютъ себѣ такія вольности въ своемъ поведеніи, какія въ порядочномъ обществѣ невообразимы. Г-на Скайлера сильно поражало русское общество въ Ташкентѣ не только недостаткомъ знанія о странѣ, но и полнымъ равнодушіемъ къ естественнымъ интересамъ жизни; многимъ трудно было понять, какимъ образомъ онъ могъ заинтересоваться такою страной,

въ которой они только скучаютъ, и какъ онъ могъ отправиться такъ далеко для того только, чтобы осмотрѣть подобную страну. «Правда, были и исключенія, но я говорю о моемъ общемъ впечатлѣнн, — заключаетъ г. Скайлеръ. Число русскихъ, знающихъ турецкій или персидскій языкъ, или сколько-нибудь интересующихся изученіемъ исторіи, древностей или естественныхъ произведеній страны или жизни людей, ихъ окружающихъ, до того мало, что просто не вѣрнѣе самому себѣ...»

Между тѣмъ, центральная Азія представляетъ великій интересъ, хотя бы только въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ.

VI.

Главный центръ торговли въ центральной Азій, въ которомъ сосредоточивается вся иностранная торговля—это городъ Бухара. Тамъ можно найти и русскіе, и англійскіе товары, хлопчатобумажныя и каленворовыя произведенія, — тамъ есть и французскіе и нѣмецкіе товары. Англійская торговля называется кабульскою по той причинѣ, что она производится черезъ Афганистанъ. Англійскіе товары идутъ въ Бухару подъ покровительствомъ греческихъ фирмъ Ралли и Шиллизва и нѣкоторыхъ торговыхъ домовъ въ Калькуттѣ. Между разными предметами, г. Скайлеръ нашелъ тамъ американскіе револьверы, которые въ Бухарѣ приобрѣтаются дешево, чѣмъ въ Ташкентѣ. Русскій сахаръ также продается дешево, чѣмъ въ Ташкентѣ. Между разными людьми, которыхъ нашелъ онъ на ярмаркѣ въ Бухарѣ, онъ увидѣлъ только одного русскаго, агента фирмы братьевъ Быковыхъ, Шмелева, который живетъ тамъ въ двухъ комнатахъ и торгуетъ хлопчатобумажнымъ товаромъ, но, главнымъ образомъ, мелкими и модными вещами. Изъ его объясненій оказалось, что большинство русской торговли находится въ рукахъ татаръ. Торговецъ съ небольшими средствами имѣетъ въ Бухарѣ много преимуществъ въ сравненіи съ крупными, если онъ живетъ тамъ, продаетъ лишь такія европейскія вещи, на которыя тамъ есть запросъ, и если онъ самъ занимается своимъ дѣломъ. Такой мелкій торговецъ можетъ продать свой товаръ почти немедленно, собрать свои долги съ-разу и оборотить свой капиталъ по-крайней-мѣрѣ три раза въ годъ, дѣлая каждый разъ по 50 процентовъ барыша. Въ самой Бухарѣ, агентъ, постоянно пребывающій, можетъ собирать свои долги безъ всякихъ затрудненій. Но другое бываетъ съ русскими купцами,

если они торгуютъ въ Оренбургѣ, Троицкѣ, Петропавловскѣ, гдѣ они продаютъ на большой кредитъ купцамъ, приѣзжающимъ туда изъ Бухары, и тѣраютъ свои деньги, отдавая товары въ долги. Къ несчастію русскихъ купцовъ, мелкіе русскіе торговцы, по русскимъ законамъ, лишены права вести свои торговые операціи въ городахъ центральной Азіи, такъ какъ въ Россіи позволено торговать съ иностранцами только купцамъ первой гильдіи, ходящимъ по улицамъ въ туземномъ одѣяніи. Но мелкій купецъ не можетъ угоняться за большимъ, и ему очень трудно заплатить 250 рублей за одно только позволеніе открыть лавку. Съ мелкаго купца берутъ въ Туркестанѣ по 2¹/₂ процента за привозные товары, да еще другой налогъ въ 3 процента съ хлопчатобумажныхъ произведеній.

Генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ хотѣлъ сдѣлать Ташкентъ торговымъ центромъ, но сильно ошибся въ этомъ. Ташкентъ остался административнымъ городомъ, политическимъ: въ немъ нѣтъ ни промышленности, ни земледѣлія, ни торговли; онъ лежитъ на дорогѣ отъ Кокана въ Оренбургъ и Троицку — вотъ и все. Ташкентъ занимается только транзитною торговлею, и то потому только, что коканскіе купцы, вынужденные ѣздить въ Ташкентъ для своихъ дѣлъ, тащутъ туда же и свои товары. Но если бы столицу Туркестана перенести въ другое, дѣйствительно торговое мѣсто, тогда, можетъ-быть, и явилась бы ярмарка не фиктивная, а дѣйствительная. Коканъ несетъ въ Ташкентъ всего больше—на 4.092,291 руб., но всѣ эти товары не остаются въ Ташкентѣ, а уходятъ въ Россію. Въ отпечатанныхъ «Матеріалахъ для статистики азіатской торговли», г. Свайлеръ нашелъ, что ввозъ въ провинцію Сыръ-Дарья со всѣхъ сторонъ достигалъ въ 1872 году до 13.400,000 рублей, а вывозъ до 9.185,000,—общая сумма 22.585,000. Изъ этихъ итоговъ нужно, однако, вычесть по-крайней-мѣрѣ 10.000,000 для торговли съ киргизскою степью, а весь остатокъ въ 12,585,000 будетъ означать дѣйствительную цифру торговли ханствъ. Если мы возьмемъ самую высшую цифру обоихъ путей: ввоза и вывоза, то мы получимъ общую сумму нашей нынѣшней торговли съ центральною Азіею въ 15.000,000 рублей. Если мы эту сумму сравнимъ съ таможенною 1867 года, то увидимъ, что вывозъ и ввозъ Ташкента (считая и Коканъ), Бухары и Хивы доходятъ до 10.175,000 и 8.504,000; общая сумма будетъ—19.370,000 р. Отсюда ясно, что общая русская торговля съ 1867—1872 годъ уменьшилась на 5.000,000 рублей....

Въ дальнѣйшія подробности мы не пойдемъ: цифры сами

говорать. Многіе русскіе купцы, и въ числѣ ихъ Хлудовъ и Перушинъ, разорились или значительно потерпѣли. Не терпѣли только ташкентскіе администраторы, потому что если они сдѣлаютъ какое-нибудь невыгодное предпріятіе, торговое ли, или политическое—это имъ все равно. Такъ, напримѣръ, была устроена разъ въ Ташкентѣ ярмарка съ удивительною стремительностью; для этой цѣли не пожалѣли даже солдатъ. Но эта ярмарка была устроена не потому, что ее желали купцы, участвовавшіе въ комиссіи, которую собралъ генералъ-губернаторъ для обсужденія вопроса о необходимости ярмарки въ Ташкентѣ. Сторона администраціи была составлена вся изъ военныхъ людей, которые выразили свое мнѣніе въ слѣдующихъ предложеніяхъ: «обмѣнъ мануфактурными произведеніями изъ внутреннихъ провинцій имперіи сырого матеріала (хлопокъ и шелкъ) азіатскихъ странъ происходилъ до-сихъ-поръ, главнымъ образомъ, на двухъ ярмаркахъ: въ Ирбитѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тѣсныя сношенія между потребителями и производителями и послѣдовательная устойчивость цѣны и коммерческихъ сношеній будутъ несомнѣнно много облегчены перенесеніемъ центра обмѣна ближе къ рынкамъ центральной Азіи». Въ первомъ же собраніи купцы заявили, что «ирбитская ярмарка, по своей отдаленности и слабому вліянію на центральную Азію, всегда была предметомъ ихъ жалобъ, но ярмарка въ Нижнемъ-Новгородѣ имѣетъ такое великое вліяніе, что было бы бесполезно основывать новую въ Ташкентѣ, такъ какъ ташкентскія цѣны неизбежно будутъ управляемы въ Нижнемъ». Ясное дѣло, что купцы понимали, что говорили, и ясно также, что военные члены комиссіи, не обращая никакого вниманія на экономическія сужденія, рѣшали все по-своему. Ярмарку устроили въ концѣ 1873 года, какъ-разъ послѣ хивинскаго похода, и она обошлась въ 377,247 рублей. Что же изъ этого вышло? Когда ярмарку открыли, изъ туземцевъ никто на нее не пріѣхалъ, да и русскіе купцы явились нехотя. Туземцамъ обмѣняли даровыя мѣста, если они согласятся изъ своего рынка переѣхать въ русскій, но они, разумѣется, и съ мѣста не сдвинулись. Тогда самъ генералъ-губернаторъ издалъ приказъ, что въ продолженіи всей ярмарки, — двухъ мѣсяцевъ въ году, — всѣ туземные купцы, за исключеніемъ тѣхъ, которые торгуютъ провизією, должны закрыть свои лавки на старомъ базарѣ и перенести свою торговлю въ лавки ярмарочнаго заданія. Большая часть отказалась совсѣмъ торговать, а другіе рѣшились создать тайную торговлю и разносили свои товары по домамъ. Сперва генералъ-губернаторъ приступилъ къ штрафамъ,

но и это не удалось: штрафные разбѣжались; тогда явились казаны, но эта мѣра собрала уже всѣхъ купцовъ, и они просили губернатора оставить туземцевъ въ покоѣ. Базаръ этотъ остается пустымъ и донныѣ.

Самая главная дорога къ Бухарѣ идетъ въ Россію черезъ Казань и Оренбургъ; всѣ караваны такъ идутъ. Боканская торговля имѣетъ изъ Ташкента двѣ дороги: одна, прямо по горамъ черезъ Телау, въ 170 верстъ, на что требуется 5—6 дней, а другая,—по которой ѣздятъ въ телѣгахъ, по пути изъ Ходжента, въ 250 верстъ, 8—10 дней... Прежде почти всѣ караваны ѣхали изъ Ташкента въ Петропавловскъ и Троицкъ; теперь уже они избираютъ почтовую дорогу и идутъ по ней прямо до Оренбурга—1,300 верстъ въ 60 дней. Всѣ находятъ, что эта дорога и ближе, и дешевле дороги черезъ Ташкентъ.

Дорога изъ Бухары чрезъ торговый бухарскій городъ Карши въ Баякъ, пограничный пунктъ съ Афганистаномъ, опредѣляется въ 100 англ. миль, и требуетъ 73 дня. Въ Кабуль отъ Баяка 350 миль больше и еще 13 дней. Если караваны пойдутъ въ Кабуль, минуя Баякъ, черезъ Кудумъ, то путешествіе сократится на 20 дней. Отъ Кабула до Пемэуоръ, въ Остъ-Индіи, караваны идутъ въ 12 дней. Весь путь отъ Бухары до Остъ-Индіи 45 дней; для каравана плата за этотъ путь на русскія деньги 34 р. 49 к., а на англійскія: 4 ф. 14 ш. 7 п., не считая таможенныхъ и транзитныхъ пошлинъ, а также большихъ требованій эмира кабульскаго. За путь отъ Москвы до Бухары цѣна та же.

Перейдемъ къ промышленности, въ основаніи которой лежатъ хлопчатые товары и шелковые. Туземные хлопчатобумажные ткани, некрашенныя и вообще небѣленныя, специально потребляются для приготовленія рубашекъ и подштанниковъ. Этотъ хлопокъ для грубой ткани называется *буза*, а русскими купцами—*матю*, потому что мѣра его—мата, а по-англійски мата составляетъ восемь ярдовъ ¹⁾ (по-русски 10,29 арш.). Дака—болѣе тонкій матеріалъ, родъ муслина, грубый сортъ котораго употребляется на одежду, а тонкій сортъ на чалмы. Алатча—это полосатый матеріалъ на голубомъ фонѣ. Калама—нѣсколько лучшаго качества, съ полосками на бѣломъ фонѣ. Туземцы красятъ хлопчатобумажные товары, иногда въ три различныхъ цвѣта, посредствомъ деревянныхъ штамповъ, налагаемыхъ рукою... Въ 1869 году испытывали, насколько можно хлопковыми запасами въ Средней Азійи удовлетворить потребности арміи, и было рѣшено употребить ту-

¹⁾ Одинъ ярд—три фута, 1,386 аршинъ.

азиатский *бузъ*, вмѣсто русскаго бѣлаго хлопчатоваго сукна, для солдатской одежды. Требовалась ширина въ 14 дюймовъ, между тѣмъ какъ *бузъ* никогда не можетъ быть шире 11 дюймовъ. Подрачники, поэтому, нашли невозможнымъ достать въ Ташкентѣ *нужнаго* матеріала, и должны были обратиться въ Бухару, гдѣ хлопчатая промышленность производится въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ результатѣ оказалось, что цѣна *бузы*, специально заказанной для арміи, оказалась столь же высокою, какъ для русскихъ товаровъ изъ Москвы и съ включеніемъ издержекъ на провозъ; сверхъ того, московскій хлопокъ былъ тяжелѣе туркестанскаго и долѣе носился.

Лучшіе шелковые товары получаютъ изъ Бухары, затѣмъ изъ Кокана и Ходжента, а также изъ Хивы; всѣхъ хуже изъ Ташкента. Вслѣдствіе запрещенія *кораномъ*, употребленіе чистаго шелковаго фабриката ограничено исключительно женщинами и дѣтьми; для мужчинъ шелкъ можетъ потребляться лишь въ смѣси. Ежегодное производство шелка въ Средней-Азіи оцѣнивается, при тщательныхъ вычисленіяхъ, до 4,500,000 ф., изъ которыхъ 1½ милл. идетъ изъ Бухары, столько же изъ Кокана; 100,000 ф. изъ Хивы, 4000 изъ Капгара, и цѣлый миллионъ изъ русскихъ владѣній Туркестана. Климатъ центральной Азіи въ высшей степени благопріятенъ шелковому производству. Тамъ въ продолженіи лѣта почти нѣтъ ни дождя, ни града; грозовыя бури и сильныя вѣтры—явленія рѣдкія; всѣ эти причины дѣлаютъ возможнымъ работу безъ всякаго искусственнаго тепла и вентиляціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ изобиліе неизбѣжной пищи для червя—тутовое дерево. Причины, которыя ограничиваютъ количество и качество производства шелка, заключаются въ методахъ въ выводѣ червей и въ образѣ жизни мѣстныхъ жителей. Все производство шелковичнаго червя находится въ рукахъ женскаго труда: и уходъ за червемъ, и уходъ за тутовымъ деревомъ. Успѣшное шелководство больше всего зависитъ отъ ухода за червями; оно требуетъ со стороны женщинъ большаго вниманія, можно сказать, тутъ нужна нѣжность любви: воспитаніе червя, по своей сущности, занятіе домашнее, и тѣмъ мельче червь, тѣмъ заботливѣе долженъ быть за нимъ уходъ... Но тутъ и прекращается дѣйствительность женскаго труда. Когда приходитъ время наматывать шелкъ, на сцену является механическій трудъ, требующій, главнымъ образомъ, хорошаго порядка и дисциплины среди рабочихъ. Русскіе купцы, если бы они серьезно хотѣли завести въ Туркестанѣ шелковое производство, должны были бы прежде всего научить туземцевъ луч-

нимъ методамъ и потомъ создать среди нихъ спросъ на лучшіе сорта коконовъ. Увеличенный спросъ на лучшіе шелка увеличить и предложеніе. Между тѣмъ, всѣ усилія, которыя употребляли русскіе купцы въ Туркестанѣ въ продолженіи пяти лѣтъ, съ 1867—72, кончились тѣмъ, что изъ семи предпріятій удалось только одно, несмотря на то, что имъ помогало деньгами само правительство. Они не имѣли успѣха въ соревнованіи съ туземцами. Когда г. Скайлеръ былъ въ Туркестанѣ въ 1873, тогда была еще одна филатура въ Ходжентѣ, принадлежавшая компаніи московскихъ купцовъ. Она была основана на 200,000 руб., и ея успѣху ревностно содѣйствовалъ самъ генераль-губернаторъ Кауфманъ. Но ею управляли неспособные люди, и ихъ дѣла находились въ большомъ пренебреженіи, вслѣдствіе отдаленности самихъ владѣльцевъ: они жили въ Россіи. Позже, въ ноябрѣ 1875 года, г. Скайлеръ видѣлъ въ газетахъ объявленіе о ликвидаціи этой фабрики съ потерю четырехъ-пятыхъ основного капитала. Одну изъ причинъ этой неудачи г. Скайлеръ находитъ въ томъ, что самъ управитель не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о шелковомъ дѣлѣ, а, во-вторыхъ, была дана очень большая цѣна за коконы.

Туземцы центральной Азіи обладаютъ живымъ коммерческимъ инстинктомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отличаются большою опытностью въ торговлѣ коконами. Слабѣйшій добавочный запросъ на рынкѣ, появленіе новой торговли или какихъ-нибудь новыхъ предметовъ въ продажѣ, — все ихъ такъ сильно поражаетъ, что они вдругъ начинаютъ поднимать цѣны до нелѣпыхъ размѣровъ. Въ 1869 году, въ продажѣ поднялась цѣна на танинъ, и танинный корень достигъ громадной цѣны. Требованіе этого товара распространилось на базарахъ; крестьяне, жившіе въ Бритчъ-мулла и въ сосѣднихъ деревняхъ, гдѣ танинъ росъ, слыша о высокихъ цѣнахъ, какъ бѣшеные, бросили свои поля и стали вырывать искомый корень; продавали свой скотъ, чтобы купить лошадей и ословъ, и помчались на нихъ въ Ташкентъ, съ цѣлью обогатиться отъ огромной массы вырытаго ими корня. Пріѣхавъ въ Ташкентъ, они узнали тамъ, что танинъ прежде дѣйствительно покупали, но теперь болѣе не нужно. Такимъ образомъ, бѣдные люди должны были продать свой танинъ за самую дешевую цѣну, нѣкоторые изъ нихъ погибли зимою съ голоду. Та же самая исторія происходила въ другой разъ, когда пріѣхали нѣкіе-то итальянцы и стали скупать яйца шелковичныхъ червей. Коконы тогда подыались до 30—50 руб. за пудъ; но изъ Россіи весной 1871 года присланъ былъ указъ, чтобы не продавать иностранцамъ яйца шелковичныхъ червей. Въ томъ же году таш-

японецкое правительство открыло школу для изученія шелководства съ химическою лабораторіею, и поставило въ программу этой школы: изслѣдованіе разныхъ породъ шелкомотныхъ червей, причинъ ихъ болѣзней; опыты надъ пищею шелкомотныхъ червей и рациональные методы для вывода червей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изученіе шелководства съ научной точки зрѣнія — дѣло полезное; но еще бы лучше было, еслибъ при научной школѣ была устроена хотя бы небольшая филатура, которая бы могла создать нѣзъ туземныхъ рабочихъ людей мастеровъ шелкового дѣла, и затѣмъ эти мастера устроили бы и фабрику на настоящихъ научныхъ и вмѣстѣ практическихъ началахъ.

VII.

Центральная Азія всегда представлялась какими-то золотыми дномъ; о ней говорили, какъ о необыкновенно богатой странѣ. Въ 1867 году былъ представленъ докладъ, въ которомъ было сказано, что военная администрація въ новой провинціи, со всѣми ея мѣстными военными управленіями, окупится на мѣстѣ, и что государственная казна отъ этого ничего не потеряетъ, такъ какъ всѣ издержки могутъ быть покрыты деньгами, находящимися уже въ распоряженіи министра военныхъ дѣлъ, и что, кромѣ того, состоится сбереженіе въ администраціяхъ военныхъ округовъ Оренбурга и Западной Сибири, отъ территорій которой отнималась тогда цѣлая провинція — Семирѣчье. Говорили тоже, что военно-гражданская администрація, хотя и будетъ составлять предметъ новыхъ расходовъ въ значительныхъ размѣрахъ, но особеннаго вліянія на государственный бюджетъ не окажетъ, такъ какъ всѣ издержки будутъ покрыты самой провинціею. Но уже въ 1868 году дефицитъ оказался въ 3.188,024 руб., а черезъ пять лѣтъ—въ 1872 году—дефицитъ дошелъ до 18.908,955 руб.: издержки были 29.497,414 руб., — доходъ только 10.588,459 руб. Въ 1872 году дефицитъ достигъ 5.567,000, а въ 1873 году—7.000,000.

Приложимъ къ этимъ издержкамъ издержки на войну. Первоначальныя издержки дѣйствительно были очень ничтожны. При первомъ движеніи въ центральную Азію генералъ Черняевъ получилъ на свои расходы 15,000 рублей, а генералъ Веревикинъ 200,000 рублей, къ которымъ было потомъ прибавлено еще 50,000, но употреблено только 234,000, — остальные 16,000

были переданы ген. Черняеву. Кампанія генерала Романовскаго въ 1866 году оцѣнена въ 250,000 руб. Экспедиція, овладѣвшая Самаркандомъ, стоила 150,000, а вся территорія, которая была приобретена до 1873 года, обоилась въ 900,000; но изъ этой суммы бухарскій ханъ заплатилъ 500,000 рублей контрибуціи на военныя издержки. Захватъ Шарисабса и Карини, а также Кульджи, стоилъ не дорого.

Но за то послѣднія экспедиціи обошлись не такъ дешево. Когда хивинская экспедиція обсуждалась въ Петербургѣ, генералъ Кауфманъ, обращаясь къ министру финансовъ, просилъ у него 300,000 рублей, но въ дѣйствительности, въ Ташкентѣ, эта сумма была истрачена прежде, чѣмъ войска покинули Ташкентъ. Единственная цифра, которая была обнародована по этому обстоятельству, это — издержки на провіантъ и перевозъ оренбургскаго отряда; сумма ихъ достигаетъ 1.423,735 рублей. Если эту цифру принять за истинную, то, считая по одной и той же цѣнѣ расходы арміи Кауфмана и кавказской арміи, вся стоимость хивинской войны окажется въ 7.000,000 рублей.

Коканское возстаніе 1875 года продолжалось шесть мѣсяцевъ, — сколько оно стоило, объ этомъ знаютъ туркестанскія власти.

Вобщемъ говоря, статистика расходовъ ведется въ Ташкентѣ по старому, какъ это было въ 1868 году, когда явилась первая попытка образовать общій статистическій комитетъ для центральной Азіи. Но онъ не состоялся по полному неувѣдѣнію членовъ мѣстной администраціи, которые, поэтому, ничего не могли сообщить. Въ 1869 году, по приказу главнокомандующаго, статистическіе комитеты были основаны въ различныхъ округахъ. Въ сыръ-дарьинскомъ округѣ, въ 1870 году, собрался первый комитетъ и обратился къ официальнымъ лицамъ мѣстной администраціи съ циркуляромъ, въ которомъ были поставлены вопросы о статистикѣ мѣстностей, которыми они управляли; но эти вопросы, касавшіеся подробностей, произвели въ коммисіи веселое настроеніе. Статистическое сообщеніе отъ уѣздныхъ начальниковъ провинціи Семирѣчье содержало, между прочими извѣстіями, такіа: «климата — нѣтъ; производительныя силы — неизвѣстны». Такія показанія были даваемы всего семь лѣтъ тому назадъ.

Судя по расходамъ, завоеваніе Туркестана является дѣломъ чрезвычайно невыгоднымъ; оно не только не приноситъ никакихъ доходовъ государству, но мѣшаетъ развиваться даже соседнимъ губерніямъ Россіи: оренбургской и западной Сибіри. Постоянное увеличеніе войскъ въ Туркестанѣ отзывается и на

нихъ, а этихъ войскъ до 30—40 тысячъ. Между тѣмъ содержаніе солдата въ Туркестанѣ стоитъ очень дорого: 32¹/₂ рубля на человѣка, и въ эту сумму входитъ только мука и крупа, — четверть стоитъ 10—12 рублей. Содержаніе кавалеріи еще дороже. Число лошадей, принадлежащихъ правительству, доходитъ до 4—5 тысячъ, и цѣлый миллионъ рублей тратится на фуражъ; каждая лошадь, такимъ образомъ, обходится въ 200 рублей, и это дѣлается въ такой странѣ, о которой намъ постоянно говорили, что жатва тамъ бываетъ иногда самъ-80 и 100 — и притомъ два раза въ году — а клеверъ и сѣно можно косить четыре раза въ годъ. Въ центрально-азиатскихъ степяхъ главное занятіе жителей — скотоводство, и, несмотря на то, правительство платитъ не менѣе 2 руб. 40 коп. за нудъ мяса и баранины, — цѣна столь высокая, что можно думать, будто въ той странѣ нѣтъ никакого скотоводства... Еще одна странность относительно цѣнъ на провизію: хлѣбъ — дорогъ, потому что подвергается налогу въ 10 процентовъ всего производства съ земли. Само правительство, по этой причинѣ, уплачивало въ казну 276,000 руб., а тратило два миллиона на муку и фуражъ. Предположимъ, что три-четверти этой провизіи произведены въ провинціи Сыръ-Дарьи, слѣдовательно, правительство заплатило 150,000 рублей своего налога, передавая ихъ изъ однихъ рукъ въ другія. Остальная сумма въ 126,000 рублей пала на населеніе Сыръ-Дарьи, число котораго 800,000, и, слѣдовательно, оно нормилось на 1,260,000 рублей, между тѣмъ какъ 30-ти тысячная армія обоилась въ 2,000,000 рублей. Ясное дѣло, что тутъ что-то не такъ не только въ комиссаріатѣ, но и во всемъ финансовомъ управленіи. Если даже — какъ этого хотятъ туркестанскія власти и какъ это и дѣлается въ дѣйствительности — всѣ издержки на армію и флоту идутъ на счетъ государственной казны, то хотя и нѣтъ никакого сомнѣнія, что государство дѣйствительно можетъ взять на себя такія издержки, но все же это не должно дѣлаться совершенно безконтрольно, и не должна содержаться цѣлая армія въ 40,000 только для того, чтобы охранять границы; это значило бы, что все назначеніе этой арміи состоитъ только въ томъ, чтобы укрощать и повелѣвать населеніемъ всего Туркестана.

Но въ дѣйствительности, когда это дѣло предпринималось, люди, стоявшіе во главѣ его, имѣли совершенно другія цѣли: они стремились не къ укрощенію только, но и къ просвѣщенію того населенія, которое повиновалось само русской власти, ища безопасности и свободы отъ прежнихъ деспотовъ.

Указывая на главныя причины, разстраивающія всѣ источ-

ники нашего нравственнаго вліянія въ центральной Азій, г. Скайлеръ разсматриваетъ подробно вопросъ о нынѣшней организаціи туркестанскаго управленія. Общая администрація страны не имѣетъ единообразія и не показываетъ ни въ чемъ присутствія установленнаго принципа объединенной силы. Разнообразіе взглядовъ и поведенія чувствуется на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы и поддерживаетъ постоянный антагонизмъ между различными органами правительства, что возбуждаетъ партіи и дѣлаетъ прочную политику невозможною. Каждая партія составляетъ центръ группы лицъ, гонящихся за мѣстомъ и прибылью. Подобное состояніе вещей расслабляетъ мораль и, благодаря этому, наши гражданскіе и военные чиновники постоянно заняты, но не исполненіемъ своего долга, а проведеніемъ интригъ, для которыхъ наша административная система въ Туркестанѣ представляетъ огромное поле. Каждый думаетъ только о быстрой карьерѣ, о занятіи важнаго поста и достиженіи высокаго ранга, и никто не даетъ себѣ труда принять въ разсчетъ обязанности, наложенныя на него тѣмъ фактомъ, что онъ русскій и преслѣдуетъ цивилизующую миссію въ Средней Азій. Благодаря самому положенію нашей администраціи, наши чиновники присвоиваютъ себѣ право объяснять свои обязанности, какъ имъ самимъ хочется. Въ Ташкентѣ, центрѣ администраціи, нѣтъ общественной жизни, тамъ даже нѣтъ общества, тамъ ничто не соединяетъ людей, которые вполне поглощены своими собственными интересами. Главное зло состоитъ въ смѣшеніи военныхъ и административныхъ властей и въ полномъ отсутствіи всякаго различія между ними. Высшая военная и гражданская власть сконцентрировывается въ лицѣ генераль-губернатора, который въ то же самое время и главнокомандующій войскъ всего района; но въ низшихъ инстанціяхъ она раздѣлена между начальникомъ канцеляріи генераль-губернатора и начальникомъ штаба. Согласно съ закономъ, дѣйствія перваго должны ограничиться чисто-административными дѣлами, но въ дѣйствительности онъ пользуется всѣми прерогативами начальника штаба спеціально во всемъ, что касается мѣстной администраціи страны. Офицеры, которые управляютъ страной, зависятъ гораздо болѣе отъ начальника канцеляріи генераль-губернатора, чѣмъ отъ начальника штаба. Въ провинціяхъ двѣ власти, опять соединенныя въ лицахъ военныхъ губернаторовъ, которые въ то же самое время начальники войскъ въ ихъ провинціяхъ. Они соединяютъ двѣ различныя власти, отдѣленныя въ предшествовавшихъ инстанціяхъ, интересы которыхъ, благодаря существующему режиму, постоянно сталкиваются и иногда

становятся неприязненными. Въ округахъ военно-административныхъ власть дальше дѣлится между администраторами округовъ и начальниками войскъ, такъ расквартированныхъ. Эти послѣдніе находятся иногда въ большомъ затрудненіи, не зная къ кому обратиться, къ военнымъ ли начальникамъ, отъ которыхъ они прямо зависятъ, или къ представителямъ административной власти, которая пользуется значительнымъ вліяніемъ, и въ этихъ случаяхъ они предпочитаютъ повиноваться тому, кто въ данный моментъ имѣетъ болѣе вѣсъ.

Армія, представительница нашихъ силъ, и администрація, представительница цивилизующаго порядка, который мы ввели въ страны, завоеванныя нашимъ оружіемъ, образуютъ собою два различныхъ элемента, которые не могутъ сливаться, не задержавъ прогресса дѣла, преслѣдуемаго нами въ центральной Азіи. Начальникъ войскъ долженъ быть отдѣленъ отъ администраціи страны, пользуясь въ своей сферѣ дѣятельности полною независимостью, такъ какъ чисто-военная администрація тоже необходима. Созданіе же смѣшанной администраціи, — военной и гражданской, — что мы ввели въ центральную Азію — представляетъ только накопленіе военныхъ и административныхъ должностей. Чтобы результаты нашего завоеванія могли упрочиться, административный элементъ долженъ быть удаленъ отъ вмѣшательства въ военныя дѣла. Обѣ власти должны дѣйствовать отдѣльно, должно быть полное отдѣленіе между гражданскою и военною администраціями, или, наоборотъ, гражданская администрація должна быть совершенно замѣщена военнымъ элементомъ. Такъ какъ мы чувствуемъ сами себя слишкомъ слабыми, чтобы управлять безъ помощи военной силы, то мы должны, поэтому, уступить чисто-военной организаціи. Въ настоящее время, единственною опорой нашей политической роли можетъ служить только охраненіе силою оружія, и только эта роль оказываетъ престижъ на туземное населеніе при испорченности нашей администраціи въ Туркестанѣ. До тѣхъ поръ, пока эта администрація существуетъ, мы не можемъ ожидать отъ туземцевъ какого-нибудь уваженія, и наша армія должна дѣлать неслыханныя усилія, чтобы возстановить почву, которую потеряла администрація. Полномочія, которыми пользовались люди, называвшіеся администраторами, въ разныхъ мѣстностяхъ, ободряли ихъ къ злоупотребленію произвольнымъ авторитетомъ, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному положенію вещей или справедливымъ интересамъ нашего положенія въ Туркестанѣ. Многіе присваиваютъ тамъ себѣ политическія роли, и сильные своею протекціею, позволяютъ себѣ

иногда угрозы, которыя они неспособны осуществить посредствомъ оружія, и все это сопровождается самыми тяжкими послѣдствіями для невинныхъ людей. Подобныя дѣла могутъ насъ только унижать въ глазахъ туземцовъ. Таковы выводы г. Скайлера, посторонняго и безпристрастнаго наблюдателя, изъ всего, что онъ видѣлъ въ Туркестанѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Дѣйствительно, пока многое не перемѣнится въ общихъ принципахъ нашего колониальнаго управленія, всѣ наши административныя усилія въ центральной Азіи останутся безплодными, и ожидаемая торговля не вознаградитъ даже издержекъ, дѣлаемыхъ на поддержаніе этой торговли. Отрывая нашу цивилизаторскую миссію на Востокъ, мы не могли не сознавать, что на избранномъ нами пути мы не выдержимъ конкуренціи Европы. Въ сравненіи съ Азією, Россія всегда будетъ, конечно, цивилизованною державою, но она можетъ упрочить свое военное и политическое вліяніе только тогда, когда ея администрація избересть для себя новыя пути. Всего болѣе затруднительно противоборствовать вліянію, какое оказываетъ тамъ могущественная и первостепенная торговая нація, ресурсы которой далеко выше тѣхъ, какіе существуютъ теперь въ распоряженіи нынѣшней нашей администраціи для успѣховъ своего призванія въ центральной Азіи.

Юр. Россиль.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СТРАНА СНОВЪ.

Изъ Эдгара Поэ.

По тропинкѣ одиновой
Я вернулся нѣтъ страны,
Гдѣ царить во тѣмѣ глубокой
Призракъ Ночи-сатаны,
На окраинѣ далекой,
Средь отверженныхъ духовъ —
Внѣ пространства и вѣковъ.

Тамъ деревья-великаны,
Облеченные въ туманы,
Невидимками стоятъ;
Скалы темныя глядятъ
Съ неба краснаго — въ оѣбра,
Безпредѣльныя для взора...
Льютъ безмолвные ручьи
Воды мертвыя свои,
Воды сонныя, нѣмныя
Въ рѣки темно-голубыя.
Тамъ, блѣдая въ тѣмѣ ночной,
Надъ холодною водою,
Точно спутанныя змѣи,
Вьются нѣжныя лилии.

И во всякомъ уголкѣ, —
 И въблизи и въдалекѣ, —
 Гдѣ виднѣются озѣра,
 Безпредѣльныя для взора, —
 Гдѣ, бѣлая въ тѣмѣ ночной,
 Надъ холодною водою,
 Точно спутанныя змѣи,
 Вьются нѣжныя лилеи, —
 Возлѣ дремлющихъ лѣсовъ, —
 Близъ плѣснѣющихъ прудовъ,
 Полныхъ гадовъ и драконовъ, —
 Вдоль вершинъ и горныхъ склоновъ, —
 Съ каждымъ шагомъ на пути
 Странникъ можетъ тамъ найти
 Въ дымкѣ бѣлыхъ одѣваній
 Тѣни всѣхъ Воспоминаній...
 Чуть замѣтная на взглядъ,
 Дрожь колеблетъ ихъ нарядъ;
 Кто пройдетъ близъ тѣни дивной, —
 Слышитъ вздохъ ея призывный.
 То—давнишнѣе друзья,
 Лица, нѣкогда живыи, —
 Тѣ, что Небо и Земля
 Взяли въ пыткахъ агоніи.

Кто, судьбой не пощаженъ,
 Вынесъ бѣдствій легіонъ,
 Тотъ найдетъ покой желанный
 Въ той странѣ обѣтованной.
 Эгогъ дальній, темный край
 Всѣмъ печальнымъ—чистый рай!
 Но волшебную обитель
 Заслонилъ ея Властитель
 Непроглядной пеленою;
 Если-жъ онъ душѣ больной
 Разрѣшить въ нее пробраться, —
 Ей придется любоваться
 Всѣмъ, что нѣкогда цвѣло—
 Въ закопченное стекло.

По тропинкѣ одинокой
 Я вернулся изъ страны,

Гдѣ царить во тѣмѣ глубокой
 Призракъ Ночи-сатаны,
 На окраинѣ далекой,
 Средь отверженныхъ духовъ, —
 Въ пространства и вѣковъ.

II.

ИЗЪ ДРАНМОРА.

1.

МОЛИТВА.

Все тихо спитъ, — но съ утренней зарей
 Опять нужда придетъ ко мнѣ стучаться,
 Она вползетъ зловѣщею змѣей:
 Не дай, Господь, мнѣ въ жертву ей достаться.
 Мой гордый духъ смирился предъ Тобой, —
 Сомкни-жъ уста коварному злословью,
 Отъ язвъ его мой уголъ огради
 И — пусть въ борьбѣ исходитъ сердце кровью,
 Но пусть блеститъ надежда впереди.

Когда-жъ меня Ты къ новымъ испытаньямъ
 Рѣшилъ призвать для блага моего,
 То въ этотъ разъ внемли моимъ страданьямъ
 И къ нимъ не шли въ придачу ничего.
 Мнѣ нуженъ срокъ... Оправившись немного,
 Подъ градомъ стрѣлъ я бодро устою,
 Но такъ трудна пройденная дорога,
 Что я теперь объ отдыхѣ молю.
 Пускай затѣмъ грядущее настанетъ,
 Мой духъ къ борьбѣ съ отвагою воспрянетъ,
 Когда хоть разъ я жажду утолю.

Мои друзья подъ дальнимъ небомъ юга
 Всѣ мирно спать на родинѣ своей...
 Но я любимъ: святой молитвы друга
 Я не лишень среди скорбей.

Иль Ты, Господь, не внемлешь ей?
 Я видѣлъ въ ней могучую охрану...
 Иль за меня потерпятъ и друзья?
 Пусть шлютъ невинные заклатья урагану:
 Безъ нихъ одинъ погибну я!

2.

Я-бъ тамъ заснуть хотѣлъ,
 Въ тѣни высокихъ елей,
 Найти мечтамъ предѣлъ,
 Не звать безплодныхъ цѣлей,
 Сквозь сѣть густыхъ вершинъ
 Лишь разъ одинъ
 На синій сводъ взглянуть
 И тамъ на вѣкъ уснуть.

О! тамъ бы я забылъ
 Легко печаль земную
 И жадной грудью пилъ
 Въ травѣ росу лѣсную:
 Листва со всѣхъ сторонъ —
 Послѣдній сонъ —
 И духъ бы отлетѣлъ:
 Я-бъ такъ заснуть хотѣлъ.

Довольно на яву
 Извѣдалъ я страданій:
 Сошли въ нѣмую тьму
 Всѣ звѣзды упованій;
 Я долго не ропталъ,
 Но все-бъ желалъ,
 Закончивъ трудный путь,
 Подъ елями заснуть.

С. Андреевскій.

ПОСЛѢДНІЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ П.-Ж. ПРУДОНА.

IX *)

Переписка Прудона съ Бергманомъ возобновляется опять въ 1857 году. Отъ 2-го января, пишетъ онъ старому другу поздравительное письмо съ новогодними пожеланіями, и подводитъ, при этомъ, итоги своей трехлѣтней дѣятельности. Тихая, но глубокая грусть сказывается въ короткой фразѣ этого письма: «Я не очень-то счастливъ!» Но онъ признаетъ, что и среди всевозможныхъ испытаній не чувствуетъ себя лишеннымъ нравственной поддержки нѣсколькихъ друзей, которыми и дорожить, съ каждымъ днемъ, все сильнѣе. Въ тотъ же день пишетъ онъ г. Клэру, благодаря его за то, что тотъ распозналъ въ страстныхъ полемикахъ Прудона идею *нравственнаго возрожденія*, которой проникнуты всѣ его труды.

«Мы съ вами, — говоритъ Прудонъ, — вѣримъ въ справедливость, въ честь, въ добродѣтель, мы желаемъ, чтобъ онѣ существовали для всѣхъ и противъ всѣхъ; все же остальное — лишь средство и орудіе. Таково мое мнѣніе; поэтому-то вы меня искали, и за это я вамъ особенно благодаренъ!

*) См. выше: июнь, 522 стр.

«Да, вы совершенно правы, надо вернуться къ Вольтеру, т.-е. къ настоящему французскому уму. Развѣ вы не видите, что съ тѣхъ поръ, какъ мы отреклись отъ него, мы не переставали падать все ниже и ниже? Во Франціи есть двѣ литературныхъ традиціи: одна проходить черезъ Раблэ, Монтэна, Мольера, Лафонтена, Бая, Вольтера, Бомарше, Вольтеня, Поля Луи (онъ хочетъ сказать Курье), Беранже;—другая слѣдуетъ романтической линіи: Руссо, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Шатобріанъ, Ламартинъ. Первая дѣлаетъ французскую націю несравнимой; по второй же она похожа на всѣ другія націи. И какъ это такъ случилось, что вотъ ужъ болѣе пятидесяти-восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Бонапартъ, итальянецъ, клерикалъ, человѣкъ читавшій Оссіана и Маккиавели, налегъ на нашу несчастную страну—мы совершенно забыли свой народный геній, свой характеръ, чтобы слѣдовать по загрязненной колѣѣ сентиментальщичьей, описателей и плаксъ?»

Изъ письма къ Морису, отъ 8-го января, видно, что здоровье Прудона все еще слабо, хотя онъ и приступаетъ къ печатанію своего большого труда. Въ это же время вышло третье изданіе его книги «О биржевой спекуляціи», о которой онъ проситъ Дармона сказать нѣсколько словъ въ газетѣ «Presse»—не для себя, а для своего издателя. Эту книгу, сначала скомпилированную, онъ превратилъ при дальнѣйшихъ изданіяхъ въ бойкій и глубокій по мысли экономическій памфлетъ и подписалъ его своимъ именемъ. Онъ ею вообще доволенъ, что и выражаетъ г-ну Дармону, въ письмѣ отъ 2-го февраля. Въ этомъ письмѣ находимъ мы и мнѣніе Прудона по вопросу тогдашнихъ выборовъ. Онъ стоитъ за необходимость социальна-демократическихъ кандидатуръ; но, какъ мы увидимъ дальше, не остается при этомъ взглядѣ, а радикально его измѣняетъ. Состояніе его здоровья замѣтно отражается на тонѣ и содержаніи всей переписки этого періода. Мы можемъ довольно ясно прослѣдить всѣ симптомы его нездоровья по письму къ д-ру Кретену, съ которымъ онъ видится рѣдко, а потому и долженъ въ корреспонденціи рассказывать ему про всѣ свои болѣзненные симптомы. Такъ, въ письмѣ отъ 7-го февраля, онъ жалуется все на то же ослабленіе жизненныхъ силъ, а, главное, на мозговую тяжесть, сходную, по его мнѣнію, съ началомъ парализаціи; ему все кажется, что эта продолжительная нервная болѣзнь есть слѣдствіе того ужаснаго припадка холеры, отъ котораго онъ еле спасся. Онъ, все-таки, продолжаетъ работать, хотя и сознаетъ, что ему слѣдовало бы воздержаться на долго отъ всякаго умственнаго напряженія. Его поддерживаетъ

немного успѣхъ книги «О биржевой спекуляціи»; но печатаніе его большого труда «О справедливости» оттянулось къ концу февраля. И замѣчательно, что, находясь въ постоянныхъ тискахъ нужды и живя исключительно умственной работой, Прудонъ и въ вопросѣ денежнаго вознагражденія писателей является съ чрезвычайно широкимъ и великодушнымъ взглядомъ. Въ письмѣ отъ 1-го марта пишетъ онъ Бергману на эту тему: «Раздѣляю совершенно твое мнѣніе о *непродажности* произведеній ума; поэтому-то я и не перестаю проповѣдывать знакомымъ мнѣ литераторамъ противъ заблужденій, въ какія они такъ легко впадаютъ. Въ принципѣ, говорю я имъ, произведенія искусствъ и таланта стоятъ *онъ тарифа*, внѣ *задѣльной платы*, и авторы находятъ вознагражденіе за нихъ, а иногда составляютъ себѣ и состояніе по чистой случайности. Сдѣлать себѣ изъ таланта средство разбогатѣть, значить уменьшить, унижить, я скажу даже—проституировать его. Конечно, бѣдный писатель можетъ извлекать изъ своего труда законный заработокъ или, по крайней мѣрѣ, *покрытіе* собственныхъ расходовъ и времени; но браться за литературу изъ-за ея доходности, за философію или науку изъ-за барыша—это такая аномалія, которая должна непременно привести къ извращенію и паденію всѣхъ этихъ областей труда».

Рассуждая далѣе въ томъ же направленіи, Прудонъ приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ для всякаго бѣднаго труженника: «не только книги, но и журналы, если они не превратятся въ орудіе спекуляціи, не могутъ поднять матеріальнаго положенія литератора»; но онъ кончаетъ надеждой, что еслибъ ему когда-нибудь удалось основать ежемѣсячное обозрѣніе съ такими сотрудниками, какъ Бергманъ и другой пріятель его Феррари, такой журналъ занялъ бы первое мѣсто въ Европѣ.

Кромѣ Бергмана, у Прудона остается почти одинъ только корреспондентъ, г. Ларрамъ, съ которымъ онъ охотно переписывается объ общихъ вопросахъ, дающихъ намъ возможность видѣть движеніе его идей. Такъ, въ письмѣ отъ 21-го марта, онъ говоритъ о слухахъ, возбуждаемыхъ его книгой, еще до ея появленія:

«Ужъ не собираются ли, спрашиваетъ онъ, анатомировать мою книгу по одному только предположенію того, что она должна заключать въ себѣ? Жалкій народъ! Ужъ лучше бы они подумали о томъ: какъ имъ защитить себя! Никакая доктрина, ни древняя, ни новая, никакая философія, никакая школа, не можетъ дать понятіе о томъ, что такое мой трудъ. А между тѣмъ это самая старая, избитая, вульгарная вещь, къ несчастью, до сихъ поръ всего менѣе понятая: она-то и составляетъ основу и содержаніе

всего. Мнѣ принадлежитъ только изложеніе, которое я постараюсь сдѣлать какъ можно доступнѣе, примѣняя его къ обстоятельствамъ.

«Мнѣ нельзя было забыть ни о своихъ современникахъ, ни о своихъ противникахъ. Къ первымъ я, какъ можно больше, обращаюсь съ воспоминаніями, вторыхъ же я поджигаю. Горе, говорю это впередъ, великое горе тому, кто окажется внѣ той революціонной категоріи, которую я стараюсь демонстрировать: онъ погибнетъ неизбѣжно! Но много ли есть правовѣрныхъ изъ тѣхъ категорій, которыя стремятся къ тому, чтобъ управлять умами! Ни одной. Много ли противниковъ найду я внѣ всѣхъ этихъ глупостей, внѣ различныхъ церквей, партій, школъ? Также ни одного.

«Мой трудъ будетъ, между прочимъ, имѣть результатомъ—повѣдать всѣмъ, кто не принадлежитъ ни къ какой церкви, сектѣ, партіи или категоріи: какое великое общество составляютъ они, какимъ духомъ руководятся и изъ какихъ принциповъ составлено ихъ *Credo*. А потомъ мы покажемъ, что такое всѣ эти категоріи, церкви и секты».

Какъ всегда, Прудонъ глубоко убѣжденъ въ великомъ значеніи своего послѣдняго труда, и не предвидитъ тѣхъ новыхъ неприяностей, какія этотъ трудъ готовилъ ему. Да и вообще, желанія его такъ же умѣренны, какъ и всегда были. Совершенно искренно говоритъ онъ Морису, въ письмѣ отъ 28-го апрѣля, что ничего не хочетъ—больше какъ—освободиться отъ долговъ въ 50 лѣтъ, имѣть на полгода или на годъ впередъ обезпеченное содержаніе и сохранить способность работать. На успѣхъ своего сочиненія онъ сильно разсчитываетъ и надѣется получить отъ него отъ 12 до 14 тысячъ франковъ.

Въ первый разъ встрѣчается въ письмѣ къ г. Ларрамѣ отъ 19-го мая просьба никому не показывать его писемъ. Онъ говоритъ прямо, что ненавидитъ нескромность публики, почему и проситъ своего корреспондента разрывать и сжигать все, что онъ отъ него получить. Это объясняется, однако, тѣмъ состояніемъ мозговой слабости, которую Прудонъ все еще не могъ побороть ни лекарствами, ни образомъ жизни. Прежде, когда увѣренность въ умственныхъ силахъ была у него безусловной, онъ и не думалъ обращаться къ знакомымъ и пріятелямъ съ подобными просьбами. Не больше, какъ на другой день, отъ 20-го мая, онъ говоритъ Альфреду Даримону въ маленькой запискѣ, что голова его «ниже посредственности». Тому же Даримону высказываетъ онъ свой взглядъ на тогдашніе выборы въ письмѣ отъ 16-го іюля, гдѣ, въ одно и то же время, считаетъ возможнымъ

для демократовъ-республиканцевъ выступать кандидатами, а себя ставить въ нравственную невозможность слѣдовать ихъ призыву. Его доводы нѣсколько запутаны и показываютъ, прежде всего, что ему лично тяжело было бы броситься опять въ политическую жизнь. Онъ выдѣляетъ себя совершенно изъ группы республиканскихъ представителей, единственныхъ выразителей настоящего социализма. Въ такихъ противорѣчіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы сообразимъ, что его мозговое нездоровье все еще продолжалось, и не дальше какъ на другой день, 17-го іюня, онъ извѣщаетъ г. Трюша, что долженъ былъ оставить печатаніе своей книги, потому что состояніе его мозга не позволяетъ ему въ эту минуту ни думать, ни писать. Отрицая для себя возможность выступить кандидатомъ оппозиціи, онъ поддерживаетъ Даримона въ томъ же качествѣ и пишетъ ему отъ 29-го іюня:

«Что должно случиться—случится. Вы, вопреки стараніямъ, кандидатъ оппозиціи и останетесь кандидатомъ, если не сдѣлаете какой-нибудь ошибки. Ничего не говорите, ничего не пишете, ожидайте съ терпѣніемъ и не удивляйтесь, если послѣ выборовъ злоязычіе удвоится. Такъ оно должно быть и такъ будетъ.

«Разъ вы будете признаны демократической оппозиціей, дѣйствуйте по ея побужденіямъ, не въ качествѣ раба, ищущаго только ея приказовъ и ожидающаго ихъ, но въ качествѣ свободно мыслящаго человѣка, который угадываетъ все, что нужно, и подчиняется этому.

«Никогда не удаляйтесь отъ такого правила: *представитель долженъ всегда становиться на точку зрѣнія своей партіи, высказывать свою мысль, выразить свое мнѣніе, но, если это мнѣніе не возьметъ верхъ, слѣдовать общему движенію*».

Самъ же онъ отказался отъ кандидатуры въ Ліонѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, о чемъ и пишетъ г. Пиллуа, отъ 30-го іюня, говоря, что ему слишкомъ долго было бы приводить мотивы такого отказа; а задержку въ печатаніи своего сочиненія онъ опять-таки объясняетъ «мозговымъ истощеніемъ», явившимся вслѣдствіе холеры.

Политическіе выборы въ Парижѣ заставляютъ его измѣнить свой взглядъ на поведеніе демократической оппозиціи. Онъ былъ всегдашній противникъ системы «отказа»; но на этотъ разъ находить, что депутаты республиканской партіи не могутъ отправиться въ законодательный корпусъ, не умаляя той идеи, которая казалась въ парижскихъ тогдашнихъ выборахъ: такъ онъ пишетъ г. Ларрама отъ 12-го іюля, а на другой день, въ неболь-

помѣ писемъ къ г. Вильомѣ, замѣчаетъ про себя: «оказывается, что я не былъ знакомъ почти ни съ однимъ замѣчательнымъ человекомъ моего времени: ни съ Шатобрианомъ, ни съ П. Л. Фурье, ни съ Жоффруа, ни съ Кузеномъ, ни съ Ноде, ни съ Бюрнуфомъ, ни съ Гизо, ни съ Тьеромъ, ни съ Баро, ни съ Руайе-Колларомъ, ни съ Ламартиномъ, ни съ Альфредомъ Мюссе, ни съ Девинемъ, ни съ Беранже, ни съ Ламенэ, ни съ Араго и т. д.

«Съ тѣми немногими личностями, съ какими я сталкивался, долженъ былъ я препираться: П. Леру, Люи-Бланъ, В. Консидеранъ и еще кое-кто.

«Развѣ я не отлученъ отъ всей нашей эпохи?

«Ужъ, конечно, никто не придетъ на мое погребеніе. Поговорка гласитъ: *Vos soli!*.. Горе тому, кто одинокъ!.. Раздумывая объ этомъ, я спрашиваю иногда себя: не влечу ли я цѣпь какого-нибудь великаго злодѣя, осужденнаго за прежнюю жизнь, какъ это выходитъ по ученію Ж. Рено?

«Я сильно начинаю тяготиться жизнью и хочу лишь одного: передъ смертью высказать все, чтó у меня лежитъ на сердцѣ, и послѣ того я скажу: *Foin de moi et du genre humain!*»

Въ началѣ августа Прудонъ съѣздили къ себѣ на родину, чтó видно изъ его письма къ г. Ларрамá отъ 10-го августа, хотя предыдущее письмо къ Морису отъ 6-го было все-таки помѣчено Парижемъ. Эта поѣздка немного поправила его здоровье, но онъ находитъ, что возстановить его можетъ только девятимѣсячный отдыхъ, а онъ принужденъ работать какъ каторжный. Его корреспондентъ удивился абсолютной переимѣнѣ Прудонова взгляда на поведеніе республиканскихъ депутатовъ. Прудонъ старается объяснить ему, что онъ не впадаетъ ни въ какія непослѣдовательности, и что его мысль получила другое направленіе сообразно съ событіями. Онъ не только доказываетъ необходимость устраниваться отъ всякаго участія въ законодательствѣ, но смотритъ иначе и на присягу, которой прежде вовсе не придавалъ особаго значенія. Странно, что онъ раньше не хотѣлъ придти въ выводъ болѣе соответствующему всему строю его политическихъ мнѣній; теперь же онъ рѣзко и опредѣленно говоритъ, что для республиканцевъ — вопіющая негѣпость являться въ такія собранія, гдѣ сидятъ императорскіе совѣтники, и что имъ не слѣдуетъ ни принимать присяги, ни участвовать въ дебатахъ, а нужно довести себя до призыва въ порядку, послѣ чего выйти въ отставку. Вообще же тогдашнее политическое положеніе Франціи не особенно его одушевляеть, и онъ гово-

рить въ письмѣ къ г. Сюшѣ, отъ 21-го сентября: «ничего у васъ нѣтъ занимательнаго, ни на столѣ, ни подъ столомъ. Все засыпало, скучаетъ, пресыщено, испытываетъ тошноту, а иногда порывается, какъ арестантъ, выйти на воздухъ погулять».

«Но!... идти не въ чемъ, и при малѣйшемъ признакѣ эмансипации, раздаются крики: *стой, берегись императорской гвардіи!*

«Право — потѣшный народъ: жалуются на то, что не могутъ болтать, а когда у нихъ спрашиваютъ, изъ-за чего такъ сильно чешется ихъ языкъ, они не умѣютъ отвѣтить.

«Вотъ въ какомъ мы положеніи».

Общее нездоровье Прудона, судя по его письму къ д-ру Кретену отъ 16-го октября, получило съ наступленіемъ осени новый характеръ. Прежде онъ чувствовалъ какъ-бы онѣмленіе въ нервной системѣ, а теперь это перешло въ невралгическія страданія съ необычайной раздражительностью кожи на черепѣ и вдоль всего становаго хребта. И все-таки онъ не можетъ перестать работать и продолжаетъ заниматься печатаніемъ своей большой книги. Мало того, онъ долженъ помогать брату, что для него чрезвычайно затруднительно, такъ что въ одномъ письмѣ къ Морису онъ на это жалуется и все-таки пишетъ ему отъ 19-го октября, чтобъ онъ передалъ опять брату, отъ его имени, 50 франковъ. Въ сущности, одна только работа поддерживаетъ его сколько-нибудь, потому что политическая и социальная жизнь его соотечественниковъ не представляютъ, по его мнѣнію, никакого просвѣта. Ему остается — мириться съ дѣйствительностью, какъ онъ дѣлалъ это и прежде, искать въ качествѣ мыслителя роковыхъ причинъ подобнаго порядка вещей. Онъ это и дѣлаетъ въ письмѣ къ г. Боннону, отъ 24-го октября.

«Дѣла идутъ обычнымъ путемъ и не нужно изумляться имъ. Васъ огорчаетъ то, что вы видите, но я такъ давно уже предаюсь подобнымъ же соображеніямъ, что помирился съ необходимостью — совершенно такъ, какъ медикъ съ болѣзнію. Повторяю: пускай какъ-нибудь идутъ событія, только бы они шли впередъ. Мыслитель, государственный человѣкъ отмѣчаютъ всѣ симптомы, что имъ помогаетъ предупреждать когда нужно съ большимъ авторитетомъ и указывать пособія съ болѣею увѣренностью.

«Мы видимъ теперь такіе примѣры рабства и пошлости, какихъ не представляютъ даже первые годы старой имперіи и реставраціи, но, не зирая на эти лицемѣрные демонстраціи, зданіе все-таки подрыто; придетъ день, когда власть будетъ покинута, и все рухнетъ.

«Что всего печальнѣе, это то, что, благодаря насильственному

молчанію прессы и бездарному нерадінію тѣхъ писателей, которыми еще позволено что-нибудь говорить, здоровье общественнаго тѣла вовсе не двигается впередъ. Опытъ ничему не служитъ, и мы рискуемъ оказаться послѣ новой катастрофы такими же глупыми, какъ и на другой день послѣ паденія Луи-Филиппа».

Дальнѣйшее развитіе его политическихъ и социальныхъ идей въ этомъ же направленіи находимъ мы въ письмѣ къ Марку Дюфрессу, отъ 28-го октября. Возвѣщая ему скорое появленіе въ свѣтъ своего большого труда, онъ говоритъ слѣдующее:

«Старый міръ былъ въ полномъ комплектѣ: у него была своя теологія, своя философія, своя пѣтика, своя эстетика, экономія, политика, мораль и т. п. Теперь надо показать, что или революція ничего не значитъ, или же она должна замѣнить все это, т.-е. вполне пересоздать общество. Сдѣлала ли она это до сихъ поръ? Увы! Революція была съ первыхъ же дней предана своими людьми; эти люди отдавались могучимъ порывамъ, но не понимали ея идей, не осмыслили своего поведенія. Революція насытилась старыми понятіями, сдѣлалась союзницей клерикаловъ, стала ханжить, заявила себя во всемъ и вездѣ своими противорѣчіями. Вышло это, конечно, не по отсутствію доброй воли, а вслѣдствіе общаго невѣжества. Самое дѣло было слишкомъ обширно!..

«Смѣю думать, что въ первый разъ выяснена будетъ синтетическая идея революціи, показана ея совокупность, и сама она будетъ поставлена съ-главу-на-глазъ передъ старымъ свѣтомъ, который все еще до сихъ поръ править и обладаетъ нами, *intus et in cute*. То, что я вамъ возвѣщаю, до такой степени громадно (онъ говоритъ о своемъ произведеніи), что какъ только идея будетъ заявлена, немислимо, чтобы существующая система могла дольше держаться, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она должна была бороться только съ пожирающимъ вліяніемъ одной идеи. Заглавіе моей книги, которое прошу васъ держать въ секретѣ вплоть до публикаціи, такое: «О справедливости въ революціи и въ церкви». Справедливость для меня править всѣмъ: государствомъ и семействомъ, экономическимъ бытомъ, трудомъ, даже литературой и искусствомъ. Католичество, какъ органъ религіозной мысли, представляетъ собой органъ стараго свѣта. Справедливость касается всего, преобладаетъ надъ всѣмъ, опредѣляетъ все; такъ что человѣческій порядокъ зависить оттого, какъ она понята и истолкована католичествомъ и революціей.

«Къ сожалѣнію, я готовлюсь къ тому, что на меня нападутъ со стороны демократіи; хотя она и не заражена бонопартизмомъ или іезуитизмомъ, признаетъ, однако, всѣ принципы, развитіе

которыхъ, на протяженіи вѣковъ, привело къ феодализму, къ имперіи, къ теократіи. Для полнаго торжества революціи надо было очистить демократію отъ всей этой ложной примѣси, и, конечно, такая операція, способная задѣть множество самолюбій и тщеславныхъ интересовъ, не пройдетъ безъ возгласовъ. Придется выдержать послѣдній штурмъ, послѣ чего міръ волей-неволей долженъ будетъ войти въ извѣстныя рамки, *hi quidem a dextris, illi autem at sinistris*».

Кончается онъ свое письмо такими крупными соображеніями: «Наши три истинныхъ врага: банкъ, католичество, магистратура. Первый очень расшатанъ, второй — въ забросѣ, третья представляетъ собой орудіе настолько же безответственное, какъ и солдаты на часахъ. Посредствомъ каковой же комбинаціи эти три силы держать насъ подъ своимъ игомъ? Моя книга повѣдаетъ вамъ это: метафизическій и практическій принципы, выражаемые этими тремя учреждениями, признаются всѣми подъ обманчивыми именами и формулами, приводящими въ сущности къ тому же самому. Моя философская эпопея разорветъ всѣ эти покрывала; тогда я надѣюсь, что міръ узнаетъ самого себя и можетъ выбрать сознательно то, что ему нужно».

Словомъ, онъ ожидаетъ громаднаго эффекта отъ своей книги и не безъ удовольствія сообщаетъ объ одновременномъ переводѣ ея на нѣмецкій языкъ. Такой же строй воззрѣній находимъ мы и въ письмѣ къ г. М***, отъ 4-го ноября. Прудонъ говоритъ прямо, что если общественное мнѣніе Франціи будетъ становиться съ каждымъ днемъ все равнодушнѣе, если оно будетъ мириться съ идеей императорской династіи, будетъ вдаваться въ феодальныя традиціи, тогда онъ рѣшится на добровольное изгнаніе и перенесетъ за границу печатаніе своей книги. Онъ не хочетъ мѣнять ни одного слова въ трехъ ея томахъ, и думаетъ, что если печатаніе произойдетъ за границей, сочиненіе его сдѣлаетъ еще болѣе вреда императорскому правительству, чѣмъ совокупная ненависть враждебныхъ ему партій, чѣмъ двѣсти такихъ выборовъ, какіе произошли въ трехъ округахъ сенскаго департамента. А тѣмъ временемъ полиція взволновалась еще до появленія книги въ свѣтъ, прославивши черезъ нѣмецкія газеты, будто бы Прудонъ желаетъ выпустить памфлетъ подъ заглавіемъ: «*Le Bon Dieu au dix-neuvième siècle*». Типографы и книгопродавцы были обысканы, а самъ Прудонъ протестовалъ противъ этого обыска письмомъ, которое, какъ онъ сообщаетъ Шарлю Белю отъ 13-го ноября, благосклонно принято. Онъ продолжаетъ держаться своего новаго взгляда на поведеніе республиканской партіи и де-

путатовъ демократіи и повторяетъ его въ письмѣ къ Сюше отъ 10-го декабря, что республиканцы «если уважаютъ себя, не могутъ идти въ законодательный корпусъ». Онъ считаетъ это вопросомъ политической честности, которая должна преобладать надъ всѣмъ остальнымъ. И не только въ политикѣ, но и въ частной жизни, онъ напираетъ на чистоту совѣсти въ томъ же письмѣ, говоря про себя: «каждый день я копаюсь въ самомъ себѣ и спрашиваю: увѣренъ ли я въ томъ, что въ теченіи дня не сдѣлалъ какого-нибудь сквернаго дѣла? Жизнь становится все тяжеле отъ той трудности, съ какою человѣкъ поддерживаетъ свою честность!»

Къ концу 1857 г. книга Прудона все-таки не была окончена, и вдобавокъ онъ заболѣлъ горломъ передъ самымъ новымъ годомъ.

II.

По поводу покушенія Орсини на жизнь Наполеона III, Прудонъ замѣчаетъ въ письмѣ къ г. Сюше, отъ 20-го января 1858 г.: «мы будемъ обязаны имъ (т.-е. заговорщикамъ Орсини, Піетри и другимъ) новыми репрессивными законами: такъ все на свѣтѣ и дѣлается. Вотъ ужъ три тысячи лѣтъ какъ политика идетъ этимъ путемъ. Наполеоновское правительство конспирируетъ, страсти производятъ взрывъ; и чѣмъ сильнѣе, тѣмъ больше это правительство предается своимъ заговорамъ, и *vice versa*».

И дѣйствительно, правительство Наполеона III приступило къ цѣлому ряду такихъ мѣръ, которыя не могли вызвать въ Прудонѣ ничего, кромѣ самаго безпощаднаго протеста. Мы находимъ въ письмѣ, отъ 8-го февраля, къ Шарлю Эдмону такое мѣсто:

«Вступительная рѣчь Наполеона—безуміе, рапортъ министра Бизю—безуміе!

«Проектъ закона подозрительныхъ личностей—безуміе!

«Законъ о регентствѣ, устраняющій почти совсѣмъ принца Наполеона—безуміе!

«Адресы гражданскихъ властей, говорящіе, что со смертью Наполеона все погубло бы — безуміе!

«Адресы національной гвардіи и арміи—безуміе!

«Адресъ Морни отъ имени законодательнаго корпуса, заключающій въ себѣ угрозы Англіи—безуміе!

«Запрещеніе журналовъ, пристращиванье прессы — безуміе!

«Удаленіе отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ — безуміе!

«Замѣщеніе его Эспинасомъ — безуміе!

«Проектъ закона о присягѣ, — безуміе!

«Я пропускаю многое, что еще лучше, но вы сами можете продолжать эту литанію».

Тотчасъ за этимъ, онъ переходитъ къ своей книгѣ и говорить, что вовсе не боится за ея судьбу, и еслибъ онъ не былъ отцомъ семейства, то почти желалъ бы преслѣдованія. Онъ не надѣется выпустить ее раньше марта мѣсяца, и находитъ, что раньше было бы и неудобно: надо переждать, пока реакціонное мнѣніе поуляжется. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Морису, отъ 26-го февраля, онъ уже опредѣлительно говоритъ, что книга можетъ появиться между 15-мъ и 25-мъ марта, и разойтись въ три недѣли въ количествѣ шести-тысячъ экземпляровъ, изъ которыхъ должно состоять первое изданіе. Но его издатель и типографъ уже начинаютъ сильно трусать, и предвидятъ неминуемое преслѣдованіе и приговоръ трибунала исправительной полиціи, — до такой степени подѣйствовали на нихъ: рѣчь императора, рапортъ Бильо, циркуляръ Эспинаса, донесеніе Морни и законъ о подозрительныхъ личностяхъ.

«Что же до меня, — говоритъ Прудонъ, — я ничего не боюсь: я глубоко убѣжденъ въ томъ, что моя книга — чистая находка для власти, что правительство само наложитъ на себя руки, если будетъ ее преслѣдовать; во всякомъ случаѣ, если преслѣдованіе и состоится, врядъ ли правительство не остановится передъ той защитой, какую я приготовлю.

«Таково, милый другъ, положеніе дѣлъ. Не нужно было бы слишкомъ много говорить о немъ: подождите еще недѣль шесть.

«Если же, вопреки всѣмъ моимъ соображеніямъ, книга будетъ захвачена, а я призванъ къ суду, приговоренъ и т. д., — что же? и отъ этого я плакать не буду: я чувствую себя въ настоящую минуту римляниномъ наканунѣ сраженія; завѣщаніе мое написано, — я привелъ въ порядокъ и собственную совѣсть, и всѣ дѣла свои. Ничто не можетъ смущать меня, и будьте увѣрены, что я не ослабѣю передъ лицомъ моихъ судей».

Въ небольшомъ письмѣ къ г-ну Тюлуа, мы находимъ мнѣніе о Ренанѣ, какъ писателѣ-лингвистѣ: «мнѣ совсѣмъ не нравится, — пишетъ Прудонъ, — эта смѣсь нѣмецкой эрудиціи и литературничанья. Не такъ дѣйствовали наши истинные филологи, люди въ родѣ Абея Ремюза, Эжена Бюрнуфа и Летронна. Они были вполнѣ преданы наукѣ и истинѣ». И тутъ онъ, возвращаясь къ своей книгѣ, еще разъ говоритъ, что она должна появиться между 15-мъ и 20-мъ марта. Черезъ двѣ недѣли, въ запискѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 10-го марта, Прудонъ надѣется

даже на то, что имперія не устоитъ въ борьбѣ съ нимъ, если задумаетъ преслѣдовать его книгу или, по крайней мѣрѣ, не успѣетъ закончить этого преслѣдованія, такъ какъ всѣ ожидаютъ какого-нибудь новаго государственнаго переворота. Но книга нѣсколько запоздала, и въ запискѣ къ Шарлю Эдмону отъ 8-го апрѣля Прудонъ говоритъ, что только на другой день онъ ожидаетъ послѣднюю корректуру. Книга вышла въ свѣтъ 22-го апрѣля 1858 года, а наканунѣ Прудонъ считъ нужнымъ отправить одинъ экземпляръ къ принцу Наполеону съ письмомъ, которое мы должны сообщить здѣсь текстуально, чтобъ дать читателю полную возможность судить: въ какой степени Прудонъ поступилъ въ этомъ случаѣ согласно своимъ гражданскимъ принципамъ, — отъ себя же мы скажемъ, что если онъ не хитрилъ съ прителемъ и не боялся за судьбу своей книги, то ему впадъ ли слѣдовало, дойдя до совершенно отрицательнаго взгляда на тогдашнее императорское правительство, обращаться съ подобнымъ посланіемъ къ двоюродному брату императора, либерализмъ котораго онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ принять за чистую монету.

«Принцъ, — пишетъ ему Прудонъ, — я имѣю честь предложить вамъ экземпляръ моего новаго сочиненія: «О справедливости въ революціи и церкви».

«Вы не прочтете, конечно (и хорошо сдѣлаете), всѣ эти тысячу-семьсотъ страницъ нравственной философіи, выведенной изъ принципа французской революціи; вообще нѣтъ ничего скучнѣе моралистовъ, и такъ какъ я не совершаю чудесъ, то и не имѣю претензіи быть въ этомъ случаѣ исключеніемъ.

«Но вамъ могутъ изложить содержаніе моей книжицы, и если докладчикъ будетъ уменъ, онъ вамъ сообщитъ, между прочимъ, слѣдующее:

«что принципъ династической законности — потерянной или непризнаваемой со времени паденія стараго порядка — приведенъ въ ясность въ моей книгѣ; что этотъ принципъ, бывшій до 1789 года олицетвореніемъ *божественнаго права* въ избранной семьѣ или же олицетвореніемъ религіозной мысли, составлявшей основу общества, въ настоящее время можетъ быть опредѣляемъ, какъ олицетвореніе, въ такой же избранной семьѣ, *человѣческаго права* (я разсуждаю въ смыслѣ монархической формы), или же рациональной идеи революціи. Докладчикъ можетъ прибавить еще:

«что для осуществленія подобной законности нужно было первоначально узнать, существуетъ ли революціонная идея; но

познаніе это не было еще никогда достигнуто, и моя книга есть первая серьезная попытка проникновенія въ эту тайну;

«что настоящая причина политическихъ революцій, волнующихъ насъ вотъ уже 70 лѣтъ, происходитъ отъ невѣжества всей страны на-счетъ того: какая же ей предстоить судьба и какая заключается сила въ ея призваніи,—и

«что то же роковое невѣжество колеблетъ имперію и въ настоящую минуту.

«Въ чемъ же заключается эта идея революціи?

«Я употребилъ тысячу-семьсотъ страницъ на ея разъясненіе. Выводъ заключается въ томъ, что подобно тому, какъ старое общество, основанное на божественномъ правѣ, было вполне организовано и въ политикѣ, и въ экономіи, и въ нравственномъ строѣ, и въ метафизикѣ, и въ эстетикѣ и т. д., точно также и революція, являющаяся противоположностью этому старому обществу, должна быть вполне организована по каждой изъ этихъ категорій.

«Я стараюсь все это показать. Такая задача огромна для одного человѣка; но она сдѣлается чрезвычайно легкой тогда, когда вопросъ будетъ поднятъ и всѣ займутся имъ».

До сихъ поръ, какъ читатель видитъ, во всемъ этомъ сказывается авторъ, желающій, чтобы идея его книги была хорошо понята; но и въ самомъ этомъ изложеніи есть уже совершенно ненужная постановка вопроса о новой формѣ законности «въ избранной семьѣ», отзывающаяся поддѣлкой подъ династическую претензію фамилии Бонапартовъ. Слѣдующія же строки представляютъ собой весьма грубый диссонансъ, и каждый почитатель Прудона искренно пожалѣетъ, что онѣ были написаны такимъ честнымъ человѣкомъ и мыслителемъ по собственному желанію:

«Простите, принцъ, автору его тщеславную выходку, если онъ скажетъ, что для царствованія Наполеона III будетъ честью появленіе подобнаго труда или, лучше сказать, постановка такого страшнаго вопроса, несмотря на строгость правительственнаго режима и разнузданность общественной совѣсти.

«Но для правительства будетъ пятномъ, если въ минуту появленія моей книги произойдетъ слишкомъ глубокій разладъ между властью и революціонной совѣстью, въ которой заключается единственная законность: идея о покушеніи на жизнь Наполеона разлита повсюду до такой степени, что даже настолько независимый умъ, какъ мой,—даже писатель, слова котораго принимаются серьезно, принужденъ пускаться въ ходъ, обращаясь къ публикѣ, всевозможныя предосторожности, чтобы бороться съ такой чудовищной идеей.

«Орсини сдѣлался парижской модой, заражающей даже англійскихъ монархистовъ; въ императорской прессѣ нѣтъ ни одного человѣка, кромѣ меня, способнаго протестовать противъ подобнаго извращенія нравственнаго смысла.

«Принцъ, я боюсь, чтобъ не пришли для васъ тяжелые дни. Вы когда-то были моимъ благосклоннымъ товарищемъ въ учредительномъ собраніи; вы выказали себя и для моихъ несчастныхъ друзей, и для меня самого крайне обязательнымъ со времени возстановленія имперіи; еще недавно вы создали между мною и вами, приславъ мнѣ вашу докладъ о всемірной выставкѣ, родъ литературнаго товарищества. Чтб бы ни случилось, принцъ, я не забываю ни оказанныхъ мнѣ услугъ, ни добраго со мной обхожденія; почему и прошу васъ взглянуть, какъ на новое доказательство моихъ чувствъ, на эту книгу, преисполненную смѣлостію, но, въ сущности, болѣе смѣлую по содержанію, чѣмъ по формѣ».

Заключительное слово письма, какъ читатель видитъ, нѣсколько объясняетъ мотивъ обращенія Прудона къ принцу Наполеону; но еслибъ онъ даже и желалъ почтить своего бывшаго товарища по учредительному собранію и человѣка, лично къ нему расположеннаго, онъ могъ бы это сдѣлать въ формѣ обыкновеннаго обращенія при посылкѣ экземпляра, а не входить въ философско-политическія соображенія, весьма двусмысленнаго характера.

Выпустивъ книгу, Прудонъ, въ письмѣ къ Морису отъ 23-го апрѣля, спрашиваетъ: будутъ ли ее преслѣдовать?—и отвѣчаетъ, что сомнѣвается въ этомъ. Преслѣдованіе состоялось не вдругъ. Черезъ четыре дня, 25-го апрѣля, онъ пишетъ большое письмо другу своему Бергману, благодаря его за желаніе посвятить ему какое-то сочиненіе; но остерегаетъ Бергмана, занимавшаго въ то время официальное положеніе въ университетскомъ мірѣ. Черезъ два дня книга Прудона была захвачена, и онъ проситъ Шарля Эдмона, въ запискѣ въ три строки, оповѣстить объ этомъ вечеромъ въ газетѣ «Presse». Вѣроятно, по этому поводу получилъ онъ и письмо отъ бывшаго своего сотрудника и единомышленника Даримона,—благодарить его, но прямо высказывается за необходимость остаться вдаль другъ отъ друга. Такое поведеніе опять отъмывается настоящимъ Прудономъ, человѣкомъ принципа, не стѣсняющимся даже съ пріятелями въ выраженіи своихъ идей и симпатій: «говоря вполне откровенно,—пишетъ онъ Даримону, отъ 30-го апрѣля:—если ваше политическое поведеніе и не имѣетъ ничего лично-предосудительнаго (онъ намекаетъ на депутатство

Дармона), такъ какъ оно было мотивировано крупными примѣрами и поддержкой сотера-тысячъ избирателей, если вы имѣете даже нѣкоторый поводъ думать, что я самъ подвинулъ васъ къ нему, — я все-таки убѣжденъ въ томъ, что можно было сдѣлать кое-что иное, почему и нужно, чтобъ мы не были солидарны въ гласнѣ общественнаго мнѣнія.

«Все это грустно: идеи и чувства соединяють людей, а общество и вызываемая имъ разниа взглядовъ заставляютъ расходиться. Надо съ этимъ помириться, потому что безъ того мы перестали бы быть свободными».

X.

Тотчасъ по выпускѣ своей книги, Прудонъ пишетъ, отъ 1-го мая, Матею, что правительство затѣло противъ него процессъ. Онъ, повидимому, не ожидалъ такого скорого преслѣдованія; но, судя по тону письма, процесса онъ не особенно боится и говорить, что только 500 экземпляровъ были захвачены въ Парижѣ, а шесть-тысячъ спасено, и въ Брюсселѣ предполагается второе изданіе. Книга такъ заинтересовала всѣхъ, что на бульварахъ предлагали по тридцати и по пятидесяти франковъ за экземпляръ. Въ тотъ же самый день онъ пишетъ Дюбуа, что готовится уже къ защитѣ, составилъ цѣлую систему и подумалъ объ адвокатахъ. Онъ сначала хотѣлъ добиться того, чтобы дѣло разбиралось не въ обыкновенномъ трибуналѣ, а въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ и просить г. Дюбуа быть его защитникомъ. Тѣмъ временемъ справляется онъ у пріятеля своего, Шарля Эдмона, отъ 30-го мая: чѣмъ, главнымъ образомъ, мотивировано было его преслѣдованіе: давленіемъ ли клерикальной партіи, или же собственной инициативой правительства, желавшаго предупредить мнѣніе іезуитовъ? Вторая дѣловая записка, отъ 4-го мая, г-ну Дюбуа показываетъ, что Прудонъ все еще надѣялся отклонить компетенность простаго трибунала и перенести дѣло въ государственный совѣтъ, что ему, однако, не удалось. Черезъ день его допрашивалъ судебный слѣдователь, и подробности этого дѣла сообщаетъ онъ Шарлю Эдмону, отъ 6-го мая, характеризуя, въ трехъ пунктахъ, задуманное противъ него обвиненіе, которое распадалось на обвиненіе въ оскорбленіи закона, семейнаго начала, нравственныхъ принциповъ, на изобличеніе въ защитѣ преубійства и на желаніе поймать его въ выдумѣ относительно корреспонденціи паскьянта Миреура съ архіепискомъ безан-

сопснимъ, къ которому, какъ извѣстно, обращена вся книга Прудона. Онъ продолжаетъ говорить бодро и весело о грозящихъ ему непріятностяхъ и мѣняетъ планъ защиты, прося Эдмона явиться съ адвокатомъ Кремьё, котораго онъ желалъ бы имѣть защитникомъ въ апелляціонномъ судѣ, а для защиты въ судѣ исправительной полиціи онъ избираетъ своего единомышленника, земляка и пріятеля, Густава Шоде, того самаго, который былъ разстрѣлянъ заложникомъ въ послѣдніе дни парижской коммуны. То, что случилось въ первую недѣлю мая мѣсяца, Прудонъ резюмируетъ въ небольшомъ письмѣ къ Морису, гдѣ сознается, что было бы гораздо лучше, если бы ничего подобнаго не случилось. Безъ этой исторіи можно было бы ужъ приступить къ печатанію второго изданія и къ концу года продано бы было двадцать-пять тысячъ экземпляровъ. Вообще же, онъ и теперь доволенъ успѣхомъ книги, говоря, что успѣхъ этотъ превосходить всѣ его ожиданія: «И рѣшительно, — добавляетъ онъ, — одинъ изъ тѣхъ писателей, слова которыхъ получаютъ вѣсь; если по таланту я далеко не равняюсь Ламартину, Тьеру и т. д., то по положенію я могу считаться равнымъ имъ».

Желая все-таки попытаться перенести дѣло изъ простаго трибунала въ государственный совѣтъ или, во всякомъ случаѣ, поставить его на другую почву, Прудонъ обращается, отъ 11-го мая, съ петиціей въ сенатъ, гдѣ подробно высказываетъ всѣ мотивы своей книги. Онъ говоритъ, что пораженный противорѣчіемъ между принципомъ 89-го года, стоящимъ во главѣ французской конституціи, и официальнымъ признаніемъ церкви, принципъ которой стремится къ ниспроверженію основаній французскаго публичнаго права — онъ напругъ всѣ свои умственные силы на изысканіе средствъ — устранить это противорѣчіе, представляющее собой постоянный источникъ тревоги для совѣсти отдѣльных лицъ, постоянную причину непрочности общественнаго порядка. Онъ пришелъ къ признанію того, что настоящая общественная конституція основывается на справедливости, что принципъ справедливости прирожденъ человѣческой природѣ и не требуетъ никакого внѣшняго вліянія, что семейство и государство — естественные органы этого самаго принципа, что въ немъ сосредоточиваются, какъ въ центрѣ, всѣ идеи 89 года, всѣ декларации и конституціи, какія слѣдовали во Франціи съ той эпохи; но что этотъ принципъ абсолютно несогласимъ съ продолженіемъ того официального положенія католичества, какое создалъ конкордатъ 1802 г. Изъ этого вытекла для него необходимость совершенно передрать современное законодательство во всемъ томъ, что ка-

сается отношеній между католичествомъ и государствомъ. Такая передѣлка, — напоминаетъ онъ сенату, — не представляетъ ничего ужаснаго. Она вытекаетъ даже прямымъ конституціоннымъ путемъ изъ высшей прерогативы самого сената и принадлежитъ, по духу конституціи, всѣмъ гражданамъ посредствомъ права подачи петиціи. Тутъ онъ приводитъ соотвѣстственныя мѣста изъ конституціи 52 года. Принимая эти законоположенія за нѣчто совершенно серьезное, онъ и писалъ свою книгу «О справедливости въ революціи и церкви». Онъ желалъ, чтобы эта книга заключала въ себѣ изложеніе мотивовъ для той петиціи, какую онъ собирался подать въ сенатъ: о необходимости пересмотра церковнаго законодательства. А такъ какъ для него невозможно было отделить дѣло подобной петиціи отъ прямого обращенія къ общественному мнѣнію, то онъ и долженъ былъ сначала подѣйствовать, какъ можно сильнѣе, на мнѣніе общества и приготовить его просящимъ въ сенатъ, т.-е. въ учрежденіи, специально предназначенномъ для выработки законодательныхъ проектовъ.

Прилагая свое сочиненіе къ петиціи, онъ проситъ, чтобы сенатъ рассматривалъ: слѣдуетъ ли измѣнить положеніе, данное церкви конкордатою 1802 г. и послѣдующими конституціями, для того, чтобы обезпечить право, созданное революціей, и возстановить конституцію въ единственномъ ея принципѣ, постановивши, въ случаѣ отказа со стороны духовенства — примѣнить къ такой реформѣ, по которой церковь лишается всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ, какими она обязана революціи. Просьбу эту Прудонъ мотивируетъ слѣдующимъ положеніемъ: «Общество человеческое (какъ онъ старается доказать въ своей книгѣ) заключаетъ въ самомъ себѣ, въ силу прирожденныхъ ему свойствъ, всѣ принципы, всѣ понятія, всю энергію, необходимыя для своего поступательнаго движенія; совѣсть вовсе не нуждается въ какой-нибудь высшей санціи, и древнее общество дошло до порчи какъ разъ вслѣдствіе признанія такой санціи, которая и до сихъ поръ представляетъ собой причину ослабленія публичныхъ и домашнихъ нравовъ. Революція имѣла во Франціи цѣлью помочь недостаточности нравственнаго воспитанія, даваемого церковью, поднять достоинство человѣка, обезпечить равновѣсіе общественныхъ силъ, создать свободу и благо гражданъ; католическая церковь, по существу своему, не заключаетъ въ себѣ никакой опредѣленной нравственной доктрины, совершенно лишена юридическихъ идей, какъ относительно *церкви*, такъ и относительно *соціальной экономіи*, политическаго порядка, воспитанія, труда, направленія ума; она не признаетъ и не допускаетъ ни *свободы*,

ни равенства, ни прогресса, ни достоянности; она ничего не знаетъ опредѣленнаго, ни про бракъ, ни про семейство; если революція 1789 г. выказала относительно церкви терпимость, если она позаботилась о средствахъ существованія духовенства, окружила богослуженіе извѣстнымъ почетомъ, воздержалась относительно его отъ всякой оффиціальной похвалы, даже отдала церкви извѣстную долю вліянія въ воспитаніи юношества и въ направленіи общественныхъ нравовъ, то всѣ эти дѣйствія революція нѣкомимъ образомъ нельзя приписывать какой-нибудь ретроградной мысли, желанію отречься отъ свободы или справедливости: во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть только мудрость законодателя, принужденнаго обращаться съ новыми генерациями сообразно съ ихъ развитіемъ, и идти впередъ, шагъ за шагомъ. И такъ какъ церковь, имѣвшая прежде власть равную государству, въ революціонной Франціи представляетъ собой низшее учрежденіе, стоящее внѣ конституціи; такъ какъ церковь эта, осужденная въ силу своего догмата на фатальную неподвижность, отрицаетъ все болѣе и болѣе систему правъ, развитыхъ революціей; такъ какъ она постоянно клеветаетъ на революцію, отрицаетъ принципы народнаго правительства и, не довольствуясь, что сдѣлала изъ себя государство въ государствѣ, добивается того, чтобы каждое государство превратилось только въ отдѣльную церковь, принадлежащую къ общему лону одной римской церкви, то изъ этого постоянного антагонизма между нею и государствомъ вытекаетъ опасность безпрестаннаго волненія, ведущаго къ общественной и междоусобной войнѣ; постоянная опасность для собственности, постоянная близость возмущенія; почему продолженіе такого порядка вообще и не можетъ не тревожить всѣхъ друзей революціи, компрометируя въ глазахъ націи то государство, которое терпитъ его».

Изъ новой записки къ Шарлю Эдмону, отъ 12-го мая, мы видимъ, что Прудонъ продолжаетъ хлопотать о томъ, чтобы заручиться защитой адвоката Кремьё во второй инстанціи, а на другой день онъ пишетъ къ своему защитнику первой инстанціи, Гюставу Шодэ, и намѣчаетъ ему систему защиты, которая должна, прежде всего, выяснить хорошенько главные мотивы книги, доказывая, что церковь во Франціи съ 1789 года *находится внѣ общества*. Слѣдующее письмо къ тому же Шодэ, отъ 17-го мая, содержитъ новое соображеніе Прудона въ томъ смыслѣ, что нужно добиться признанія некомпетентности обыкновеннаго трибунала, такъ какъ въ его книгѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ гражданъ къ церкви, находящейся *внѣ публичнаго права, установленнаго*

революцій. Онъ рассчитываетъ также на петицію въ сенатъ и сообщаетъ о томъ, что за-границей книгу его начинаютъ уже преслѣдовать: въ Берлинѣ полиція запретила ея продажу, а гамбургскій сенатъ не дозволилъ печатать нѣмецкій переводъ. Петицію въ сенатъ Прудонъ желаетъ распространить возможно больше, не пуская ея въ продажу, о чемъ онъ пишетъ Шарлю Бела, отъ 19-го мая.

Съ каждымъ днемъ процессъ затягиваетъ его больше и больше, а между тѣмъ мы видимъ, что онъ далеко еще не восстановилъ свои физическія и, въ особенности, мозговые силы: «Вотъ уже три года,—пишетъ онъ г-ну Николь, отъ 20-го мая,—какъ я страдаю мозговымъ утомленіемъ, которое, однако, не мѣшаетъ мнѣ работать, ибо *нужно* работать. Да, *нужно*: у одного побудительнымъ мотивомъ служить ширина замысла, у другого—потребности будничной жизни, для многихъ и то и другое разомъ. Бѣденъ ли человѣкъ, или богатъ, все-таки нужно идти, бороться, побѣждать, или умирать. Я въ такомъ положеніи, и вы, и всѣ мы. Въ настоящую минуту у меня, вдобавокъ, политическій процессъ, который, по всей вѣроятности, принесетъ мнѣ, вмѣстѣ съ большимъ почетомъ со стороны *зѣнак*, три новыхъ года тюремнаго заключенія, безъ которыхъ я могъ бы очень легко обойтись».

Этотъ отрывокъ, какъ читатель видитъ, дышетъ извѣстнаго рода бодростью; но въ то же самое время къ доктору Магэ Прудонъ пишетъ нѣсколько инымъ тономъ: «Я совершенно подавленъ и разбитъ. Вотъ у меня на рукахъ большой процессъ, и мнѣ очень трудно направить, какъ слѣдуетъ, адвокатовъ, непонимающихъ въ немъ ровно ничего; а моя голова чувствуетъ себя хуже, чѣмъ когда-либо. Я нуждаюсь въ абсолютномъ спокойствіи, по крайней мѣрѣ, на пять или на шесть дней, и вы единственный человѣкъ, способный дать мнѣ его». Онъ и собрался въ концѣ мая, на нѣсколько дней, къ д-ру Магэ: погостить въ тихой деревенской обстановкѣ; а тутъ продолжается еще безконечный расчетъ съ другимъ пріателемъ, Морисомъ. Въ письмѣ, отъ 21-го мая, Прудонъ, подводя итоги изданію, надѣется, все-таки, выручить до 16-ти тысячъ франковъ, изъ которыхъ, за вычетомъ денежной пени, грозившей ему по процессу, и другихъ расходовъ, у него останется до 8-ми тысячъ. На нихъ надо будетъ жить, и если возможно, расплатиться съ тѣмъ же Морисомъ. Передъ отъѣздомъ въ деревню, онъ каждый день пишетъ дѣловыя письма. Получивши повѣстку изъ суда, онъ увидалъ рѣшительное желаніе правительства: присудить его

къ максимуму наказанія, т.-е. къ трехлѣтнему тюремному заключенію, о чемъ онъ сообщаетъ доктору Кретену. Эта пріятная перспектива не мѣшаетъ ему, въ томъ же письмѣ, отъ 21-го мая, разсуждать о своей книгѣ слѣдующимъ образомъ:

«Вы находите, что книга моя будетъ слишкомъ медленно входить въ умы, вслѣдствіе ея трудности; я же говорю, что это и поможетъ распространенію заключающихся въ ней идей.

«Кто же читалъ, напримѣръ, «Систему мірозданія Лапласа»? А между тѣмъ, кто не знаетъ этой системы? Много-ли людей знакомыхъ съ теоріей паровыхъ машинъ; а между тѣмъ она вульгарнѣе всякаго «буки-азъ—ба». Найдите мнѣ ученаго, который бы похвалился, въ настоящую минуту, тѣмъ, что обладаетъ совершенно точной и опредѣленной теоріей электричества? А мѣшаетъ-ли это дѣйствию электрическаго телеграфа?...

«Наука, нравы и право идутъ такимъ же путемъ, какъ и всѣ остальные отрасли знанія. Они также трудны; они будутъ казаться труднѣе съ каждымъ днемъ; но глубина этой науки отнынѣ обезпечиваетъ ея *достоверность*, а достоверность, въ свою очередь, поведетъ къ быстротѣ ея поступательнаго движенія.

«Сколько нужно читателей, чтобъ перевести эту теоретическую достоверность въ общественное сознаніе? Не больше, какъ нѣсколько дюжинъ. Остальная масса подхватитъ, что можетъ, и, удовольствовавшись этимъ, увѣруетъ въ остальное. Таковъ ходъ идей въ этомъ мірѣ. Совсѣмъ иное было, конечно, съ сомнительными гипотезами. Но философія революціи—другое дѣло. Народъ, хотя и не читаетъ меня, но и не читая понимаетъ; сердце его бьется во имя революціи. Да и кромѣ того, насъ подталкиваютъ событія: быть можетъ, не пройдетъ и трехъ лѣтъ, а книга моя сдѣлается руководствомъ человѣка и гражданина, судьи и государственнаго мужа. Я знаю, что не мало еще весьма сильныхъ предубѣжденій въ томъ классѣ, который представляетъ собой *интересы* по преимуществу; но когда интересы стоятъ въ одиночку и даже оспариваются совѣстью, вызываютъ гнѣвное отвращеніе, скуку и т. д., ихъ сопротивленіе дѣлается очень слабо, такъ же слабо, какъ и сопротивленіе штыковъ. Вы все это увидите, если ужъ и теперь не замѣчаете».

Въ концѣ письма онъ говоритъ про своего адвоката Шодэ, котораго онъ, однакожъ, никогда не слыхалъ на судѣ: онъ—совершенно подходящий для него защитникъ, принимаетъ его систему защитительной рѣчи, т.-е. будетъ гораздо болѣе ратовать за революціонную справедливость и человѣческое право, чѣмъ за

оправданіе подсудимаго. «Не нужно общихъ мѣстъ!» восклицаетъ Прудонъ, «не нужно *рисовки*, не нужно адвокатской шумихи во вкусь Жюля Фавра, когда тотъ защищалъ Орсини!! Письмо это заканчивается сильной и прочувствованной фразой: «а, впрочемъ, надо умиѣть и умирать».

Въ тотъ же самый день Прудонъ успѣваетъ написать своему адвокату Шодэ большое письмо съ новой инструкціей на счетъ защиты въ томъ духѣ, какой мы уже характеризовали, но съ болѣе подробностями. Онъ надѣется если не на оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, на большой философскій и социальный эффектъ защиты, построенной по его плану. На другой день, онъ пишетъ Шодэ, почти такое же письмо по размѣру и наполняетъ его новыми соображеніями. Дни, проведенные имъ у д-ра Магэ, не проходятъ также безъ дѣловыхъ заботъ, и отъ 26-го мая онъ опять пишетъ своему адвокату. Въ этомъ письмѣ есть уже и лирическія мѣста, возгласы человѣка, искренно возмущеннаго тѣмъ, что его обвиняютъ въ нападеахъ на общественную мораль, семейство, въ неуваженіи къ закону и въ возбужденіи ненависти гражданъ между собою. А въ это время въ Парижѣ снова захватили его петицію въ сенатъ, что и ускорило его возвращеніе къ городѣ. Вернувшись въ Парижъ, онъ пишетъ отъ 30-го мая Шерлю Эдмону о захватѣ его петиціи, о новомъ процессѣ, какое правительство собирается затѣять по этому поводу. Черезъ три дня онъ былъ вызванъ на судъ. На засѣданіи 6-й камеры «исправительной полиціи» 2-го іюня Прудона приговорили къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ платежу пени въ 4,000 франковъ, т.-е. къ высшей мѣрѣ наказанія, придравшись къ тому, что онъ былъ *рецидивистъ*, т.-е. сидѣлъ уже по политическому дѣлу въ тюрьмѣ. Этотъ результатъ сообщаетъ Прудонъ нѣсколькимъ пріятелямъ на другой день послѣ приговора; а дру Магэ прибавляетъ еще:

«Пренія не имѣли никакого смысла! Президентъ безпрестанно прерывалъ адвоката и выказывалъ этимъ опасеніе, чтобъ защита не перенесла дѣло на его настоящую почву, т.-е. на почву церковную, а теперь выходитъ, что я приговоренъ во имя церкви. Приговоръ прямо говоритъ это:

«Изъ столкновеній между трибуналомъ и защитой вышла настоящая *путаница*, результатъ которой вы уже знаете. Надо, однако, какъ-нибудь выпутаться изъ нея, о чемъ я въ настоящую минуту и хлопочу.»

«Вообще же, я нисколько не удивленъ и даже не раздра-

женъ. Борьба была неизбежна, предвидѣна; будемъ идти дальше, сохраняя спокойствіе».

Тутъ же онъ сообщаетъ политическія новости, упоминая даже о ложномъ слухѣ, разнесшемся тогда по Парижу: будто бы кто-то стрѣлялъ въ императора, въ Фонтенблѣ. Слухъ о приговорѣ Прудона дошелъ и до его пріятеля Бергмана. Прудонъ отвѣчаетъ ему, отъ 9-го іюня, и не согласенъ признавать въ своей книгѣ *неумиренности языка*, въ которыхъ его обвиняетъ Бергманъ. Онъ развиваетъ Бергману идею сочиненія и настоятельно владѣетъ собой, что, на нѣсколькихъ страницахъ, обсуждаетъ вопросъ лингвистики по поводу какой-то монографіи своего друга. Приговоръ трибунала исправительной полиціи показалъ Прудону, что преслѣдованіе его вышло исключительно отъ клерикальной партіи. Въ письмѣ къ Морису, послѣ дѣловыхъ подробностей, есть мѣсто, гдѣ онъ прямо говоритъ, что въ правительственныхъ сферахъ къ нему не чувствуютъ особенной ненависти, что даже прокуратура не желала его такъ сильно преслѣдовать, но что императоръ не хотѣтъ раздражать церковь, и вдобавокъ процессъ этотъ случился послѣ дѣла Орсини. Онъ не смущается тѣмъ, что его защитнику Шодэ президентъ не далъ развить его темы, и хочетъ изложить свои мысли въ новомъ мемуарѣ. Пока дѣло пошло на апелляцію, Прудона съ разныхъ сторонъ стали упрямивать покинуть Францію; но онъ еще не согласенъ на это и, въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 21-го іюня, говоритъ, что даже серьезно страдаетъ отъ подобныхъ увѣщаній и угрозъ своихъ пріятелей. Ему весьма прискорбно видѣть такое малодушіе: «Видно такъ-то мы ободряемъ своихъ, во Франціи!—восклицаетъ онъ.—Я несу знамя, какъ Бонапартъ на Ареоальскомъ мосту на встрѣчу непріятелю;—а меня и не думаютъ поддержать. Изумляются мнѣ, точно будто я совершилъ невість какой подвигъ, и въ то же время покидаютъ меня! Что за генерация, что за Франція!»

Не теряя мужества, Прудонъ обращается къ императорскому прокурору отъ 3-го іюля, съ просьбой позволить ему напечатать тысячу экземпляровъ петицій въ сенатъ, чего онъ, конечно, не добился. Онъ продолжаетъ борьбу, собираясь защищаться передъ публикой, въ видѣ особаго мемуара; но ни одинъ типографъ не соглашался печатать что либо, исходящее изъ-подъ его пера. Вотъ это-то обстоятельство и было первоначальнымъ мотивомъ его отъѣзда изъ Парижа въ Брюссель, о чемъ онъ говоритъ въ письмѣ къ г. и г-жѣ **** отъ 16-го іюля. То же самое подтверждаетъ онъ, обращаясь къ Матю, въ тотъ же самый день: онъ рѣшился довести процессъ до конца, но отказъ

типографъ печатать его защитительный мемуаръ и отказъ генеральнаго прокурора позволить ему выпустить петицію въ количествѣ, болѣе двадцати экземпляровъ, офиціозное запрещеніе всѣмъ издателямъ и типографамъ имѣть съ нимъ какое либо дѣло,—все это заставило его отправиться въ Брюссель. Но онъ еще не думаетъ объ эмигрированіи, онъ хочетъ остаться тамъ только на время печатанія своего мемуара. Третье письмо, отправленное 16-го іюля, наканунѣ отъѣзда въ Брюссель, адресовано новому корреспонденту, Эжену Ноэлю, извѣстному теперь русской публикѣ по недавно напечатаннымъ «Запискамъ дурака». Письмо это чисто литературное; въ немъ Прудонъ говоритъ о брошюрахъ Ноэля, полученныхъ имъ въ даръ отъ автора. Ноэль выпустилъ въ свѣтъ три брошюры: о Мольтерѣ, Вольтерѣ, Раблѣ, и Прудонъ, сочувствуя вообще направленію его идей и обработкѣ сюжета, дѣлаетъ ему нѣкоторые замѣчанія съ обычной своей искренностью и смѣлостью. Кончаетъ онъ возвратомъ къ себѣ, къ своимъ обстоятельствамъ и говоритъ:

«Когда вы получите это письмо, я буду или въ тюрьмѣ, или въ Франціи. Рѣшившись напечатать мемуаръ въ собственную защиту, я не могу найти ни одного типографа въ Парижѣ и принужденъ обратиться къ иностраннѣмъ станкамъ. Тщетно стараюсь дать мнѣ понять, что гораздо безопаснѣе было бы для меня молчать, притворяться мертвымъ или добрякомъ и предложить адвокату добиваться *смягчающихъ обстоятельствъ*, ожидая прощенія отъ императорскаго великодушія. У меня есть слишкомъ важныя причины на то, чтобъ хорошенько подкрѣпить то, что я уже сказалъ; въ настоящую минуту я защищаю законность революціи, ея нравственность, ея право противъ обычаевъ стараго католицизма; я не могу отказаться отъ своего долга; мнѣ необходимо печатать. Впрочемъ, вы сами въ состояніи будете разсуждать: мы найдемъ средство доставить вамъ одинъ изъ моихъ мемуаровъ».

Слѣдующее письмо написано уже въ Брюсселѣ, отъ 18-го іюля, и адресовано къ Шарлю Белю. Прудонъ, явившись туда, хочетъ взять комнату и засѣсть сейчасъ же за работу. Въ слѣдующемъ письмѣ, къ тому же Шарлю Белю, онъ уже сообщаетъ свой брюссельскій адресъ и прибавляетъ, что назвался *Дюрфоромъ*, профессоромъ математики. Псевдонимъ этотъ онъ взялъ не столько затѣмъ, чтобъ скрываться отъ полиціи, сколько для того, чтобъ сохранить инкогнито передъ французской и бельгійской публикой, необходимое, какъ онъ выражается, «для его мелкихъ операцій». Онъ еще не желаетъ остаться въ Бельгіи навсегда

и въ этомъ же письмѣ говорить о г. Кремьѣ, которому хочетъ писать по дѣлу своей защиты, во второй инстанціи. Но уже для своего возврата онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ: пропускъ его мемуара во Франціи, какъ только онъ будетъ напечатанъ въ Брюсселѣ; если же императорскій прокуроръ не дозволитъ этого, онъ не вернется: «я могу согласиться на тюремное заключеніе, если моя защита, въ которую я полагаю всю свою душу, останется свободной; но было бы черезъ-чуръ много: — выдавать разомъ и тѣло, и душу: это все равно, что хоронить себя два раза».

Черезъ день, онъ пишетъ Шарлю Беля, что ему пришлось обращаться уже къ начальнику полиціи въ Брюсселѣ, чтобъ добиться позволенія жить въ этомъ городѣ: бельгійское правительство въ то время, какъ и позднѣе, сильно побаивалось Наполеона III, и дѣло не обошлось безъ различныхъ формальностей. Но Прудонъ все еще смотритъ на свое пребываніе въ Брюсселѣ, какъ на временное, и желаетъ писать даже президенту парижскаго апелляціоннаго суда и министру внутреннихъ дѣлъ, прося у нихъ отсрочки, чтобъ имѣть время напечатать въ Бельгій свой мемуаръ. Онъ опять ставитъ ихъ согласіе условіемъ своего появленія на судѣ второй инстанціи; иначе онъ принужденъ будетъ остаться. А пока онъ еще не считаетъ себя *блѣзномъ*, хотя и мало надѣется на то, чтобъ ему позволили вернуться во Францію вмѣстѣ со своимъ мемуаромъ. Здоровьемъ же своимъ онъ вообще доволенъ. Письмо къ бельгійскому министру юстиціи, помѣченное тѣмъ же числомъ, заключаетъ въ себѣ фактическую сторону преслѣдованія, обрушившагося на Прудона за его книгу «De la Justice». Кончая его, онъ говоритъ:

«Я, какъ вы сами видите, въ тѣсномъ смыслѣ слова не политическій эмигрантъ; я скорѣе эмигрантъ философскій. — Я прошу у васъ позволенія философствовать такъ, какъ Спиноза философствовалъ въ Гагѣ, Декартъ въ Стокгольмѣ, Вольтеръ въ Фернѣ, и очень буду удивленъ, если, рано или поздно, императорское правительство, устыдившись войны, поднятой *противъ идеологовъ*, не пригласитъ меня и мнѣ подобныхъ, вернуться философствовать въ Парижъ».

Адвокатъ Кремьѣ извѣстилъ его, что парижскій апелляціонный судъ не дастъ ему никакой льготы; но онъ этимъ не смущался, судя по его письму отъ 24-го іюля къ Шарлю Беля, и въ тотъ же день обращается къ президенту апелляціоннаго суда съ официальной запиской. Но уже на другой день, отъ 25-го іюля, онъ пишетъ пріятелю своему Пильсу, что будетъ «продол-

жать великую борьбу за границей», другими словами, онъ уже *ранился на эмиграцію* и на пропаганду своихъ идей, прибавляя даже, что, вмѣсто большихъ книгъ, станетъ выпускать брошюры отъ 250 до 350 страницъ. Первая вещь, которая появится, будетъ его «Мемуаръ». Сообщаетъ онъ также, что нашелъ въ Бельгiи много людей, сочувствующихъ ему. Тамъ знаютъ *кто онъ* и все не страшатся его парадоксовъ. Онъ надѣется даже, что можетъ очень недурно повести свои дѣла, но не скрываетъ, что расположеніе его духа вообще грустное: ему недостаетъ семейства, о переселеніи котораго онъ уже подумываетъ. При этомъ, несмотря на волненія эмиграціи, Прудонъ работаетъ неутомимо, такъ что 30-го іюля пишетъ уже Шарлю Белэ, что его «Мемуаръ» долженъ на другой день поступить къ типографу, а въ этой брошюрѣ предполагалось двѣсти страницъ. Онъ рассчитываетъ ввезти, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи экземпляровъ во Францію и помышляетъ даже о второмъ изданіи. Хочется ему только совершенно восстановить свои мозговые силы, чтобъ предаться съ новой энергіей воинствующей публицистикѣ. Мемуаръ его дѣйствительно началъ печататься, что мы видимъ изъ письма къ г. Гувернэ отъ 2-го августа, а въ это время, т.-е. съ самаго прѣзда въ Брюссель, Прудонъ, кромѣ того мозгового ослабленія, на какое онъ такъ давно жалуется, началъ страдать еще сильнѣйшимъ расстройствомъ желудка. Онъ не скрываетъ того, что ему приходится минутами очень круто, и самъ сознаетъ, что безъ его желѣзной натуры онъ не вынесъ бы подобныхъ волненій и усилій; но, все-таки, посадивши себя на лучшій режимъ, онъ добился относительнаго здоровья и надѣется устроиться порядочно.

Прудонъ вошелъ уже въ дѣловыя сношенія съ мѣстными книгопродавцами; ему обѣщаютъ даже найти недорогое помѣщеніе и устроить его по-бельгійски, т.-е. маленькимъ домикомъ; но жизнь въ Брюсселѣ не особенно ему улыбается: онъ недоволенъ тамошнимъ воздухомъ и сомнѣвается, чтобъ, при вліяніи клерикаловъ на бельгійское правительство, его не стали беспокоить по малѣйшему поводу. Перспектива скитанія по Европѣ съ женой и дѣтьми невольно приводитъ его въ смущеніе, и онъ дожидается печатанія своей зашиты, чтобъ рѣшить окончательно: куда дѣться и какъ устроить свою жизнь. Адвокату своему Гюставу Шодэ, пишетъ онъ о печатаніи мемуара отъ 4-го августа и проситъ добиться: согласна ли прокуратура дать ему отсрочку или нѣтъ, прибавляя, что его мемуаръ рассчитанъ на всякаго рода случайности, дурныя или хорошія, мирныя или воинственныя. Упоми-

насть онъ и про слухъ объ амнистіи, которую ждутъ къ 15-му августа; онъ, конечно, былъ бы ей очень радъ, но даже и при амнистіи желаетъ, все-таки, выпустить въ свѣтъ свою защиту, что и показывается еще разъ, что для Прудона вопросы общіе всегда стояли на первомъ планѣ и преобладали надъ личными интересами. Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же Шодэ, отъ 8-го августа, мы видимъ, что его хлопоты остались безъ результата: онъ отправляетъ во всѣмъ духамъ тѣмъ парижскую прокуратуру и хочетъ только, чтобъ его пріятель-адвокатъ рѣшилъ два вопроса: насчетъ возможности обыска на парижской квартирѣ Прудона съ цѣлью описи имущества и продажи ея, и насчетъ возможности кассациіи. Въ тотъ же день онъ пишетъ Пильсу о появленіи черезъ двѣ недѣли своего «Мемуара», какъ человѣкъ почти рѣшившійся остаться въ Брюсселѣ; но адвокатъ Кремь извѣстилъ его, что дѣло будетъ перенесено въ высшую инстанцію и отложено до ноября мѣсяца. Въ такомъ случаѣ Прудонъ поѣдетъ въ Парижъ, напечатавши свой «Мемуаръ» дней черезъ двадцать, что мы видимъ въ записки къ Шарлю Белэ отъ 10-го августа; но въ слѣдующей запискѣ къ тому же корреспонденту, отъ 13-го, онъ говоритъ, что вернется во Францію тогда лишь, когда «Мемуаръ» его будетъ допущенъ правительствомъ. А жизнь его проходитъ, тѣмъ временемъ, въ корректированіи своей брошюры, причемъ онъ старается издерживать какъ можно меньше и писать тому же пріятелю, отъ 18-го августа, въ какой ужасъ пришелъ, онъ увидавши, что ему нужно тратить въ Брюсселѣ, вслѣдствіе недостаточности ресторанной ѣды, *по три франка въ день на обѣдъ и завтракъ*. Только на одну ѣду три франка! — восклицаетъ онъ, когда и четвертая доля всей массы бельгійскихъ рабочихъ не зарабатываетъ трехъ франковъ въ день». Не трудно представить себѣ душевное состояніе Прудона за все это время: одинъ, въ чужомъ городѣ, полуэмигрантомъ, съ ничтожными денежными средствами, въ ожиданіи окончательной необходимости превратиться въ изгнанника, вдали отъ семейства, въ постоянномъ безпокойствѣ за жену и дѣтей, за цѣлость своего домашнего очага, гдѣ со дня-на-день могли произойти обыскъ и опись имущества. Но такая натура умѣла приспособить себя ко всякимъ обстоятельствамъ и въ письмѣ отъ 27-го августа къ г. Бутвилю мы читаемъ:

«Я привыкъ уже къ мысли: устроиться за границей и создать себѣ какую-нибудь жизнь. Разумѣется, это будетъ жизнь, посвященная борьбѣ, но, по крайней мѣрѣ, у меня будутъ развязаны руки, и я стану говорить почти такъ, какъ мнѣ хочется. Вотъ

уже семь лѣтъ, какъ ничего, рѣшительно ничего, серьезнаго не было предпринято путемъ прессы противъ императора; *отъ этой задачи я и возмущаюсь на себя*. Надо попомнить съ нею, и если мое предчувствіе меня не обманываетъ, я думаю, что мнѣ удастся дать настоящій толчокъ. До сихъ поръ я занимался экономіей и критикой, теперь попробую приняться за политику. Свои дѣла не мѣшаютъ ему входить въ интересы людей, съ которыми онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, и мы находимъ, отъ 28-го августа, довольно большое письмо къ книгопродавцамъ, братьямъ Гарнэ, его парижскимъ издателямъ. Онъ уговариваетъ ихъ не хлопотать больше о смягченіи того наказанія, которому они подверглись вмѣстѣ съ Прудомъ, но въ гораздо меньшей степени. Онъ прямо говоритъ имъ, что судейскій миръ ненавидитъ ихъ, а другіе книгопродавцы завидуютъ успѣху ихъ торговаго дома. Онъ сожалѣетъ о томъ, что не можетъ больше уже работать на ихъ фирму, хотя въ настоящую минуту ему и было бы болѣе тѣмъ необходимо продолжать съ ними дѣловыя сношенія. Конечно сдерживаетъ онъ ихъ: не думаютъ ли они, что возможно новое изданіе нѣкоторыхъ его старыхъ сочиненій, приспособленное къ обстоятельствамъ минутъ?

«Мое положеніе,—продолжаетъ онъ,—какъ вы сами можете судить, скверно—и самое лучшее: отказавшись отъ надежды возобновить съ вами какія-нибудь дѣла, начать борьбу съ тѣмъ режимомъ, который душитъ насъ, и вывезать себя во всеоружіи своей свободы и оригинальности своего ума». Адвокату Гюставу Шодэ онъ повторяетъ опять, отъ 30-го августа, что согласенъ будетъ вернуться во Францію *съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ допустило свободное обращеніе въ публикѣ его Мемуара*, причемъ онъ желаетъ поставить дѣло такъ, чтобы свобода обращенія этого мемуара во Франціи нисколько не предвѣщала дальнѣйшаго судебного разбирательства. Такимъ путемъ, если императорское правительство не допуститъ его брошюру, оно этимъ прямо покажетъ грубый произволъ и полную свою несостоятельность во всякомъ дѣлѣ, разумно и честно поставленномъ. А пока, онъ собирается уже въ походъ противъ императорскаго правительства и проситъ Шодэ доставить ему всякаго рода факты по судебному вѣдомству, по администраціи и политикѣ, способные характеризовать въ настоящемъ свѣтѣ Наполеоновскій режимъ: «вы не забыли, — напоминаетъ онъ Шодэ,—нашихъ послѣднихъ разговоровъ. Надо создать республиканскую политику, изложить органическіе принципы и прежде всего прямо сказать: чѣмъ отличается монархія отъ той формы

правленія, какой родъ человѣческій добивается вотъ ужъ шесть тысячъ лѣтъ, какъ идеала, и не можетъ до сихъ поръ опредѣлить его основной идеи... Какъ только идея республики будетъ опредѣлена, я отыщу ея практическое отношеніе въ текущей эпохѣ, въ существующимъ правительствамъ, а это дастъ точность, съ одной стороны, въ суженію буржуазіи, а съ другой—въ суженіи между отдѣльными государствами Европы, и тогда имперія, лишенная корня со всѣхъ концовъ, повалится».

Заманчивая корректуру своего «Мемуара» Прудонъ еще разъ говоритъ въ письмѣ къ Гуверню, отъ 30-го августа, что французская прокуратура, по всей вѣроятности, не позволитъ ему ввести во Францію даже двадцати экземпляровъ, почему онъ и долженъ будетъ остаться въ Бельгіи. На свой «Мемуаръ» смотритъ онъ, какъ на первый опытъ той систематической войны, какую онъ собирается объявить второй имперіи: «нелѣпость, бессмыслица, безнравственность имперіи,—поясняетъ онъ,—ея несогласность съ правомъ, все это будетъ показано, объяснено интереснымъ, даже занимательнымъ образомъ. Признаюсь, я возлагаю большія надежды на задуманную мною кампанію, во-первыхъ, для себя самого, а, во-вторыхъ, и для общественнаго дѣла, и не сомнѣваюсь почти въ успѣхъ». Онъ прибавляетъ далѣе, что предпочелъ бы Швейцарію, какъ мѣсто своей эмиграціи, но тамъ гораздо труднѣе будетъ для него зарабатывать хлѣбъ насущный, а въ Брюсселѣ онъ рассчитываетъ на возможность поддерживать себя перомъ; и тутъ, входя въ разныя мелкія подробности матеріальной жизни, высказываетъ себя все тѣмъ же спартанцемъ, какъ и прежде, не желающимъ тратить ни одного су больше, чѣмъ необходимо для самой суровой трудовой жизни. Но хотя онъ и не надѣется на успѣхъ своихъ судебныхъ домогательствъ, онъ все-таки проситъ Шарля Белэ, въ письмѣ отъ 1-го сентября: устроить консультацию адвокатовъ, въ которой бы былъ рассмотрѣнъ вопросъ о правѣ частныхъ лицъ печатать защитительные мемуары. Какъ тутъ, такъ и ниже, мы видимъ, что Прудонъ пользуется своими столеновеніями съ юстиціей, чтобъ разъяснить существенный вопросъ личной защиты и ставить общее дѣло гораздо выше своихъ интересовъ, почему съ большою настойчивостью и будетъ еще нѣкоторое время добиваться выясненія этого вопроса.

Какъ эпизодъ, весьма характерно его большое письмо къ Гуверню, отъ 7-го сентября, гдѣ онъ описываетъ поѣздку въ окрестности Брюсселя и Ватерлоское поле, которое онъ въ подробности изучилъ съ извѣстной книгой полковника Шаррасса подъ мнѣ-

вой. И тутъ Прудонъ рѣзко отличается отъ большинства своихъ соотечественниковъ, и, не переставая быть французомъ, добрымъ патриотомъ, смотритъ на Наполеона критически, нападаетъ на легендарную болтовню, слѣвавшую изъ Ватерлоо какое-то фатальное провидѣніе, гдѣ геній Наполеона ничего не могъ противъ судьбы, между тѣмъ какъ онъ *долженъ* былъ потерѣть сраженіе, и все, что случилось, было заранее предвидѣно союзниками.

«Во Франціи,—кончаетъ Прудонъ свое письмо,—никто не видалъ *Монтъ-Сентъ-Жана* (такъ называется равнина, на которой произошло сраженіе въ трехъ верстахъ отъ деревни Ватерлоо); политическіе изгнанники совѣстятся даже посвятить его, они *режутъ какъ жемчуга* отъ этого воспоминанія. Наполеона приравниваютъ къ Ролану, убитому въ Ромсево, а Монтъ-Сентъ-Жанъ приравниваютъ къ Термопиламъ; осуждаютъ роковую судьбу, измѣну; прославляютъ знаменитую выходку Камбрана, и не мало людей мечтаетъ даже о возмездіи за этотъ печальный день, бывшій въ концѣ-концовъ и для императора, и для его бывшихъ солдатъ, и даже для Франціи, достойнымъ наказанія. Конечно, мы очень пострадали отъ второго нашествія; но я смотрю на это нашествіе, какъ на меньшее зло, чѣмъ на закрѣпленіе имперіи. И если ужъ о чемъ сожалѣть въ настоящую минуту, то, конечно, о томъ, что, заплативъ жизнью пятидесяти тысячъ французовъ за паденіе имперіи, мы дожили, 37 лѣтъ спустя, до ея воскрешенія,—точно такъ и слѣдовало. Стало-быть, нужно кое-что побольше картечи, чтобъ стереть съ земли подобное чудовище!»

Вернувшись съ этой исторической прогулки, Прудонъ продолжалъ корректировать «Мемуаръ», который разросся у него въ брошюру слишкомъ въ десять печатныхъ листовъ. Его планъ остался все тотъ же: добиться ввоза во Францію «Мемуара» и, въ случаѣ отказа, остаться въ Брюсселѣ и начать цѣлую серію политическихъ брошюръ, направленныхъ на вторую имперію. Въ этомъ смыслѣ пишетъ онъ д-ру Кретену отъ 13-го сентября, сообщая, что типографія печатаетъ уже обертку его «Мемуара». И такъ какъ переписка его значительно оживилась съ переездомъ его въ Бельгію, то онъ многимъ пріятелямъ долженъ повторять въ письмахъ одни и тѣ же факты и соображенія, что мы видимъ, напр., въ довольно большомъ письмѣ къ Шарлю Эдмону отъ 13-го сентября, не заключающемъ въ себѣ никакихъ новыхъ фактовъ; но за то въ этомъ пріятельскомъ посланіи находится цѣлая тирада, показывающая, что желѣзный характеръ Прудона все-таки подался, и онъ съ горечью говоритъ о преслѣдованіи, которому подвергся, объ общей ненависти, возбуждаемой имъ и

въ официальномъ мірѣ, и въ буржуазіи, и въ прессѣ. «Неужели я, съ самаго моего рожденія, — восклицаетъ онъ, — обездоленъ и природой и человѣчествомъ? А вѣдь отецъ мой былъ прекрасный человѣкъ, моя мать — достойная женщина, предки мои — честные крестьяне, а же самъ никогда въ жизни моей не обманулъ ребенка, не обидѣлъ ни одной дѣвушки, не выказалъ себя непочтительнымъ ни къ одному старiku, не клеветалъ ни на одного противника. Я хорошо работалъ, жертвовалъ собой, учился сколько могъ, и все это затѣмъ, чтобы обо мнѣ говорили: *этотъ сущности добрый малый, но обезумѣлъ отъ гордости и опасенъ, не пынче завтра попадетъ въ Казню!*

«Все это такъ мнѣ противно, такъ меня выводитъ изъ себя, что я завтра же натурализовался бы бельгійцемъ, еслибы для этого требовали только заявленія передъ судьей. Интересно было бы знать: нзмѣнится ли хотя немного судьба моя съ перемѣной отечества».

Но выполненіе судебно-дѣлового разбирательства шло своимъ чередомъ, и Прудонъ обратился съ письмомъ къ французскому министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го сентября, прося его разрѣшить ввостъ во Францію 25 экземпляровъ «Мемуара», предназначенныхъ официальнымъ лицамъ и адвокатамъ. Ожидая отвѣта, Прудонъ предпринимаетъ новую прогулку въ окрестности Спа и Льежа. Отвѣта на свое официальное письмо онъ не получаетъ, и 5-го октября проситъ Шарля Белю отправиться въ таможену, и, если тамъ будутъ задерживать посланный имъ тюкъ съ книгами, начать объ этомъ дѣло, изъ котораго опять-таки ничего не вышло, такъ какъ брошюры были нѣсколько поздне въ возвращеніи.

Въ это время въ Брюсселѣ собрался конгрессъ по вопросу о литературной собственности. Защитникомъ наслѣдственности въ авторскихъ правахъ и представителемъ интересовъ парижскихъ издательскихъ домовъ явился Жюль Симонъ, противъ котораго Прудонъ выступаетъ и печатаетъ цѣлую брошюру, гдѣ защищаетъ идеальный принципъ литературнаго труда. Онъ пишетъ къ Шарлю Белю отъ 24-го октября, что какъ эта статья, такъ и «Мемуаръ» его читаются съ большимъ интересомъ: бельгійская печать относится къ нему хорошо, и въ различныхъ кружкахъ ему высказываютъ явные симпатіи. Успѣхъ его статьи о литературной и артистической собственности, заставившій, по его мнѣнію, конгрессъ восторговать въ духъ его идей, его очень порадовалъ, что имъ виденъ изъ письма къ Густаву Шодэ отъ 26-го октября, въ которомъ онъ, возвращаясь къ ихъ дѣлу, настаиваетъ, главнымъ образомъ, на необходимости выяснить письменно

вопросы защиты; онъ предлагаетъ своему пріятелю-адвокату вдвинуть въ этотъ общій вопросъ весь процессъ и высказываетъ этимъ еще разъ свое желаніе поставить общій интересъ выше собственнаго. То же самое повторяетъ онъ и въ письмѣ къ Шарлю Белю отъ 26-го октября, прося его переговорить на эту тему съ другими его двумя защитниками: Кремье и Дядье. «Мемуаръ» и статья о литературной собственности: вотъ два пункта, на которыхъ его интимная переписка вертится въ это время. Онъ говоритъ о томъ же и въ письмѣ къ Ланглуа, отъ 27-го октября, прибавляя, что бельгійская магистратура находитъ основную идею и аргументацію его «Мемуара» совершенно состоятельными. Онъ сообщаетъ также Ланглуа, что какъ только высланные имъ во Францію экземпляры были задержаны и отправлены обратно на границу, онъ началъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ новый процессъ въ трибуналѣ первой инстанціи, обвиняя его въ посягательствѣ на свободу прессы. Переходя же къ вопросу о литературной собственности, Прудонъ говоритъ:

«Тутъ заключается высокій интересъ; я его задѣлъ первый и разработаю его рельефно въ новой статьѣ. Дѣло идетъ о непродажности всего, относящагося къ уму и совѣсти. Въ этомъ смыслѣ міръ полезнаго и міръ справедливаго, истиннаго, прекраснаго составляютъ двѣ отличныя одна отъ другой области. Экономисты до такой степени утратили нравственный смыслъ, что не понимаютъ этого. Они не видятъ, что истинное, прекрасное, справедливое представляютъ собой религію будущаго, что эта религія, точно также какъ христіанство, *священна*, и что если признають на общихъ основаніяхъ литературную собственность, все погибнетъ». Другими словами, Прудонъ выступилъ противникомъ литературной собственности, защищая особенную натуру умственного и художественнаго труда. Онъ требовалъ, конечно, вознагражденія за всякій трудъ, но не желалъ допустить, чтобы произведенія ума и таланта подчинялись однімъ и тѣмъ же правиламъ купли и продажи и наследственнаго права, какъ всякая другая цѣнность. Разумѣется, такой рѣзкій протестъ, имѣвшій успѣхъ на конгрессѣ, повелъ за собой новыя нападки на Прудона, и даже бельгійская пресса, въ лицѣ журнала «*Bien-être social*», объявила, что онъ сдѣлался орлеанистомъ на основаніи словъ, сказанныхъ имъ о Жюль Симонѣ. Прудонъ сообщаетъ объ этой сплетнѣ въ письмѣ къ Шарлю Белю, отъ 27-го октября, гдѣ выставляетъ себя все такимъ же врагомъ всякаго политическаго доктринаризма, для котораго партія, кружки не имѣютъ никакого серьезнаго значенія: *«клянусь всей моей душой!»* — восклицаетъ онъ, — и прошу васъ помнить

объ этой клятвѣ, что еслибъ я могъ завтра, съ помощью Наполеона III, подвинуть хотя на одинъ шагъ впередъ революцію, я бы сдѣлалъ это безъ малѣйшаго колебанія, риска, что красные произнесли бы надо мной безповоротный приговоръ». Вообще же онъ скорѣе доволенъ своимъ положеніемъ въ Бельгін и надеется даже, что его дѣла пойдутъ въ Брюсселѣ лучше, чѣмъ въ Парижѣ, о чемъ онъ въ тотъ же день сообщаетъ г. Боннону. На Бельгію смотритъ онъ какъ на страну, приготовленную для умственной борьбы, хотя взглядъ его на ея внутреннія дѣла лишенъ малѣйшаго оптимизма. Онъ пишетъ на другой день къ Буттвилю, что нашелъ въ Брюсселѣ цѣлую кучку независимыхъ людей, очень образованныхъ и раздѣляющихъ его принципы. Они-то и выражаютъ ему симпатіи, оказываютъ ему гостепріимство и позволяютъ надеяться, что личные его дѣла пойдутъ недурно. Но, собираясь ратовать противъ Наполеоновскаго режима, онъ все-таки хочетъ держаться серьезной манеры, безъ всякихъ излишествъ и расчетовъ на эффектъ. Въ такомъ смыслѣ пишетъ онъ Шарлю Белю, отъ 6-го ноября: «На этотъ счетъ я рѣшился. Не нужно ругательства, рѣзкихъ діатрибъ, но не нужно также и смягченія: полная свобода — вотъ мой законъ. Моя книга не войдетъ во Францію, я это знаю и мирюсь съ этимъ. Положимъ, даже французская публика меня забудетъ! Я буду отнынѣ работать для публики бельгійской, швейцарской, пьемонтской, нѣмецкой, англійской, американской и т. д., для всего, что на земномъ шарѣ, внѣ Франціи, понимаетъ по-французски. Къ этой публикѣ присоединится нѣсколько сотенъ французовъ, которымъ полицейская застава не помѣшаетъ ознакомиться съ моими мыслями; больше мнѣ ничего и не нужно. Я былъ бы отъявленный глупецъ, еслибъ я, увлекаясь приманкой бойкой продажи, снова захотѣлъ извращать мою мысль. Еще въ Парижѣ, допустимъ, были разные подходы и умолчанія, но теперь, въ Бельгін, они будутъ совершенно непонятны».

Въ тотъ же день онъ пишетъ Шарлю Белю по поводу тѣловъ съ брошюрами, вернувшимися изъ Франціи. Теперь ему нельзя уже затѣять процесса о задержкѣ брошюръ въ таможенѣ; но онъ рѣшается обратиться съ новой жалобой къ императорскому прокурору, гдѣ будетъ просить въ интересахъ прессы преслѣдовать таможеню за то, что она не допустила брошюры во Францію, а если можно, то привлечь къ этой отвѣтственности и полицейское управленіе. На случай отказа Прудонъ предполагалъ обратиться съ новымъ протестомъ къ президенту трибунала и требовать впуска его «Мемуара», какъ орудія защиты. Все это

считаетъ онъ чрезвычайно важнымъ какъ «антецедентъ», какъ средство воспользоваться такимъ антецедентомъ на будущее время. Тотчасъ же приводитъ онъ въ исполненіе свой планъ и обращается съ очень большою дѣловой бумагой къ императорскому прокурору, помѣченной 10-мъ ноября. Обстоятельность и дѣловитость не оставляютъ Прудона и среди всѣхъ его волненій. Пробѣгая этотъ документъ, никакъ нельзя подумать, что его составлялъ человѣкъ, постоянно погруженный въ философскія и публицистическія соображенія. Въ тотъ же день онъ пишетъ также Шарлю Белю, которому и поручаетъ доставить куда слѣдуетъ прилагаемые документы. Переписка съ этимъ пріятелемъ дѣлается чрезвычайно оживленной и вращается почти исключительно около борьбы Прудона съ парижской магистратурой или, лучше сказать, съ правительствомъ Наполеона III. Послѣ бумаги къ императорскому прокурору, Прудонъ составилъ такой же протестъ на имя президента апелляціоннаго суда исправительной полиціи, отъ 15-го ноября, и далъ своему адвокату Гюставу Шодэ, въ письмѣ отъ 18-го, подробную инструкцію для дальнѣйшихъ дѣйствій. И опять-таки общій интересъ преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ, что сказывается въ такой тирадѣ: «припомните, что лучшая сторона моего тезиса, какъ въ предисловіи къ «Мемуару», такъ и въ самомъ изложеніи, это—то, что я говорю о произволѣ законовъ и объ искусствѣ уклоняться отъ нихъ. Но развѣ въ хорошей юриспруденціи не держатся того принципа, что законъ, точно также какъ и соглашеніе, долженъ быть объясняемъ въ смыслѣ огражденія всякихъ правъ, а не затѣмъ, чтобъ увертываться!» При этомъ Прудонъ проситъ пріятеля-адвоката: проникнуться смысломъ своихъ статей о *литературной собственности*. Онъ говоритъ, что тутъ дѣло идетъ о человѣческой совѣсти, о религіи будущаго, обо всемъ, что только слѣдуетъ сохранить какъ нѣчто священное и ненарушимое. Все, по мнѣнію Прудона, будетъ потеряно, если утилитаризмъ, защищающій принципъ «купи-продажи» въ поэзіи, наукѣ и искусствѣ, восторжествуетъ!

Такая усиленная дѣловая переписка, въ связи съ другими занятіями, дала Прудону воспаленіе вѣкъ, на которое онъ жалуется въ письмѣ къ Шодэ, говоря, что не можетъ еще подробно развить свои идеи; а въ тотъ же день онъ пишетъ къ Шарлю Белю, не жалѣя своего вѣнья; и на другой день, видя вѣроятно, что его борьба съ парижской магистратурой ничѣмъ не кончится, рѣшается нанять квартиру, купить мебель и выписать жену съ дѣтьми. Черезъ недѣлю, отъ 26-го числа, онъ, тому же Шарлю Белю, пишетъ о разныхъ хозяйственныхъ подробностяхъ для пере-

дачи женѣ и прибавляетъ, что теперь, когда ему уже нечего больше заботиться о своихъ личныхъ дѣлахъ, ихъ корреспонденція приметъ болѣе общій характеръ. Замѣчаетъ онъ также, что либеральный клерикалъ Монталамберъ, котораго приговорили въ это время по процессу печати къ шестимѣсячному тюремному заключенію и тремъ тысячамъ франковъ пени, наказанъ сильнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать; но прибавляетъ, что разница между Монталамберомъ и имъ, Прудонъ, огромная; что онъ не нападалъ ни на императора, ни на правительство, что онъ не дѣлалъ оскорбительной параллели между французскимъ и англійскимъ правительствомъ; онъ нападалъ только на систему теологій; а приговоренъ къ тремъ годамъ тюрьмы! И какъ бы подводя итогъ всѣмъ своимъ послѣднимъ испытаніямъ, Прудонъ резюмируетъ, въ письмѣ къ д-ру Маге, отъ 28-го ноября, все, что съ нимъ случилось, съ конца мая до конца ноября, дѣлая въ этомъ письмѣ характеристику тогдашней Бельгіи и опредѣляя такъ свою будущую роль, какъ публициста: «я рассчитываю воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы помочь сближенію старыхъ партій, немного вразумить ихъ, вырвать у буржуазіи нѣсколько уступокъ, добиться отъ красныхъ немного спокойствія:— все это такія вещи, которыя мое теперешнее положеніе позволяетъ мнѣ сдѣлать лучше, чѣмъ кому-либо».

О пріѣздѣ всего своего семейства въ Брюссель Прудонъ извѣщаетъ Шарля Белэ письмомъ отъ 3-го декабря и находитъ, что давно уже пора совершить этотъ переездъ, такъ какъ онъ самъ въ послѣдніе дни не могъ хорошенько приняться за работу; а дѣла у него по-уши. Первые дни въ его квартирѣ все еще стояло вверхъ дномъ, о чемъ онъ полукوميческимъ тономъ рассказываетъ доктору Кретену, черезъ два дня. И тутъ же, по поводу странной судьбы одного изъ общаго пріятели, Прудонъ обобщиваетъ житейскую дорогу разныхъ членовъ ихъ кружка, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ Европы и принужденныхъ снискивать себѣ хлѣбъ насущный чѣмъ попало, благодаря, какъ онъ выражается, «друзьямъ порядка», т.-е. режиму 2-го декабря. Онъ замѣчаетъ также д-ру Кретену, что тотъ придаетъ слишкомъ большое значеніе двумъ статьямъ Прудона о литературной собственности, которыя онъ хочетъ слить въ одну брошюру и дожидается только благопріятнаго случая, т.-е. преній въ бельгійской палатѣ по этому вопросу. Туземные мальтузіянцы все еще не могли оправиться отъ эффекта, произведеннаго статьями Прудона и обвиняли конгрессъ въ коммунизмѣ, въ анархіи, въ увлеченіи прудоновскими идеями, повторяя, разумеется, на разные

лады его пресловутое изреченіе: «*собственность — кража*». Все это, конечно, ни мало его не смущаетъ, и онъ спрашиваетъ пріятеля:

«Не находите ли вы занимательнымъ то, что социальная революція одержала неожиданную и первую свою побѣду въ самой консервативной странѣ, какая только существуетъ на свѣтѣ, въ миролюбивой и буржуазной Бельгіи?»

«Видно, правда, любезный другъ, что кстати сказанное слово занимаетъ очень большое мѣсто въ произведеніяхъ ума и что три-четверти успѣха писателей происходятъ отъ настроенія общественной совѣсти.

«Да, другъ мой, могу вамъ сказать безъ всякой ложной скромности, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что слава автора держится, главнымъ образомъ, за то, что онъ представляетъ собой *это*. Если онъ желаетъ быть чѣмъ-нибудь побольше, онъ уходитъ въ *науку*. Тогда его могутъ величать человекомъ инициативы, профессоромъ, но онъ не произведетъ уже того могучаго впечатлѣнія, которое составляетъ гордость ораторовъ, поэтовъ, а иногда и журналистовъ. По той же самой причинѣ, мнѣніе, составляемое читателемъ объ извѣстной вещи, зависитъ отъ его собственныхъ умственныхъ расположеній гораздо болѣе, чѣмъ отъ внутренняго достоинства произведенія; поэтому-то сужденія современниковъ недостаточно; надобенъ судъ потомства».

Онъ не согласенъ съ Кретенотъ, полагавшимъ, что его «Мемуаръ» написанъ въ расчетѣ на судейскій успѣхъ. Прудонъ же увѣряетъ пріятеля, что «Мемуаръ» этотъ имѣлъ въ виду иностранныхъ *ленистовъ*, и въ немъ онъ желалъ доказать, что осужденъ не въ силу закона, а вопреки этому самому закону, и показываетъ ту юридическую пропасть, въ какую во Франціи упала церковь со временъ революціи; а сдѣлать это онъ могъ только за пределами Франціи. Онъ увѣряетъ, что въ Бельгіи, въ Швейцаріи, въ Пьемонтѣ всякій присяжный станетъ на его сторону, что множество лицъ раздѣляетъ его мнѣнія въ этихъ странахъ, и что онъ чрезвычайно быстро занялъ положеніе, позволяющее ему начать за границей новую карьеру и обойтись безъ Франціи.

«Не бойтесь, — увѣряетъ онъ Кретена, — что я вернусь во Францію; даже помилованный и покрытый амнистіей, даже если мнѣ и простятъ тюрьму и денежную пеню, какъ простили гр. Монталамберу, я могу вернуться только съ *моей книгой и свободой прессы*. А если нѣтъ, то и нѣтъ! Мнѣ довольно Бельгіи и Европы. Еще до печатанія своей книги (онъ разумѣетъ книгу *О Справедливости*) я уже составилъ этотъ планъ, а наблюденія,

собранныя въ теченіи четырехъ съ половиной мѣсяцевъ, доказали мнѣ, что планъ мой былъ вѣренъ.

«Я откладываю теперь въ сторону перо трибуна; во мнѣ остались лишь, — философъ, восполнитель и утилизаторъ идей. Я профессоръ прикладной философіи: вотъ мой титулъ, съ этимъ я и вернусь когда-нибудь въ вамъ, и не думаю, чтобъ этого очень долго пришлось ждать. Обстоятельства слагаются слишкомъ хорошо, по моему мнѣнію, чтобъ я могъ, подобно Данту, кончить жизнь свою въ изгнаніи». Письмо это кончается новыми соображеніями по поводу его «Мемуара» и фидею выходной противъ Монталамбера, котораго правительство Наполеона III унизило своимъ прощеніемъ, дарованнымъ ему императоромъ *въ память 2-го декабря*.

Къ началу декабря Прудонъ устроился съ семействомъ, обзавелся кое-какимъ хозяйствомъ, разумѣется въ предѣлахъ строжайшей экономіи и отдалъ даже своихъ дочерей въ школу, радуясь тому, что эта школа чисто свѣтская, свободная отъ всякаго клерикальнаго вліянія. Къ нему возвращается обычное настроеніе духа, и переписка, вромѣ личныхъ дѣлъ, начинаетъ касаться и политическаго настроенія минуты, что мы видимъ въ довольно большомъ письмѣ къ Гуверну 5-го декабря. Политическій интересъ продолжается и въ дальнѣйшей перепискѣ. Такъ и 10-го декабря онъ говоритъ Шарлю Белэ, что вторая имперія видимо падаетъ, и приводитъ цѣлый рядъ фактовъ внутренней политики. Своимъ же личнымъ положеніемъ онъ не доволенъ только въ томъ смыслѣ, что судъ оставляетъ его безъ приговора, въ какомъ-то двойственномъ званіи: не то изгнанника, не то добровольнаго эмигранта.

Ему хочется какъ-нибудь покончить это, хотя внутренно онъ долженъ былъ уже давно рѣшить, что въ тѣхъ условіяхъ, какихъ онъ добивался возврата во Францію, ему уже не было возможности вернуться туда. Всего больше поддерживаютъ его симпатіи либеральныхъ кружковъ въ Брюсселѣ и то вліяніе, какое онъ началъ приобрѣтать на международную публику, такъ что своему земляку и пріятелю Морису, въ письмѣ отъ 15-го декабря, онъ прямо говоритъ, что никогда, быть можетъ, его нравственное положеніе не было лучше, и собирается энергически дѣйствовать на «иностранномъ рынкѣ» послѣ того, какъ французскій для него закрытъ. Расчетъ на составленіе капитала онъ оставилъ и очень хорошо сознаетъ, что въ матеріальномъ положеніи безъ Франціи нельзя уже мечтать и о половинѣ того, что дастъ въ Парижѣ настоящій книжный успѣхъ. Но все это не только не

отнимаетъ у него мужества, но, напротивъ, по его собственному сознанію, удвояетъ его. Онъ чувствуетъ гораздо больше прочности въ своемъ положеніи, зная, что его въ Бельгіи не ожидаютъ никакія случайности, серьезно разрушающія всѣ планы. И тутъ онъ опять, но уже въ нѣсколько другомъ видѣ, резюмируетъ свою будущую, публицистическую роль:

«Все, что мнѣ нужно было высказать міру жестокаго — уже сказано; моя карьера полемиста уже покончена и, благодаря Богу, не безъ чести. Мнѣ остается лишь развивать и вулгаризовать принципы, которые, какъ я думаю, не могли иначе быть выяснены, какъ посредствомъ долгой и опасной полемики; но теперь, разъ ужъ они явились на свѣтъ, эти принципы не могутъ встрѣчать ни въ комъ серьезной оппозиціи. Наконецъ, очевидно, что міръ начинаетъ обращаться вокругъ своей оси, что какъ трудно замѣтить изъ вашего захолустья. И я былъ бы слишкомъ несчастливъ или, лучше сказать, слишкомъ неумѣль, еслибъ не добился здѣсь какого-нибудь благосостоянія, какъ разъ въ ту минуту, когда общественное мнѣніе начинаетъ мнѣ улыбаться».

Онъ окончательно рѣшается остаться въ Брюсселѣ и, сравнивая этотъ городъ съ Женевой, находитъ, что онъ подходящий для него во всѣхъ отношеніяхъ.

Слѣдующее письмо отъ 18-го декабря помѣчено Парижемъ. По всей вѣроятности это ошибка. А если Прудонъ и ѣздилъ въ Парижъ тайкомъ (что трудно допустимо), то въ слѣдующихъ письмахъ нѣтъ на это ни малѣйшаго намека. Правда, что между этимъ письмомъ и 30 декабря мы находимъ перерывъ совсѣмъ безъ писемъ. Въ этотъ день онъ обращается въ Гюставу Шодэ съ довольно большимъ посланіемъ и спрашиваетъ его: будетъ ли, наконецъ, ихъ дѣло разбираться или нѣтъ? Охарактеризовавши ему внутреннее положеніе Бельгіи, Прудонъ повторяетъ еще разъ, что въ Брюсселѣ напелъ цѣлый кружокъ, сочувственный ему и желающій всякими мѣрами противодействовать клерикальному и буржуазному вліянію. По этому поводу онъ жалуется на одно, что не можетъ организовать хорошенько сношеній съ друзьями во Франціи: письма еще доходятъ, но о пересылкѣ книгъ нечего и думать.

«Ахъ, — восклицаетъ онъ, — почему у меня нѣтъ лишнихъ ста тысячъ франковъ! Какъ бы было хорошо потрясти эту тираннію, но все молчитъ, ничто не двигается, всѣ точно сговорились, что даже послѣ смерти Бонапарта будутъ душить социальную республику; вотъ почему мы въ теченіи семи лѣтъ не сдѣлали ни одного

шага къ освобожденію». Его возмущаютъ также разныя изданія по вопросу любви и супружеской жизни, вызванныя отчасти его книгой «О Справедливости». Онъ называетъ все это «хроническимъ враньемъ».

Послѣднее письмо, написанное наканунѣ новаго года и адресованное г. Гувернэ, проникнуто вообще спокойнымъ и добродушнымъ тономъ. Прудонъ говоритъ, что совсѣмъ уже устроился въ своей квартирѣ, въ одномъ изъ предмѣстій Брюсселя — въ Икселѣ, гдѣ онъ и продолжалъ жить. Вопросъ объ исходѣ его парижскаго процесса все еще занимаетъ его; онъ проситъ Гувернэ повидаться съ адвокатомъ Шодэ и добиться какого-нибудь отвѣта. По части текущихъ трудовъ онъ приготовляетъ цѣлую серію этюдовъ или популярныхъ бесѣдъ, которую хочетъ издавать, когда представится къ тому удобный случай, брошюрами отъ 150 до 200 страницъ. Онъ надѣется, въ теченіи года, выпустить, по крайней мѣрѣ, полдюжины. «Иная изъ этихъ брошюръ, — говоритъ онъ, — разошлась бы во Франціи, въ настоящую минуту, въ сорока тысячахъ экземпляровъ, а другая не пошла бы далѣе четырехъ тысячъ. Но надо съ публикой обращаться какъ съ дѣтьми: намазать ей на хлѣбъ масла, если желаешь, чтобы она ѣла».

XI.

Письмомъ къ Шарлю Эдмону, съ которымъ переписка сдѣлалась вообще гораздо рѣже, открывается 1859-й годъ. Оно не помѣчено никакимъ числомъ, но должно было быть написано тотчасъ послѣ новаго года и посвящено исключительно критикѣ сатирической книжки, которую Шарль Эдмонъ желалъ выпустить и просилъ Прудона написать предисловіе. Слѣдующее, уже помѣченное 5-го января, письмо къ Гувернэ показываетъ, что Прудонъ, по прежнему, беспокоится на счетъ исхода своего процесса; но это беспокойство имѣетъ чисто теоретическій или, лучше сказать, общій, а не личный характеръ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что прокуратура, пользуясь его отвѣдомъ или, по просту говоря, бѣгствомъ, ограничится приговоромъ суда первой инстанціи и запрещеніемъ книги. «И выходитъ, — объясняетъ самъ Прудонъ, — что я ни осужденъ окончательно, ни оправданъ, ни изгнанъ!» Но онъ этимъ не довольствуется; ему, все-таки, хочется найти какое-нибудь средство: добиться исхода и посмотреть, можетъ ли власть до такой степени злоупотреблять юридической механикой, какъ онъ выражается въ своемъ письмѣ. Но, въ

сущности, въ это время онъ уже снова принадлежит своимъ умственнымъ трудамъ, и въ письмѣ къ Шодэ, отъ 15-го января, излагаетъ подробно цѣлый планъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Бельгіи, — пишетъ онъ, — я уже подготовилъ продолженіе моихъ трудовъ и изданій на весь конецъ моей писательской карьеры, и сдѣлалъ это такимъ образомъ, чтобъ ввести въ эти труды все, что мнѣ угодно, не покидая однако же руководящей мысли и не разстраивая общаго замысла. Около двадцати лѣтъ работалъ я *по критикѣ и логикѣ* и напечаталъ послѣднее свое произведеніе, гдѣ заключается въ первый разъ развитіе моихъ положительныхъ принциповъ, совокупность моихъ утвержденій, насколько они въ ихъ общемъ характерѣ могли вытекать изъ предшествовавшихъ данныхъ: — произведеніе это есть моя книга *О Справедливости*. Въ ней, конечно, критика занимаетъ еще довольно большое мѣсто, но не больше того, сколько слѣдовало, чтобъ мотивировать выводы.

«Въ настоящую минуту пора *вульгаризовать* все это, т.-е. развѣивать на мелкую монету. Вотъ какъ я думаю поступить въ этомъ случаѣ:

«Подъ общимъ заглавіемъ «Популярной философіи» я начинаю неопредѣленную серію изданій на различные сюжеты: исторія литературы, политическая экономія, мораль, географія и т. д.; сюда войдутъ и вещи и люди. Все это будетъ обсуждено, опѣнено, объяснено посредствомъ новаго философскаго принципа, самаго возвышеннаго и благотворнаго, въ одно и то же время объективнаго и субъективнаго, заключающаго въ себѣ идеи и чувства, законы челоуѣка и природы — т.-е. *справедливостью*. Дайте мнѣ поработать пять лѣтъ надъ этой вульгаризаціей, и я смѣю думать, что публика, теперь такая усталая, скептическая, равнодушная, ободрится и пойметъ, что такое значить философская система, что такое энциклопедія, гдѣ принципомъ, закономъ, методомъ, конечной цѣлью и средствомъ является *право*.

«У меня есть уже чрезвычайно занимательныя вещи — за это я ручаюсь».

Онъ прибавляетъ, что намѣтилъ уже шестьдесятъ отдѣльныхъ сюжетовъ такихъ популярныхъ бесѣдъ; между прочимъ характеристикой Вольтера и Дидро займется онъ спеціально, посвятивши первому два, а второму одинъ выпускъ. Такая программа требуетъ, конечно, новой подготовительной работы, и Прудонъ собирается засѣсть за XVIII вѣкъ, перечитать Вольтера, энциклопедистовъ и т. д. Сообщая пріятелю-адвокату свой планъ, Прудонъ проситъ его войти, по этому ряду изданій, въ дѣловые

переговоры съ какиъ-то г. Б*** и устроить дѣло при содѣйствіи его постоянныхъ издателей, братьевъ Гарнье. Соображая шансы успѣха, онъ говоритъ: «нѣтъ ничего уродливѣе публики, нѣтъ ничего труднѣе для писателя какъ захватить ея расположеніе; нѣтъ ничего менѣе прочнаго, какъ успѣхъ. Труда, знанія, даже слога недостаточно: надобно — и вотъ этимъ-то никакъ нельзя овладѣть по произволу — *сочетаніе авторскаго одоженія съ аппетитомъ публики*».

Прудонъ желаетъ, для выполненія своего обширнаго плана, имѣть отъ издателя единовременную субсидію въ 500 или 1,000 франковъ и затѣмъ получать ежемѣсячно триста франковъ въ видѣ задатка, съ вычетомъ этихъ денегъ изъ чистаго барыша. Всѣ эти расчеты онъ излагаетъ очень обстоятельно; а вторую половину письма посвящаетъ текущей политикѣ Франціи, въ томъ духѣ, который сказывался всегда въ его перепискѣ, т.-е. въ духѣ, противномъ идеѣ національности. Предвидя итальянскую кампанію, Прудонъ смотритъ на это какъ на величайшую *глупость* и надеется, что такая затѣя Наполеона III, необходимая ему для поддержанія династіи, ускоритъ паденіе имперіи. Его взглядъ на единство Италіи извѣстенъ, и, со свойственнымъ ему упорствомъ, онъ, и въ эту минуту, и позднѣе, держался его, какъ и всѣхъ остальныхъ парадоксальныхъ или, просто, отсталыхъ воззрѣній. Точно такую же нетерпимость показываетъ онъ и относительно всѣхъ книгъ о любви и женскомъ вопросѣ, вызванныхъ его послѣднимъ сочиненіемъ, что мы видимъ въ письмѣ къ книгопродавцамъ братьямъ Гарнье, помѣщеннымъ 16-го января. Въ тотъ же день, резюмируя въ письмѣ къ новому корреспонденту, г-ну Невѣ, свое положеніе въ Бельгіи, онъ прибавляетъ въ тому, что мы уже знаемъ: «съ самаго пріѣзда моего въ Бельгію, я охладилъ свое воображеніе, сужденія мои сдѣлались спокойнѣе: всего этого лишило меня непосредственное лицезрѣніе императорскаго режима». Но и переѣздъ въ Бельгію не помогъ ему нѣсколько пошире взглянуть на общее европейское движеніе. Онъ даже наканунѣ итальянской войны не желаетъ въ нее вѣрять и говорить это очень опредѣленно въ письмѣ къ г. Бутыллю, написанномъ въ тотъ же день. По его мнѣнію, война не можетъ состояться, и онъ радуется этому не только для Франціи, но даже для *цивилизаци и свободы*. Въ третьемъ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день къ Шарлю Беле, онъ опять-таки возвращается къ войнѣ и спрашиваетъ своего корреспондента, вѣрять ли въ нее во Франціи и будутъ ли настолько безумны, чтобы ей рукоплескать? Въ четвертомъ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день,

Прудонъ обращается къ какому-то г. Д*, желавшему написать книгу въ защиту идей Мишлэ о любви и женщинѣ.—Прудонъ съ особой рѣзкостью высказывается противъ всякаго исключительнаго чувства, направленнаго на женщину. Нѣкоторые мѣста этого письма ярко дополняютъ характеристику Прудона, какъ ненавистника всего того, что отзывается любовью къ женщинѣ, внѣ извѣстныхъ суровыхъ рамокъ, въ какія онъ самъ себя вставилъ.

«Обожаніе женщины, какое бы ни было,—говоритъ онъ,— порокъ; жертвы, приносимыя этой женщинѣ въ ущербъ своему долгу—гнусность. Если вы честный и работающій человѣкъ, вы могли и помимо сердечнаго выбора найти женщину, способную внушить вамъ уваженіе. Я скажу больше: настоящій демократъ, истинный праведникъ охотно женится на той, у кого менѣе всего достоинствъ, затѣмъ именно, чтобъ поднять ее до своей высоты или, по-крайней-мѣрѣ, воздержатъ ее отъ окончательной перчи.

«Словомъ, я охуждаю эту мнимую героическую любовь, не выходящую ничего дальше любимаго предмета. Я говорю, что она есть замаскированная чувственность, чистый развратъ, преступленіе, идолопоклонство».

А воздерживая своего знакомаго отъ сочиненія книги безъ должной начитанности, подготовки, труда, онъ говоритъ про себя:

«Знаете ли вы, что я, рожденный отъ крестьянина, также какъ и вы, и не переставшій жить съ крестьянами и рабочими, продолжая мои умственные занятія, знаете ли вы, что когда я выступилъ на литературное поприще, я уже прошелъ чрезъ семь лѣтъ школьной жизни, три года занятій въ Парижѣ на счетъ моего родного города, десять лѣтъ провелъ въ типографіи, гдѣ поглотилъ массу книгъ, и послѣ всего этого прошло *восемь лѣтъ*, прежде чѣмъ я добился какой-нибудь извѣстности?» Это письмо, написанное молодому человѣку, проникнуто той заразительной и могучей искренностью, которая не покидала никогда Прудона. Онъ могъ односторонне взглянуть на извѣстный вопросъ, но, давая совѣтъ, воздерживая кого-нибудь или указывая на что-либо, выказалъ въ письмѣ всю свою душу, точно будто это была его прямая и ближайшая обязанность. Тѣмъ временемъ его вызвали въ аннекционный судъ; но онъ желаетъ, чтобъ вопросъ былъ разбираемъ на основаніи его «Мемуара», чего, конечно, добиться не могъ. Въ такомъ смыслѣ пишетъ онъ Шарлю Белю, отъ 17-го января, и сейчасъ же переходитъ къ итальянской войнѣ, возмущаясь шовинизмомъ своихъ соотечественниковъ и предсказывая Франціи новое Ватерлоо,—на этотъ разъ не совсѣмъ удачно. Въ письмѣ отъ 22-го января, къ братьямъ Гарнье, онъ прямо го-

ворить, что не явится на вызовъ суда къ 25-му января и, возвращаясь опять къ войнѣ, пишетъ: «что же касается до возстановленія *итальянской національности*, то это — вранье шовинистовъ, пущенное въ ходъ, чтобъ возбудить общественное мнѣніе. Почему же, послѣ того, не начать толковать о воскрешеніи этрусской національности, друидской церкви в карфагенскаго сената?» Онъ знать не хочетъ никакого историческаго давленія идеи народности и продолжаетъ смотрѣть на готовящуюся войну, какъ на средство укрѣпить династію Наполеона III. Окончательное же свое рѣшеніе — не явиться на судъ — онъ формулируетъ въ письмѣ къ Шодэ, отъ 22-го января, гдѣ сообщаетъ, что одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ, именно Мадье-Монжэ, принявшійся въ Бельгій читать литературныя лекціи, взялъ предметомъ своихъ новыхъ бесѣдъ книгу Прудона «О Справедливости» и возбудилъ въ публикѣ большой интересъ. Про свое же физическое состояніе Прудонъ прибавляетъ, что хотя онъ мозгомъ и болѣе доволенъ, но начинаетъ страдать приливами крови къ головѣ. Къ концу января Прудонъ извѣщаетъ г. Гувернэ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ брошюры, подъ названіемъ: «Какъ идутъ во Франціи дѣла, и почему у насъ будетъ война?». Но, какъ мы увидимъ ниже, брошюра эта не появилась: Прудонъ сильно заболѣлъ и, недовольный своей работой, уничтожилъ ее. Общую мысль этого памфлета онъ высказываетъ въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 6-го февраля: «Я взялъ на себя трудъ — выразить мнѣніе республики въ этомъ обстоятельствѣ (т. е. въ дѣлѣ итальянской войны) и формулировать идею революціи. Но надо было рѣшительно отказаться отъ задачи согласить между собою десять или двѣнадцать эмигрантовъ, чтобъ добиться подобной деклараціи. Еслибъ они сошлись на основной мысли, то не согласились бы на печатаніе. Они увѣряютъ, что не могутъ хорошенько знать, въ какой степени, высказываясь противъ Бонапарта, взваливаютъ отвѣтственность на всю свою политическую партію!... Они, конечно, готовы бороться съ имперіей; но хотятъ быть чрезвычайно сдержанными въ вопросѣ *національности*. — Я же доказываю, что этотъ мнимый вопросъ національности, такъ, какъ они его понимаютъ, ложный принципъ, ложное данное, анахронизмъ, который я уничтожаю и разрываю въ куски. Впрочемъ, вы сами это увидите».

Онъ прибавляетъ, что въ Брюсселѣ очень многіе желаютъ, чтобъ онъ высказался печатно по вопросу войны; но, желая этого, всѣ находятъ, что чрезвычайно трудно — не задѣть всевозможныхъ патріотическихъ традицій и щекотливостей; самъ Прудонъ не того

мнѣнія, и прямо говорить, что для него не существуетъ, въ этомъ смыслѣ, никакихъ трудностей, такъ какъ онъ становится на почву революціоннаго права и экономическихъ принциповъ. Выступая противъ войны, онъ не скрываетъ своихъ воззрѣній и въ пріятельскомъ письмѣ къ г. Феррари, отъ 6-го февраля, прося извинить за то, что задѣваетъ въ немъ чувство патріота; но тутъ же прибавляетъ, что между ними разнь заключается не въ цѣли и не въ принципахъ, а только въ средствахъ и въ избраніи удобной минуты. Прудонъ не хочетъ никакъ помириться съ возможностью восстановления итальянской свободы *помощью арміи Бонапарта*, и въ послѣдующихъ письмахъ развиваетъ все тѣ же идеи, въ которыхъ здравая логика перемѣшивается съ одностороннимъ взглядомъ на международныя отношенія и съ слишкомъ большою дозой политическаго пессимизма. Переписка останавливается на 8-мъ февраля, и въ теченіи двадцати дней Прудонъ, по всей вѣроятности, не написалъ ни одного письма, потому что простуда, схваченная имъ въ концѣ января, превратилась въ сильнѣйшій катарръ. Между 28-мъ февраля и 11-мъ марта опять перерывъ въ двѣ недѣли. Про свою болѣзнь онъ рассказываетъ г. Бутвиллю въ письмѣ, помѣщенномъ послѣднимъ числомъ; но даже и къ этому времени онъ еще не совсѣмъ поправился. Болѣзнь, съ бессонницей и ужаснѣйшимъ кашлемъ, не отняла у него умственной бодрости, и онъ все съ той же искренностью относится къ главному политическому интересу того момента, къ войнѣ. Его возмущаетъ то, что республиканцы чувствуютъ ея идеи, а Прудонъ хочетъ, чтобы они становились, въ этомъ случаѣ, на сторону большинства, которое, по его мнѣнію, враждебно войнѣ. Онъ огорчается также, но гораздо менѣе, тѣми нападеами, которые вызвала его книга «О Справедливости» въ той ея части, гдѣ онъ говоритъ о любви и женщинѣ.

Только-что оправившись, Прудонъ возобновляетъ опять дѣловыя сношенія съ Гюставомъ Шодэ, поручая ему покончить съ какими-то издателями гг. Б*, которымъ онъ предлагаетъ цѣлую серію этюдовъ по вопросамъ практической философіи, что мы уже видѣли въ предыдущей перепискѣ; но онъ побаивается, что сдѣлка эта не состоится по милости войны. Возвращаясь къ своей брошюрѣ, не появившейся вслѣдствіе его болѣзни, Прудонъ говоритъ: «надо показать и другимъ правительствамъ, что принципы революціи, если ихъ хорошенько понимать, даютъ имъ гораздо больше гарантій, чѣмъ туманныя консервативныя и монархическія идеи; надо повѣдать этимъ самымъ правительствамъ то, что они не знаютъ, научить ихъ философіи войны, растолю-

вать имъ смыслъ трактатовъ и достоинство слова: *націонализмъ*. Въ настоящее время значеніе всѣхъ этихъ словъ чрезвычайно темно; и ни пресса, ни иностранная дипломатія не сумѣли освѣтить ихъ. И съ обоихъ береговъ Рейна и Ламанша точно взапуски стараются только запутать все еще больше».

Въ слѣдующемъ письмѣ, къ тому же Шодэ, отъ 22-го марта, онъ уже совершенно опредѣленно говоритъ, что его ужасный катарръ былъ причиной того, что онъ уничтожилъ свою брошюру въ семь печатныхъ листовъ, даже когда половина ея была напечатана, и вся она была набрана. Хотя и совершенно больной, съ несноснымъ кашлемъ и лихорадкой, Прудонъ почувствовалъ, что не должно выпускать этой вещи въ такомъ видѣ въ публику. Подобный фактъ еще разъ показываетъ, какъ онъ, несмотря на свою постоянную матеріальную нужду, серьезно и честно относился къ роли публициста. А болѣзнь его все еще продолжалась, и къ концу марта онъ еще не вполне отъ нея избавился. Забавно, что въ подробномъ письмѣ къ д-ру Кретену, отъ 22-го марта, онъ оправдывается передъ этимъ пріятелемъ-гомеопатомъ въ томъ, что долженъ былъ обратиться въ Брюссель къ врачу аллопату. Но даже его пріятельская снисходительность къ гомеопату облечена, и въ этомъ письмѣ, въ самую симпатичную философскую терпимость. Утѣшая доктора Кретена въ его разныхъ невзгодахъ по практикѣ и въ нападкахъ, которыми гомеопатія подвергалась въ то время отъ нѣкоторыхъ знаменитостей, Прудонъ говоритъ: «хотя я и позитивенъ въ своихъ взглядахъ, но не желаю допустить, чтобы такъ безцеремонно относились ни къ гомеопатіи, ни къ животному магнетизму, ни даже къ *духамъ постукивателямъ*. Я хочу, чтобы во всемъ шли до самой глубины заблужденій, до сути всѣхъ вопросовъ, всѣхъ утопій, всѣхъ таинствъ». Выздоровливая, онъ съ каждымъ новымъ письмомъ интересовался все больше и больше внѣшней политикой, и настолько забываетъ себя, свое нездоровье и неблизательныя дѣла, что шлетъ большое посланіе къ пріятелю своему Морасу, отъ 1-го апрѣля, гдѣ всячески утѣшаетъ его въ потерѣ матери и жены. Но на перепискѣ его, помимо болѣзни, начинается отражаться жизнь эмигранта. Видно, что онъ не проникнуть теоретическими идеями, какъ въ былое время, что внѣшнія событія, возбуждая его интересъ, скорѣе тревожатъ его, чѣмъ направляютъ на какой-нибудь крупный публицистическій замыселъ. Вопросы войны и національности развиваются въ его головѣ въ одномъ направленіи, съ тѣмъ упорствомъ, которое очень часто доводило Прудона до парадоксовъ и одностороннихъ возвращеній. Онъ не желаетъ

сдѣлать хотя какую-нибудь уступку національному движению, которое составляло, помимо личныхъ замысловъ Бонапарта, несомнѣнную подкладку въ тогдашнемъ итальянскомъ волненіи. Въ письмѣ къ Матіею, отъ 11-го апрѣля, возвращаясь къ этой темѣ, Прудонъ обоснѣваетъ мотивы войнъ XVII и XVIII столѣтій и находитъ, что всѣ эти войны имѣли опредѣленный, хотя и не симпатичный смыслъ.

«Но теперь, — спрашиваетъ Прудонъ, — есть ли что-нибудь существуетъ ли какой-нибудь опредѣленный вопросъ, какой-нибудь новый фактъ, какой-нибудь принципъ помимо того, что въ 1848 году называли социалистическимъ?..— Говорятъ объ Италіи, но тутъ добиваются простого дѣлежа, только по-другому;— говорятъ о *національности*, но всемірная исторія есть не что иное, какъ картины національностей, взаимно себя разрушающихъ и поглощающихъ; — говорятъ объ естественныхъ границахъ, но, вглядываясь поближе, ихъ не находишь; — говорятъ, наконецъ, о трактатахъ 1815 года, но эти трактаты суть законы, выведенные изъ борьбы націй противъ императорскаго деспотизма».

Тѣ же почти мысли развиваетъ онъ и въ письмѣ къ Шодэ отъ 11-го же апрѣля, и прибавляетъ, что къ нему обращались очень многіе съ вопросомъ объ его брошюрѣ, судьба которой уже извѣстна читателямъ. Онъ дожидается отвѣта отъ Шодэ по сдѣлкѣ съ издателемъ, на которую, въ сущности, мало надѣется, и говоритъ про себя, что прежній его молодой темпераментъ уже замѣтно ослабъ, умъ сдѣлался яснѣе, но извѣстнаго рода инерція овладѣваетъ имъ, и онъ начинаетъ хандрить, глядя на глупость и недобросовѣстность людскую. Работать все-таки надо, и мы видимъ, въ письмѣ отъ 8-го мая, къ г-ну Гувернэ, что Прудонъ снова принялся за перо и написалъ уже половину брошюры изъ той серіи, которая должна была явиться подъ общимъ заглавіемъ: «Популярной философіи». Такая работа, еслибъ она ему удалась въ матеріальномъ отношеніи, могла бы, конечно, въ извѣстной степени и интересовать его; но крупный нервъ дѣятельности былъ уже надорванъ, и переписка продолжаетъ имѣть болѣе тревожный характеръ, обращаясь то-и-дѣло къ внѣшнимъ вопросамъ! Эта первая брошюра и есть его этюдъ «Война и миръ». Послѣ него онъ желалъ обработать вопросъ *литературной собственности*. Война раздражала его болѣе и болѣе, и онъ не въ состояніи отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ, въ которыхъ здравая логика не всегда торжествуетъ, хотя основной мотивъ его критики, направленный на замыслы бонапартизма, и остается вѣрнымъ.

«Мы будемъ продолжать въ Италіи,—говоритъ онъ,—эру конституціонныхъ мистификацій, а сами ни малѣйшимъ образомъ не вѣримъ въ этотъ государственный порадокъ, почему и уничтожили его частью въ 1848 году и совсѣмъ въ 1851!.. Хороши государственные люди, воображающіе, что *національность* существуетъ, когда нація имѣетъ честь одна доставлять персоналъ для своего правительства!.. Мнѣ было бы стыдно за французскую глупость, еслибъ я не видѣлъ, что повсюду торжествуетъ такая же глупость. Что это за цивилизація! О, Фурье! мой достойный соотечественникъ! какъ ты былъ правъ, проклиная ее: твой мизанецъ зналъ, въ этомъ смыслѣ, больше, чѣмъ весь этотъ народъ знаетъ всѣмъ своимъ тѣломъ».

Въ письмѣ къ Гувернэ отъ 26-го мая онъ выражается также сильно: «въ этомъ предпріятіи,—восклицаетъ онъ,—нѣтъ ни смысла, ни политикѣ, ни удачнаго случая, ни цѣли! это — послѣдствіе стараго вранья о принципахъ національностей, объ естественныхъ границахъ, о трактатахъ 1815 года, къ которому надо прибавить затѣи Наполеона III: драться и одерживать побѣды, и желаніе правительства разсвѣять чѣмъ-нибудь умы». На итальянскую войну онъ смотритъ, какъ на еще болѣе противную мистификацію, чѣмъ на крымскую кампанію, и не можетъ, о чемъ бы онъ ни писалъ, не возвращаться къ этому предмету.

Его дѣло съ издателемъ Б* разстроилось,—и разстроилось какъ-разъ къ тому времени, когда здоровье позволило ему приняться за работу съ должной энергіей. Въ первыхъ числахъ іюня брошюра его «Война и миръ», разросшаяся въ своемъ объемѣ, была уже готова, и онъ говоритъ, по поводу этого этюда, въ письмѣ къ Шодэ отъ 5-го іюня: «то, что превосходитъ теперь, отвлекло мое вниманіе къ международной политикѣ, и я спросилъ себя прежде всего: что такое эта политика, на чемъ она основывается, какіе ея принципы? — и нашелъ, что ни во Франціи, ни внѣ ея, въ этой политикѣ нѣтъ принциповъ. Я справлялся съ авторитетами, напримѣръ, съ Гроціусомъ. Много эрудиціи, преданій, обычаевъ; но совершенное отсутствіе принциповъ. Гроціусъ потрясъ, такъ-сказать, дерево науки (*De Jure belli ac pacis*), но съ этого дерева ему не удалось уронить ни цвѣтотъ, ни плодотъ. Онъ не дошелъ даже до азбуки. Добивался я и отъ нашей революціонной традиціи. Нѣтъ ничего. Тогда я углубился въ самого себя, сталъ читать журналы, брошюры, историческія вещи и т. д. Я принялся опять за свои формулы антиномій и добился того, что сталъ кое-что понимать. Это не что

нное, какъ самый простой здравый смыслъ, а между тѣмъ въ этого не найдете нигдѣ».

Французскія побѣды не вліяютъ на направленіе его мыслей. Онъ видитъ впереди только однѣ потери и ожидаетъ даже вмѣшательства Германіи; а Наполеону предсказываетъ западню. Тѣмъ временемъ, его этюдъ все разрастался. Онъ хочетъ и въ послѣдующихъ этюдахъ держаться должной обстоятельности и надѣется до конца года выпустить шесть отдѣльныхъ вещей той серіи, которую онъ желалъ назвать «Популярной философійей». Его дѣловыя сношенія съ издателями Гарнье опять завязались черезъ посредство Гюстава Шодэ, которому онъ и сообщаетъ, въ подробностяхъ, о планѣ своихъ этюдовъ въ письмѣ отъ 18-го іюня. Слѣдующій этюдъ онъ хочетъ посвятить Вольтеру и пишетъ по этому поводу въ томъ же письмѣ:

«Вольтеръ, это — *тѣсное слияніе науки и ума*, — ума, отличнаго отъ поэзіи, но имѣющаго, пожалуй, еще больше достоинства; умъ этотъ не составляетъ истины, но прибавляетъ къ ней многое. Настоящій французскій писатель дѣлается французскимъ настолько, насколько онъ приближается къ Вольтеровскому складу. Руссо мѣстами въ своемъ «Эмилѣ» достигъ этого, но вообще онъ слишкомъ страстенъ, ударяется въ ораторство, въ декламацию, въ поэзію; онъ обозначаетъ собой ретроградную тенденцію».

Намѣреніе Прудона не осуществилось, но тѣмъ не менѣе его слова о Вольтерѣ тѣмъ болѣе приходится теперь встать, что въ настоящую минуту мы только-что были свидѣтелями попытки клерикаловъ во Франціи задушить память Вольтера, которому нація устраивала торжество по случаю годовщины его смерти.

Д — 1 в в.

НОВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ ДЕКАБРЬСКАГО ПЕРЕВОРОТА ВО ФРАНЦИИ.

Victor Hugo. Histoire d'un crime. Déposition d'un témoin. Два тома.

Окончаніе.

II *).

Второго декабря Бонапартъ попробовалъ-было выглянуть на улицу. Онъ рискнулъ поглядѣть на Парижъ. Парижъ не выносить иныхъ взглядовъ. Они кажутся ему оскорбительными, а оскорбленіе раздражаетъ его сильнѣе, чѣмъ боль. Онъ дастъ зарѣзать себя, но не снесетъ насмѣшливаго взгляда убійцы. Луи-Бонапарту не повдоровилось.

Въ девять часовъ утра, въ тотъ моментъ, какъ гарнизонъ Курбуа спускался въ Парижъ, а афиши, возвѣщавшія о государственномъ переворотѣ, еще не высохли на стѣнахъ, Луи-Бонапартъ выѣхалъ изъ Елисейскаго дворца, проѣхалъ черезъ площадь Согласія, Тюльерійскій садъ, затѣмъ черезъ рѣшетчатый дворъ Каруселя и выѣхалъ изъ воротъ улицы Эшель. Немедленно набралась толпа. Луи-Бонапартъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ; дядя его, бывшій король Жеромъ, сопровождалъ его,

*) См. выше: июнь, 618 стр.

а также и Флаго (Flahaut), державшійся нѣсколько поодаль. На Жеромѣ былъ надѣтъ парадный мундиръ маршала Франціи и шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ; лошадь Луи-Бонапарта была цѣлой головой выше лошади Жерома. Луи-Бонапартъ былъ угрюмъ, Жеромъ сосредоточенъ, а Флаго веселъ. За ними слѣдовалъ большой конвой уланъ. Эдгаръ Ней сопровождалъ ихъ. Бонапартъ рассчитывалъ проѣхать до ратуши. Тутъ случился нѣкто Жоржъ Бискарра. Булыжникъ былъ вывороченъ на улицѣ; ее покрывали макадамомъ; онъ взлѣзъ на груды камней и закричалъ: *Долой диктатора! долой преторіанцевъ!* Солдаты глядѣли на него съ тупымъ видомъ, а толпа—съ удивленнымъ. Жоржъ Бискарра (онъ самъ мнѣ это рассказывалъ) сообразилъ, что онъ слишкомъ литературно выражается—его не понимаютъ, и закричалъ: *Долой Бонапарта! долой улановъ!*

Крикъ оказался заразительнымъ.

— *Долой Бонапарта! долой улановъ!*—закричалъ народъ, и вся улица преобразилась, стала бурна и грозна. *Долой Бонапарта!* крикъ походилъ на начинающуюся расправу. Бонапартъ круто осадилъ лошадь, поворотилъ назадъ и вернулся во дворе Лувра.

Аресты умножались.

Около полудня, полицейскій комиссаръ, по имени Бурдэ, явился въ кофейню улицы Лепеллетье. Его сопровождалъ агентъ Делагоддъ (Delahodde). Делагоддъ былъ тотъ самый вѣроломный писатель-соціалистъ, который, будучи уличенъ въ предательствѣ, вынужденъ былъ перейти изъ тайной полиціи въ явную. Я его знавалъ и отмѣчаю слѣдующій фактъ: въ 1832 г. онъ былъ учителемъ въ школѣ, которую посѣщали мои два сына, мальчики, и посвятилъ мнѣ стихи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ шпионилъ за мной. Кофейня улицы Лепеллетье была сборнымъ пунктомъ многихъ республиканскихъ журналистовъ. Делагоддъ зналъ ихъ всѣхъ. Отрядъ республиканской гвардіи занялъ всѣ выходы въ кофейню. Послѣ того начался смотръ всѣхъ посѣтителей. Делагоддъ шелъ впереди, а комиссаръ сзади. За ними слѣдовали два муниципальныхъ гвардейца. Время отъ времени Делагоддъ оборачивался и говорилъ: *Etpoignez celui-ci!* Такимъ образомъ было арестовано около двадцати писателей, и въ числѣ ихъ Геннегъ де-Кесслеръ, умершій въ изгнаніи, на Гернси. Кесслеръ былъ наказанъ на Сентъ-Антуанской баррикадѣ. Кесслеръ сказалъ Делагодду: «Вы негодяй».—«А вы неблагодарный,—отвѣчалъ Делагоддъ:—я вамъ спасаю жизнь». Странныя слова, потому что

трудно повѣрить, чтобы Делагоддъ былъ посвященъ въ тайну того, что должно было произойти въ роковой день 4-го декабря...

Отъ полудня и до двухъ часовъ въ этомъ громадномъ городѣ, преданномъ на жертву неизвѣстности, царствовало какое-то зловѣщее ожиданіе. Все было спокойно и угрюмо. Полки и запряженные батареи выступали изъ предмѣстствъ и размѣщались безъ шума вокругъ бульваровъ. Ни одного возгласа не было слышно въ рядахъ солдатъ. Одинъ свидѣтель говоритъ: «солдаты шли *съ добродушнымъ видомъ*». На набережной Феронри, съ утра 2-го декабря, запруженной батальонами, оставался только одинъ постъ муниципальных гвардейцевъ. Все отхлынуло къ центру, народъ такъ же, какъ и войско; безмолвіе арміи сообщилось, наконецъ, и народу. Обѣ стороны, молча, наблюдали другъ за другомъ.

Солдатамъ розданы были трехдневные раціоны и запасъ патроновъ.

Впослѣдствіи дознались, что въ это время тратилось на десять тысячъ франковъ водки въ день на каждую бригаду.

Около часа, Маньянъ отправился въ ратушу, велѣлъ запретъ у себя на глазахъ орудія резервнаго парка, и ушелъ только тогда, когда всѣ батареи были готовы къ выступленію.

Разныя подозрительныя приготовленія умножались. Около полудня, работники администраціи и лазаретные служители пришли устроить въ домѣ подъ № 2, въ Монмартрскомъ предмѣстьѣ, родъ обширнаго подвижнаго госпиталѣ; заготовлена была куча носилокъ.

— Къ чему все это?—спрашивала толпа.

Докторъ Девильтъ, лечившій Эспинаса отъ раны, увидя его на бульварѣ, спросилъ его:

— *Jusqu'ou irez-vous?*

Отвѣтъ Эспинаса историческій.

Онъ отвѣчалъ:

— *Jusqu'au bout.*

Это можно написать такъ: *jusqu'aux boues.*

Въ два часа, пять бригадъ: де-Котта, Бургонна, Канробера, Дюлака, Рейбелля, пять артиллерійскихъ батарей, шестнадцать тысячъ четыреста солдатъ, пѣхоты и кавалеріи, уланы, кирасиры, гренадеры, канониры были разставлены—хотя никто не могъ бы догадаться, съ какою цѣлью—между улицей Мира и фобургомъ Пуассоньеръ. Пушки стояли при входѣ во всѣ улицы. Пѣхотинцы держали ружья на-плечо, кавалеристы—сабли на-голодъ. Что все это означало? Зрѣлище было любопытное и привлекало

всеобщее вниманіе; и по обѣ стороны троттуаровъ, со всѣхъ по-
роговъ магазиновъ, изъ всѣхъ этажей домовъ толпа, удивленная,
насмѣшливая, довѣрчивая смотрѣла во всѣ глаза.

Мало-по-малу, однако, довѣріе пропадало; иронія уступала
мѣсто изумленію; изумленіе переходило въ недоумѣніе. Кто пере-
жилъ эту необыкновенную минуту, тотъ ее не забудетъ. Было
очевидно, что тутъ что-то кроется. Но что же именно? Совер-
шенныя потѣмнѣя. Представьте себѣ Парижъ, засаженный въ по-
гребъ? Всѣми чувствовались надъ головой его низкіе своды. Всѣхъ
какъ будто замуrowали въ чемъ-то неожиданномъ и неизвѣстномъ.
Всѣ угадывали чью-то таинственную волю. Но вѣдь мы же, въ сущ-
ности, сила; мы, вѣдь, республика, мы Парижъ, мы Франція;
чего намъ бояться? Ничего. И всѣ кричали: «Долой Бонапарта!»
Войска продолжали безмолвствовать, но сабли держались на-голо, и
зажженный фитиль пушекъ курился на углу улицъ. Облако
съ каждой минутой становилось все темнѣе, все глуше и нѣмѣе.
Этотъ сгущавшійся мракъ былъ трагиченъ. Въ немъ чувствова-
лись близость катастрофы и присутствіе злоумышленника; нѣмѣна
струилась въ этой ночи.

Что должно было выдти изъ этого мрака?

Вдругъ распахнулось окно.

Въ самый адъ.

Дантъ, если бы онъ наклонился надъ бездной, могъ бы уви-
дѣть въ Парижѣ восьмой кругъ своей поэмы: зловѣщій бульваръ
Монмартръ.

Парижъ — добыча Бонапарта: чудовищное зрѣлище!

Жалкіе вооруженные люди, столпившіеся на этомъ бульварѣ,
почувствовали, какъ въ нихъ вселяется ужасный духъ; они пере-
стали быть самими собой и стали демонами.

Солдатъ французскихъ не стало больше; явились какіе-то
привидѣнія, совершавшія отвратительное дѣло въ призракномъ
свѣтѣ.

Не стало больше знамени, не стало больше закона, ни гу-
манности, ни родины, не стало больше Франціи: настала рѣзня.

Дивныя Шиндлерганна, бригады Мандрена, Картуна, Пу-
лялье, Трестальона и Тропманна появились во мракѣ, стрѣляя
картечью и убивая.

Нѣтъ, мы не приписываемъ французской арміи то, что со-
вершилось во время этого мрачнаго затмѣнія чести.

Въ исторіи бывали боины отвратительныя, конечно, но имѣю-
щія свой *raison d'être*. Варооломеевская ночь, драгоннады объ-
ясняются религіей, сицилійскія вечерни и сентябрьскія убійства

объясняются патріотизмомъ: уничтожаютъ врага, истребляютъ чужеземца; это преступленіе *pour le bon motif*. Но рѣзня на Монмартрскомъ бульварѣ—преступленіе безпричинное.

Причина, однако, существуетъ. Она ужасна.

Скажемъ ее.

Двѣ вещи живутъ въ государствѣ: законъ и народъ. Человѣкъ убиваетъ законъ. Онъ чувствуетъ, что близка кара. Ему остается теперь одно только: убить народъ. Онъ убиваетъ народъ.

2-го декабря—существовалъ рискъ, 4-го декабря—наступила увѣренность.

Просыпающееся негодование подавляется ужасомъ.

Эвменида—правосудіе,—останавливается въ оstonбеннѣмъ передъ Фуріей—истребленіемъ. Противъ Эринисъ высылаютъ Медузу.

Обратить въ бѣгство Немезиду—какое страшное торжество!

Луи-Бонапарту досталась эта слава, и въ ней верхъ его позора.

Разскажемъ про него.

Разскажемъ про то, чего исторія еще не видывала.

Убийство народа, совершенное однимъ человѣкомъ!

Внезапно, по данному знаку, кто-то гдѣ-то выстрѣлилъ изъ ружья, картечь осыпала толпу. Картечь тоже толпа; это—искрошенная смерть. Она сама не знаетъ, куда идетъ и что дѣлаетъ. Она убиваетъ и проносится мимо.

Въ то же самое время въ ней есть своего рода душа; въ ней есть преднамѣренность; она выполняетъ чью-то волю. Моментъ былъ неслышанный. Точно пригоршня молній упала въ народъ. Ничего не можетъ быть проще. Рѣшеніе ясное, какъ божій день: картечь раздавила толпу. Къ чему вы пришли сюда? Умрите. Вы прохожій—да это преступленіе! Зачѣмъ вы вышли на улицу? Зачѣмъ вы попадаетесь на дорогѣ бонапартизму? Бонапартизмъ—это вертепъ разбойничій. Вѣдь онъ вамъ возвѣстилъ о своемъ дѣлѣ, надо же его совершить; надо докончить начатое; вѣдь, когда спасаютъ общество, то необходимо истребить народъ.

Развѣ не существуетъ государственной необходимости? Развѣ не нужно, чтобы у Бевилля было восемьдесятъ-семь тысячъ франковъ дохода въ годъ, а у Флѣри девяносто-пять тысячъ? Развѣ полковому священнику Манжо, епископу Нанси, не надо получать триста-сорокъ-два франка въ день? а Бассано и Камбасересу развѣ не надо получать каждому по триста-восемьдесятъ-три франка въ день, а Вальяну—четыреста-шестьдесятъ-восемь франковъ, а Сентъ-Арно—восемьсотъ-двадцать-два франка въ день?

Развѣ не нужно Луи-Бонапарту получать въ день семьдесятъ-шесть тысячъ семьсотъ-двѣнадцать франковъ? Развѣ можно стать императоромъ за болѣе дешевую цѣну?

Въ одно мгновеніе ока на бульварѣ воцарилась бойня на протяженіи четверти версты. Одиннадцать пушекъ разгромили отель Салландрувъ. Ядра пробуравили насѣвовъ двадцать-восемь домовъ. Бани Жувансъ были разгромлены. Тортоны сокрушены. Цѣлый кварталъ Парижа обратился въ отчаянное бѣгство и огласилъ воздухъ воплемъ ужаса. Вездѣ ждала неожиданная смерть. Ничего ровно не подозрѣваешь и вдругъ падаешь. Откуда это? Съ неба, — говорятъ *Te Deum* епископовъ. Съ земли, говорятъ истина.

Хуже, чѣмъ изъ ваторги; хуже, чѣмъ изъ ада.

Это мысль Калигулы, выполненная Папавуаномъ.

Ксавье Дюррѣ пришелъ на бульваръ. Онъ самъ это рассказываетъ: «*Я прошелъ шестьдесятъ шаговъ и увидѣлъ шестьдесятъ труповъ*». И ушелъ назадъ. Выйти на улицу — преступленіе, сидѣть дома — преступленіе. Убійцы входятъ въ дома и рѣжутъ. Это называется *chaperder* на подломъ языкѣ разбойниковъ.

— *Chapardons tous!* — кричатъ солдаты.

Кофейню Леблонъ опустошили. Домъ Билльеовъ до такой степени пострадалъ, что на другой день его пришлось подпереть подпорками. Передъ домомъ Жуванъ набралась груда мертвыхъ тѣлъ и въ томъ числѣ трупъ старика съ зонтикомъ и молодого человека съ лорнетомъ. Отель де-Кастиль, *Maison-Dorée, La Petite-Jeanette, Café de Paris, Café Anglais* въ продолженіи трехъ часовъ служили мишенью для орудій. Домъ Раендъ обрушился подъ гранатами; ядра разрушили базаръ Монмартръ.

Никто не могъ укрыться. Ружья и пистолеты работали въ упоръ.

Дѣло подходило къ новому году; уже открылись лавки съ подарками; въ пассажѣ Сомонъ, тринадцатилѣтній ребенокъ, спасаясь отъ ружейнаго огня, спрятался въ одной изъ этихъ лавокъ подъ грудой игрушекъ. Его схватили и убили! Убійцы со смѣхомъ растравляли его раны саблями. Одна женщина говорила мнѣ: — *во всемъ пассажѣ были слышны крики бѣднаго мальчугана*. Четверыхъ людей разстрѣляли передъ той же лавкой. Офицеръ говорилъ мнѣ: — *передъ наука: не шатайтесь безъ дѣла*. Пятый, по имени Мальере, оставленный на мѣстѣ, замертво былъ отнесенъ на другой день въ «Charité»; у него оказалось одиннадцать ранъ; онъ умеръ.

Солдаты стрѣляли въ погребъ черезъ отдушину.

Одинъ рабочій, кожевникъ, по имени Муленъ, укрылся въ одинъ изъ такихъ обстрѣливаемыхъ погребовъ и видѣлъ черезъ отдушину въ погребѣ, какъ прохожій, раненый въ ногу, сѣлъ на мостовую, и хрипѣлъ, прислонясь къ стѣнѣ. Солдаты, услышавъ это хрипѣніе, подбѣжали и докончили раненаго штыками.

Одна бригада убивала прохожихъ между улицей «de la Madeleine» и Оперой, другая между Оперой и театромъ «Gymnase»; третья отъ бульвара «Bonne Nouvelle» до воротъ Сень-Дени; 75-й линейный полкъ взялъ баррикаду у воротъ Сень-Дени, гдѣ не было битвы, а была рѣзня. Рѣзня торжествовала—страшное слово, но вѣрное—отъ бульвара и по всѣмъ улицамъ. Бѣжать? Забѣжать? Прятаться. Къ чему? Смерть бѣжала за вами по пятамъ и обгоняла васъ. Въ улицѣ Пажвентъ одинъ солдатъ спросилъ у прохожаго:—что вы здѣсь дѣлаете?—Иду домой.—Солдатъ убилъ прохожаго. Въ улицѣ Марэ убили четырехъ молодыхъ людей, на ихъ собственномъ дворѣ. Полковникъ Эспинасъ кричалъ:—*Послѣ штыковъ, пускайте въ ходъ пушки!* Полковникъ Рошфоръ кричалъ: *колите, рубьте, рубите!* И прибавлялъ:—*этакъ меньше пороку и шума.* Передъ магазиномъ Барбедьеннъ, одинъ офицеръ хвастался своимъ ружьемъ передъ товарищемъ и говорилъ:—*Этимъ ружьемъ я попадаю какъ разъ въ переносицу.* И, говоря это, онъ прицѣливался и убивалъ перваго встрѣчнаго. Бойня была ожесточенная. Въ то время какъ подъ командой Карреле шла рѣзня на бульварѣ, бригада Бургона опустошала Тампль, а бригада Марула улицу Рамбютѣ; дивизія же Рено отличалась на лѣвомъ берегу. Рено былъ тотъ самый генералъ, который въ Маскарѣ отдалъ Шаррасу свои пистолеты. Въ 1848 г. онъ сказалъ Шаррасу:—*надо взбунтовать всю Европу!..* А Шаррасъ ему отвѣтилъ:—*какой прыткій!* Луи-Бонапартъ произвелъ его въ дивизіонные генералы въ іюль 1851 г. Улица «Aux Ours» была особенно опустошена. Морни вечеромъ говорилъ Луи-Бонапарту:—*15-й полкъ заслужилъ хорошую отплатку. Онъ очистилъ улицу Aux Ours.*

На углу улицы Сантье, одинъ офицеръ спаговъ, съ поднятой саблей кричалъ:—*Не такъ! вы ничею не понимаете! Стрѣляйте въ женщинъ.* Женщина убѣгала, беременная, и упала; ее добили прикладами. Другая, обезумѣвшая отъ страха, готова была скрыться за уголъ улицы. У ней на рукахъ былъ ребенокъ. Двое солдатъ прицѣлились. Одинъ сказалъ:—*Въ женщину!* и убилъ женщину. Ребенокъ покатылся по мостовой. Другой солдатъ сказалъ:—*Въ ребенка!*—и убилъ ребенка.

Человѣкъ, извѣстный въ наукѣ, докторъ Жерменъ Сэ, объявляетъ, что въ одномъ домѣ, гдѣ помѣщались бани Жувансъ, къ шести часамъ набралось въ сараѣ, во дворѣ, около восьми-десяти раненныхъ, и все почти «старики, женщины и дѣти». Докторъ Сэ оказалъ имъ первую помощь.

Въ улицѣ Мандоръ,—говорить одинъ очевидецъ,—набралась цѣлая вереница мертвыхъ тѣлъ, доходившая до улицы «Neuve-Saint-Eustache». Передъ домомъ Оды лежало двадцать-шесть труповъ. Тридцать передъ отелемъ Монморанси. Передъ театромъ «Variétés» пятьдесятъ-два; изъ нихъ одиннадцать женщинъ. Въ улицѣ Гранжъ-Бателъеръ три голыхъ трупа. Домъ подъ № 19 въ Монмартрскомъ предмѣстьѣ былъ полонъ мертвыми и ранеными.

Женщина, обратившаяся въ бѣгство, обезумѣвшая, съ распущенными волосами, поднявъ руки къ небу, бѣгала по улицѣ Пуассоньеръ, крича: — Убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ! убиваютъ!

Солдаты бились объ закладъ. — Побьемся объ закладъ, что попаду вотъ въ этого! Такимъ образомъ былъ убитъ, возвращаясь къ себѣ домой въ улицу Мира, графъ Понинскій.

Я пожелалъ убѣдиться во всемъ собственными глазами. Чтобы передавать о злодѣяніяхъ, надо ихъ видѣть. Я отправился на мѣсто, гдѣ происходили убійства.

Я пришелъ на бульваръ; видъ его былъ неописанный. Я видѣлъ это преступленіе, эту бойню, эту трагедію. Я видѣлъ восу слѣпой смерти; я видѣлъ какъ падали вокругъ меня толпой несчастныя жертвы. Вотъ почему я подписался подъ этой книгой, какъ *свидѣтель*.

Это истребленіе, которое одинъ англійскій очевидецъ, капитанъ Уильямъ Жессъ, называетъ «стрѣльбой здорово живешь», продолжалось отъ двухъ до пяти часовъ. Въ эти ужасныхъ три часа Луи-Бонапартъ выполнилъ свой планъ и довершилъ свое дѣло. До этой минуты жалкая, мѣщанская совѣсть была чуть ли не снисходительна. Ну вотъ, экая важность; это фарсъ, выкинутый принцемъ, своего рода политическая продѣлка, фокусъ въ обширныхъ размѣрахъ; скептики и самодовольные люди говорили: —Ловко подшутилъ надъ этими дураками. Вдругъ, Луи-Бонапартъ, испугавшись, обнаружилъ всю свою политику.—*Скажите Сентъ-Арно, чтобы онъ вспомнилъ то, что я ему приказывалъ.* —Сентъ-Арно повиновался, государственный переворотъ сдѣлалъ то, что ему подобало сдѣлать, и съ этой ужасной минуты громадные потоки крови оросили это преступленіе.

Когда я уходилъ съ бульвара, выѣстъ съ обезумѣвшей отъ страха толпой, и шелъ куда глаза глядятъ, внезапно надъ мо-

нимъ ухомъ раздался голосъ:—Я хочу вамъ что-то показать. Я узналъ голосъ. Онъ принадлежалъ Е. П.

Е. П. драматическій писатель, талантливый человекъ, котораго при Луи-Филиппѣ мнѣ удалось освободить отъ военной службы. Я не видѣлся съ нимъ уже года четыре или лѣтъ пять, и вдругъ встрѣтился въ этой суматохѣ. Онъ говорилъ со мной такъ, какъ если бы мы разстались наканунѣ. Таково дѣйствіе политическихъ смутъ. Нѣкогда соблюдать всѣ десять тысячъ китайскихъ церемоній.

— Ахъ! это вы!—сказалъ я.—Что вамъ угодно?

Онъ мнѣ отвѣчалъ:—Я живу вотъ въ этомъ домѣ.

И прибавилъ:

— Пойдемте.

И увлекъ меня въ темную улицу. Мы остановились передъ высокимъ и темнымъ домомъ. Е. П. толкнулъ входную дверь, которая была не заперта, затѣмъ другую дверь и мы вошли въ низкую залу, гдѣ царствовала тишина и горѣла лампа.

Комната эта, повидимому, прилежала въ какому-то магазину. Въ глубинѣ видѣлись двѣ кровати рядомъ, одна большая, другая маленькая. Надъ маленькой кроватью висѣлъ портретъ женщины, а надъ портретомъ верба.

Лампа стояла на каминѣ, въ которомъ горѣлъ огонь.

Возлѣ лампы, на стулѣ, сидѣла старуха, согнувшись въ три погибели надъ чѣмъ-то, что держала въ рукахъ и чего не было видно. Я подошелъ. На рукахъ у ней былъ мертвый ребенокъ.

Бѣдная женщина безмолвно рыдала.

Е. П., котораго она знала, тронулъ ее за плечо и сказалъ:

— Покажите.

Старуха подняла голову, и я увидѣлъ у нея на коленяхъ маленькаго мальчика, блѣднаго, полу-раздѣтаго, хорошенькаго, съ двумя кровавыми дырками на лбу.

Старуха поглядѣла на меня, но, очевидно, она меня не видѣла и пробормотала, какъ-бы говоря съ самой собой:

— И подумать только, что сегодня утромъ онъ звалъ меня бабушкой.

Е. П. взялъ руку ребенка, ручка выскользнула изъ его руки.

— Ему было семь лѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ.

На полу стоялъ тазъ. Ребенку обмыли личико; двѣ струйки крови текли изъ двухъ дырочекъ.

Въ глубинѣ комнаты возлѣ полуоткрытаго шкапа, гдѣ виднѣлось бѣлье, стояла женщина лѣтъ сорока, степенная, бѣдно, но чисто одѣтая, довольно красивая.

— Сосѣдка, — сказалъ мнѣ Е. П.

И объяснилъ мнѣ, что въ домѣ живетъ медикъ, что онъ приходилъ и сказалъ: — ничего не подѣлаешь. Ребенка сразили двѣ пули въ голову въ то время, какъ онъ бѣжалъ по улицѣ «спасаясь». Его принесли къ бабушкѣ, у которой онъ былъ единственный внукъ.

Портретъ покойной матери висѣлъ надъ маленькой кроватью.

У ребенка глаза были полуоткрыты и онъ глядѣлъ тѣмъ невыразимымъ взглядомъ мертвыхъ, въ которомъ созерцаніе видимаго міра замѣняется созерцаніемъ безконечнаго. Бабушка, сквозь рыданія, говорила минутами: — Боже милостивый, неужто это возможно! — Можно ли повѣрить! — Ахъ! разбойники, просто разбойники.

И закричала:

— Такъ вотъ что значить правительство!

— Да, — отвѣчалъ я.

Мы помогли раздѣть ребенка. У него былъ въ карманѣ кубарь. Головка его склонялась съ одного плеча на другое; я поддерживалъ ее и поцѣловалъ въ лобъ. Мы сняли съ него чулочки. Бабушка вдругъ встрепенулась.

— Не ушибите его, — сказала она.

Она взяла въ свои старыя руки обѣ маленькія бѣлыя и холодныя ножки и старалась отогрѣть ихъ.

Когда бѣдное маленькое тѣлце раздѣли, — стали думать о погребеніи. Изъ шкапа вынули простыню.

Тутъ бабушка разразилась горькими слезами. Она кричала: — отдайте мнѣ его!

И вдругъ, вскочивъ на ноги и поглядѣвъ на насъ, стала говорить горькія вещи; она толковала и про Бонапарта, и про Бога, и про внука, про школу, въ которую онъ ходилъ, и про дочь, которую она потеряла, и осыпала насъ упреками, блѣдная, помертвѣлая, съ безуміемъ въ очахъ, болѣе похожая на привидѣніе, чѣмъ само мертвое дитя.

Потомъ она взяла его голову въ руки, уперлась локтями въ свое дитя и начала рыдать.

Женщина, присутствовавшая въ комнатѣ, подошла ко мнѣ и, не говоря ни слова, вытерла мнѣ ротъ платкомъ. У меня губы были въ крови.

Что было дѣлать, увы! — мы вышли въ уныніи.

Ночь уже совсѣмъ наступила.

Трупы, брошенные на мостовой, валялись истерзанные, блѣд-

ные, замученные, съ вывернутыми карманами. Рѣзня, совершаемая солдатами, всегда сопровождается этимъ мрачнымъ crescendo. Утромъ — убійца, вечеромъ — воръ.

Сгустилась ночь; въ Елисейскомъ дворцѣ все радовалось и ликовало. Эти люди торжествовали. Конно наввно рассказывалъ эту трагедію. Приближенные были внѣ себя отъ восторга. Фіаленъ говорилъ «ты» Бонапарту. «Отвыкайте отъ этой привычки», шепнулъ ему Вьельяръ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзня произвела Бонапарта въ императоры. Онъ сталъ теперь величествомъ. Пили, курили, какъ и солдаты на бульварахъ; послѣ дневного убійства наступила ночная попойка; вино потекло по крови. Въ Елисейскомъ дворцѣ восторгались удачей. Какая блистательная мысль пришла принцу въ голову! какъ хорошо было обработано дѣло! Вѣдь это гораздо пріятнѣе, нежели убѣжать черезъ Діенпъ, какъ *d'Haussez*, или черезъ Манброль, какъ *Guernon-Ramville*, или переодѣтымъ лакеемъ чистить башмаки m-me де-Сенъ-Фаржб, какъ этотъ бѣдный Полиньякъ! «Гизо оказался не умнѣ Полиньяка!» восклицалъ Персиньи. Флѣри обратился къ Морни: «ваши доктринѣры не сдумѣли бы произвести государственнаго переворота». — «Да, это правда: они не очень ловки», отвѣчалъ Морни.

И прибавилъ: «однако все это умные люди: Луи-Филиппъ, Гизо, Тьеръ...»

Луи-Бонапартъ, вынувъ изо-рта папироску, перебилъ: «если это умные люди, то я предпочитаю быть глупымъ...»

— Звѣремъ, — поправляетъ исторія.

Я вернулся въ свое убѣжище, въ улицѣ Ришелье, № 19.

Рѣзня, повидимому, прекратилась; стрѣльбы не было больше слышно.

Въ ту минуту, какъ я готовился постучать въ дверь № 19, мною овладѣло сомнѣніе: тамъ стоялъ какой-то человѣкъ и какъ-будто кого-то дождался. Я прямо подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вы, кажется, кого-то ждете?

Онъ отвѣчалъ:

— Да.

— Кого?

— Васъ.

И прибавилъ, понижая голосъ:

— Я пришелъ съ вами переговорить.

Я поглядѣлъ на этого человѣка. Свѣтъ фонаря падалъ на него, и онъ не старался скрыть свое лицо.

То былъ молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородой, въ синей блузѣ, съ кроткимъ мыслящимъ лицомъ и сильными руками рабочаго.

— Кто вы?—спросилъ я его.

Онъ отвѣчалъ: «я принадлежу къ ассоціаціи формовщиковъ. Я васъ хорошо знаю, гражданинъ Викторъ Гюго».

— Кто васъ ко мнѣ прислалъ?

Онъ отвѣчалъ тѣмъ же шопотомъ:

— Гражданинъ Кингъ.

— Хорошо,—сказалъ я.

Тутъ онъ мнѣ сказалъ свое имя и объяснилъ, что не все еще погибло; что онъ и его пріатели намѣрены продолжать борьбу; что мѣста для сборища ассоціацій еще не назначены, но что они будутъ назначены сегодня ввечеру; что мое присутствіе всѣмъ желательно, и что если я соглашусь придти въ девять часовъ въ пассажъ Кольберъ, то онъ или другой кто изъ нихъ будетъ тамъ находиться и проведетъ меня. Мы условились, что узнаемъ другъ друга по паролю: «что дѣлаетъ Жозефъ?»

Не знаю, показалось ли ему, что во мнѣ родилось нѣкоторое сомнѣніе или подозрѣніе, но только онъ вдругъ сказалъ мнѣ:

— Пойдите, вѣдь вы не обязаны мнѣ вѣрить. Мнѣ бы слѣдовало придти съ запиской. Въ такую минуту, какъ настоящая, никому не довѣряешь.

— Напротивъ,—сказалъ я,—всѣмъ довѣряешь. Я буду въ девять часовъ въ пассажъ Кольберъ.

И я расстался съ нимъ.

Я вернулся въ свое убѣжище. Я былъ утомленъ, голоденъ и закусилъ шоколатомъ и кусочкомъ хлѣба, который еще у меня оставался; затѣмъ бросился въ кресло и заснулъ. Бываютъ мрачные сны. Такой сонъ посѣтилъ и меня въ эту ночь; мнѣ привидѣлся мертвый ребенокъ съ двумя красными дырочками на лбу, которыя были какъ бы два рта; одинъ говорилъ: «Морни», а другой: «Сентъ-Арно». Но исторію пишутъ не затѣмъ, чтобы рассказывать сны; буду кратокъ. Внезапно я проснулся, — и вздрогнулъ: не проспалъ ли я девять часовъ! Я забылъ завести свои часы, и они стояли. Я поспѣшно вышелъ. Улица была безлюдна, лавки еще заперты. На площади Лувуа я услышала какъ били часы, и прислушался. Я насчиталъ девять часовъ. Въ два прыжка я очутился въ пассажъ Кольберъ. Оглядѣлся въ потѣмкахъ. Никого.

Я сознавалъ, что нельзя стоять тутъ и показывать всѣмъ, что кого-то поджидаешь; возлѣ пассажа Кольберъ есть кордегардія и

патрули безпрестанно проходили мимо меня. Я углубился въ улицу. И никого на ней не встрѣтилъ. Я прошелъ до улицы Вивьеннъ. На углу улицы Вивьеннъ стоялъ человѣкъ передъ афишей и старался сорвать ее или отклеить. Я подошелъ къ этому человѣку, который, вѣроятно, принялъ меня за полицейскаго, потому что убѣжалъ со всѣхъ ногъ. Я вернулся назадъ. Около пассажа Кольберъ, на томъ мѣстѣ улицы, гдѣ приклеиваютъ театральныя афиши, мимо меня прошелъ рабочій и поспѣшно сказалъ мнѣ: «что дѣлаетъ Жозефъ?»

Я узналъ формовщика.

— Пойдемте, — сказалъ онъ мнѣ.

Мы пустились въ путь, не говоря другъ съ другомъ и дѣлая видъ, что мы незнакомы; онъ шелъ впереди меня въ нѣкоторомъ разстояніи.

... Мы пришли въ кварталъ рынка. Тамъ вчера весь день дрались. Фонарей больше не было на улицахъ. Время отъ времени мы останавливались и прислушивались, чтобы не попасться на встрѣчу патрулю. Мы перелѣзали черезъ досчатый заборъ, со всѣмъ почти сломанный — изъ него, по всей вѣроятности, строили баррикады — и по обширнымъ сломкамъ, загромадившимъ въ эту эпоху нижній конецъ улицъ Монмартръ и Монторгейль. На верхушкѣ высокихъ, обнаженныхъ трубъ дрожалъ красноватый отблескъ, должно быть, отраженіе бивуачныхъ огней войска, размѣщеннаго вокругъ рынка и близъ «Saint-Eustache». Это отраженіе свѣтило намъ. Со всѣмъ тѣмъ, формовщикъ чуть не упалъ въ глубокую яму, которая была не чѣмъ инымъ, какъ погребомъ сломаннаго дома. Покинувъ это пространство, покрытое развалинами, среди которыхъ видѣлись тамъ-и-сямъ деревья, остатки старинныхъ садовъ, мы пришли въ узкія, кривыя и со всѣмъ темныя улицы, гдѣ ничего не было видно. Однако формовщикъ шелъ по нимъ такъ же непринужденно, какъ бы среди бѣлаго дня. Разъ онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Весь кварталъ баррикадированъ, и если наши друзья откликнутся, какъ я надѣюсь, то я вамъ ручаюсь, что они здѣсь долго продержатся.

Вдругъ онъ остановился:

— Вотъ первая баррикада, — сказалъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами, шагахъ въ семи или восьми, возвышалась баррикада изъ булыжника, не выше человѣческаго роста и походившая въ потемкахъ на какую-то полуразрушенную стѣну. Узкій проходъ былъ продѣланъ на одномъ концѣ. Мы прошли въ него. За баррикадой никого не было.

— Здѣсь недавно дрались, — сказалъ мнѣ формовщикъ тихимъ голосомъ, и прибавилъ, послѣ минутнаго молчанія: — мы сейчасъ придемъ.

Улица была вся изрыта, и намъ приходилось перескакивать черезъ ямы. Какъ ни глубоки бываютъ потѣмки, въ нихъ всегда мелькаетъ какой-то свѣтъ; двигаясь дальше, мы увидѣли передъ собою на землѣ, возлѣ троттуара, что-то такое, что походило на распростертаго человѣка. «Чортъ поberi!» проворчалъ мой вожакъ, — мы чуть-было на него не наступили. И, вынувъ толстую восковую спичку изъ кармана, зажегъ ее объ рукавъ. Свѣтъ упалъ на блѣдное лицо, глядѣвшее на насъ неподвижными взорами. Тутъ лежалъ трупъ старика; формовщикъ торопливо провелъ спичкой съ головы до ногъ трупа. Мертвецъ лежалъ въ положеніи распятаго человѣка; объ руки его были вытянуты; бѣлые волосы, красные по концамъ, купались въ грязи; подъ нимъ была лужа крови; широкая черная полоса показывала мѣсто, гдѣ пуля пробила его грудь; одна изъ его подтяжекъ была смущена; на ногахъ у него были надѣты толстые башмаки со шнуровкой. Формовщикъ приподнялъ его руку и сказалъ: «у него сломана ключица». Отъ этого движенія голова пошевелилась, ротъ повернулся къ намъ, словно хотѣлъ что-то сказать. Я глядѣлъ на это видѣніе и невольно прислушивался... Вдругъ оно исчезло.

Лицо скрылось во мракѣ, спичка потухла.

Мы молча удалились. Шаговъ черезъ двадцать, формовщикъ, какъ-бы разсуждая съ самимъ собою, сказалъ вполголоса: «не знаю, кто такой».

Мы все шли впередъ. Съ погребовъ и до самой крыши, съ нижняго этажа и до мансардъ, въ домахъ не видно было ни одного огонька. Казалось, что мы блуждаемъ по громадной могилѣ.

Твердый, мужественный, звучный голосъ внезапно раздался среди мрака и закричалъ намъ:

— Кто идетъ?

— Ахъ! они здѣсь! — сказалъ формовщикъ и засвисталъ на особый ладъ.

— Идите! — отвѣчалъ голосъ.

То была новая баррикада. Эта послѣдняя, немного повыше первой и отдѣленная отъ нея разстояніемъ шаговъ во сто, была, насколько можно было разглядѣть, выстроена изъ бочекъ, наполненныхъ булыжникомъ. Сверху виднѣлись колеса тележки,

застравшей между бочками. Для постройки ея послужили также матеріаломъ доски и столбы. Въ ней оставили отверстіе еще болѣе узкое, чѣмъ въ первой баррикадѣ.

— Граждане,—сказалъ формовщикъ, проходя черезъ баррикаду:—сколько васъ тутъ?

Голось, закричавшій: «кто идетъ?» отвѣчалъ:

— Намъ двое.

— Только всего?

— Только всего.

Ихъ было въ самомъ дѣлѣ двое; два человѣка въ глухую ночь, въ безлюдной улицѣ, за грудой булыжника, ждали натиска цѣлаго полка.

Оба были въ блузахъ, два работника, съ нѣсколькими патронами въ карманѣ и ружьемъ на плечѣ.

— Ну вотъ,—началъ формовщикъ съ нетерпѣніемъ въ голосъ,—пріатели еще не пришли!

— Что-жъ,—отвѣчалъ я ему,—подождемъ ихъ.—

Формовщикъ шопотомъ переговаривалъ съ защитниками баррикады и вѣроятно называлъ меня одному изъ нихъ, который подошелъ и поклонился мнѣ:—гражданинъ-депутатъ,—сказалъ онъ, здѣсь сейчасъ будетъ жарко.

— А пока здѣсь холодно,—отвѣчалъ я, смѣясь.

Въ самомъ дѣлѣ было очень холодно. Улица, мостовая которой была снята позади баррикады, превратилась въ kloakъ и вода доходила до щиколки.

— Говорю вамъ, что будетъ жарко,—началъ работникъ, — и вы хорошо сдѣлаете, если уйдете отсюда.

Формовщикъ положилъ ему руку на плечо: — Пріатель, мы должны здѣсь оставаться. Вѣдь тутъ рядомъ въ лазаретѣ назначено мѣсто сборища.

— Все равно,—подхватилъ другой работникъ очень маленькаго роста, взгромоздившійся на булыжникъ,—гражданинъ-депутатъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ ушелъ.

— Я могу быть тамъ, гдѣ вы находитесь,—отвѣчалъ я ему.

Улица была погружена въ непротлѣдный мракъ; даже неба не было видно. По ту сторону баррикады, по лѣвую руку, со стороны прихода, виднѣлась высокая перегородка, изъ плохо сбитыхъ досокъ, и сквозь нихъ мѣстами просвѣчивалъ слабый свѣтъ. Надъ перегородкой возвышался шести или семи-этажный домъ; нижній этажъ его поправляли и загородили досками. Полоска свѣта, пробивавшагося изъ за досокъ, ложилась на противо-

положную стѣну и осырала старую разорванную афишу, на которой стояло: «Asnières. Grand bal».

— Есть ли у васъ еще ружье?—спросилъ формовщикъ у самаго высокаго изъ рабочихъ.

— Если бы у насъ было три ружья, насъ было бы трое,—отвѣчалъ рабочій.

Маленькій прибавилъ:—развѣ вы думаете, что охоты не хватаетъ? Были бы музыканты, да играть-то не на чѣмъ.

Возлѣ досчатой перегородки видѣлась узкая и низенькая дверь. Лавочка, куда вела эта дверь, была герметически заперта. Дверь тоже казалась запертой. Формовщикъ подошелъ къ ней и тихонько ее толкнулъ. Она была отперта.

— Войдемъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Я вошелъ первый, онъ послѣдовалъ за мною и затворилъ за собой дверь. Мы очутились въ низкомъ покоѣ. Въ глубинѣ, по лѣвую руку, въ полу-открытую дверь проходилъ свѣтъ. Покой освѣщался только этимъ отблескомъ. Въ немъ смутно видѣлся прилавокъ и что-то въ родѣ печки, раскрашенной чернымъ и бѣлымъ.

Слышалось глухое, отрывистое хрипѣніе, доносившееся, повидимому, какъ и свѣтъ, изъ сосѣдней комнаты. Формовщикъ торопливо прошелъ въ полураскрытую дверь. Я прошелъ черезъ весь покой за нимъ слѣдомъ и мы очутились въ обширномъ сараѣ, освѣщенномъ сальной свѣчкой. Мы находились по ту сторону досчатой перегородки. Только эта перегородка отдѣляла насъ отъ баррикады.

Сарай этотъ былъ нижній этажъ разрушеннаго дома. Въ углу видѣлись инструменты каменщика, груда замазки и большая складная лѣстница. Въмѣсто пола, сырая земля; тамъ и сямъ соломенные стулья. Возлѣ стола, на которомъ стояла сальная свѣчка среди аптечныхъ стѣлянокъ, старуха и маленькая дѣвочка лѣтъ восьми,—старуха сидя на стулѣ, а дѣвочка примостившись на землѣ у большой корзины, наполненной старымъ бѣльемъ, щипали жернѣю. Глубина сарая, терявшаяся во мракѣ, услана была соломой, на которую брошено три матраца. Оттуда доносилось хрипѣніе.

— Это лазаретъ,—сказалъ мнѣ формовщикъ.

Старуха повернула голову и конвульсивно вздрогнула, затѣмъ, успокоенная вѣроятно блузой формовщика, встала и подошла къ намъ.

Формовщикъ сказалъ ей что-то на ухо. Она отвѣчала:—Я ничего не видѣла.

И затѣмъ прибавила:—Но что меня беспокоитъ, такъ это то, что мой мужъ еще не вернулся. Весь вечеръ то и знай, что стрѣляли изъ ружей.

Двое людей лежало на матрацахъ въ глубинѣ комнаты. Третій матрацъ былъ еще свободенъ и дожидался постояльца.

У раненаго, лежавшаго ближе ко мнѣ, засѣла картечная пуля въ животъ. Это онъ хрипѣлъ. Старуха подошла къ матрацу со свѣчкой и сказала намъ шопотомъ, показывая свой кулакъ:—если бы вы видѣли, какая дыра у него въ животъ. Мы ему забили цѣлую кучу коршунъ въ животъ.

И добавила:—Ему еще нѣтъ двадцати-пяти лѣтъ отъ роду. Онъ умретъ завтра утромъ.

Другой былъ еще моложе. Ему едва исполнилось восемнадцать лѣтъ. — На немъ хорошенькій черный скюртукъ, — сказала старуха. Онъ, должно быть, студентъ.

У молодого человѣка весь низъ лица былъ обмотанъ окровавленными тряпками. Она объяснила намъ, что ему попала пуля въ ротъ и разбила челюсть. У него былъ страшный жаръ, и онъ глядѣлъ на насъ блестящими глазами. Время отъ времени онъ протягивалъ правую руку къ тазу, наполненному водой, въ которой плавала губка, бралъ губку, подносилъ ее къ лицу и самъ смачивалъ свою перевязку.

Мнѣ показалось, что взглядъ его особенно упорно обращался на меня. Я подошелъ къ нему, наклонился и протянулъ ему руку, которую онъ захватилъ въ свою. — Развѣ вы меня знаете? — спросилъ я его. Онъ отвѣтилъ мнѣ пожатіемъ руки, которое отозвалось въ моемъ сердцѣ.

Формовщикъ сказалъ мнѣ: — Подождите меня здѣсь минуту, я сейчасъ вернусь. Я пойду взгляну въ кварталъ, нельзя ли достать ружье.

И прибавилъ:

— Достать и вамъ ружье, хотите?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Я останусь здѣсь, но какъ посторонній зритель. Я лишь на половину участвую въ междоусобной войнѣ. Я согласенъ умереть, но не хочу убивать.

Я спросилъ его: — Какъ онъ думаетъ, придутъ ли его друзья? Онъ объявилъ мнѣ, что ничего ровно не понимаетъ, что члены ассоціацій должны бы были уже прибыть, что, вмѣсто двухъ бойцовъ на баррикадѣ, ихъ должно было бы быть двадцать, и что, вмѣсто двухъ баррикадъ на улицѣ, ихъ должно было бы быть десять; должно быть, что-нибудь случилось; онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я пойду погляжу, общайте мнѣ подождать меня здѣсь.

— Общаю, — отвѣчалъ я: — буду ждать, если нужно, всю ночь.

Онъ ушелъ.

Старуха снова усѣлась возлѣ маленькой дѣвочки, которая, повидимому, не много понимала въ томъ, что вокругъ нея происходило, и время отъ времени поднимала на меня свои большіе, свежійные глаза. Обѣ были бѣдно одѣты, и мнѣ показалось, что дѣвочка безъ чулокъ. — Мой старикъ не ворочается, — говорила старуха, — мой бѣдный старикъ не ворочается! лишь бы съ нимъ чего не случилось! И съ возгласами: — Ахъ! ты Боже мой! раздавившими душу, и торопливо щипля корпію, она плакала. Я невольно думалъ съ замираніемъ сердца про того старика, котораго ми видѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, распростертымъ на местовой.

На столѣ лежала газета. Я взялъ ее и развернулъ. То была «*La R.....*» остальное заглавіе было оторвано. Кто-нибудь изъ раненныхъ, по всей вѣроятности, войдя, оперся рукой на столъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала газета. Глаза мои упали на слѣдующія строки:

«— г. Викторъ Гюгѣ обнарудовалъ воззваніе къ грабежу и убійству».

Этими словами органъ Елисейскаго дворца характеризировалъ прокламацію, продиктованную мною Бодену.

Въ то время какъ я бросилъ газету на столъ, вошелъ одинъ изъ защитниковъ баррикады. То былъ маленький.

— Стаканъ воды, — сказалъ онъ. Возлѣ стекляннѣ стоялъ графинъ и стаканъ. Онъ жадно выпилъ воды. У него былъ въ рукѣ кусокъ хлѣба и колбасы, которые онъ ѣлъ.

Вдругъ мы услышали нѣсколько выстрѣловъ, раздавшихся одинъ за другимъ и, повидимому, не въ дальнемъ разстояніи. Среди безмолвія этой черной ночи звукъ выстрѣловъ походилъ на то, какъ бы вывалили телѣгу дровъ на мостовую.

Своимъ и солидный голосъ другого бойца закричалъ съ улицы:

— Начинается.

— Успѣю ли я доѣсть мой хлѣбъ? — спросилъ маленький.

— Да, — отвѣчалъ другой.

Маленькій обратился ко мнѣ.

— Гражданинъ-депутатъ, — сказалъ онъ мнѣ, — вотъ огонь пѣхоты. Баррикады берутъ приступомъ. Право, вамъ пора уйти.

Я отвѣчалъ:

— Да вѣдь вы остаетесь.

— Мы вооружены, а вы нѣтъ. Васъ могутъ только убить безъ всякой пользы для дѣла. Будь у васъ ружье, другое дѣло, а такъ какъ у васъ его нѣтъ, то уходите.

— Я не могу, я жду одного человѣка.

Онъ продолжалъ настаивать. Я пожалъ ему руку.

— Оставьте меня дѣлать, какъ я знаю, — сказалъ я.

Онъ понялъ, что долгъ велитъ мнѣ остаться и пересталъ настаивать.

Наступило молчаніе. Онъ доѣдалъ хлѣбъ. Слышалось только хрипѣніе умирающаго. Въ эту минуту глухой, но сильный гулъ долегалъ до насъ. Старуха привскочила на стулѣ, бормоча:

— Это пушечный выстрѣлъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ маленькій человѣчекъ, — это заперли гдѣ-то ворота. Потомъ продолжалъ: — Ва! я доѣлъ свой хлѣбъ, и поколотилъ руки одну о другую, вышелъ.

Однако выстрѣлы продолжались и повидимому близились. Въ лавѣ слышался шумъ, Это вернулся формовщикъ. Онъ появился на порогѣ лазарета. Онъ былъ блѣденъ.

— Вотъ и я, — сказалъ онъ, — я пришелъ за вами. Надо идти по домамъ. Сейчасъ идемъ.

Я всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ. — Что это значитъ? Развѣ они не придутъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — никто не придетъ. Конченъ балъ.

И поспѣшно объяснилъ мнѣ, что обѣгалъ весь кварталъ, чтобы найти ружье, что трудъ оказался напраснымъ, «что онъ говорилъ съ «двумя или тремя товарищами», что нечего рассчитывать на ассоціаціи, что онѣ не придутъ, что событія дня утѣшили всѣхъ, что самые смѣлые застрашены, что бульвары полны труповъ, что «солдаты» натворили ужасовъ, что баррикада будетъ сейчасъ атакована, что, подходя, онъ слышалъ шумъ шаговъ на перекресткѣ, и что это подходятъ солдаты, что намъ нечего больше здѣсь дѣлать, что надо уходить, что этотъ домъ «выбрали слуру», что въ немъ нѣтъ задняго выхода, что намъ уже трудно будетъ выбраться изъ улицы, и что время не терпитъ.

Все это было сказано задыхающимся, отрывистымъ голосомъ, въ перемежку съ восклицаніями:

— И сказать, что нѣтъ оружія! Подумать только, что у меня нѣтъ ружья!

Пока онъ говорилъ все это, мы слышали крикъ на баррикадѣ: — прицѣливайся! — и почти немедленно раздался выстрѣлъ.

Жаркій салпъ отвѣчалъ на ружейный выстрѣлъ. Нѣсколько пуль ударились о перегородку лазарета, но веось, и ни одна ее не пробила. Мы услышали, какъ со звономъ попадало на улицу нѣсколько разбитыхъ стеколъ.

— Повдно бѣжать, — сказалъ формовщикъ спокойно. — Баррикада атакована.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ. Оба работника были, очевидно, превосходные стрѣлки. Два залпа встрѣтили баррикаду одинъ за другимъ. Баррикада оживленно возражала. Затѣмъ огонь прекратился. Наступила тишина.

— Они идутъ въ птими! бѣгомъ! — кричалъ голосъ на баррикадѣ.

Другой голосъ произнесъ: — бѣжимъ! Раздался послѣдній выстрѣлъ изъ ружья. Затѣмъ послышался стукъ, отъ котораго потряслась наша досчатая перегородка. Одинъ изъ работниковъ, уходя, бросилъ свое ружье; ружье, падая, задѣло за перегородку лазарета. Мы услышали торопливые шаги уходившихъ бойцовъ.

Почти въ ту же минуту баррикада наполнилась шумомъ голосовъ и стукомъ ружейныхъ прикладовъ о мостовую.

— Взята, — сказалъ формовщикъ, и задулъ свѣчу.

Тишина, царившая въ улицѣ за минуту передъ тѣмъ, смѣнилась грознымъ шумомъ. Солдаты ударили прикладами ружей въ двери домовъ. Какимъ-то чудомъ дверь въ лавку была ими не замѣчена. Если бы они толкнули ее локтемъ, то увидѣли бы, что она не заперта, и вошли бы въ нее.

Голосъ, принадлежавшій, должно-быть, офицеру, кричалъ: — Освѣтите окно. Солдаты ругались. Мы слышали, какъ они говорили: — куда дѣлись эти негодян, красные? Общемъ дома. Лазаретъ былъ погруженъ во мракъ. Въ немъ не говорили ни слова, всѣ притаили дыханіе; самъ умирающій словно сознавалъ опасность и пересталъ хрипѣть. Я чувствовалъ, что маленькая дѣвочка прижималась къ моимъ ногамъ.

Солдатъ колотилъ по бочкамъ, говоря со смѣхомъ:

— Вотъ намъ топливо на сегодняшнюю ночь.

Другой подхватилъ:

— Куда они дѣвались? Ихъ было, по крайней мѣрѣ, человѣкъ тридцать. Общемъ дома.

Мы услышали, какъ другой возразилъ:

— Ба! что ты подѣлаешь въ такихъ потѣмкахъ? Врываться въ квартиры мирныхъ людей! Тамъ вонъ есть пустыри. Они убьютъ.

— Все равно, — говорили другіе, — общемъ дома.

Въ эту минуту въ глубинѣ улицы раздался ружейный выстрѣлъ.

Этотъ выстрѣлъ насъ спасъ.

По всей вѣроятности, то выстрѣлялъ одинъ изъ двухъ рабочихъ, чтобы выручить насъ.

— Вотъ откуда стрѣляютъ, — закричали солдаты, — они тамъ! и всѣ бросились къ тому мѣсту, откуда раздавался выстрѣлъ и оставили баррикаду.

Мы встали, формовщикъ и я.

— Они ушли, — сказалъ онъ мнѣ шепотомъ, — скорѣе, бѣжимъ!

— Но эта бѣдная женщина! неужели же мы ее оставимъ здѣсь одну!

— О! — вскричала она, — за меня не опасайтесь, мнѣ нечего бояться: я — перевязочный пунктъ, у меня раненные. Я даже зажгу свѣчу, когда вы уйдете. Но меня беспокоитъ, что мой бѣдный мужъ не ворочается!

Мы прошли черезъ лавку на-цыпочкахъ. Формовщикъ потихоньку отворилъ дверь и заглянулъ на улицу. Нѣкоторые жильцы повиновались приказу освѣтить окна, и пламя четырехъ или пяти зажженныхъ свѣчей колыбалось тамъ и сямъ на вѣтру, на выступахъ оконъ. Улица была мало освѣщена.

— Ни души больше! — сказалъ мнѣ формовщикъ, — но идемъ скорѣе, потому что они, по всей вѣроятности, вернутся.

Мы вышли; старуха затворила за нами дверь, и мы очутились на улицѣ. Мы выбрались изъ баррикады и широкими шагами удалились отъ нея. Мы прошли волею мертвѣго старика. Онъ все еще лежалъ на мостовой, смутно озабоченный колеблющимся свѣтомъ оконъ: онъ точно будто спалъ. Подходя ко второй баррикадѣ, мы услышали за собой шаги возвращающихся солдатъ.

Намъ удалось добраться до пустыря съ разрушенными домами. Тамъ мы были въ безопасности. До насъ только долеталъ звукъ ружейной перестрѣлки. Формовщикъ говорилъ:

— Въ улицѣ Клеръ дерутся. — Выйдя изъ пустыря, мы обошли рынокъ, не безъ опасности наткнуться на патруль, по нѣкой сѣти маленькихъ переулковъ. И добрались до улицы Сентъ-Оноре.

На углу улицы «de l'Arbre Sec» мы расстались, формовщикъ и я.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ онъ мнѣ, — идите опаснѣе, чѣмъ одному. — И я вернулся въ свой № 19 улицы Ринель.

Гастонъ Дюсубъ былъ однимъ изъ самыхъ мужественныхъ членовъ лѣвой. Онъ былъ представителемъ департамента «de la

Haute-Vienne». Въ первые времена своего пребыванія въ собраніи, онъ носилъ, какъ Теофиль Готье во времена бѣны, красный жилетъ, и подобно тому какъ жилетъ Готье поворачивалъ въ дрожь классиковъ 1830 г., такъ и жилетъ Дюссуби заставлялъ трепетать роялистовъ 1851 г.

Гастонъ Дюссубъ жилъ въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, въ сосѣдствѣ съ собраніемъ.

2-го декабря мы его не видали на нашихъ засѣданіяхъ. Онъ былъ боленъ и лежалъ въ постелѣ, «привоанный къ ней ревматизмомъ въ сочлененіяхъ», какъ онъ мнѣ писалъ.

У него былъ братъ моложе его, котораго звали Денисомъ. Утромъ 4 декабря этотъ братъ навѣстилъ его.

Гастонъ зналъ про государственный переворотъ и негодовалъ на то, что долженъ лежать въ постели. Онъ кричалъ:

— Я обезпеченъ. Будутъ выстроены баррикады, а мой шарфъ будетъ на нихъ отсутствовать!

— Нѣтъ! — сказалъ братъ, — онъ будетъ тамъ!

— Какимъ образомъ.

— Передай его мнѣ.

— Возьми.

Денисъ взялъ шарфъ Гастона и ушелъ... Двѣ баррикады, закрывшія улицу «Montorgueil» на разстояніи метровъ сорока, были выстроены близъ улицы «Maconseil».

Три другія баррикады, но очень слабыя, пересѣкали также улицу «Montorgueil» въ томъ мѣстѣ, которое раздѣляетъ улицу «Maconseil» отъ «Pointe Saint-Eustache».

Ночь надвигалась. Перестрѣлка затихала на бульварѣ. Можно было ожидать нападенія врѣсплохъ. Защитники баррикады учредили караулъ на углу улицы «du Cadran», и послали другой патруль по направленію улицы Монмартръ...

Тѣмъ временемъ генералы готовились къ послѣдней атакѣ, въ томъ, что маркизъ де-Клермонъ-Тоннеръ называлъ въ 1822 г. «le coup de collier», а въ 1789 г. принцъ Ламбесъ называлъ «le coup de bas».

Во всемъ Парижѣ одинъ только этотъ пунктъ еще сопротивлялся. Этотъ узелъ баррикады, эта сѣть улицъ, укрѣпленныхъ какъ редутъ, оставалась послѣднимъ оплотомъ права и народа. Генералы медленно, шагъ за шагомъ и со всѣхъ сторонъ, окружали его...

Затѣмъ, всегда предшествующему рѣшительному столкновению, наступалъ конецъ. Приготовленія были окончены съ обѣихъ сторонъ. Солдаты готовились атаковать баррикаду.

— Бѣ дѣлу, — сказалъ одинъ изъ ея защитниковъ, и зарядилъ свой карабинъ.

Денисъ Дюссубъ, явившійся на баррикаду за часъ передъ тѣмъ, остановилъ его за руку.

— Пойдите, — сказалъ онъ.

И тогда произошло слѣдующій эпическій эпизодъ.

Денисъ медленно вскарабкался по булыжникамъ баррикады до самой ея вершины и сталъ на ней безоружный и съ непокрытой головой.

Тамъ онъ, повернувшись лицомъ къ солдатамъ, закричалъ имъ:

— Граждане!

Въ этомъ словѣ было что-то такое, что какъ электрическая искра пробѣжало съ одного конца баррикады до другого. Шумъ замеръ, голоса смолкли и съ двухъ сторонъ воцарилось глубокое, религиозное, торжественное безмолвіе. При отдаленномъ свѣтѣ нѣсколькихъ освѣщенныхъ оконъ, солдатамъ смутно видѣлся чловѣкъ, выдѣлявшейся надъ тучей мрака, точно привидѣніе, говорившее съ ними среди ночи.

Денисъ продолжалъ:

— Граждане-солдаты! выслушайте меня.

Тишина стала еще глубже.

Онъ началъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Вы и мы, — всѣ мы, собравшіеся въ этой улицѣ, въ этотъ часъ, съ саблей или ружьемъ въ рукѣ, что мы собираемся дѣлать? Убивать другъ друга! убивать другъ друга, граждане! Зачѣмъ? Потому что между нами носили недоразумѣнія! Потому что мы повинемся, вы — дисциплинѣ, мы — своему праву! Вы думаете, что выполняете свой воинскій долгъ, а мы думаемъ, что выполняемъ свой гражданскій долгъ. Да, общая подача голоса — это право республики, это наше право, которое мы и защищаемъ, а наше право вмѣстѣ съ тѣмъ и ваше право, солдаты! Армія — вѣдь это тотъ же народъ, какъ и народъ — та же армія. Мы принадлежимъ одной націи, одной странѣ, мы одни и тѣ же люди, Боже мой! Слушайте, развѣ въ моихъ жилахъ течетъ русская кровь? развѣ въ вашихъ жилахъ течетъ прусская кровь? Нѣтъ! Съ какой же стати мы деремся? Всегда печально, когда чловѣкъ стрѣляетъ въ чловѣка. Но если стрѣляетъ французъ въ англичанина, — это понятно, но когда французъ стрѣляетъ въ француза, о! это оскорбительно для разума, оскорбительно для Франціи, оскорбительно для нашей матери!

Его слушали съ замѣраніемъ сердца. Въ эту минуту съ противоположной баррикады чей-то голосъ закричалъ:

— Когда такъ, то разойдитесь по домамъ!

При этомъ нахальномъ перерывѣ среди товарищей Дениса пробѣжалъ раздраженный трепетъ, и послышалось, какъ нѣкоторые стали заряжать ружья. Денисъ сдержалъ ихъ жестомъ.

Этотъ жестъ былъ властительный.

— Кто этотъ человекъ? — спрашивали себя на баррикадѣ. Вдругъ многіе вскричали:

— Это представитель народа.

Денисъ въ самомъ дѣлѣ внезапно обмѣня въ жарѣ своего брата Гастона.

То, что онъ задумалъ, должно было совершиться, настала чаша героическаго обмана, — онъ вскричалъ:

— Солдаты, знаете ли кто говоритъ съ вами въ настоящую минуту! Не только гражданинъ, но и законодатель! Избранный всеобщей подачей голоса! Меня зовутъ Дюсубъ, и я представитель народа. Во имя національнаго собранія, во имя самодержавнаго собранія, во имя народа, во имя закона, я приглашаю васъ разойтись. Солдаты, вы сила. Ну, такъ знайте! Когда законъ приказываетъ, сила повинуется.

Денисъ Дюсубъ говорилъ долго: «онъ говорилъ минутъ двадцать», сообщаетъ намъ одинъ очевидецъ. Другой передавалъ: — «онъ говорилъ громкимъ голосомъ; вся улица его слышала». Онъ былъ краснорѣчивъ, горачъ, глубокъ, судья Бонапарта, другъ солдатъ. Онъ старался расшевелить въ нихъ всѣ струны; напомнилъ имъ про славныя войны, славныя победы, національную славу, про воинскую честь, знамя. Онъ говорилъ имъ, что пули ихъ убьютъ все это. Онъ умолялъ ихъ, приказывалъ имъ присоединиться къ защитникамъ народа и закона; затѣмъ вскричалъ:

— Но къ чему всѣ эти слова? Не это намъ нужно, намъ нужно помасть другъ другу руку! Солдаты! вотъ вы стоите на-противъ насъ, въ ста шагахъ, на баррикадѣ, съ обнаженными саблями, съ заряженными ружьями, вы прицѣливаетесь въ меня, а гдѣ мы всѣ, гдѣсь находящіеся, любимъ васъ! Нѣтъ ни одного изъ насъ, кто бы не отдалъ свою жизнь за васъ. Вы крестьяне французскихъ селеній, мы парижскіе работники. Въ чемъ дѣло? А просто въ томъ, чтобы понять другъ друга, оговориться, не убивая другъ друга! Попробуйте-на, а! Ахъ! Что касается меня, то я лучше хочу пасть на этомъ ужасномъ полѣ междоусобной войны, нежели убавать. Послушайте, вотъ я сойду съ этой баррикады и пойду къ вамъ, у меня нѣтъ оружія, я знаю только, что вы мои братья, а слышать, я охочусь, и если кто изъ васъ выставитъ противъ меня штыкъ, я протяну ему руку.

Онъ умолялъ.

На противоположной баррикадѣ раздалась команда:—впередь! маршъ!

Тогда увидѣли, что онъ медленно спускался съ вершины слабоозаренной баррикады и съ высоко-поднятой головой углубился въ темную улицу.

На баррикадѣ за нимъ слѣдили съ замираніемъ сердца. Всѣ пританки дыханіе.

Никто не старался удержать Дениса. Всѣмъ понималъ, что онъ шелъ туда, куда долженъ былъ идти. Шарпантье пожелалъ сопровождать его.—Хочешь, я пойду съ тобой?—закричалъ онъ ему. Денисъ отрицательно качалъ головой.

Онъ одинъ направился къ баррикадѣ Матисоннѣ. Ночь была такъ темна, что его почти тотчасъ же потеряли изъ виду. Только въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ можно было слѣдить за его смѣлыми и спокойными движеніями. Затѣмъ его не стало видно. То была страшная минута. Ночь была черна и безмолвна. Слышались лишь во прахъ звукъ удалявшихся мѣрныхъ и твердыхъ шаговъ.

Спусти нѣкоторое время, когда — никто бы не могъ опредѣлить, настолько все были очарованы этой чрезвычайной сценой — на солдатской баррикадѣ показался огонь: то былъ по-всей вѣроятности фонарь, который принесли или снова поставили на мѣсто. При его свѣтѣ Дюсуба снова стало видно; онъ былъ совсѣмъ у баррикады; онъ подходилъ къ ней, раскрывъ объятья.

Вдругъ послышалась команда: — или! Раздался ружейный залпъ.

Они выстрѣлили въ Дюсуба почти въ упоръ.

Дюсубъ упалъ.

Потомъ приподнялся и вскричалъ:—да здравствуетъ республика!

Новая пуля сразила его: онъ снова упалъ. Потомъ еще разъ приподнялся и кричалъ громкимъ голосомъ:—Я умираю вмѣстѣ съ республикой.

Это было его послѣднее слово.

Такъ умеръ Денисъ Дюсубъ.

Онъ не напрасно сказалъ своему брату: твой шарфъ будетъ на баррикадѣ.

Онъ пожелалъ, чтобы этотъ шарфъ исполнилъ свой долгъ. Онъ рѣшилъ въ глубинѣ своей воинской души, что этотъ шарфъ возгордится или путемъ закона, или путемъ смерти.

То-есть, что въ первомъ случаѣ онъ спасетъ праву, а во второмъ — чести.

Умирая, онъ могъ сказать себѣ: я успѣлъ совершить то, что хотѣлъ.

Изъ двухъ возможныхъ триумфовъ, о которыхъ онъ мечталъ, крашннй триумфъ не менѣе прекрасенъ.

Бунтовщикъ Елисейскаго дворца. воображалъ, что убить на-
роднаго представителя и похвалится этимъ. Единственная газета,
надаваемая государственнымъ переворотомъ подъ различными за-
главіями: «Patrie», «Univers», «Moniteur Parisien» и проч.
возвѣстила на завтра, въ пятницу, 5 декабря, что «мы-депутаты
Дюсубъ (Гастонъ)» убить на баррикадѣ улицы *Neuve-Saint-
Eustache*, и что онъ несъ «красное знамя въ руцѣ».

Убійства, совершѣнные 4 декабря, произвели все свое дѣй-
ствіе лишь на другой день, 5 декабря; духъ борьбы, вдоннутый
нами, продержался еще нѣсколько часовъ, и при наступленіи
ночи, въ сѣти домовъ, начиная съ улицы *du Petit-Carreau* и до
улицы Тамплъ, дрались. Баррикады *Pagevin*, *Neuve-Saint-Eustache*,
Montorgueil, *Rambuteau*, *Beaubourg*, *Tranquonain*, крабро держа-
лись; тутъ шла непроницаемая путаница улицъ и перекрестковъ,
баррикадированная народомъ, тѣснимая арміей.

Приступъ былъ безпощадный и ожесточенный.

Баррикада улицы *Montorgueil* держалась всего долѣе. По-
надобился цѣлый батальонъ и пушки, чтобы снести ее. Въ по-
сѣдній моментъ ее защищали только три человека: два приказ-
чика изъ магазина и лимонадчикъ изъ сосѣдней улицы. Когда
начался приступъ, мракъ былъ непроницаемый, и всѣ три борца
спаслись бѣгствомъ. Но они были окружены. Выхода ни откуда.
Ни одной открытой двери. Они перелѣзли черезъ рѣшетку пас-
сажа Верде и спаслись въ пассажъ. Но рѣшетка по ту сторону
пассажа была заперта, и у нихъ не хватило времени перелѣзть
черезъ нее. Къ тому же, они слышали, что солдаты окружили
пассажъ съ обѣихъ сторонъ. Въ углу пассажа лежало нѣсколько
досокъ, и они забѣгли за эти доски.

Солдаты, взявши баррикаду, обыскавъ улицы, выдумали
обыскать также и пассажъ. Они тоже перелѣзли черезъ рѣшетку и
смотрѣли съ фонарями во всѣ стороны, но ничего не находили.
Они уже собрались уходить, когда кто-то изъ нихъ увидѣлъ въ-
недѣ досокъ ногу одного изъ трехъ бѣднжковъ, торчавшую на-
ружу.

Ихъ всѣхъ тронхъ стали колоть тутъ же штыками.

Они кричали:—убейте насъ съ-разу! разстрѣляйте насъ! не то-мте!

Торговцы сосѣднихъ лавокъ слышали эти крики, но не смѣли отворить ни оконъ, ни дверей, изъ боязни, какъ сказалъ одинъ на другой день, «чтобы и съ ними не было того же».

Окончивъ казнь, палачи оставили всѣ три жертвы на мостовой пассажа плавающими въ крови. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ умеръ лишь на слѣдующій день, въ восемь часовъ утра.

Никто не осмѣлился просить о пощадѣ; никто не осмѣливался оказать помощи: его оставили умирать.

Одинъ изъ бойцовъ баррикады въ улицѣ *Beaubourg* отдѣлался счастливѣе.

Его преслѣдовали. Онъ бросился на какую-то лѣстницу, добрался до крыши, а оттуда пролѣзъ въ корридоръ отель-гарни. Въ одной двери торчалъ ключъ. Онъ смѣло отворилъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который ложился спать. То былъ усталый путешественникъ, который въ тотъ самый вечеръ пріѣхалъ въ отель. Бѣглецъ сказалъ путешественнику: — я погибъ! спасите меня! и объяснилъ ему все дѣло въ трехъ словахъ. Путешественникъ сказалъ ему: — раздѣньтесь и лягьте въ мою постель. Затѣмъ, зажегъ сигару и спокойно принялся курить. Не успѣвъ преслѣдуемый лечь въ постель, какъ поступались въ дверь. То были солдаты, которые обыскивали домъ. На сдѣланные ими вопросы, путешественникъ указалъ на кровать и сказалъ:—насъ здѣсь только двое. Мы недавно пріѣхали. Я курю сигару, а братъ мой спитъ. Служитель гостиницы подтвердилъ слова путешественника. Солдаты ушли, и никто не былъ разстрѣлянъ.

Скажемъ вѣсти, что побѣдоносные солдаты убивали меньше, чѣмъ наманунѣ. Не всѣхъ, взятыхъ на баррикадахъ, забили. Въ этотъ день издавъ былъ приказъ забирать плѣнными. Можно было подумать, что проснулася нѣкоторая гуманность. Что это была за гуманность, ми это сейчасъ увидимъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера все было кончено.

Всѣхъ, кого забрали на оцѣпленныхъ улицахъ, арестовали,— все равно: спражались они или нѣтъ; всѣ кабаки и кофейни заставили отпереть; всѣ дома обыскали, забрали въ нихъ всѣхъ мужчинъ, оставя только женщинъ и дѣтей. Два полка, выстроенные въ паре, уводили всѣхъ этихъ плѣнныхъ. Ихъ отвели въ Тюльери и заперли въ обширномъ погребѣ, расположенномъ подъ террасой на берегу воды.

Входя въ этотъ погребъ, узники почувствовали себя успокоенными. Они вспомнили, что въ іюнѣ 1848 г. инсургенты были заперты здѣсь въ большомъ числѣ и позднѣе сосланы. Они говорили себѣ, что ихъ тоже вѣроятно сошлютъ или отдадутъ надъ военный судъ, и что у нихъ есть время впередъ.

Имъ хотѣлось пить. Многіе изъ нихъ дрались съ утра, а ни отъ чего такъ не пересыхаетъ въ горлѣ, какъ отъ драки. Они попросили пить. Имъ принесли три кружки воды.

Они совсѣмъ успокоились. Между ними были іюньскіе семейные, которые уже сидѣли въ этомъ погребѣ и сообщили: — въ іюнѣ не были такъ жестоколюбивы. Насъ продержали три дня и три ночи безъ пищи и питья.

Нѣкоторые, завернувшись въ пальто или въ плащи, легли и заснули. Въ часъ пополудни раздался большой шумъ на улицѣ; солдаты съ факелами въ рукахъ появились въ погребѣ; спавшіе узники проснулись, и офицеръ приказалъ имъ встать.

Ихъ вывели изъ тюрьмы безпорядочной толпой, какъ и привели. Но при выходѣ ихъ разставили попарно и сержантъ громко пересчиталъ ихъ. У нихъ не спрашивали ни имени, ни профессіи, ни фамиліи, ни откуда они пришли; ихъ только пересчитали. Для того, что имъ предстояло, было достаточно одной цифры.

Ихъ насчитали триста-тридцать семь человѣкъ. Сосчитавъ, ихъ выстроили колонной, по двое человѣкъ въ рядъ. Они не были связаны, но по обѣ стороны колонны шли солдаты въ три ряда съ заряженными ружьями, въ головѣ — батальонъ, въ хвостѣ — другой.

Въ ту минуту, какъ колонна трогалась съ мѣста, одинъ молодой студентъ-юристъ, блѣднѣющій и блѣдный эльзасецъ, двадцати лѣтъ, спросилъ у капитана, шедшаго рядомъ съ нимъ съ саблей наголо:

— Куда насъ ведутъ?

Офицеръ не отвѣчалъ.

Выйдя изъ Тюльери, они свернули на-право и пошли по набережной до моста Согласія. Они прошли мостъ Согласія и взяли вправо. Такимъ образомъ они прошли передъ плащомъ Инвалидовъ и дошли до пустынной набережной *du Gros-Cailhou*.

Ихъ было, какъ уже мы сказали, триста-тридцать-семь человѣкъ, и какъ какъ они шли попарно, то одинъ остался лишнимъ въ хвостѣ. Случай устроилъ такъ, что сержантъ, шедшій впереди него, оказался его «землякомъ». Проходя у фонаря, они узнали другъ друга. И поспѣшно обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Куда мы идемъ? — спросилъ арестантъ.

— Въ военную школу, — отвѣчалъ сержантъ. И прибавилъ: — Ахъ, ты бѣдняга!

Потомъ нѣсколько отстранился отъ арестанта.

Такъ какъ тутъ кончалась колонна, то образовался нѣкоторый промежутокъ между послѣднимъ рядомъ солдатъ, изъ которыхъ состояла цѣпь, и первымъ рядомъ отряда, замыкавшаго шествіе.

Когда они подходили къ пустынному бульвару du Gros Caillon, сержантъ торопливо подошелъ къ узнику и шепотомъ и скороговоркой сказалъ ему:

— Здѣсь ничего не видно. Видишь, какая темень. По лѣвую руку растутъ деревья. Улепетывай! и

— Но, — сказалъ арестантъ, — мнѣ стануť стрѣлять въ догонку.

— Не попадуть.

— А если меня убьютъ.

— Это будетъ не хуже того, что тебя ожидаетъ.

Арестантъ копнулъ, пошатъ руку сержанту и, воспользовавшись промежутокъ между цѣпью и аррьергардомъ, однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ рядовъ и скрылся въ тѣни деревьевъ.

— Одинъ сбѣжалъ! — закричалъ офицеръ, командовавшій послѣднимъ взводомъ. — Стой!... Пле!

Колонна остановилась. Отрядъ въ аррьергардѣ выстрѣлилъ на-удачу въ томъ направленіи, куда убѣжалъ арестантъ и, какъ предвидѣлъ сержантъ, не попалъ въ него. Въ нѣсколько секундъ бѣглецъ достигъ улицъ, примыкающихъ къ табачной мануфактурѣ и скрылся въ нихъ. Его не преслѣдовали, потому что было нѣкогда.

Къ тому же, вся колонна могла разстрѣлять, и чтобы поимать одного, рисковали упустить триста-тридцать шесть.

Колонна продолжала свой путь. Дойдя до Іамскаго моста, повернули налѣво и вступили на Марсово поле.

Тамъ ихъ всѣхъ разстрѣляли.

Эти триста-тридцать-шесть труповъ были въ числѣ тѣхъ, которыхъ свезли на Монмартрское кладбище и зарыли тамъ, оставивъ головы наружу.

Такимъ образомъ родные могины признавъ ихъ. Объ ихъ имени и званіи узнали уже послѣ того, какъ ихъ убили.

Въ числѣ этихъ трехсотъ-тридцати-шести жертвъ было много защитниковъ баррикадъ въ улицахъ Pagevin и Rambuteau, улицы Neuve-Saint-Eustache и Porte Saint-Denis. Было также и чело-

какъ сто прохожихъ, вѣтъ ихъ за то, что они попались подъ руку, и больше ни за что.

Впрочемъ, слышались тутъ же, казни толпой, начиная съ 3-го декабря, возобновлялись почти каждую ночь. Иногда онѣ происходили на Марсовомъ полѣ, иногда въ полицейской префектурѣ, иногда и тутъ, и тамъ.

Когда тюрьмы переполнялись, Монэ говорилъ: разстрѣливайте въ префектурѣ разстрѣливали то во дворѣ, то на улицѣ Jégulez. Несчастныхъ, которыхъ разстрѣливали, прислоняли къ стѣнѣ, на которой наклеиваютъ театральныя афиши. Это мѣсто выбрали потому, что оно соприкасается со стѣнной трубой: кровь стекала въ нее и оставляла меньше слѣдовъ. Въ пятницу, 5-го декабря, воутр этой стѣнной трубы разстрѣляли сто-пятьдесятъ арестантовъ. Маринъ Сарраветъ де-Монферрь слышалъ мнѣ: «На другое утро я проходилъ тамъ, мнѣ показали на это мѣсто, я раскопалъ кончикомъ сапога грязь между камнями мостовой. и увидѣлъ кровь».

Въ этихъ словахъ вся исторія государственнаго переворота и вмѣстѣ съ тѣмъ исторія Луи-Бонапарта. Раскопайте эту грязь — и вы найдете кровь.

Итакъ, пусть исторія занесетъ на свои страницы слѣдующее.

Уличныя убійства завершились тайными казнями. Государственный переворотъ, вывазавшись вѣрными, надѣлъ затѣмъ маску. Онъ перенелъ отъ наглой рѣзни среди бѣлаго дня въ тайному убійству въ глухую ночь.

Свидѣтелей не оберешься.

Эскиросъ, спрятанный въ Gros-Caillon, слышалъ каждую ночь выстрѣлы на Марсовомъ полѣ.

Шамбалъ, въ Мавасѣ, на вторую ночь по прибытіи туда, слышалъ отъ полуночи до пяти часовъ утра такія частыя залпы, что вообразилъ, что на тюрьму сдѣлано нападеніе.

Какъ и Монферрь, Демулонъ видѣлъ кровь на мостовой Иерусалимской улицы.

Подполковникъ Кайль, въ прежней республиканской гвардіи, проходить по Pont-Neuf и видѣть какъ городскіе сержанты, съ ружьями въ рукахъ, прицѣлываются въ прохожихъ, и говорятъ имъ: «Вы безчестите мундиръ». Его арестуютъ. Обыскиваютъ. Одинъ городской сержантъ говоритъ ему: «Если мы найдемъ на васъ хоть одинъ патронъ, мы васъ разстрѣляемъ». На немъ ничего не находятъ. Отводятъ его въ полицейское депо и запираютъ тамъ. Директоръ депо приходитъ и говоритъ: «Подполковникъ, я васъ знаю. Не жалуйтесь на то, что вы сюда попали.

Вы отданы мнѣ подъ стражу. Радуйтесь этому. Видите ли, я свой человѣкъ, хожу туда, сюда, все вижу, все слышу, знаю, что происходитъ, знаю, что говорится, угадываю то, чего не говорятъ. По ночамъ я слышу все-какой шумъ, днемъ вижу все-какіе слѣды. Я не зеваю. Я васъ похитилъ, я васъ укралъ. Будьте довольны, что находитесь теперь со мной. Если бы вы были не здѣсь, то лежали бы въ сырой землѣ».

Отставной судья, зять генерала Деффо, разгоняивается на мосту Согласія, передъ крыльцомъ палаты, съ офицерами; на него накидываются полицейскіе: «Вы подстрекаете армию». Онъ отрывается отъ выводимаго обвиненія, его сажаютъ въ фіакръ и привозятъ въ полицейскую префектуру. Въ ту минуту, какъ его подвозятъ въ ней, онъ видитъ, что по набережной проходитъ молодой человѣкъ въ блузѣ и фуражкѣ, подгоняемый прикладами трехъ муниципальныхъ гвардейцевъ. Дойдя до углубленія парапета, одинъ изъ гвардейцевъ кричитъ ему: «зайди туда». Тотъ заходитъ. Двое гвардейцевъ разстрѣливаютъ его въ спину. Онъ падаетъ. Третій добываетъ его выстрѣломъ въ ухо.

13-го декабря убійства еще не были окончены. Въ этотъ день, въ сумерки, одинъ прохожій, шедшій вдоль улицы Сентъ-Оноре, увидѣлъ три грузныхъ фургона, медленно шествовавшихъ между двумя рядами конницы. Можно было прослѣдить дорогу этихъ фургоновъ по каплямъ крови, которая изъ нихъ сочилась. Они ѣхали съ Марсова поля на Монмартрское кладбище. И были нагружены мертвыми тѣлами.

3-го декабря все стремилось къ намъ, 5-го—все отклоняло отъ насъ. Это было похоже на морской прибой и отбой. Грозныя волны нахлынули, а затѣмъ отхлынули. Грозныя народныя волны!

И кто напрялъ въ себѣ силу сказать этому океану: ты не пойдешь дальше?—Увы, пигмей.

Это бѣдство бездны несповѣдимо.

Бездна ужаснулась. Чего?

Того, что еще глубже ея. Преступленія.

Наредъ отступилъ. 5-го декабря онъ отступилъ, 6-го—исчезъ.

На горизонтѣ ничего не стало видно, кромѣ зачинающейся ночи.

Ночь эта была имперія.

5-го числа мы очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ были 2-го. Одинокими.

Но мы унорствоваали. Состояніе нашей души было такое: мы въ отчаяніи, да; но не въ уныніи. Худшія вѣсти приходили къ намъ, какъ третьяго дня—хорошія, одна за другой. Обри (du Nord) былъ посаженъ въ Консьержери. Нашъ краснорѣчивый и милый Крѣмье въ Мазасъ. Луи-Бланъ, который хотя и изгнанникъ, сибѣшилъ на помощь Франціи и приносилъ намъ великую силу своего имени и своей души, долженъ былъ, какъ и Ледрю-Ролленъ, остановиться передъ катастрофой 4-го декабря. Его не пропустили дальше Турна.

Что касается генерала Неймайера, то онъ не «пошелъ на Парижъ», но прѣѣхалъ въ него. Зачѣмъ? зачѣмъ, чтобы заявить о своей покорности.

У насъ не было больше пристанища. № 15 въ улицѣ Ринелль былъ подъ надзоромъ полиціи, № 11 улицы Монтанборъ тоже. Мы бродили по Парижу, сталкиваясь то тамъ, то сямъ, обѣиваясь шопотомъ нѣсколькими словами, не зная, гдѣ проведемъ ночь и гдѣ будемъ обѣдать, и среди этихъ людей, не зная, куда преклонить голову, у одного она была отбита.

Встрѣчааясь, вотъ какія рѣчи вели мы:

— Куда дѣвался такой-то?

— Онъ арестованъ.

— А тотъ-то?

— Убитъ.

— А этотъ?

— Проникъ безъ вѣсти.

Мы однако еще разъ собрались всѣ вмѣстѣ. Это было 6-го декабря, у депутата Раймона, на площади Мадленн. Мы сошлись тамъ почти всѣ. Я могъ позвать руку Эдгару Кине, Шюффу, Клеманъ Дюлаку, Банселю, Версиньи, Эмилю Цезану и другимъ. Изъ оконъ комнаты, въ которой мы совѣщались, видны были площадь Мадленн и бульвары, занятые войсками, суровыми и ожесточенными, выстроенными въ боевомъ порядкѣ и какъ будто еще готовившимися вступить въ бой. Принималъ Шарамоль.

Онъ вынулъ изъ-подъ своего широкаго плаща два пистолета и положилъ ихъ на столъ, говоря:

— Все кончено. Теперь возможно только какое-нибудь безумное предпріятіе. Я его и предлагаю. Могу ли я рассчитывать на васъ, Викторъ Гюгб?

— Да,—отвѣчалъ я.

Я не зналъ, что онъ смеется, но зналъ, что это будетъ нѣчто великое.

И въ самомъ дѣлѣ:

Томъ IV.—Іюль, 1878.

— Насъ адѣсь, — сказалъ онъ, — около пятидесяти представителей народа, еще не-арестованныхъ и собранныхъ вмѣстѣ. Мы единственные представители національнаго собранія, всеобщей подачи голоса, закона, права. Гдѣ будемъ мы завтра? Мы этого не знаемъ. Разсѣянные по лицу земли или мертвые. Сегодня принадлежитъ намъ; пропустивъ его, мы имѣемъ впереди одинъ мракъ. Случай единственный. Воспользуемся имъ.

Онъ остановился, пристально поглядѣвъ на насъ своимъ твердымъ взглядомъ и продолжалъ.

— Воспользуемся той случайностью, что мы живы и собрались вмѣстѣ. Группа, находящаяся адѣсь, выражаетъ собой всю республику. Итакъ, предъявимъ арміи республику въ нашемъ лицѣ и заставимъ армію отступить передъ республикой, а силу передъ правомъ. Пусть въ эту роковую минуту кто-нибудь да дрогнетъ: сила или право; если право не дрогнетъ, то сила содрогнется. Если мы не испугаемся, то солдаты испугаются. Атакуемъ преступленіе. Если законъ будетъ наступать, преступленіе обратится въ бѣгство. Во всякомъ случаѣ, мы исполнимъ свой долгъ. Если мы останемся въ живыхъ, то будемъ спасителями; если умремъ, то героями. Вотъ чтó я предлагаю...

Воцарилось глубокое молчаніе.

— Опоишемся своими шарфами и пойдемъ процессіей, по двое въ рядъ, на площадь Мадлены. Вы видите этого полковника, который стоитъ вонъ тамъ, передъ большимъ крыльцомъ, со своимъ полкомъ, размѣщеннымъ въ боевомъ порядкѣ. Мы подойдемъ къ нему и, въ присутствіи солдатъ, я прикажу ему исполнить свой долгъ и передать республикѣ ея колы. Если онъ откажется...

Шарамоль взялъ въ руки оба исполета.

— Я размовжу ему голову.

— Шарамоль, — сказалъ я, — я иду съ вами.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, — отвѣчалъ Шарамоль.

И прибавилъ:

— Это пробудитъ народъ.

— А если нѣтъ? — вскричали нѣкоторые.

— Мы умремъ.

— Я съ вами, — сказалъ я.

И мы пожали другъ другу руки.

Но возраженія посыпались со всѣхъ сторонъ.

Никто не трусилъ, но всѣ критиковали. Вѣдь, это просто глупость, и глупость бесполезная! Не значить ли это ставить на карту, безъ малѣйшаго шанса на выигрышъ, послѣднія силы

республики? Какое благополучіе для Бонапарта: съ-разу раздавить все, что остается отъ его противниковъ и борцовъ! Съ-разу покончить съ ними. Положимъ, мы побѣждены, но въ чему же намъ еще уничтожать себя? Нѣтъ ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Цѣлой арміи не размошнѣть головы. Сдѣлать то, что предлагаетъ Шарамоль, значить, расчистить себѣ путь къ могилѣ, ничего болѣе. Это будетъ великое самоубійство, но все же самоубійство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть только героемъ, значить, быть эгоистомъ. Одно мгновеніе, и вы знамениты и ваше имя принадлежитъ исторіи; это удобно. А другимъ вы оставляете тяжелый трудъ долгаго протеста, несокрушимую борьбу въ изгнаніи, горькую и тяжкую жизнь побѣжденнаго, продолжающаго бороться съ побѣдой. Известное терпѣніе нераздѣльно съ политической. Умѣть выждать отмищенія иногда бываетъ труднѣе, нежели поторопиться съ развязкой. Есть два рода мужества: храбрость и стойкость. Первая есть удѣлъ солдата, вторая — гражданина. Какой-нибудь конецъ, хотя бы и геройскій — этого недостаточно. Выпутаться изъ хлѣвца смертью — это слишкомъ легко; что необходимо, что трудно — это вывести изъ бѣды отечество. Нѣтъ, говорили благородные спорщики Шарамоль и мнѣ, вы намъ предлагаете воспользоваться сегодняшнимъ днемъ, но это значить отказаться отъ завтрашняго дня; берегитесь: въ самоубійствѣ есть нѣкоторая доза измѣны...

Слово «измѣна» болѣзненно задѣло Шарамоля.

— Хорошо, — сказалъ онъ: — я отступаюсь.

Эта сцена была велика, и Кинѣ, впоследствии, въ изгнаніи, говорилъ мнѣ о ней съ глубокимъ волненіемъ.

Мы разстались. И больше уже не видѣлись.

Я бродилъ по улицѣ. Гдѣ ночевать? — вотъ вопросъ. Я подумалъ, что № 19 улицы Ришельѣ былъ по всей вѣроятности также подъ надзоромъ полиціи, какъ и № 15. Но ночь была холодна; я рѣшился идти на удачу въ это убѣжище, хотя, быть можетъ, и опасное. Я не напрасно помахивалъ на него. Я въ немъ поужиналъ кускомъ хлѣба и провелъ отличную ночь. На другое утро, на разсвѣтѣ проснувшись, я вспомнилъ про обязанность, ожидавшую меня, подумалъ, что я выйду изъ этой комнаты съ тѣмъ вѣроятіемъ, чтобы больше въ нее не возвращаться, взялъ оставшіяся у меня хлѣбъ и напропалъ его на окнѣ для птицъ.

Такъ какъ преступленіе увѣчалось успѣхомъ, то все въ нему приминуло. Можно было унорствовать, но не сопротивляться. По-

положеніе становилось все болѣе и болѣе отчаяннымъ. На горизонтѣ какъ-бы выросла громадная, глухая стѣна.

Исходъ — изгнаніе.

Великія души, слава народа, эмигрировали. Миръ утѣшительно дѣло: Францію, изгнанную изъ Франціи.

Но утрата въ настоящемъ служить на пользу будущему: рука, которая свѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ руна, которая и оплодотворяетъ землю.

Депутаты лѣвой, преслѣдуемые, гонимые, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, бродили нѣсколько дней изъ одного убѣжища въ другое. Тѣ, которые обратились въ бѣгство, выбрались изъ Парижа и изъ Франціи лишь съ большимъ трудомъ. У Мадье де-Монжа были очень черныя и очень густыя брови; онъ наполовину выбрилъ ихъ. Жанъ Пельтье, Жюандриэ, Дутръ собрали усы и бороду. Версины пріѣхалъ въ Брюссель 14 декабря съ паспортомъ на имя Морена. Шельхеръ переодѣлся священникомъ. Этотъ костюмъ очень присталъ къ его строгому лицу и внушительному голосу. Одинъ почтенный священникъ помогъ ему переодѣться, ссудилъ его сутаной и заставилъ его за нѣсколько дней передѣлать сбрить свои бавенбарды, чтобы его не могла выдать близина кожи на свѣже-выбритомъ мѣстѣ, отдалъ ему свой собственный паспортъ и проводилъ его на желѣзную дорогу.

Де-Флоттъ переодѣлся слугою и пересѣхалъ въ этомъ видѣ границу въ Мускронѣ. Оттуда онъ пріѣхалъ въ Гентъ, а затѣмъ въ Брюссель.

Въ ночь на 26-е декабря, я вернулся въ маленькую комнату безъ печки, которую я занималъ во второмъ этажѣ гостиницы «de la Porte-Verte», № 9; наступила полночь, я только что легъ въ постель и уже началъ засыпать, когда къ моему дверѣ постучались. Я проснулся. Я никогда не запираюсь. — Войдите, — закричалъ я. Вошла служанка со свѣчей и ввела двухъ господъ, мнѣ незнакомыхъ. Одинъ былъ адвокатъ изъ Гента, а другой де-Флоттъ. Онъ взялъ мою обѣ руки и съ лѣнностью пожалъ. — Какъ? это вы? — сказалъ я. Де-Флоттъ въ собраніи, съ своими выпуклыми и задумчивыми лбомъ, глубокими глазами, коротко остриженными волосами и длинной бородой, походилъ на твореніе Себастьяна дель-Пюмбо, вышедшее изъ картинъ Лавара; а передо мной стоялъ маленькій, худой и блѣдный человѣчекъ въ очкахъ.

Эдгаръ Кине увезенъ былъ 10-го декабря одной благородной молдаванкой, княгиней Кангаузенъ, которая казалась перевезти его за границу и сдержала слово. Это было нелегко. У

Кине былъ иностранный паспортъ на имя Грубеско, онъ слылъ за балаха и рѣшено было, что онъ ни слова не говорить по-французски, онъ, первоклассный французскій писатель. Паспортъ осматривался вдоль всей линии, на каждой станціи, лачная съ добардера. Въ Амьенѣ начальство выказалось особенно придирчивымъ. Но въ Лиллѣ опасность была еще грознѣе. Жандармы обходили вагоны одинъ за другимъ, съ фонаремъ въ рукѣ и просѣдали примѣти пассажировъ. Многіе, показавшіеся подозрительными, были арестованы и немедленно засажены въ тюрьму. Эдгаръ Кине, сидя рядомъ съ г-жею Кантакузенъ, дождался, пока наступитъ очередь его вагона. Наконецъ, дошло дѣло и до него. Г-жа Кантакузенъ поспѣшно наклонилась къ жандармамъ и подала свой паспортъ. Но ефрейторъ оттолкнулъ паспортъ г-жи Кантакузенъ, говоря: «Намъ его не нужно, сударня. Мы не осматриваемъ женскихъ паспортовъ». И грубо спросилъ у Кине: «есть ли бумаги?» Кине держалъ свой паспортъ развернутымъ. Жандармъ сказалъ ему: «выходите изъ вагона, мы просѣримъ наши примѣты». Онъ вышелъ. Но валахскій паспортъ какъ нарочно не содержалъ никакихъ примѣтъ. Ефрейторъ наморщилъ брови и замѣтилъ своимъ собратьямъ: «паспортъ неправильный! Позовите комиссара».

Все, повидимому, было потеряно, но г-жа Кантакузенъ принялась болтать съ Кине на самомъ валахскомъ языкѣ необычайной скороговоркой и съ полнымъ убѣжденіемъ, такъ что жандармъ, уѣхавъ, что имѣетъ дѣло съ воплощенной Валахіей и видя, что воздъ готовъ тронуться, возвратилъ Кине паспортъ, говоря: «Ну, убирайтесь!» Нѣсколько часовъ спустя Эдгаръ Кине былъ уже въ Бельгій.

Арно де-л'Аріежъ тоже прошелъ черезъ огонь и воду. На него донесли; ему пришлось скрываться. Такъ какъ Арно былъ католиномъ, то м-ме Арно обратилась къ священникамъ; аббатъ Дегерри уклонялся, но аббатъ Марс согласился помочь преслѣдуемому. Арно де-л'Аріежъ скрывался у него въ продолженіи двухъ недѣль. Онъ написалъ изъ своего убѣжища письмо къ парижскому архіепископу, убѣждая его отказать отъ Пантеона, который Луи-Бонапартъ декретомъ отнималъ у Франціи и отдавалъ Риму. Это письмо рассердило архіепископа. Арно изгнанный пробрался въ Брюссель.

Въ этомъ калейдоскопѣ приключеній и эпизодовъ на долю каждого вывала своя драма. Драма Курна была необыкновенна и ужасна.

Курна былъ морской офицеръ. То былъ одинъ изъ тѣхъ рѣ-

шительныхъ людей, которые вдохновляютъ другихъ и которые въ известныя рѣшительныя минуты увлекаютъ за собой толпу. У него была гордая осанка, широкія плечи, мускулистыя руки, здоровые кулаки, высокій ростъ, внушающіе довѣріе тоны, и умный взглядъ, внушающій довѣріе мыслителю. Стояло только поглядѣть на него, чтобы признать въ немъ силу; стоило послушать его, чтобы почувствовать, что у него есть воля, — а это важнѣе силы. Въ юности онъ служилъ на военныхъ корабляхъ. Въ немъ было известное душевное равновѣсіе — и это-то и дѣлало изъ этого энергическаго, хорошо направленнаго и употребленнаго въ дѣло человѣка и рычага, и точку опоры — онъ соединялъ въ себѣ народный порывъ и военную выдержку. То была одна изъ натуръ, созданныхъ для урагана и для толпы; онъ началъ изучать народъ по океану и такъ же освоился съ революціей, какъ и съ бурей.

Онъ принималъ большое участіе въ борьбѣ, выказался смѣлымъ и неутомимымъ. Уже съ середины нѣскольکو полицейскихъ охотились за нимъ; имъ было поручено выслѣдить его во что бы то ни стало, схватить и доставить въ полицейскую префектуру, гдѣ былъ отданъ приказъ немедленно расстрѣлять его.

Между тѣмъ Курнѣ съ своей обычной смѣлостью свободно рассказывалъ по всѣмъ кварталамъ, даже тѣмъ, которые были заняты войскомъ. Въ видахъ предосторожности онъ ограничился тѣмъ, что сблизъ усы.

Утромъ въ четвергъ онъ былъ на бульварѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кавалерійскаго полка, выстроенаго въ боевомъ порядкѣ. Онъ спокойно разговаривалъ съ двумя товарищами по оборонѣ баррикады, Гюи и Лорреномъ. Вдругъ ихъ окружаетъ отрядъ городскихъ сержантовъ, какой-то человѣкъ трогаетъ его за руку и говорить ему:

— Вы Курнѣ. Я васъ арестую.

— Вотъ еще! — отвѣчаетъ Курнѣ, — меня зовутъ Лешанъ.

Человѣкъ наставляетъ.

— Вы Курнѣ. Вы меня не узнаете, не правда ли? Ну, а я васъ узнаю; я былъ вмѣстѣ съ вами членомъ социалистическаго избирательнаго комитета.

Курнѣ поглядѣлъ ему прямо въ лицо и вспомнилъ его. Человѣкъ говорилъ правду. Дѣйствительно онъ былъ членомъ комитета улицы Saint-Spire. Шпіонъ поднималъ, смѣясь:

— Я вмѣстѣ съ вами избралъ Эжена Сю.

Запираться было бесполезно, а сопротивляться неудобно. Поблизости были, какъ мы уже сказали, отрядъ городскихъ сержантовъ и драгунскій полкъ.

— Идемъ, — сказалъ Курнѣ.

Подозвали фіакръ.

— Бстате, — сказалъ шпіонъ: — садитесь-ка вы всѣ трое.

И посадилъ Гюн и Лоррена на переднюю скамейку, а самъ вѣстѣ съ Курнѣ, сѣлъ на заднюю и закричалъ кучеру:

— Въ префектуру.

Городскіе сержанты окружили фіакръ. Но случайно или по самоувѣренности, или же торопясь получить награду за свою добычу, человѣкъ, арестовавшій Курнѣ, закричалъ кучеру: «сюръ! сюръ!» и фіакръ поскакалъ въ галопъ.

Между тѣмъ Курнѣ зналъ, что будетъ разстрѣлянъ на дворѣ префектуры въ самый моментъ прибытія. Онъ рѣшилъ, что туда не пойдетъ.

При поворотѣ въ улицу Сентъ-Антуанъ, онъ глянулъ изъ окна и увидѣлъ, что городскіе сержанты слѣдили за фіакромъ издали.

Ни одинъ изъ четырехъ людей, сидѣвшихъ въ фіакрѣ, не раскрывалъ рта.

Курнѣ бросилъ на своихъ товарищей, сидѣвшихъ напротивъ, взглядъ, означавшій: «васъ трое, воспользуемся этимъ, чтобы бѣжать».

Оба отвѣчали чуть замѣтнымъ подмигиваньемъ, указывавшимъ на то, что улица полна прохожихъ, и говорившимъ: «нѣтъ».

Нѣсколько минутъ спустя, фіакръ выѣхалъ изъ улицы Сентъ-Антуанъ въ улицу Фурси. Улица Фурси бываетъ обыкновенно безлюдна, нито по ней не проходилъ въ эту минуту.

Курнѣ внезапно повернулся къ шпіону и спросилъ его:

— У васъ есть приказъ арестовать меня?

— Нѣтъ, но у меня есть мое свидѣтельство.

И онъ вынулъ изъ кармана и показалъ Курнѣ свидѣтельство о томъ, что онъ агентъ полиціи. Тогда между этими двумя людьми произошелъ слѣдующій діалектъ:

— Это неправильно.

— А мнѣ какое дѣло?

— Вы не имѣете права меня арестовать.

— Все-равно, я васъ все-таки арестую.

— Послушайте, если вамъ нужно денегъ, то возьмите, со мной есть деньги, отпустите меня.

— Если бы вы мнѣ предложили груду золота, я бы не согласился. Вы самая дорогая моя добыча, гражданинъ Курнѣ.

— Куда вы меня везете?

— Въ префектуру.

— Тамъ меня разстрѣляютъ?

— Можетъ быть.

— И моихъ двухъ товарищей?

— Не стану отрицать.

— Я не хочу туда ѣхать.

— Однако, поѣдете.

— Говорю тебѣ, что не поѣду—закричалъ Курнэ.

И быстрѣе молвіи схватилъ шпіона за горло.

Агентъ не успѣлъ крикнуть, онъ сталъ-было бороться, но желѣзная рука держала его словно въ тискахъ.

Языкъ у него вынулся изъ рта, глаза стали ужасны и выпятились изъ орбитъ; вдругъ голова его опустилась и красноватая пѣна показалась изъ горла на губахъ; онъ былъ мертвъ.

Гюи и Лорренъ, неподвижные и словно сами сраженные громомъ, глядѣли на это мрачное зрѣлище.

Они ни слова не говорили, не шевелились, фіакръ промѣжывать катиться.

— Откройте дверцу, кричалъ имъ Курнэ.

Но они не двигались, точно окаменѣли.

Курнэ, державшій правой рукой негодного шпіона, попытался отпереть дверцу лѣвой рукой, но не смогъ и вынужденъ былъ выпустить изъ рукъ шпіона. Тотъ упалъ лицомъ впередъ и опустился на колѣни.

Курнэ отворилъ дверцу.

— Бѣгите,—сказалъ онъ.

Гюи и Лорренъ выскочили на улицу и убѣжали со всѣхъ ногъ.

Кучеръ ничего не замѣтилъ.

Курнэ далъ имъ время убѣжать, затѣмъ придавилъ пуговку звонка, остановилъ фіакръ, выдѣлъ изъ сѣдла, заперъ дверцу, спокойно вынулъ сорокъ су изъ кошельки, отдалъ ихъ кучеру, который не слѣзалъ съ козелъ и сказалъ ему:—ступайте дальше.

А самъ ушелъ бродить по Парижу. На площади Побѣды, онъ встрѣтилъ бывшаго члена учредительнаго собранія Исидора Бювинье, своего друга, вынужденнаго недѣль шесть тому назадъ изъ тюрьмы «des Madelonnettes», куда былъ посаженъ по дѣлу «de la solidarité républicaine». Бювинье былъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей крайнихъ лѣвой стороны; блондинъ, стриженный подъ гребенку, съ строгимъ взглядомъ, онъ напоминалъ *критикологовъ* Англии и болѣе походилъ на одного изъ пуританъ Кромвеля, нежели на *монтаньяровъ* Дантона. Курнэ рассказалъ ему про свое приключеніе; у него не было другого выбора.

Бювиннь поначалъ головой.

— Ты убилъ человѣка,—сказалъ онъ.

Въ «Marie Tudor», я заставаю въ подобномъ случаѣ Фабіани отвѣтить: — Нѣтъ, жиды.

Курно, который по всей вѣроятности не читалъ «Marie Tudor», отвѣчалъ:

— Нѣтъ, шпиона.

Затѣмъ прибавилъ:

— Я убилъ шпиона, чтобы спасти трехъ человѣкъ и себя изъ этихъ чиселъ.

Курно былъ правъ. Борьба кипѣла, его везли, чтобы расстрѣлять; шпионъ, арестованный его, былъ, собственно цезаря, убійцей и, разумеется, Курно имѣлъ право обороняться. Прибавлю, что мерзавецъ, демократъ для народа, шпионъ для полиціи, былъ предатель двойнѣ. Наконецъ, шпионъ былъ плачемъ государственнаго переворота, а Курно борцомъ за законъ.

— Надо тебя укрыть,—сказалъ Бювиннь, пойдешь къ Жювизи.

— У Бювиннь была небольшая квартирка въ Жювизи, расположенномъ по дорогѣ въ Корбейль. Его тамъ знали и любили. Курно и онъ пріѣхали туда въ тотъ же вечеръ.

Но не успѣли они туда пріѣхать, какъ крестьяне пришли сказать Бювинню:

— Жандармы уже ирридили, чтобы васъ арестовать, и вернутся сегодня ночью.

Пришлось уѣхать.

Курно, въ опасности болѣе чѣмъ когда-либо, разыскиваемый, безъ пристанища, преслѣдуемый, съ трудомъ скрывался въ Парижѣ. Онъ пробылъ въ немъ до 16 декабря. Не было никакой возможности достать паспорта. Наконецъ, 16 декабря пріятель, служившій на сѣверной желѣзной дорогѣ, прислалъ ему слѣдующій спеціальнѣйшій паспортъ:

«Пропустите М.... дѣзурнаго инженера».

Онъ рѣшился уѣхать на другой день и непремѣнно днемъ, полагая, быть можетъ основательно, что за ночными побѣдами страхе надзирають.

Онъ выѣхалъ изъ Парижа въ восемь часовъ утра.

17 декабря, на рассвѣтъ, пользовавшись не имѣннѣй разсыпавшимися пѣтышками, онъ пробрался на сѣверную желѣзную дорогу. Высокій ростъ могъ его выдать. Однако онъ дошелъ до желѣзнодорожной станціи. Кочегары взяли его вмѣстѣ съ собой на тендеръ машины, которая готовилась уйти. На немъ было только то

платье, въ какомъ онъ былъ одѣтъ со 2 декабря; ни бѣлы, ни чемодана, — немного денегъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ день наступаетъ поздно, а ночь приходитъ рано, и это благопріятствовало изгнанникамъ.

Онъ безъ помѣхи прибылъ на границу съ наступленіемъ ночи. Въ Neuvéglise онъ уже находился въ Бельгіи и считъ себя въ безопасности; у него спросили его бумаги, онъ велѣлъ отвезти себя къ бургомистру и сказалъ ему: — я политическій эмигрантъ.

Бургомистръ, бельгіецъ, но бонапартистъ — такая равновидность существуетъ — по-просту безъ затѣй велѣлъ препроводить его на границу жандармамъ, съ приказаніемъ передать французскимъ властямъ.

Курнэ считъ себя погибшимъ.

Бельгійскіе жандармы препроводили его въ Армантьеръ. Если бы они обратились къ шеру, то Курнэ пропалъ бы, но они спросили инспектора таможи.

У Курнэ пробудилась надежда.

Онъ подошелъ къ инспектору таможи, высоко поднявъ голову, и протянулъ ему руку.

Бельгійскіе жандармы все еще не отставали отъ него.

— Милостивый государь, — сказалъ Курнэ таможенному чиновнику, — я желѣзнодорожный инспекторъ. Воронъ ворону глаза не выклюетъ, чортъ поберетъ! Добряки бельгійцы чего-то взбудоражились и препроводили меня къ вамъ съ жандармами, самъ не знаю зачѣмъ. Меня прислала сѣверная компанія исправить здѣсь по близости перила моста, который не совсѣмъ крѣпокъ. Я прошу васъ пропустить меня дальше. Вотъ мой паспортъ.

Онъ представилъ паспортъ таможенному чиновнику. Тотъ прочиталъ его, нашелъ въ порядкѣ и сказалъ Курнэ:

— Г. инспекторъ, вы свободны.

Курнэ отдѣлавшись отъ бельгійскихъ жандармовъ, съ помощью французскаго начальства, побѣжалъ на дебаркадеръ желѣзной дороги. У него тамъ были друзья.

— Живо, — сказалъ онъ, — наступила ночь, но все равно. И даже тѣмъ лучше. Найдите мнѣ какъ-нибудь контрабандиста, который бы переправилъ меня черезъ границу.

Къ нему привели небольшого роста молодого мальчика, восемнадцати лѣтъ, розоваго, снѣжкаго, валлона, говорящаго по-французски.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ Курнэ.

— Анри.

— Вы похожи на дѣвунку.

— Но это не мѣшаетъ мнѣ быть женщиной.

— Вы беретесь перевести меня черезъ границу?

— Да.

— Вы были контрабандистомъ?

— Я и теперь контрабандистъ.

— Вы знаете дороги?

— Нѣтъ. Мнѣ дороги не нужны.

— Что же вы знаете?

— Я знаю проходы.

— Есть двѣ таможенныхъ линіи.

— Знаю.

— И вы проведете меня черезъ нихъ.

— Разумѣется.

— Вы, значитъ, не боитесь таможенныхъ?

— Я боюсь собакъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Курнэ, мы возьмемъ палки.

И дѣйствительно, они вооружились палками, Курнэ далъ Анри пятьдесятъ франковъ и обѣщалъ дать еще пятьдесятъ, когда они пройдутъ вторую таможенную линію.

— Значитъ, въ четыре часа утра, — сказалъ Анри.

Была полночь.

Они пустились въ путь.

То, что Анри называлъ «проходами», другой называлъ бы преградами. Это были рядъ выбоинъ и ямъ. Шелъ дождь. Всѣ ямы превратились въ лужи.

Невообразимая тропинка называлась черезъ непроходимый лабиринтъ, то тернистый, какъ терновникъ, то илестый, какъ болото.

Ночь была тюрнымъ чернѣй.

Время отъ времени, вдали, во мракѣ слышался лай собаки. Тогда контрабандистъ дѣлалъ обходы, кружилъ вправо, влево, и иногда возвращался назадъ.

Курнэ, перескакивая черезъ изгороди, перепрыгивая черезъ ямы, свѣтлѣясь на каждомъ шагу, сваливаясь въ лужи, цѣпляясь за тернія, съ нѣтъемъ въ локотьяхъ, съ руками, изрѣзанными въ кровь, умирая съ голоду, истерзанный, усталый, измученный, выбиваясь изъ силъ, весело шелъ за своимъ компаньономъ.

Каждую минуту онъ оступался, падалъ въ лужу и вставалъ, забрызганный грязью. Наконецъ, онъ попалъ въ ярудъ. Въ немъ было нѣсколько футъ воды. Въ ней онъ омылся.

— Браво, — сказалъ онъ, — я теперь совсѣмъ чистъ, но мнѣ очень холодно.

Въ четыре часа утра, какъ Анри обѣщали, они прибыли въ Мессину, бельгійское селеніе. Обѣ таможенныхъ линіи были пройдены. Курно нечего было болѣе бояться ни таможенъ, ни государственнаго переворота, ни людей, ни собакъ.

Онъ далъ Анри еще пятьдесятъ франковъ и пошелъ, отчасти куда глаза глядятъ.

Къ вечеру онъ достигъ желѣзной дороги. Сѣлъ въ вагонъ и съ наступленіемъ ночи прибылъ на южную станцію въ Брюссель.

Онъ оставилъ Парижъ наввинулъ, не спалъ ни одного часа, шелъ всю ночь и ничего не ѣлъ. Онъ порылся въ кармазъ и не нашелъ тамъ своего портфеля, но нашелъ корку хлѣба. Онъ больше обрадовался коркѣ хлѣба, нежели огорчился потерей портфеля. Онъ держалъ деньги въ поясѣ; пропавшій портфель, упавшій, по всей вѣроятности, въ прудъ, содержалъ письма и въ томъ числѣ весьма нужное рекомендательное письмо Эрнеста Кеклина, его пріятеля, къ депутатамъ Гилью и Форелю, бывавшимъ въ Бельгію и посланнымъ въ отелъ де-Брабантъ.

Выходя изъ дебаркадера желѣзной дороги, онъ взялъ извощика и закричалъ ему:

— Въ отелъ де-Брабантъ.

Онъ услышалъ голосъ, повторившій «отелъ де-Брабантъ» и, высунувшись изъ фіакра, увидѣлъ человека, записывавшаго что-то карандашомъ при свѣтѣ фенара.

То былъ, по всей вѣроятности, полицейскій.

Безъ паспорта, безъ писемъ, безъ бумагъ, онъ побоялся быть арестованнымъ ночью, а ему очень хотѣлось спать.

— «Только бы выспаться сегодня на хорошей постелѣ,» подумалъ онъ, «а завтра хоть свѣтопреславленіе!» Подъѣхавъ къ отелю де-Брабантъ онъ разсптался съ извощникомъ, но не вошелъ въ гостиницу. Да и то сказать, что онъ нѣтъ-ли сталъ разыскивать тамъ депутатовъ Фореля и Гилью; оба стояли тамъ подъ замѣшанными именами.

Онъ принялся бродить по улицамъ: Было около одиннадцати часовъ вечера, и онъ совсѣмъ съ ночью сбился.

Навонецъ, увидѣлъ зажженный фенаръ, и на немъ слѣдующую надпись: «Hôtel de la Monnaie».

Онъ вошелъ.

Хозяинъ подошелъ къ нему и подозрительно взглянулъ на него. Тогда онъ догадался оглядѣться.

Съ небритой бородой, растрепанными волосами, въ фуражкѣ,

замечанной грязью, съ окровавленными руками, изодраннымъ пальцемъ, онъ былъ оштрафенъ.

Онъ вынулъ изъ пояса двойной лундоръ и положилъ на столъ, сказавъ хозяину:

— Я буду говорить безъ утайки; я не веръ, я изгнанникъ; мѣсто паспорта, у меня деньги. Я прибылъ изъ Париза. Я бы хотѣлъ поѣсть сначала, а затѣмъ высидѣться.

Хозяинъ взялъ лундоръ и, расстрогавшись, далъ ему протѣтъ и ужинъ.

На другое утро, пока онъ еще лежалъ въ постели, хозяинъ вышелъ въ его комнату, потихонько разбудилъ его и сѣлалъ:

— Знаете, сударь, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то пошелъ бы съ барономъ Годи.

— Кто такой баронъ Годи? — спросилъ Курнэ, еще не совсемъ проснувшійся.

Хозяинъ объяснилъ ему, кто такой баронъ Годи.

Что касается меня, то когда мнѣ пришлось сдѣлать тотъ же вопросъ, то я услышалъ отъ троихъ жителей Брюсселя слѣдующіе три отвѣта:

— Собака.

— Ищейка.

— Гіена.

По всей вѣроятности, въ этихъ трехъ отвѣтахъ было нѣкоторое преувеличеніе.

Четвертый бельгіецъ, не вдаваясь въ болѣе подробную характеристику, ограничился словомъ:

— Животное.

Съ точки зрѣнія общественнаго званія, баронъ Годи былъ та, что въ Брюсселѣ называется администраторъ общественной безопасности, то-есть родъ профекта полиціи, но не Карлае, не те Менд.

Баронъ Годи, съ тѣмъ поръ оставившій этотъ постъ, былъ, какъ и Монталанберъ, «прежде всего іезуитъ». Въ эпоху, о которой мы говоримъ (въ декабрь 1851 г.), клерикальная партія прикинула во всѣхъ формахъ монархизма; и баронъ Годи равно покровительствовалъ какъ орлеанскому, такъ и легитимистамъ. Я разсказываю, что было. И только.

— Невидаться съ барономъ Годи, хорошо, — сказалъ Курнэ.

Онъ всталъ, одѣлся, вычислился, взялъ мѣтъ, и спросилъ у хозяина:

— Гдѣ находится полиція?

— Въ министерствѣ юстиціи.

И действительно, въ Брюсселѣ полицейское управленіе составляетъ отдѣленіе министерства юстиціи, что не особенно возвышаетъ полцію и немного унижаетъ правосудіе.

Курнѣ велѣлъ отвести себя къ барону Годи.

Баронъ сдѣлалъ ему честь сухо спросить:

— Кто вы такой?

— Эмигрантъ, — отвѣчалъ Курнѣ, — я изъ числа тѣхъ, кого государственный переворотъ изгналъ изъ Парижа.

— Ваше званіе?

— Отставной морской офицеръ.

— Отставной морской офицеръ, — возразилъ баронъ Годи смѣшнымъ голосомъ: — вы звали его королевское высочество принца Жуанвилскаго?

— Я служилъ подъ его начальствомъ.

Это была правда. Курнѣ служилъ подъ начальствомъ принца Жуанвилскаго и гордился этимъ.

При этомъ заявленіи администраторъ бельгійской безопасности совѣмъ просіялъ, и сказалъ Курнѣ съ самой любезной улыбкой, какую только можетъ изобразить полиція:

— Очень радъ это слышать, милостивый государь; оставайтесь здѣсь до тѣхъ поръ, пока вамъ будетъ угодно; мы занимаемъ Бельгію для монтаньяровъ, но раскрываемъ ее настежь для такихъ людей, какъ вы.

Порою мрачный комизмъ примѣшивался къ этимъ трагедіямъ. Бартеlemi Террье былъ депутатомъ и изгнанникомъ. Ему выдали специальный паспортъ съ обязательнымъ маршрутомъ въ Бельгію для него и для его жены. Вооруженный этимъ паспортомъ, онъ ухаживалъ съ женщиной. Эта женщина была мужчиною. Превро, землевладѣлецъ изъ Донжона, одинъ изъ нобилей Аллье, доводился зятемъ Террье. Когда государственный переворотъ совершился въ Донжонѣ, Превро взялся за оружіе, исполнилъ свой долгъ, боролся противъ преступнаго похушенія и защищалъ законъ. За это его осудили на смерть. Надо было спасти Превро. Онъ былъ малъ ростомъ и худъ; его переодѣли женщиной. Онъ не былъ настолько хорошъ собой, чтобы обойтись безъ густого вуала. Его отважныя и сильныя руки закинули въ муфту. Подъ вуалемъ и съ помощью ваты, подшитой къ юбкѣ, Превро представился въ тюремную даму. Онъ сдѣлался м-ше Террье, и затѣе увезъ его съ собой. Парижъ преѣхали благополучно и безъ особенныхъ приключеній, кромѣ одной неосторожности, совершенной Превро, который, видя, что у одной тѣлѣги сломалось динно, отложилъ въ сторону муфту, приподнявъ вуаль и юбку, и если

бы испуганный Террье не остановилъ его, то онъ помогъ бы извозчику поднять лошадей. Случись же близости городской сержантъ, и Превро былъ бы взятъ. Террье успѣлишь усадить Превро въ вагонъ и съ наступленіемъ ночи они выѣхали въ Брюссель. Они были одни въ вагонѣ и уѣхали въ уголку другъ противъ друга. Все шло хорошо до Амьена. Въ Амьенѣ остановка; дверца отворилась и жандармъ усялся возлѣ Превро. Жандармъ потребовалъ паспортъ, Террье предъявилъ его; дамка въ своемъ уголку, съ опущеннымъ вуалемъ и безмолвная, не вмешивалась, и жандармъ вѣшалъ все въ порядѣ. Онъ сказалъ только:

— Я поѣду съ вами; я отправленъ по службѣ до границы.

Поѣздъ, послѣ указанной остановки, поѣхалъ дальше. Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Террье заснулъ. Вдругъ Превро почувствовалъ какъ что-то кожно сжимаетъ его ногу. То было кожно полиціи. Чей-то сапогъ вѣжно прикасается къ его ногѣ, то сапогъ блюстителя порядка. Идиллія созрѣла въ душѣ жандарма. Сначала онъ только вѣжно сжималъ кожно Превро, затѣмъ, ободренный темнотой и своимъ мужемъ, онъ рискнулъ дотронуться рукой до матеріи платья—случай, предвидѣнный Мольтроге; но дама подъ вуалемъ была добродѣтельна. Превро, удивленный и раздосадованный, осторожно оттолкнулъ руку жандарма. Опасность была крайняя. Влюбленный порывъ жандарма, его предпримчивость могли привести къ неожиданной развязкѣ; эта неожиданная развязка внезапно превратила бы ожлогу въ протомоль, фавна въ сбира, Тирсиса въ Видока, и миръ былъ бы свидѣтелемъ такой диковинной вещи: прохожій гильотинированъ за то, что жандармъ преступилъ законы общественной нравственности. Превро отодвинулся, забился въ уголокъ, придерживая платье, подобралъ ноги подъ скамейку и продолжалъ быть энергично добродѣтельнымъ. Между тѣмъ, жандармъ не унимался, и опасность все увеличивалась. Борьба шла молчаливая, но упорная, заснова съ одной стороны и разъяренная—съ другой; сопротивленіе подстрекало жандарма.

Террье спалъ. Вдругъ поѣздъ остановился, послышался возгласъ:—«*Quieutain!*» и дверца отворилась. Поѣздъ прибылъ въ Бельгію. Жандармъ, вынужденный выйти изъ вагона и вернуться во Францію, всталъ, и въ ту минуту, какъ онъ сомелъ съ подножки на землю, онъ улынулся посади себя слѣдующія выразительныя слова, вылетавшія изъ-подъ кружевной вуалетки:—*Убийся, или я разобью тебѣ морду!*

Государственный переворотъ, увѣщанный успѣхомъ, не переживетъ. Такого рода успѣхъ развиваются руки.

Фантомъ не оберешься. Но имъ должны быть кратки и представленія ихъ въ извлеченіи.

Учреждено было два рода суда: военные комиссіи и комиссіи смѣшанныя.

Военныя комиссіи судили при закрытыхъ дверяхъ. Полковники председательствовали.

Въ одноѣ Парижѣ было три военныхъ комиссій. Въ каждую поступило тысячу дѣлъ. Судебный слѣдователь присылалъ дѣло прокурору республики Ласку, который передавалъ ихъ полковнику — председателю. Комиссія вызывала подсудимаго. Подсудимый и былъ само дѣло. Его обыскивали, то-есть перелистывали. Обвинительный актъ былъ кратокъ. Двѣ-три строчки. Слѣдующія, напримѣръ:

— Имя. Отчество. Званіе. — Человѣкъ интеллигентный — посылаетъ мѣройю. — Читаетъ газеты. — Разсуждаетъ. — Опасенъ.

Обвиненіе было немногословно. Самый приговоръ былъ еще лаконичнѣе. Онъ выражался однимъ знакомъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, переговоривъ съ судьями, полковникъ бралъ перо и ставилъ въ концѣ обвинительной строчки одинъ изъ слѣдующихъ знаковъ:

— + ○

— означало ссылку въ Ламбессу.

+ означало ссылку въ Капсенну (сухую гильотину. Смерть).

○ означало оправданіе.

Въ то время какъ правосудіе такимъ образомъ работало, человѣкъ, надъ которымъ оно работало, былъ иногда еще на свободѣ, жилъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало; внесенію его арестовывали, и, не зная, чего отъ него хотятъ, онъ отправлялся въ Ламбессу или въ Капсенну.

Семья его зачастую не знала, что съ нимъ случилось.

Спрашиваютъ, бывало, у жены, у сестры, дочери, матери:

— Гдѣ же вашъ мужъ?

— Гдѣ же вашъ братъ?

— Гдѣ же вашъ отецъ?

— Гдѣ же вашъ сынъ?

Жена, сестра, дочь, мать — отвѣчаютъ:

— Не знаю.

Одна фамилія въ Аллье, фамилія Превро изъ Донжона, на-

считавала одиннадцать из своих членов пострадавшими; кто был казнён, кто осуждён на изгнание или на ссылку.

Винный торговец въ Батиньолѣ, по имени Бригаду, былъ сосланъ въ Кайенну за слѣдующую строчку въ его дѣлѣ: — *его кабачокъ посѣщается социалистами.*

Вотъ достовѣрная бесѣда, записанная на мѣстѣ, между полковникомъ и подсудимымъ:

— Вы осуждены.

— Вотъ какъ! За что это?

— По правдѣ сказать, я самъ хорошенъко не знаю. Испытайте свою совѣсть. Подумайте, въ чемъ вы провинились.

— Я?

— Да, вы.

— Какъ! я?

— Вы въ чемъ-нибудь да провинились.

— Вовсе нѣтъ. Я ничего не дѣлалъ. Я даже не исполнилъ своего долга. Я долженъ былъ бы взять ружье, выйти на улицу, обратиться съ рѣчью къ народу, строить баррикады; я остался у себя дома, какъ поныла, какъ дѣтскій (подсудимый смѣется), вотъ въ чемъ я себя обвиняю.

— Вы не за это осуждены. Поищите хорошенъко.

— Ничего не придумаю.

— Какъ! вы не были въ кофейнѣ?

— Да! я завтракалъ.

— Вы не разговаривали?

— Да. Можетъ быть.

— Вы не смѣялись?

— Можетъ быть, смѣялся.

— Надъ кѣмъ? надъ чѣмъ?

— Надъ тѣмъ, что происходитъ. Правда, я напрасно смѣялся.

— И въ то же время вы разсуждали.

— Да.

— О комъ?

— О президентѣ.

— Что вы говорили?

— Да только то, что можно сказать, — что онъ нарушилъ свою присягу.

— А еще?

— Что онъ не имѣлъ права арестовать депутатовъ?

— Вы это сказали?

— Да. И прибавилъ, что онъ не имѣлъ право убивать людей на бульварахъ...

Тутъ подсудимий перебиваєть самого себя и восклицаетъ:

— И за это меня отправляютъ въ Байенну?

Судья пристально на него смотритъ и — отвѣчаетъ:

— Еще бы?

Другая форма отправленія правосудія:

Три какихъ-нибудь субъекта, три чиновника, боящіеся увольненія: префектъ, солдатъ, прокуроръ, у которыхъ роль совѣсти играетъ звонокъ Луи-Бонапарта, садятся за столъ и начинаютъ судить. Кого? Васъ, меня, насъ, весь свѣтъ. За какія преступленія? Они изобрѣтають преступленія. Во имя какихъ законовъ? Они сочиняють законы. Какія показанія принимаютъ они? Они измышляютъ наказанія. Чтѣ-жъ, они знаютъ, кто такой подсудимый? Нѣтъ. Но они выслушиваютъ его? Нѣтъ. Какіхъ адвокатовъ выслушиваютъ они? Никакихъ. Какія пренія ведутъ они? Никакихъ. Какую публику призываютъ они? Никакой. Итакъ, ни публики, ни преній, ни защитниковъ, ни свидѣтелей; судья, не принадлежащій къ магистратурѣ, жюри безъ присяжныхъ засѣдателей, судъ, который и не судъ вовсе, вымышленная вина, придуманная кара, подсудимаго нѣтъ на лицо, законъ въ отсутствіи; — изъ всѣхъ этихъ вещей, представляющихся важнымъ-то сномъ, сложилось однако реальное дѣло: осужденіе невинныхъ.

Ссылка, изгнаніе, разореніе, тоска по родинѣ, смерть, отчаяніе сорока тысячъ семей.

Вотъ что исторія зоветъ «смѣшанными комиссіями».

Обыкновенно великія государственныя преступленія обрушиваются на великія головы и довольствуются этимъ; они катятся какъ обрывокъ утеса, цѣлой глыбой и давятъ всѣ сильныя препятствія; они довольствуются знаменитыми жертвами. Но второе декабря отличалось особаго рода утонченностью; оно требовало и мелкихъ жертвъ. Его острасть въ истребленію не пощадила бѣдныхъ и неизвѣстныхъ людей; оно гнѣвалось и ненавидѣло маленькихъ людей; оно забиралось въ соціальную подпочву, прижывая къ ней ссылку; мѣстные триумvirаты, называемые «смѣшанными комиссіями», послужили ему для этого. Никакая личность, какъ бы ни была она жалка и опречена, не ускользала. Нашли средство обобрать вѣснущихъ, разорить голодныхъ, ограбить обездоленныхъ; государственный переворотъ совершилъ чудо: усугубилъ бѣдствія нищеты. Можно было подумать, что Бонапартъ даетъ себѣ трудъ ненавидѣть посадымана; винограда отрывали отъ его виноградника, земледѣльца отъ его нивы, каменщика отъ его постройки, ткача отъ его станка. Люди вили на себя порученіе отравить громадной общественной бѣдой безконечное число

самыхъ незамѣтныхъ существованій. Гнусное дѣло! схоронить маленькихъ и слабыхъ людей подъ обломками катастрофы.

Папа одобрилъ.

Когда курьеры привезли въ Римъ извѣстie о событiяхъ 2-го декабря, папа отправился на смотръ, сдѣланный войскамъ генераломъ Жемо и попросилъ его поздравить отъ его имени принца Луи-Наполеона.

Этому былъ прецедентъ..

12 декабря 1872 г., Сентъ-Гоаръ, посланникъ французскаго короля Карла IX при испанскомъ королѣ Филиппѣ II писалъ изъ Мадрида своему повелителю Карлу IX: «Извѣстie о событiяхъ, совершившихся въ день св. Вареоломея, дошло до католическаго короля; онъ противъ своего характера и обыкновенiя выказалъ столько веселости, что можно подумать, что это извѣстie прiятнѣе ему всѣхъ удачъ и благополучiй, какiя когда-либо съ нимъ случатся. Такъ что, когда я отправился къ нему въ воскресенье утромъ къ св. Иерониму и подошелъ къ нему, онъ засмѣялся, и въ выраженiяхъ крайняго удовольствiя принялся хвалить ваше величество».

Длань Пiя IX осталась распростертой надъ Францiей, ставшею имперiей.

И вотъ, подъ сѣнью его благословенiя, начался періодъ благоденствiя.....

Викторъ Гюго заканчиваетъ свою книгу Седанской трагедiей, отдаленнымъ эхомъ дней декабряскаго переворота и достойнымъ ихъ возмездiемъ.

А. 9.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ *).

I.

1) *William Stubbs*: The Constitutional History of England, in its origin and developments. Oxford: at the Clarendon press. 3 vol. in 8°, 638, 624 and 653 pages. 1878.—2) *Edward A. Freeman*: The History of the Norman Conquest of England. Oxford: Clarendon press. vol. V. in 8°, 901 pages. 1876.—3) *Materials for the History of Thomas Becket*, edited by J. C. Robertson. London: Trübner etc. 3 vol. 8°, 1875—1878.—4) *J. R. Green*: History of the English people. London: Mac Millan. 4 vol. in 8°, 1878.

По какой книгѣ изучать исторію Англіи? — Лѣтъ двадцать тому назадъ отвѣтъ былъ легокъ: Юмъ, продолженіемъ которому служилъ Смоллетъ, съ одной стороны, и съ другой — Лингардъ удовлетворяли всѣмъ потребностямъ. Въ настоящее время эти книги вѣжутся такими же устарѣвшими, какъ «Исторія Франціи» Мезеріе. Наука пошла впередъ гигантскими шагами или, лучше сказать, въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, она заняла мѣсто фантазій; даже дѣдушки заговорили болѣе серьезнымъ тономъ, пересказывая отечественныя хроники своимъ внукамъ, — что нисколько не вредило интересу ихъ разсказовъ, доказательствомъ

*) См. „Вѣстникъ Европы“, мартъ, 1878 года, стр. 280.

чему служить послѣдняя книга старика Гизо, встрѣтившая такой лестный приемъ у публики.

Но не будемъ заблуждаться. Историческая наука, получившая такое необыкновенное развитіе въ настоящее время, родилась не вчера, и, оставаясь на англійской почвѣ, скажемъ, на примѣръ, что Гиббонъ и его великолѣпное сочиненіе: «*Decline and Fall of the Roman Empire*», такъ же мало состарѣлись, какъ и Тацитъ съ его лѣтописями. Но въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, историкъ долженъ соединять качества ученаго и литератора со всѣми ихъ сложными атрибутами. Затрудненія представляются при этомъ громадныя; всякій разсудительный человѣкъ это понимаетъ, и вотъ почему напрасно было бы искать въ настоящую минуту исторію Англій, достойную этого названія: я говорю про полную исторію, написанную однимъ человѣкомъ, отъ начала Англій и до новѣйшаго времени.

Но если этого сочиненія и не существуетъ, за то имѣются матеріалы къ нему, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ эпохъ,—и изъ отдѣльныхъ сочиненій и отрывковъ можно составить довольно полный отдѣлъ библіотеки. Во-первыхъ, по исторіи конституціи остается исторія Галлама («*Constitutional History of England*» 3 vol. 8°), начинающаяся съ воцаренія Тюдоровъ и до конца царствованія Георга II (1760); послѣ нея слѣдуетъ обратиться къ исторіи Эрскина Мея ¹⁾, которая приводитъ насъ къ 1860 году. Что касается полной и подробной исторіи, то слѣдуетъ взять обширное и подробное сочиненіе Фруда ²⁾ о Генрихѣ VIII и Елисаветѣ. Маколей разскажетъ намъ о томъ важномъ періодѣ англійскихъ лѣтописей, который идетъ отъ реставраціи Стюартовъ и до смерти Вильгельма III-го и обнимаетъ собой революцію 1688 года. Царствованіе королевы Анны вполне описано графомъ Стенгопомъ ³⁾, а эпоха Георговъ до версальскаго мира—лордомъ Магономъ ⁴⁾. Гарриетъ Мартино ⁵⁾ приводитъ насъ къ 1846 году; и, наконецъ, по части современной

¹⁾ The Constitutional History of England (1760—1860), by T. Erskine May. Longmans: 2 vol. 8°, 1863.

²⁾ History of England from the fall of Wolsey to the defeat of the spanish Armada, by J. A. Froude. Longmans: 12 vol. 8°, 1838—1870.

³⁾ History of England (1701—1713), by Earl Stanhope. Murray: 1 vol. 8°, 1870.

⁴⁾ History of England from the peace of Utrecht to the peace of Versailles. Murray: 7 vol. 8°.

⁵⁾ History of England during the thirty years peace (1816—1846), by Harriet Martineau. C. Knight: 2 vol. 4°, 1849.

исторіи и въ ожиданіи лучшаго, — у насъ есть недавно изданное сочиненіе Молесворта ¹⁾.

Но чего до сихъ поръ не хватало всему этому зданію, такъ это — фундамента: и этотъ-то важный пробѣлъ пополняется Stubbs «regius professor» ²⁾, въ Оксфордѣ занимающій катедру исторіи, сочиненіемъ, заглавіе котораго мы выставили во главѣ настоящаго письма. Сочиненіе это, по общему приговору, весьма замѣчательно, должно составить эпоху, и съ-разу ставить автора въ число великихъ историковъ современной Англіи.

Выраженіе «исторія конституціи» было пущено въ ходъ Галламомъ, напечатавшимъ свою книгу въ 1827 году, въ эпоху, когда историческая наука озарилась такой славой, — въ тотъ самый моментъ, когда Гизо выпустилъ свою знаменитую «Исторію цивилизаціи» во Франціи. Бокль изучилъ этотъ предметъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, лучше подходящей къ слову *civilization*, — у Гизо же это слово имѣетъ ограниченное значеніе, совершенно точно передаваемое выраженіемъ «исторія конституціи», которое такъ нравится по сю сторону пролива. Тутъ, собственно говоря, идетъ рѣчь объ исторіи учреждений, и оставляются въ сторонѣ вопросы о расѣ, средѣ, климатѣ и другіе этого рода.

Это самое имѣетъ въ виду новый историкъ. Онъ беретъ учрежденія своей страны при ихъ возникновеніи на германской почвѣ и изучаетъ ихъ развитіе до конца XV-го столѣтія, т.-е. до воцаренія Тюдоровъ. Онъ доказываетъ вмѣстѣ съ Фриманомъ — и это придаетъ общій интересъ его книгѣ — что англичане самые типичные, самые прямые представители германской расы съ политической и конституціонной точки зрѣнія. «За исключеніемъ готической библіи Ульфилы, — говоритъ онъ, — англо-сак-

¹⁾ The History of England from the year 1880—1874, by W. Molesworth. Chapman: 3 vol. 8°, 1874. — Какъ мы видимъ, предстоитъ пополнить довольно значительный пробѣлъ между Фрудомъ и Маколеемъ, т.-е. для XVII вѣка, до самой реставраціи. Одинъ замѣчательный историкъ, Сэмюель Гарднеръ, собирается его пополнить; онъ уже довелъ свою исторію, съ эпохи воцаренія Іакова I-го, до 1697 года: мы поговоримъ о ней поздиѣ. А пока она не окончена, можно изучать времена республики по „History of the commonwealth“ Годуина, не упуская изъ вида великаго сочиненія Карейла о Кромвелѣ.

²⁾ Такъ называютъ профессоровъ англійскихъ университетовъ, занимающихъ катедры, основанныя Генрихомъ VIII. Достопочтенный Уильямъ Stubbs, родившійся въ 1825 году, fellow коллегіи Ориела, затѣмъ викарій въ Невестокѣ, бібліотекарь архіепископа Кентерберійскаго и проч., былъ до сихъ поръ известенъ лишь какъ ученый, благодаря наданію старинныхъ документовъ и хартій, какъ, наприкладъ, „Memorials of St.-Dunstan“.

сошіе документы являются древнѣйшими образцами германскаго языка и германской литературы, и развитіе современнаго англичанина изъ англо-сакса есть фактъ, принадлежащій наукѣ, такъ же какъ и исторіи. Саксонскія учрежденія въ Германіи, долго спустя послѣ завоеванія Британіи, какъ-разъ соответствуютъ системѣ, наблюдаемой и описанной Тацитомъ въ своей «Германіи», — а организація ихъ братьевъ въ Англіи, хотя она восходитъ не далѣе салическаго закона, гораздо болѣе свободна отъ англійскихъ вліяній. Въ Англіи общіе зачатки развились и сохранились безъ всякой примѣси чужеземныхъ элементовъ. Не только всѣ послѣдовательныя вторженія, отмѣчающія исторію Британіи отъ VIII-го до IX-го вѣка, были произведены одноплеменными народами, но если исключить церковь, то мы не увидимъ примѣси никакого посторонняго вліянія, которое бы не было германскимъ по своему происхожденію. Языкъ, законы, нравы, религія сохраняютъ свой первобытный свадъ. Германскій элементъ является творческимъ элементомъ нашей системы, естественной и политической» (т. I, стр. 10—11).

Знаменитый французскій историкъ — черезъ чуръ превознесенный, по моему мнѣнію — котораго я сейчасъ приводилъ, не колеблясь, объявляетъ, «что Франція вѣрнѣе, чѣмъ всякая другая страна, воспроизводитъ основную идею цивилизаціи. Это самая полная, самая основательная, самая истинная и самая цивилизованная, такъ-сказать, цивилизація» ¹⁾. Безъ сомнѣнія, это сказано отъ души и очень патріотично; но несчастью, многіе знаменитые историки — германскіе, славянскіе и другіе — говорятъ то же самое о національностяхъ, чуждыхъ Франціи. Геродотъ дѣйствовалъ иначе: не превознося съ первыхъ же словъ своихъ соотечественниковъ, онъ просто возвышалъ, что становъ воспылать «достопримѣчательные и славные подвиги какъ грековъ, такъ и варваровъ». Стѣббсь, повидимому, держится середины между двумя крайностями: онъ не объявляетъ во всеуслышаніе о безусловномъ превосходствѣ Англіи надъ всѣми народами міра, — онъ довольствуется заявленіемъ, что она самая типичная представительница германской расы и цивилизаціи.

Но при этомъ онъ намекаетъ, что германское вліяніе играетъ преобладающую роль въ образованіи того, что онъ называетъ четырьмя великими національностями, т.-е. Англіи, Германіи, Франціи и Испаніи. И такъ какъ эти національности «великія», и такъ какъ германская цивилизація считается идеальной, то вы-

¹⁾ Guizot. Histoire de la civilisation en France, t. II, p. 21.

ходить, что авторъ окольнымъ путемъ приходитъ къ не менѣе выводовѣрнымъ и патріотическимъ выводамъ. Но бесполезно препираться объ этомъ пунктѣ: къ тому же, ничего не можетъ быть противнѣе, какъ видѣть, что народныя страсти разыгрываются тамъ, гдѣ онѣ вовсе не у мѣста, и что люди, именующіе себя учеными, вносятъ въ историческіе вопросы свой квасной патріотизмъ. Эта манія достигла кульминаціоннаго пункта на континентѣ, послѣ франко-нѣмецкой войны: историки обѣихъ странъ набросились на великаго западнаго императора и рвутъ его изъ рукъ другъ у друга. Для однихъ онъ «Charlemagne», для другихъ — «Karl der Grosse», что составляетъ тезисъ и антитезу. А между синтезисомъ очень хорошо можетъ быть «Carolus magnus», такъ какъ въ тѣ времена еще не существовало французовъ, а Карлъ, германецъ по происхожденію, былъ, тѣмъ не менѣе, гораздо скорѣ «римскій императоръ», чѣмъ нѣмецкій король. Въ сущности, французскіе историки глупо дѣлаютъ, что отрицаютъ германское вліяніе, которое несомнѣнно: вѣдь безспорно, что страна ихъ утратила свое названіе и приняла имя племени или, если хотите, конфедераціи германской.

Этотъ фактъ — плачевный и не мало содѣйствовалъ искаженію взгляда у писателей; потому что германское вліяніе во Франціи было гораздо мимолетнѣе, чѣмъ это воображаетъ м-ръ Стѣббсъ. Если бы «Gallia» сохранила свое названіе «Gaule», какъ Италия и Испанія сохранили свое латинское названіе, то дѣло было бы яснѣе: объ этомъ лучше всего судить по литературѣ, которую никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ вопросахъ историческихъ и которая несомнѣнно носитъ отпечатокъ римскаго вкуса. Что касается Испаніи, то если авторъ непременно хочетъ видѣть въ ней развитіе и преобладаніе германскихъ вліяній, то это не дѣлаетъ чести ея цивилизаціи: къ счастью, что это заявленіе крайне рискованное.

Сдѣлавъ эти оговорки съ общей точки зрѣнія, остается только восхищаться тѣмъ, какъ Стѣббсъ разбираетъ до ниточки свой сюжетъ. И во-первыхъ, онъ не тратитъ времени на описаніе бриттовъ, пиктовъ, скоттовъ и др.: всего три страницы въ обширномъ сочиненіи отведены этимъ злосчастнымъ представителямъ вельтической расы. Сліянія народностей тутъ не происходило: они искали себѣ убѣжища въ княжествѣ Уэльскомъ и въ Бюрнваллисѣ, и съ 577 г., когда совершилось завоеваніе, ни одного бритта не оставалось на англійской почвѣ, ни въ качествѣ подданнаго, ни въ качествѣ раба.

Завоеватели: англъ и саксы, поселились на ней на просторѣ,

и понятно, почему ихъ учрежденія естественно развивались и даже еще правильнѣе, нежели въ отечествѣ, гдѣ вліянія императоровъ и папъ нарушили, между прочимъ, единство традиціи. Надо прочесть въ первыхъ семи главахъ разборъ, посвященный авторомъ «Germania» Тацита и перенесенію въ Британію правъ и обычаевъ, столь превосходно описанныхъ латинскимъ историкомъ. Воспользовавшись трудами Вайца и Конрада Маурера, онъ доказываетъ тождественность *princeps* и *ealdormen*, *ingenius* (свободный человѣкъ) и *ceorl* (произносится *kurl*), *servus* и *theow*; онъ показываетъ, какъ *vicus* превратился въ *township*¹⁾, между тѣмъ какъ *pagus* превратился въ *hundred*, союзъ извѣстнаго числа *townships* ради общей обороны и отправленія правосудія. Здѣсь мы имѣемъ эквивалентъ *Hundari* или *Härad* скандинавовъ, римской *curia* и греческой *phratia*.

Ученый профессоръ далеко не столь обстоятеленъ въ томъ, что касается системы *mark* или сельской общины германскихъ народовъ, которую вполне выяснили превосходныя изслѣдованія фонъ-Маурера.

«Невозможно утверждать, — говоритъ онъ, — что германскіе завоеватели принесли съ собою полную систему организаціи, извѣстной подъ названіемъ *mark*, или что эта система служила основаніемъ мѣстнаго управленія въ эпоху англо-саксовъ» (т. I, стр. 83). Но онъ, однако, не отрицаетъ существованія этой системы у англо-саксовъ; онъ даже находитъ слѣды ея во многихъ мѣстахъ; но полагаетъ, что отъ этого учрежденія, уже устарѣваго, остались одни только признаки. «Во всякомъ случаѣ, — прибавляетъ онъ, — только въ качествѣ владѣльца земли, а не какъ членъ *mark-community*, свободный человѣкъ (*freeman*) пользуется правами или исполняетъ обязанности, и ничто не доказываетъ, чтобы въ Англіи нужно было быть членомъ общины, чтобы владѣть землей. «*Township*» въ томъ видѣ, какъ онъ появляется въ исторіи, учрежденъ или аллодіальными владѣльцами, переросшими стадію коллективнаго владѣнія землей, хотя и сохранившими нѣкоторые слѣды этой организаціи, или же нѣсколькими *tenants* какого-нибудь лорда, который руководитъ ихъ управленіемъ или же допускаетъ ихъ самоуправленіе на аналогичныхъ началахъ».

Непосредственно вслѣдъ за *Hundred* идетъ *shire*, обнимающій нѣсколько ихъ. Слово *scir* или *shire* обозначаетъ просто-напросто дѣленіе, часть (*share*) дѣлаго: такимъ образомъ говорили

1) Отъ *tim*, *заборъ* или вообще *ограда*.

«bishop's scire», чтобы обозначить епархію епископа. Историческія *shires*, или графства, обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ причинамъ. Такимъ образомъ, Кентъ и Суссексъ — два старинныхъ гентархическихъ королевства: Кентъ извѣстенъ какъ «Cantescyte» въ эпоху Этельстана или въ началѣ X столѣтія; Эссексъ, Мидльсексъ и Суррей тоже старинныя королевства; Норфолькъ и Суффолькъ два подраздѣленія *East Anglia*, представляющія по всей вѣроятности двухъ «fylkis» или «folks», между которыми они были раздѣлены и проч.

Организація *shire* крайне интересна: то было королевство въ миниатюрѣ, нѣчто цѣлое. Два должностныхъ лица стояли во главѣ его организаціи. Во-первыхъ, *ealdorman*—*princeps* Тацита, сатрапъ или *ymbregulus* хроникера Беды, *comes* норманновъ: онъ командовалъ военной силой. Избираемый первоначально народнымъ собраніемъ, онъ вскоре сталъ передавать свое званіе своему наслѣднику. Рядомъ съ нимъ засѣдалъ *scir-gerefa*¹⁾ (*sheriff*), интендантъ короля и законный президентъ *shire*, администраторъ королевскихъ доменовъ, наблюдавшій за исполненіемъ законовъ. Онъ точно также вначалѣ избирался народнымъ собраніемъ (*folcmot*), а въ историческія времена назначался королемъ.

Но капитальнымъ явленіемъ этой организаціи является *shire-moot*, собраніе графства. Шерифъ созываетъ его два раза въ годъ: оно состоитъ изъ всѣхъ «*lords of the land*», всѣхъ общественныхъ чиновниковъ, и каждый *township* представляется четырьмя людьми, и, кромѣ того, своимъ *gerefa* (главный судья). Это было, значитъ, несомнѣнно представительное собраніе: въ этомъ смыслѣ оно также и *folcmot*, то-есть настоящее народное собраніе, пользовавшееся до конца IX вѣка тѣмъ-то въ родѣ законодательной власти. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется въ исторіи, это собраніе является главнымъ образомъ юридическимъ корпусомъ, трибуналомъ.

Если вы обратите вниманіе на то, что шерифъ представляетъ короля въ этомъ собраніи, гдѣ онъ не пользуется иной властью, какъ властью президента, что епископъ и всѣ лорды присутствуютъ на немъ вмѣстѣ съ свободными людьми городовъ съ соизнательнымъ голосомъ, то признаете въ миниатюрѣ английскую конституцію, и такимъ образомъ оправдаются до нѣкоторой степени слова Монтескье: «кто захочетъ прочесть величавое со-

¹⁾ Мнѣнія насчетъ этимологіи этого слова расходятся, его связываютъ обыкновенно съ нѣмецкимъ *graf*, но безъ достаточнаго основанія, по словамъ Макса Миллера. Нѣкоторые производятъ его отъ *reafan*, что довольно хорошо согласуется съ словомъ *exactor*, употребленнымъ хроникеромъ для перевода *gerefa*.

чиненіе Тацита о нравахъ германцевъ, тотъ увидить, что англичане отъ нихъ заимствовали идею своего политическаго управленія. Эта прекрасная система родилась въ лѣсахъ¹⁾.

Монтескьё — котораго недостаточно читають въ настоящее время — высказалъ гениальное предположеніе. Общая идея вѣрна: но детали совсѣмъ инныя, и значило бы притягивать за волосы выводы, если вмѣстѣ съ Фриманомъ²⁾, напримѣръ, считать теперешнюю британскую конституцію прогрессивнымъ и неизбежнымъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ «Germania». Вотъ что говоритъ Тацитъ, описывая германскихъ предковъ: «De minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes». *Shiremoot*, описанный выше, осуществляетъ одну сторону этого идеала въ томъ смыслѣ, что представители всѣхъ — если не всѣ — участвуютъ въ совѣщаніи, да и то еще дѣло идетъ только объ отправленіи правосудія.

Но обратимся къ самому краю, въ англійскому, саксонскому или норманскому государству, такъ какъ новѣйшіе историки въ одинъ голосъ объявляютъ, что норманское завоеваніе только ускорило ходъ развитія англо-саксонской цивилизаціи. Намъ нужно, главнымъ образомъ, отыскивать вездѣ знаменитую триаду: «King, Lords and Commons». Между тѣмъ, мы видимъ во всѣ періоды короля и лордовъ «*regem et principes*», но въ теченіи долгихъ вѣковъ не видимъ и слѣда общины — *omnes*. Не только свободныхъ людей, націю не спрашиваютъ о важныхъ дѣлахъ, и не совѣщаются съ нею даже и по тѣмъ, которые совсѣмъ не важны.

Тутъ выступаетъ на сцену пресловутое *Witenagemot*, *concilium principum*, собраніе мудрецовъ (*Witan, wise*). Фриманъ утверждаетъ, что всякій свободный человѣкъ сохранялъ въ теоріи, по крайней мѣрѣ, право являться на собранія королевства; что въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, при коронованіи королей напримѣръ, большая толпа народа стекалась, чтобы присутствовать на совѣщаніи *Witenagemot* и рукоплескать или шить, смотря по обстоятельствамъ. Стѣббсъ, отличающийся болѣе научнымъ умомъ, видитъ вещи въ нихъ настоящемъ свѣтѣ, не допуская фантазіи отвлекать его отъ фактовъ и дѣйствительности. «Ничто не доказываетъ, чтобы эти собранія хоть сколько-нибудь участвовали въ конституціонной власти *witan*, — возражаетъ онъ, — не видно, чтобы у нихъ была хоть какая-нибудь связь съ организаціей *folk moot*, чтобы они располагали какими-нибудь полномочіями, или бы участвовали въ отправленіи правосудія:

¹⁾ *Montesquieu*. De l'Esprit des lois. Liv. XI, ch. 6.

²⁾ *Freeman*. The growth of the English Constitution.

они, повидимому, вліяли на рѣшенія вождей только одобрительнымъ или порицательнымъ рожотомъ» (т. I, стр. 123).

Впрочемъ, стѣбитъ лишь посмотреть, изъ кого состоялъ *Witenagemot*. Онъ состоялъ обыкновенно изъ: 1) короля, котораго иногда сопровождали жена и сыновья; 2) епископовъ королевства, 3) *ealdormen* овъ графства, нѣкотораго числа пріятелей и слугъ этихъ послѣднихъ, описанныхъ подъ именемъ *ministri thegns* ¹⁾ короля. Спрашивается: гдѣ, въ такомъ собраніи, теоретическое мѣсто, отведенное свободнымъ людямъ? При преемникахъ Вильгельма Завоевателя *Witenagemot* продолжаетъ существовать подъ названіемъ великаго совѣта. *Thegns* замѣняются здѣсь *баронами* ²⁾, титуломъ, созданнымъ завоеваніемъ, и подъ которымъ слѣдуетъ подразумѣвать *tenants-in-chief* прямыхъ вассаловъ короля; къ этому же классу причисляются вообще и рыцари, *Knights*, которые тоже прямые вассалы, но второстепеннаго ранга, въ особенности со стороны территоріальныхъ владѣній. Что крупные граждане, нотабли Лондона и Йорка, присутствовали иногда на совѣтѣ—это несомнѣнно; но эти важныя особы сами владѣли землей и принадлежали болѣею частію къ классу рыцарей и могли играть роль бароновъ.

Дѣло въ томъ, что въ теченіи долгихъ вѣковъ вольности и права, «our german forefathers», какъ здѣсь говорятъ, оставались скороненными въ самомъ глубокомъ и безспорномъ забвеніи. Да и могло ли быть иначе? какимъ чудомъ германцы британскихъ острововъ ухитрились бы спастись отъ угнетенія и уничтоженія, обрушившагося на всѣ западныя націи Европы? Историки употребляютъ всѣ усилія, чтобы открыть у германцевъ или въ римскомъ мірѣ источники феодализма. Ихъ нѣтъ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Безъ сомнѣнія, у всѣхъ народовъ аріійской расы были благородные, свободные люди и рабы; но у нихъ никогда не существовало такого безвыходнаго ига, какъ тотъ, какой тяготѣлъ надъ миромъ съ VII по XVI вѣкъ христіанской эры. Истинная виновница въ этомъ римская церковь: она облекла государей такой властью и такимъ обаяніемъ, о которыхъ никогда и не грезилось даже тѣмъ императорамъ, которые за-живо провозглашали себя богами. Она, не довольствуясь тѣмъ, что предписы-

¹⁾ *Thegn* отъ *thegen, vir fortis, miles, minister*.

²⁾ Это слово означаетъ по сущности *homo, homme* (*homme du roi, homage* и пр.). Оно, повидимому, происходитъ отъ *wer*, человѣкъ (какъ и *wergild*), и впервые появляется въ 744 г. въ формѣ *paro*, для обозначенія свободного человѣка. Начиная съ Генриха I, это выраженіе употребляется въ хартияхъ, для обозначенія королевскихъ *tenants-in-chief*.

вала свои законы міру съ высоты оскверненнаго ею Капитолія, занимала первенствующее мѣсто въ совѣтахъ королей. Первыми баронами Англіи были епископы: Уильдамъ Руфусъ произведенъ въ рыцари Лофраномъ; словомъ—всюду, церковь, освящая феодальный порядокъ, придаетъ ему характеръ абсолютизма и безспорнаго авторитета, составляющаго сущность ея организаціи, и котораго онъ нивогда бы безъ нея не приобрѣлъ.

Это мнѣніе уже высказывалось въ этихъ очеркахъ, и нельзя не подумать, что историки спасли бы себя отъ многихъ усилій, худо направленныхъ, если бы захотѣли разобрать безпристрастно и съ философской точки зрѣнія всякаго рода документы. Этихъ документовъ безъ конца въ книгѣ Стѣббса, и стоило бы, какъ говорится, только нарнуться, чтобы подобрать ихъ. Понятно конечно, что онъ, будучи «достопочтеннымъ» и «бенефициантомъ», не можетъ смотрѣть на вещи съ философской точки зрѣнія: за это нельзя на него сердиться, но слѣдуетъ черпать матеріалы въ арсеналѣ, такъ старательно заготовленномъ имъ.

Словомъ, возвращаясь къ исходной точкѣ нашихъ разсужденій, исполнѣ достоверно, что «Witenagemot», нивогда не бывшій исполнѣ народнымъ собраніемъ, превратился при норманскихъ короляхъ въ простой совѣтъ крупныхъ вассаловъ. И что бы ни думали о тенденціяхъ и способностяхъ, свойственныхъ англо-саксонской расѣ, онѣ были безусловно заглушены и подавлены; зачатки англійской конституціи впервые появились въ собраніи епископовъ, бароновъ и представителей городовъ, состоявшемся въ Сентъ-Албансѣ, 4 августа 1214 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до провозглашенія великой Хартіи (magna charta).

«Собраніе Сентъ-Албанса—первое, относительно котораго исторически доказано, что представители созваны были въ національный совѣтъ. Reeve (*gerefa*—родъ мѣра) и четверо горожанъ были, безъ сомнѣнія, призваны единственно лишь затѣмъ—чтобы дать необходимыя свидѣнія о цѣнности королевскихъ земель; но ихъ присутствіе получаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что на немъ обсуждалась масса другихъ вопросовъ, и что важныя рѣшенія, касавшіяся всей націи вообще, были прямымъ результатомъ дѣйствій этого совѣта. На первомъ представительномъ собраніи возникъ первый проектъ реформъ, осуществившихся повиднѣ въ хартіи; это собраніе было первымъ, хотя еще и не твердымъ шагомъ къ тому великому акту, въ которомъ церковь, бароны и народъ заключили свой конституціонный договоръ съ королемъ, и впервые сознали свое единство и тожество своихъ правъ и интересовъ» (т. I. стр. 527).

Наконецъ, появляется знаменитая хартія 1213 г., настоящій фундаментъ англійскихъ вольностей. Бароны не побоялись соединенія съ народомъ противъ короля: и такимъ образомъ общей охраной явились 39 и 40 статьи, гласящія слѣдующее: «ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ взятъ или посаженъ въ тюрьму, или объявленъ внѣ закона, или сосланъ или казненъ какимъ бы то ни было способомъ: и мы (король) не наложимъ на него руку и не велѣмъ его арестовать иначе какъ въ силу законнаго приговора его разныхъ или согласно законамъ краѣ. Никому не будемъ мы продавать правосудіе, никому не будемъ въ немъ отказывать, никого не заставимъ его дожидаться».

Забота наблюденія за честнымъ выполненіемъ хартіи была поручена двадцати-пяти выборнымъ баронамъ, которымъ были даны полномочія, въ случаѣ необходимости, объявлять войну самому королю, обращаясь въ такой крайности ко всему королевству вообще «*communa totius terrae*». Вотъ гдѣ настоящее начало англійскихъ общинъ.

Но это еще не парламентъ ¹⁾. Первымъ собраніемъ, заслуживающимъ это названіе, было то, которое было созвано въ Вестминстерѣ 20 января 1265 г. графомъ Симономъ де-Монфоръ, побѣдителемъ Генриха III. На него были призваны не только свѣтскіе и духовные бароны, но также и рыцари изъ cadaго графства, по два горожанина изъ cadaго города, по два обывателя изъ cadaго мѣстечка. И каковы бы ни были побужденія этого графа, а надо признать вмѣстѣ съ Фриманомъ, что онъ игралъ важную роль въ образованіи англійской конституціи.

Останавливаюсь на этомъ, такъ какъ я только хотѣлъ выиснить запутанное и сложное происхожденіе этой конституціи. Въ книгѣ Стѣббса найдутся всѣ необходимыя данныя касательно ея дальнѣйшаго развитія; въ ней показано образованіе палаты общинъ и ея роль въ этотъ первый періодъ. Съ особеннымъ интересомъ читается глава XX (въ 3-мъ томѣ), которая подъ заглавіемъ *Parliamentary Antiquities* даетъ самыя полныя и самыя неоцѣненныя подробности объ обычаяхъ и традиціяхъ, корою такихъ дѣловинныхъ, англійскихъ собраній. Безполезно прибавлять, что по части организаціи и развитія отправленія право-

¹⁾ Засѣданія великаго совѣта обозначались иногда латинскимъ словомъ *colloquium*. Выраженіе „парламентъ“ употребляется въ половинѣ XII столѣтія у Отто Морена, по поводу сейма въ Ронкальи, собраннаго Фридрихомъ I, въ 1154 г. Въ Англіи къ нему впервые прибѣгаетъ Маттѣ Парисъ въ 1246. Собраніе Рунмедское, на которомъ дана была великая хартія, заднимъ числомъ названо „*Parlamentum Runimedae*“ въ одномъ документѣ въ царствованіе Генриха III.

судія, арміи, флота и пр. авторъ истощиваетъ вопросъ до дна: нная въ его главѣ сама по себѣ цѣлая книга, а само сочиненіе является настоящей и полной энциклопедіей о происхожденіи англійской націи и англійской политики. Источники приводятся на каждой страницѣ и въ подробности; словомъ, это вполнѣ научное произведеніе. Въ этой книгѣ есть одинъ только недостатокъ: слогъ, форма, которые часто не соответствуютъ величію содержанія. Я знаю—предметъ довольно сухъ: но я утверждаю, что истинная наука — не говорю чистая эрудиція — не исключаетъ ни изящества, ни ясности.

Оба эти качества отличаютъ Фримана, о которомъ я упомянулъ по поводу пятого тома его исторіи «Norman Conquest». Это очень обширное сочиненіе; начало его издава было десять лѣтъ тому назадъ, а вонецъ только въ 1876 г.—вотъ почему я ограничусь этимъ послѣднимъ томомъ, посвященнымъ специально описанію слѣдствій завоеванія. По словамъ автора, который сходится въ этомъ съ Стѣббсомъ, эти слѣдствія были вполнѣ благотворны, и онъ усматриваетъ чистѣйшій романъ, вдохновленный «Ivanhoe» Вальтеръ-Скотта, въ знаменитой и замѣчательной «Исторіи завоеванія Англіи» Огюстена Тьерри. Безъ сомнѣнія, этотъ послѣдній смотритъ на дѣло съ преувеличенной точки зрѣнія, и было бы ошибкой отрицать благотворныя послѣдствія норманнскаго владычества, сказавшіяся на послѣдующемъ развитіи Англіи. Но, допуская это, нельзя утверждать, что это было очень легко для побѣжденныхъ. Вѣрю, что главнѣйшія возмущенія по смерти завоевателя всегда производились норланскими баронами, а не саксонскими thegns; но тутъ нѣтъ ничего мудренаго, такъ какъ послѣдніе были обезземелены и лишены своихъ правъ побѣдителями. Безъ сомнѣнія, наступилъ также моментъ, когда норманны слились съ англійскимъ населеніемъ, которое ихъ поглотило: но это поглощеніе совершилось не безъ пріивтія сильной дозы норманнской цивилизаціи.

Возьмемъ для доказательства хотя бы только языкъ. Извѣстно, что въ царствованіе Эдуарда I общественные акты писались вообще по-французски, а не по-англійски. Угадайте, какое заключеніе выводить изъ того Фриманъ? «Это одинъ изъ многочисленныхъ признаковъ полнѣйшаго смѣшенія между норманнами и англичанами,—восклицаетъ онъ.—Французскій языкъ все еще былъ роднымъ языкомъ для людей, принимавшихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, но употребленіе его не имѣло въ себѣ ничего обиднаго и не казалось больше осворбленіемъ, наносимымъ по-

обидителемъ побѣжденнымъ» (Freeman, vol. V, p. 531). Надо бы просто сказать, что этотъ обычай все болѣе и болѣе распространенъ по мѣрѣ того, какъ латынь выходила изъ употребленія; а главное—не слѣдовало бы намекать на то, что Вильгельмъ и его преемники ждали этого момента, чтобы писать на своемъ языкѣ общественные акты, съ единственной цѣлью пощадить англійскую щекотливость.

Замѣьте, что надо говорить «англичане», а не «англо-саксы», и этого съ самаго начала. Это тоже одно изъ чудачествъ нашего автора: «наши предки,—говоритъ онъ,—звали сами себя англличанами съ древнѣйшихъ временъ и нелѣпо звать ихъ саксонцами».—Можетъ быть, фактъ вѣренъ, но онъ нисколько не убѣдителенъ: возьмемъ хотя бы языкъ, напримѣръ; ясно, что существуетъ разница между англо-саксонскимъ и англійскимъ языкомъ. Эта разница могла произойти лишь съ теченіемъ вѣковъ, и вполне понятно, что современники Этельстана звали себя англличанами, но это не мѣшаетъ намъ по праву возстановить за ними ихъ настоящее имя англо-саксовъ. Для Фримана должно быть чистое горе, что Стѣббс постоянно употребляетъ и чувствуетъ это названіе.

Такія критическія замѣчанія нисколько не мѣшаютъ общему достоинству книги. Читатели уже знаютъ Фримана, замѣчательное сочиненіе котораго о сравнительной политикѣ было рассмотрѣно на страницахъ этого журнала ¹⁾; это человекъ замѣчательной эрудиціи, вполне знакомый со всѣми новѣйшими изслѣдованіями, одаренный большимъ талантомъ, какъ писатель, но слишкомъ увлекающійся легкостью и неутомимостью своего пера. Онъ ревностно отстаиваетъ и фанатически пропагандируетъ свои теоріи. Это отлично, когда теоріи вѣрны, но и въ противномъ случаѣ онъ дѣйствуетъ съ такимъ же увлеченіемъ. Онъ можетъ сказать, какъ Монтанъ—о всѣхъ своихъ сочиненіяхъ: «это добросовѣстные книги». Но этого качества недостаточно, когда рѣчь идетъ о наукѣ и объ исторіи. Во всякомъ случаѣ ему будетъ многое прощено за превосходныя вещи, высказанныя имъ въ своей «Comparative Politics», гораздо лучше написанной.

Что касается матеріаловъ для исторіи «Омни Бенета», то лишь мимоходомъ упомяну о нихъ для тѣхъ, которые пожелають черпать изъ самыхъ источниковъ исторію Англіи. Эти три, недавно вышедшихъ тома содержатъ всѣ оригинальные, важные документы

¹⁾ См. Письмо второе въ „Вѣст. Ев.“, июль, 1876 г.

о жизни, смерти—страстяхъ, какъ они выражаются—о чудесахъ епископа Кентерберійскаго, написанныхъ большею частию современниками. Отмѣчаю мимоходомъ слѣдующую черту католической преданности.

Рѣчь идетъ о смерти прелата, о которой повѣствуетъ Уильямъ, кентерберійскій монахъ, бывшій свидѣтелемъ убійства. Въ тотъ моментъ какъ предводитель убійцъ вскричалъ, обращаясь къ своимъ сподвижникамъ: «бейте!»—«Я, рассказывающій это,—говоритъ добрый Уильямъ,—услыхавъ это слово и думая, что я также предназначенъ къ гибели, но, съ другой стороны, сознавая свою грѣховность и чувствуя себя недостаточно подготовленнымъ къ мученичеству (*minus idoneus martyrio*), я проворно поднялся по ступенькамъ и убѣжалъ».

Эти три тома принадлежатъ къ серіи, изданной на счетъ казны стараніями и подъ руководствомъ *Master of the Rolls* (начальникъ архивовъ). Начатое въ 1857 г., это изданіе дѣятельно продолжается, подъ заглавіемъ: «*Medii aevi scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the middle ages*». Въ числѣ недавно появившихся томовъ, надо упомянуть о сочиненіяхъ Жиро-де-Барри (*Giraldus Cambrensis*), которые такъ интересны для изученія Ирландіи въ средніе вѣка: «*Memorials of st. Dunstan*», изданные Стѣббсомъ и пр. Администрація, вѣроятно заѣмъ, чтобы не возбуждать ничьей зависти, поручила матеріальную сторону изданія работамъ главнѣйшихъ лондонскихъ издателей: Трюбнера, Лонгманса и др.

Говоря выше, что не существуетъ полной исторіи Англіи, я не имѣлъ въ виду соображенныхъ учебниковъ, которые, напротивъ того, весьма многочисленны. Ими отнюдь нельзя пренебрегать, когда они хорошо составлены, что, къ несчастію, бываетъ весьма рѣдко. «Исторія англійскаго народа», въ 4-хъ томахъ, Грина, заслуживаетъ всякихъ похвалъ. Пока вышелъ еще только одинъ томъ, но мы уже впередъ знаемъ, каковы будутъ и остальные, такъ какъ настоящее сочиненіе—не что иное, какъ болѣе пространное изданіе «Братской исторіи», появившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и заслужившей громадный и заслуженный успѣхъ¹⁾. Говорятъ даже, что авторъ гораздо лучше сдѣлалъ бы, если бы не разводилъ своей превосходной маленькой книжечки на четыре in-8°, все преимущество которыхъ состоитъ только въ томъ, что они гораздо дороже. Это мнѣніе кажется мнѣ основательнымъ. «Братскую исторію» слѣдуетъ рекомендовать какъ самое ясное и

1) *Green. Short History of the English people. London: Macmillan. 1 vol. in 8°.*

самое полное резюме событий, театромъ которыхъ была Англія со времени вторженія саксонцевъ и до первыхъ годовъ XIX вѣка.

II.

- 1) *Lewis H. Morgan*: Ancient Society, or researches in the lives of human progress from savagery through barbarism, to civilisation. London, Macmillan. 1 vol. in 8°, 560 pages. 1877.—2) *Mac Lennan*: Studies in ancient history.—3) *Herbert Spencer*: The principles of Sociology. London, Williams and Norgate. Vol. I. 1876.

«Самое древнее изъ всѣхъ обществъ и самое естественное,—говорить Ж. Ж. Руссо,—это семья... семья, значить, представляетъ, если хотите, первый образецъ политическихъ обществъ: глава изображаетъ отца, народъ—дѣтей, и всѣ, будучи рождены свободными и равными, стѣсняють свою свободу лишь ради своихъ выгодъ»¹⁾.

Человѣчество долгое время довольствовалось, что касается происхожденія общества, данными въ родѣ вышеприведеннаго. Знаменитый женеvскій софистъ, ожесточенный врагъ Вольтера, Дидро и философін, неутомимый поборникъ спиритуалистической метафизики, не мало содѣйствовалъ сгущенію мрака и утѣvовѣченію невѣжества въ этомъ отношеніи. Люди такъ привыкли видѣть прогрессивнаго человѣка въ этомъ апостолѣ теоріи *Савойярдскаго викарія*, что либеральные и великодушные умы приняли безъ всякой критики самые негѣпые изъ его выводовъ.

Къ счастью, времена перемѣнились: къ подобнымъ бреднямъ въ настоящее время относятся не серьезно, и тайну происхожденія общества стараются изслѣдовать научнымъ путемъ. Этому трудному дѣлу посвящены три важныхъ сочиненія, которыми мы теперь займемся.

Морганъ—американецъ: родившись въ штатѣ Нью-Йоркѣ, въ 1818 году, онъ очень поздно занялся изученіемъ научныхъ вопросовъ. Но въ 1870 г. онъ съ-разу занялъ почетное мѣсто въ наукѣ, издавъ очень замѣчательное сочиненіе: «System of Consanguinity and affinity of the human family».

Макъ-Ленанъ составилъ себѣ извѣстность, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весьма интересной статьей: «Primitive marriage», статьей, перепечатанной въ книгѣ, которую онъ недавно издалъ, подъ заглавіемъ: «Ancient history».

¹⁾ *Contrat social*. Chap. II.

Что касается Герберта Спенсера, то онъ не нуждается въ рекомендаціи: достаточно сказать, что передъ нами VI-й томъ полной системы синтетической философіи.

«Principles of Sociology» являются продолженіемъ началъ биологій и психологій и составляютъ самую интересную часть произведенія, о которомъ мы поговоримъ еще подробнѣе, когда появится послѣдній томъ настоящей серіи.

Если всегда существовали метафизики и мечтатели въ родѣ Ж.-Ж. Руссо, то всегда существовали также и серьезные люди, съ настоящимъ философскимъ умомъ и способностью обогащать сокровищницу человѣческихъ знаній. Мудрость — *Sophia*, т. е. наука — такъ же стара, какъ и міръ, или, точнѣе сказать, какъ разумъ. Такимъ образомъ, открытія, считавшіяся новыми, не только предугадывались, но даже были намѣчены нашими славными предками, аріицами, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: теорія происхожденія религій цѣлкомъ находится у Лукреція.

То же самое приходится сказать и о вопросѣ, который здѣсь разбирается: о происхожденіи общества и цивилизаціи. Несравненный учитель — *Il maestro di color che sanno* ¹⁾ — не проходить его молчаніемъ, какъ большинство современныхъ писателей; онъ приступаетъ къ нему въ самомъ началѣ своей *Политики* и разрѣшаетъ знаменитымъ афоризмомъ: ἀνθρώπος φύσει πολιτικὸν ζῷον «человѣкъ по своей природѣ предназначенъ жить въ обществѣ» ²⁾. Затѣмъ, онъ отправляется отъ семьи, естественной и первѣйшей ассоціаціи: нѣсколько семей, соединившись, образуютъ селеніе, а изъ союза селеній возникаетъ государство, «появляющееся первоначально вслѣдствіе жизненныхъ потребностей и существующее потому, что всѣмъ имъ удовлетворять».

Поставьте на мѣсто семьи — *gens*, на мѣстѣ города — *phratric* или *curia*, на мѣсто государства или города — племя, и вы получите во всей ихъ полнотѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій. Аристотель является человѣкомъ науки и прогресса, Руссо, съ его естественнымъ бытомъ, апостоломъ невежества и реакціи. Въдъ вопросъ этотъ рѣшенъ въ наши дни, и доказано, что первобытный человѣкъ, предшествовавшій всякой цивилизаціи, былъ во всѣхъ отношеніяхъ тождественъ съ дикаремъ нашего времени. Впрочемъ, слово *естество*, которое кажется на первый взглядъ такимъ простымъ, всегда истолковывалось на самые различные лады. Человѣческій родъ способенъ къ усовершенствованію: про-

¹⁾ *Dante*. Inferno. Cant. IV, vers. 131.

²⁾ *Aristoteles*. Politique. Livr. I. ch. I.

шедшее это доказываетъ. Настоящимъ естественнымъ бытомъ для человѣка будетъ, значить, тотъ, при которомъ онъ достигнетъ наивысшаго развитія всѣхъ своихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей. А это можетъ осуществиться лишь въ цивилизованномъ быту, и поэтому весьма вѣрно утверждение, что человѣкъ, по своей природѣ, «животное общественное», существо, предназначенное жить въ обществѣ.

Вотъ точный, безспорный выводъ, провозглашенный еще въ древности: новѣйшимъ ученымъ оставалось только дѣйствовать въ этомъ направленіи, слѣдовать по проторенной дорожкѣ. Задача все еще оставалась громадная; потому что, если человѣкъ и есть животное общественное, то онъ началъ съ того, что былъ такимъ же звѣремъ, какъ и всѣ остальные, и жилъ войной и насиліемъ, потому Гоббесъ основательно описываетъ человѣка какъ дикаго звѣря въ его первобытномъ состояніи: *homo homini lupus*. Нужно было, слѣдовательно, взять его въ самомъ началѣ и прослѣдить за нимъ въ его прогрессивномъ развитіи, восходя къ эпохамъ неслезанной древности, отъ которыхъ не осталось иныхъ слѣдовъ, кромѣ разрозненныхъ остатковъ, зарытыхъ тамъ и сямъ въ различныхъ слояхъ земной коры.

Но, къ счастью, въ настоящее время существуютъ — хотя это и можетъ показаться парадоксальнымъ — до-историческія расы; дикари одинаковы во всѣ времена: единственное различіе, каое между ними существуетъ, это то, что одни способны въ развитію и цивилизаціи, между тѣмъ какъ другіе осуждены на безвыходный застой. Основываясь на этихъ данныхъ, сэръ Джонъ Лэббокъ, Тайлоръ и другіе могли достичь того, что указали главные пункты касательно начала цивилизаціи.

Многіе факты остаются еще темными; другіе не вполне выяснены. На первомъ планѣ и въ числѣ самыхъ интересныхъ надо поставить вопросъ о происхожденіи и развитіи семьи. Еще не такъ давно дѣло казалось очень просто: всѣ ссылались на патриархальную семью, которая все разрывала. Эта семья разрослась въ *gens*, а тотъ, въ свою очередь, въ государство, причемъ отецъ, затѣмъ глава, сталъ королемъ.

Наконецъ, замѣчено было, что эта теорія оставляетъ безъ объясненія пропасть фактовъ. Напримѣръ, патриархальная семья признаетъ прежде всего родство только въ мужскомъ колѣнѣ: если она и признаетъ дочерей членами семьи, то все же главной родственной связью съ дѣтьми служитъ отецъ, а не мать. Между тѣмъ, въ безчисленныхъ случаяхъ мы видимъ племена и цѣлыя націи, у которыхъ вначалѣ существовало родство лишь

въ женскомъ колѣнѣ—то, что англичане называютъ: *female kinship*. Въ настоящее время у дикарей западной Австрали, у громаднаго большинства индейцевъ Сѣверной Америки дѣти принадлежатъ материнскому роду. Нѣтъ сомнѣнiя, что таковой же порядокъ существовалъ и у первобытныхъ грековъ, и у народовъ Малой-Азiи. Геродотъ утверждаетъ, что такъ было у ликійцевъ. «Они принимаютъ,—говоритъ онъ,—имя матери, а не отца, и если у нихъ спросить свѣдѣнiя объ ихъ семьѣ, они немедленно перечислятъ свою генеалогiю, упоминая единственно лишь о женщинахъ» (Геродотъ, I, 173). Повидимому, такъ же было и у афинянъ въ первобытныя времена: знаменитый споръ между Орестомъ и фуриями въ третьей части великой трилогiи Эсхила нисколько не противорѣчитъ этому предположенiю. Когда сынъ Клитемнестры оспариваетъ утвержденiе Эменидъ и объявляетъ, «что въ немъ нѣтъ крови его матери», то онъ высказываетъ новое, преувеличенное въ противномъ смыслѣ мнѣнiе, замѣнившее древнюю идею объ исключительномъ родствѣ съ матерью ¹⁾.

Мало того: если размыслить хорошенько, если сказать себѣ, что существовало время—и это вполне доказано—когда царствовало самое безграничное кровосмѣшенiе, то непремѣнно признаешь, что система родства по женскому колѣну должна была быть въ извѣстную эпоху повсемѣстной; потому что если, какъ говоритъ Бридуазонъ, «*on est toujours le fils de quelqu'un*», то этотъ фактъ никогда не бываетъ сомнительнымъ и вовсе не труденъ для разъясненiя, что касается матери; относительно отца—иное дѣло. Бахофенъ основалъ на этомъ свою теорiю трехъ состоянiй, наложенныхъ въ книгѣ, отличающейся самой изумительной эрудицией и озаглавленной «*Das Mutterrecht*»: первобытное состоянiе есть собственно кровосмѣшенiе, которое авторъ называетъ черезъ-чуръ поэтическимъ и утонченнымъ названiемъ *материзма*. Женщины, недовольныя такимъ положенiемъ дѣлъ, въ концѣ-концовъ возмущались и установили систему брака, въ которой мужчины подчинены имъ, а имя и наслѣдство переходить въ женское колѣно: наступило торжество и повсемѣстное господство амазонокъ—второе состоянiе. Наконецъ, въ третьей стадiи, трансцендентальное и отвлеченное значенiе отца беретъ верхъ надъ болѣе материальнымъ влiянiемъ матери: и отсюда рождается система, существующая и по наше время. Критика чувствуетъ себя обезоруженной

¹⁾ См. любопытный отрывокъ Варрона, приводимый Св. Августиномъ („*De civitate Dei*“, lib. 18, cap. 9), въ которомъ онъ рассказываетъ, что послѣ спора между Посейдономъ и Афиной дѣти перестали носить имя матери (*Mac Lennan*, p. 292, 19).

передъ этимъ громаднымъ трудомъ, этой сокровищницей любопытѣйшихъ фактовъ, заимствованныхъ у древнѣйшихъ и у новѣйшихъ временъ и собранныхъ въ этомъ объемистомъ in-4° въ два столбца; но трудно, однако, не улыбнуться въ виду диковинной идеи — чтобы не сказать больше — женскаго первенства и всеобщаго преобладанія амазонокъ.

На ряду съ общимъ фактомъ *female kinship* стоитъ другой, не менѣе общій: я говорю про бракъ путемъ умыканія невесты, существующій и понынѣ у многихъ дикихъ племенъ. Извѣстно, какъ поступаетъ австралиецъ, когда заберетъ въ голову жениться: онъ бродитъ вокругъ поселка другого племени и какъ только замѣтитъ какую-нибудь дѣвушку, отдалившуюся отъ остальныхъ жителей, такъ немедленно бросается къ ней, оглушаетъ ее ударомъ въ голову и тащитъ за волосы въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ терпѣливо дожидается, чтобы его импровизованная невеста пришла въ себя. Последняя находитъ вполне естественнымъ награждать такое доблестное предпріятіе и сдается во власть своего побѣдителя — и вотъ бракъ заключенъ.

У многихъ народовъ повторяется то же самое, хотя и не въ такой варварской простотѣ, но обставлено нѣкоторыми формами и церемоніями, заимствованными первобытными временами. У кхудовъ въ Индіи, въ Бразиліи, въ Чили, у каффровъ, у тунгузовъ, калмыковъ и черкесовъ существуютъ церемоніи, въ которыхъ женихъ дѣлаетъ видъ, что покидаетъ невесту. Олафъ Магнусъ сообщаетъ о такихъ же обычаяхъ среди литовцевъ и ливонцевъ ¹⁾. Съ другой стороны, Магъ-Леннанъ не сомнѣвается, что легенда о похищеніи сабинянокъ передаетъ традицію о первобытной системѣ брака путемъ умыканія, существовавшей у римлянъ (*Магъ-Леннанъ*, стр. 671). Въ Спартѣ, по словамъ Плутарха, всегда представляли похищеніе невесты и пр. Даже англійскій обычай, по которому женихъ немедленно увозитъ свою молодую жену послѣ брачной церемоніи, считается отголоскомъ традицій этого рода.

Но на этомъ пути можно зайти очень далеко: и увидѣть, напримѣръ, въ похищеніи Елены символъ того же рода. Безъ сомнѣнія, безусловно отрицать этого нельзя, но ни одному еще Донъ-Жуану не приходило въ голову прикрыть свои поступки плащомъ традицій и утверждать, что онъ только вѣренъ системѣ брака черезъ умыканіе первобытныхъ народовъ. Вотъ къ какимъ нелѣпостямъ можно придти, отступивъ отъ условій чисто-научной

¹⁾ *Historia de gent. septant. Lib. XIV, cap. 9.*

гипотезы. Точно будто привлеченія Елены, Менелая и Париса не выражаютъ собой вѣчной исторіи *женатого* человѣчества, до- историческаго или историческаго — все равно, точно будто это не первое и классическое изданіе «*La femme, le mari et l'amant*» знаменитаго и правдиваго Поль-де-Бона!

Какъ бы то ни было, а нужно было найти объясненіе этимъ древнимъ и почти всеобщимъ обычаямъ: родству черезъ женщинъ и браку путемъ умыканія. Такъ какъ вышеприведенная теорія Бахофена онавивалась со всѣхъ сторонъ несостоятельной, то пытались придти къ болѣе серьезнымъ выводамъ. Въ этомъ отношеніи и, что бы о томъ ни думали Гербертъ Спенсеръ, сэръ Джонъ Лаббокъ и Морганъ, нѣлзма первенства принадлежить, по моему мнѣнію, Макс-Леннану. Создавъ слова *Exogamie* и *Endogamie*, онъ въ то же самое время познакомилъ съ диковинными обычаями, выражаемыми этими словами. У многихъ австралійскихъ племенъ, у краснокожихъ Сѣверной Америки, запрещено членамъ одного племени или, лучше сказать, одного *gens*, вступать въ бракъ между собой: они должны искать себѣ женъ на сторонѣ (*exogamie*). Подобные же факты наблюдались и въудовѣ въ Ориссѣ, у юракскихъ самоѣдовъ, у каффровъ (Макс-Леннанъ, стр. 74); затѣмъ Тайлоромъ — въ Сіамѣ, въ Борнео и въ Суматрѣ, и у остяговъ. Въ извѣстную эпоху и въ извѣстныхъ границахъ такое же правило существовало и у католиковъ. Григорій I запрещаетъ бракъ между родными, въ какомъ бы то ни было колѣнѣ, лишь бы родство было доказано. Это чистая *экзогамія*.

Что между экзогаміей и бракомъ путемъ умыканія существуетъ связь — этого никакъ нельзя отрицать. Какъ скоро бракъ между членами одного племени, одного *totem*, говоря на языкѣ краснокожихъ, запрещенъ, такъ необходимо является похищеніе женщинъ: ясно, наприимѣръ, что у ирокезовъ, которыхъ такъ хорошо изучилъ Морганъ, — если «Сѣрые Волны», «Медвѣди», «Большія Черепахи» не могли вступать въ бракъ между собой, то эти племена необходимо должны были взаимно похищать своихъ женъ. Впрочемъ, экзогамія и бракъ путемъ умыканія или, по крайней мѣрѣ, традиціи этого обычая существуютъ совмѣстно и у большинства вышеупомянутыхъ народовъ.

Но по какой причинѣ, въ силу чего дикія орды приходятъ къ тому, что издають законы, приравнивающіе къ кровосмѣшенію бракъ между членами одного племени, — законы, нарушеніе которыхъ зачастую наказывалось смертію? Потому что мы имѣемъ тутъ *акконъ*, въ подномъ смыслѣ этого слова, и заслуга Макс-Леннана въ томъ и заключается, что онъ доказалъ его су-

ществованіе. Морганъ и Гербертъ-Спенсеръ напрасно отрицаютъ важность этого открытія, и, по правдѣ сказать, досадно видѣть, что личныя чувства и дурно направленный эгоизмъ замѣниваются въ священное дѣло науки и истины. Возможно, что смѣлые воины похищали себѣ женъ и гордились этимъ, какъ побѣдннмъ трофеемъ: но чтобы такіе подвиги перешли въ обычай и стали затѣмъ закономъ—этого никогда не докажетъ Гербертъ-Спенсеръ, несмотря на весь свой авторитетъ. Что касается Моргана, то онъ отвергаетъ терминъ экзогаміи безъ всякой причины: онъ допускаетъ, онъ доказываетъ фактъ, который объясняетъ своей системой *единокрооной семьи*. Экзогамія, называемая имъ «tribal organisation», была реформой и въ то же самое время протестомъ противъ системы брака между братомъ и сестрой. Самъ Гербертъ-Спенсеръ придаетъ извѣстное значеніе чувству женской стыдливости, игравшему будто бы роль въ происхожденіи этихъ до-историческихъ обычаевъ: это очень любезно, но недостаточно серьезно. Мюллеръ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о дорійцахъ, высказалъ подобное же мнѣніе по поводу мнимаго похищенія женщинъ въ спартанскихъ брачныхъ церемоніяхъ. «Трудно было бы, — говоритъ основательно Макъ-Леннанъ, — указать на какое-нибудь первобытное племя, въ которомъ застѣнчивость молодыхъ женъ обуславливала бы необходимость прибѣгать къ насилію (*Макъ-Леннанъ*, стр. 16).

Сэръ Джонъ Лэббокъ въ своемъ «Origins of Civilisation» предлагалъ другое объясненіе. Онъ предполагаетъ существованіе въ началѣ того, что онъ называетъ *communal marriage*. Всѣ женщины принадлежать сообща, какъ и всѣ имуществъ, всѣмъ членамъ племени. Между тѣмъ, когда какой-нибудь воинъ похищалъ жену у сосѣдняго племени, она принадлежала только ему одному и никому болѣе. Такъ какъ это показалось приятнымъ, то мало-по-малу установился обычай брака, путемъ умыканія, и экзогамія.

Ни одна изъ этихъ гипотезъ не можетъ объяснить существованія самаго факта и его всеобщность. Макъ-Леннанъ предлагаетъ въ своей книгѣ идею, которая представлялась болѣе серьезной: дѣтубійство есть искомая причина. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что дикари съ замѣчательной безцеремонностью истребляютъ своихъ новорожденныхъ дѣтей—въ особенности дѣвочекъ, такъ какъ послѣднія считаются болѣе стѣснительными, нежели мальчики. Отсюда происходитъ большой недочетъ въ женщинахъ, и за ними приходится охотиться по сосѣднимъ племенамъ: отсюда также и *полиандрія*, т. е. союзъ одной женщины съ нѣсколькими

мужчинами. Но Магъ-Ленанъ, повидимому, самъ отказался отъ этого объясненія, которое считаетъ теперь недостаточнымъ ¹⁾ и обѣщаетъ намъ болѣе полное рѣшеніе не въ очень отдаленномъ будущемъ.

Такимъ образомъ, и у этого автора, самаго обстоятельнаго на этотъ счетъ, недостаетъ основанія, начала. Морганъ пополняетъ пробѣлы: онъ начинаетъ съ ужасно отдаленныхъ временъ, относящихся къ ледяному періоду, къ «*promiscuous intercourse*», слѣдующему смѣшенію половъ, переходитъ къ единокровной семьѣ или союзу между братьями и сестрами, и приходитъ, проходя черезъ нѣсколько промежуточныхъ степеней, которыя было бы слишкомъ долго перечислять, къ патриархальной семьѣ, затѣмъ, наконецъ, къ моногаміи. Гербертъ-Спенсеръ не признаетъ никакого строгаго преемственнаго порядка; впрочемъ, выводовъ своихъ онъ не даетъ въ настоящемъ томѣ. Надо подождать слѣдующаго, хотя неопредѣленность его теперешнихъ данныхъ не обѣщаетъ окончательнаго вывода.

А между тѣмъ, онъ нуженъ: безъ него и вопреки утвержденіямъ позитивистовъ невозможна никакая социологія. Мнѣ кажется, что, опираясь на интересныя и глубокія изслѣдованія этихъ различныхъ писателей и тщательно избѣгая ревнивой исключительности, ихъ отличающей, можно составить научную формулу развитія семьи, а слѣдовательно, и общества. Сперва въ самомъ началѣ должны были существовать ассоціаціи мужчинъ и женщинъ, жившихъ попарно въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ это мы видимъ у многихъ животныхъ: есть обезьяны, живущія попарно, и всѣмъ извѣстна супружеская вѣрность аистовъ. Въ этомъ сожитіи попарно играетъ роль инстинктъ. То былъ періодъ *временной моногаміи*.

Затѣмъ наступаетъ второй періодъ *кросс-матерности*. Далѣе, человѣкъ возвышается нѣсколько надъ состояніемъ животнаго, и въ его мысляхъ совершается нѣкоторый прогрессъ: его начинаютъ озабочивать дѣти; онъ спрашиваетъ себя—чьи они. Отвѣтъ нѣтъ сомнѣнія: одна только мать извѣстна. Отсюда возникаетъ *третій періодъ*, характеризуемый тѣмъ, что Бахофенъ не совсѣмъ точно называетъ правомъ матери: это—эпоха преобладанія «*female kinship*», которую можно считать первымъ шагомъ въ отступленіи отъ безусловно дикатаго состоянія. Тогда образуется первобытный *gens*, тотъ, который ведетъ свое потомство въ женской

¹⁾ См. статью, подъ заглавіемъ „Endogamy and Exogamy“, въ „Fortnightly Review“, June, 1877.

линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается обычай, впоследствии законъ *эхаоами*; дѣтубійство ли вызываетъ недочетъ въ женщинахъ, который былъ бы во всякомъ случаѣ недостаточной причиной для объясненія этого явленія, или реакція происходитъ противъ брака между братьями и сестрами, не въ силу цѣломудрія, чувства искусственнаго и новѣйшаго происхожденія, но скорѣе въ силу не особенной привлекательности подобныхъ браковъ, причемъ члены одного *gens*, нося одно и то же имя, считались братьями и сестрами. Въ этомъ третьемъ періодѣ, длившемся весьма долго, существовала также и *полиандрія*.

Но сама полиандрія насчитываетъ нѣсколько ступеней: первую, самой грубою, является та, когда мужа не родня между собой: что до сихъ поръ существуетъ у *наировъ* (Nairs) Малабара, а также и у *коніагасовъ* Сѣверной Америки. У этихъ послѣднихъ женщина можетъ имѣть двухъ мужей: одинъ глава или главный супругъ, другой простой адъютантъ, дѣйствующій въ качествѣ мужа и властелина только въ отсутствіе настоящаго главы. Когда этотъ послѣдній возвращается въ домъ, онъ не только уступаетъ ему свое мѣсто, но дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ его слугою ¹⁾.

Предположимъ теперь, что мужа—брата и владѣютъ женщиной въ своемъ собственномъ жилищѣ; отъ этого возникаетъ важный фактъ. Отнынѣ становится извѣстенъ если не отецъ, то по крайней мѣрѣ *кровъ* отца,—вотъ поворотный пунктъ, съ котораго все пойдетъ по новому. Хотя совсѣмъ бесполезно восторгаться надъ чудесами этого новаго, отвлеченнаго вліянія, или дивиться высшему мужеству человека, который первый сказалъ: «этотъ новорожденный моей крови!» въ ожиданіи, пока онъ воскликнетъ: «то мой ребенокъ!» Природа не подготавливаетъ такихъ театральныхъ эффектовъ, но ея дѣло не менѣе прекрасно и удивительно отъ того, что все совершается медленно и постепенно.

Эта форма полиандріи существуетъ и нынѣ въ Тибетѣ. Она существовала нѣкогда и въ Индіи; это несомнѣнно: невозможно иначе истолковать прелестный эпизодъ брака пятирѣхъ братьевъ Пандавасъ съ прекрасной Драупади въ Магабхаратѣ. По мнѣнію *Макъ-Леннана*, она господствовала у карибытскихъ евреевъ, древнихъ персовъ и пр. (*Макъ-Леннанъ*, стр. 809). Не утверждая, что она была повсемѣстна, какъ онъ говоритъ, слѣдуетъ признать, что она была очень распространена, и въ большинствѣ случаевъ служила связью между старинной системой

¹⁾ Bancroft. Native races of the Pacific, t. I, p. 81.

родства черезъ женщинъ и противоположной системой. Во всякомъ случаѣ она составляла переходное звено: съ помощью идеи и чувства собственности приходимъ къ *двумъ послѣднимъ периодамъ*, во время которыхъ семья основана на прочномъ основаніи права и власти отца: я говорю о *политами* и *моногами*.

Итакъ, мы видимъ, что племя, затѣмъ *gens*, предшествовали семьѣ, главнымъ образомъ, въ семьѣ арійскихъ народовъ; линія потомства измѣнялась постепенно изъ женской въ мужскую, откуда произошла генеалогія по мужскому колѣну, существовавшая у римлянъ. Реакція была не менѣе сильна и въ Греціи, гдѣ мы видимъ, что Орестъ отрицаетъ даже, чтобы въ его жилахъ текла кровь его матери, и отнынѣ отецъ занялъ первенствующую роль, отведенную ему въ правильномъ и естественномъ развитіи вещей. Въ книгѣ Моргана находятся обильныя подробности въ постепенномъ превращеніи *gens* и семьи въ Греціи и Римѣ. Я могу только указать на источникъ, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что въ такихъ важныхъ, столь необходимыхъ сочиненіяхъ, какъ тѣ, которыя я только-что разбиралъ, форма недостаточно отдѣлана. Попадаются во множествѣ повторенія, неясности, противорѣчія, и вообще не приложено послѣдняго старанія, весьма тяжелаго, а это знаю, но безъ котораго могутъ быть только наброски, вмѣсто совершеннаго и законченнаго произведенія, каковаго читатель въ правѣ ожидать и требовать.

III.

1) *D-r Schliemann: Mycenae, a narrative of researches and discoveries at Mycenae and Liryns, the preface by the right hon. W. E. Gladstone, with maps and illustrations. London. Murray. 1 vol. 8°, 384 pages. 1878.* — 2) *General di Cesnola: Cyprus, its ancient cities, tombs and temples, with maps and illustrations. London. Murray. 1 vol. 8°, 448 pages. 1877.*

16 (28) ноября 1876 года греческій король получилъ отъ д-ра Шлимана слѣдующую телеграмму изъ Микенъ: «Съ чрезвычайной радостью возвѣщаю вашему величеству, что я открылъ гробницы, въ которыхъ, по преданію, на какое указываетъ Пausanias, схоронены Агамемнонъ, Кассандра, Эвримедонъ и ихъ товарищи, всѣ убитые за пиршествомъ Клитемнестрой и ея любовникомъ Эгистомъ. Они были окружены двойнымъ обручемъ параллельныхъ пластинокъ, которые могли быть сооружены лишь въ честь вышеназванныхъ высокихъ особъ. Я нашелъ въ гробницахъ much сокровищъ по части арханческихъ предметовъ изъ

чистаго золота. Однихъ этихъ сокровищъ достаточно для наполненія цѣлаго музея, который будетъ самымъ чудеснымъ въ мірѣ и въ продолженіи многихъ грядущихъ вѣковъ будетъ привлекать въ Грецію тысячи иностранцевъ. Такъ какъ я работаю только изъ любви къ наукѣ, то, разумѣется, не имѣю ни малѣйшаго притязанія на эти сокровища и съ живымъ восторгомъ уступаю ихъ Греціи. Дай Богъ, чтобы эти сокровища послужили краеугольнымъ камнемъ громаднаго національнаго богатства».

Д-ръ Шлиманъ весь въ этихъ строкахъ, слишкомъ наивно восторженныхъ въ своемъ преувеличеніи, чтобы не быть безусловно искренними. Но вѣдь за то, какой это счастливый смертный! и какъ не извинить эту необузданную радость! Вотъ человѣкъ, помѣшавшійся на Иліадѣ и Одиссѣй: богатый, нажившій состояніе собственными трудами, онъ сказалъ себѣ, что отыщеть мѣста, прославляема въ несравненныхъ поемахъ. Сказано — сдѣлано, точно въ волшебныхъ сказкахъ. Онъ отправляется въ Гиссарликъ, роется въ землѣ и отрываетъ Трою. Этому ему мало: найдя пропасть горшковъ и другихъ предметовъ, представляющихъ болѣе или менѣе грубо изображеніе совы, онъ, не колеблясь, признаетъ въ нихъ изображеніе γλαυκῶπις Ἀθήνη и спѣшитъ возвѣстить, что найдетъ въ Пелопоннѣзѣ фигурки съ коровьей головой, изображающія Ἐρη βοῶπις или воловкую Юнону. Немедленно отправляется онъ въ Микены, приступаетъ къ раскопкамъ и находитъ не только фигурки съ коровьими головами, но цѣлыхъ коровъ и, сверхъ того, бранные останки Агамемнона, Кассандры и *tutti quanti*, которыхъ отправила въ свое время на тотъ свѣтъ — эта типичная прелюбодѣйка, буйная Клитемнестра съ помощью своего любовника Эгиста. *Audaces fortuna juvat!* Никогда еще эта половица не получала болѣе блистательнаго подтвержденія.

Но общій законъ въ здѣшнемъ мірѣ таковъ, что за великой удачей всегда слѣдуетъ неудача. Многіе отказались вѣрить въ подобныя находки, и не одинъ критикъ свысока отнесся — *horresco referens!* — къ Агамемнону, его браннымъ останкамъ и всему прочему. Д-ръ Шлиманъ ухулилъ дѣло, благодаря своему отличительному качеству, которое не есть скромность. Съ своей стороны, я ни гроша не дамъ за это притворное уничтоженіе, которое въ такой модѣ нынче, а сквозь него безпрестанно проглядываютъ ничѣмъ неоправдываемыя претензіи; это отличительная черта посредственности. Но нельзя же самому себѣ говорить комплименты, и въ особенности въ спорныхъ вопросахъ вредить своей репутаціи, когда притягиваешь за волосы выводы, не подкрѣпляя ихъ достаточными доказательствами.

Счастливым докторъ придумалъ весьма неудачно просить предисловія у Гладстона, которому посвятилъ свою книгу, безъ сомнѣнія, изъ благодарности. Если есть человѣкъ безвозвратно-погибшій, какъ въ политикѣ, такъ и въ археологіи, то это какъ-разъ этотъ эксъ-государственный человѣкъ, авторъ статей о Гомерѣ, въ настоящее время болѣе извѣстный подъ именемъ «Гоуарденскаго дровосѣка». И въ какую минуту ловить его д-ръ Шлиманнъ! какъ-разъ въ ту минуту, когда вышеупомянутый *scholar* напечаталъ въ «Contemporary Review» мемуаръ о генеалогіи Ирисы Гомера, этой граціозной служанки боговъ, производя ее изъ 9-ой главы Битія. Уже не мало имѣлось образчиковъ маніи Гладстона отыскивать въ греческой мѣологіи слѣды откровенія. Но это уже показалось черезъ-чуръ нелѣпнымъ, и вся пресса покатиалась со смѣха.

Одушевленный подобными стремленіями, авторъ предисловія не преминулъ раздуть рискованную гипотезу ученаго изслѣдователя. Напримѣръ, этотъ послѣдній нашелъ въ одной изъ гробницъ, открытыхъ въ Микенахъ, трупъ-мумію, превосходно-сохранившійся, съ щеками, вѣками, которыя отлично видны, съ раскрытымъ ртомъ, гдѣ сидятъ всѣ тридцать-два зуба. «Плачевнѣе всѣхъ была смерть Кассандры», говоритъ Гладстонъ, «которую Клитемнестра убила своей рукой, въ то время какъ она цѣплялась за колыбели Агамемнона; она не оказала даже своему мужу послѣдней услуги: закрыть ротъ и глаза мертвецу. Удивительное дѣло! Д-ръ Шлиманнъ увѣряетъ меня, что правый глазъ (трупа, о которомъ идетъ рѣчь) не вполне закрытъ, тогда-какъ зубы верхней челюсти тоже не притиснуты къ зубамъ нижней. Это можно приписать, по его мнѣнію, тяжести, давившей на нихъ. Но если бы отъ этой тяжести дѣйствительно открылись челюсти, то отверстіе, по всей вѣроятности, было бы гораздо значительнѣе» (Муссенае, р. XXXVII). Отсюда выводится, что, по всей вѣроятности, мумія, представленная на стр. 297, ничья иная, какъ сына Атрея, короля людей — ἄναξ ἀνδρῶν — Агамемнона. Въ этомъ отношеніи его можно только поздравить съ тѣмъ, что ему такъ счастливо удалось сохранить всѣ свои зубы, послѣ долгой, боевой жизни, не считая послѣдняго удара, нанеимъ его почтили; а его почтили, — такъ говоритъ Гомеръ, — тѣмъ самымъ способомъ, какимъ убиваютъ быка на бойнѣ: ὥς τις τε κατέχευε βοῶν ἐπὶ φάτῃ ¹). Но, высказавъ это, остережемся подражать возмутительной несправедливости и безцеремонности нѣкоторыхъ критиковъ, усматриваю-

¹) Одиссея, IV, ст. 335.

щихъ во всѣхъ открытіяхъ д-ра Шлиманна одинъ предлогъ въ несомнѣваемымъ шуткамъ. Что забавно; такъ это теорія Гладстона и въ нѣкоторой мѣрѣ самого доктора; но, помимо всякихъ толкованій, фактъ остается на лицо, и не слѣдуетъ забывать, что чело-вѣкъ съ такимъ авторитетомъ, какъ м-ръ Ньютонъ, изъ Британскаго музея, напечаталъ въ «Times» полный отчетъ о микенскихъ раскопкахъ и отводитъ имъ значительное мѣсто въ археологической исторіи Греціи.

Что до меня касается, то меня особенно поражаетъ одинъ фактъ: увѣренность, съ какою д-ръ Шлиманнъ, послѣ того, какъ открылъ идоловъ съ совиной головой въ Гиссарникѣ, сталъ утверждать, что въ Микенахъ, въ Арголидѣ, вѣрной Юнонѣ, онъ откроетъ идоловъ съ коровьей головой, символомъ богини «Βοώρις», т.-е. Юноны, подобно тому, какъ первые характеризовали богиню *Glaukōris*, Минерву. И, дѣйствительно, онъ нашелъ ихъ множество, превосходно нарисованныхъ въ его книгѣ: я видѣлъ два или три образчика въ музеѣ *South Kensington*, гдѣ они выставлены вмѣстѣ съ троянскими древностями. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ изображаютъ настоящихъ коровъ, очень грубо сдѣланныхъ; въ другихъ случаяхъ это маленькія статуэтки еще грубѣйшей работы, въ которыхъ можно признать женскія очертанія. Голова изображается шарикомъ; на одной сторонѣ его пальцами выдавлено что-то въ родѣ носа; на уровнѣ съ плечами видѣются два придатка, закругленныхъ въ формѣ полумѣсяца, которые авторъ выдаетъ намъ за рога — а все это, вмѣстѣ взятое, изображаетъ, по его мнѣнію, Юнону. Между тѣмъ въ важной коллекціи глиняныхъ горшковъ и другихъ вещей, имѣющейся въ Британскомъ музеѣ и найденной на островѣ Родосѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ двѣ или три фигурки точь-въ-точь такія, какъ двѣ вышеописанныхъ. Я не хочу сказать, что д-ръ Шлиманнъ вывелъ заключенія на основаніи этихъ фигурокъ, которыя, быть-можетъ, были ему неизвѣстны; но во всякомъ случаѣ, это сильно уменьшаетъ значеніе его открытія, по-крайней-мѣрѣ въ томъ отношеніи, что отнимаетъ у него всякій спеціаль-ный и мѣстный характеръ.

Съ другой стороны, такъ-называемые рога вышеупомянутыхъ статуэтокъ, кажется, просто-на-просто руки, которыя сдѣланы не лучше носа и всего остального. Въ сочиненіи генерала Чеснола мы найдемъ такія же статуэтки ¹⁾, но менѣе грубыя, и въ нихъ можно очень ясно признать руки, хотя на первый взглядъ

¹⁾ *Cyprus*, planche VI.

и на нѣкоторомъ разстояніи эти придатки, загнутые вверхъ съ каждой стороны, могутъ быть приняты за рога. Быть можетъ, что Юнона грековъ имѣетъ много общаго съ Изидой, съ головой коровы, у египтянъ: «Гомеръ, — говоритъ Гладстонъ, — выбралъ въ числѣ атрибутовъ рогатой породы тотъ, который наилучше отвѣчалъ его цѣли, и надѣлилъ Юнону, такъ какъ она никогда не была особенно умной богиней, спокойными большими глазами коровы» (Муссенае, р. VII). Это, быть можетъ, правда, хотя и не особенно лестная для супруги величественнаго Юпитера: во всякомъ случаѣ вопросъ можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Но возвратимся къ великому открытію сокровищъ и гробницъ: Павзаній во второй книгѣ, глава 16, своего сочиненія говоритъ такъ: «Тамъ (среди развалинъ города Микены) находится гробница Атрея и спутниковъ Агамемнона, которые, по возвращеніи изъ Трои, были убиты на пиршествѣ Эгистомъ... Тамъ есть гробница Агамемнона, возницы Эвримедона и Электры». Микены, древняя столица Аргосскаго королевства, была разрушена въ 468 г. до Р. Х., если вѣрить тому же Павзанію. Но тутъ есть очевидная ошибка: Эсхилъ, жившій почти въ эту самую эпоху, повидимому, и не подозреваетъ о существованіи этого города. Говорили, что онъ изъ политическихъ причинъ отдалъ предпочтеніе Аргосу въ своей трагедіи «Агамемнонъ», тогда какъ у Гомера сцена убійства происходитъ, какъ и слѣдовало, въ столицѣ, т.-е. въ Микенахъ. Во всякомъ случаѣ два другихъ великихъ трагика, Софокль и Эврипидъ, различающихъ эти два города, повидимому, не имѣютъ о нихъ очень яснаго представленія. Разрушеніе Микенъ совершилось, должно быть, гораздо раньше.

Какъ бы то ни было, д-ръ Шлиманнъ заключаетъ изъ замѣчаній Павзанія, что могилы находились въ оградѣ Акрополя. Онъ произвелъ раскопки въ этомъ направленіи на глубинѣ около тридцати футовъ, и имѣлъ счастье найти покон, пробитые въ скалѣ, пять могилъ, содержащія пятнадцать труповъ различнаго возраста и различнаго пола. Вмѣстѣ съ тѣмъ было найдено всякаго рода оружіе, вазы, драгоценныя уборы, золотыя маски, изображающія человѣческія лица и надѣтыя на лица труповъ, и большія тонкія пластинки тоже изъ золота, облекающія ихъ грудь, не считая множества колець и другихъ драгоценностей, тоже изъ массивнаго золота. Это въ самомъ дѣлѣ Микены *Polychrysas* гомеровскихъ поэмъ, «ditesque Mysenas» Горація.

Въ великолѣпной и дорогой книгѣ, изданной Джономъ Мурраемъ, мы найдемъ точное описаніе и изображенія всѣхъ этихъ

сокровищъ, перечислять которыя было бы слишкомъ долго. Но самъ собой возникаетъ вопросъ, требующій непременно отвѣта. Оставляя въ сторонѣ Агамемнона, Кассандру и волоокую Юнону, спросимъ, къ какой эпохѣ принадлежать всѣ эти интересные остатки? Лучше всего будетъ, если я приведу заключеніе изъ замѣчательнаго отчета м-ра Ньютона, затерявшіяся въ громадной книгѣ «Times» за 1877 г.

«Разборъ не только самыхъ сокровищъ, — говоритъ ученый археологъ, — но и фактовъ, относящихся къ ихъ открытію, заставляетъ меня думать, что если не всѣ, то большинство предметовъ, найденныхъ въ могилахъ, принадлежать эпохѣ, предшествующей 800 г. до Р. Х. Это произвольное число; но я рассуждаю на основаніи такой весьма законной гипотезы: періодъ, который можно назвать *греко-финикійскимъ*, продолжается отъ первой Олимпіады, или немного раньше 560 г. до Р. Х. Въ продолженіи этого періода, греки ближе познакомились съ египетскимъ и ассирійскимъ искусствомъ, черезъ посредство финикіянъ на морѣ и индійцевъ на азіатскомъ континентѣ. Мы находимъ тогда, вмѣстѣ съ греческимъ архаическимъ искусствомъ, финикійскія и египетскія глиняныя издѣлія, драгоценныя разныя каменья изъ Ассиріи и ювелирныя произведенія, показывающія большое искусство въ рѣзбѣ и плавлѣ металловъ. Анатомія, строеніе человѣческаго тѣла и животныхъ, гораздо лучше наблюдается въ нихъ, нежели въ предметахъ, найденныхъ въ микенскихъ гробницахъ. Въ этотъ періодъ Дедалъ, или, выражаясь другими словами, гений азіатской цивилизаціи, повидимому, привилъ грубымъ предметамъ эллинской расы живительные соки, изъ которыхъ должно было развиться будущее искусство» («Times», апрѣль 20, 1877).

Пока я довольствуюсь протестомъ противъ радикально ошибочнаго вывода, заключающагося въ послѣдней фразѣ, и остановлюсь только на слѣдующемъ фактѣ: древности микенскія восходятъ раньше 800 г. до Р. Х., и, слѣдовательно, раньше греко-финикійскаго періода нашего автора. Это уже важный пунктъ: но вопросъ все еще остается нерѣшеннымъ. Другой ученый, Стюартъ Пуль, корреспондентъ французской академіи наукъ, моллагаетъ, что можетъ высказать болѣе точныя данныя. Но тутъ необходимо упомянуть о самомъ любопытномъ предметѣ въ этой коллекціи: о золотомъ кольцѣ, найденномъ возлѣ гробницы, и на которомъ выгравированы удивительныя фигуры, не похожія ни на какія доселѣ извѣстныя (Мусенае, 334, № 530). Подъ деревомъ, въ которомъ одни признають пальму, а другіе виноградную лозу, сидитъ женщина и держитъ въ лѣвой рукѣ три ма-

новыхъ головѣ: она, повидимому, предлагаетъ ихъ другой жанинѣ, а между ними двумя находится еще третья фигура, тоже женская, поменьше первыхъ, и предлагаетъ цвѣтокъ первой. Совсѣмъ направо стоитъ четвертая женщина и держитъ цвѣты. Наконецъ, на лѣвой сторонѣ съ края находится еще маленькая фигурка, какъ будто рвущая плоды и протягивающая руки къ выше названному дереву. Надъ ними изображены солнце и луна, затѣмъ волнистая линія, представляющая море: по срединѣ два обоюдоострыхъ топора. У одной изъ фигуръ висятъ длинныя косы по плечамъ и у всѣхъ надъ лбомъ двѣ или три бузлы, похожія на хохолокъ какаду.

Стюартъ Пуль усмотрѣлъ въ этомъ сходство съ однимъ египетскимъ рисункомъ временъ Тотмеса III (XV вѣкъ до Р. X.), найденномъ въ одной гробницѣ въ Фивахъ и на которомъ изображены обитатели *Кефы*: этимъ именемъ обозначаются «острова посреди большого моря». Д-ръ Бёрчъ не безъ основанія находитъ тожество между *Кефой* и *Кипромъ*. Заглянувъ же въ рисунокъ IV, т. I книги Уилькинсона «The ancient Egyptians», мы можемъ удостовѣриться, что обитатели Кефы представлены съ длинными косами и съ этими же диковинными хохолками волосъ надъ лбомъ. Но костюмъ, кажется, не одинаковый: съ другой стороны, въ рисункѣ фигуръ, выгравированныхъ на кольцѣ Микенскомъ, замѣчается та округлость формъ, тѣ изысканія, хотя и нѣсколько произвольныя, очертанія, какія характеризуютъ рисунки на вазахъ, найденныхъ на островѣ Родосѣ, и позднѣе встрѣчаемые въ усовершенствованномъ видѣ у грековъ переходной эпохи, около 500 г.

Г-нъ и г-жа Шлиманъ при видѣ сцены, выгравированной на кольцѣ, въ одинъ голосъ воскликнули, что Гомеръ навѣрное видѣлъ ее, когда описывалъ щитъ Ахиллеса. Все та же фантастическая манера ставить и рѣшать вопросы! Одинъ фактъ несомнѣненъ и онъ достаточно важенъ, чтобы задуматься надъ нимъ, — микенскія древности могутъ быть отнесены къ X вѣку до Р. X. Иные предметы, кажется, даже еще древнѣе, тогда какъ другіе ближе къ періоду греко-финикійскому. Ясно также, что вопросъ очень сложенъ; археологи не скоро придутъ къ соглашенію. Съ другой стороны, если бы въ самомъ дѣлѣ и существовала троянская война—что отнюдь не невозможно—и могущественный царскій домъ въ Микенахъ,—что, повидимому, несомнѣнно—то изъ этого нельзя вывести никакихъ опредѣленныхъ заключеній относительно Гомеровскихъ поэмъ. Онѣ не что иное, какъ народная эпопея, сто разъ передѣлываемая и усовершенствованная въ эпоху, близ-

кую въ Пизистрату, различными поѣтами, если только не заблагоразсудятъ почитать именемъ Гомера послѣдняго ея редактора. Въ своемъ настоящемъ видѣ поэма въ сто разъ прекраснѣе и нѣсколькими вѣками опередила мивенскія сокровища.

Дѣло въ томъ, что эти открытія бросаютъ совсѣмъ новый свѣтъ на то, что можно назвать до-исторической эпохой Греціи. И точнаго рѣшенія невозможно будетъ произнести до тѣхъ поръ, пока искусно направленные изслѣдованія не познакомятъ насъ въ достаточной мѣрѣ съ археологіей Малой-Азіи и, въ особенности, Лидіи. Во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить—каковы бы ни были его личные взгляды—человѣка, который, помимо всякаго другого интереса, кромѣ славы, посвящаетъ свои дарованія, свое состояніе и время на труды, до сихъ поръ постоянно увѣнчивавшіеся блистательнымъ успѣхомъ, и значеніе которыхъ можетъ не признаваться только невѣжествомъ или завистью.

Великолѣпная книга генерала Чеснолы «Сургузъ» явилась какъ-разъ встать, чтобы пополнить свѣдѣнія объ этихъ совсѣмъ новыхъ вещахъ. На радость всѣмъ антикваріямъ, которымъ слѣдовало бы прыгать отъ удовольствія—если бы зависть не повергала нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мрачное отчаяніе—вышли два изданія, биткомъ набитыя фактами, касающимися археологій первобытной Греціи, и оба невольно пополняютъ другъ друга, служатъ поддержкой другъ другу.

Тутъ мы опять имѣемъ дѣло съ весьма новымъ и крайне интереснымъ сюжетомъ, лишь бы имъ не злоупотребляли. Италія, Паэось, Амагузіа! эти имена звучатъ гармонически, и будятъ влюбленное воспоминаніе о Венерѣ-Афродитѣ; и были бы еще поэтичнѣе, если бы ими не злоупотребляли до тошноты въ эпоху миеологическаго роковъ начала нынѣшняго столѣтія. А между тѣмъ только въ послѣдніе годы начаты изслѣдованія тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда стояли эти знаменитые города. Результаты оказались совсѣмъ не такими, какихъ ожидали; но чтобы понять ихъ, надо оставить въ сторонѣ Гомера и Вергілія и заняться настоящей исторіей Кипра.

Населенный вначалѣ смѣшанными колоніями грековъ и финикійцевъ, что достаточно объясняется его центральнымъ положеніемъ между островомъ Родосомъ и Финикіей, онъ былъ непосредственно подчиненъ ассирійцамъ VII-го и VI-го вѣковъ до Р. Х., затѣмъ египтянамъ, въ періодъ околѣ 550 г., наконецъ, персамъ, отъ 525 по 323 г. Послѣ побѣдъ Александра онъ достался

Лагидамъ, которые владѣли имъ до 58 г., когда его завоевали римляне. Позднѣе онъ входилъ въ составъ византійской имперіи до конца XII вѣка. Завоеванный въ эту эпоху Ричардомъ Львиное Сердце, подарившимъ его Гвиду - Люзиньяну, чтобы вознаградить его за потерю іерусалимскаго королевства, онъ оставался владѣніемъ этой фамиліи до 1489 г., когда перешелъ къ венеціанцамъ, а затѣмъ въ 1573 г. къ туркамъ, которые и владѣютъ имъ понынѣ.

Въ 1865 г., генералъ дн-Чеснола ¹⁾, американскій консулъ на островѣ, началъ раскопки, прославившіе его, и продолжалъ ихъ до 1876 г. Раньше того какъ онъ обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій, одинъ англичанинъ, по имени Лангъ, раскопалъ одинъ храмъ въ Идалии (Дали) и прислалъ въ Британскій музей нѣсколько вазъ и статуэтокъ, дающихъ возможность лондонскому жителю отдать себѣ точный отчетъ о характерѣ вышеупомянутыхъ открытій (1868). Между прочимъ онъ прислалъ директорамъ знаменитаго національнаго учрежденія Англіи надпись на финикійскомъ и кипрскомъ нарѣчіяхъ, съ помощью которой Джоржъ Смитъ разобралъ этотъ послѣдній языкъ, и отнынѣ признано, что онъ одинъ изъ греческихъ діалектовъ, съ мѣстной азбукой ²⁾.

Но если языкъ одной части кипріотовъ былъ греческій, за то искусство кипріотское отнюдь не было греческимъ: оно было преимущественно финикійскимъ. Вотъ важная и безспорная истина, обнаруженная послѣдними открытіями. Но что же такое финикійское искусство? И неужели мы обязаны чудесами греческаго искусства этимъ отъявленнымъ купцамъ, этимъ семитамъ, которымъ мы уже обязаны азбукой? Успокойтесь! И во-первыхъ, эту азбуку они заимствовали у египтянъ. Затѣмъ подъ именемъ финикійскаго искусства англійскіе археологи подразумеваютъ произведенія, выполненныя финикіянами, въ странахъ ими занятыхъ, какъ, напр., въ Кипрѣ, подъ вліяніемъ египетскимъ, ассирійско-египетскимъ или ассирійскимъ. Таковы, въ самомъ дѣлѣ, три стиля, преобладающіе въ древностяхъ острова Кипра: первый царилъ, повидимому, до XII вѣка до Р. Х., а послѣдній около X вѣка; переходный же стиль занималъ, само собою, мѣсто между ними. Впрочемъ, всѣ три могутъ быть прослѣжены въ періоды гораздо

¹⁾ Графъ Лунджи Пальма-ди-Чеснола, изъ старинной фамиліи, родился въ Туринѣ въ 1832 г., принималъ участіе въ первой войнѣ за независимость Италіи, переселился въ Америку въ 1860 г. и сталъ однимъ изъ генераловъ федеральной арміи въ междоусобную войну.

²⁾ См. труды Ланга въ „Transactions of the royal soc. lit. 2-nd series, XI, pt. I.

позднѣйшіе, и они проявлялись, разумѣется, и въ болѣе раннія эпохи, соотвѣтствующія дѣйствительному, *de facto*, владычеству Ассиріи и Египта.

Ученый американскій консулъ производилъ свои раскопки главнымъ образомъ въ Италіи, въ Павосѣ, въ Голгоѣ, гдѣ онъ открылъ развалины необыкновенно любопытнаго храма въ Ама-тузіи и пр. Его коллекція была куплена въ 1872 г. для «Metropolitan Museum of fine arts» въ Нью-Йоркѣ: вслѣдствіе чего она довольно недоступна. Но, въ счастію, рисунки въ его книгѣ даютъ достаточное понятіе объ оригиналахъ, не считая коллекціи Ланга, которая въ этомъ случаѣ можетъ служить для сравненія. Главныя издѣлія столь же многочисленны, какъ и интересны: отсылаю читателей въ описаніямъ и рисункамъ книги. Скажу только одно слово о скульптурныхъ и глиняныхъ произведеніяхъ.

Вообще говоря и за нѣкоторыми почетными исключеніями, нельзя представить себѣ ничего безобразнѣе того, что выставлено за витринами Британскаго музея, отведенными египетскимъ древностямъ. Нельзя вообразить себѣ болѣе отвратительной коллекціи идоловъ. То мы видимъ женскую фигуру, вышиной съ футъ, съ четырехугольнымъ носомъ, съ локтями, доходящими до коленъ; лѣвая рука ея покоится на какомъ-то струнномъ инструментѣ и такъ же велика, какъ и животъ. Надпись гласитъ: «женская фигура, по всей вѣроятности Афродита, играющая на лирѣ». Никогда Оффенбаху, написавшему «Орфея въ аду», не пригрезилась бы подобная Венера. То мы видимъ фигуру, въ натуральную величину, съ нелѣпо выдавшимися скулами, глупо ослабляющуюся себѣ въ бороду, подстриженную на ассирійскій манеръ, а надпись поучаетъ васъ, что это Гераклъ! Пропастъ бюстовъ и головъ, величаемыхъ «божествами»; всѣ отличаются тѣмъ же выраженіемъ блаженной глупости. Это гораздо незначительнѣе антиварскаго египетскаго музея и въ тысячу разъ монотоннѣе: судите объ эффектѣ!

И это-то и есть «вліяніе ассирійско-египетское», которое, какъ насъ увѣряютъ, «послужило плодотворнымъ зерномъ», изъ котораго родилось будущее искусство Греціи! Здѣсь опять мы наталкиваемся на злополучныя послѣдствія *спеціализаціи*, примѣняемой къ рѣшенію вопросовъ, касающихся вообще всего чело-вѣчества... Эстетика становится подспорьемъ археологіи.

Воозможно, что произведенія египетскаго и ассирійскаго искусства имѣли нѣкоторое вліяніе на грековъ, современниковъ каменнаго вѣка и первыхъ временъ бронзоваго вѣка. Но дикія или монотонныя произведенія двухъ великихъ азіатскихъ цивили-

лизацій оказали не болѣе вліянія на позднѣйшее развитіе искусства Фидіевъ и Праксителей, чѣмъ книга ритуала и хроникъ ассирійскія на произведенія Эврипидовъ и Софокловъ. Арісты Греціи носили въ самихъ себѣ зерно понятія о пластической красотѣ; греческое искусство такъ же независимо, какъ и неподражаемо, и восточнымъ его можно назвать лишь въ томъ смыслѣ, что и сама раса имѣла колыбелью страны, гдѣ восходитъ солнце? ¹⁾).

Не могу, въ заключеніе, не замѣтить, какія хищническія наклонности проявляетъ англійская литература: обѣ вышеупомянутыя книги — твореніе нѣмца и итальянца, именующихъ себя американскими гражданами, и изданы лондонскимъ издателемъ. Поэтому онѣ тѣмъ болѣе вниманіе заслуживаютъ со стороны ученаго міра, что въ полномъ смыслѣ слова космополитныя.

IV.

The Russians of to-Day, by the author of «*The member for Paris*» etc. London, Smith. 1 vol. 8°. 304 pages. 1878.

Вотъ книга, которую пожираетъ весь Лондонъ, и это самый рѣзкій памфлетъ, хотя и въ шутиливой формѣ, какой только появлялся за послѣднее время. Сюета суеть, сказалъ бы царь Соломонъ: годъ тому назадъ на расхватъ читалось «*Russia*», Меккензи Уоллеса — серьезное произведеніе! Въ настоящее время все переиждивилось, и лондонская публика смотритъ глазами Гренвилля Муррея.

Такъ зовутъ автора — не будетъ нескромностью извѣстить объ этомъ русскихъ читателей — поочередно скрывавшагося подъ псевдонимами «*Roving Englishman*», «*M-r Trois-Etoiles*» и другими. Принадлежа ковенно къ знатной фамиліи, онъ служилъ сначала въ дипломатическомъ корпусѣ, но вынужденъ былъ оставить заодно и свою должность, и Англію, вслѣдствіе одного неприятнаго дѣла, хотя честь автора при этомъ не пострадала безусловно: во всякомъ случаѣ книга его посвящена, разумѣется, съ надлежащаго разрѣшенія, герцогу Сотерландскому, что, безъ сомнѣнія, достаточная «*reference*».

Онъ впервые сталъ извѣстенъ въ литературѣ лѣтъ тридцать тому назадъ — и значить, его слѣдуетъ причислить по меньшей

¹⁾ Немногія статуи, истинно греческія, найденныя на островѣ Кипрѣ, только подтверждаютъ это мнѣніе: онѣ въ самомъ дѣлѣ носятъ греческій характеръ и не имѣютъ ничего общаго съ вышеописанными безобразіями.

мѣръ къ людямъ не первой молодости — изданіемъ небольшой юмористической книжки, озаглавленной «*Roving Englishman*», за которой вскорѣ послѣдовало болѣе серьезный трактатъ о дипломатіи (*Embassies-foreign courts*). Около того же времени появилось сочиненіе о Турціи, изданное вторично въ прошломъ году ¹⁾. Лордъ Пальмерстонъ говаривалъ, что статьи «*Roving Englishman*» показываютъ болѣе близкое знакомство съ Турціей, нежели какая-нибудь другая книга, попадавшаяся ему на глаза. То же самое выражалъ и лордъ Даллингъ, бывшій нѣсколько лѣтъ посланникомъ при Портѣ. Это самъ Муррей расточаетъ себѣ эти похвалы въ послѣднемъ изданіи, и, оставляя скромность въ сторонѣ, надо признать, что онѣ заслуженныя. Книга его, хотя и написана четверть столѣтія тому назадъ, несомнѣнно интересна и полезна.

Съ той поры авторъ проживалъ главнымъ образомъ во Франціи, и его послѣднія сочиненія относятся къ этой странѣ. Послѣ многолѣтняго молчанія, онъ напомнилъ о себѣ романомъ «*Member for Paris*», изданнымъ вскорѣ послѣ франко-прусской войны и заключающемъ забавную картину нравовъ и общества при второй имперіи; затѣмъ «*Men of the thirl Republic*» и, наконецъ «*French pictures in English Chalk*» — легкіе и очаровательные эскизы той же эпохи, гдѣ фигурируютъ городъ «*Tousscrétins*» съ своимъ префектомъ «*Monsieur de Feu-contenu*» и другими того же разряда.

У Гренвилля Муррея насмѣшливый нравъ и, набросившись на Россію, какъ на «модное кушанье», онъ всласть лакомится имъ. «Русскіе, — говоритъ онъ, — крайне чувствительны къ мнѣнію иностранцевъ и, благодаря этому, они такъ любезны, что пріѣзжіе всегда бываютъ безусловно очарованы». Гренвилль, если онъ бывалъ въ Россіи, не даетъ себѣ однако труда щадить эту чувствительность. Но видно, что авторъ наизусть знаетъ Тургенева, и копируетъ его, съ тою разницей, что тамъ, гдѣ великій русскій романистъ рисовалъ жизнь и создавалъ характеры, авторъ рисуетъ каррикатуры.

Несомнѣнной каррикатурой является портретъ генерала Фалутинскаго, «возбуждающаго всеобщее восхищеніе тактомъ и смѣлостью, выказанными имъ въ своихъ щекотливыхъ обязанностяхъ по части ангажированія итальянскихъ примадоннъ и французскихъ комиковъ», и который отправляется съ 30,000 солдатъ,

¹⁾ *Turkey being sketches from life, by the Roving Englishman. A new edition. London: Routledge in-8°, 376 pages. 1877.*

столькимъ же числомъ пушекъ и съ дюжиной корреспондентовъ карать несчастнаго Багальу-хана на берега Каспійскаго моря. Безполезно входить въ подробности этой экспедиціи, напоминающей экспедицію знаменитаго генерала Фрица въ «Герцогинѣ Герольштейнсовой». Въ сущности это уже слишкомъ смѣшно, а потому не очень зло.

Иное дѣло то, что повѣствуетъ авторъ про «judicial business», употребленія его выраженіе. Тутъ сочинитель, поднимая на-смѣхъ другихъ, въ сущности смѣется надъ самимъ собой. Русскіе присяжные, по его мнѣнію, такъ чувствительны, что судьямъ приходится штрафовать ихъ, когда они начинаютъ охать и ахать всѣ разомъ. Имъ такъ тяжело произнести обвинительный приговоръ, что часто слышно, какъ они говорятъ подсудимому: «общаете ли вы не дѣлать этого больше?» Разъ присяжные оставались запертыми въ продолженіи трехъ часовъ, и нетерпѣливый судья послалъ судебного пристава, чтобы узнать, что съ ними дѣлается: оказалось, что всѣ присяжные удрали въ окно, чтобы уклониться отъ непріятности произнести обвинительный вердиктъ.

Какая забавная исторія, но какое мерзкое чувство сказывается въ ней! «Ничтожный долженъ быть тотъ адвокатъ, — восклицаетъ авторъ, — который не заставитъ плакать русскаго присяжнаго!»

Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Развѣ не самая прекрасная, не самая возвышенная сторона въ человѣческой природѣ — то великое состраданіе, которое дѣлаетъ насъ снисходительными въ проступкамъ и преступленіямъ ближнихъ, которые зачастую слѣдуетъ приписать если не самому обществу, то необходимому и роковому ходу вещей? Прибавьте, что нѣсколько далѣе этотъ же авторъ (стр. 147) рѣзко порицаетъ безчеловѣчность всего русскаго народа вообще. Надобно было бы быть, по крайней мѣрѣ, логичнымъ и, во всякомъ случаѣ, не рекомендовать или не выставлять образцомъ, достойнымъ подражанія, невозмутимую жесткость своихъ соотечественниковъ. Въ Англіи оплакиваютъ и жалѣютъ животныхъ, съ которыми дурно обращаются, въ Россіи — людей: мнѣ кажется, что смѣшны при этомъ совсѣмъ не русскіе.

Вотъ дурная сторона автора: все ему смѣшно, и во всемъ онъ видитъ случай посягнуть зубы. Онъ поднимаетъ на-смѣхъ прежнія учрежденія Россіи, — и тѣхъ, кто ихъ поддерживаетъ, и тѣхъ, кто желалъ бы ихъ усовершенствовать. Онъ повторяетъ всѣ старыя побасѣнки про «нѣмецкую науку», «грубый матеріализмъ, убивающій всѣ юношескія иллюзіи», и пр. и пр. Съ другой стороны, онъ носится съ допотопными шутками, кото-

рыя такъ же мало пристали русскому обществу, какъ и всякому цивилизованному обществу Старого и Нового свѣта. Напримѣръ, по поводу брака, на который смотрятъ какъ на аферу; по поводу «вдовъ, которыхъ такъ же много, какъ мало старыхъ дѣвъ; а вдовъ, чьихъ мужей никто никогда не видѣлъ, больше всего». Единственная разница съ Англіей тутъ та, что если вдовъ въ ней много, то и старыхъ дѣвъ достаточно.

Но гдѣ авторъ всего больше вредитъ самому себѣ, такъ это — при этнологическихъ и историческихъ замѣчаніяхъ, разсѣпанныхъ въ его книгѣ. Не безъ изумленія узнаёмъ мы, что «славяне, самый древній народъ въ Европѣ, имѣли въ жилахъ примѣсь индійской крови», обычан ихъ восточные, религія — смѣсь браминства съ лѣснымъ культомъ германцевъ» (forest worship) (стр. X). Мы находимъ также, что «христіанство организовало феодальную систему въ Россіи», и что «Новгородъ первый освободился изъ-подъ московскаго ига и устроился свободной республикой подъ покровительствомъ монголовъ», и что, наконецъ, «тамъ, по общему мнѣнію, сложилось социалистическое устройство современнаго міра» (стр. XIII).

Гренвилль Муррей можетъ утѣшаться тѣмъ, что достигъ своей цѣли и насмѣшилъ читателей. Напрасно только не далъ онъ своей книгѣ того заглавія, какое ей, по-настоящему, причлствуетъ: «Россія на-изнанку».

А. РИНЬЯРЪ.

Лондонъ, 1878 г.

ЭТАПНЫЙ ЛАЗАРЕТЬ ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНЫ

ВЪ ТУРЕЦКУЮ КАМПАНИЮ 1877—1878 гг.

...Я состоялъ старшимъ врачомъ „Этапнаго лазарета Государыни Цесаревны“. Вотъ какова была первоначальная цѣль учрежденія этого частнаго лазарета, его, такъ сказать, исторія, а также средства и условія къ существованію. Разъясненіе всѣхъ данныхъ по этому предмету можетъ современемъ послужить къ болѣе правильному отвѣту на вопросъ: въ чемъ состоитъ польза подобнаго рода учреждений и желательно ли ихъ существованіе въ будущемъ?

Еще до начала кампаніи, „Краснымъ Крестомъ“ предполагено было устроить на пути эвакуаціи рядъ лазаретовъ или этапныхъ пунктовъ, которые служили бы мѣстомъ временнаго отдыха для больныхъ, утомленныхъ транспортомъ. Здѣсь должна была производиться сѣна повозокъ, выдача лекарствъ, а равно и постоянная сортировка больныхъ, для которыхъ транспортъ оказывался вреднымъ. Само-собою разумѣется, что эти лазареты въ то же время были бы и питательными пунктами.

Вслѣдствіе исключительныхъ условій, нашему лазарету дано было другое назначеніе. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что опытъ кампаніи не оправдалъ предположеній относительно устройства вышеупомянутыхъ этапныхъ пунктовъ въ Болгаріи. Лазареты частныхъ обществъ „Краснаго Креста“ расположены были въ Систовѣ и въ его окрестностяхъ и имѣли значеніе военно-временныхъ госпиталей. Назначеніе предполагаемыхъ этаповъ исполняли военно-временные госпитали и питательные пункты „Краснаго Креста“, находящіеся въ вѣдѣніи санитаровъ, подъ наблюденіемъ уполномоченныхъ. Къ со-

жалѣнію, эти питательные пункты не были снабжены въ Болгаріи ни аптечными, ни перевязочными средствами. Недостатокъ этотъ давалъ себя чувствовать много разъ, и о немъ говорили мнѣ врачи и фельдшера, сопровождавшіе транспортъ.

Въ половинѣ іюля прошлаго года, когда, по рекомендаціи профессора Боткина, мнѣ предложено было завѣдываніе этапнымъ лазаретомъ, я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ и узналъ, что почти всѣ принадлежности лазарета уже упакованы и отсылаются черезъ нѣсколько дней въ Бухарестъ. Затѣмъ, дальнѣйшія указанія, относительно мѣста открытія лазарета, его содержанія и т. п., я долженъ былъ получить уже въ Бухарестѣ, отъ главнаго уполномоченнаго П. А. Рихтера. Тогда еще предполагалось, что лазаретъ будетъ направленъ въ рушукскій отрядъ.

Лазаретъ предназначался для 30-ти больныхъ; для другихъ 30-ти еще не было приготовлено кроватей и нѣкоторыхъ принадлежностей бѣлья; но ихъ обѣщали доставить въ непродолжительномъ времени. Переданный мнѣ списокъ упакованныхъ вещей, а равно и тѣ, которыя мнѣ удалось видѣть, убѣдили меня въ необыкновенной роскоши и богатствѣ, съ какими обставлялся лазаретъ. Неудовлетворительнымъ оказалось только снабженіе нѣкоторыми лекарствами, что, впрочемъ, было исполнено при первомъ моемъ заявленіи.

27-го іюля, транспортъ, въ 1,000 пудовъ вѣса, съ частью лазаретной прислуги, отправился изъ Петербурга по варшавской дорогѣ. Я долженъ былъ выѣхать двумя-тремя днями позже, но за день до этого мною было получено увѣдомленіе отъ предсѣдателя исполнительной коммиссіи, чтобы я отложилъ свой отъѣздъ.

2-го августа, уполномоченному „Краснаго Креста“, А. С. Петлину, и мнѣ предложено было заняться выработкою проекта и снаряженіемъ трехъ летучихъ санитарныхъ отрядовъ, по числу трехъ гвардейскихъ дивизій, отправлявшихся въ Болгарію, на мѣсто военныхъ дѣйствій.

А. С. Петлинъ только-что вернулся тогда изъ своей спеціальной командировки въ Болгарію и на Кавказъ, и, лично познакоившись съ характеромъ военныхъ дѣйствій въ той и другой мѣстности, могъ какъ нельзя болѣе помочь своими указаніями при выполненіи возлагаемаго порученія. Такимъ образомъ, согласно указаніямъ А. С. Петлина и моимъ, въ то время еще чисто-теоретическимъ, соображеніямъ, выработанъ былъ проектъ, который много разъ обсуждался и былъ окончательно редактированъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Каждый летучий отрядъ состоитъ изъ 2-хъ врачей, 4-хъ фельдшеровъ-студентовъ и 10-ти санитаровъ.

„Отрядъ снабжается всѣмъ необходимымъ для подачи первоначальной помощи раненымъ и передвигается на фургонахъ. При этомъ врачи ѣдутъ верхами, а остальной персоналъ идетъ пѣшкомъ.

„Посланный этапный лазаретъ Цесаревны, помимо своего назначенія какъ дивизионный или военно-временный госпиталь, служить въ то же время складомъ, изъ котораго пополняются летучіе отряды всѣмъ необходимымъ.

„Врачи по очереди будутъ работать въ этапномъ лазаретѣ и въ летучихъ отрядахъ“.

Вся хозяйственная часть (перевозочныя средства, шатры, палатки, продовольствіе и т. п.), содержаніе медицинскаго персонала и внѣшняя сторона сношеній санитарнаго отряда — были переданы въ вѣдѣніе уполномоченнаго А. С. Петлина, которому главное управленіе ассигновало съ этою цѣлью 10,000 р. ежемѣсячно.

Мнѣ лично поручался выборъ лицъ медицинскаго персонала, а равно и снабженіе всѣхъ трехъ летучихъ отрядовъ: перевозочными средствами, лекарствами, инструментами, бѣльемъ и пр.

Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться относительно распоряженій А. С. Петлина, который наблюдалъ за дѣятельностью всего санитарнаго отряда, а буду говорить только о томъ, что касается меня лично, въ томъ или другомъ отношеніи.

Составъ медицинскаго персонала, а именно студентовъ и санитаровъ, мнѣ удалось пополнить безъ особеннаго труда, такъ какъ 12 студентовъ медико-хирургической академіи и с.-петербургскаго университета уже специально подготавливали себя въ фельдшерской школѣ, по случаю военныхъ дѣйствій. Студенты-медики были со второго и третьяго курсовъ, университетскіе — съ естественнаго факультета, кончавшіе курсъ. Къ нимъ прибавлены были еще трое студентовъ пятаго курса медицинской академіи, двое фельдшеровъ, два лекарскихъ помощника и провизоръ, г. Данцигъ. Изъ той же военной фельдшерской школы поступили въ нашъ отрядъ обучавшіеся въ ней 40 санитаровъ или такъ-назв. *братьевъ милосердія*.

При выборѣ лицъ, желавшихъ поступить въ санитары, обращалось, къ сожалѣнію, слишкомъ много вниманія на такъ-наз. „образованность“ и всего меньше на природную смѣтливость, здоровье и привычку во всякаго рода физическому труду. Люди всевозможныхъ профессій: лавочники, парикмахеры, наборщики, портные и пр., они не удовлетворяли своему назначенію даже потому, что были недостаточно подготовлены. Въ короткое время занятій въ школѣ (два мѣсяца), безъ практики въ госпиталѣ, не могли они приобрѣсти над-

лежащихъ свѣдѣній и умѣнья ухаживать за больными и ранеными. Быть же простыми рабочими для всякаго дѣла, подчасъ тяжелаго и непріятнаго, мѣшала имъ своеобразная степень умственного развитія, при которой всякая, сколько-нибудь черная, работа имъ казалась унижительною. Къ тому же, они могли сослаться на правила для „братьевъ милосердія“, которыми они предназначались только для „ухаживанья за ранеными и больными“.

Такимъ образомъ, за немногими отрадными исключеніями, можно положительно сказать, что опытъ послѣдней кампаніи доказалъ полную непригодность санитаровъ, выбранныхъ и подготовленныхъ вышеупомянутымъ способомъ. Непригодность ихъ выказывается еще нагляднѣе, если принять во вниманіе сравнительную стоимость ихъ обученія и содержанія.

Вмѣсто предполагавшихся семи врачей, отправилось въ Болгарію всего пятеро: гг. Бабаевъ, Гаусманъ, Куволь-Яснопольскій, Янковскій и я. Еще два приглашенные доктора: гг. Веймаръ и Головачевъ, присоединились къ нашему отряду только въ началѣ октября.

Первоначальное снабженіе летучихъ отрядовъ необходимыми лекарствами, инструментами, перевязочными средствами и пр. было произведено мною при усердномъ содѣйствіи начальницы центрального склада въ Петербургѣ, баронессы Раденъ. Весь транспортъ, около 200 пудовъ вѣсомъ, былъ раздѣленъ на три аналогичныхъ отдѣла, по числу отрядовъ, и отправился вмѣстѣ съ нами.

16-го августа часть персонала выѣхала изъ Петербурга въ составѣ: насъ, 5-хъ врачей, 1 провизора, 1 лекарскаго помощника, 10 студентовъ, 2 фельдшеровъ и 10 санитаровъ.

Остальные прибыли послѣ съ помощникомъ уполномоченнаго г. Флавицкимъ.

По прибытіи въ Вухарестъ, въ транспортѣ летучихъ отрядовъ оказался недостатокъ въ нѣкоторыхъ необходимыхъ вещахъ, которыя и были взяты нами изъ центрального склада, по указанію г-жи Демидовой.

На другой же день мы выѣхали въ Зимницу, по предложенію П. А. Рихтера, который получилъ телеграмму отъ профессора Чудновскаго, заявлявшаго о недостаткѣ медицинскаго персонала. Такой недостатокъ дѣйствительно былъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, но къ нашему прибытію уже больше не требовалось увеличенія врачебнаго персонала; и мы отправились въ Осиново, гдѣ, по слухамъ, было огромное скопленіе больныхъ и раненыхъ.

Изъ Осинова А. С. Петлицъ долженъ былъ немедленно ѣхать съ специальнымъ порученіемъ къ князю Черкасскому, а равно и для установленія отношеній нашего отряда къ военнымъ властямъ.

Въ Систовѣ дѣйствительно оказалось такое огромное скопленіе раненныхъ и больныхъ въ госпиталѣ, что ординаторы съ большимъ трудомъ успѣвали дѣлать визитаціи; и нашлось не мало раненныхъ, нуждавшихся въ наложеніи сложныхъ повязокъ и въ серьезной оперативной помощи. Одинъ изъ домовъ былъ немедленно очищенъ; на его балконѣ устроена операціонная зала, а комнаты обращены въ палаты, съ кроватями, на которыхъ помѣщались оперированные. Запасъ перевязочныхъ средствъ, бѣлья, вина и пр., доставленный старшей сестрой Полозовой изъ склада „Краснаго Креста“, отъ уполномоченнаго А. А. Лебедева, далъ возможность обставить больныхъ надлежащимъ образомъ.

Начиная съ 8 часовъ, каждое утро дѣлались три-четыре большихъ операцій, подъ наркозомъ, при которыхъ всегда ассистировалъ д-ръ Филькенштейнъ и присутствовали врачи нашего отряда и нѣкоторые изъ ординаторовъ госпиталя. Операціи состояли, главнымъ образомъ, въ резекціи суставовъ, резекціи на протяженіи, некроми, ампутаціи и вылуценіи. Чисто-лихорадочная дѣятельность, къ которой всѣ мы еще мало были приучены въ то время, лишаетъ меня возможности говорить подробно объ этихъ операціяхъ и числѣ ихъ, такъ какъ онѣ не записывались. Большая часть операцій произведена мною; кромѣ того, оперировалъ д-ръ Янковскій и нѣкоторые изъ ординаторовъ 50-го госпиталя.

Въ послѣобѣденное время, если не было новыхъ операцій или наложенія гипсовыхъ повязокъ, — врачи наши раздѣляли трудъ ординаторовъ и визитировали больныхъ въ палатахъ; тутъ-же при общей консультаціи производили выборъ оперативныхъ случаевъ.

Студенты и санитары нашего отряда помогали также при операціяхъ, исполняли обязанности фельдшеровъ и несли ночныя дежурства при постели оперированныхъ.

Эта почти исключительно оперативная дѣятельность наша нѣсколько уменьшилась, когда пріѣхалъ изъ Булгарени д-ръ Тауберъ, ассистентъ профессора Склифасовскаго; — и окончательно прекратилась съ пріѣздомъ проф-въ Грубе и Склифасовскаго и помощниковъ послѣдняго. Тогда мы обратили все свое вниманіе на питательный пунктъ, устроенный А. А. Лебедевымъ, у второго Систовскаго моста. Послѣ дѣла 30-го августа подъ Плевною, черезъ Систово почти ежедневно проходили транспорты раненныхъ въ 500—800 человекъ. При дѣятельномъ участіи старшей сестры Полозовой съ сестрами и уполномоченнаго А. А. Лебедева, транспорты эти снабжались горячемъ пищею, виномъ, чаемъ и табакомъ. Кромѣ того, у насъ возобновлялись нѣкоторыя перевязки, подчасъ извлекались пули, ампутировались совершенно гангренозные пальцы и сортировались больные, изъ

которыхъ большая часть шла въ Зимницу, а другіе оставались въ Систовѣ и отсылались въ 50-й госпиталь, больницу императрицы Маріи и евангелической лазаретъ. Въ иные дни, съ утра до поздняго вечера, приходилось намъ работать на питательномъ пунктѣ, при страшной жарѣ, безъ всякаго прикрытія отъ солнца. Здѣсь каждый изъ насъ могъ вполне оцѣнить трудъ своихъ товарищей, взвѣситъ пригодность студентовъ-фельдшеровъ и санитаровъ нашего отряда. Здѣсь же мы познакомились въ первый разъ съ условіями походной жизни, такъ какъ персоналъ нашъ, за неимѣніемъ квартиръ, помѣщался въ мечети, служившей складомъ „Краснаго Креста“, и въ совершенно разрушенномъ турецкомъ домѣ, не представлявшихъ, разумѣется, ни малѣйшихъ удобствъ.

Вообще, работа въ Систовѣ была какъ-бы пробнымъ камнемъ пригодности нашего отряда на войнѣ, и поселила въ насъ нѣкоторую увѣренность въ возможность приносить извѣстную пользу.

Съ возвращеніемъ А. С. Петлина сдѣлалось извѣстно, что нашъ отрядъ назначенъ въ распоряженіе начальника штаба гвардейскаго корпуса. Тогда рѣшено было устроить въ Систовѣ складъ вещей, привезенныхъ изъ Бухареста, а равно и для слѣдующихъ транспортовъ, ожидаемыхъ изъ Петербурга. Этотъ „складъ этапнаго лазарета Государыни Цесаревны“,—въ устройствѣ котораго принималъ дѣятельное участіе только-что пріѣхавшій изъ Бухареста, уполномоченный В. Е. Бокъ,—былъ необходимъ для нашего дѣла, благодаря неусыпному вниманію лицъ, заведывавшихъ отсылкою вещей изъ Петербурга. Мы не только получали сами все необходимое, но еще могли снабжать дивизионныя лазареты и военновременныя госпитали. 10-го сентября, имѣя въ своемъ распоряженіи 15 наемныхъ подводъ г. Варшавскаго, 7 собственныхъ фургоновъ и нѣсколько верховыхъ лошадей, мы, по приказанію начальника гвардейскаго штаба, двинулись въ полуразрушенную деревню Митхадъ-нашу (въ 4-хъ верстахъ отъ Горнаго-Студена), и здѣсь, 15-го сентября, въ первый разъ былъ открытъ этапный лазаретъ.

Трудно себѣ представить мѣстность, менѣе пригодную для открытія лазарета:—недостатокъ воды, расположеніе деревни на скатѣ небольшого пригорка, близость болота и полная невозможность достать что либо въ деревнѣ, кромѣ кукурузы,—и вдобавокъ чуть ли не ежедневный туманъ, вслѣдствіе дождливаго мѣсяца...

Подъ складъ и помѣщеніе медицинскаго персонала заняты были 4 полуразвалившіеся дома, приведенные общими силами только до возможности укрыться отъ дождя. Для больныхъ раскинутъ былъ громадный шатеръ, предназначенный для походной церкви и поднесенный Государынѣ Цесаревнѣ кавалергардскимъ полкомъ. Шатеръ

этотъ оказался въ высшей степени неудобнымъ. Помимо огромнаго числа рукъ, какое потребовалось для его постановки, оказалось, что онъ уже до этого употреблялся нѣсколько разъ и былъ разорванъ во многихъ мѣстахъ, не имѣлъ сунна для боковыхъ стѣнокъ, а равно и двойной верхней крыши, — и потому плохо защищалъ отъ дождя и вѣтра. Больные помѣщались на желѣзныхъ кроватяхъ, съ двойными тюфяками изъ морской травы, и, несмотря на три-четыре одѣяла и теплые халаты, постоянно збѣли, — и только чай нѣсколько согрѣвалъ ихъ.

Благодаря дурнымъ условіямъ мѣстности, а частью и усиленной работѣ въ Систовѣ, большая часть медицинскаго персонала переехала адѣсь, и я первый подавъ этому примѣръ. Раненныхъ у насъ не было въ то время, а больныхъ всего 10 человекъ, кромѣ лежавшихъ въ лазаретѣ студентовъ и санитаровъ нашего отряда. Недостатокъ въ больныхъ объясняется тѣмъ, что ближайшія войска, едва зная о нашемъ существованіи, посылали большую часть своихъ больныхъ въ военновременный госпиталь въ Горномъ-Студентѣ.

Несомнѣнно, что такое положеніе дѣла, въ связи съ избыткомъ ничѣмъ незанятыхъ рукъ, огорчало насъ и вело къ неизбѣжнымъ недоразумѣніямъ между нами. Мы подчасъ задавали себѣ вопросъ: не есть ли весь этапъ тяжелая бесполезная обуза, стоившая много денегъ, — и не лучше ли раздѣлять наши силы и средства по дивизионнымъ лазаретамъ. Профессоръ С. П. Боткинъ, видя наше уныніе, совѣтовалъ запастись терпѣніемъ, безусловно необходимымъ при періодическомъ ходѣ военныхъ дѣйствій, — и постоянно говорилъ уполномоченному и намъ о важномъ значеніи хорошо снабженнаго лазарета во время войны.

Этотъ періодъ нашего бездѣйствія, съ 15-го по 24-е сентября, показавшійся намъ чуть ли не цѣлою вѣчностью, употребленъ былъ на окончательную сортировку вещей. Многое (составляющее необходимую принадлежность хорошо устроеннаго госпиталя въ мирное время), на примѣръ, ванны, грѣлки, полога, паровыя кухни, ледодѣлательныя машины и прочее, были отправлены въ Систово, какъ совершенно ненужныя. Двое врачей ѣздили въ это время въ Бухарестъ, для покупки теплаго платья, такъ какъ у насъ, врачей, ничего не было въ запасѣ для наступающаго холоднаго времени. Нѣкоторые больные санитары были отправлены обратно въ Систово; а партія санитаровъ въ 10—15 человекъ нѣсколько разъ посылались въ Горный-Студентъ для занятій въ военновременномъ госпиталѣ. Затѣмъ, по просьбѣ уполномоченнаго „Краснаго Креста“, князя Щербатова, въ его распоряженіе окончательно откомандировано нами 4 студента.

Наконецъ, 24-го сентября, получено было приказаніе одному ле-

тучему отряду слѣдовать за гвардіей въ Эни-Баркачъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней долженъ былъ отгравиться и нашъ этапный лазаретъ.

Масса имѣющихся у насъ вещей еще больше увеличилась привезенными тогда изъ Москвы дивизионными шатрами и 12 палатками. Подводы, нанятые у г. Варшавскаго, а равно и наши фургоны, оказались недостаточными для перевозки; необходимо было добыть еще воловьихъ подводы у болгаръ,—а это было нелегкое дѣло...

По ужасной грязи, подъ проливнымъ дождемъ, двинулся нашъ медицинскій персоналъ съ частью склада на волахъ и тощихъ лошадяхъ. Студенты и санитары сдѣлали часть пути пѣшкомъ. Изъ Митхада-паши въ Порадимъ (менѣе 50 верстъ) мы ѣхали въ продолженіи трехъ сутокъ. Въ Порадимѣ намъ пришлось остановиться на нѣсколько дней, въ ожиданіи приказаній, гдѣ открыть лазаретъ. По счастью, погода измѣнилась къ лучшему, и нашъ больной персоналъ началъ понемногу поправляться. Въ Порадимѣ, бывшемъ тогда главной квартирой румынскаго князя, отрядъ нашъ нѣсколько разъ оказывалъ медицинскую помощь только-что открытому здѣсь питательному пункту „Краснаго Креста“ и снабжалъ лекарствами и перевязочными средствами. Вскорѣ было получено В. Е. Бокотъ приказаніе, черезъ г-на Петлина, двинуть насъ къ Боготу, гдѣ и былъ открытъ, 8-го октября, этапный лазаретъ, и гдѣ уже у насъ не было недостатка въ больныхъ; но о нихъ будетъ говорено ниже.

Лазаретъ состоялъ изъ двухъ дивизионныхъ шатровъ и третьяго, большого шатра (бывшей походной церкви, о которой я уже имѣлъ случай говорить), раздѣленнаго перегородкой на 2 половины: въ одной помѣщались больные; другая служила и операционной комнатою и главнымъ складомъ, которыми завѣдывалъ лекарскій помощникъ Чекуверъ. Кромѣ того, было 12 палатокъ: изъ нихъ 7 служили для больныхъ, 2 для малаго склада и аптеки, 2 для помѣщенія медицинскаго персонала и 1 для покойниковъ. При недостаткѣ рукъ понадобилось не мало труда и хлопотъ, чтобы поставить эти шатры и палатки, правильно окопать ихъ, заготовить ямы и пр.

За день до открытія лазарета въ Боготѣ, прибылъ отрядъ сестеръ милосердія „Краснаго Креста“, съ старшей сестрою Токаревою, специально назначенный въ распоряженіе А. С. Петлина. Изъ этого отряда въ нашъ лазаретъ поступили три сестры: Крылова, Эбенштернъ и Круницына. Послѣдней поручено было наблюденіе за хозяйственными запасами лазарета. Первыя двѣ, помимо перевязокъ, имѣли на своихъ рукахъ раздачу пищи, вина и чаю;—такъ какъ это дѣлалось 4 раза въ день, и, къ тому же, были приходящіе транспорты, то сестрамъ было не мало хлопотъ. Я лично придаю большое значеніе этого

рода дѣятельности сестеръ, убѣдившись, что при раздачѣ пищи никто лучше ихъ не можетъ контролировать ея качество и количество.

Медицинскія силы наши въ Боготѣ состояли: изъ 3-хъ врачей, одного провизора, 3-хъ только-что упомянутыхъ сестеръ, 5-хъ студентовъ, двухъ лекарьскихъ помощниковъ и 20 санитаровъ. Число послѣднихъ стало потомъ еще меньше. Остальной медицинскій персоналъ поступилъ въ летучіе отряды, куда отправился и А. С. Петлинъ съ В. Е. Боконъ. Отъѣздъ уполномоченныхъ заставилъ д-ра Куколь-Яснопольскаго, помимо врачебныхъ обязанностей, взять на себя всю хозяйственную часть госпиталя, что доставляло ему не мало хлопотъ, вслѣдствіе совершенной непригодности большинства санитаровъ, исполнявшихъ должность прислуги, а равно и трудности доставить хлѣбъ и другіе припасы. Здѣсь ежедневно для дезинфекціи сжигалась солома въ ямахъ, и я лично слѣдилъ также за правильнымъ ежедневнымъ сжиганіемъ всѣхъ снятыхъ повязокъ.

Обиліе хорошей воды, положеніе шатровъ и палатокъ на небольшой поватости, среди деревьевъ, порядочныя гигиеническія условія дѣлали нашъ лазаретъ въ Боготѣ привлекательнымъ съ внѣшней стороны, а хорошо приготовленная разнообразная пища удовлетворяла больныхъ и въ другомъ отношеніи.

За отсутствіемъ желѣзныхъ кроватей, которыя были отправлены въ Систово, раненые офицеры и солдаты помѣщались въ шатрахъ и палаткахъ на соломѣ, поверхъ которой для офицеровъ положены были тюфяки, набитые морской травой, а для нижнихъ чиновъ — соломенные. Подушки также были набиты морской травой или перьями. Солома возобновлялась каждую недѣлю. Лазаретъ въ Боготѣ былъ сравнительно не великъ и могъ вмѣстѣ одновременно не болѣе 100 чел. больныхъ.

12-го октября прибыли къ намъ первые раненные изъ Чирикова, пришедшіе пѣшкомъ.

Здѣсь мнѣ слѣдовало бы для хронологической послѣдовательности упомянуть вообще о дѣятельности летучихъ отрядовъ въ Чириковѣ, но я предоставляю говорить о нихъ товарищамъ, принимавшимъ въ нихъ прямое участіе, такъ какъ они могутъ лучше описать свою крайне интересную и нелишенную опасности дѣятельность. Я собственно буду говорить о летучихъ отрядахъ, насколько я лично работалъ въ нихъ съ д-ромъ Куколь-Яснопольскимъ.

На другой день послѣ прибытія больныхъ изъ Чирикова пришелъ транспортъ раненыхъ офицеровъ въ вѣнскихъ фургонахъ князя Черкаскаго. Съ этого времени, до 8 ноября, когда этапъ былъ закрытъ въ Боготѣ, въ немъ пребывало 320 чел. раненныхъ; изъ нихъ 55 офицеровъ. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что въ нашемъ лазаретѣ, во время

его пребыванія въ Боготѣ, не умеръ ни одинъ раненный послѣ большой операціи. Всѣхъ умершихъ прямо отъ ранъ было 4 чел.; изъ нихъ одинъ офицеръ и трое солдатъ, которые были привезены къ намъ въ безнадежномъ состояніи.

Въ началѣ ноября, А. С. Петлинъ получилъ приказаніе усилить летучіе отряды и идти съ ними за штабомъ гвардейскаго корпуса. Тогда же, на общемъ совѣтѣ съ д-ромъ Приселковымъ, рѣшено закрыть этапный лазаретъ въ Боготѣ и передать больныхъ, которыхъ нельзя было отправить въ транспортъ, въ вѣдѣніе 69-го военновременнаго госпиталя, и сдѣлать это подѣ наблюденіемъ д-ра Бабаева, возвращавшагося въ Россію по домашнимъ обстоятельствамъ.

Намъ двоимъ, д-ру Куволь-Яснопольскому и мнѣ, предложено было, съ частью студентовъ, войти въ составъ летучихъ отрядовъ и отправиться вслѣдъ за отрядомъ Гурко. Складъ лазарета, съ тремя сестрами, двумя студентами, остальными санитарями и прислугой долженъ былъ выѣхать нѣсколько времени спустя и открыться на новомъ мѣстѣ, сообразно ходу военныхъ дѣйствій. Къ намъ вскорѣ присоединился В. Е. Бокъ, возвратившійся обратно изъ Талиша, такъ какъ усиленная канонада подѣ Плевной заставила насъ беспокоиться о судьбѣ оставленнаго этапа. Кромѣ того, В. Е. Бокъ имѣлъ въ виду доставить намъ новые запасы изъ Систовскаго склада.

Выѣхавъ изъ Богота 2 ноября поздно вечеромъ, мы на другой же день выступили съ войсками въ походъ изъ Долняго-Дубняка.

Превосходная теплая погода, новизна мѣста, своеобразный способъ передвиженія съ войсками,—заставляли насъ забывать усталость. Уполномоченный и врачи ѣхали верхами, а студенты, фельдшера и санитары большую часть пути шли пѣшкомъ, потому что всѣ наши 6 фуръ были заняты вещами. Здѣсь опять-таки недостатокъ перевозочныхъ средствъ далъ себя почувствовать.

Въ Блаженицѣ намъ въ первый разъ пришлось получить повѣстіе о „ночной тревогѣ“, которая, по счастью, оказалась ложною. Весь медицинскій персоналъ собрался въ нѣсколько минутъ. Но въ памяти каждого изъ насъ осталось по этому поводу не мало комичныхъ сценъ, особенно на другое утро, когда мы увидѣли, между прочимъ, котелъ съ похлебкой, въ который, вслѣдствіе послѣдшности, втиснуть былъ самоваръ, полушубокъ и свѣчи.

Въ Яблоницахъ мы стояли нѣсколько дней и хотѣли-было по предложенію корпуснаго врача взять на себя заведываніе приѣмнымъ покоемъ, устроеннымъ д-ромъ Побѣдовымъ, какъ вдругъ получено было отъ генерала Гурко приказаніе снарядить летучій отрядъ для слѣдованія за генераломъ Раухомъ, во время его обходнаго движенія на Правецъ. Доктора Янковскій и Гаусманъ, съ общаго согласія

взяли на себя по жребію участіе въ этомъ трудномъ и интересномъ походѣ.

Послѣ ихъ отъѣзда, въ тотъ же день вечеромъ, отрядъ нашъ, по предложенію А. С. Петлина, двинулся впередъ и долженъ былъ ночевать въ деревнѣ Осиковцѣ. Предполагалось сдѣлать это съ тою цѣлю, чтобы на случай работы въ слѣдующій день (ожидалось дѣло) имѣть въ запасѣ неутомленный медицинскій персоналъ.

Передвиженіе это, вслѣдствіе ночного времени, едва не кончилось для насъ очень печально.

Осиковецъ оказался только-что очищеннымъ отъ турокъ, и нашъ передовой аванпостъ располагался въ двухъ верстахъ отъ деревни, такъ что если бы насъ не остановилъ казачій пикетъ, то мы очутились бы въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ непріателемъ.

Мы остановились ночевать, не доѣзжая Осиковца. На другой день, отрядъ нашъ долженъ былъ, по диспозиціи дѣла, взять на себя устройство главнаго перевязочнаго пункта, при отрядѣ генерала Рауха, въ деревнѣ Калугерова, куда А. С. Петлинъ и отправился вмѣстѣ съ нами. При этомъ оказалось, что Калугерово удалено отъ нашей столицы не на 12—14 верстъ, а на всѣ 30; и вдобавокъ не было никакой дороги. Горная тропинка, по которой двигался генералъ Раухъ съ орудіями и зарядными ящиками, которые везли на себѣ люди,—оказалась невозможною для проѣзда простой фуры на лошадяхъ. Наконецъ, сломавъ на дорогѣ одну изъ фуръ, двѣ воловьихъ подводы, и утомивъ окончательно лошадей, мы рѣшили бросить весь нашъ обозъ, и, взявъ съ собою пять лошадей, на которыхъ были импровизованы вышки изъ постельныхъ мѣшковъ, мы—4 врача верхами, а студенты пѣшкомъ—отправились дальше. Помимо безпрестаннаго подъема или спуска съ горъ, намъ пришлось переходить четыре раза рѣку вбродъ; а дорога мѣстами шла у такихъ обрывовъ, что, того и гляди, слетишь внизъ. На пути попадались неизбѣжные отсталые солдаты; и, наконецъ, мы встрѣтили офицера, который съ своими людьми хлопоталъ у заваливашагося заряднаго ящика. Онъ сообщилъ намъ, что генералъ Раухъ уже вышелъ изъ Калугерова, и что онъ самъ направляется туда, а посланный имъ верховой долженъ завтра утромъ доставить ему свѣдѣнія о томъ, гдѣ находится генералъ Раухъ.

Было около 8 часовъ вечера и совершенно темно, когда мы, уставшие и голодные, добрались до Калугерова. Въ довершеніе всего уходящая отсюда рота сообщила намъ, что въ деревнѣ никого нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ саперныхъ солдатъ; а отъ болгарскаго священника, у котораго остановились мы ночевать, узнали, что турки находятся по близости. Въ деревнѣ нельзя было ничего достать, кромѣ кукурузнаго

хлѣба. Какъ вкусенъ показался онъ намъ тогда, и какъ хорошъ былъ чай, сваренный въ котлѣ, который мы распивали въ высушенныхъ тывахъ!...

На разсвѣтѣ, намъ было дано знать, что генералъ Раухъ съ своимъ отрядомъ находится въ 5—6 верстахъ отъ Калугерова, и я, вмѣстѣ съ д-ромъ Веймаромъ и однимъ проводникомъ, отправились туда. На казачьемъ бивуакѣ мы встрѣтили врачей нашего отряда, которые сообщили намъ, что генералъ Раухъ еще подвинулся впередъ, по крайней мѣрѣ версты на три. Пробраться дальше было крайне затруднительно, вслѣдствіе загроможденія дороги зарядными ящиками и фурами; и мы, вмѣсто личнаго свиданія, просили д-ра Гаусмана передать генералу Рауху, что, по нашему мнѣнію, деревня Калугерова ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить главнымъ перевозочнымъ пунктомъ. Во-первыхъ, отсюда нельзя отправлять транспорта раненыхъ, при полномъ отсутствіи перевозочныхъ средствъ и невообразимой дорогѣ; во-вторыхъ, невозможно доставать продовольствіе для раненыхъ; въ-третьихъ, наше снабженіе, вслѣдствіе брошенныхъ фуръ, до такой степени скудно, что мы едва-ли можемъ служить какою-нибудь серьезною помощію.

Вернувшись въ Калугерово, мы получили съ казакомъ извѣстіе, что генералъ Раухъ вполне раздѣляетъ наше мнѣніе, и мы можемъ двинуться обратно, что, конечно, было немедленно исполнено. Мы, врачи, верхами, пріѣхали въ деревню Осиковецъ уже поздно вечеромъ ¹⁾, и здѣсь вмѣстѣ съ А. С. Петлинымъ, я немедленно явился къ корпусному врачу, передалъ ему правдивый рассказъ о нашемъ путешествіи и крайнее сожалѣніе, что, въ случаѣ скопленія раненыхъ, мы, съ своей стороны, не можемъ служить ему ни носильщиками, ни другими приспособленіями для перевозки. Къ счастью, въ этомъ и не оказалось никакой надобности, такъ какъ раненыхъ подъ Правцомъ было всего 27 чел., и они доставлены другой дорогой. Здѣсь было получено извѣстіе отъ уполномоченнаго гр. Соллогуба, что нашъ лазаретъ закрыть въ Боготѣ, что В. Е. Бокъ отправился въ Систово для пополненія склада, а оставшійся медицинскій персоналъ и складъ подвигаются на подводахъ „Краснаго Креста“ и уже должны быть въ Радомірцахъ. Тогда представился серьезный вопросъ: гдѣ опять открыть лазаретъ. Въ Осиковцѣ уже былъ лазаретъ 1-ой гвардейской дивизіи, и сюда черезъ день ждали прибытія лазарета 2-ой гвардейской дивизіи; слѣдовательно, въ третьемъ лазаретѣ пока не было никакой нужды. Въ Радомірцахъ открывать его было неудобно, такъ

¹⁾ Остальной медицинскій персоналъ, сдѣлавшій все это путешествіе пѣшкомъ, прибылъ на другой день.

какъ сама деревня расположена на шоссе, на разстояніи 3-хъ верстъ утѣшительной проселочной дороги. Въ дер. Яблоницахъ, почти совершенно разрушенной, былъ также устроенъ пріемный покой; къ тому же, развалившіеся дома представляли мало удобствъ для открытія лазарета. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, на нашемъ общемъ совѣтѣ рѣшено было направить транспортъ въ Осиковецъ и обождать здѣсь нѣсколько дней съ открытіемъ лазарета, тѣмъ болѣе, что по случаю быстрого ваятія Этрополя была надежда занять въ скоромъ времени Орханіа, которое, конечно, какъ болѣе населенное мѣсто, представляло всѣ удобства для выбора помѣщенія.

Собравшійся въ это время въ Осиковцѣ весь нашъ санитарный отрядъ, черезъ нѣсколько дней, опять раздѣлился вслѣдствіе письма А. С. Петлина изъ Этрополя, куда онъ потребовалъ немедленнаго прибытія 4-хъ врачей, съ студентами, санитарамъ и перевязочными средствами. Одновременно съ этимъ главный врачъ 1-ой гвардейской дивизіи д-ръ Фовелинъ предложилъ мнѣ, совмѣстно съ д-ромъ Куколь-Яснопольскимъ, помогать д-ру Галаннину, тогда больному, въ работѣ по дивизионному лазарету, имѣвшему около 100 больныхъ и раненыхъ. Самъ же д-ръ Фовелинъ съ тремя другими врачами долженъ былъ отправиться, по распоряженію корпуснаго врача, въ Этрополь. На этомъ основаніи я ваялъ на себя въ дивизионномъ лазаретѣ хирургическихъ больныхъ, а д-ръ Куколь-Яснопольскій терапевтическихъ. Тогда же мнѣ пришлось съ однимъ студентомъ съѣздить въ Яблоницы, гдѣ мы приготовили для транспорта около 50 чел. раненыхъ и снабдили пріемный покой различными перевязочными средствами и лекарствами изъ нашего склада. Помимо занятій въ лазаретѣ, намъ пришлось принимать 2 транспорта: одинъ слишкомъ въ 100 чел.; другой гораздо меньше, такъ какъ часть его по ошибкѣ прошла прямо въ Яблоницы; послѣдній транспортъ былъ накормленъ нами. Наконецъ 21 ноября, одновременно съ приказомъ двинуть въ Орханіа летучій отрядъ изъ второго дивизионнаго лазарета, мы получили также приглашеніе отправиться въ Орханіа и открыть тамъ нашъ лазаретъ.

Транспортъ нашъ въ это время, благодаря фургонамъ гр. Соллогуба и повозкамъ, полученнымъ отъ инспектора госпиталей, съ 10-ю юртами, доходилъ до 70 подводъ. Со всѣмъ этимъ мы двинулись 22-го числа, а 23-го уже работали въ Орханіа, въ доставшемся на нашу долю помѣщеніи (бывшей болгарской школѣ), имѣя на своихъ рукахъ 125 раненыхъ и больныхъ. Помѣщеніе это, какъ мы узнали послѣ, служило и для турокъ госпиталемъ. Персоналъ нашъ въ Орханіа состоялъ изъ уполномоченнаго В. Е. Бока, двухъ врачей, 1 провизора и двухъ лекарскихъ помощниковъ; кромѣ того, у насъ было здѣсь

3 сестры, 3 студента, 2 фельдшера, 12 санитаровъ, затѣмъ прачки, кухарки и 5 чел. кучеровъ. Къ этому числу нужно прибавить еще работавшаго прежде въ Систовскомъ складѣ швейцарца Тардана, который поступилъ въ лазаретъ по собственному желанію и не уступалъ въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей нашимъ сестрамъ и студентамъ фельдшерамъ.

Первою нашею мыслью по прибытіи въ Орханіэ было: привести госпиталь въ надлежащій видъ, т.-е. устроить болѣе удобное помѣщеніе для больныхъ, отдѣлать операціонную комнату и пр. Но все это удалось сдѣлать только съ прибытіемъ командующаго отрядомъ, генерала Гурко, отъ котораго мы получили разрѣшеніе разгрузить нашъ транспортъ, потому что, до его прибытія, этого не бралъ на себя ни одинъ изъ находившихся здѣсь генераловъ, считая наше положеніе недостаточно обезпеченнымъ.

Госпиталь помѣщался въ большомъ деревянномъ зданіи, оштукатуренномъ внутри и снаружи; въ немъ были устроены три палаты въ нижнемъ этажѣ и двѣ въ верхнемъ; третья комната верхняго этажа занята складомъ и служила мѣстомъ для операцій. Въ госпиталѣ болѣе 120 чел. больныхъ и раненыхъ я не считалъ возможнымъ, избѣгая печальныхъ послѣдствій скученія хирургическихъ больныхъ. Въ двухъ палатахъ больные помѣщались на койкахъ; одна изъ нихъ, меньшая, назначалась для офицеровъ и была снабжена нашими желѣзными кроватями; другая—для солдатъ, вмѣщавшая 30 чел., имѣла прекрасныя деревянныя турецкія койки, найденныя нами въ чуланахъ и на дворѣ. Впрочемъ, въ послѣдней палатѣ перемѣнялось также не мало офицеровъ. Въ другихъ палатахъ раненые и больные лежали на полу, на такихъ же матрацахъ и подушкахъ, какъ въ Воготѣ. Впослѣдствіи намъ удалось и въ третьей большой палатѣ поставить койки. Помимо этого для больныхъ приготовлено было 8 юртъ, благодаря любезности генерала Косинскаго, пославшаго намъ 10 юртъ на своихъ подводахъ. Но мы не пользовались юртами, по случаю страшныхъ холодовъ и невозможности поставить въ нихъ желѣзныя печи, вдобавокъ 4 изъ нихъ сломались отъ выпавшаго ночью снѣга. Такимъ образомъ, когда явилась надобность, наша общая столовая, въ теченіи нѣсколькихъ дней, служила помѣщеніемъ для больныхъ.

Желѣзныя печи были вначалѣ поставлены въ двухъ палатахъ; но наступившіе сильные холода заставили устроить простыя кирпичныя печи и въ остальныхъ палатахъ;—я лично отдаю предпочтеніе кирпичнымъ печамъ. Какъ ни покажется страннымъ, но поставить печи было гораздо легче, чѣмъ протапливать ихъ, потому что болгары ни подъ какимъ видомъ не продавали своихъ дровъ,—и приходилось по-

сылать за топливомъ нашихъ кучеровъ съ казаками за нѣсколько верстъ.

Въ виду крайняго неудобства вести хозяйство одновременно съ леченіемъ больныхъ, такъ какъ насъ было только двое врачей, а больные ежедневно прибывали, В. Е. Бокъ взялъ на себя хозяйство и заглядываніе складомъ, вмѣстѣ съ г. Чекуверомъ, и производилъ ежедневную раздачу теплыхъ вещей, бѣлья и пр. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, а равно посылалъ разные вещи на позиціи и въ дивизионные госпитали. Провизоръ И. М. Данцигъ, помимо отпуска лекарствъ въ нашъ лазаретъ, снабженія летучихъ отрядовъ, какъ въ Боготѣ,—особенно занимался здѣсь приготовленіемъ лекарствъ для полевыхъ лазаретовъ по частнымъ рецептамъ врачей, а подчасъ и для дивизионныхъ лазаретовъ. Въ Орханію запасъ лекарственныхъ веществъ былъ пополненъ медикаментами, выписанными изъ Бухареста, взятыми замѣообразно у военнополового медицинскаго инспектора, полученными В. Е. Бокъ изъ Женевы, привезенными уполномоченнымъ Вунчемъ, и, наконецъ, изъ только-что прибывшей нашей походной аптеки, которую мы до сихъ норъ не пользовались, такъ какъ она затерялась на одной изъ станцій Румынской желѣзной дороги, и за нею пришлось посылать нарочнаго.

Вслѣдствіе полного отсутствія (по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣкотораго времени) подвоза для транспорта больныхъ, невозможности найти большое помѣщеніе, совмѣстно съ недостаткомъ котловъ для приготовленія пищи и прислуги,—мы принуждены были во все время пребыванія нашего въ Орханію, съ 23 ноября по 8 февраля, ограничить число нашихъ больныхъ до 560 чел. Намъ могутъ поставить въ вину: какимъ образомъ мы могли ограничить нашу дѣятельность такимъ небольшимъ числомъ, въ то время, когда въ дивизионныхъ лазаретахъ бывало больныхъ по 800, по 1000 чел. въ день. Только-что указанныя причины служатъ на это достаточнымъ объясненіемъ. Помѣщая болѣе число (у насъ обыкновенно бывало всего 150 чел. въ день и только нѣсколько дней 175 ч.), мы ставили бы нашихъ больныхъ въ условія дивизионныхъ госпиталей, а потомъ и военно-временнаго госпиталя въ Орханію. Эти условія въ этапномъ лазаретѣ Цесаревны, какъ частномъ учрежденіи, были немыслимы, потому что они исключали бы всякую возможность какой-нибудь серьезной помощи тяжелораненымъ и больнымъ. Отказываться отъ болѣе широкой дѣятельности приходилось только по необходимости, и было для насъ тѣмъ болѣе обидно, что весь нашъ персоналъ вполне свѣлся съ своей работой, и медицинскихъ рукъ было бы достаточно и на двойное число больныхъ.

Въ Орханію пища больнымъ распредѣлялась такимъ же образомъ, какъ и въ Боготѣ, но была довольно однообразна, потому что, несмотря

на всѣ заботы уполномоченнаго, ничего нельзя было добыть, кромѣ говядины и баранины. За 10 яицъ платили отъ 1½, до 2 фр. Молема можно было достать небольшою нѣсколькихъ стакановъ въ день. Немалымъ подспорьемъ былъ для насъ рисъ и пшенная крупа, добытая изъ турецкихъ запасовъ ¹⁾. Но, разумѣется, еще важнѣе былъ для насъ хорошо выпеченный хлѣбъ, посылаемый къ намъ ежедневно изъ полковыхъ пекаренъ, такъ что сухарями и турецкими галетами пришлось продовольствовать больныхъ не болѣе 2-хъ недѣль. Бѣлаго хлѣба, и то черстваго и подчасъ кислаго, кромѣ купленнаго за дорогую цѣну у маркитантовъ, мы почти не видали. Разнообразіемъ для офицерскаго стола служили консервы Азибера; изъ нихъ лучшими оказались: куриный бульонъ, щи, борщъ и зелень. Въ спиртѣ, водкѣ, винѣ, а равно и чаѣ не было недостатка. Приготовленіе пищи представляло сперва не мало затрудненій, которыя были устранены тѣмъ, что для нижнихъ чиновъ она варилась особымъ солдатомъ—кашеваромъ, а для офицеровъ и насъ удалось, наконецъ, отыскать повара, такъ какъ прежній сбѣжалъ отъ насъ къ румынскому князю.

Около половины января, согласно письму А. С. Петлина изъ Филиппополя, мы уже совсѣмъ приготовились сдать нашихъ больныхъ въ вѣдѣніе 64-го военно-временнаго госпиталю, прибывшаго тогда въ Орханію, и двинуться дальше, какъ получено было новое письмо съ извѣстіемъ о перемиріи, которое заставило насъ остаться на мѣстѣ. А. С. Петлинъ вѣстѣ съ тѣмъ писалъ намъ, что онъ прибудетъ въ первыхъ числахъ февраля въ Орханію, и мы двинемся въ обратный путь.

6 февраля, опять получено было письмо, изъ котораго мы узнали, что отрядъ нашъ съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій поступаетъ въ распоряженіе князя Черкаскаго; намъ, врачамъ, предлагается, если мы признаемъ возможнымъ, отправиться въ Адрианополь, а всему остальному персоналу, вмѣстѣ съ В. Е. Божомъ (кромѣ санитаровъ)—въ Филиппополь для присоединенія къ летучему отряду.

Мое разстроенное здоровье требовало прекращенія работы; то же чувствовалъ и докторъ Куколь-Яснопольскій, — и потому мы отказались отъ дальнѣйшей поѣздки. Къ тому же, самое существованіе этапа въ Орханію, вслѣдствіе измѣненія въ направленіи эвакуаціи, оказывалось излишнимъ. Къ намъ присоединились: три студента, двѣ больныхъ сестры ²⁾ и два фельдшера.

¹⁾ Изъ турецкихъ же запасовъ получены были, кромѣ ячменя для лошадей, теплые чулки и около 300 болгарскихъ ковриковъ, служившихъ первое время одеялами и для больныхъ; потомъ мы ихъ отпустили въ транспортъ.

²⁾ Сестра Крылова изъ всѣхъ насъ, работавшихъ при этапномъ лазаретѣ, поималась серьезною другою, такъ какъ пролежала около 5-ти недѣль въ сильномъ тифѣ.

7-го февраля, передавъ все наше помѣщеніе съ 40 челов. больными въ вѣдѣніе военно-временного госпиталя, мы на другой же день двинулись въ путь, а 15-го уже плыли на пароходѣ по Дунаю въ Журжево. Остальной составъ нашего персонала отправился въ Филиппополь. Половина вещей была взята ими, а другая передана въ 64-й госпиталь и послана въ Систово, подъ наблюденіемъ лекарскаго помощника Чекувера. Одновременно съ этимъ послѣдовало распоряженіе князя Черкаскаго о передачѣ въ Систовѣ „Склада этапнаго лазарета Государыни Цесаревны“ въ вѣдѣніе уполномоченнаго, заведывающаго складомъ „Краснаго Креста“.

Перехожу теперь къ медицинской сторонѣ дѣла.

Нашъ лазаретъ, какъ совершенно самостоятельное учрежденіе, работалъ 116 дней и открывался три раза: въ первый—на 14 дней; во второй—на 25; въ третій—на 77. Общее число лицъ, лежавшихъ въ лазаретѣ, было—891; сюда не включены приходящіе. Общее количество больничныхъ дней—7,243 ¹⁾, и распределяется: на долю деревни Митхадъ-паши—84 дня, Богота—865, и, наконецъ, Орханіэ—6,304. Такимъ образомъ, среднее число больныхъ на день приходится 63. Само-собою разумѣется, что это число не даетъ никакого дѣйствительнаго представленія о работѣ за короткій промежутокъ времени, потому что рядомъ съ днями, гдѣ въ лазаретѣ было болѣе 175 челов. больныхъ—напримѣръ, въ Орханіэ—случались и дни, гдѣ число ихъ, какъ въ Митхадъ-пашѣ, не превышало 10 человѣкъ.

Число механическихъ поврежденій достигло 578: изъ нихъ офицеровъ—83; нижнихъ чиновъ—494; разnochинцевъ—1. На 578 раненыхъ приходилось 663 раненія:

Съ 1-й раной	506	человѣкъ.
„ 2-мя „	64	„
„ 3-мя „	5	„
„ 4-мя „	1	„
„ 5-ю „	2	„

А вотъ списокъ больныхъ, числомъ всего 313:

Отморженіе	74	человѣка.
Переменяющіяся лихорадки	84	„
Тифъ	86	„
Дизентерія	12	„

¹⁾ Число это не абсолютно точное, такъ какъ день отправления и прибытія итѣхъ больныхъ не включенъ въ общее число дней ихъ пребыванія въ лазаретѣ, а въ эти дни они несомнѣнно получали пищу.

Венерическое заболѣваніе	8	»
Сыжное заболѣваніе пищеварительныхъ органовъ	41	»
Сыжное заболѣваніе дыхательныхъ органовъ	40	»
Простое заболѣваніе костей, суставовъ и мышцъ	33	»
Легочная чахотка	4	»
Наружное заболѣваніе кожи, подкожной кѣлѣчатки, слизистыхъ оболочекъ и уха	13	»
Глазные болѣзни	4	»
Простые переломы и ушибы	14	»

Изъ этого числа 313 больныхъ: офицеровъ было 37; нижнихъ чиновъ—265; разночинцевъ—11.

Изъ всего числа 891 раненыхъ и больныхъ умерло въ лазаретѣ 32, что составляетъ 3,6% смертности.

Число это, впрочемъ, неодинаково для терапевтическихъ и хирургическихъ больныхъ. Терапевтическихъ умерло 13: изъ нихъ 12 нижнихъ чиновъ и 1 разночинецъ, что составляетъ 4,15% смертности на общее число ихъ.

Изъ числа 13,—умерло:

Отъ тифа	5 человекъ.
» дизентеріи	1 »
» острого перитонита	2 »
» крупозной пневмоніи	1 »
» легочной чахотки	1 »
» капиллярнаго бронхита	1 »
» скопленія гноя и воздуха въ области плевры	2 »

Хирургическихъ больныхъ умерло 19, что даетъ въ общему числу ихъ 3,3% смертности. Изъ нихъ: офицеровъ—4; нижнихъ чиновъ—14; разночинцевъ—1.

Изъ этого числа 19,—умерло:

Отъ острого малокронія	1 ¹⁾ человекъ.
» воспаленія мозговыхъ оболочекъ	1 »
» нарыва въ головномъ мозгу	1 »
» скопленія гноя и воздуха въ полости плевры	3 »
» гнойнаго воспаленія плевры	1 »
» гнойнаго воспаленія сердечной сорочки	1 »
» острого воспаленія брюшины	1 »
» острой піеміи	1 »
» хронической піеміи	6 ²⁾ »
» дизентеріи	1 »

1) См. № 578 *пріем. кн. этап. лаз.* Доставленъ въ безнадежномъ состояніи, съ оторванной правой рукой въ плечѣ и лѣвой ногой въ бѣдрѣ отъ разрыва гранаты.

2) Относительно большого числа смертности отъ хронической піеміи нужно замѣтить, что въ нашъ лазаретъ въ Орханіѣ доставлены были одновременно со всѣми признаками піеміи трое больныхъ, съ огнестрѣльнымъ переломомъ бедра, спустя нѣсколько послѣ поврежденія, и умерли очень скоро послѣ поступленія въ лазаретъ.

Изъ общаго числа 891 челов. возвратились къ своимъ частямъ—162; переданы въ военно-временные госпитали въ Горномъ-Студентъ, Боготъ и Орханіа—55; отправлено въ транспортъ—642 человѣка.

При назначеніи въ транспорты, мы съ нашими больными изъ Орханіа отпускали только санитаровъ, потому что нашъ транспортъ всегда присоединялся къ транспорту дивизионныхъ госпиталей, при которыхъ уже была медицинская помощь. Относительно назначенія больныхъ въ транспортъ обращалось всегда самое строгое вниманіе на возможность его вреднаго вліянія на раненныхъ; поэтому, всѣ серьезныя поврежденія головы, груди, живота служили для этого противопоказаніемъ. Большія огнестрѣльные поврежденія суставовъ если не подвергались операціи, то посылались въ транспортъ только въ случаѣ полной надежды на консервативное леченіе. То же дѣлалось и съ огнестрѣльными переломами длинныхъ трубчатыхъ костей. Понятно, что для тѣхъ и другихъ больныхъ наложеніе гипсовой повязки было необходимымъ условіемъ отправленія въ транспортъ.

Однако, несмотря на всѣ принимаемыя предосторожности, мы, къ сожалѣнію, узнали потомъ, что нами были сдѣланы въ этомъ направленіи неизбѣжныя ошибки, и транспортъ дурно отзывался на нѣкоторыхъ раненныхъ.

За неимѣніемъ собственныхъ перевозочныхъ средствъ для транспорта раненныхъ и больныхъ, служили воловьы подводы, конныя интендантскія повозки, фуры „Краснаго Креста“, облегченныя полковыя линейки и фургоны (въ послѣднихъ двухъ обыкновенно привозили раненныхъ); наконецъ, вѣнскіе рессорные фургоны князя Черкаскаго. Изъ всѣхъ этихъ перевозочныхъ средствъ, на основаніи опыта, я лично отдаю предпочтеніе фургонамъ „Краснаго Креста“ (посланнымъ П. А. Рихтеромъ изъ Румыніи), по ихъ относительной легкости и удобству починки. При этомъ не подлежитъ сомнѣнію, что конструкція ихъ для полнаго достиженія цѣли должна подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ, а именно: 1) повозка должна имѣть болѣе широкій ходъ; 2) рама для помѣщенія тюфяка должна лежать ниже, для приданія фурѣ болѣе устоячивости; 3) верхняя часть ея должна откидываться сбоку; 4) извѣстное число фуръ должно быть снабжено для особенно трудно раненныхъ пружинными подушками, вмѣсто тюфяковъ, набитыхъ соломой.

Не считая себя въ правѣ говорить что-либо о своеобразности заботлѣванія и леченія тераневтическихъ больныхъ, которые были исключительно на рукахъ у доктора Куколь-Яснопольскаго, я перейду къ хирургическимъ, такъ какъ это прямымъ образомъ касается моей специальности, тѣмъ болѣе, что и лазаретъ, по своей цѣли и снабженію, предназначался едва ли не исключительно для раненныхъ.

Всякій прибывающій раненный получалъ въ лазаретѣ прежде всего теплую пищу или чай, смотря по часу дня. Первая перевязка производилась обыкновенно при слѣдующихъ условіяхъ: всѣмъ больнымъ, которые могли двигаться сами, перевязка дѣлалась на открытомъ воздухѣ или въ операціонной комнатѣ, сообразно времени года. При этомъ весь медицинскій персоналъ: доктора, студенты и сестры, дѣлился на три группы: одна снимала старыя повязки и бѣлье, пропитанное гноемъ и кровью; другая ставила діагнозы, дѣлала необходимые малыя операціи и накладывала простыя повязки; а третья — накладывала шинныя и гипсовыя повязки. Понятно, что при такомъ раздѣленіи работы каждый раненный, переходя изъ рукъ въ руки, подвергался необходимому образомъ тщательному осмотру, — и работа шла быстрѣе, такъ какъ мы не жѣдали другъ друга. Съ лежачими больными поступали такимъ же способомъ.

Богатое снабженіе лазарета бѣльемъ и перевязочными средствами позволяло намъ совершенно истреблять повязки, бывшія хоть разъ въ употребленіи, а равно и сжигать первое бѣлье, бывшее на больномъ въ моментъ раненія.

Наша обыкновенная перевязка состояла изъ компресса мягкой марли, смоченнаго 2, 5, 10% растворомъ карболовой кислоты; поверхъ компресса владась гигроскопическая вата и кусокъ вощенной бумаги, если не было особенно обильнаго или дурного нагноенія въ ранѣ. Также часто поверхъ марлеваго компресса, если оказывалась воспалительная реакція въ окружности, мы употребляли обыкновенный согрѣвающій компрессъ. Корпія шла въ дѣло только въ случаяхъ особенно сильнаго нагноенія при *anus praeternaturalis* и при *pyopneumothorax*, и то въ избѣжаніе слишкомъ частой смѣны бѣлья. На этомъ основаніи, я лично считаю совершенно излишнимъ снабженіе лазаретовъ, подобныхъ нашему, большимъ запасомъ корпіи и окончатыхъ компрессовъ.

Изъ безконечнаго разнообразія бывшихъ у насъ шинъ, самыми практичными оказались: деревянныя шины Фолькмана, жестяныя жолоба для нижнихъ конечностей съ подставками и проволочныя шины для верхнихъ, которыя прикладываются къ внутренней поверхности руки. Хирургъ — имѣя ихъ подъ рукою, а также достаточное количество лубковъ различной длины и толщины, обыкновенный картонъ и нѣсколько блоковъ — никогда не встрѣтитъ затрудненія, даже при наложеніи самой сложной повязки.

Превосходный способъ накладыванія гипсовой повязки заранѣе приготовленными бинтами требуетъ особеннаго вниманія при ихъ заготовкѣ и сохраненіи, потому что если нагипсованный бинтъ скрученъ очень крѣпко, то онъ не пропитывается водою, и всѣ выгоды наложенія повязки этимъ способомъ, конечно, теряются. Къ сожалѣ-

нью, рядомъ съ превосходными гипсовыми бинтами были и нигуда негодные.

Операционный столъ Пасельцера сохраняетъ не мало времени и избавляетъ отъ лишнихъ страданій больныхъ съ огнестрѣльными переломами бедра.

Всѣхъ гипсовыхъ повязокъ было наложено въ нашемъ лазаретѣ 112 штукъ. Въ первое время всѣ сложныя повязки накладывались исключительно мною; но потомъ наши студенты и сестры такъ наловчились въ нихъ, что я сталъ полезнымъ поручить каждому изъ нихъ нѣсколько постоянныхъ больныхъ, и моя роль ограничивалась совѣтомъ и наблюдениемъ. Благопріятное теченіе ранъ при вышеописанномъ способѣ перевязки (которая обыкновенно оставалась на сутки) заставляло меня рѣдко прибѣгать къ другимъ способамъ. Само собою разумѣется, что при этомъ обращалось особенное вниманіе на свободный выходъ гноя. Въ случаѣ гнойныхъ затековъ при огнестрѣльныхъ переломахъ костей я не скупился глубокими разрѣзами и проведеніемъ очень толстаго дренажа, иногда во всю толщу бедра, голени, плеча и предплечья. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ я прибѣгалъ особенно охотно къ открытому способу леченія огнестрѣльныхъ ранъ, а также употреблялъ его при ампутаціяхъ, когда замѣчалъ на культѣ во время операцій существованіе межмышечной флегмоны. При этомъ лоскуты не сшивались; и вся перевязка ограничивалась прикрытіемъ мягкой марлею, смоченною растворомъ карболовой кислоты. Результаты способа были благопріятны.

Способъ Листера, примѣненный во всей строгости, какъ я видѣлъ его въ Эдинбургѣ, употреблялся только въ двухъ случаяхъ резекціи колынаго сустава и ампутаціи въ половинѣ предплечья; поэтому я и воздерживаюсь отъ какихъ-либо заключеній.

Что же касается до катгута, то имъ перевязывались всѣ сосуды, за исключеніемъ перевязки *ar. femoralis*, и мнѣ никогда не приходилось раскаяваться въ этомъ, потому что при его употребленіи ни разу не наблюдались послѣдовательныя кровотеченія. О постоянномъ вытяженіи и орошеніи я не имѣю права распространяться, такъ какъ они употреблялись у насъ только три раза.

Въ виду того, что весь мой опытъ военной хирургіи ограничивается настоящей кампаніей, я не рѣшаюсь высказывать мое мнѣніе относительно многихъ спорныхъ и интересныхъ вопросовъ, какъ, напр., степени опасности раненія отъ ружейныхъ пуль различныхъ системъ, внѣшней формы раненій разнаго рода пулями, объ особенномъ благопріятномъ теченіи огнестрѣльныхъ поврежденій груди, преимущественно леченія огнестрѣльныхъ переломовъ бедра вытяженіемъ, съ

примѣненіемъ постояннаго орошенія или безъ него передъ гипсовыми повязками и т. д. Все это вопросы, удовлетворительное рѣшеніе которыхъ возможно только на основаніи обширнаго ряда наблюденій и долгаго основательнаго изученія.

Съ своей стороны, я рѣшаюсь высказать мои личныя соображенія только относительно того, насколько полезны подобныя учрежденія и желательно ли вообще ихъ существованіе во время войны и въ какомъ видѣ.

Частныя учрежденія въ непосредственной близости военныхъ дѣйствій важны по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) Опытъ показалъ, что характеръ всякой войны представляетъ много своеобразностей, и потому заранѣе предвидѣть то или другое нѣтъ никакой возможности. Не подлежитъ сомнѣнію, что частное учрежденіе, которое не имѣетъ необходимости испрашивать разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и вдобавокъ хорошо обставленное съ матеріальной стороны, всегда обойдетъ встрѣчающіяся затрудненія быстрѣе и лучше, чѣмъ учрежденіе, существующее на другихъ началахъ. 2) Непосредственная зависимость подобнаго частнаго учрежденія отъ одного войскаго начальства заставляетъ его быть крайне чуткимъ ко всѣмъ требованіямъ военнаго времени, потому что въ противномъ случаѣ оно становится ненужнымъ и неизбежно должно прекратить свое существованіе. 3) Небольшое частное учрежденіе даетъ возможность строгаго выбора лицъ, которымъ поручается завѣдываніе его, а потому и довѣрія къ нимъ. Завѣдывающія лица, въ свою очередь, имѣютъ полную возможность контролировать какъ медицинскую помощь, такъ и всю хозяйственную часть, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ они поставлены.

Упрекъ, который обыкновенно дѣлается этимъ учрежденіямъ относительно ихъ будто бы громадной стоимости, по моему мнѣнію, лишень основанія. Если стоимость больничнаго дня въ подобномъ частномъ учрежденіи будетъ значительнѣе, то это прямо обуславливается *лучшимъ* содержаніемъ, а равно и уходомъ за больными. Если же мы примемъ во вниманіе стоимость первоначальнаго обзаведенія военно-медицинскихъ учреждений во время войны, то легко можетъ оказаться, что стоимость частнаго хорошо устроеннаго учрежденія съ опредѣленнымъ числомъ больныхъ будетъ равная, а можетъ быть и меньше.

Другимъ возраженіемъ противъ существованія частныхъ самостоятельныхъ учреждений на самомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій служить ихъ предполагаемое и будто бы неизбежное препирательство съ военно-медицинскими учрежденіями, которое должно дурно отозваться на ходѣ всего дѣла. Опытъ нынѣшней войны показалъ, что если частное учрежденіе, въ какомъ бы то ни было видѣ, оказывается

дѣйствительно полезнымъ, то такого препирательства на дѣлѣ почти не существуетъ. Если бы оно и существовало, то, по моему мнѣнію, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ вредить дѣлу, вслѣдствіе прямого подчиненія частныхъ учреждений только одному войсковому начальству. Вдобавокъ конкуренція въ этомъ случаѣ лучше всего поможетъ въ будущемъ устройству учреждений, вполне удовлетворяющихъ своей цѣли во время войны.

Но мы, разумѣется, можемъ говорить только о настоящемъ, и, по моему личному убѣжденію, необходимо внести нѣкоторые дополненія и измѣненія въ этихъ учрежденияхъ частной благотворительности.

Одновременно съ существованіемъ главнаго уполномоченнаго въ извѣстномъ отрядѣ, въ рукахъ котораго находятся денежные средства, отчетность и непосредственныя сношенія съ войсковымъ начальствомъ, съ тою цѣлью, чтобы силы медицинскаго персонала были употреблены съ наибольшею пользою, необходимо существованіе извѣстнаго числа помощниковъ, заведующихъ хозяйственною частью, продовольствіемъ больныхъ и персонала, перевозочными средствами и своевременною доставкой транспортовъ со всѣмъ необходимымъ. Для успѣха дѣла чрезвычайно важно, чтобы лица эти были вполне знакомы съ дѣломъ, которое возлагается на нихъ, и чтобы ни одно изъ нихъ существенныхъ распоряженій не проходило — какъ это неизмѣнно соблюдалось у насъ—безъ согласія врачей, какъ лицъ, которые только тогда и могутъ дѣйствительно исполнять свою обязанность, когда ихъ законныя требованія, касающіяся больныхъ и раненныхъ, будутъ по возможности удовлетворяться.

Для того, чтобы частное небольшое учрежденіе могло приносить пользу въ болѣе широкихъ размѣрахъ, необходимо, чтобы въ составъ лицъ собственно лазарета входило четыре или по крайней мѣрѣ три врача. Это условіе необходимо въ виду болѣзни и другихъ случайностей, которыя могутъ разстроить все дѣло. Лучшими помощниками врачей, какъ показалъ опытъ, могутъ быть студенты и сестры, число которыхъ опредѣляется размѣрами учрежденія.

Что касается летучихъ отрядовъ, на долю которыхъ въ этой кампаніи выпала видная роль быть связующимъ звеномъ между перевозочнымъ пунктомъ и дивизионнымъ лазаретомъ, то я лично не имѣю ничего возразить противъ сказаннаго д-ромъ Гаусманомъ въ его отчетѣ, напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Народной Помощи“, и признаю вполне цѣлесообразными тѣ частности устройства летучихъ отрядовъ, какія предлагаются имъ на будущее время. Я также думаю, что летучіе отряды могутъ быть вполне самостоятельнымъ учрежденіемъ безъ всякаго лазарета, имѣя съ собою одни склады. Къ этому я хотѣлъ только добавить, что одновременно съ ними могутъ быть и другіе летучіе отряды собственно при лазаретѣ и составлять съ нимъ

одно цѣлое, отдѣляясь въ случаѣ надобности и опять входя въ составъ его. Такое устройство я считаю необходимымъ, въ виду громаднаго числа раненныхъ, которые при настоящихъ условіяхъ войны съ-разу выбываютъ изъ строя, а также въ виду правильной эвакуаціи лазарета.

Равнымъ образомъ, мнѣ кажется, что численность медицинскаго персонала летучихъ отрядовъ при лазаретѣ не должна превосходить численность персонала самаго лазарета, потому что этимъ окончательно подрывается существованіе послѣдняго, какъ основнаго учрежденія.

Мнѣніе д-ра Гаусмана о выборѣ лицъ для прислуги въ летучіе отряды вполне приложимо и для лазарета. Къ составу ея необходимо только прибавить еще нѣсколько человѣкъ: повара, кашеваровъ, прачекъ, кузнеца, плотника, столяра и печника. Послѣдніе въ свободное время могли бы исполнять обязанности обыкновенной прислуги.

Лазаретъ, какъ мобильное учрежденіе, вовсе не нуждается во многихъ приспособленіяхъ хорошо устроеннаго госпиталя въ мирное время. Но, съ другой стороны, необходимо обратить особенное вниманіе на то, чтобы имѣлись въ немъ достаточные запасы лекарствъ, предметовъ продовольствія, какихъ не всегда легко достать на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, а равно и надлежащее количество шатровъ, палатокъ, котловъ и пр.

Наконецъ, необходимо, чтобы лазаретъ обладалъ достаточнымъ количествомъ собственныхъ перевозочныхъ средствъ и притомъ по возможности приспособленныхъ къ мѣстности, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія. Это весьма важно для своевременной доставки раненныхъ въ лазаретъ, ихъ правильной дальнѣйшей эвакуаціи, снабженія лазарета транспортомъ. Этимъ обуславливается возможность отдѣленія летучихъ отрядовъ отъ лазарета и передвиженія самаго лазарета.

Во всемъ этомъ меня убѣдилъ опытъ послѣдней кампаніи, въ которой я находился въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ, знакомясь на мѣстѣ со всякаго рода медицинскими учрежденіями въ военное время. Я пришелъ къ окончательному убѣжденію въ цѣлесообразности частныхъ учрежденій, не только въ тылу армій, но и въ непосредственной близости къ мѣсту военныхъ дѣйствій, гдѣ великая идея частной помощи „Краснаго Креста“ находила вполне свое примѣненіе и гдѣ она должна быть несомнѣнно признана и допущена.

А. Генъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1878.

Новый сводъ уголовной статистики за 1876 г. — Медленное развитіе нашей судебной территоріи. — Устойчивость формъ новаго свода и составныя его части. — Значеніе судебной статистики для министерства юстиціи. — Общая картина судебного дѣлопроизводства и ея частности. — Сумма преступности въ 1876 г. и ея распредѣленіе по родамъ преступленій. — Цифра религіозныхъ преступленій. — Кража и ея топографія. — Процентъ оправданій и осужденій. — Значеніе уголовной статистики для законодателя. — Матеріалы для будущей уголовной статистики: апраксинское побоище и т. п.

Публичный судъ вездѣ и всегда занимаетъ, можно сказать, центральное мѣсто въ нравственной экономіи общества, какое принадлежитъ больницѣ въ его физической жизни: всѣ нравственныя тревоги, всякая болѣзнь воли, всѣ поштыки къ нарушенію и фактическое нарушеніе того, чтó признано нормою, всякое выступленіе изъ общепринятаго русла, — все это наблюдается судомъ, анатомируется и разрѣшается его приговоромъ. Отсюда — важность уголовной статистики, этого нравственнаго показателя, съ которымъ необходимо справляться, какъ съ манометромъ паровой машины, если желаешь знать степень напряженности нравственныхъ силъ общества, скрытыхъ обыкновенно отъ непосредственнаго наблюденія. Пять лѣтъ тому назадъ мы привѣтствовали открытіе и у насъ статистическаго бюро при министерствѣ юстиціи; теперь исполнился первый *lustrum* его дѣятельности, и надобно думать, что это полезное и необходимое дѣло пустило и у насъ свои корни достаточно, чтобы не сомнѣваться въ его дальнѣйшей прочности. Это пятилѣтіе было вмѣстѣ и первою школою для тѣхъ, которымъ пришлось полагать основаніе судебной статистики въ Россіи; конечно, въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, мы имѣли готовые образцы на Западѣ, но оттуда можно было заимствовать развѣ однѣ внѣшнія формы; самое же осуществленіе дѣла, приведеніе, такъ-сказать, статистической машины въ дѣй-

ствіе, требовало не одной дѣятельности самихъ членовъ бюро, а также и добросовѣстнаго содѣйствія со стороны всѣхъ членовъ суда. Такое содѣйствіе, выражающееся въ наполненіи цифрами бланковъ, разсылаемыхъ отъ имени бюро, должно казаться работою излишнею сравнительно съ прямымъ и существеннымъ призваніемъ суда; въ первое время такая непрерывная отчетность не могла не представляться обремененіемъ, какъ и каждый былъ бы стѣсненъ, если бы медикъ заставилъ его все съѣденное и выпитое въ теченіи дня не только свѣситъ и смѣрять, но еще и записать. Сами первые результаты статистическихъ наблюденій какъ разъ показали именно то, что наши суды едва успѣваютъ судить, а тутъ еще приходится найти время для наполненія бланковъ статистическаго бюро. Но надобно думать, что со временемъ привычка сдѣлаетъ свое, т.-е. превратится во вторую природу; и уже теперь можно сказать, что судебная статистика перестала, наконецъ, быть для насъ новымъ дѣломъ. Впрочемъ, все же изъ послѣдняго, пятаго „Свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1876 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 года“ (С.-Петербургъ, 1878), оказывается, что къ 1-му января 1877 года судебными установленіями не было доставлено своевременно свѣдѣній относительно 13,440 дѣлъ. Хотя составители „Свода“ и приводятъ смягчающія обстоятельства для такой несвоевременности, говоря, что „по всей вѣроятности“ большинство этихъ дѣлъ уже совершенно окончено; но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, и именно говорить о томъ, что статистическое бюро еще не успѣло преодолѣть всѣхъ трудностей дѣла.

За то наше статистическое бюро юстиціи, въ первый періодъ своей дѣятельности, имѣло для себя значительное облегченіе въ томъ обстоятельствѣ, что до сихъ поръ ему еще не приходилось дѣйствовать на всемъ пространствѣ Россіи и считаться со всѣмъ ея населеніемъ: послѣдняя цифра „Временника“ (1870 г.) показываетъ на территоріи, обнимаемой новыми судами, всего около 48 милл. чел. обоюго пола. Конечно, это удобство для статистики не составляетъ удобства для самой юстиціи: если новые суды считать самымъ усовершенствованнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ неправдою и всяческимъ зломъ, то надобно признаться, что еще многіе миллионы людей у насъ охраняются старымъ, забракованнымъ способомъ, и внутренній ихъ миръ далеко не обезпеченъ настолько, насколько обезпечиваютъ новые суды жизнь и имущество другихъ, болѣе счастливыхъ 48 миллионъ населенія. Между тѣмъ, внутренній миръ не менѣе важенъ внѣшняго, хотя, надо сказать правду, онъ всегда цѣнится менѣе: для войны, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, можно найти

деньги и тогда, когда их нѣтъ; а для быстрого распространенія благодѣяній правильнаго суда всегда оказываются препятствія въ недостаткахъ бюджета. Говоря такъ, мы не хотимъ сдѣлать какого-нибудь упрека министерству юстиціи; въ самомъ обществѣ существуетъ такое же настроеніе: мы можемъ представить множество примѣровъ подписки и общественнаго содѣйствія военнымъ предпріятіямъ, устройству крейсеровъ и т. п.; но едва ли мы отыщемъ примѣръ чего-нибудь подобнаго для проведенія той или другой внутренней реформы, которая не осуществляется только ради недостатка въ деньгахъ. Какъ-то даже странно представить себѣ, напримеръ, общественную подписку для повсемѣстнаго открытія судовъ, если на это не хватаетъ бюджетныхъ средствъ, или на погашеніе выкупныхъ платежей, обременяющихъ сельское сословіе, или на открытіе всей страны сѣтью народныхъ школъ; а пожертвованія на войну всегда кажутся какъ-то болѣе естественными. Мы указываемъ на этотъ фактъ изъ общественной жизни съ тѣмъ, чтобы въ обществѣ не удивлялись, что такой же взглядъ можетъ существовать и извѣ общества.

Въ теченіи 1876 года область новыхъ судовъ не представила собою новаго распростиранія, а потому и пятый „Сводъ“ за 1876 г. обнимаетъ ту же самую территорію, какъ и четвертый — за 1875 годъ: большое удобство—повторяемъ—для статистическихъ наблюденій, но важное неудобство для другой, также обширной территоріи, которая ожидаетъ новыхъ судовъ. Округъ варшавской судебной палаты не введенъ въ нынѣшній „Сводъ“ потому, что новая система судебной отчетности примѣнена къ нему только съ іюля 1876 года, а вслѣдствіе того полугодовые его результаты, по справедливому замѣчанію составителей „Свода“, могли бы только повредить общимъ выводамъ, если бы были присоединены къ годовымъ результатамъ дѣятельности другихъ округовъ. Впрочемъ, не придется ли вообще составителямъ „Свода“ отказаться и на будущее время отъ введенія варшавскаго округа въ общій сводъ, такъ какъ судебная его реформа представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ той же реформы въ имперіи, а потому и статистика этого округа, для болѣея правильности, должна быть ведена отдѣльно.

Составители „Свода“ особенно настаиваютъ на томъ, что въ ихъ послѣднемъ трудѣ въ формахъ таблицъ не сдѣлано уже никакихъ измѣненій сравнительно съ 1875 годомъ, и такая устойчивость составляетъ важное достоинство ихъ труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ доказательствомъ, что новыя формы получили окончательную отдѣлку, выработанную по указаніямъ опыта. Хотя „Сводъ“

раздѣленъ на три части, но, въ сущности, самое его дѣло представляетъ только двѣ стороны: одна часть „Свода“ предназначена на службу самому министерству юстиціи и потому сообщаетъ статистическія свѣдѣнія о производствѣ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ. Въ этой части министерство можетъ найти указанія для себя, въ какой мѣрѣ личный составъ различныхъ судебныхъ установлений и самое движеніе дѣлопроизводства удовлетворяютъ потребностямъ правосудія, и дозволяютъ ли они на дѣлѣ назвать судъ „скорымъ“. Вторая часть въ „Сводѣ“ подраздѣлена на двѣ части, но онѣ обѣ относятся къ объекту суда, къ подсудимымъ, какъ являющимся предъ окружными судами и судебными палатами, такъ и предъ мировыми судьями и ихъ сѣздами. Эта вторая часть „Свода“ и есть самая существенная: насколько показанія первой части важны для самого министерства юстиціи, въ томъ смыслѣ, что отъ него одного зависитъ воспользоваться ими для улучшенія дѣла, настолько важны для законодателя, для публициста и моралиста, результаты второй части: въ ней, какъ въ наблюденіяхъ метеорологическихъ, скрыты указанія на ходъ и развитіе нравственныхъ началъ въ обществѣ, которыя въ отдѣльных случаяхъ представляются чѣмъ-то индивидуальнымъ, случайнымъ, а будучи собраны въ массу, указываютъ на общіе законы, которыми управляются общества.

Годъ тому назадъ, въ іюльскомъ обзорѣніи, которое было посвящено четвертому выпуску „Свода“ уголовной статистики за 1875 годъ, у насъ была высказана между прочимъ общая мысль, по поводу первой его части, а именно, что для министерства юстиціи указанія цифръ, выражающихъ быстроту или медленность дѣятельности судовъ, не должны служить удовлетвореніемъ одной любознательности, но и вызывать рѣшимость воспользоваться этими указаніями на практикѣ, съ цѣлью увеличить силы, гдѣ на опытѣ обнаружилась ихъ недостаточность. Иначе, можетъ выдти то, что статистика будетъ сама по себѣ, а практика сама по себѣ: *scio meliora proboque, deteriora tamen sequor*. Мы отдавали справедливость важности дѣла уголовной статистики, предпринятаго министерствомъ юстиціи, и добросовѣстности, съ какою оно ведется, — но мы желали имѣть свѣдѣнія, успѣло ли воспользоваться министерство наиболее ясными указаніями сводовъ для практическихъ цѣлей, — или же „Сводъ“ составляетъ одну роскошь въ настоящемъ, и только въ будущемъ послужить матеріаломъ для публицистовъ, которымъ вздумается возвратиться къ размышленіямъ о нашемъ времени? Было бы очень жаль, если бы справедливымъ оказалось послѣднее — заключали мы; но и изъятаго „Свода“ видно, что цифры продолжаютъ жало-

ваться мѣстами на ту же неуспѣшность въ надлежащей быстротѣ дѣлопроизводства, или указываютъ только на то, что въ одномъ округѣ сдѣлалось немного лучше, чѣмъ было, но за то въ другомъ дѣла пошли хуже. Въ прошедшемъ году, мы указали, наприм., на слѣдующій странный фактъ, замѣчаемый въ производствѣ дѣлъ у судебныхъ слѣдователей: въ то время, какъ, въ 1875 году, по ржевскому окружному суду на каждого изъ 6-ти судебныхъ слѣдователей приходилось въ годъ по 61 дѣлу, въ усть-медвѣдицкомъ — по 366 дѣлъ, и также на каждого изъ шести! Понятно, каково должно быть различіе оказаться обвиненнымъ въ Ржевѣ или въ Усть-Медвѣдицѣ, когда въ послѣднемъ только въ високосный годъ приходится на слѣдователя по одному дѣлу каждый день! Мы не знаемъ, что было предпринято по поводу такого указанія статистики, и продолжали ли и въ 1876 году во Ржевѣ 6 судебныхъ слѣдователей благодумствовать, въ то время какъ другіе 6 оставались заваленными въ Усть-Медвѣдицѣ. Но вотъ что мы узнаемъ изъ пятаго „Свода“, за 1876 годъ: по ржевскому суду на каждого слѣдователя приходится по 72 дѣла (немного побольше), а по усть-медвѣдицкому—315 дѣлъ—немного меньше прежняго, такъ что судебный слѣдователь получилъ, по крайней мѣрѣ, свободу настолько, насколько бываетъ воскресныхъ дней въ году. Сами составители „Свода“ не ограничились простымъ приведеніемъ этихъ голыхъ цифръ и рѣшили, такъ-сказать, подчеркнуть это обстоятельство: „По усть-медвѣдицкому окружному суду,—говорятъ они,—хотя въ отчетномъ году и приходится на слѣдователя на 55 дѣлъ меньше, чѣмъ въ 1875 году, но *все-таки* этотъ судъ по обремененности слѣдователей стоитъ на первомъ мѣстѣ и *значительно* выдѣляется передъ другими окружными судами“. Посмотримъ, кончится ли это „*все-таки*“ въ слѣдующемъ „Сводѣ“, за 1877 годъ, а въ ожиданіи того постараемся изъ данныхъ нынѣшняго „Свода“ составить общую картину дѣлопроизводства нашихъ судовъ за 1876 годъ, и затѣмъ перейдемъ къ его существеннѣйшей части, гдѣ отразилось внутреннее состояніе нравственныхъ силъ общества.

Въ теченіи 1876 года, во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ, въ средѣ населенія почти въ 48 милліоновъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ, производилось свыше 160,000 уголовныхъ дѣлъ. Изъ этого числа всего болѣе мало на окружные суды (всего 7) казанскаго округа, по 5,300 дѣлъ слишкомъ на каждый; а всего менѣе на петербургскій, съ небольшимъ по 2,000 дѣлъ на каждый изъ его 6 окружныхъ судовъ. Таковы средніе выводы; но по отдѣльнымъ судамъ были примѣры чрезвычайнаго повышенія и крайняго пониженія, сравнительно съ среднимъ уровнемъ: московскій окружный судъ имѣлъ сверхъ 8,300

дѣлъ, въ кашинскомъ — всего 583 дѣла. Замѣтимъ при этомъ, что вышеупомянутая общая цифра дѣлъ за 1876 г. включаетъ въ себѣ слишкомъ 60,000 дѣлъ, оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ. Принимая въ соображеніе, что не всѣ свѣдѣнія были доставлены за 1876 годъ, приходится заключить, что хотя общая цифра 1876 года меньше итога 1875 года на 2,700 дѣлъ, но количество новыхъ дѣлъ было выше въ 1876 году, чѣмъ въ предыдущемъ, а именно оно приблизилось къ цифрѣ 145,000 дѣлъ.

Изъ этой новой массы уголовного матеріала, въ 1876 году было разрѣшено окончательно около 93,000 дѣлъ, а около 52,000 дѣлъ досталось въ тяжелое наслѣдство слѣдующему 1877 году, что составляетъ 36%. Впрочемъ, сравнительно съ 1875 годомъ вездѣ замѣчается улучшеніе въ процентномъ отношеніи рѣшенныхъ дѣлъ къ нерѣшеннымъ, кромѣ петербургскаго округа, гдѣ 1876-ой годъ стоитъ ниже предыдущаго на 1%. На первомъ мѣстѣ въ 1876 г. очутился казанскій округъ, гдѣ окончено 121% возникшихъ дѣлъ, — т.-е. значительно уменьшилась масса дѣлъ, оставшихся отъ прежнихъ годовъ; въ петербургскомъ — только 96%, т.-е. увеличилась прежняя масса неразрѣшенныхъ дѣлъ вновь неразрѣшенными дѣлами.

Общій выводъ, изъ сравненія движенія дѣлопроизводства въ 1875 и въ 1876 годахъ, дѣлаемый составителями „Свода“, тотъ, „что движеніе дѣлопроизводства, въ отчетномъ (1876) году, оказывается успѣшнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ (1875), въ особенности по казанскому и саратовскому судебнымъ округамъ“. Но, говоря безотносительно, все-таки нельзя назвать это „болѣе успѣшное“ движеніе дѣлопроизводства просто успѣшнымъ; скорѣе, необходимо признать его недостаточно успѣшнымъ, такъ какъ изъ общаго числа возникшихъ въ 1876 году дѣлъ 84,410 — осталось неоконченными въ теченіи года 36,210 дѣлъ, т.-е. 43%; и при этомъ нужно замѣтить, что, сверхъ того, болѣе 15,000 дѣлъ продолжались болѣе одного года, двухъ лѣтъ, и даже трехъ лѣтъ: для уголовныхъ дѣлъ это громадныя сроки, особенно если подумать, что такіа дѣла сопряжены нерѣдко съ предварительнымъ арестомъ обвиняемаго.

Спеціально въ дѣятельности прокурорскаго надзора поражаетъ чрезвычайная неравномѣрность по округамъ въ отношеніи оконченныхъ дѣлъ къ неоконченнымъ и въ отношеніи продолжительности срока: въ то время какъ въ московскомъ округѣ не было ни одного дѣла, которое продолжалось-бы свыше 2 мѣсяцевъ и всего только 4 дѣла (изъ 9,300), длившихся отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, — въ харьковскомъ такихъ было 539 дѣлъ, а болѣе 50 дѣлъ продолжались отъ 2 до 6 мѣсяцевъ. Причины такихъ явленій и другихъ имъ подобныхъ можеть лучше всего понять и изслѣдовать само вѣдом-

ство, устроившее въ своемъ статистическомъ бюро хорошую обсерваторію для наблюденій; но, повторяемъ, въ подобномъ жизненномъ дѣлѣ нельзя ограничиваться тѣмъ, чѣмъ довольствуются астрономы, а именно, однимъ занесеніемъ цифръ на бумагу и разсмотрѣніемъ ихъ; министерство юстиціи можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ дозволено астроному: оно можетъ оказать и вліяніе на ускореніе движенія подвѣдомственныхъ ему планетъ; а особенно въ уголовныхъ дѣлахъ необходимо нужно стараться достигнуть максимума быстроты, такъ какъ иногда ждать три года можетъ выпасть на долю человѣка, который будетъ потомъ признанъ этимъ же самымъ судомъ невиновнымъ.

Относительно судебныхъ слѣдователей, цифры говорятъ въ пользу двухъ столичныхъ судебныхъ округовъ, гдѣ осталось по 10 и 14 дѣлъ неконченныхъ на каждого слѣдователя, а въ казанскомъ—по 34 дѣла.

Изъ судебныхъ палатъ, въ качествѣ обвинительной камеры, въ петербургской и харьковской „замѣчается нѣкоторая медленность въ ихъ дѣлопроизводствѣ“ — какъ выражаются составители свода; но, судя по цифрамъ, слѣдовало бы даже сказать: „чрезвычайная медленность“— ибо изъ общаго числа 1111 неоконченныхъ дѣлъ приходится на московскую всего 1 дѣло, а на петербургскую—171 дѣло; на харьковскую же—596 дѣлъ! Такъ какъ тутъ дѣло идетъ о судебныхъ палатахъ въ ихъ качествѣ обвинительной камеры, то медленность въ обвиненіи, можетъ быть, найдутъ и добрымъ качествомъ, но все же разница между харьковскою палатою и московскою слишкомъ поразительна.

Дѣятельность окружныхъ судовъ — самая важная и самая существенная. Въ 1876 году, общая сложность уголовныхъ дѣлъ мало увеличилась, сравнительно съ предыдущимъ годомъ — всего на 611 дѣлъ; такимъ образомъ, два года сряду производилось почти одно и то же число дѣлъ, около 75,000, и при томъ главное увеличеніе дѣлъ пало на казанскій (почти на 2,300 дѣлъ) и одесскій округъ (почти на 500 дѣлъ), а въ прочихъ, и особенно по харьковскому (на 850 дѣлъ), число уголовныхъ дѣлъ уменьшилось. Сравнительно съ 1875 годомъ, цифры 1876 года свидѣтельствуютъ о томъ, что „дѣятельность 32-хъ окружныхъ судовъ *улучшилась*“.... а „въ 17-ти окружныхъ судахъ процентъ оконченныхъ дѣлъ *уменьшился*“ (выражаясь менѣе дипломатически, слѣдовало бы сказать: дѣятельность этихъ судовъ *ухудшилась*); „результатъ дѣятельности казанскаго и новгородскаго окружныхъ судовъ *остался безъ измѣненія*“. Всѣ окружные суды, выѣстъ взятыя, оставили 1877-му году въ наслѣдство болѣе 16,000 дѣлъ, изъ этого числа минимумъ, около 900 дѣлъ, принадлежитъ петербургскому, а максимумъ, по 3,000 дѣлъ, одесскому и казанскому округамъ.

Если бы мы захотѣли знать отношеніе судебной власти къ об-

винительной, то это намъ могли бы лучше всего выяснить цифры оправданій и осужденій въ окружныхъ судахъ: въ 1876 году постановлено всего слишкомъ 37,000 приговоровъ, и изъ этого числа осужденныхъ 24,500, а оправданныхъ 12,500 лицъ, т.-е. почти *треть* числа обвиняемыхъ была освобождена отъ суда; все это говоритъ весьма краснорѣчиво о необходимости заботиться объ увеличеніи осторожности въ обвиненіи.

Мы до сихъ поръ всегда обращали особенное вниманіе, при разсмотрѣніи нашихъ сводовъ уголовной статистики, какъ распределяются оправдательные приговоры между судами съ присяжными и безъ присяжныхъ, въ виду тѣхъ непрекращающихся и до сихъ поръ нареканій противъ суда присяжныхъ. И вотъ, пятый разъ сводъ приноситъ подтвержденіе тому, что судъ присяжныхъ у насъ вовсе не отличается такою снисходительностью, какую ему приписываютъ иные, судя по одному или двумъ какимъ-нибудь процессамъ, обратившимъ на себя по чему-либо всеобщее вниманіе оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ. Изъ общей массы, судъ присяжныхъ осудилъ 18,000 лицъ, и оправдалъ около 10,400; а безъ присяжныхъ — осуждено было 6,500 лицъ, и оправдано 2,200: значитъ, присяжные оправдываютъ 36%, а судъ — 25%; разница не такъ велика, чтобы можно было говорить объ особой мягкости судовъ съ присяжными. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что, напримѣръ, въ 1876 году кассационный департаментъ изъ 17,721 приговора, постановленнаго окружными судами по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ, кассировалъ самое ничтожное число: 134 (0,8%) — всего чаще по харьковскому и московскому (47 и 41), и всего рѣже по петербургскому и саратовскому округамъ (8 и 7); въ то же самое время, судебныя палаты изъ 6,242 приговоровъ окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ измѣнили 219 приговоровъ — всего чаще по московскому и харьковскому (74 и 58), а всего рѣже въ казанскомъ и саратовскомъ (15 и 2). Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ составителями „Свода“, что процентъ измѣненныхъ приговоровъ окружныхъ судовъ, безъ участія присяжныхъ, „незначителенъ“; этотъ процентъ незначителенъ только безотносительно, но онъ довольно высокъ, если сравнить его съ вышеприведеннымъ процентомъ кассации приговоровъ тѣхъ же окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ.

Дѣятельность судебныхъ палатъ, въ качествѣ судебной инстанціи, имѣла въ 1876 году своимъ предметомъ 891 дѣло; изъ нихъ окончено 548 дѣлъ, а 343 дѣла (38½%) перешли въ 1877 годъ. Всѣхъ успѣшнѣе дѣйствовала одесская палата; а позади всѣхъ осталась петербургская, „такъ что — заключаютъ составители „Свода“ — жела-

тельно было бы видѣть болѣе удовлетворительные результаты дѣятельности этой палаты". Если харьковская стоитъ еще ниже петербургской, то она имѣетъ въ свою пользу смягчающія обстоятельства: въ ней дѣлопроизводство увеличилось почти въ три раза, сравнительно съ предшествовавшими годами.

Таковы общіе результаты первой части пятого „Свода“ уголовной статистики, которую мы назвали бы формальною; эта часть даетъ всѣ необходимыя данныя для характеристики самихъ судовъ, говорить о степени напряженности ихъ дѣятельности, о недостаточности силъ или ослабленіи энергіи и т. п. Мы далеки отъ мысли дѣлать, на основаніи статистическихъ данныхъ, какіе-нибудь приговоры въ этомъ смыслѣ; все это могло бы быть правильнымъ, еслибъ мы имѣли подобныя же статистическія данныя не для одной юстиціи, а вообще для всѣхъ функцій въ государствѣ. Впрочемъ, и не имѣя такихъ точныхъ данныхъ, можно безъ особеннаго риска утверждать, что едва ли какая-нибудь другая дѣятельность у насъ, при статистическомъ обзорѣ, представить даже и такіе результаты, какіе мы находимъ въ дѣятельности нашихъ судовъ; если статистика указываетъ намъ, что суды оставляютъ слѣдующему году извѣстный процентъ невыгоднаго наслѣдства въ видѣ нерѣшенныхъ дѣлъ, то какой процентъ остается у насъ въ видѣ неустроенныхъ школъ, больницъ, непроложенныхъ дорогъ и т. п.? Если въ 1876 году многіе не получили скорого удовлетворенія отъ юстиціи, то, можетъ быть, въ удовлетвореніи потребностямъ образованія было отказано еще большому числу. Пятый „Сводъ“ уголовной статистики показываетъ, что въ этомъ же году 1 уголовное дѣло приходилось на 567 человекъ общаго населенія судебной территоріи Россіи (въ 48 милл. жителей); при такомъ градусѣ наклонности къ преступленію тѣмъ печальнѣе для насъ тотъ фактъ, что въ нашихъ народныхъ школахъ учится 1 изъ 80 и приходится одна школа на 3,345 жителей обоого пола. По поводу такихъ явленій юстиція можетъ намъ сказать, что однимъ постояннымъ увеличеніемъ судебного состава нельзя достигнуть облегченія судовъ; необходимо также заботиться и объ уменьшеніи матеріала для судимости: все, что стѣсняетъ ходъ образованности, все, что затрудняетъ промышленную и торговую дѣятельность, — все это ведетъ къ увеличенію умственной и матеріальной бѣдности и предрасполагаетъ къ нарушенію порядка правовой жизни. Итакъ, будемъ осторожнѣе въ указаніи недостатковъ въ дѣятельности нашихъ судовъ.

Вторая часть пятого „Свода“ уголовной статистики — мы сказали — самая существенная, такъ какъ въ ея таблицахъ выражается или степень нравственнаго элемента въ обществѣ, или намечается на

присутствіе условій, вызывающихъ преступность. Для моралиста и законодателя въ этой массѣ цифръ найдется множество указаній, которыми слѣдуетъ воспользоваться въ будущемъ съ цѣлью повліять на улучшеніе нравственнаго быта общества.

Въ 1876 году общая цифра преступности нѣсколько понизилась: было на 577 человекъ, а теперь на 567 по одному дѣлу; но по отдѣльнымъ группамъ преступленій результатъ выходитъ иной. Преступленія *противъ чужого имущества* не только занимаютъ опять первое мѣсто, но и столь же значительны, какъ и въ 1875 году (изъ 144,000 общей цифры уголовныхъ дѣлъ болѣе 83,500 противъ чужого имущества); преступленія *противъ личности* относительно другихъ правонарушеній въ томъ же году нѣсколько увеличились; увеличились также случаи *служебныхъ преступленій, самоуправства и изслѣдованія причинъ смерти и пожаровъ*. Самое незначительное число дѣлъ производилось, между прочимъ, о *преступленіяхъ противъ печати* (121), о *нарушеніи уставовъ въ фабричной и заводской промышленности* (54), о *поединкахъ* (14). Мы не имѣемъ права подвергать сомнѣнію вѣрность послѣднихъ цифръ, но все же думаемъ, что эти цифры имѣютъ совершенно специальное значеніе. Число преступленій противъ закона печати, хотя и увеличилось въ 1876 году на 30, и дошло, такимъ образомъ, до 121, но все же оно такъ ничтожно, что, безъ оговороки, можно бы счесть нашу печать за самую добродѣтельную въ мірѣ; но такая малая цифра доказываетъ совсѣмъ другое, — а именно, что у насъ только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ суду по дѣламъ печати; точно также весьма уменьшилась бы цифра и по всѣмъ преступленіямъ, если бы полиція могла кончать съ ними безъ суда; но такое уменьшеніе произошло бы только въ судебной статистикѣ, а не на дѣлѣ. Читая въ газетахъ очень часто рассказы о порядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, мы не менѣе должны были изумиться, узнавъ, что на всей судебной территоріи Россіи было въ теченіи года всего 54 случая нарушенія уставовъ фабричной и заводской промышленности. Это было бы золотой вѣкъ; но и тутъ, мы думаемъ, цифра 54, совершенно вѣрная сама-по-себѣ, говоритъ о томъ, что у насъ встрѣчается рѣдко не нарушеніе уставовъ фабричныхъ и заводскихъ, а случай доведенія такихъ нарушеній до суда; другими словами, уголовная статистика въ настоящемъ случаѣ свидѣтельствуетъ не о добродѣтели нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, а о крайней недостаточности контроля у насъ надъ фабриками и заводами; иначе мы не можемъ объяснить причину слабости упомянутой цифры.

Въ другомъ совершенно смыслѣ поражаетъ насъ цифра *религіозныхъ преступленій*, на которыя приходится болѣе *одного процента*

изъ общаго числа дѣлъ,—выше даже случаевъ самоуправства, на которые не приходится и одного процента; поджигательство—и то стоитъ гораздо ниже религіозныхъ преступленій. Но и это не все: изъ общаго числа, около 1700 преступленій противъ религіи, почти одна треть падаетъ именно на московскій округъ, и за нимъ непосредственно слѣдуютъ казанскій и харьковскій; позади всѣхъ саратовскій, одесскій и петербургскій. Безъ всякой статистики, мы знаемъ, что въ нашемъ обществѣ очень широко развито самоуправство, и на это есть свои причины; теперь вдругъ оказывается, что наклонность къ религіознымъ преступленіямъ среди народа, считающагося обыкновенно религіознымъ, идетъ еще далѣе наклонности къ самоуправству. Но намъ кажется, что и въ настоящемъ случаѣ большой процентъ религіозныхъ преступленій имѣетъ такое же специальное значеніе, какъ и вышеприведенный ничтожный процентъ нарушенія фабричныхъ уставовъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло можетъ объясняться чрезвычайною слабостью контроля, а въ первомъ—количество религіозныхъ преступленій говоритъ только о необходимости пересмотра у насъ закона о „религіозныхъ преступленіяхъ“ и объ уменьшеніи контроля надъ свободою совѣсти. Еще не такъ давно, мы читали въ „Голосѣ“ (№ 148), какъ вредно дѣйствуютъ на умы одни слухи, распускаемые на основаніи общаго недовѣрія къ нашимъ законамъ о свободѣ совѣсти. По занятіи нами Добруджи, въ то время турецкой области, тамошнія старообрядческія поселенія находились въ частыхъ сношеніяхъ съ нашими московскими старообрядцами. „Какъ вдругъ,—говорится въ „Голосѣ“,—возгорается русско-турецкая война, русскіе переходятъ Дунай и занимаютъ Добруджу. Съ этого времени точно отрѣзало: владыка (старообрядческій, въ Москвѣ) пересталъ получать оттуда письма; до него доносились лишь отрывочныя извѣстія, что всѣ тамошнія старообрядческія поселенія заняты русскими... Корреспондентъ московскаго старообрядческаго владыки, нѣкто Безсоновъ, изъ Браилова, сообщилъ преосвященному, что, съ занятіемъ русскими Добруджи, религіозная свобода, дарованная турецкимъ правительствомъ старообрядцамъ, будетъ, безъ сомнѣнія, ограничена!“ Пусть соображенія Безсонова фантастичны, но несомнѣнно то, что онъ безошибочно рассчитывалъ на то, что его сообщенія будутъ найдены правдоподобными.

Составители „Свода“ замѣчаютъ, что „въ отчетномъ году (1876), сравнительно съ 1875 г., преобладаніе кражи надъ другими преступленіями еще болѣе увеличилось“, и дѣла, возбужденныя этимъ преступленіемъ, превысили половину общаго числа уголовныхъ дѣлъ, и въ нѣкоторыхъ округахъ превысили значительно:

Въ Петербургскомъ	—	изъ 10.900 дѣлъ	—	по кражѣ	6.300 (58%).
„ Московскомъ	—	„ 35.600	„	„	20.500 (57%).
„ Харьковскомъ	—	„ 34.000	„	„	19.600 (57%).
„ Одесскомъ	—	„ 18.900	„	„	11.100 (58%).
„ Казанскомъ	—	„ 32.700	„	„	18.800 (57%).
„ Саратовскомъ	—	„ 12.500	„	„	7.100 (56%).

Въ подобной преступности, какъ кража, на увеличеніе статистическаго показателя вліяетъ главнымъ образомъ экономическое положеніе дѣлъ въ странѣ, а также бѣднѣе или меньшая степень охраны имущества со стороны публичной власти. Но чтобы вѣрно судить о кражѣ, необходимо было бы имѣть еще другого рода данныя, а именно, распредѣленіе кражи по ея объему, чтобы не смѣшивать въ одну массу и случаи украденной булки голоднымъ, и случаи похищенія сотни тысячъ или даже милліона; частое повтореніе послѣдняго рода похищеній говоритъ, конечно, не объ экономическомъ положеніи дѣлъ, но о паденіи общаго уровня нравственности и о равнодушіи самихъ собственниковъ, которые цѣнятъ не собственность, а легкость наживы отъ нея, и потому не стѣсняютъ дѣятельность своихъ довѣрителей внимательнымъ изученіемъ своихъ дѣлъ. За то мы находимъ въ „Сводѣ“ любопытную таблицу, которая ясно говоритъ, что въ преступленіяхъ кражи играетъ весьма важную роль экономическое положеніе человѣка; составители „Свода“ распредѣлили случаи кражи по временамъ года, и оказалось, что наибольшее число преступленій, $25\frac{1}{2}\%$, падаетъ на декабрь, январь и февраль, зимніе мѣсяцы, когда нужда даетъ чувствовать себя сильнѣе; осенью и весною оно спускается на $21\frac{1}{2}\%$, а лѣтомъ—на $18\frac{3}{4}\%$.

Средняя напряженность преступленій кражи въ 1876 году выразилась довольно сильною цифрою, а именно, одно воровство приходилось почти на 1000 человѣкъ населенія; но по различнымъ мѣстностямъ эта цифра представляетъ значительныя колебанія: въ таганрогскомъ и одесскомъ округѣ она достигла ужасающаго максимума; въ таганрогскомъ округѣ 1 дѣло пришлось на 430 человѣкъ, а въ одесскомъ 1 дѣло на 488 человѣкъ; минимумъ же получается въ вашинскомъ округѣ, гдѣ было 1 дѣло на 2584 человѣка.

Отношеніе суда къ подсудимымъ въ 1876 году представило, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, значительную разницу: въ прошедшемъ году мы указывали на то, что судъ безъ присяжныхъ рѣже (24%) произноситъ оправдательные приговоры, нежели судъ съ присяжными (36%), а судебныя палаты занимали въ этомъ отношеніи средину (33%); мы выводили изъ этого обстоятельства заключеніе о неосновательности вопля противъ суда присяжныхъ,

какъ суда недостаточнаго для дѣлей правосудія. Но что скажутъ теперь противники ихъ, когда въ 1876 году оказалось, что судебныя палаты занимаютъ уже, по количеству оправдательныхъ приговоровъ, не средину, какъ прежде, а стоять на одной ступени съ судомъ присяжныхъ: изъ общаго числа почти 39,000 подсудимыхъ, въ 1876 г., было оправдано окружными судами, безъ участія присяжныхъ—около 2000 человекъ (изъ 30,100 подсуд., т.-е. 25%); съ присяжными—около 11,100 (изъ 7850 подсуд., т.-е. нѣсколько болѣе 36 1/2%), и почти такой же процентъ оправданныхъ представляютъ судебныя палаты—350 человекъ (изъ 970 подсуд., т.-е. 36 1/2%). „Такимъ образомъ,—говорятъ составители „Свода“,—по результатамъ судебного разбирательства, судебныя установленія различныхъ наименованій весьма близки между собою, что, подтверждаясь изъ году въ годъ, показываетъ, что основныя данныя русской уголовной статистики выяснены сводами и представляются надежными для дѣланія изъ нихъ общихъ выводовъ“. И по нашему мнѣнію, первый надежный выводъ, какой выходитъ самъ собою, будетъ состоять въ томъ, что судъ, произносимый представителями общественной совѣсти, присяжными, ни въ чемъ не уступаетъ приговорамъ, произносимымъ профессиональными судьями, подготовленными къ своему дѣлу и путемъ науки, и путемъ судебной практики. Подсудимые въ 1876 году имѣли одинаковые шансы быть оправданными и судомъ присяжныхъ, и судебными палатами. При дальнѣйшемъ распредѣленіи оправдательныхъ приговоровъ по судебнымъ округамъ, составители „Свода“ были даже вынуждены признать важное преимущество суда присяжныхъ надъ судомъ профессиональнымъ: „для присяжныхъ,—говорятъ они,—разность между крайними судебными округами составляетъ 13,10% (въ харьковскомъ оправдано менѣе всего—33%, а въ одесскомъ болѣе всего—46%); а для окружныхъ судовъ (безъ присяжныхъ) и судебныхъ палатъ—25,68%, т.-е. почти въ два раза больше (въ казанскомъ оправдано менѣе всего—17%, а въ саратовскомъ болѣе всего—43%). Эти цифры весьма характеристичны, и, повторяясь изъ году въ годъ, доказываютъ, что *уголовная юстиція, врученная присяжнымъ заступателямъ, отправляется ими по прочнымъ нравственнымъ началамъ, весьма слабо видоизмѣняющимся подъ вліяніемъ мѣстныхъ различій*“. Нельзя того же сказать о профессиональномъ судѣ, котораго основы, значить, менѣе прочны: осужденный по одному и тому же преступленію въ саратовскомъ округѣ имѣетъ чуть не въ три раза болѣе шансовъ къ оправданію, чѣмъ въ казанскомъ, если онъ судится у профессиональныхъ судей; но для суда съ присяжными нѣтъ большой разницы, въ какомъ бы округѣ ни судиться: въ харьковскомъ было оправдано 33%; въ московскомъ 34%; въ казанскомъ 35%;

въ петербургскомъ 36%; въ саратовскомъ 38%, и только въ одесскомъ 43%.

Наклонность къ преступленію по поламъ сохраняетъ въ 1876 г. почти прежнія отношенія: женщины болѣе чѣмъ въ десять разъ менѣе склонны къ преступленію, чѣмъ мужчины; точно также и процентъ оправданныхъ у насъ, какъ и вездѣ, значительно въ пользу женщинъ—и причина того ясна сама собою. Замѣчательно при этомъ одно, что такая гуманная причина, какъ снисхожденіе къ слабости пола и его впечатлительности, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на присяжныхъ, чѣмъ на профессиональныхъ судей: присяжные оправдывали 52 женщины и только 35 мужчинъ на 100; между тѣмъ, суды безъ присяжныхъ оправдывали 25 женщинъ и 24 мужчины на сто. Но нельзя сказать того же объ оправдательныхъ приговорахъ суда присяжныхъ по различнымъ родамъ преступленій: присяжные дѣйствовали слабѣе въ случаяхъ преступленія противъ безопасности (56% оправд. приговоровъ), противъ порядка управленія (50%), подлоговъ (51%) и противъ нравственности (51%); особенно же часты случаи оправданія по дѣламъ служебныхъ преступленій (60%); но и въ 1876 году, какъ и прежде, число оправдательныхъ приговоровъ по преступленіямъ религіознымъ (48%) почти равняется—по тѣлеснымъ поврежденіямъ (46%), которыми всего чаще выражается насиліе надъ слабымъ, и преимущественно надъ женщинами и дѣтьми; судъ безъ присяжныхъ, правда, еще строже въ преступленіямъ религіознымъ, такъ какъ по нимъ было оправдано безъ присяжныхъ 35%, а по тѣлеснымъ поврежденіямъ 43%. Въ преступленіяхъ противъ чести было вынесено оправдательныхъ приговоровъ болѣе безъ присяжныхъ (53%), чѣмъ съ присяжными (43%).

Отъ оправданныхъ перейдемъ теперь къ осужденнымъ, общее число которыхъ въ 1876 году достигло 25,500 человекъ. По мѣсту рожденія самый большій контингентъ осужденныхъ поставили вятская и владимирская губерніи (по 5%), а наименьшій—новгородская, область донского войска, петербургская, вологодская и таврическая. Географически важнѣйшіе изъ преступленій располагаются слѣдующимъ образомъ: преступленія религіозныя всего чаще встрѣчались въ московскомъ, харьковскомъ и казанскомъ округахъ; противъ порядка управленія—въ московскомъ; тамъ же—святотатство, служебныя преступленія, поддѣлка ассигнацій, тѣлесныя поврежденія, противъ личной чести, разбой и вообще всѣ корыстныя преступленія; въ петербургскомъ округѣ преобладали преступленія противъ нравственности.

По возрасту и семейному быту осужденныхъ, новыя цифры близко повторяютъ прежнія отношенія и потому служатъ только подтвержденіемъ сдѣланныхъ уже выводовъ. Цифры по образованію осужденныхъ могли бы представить интересъ, если бы у насъ было сдѣлано что-нибудь вообще для статистики образованія въ Россіи, а безъ того уголовная статистика по этому отдѣлу останется безъ всякаго результата. Напримѣръ, мы узнаемъ, что въ петербургскомъ округѣ на каждые 100 человѣкъ приходится 4% образованныхъ, 34½% грамотныхъ и 61½% неграмотныхъ; но изъ этого никакъ нельзя вывести какого-нибудь результата, пока не будетъ извѣстна вообще цифра всѣхъ образованныхъ, грамотныхъ и неграмотныхъ. Положимъ, въ петербургскомъ округѣ было осуждено всего около 2,800 человѣкъ; въ круглыхъ цифрахъ, по указанной выше операціи, это число по образованію распределяется такъ:

Образованныхъ	100 человѣкъ
Грамотныхъ	1,000 „
Неграмотныхъ	1,700 „

Если 1,700 неграмотныхъ осуждаются изъ сотенъ тысячъ, а 100 образованныхъ изъ десятковъ тысячъ, то, конечно, эта послѣдняя цифра, какъ она ни мала, можетъ еще оказаться гораздо меньше годною, чѣмъ 1,700.

Изъ цифръ, которыя распределяютъ осужденныхъ по религіи, обратимъ вниманіе на слѣдующее явленіе: въ рубрикѣ раскольниковъ мы видимъ, что у нихъ по всѣмъ преступленіямъ процентъ самый ничтожный, кромѣ поддѣлки ассигнацій (18%), а въ отдѣлѣ религіозныхъ преступленій огромный процентъ: 44.21. „У раскольниковъ,—замѣчаютъ составители „Свода“,—по отношенію къ которымъ явленіе преступности прямо обуславливается вѣроисповѣднымъ ихъ отличіемъ, наиболѣе замѣтны цифры религіозныхъ преступленій“. Не означаетъ ли этотъ выводъ того, что если бы преступность „не обуславливалась вѣроисповѣднымъ отличіемъ раскольниковъ“, то и цифра религіозныхъ ихъ преступленій уничтожилась бы сама собою; или, наоборотъ, если бы, напримѣръ, у магометанъ вѣроисповѣдное ихъ отличіе „обуславливало явленіе преступности“, то мы у магометанъ въ „Сводѣ“ нашли бы, вмѣсто ½ процента религіозныхъ преступленій, несравненно больше? Мы указываемъ на это обстоятельство съ тѣмъ, чтобы уголовная статистика не ввела кого-нибудь въ заблужденіе относительно религіознаго чувства раскольниковъ; въ настоящемъ случаѣ она говоритъ только о томъ, что, по выраженію составителей „Свода“, у нихъ преступность въ этомъ отдѣлѣ есть явленіе условное. О евреяхъ замѣчаютъ составители, что они изъ всего насе-

ленія „отличаются наибольшою преступностью, почти въ пять разъ больше процента ихъ въ составѣ общаго населенія“; но, рассматривая по отдѣламъ преступленій, мы находимъ, что евреи особенно отличаются въ разныхъ нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій, въ нарушеніяхъ благоустройства, лжесвидѣтельствъ, мошенничествъ, подлогахъ, и имѣютъ самый ничтожный процентъ въ такихъ преступленіяхъ, какъ убійство, дѣтоубійство (при всей бѣдности еврейской массы и обилія дѣтей), увѣче. Вспоминая то, что высказали составители „Свода“ по поводу раскольниковъ, мы готовы думать, что и чрезмѣрная преступность евреевъ въ упомянутомъ родѣ, при слабомъ ея процентѣ въ настоящей уголовщинѣ, также обуславливается особеннымъ бытомъ евреевъ, и уже только вслѣдствіе того они „отличаются наибольшою преступностью“. Точно также, наоборотъ, если мы видимъ, что евреи, сравнительно съ христіанами, почти непогрѣшны въ преступленіяхъ служебныхъ (0,79%), то это говоритъ не объ отличныхъ ихъ служебныхъ качествахъ, а только о томъ, что евреи имѣютъ рѣдкій случай и нарушаютъ служебныя обязанности, такъ какъ они рѣдко и допускаются къ нимъ. У протестантовъ, магометанъ и евреевъ совершенно отсутствуютъ преступленія противъ брака; но и это не говоритъ ничего въ пользу семейныхъ добродѣтелей со стороны тѣхъ, которые исповѣдуютъ упомянутыя религіи, а объясняется очень просто тѣмъ, что принадлежащіе къ этимъ вѣроисповѣданіямъ пользуются, хотя и въ разныхъ формахъ, правомъ развода.

Всѣ эти послѣднія стороны уголовной статистики имѣютъ особенную важность не столько для публициста, сколько для законодателя: въ языкѣ этихъ цифръ онъ найдетъ ясныя указанія о необходимости —повторяемъ опять выраженіе составителей „Свода“— позаботиться о томъ, чтобы „явленіе преступности“ все менѣе и менѣе „обуславливалось вѣроисповѣднымъ отличіемъ“ или вообще какими-нибудь исторически сложившимися обстоятельствами, которыя иногда, существуя наперекоръ духу времени, искусственно вызываютъ тѣмъ и самыя „явленія преступности“.

За статистику, этою „остановившеюся“ исторіею, не надобно, однако, забывать исторію, въ ея качествѣ „двигающейся“ статистики: исторія подготавливаетъ данныя для послѣдней и не менѣе интересна и назидательна сама по себѣ. Года два спустя, наприимѣръ, исторія текущихъ дней сдѣлается добычею статистики, и составители „Свода“ дадутъ намъ къ началу 1880 года новый выпускъ за настоящій 1878 годъ, если ихъ почтенная и полезная работа будетъ продолжаться съ тою же настойчивостью, съ какою она велась до сихъ поръ. Но исторія имѣетъ одно большое преимущество предъ

статистикой, такъ какъ для нея не всѣ единицы равны. Въ судебномъ „Сводѣ“, — мы уже теперь это знаемъ, — въ рубрикѣ судимыхъ по петербургскому округу, вѣроятно, опять повторится, какъ и въ 1876 г., та же цифра производимыхъ дѣлъ за 1878 г. по преступленіямъ „противъ общественнаго благоустройства и благочинія“, а именно, около 675 дѣлъ; но статистика не расскажетъ намъ содержанія этихъ самыхъ дѣлъ, а очень можетъ быть, что многія изъ 675 дѣлъ 1876 года, имѣстѣ взятыя, не стоятъ того одного, которое совершилось на нашихъ глазахъ 4-го іюня, въ домѣ № 5, по Апраксину переулку. Въ отношеніи качественнаго значенія фактовъ статистика значительно уступаетъ исторіи; вотъ потому мы и сказали, что за статистикою не слѣдуетъ забывать исторію. Въ этомъ отвратительномъ и постыдномъ дѣлѣ, какое можно было бы ожидать отъ подонковъ развѣ мусульманской черни, есть весьма много сторонъ, въ которыя необходимо бываетъ всмотрѣться ближе; а между тѣмъ, наша ежедневная печать, за весьма немногими исключеніями, ограничилась простымъ разсказомъ этого ужасающаго факта; въ одной газетѣ дѣйствующія лица даже не названы настоящимъ ихъ именемъ, а очень нѣжно — „буянами“; другая газета, еще болѣе распространенная, имѣла куражъ назвать избиеніе *пятерыхъ* нѣсколькимистами — „крупнымъ побоемъ.“ Преступленіе совершено въ центрѣ города, среди бѣлаго дня; въ преступленіи участвовали цѣлыя сотни людей, но тѣмъ не менѣе изъ официального извѣщенія оказалось, что полиція нашла возможнымъ арестовать не болѣе *пяти* человѣкъ; итакъ, изъ сотенъ виновныхъ въ руки правосудія, а потомъ и въ рубрику уголовной статистики попадаетъ всего пять подсудимыхъ и пять жертвъ, безчеловѣчно избитыхъ. Мы не имѣемъ права предупреждать голоса правосудія по отношенію тѣхъ, которые достались въ его руки; а потому ограничимся только тѣми, которые ускользнули изъ его рукъ — и это цѣлая громадная толпа существъ, которыхъ едва можно признать вообще людьми, а всего менѣе исповѣдующими христіанство. „Московскія Вѣдомости“ еще не такъ давно проводили теорію, въ силу которой уличные беспорядки оказываются выраженіемъ „здраваго народнаго смысла“; но событія слишкомъ скоро поспѣшили показать обратную сторону медали.

Впрочемъ, все это мимоходомъ. Въ настоящемъ дѣлѣ принимала участіе громадная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ; нѣтъ сомнѣнія, въ ней много было лицъ въ состояніи виновной невмѣляемости, но и злой врагъ Россіи не допустить такой статистической цифры, чтобы у насъ въ простомъ народѣ на сто человѣкъ, хотя бы и по праздникамъ, приходилось сто нѣанныхъ! Это — невозможно. Итакъ, въ этой остервенившейся толпѣ былъ процентъ людей вовсе

не пьяныхъ. А въ такомъ случаѣ это „крупное побойще“ должно дать невыгодные отвѣты на самые разнообразныя вопросы относительно состоянія нашей народной нравственности и умственнаго развитія: какъ у насъ народъ проводить вообще праздники, и особенно такой торжественный праздникъ, какъ Духовъ день, когда именно все это случилось? Проходить ли онъ въ эпоху своего дѣтства школу, хотя бы одной грамотности? Придя въ возрастъ, слушаетъ ли онъ въ праздникъ утромъ такую проповѣдь, которая могла бы служить ему школою жизни, или посѣщаетъ ли онъ настоящую воскресную школу, которая поддерживала бы въ немъ брошенные сѣмена школою дѣтства? Наконецъ, вечеромъ въ праздникъ находятъ ли народъ для отдыха и вмѣстѣ для своего развитія народные театры, гдѣ на сценѣ продолжалось бы дѣло того же нравственнаго и умственнаго развитія? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно, но не въ томъ смыслѣ, что народъ отказывается отъ всѣхъ этихъ благъ: эти блага вовсе не существуютъ для него. У насъ слишкомъ крутой переходъ отъ образованности къ полнѣйшей умственной тьмѣ; для однихъ, весьма немногихъ, существуетъ даже роскошь образованности—итальянская опера и иностранные театры, а громадное большинство остается при извѣстномъ единственномъ способѣ „отведенія души“. Изъ всего этого складается тяжелая атмосфера, которая невольно налагаетъ особый отпечатокъ и на самую нашу общественную цивилизацію, которая не исключаетъ самодурства, самоуправства въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и сферахъ, именно потому, что даже и образованный не можетъ быть вполне образованнымъ, по общественному характеру, по нравамъ—тамъ, гдѣ онъ осужденъ вращаться въ массѣ непроходимой необразованности.

Газеты исполнили уже печальную обязанность разсказа подробностей этого апраксинскаго дѣла, возникшаго, какъ извѣстно, изъ мысли, что „надо бить татаръ“ и только за то, что они татары, хотя бы даже эти татары и хотѣли сдѣлать доброе дѣло, какимъ является въ настоящемъ случаѣ задержка вора,—но христіанина. Многія изъ нашихъ газетъ, разсказывая это событіе, конечно, не могли не вспомнить, что дикій крикъ пьяной толпы не разъ находилъ отголоски и на ихъ столбцахъ, разумѣется, въ болѣе благовидной формѣ „принципа національности“ и „принципа вѣроисповѣднаго“, а иногда, впрочемъ, и въ откровенно-грубой: у насъ дѣйствительно можно услышать не только на улицѣ слово „татаринъ“ въ смыслѣ ругательномъ—разъ какъ-то еще весьма недавно мы прочли въ одной здѣшней, не московской газетѣ: „съ позволенія сказать, жидъ“. Не повторяя теперь жестокихъ подробностей этого чудовищнаго дѣла, ограничимся только приведеніемъ изъ него одного подвига материнской любви, который стоитъ выше всякихъ похвалъ.

Когда изверги ворвались въ квартиру № 43, преслѣдуя спрятавшіеся тамъ дворника-татарина, и требовали у мѣщанки Мушняковой выдачи преслѣдуемаго ими, угрожая въ противномъ случаѣ выбросить изъ окна ея малолѣтнюю дочь, и уже схватили ребенка, — несчастная мать успѣла вырвать бѣдную жертву и съ истинно геройскимъ мужествомъ сказала злодѣямъ: „Если выбрасывать ребенка, то выбрасывайте и меня съ нимъ!“ Были ли злодѣи поражены твердостью этой достойной женщины, или ихъ вниманіе отвлекло великодушіе дворника Джеманидала Ахтанова, который, не желая быть виновникомъ чужого бѣдствія, выскочилъ изъ-за перегородки и бросился изъ окна 3-го этажа, гдѣ стоявшая толпа подхватила его и избила до-полусмерти, — но мать и ребенокъ были спасены. Мы приводимъ разсказъ объ этомъ прекрасномъ подвигѣ г-жи Мушняковой, по словамъ „Спб. Вѣдомостей“; если бы материнская любовь могла быть вознаграждаема, то ея мужество заслуживало бы всякой награды; спася свою дочь, она спасла и самихъ изверговъ отъ величайшаго и гнуснѣйшаго изъ преступленій — варварски убить ни въ чемъ неповиннаго ребенка.

Но какъ ни ужасна апраксинская исторія, все-таки нельзя еще сказать, что она будетъ самою худшею единицею въ уголовной статистикѣ за текущій годъ. Вскорѣ за нею мы прочли въ „Голосѣ“ еще двѣ исторіи, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является не полупьяная толпа, увлеченная собственною дикостью нравовъ и убѣжденій, а люди болѣе или менѣе образованные.

Изъ Кіева сообщили „Голосу“, 9-го іюня, событіе, почти невѣроятное или возможное въ какомъ-нибудь домѣ умалишенныхъ. Одинъ изъ профессоровъ тамошняго университета, гуляя около Лавры вмѣстѣ съ своими слушателями, набрѣлъ на зрѣлище, по-истинѣ возмутительное: на деревѣ была повѣшена дѣвочка лѣтъ 12-ти и уже посинѣла. Оказалось, что это было наказаніе за какую-то провинность, и злодѣи хотѣли даже помѣшать профессору спасти ее; въ газетѣ указано званіе этихъ злодѣевъ, но мы не повторяемъ того, — въ надеждѣ, что къ чести человѣчества все это событіе окажется слишкомъ преувеличеннымъ или даже — чего искренно желаемъ — вымышленнымъ.

Но въ томъ же номерѣ „Голоса“ приводится другое событіе, съ полными именами и съ точнымъ указаніемъ мѣстности; къ сожалѣнію, оно не столь невѣроятно, какъ предыдущее, а потому и мы не въ правѣ подвергнуть его сомнѣнію. Повидимому, это неизбѣжная единица нашей уголовной статистики за текущій годъ.

Въ Вязникахъ, владимірской губерніи, въ исправительномъ отдѣленіи, арестантъ Маторинъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ 18-ти рублей у другого арестанта. Начальнику арестантскаго отдѣленія, г-ну

Г., слѣдовало бы, конечно, выразить прежде всего изумленіе, какими образомъ, въ противность всѣмъ правиламъ тюрьмы, арестантъ могъ имѣть на рукахъ деньги; но на это-то именно онъ и не обратилъ вниманія,—и вотъ какъ передается въ „Голосѣ“ дальнѣйшая, возмутительная исторія:

„Несмотря на то, что пытка считается давно уже утратившею роль въ нашемъ правосудіи, не обращая вниманія на положительное запрещеніе закона вымогать сознаніе у обвиняемаго, г-нъ Г. принялся съѣчь арестанта Маторина. Эту энергическую операцію почтенный смотритель повторялъ до шести разъ, такъ что Маторинъ, по вычисленію, получилъ до трехъ-сотъ ударовъ! Понятно, что нужно обладать желѣзною натурою и необыкновенною силою воли, чтобы не уступить такого рода допросу. Г-нъ Г. добился своего: истязуемый Маторинъ, наконецъ, выполнилъ желаніе искавшаго истину начальника и *сознался* въ кражѣ 18-ти рублей у арестанта. На вопросъ: „гдѣ же деньги?“ сознавшійся указалъ, что онъ передалъ ихъ старостѣ, то-есть на оговоръ отвѣчалъ оговоромъ. Но едва экзекуція прекратилась и стали дѣлать обыскъ въ сундукъ старосты, какъ Маторинъ схватилъ съ верстака ножъ и нанесъ себѣ двѣ опасныя раны въ животъ. Объясняя покушеніе на самоубійство, несчастный сказалъ: „лучше умереть отъ своей руки, чѣмъ подъ розгами начальства...“

Кстати, при этомъ, позволимъ себѣ вторично выразить почтеннымъ составителямъ „Свода“ уголовной статистики нашу мысль о необходимости открыть особую рубрику для самоубійствъ; всѣ данныя для этого рода дѣлъ находятся въ рукахъ юстиціи, и потому отсутствіе рубрики самоубійствъ могутъ отнести къ числу недостатковъ „Свода“.

ВСЕМІРНЫЙ ТОРГОВЫЙ РЫНОКЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

-
- Commercial History and Review of 1877, въ приложеніи къ „The Economist“, 9 марта, 1878.
 - L'Economiste français, 1877 и 1878 гг.
 - Russland's Handel und Industrie und der Krieg von 1877, von Wilhelm von Lindheim. Wien, 1877.
 - Отчетъ о таможенныхъ сборахъ и о результатахъ внешней торговли за 1877 г.

Глубокое потрясеніе всемірнаго торговаго рынка, начавшееся въ 1873 г., и вызванное чрезмѣрнымъ развитіемъ производства, далеко превышающимъ наличныя средства потребителей, а также и нѣкото-рыми другими причинами, которыя мы подробнѣ изложили въ минувшемъ году ¹⁾, не прекратилось и до настоящаго времени. Недостатокъ спроса по выгоднымъ цѣнамъ на всѣ почти товары, въ особенности же на желѣзо, уголь и желѣзныя издѣлія, продолжается уже около 4-хъ лѣтъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, въ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, и около 2-хъ лѣтъ во Франціи. Съ половины 1876 г. этотъ упадокъ торговли усилился подѣ вліяніемъ политическихъ оцасеній, внушенныхъ столкновеніемъ на юго-востокѣ Европы; въ теченіи же 1877 г. ненормальное положеніе рынка осложнилось — въ Англіи подѣ вліяніемъ полнаго неурожая во всемъ королевствѣ, плохого урожая вообще въ Европѣ, голода въ южной Индіи, и упадка желѣзно-дорожныхъ и

¹⁾ См. июль, 1877 г., стр. 156: „Всемирный торговый рынокъ, и его современное положеніе“.

фондовых цѣнностей;—во Франціи — вслѣдствіе продолжительнаго столкновенія между президентомъ республики и конституціонною партіею; вообще же во всей Европѣ—подъ вліяніемъ войны между Россіею и Турціею и чрезвычайной шаткости всей европейской политики.

Въ виду такого положенія дѣлъ никогда, можетъ быть, не слѣдили съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за движеніемъ торговыхъ оборотовъ, какъ въ эти послѣдніе годы, особенно въ странахъ, въ которыхъ наиболѣе далъ себя почувствовать экономической кризисъ 1873 г. Подвергая тщательному анализу цифры привоза и вывоза той или другой страны, экономисты стараются объяснить болѣе или менѣе благопріятнымъ образомъ для изучаемой страны причины уменьшенія тѣхъ или другихъ оборотовъ и часто увлекаются или преувеличенно пессимистическими опасеніями, или черезъ-чуръ розовыми надеждами. Во всякомъ случаѣ общее впечатлѣніе, производимое сравненіемъ суммы торговыхъ оборотовъ наиболѣе производительныхъ и наиболѣе коммерческихъ странъ, въ 1877 г., въ 1876 и въ 1873 г., когда напряженіе производительности достигло своего апогея, обнаруживаетъ положительный упадокъ и застой въ торговлѣ.

Сумма международныхъ торговыхъ оборотовъ составляла:

	1873 г.	1876 г.	1877 г.	Въ 1877 г. болѣе или менѣе 1876 г. 1873 г.	
	М и л л і о н о в ъ ф р а н к о в ъ :				
Англія	17,506	14,393	14,817	+ 424	— 3,239
Германія.	7,572	8,286	—	—	+ 714
Франція	7,341	7,563	7,241	— 322	— 100
Сѣверо-Американскіе Соединен- ные Штаты	6,342	5,400	5,506	+ 106	— 836
Австро-Венгрія	2,517	2,812	3,076	+ 264	+ 559
Россія	2,421	2,634	—	—	+ 213
Италія	2,420	2,544	2,120	— 424	— 300

Такимъ образомъ, цѣнность торговыхъ оборотовъ уменьшилась сравнительно съ 1876 г. во Франціи и Италіи, увеличилась же въ Англіи, въ Соединенныхъ-Штатахъ и въ Австро-Венгріи; но сравнительно съ 1873 г. всѣ эти страны, за исключеніемъ Австро-Венгріи, представляютъ уменьшеніе. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Россіи и Германіи за 1877 г. еще не приведена въ извѣстность, но судя по оживленію отпускной торговли обѣихъ странъ въ 1877 г., по высокимъ цѣнамъ, бывшимъ въ этомъ году, нужно предполагать, что результатъ выйдетъ не меньшій 1876 г., въ которомъ торговля была также выше 1873 г.

Болѣе подробное знакомство съ отдѣльными итогами, по оборо-

тамъ привозной или вывозной торговли, по разнымъ странамъ приводить къ нѣсколькимъ инымъ выводамъ и даетъ поводъ нерѣдко къ менѣе благоприятнымъ заключеніямъ, нежели вышеприведенныя. Не-совершенство приѣмовъ, употребляемыхъ болѣею частію таможен-ныхъ вѣдомствъ, для полученія данныхъ о цѣнности привоза и вы-воза товаровъ, а главное—несходство этихъ приѣмовъ между собою по различнымъ странамъ, дѣлаютъ вообще сравненіе цѣнности тор-говыхъ оборотовъ по странамъ лишь весьма приблизительнымъ. При однообразіи же методовъ вычисленія, употребляемыхъ изъ года въ годъ въ каждой странѣ, отдѣльные итоги привоза и вывоза въ раз-ные годы по каждой странѣ представляются величинами весьма удобосравнимыми и даютъ возможность приходить къ довольно по-ложительнымъ выводамъ о дѣйствительномъ возвышеніи или паде-ніи той или другой группы итоговъ.

Поэтому мы обратимся теперь къ такому изученію въ главныхъ существенныхъ чертахъ оборотовъ международной торговли семи выше названныхъ странъ за минувшій годъ, и постараемся при этомъ отмѣтить выдающіяся явленія и указать тѣ причины, которыя вліяли на ихъ возникновеніе или существованіе.

Начнемъ съ Англіи.

I.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія о ходѣ внѣшней торговли, какъ въ Англіи, такъ во Франціи и Италіи, публикуются съ такою полнотою и аккуратностію, какой только можно желать. Ежемѣсячно печатаются подробныя свѣдѣнія не только о количе-ствѣ, но и о цѣнности каждаго товара, а по окончаніи года, уже въ началѣ января появляется полный сводъ подобныхъ же свѣдѣній за весь предыдущій годъ. Хотя общій оборотъ по внѣшней торговлѣ 1877 г. выражается для Англіи увеличеніемъ на 423 милл. фран-ковъ или на 17 милл. фунт. стерл., т.-е. на 3%, но все это увели-ченіе падаетъ исключительно на одну привозную торговлю. Пере-вѣсъ цѣнности ввоза товаровъ надъ цѣностію вывоза обнаружился въ Англіи въ 1877 г. съ несравненно болѣею еще силою, нежели во всѣ предыдущіе годы, и явленіе это подало поводъ къ весьма оживленнымъ спорамъ на страницахъ лучшихъ англійскихъ эконо-мическихъ журналовъ, между людьми не только теоріи, но и прак-тики. Одни видятъ въ этомъ признакъ близкаго экономического раз-стройства Англіи, другіе же, хотя и не раздѣляютъ такого рѣзкаго вывода, но не отрицаютъ, что все-таки это явленіе свидѣтельствуетъ

о временномъ сокращеніи сберегательной и капитализирующей способности англійскаго народа. Уже въ концѣ 1876 г. Стефанъ Борнъ (M. Stephen Bourne) въ мемуарѣ, читанномъ имъ въ Лондонскомъ статистическомъ обществѣ ¹⁾, формулировалъ вопросъ о возрастающемъ перевѣсѣ ввоза товаровъ въ Англію надъ вывозомъ и о средствахъ покрытія цѣнности этого перевѣса, а затѣмъ въ 1877 г. онъ же представилъ манчестерскому статистическому обществу соображенія свои о продовольствіи Англіи и о возрастающей зависимости ея въ этомъ отношеніи отъ иностранцевъ ²⁾. Но какъ ни интересны и замѣчательны были соображенія Борна, они все-таки не произвели того эффекта, каковой имѣла статья Уильяма Ратбона (M. William Rathbone), члена парламента отъ города Ливерпуля, помѣщенная въ „Экономистъ“ 1877 г. подъ заглавіемъ: „Waste not, Want not“ (нѣтъ расточительности, нѣтъ и нужды).

Быстрое возвышеніе цифръ привоза и вывоза въ 1871, 1872 и 1873 годахъ, по отзыву Ратбона, уже обращало на себя общее вниманіе и вызывало одни выраженія удовольствія. Но между тѣмъ какъ цѣнность привоза продолжала возрастать въ невиданныхъ размѣрахъ, цѣнность вывоза начала уменьшаться. Возбуждаемый этимъ явленіемъ вопросъ не имѣетъ ничего общаго, по мнѣнію автора, съ старымъ экономическимъ софизмомъ, котораго онъ и не думаетъ воскрешать, будто бы вся выгода въ международной торговлѣ принадлежитъ только странамъ съ вывозомъ, преобладающимъ надъ привозомъ.

Въ теченіи 15 лѣтъ, съ 1860 по 1874 г. вѣлучительно, по официальнымъ даннымъ министерства торговли (Board of trade), избытокъ привоза товаровъ надъ вывозомъ колебался между 40 и 72 милліонами фунтовъ стерлинговъ, равняясь среднимъ числомъ 56 милліонамъ. Но такъ какъ почти во всѣ эти годы Англія постоянно давала много денегъ взаймы за границу, то поэтому цифры эти и считались признакомъ богатства и благосостоянія страны. Легкое увеличеніе этихъ цифръ могло бы означать развѣ только то, что страна сама поглощала свои сбереженія и приостановила приращать свой накопленный уже капиталъ. Но когда избытокъ привоза достигнулъ въ 1874 г.—72 милліоновъ фунт. стерл., въ 1875—92 мил., въ 1876—118, а въ 1877 г., по соображеніямъ автора, долженъ былъ дойти до 142 мил., въ дѣйствительности же дошелъ до 196 мил. фунт. стерл., то подобное чрезвычайное увеличеніе на 120

¹⁾ Growing Preponderance of Imports over Exports, въ Journal of the Statistical Society, мартъ, 1877.

²⁾ Increasing Dependence of the Country enforeign countries for Supplies of food.

слишкомъ миллионѣвъ въ 3 года невольно породило вопросъ, есть ли это признакъ нормальнаго порядка вещей, или же это указываетъ на чрезвычайные расходы населенія, и какія въ такомъ случаѣ могутъ быть вѣроятныя послѣдствія отъ продолженія подобныхъ расходовъ?

Отрицая возможность точнаго числового опредѣленія, во что можетъ обойтись въ дѣйствительности странѣ покрытіе избытка привоза надъ вывозомъ, принимая въ соображеніе относительно того и другого не только первоначальную стоимость товаровъ на мѣстѣ, но и всѣ накладные расходы по отправкѣ и перевозкѣ ихъ, авторъ старается разрѣшить этотъ вопросъ инымъ путемъ. Онъ пытается выяснитъ, увеличились ли въ Англіи съ 1874 г. тѣ средства, которыми она располагаетъ для покрытія стоимости всѣхъ привозныхъ товаровъ, и если увеличились, то соразмѣрно ли это увеличеніе съ увеличеніемъ цѣнности самаго ввоза.

Авторъ полагаетъ, что цѣнность всей привозной торговли, за вычетомъ фрахтовъ и барышей судовладельцевъ и купцовъ, представляетъ долгъ въ отношеніи къ иностранцамъ, для покрытія котораго существуетъ пять главныхъ источниковъ:

- 1) чистый барышъ по отпускной торговлѣ, а также фрахтовые суммы и перевозочные барыши судовладельцевъ;
- 2) барыши по транзитной и перевозочной торговлѣ, которую Англія ведетъ для снабженія иностранныхъ земель;
- 3) доходы, получаемые Англією по капиталамъ, отдаваемымъ въ займы другимъ странамъ или затрачиваемымъ на иностранныя предпріятія;
- 4) заграничныя операціи англійскаго денежнаго рынка;
- 5) вывозъ звонкой монеты за границу.

Ресурсы трехъ первыхъ категорій авторъ разсматриваетъ какъ составныя части народнаго дохода, послѣднія же двѣ категоріи относитъ къ самому народному капиталу, и, задавшись вопросомъ, достаточно ли однихъ ресурсовъ перваго рода, т.-е. однихъ доходовъ для покрытія возрастающей разности между цѣнностію привоза и вывоза, приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ этихъ источниковъ дохода не представляетъ въ послѣдніе годы, т.-е. послѣ 1873—1874 г., видимыхъ признаковъ возрастанія, и потому Англія находится въ слѣдующей дилеммѣ: или въ годы, предшествовавшіе 1873—1874 г., доходы этого рода настолько превосходили перевѣсъ цѣнности привоза надъ вывозомъ, что оставляли для приращенія народнаго капитала избытокъ суммъ, превышавшій 70 милл. фунт. стерл., т.-е. вышеозначенную разность; или же для покрытія отчасти, по крайней мѣрѣ, увеличившейся стоимости ввоза необходимо прибѣгать къ двумъ остальнымъ ресурсамъ, т.-е. къ продажѣ за гра-

ицей процентныхъ бумагахъ и къ вывозу звонкой монеты. Другими словами, практически вопросъ сводится къ тому: приостановилось ли прогрессивное возрастание народнаго богатства, вслѣдствіе возрастающаго потребленія иностранныхъ продуктовъ, или же потребовалось для этого тронуть уже накопленные прежде сбереженія? Авторъ приходитъ къ заключенію, что вслѣдствіе стеченія разныхъ чрезвычайныхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствъ, особенно же вслѣдствіе несоразмѣрнаго съ дѣйствительнымъ спросомъ развитія производтельности, вслѣдствіе измѣненія путей торговли, особенно съ открытіемъ Суэзскаго канала, и, наконецъ, вслѣдствіе увеличенія соперничества другихъ странъ, явилось громадное, чрезмѣрное предложеніе капиталовъ. Въ этомъ избыткѣ праздныхъ капиталовъ лежитъ источникъ упадка народнаго богатства. Хотя эта масса свободныхъ денегъ повидимому могла бы отчасти пополнить разность между цѣнностью привоза и вывоза, но она не могла бы предупредить давленіе этой разности на денежный рынокъ, если бы не явился на помощь еще новый ресурсъ, именно продажа за границей англійскими капиталистами разныхъ иностранныхъ фондовъ. Фактъ подобнаго сбыта англійскими капиталистами въ новѣйшее время русскихъ, американскихъ, турецкихъ и другихъ бумагъ не подлежитъ сомнѣнію. Выручка отъ этой продажи послужила для уплаты части расхода по избытку привоза; но очевидно, что эта уплата произведена на счетъ растраты народнаго капитала. Подтвержденіе этого авторъ видитъ и въ состояніи англійскаго денежнаго рынка за послѣднее время. Въ теченіе одного года, съ 1 ноября 1876 по 30 октября 1877 г., количество звонкой монеты и слитковъ уменьшилось въ англійскомъ банкѣ на 10 милл. фунт. ст. и въ то же время резервный фондъ уменьшился почти на половину, т.-е. также на 10 милл. ф. ст. Сближая это двойное уменьшеніе съ другими цифрами балансовъ англійскаго банка, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что безъ этого вывоза звонкой монеты и слитковъ невозможно было покрыть перевѣсъ цѣнности привоза надъ вывозомъ.

Авторъ кончаетъ свою статью тремя крупными и мало утѣшительными выводами:

- 1) Страна, взятая въ цѣломъ, не выказала достаточнаго благоразумія; она растрачивала свои капиталы и свои прежнія сбереженія;
- 2) эта расточительность должна въ скоромъ времени вызвать значительное усиленіе бережливости, которая должна сопровождаться большими личными стѣсненіями и значительнымъ сокращеніемъ оборотовъ денежнаго рынка;
- 3) такъ какъ послѣ длиннаго періода, когда деньги были въ изобиліи, стѣсненный денежный рынокъ можетъ развить разныя скрытныя болѣзни и создать періодъ денежнаго недоувѣрія,

те банкиры и купцы, считающіе себя благоразумными, хорошо сдѣлаютъ, если удержатъ свои ресурсы у себя подъ руками и ограничатся только надежными операціями.

Такой рѣзкій и мало утѣшительный взглядъ на экономическое положеніе Англіи, выраженный лицомъ вполнѣ серьезнымъ и очевидно блиско знакомымъ съ положеніемъ торговли и промышленности, не могъ не задѣть національнаго самолюбія и не вызвать возраженій. Печатавъ на страницахъ своего журнала статью Ратбона, редакція „Экономиста“ сдѣлала оговорку, что хотя она съ удовольствіемъ помѣщаетъ ее у себя, но не раздѣляетъ во всемъ взглядовъ автора, и тѣмъ не менѣе не можетъ не признать всей важности двухъ послѣднихъ его заключительныхъ выводовъ. Вслѣдъ за тѣмъ редакція „Экономиста“ посвятила двѣ большія статьи разбору и опроверженію нѣкоторыхъ изъ соображеній автора. Кромѣ того, отвѣтомъ автору послужила записка Роберта Джиффена (M. Robert Giffen), автора одного весьма почтеннаго сочиненія о биржевыхъ операціяхъ, читанная имъ въ Лондонскомъ статистическомъ обществѣ: „О приращеніи въ новѣйшее время народнаго капитала въ Англіи“ ¹⁾. Не отрицая всѣхъ трудностей, избранной имъ задачи, не сомнѣваясь въ невозможности ея точнаго разрѣшенія, безъ подробной одновременной официальной переписи всего народнаго имуществва, подобно тому какъ это дѣлается, хотя и весьма несовершеннымъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ при народныхъ переписяхъ, авторъ беретъ въ основаніе своихъ исчислений тѣ данныя, которыя представляютъ окладныя книги подоходнаго налога (Assessments of Incometax). Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ во всѣхъ его вычисленіяхъ и ограничимся одними общими выводами:

Валовой доходъ, облагаемый подоходною податью, составлялъ для одной Великобританіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія 115 мил. фунт. стерл.; въ 1815 г.—130 мил.; въ 1843—251 мил.; 1853—262 мил.; для всего же Соединеннаго королевства—въ 1855 г.—308 мил.; въ 1865—396 мил., и въ 1875 г.—571 мил. Что же касается самаго капитала, приносящаго этотъ доходъ и частію подлежавшаго, частію же не подлежавшаго обложенію подоходнымъ налогомъ, то онъ простирался въ 1865 г. до 6,113 мил. ф. стерл.; въ 1875 же году—до 8,538 мил. ф. ст., т.-е. увеличился въ 10 лѣтъ на 2,425 мил. фунт. стерл. или на 40 процентовъ, т.-е. на 242½ мил. ф. стер. или на 4% ежегодно. Цифры эти слѣдуетъ притомъ прини-

¹⁾ Записка эта подъ заглавіемъ: *Recent accumulations of Capital in England*, должна была появиться въ апрѣльской книжкѣ Общества, но ранѣе того была напечатана въ извлеченіи въ „*Economiste français*“ №№ 5 и 7—подъ заглавіемъ: *La Richesse publique en Angleterre et sa récente augmentation*.

мать во всякомъ случаѣ гораздо ниже дѣйствительности. Приведа эти цифры и сдѣлавъ имъ повѣрку разными путями, авторъ останавливается на вопросѣ, какъ онъ говорить, недавно возникшемъ: тронуть ли въ настоящее время капиталъ? *Если это дѣйствительно такъ*,—отвѣчаетъ онъ, то во всякомъ случаѣ это началось весьма недавно. Приведенныя цифры возрастанія народнаго капитала достаточно доказываютъ, по мнѣнію автора, что единственный фактъ, приводимый въ подтвержденіе такого мнѣнія, т.-е. перевѣсъ цѣнности привоза надъ вывозомъ, недостаточенъ для его оправданія. Въ опроверженіе того, будто бы для покрытія этого избытка привоза страна вынуждена возвращать изъ-за границы часть затраченныхъ тамъ своихъ капиталовъ, Джиффенъ ссылается на приводимыя имъ цифры о значительности затраченныхъ за границею англійскихъ капиталовъ и приносимыхъ ими процентовъ. По окладнымъ книгамъ подоходнаго налога 1875 г., капиталы, затраченные на иностранныхъ фондахъ, равнялись 519 милліонамъ фунт. стерл. и приносили дохода своимъ владѣльцамъ болѣе 20 милл. фунт. стерл. Поэтому для извлеченія капиталной суммы изъ-за границы, въ видахъ покрытія разности между привозомъ и вывозомъ, требовался бы несравненно вышій еще привозъ, нежели нынѣшній. При томъ самое извлеченіе части капиталовъ, затраченныхъ за границею, нисколько не означаетъ, чтобы страна перестала дѣлать сбереженія или же тронула свой народный капиталъ. Это предположеніе требуетъ, по мнѣнію автора, болѣе убѣдительныхъ доказательствъ. Есть полное основаніе предполагать, говорить авторъ, что народныя сбереженія никогда не останавливаются, и въ самые тяжелые годы затраты на желѣзныя дороги, на улучшеніе земледѣлія, на развитіе промышленности продолжаются. Такъ, во время хлопкового кризиса число веретенъ и ткацкихъ станковъ въ Ланкаширѣ не только не уменьшилось, а даже увеличилось. Авторъ не отрицаетъ впрочемъ, что помѣщеніе капиталовъ въ заграничныхъ предпріятіяхъ нѣсколько ослабло въ послѣдніе годы. Авторъ не чуждъ вообще нѣкоторыхъ опасеній за близкое будущее, но выражаетъ надежду, что тревоженія промышленности скоро получатъ свой исходъ и она приметъ свое обычное теченіе, хотя и не безъ нѣкоторыхъ индивидуальныхъ стѣсненій, но безъ особенно чувствительныхъ потерь и безъ разрушенія народнаго капитала.

Оканчивая свою записку, г-нъ Джиффенъ высказалъ, что такъ важныя жизненные интересы Англіи ничѣмъ еще не нарушены и ничто, повидимому, не угрожаетъ имъ въ настоящую минуту, то и промышленная будущность Великобританіи и ея старое, и торговое, и промышленное, преобладаніе находится въ ея рукахъ. Ту же тѣму развивалъ вслѣдъ за Джиффеномъ, въ засѣданіи 19-го февраля, въ

Лондонскомъ статистическомъ обществѣ, и Мунделла ¹⁾, также членъ парламента, какъ и Ратбойъ. Авторъ послѣдовательно разбираетъ какъ естественныя причины торговаго и промышленнаго преобладанія Англіи, такъ и тѣ выгоды, которыя вытекаютъ волюгѣ или отчасти изъ этого преобладанія. Къ выгодамъ перваго рода авторъ относитъ: 1) естественныя богатства запасовъ каменнаго угля и желѣза; 2) превосходное географическое положеніе страны; 3) умѣренность климата, столь благопріятную для усидчиваго труда. Ко второй категоріи преимуществъ Мунделла относитъ: 1) изобиліе и дешевизну капиталовъ; 2) высшую производительность англійскаго рабочаго, сравнительно съ рабочими другихъ націй; 3) обширное развитіе англійской перевозочной торговли; 4) обладаніе обширными колоніями, — и 5) превосходную торговую политику, т.-е. свободную торговлю. Мы не слѣдуемъ за авторомъ въ его подробномъ разборѣ каждаго изъ этихъ преимуществъ промышленно-торговаго положенія Англіи и приведемъ только его заключительная слова: „всѣ предыдущія соображенія, — говоритъ Мунделла, — приводятъ насъ къ заключенію, что всѣ условія нашего (т.-е. англійскаго) торговаго и промышленнаго преобладанія остаются неприкосновенными и ничто не угрожаетъ въ близкомъ будущемъ этому преобладанію. Противники этого воззрѣнія указываютъ на современный кризисъ, на уменьшеніе нашего вывоза, на сиѣлость и энергію иностранной конкуренціи, на относительно возвышенную цѣну рабочей силы въ Англіи. Мыѣ не трудно было бы возражать на это, что настоящій кризисъ охватилъ весь міръ, что въ другихъ странахъ онъ былъ даже продолжительнѣе и сильнѣе, нежели въ Англіи, особенно въ странахъ съ охранительной торговой политикой. Я приведу только одинъ примѣръ. Изъ 190 компаній, котирующихъ свои акціи на берлинской биржѣ, болѣе половины не дали никакого дивиденда въ минувшемъ году, а изъ остальныхъ ни одна не получила дивиденда выше 2%. Двѣ трети компаній горныхъ, каменноугольныхъ и желѣзныхъ не принесли никакихъ барышей. Уменьшеніе нашего вывоза относится не столько къ количеству, сколько къ цѣнности, и если замѣчается въ количествѣ, то преимущественно въ такихъ отрасляхъ промышленности, производительность которыхъ, вслѣдствіе исключительно усиленнаго спроса и высокихъ цѣнъ, получила чрезвычайное развитіе; безъ сомнѣнія, иностранное соперничество усилилось, но это и естественно при такихъ условіяхъ. Для насъ доста-

¹⁾ Записка г-на Мунделла была напечатана до появленія ея въ журналѣ Лондонскаго статистическаго общества — въ „Французскомъ Экономистѣ“: №№ 11 и 12 за 1878 годъ, подъ заглавіемъ: „La Suprémie industrielle et commerciale de la Grande Bretagne“.

точно, что наше собственное производство осталось неприкосновеннымъ и не возбуждаетъ никакихъ опасеній, въ чемъ убѣждаетъ, между прочимъ, положеніе англійской хлопчатобумажной промышленности. Изъ послѣдняго циркуляра гг. Эллизенъ и Ко за минувшій годъ видно, что хлопчатобумажное производство Англіи превосходить болѣе чѣмъ вдвое все континентальное производство; въ Англіи считалось въ 1877 году 39½ милл. веретенъ, на материкѣ же Европы—19.680,000. Наконецъ, несмотря на превосходство своего механическаго инвентаря, свою превосходную рабочую силу и выгоды, произтекающія отъ того, что они имѣютъ сырой матеріалъ у себя подъ руками, американцы вывозятъ всякаго рода хлопчатобумажной пряжи и тканей только на 2 милл. фунт. стерлинговъ, — вывозъ же этихъ самыхъ продуктовъ изъ Англіи достигнулъ въ 1877 году цифры 69 милл. фунт. стерлинговъ и былъ на 2 милл. выше вывоза 1876 года. Поэтому будемъ же, — говоритъ Мунделла, обращаясь къ хозяевамъ и рабочимъ, — вѣрить могуществу принципа свободной торговли; постараемся, каждый въ своей сферѣ, расширить свои научныя познанія и свое профессиональное искусство, будемъ болѣе интеллигентны, болѣе экономны, болѣе трезвы, — и я не вижу, почему бы наша страна не могла достигнуть такой степени матеріальнаго процвѣтанія и соціальнаго благосостоянія, какова она еще не знала до сихъ поръ“.

Кромѣ этихъ косвенныхъ отвѣтовъ со стороны Джиффена и Мунделла, пессимистическія воззрѣнія Ратбона нашли прямой отпоръ на страницахъ того самаго журнала, въ которомъ они были помѣщены. Редакція „Экономиста“ посвятила имъ двѣ статьи еще въ декабрѣ минувшаго года, и искуснымъ сближеніемъ цифръ, которыми пользовался и самъ г-нъ Ратбонъ, старалась доказать всю преувеличенность его мнѣній. Такъ, сравнивая изъ года въ годъ постоянное колебаніе цифръ привоза и вывоза, „Экономистъ“ старался доказать, что наиболѣе значительныя возвышенія тѣхъ и другихъ уже начались въ 1867—1870 годахъ, и что, въ сравненіи съ средней величиной привоза и вывоза за эти годы, отдѣльныя цифры того и другого за послѣдующіе годы, т.е. за 1871—1877, хотя и представляютъ постоянное увеличеніе въ отношеніи къ привозу и постоянное паденіе въ отношеніи къ вывозу, но, тѣмъ не менѣе, все же цифры вывоза 1877 года на 20 милл. фунт. стерлинговъ выше средней цифры вывоза 1867—1870 гг. Притомъ, по замѣчанію „Экономиста“, цифры привоза представляютъ цѣнности товаровъ со включеніемъ всѣхъ расходовъ ихъ перевозки, — цифры же отпуска — безъ этихъ расходовъ; сверхъ того, цѣны товаровъ отпускныхъ — по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы — были самыя низкія, вслѣдствіе

торгового кризиса,—цѣны же многихъ товаровъ привозныхъ, напротивъ, были самыя высокія, вслѣдствіе большого на нихъ спроса. Цѣнность ввоза сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ въ послѣдніе 3 года уменьшилась на 7%, съ 146 на 136 милл. фунт. стерлинговъ, — цѣнность же привоза питательныхъ продуктовъ въ то же время, въ свою очередь, возвысилась на $7\frac{1}{2}\%$, съ 152 до 163 милл. фунт. стерлинговъ; но это послѣднее обстоятельство было результатомъ повторяющагося въ Англіи уже нѣсколько лѣтъ къ-ряду неурожаевъ; притомъ, расходъ — хотя и усиленный — на продовольствіе того трудового населенія, которымъ держится большая мастерская, именующая Англію, не можетъ быть признаваемъ ею непроизводительнымъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ „Экономистъ“ заключаетъ, что хотя въ теченіи послѣднихъ 15 или 20 лѣтъ, повидимому, торговый балансъ былъ не въ пользу Англіи, но въ сущности этого не могло быть, потому что столь продолжительное дренированіе народныхъ средствъ должно было бы давно обнаружиться и сопровождаться самыми пагубными послѣдствіями. Громадную разность между привозомъ и вывозомъ англійскій народъ долженъ былъ бы покрыть или соотвѣтственнымъ вывозомъ драгоцѣнныхъ металловъ, или же продажей своихъ заграничныхъ бумажныхъ цѣнностей. Между тѣмъ оказывается, что количество звонкой монеты въ обращеніи не уменьшилось, а даже увеличилось; металлическій фондъ англійскаго банка также не уменьшился до послѣдняго года, а рядъ цифръ о ввозѣ и вывозѣ звонкой монеты и драгоцѣнныхъ металловъ показываетъ, что въ 11-ти-лѣтній періодъ 1867—1877 годовъ балансъ былъ въ пользу Англіи: противъ 334 милл. фунт. стерлинговъ привоза драгоцѣнныхъ металловъ оказалось вывезенныхъ 280 милл. фунт. стерлинговъ, т. е. оказался избытокъ привоза въ 53 милл. фунт. стерлинговъ или около 5 милл. фунт. стерлинговъ въ годъ. Только въ 1877 году перевѣсъ былъ на сторонѣ вывоза драгоцѣнныхъ металловъ на 4 милл. фунт. стерлинговъ. Тѣмъ не менѣе, „Экономистъ“, не сомнѣваясь въ свободномъ покрытіи разности между цѣнностью привоза и вывоза доходами отъ капиталовъ, затраченныхъ въ иностранныхъ займахъ и предпріятіяхъ, допускаетъ однако, что страна понесла не малыя потери, по случаю обезцѣненія нѣкоторыхъ изъ подобныхъ цѣнностей, и даже опредѣляетъ, что сумма этихъ потерь за послѣдніе три года должна быть не менѣе суммы народныхъ сбереженій за одинъ годъ. Кромѣ того, „Экономистъ“ самъ указываетъ на нѣкоторые случайные признаки уменьшенія народнаго капитала. Такъ, послѣднія статистическія свѣдѣнія 1877 года о количествѣ крупнаго и мелкаго скота обнаруживаютъ уменьшеніе противъ 1874 года на 400,000 штукъ крупнаго рогатаго скота и на 2 милл. овецъ, — всего цѣн-

ностью, по крайней мѣрѣ, въ 12 милл. фунт. стерлинговъ. Вообще „Экономистъ“ признаетъ, что хотя страна и не живетъ еще на-счетъ своихъ капиталовъ, но приращеніе народнаго богатства значительно сократилось въ послѣдніе годы, сравнительно съ прежнимъ, и обстоятельство это приписываетъ главнымъ образомъ укореившейся въ цвѣтущіе годы привычкѣ, какъ высшихъ классовъ, такъ и низшихъ рабочихъ классовъ, въ эпоху высокихъ заработковъ, дѣлать непродуманные траты. Одна строгая бережливость можетъ предотвратить дальнѣйшее сокращеніе народныхъ сбереженій.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ затрудненій 1877 года, особенно въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, было необыкновенное развитіе стачекъ или забастовокъ (strikes, grèves). Едва ли какая-нибудь отрасль промышленности въ Англіи избѣгла стачки въ теченіи 1877 г. Всего насчитываютъ 190 стачекъ, въ томъ числѣ 70 между каменщиками, 21 въ каменноугольномъ производствѣ, 23 въ желѣзномъ, 22 въ проволочномъ и печномъ, 18 въ прядильныхъ и 37 въ остальныхъ. Результатомъ ихъ была потеря 977 недѣль или 5,862 рабочихъ дней, что равняется потерѣ рабочими 29,300,000 франковъ заработной платы. Пять только большихъ стачекъ обошлись ихъ участникамъ въ 18 милліоновъ франковъ, въ томъ числѣ 2 милл. франк. стоила стачка на судостроительной верфи Клайда, 2½ милл. фр.—стачка 10,000 бостонскихъ прядильщиковъ, столько же —10,000 лондонскихъ каменщиковъ; 4¾ милл. франк.—6,000 шотландскихъ рудокоповъ, 6¼ милл. франк.—12,000 западно-ланкастерскихъ рудокоповъ.

Всѣ эти стачки поддерживались, такъ-называемыми, рабочими союзами (Trades-unions), которые располагаютъ перѣдко значительными средствами, собираемыми съ рабочихъ, членовъ тѣхъ союзовъ (unionists). Когда возникаютъ столкновенія между хозяевами и рабочими или вслѣдствіе несогласія первыхъ на требованіе рабочихъ о сохраненіи прежней платы, или о сокращеніи рабочихъ часовъ, или вслѣдствіе несогласія вторыхъ на предлагаемое хозяевами сокращеніе рабочей платы, тогда члены рабочихъ союзовъ производятъ забастовку и во все время ея продолженія получаютъ отъ рабочаго союза известную плату, обыкновенно около 3 шиллинговъ въ сутки, взаимѣнъ потерянной заработной платы. Обыкновенно забастовка прекращается лишь тогда, когда рабочіе убѣждаются въ непреклонности хозяевъ и въ истощеніи капиталовъ союза, собранныхъ изъ мелочныхъ взносовъ въ теченіи болѣе благопріятныхъ годовъ. Такимъ образомъ, большая часть стачекъ въ концѣ-концовъ обращается противъ самихъ рабочихъ и наноситъ существенный ущербъ не только хозяевамъ и самому производству, но и самому рабочему

классу, истощая бесполезно тѣ общественныя сбереженія, которыя съ несравненно большею пользою могли бы идти на поддержаніе рабочихъ и ихъ семействъ, во время ихъ болѣзней, неспособности къ работѣ и другихъ случаевъ разстройства. Иногда рабочіе являются тутъ жертвами постороннихъ агитаторовъ, которые внушаютъ имъ совершенно ложное понятіе объ ихъ истинныхъ интересахъ и объ экономическихъ условіяхъ производства. Обыкновенно предложенія хозяевъ о пониженіи рабочей платы являются вслѣдствіе положительной невозможности для данной отрасли промышленности выдержать свои издержки производства и необходимости пониженія цѣны товара, для открытія ему сбыта, особенно въ эпоху коммерческаго кризиса. Между тѣмъ, рабочіе являются въ то же время съ своими предложеніями о возвышеніи платы или о сохраненіи прежней, но подъ условіемъ сокращенія числа рабочихъ часовъ. Такимъ образомъ, они не понимаютъ, что принятіе ихъ предложенія должно вызвать возвышеніе и цѣны продуктовъ въ то самое время, когда все должно быть направлено къ пониженію этой цѣны. Искусные агитаторы стараются раздуть страсти рабочихъ, проповѣдуя имъ о борьбѣ между капиталомъ и трудомъ, о противорѣчій интересовъ панимателей и нанимаемыхъ и, наконецъ, увлекаютъ ихъ къ тѣмъ печальнымъ столкновеніямъ, послѣдствія которыхъ такъ краснорѣчиво выражаются вышеприведенными цифрами.

Чтобы избѣжать по возможности подобныхъ столкновений и затрудненій, многіе хозяева-фабриканты рѣшаются не принимать къ себѣ въ работу членовъ рабочихъ союзовъ и, въ случаѣ недостатка туземныхъ рабочихъ, выписываютъ ихъ изъ другихъ странъ, изъ Франціи, Германіи, даже изъ Соединенныхъ Штатовъ. Мѣра эта отчасти приноситъ свой плодъ, и рабочіе нерѣдко возвращаются къ работамъ, отказываясь отъ участія въ рабочихъ союзахъ.

Ни въ чемъ не выражается такъ ясно послѣдствіе критическаго положенія промышленности и испытываемыхъ ею затрудненій, какъ въ развитіи банкротствъ. Въ 1877 году насчитывали въ Англіи всего 11,022 банкротства, въ томъ числѣ 2,172 въ предпріятіяхъ финансовыхъ, въ оптовой торговлѣ и крупной промышленности, и 8,850 въ мелочной торговлѣ. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ столь значительное число крупныхъ банкротствъ было только въ 1868 г.—2,145, и въ 1869 г.—2,315; въ послѣдующіе затѣмъ годы 1870—1872 число ихъ было около 1,400, а въ 1873—75 по 1,700; въ 1876 же году увеличилось до 2,087. Изъ 2,172 крупныхъ банкротствъ 1877 года приходилось на Лондонъ 456, на Вирмингамъ—189, на Манчестеръ—134, на Ливерпуль—81, на Йоркширъ, не включая Миддлсбѣра и Гулла—324, на Ньюестль, Гулъ и ихъ округа 129, на Бристоль,

Кардифъ, Ньюпортъ и Суэси—86, на остальные провинціи 457, на Шотландію—139, на Ирландію—33. Хотя и принято говорить, что число банкротствъ обыкновенно пропорціонально количеству дѣлъ, но если приведенныя цифры свидѣтельствуютъ о развитіи промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ въ Англіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же свидѣтельствуютъ и о томъ, что въ числѣ такихъ оборотовъ не мало было и неудачныхъ оборотовъ.

II.

Германія принадлежитъ, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, второе мѣсто во всемірной торговлѣ. Результаты ея торговыхъ оборотовъ за 1877 г. еще не опубликованы, и потому пока можно опираться только на данныя 1876 г., но, къ сожалѣнію, и тѣ представляютъ не мало затрудненій для сравненія, потому что германское таможенное вѣдомство, обсуждая уже въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ средства для исправленія системы своихъ таможенныхъ записей, все еще остается при старой, весьма неудовлетворительной системѣ, по которой привозные товары регистрируются и въ отношеніи цѣнности, и въ отношеніи количества; вывозные же товары отмѣчаются только въ количествахъ. Такимъ образомъ, недовѣріе германскаго таможеннаго вѣдомства къ показаніямъ экспортеровъ отнимаетъ возможность сравненія цѣнности привоза и вывоза; возможность эта является лишь благодаря трудолюбивымъ вычисленіямъ извѣстнаго экономиста Ласпейреса. Изъ сравненія официальныхъ цифръ привоза за 1876 г. съ среднимъ привозомъ 1872—73 годовъ, видно, что привозъ какъ по цѣнности, такъ и по количеству увеличился на 9%. Наибольшее увеличеніе замѣчается по привозу драгоценныхъ металловъ (143%), хлѣба и муки (42%), удобрений (32%), животныхъ и животной пищи (26%), жировъ, маселъ (25%), сѣмянъ, фруктовъ и растений (18%), предметовъ украшенія и разныхъ искусствъ (15%). Наибольшее уменьшеніе—по части металловъ не въ дѣлѣ, а также металлическихъ издѣлій и машинъ. Значительный привозъ драгоценныхъ металловъ объясняется перечеканкой въ настоящее время въ Германіи звонкой монеты, вслѣдствіе измѣненія монетной единицы; уменьшеніе же привоза желѣза—отчасти избыткомъ внутреннего производства, отчасти ожиданіемъ поспѣи съ привознаго желѣза.

Вывозъ 1876 г., въ сравненіи съ вывозомъ 1872—75 г., по вычисленіямъ Ласпейреса, увеличился весьма незначительно, всего на 0,15 процента. Увеличеніе замѣчается преимущественно по тѣмъ же

рубрикамъ, по которымъ увеличился привозъ, а уменьшеніе по части машинъ и судовъ, хлѣба и муки, тканей и драгоценныхъ металловъ. Но по замѣчанію Ласпейреса, болѣею частію избытокъ вывоза надъ привозомъ замѣчается въ сырыхъ матеріалахъ и питательныхъ продуктахъ; избытокъ же вывоза въ фабричныхъ продуктахъ доказываетъ только, что для нѣмецкой промышленности далеко не такъ опасно иностранное соперничество, какъ думаютъ многіе, хотя нѣмецкая промышленность и ограничивается преимущественно выдѣлкою издѣлій сомнительнаго вкуса, посредственныхъ и дешевыхъ, или, какъ ихъ охарактеризовалъ генеральный комиссаръ филладельфійской выставки—billig und schlecht, дешево да гнило.

Признаки экономического кризиса чувствуются и въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, и по этому поводу даже учреждены въ нѣкоторыхъ городахъ особые Nothstand-Commissionen, а нѣкоторые журналы открыты у себя отдѣлы Nothstand-Berichte. Виртембергское правительство произвело даже особенное по этому поводу изслѣдованіе (enquête), а съѣздъ представителей германскихъ торговыхъ палатъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи подобнаго изслѣдованія во всей имперіи. Обнаруженные до сихъ поръ факты свидѣлствуютъ о томъ, что кризисъ, хотя и существуетъ въ Германіи, но далеко не охватываетъ всѣхъ отраслей промышленности и преимущественно отзывается на нѣкоторыхъ крупныхъ. Этимъ можетъ отчасти объясниться постоянное возрастаніе въ Германіи средняго потребленія сахару, табаку, кофе и другихъ продуктовъ.

1877-й годъ ознаменованъ въ Германіи, между прочимъ, введеніемъ новаго закона о привилегіяхъ на изобрѣтенія (Patentgesetz), которымъ предполагается вызвать и охранять нѣмецкую изобрѣтательность. Сверхъ того, проектируются законы для болѣе яснаго опредѣленія отношеній между хозяевами и рабочими и для огражденія работы малолѣтнихъ на фабрикахъ. Эти законы вызываются силою того движенія въ рабочемъ классѣ, которое поддерживается обширною агитаціею, идущею отъ прочно организованной социалистической партіи, располагающей обширною прессою, рассчитанною для разныхъ уровней интеллигенціи.

III.

Обороты французской виѣшней торговли 1877 года представляютъ въ сравненіи съ 1876 г. уменьшеніе на 232 милл. франковъ по привозу и на 91 милл. фр. по вывозу, т.-е. въ общемъ итогъ уменьшеніе въ 323 милл. франк.; но не слѣдуетъ забывать, что 1876 годъ

былъ самымъ благопріятнымъ во все послѣднее десятилѣтіе, при возраставшемъ прогрессивно развитіи внѣшней торговли Франціи. Сокращеніе оборотовъ по привозу было относительно незначительное, по статьѣ питательныхъ припасовъ—15 милл. франк. и фабричныхъ издѣлій—13 милл. фр.; но за то привозъ сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ уменьшился на 213 милл. фр., что произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неудовлетворительнаго сбора коконовъ въ минувшемъ году и меньшаго привоза шелка во Францію. Разница между ввозомъ шелка въ 1877 и 1876 г. простирается до 273 милл. фр. Увеличился привозъ лишь слѣдующихъ товаровъ: сахара, скота, мяса, сала, сырыхъ кожъ, шерсти, льна, лѣса, рудъ, плетеной соломы и масляныхъ сѣмянъ. На уменьшеніе отпуска товаровъ изъ Франціи преимущественно повліялъ неурожай свекловичны и плохой сборъ коконовъ, вслѣдствіе чего вывозъ сахара и шелковыхъ товаровъ сократился на 40 милл. франковъ.

Первые три мѣсяца 1878 г. представляютъ болѣе утѣшительную картину сравнительно съ соотвѣтствующими мѣсяцами 1877 г. Привозъ увеличился на 130 милл. фр., а вывозъ сократился на 60 милл., слѣдовательно, общій оборотъ поднялся на 70 милл. фр.

Несмотря на уменьшеніе суммы оборотовъ по внѣшней торговлѣ Франціи въ 1877 г., судоходство дало результаты болѣе благопріятныя, нежели два предшествующіе года. Это объясняется тѣмъ, что вліяніе кризиса обнаружилось преимущественно на такихъ отрасляхъ промышленности, которыя производятъ предметы, имѣющіе высокую цѣнность въ маломъ объемѣ, какъ, напр., коконы, шелкъ-сырецъ, шелковыя ткани; между тѣмъ, какъ увеличеніе перевозки предметовъ громоздкихъ, какъ: скотъ, шерсть, кожи, ленъ, лѣсъ, руды, потребовало и усиленія перевозочныхъ средствъ. Равнымъ образомъ и для обратныхъ рейсовъ своихъ суда наплы грузъ въ увеличившемся количествѣ нѣкоторыхъ отпускныхъ товаровъ. Такимъ образомъ, хотя цѣнность мѣновыхъ оборотовъ Франціи и уменьшилась въ 1877 г., но вѣсъ и объемъ мѣновыхъ товаровъ усилились, а отъ вѣса и объема перевозимыхъ товаровъ собственно и происходитъ оживленіе морского судоходства. Всего въ приходѣ было во Францію въ 1877 г. 30,288 судовъ съ грузомъ въ 8.570,288 тоннъ, въ отходѣ же было 21,868 судовъ, вмѣстимостью 5.830,357 тоннъ; всего же 52,156 судовъ, вмѣстимостью 14.400,645 тоннъ. Противъ 1876 г. число судовъ уменьшилось почти на 2,000; вмѣстимость же ихъ была на 267,140 тоннъ болѣе. Притомъ, очевидно, что между перевозочными средствами по привозу и отпуску во Францію нѣтъ равновѣсія, потому что изъ 30 тысячъ судовъ, приходящихъ съ грузомъ, очевидно, около

6 тысячъ остаются безъ возвратнаго груза и должны уходить съ балластомъ.

Что касается участія французскихъ и иностранныхъ судовъ, то подъ французскимъ флагомъ привозится едва треть всѣхъ привозимыхъ моремъ товаровъ, отвозится же около половины. Такимъ образомъ, участіе французскихъ судовъ сильнѣе въ отпускѣ, нежели въ привозѣ. Не останавливаясь на деталяхъ по движенію судоходства въ разныхъ портахъ, отмѣтимъ здѣсь только одинъ фактъ, что судовъ въ марсельскомъ портѣ въ 1877 г. было въ приходѣ менѣе на 500 сравнительно съ 1876 г., именно 4,754 корабля, вмѣстимостью 2 милл. тоннъ, т.-е. почти то же количество тоннъ, какъ и въ 1876 г. Разница въ числѣ судовъ была прямымъ послѣдствіемъ закрытія черноморскихъ портовъ. Въ 1876 г. въ марсельскомъ портѣ было въ приходѣ изъ русскихъ черноморскихъ портовъ 512 кораблей съ грузомъ въ 269,900 тоннъ; въ 1877 же году только 188, вмѣстимостью 94,902 тонны. Вообще здѣсь встаетъ замѣтить, что Франція до сихъ поръ находилась гораздо въ болѣеишей зависимости отъ Россіи въ отношеніи къ своему продовольствію, нежели Англія. Въ то время, какъ ввозъ пшеницы изъ Россіи въ Англію составляетъ около 15% всего ввоза, ввозъ во Францію — около 27%. И потому, хотя Поль Леруа Болье предъ началомъ войны Россіи съ Турціею, разсматривая въ „Economete français“ вопросъ о продовольствіи западной Европы, и возлагалъ надежду, что Америка и Остъ-Индіа наполнятъ тѣ пробѣлы въ привозѣ пшеницы, которые оставитъ закрытіе черноморскихъ портовъ, и хотя онъ высказывалъ при этомъ, что Россія не легко будетъ возвратитъ себѣ потомъ утраченные рынки, но не могло быть сомнѣнія, что, съ восстановленіемъ мира и возобновленіемъ торговыхъ сношеній, Одесса и другіе черноморскіе порты по-прежнему останутся одними изъ главныхъ поставщиковъ Европы. Свѣдѣнія о ходѣ отпускной торговли въ нынѣшнемъ году вполне оправдываютъ такое предположеніе. По 1-е марта нынѣшняго года уже отпущено 545,000 четвертей изъ одесскаго и севастопольскаго портовъ, т.-е. на 10,000 четвертей только менѣе соотвѣствующихъ мѣсяцевъ 1877 года.

Не останавливаясь на положеніи той или другой отрасли промышленности во Франціи, нельзя не замѣтить, что, со времени своего разгрома, французы удвоили энергію въ трудѣ и, благодаря этому, конечно, успѣли заживитъ тѣ раны, которыя нанесены были ихъ матеріальному благосостоянію иноземнымъ вторженіемъ, коммуной, пятимилліардной контрибуціей и отторженіемъ Эльзаса и Лотарингіи. Несмотря на вліяніе общаго экономическаго кризиса, Франція могла продолжать свою внутреннюю производительную работу національнаго возрожденія и готовится среди громовъ войны къ

мирному международному состязанію. Рабочій классъ въ теченіи 7 лѣтъ почти не проявлялъ, за самыми ничтожными и рѣдкими исключеніями, никакихъ попятныхъ нарушить свои правильныя трудовыя занятія. Отсутствие такихъ рабочихъ союзовъ, какіе существуютъ въ Англіи и о которыхъ мы говорили выше, благоприятствовало мирному настроенію рабочихъ и воздерживало ихъ отъ стачекъ. Лишь въ началѣ нынѣшняго года обнаружилось нѣсколько болѣе крупныхъ забастовокъ, въ Декавалѣ и Монсо-ле-Минь, между кружевницами въ Тарарѣ, между булочными подмастерьями въ Безансонѣ, между парижскими наборщиками, между марсельскими кокегарами. Большая часть этихъ стачекъ, впрочемъ, кончилась благополучно, отовзавшись, конечно, весьма чувствительно на судьбѣ самихъ рабочихъ.

Забота о возможно болѣешемъ развитіи производительныхъ силъ Франціи составляетъ, повидимому, въ настоящее время главную заботу французскаго правительства, и однимъ изъ лучшихъ тому доказательствъ служитъ грандіозный проектъ министра публичныхъ работъ, Фрейсина (M. Freycinet), объ увеличеніи сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ съ 21,000 километровъ до 57,000 километровъ, съ раздѣленіемъ ихъ на дороги *общаго интереса*, около 37,000 километровъ, и *мѣстнаго интереса* около 20,000 километровъ. Одно увеличеніе сѣти первой категоріи на 16,000 километровъ потребуетъ, по соображеніямъ министра путей сообщенія, около 3 миллиардовъ 200 милліоновъ франковъ и могло бы быть исполнено въ теченіи десяти лѣтъ; постройка около 6,000 километровъ уже сдана разными компаниями, и потому средства на нихъ отчасти уже имѣются, и такимъ образомъ предстоящій расходъ казны сокращается до 2 миллиардовъ. Для опредѣленія, какимъ дорогамъ слѣдуетъ присвоить значеніе имѣющихъ общій интересъ, и какимъ мѣстный, учреждены министромъ 6 техническо-административныхъ комиссій по 6 географическимъ полосамъ Франціи, сѣверной, восточной, западной, центральной и юго-восточной, центрально юго-западной и южной. Бюджетъ французскаго министерства путей сообщенія на 1878 г., въ виду предстоящихъ новыхъ желѣзнодорожныхъ сооружений, увеличенъ уже на 256 милл. франковъ. Исполненіе грандіознаго плана г. Фрейсина въ 10-лѣтній періодъ, удвоивъ во Франціи количество усовершенствованныхъ путей, по исчисленію нѣкоторыхъ техническихъ, должно доставить ежегодное приращеніе доходовъ всѣмъ отраслямъ народнаго труда, а именно до 50 милл. франк. земледѣлію, 96 милл. горному дѣлу, 37½ милл. металлическому производству, 30 милл. каменноугольному, 96 милл. строительному, 125 милл. личному труду. Какъ ни смѣлы и, можетъ быть, гадательны всѣ эти предположенія, но,

при энергіи и трудолюбіи французскаго народа, мы можемъ еще быть свидѣтелями черезъ 10 лѣтъ осуществленія благихъ начинаній ихъ нынѣшняго министра путей сообщенія, если никакія политическія затрудненія не воспрепятствуютъ странѣ продолжать свои мирные труды и не вовлекутъ ее въ какія-нибудь неожиданныя войны.

IV.

Ни въ одной странѣ, кажется, экономическія послѣдствія современнаго торговаго кризиса не были печальнѣе, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Хотя обороты 1877 г. по вѣншей торговлѣ были нѣсколько благопріятнѣе, нежели въ 1876 году, именно на 106 милл. фр. выше оборотовъ этого года, но сравнительно съ 1873 г. уменьшеніе равнялось 886 милл. фр. Такой результатъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ того чрезмѣрнаго развитія, которое обнаружилось во всѣхъ отрасляхъ производства подъ вліяніемъ значительныхъ тарифовъ, господствующихъ съ начала 60-хъ годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Привозъ въ Соединенные Штаты иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ, хлопчато-бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ, а также желѣза и стали, въ теченіи послѣднихъ 5-ти лѣтъ, уменьшился болѣе чѣмъ вдвое, съ 220 до 93 милл. долларовъ; но за то и вывозъ мануфактурныхъ товаровъ изъ Америки почти совсѣмъ не увеличился, потому что выращенная подъ покровомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ промышленность не въ состояніи была соперничать на иностранныхъ рынкахъ съ произведеніями странъ, пользующихся либеральными тарифами. Такимъ образомъ, не смотря на то, что въ послѣднее десятилѣтіе общій вывозъ товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ увеличился на 70%, вывозъ мануфактурныхъ товаровъ увеличился только на 24%. Притомъ, 10 лѣтъ тому назадъ вывозъ мануфактурныхъ товаровъ составлялъ болѣе 17% общей цѣнности вывоза, въ 1877 г. же уменьшился до 12%.

Такіе весьма печальные результаты покровительственной системы заставили уже въ послѣднее время американцевъ подумать о пониженіи своего высокаго таможеннаго тарифа; открылась пропаганда въ пользу болѣе либеральнаго пересмотра таможеннаго законодательства, учредились для этого особые комитеты: Council, International free-trade Alliance, и основались спеціальныя для этого органы и изданія. Однимъ изъ такихъ популярныхъ изданій была брошюра I. C. Мура (Y. S. Moore): „Friendly Sermons to the protectionist manufacturers“ (Дружественныя бесѣды съ фабрикантами протекціо-

нистами). Изъ этой брошюры, равно какъ и изъ отчета ея автора, читаннаго имъ въ сентябрѣ минувшаго года на конгрессѣ общества социальныхъ наукъ въ Саратогѣ, можно ознакомиться съ исторіей развитія таможеннаго законодательства Соединенныхъ Штатовъ и съ печальными результатами, къ которымъ оно привело страну. До 1860 г. въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствовалъ тарифъ относительно довольно умѣренный, по которому всѣ привозные товары раздѣлялись на 6 категорій, причемъ пошлины взымались съ цѣны (*ad valorem*) по 4%, 8%, 15%, 19%, 24% и 30%. Низшая пошлина была съ сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ, высшая въ 19% и 24% съ мануфактурныхъ издѣлій, а 30% только съ трехъ предметовъ: вина, спиртныхъ напитковъ и табака. Когда открылась междоусобная война и въ экономической системѣ союза наступили, по выраженію Мура, настоящія сатурналіи, тогда введенъ былъ новый тарифъ, извѣстный подъ именемъ тарифа Морриля, съ повышеніемъ почти всѣхъ пошлинъ. Но его слѣдуетъ считать еще весьма умѣреннымъ въ сравненіи съ дѣйствующимъ теперь. Съ 1861 г. было издано 18 новыхъ тарифовъ, болѣею частію по частнымъ ходатайствамъ разныхъ фабрикантовъ объ огражденіи ихъ производствъ отъ иностраннаго соперничества. Такимъ образомъ, въ настоящее время нѣкоторыя пошлины достигаютъ отъ 90 до 100 процентовъ съ цѣны, болѣею же частію не ниже 60, 70 и 80 процентовъ. Такія чрезмѣрно высокія пошлины вызвали столь же неумѣренную спекуляцію, какъ нѣкогда открытіе калифорнскаго золота въ 1849—1851 годахъ.

Громадные барыши, которые доставили американскимъ фабрикантамъ высокія таможенныя пошлины—отъ 80 до 100%, скоро увлекли всѣхъ, кто располагалъ только капиталомъ или кредитомъ, къ учрежденію новыхъ фабрикъ и заводовъ всякаго рода. Въ то же время началась лихорадочная постройка желѣзныхъ дорогъ, доходившая до 10,000 километровъ въ годъ; дѣятельность въ странѣ была необычайная, заработная плата росла; переселенцы прибывали въ возрастающемъ числѣ; страна, казалось, процвѣтала и благоденствовала. Съ 1860 г. по 1870 г. по оцѣнкѣ народнаго имущества, сопровождающей каждую десятилѣтнюю народную перепись, цѣнность всего промышленнаго производства возрасла съ 9 до 20 миллиардовъ франковъ, или съ 220 до 555 фр. на душу. Но все это богатство, вся эта промышленность оказались не прочнѣе картоннаго домика. Достаточно было одного легкаго дуновенія, чтобы опрокинуть все это зданіе, построенное безъ прочнаго фундамента. Такимъ дуновеніемъ было знаменитое банкротство частнаго банка Джэ-Кука (*Jay-Cooke*) въ сентябрѣ 1873 года. Это банкротство разомъ остановило и разстроило всю эту необыкновенную дѣятельность. Американскія желѣзно-дорож-

ния цѣнности потеряли кредитъ на иностранныхъ рынкахъ; никто не давалъ болѣе за границу капиталовъ подъ акціи и облигаціи американскихъ компаній; пришлось сократить постройку желѣзныхъ дорогъ, а вслѣдствіе этого пришлось остановить работы во многихъ рудникахъ и на заводахъ, приготовлявшихъ рельсы и другія желѣзнодорожныя принадлежности, началось уменьшеніе заработной платы. Это, въ свою очередь, отразилось на разныхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ; вслѣдствіе сокращенія спроса на рабочія руки сократился притокъ переселенцевъ, и даже началось выселеніе изъ страны. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было чрезвычайное увеличеніе числа частныхъ банкротствъ, переходъ въ другія руки значительной части, по крайней мѣрѣ на 1 миллиардъ франковъ, промышленныхъ заведеній со всѣмъ ихъ имуществомъ за четверть цѣны, и, наконецъ, упадокъ благосостоянія рабочихъ классовъ.

Что касается банкротствъ, то вотъ въ какихъ цифрахъ выражается это прискорбное явленіе въ теченіи послѣднихъ 5-ти лѣтъ въ Соединенныхъ-Штатахъ: въ 1873—1876 годахъ было всего 27,284 банкротства на 143 милл. фунт. стерлинговъ, т.-е. по 6,321 банкротству въ годъ на 35,7 милл. фунт. стерлинговъ; — въ 1877 же году было 8,872 банкротства на 38 милл. фунт. стерлинговъ, т.-е. на такую же сумму, какъ и въ 1876 году, но по числу фирмъ менѣе; въ 1876 году одно банкротство приходилось на 63 торговыя фирмы, — въ 1877 же году одно на 73. Во всякомъ случаѣ, сумма банкротствъ въ 181 милл. фунт. стерлинговъ или 7 миллиард. франковъ представляетъ подавляющую величину. Это значитъ, что сумма всего промышленнаго производства, оцѣненная въ 4 миллиарда франковъ, подверглась дважды почти полному уничтоженію.

Положеніе рабочихъ классовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ считалось блестящимъ и, при возрастающемъ спросѣ на рабочія руки, съ возникновеніемъ постоянно новыхъ фабрикъ и заводовъ, привлекало массы переселенцевъ изъ другихъ странъ. Въ теченіи 50-ти лѣтъ, съ 1820 по 1870 годъ, прибыло въ порты Соединенныхъ-Штатовъ 7½ милл. переселенцевъ, причемъ въ два послѣднія только десятилѣтія, съ 1851—1860 гг. и 1861—1870 гг., переселилось въ каждомъ по 2½ милліона. Франко-германская война приостановила нѣсколько этотъ притокъ. Рядомъ съ этимъ переселеніемъ, идетъ весьма значительное переселеніе китайскихъ рабочихъ, преимущественно въ Калифорнію и бассейны Тихаго океана. До 1873 года рабочіе не только легко находили себѣ занятіе, но и могли быть нѣсколько требовательны. Съ открытіемъ же кризиса 1873 года, съ закрытіемъ многихъ фабрикъ и заводовъ, съ сокра-

щеніемъ производства другихъ, съ уменьшеніемъ сбыта товаровъ, явилась необходимость увольненія многихъ рабочихъ или сокращенія имъ рабочей платы до размѣра, едва достаточнаго для удовлетворенія самыхъ скромныхъ потребностей; между тѣмъ рабочіе привыкли къ нѣкоторому комфорту въ жизни для себя и своего семейства, а цѣна многихъ предметовъ этой потребности росла, въ особенности плата за квартиры и предметы одѣянія. Въ прежнее время рабочій могъ содержать своей заработной платой и себя, и всю свою семью,—теперь же едва и холостой можетъ покрыть всѣ свои расходы, и потому изъ 100 семейныхъ, по крайней мѣрѣ, 65 вынуждены заставлять работать своихъ женъ и дѣтей.

Такимъ образомъ, положеніе рабочихъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ вообще ухудшилось замѣтно въ послѣдніе годы, и масса оставалась совсѣмъ безъ работы, скиталась, нищенствуя и нерѣдко ища даже добровольнаго пріюта въ тюрьмахъ, какъ это было въ 1876 году въ Нью-Йоркѣ, когда въ теченіи первыхъ только 6-ти мѣсяцевъ тамъ обнаружилось 4,600 банкротствъ, и 10,000 несчастныхъ остались безъ крова. Такимъ положеніемъ воспользовались разные агитаторы, чтобы произвести въ 1877 году въ Соединенныхъ-Штатахъ цѣлый рядъ стачекъ между желѣзно-дорожными служащими, а также между рудокопами, углекопами и рабочими на желѣзныхъ заводахъ. Эти печальныя явленія, находившія себѣ, впрочемъ, оправданіе въ жесткой, безсердечной непреклонности директоровъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ хозяевъ, повели однако къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Недовольствуясь однимъ заявленіемъ о нежеланіи продолжать работу на предлагаемыхъ условіяхъ и забастовкою, американскіе рабочіе предалися самымъ неистовымъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Такъ, въ Питтсбургѣ (въ Пенсильваніи) въ ночь съ 21-го на 22-е іюля желѣзно-дорожные рабочіе, въ числѣ 3,000 чел., овладѣли ружьями и пушками, направили свою артиллерію противъ вагоновъ, мастерскихъ, магазиновъ, вступили въ открытый бой съ мѣстными войсками, явившимися для водворенія порядка, убили городского шерифа, ранили начальника милиціи, подожгли станцію и нѣсколько другихъ зданій, уничтожили 125 машинъ, 250 вагоновъ, и причинили всего убытку компаніи на 2 милліона долларовъ. Это возмущеніе распространилось почти на всѣ другія дороги. Пассажирское и товарное движеніе было прервано. Благодаря энергіи и благоразумію мѣстныхъ властей и трезвому отношенію большинства населенія къ печальнымъ явленіямъ этого возмущенія, мало-по-малу порядокъ былъ восстановленъ. Впрочемъ, болѣе спокойное изученіе этихъ насильственныхъ забастовокъ привело многихъ экономистовъ къ убѣжденію, что тѣ грубыя насилія, которыми озна-

менованы были эти стачки, исходили не столько изъ среды истинно трудящагося класса, сколько изъ среды того развращеннаго и неспособнаго ни къ какому труду подонка населенія, который по-англійски зовутъ „mob“ и которымъ всегда изобилуютъ всѣ большіе промышленные города. Большой митингъ, собранный за этими петалями июльскими днями въ Нью-Йоркѣ, для составленія программы дѣйствій на будущее время, явно показалъ, что онъ имѣетъ источникомъ своимъ разныя коммунистическія и социалистическія общества, служащія, въ свою очередь, орудіемъ въ рукахъ людей, ищущихъ личныхъ выгодъ и возвышенія. Пользѣвшій неуспѣхъ этого митинга ясно доказалъ всю несостоятельность этой агитаціи и отсутствіе для нея истинной почвы въ американскомъ рабочемъ населеніи, тѣмъ болѣе, что всякій рабочий, который бы захотѣлъ промѣнять фабричный трудъ на селско-хозяйственный, легко можетъ на весьма дешевыхъ условіяхъ сдѣлаться собственникомъ въ одномъ изъ богатыхъ еще свободными землями западныхъ штатовъ.

V.

Насколько послѣдствія запретительной таможенной системы были гибельны для Соединенныхъ Штатовъ, настолько же примѣненіе либеральныхъ таможенныхъ началъ принесло пользы Австріи. По отзыву одного изъ лучшихъ австрійскихъ экономистовъ, неутомимо трудившихся надъ разработкою торгово-промышленной статистики, Неймана-Сналларта, помѣщающаго постоянно свои корреспонденціи по этому предмету въ „Economiste français“, экономическое возрожденіе Австріи началось съ 1851 г., когда сдѣланъ былъ первый шагъ къ болѣе рациональному таможенному законодательству. Въ 1853 г. послѣдовало заключеніе торговыхъ трактатовъ между Австріею и Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ, въ 1865 г. возобновленіе этого трактата, въ 1866 г. заключеніе подобнаго же трактата съ Великобританіею, въ 1866 г. съ Франціею и Италіею, въ 1868 г. съ Швейцаріею, Испаніею и Португаліею, Румыніею и Скандинавіею. Благодаря тѣмъ улучшеніямъ, которыя вносились вмѣстѣ съ тѣмъ въ австрійскій таможенный тарифъ и установленію прямыхъ сношеній съ дальнимъ Востокомъ, виѣшняя торговля Австріи росла и развивалась. Съ 317 милл. гульденовъ въ 1851 г., она дошла до 520 милл. въ 1861, до 1 миллиарда въ 1871, и до 1,230 милл. въ 1877 г. Несмотря на общій экономическій кризисъ и на знаменитый „крахъ“ 1873 г., торговля Австріи продолжала развиваться, какъ по привозу, такъ и по вывозу. Въ 1877 г. это увеличеніе для перваго

выражалось 40 процентами, для второго же—66. Ввозъ увеличился—преимущественно придильныхъ матеріаловъ, тканей, хлѣба, масла, керосина, машинъ и проч.; вывозъ же усилился—преимущественно пшеницы, муки, каменнаго угля, лѣса, издѣлій ткацкой промышленности.

Оживленію австрійской торговли въ 1877 г. много содѣйствовало хорошій урожай этого года, нѣсколько значительныхъ заказовъ по случаю восточной войны и закрытіе черноморскихъ портовъ; не малая часть русскихъ хлѣбныхъ грузов направилась въ Европу черезъ Австрію, и большая часть каменнаго угля для южно-русскихъ желѣзныхъ дорогъ и городовъ шла также изъ Австріи. Несмотря на все это, общее экономическое положеніе Австріи далеко не поправилось послѣ 1873 г., но это относится болѣе къ денежному рынку, котораго мы не касаемся въ настоящемъ нашемъ обзорѣ.

VI.

Въ Италіи послѣдствія экономическаго кризиса 1873 года продолжаютъ, хотя вообще дѣйствія его были менѣе чувствительны, нежели въ другихъ болѣе промышленно развитыхъ странахъ. 1877-й годъ былъ для Италіи неблагопріятенъ по неурожаю кукурузы, оливо и фруктовъ и меньшей добычѣ вина. Не болѣе благопріятны были и условія мануфактурной промышленности. Шелкопряденіе напоминало самыя бѣдственныя годы. Почти половина шелкопрядильныхъ и четверть ткацкихъ станковъ оставались безъ дѣла, и такъ какъ цѣны шелковыхъ тканей не соотвѣтствовали цѣнѣ сырого матеріала, то фабриканты несли болѣе или менѣе значительныя потери или должны были увеличивать свои склады товара въ ожиданіи лучшаго сбыта. Шерстяная промышленность, развитіе которой шло довольно быстро, также страдала отъ паденія цѣны на шерстяные товары и отъ стачки рабочихъ, впервые происходившей въ Италіи, въ минувшемъ году, въ Біеллѣ (въ Пьемонтѣ), главномъ центрѣ шерстяного производства. Существовавшее тамъ общество рабочихъ, на подобіе английскихъ Trades unions, частію силою, частію убѣжденіемъ, наложило на своихъ членовъ обязательство извѣстныхъ требованій. Около 850 рабочихъ приняли участіе въ этой стачкѣ. Хозяева фабрикъ вызвали около 200 рабочихъ изъ Ломбардіи, когда же большая часть послѣднихъ была также вынуждена мѣстными рабочими отказаться отъ работъ, тогда фабриканты закрыли мастерскія; но для водворенія порядка пришлось призвать содѣйствіе военной силы, арестовать зачинщиковъ стачки и закрыть общество ткачей Валь де-Моссо,

какъ главный источникъ происшедшихъ безпорядковъ. Къ сожалѣнiю, факты эти перестали быть одиночными, и на нѣкоторыхъ стеклянныхъ заводахъ въ Венеціи были также случаи забастовокъ.

Бумагопрядильное производство находилось въ условiяхъ болѣе благопріятныхъ, нежели прочія отрасли промышленности и даже число веретенъ увеличилось, хотя и не успѣваетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ страны. Менѣе успѣшно было производство ткацкое и набивное, по причинѣ ограниченности спроса и увеличивающейся конкуренціи нѣмецкихъ фабрикъ.

Горная и желѣзная промышленность, получившая болѣе значительное развитіе со времени войны 1870—1871 г., подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на желѣзо, въ настоящее время вынуждена ограничить производство однимъ желѣзомъ высокаго качества, которому неопасна конкуренція низшихъ сортовъ по дешевымъ цѣнамъ. Судостроительная дѣятельность Италіи, нѣкогда очень цвѣтущая, также теперь въ упадкѣ, и лигурійскія верфи, строившія до 90,000 тоннъ, теперь сократили свое производство до 50,000 тоннъ: причина этого лежитъ въ распространеніи желѣзныхъ париходовъ, которые строятся и продаются въ громадномъ числѣ во всѣхъ портахъ Англіи по весьма дешевымъ цѣнамъ. Понятно, что вслѣдствіе совокупности всѣхъ этихъ причинъ, внѣшняя торговля Италіи въ 1877 г. сократилась на 423 милл. фр. или на 17%, привозъ уменьшился на 13%, а вывозъ на 20%.

VII.

Обращаясь къ Россіи, мы не можемъ, къ сожалѣнiю, выразить въ точныхъ цифрахъ, какъ то сдѣлали относительно Англіи, Франціи, Австріи и Италіи, результаты торговыхъ оборотовъ 1877 г., потому что свѣдѣнія о ходѣ нашей внѣшней торговли, публикуемыя ежемѣсячно, ограничиваются только количествами, цѣнность же товаровъ вычисляется лишь по окончаніи отчетнаго года, и потому подробный отчетъ о торговлѣ 1877 г. появится въ печати лишь въ концѣ нынѣшняго, 1878 г. Но тѣмъ не менѣе, отчасти о выгодности или невыгодности оборотовъ 1877 г. сравнительно съ предшествующимъ годомъ можно судить уже и теперь, если взять примѣрно цѣнность товаровъ по среднимъ цѣнамъ 1876 г., если сравнить даже однѣ цифры количественнаго вывоза или привоза главнѣйшихъ товаровъ.

Въ обзорѣ внѣшней торговли Россіи за 1876 годъ и въ краткомъ отчетѣ о результатахъ внѣшней торговли за 1877 годъ показаны слѣдующія данныя объ отпускѣ и привозѣ товаровъ:

	По дѣйствительнымъ цѣнамъ.			По прежнимъ постояннымъ цѣнамъ.		
	Отпущено.	Привезено.	Всего.	Отпущено.	Привезено.	Всего.
Въ 1876 г. .	400	477	877	376	482	808
По среднимъ цѣнамъ 1876 г.						
„ 1877 г. .	457	330	787	457	330	787
Въ 1877 болѣе (+)						
или менѣе (—)	+ 57	— 147	— 90	+ 81	— 102	— 21

Въ краткомъ же отчетѣ таможеннаго вѣдомства за 1877 г., гдѣ сравниваются итоги этого года, вычисленные по среднимъ цѣнамъ 1876 г., съ итогами 1876 г., выводится разность въ пользу отпуска въ 78 милл. руб. и уменьшеніе привоза на 112 милл., и опредѣляется торговый балансъ въ пользу нашей отпускной торговли 1877 г. въ 127 милл., между тѣмъ какъ въ 1876 г. привозъ превышалъ отпускъ болѣе чѣмъ на 60 милл. руб. Судя по этой цифрѣ, надо полагать, что вычисленная по среднимъ цѣнамъ 1876 г. стоимость товаровъ 1877 г. сравнивается съ итогами 1876 г. по постояннымъ цѣнамъ; непонятно только, почему разность, нами выведенная, 81 и 102 милл. руб., не сходится съ разностью таможеннаго вѣдомства (78 и 112 милл. руб.). Во всякомъ случаѣ цифры эти довольно близки, и конечный результатъ, какихъ бы итоговъ ни держаться, показываетъ, что сумма оборотовъ была, вѣроятно, по цѣнности въ 1877 г. нѣсколько ниже, нежели въ 1876 году. Впрочемъ, нельзя признавать безусловно торговый балансъ 1877 года столь выгоднымъ, какъ многіе предполагаютъ, потому что оказавшееся значительное уменьшеніе ввоза передъ вывозомъ въ 1877 г. было совершенно случайное и фиктивное, и происходило отъ установленнаго въ концѣ 1876 г. вниманія таможенныхъ пошлинъ золотомъ. Вслѣдствіе предоставленнаго торгующимъ лицамъ права вносить до 1-го января 1877 года пошлины кредитными рублями, лица эти воспользовались еще въ концѣ 1876 г. очистить пошлиною всѣ товары, находившіеся на складѣ въ таможенныхъ, и такимъ образомъ въ число общей суммы пошлинъ, 69 милл. руб., поступило, по показанію самого таможеннаго вѣдомства, свыше 12 милл. руб., которые собственно должны бы быть внесены торгующими въ 1877 г. Такимъ образомъ, чтобы получить дѣйствительную цѣнность привоза 1877 г., слѣдуетъ принятую выше цифру 330 милл. увеличить на всю ту сумму, которую представлялъ избытокъ ввоза въ ноябрѣ и декабрѣ 1876 г., и съ котораго уплачено лишнихъ 12 миллионѣвъ пошлинъ. Принимая во вниманіе, что 69 милл. руб. пошлинъ было выплачено съ товаровъ, представлявшихъ цѣнность въ 477 милл. руб., мы можемъ вывести, приблизительно, конечно, что 12 милл. руб. излишнихъ пошлинъ 1876 года соотвѣтствуютъ товарамъ на 80 милл. руб. Это подтверждается со-

вероятно тѣмъ, что дѣйствительный таможенный доходъ 1877 года въ январѣ и февралѣ былъ на 17%, а въ мартѣ и апрѣлѣ на 40% ниже, нежели въ соотвѣтствующіе мѣсяцы 1876 г., очевидно, вслѣдствіе меньшаго привоза по случаю не только возвышенія пошлинъ отъ взиманія ихъ золотомъ, но и вслѣдствіе чрезмѣрнаго выпуска товаровъ изъ таможенъ въ концѣ 1876 г. Такимъ образомъ, можно принять фактически отпускъ 1877 г. равнымъ 457 милл., а привозъ— 410 милл., и тогда, очевидно, всѣ расчеты измѣнятся. Придется уменьшить цифру привоза 1876 г. до 397 милл. Слѣдовательно, привозъ 1877 г. сократится лишь на 13 милл., и торговый балансъ въ пользу отпускной торговли уменьшится съ 127 до 47 миллионѣвъ.

Хотя, вслѣдствіе упадка курса нашего кредитнаго рубля, спросъ на наши товары былъ въ 1877 г. за-границею гораздо значительнѣе, нежели въ 1876 г., но такъ какъ и привозъ къ намъ товаровъ значительно сократился, а привезенные покупались нами также по возвышеннымъ цѣнамъ, то, поэтому, выгоды одного должны были значительно уравниваться невыгодами другого. Во всякомъ случаѣ, всѣ соображенія и сравненія о цѣнности привоза и отпуска будутъ пока, до появленія подробнаго отчета о всѣхъ оборотахъ торговли 1877 года, гадательны. И потому мы обратимся къ сравненію этихъ оборотовъ по количествамъ привоза или отпуска тѣхъ или другихъ товаровъ.

Въ 1877 году привозъ всѣхъ товаровъ уменьшился значительно противъ 1876 года, особенно же слѣдующихъ:

	Въ 1877 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г. болѣе (+) или менѣе (—)
В ъ т и с я ч а х ъ.			
Солн пуд.	6178	17,279	— 11,101
Вина виноград. . . .	296	1544	— 1248
„ „ въ бут.	148	557	— 408
Шампанскаго	189	1570	— 1381
Чая пуд.	374	942	— 568
Табакъ листов.	82	509	— 427
Шерстяныхъ надѣлѣй. .	76	154	— 77
Вуляжныхъ „ . . .	28	81	— 52
Шелковыхъ „ . . .	3	10	— 7
Льняныхъ (по цѣн. руб.).	915	2372	— 1456

Увеличеніе, и то не особенно значительное, оказалось по привозу:

Стальныхъ рельсовъ пуд.	10,388	+ 712
Чугуна не въ дѣлѣ „	8289	+ 274
Шерсти не пряденой „		
„ крашеной „	53	+ 6

Отпускъ ббльшей части нашихъ товаровъ въ 1877 г. былъ несравненно выше, чѣмъ въ 1876 г. Такъ, вывезено было:

	Въ 1877 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г. болѣе (+) или менѣе (—)
	В ъ т н с я ч а х ъ.		
Хлѣба	80,690 четв.	25,404 четв.	+ 5286 четв.
Льна.	11,210 пуд.	6821 пуд.	+ 4388 пуд.
Сахарнаго песка. . . .	3594 "	496 "	+ 3098 "
Пеньки.	3391 "	2673 "	+ 718 "
Сала свѣтскаго	1109 "	666 "	+ 443 "
Спирта и вина	1760 "	1867 "	+ 392 "
Шерсти сырка	1452 "	1179 "	+ 272 "

Уменьшился вывозъ преимущественно:

Желѣза.	69 пуд.	858 пуд.	— 788 пуд.
Пшеницы	8657 четв.	9236 четв.	— 579 четв.
Сѣмянъ льнан. и конопл.	1816 "	2230 "	— 413 "
Сѣмянъ масличныхъ . .	192 "	315 "	— 123 "
Выжимокъ изъ сѣмянъ. .	1420 пуд.	1541 пуд.	— 121 пуд.
Кожи выдѣланныхъ. . .	29 "	38 "	— 8 "
Лошадей	1 "	42 "	— 41 "

Такимъ образомъ, фактъ усилившагося въ 1877 г. отпуска нашихъ произведеній и сократившагося болѣе или менѣе привоза иностранныхъ товаровъ остается несомнѣннымъ; нельзя, конечно, принимать фактъ сокращенія привоза за признакъ особеннаго благосостоянія страны, такъ какъ въ этомъ все-таки выражается сокращеніе ея покупныхъ средствъ и ограниченіе ея потребительной способности; но нельзя и не радоваться, безъ сомнѣнія, отпуску нашихъ товаровъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о спросѣ на нихъ иностранцевъ, не слѣдуетъ только забывать, что при невыгодности для насъ денежнаго курса, покупка у насъ товаровъ была операциею весьма выгодною для иностранцевъ. Во всякомъ случаѣ, весьма оживленная, несмотря на закрытіе даже черноморскихъ портовъ, отпускная торговля 1877 г. положительно поддержала нашу внутреннюю производительность и отразилась весьма благопріятно и на нѣкоторыхъ отрасляхъ внутренней мануфактурной производительности. Выгодный сбытъ хлѣба, особенно въ южной Россіи, доставилъ хорошіе барыши производителямъ и имѣлъ послѣдствіемъ удачный ходъ украинскихъ ярмарокъ. Удачнымъ исходомъ въ торговомъ отношеніи 1877 года Россія обязана преимущественно существованію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ въ теченіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ. Между тѣмъ какъ во время крымской кампаніи вывозъ всѣхъ товаровъ чрезъ сухопутную границу простирался, въ 1853 г., до 14 милл. руб., въ 1854 г. до 25 милл., и въ 1855 г. до 23 милл. руб.; въ 1877 г. вывозъ одного хлѣба по сухопутной границѣ состав-

хлѣбъ болѣе 10 милл. четвертей, т.-е. треть всего отпуска 1876 года, равнявшася цѣнности 202 милл. руб.; слѣдовательно сухопутный отпускъ одного хлѣба былъ, въ 1877 г., не ниже 70 милл. руб., вывозъ лѣсныхъ товаровъ равнялся 13 милл. руб. и т. д.

Вообще одинъ изъ самыхъ утѣшительныхъ явленій былъ громадный отпускъ хлѣба въ 1877 г., особенно въ виду тѣхъ пессимистическихъ взглядовъ на нашу хлѣбную торговлю, которые выражались въ заграничной печати при обсужденіи вопроса о продовольствіи Европы въ 1877—78 году, въ случаѣ закрытія черноморскихъ портовъ. Значеніе русскаго хлѣба на европейскомъ рынкѣ выразилось и въ тѣхъ давно неслыханныхъ повышеніяхъ на хлѣбъ, которыя обнаружались при первомъ слухѣ о необходимости войны и въ тѣхъ громадныхъ заказахъ, которые сдѣланы были въ Россіи въ 1877 г. и въ тѣхъ громадныхъ количествахъ, которыя она выпустила за границу. До 1877 г. наибольшимъ отпускомъ отличался 1874 годъ, когда вывезено было 27 милл. четвертей; но въ 1877 г. было вывезено 30½ милл., т.-е. болѣе на 3½ милл., чѣмъ въ 1874, и на 5 милл. болѣе, чѣмъ въ 1876 г., несмотря на то, что по случаю войны вывозъ хлѣба изъ южныхъ портовъ былъ въ половинѣ года запрещенъ, и потому вывозъ южныхъ портовъ составлялъ всего 3 милл. четвертей,—на 6 милл. менѣе, чѣмъ въ 1876 году. Благодаря обильному урожаю на югѣ и неурожаю въ большей части западной Европы, отпускъ хлѣба 1877 г. вѣроятно надолго останется памятнымъ въ лѣтописяхъ нашей торговли; безъ сомнѣнія, онъ былъ бы еще значительнѣе, если бы военныя обстоятельства и провозоспособность нашихъ дорогъ не положили преграды большому вывозу; извѣстно, что скопленіе хлѣбныхъ грузовъ во второй половинѣ 1877 г. достигало баснословныхъ размѣровъ по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, идущимъ къ границѣ. Не только всѣ станціи съ ихъ дворами, но и прилегающія къ нимъ мѣста были завалены хлѣбными грузами; безъ сомнѣнія, тутъ произошло не мало потерь, отъ поврежденія грузовъ и медленной ихъ отправки, но нужно надѣяться, что и 1878 г. будетъ не безвыгоднымъ въ отпускной торговлѣ. Въ первые два мѣсяца нынѣшняго года отправлено уже болѣе 3-хъ милл. четвертей, т.-е. на 770 тыс. болѣе, чѣмъ въ тѣ же мѣсяцы 1877 г., причемъ въ эти два мѣсяца вывезено пшеницы на 687 тыс. четвертей больше, чѣмъ въ 1877 г., тогда какъ въ теченіи всего 1877 г. вывезено было одной пшеницы противъ 1876 г. менѣе на 579 тыс. четвертей.

Что касается мануфактурной промышленности, то она находилась въ началѣ 1877 г. подъ гнетомъ всеобщаго кризиса, осложненнаго въ Россіи болѣе нежели гдѣ-либо военными и политическими затрудненіями. Недостатокъ кредита, отсутствіе спроса при громадномъ

предложеніи привели многія промышленныя предпріятія къ ликвидаціи и значительно сократили производство остальныхъ. Если мало-по-малу затруднительное положеніе миновало или по крайней мѣрѣ уменьшилось, то только нѣкоторыхъ отраслей промышленности, преимущественно вслѣдствіе заказовъ правительства на военныя надобности. Такимъ образомъ, кожаные, льняные, суконные, жѣлѣзные заводы успѣли нѣсколько поправиться, благодаря усиленнымъ заказамъ правительства; возникли и новыя обширныя предпріятія, потребовавшія не мало капиталовъ, но всё въ одномъ родѣ, какъ-то: приготовленіе консервовъ, сухарей и заготовленіе другихъ продовольственныхъ предметовъ для арміи. Свеклосахарная промышленность оживилась вслѣдствіе усиленнаго спроса сахара за границу, по случаю тамошняго неурожаа свекловицы; механическіе заводы получили значительныя заказы для изготовленія подвижнаго состава для русскихъ жѣлѣзныхъ дорогъ. Было бы, конечно, болѣе, чѣмъ парадоксомъ, сказать, что экономическія условія—въ торгово-промышленномъ преимущественно отношеніи—были для Россіи вполне благоприятны, и что она можетъ занести 1877-й годъ въ число удачныхъ годовъ. Но несомнѣнно одно, что 1877-й г. могъ бы быть для насъ несравненно болѣе тяжелымъ, при всей совокупности своихъ неблагоприятныхъ условій, если бы урожай нашъ былъ менѣе обиленъ и спросъ на наши товары менѣе оживленъ. Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что съ водвореніемъ прочнаго мира одною изъ первыхъ заботъ правительства будетъ возможно большее развитіе нашей производительности и устраненіе тѣхъ многочисленныхъ преградъ, которыя лежатъ на ея пути, нотому что и въ жизни народа, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, полная независимость и сила можетъ опираться только на матеріальномъ благосостояніи.

Мы ограничиваемъ нашъ обзоръ всемірнаго торговаго рынка въ минувшемъ году шестью первоклассными европейскими державами и Соединенными-Штатами Сѣверной Америки, потому что этимъ семи странамъ принадлежитъ болѣе половины всѣхъ торговыхъ оборотовъ, и на всѣхъ прочихъ рынкахъ отражаются съ болѣею или менѣею силою всѣ колебанія этихъ первоклассныхъ рынковъ. Общее впечатлѣніе, производимое результатами промышленно-торговой дѣятельности 1877 г., столь же неутѣшительно, какъ представленное нами въ минувшемъ году. Тотъ же застой промышленности, то же сокращеніе торговыхъ сдѣловъ, то же развитіе банкротствъ, и—что печальнѣе всего—то же отсутствіе надежды на скорое улучшеніе.

W.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА

12/24 іюня, 1878.

XXXVIII.

ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ НА ВЫСТАВКѢ 1878 ГОДА.

I.

Я писалъ вамъ о выставкѣ вообще; остановился нынѣшній разъ на французской школѣ живописи, представляемой выставкою 1878 года.

Надо припомнить, прежде всего, на чемъ мы остановились въ 1867 году, на тогдашней выставкѣ въ Парижѣ. Величайшіе художники новѣйшаго времени: Эженъ Делакруа и Энгрь, умерли, оставивъ по себѣ только искусныхъ учениковъ. Я не стану разбирать ихъ, но только указываю на нихъ, какъ на художественныхъ представителей первой половины нашего вѣка, съ ихъ двумя формулами, — ихъ характеристической передачей искусства: въ краскахъ и въ рисункѣ. Умирая, они оставили въ школѣ громадный пробѣлъ.

Со всѣмъ тѣмъ, послѣ нихъ оставались еще художники, явившіеся позже. Во-первыхъ, назову Курбѣ. Онъ былъ имъ по-плечу. Затѣмъ шла цѣлая и великая школа пейзажистовъ: Теодоръ Руссѣ, Добиньи, Корб, не говоря уже о Діазѣ и о Миллѣ. Съ 1867 по 1878 годъ эти художники шли все впередъ и составляли силу и управленіе нашей школы. Но всѣ они умерли одинъ за другимъ, и пустота, оставленная Делакруа и Энгромъ, стала еще ощутительнѣе. Въ настоящее время, изучивъ выставку на Марсовомъ полѣ, можно судить о послѣдней десятилѣтней дѣятельности нашихъ художниковъ, и мы увидимъ, каковы потомки покойныхъ великихъ талантовъ. Настоящая статья будетъ посвящена живымъ. Я желаю ясно обрисовать настоящее, идущее за такимъ славнымъ прошлымъ, и указать на то, чего слѣдуетъ ждать отъ будущаго.

II.

Но прежде чѣмъ говорить о живыхъ, напомнимъ о крупномъ дарованіи тѣхъ, кого не стало въ послѣдніе годы и чьи произведенія выставлены на Марсовомъ полѣ.

И прежде всего займусь Курбэ. Я сказалъ, что до сихъ поръ было три великихъ таланта во французской школѣ девятнадцатаго столѣтія: Эженъ Делакруа, Энгръ и Курбэ, и что этотъ послѣдній такъ же великъ, какъ и первые два. Всѣ трое внесли съ собой переворотъ въ наше искусство: Энгръ связалъ современную формулу съ античной традиціей; Делакруа былъ представителемъ разгула страстей, романтическаго невроза 1830 года; Курбэ выражаетъ стремленіе къ правдѣ, — художникъ-труженикъ, прочно водворившій новую формулу натуральной школы. У насъ нѣтъ болѣе откровеннаго, болѣе здороваго, болѣе французскаго живописца. Онъ усвоилъ себѣ широкую кисть художниковъ возрожденія, и пользовался ею только затѣмъ, чтобы изображать наше современное общество. Замѣьте, что въ этомъ заключалась истинная традиція: подобно тому, какъ талантливый работникъ Веронезъ рисовалъ только вельможъ своего времени — даже тогда, когда ему приходилось представлять религиозные сюжеты — такъ и талантливый работникъ Курбэ бралъ свои модели изъ окружающей его повседневной жизни. Это не то, что живописцы, которые, желая быть вѣрными традиціи, списываютъ архитектуру и костюмы итальянскихъ художниковъ шестнадцатаго столѣтія.

На Марсовомъ полѣ есть только одна картина Курбэ: „La Vague“, да и то эта картина красуется здѣсь только потому, что принадлежитъ лиссабурскому музею, откуда администрація des Beaux-Arts не могла ее не взять. Да, отъ этого гениальнаго художника, чьи произведенія будутъ со временемъ считаться славой націи, наши національные музеи приобрѣли только одну картину — и картину второстепеннаго достоинства. И эту-то одинокую картину мы показываемъ Европѣ, тогда какъ Жеромъ въ сосѣдней залѣ насчитываетъ не менѣе десяти картинъ, а Вугре даже цѣлыхъ двѣнадцать. Вотъ что позорно. Курбэ слѣдовало отвести на всемірной выставкѣ 1878 года цѣлую залу, подобно тому, какъ это сдѣлали для Делакруа и Энгра на всемірной выставкѣ 1855 года.

Но вѣдь извѣстно въ чемъ дѣло. Курбэ участвовалъ въ коммунѣ 1871 года. Отъ этого послѣднія семь лѣтъ его жизни были долгимъ мученичествомъ. Его сначала засадили въ тюрьму. Затѣмъ, по выходѣ изъ тюрьмы, онъ чуть не умеръ отъ болѣзни, усилившейся

отъ недостатка движенія. Послѣ того, обвиненный въ томъ, что подстрекалъ свалить Вандомскую колонну, онъ былъ присужденъ къ уплатѣ издержекъ по возстановленію этого монумента. Съ него взывали что-то въ родѣ трехъ-сотъ съ чѣмъ-то тысячъ франковъ. Судебные пристава стали гоняться за нимъ по пятамъ, и его картины были секвестрованы; онъ вынужденъ былъ жить въ изгнаніи и умеръ въ немъ въ прошломъ году, изгнанный изъ Франціи, которой будетъ служить славою. Представьте себѣ государство, секвеструющее картины этого художника, чтобы уплатить счеты по реставраціи Вандомской колонны! Я бы скорѣе понялъ, если бы ихъ секвестровали для того, чтобы выставить на Марсовомъ полѣ. Это принесло бы больше чести Франціи.

Впрочемъ, съ Курбѣ всегда обращались какъ съ паріей. Въ 1867 году, когда академическая посредственность Кабанеля уже красовалась передъ иностранцами, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, Курбѣ долженъ былъ сдѣлать отдѣльную выставку, чтобы показать свои произведенія. Его больше нѣтъ въ живыхъ. Понятно, почему ему нанесено послѣднее и самое тяжкое оскорбленіе выставкой на Марсовомъ полѣ его картины „La Vague“. Крошечное мѣстечко, удѣленное художнику, полно ироніи и неприлично. Пусть уберутъ „La Vague“, потому что она наводитъ на размышленіе всѣхъ великодушныхъ и независимыхъ художниковъ, останавливающихся передъ ней. Они раздумываются о великомъ покойникѣ, котораго стараются скоронить подъ горстью земли.

„La Vague“ была на выставкѣ 1870 года. Не ждите чего-нибудь символическаго, во вкусѣ Кабанеля или Водри,—какую-нибудь голую женщину, съ перламутровымъ тѣломъ, какъ у раковинъ, купающуюся въ агатовомъ морѣ. Курбѣ просто нарисовалъ волну, — настоящую волну, ударившуюся о берегъ, гдѣ прикрѣплены двѣ барки. По небу бродятъ большія темныя облака, зеленоватое море покрыто бѣлой пѣной. Это прекрасно въ техническомъ отношеніи. Но, повторяю, это произведеніе не имѣетъ большого значенія и никого не компрометируетъ,—и это, быть можетъ, и объясняетъ смѣлость, съ какою администрація рискнула купить его для люксембургскаго музея.

Настанетъ день возмездія и для Курбѣ. Политическія страсти улягутся, наступитъ оцѣнка потомства, которое всякой вещи отводитъ свое мѣсто. Многія изъ лицъ, занимающихъ нынѣ первенствующее мѣсто въ нашемъ управленіи или въ нашихъ собраніяхъ, давно уже будутъ позабыты, когда Курбѣ оживетъ и будетъ цвѣсти вѣчной юностью таланта. Ему отворятъ двери Лувра, наступитъ часъ его апофеоза. Вотъ чтó сообщаетъ безмятежную ясность духа художникамъ и писателямъ. Событія могутъ ихъ задѣвать, но не могутъ

ихъ стереть съ лица земли. Голосъ ихъ заглушаютъ, пока они живы, ихъ преслѣдуютъ, ими пренебрегаютъ и превозносятъ властолюбивому дню; но они съ улыбкой и пожимая плечами относятся ко всему этому, потому что за нихъ вѣка. Шумъ затихаетъ, наступаетъ слава. Политическій дѣятель весь умираетъ, какъ комедіантъ, послѣ котораго остается лишь одно имя, занесенное въ какомъ-нибудь заголовкѣ исторіи, между тѣмъ какъ произведеніе пера или кисти вѣчно живетъ, какъ свидѣтельство его генія — даже и тогда, когда общественные перевороты сотрутъ съ лица земли народы, ихъ нравы, ихъ законы и ихъ языкъ — и Курбѣ будетъ жить.

Перехожу къ покойнымъ художникамъ нашей великой школы пейзажа. Послѣ Руссо, послѣ Миллѣ, мы лишились Корб и Добиньи. Въ настоящее время всѣ свѣтила пейзажа угасли, остались только ученики. На Марсовомъ полѣ фигурируютъ только Корб и Добиньи, — и довольно пышно. Корб насчитываетъ десять картинъ, а Добиньи — девять.

Всѣмъ извѣстна исторія Корб; онъ провелъ сорокъ лѣтъ въ неизвестности и въ борьбѣ, затѣмъ его озарила запоздавшая, но яркая слава. Онъ работалъ, не унывая, несмотря на смѣхъ, который возбуждали его картины, несмотря на проницательное пренебреженіе аматѣровъ. Надъ нимъ потѣшались, его называли туманнымъ живописцемъ, — притворялись, что не понимаютъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать его картины. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день спохватились, что эти мнимые эскизы отличаются самой изящной отдѣлкой; что въ картинахъ его много воздуха; что онѣ передаютъ природу во всей правдѣ. И заказчики толпой хлынули въ мастерскую художника, — они завалили его подъ конецъ такимъ количествомъ работы, что ему приходилось зачастую давать посредственные произведенія. Не знаю болѣе характернаго примѣра, который бы лучше показывалъ испугъ, внушаемый публикѣ каждымъ новымъ оригинальнымъ талантомъ, и неизбежное торжество этого оригинальнаго таланта, если онъ будетъ настойчиво преслѣдовать свою цѣль.

Мое вниманіе было особенно привлечено двумя картинами на выставкѣ. Первая появилась на картинной выставкѣ 1875 года: „Les plaisirs du soir“, — одна изъ тѣхъ картинъ, которыя особенно любилъ рисовать Корб. Сумерки спускаются на высокія деревья, листья которыхъ потемнѣли. На травѣ, подернутой голубоватымъ туманомъ, порхаютъ смутныя фигуры — быть можетъ, нимфы, — а на горизонтѣ, сквозь просѣку въ чащѣ лѣса, виднѣтся красное зарево уже потухающаго солнечнаго заката. Впечатлѣніе эта картина производитъ глубокое. Подъ мимологической маской, передъ нами встаетъ одинъ

нѣхъ лѣсовъ парижскихъ окрестностей, въ тотъ меланхолическій часъ, когда звѣзды зажигаются въ небѣ.

Сознаюсь однако, что изъ произведеній Корбъ предпочитаю тѣ, въ которыхъ прямо и просто передается природа. Вторая замѣченная мною картина, это:—*„Le chemin près de l'étang, à Ville-d'Avray“*. По опушкѣ лѣса бѣжитъ дорога—и въ этомъ вся картина. Когда Корбъ рисовалъ для аматѣровъ, онъ не скунился на маленькія фигурки, одѣтыя въ античныя одежды, онъ одѣвалъ деревья дымкой, прелесть которой была, наконецъ, всѣми понята. Но онъ писалъ также болѣе откровенныя и солидныя картины, которыя, на мой взглядъ, бесконечно выше. Онъ не выпускалъ эти этюды изъ своей мастерской. Развѣ по особенной удачѣ только попадетъ нрѣдка одинъ изъ такихъ этюдовъ въ продажѣ. Я видалъ проселочныя дороги, мосты, селенія, расположенныя на холмахъ, изумительныя по своей энергіи и правдѣ.

Ни одинъ еще живописецъ не передавалъ точнѣе и правдивѣе природу.

Добиньи былъ не такъ глубокъ—бить можетъ, но за то у него большіе отчетливости. Онъ изобразилъ другую сторону окрестностей Парижа. Онъ открылъ глубокую прелесть береговъ Сены. Въ продолженіи тридцати лѣтъ, онъ рисовалъ оба ея берега, отъ Анвера до Манта, прихватывая мѣстечки вдоль Уазы до Иль-Аданъ. Онъ обожалъ эту мѣстность, обильно орошаемую водою, съ яркой зеленью, смягчаемой серебристой дымкой тумановъ, поднимающихся съ рѣки. Если Корбъ все еще сохранялъ какъ-бы блѣдный отголосокъ старинныхъ историческихъ пейзажей, то Добиньи своимъ буржуазнымъ добродушіемъ, своимъ невниманіемъ къ композиціи, ускорилъ реалистическій переворотъ въ нашей школѣ. Однимъ изъ первыхъ, послѣ Поля Гюэ, все еще отчасти удерживавшаго романтическую обстановку, онъ шелъ въ поле и снималъ первый появившійся ландшафтъ. Уголокъ рѣки, линія тополей, яблони въ цвѣту,—все было ему хорошо. И онъ не плутовалъ, онъ рисовалъ то, чтб видѣлъ, не принесявая собою въ то, чтб ему давала дѣйствительность. Въ этомъ состоитъ переворотъ, совершившійся въ нашей школѣ. Добиньи былъ новаторомъ, учителемъ.

Результаты этой новой метода должны были изумить людей и измѣнить всѣ существующія понятія. Природу исправляли, чтобы придать ей величіе, дѣйствительность находили слишкомъ пошлой, если не смягчить и не украсить ее. Между тѣмъ оказалось, что пейзажи, гдѣ изображается немокрашенная природа, полны чувства, силы и прелести, какихъ никогда не имѣли историческіе пейзажи. Нельзя представить себѣ ничего холоднѣе и вѣстѣ съ тѣмъ тѣмъ

лѣе и суше сочиненныхъ пейзажей, гдѣ деревья разставлены какъ театральныя кулисы и сквозь нихъ видѣются развалины какого-нибудь греческаго храма на холмѣ, условной формы. Напротивъ того, взгляните на пейзажъ Добиньи: душа природы заговорить съ вами. Есть на выставкѣ великолѣпная картина „Lever de la lune, à Anvers (Seine et Oise)“. Ночь только-что спустилась, прозрачная тѣнь окутываетъ поля, между тѣмъ какъ на ясномъ небѣ встаетъ широкая луна. Чувствуется въ этомъ трепетное безмолвіе вечера, послѣдніе звуки засыпающихъ полей. Это производитъ впечатлѣніе яснаго величія, спокойствія, полного жизни. Вотъ реальный стиль, передающій то, что есть. Мы далеки отъ классическаго стиля, искидывающаго сверхъестественный идеалъ, въ которомъ не проявляется ничего личнаго, и риторика беретъ верхъ надъ жизнью. Укажу на другую картину Добиньи: „La Neige“, бывшую на картинной выставкѣ 1872 г. Нелзя представить себѣ ничего проще и виѣстѣ съ тѣмъ ничего шире. Поля побѣлѣли отъ снѣга; дорога пересѣкаетъ поля, окаймленная справа и слѣва яблонями съ ихъ сучковатыми вѣтвями. А подъ этимъ бѣлымъ пространствомъ, надъ полями и надъ деревьями спустилась цѣлая громадная стая воронъ, черныхъ точекъ, неподвижныхъ и кружащихся. Вся зима встаетъ передъ нами. Въ жизнь свою не видывалъ ничего печальнѣе: кисть Добиньи, скорѣе изысканная, чѣмъ мощная, получила на этотъ разъ какую-то особую силу, чтобы передать унылый видъ нашихъ равнинъ въ декабрѣ.

Вотъ три художника, похищенные смертью: Курбѣ, Корбъ и Добиньи. Но для полноты я позволю послѣ нихъ Анри Реньо и Шентрѣйля; обонхъ уже нѣтъ въ живыхъ. Они занимали второстепенное мѣсто, но въ настоящее время перешли бы на первый планъ, если бы оставались въ живыхъ.

Всѣмъ памятни всеобщія сожалѣнія, которыя возбудила смерть Анри Реньо, убитаго непріателемъ во время осады Парижа въ 1871 г. Въ настоящее время можно сказать, что солдаты заставили оплакивать живописца. Тогда патриотизмъ заставлялъ превозносить талантъ молодого героя, и говорить, что французская школа утратила въ немъ будущее свѣтило. На различныхъ картинныхъ выставкахъ очень восхищались его произведеніями. Въ настоящее время мы находимъ нѣсколько его картинъ на Марсовомъ полѣ, и надо сознаться, что если они и бросаются въ глаза яркостью красокъ, то содержаніе ихъ самое пошлое, а техника скорѣе искусная, нежели сильная. Делакруа прошелъ черезъ это, но Делакруа, просмтрѣнный и исправленный Жеромомъ. Такъ, „L'exécution sans jugement, sous les rois Maures de Grenade“, эта мелодраматическая сцена, этотъ налать, только-что отсѣишій голову и вытирающій саблю театральнымъ

жестомъ, тогда какъ казненный валяется у его ногъ въ крови, напоминаетъ нѣкоторыя картины великаго романтическаго живописца. Но блескъ кисти потускнѣлъ, тоны отличаются грубостью раскрашеннаго стекла, вся картина въ цѣломъ рѣзка и груба. Я предпочитаю небольшой портретъ женщины, одѣтой испанкой, да и тотъ, впрочемъ, не болѣе какъ удачный эскизъ.

Шентрѣйль былъ, кажется, ученикомъ Корбѣ, интересовавшимся особыми моментами въ природѣ. Онъ пытался передать впечатлѣнія, отчасти ускользающія отъ кисти: напримѣръ зарю, смоченную росой, или грозу, или лучъ солнца, прорѣзывающійся сквозь дождь, или порывъ вѣтра въ лѣсу. Его талантъ долго оспаривали и отрицали, но въ сущности онъ очень значителенъ. Нѣкоторыя изъ его картинъ великолѣпны; природа оживаетъ въ нихъ съ своими звуками, запахами, переливами свѣта и тѣней. Къ несчастію, двѣ картины, попавшія на выставку, не могутъ быть причислены къ наилучшимъ. Одна изъ нихъ „L'Esprace“, громадная равнина, верстъ десять въ окружности—съ селеніями, позолоченными солнцемъ, лѣсами, холмами, безконечными полями, тѣмъ не менѣе отличается нѣкоторой ширью. Чувствуешь въ этомъ живописца, стремящагося перещегоолять свѣтилъ натуральной школы пейзажа и который, оставаясь вѣрнымъ копистомъ природы, стремился схватить ее въ одинъ изъ своеобразныхъ и трудно передаваемыхъ моментовъ.

III.

Итакъ, вотъ всѣ знаменитые покойники. Они произвели переворотъ въ искусствѣ, и уже всѣ почти сошли въ могилу въ то время, какъ представители классической живописи, ихъ соперники, всѣ еще живы. Но Энгра больше нѣтъ въ живыхъ, и его преемники, похваляющиеся своей вѣрностью традиціямъ, представляются теперь слишкомъ ничтожными для того, чтобы бороться съ медленнымъ и неотразимымъ наплывомъ реализма.

Надо видѣть на Марсовомъ-полѣ картины Кабанеля и Жерома, и если припомнишь, что эти два живописца не давали ходу Курбѣ всю его жизнь, то станетъ очень грустно. Хотя и говоришь себѣ, что великій успѣхъ посредственности мимолетенъ, что истина рано или поздно торжествуетъ, что въ грядущемъ всякій займетъ должное ему мѣсто, художникъ съ творческимъ талантомъ—на вершинѣ, а терпѣливые и ловкіе школьные учителя у подошвы; но тѣмъ не менѣе слѣпое пристрастіе толпы заставляетъ страдать, начинаешь

сомнѣваться въ самой истинѣ, въ виду глухихъ восторговъ толпы, раздающихся вокругъ узурпированныхъ репутацій.

Ретроспективный и общій обзоръ—страшная вещь для такого живописца, какъ Кабанель, который вѣчно повторяетъ одинъ и тотъ же портретъ или одну и ту же историческую сцену, съ тѣмъ же безцвѣтнымъ колоритомъ, и никогда не пытается на что-нибудь оригинальное. Пытливый художникъ заглядываетъ направо и налево, непрерывно обновляя свое искусство. Но живописецъ съ академическимъ рецелтомъ, воображающій, что монополизировать формулу порядочной живописи, естественно осужденъ на вѣчныя повторенія. Онъ написалъ одну посредственную картину и напишетъ ихъ десять, сто. Ему и въ голову не приходитъ написать что-нибудь новое. Поэтому, если уже видъ одной его картины повергаетъ васъ въ тоску, то представьте, какое уныніе овладѣваетъ вами при видѣ восьми, десяти, двадцати картинъ. Это также несомно, какъ дождливый день. Сами поклонники смущаются, ихъ слишкомъ усердно угощаютъ. Когда я представлю себѣ большую залу, наполненную произведениями, вышедшими изъ-подъ кисти Кабанеля, то дрожь пробѣгаетъ у меня по спинѣ. Это просто какой-то кошмаръ; цѣлый рядъ произведеній безцвѣтныхъ, монотонныхъ, повторяющихъ другъ друга безъ конца и измѣненія. Вотъ почему я говорю: пусть-ка почитатели Кабанеля устроятъ выставку его произведеній послѣ его смерти, — публика заболѣетъ отъ такой выставки. Когда выставили произведенія Делакруа, то зрѣлище его творчества, дѣятельнаго и всесторонняго, было какъ-бы откровеніемъ, изъ котораго художникъ вышелъ съ неувадаемой славой. Кабанеля же навѣки раздавили бы его произведенія и схоронили бы его, какъ глыбы земли, бросаемаы лопатой могильщика.

Мы встрѣчаемъ на Марсовомъ-полѣ однѣ только старыя картины, и тѣмъ не менѣе дивимся имъ. Возможно ли, чтобы онѣ были до такой степени плохи и банальны. Вотъ „La Mort de Francesca de Rimini et de Paolo Malatesta“. Нельзя вообразить себѣ что-нибудь болѣе плоское и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе претенціозное. Это классикъ, холоднокровно устраивающій романтическую оргію, à la Казимиръ Делавинъ. Франческа лежитъ распростертая и бездыханная; Паоло умираетъ у ней на груди. Но всего удивительнѣе костюмъ Паоло, его панталоны въ обтяжку и его плащъ, застегнутый на плечѣ. А краски! Тѣло какое-то черное, матерія подернута какой-то сѣрой дышмой. Нужды нѣтъ, это прилично, это бонтоно! Вотъ еще „Thamar et Absalom“, которая, пожалуй, еще поразительнѣе. На этотъ разъ мы видимъ Библию, приправленную академическимъ соусомъ, салонную Библию въ стилѣ *comme-il-faut*.

Тамара, оскорбленная Амномъ, приходитъ горевать въ домъ своего брата Авессалома: онъ сидитъ, а женщина, обнаженная до пояса, плачетъ у него на колѣняхъ. Во-первыхъ, спрашиваешь себя, къ чему живописецъ выбралъ этотъ сюжетъ. Я понимаю, что онъ искалъ предлога для того, чтобы написать обнаженный женскій торсъ, хотя эта нагота имѣетъ очень мало смысла. Я вижу, что онъ ухватился за случай пощеголять дешевой эрудиціей, изобразивъ внутренность еврейскаго дома, хотя, впрочемъ, всѣ библейскіе сюжеты позволили бы ему сдѣлать то же самое. Но, право, трудно представить себѣ что-нибудь темнѣе, холоднѣе этой сцены. Изъ ста проходящихъ человѣкъ, девяносто-девятъ по-крайней-мѣрѣ не знаютъ, отъ какой обиды рыдаетъ Тамара. Объясненія указателя недостаточно. Посѣтители останавливаются немного удивленные и уходятъ невозмутимые. Я уже не говорю про техническую сторону дѣла; мы видимъ все тотъ же дряблый рисунокъ и безцвѣтный колоритъ.

Кабанель слыветъ великимъ портретистомъ въ модномъ свѣтѣ. Онъ рисуетъ только герцогинь и графинь. Имѣть портретъ, нарисованный Кабанелемъ, мечта каждой разбогатѣвшей буржуазки. Онъ беретъ очень дорого, что отчасти объясняетъ уваженіе, какому онъ пользуется. Но слѣдуетъ прибавить, что его живопись создана на то, чтобы украшать бонтоный салонъ. Представьте себѣ большую, прилично-раскрашенную картину надъ диваномъ, между двумя портьерами. Вы можете зажечь всѣ люстры, картина останется скромной; она не засверкаетъ, какъ какая-нибудь картина Делакруа, — что было бы неприлично. Она не поразитъ мощью и реализмомъ Курбѣ — что было бы совсѣмъ непристойно. Нѣтъ, она не многимъ будетъ отличаться отъ обоевъ, которыми обтянута комната. При этомъ Кабанель умѣетъ придавать дамамъ „un air distingué“. Съ нимъ онѣ могутъ девальтироваться сколько имъ угодно; онѣ не перестанутъ быть цѣломудренными, потому-что онъ превращаетъ тѣло въ мечту; онъ рисуетъ его вѣбными яйцами съ легкимъ оттѣнкомъ кармина. Это — не женщины, это — существа безполыя, неприступныя, неуловимыя, какая-то тѣнь натуры. Понятно поэтому, почему Кабанель сдѣлался живописцемъ аристократіи. Онъ очаровываетъ, но не скандализируетъ. Поглядите на Марсовомъ-полѣ на портреты графини Т*** и герцогини V***. Въ особенности я рекомендую портретъ герцогини L*** и ея дѣтей. Герцогиня, одѣтая въ черный бархатъ, облокотившаяся на красную атласную подушку, сидитъ на очень богатомъ креслѣ. Двое дѣтей играютъ у ея ногъ. Уголокъ салона, гдѣ происходитъ, блеститъ роскошью; драпировки, украшенія. По мнѣнію свѣта, это очень distingué, а въ отношеніи живописи — крайне банально. Красивый экранъ для камина.

Жеромъ не такъ грандіозенъ, но тѣмъ не менѣе пользуется большимъ успѣхомъ. Это тоже классикъ и академикъ, котораго осыпали почестями и наградами, въ то время какъ преслѣдовали Курбѣ и заставляли его платить за колонну. Выставка даетъ полное понятіе объ его искусствѣ. Мы видимъ десять картинъ одинаково хорошихъ или одинаково плохихъ, какъ хотите. Размышленія, высказанныя по поводу Кабанеля, точно также умѣстны и тутъ. Кто видѣлъ одну картину, тотъ видѣлъ ихъ всѣ; это такое же точно производство, какъ издѣлія изъ кокосоваго орѣха каторжниковъ; тутъ приемы неизмѣнны, а потому и результаты одинаковы. Но только у Жерома еще болѣе диковинный рецептъ. Слѣды кисти исчезаютъ. Посѣтители дивятся его картинамъ, какъ какимъ-нибудь дверцамъ кареты. Надо умѣть выбрать мѣсто, съ какаго глядѣть на картину, а то можешь глядѣться въ нее, какъ въ зеркало. Это торжество лака, отчетливая отдѣлка всѣхъ подробностей, которыя живописецъ точно покрылъ стекломъ. Уже не закаливаетъ ли Жеромъ свои картины, подобно тому, какъ закалываютъ рисунки на фарфорѣ? Весьма возможно. Мѣщане восторгаются. Воже мой! какъ это мило и какъ это чисто!

Къ довершенію торжества, Жеромъ чуждъ приличной скуки Кабанеля. Онъ рассказываетъ анекдоты. Каждое изъ его произведеній—небольшой рассказъ, и нѣкоторые очень пикантны и даже рискованны. Я говорю рискованны, но все-таки бонтовы, такъ—чуть только игривы. Всѣмъ памятна его „*Phryné devant l'Agéorape*“, маленькую голую фигурку изъ леденца, которую пожираютъ глазами старики; леденецъ спасалъ приличія. На Марсовомъ-полѣ мы видимъ „*Les Femmes au bain*“, нѣсколько женщинъ безъ рубашекъ, невинное развлеченіе для аматѣровъ, которые любятъ разсматривать картины въ луну. Что касается живописныхъ анекдотовъ, то имъ нѣтъ конца. Вотъ „*L'Arabe et son coursier*“, арабъ, обнимающій мертвую лошадь, растянувшуюся на пескѣ пустыни; это сентиментальная нотка. Вотъ „*Garde du camp*“, три собаки, сидящія впереди нѣсколькихъ палатокъ,—это путевой анекдотъ. Вотъ „*L'Eminence grise*“, кардиналъ Дюбуа, спускающійся съ лѣстницы и привѣтствуемый царедворцами, которыхъ онъ прикидывается, что и не видитъ,—это историческій анекдотъ. Пропускаю множество другихъ и самыхъ разнообразныхъ. Известно вѣдь, что эти картины рисуются затѣмъ, чтобы быть потомъ воспроизведенными фотографіями и украсить собой тысячи буржуазныхъ салоновъ.

Но я упомяну про нѣкоего льва, выставленнаго Жеромомъ. Этотъ левъ лежитъ, скрываемый сумракомъ, и отчетливо видны только его глаза, горящіе фосфорическимъ блескомъ. Я вижу въ этомъ характеристику таланта Жерома. Делакруа тоже рисовалъ львовъ, но онъ рисовалъ ихъ страшными, свирѣпыми, съ оцетинившейся гривой и

окровавленной мордой; но ему никогда въ голову не приходило зажигать у львовъ глаза, точно фонари. Явился Жеромъ и, соперничая съ Делакруа, онъ придумываетъ одно только: вставить свѣтляковъ въ глаза своего льва. Самъ левъ изъ картона, но глаза его блестятъ. Вотъ въ чемъ новостъ и геніальная выдумка. Замѣйте, что весьма возможно, что Жеромъ правъ: что глаза льва, въ самомъ дѣлѣ, такъ сверкаютъ ночью. Но кто не пойметъ ничтожества этой выдумки, этого жалкаго, смѣшного усилія—вставить двѣ свѣчки въ двухкопеечную игрушку. Вѣчно анекдотическія подробности, мелкая наблюдательность, которой дивится и восхищается буржуа. Я слышалъ, какъ восторгались „львомъ“. Женщины стояли, какъ прикованныя, мужчины пускались въ объясненія. Делакруа не было надобности прибѣгать къ этимъ ребяческимъ уловкамъ, чтобы создавать живыхъ и великолѣпныхъ звѣрей. Правда, что публика не понимала и проходила мимо.

Послѣ Кабанеля и Жерома бесполезно разбирать другихъ художниковъ, представляющихъ въ настоящую минуту нашу школу и нашу академію художествъ. Эти два живописца ихъ воплощеніе, они въ нихъ священнодѣйствуютъ. Молодые академическіе живописцы проходятъ черезъ ихъ руки, и это общается намъ цѣлое поколѣніе посредственностей. Къ тому же, я былъ бы затрудненъ только числомъ ихъ. Могу назвать Вугро, соединяющаго Кабанеля съ Жеромомъ, отдѣлку перваго съ чопорностью втораго. Это торжество граціи; воспитательный живописецъ, рисующій неземныхъ созданій, сладкія конфетки, тающія подъ взорами. Много таланта, если подъ талантомъ подразумѣвать ловкость, какая нужна для того, чтобы приправлять природу такимъ соусомъ; но это искусство безсильное, безжизненное, это миниатюрная живопись, принявшая колоссальныя и чудовищныя размѣры, лишенная всякой правды. Я могъ бы привести еще кучу именъ, но это бесполезно, потому что отличительная черта этихъ художниковъ та, что всѣ они похожи другъ на друга. Я кончу, указавъ на картины Эмиля Сильоля. Это, если хотите знать, ученикъ Гро, получившій римскую премію въ 1830 году, назначенъ членомъ академіи въ 1860 г., награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона въ 1865 г. Поглядите на его картины, и вы подумаете, что это шутка. Это просто невѣроятно что такое. Молодая дѣвушка, раскрашивающая картинку въ промежуткѣ между своими уроками, вѣроятно создаетъ болѣе живыхъ и менѣе ребяческихъ человѣчковъ. Въ особенности одна картина „Le soldat de Marathon“, маленькая фигурка, бѣгущая съ лавровой вѣткой въ рукѣ, представляетъ верхъ вѣтлости со стороны рисунка и красокъ. Деревянная маріонетка, оловянный солдатикъ, все, что только можно себѣ представить ни-

чтожнаго и мизернаго произвело бы, разумѣется, менѣе дикое впечатлѣніе. Я догадываюсь, что Синболь уже не молодъ. Но, Боже мой! какое наказаніе, если академическая живопись доводитъ человѣка до такого идіотизма! Да, это настоящій Шарантонъ искусства.

IV.

Академія, къ счастью, пользуется у насъ крайне ограниченнымъ вліяніемъ. Большинство нашихъ художниковъ живетъ внѣ ея и насколько отъ того не въ убыткѣ. Можно даже сказать, что покойные таланты находятъ достойныхъ преемниковъ лишь среди этихъ независимыхъ художниковъ. Они дѣлаютъ честь нашей живописи, даже послѣ Делакруа и Курбѣ.

Упомяну прежде всего про Боннѣ. Въ настоящую минуту онъ, конечно, самый мощный и самый трезвый изъ живописцевъ. У него на выставкѣ не менѣе семнадцати картинъ. Онъ, также какъ и Кабанель, пишетъ портреты, которые очень цѣнятся; но только онъ рисуетъ больше буржуазокъ, а не герцогинь, и это уже характеризуетъ его талантъ. Портретъ Паска, появившійся на картинной выставкѣ 1875 г., очень хорошая вещь. Сознаюсь, впрочемъ, что предпочитаю портреты Боннѣ другимъ его картинамъ. Такъ его „Barbier nègre à Suez“, брѣющий другого негра, сидящаго на землѣ, напоминаетъ композиціи Жерома. Что касается его итальянскихъ сценъ: „Scherzo“ и „Tenebrezza“, всѣхъ этихъ играющихъ женщинъ и дѣтей, то онѣ кажутся мнѣ крайне банальными. Итальянцами и итальянками до такой степени злоупотребляли, что глухое бѣшенство закипаетъ во мнѣ при видѣ этихъ вѣчныхъ красныхъ собакъ и вѣчного куска полотна, навѣрченнаго на голову. У Боннѣ есть нѣсколько картинъ на спеціальной выставкѣ города Парижа. Это декоративныя картины, украшающія залу уголовного суда въ Palais de Justice. Онѣ, какъ и все, что выходитъ изъ подъ кисти этого художника, отличаются большой простотой композиціи и солидностью техники.

Я не могу въ подробностяхъ разобрать всѣ семнадцать картинъ Боннѣ. Я лучше выскажу сужденіе о его талантѣ вообще. Какъ я уже говорилъ, послѣ Курбѣ у насъ не было такого мощнаго работника, какъ Боннѣ. Но только ему не хватаетъ изящества, у него бываютъ порою грязные, мертвенные или мѣловые тоны. Кисть его обезображиваетъ природу. Собратья, завидующіе ему, грубо и несправедливо говорятъ о немъ: „это каменьщикъ“. Это характеризуетъ его кисть, которую признаешь среди толпы всякихъ другихъ. Издали она не такъ поражаетъ, какъ вблизи. Онъ, впрочемъ, еще молодъ и

съ каждымъ годомъ совершенствуетъ свою манеру. Отъ итальянскъ, набившихъ оскомину, онъ перешелъ къ „Христу“, украшающему залу уголовного суда, и это одно изъ самыхъ удачныхъ произведеній нашей школы, за послѣднія десять лѣтъ. Это талантъ развивающійся и могучій.

Перехожу къ Каролюсу Дюрану, и тутъ исторія совсѣмъ другая. Рѣдкимъ художникамъ такъ везло, какъ ему. Съ первыхъ же его картинъ, успѣхъ выпалъ ему на долю, успѣхъ шумный и все растушій. Онъ явился съ претензіей на великаго колориста, на дерзкаго новатора, дерзость котораго простиралась ровно настолько, насколько это нужно, чтобы подзадорить публику. Онъ принадлежалъ къ тому разряду счастливыхъ темпераментовъ, которые на видъ собираются все перевернуть вверхъ дномъ, а на дѣлѣ ведутъ себя очень благоразумно; ихъ причисляютъ къ новаторамъ, но очень любятъ ихъ за то, что они, въ сущности, не оскорбляютъ ни одного изъ установленныхъ понятій. Слыть оригиналомъ, не будучи имъ—да это верхъ торжества! Публика говоритъ:—слава Богу! вотъ смѣлый и индивидуальный художникъ, но мы все-таки его понимаемъ. Вотъ оригинальность, которая намъ по душѣ. И для истинно оригинальныхъ художниковъ ничто такъ не вредитъ какъ эта мнимая оригинальность, потому что публика убѣждается, что можно быть Эженомъ Делакруа, не отказываясь отъ пріятности г. Бугро.

Замѣтьте, что Каролюсъ Дюранъ очень ловкій живописецъ. Какъ это часто бываетъ, онъ сумѣлъ заимствовать у художниковъ, болѣе оригинальныхъ, нежели онъ самъ, но которые осмѣиваются толпой, частицу новизны и употребилъ все свое искусство на то, чтобы примирить толпу съ этой новинкой, предложить ее въ такой блестящей оправѣ, что самые щепетильные буржуа не узнаютъ ее и превозносить. Я могъ бы назвать живописцевъ, которымъ подражаетъ Дюранъ. Но, повторяю, онъ разыгрываетъ бравурныя аріи на ихъ тѣмъ, заливается руладами, и топить истину, принесенную ими, подъ всякаго рода украшеніями. А публика, озадаченная, восхищенная, очарованная талантомъ виртуоза, разражается неистовыми аплодисментами, не подозревая, что если талантъ у него и есть, за то гениі отсутствуютъ.

Было бы, однако, несправедливо не признать, что Каролюсъ Дюранъ очень хорошо умѣетъ рисовать. Я нападаю только на его мнимую оригинальность. Особенно хорошо выходятъ у него неодушевленные предметы, матерія. Въ его женскихъ портретахъ, платя сдѣланы удивительно и всѣ аксессуары тоже очень хороши. Тѣло уже гораздо хуже, какое-то твердое и блестящее, точно подъ нимъ скрывается картонный или деревянный манекенъ. Но на первый взглядъ

его произведенія ослѣпительны и ослѣпляютъ зрителя, несмотря на фальшь, которая въ нихъ ощущается.

Хуже всего то, что эти произведенія скоро старѣются. Я особенно настаиваю на этомъ пунктѣ, потому что онъ поразилъ меня. Увидя вновь на Марсовомъ Полѣ картины Каролюса Дюрана, уже знакомыя мнѣ и видѣнныя мною на различныхъ картинныхъ выставкахъ, я изумился. Неужели это тѣ же самыя произведенія? Я помнилъ настоящіе фейерверки, а передо мною были потускнѣвшія, полинявшія картины, словно ихъ уже съѣла пыль вѣковъ. Фактъ для меня теперь несомнѣненъ. Нѣкоторыя картины, напримѣръ, картины Каролюса Дюрана отличаются, когда онѣ только-что вышли изъ мастерской, особенной свѣжестью, тѣмъ, что у насъ зовется „la beauté du diable“. Но вскорѣ яркость красокъ пропадаетъ, красота улетучивается и въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ мимолетная молодость произведенія отживаетъ и въ немъ проступаютъ старческія черты. Талантъ Каролюса Дюрана блеститъ какъ стекло и хрупокъ такъ же, какъ стекло.

Фактъ яркости иныхъ произведеній при ихъ появленіи и ихъ быстрое отцвѣтаніе поражаетъ меня тѣмъ сильнѣе, что я часто наблюдалъ противное. Бываютъ картины, которыя кажутся грубыми и непріятными по выходѣ изъ мастерской. У нихъ нѣтъ свѣжести только-что раскрашенной куклы. Но вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, и вы поражены ихъ неувадающей молодостью, когда снова ихъ видите. Онѣ выиграли въ красотѣ, онѣ все живы и стали эффектнѣе и выразительнѣе. Каждый истекшій годъ надѣляетъ ихъ новой прелестью. Онѣ бессмертны, тогда какъ другія, тѣ, у которыхъ одна только внѣшность жизни, совершенно отцвѣтаютъ. Это, по-моему, справедливо. Успѣхъ, основанный на минутномъ увлеченіи, недолговѣченъ. Надо исподволь завоевать публику, чтобы она оставалась вѣрна; надо не бояться жизни и ея угловатостей—для того, чтобы вѣчно жить.

Общій крикъ на Марсовомъ полѣ, что картины Каролюса Дюрана поблидиѣли. Приведу, напримѣръ, „L'enfant bleu“, портретъ ребенка, одѣтаго въ голубомъ и выдѣляющагося на голубомъ фонѣ. Тѣни посвѣтлѣли, а свѣтловыя части запачкались. Голова, въ особенности, приняла безжизненный оттѣнокъ куклы. Картина стала неудачной эксцентричностью. Только одинъ портретъ сохранилъ нѣкоторый характеръ: портретъ г-жи Каролюсъ Дюранъ въ черномъ—на зеленомъ фонѣ. Прибавлю, что Каролюсъ Дюранъ—очень модный портретистъ и беретъ такъ же дорого, какъ и Кабанель и Бонна. Наши живописцы всѣ избираютъ своей спеціальностью портреты и въ особенности женскіе, потому что этого рода живопись самая прибыльная.

Впрочемъ, жанръ никогда не удавался Карлоусу Дюрану. На выставкѣ есть его картина: „Dans la gascogne“,—голая женщина, съ очень бѣлой кожей, окружена нѣжной зеленью. Художникъ думалъ изобразить въ ней олицетвореніе зари. Ни одна изъ его картинъ такъ не пострадала, какъ эта.

Мнѣ не хочется быть строгимъ, я желалъ бы быть только справедливымъ. Надо подумать сперва о великихъ художникахъ, прежде нежели признавать первостепенный талантъ въ Карлоусѣ Дюранѣ, котораго не въ мѣру превознесли въ послѣдніе годы. Великіе художники всѣ приносятъ съ собой особую творческую силу, вдохновляющую ихъ творенія. Въ картинахъ ихъ ощущается присутствіе сильной оригинальности, глубокаго чувства, какая-то мощь, которую легче почувствовать, нежели опредѣлить. У Эжена Делакруа мы видимъ пламенную натуру, громадный умъ, никогда недремлющій, необыкновенное пониманіе жизни. У Курбѣ преобладаетъ пониманіе дѣйствительности и правды, такая мощная и вѣрная передача природы, что человѣческое творчество, безъ сомнѣнія, не можетъ пойти дальше. Теперь взгляните на Карлоуса Дюрана и спросите его: какое новое слово сказалъ онъ своими произведеніями. Изучите его, разберите его, не по каждой картинѣ въ отдѣльности, но въ общей сложности его произведеній. Вы придете къ такому заключенію: у него много ловкости, поддѣльнаго блеска, живая оригинальность, крикливая и жеманная. Разумѣется, онъ умѣетъ рисовать; въ этомъ его извиненіе. Но я предсказываю, что талантъ будетъ все болѣе и болѣе погасать и что онъ переживетъ самого себя.

Геннеръ пробилъ себѣ дорогу съ меньшимъ шумомъ. Это мягкій и задумчивый художникъ, питающій особенное пристрастіе къ извѣстнымъ тонамъ, къ извѣстнымъ контрастамъ. Справедливо говорили, что онъ проявилъ весь свой талантъ въ своей картинѣ: „La Femme au divan noir“ (1869 г.). Передъ нами просто-на-просто голая женщина, распростертая на черной матеріи; бѣлое пятно на чернильномъ фонѣ. Но Геннеръ написалъ цѣлую градацію тоновъ въ черномъ и бѣломъ цвѣтахъ. Тѣло женщины переходитъ отъ блѣдно-золотистаго оттѣнка въ красновато-золотистый, между тѣмъ какъ черный цвѣтъ измѣняется отъ прозрачнаго сумрака до непрогляднаго мрака бурной ночи. Но эффектъ тѣмъ не менѣе поразительный. Разъ открывъ секретъ, Геннеръ повторяетъ его на всѣ лады. Почти всѣ женщины, которыхъ онъ рисуетъ, одѣты въ черномъ. Его „Christ mort“ выдѣляется изъ густаго мрака. Его картина: „Le Soir“ изображаетъ бѣлый женскій силуэтъ среди очень темнаго лѣса. „Наяды“ повторяютъ тотъ же сюжетъ, но въ увеличенномъ размѣрѣ: шесть женщинъ, только-что выкупавшихся, сгруппированы возлѣ рѣки;

травы черная, деревья черныя. И я вовсе не порицаю Геннера, потому что въ этой предвзятой идеѣ много откровенности, весьма глубокое пониманіе гармоніи тоновъ и оригинальной передачи природы.

Теперь мнѣ пришлось бы перечислить много именъ. Рибо, такъ же какъ и Геннеръ, видитъ въ природѣ только два тона: бѣлый и черный, и еще съ большимъ упорствомъ. Но у него нѣтъ изящества и теплоты Геннера. Бѣлый тонъ отдаетъ у него мѣломъ, а черный—углемъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, быть искуснымъ живописцемъ. Онъ съ самаго начала выбралъ себѣ специальность; онъ рисовалъ однихъ только поваренковъ и между его первыми картинами есть настоящія маленькія *chef-d'oeuvre*. Позднѣе, когда онъ расширилъ свои рамки, его не безъ основанія упрекали въ томъ, что онъ видитъ природу слишкомъ въ черномъ свѣтѣ. Его „*Cabaret Normand*“ очень солидная вещь, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ его кисти. Мнѣ меньше нравится его „*Von Samaritain*“. Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ художникъ очень дурно представленъ на выставкѣ, гдѣ у него только три картины.

Валлонъ представляетъ прекрасный примѣръ того, какое высокое мѣсто можетъ занять художникъ, благодаря силѣ воли и труда. Онъ пережилъ очень трудныя минуты. Сначала онъ рисовалъ только неодушевленные предметы и выбиралъ самыя простыя вещи,—кухонную посуду. Его котлы, великолѣпные котлы, были знамениты. Затѣмъ, когда имя его прославилось, онъ сталъ рисовать художественные предметы: оружіе, эмали, драгоценныя матеріи. На Марсовомъ полѣ можно видѣть его двѣ лучшихъ *natures-mortes*: „*Curiosités*“ и „*Poissons de mer*“, замѣчательныхъ по своей technikѣ. Наконецъ, онъ дошелъ и до человѣческихъ фигуръ и выставилъ, въ 1876 г., картину: „*Femme du Pollet, à Dieppe*“, которая была настоящимъ артистическимъ событіемъ. Это родъ Бобелины, одѣтой въ лохмотья, съ ношей на спинѣ, шагающей вдоль морского берега. Я упрекнулъ бы главнымъ образомъ эту картину въ идеализаціи модели: подумаешь, что это сама Венера Милосская, переодѣтая нищенкой, до такой степени великолѣпно тѣло, прикрываемое лохмотьями, грудь, бедра—какъ у настоящей богини. Но техническая сторона дѣла заслуживаетъ большой похвалы и впечатлѣніе получается сильное. Насколько я его понимаю, Валлонъ трудолюбивый художникъ и отлично знаетъ свое дѣло. Я сомнѣваюсь, однако, чтобы онъ написалъ что-нибудь болѣе совершенное, чѣмъ его первыя *natures mortes*.

Въ числѣ художниковъ, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть въ обзорѣ современной французской школы живописи, находится Жюль Бретонъ. Я сейчасъ упрекалъ Валлона въ томъ, что онъ идеализи-

ровали свою діепискую рыбачку. Жюль Бретонъ, съ своей стороны, составилъ себѣ имя, рисуя идеальныхъ крестьянокъ. Надо видѣть на Марсовомъ полѣ красавицъ, которыхъ онъ одѣваетъ въ краше-нину и снабжаетъ походкой богинь. Толпа восторгается и зоветъ это avoir du style. Но это просто-на-просто лгание и ничего больше. Я предпочитаю крестьянокъ Курбѣ—не только потому, что онѣ лучше нарисованы въ техническомъ отношеніи, но и потому еще, что онѣ вѣрны дѣйствительности. Замѣтите, повторяю, что Жюль Бретонъ былъ осннанъ наградами съ 1855 года, что медали и кресты сып-ались на него дождемъ, тогда какъ Курбѣ умеръ въ изгнаніи, преслѣ-дуемый судебными приставами, которыхъ французская администрація отравила по его пятамъ.

У насъ есть еще Геберъ, болѣзненный живописецъ маленькихъ задумчивыхъ итальянокъ, чудаекъ-художникъ, ухитрившійся изобрѣсти сплинъ подъ плѣнительнымъ небомъ Флоренціи и Неаполя. У насъ есть Изабей, пережившій романтическую баталію. У насъ есть художники всякаго ремесла и всякаго подражанія, но я лучше оста-новлюсь на одномъ новичкѣ, Лоренсѣ, на котораго „Ecole des Beaux-Arts“ возлагала большія надежды. Одну минуту въ немъ видѣли «ху-дожника, который долженъ обновить великое искусство, а подъ ве-ликимъ искусствомъ надо понимать историческую живопись. И не-сомнѣнно, что Лоренсъ рисовалъ историческія сцены въ большихъ размѣрахъ. Мы встрѣчаемъ на Марсовомъ полѣ четырнадцать его картинъ; заглавія покажутъ, къ какому роду принадлежать его кар-тины: „Св. Бруно отказывается отъ подарковъ Рожѣ, графа Калабрій-скаго“, „Папа Формозъ и Стефанъ VII“, „Отлученіе отъ церкви Ро-берта благочестиваго“, „Франческо Борджиа передъ гробомъ Изабеллы Португальской“, „Австрійскій генеральный штабъ передъ тѣломъ Марсо“. Эта послѣдняя картина имѣла особенно большой успѣхъ на картинной выставкѣ прошлаго года. Марсо, мертвый, лежитъ на кровати, а австрійскіе генералы проходятъ передъ нимъ. О произве-деніяхъ Лоренса можно сказать, что это красивые эстампы, хорошо задуманные; въ нихъ есть пониманіе драмы, техника à la Деларошъ, очень чистое выполненіе. Но не болѣе того. Я ищу художника въ обширномъ смыслѣ этого слова. Живописецъ не вноситъ ни одной новой ноты, ничего оригинальнаго въ передачѣ природы; онъ не продолжаетъ и не вызываетъ переворота въ искусствѣ. Я предпо-читаю большимъ махинамъ, которыя онъ сочиняетъ на историческіе тексты, послѣдняго изъ пейзажистовъ, который спокойно усаживается передъ деревомъ и списываетъ его, вѣрно передаетъ впечатлѣніе, производимое имъ.

Кончаю: я назвалъ тѣхъ изъ нашихъ художниковъ, которые

стоять во главѣ теперешняго движенія. И легко было заключить, что великіе таланты: Энгръ, Делакруа, Курбё-нигѣмъ не замѣнены. Великихъ талантовъ не стало, остались одни только ученики, болѣе или менѣе искусно замаскированные. Это хвостъ. Конечно, въ талантѣ нѣтъ недостатка. Есть солидная техника Бонна, яркая кисть Каролюса Дюрана, изящество тоновъ Геннера, ограниченный реализмъ Рибо и Валлона. Но всѣ эти художники только продолжаютъ своихъ предшественниковъ, ослабляя ихъ. Ни у одного нѣтъ личной инициативы, настолько опредѣленной, настолько энергической, чтобы расширить движеніе и придать ему новую силу. Въ литературѣ, какъ и въ искусствѣ, важны одни творцы. Чтобы быть замѣтнымъ, надо произвести переворотъ въ человѣческой производительности. Въ противномъ случаѣ наилучше одаренные люди остаются простыми забавниками, искусными и почтенными работниками, которымъ рукоплещетъ польщенная и забавляющаяся толпа, но которые не существуютъ для потомства.

V.

Но живъ еще одинъ мастеръ, о которомъ я еще не говорилъ. Это—Мейсонье. Я называю его мастеромъ, потому, что онъ дѣйствительно создалъ жанръ во Франціи, т.-е. тѣ маленькія анекдотическія картинки, рамки которыхъ повдѣе расширилъ Жеромъ, и которыми подражали сотни живописцевъ.

Мнѣ не нравится талантъ Мейсонье; сейчасъ скажу почему; но было бы несправедливо не признать его рѣдкихъ качествъ. Онъ несомнѣнно единственный, сумѣвшій сообщить жизнь своимъ фигурамъ, ихъ позамъ, ихъ платью, выраженію ихъ лицъ. Это не жизнь дѣйствительная, потому что живопись его стекловидная и угловатая, и подъ платьемъ и кожей чувствуется деревянный манекенъ; но это очень тонкое и остроумное воспроизведеніе жизни, которымъ легко увлечься. Чтобы оцѣнить всѣ достоинства Мейсонье, надо сравнить его съ однимъ изъ его учениковъ, и тогда судить объ изяществѣ его кисти, естественности рисунка, совершенствѣ отдѣлки. Повторяю, это мастеръ въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія онъ себѣ избралъ.

Мейсонье пользовался большимъ успѣхомъ. Онъ—членъ академіи, командоръ Почетнаго Легіона, заваленъ наградами; ему вѣчего больше желать для славы. Кромѣ того, онъ продаетъ свои картины, можно сказать, на вѣсъ золота, и я думаю даже, что одна изъ его картинъ, проданная за сто тысячъ франковъ, далеко не вѣсила пять тысячъ дундуровъ. Мельчайшія изъ его произведеній продаются по безум-

нымъ цѣнить. А подумать только, что Делакруа при жизни продавалъ свои мастерскія произведенія за двѣ, за три тысячи франковъ, и что даже въ настоящее время, несмотря на полное торжество его генія, за картины Делакруа далеко не платятъ такъ дорого, какъ за картины Мейсонье. Вотъ когда я начинаю сердиться. Пристрастіе толпы всегда объясняется дрянными причинами.

Почему же публика съ такимъ азартомъ набрасывается на картины Мейсонье? Очевидно, что не художественное достоинство его произведеній вызываетъ этотъ азартъ. Истина въ томъ, что публика просто-на-просто восхищается фокусами художника. Онъ отдѣлываетъ пуговицы на жилетѣ, перья на шляпѣ, брелоки на цѣпочкѣ отъ часовъ такъ, что ни одна подробность не пропадаетъ—вотъ что возбуждаетъ этотъ неописанный восторгъ. [А что еще важнѣе, что онъ рисуетъ человѣчковъ четырехъ-пяти сантиметровъ величины, которыхъ надо разсматривать въ лупу, если хочешь хорошенько разглядѣть—вотъ что доводитъ восторгъ до крайности, заставляетъ безумствовать самыхъ хладнокровныхъ почитателей. Толпѣ льстятъ въ ея ребяческихъ инстинктахъ, въ ея поклоненіи побѣжденнымъ трудностямъ, въ ея любви къ хорошо нарисованнымъ и, главное, къ хорошо отдѣланнымъ картинкамъ. Она только это и понимаетъ въ искусствѣ; новизна, оригинальность приѣмовъ, своеобразная передача природы оскорбляетъ и отталкиваетъ ее, между тѣмъ ее вполне удовлетворяютъ миниатюрныя картинки, отдѣланныя какъ драгоценный уборъ. Вотъ объясненіе торжества Мейсонье, превозносимаго цѣлой толпой почитателей. Онъ богъ буржуазіи, которая не любитъ сильныхъ ощущений, доставляемыхъ истинными художественными произведеніями. Ни одинъ художникъ въ нашемъ столѣтіи не былъ такъ избалованъ публикой.

Итакъ, я сержусь на него за эти несоразмѣрные успѣхи, когда припоминаю мученическую жизнь, какую вели наши великіе художники. Ихъ отрицали, ихъ смѣшивали съ грязью, тогда какъ передъ нимъ возносились кадила критиковъ. И, быть можетъ, по тому самому я склоненъ строже относиться къ нему, въ видѣ отместки.

Во-первыхъ, я уже сказалъ, что техника у него самая непріятная, какая только можетъ быть у живописца. Онъ рисуетъ очень свѣтлыми тонами, что было бы не бѣда; но въ его тонахъ прозрачность агата, сухость и угловатость стекловиднаго вещества: точно живопись на фарфорѣ. Тутъ нѣтъ убійственной политуры Жерома, во все же это бѣдно, жидко, рѣзко. Вообще живыя фигуры болѣе отдѣланы. Чтобы увидѣть всѣ недостатки техники, надо обратить вниманіе на фонъ, главное—на обрывки пейзажа. Тамъ чувствуется вся бѣдность этой кисти, которая свободна только тогда, когда она

расписываетъ маленькихъ человѣчковъ, любимыхъ живописцемъ. Деревья точно зеленныя щетки, дома похожи на раскрашенные деревянные игрушечные кубики и т. д.

Наконецъ, рамки его естественно весьма ограниченны. Онъ избралъ небольшую тропинку въ искусствѣ. Я знаю, что одного живого лица, перенесеннаго на полотно, достаточно для вѣчной славы художника и что не слѣдуетъ мѣрять геній живописца величиной его картинъ. Но надо же принимать во вниманіе ширину творчества, грандіозность усилія, замысла какого-нибудь сложнаго произведенія. Сравните картину Эжена Делакруа съ картиной Мейсонье. Въ сущности этотъ этотъ послѣдній вѣчно рисуетъ одну и ту же лошадь, одну и ту же фигуру восемнадцатаго столѣтія, одѣтую въ одинъ и тотъ же костюмъ, одного и того же солдата, въ одной и той же позѣ. Онъ пробавляется нѣсколькими неизмѣнными типами, онъ не затрагиваетъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Я хочу сказать, что онъ не олицетворяетъ во всей его полнотѣ понятіе о великомъ художникѣ, какое мы себѣ составили въ настоящее время.

Отведите ему должное мѣсто, и я первый стану восхищаться имъ.

У Мейсонье выставлено не менѣе шестнадцати картинъ на Марсовомъ полѣ. Хуже всего то, что эти картины не изъ лучшихъ. Я увидѣлъ здѣсь одну изъ самыхъ большихъ картинъ, какія только онъ рисовалъ: „Les Cuirassiers, 1805“. Это—кирасирскій полкъ, выстроенный въ боевомъ порядкѣ и готовящійся идти въ атаку. Есть интересныя головы, лошади, нарисованныя съ такой отчетливостью, что волосокъ подобранъ къ волоску и видны всѣ жилки. Но почитатели Мейсонье не безъ основанія предпочитаютъ менѣе обширныя картины его, напр., „Portrait du sergent“, сцену, гдѣ французскій гвардеецъ снимаетъ портретъ съ своего сержанта у дверей кордегардіи; или опять „Le Peintre d'Enseignes“, гдѣ маляръ и его заказчикъ представлены въ костюмахъ директоріи. Обѣ эти картины замѣчательны правдой и жизненностью фигуръ. Меня очень удивилъ одинъ пейзажъ „Видъ Антильскихъ острововъ“. Два всадника ѣдутъ по дорогѣ, залитой солнцемъ. Вотъ гдѣ можно судить о жалкой technikѣ Мейсонье, когда онъ удаляется отъ своихъ маленькихъ человѣчковъ. Горизонтъ у него точно высѣченъ изъ крѣпкаго камня. Полдень имѣетъ этотъ блескъ, но онъ полонъ воздуха, онъ горитъ, отражаясь въ глубокой синевѣ небесъ. Воздуха совсѣмъ нѣтъ въ картинахъ Мейсонье. Онъ напоминаетъ первобытныхъ живописцевъ. Онъ сухъ и рѣзокъ. Наконецъ, триумфомъ выставки, картиной, передъ которой тѣснится публика, является воспроизведеніе, величиной въ ладонь: „Les Joueurs de boules“. Сцена опять происходитъ на большой дорогѣ, близъ Антиба, бѣлѣющагося вдаль. Солнечные лучи падаютъ вертикально и

ни одна почти стѣна не даетъ тѣни. На первомъ планѣ сгруппированы игроки; одни обращены къ публикѣ спиной, двое видны въ профиль, а третій отошелъ въ сторону и раскуриваетъ трубку. Живописецъ, питающій слабость къ костюмамъ прошлаго столѣтія, нарядилъ по своему вкусу крестьянъ, которыхъ видѣлъ играющими въ мячъ въ Провансѣ. Но чудомъ въ картинѣ, подробностью, вынуждающей крики восторга у зрителей, являются двѣ фигурки въ глубинѣ картины: игрокъ, собирающійся пустить мячъ, и одинъ изъ его товарищей, стоящій рядомъ съ нимъ. Игрокъ въ особенности восхищаетъ. Расставивъ ноги, выгнувъ руки, онъ приготовился бросить шаръ; вся его фигура величиной не болѣе какъ въ сантиметръ. И, о чудо! отчетливо видны простымъ глазомъ разныя подробности, характеризующія его какъ насѣкомое человѣческаго рода. Что же было бы, если бы поглядѣть на него въ лупу! У него руки и ноги тонкія, какъ лапы саранчи. Что касается шляпы двухухолки, то я отказываюсь описать энтузіазмъ, возбуждаемый ею. Вотъ на чемъ остановилось воспитаніе публики въ дѣлѣ искусства: толпы народа съ утра до ночи толкаются у картины, чтобы видѣть этотъ зародышъ живописи и ахать надъ шляпой величиной съ мушинный слѣдъ.

Это, конечно, не ослабляетъ таланта Мейсонье. Я хотѣлъ только объяснить причины его успѣха, совсѣмъ несоразмѣрнаго. И этотъ разборъ привелъ меня къ двумъ результатамъ: къ тому, что я опредѣлилъ мѣсто, какого онъ заслуживаетъ въ нашей школѣ, и роль, какую онъ въ ней играетъ, затѣмъ доказалъ извращеніе общественнаго вкуса, и какъ могутъ быть преувеличиваемы иныя репутаціи, тогда какъ успѣхъ столь трудно достается истинно оригинальнымъ художникамъ.

Въ чемъ нельзя отказывать Мейсонье, это въ томъ, что онъ породилъ безчисленное множество учениковъ и подражателей. Такая плодовитость неудивительна, когда припомнишь, какую нѣжность питаетъ публика къ хорошему картинамъ, занимающимъ мало мѣста. Наши буржуазные салоны такъ тѣсны, что на стѣнахъ можно вѣшать очень маленькія картины. Отъ этого рынокъ заваленъ такими картинками. Каждый изъ живописцевъ избралъ себѣ специальность; въ продолженіи многихъ лѣтъ, напримѣръ, Тульмушъ рисовалъ все одну и ту же очень нарядную даму, которая стоитъ посреди будуара, а Сентинъ не отступилъ отъ субретокъ, отъ сценъ à la Pompadour съ участіемъ одного или двухъ лицъ. Но всего больше успѣха имѣли въ послѣдніе годы маленькія военныя картинки. Въ числѣ наиболѣе счастливыхъ подражателей Мейсонье надо назвать Невилля и Бернъ-Белькура.

У Невилля ничего не выставлено на Марсовомъ полѣ. И подѣ

этимъ отсутствіемъ скрывается цѣлая исторія, надѣлавшая нѣкотораго шума въ Парижѣ. Администрація, руководимая духомъ примиренія и вѣжливости, быть можетъ, преувеличеннымъ, рѣшила, что всѣ военныя сцены, относящіяся къ послѣдней франко-прусской войнѣ, не будутъ допущены на выставку. Само собою разумѣется, что Невилль, у котораго ничего нѣтъ, кромѣ военныхъ сценъ, долженъ былъ воздержаться отъ присылки картинъ на выставку. Бернъ-Бельвиль былъ счастливѣе; у него нашлось три картины, между прочимъ его знаменитая картина: „Un coup de canon“, положившая начало его репутаціи на картинной выставкѣ 1872 г., и лучше которой онъ съ тѣхъ поръ ничего не нарисовалъ. На картинѣ представлена часть парижскихъ укрѣпленій, пушка заряжена и одинъ изъ артиллеристовъ только-что поджегъ фитиль, а другіе солдаты, приподнявшись на цыпочкахъ разсчитываютъ, куда должно попасть ядро. Главнымъ достоинствомъ этой сцены является правда положеній, тонкая наблюдательность, проявляющаяся во всѣхъ деталяхъ, простота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательность композиціи.

Я кончу назвавъ Вибера и Лелуара, маленькія картинки которыхъ, не пользуясь такимъ успѣхомъ, какъ картины Мейсонье, особенно нравятся толпѣ. Виберъ въ особенности пользуется славой остроумнаго живописца, съ легкой и изящной кистью. Съ удовольствіемъ смотришь на многія изъ его произведеній, прославленныхъ фотографіей. Толпа непрерывно толпится передъ „La Cigale et la Fourmi“, въ образѣ тощаго фокусника и жирнаго монаха, повстрѣчавшихся на дорогѣ, и передъ „Départ des mariés“, веселой и оживленной картинкой, на которой молодые отъѣзжаютъ на одномъ мулѣ, сопровождаемые поздравленіями и привѣтствіями поѣзжанъ. „Un baptême“, Лелуара, нарисованъ въ томъ же духѣ и такъ же нравится.

Я знаю, что вся эта жанровая живопись не имѣетъ никакого значенія. Это анекдотическая сторона искусства, веселая забава для нашей буржуазіи. Но надо прибавить, что это чисто французская живопись. Она родилась у насъ такъ же, какъ и водевиль. Она родная сестра куплета и каламбура.

VI.

Увы! наша школа пейзажа тоже обидѣла въ настоящую минуту. Какъ я уже говорилъ, мастеровъ не стало, остались одни только ученики. Правда, что эти ученики люди стойкіе и пейзажъ все-таки составляетъ нашу славу въ дѣлѣ искусства.

Я часто повторялъ, что великій переворотъ въ живописи начался

съ пейзажа. Такъ и должно было быть. Логика требовала, чтобы правдивое изображеніе природы началось съ деревьевъ, воды, земли. Позднѣе дойдетъ чередъ и до человѣка. Поль Гюэ, нынѣ умершій, но котораго три картины выставлены на Марсовомъ полѣ, былъ однимъ изъ первыхъ поворотовъ. Посмотрите на „Le Léta“, „à marée haute“, „dans la forêt de Quimperlé“. Любовь и уваженіе къ природѣ уже свѣтятся въ ней сквозъ какое-то романтическое преувеличеніе. Надо знать, что Поль Гюэ былъ ученикомъ Гро и Герена. Но явились Коро и Добиньи, о которыхъ я говорилъ выше, и отреклись отъ академическихъ пріемовъ. Въ настоящее время эти два мастера одержали такую полную побѣду, что никто больше и не помышляетъ объ историческомъ пейзажѣ. Если еще гоняются за идеализаціей въ портретѣ, въ историческихъ и жанровыхъ картинахъ, то всѣ допускаютъ, что пейзажъ долженъ быть вѣренъ природѣ. Это громадный успѣхъ, первый фазисъ, въ какой вступаетъ наша школа, чтобы придти къ точному анализу одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ.

Со всѣмъ тѣмъ остаются еще два живописца, притворяющіеся, что вѣрятъ въ историческій пейзажъ. Не слѣдуетъ жалѣть объ ихъ упорствѣ; надо сказать себѣ, что Поль Фландренъ и де-Кюрзонъ оказываютъ намъ большую услугу, показывая намъ, къ какимъ дикимъ уклоненіямъ пришли классическіе пейзажисты, когда реалисты предприняли свое революціонное движеніе. Словомъ, картины этихъ господъ служатъ отличнымъ мѣриломъ для сравненія. Всего изумительнѣе, что оба претендуютъ на то, что они рисуютъ прямо съ природы. Такъ де-Кюрзонъ выставилъ: „Vue de la rade de Toulon“ и „Une vue, prise à Ostie pendant la crue de Tibre“; тогда какъ съ своей стороны Поль Фландренъ показываетъ намъ „Un vallon dans les montagnes du Bugey“ и „Un groupe de chênes verts (Provence)“. Подумаешь, что они вскинули свой дорожный ранецъ на плечи, какъ простые пейзажисты-реалисты. Правда, что Поль Фландренъ менѣе компрометируетъ себя, чѣмъ де-Кюрзонъ. Онъ рисуетъ „Un vallon“; онъ рисуетъ „Un groupe de chênes verts“. Это неопредѣленно и отзывается Пуссеномъ. Надо прибавить, что эти господа не списываютъ природу, не мудрствуя лукаво; нѣтъ, они отдѣлываютъ каждый листочекъ на деревѣ, располагаютъ линіи горъ, согласно извѣстнымъ правиламъ, словомъ—сочиняютъ свои пейзажи, какъ Кабанель сочиняетъ свои картины. И я почти готовъ проникнуться къ нимъ чувствомъ уваженія, какъ къ фанатическимъ служителямъ умершаго искусства; а публика проходитъ мимо нихъ, не удостоивая ихъ ни однимъ взглядомъ. Успѣха они не имѣютъ никакого. Напримѣръ, Поль Фландренъ—ученикъ Энгра, шутка сказать—получилъ

орденъ въ 1852 г. и съ тѣхъ поръ не получалъ ни одной награды. Итакъ, отъ историческаго пейзажа отвернулась не только публика, но и сама администрація.

Я буду кратокъ, говоря о молодыхъ пейзажистахъ, занимающихъ мѣсто своихъ учителей, къ сожалѣнію, не наполнивъ его. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть о Пелузѣ и Грильеме. Первый рисуетъ чудесно лѣса. Его „Vallée de Cernay“ великолѣпна, а „La source de bois à Leulisse“ живо передаетъ глухую, но мощную жизнь лѣса. У Грильеме есть отличные по технике морскіе виды. „Villerville“ и „La Plage de Pays près de Dieppe“. Но мнѣ еще больше нравятся его парижскіе виды. Я могъ бы послѣ этихъ двухъ художниковъ назвать нѣсколькихъ другихъ, почти равнаго таланта. Но достаточно и этихъ двухъ иметь, чтобы показать, на чемъ остановились наши пейзажи. На нашихъ ежегодныхъ картинныхъ выставкахъ пейзажисты идутъ во главѣ. Между тѣмъ, ходячее мнѣніе все еще относится къ нимъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Такъ, жюри награждаютъ ихъ гораздо неохотнѣе. Никогда почетная медаль не будетъ присуждена пейзажисту. Это пренебреженіе основано на идѣѣ, что человѣкъ, конечно, занимаетъ болѣе крупное мѣсто въ природѣ, нежели деревья, долины и рѣки. Всѣ великіе живописцы занимались человѣкомъ. Но въ переходную эпоху, переживаемую нами, когда, съ одной стороны, мы видимъ пейзажистовъ-реалистовъ, шествующихъ во главѣ движенія нашего вѣка, а съ другой—историческихъ живописцевъ, застывшихъ на академическихъ подражаніяхъ, на лживости условнаго идеала, то, по моему мнѣнію, нельзя, казалось бы, колебаться: слѣдовало бы осыпать первыхъ почестями и деньгами, потому что они готовятъ будущее и насколько возможно обезкураживаютъ послѣднихъ, потому что въ нихъ преграда, о которую разбивается новое искусство.

Я бы остановился на этомъ, если бы мнѣ не нужно было исправить одинъ пропускъ. То-есть это не то, чтобы пропускъ, потому что, писавъ эту статью, я часто думалъ о Гюставѣ Моро, талантѣ котораго обиваетъ съ толку, такъ что не знаешь, куда его отнести. Онъ не подходитъ ни къ одному изъ разрядовъ, перечисленныхъ здѣсь; его нельзя ни съ кѣмъ сравнить; нельзя причислить ни къ какой школѣ; у него не было учителя и не будетъ учениковъ. Я обязанъ поэтому поставить его особнякомъ и послѣ всѣхъ.

И, во-первыхъ, объявляю, что художественные взгляды Гюстава Моро діаметрально противоположны моимъ взглядамъ. Они мнѣ досаждаютъ и раздражаютъ меня. Это символическій и архаическій талантъ, который, не довольствуясь презрѣніемъ къ дѣйствительной жизни, задаетъ самыя диковинныя загадки. Я уже говорилъ вамъ

въ 1876 г. объ его странной „Salomé“, являющейся къ царю Ироду съ мистическимъ цвѣткомъ въ рукахъ и объ его „Hercule et l'Hydre de Lerne“. Но мы находимъ на Марсовомъ полѣ еще болѣе диковинныя картины: „Jacob et l'Ange“, на которой голова этого послѣдняго окружена солнцемъ, лучи котораго занимаютъ всю картину; „Moïse exposé sur le Nil“, плетеная корзинка, гдѣ спитъ ребенокъ съ золотыми рогами, и которая плаваетъ среди удивительныхъ цвѣтовъ, а фонъ занимаетъ египетская архитектура; „David“—еврейская греза, великій король грезитъ на престолѣ, окруженный восточной роскошью, а у ногъ его дожидается женщина. Я приберегу къ концу „Le Sphinx deviné“; тутъ символика доведена до своихъ крайнихъ предѣловъ и греческая басня толкуется настоящимъ ясновидящимъ. У бездны стоитъ Эдипъ побѣдитель, а Сфинксъ бросился въ бездну. Надо видѣть этого Сфинкса, съ его львинымъ туловищемъ и орлиными крыльями, который живописецъ, не знаю почему, нарисовалъ голубыми. Хотите ли знать, какое впечатлѣніе унесъ я отъ этой картины? Сначала меня раздосадовало, какъ можетъ художникъ намѣренно замыкаться въ такое толкованіе природы. Я объясняю это себѣ только сильной потребностью реагировать противъ современнаго реализма. Умъ человѣческій полонъ противорѣчій. „Ахъ! вы списываете съ природы, вы гоняетесь за точнымъ анализомъ!—такъ вотъ же вамъ! смотрите, чѣмъ я занимаюсь и дивитесь. Я одинъ въ своемъ родѣ и горжусь своимъ одиночествомъ“. Миѣ казалось, что такъ рассуждаетъ Гюставъ Морѳ. Но со всѣмъ тѣмъ тѣмъ а ушелъ отъ картины раздосадованный. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени вернулся. Меня привлекала странность замысла и въ особенности меня заинтересовалъ Сфинксъ. У него типичная голова, круглая и вялая женская голова, а ротъ нѣсколько скривленъ на бокъ, чтобы испустить громкій вопль. И я долго глядѣлъ и чувствовалъ, что почти увлеченъ картиной.

Вотъ моя исповѣдь. Она служитъ къ чести Гюстава Морѳ. Конечно, интересъ, который миѣ внушаетъ его произведеніе, сходенъ съ тѣмъ интересомъ, который заставляетъ меня долго вертѣть въ рукахъ старинную игрушку, искусно сработанную. Наконецъ, это произведеніе по сравненію придаетъ еще больше солидности и ширины нашимъ реальнымъ произведеніямъ. Реакція совершается въ обратную сторону. Наглядѣвшись на картины Гюстава Морѳ, даже до того, что онѣ заинтересовали васъ и почти поправились вамъ, вы уходите съ neodолжимымъ желаніемъ нарисовать первую показавшуюся замарашку, которая вамъ попадется на улицѣ.

VII.

Въ заключеніе этой статьи считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько статистическихъ данныхъ, которыя нашелъ во главѣ официального каталога.

„Официальныя выставки происходили въ Парижѣ ежегодно (кромя 1871 г.) и постоянно оказывалось на нихъ, что художники прибываютъ, а публика все охотнѣе и охотнѣе посѣщаетъ выставки. Число картинъ, представленныхъ во дворецъ Елисейскихъ полей (каждый художникъ могъ доставить только двѣ картины) доходило среднимъ числомъ ежегодно до четырехъ тысячъ; число допущенныхъ на выставку картинъ никогда не спускалось ниже двухъ тысячъ и даже достигало цифры двухъ тысячъ девятисотъ. Число посѣтителей тоже быстро увеличивалось, и это позволяетъ заключить о правильномъ развитіи во всѣхъ слояхъ общества любви къ художественнымъ произведеніямъ. Несмотря на даровой пропускъ публики по воскресеньямъ и по четвергамъ, число платящей публики въ продолженіи шести недѣль, доходившее въ 1867 г. только до 58,102, достигло 119,086 въ 1868, 165,344 въ 1869 и наконецъ 185,000 въ 1876“.

Вотъ цифры, передъ которыми слѣдуетъ преклониться. Въ десять лѣтъ, какъ мы видимъ, число посѣтителей почти утроилось. Безъ сомнѣнія, нѣтъ города въ мірѣ, гдѣ бы публика охотнѣе посѣщала картинныя выставки. Но, къ несчастію, необходимо прибавить, что выставка вошла въ парижскіе нравы. Тутъ уже играетъ роль мода. Толпа ходитъ смотрѣть на картины въ видѣ развлеченія, искусство тутъ не при чемъ. Но и это имѣетъ свою хорошую сторону. Глядя на картины, масса, быть можетъ, воспитаетъ свой художественный вкусъ. Итакъ, что касается количества, то мы имѣемъ живописцевъ и публику многочисленныхъ. Но посмотримъ—каково качество? Каталогъ присовокупляетъ: „прогрессъ, совершившійся въ произведеніи картинъ, былъ не однимъ только численнымъ прогрессомъ. Въ послѣдніе годы мы можемъ прослѣдить замѣтный возвратъ къ серьезнымъ трудамъ, къ исторической и монументальной живописи, упадокъ которой былъ засвидѣтельствованъ международнымъ жюри въ 1867 г. во Франціи, равно какъ и въ другихъ странахъ Европы“. Тутъ каталогъ напрасно удаляется отъ статистическихъ данныхъ. Цифры тѣмъ хороши, что неоспоримы. Но нельзя сказать того же самого объ официальныхъ сужденіяхъ. Утверждать, будто бы наша французская школа пошла впередъ съ 1867 г.—нелѣпная вещь, когда мы припомнимъ, сколько она утратила съ той эпохи крупныхъ талантовъ.

Что несомненно — и это будет моим заключением — это что наша школа переживает важный момент. Мастеровъ не стало, ученики истощаются подъ устарѣвшими формулами. Для каждаго вѣка наступаетъ такимъ образомъ часъ, когда великіе художники какъ будто бы все видѣли и все передали. Энгрь, Делакруа, Курбѣ оставили по себѣ поле, важащееся истощеннымъ потому, что они съ своими учениками распахали его во всѣхъ направленіяхъ. Итакъ, слѣдуетъ ждать переворота. Будьте увѣрены, что наша школа будетъ влечь жалкое существованіе и пробавляться подражаніемъ до тѣхъ поръ, пока не явится оригинальный талантъ, который принесетъ съ собою новую формулу искусства.

На этомъ самомъ мѣстѣ я говорилъ объ импрессионистахъ, объ этихъ молодыхъ живописцахъ, надѣлавшихъ нѣкотораго шума въ Парижѣ въ послѣдніе годы. Можно надѣяться, что будущее принадлежитъ имъ. Я только что прочиталъ брошюру Теодора Дюрѣ, гдѣ эти новаторы разобраны очень тонко. Приведу изъ нея страницу или двѣ.

„Импрессионисты,—говоритъ Дюрѣ,—явились не сами собой. Они результатъ постепеннаго переворота въ современной французской школѣ... Имъ мы обязаны свѣтлыми тонами живописи, окончательно отдѣлавшейся отъ охры, сажн, смолы и пр. Имъ мы обязаны изученіемъ вольнаго воздуха, передачей не только цвѣтовъ, но и ихъ различныхъ оттѣнковъ, наконецъ наблюденіемъ отношенія между состояніемъ атмосферы, наполняющей картину и общимъ тономъ нарисованныхъ на ней предметовъ... Когда вы гуляете на берегахъ Сены, въ Анверѣ, напримѣръ, вы можете обнять однимъ взглядомъ и красную крышу и бѣлыя стѣны какой-нибудь дачи, нѣжную зелень тополя, желтизну дороги и синеву рѣки. Ну, вотъ,—страннымъ покажется, а между тѣмъ это такъ, что нужно было появиться у насъ японскимъ альбомамъ, для того, чтобы нашъ живописецъ осмѣлился сопоставить въ одной картинѣ крышу, откровенно красную, бѣлую стѣну, зеленый тополь, желтую дорогу и синюю рѣку. До появленія японскихъ альбомовъ нашъ живописецъ всегда лгалъ. Природа съ ея яркими тонами рвала ему глаза и онъ передавалъ только смягченныя краски, сливавшіяся въ одномъ общемъ полутонѣ“.

Дюрѣ, объяснивъ намъ, что импрессионисты происходятъ прямо отъ пейзажистовъ-реалистовъ и употребляютъ смѣлые и новые приемы японскихъ художниковъ, остроумно замѣчаетъ:—

„Небо насмурно,—импрессионистъ рисуетъ воду свинцовой и тяжелой. Солнце блеститъ,—онъ рисуетъ воду лавурной и сверкающей. Солнце заходитъ,—онъ кладетъ на картинѣ желтыя и красныя пятна. Тутъ публика начинаетъ смѣяться.—Наступила зима,—импрессионистъ

рисуетъ снѣгъ. Онъ видѣлъ, что на солнцѣ тѣни, лежащія на снѣгѣ, имѣютъ синеватый отливъ, и онъ рисуетъ тѣни синеватыми. Тутъ публика хохочетъ. — Нѣкоторые глинисты почвы полей отливаютъ лиловатымъ, — импрессионистъ рисуетъ лиловые пейзажи. Тогда публика негодуетъ. — На лѣтнемъ солнцѣ подъ зеленой листвою, кожа и одежда принимаетъ фіолетовый оттѣнокъ, — импрессионистъ рисуетъ фіолетовыхъ людей. Тутъ ужъ публика негодуетъ, критики показываютъ живописцу кулакъ и зовутъ его мерзавцемъ“.

Дурѣ правъ. Публика всегда одинаково судила объ оригинальныхъ произведеніяхъ: эти произведенія отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ она привыкла, значить они дурны. Но я прибавлю, что если перевернуть, вызванный импрессионистами, и превосходить, то все же приходится ждать геніальнаго живописца, который осуществитъ новую формулу. Будущее нашей французской школы, разумѣется, тамъ, пусть придетъ геній, и тогда начнется новый вѣкъ въ искусствѣ!

Эмиль Зола.

ЗАМѢТКА.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА ВЪ АНГЛІИ.

- How to learn Russian. A Manual for students of Russian. By Henry Riola, teacher of the russian language. With a preface by W. R. S. Ralston, M. A. London. 1878.
- Key to the exercises of the Manual for students of Russian. By Henry Riola. London. 1878.

Эти двѣ книги (567 и 125 стр.) заключаютъ въ себѣ учебникъ, а также и самоучитель русскаго языка для англичанъ, по системѣ Оллендорфа. На содержаніи ихъ мы останавливаться не имѣемъ надобности: довольно сказать, что составитель очень здраво изложилъ правила русской грамматики, и аккуратно распредѣлилъ упражненія по извѣстной Оллендорфовой системѣ; нѣкоторыя нововведенія сдѣланы имъ очень практично, — между прочимъ по всей книгѣ русскія слова поставлены съ удареніями, разнообразіе которыхъ обыкновенно затрудняетъ иностранцевъ; относительно выговора русскихъ буквъ и словъ авторъ даетъ вѣрные совѣты. „Ключъ“ долженъ служить для тѣхъ, кто будетъ заниматься русскимъ языкомъ безъ помощи учи-

теля. Но любопытно то, что говорятъ два предисловія о распространеніи у англичанъ желаніи изучать русскій языкъ. Г. Рольстонъ замѣчаетъ, что до-сихъ-поръ англичане, желаніе изучать русскій языкъ и не имѣвшіе учителей, бывали очень затруднены именно недостаткомъ хорошей грамматики: они пользовались обыкновенно старой англійско-русской грамматикой Рейфа, которая дѣйствительно крайне устарѣла, да и вообще русскій языкъ, въ рукахъ Рейфа, былъ какой-то особенный, времени Греча и Россійской Академіи. Рольстонъ не считаетъ системы Оллендорфа наилучшей, но все-таки находитъ ее полезной, и рекомендуетъ грамматику г. Ріола, которая должна удовлетворить „возрастающему интересу къ русскому языку, который до-сихъ-поръ оставался въ трудно-объяснимомъ небреженіи, но которому политическія событія дали теперь новую важность“. Указавши достоинство новой книги, г. Рольстонъ продолжаетъ: „авторъ успѣлъ сдѣлать сравнительно легкимъ трудъ изученія, который обыкновенно считался тяжелымъ. Я буду радъ, если книга достигнетъ своей цѣли и поможетъ читателямъ, принимающимъ разумный интересъ въ языкъ, которымъ говоритъ народъ въ сорокъ милліоновъ, языкъ богатомъ, благозвучномъ и яснымъ, и который служить ключомъ къ сильной молодой литературѣ — этой литературѣ, я увѣренъ, предназначено заставить далеко услышать ея голосъ. Чѣмъ больше будетъ въ Англіи людей, знающихъ русскій языкъ, тѣмъ больше англичане будутъ свободны отъ удивительнаго невѣжества обо всемъ русскомъ, которое теперь такъ далеко даетъ себя чувствовать“.

Мнѣнія г. Рольстона могутъ быть тѣмъ болѣе любопытны, что онъ принадлежитъ къ числу пока еще очень немногихъ иностранцевъ, хорошо знакомыхъ съ русской литературой. Итакъ, нашу литературу начинаютъ цѣнить, отъ нея очень многого ждутъ; надо полагать, что въ ней дѣйствительно есть силы, если видать ихъ со стороны, хотя у себя дома онѣ еще и не вполне пользуются правами гражданства и не наслаждаются особымъ благополучіемъ.

Д.

ПАРИЖЪ И ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

I.

Я ѣздилъ въ Парижъ, чтобы побывать на литературномъ конгрессѣ и взглянуть на выставку. Черезъ четыре дня по возвращеніи я сдаю замѣтки въ наборъ. Говорю это для того, чтобы читатель не предъявлялъ къ нимъ никакихъ строгихъ требованій. Характеристику конгресса я отложу до другого раза, а выставку я вовсе не осматривалъ; я только „смотрѣлъ“ на нее, ходилъ по ней какъ всѣ тѣ счастливицы, которые не обязаны заручаться всевозможными точными справками, каталогами, статистическими данными и составлять по нимъ описанія. Специальныя описанія, составленныя знатоками, явятся послѣ; описанія хотя не спеціальныя, но болѣе или менѣе точныя и подробныя, появляются уже въ газетахъ. Я же совсѣмъ не буду объяснять вамъ, что если вы возьмете направо отъ такой-то галереи или двери, или такого-то предмета, то увидите передъ собой такую-то галерею, дверь или такой-то предметъ. Я предполагаю, что вы не возьмете направо и налево на выставкѣ, сидите на родинѣ, и остаетесь совершенно равнодушны къ тому, въ какихъ направленіяхъ ходятъ обозрѣватели этой Exposition. Но вы, можетъ быть, захотите пробѣжать нѣсколько простыхъ замѣтокъ о томъ впечатлѣніи, какое производитъ выставка, случайныхъ замѣтокъ о томъ, другомъ и третьемъ изъ имѣющагося на ней, а также о фізіономіи Парижа въ это время. Я и не обѣщаю вамъ ничего многого.

II.

На пути въ Парижъ.

Для большинства русскихъ путешественниковъ Берлинъ есть большая станція на пути въ Парижъ, станція, на которой можно остановиться не на двадцать минутъ и не на два часа, но на день, на три дня, для отдыха, а кстати посмотрѣть и Берлинъ. Посмотримъ.

Кто не бывалъ въ Берлинѣ послѣ войны, найдетъ, что городъ много измѣнился. Побѣды, упоеніе, Berlin wird Weltstadt, потомъ—крахъ, потомъ нѣкоторое долготерпѣніе, наконецъ, нѣкоторое уныніе—вотъ въ двухъ словахъ новѣйшая исторія германской столицы.

Дома удивительно какъ подросли; огромное большинство ихъ поднялись этажа на два и очень многіе принарядились снаружи въ псевдо-парижскую моду, ту самую, по которой передѣлываются теперь старые дома въ Петербургѣ. Мода эта, собственно говоря, изобрѣтена въ Вѣнѣ. Вѣна, для своего Ring, кольца новыхъ улицъ вокругъ стараго центра, первая изобрѣла примѣненіе стила каменныхъ pavillons de Flore и de Margarete къ потребностямъ кирпича и штукатурки. Можно было перенять крышу мансардой, широкіе плоскіе или круглые углы домовъ, однообразие краски, нельзя было передать кирпичомъ и штукатуркой примизну линій, чистоту контуровъ. Вотъ почему потребовалось больше украшеній: изъ кирпича сложили выдающіеся фонарики и колонок, изъ штукатурки создали для разнообразія фасада — „длинный камень“; появилась даже поволота. Этотъ вѣискій стиль послужилъ образцомъ для новаго Берлина и теперь на Unter den Linden только-что оконченъ домъ совершенно вѣискій — не только съ мансардами, но даже съ поволотой.

Итакъ, дома стали выше. Акціонерныя строительныя общества построили цѣлые ряды домовъ, цѣлыя новыя улицы, но крахъ не далъ имъ достроить всего предпринятаго и въ разныхъ мѣстахъ зияють, обнесенныя унылыми заборами, язвы строительнаго краха — мѣста, на которыхъ исполнена только ломка, но не создано новыхъ красотъ для Weltstadt'a. Вдоль Тиргартена идетъ рядъ красивыхъ небольших домовъ, напоминающихъ отчасти отели денежной аристократіи въ Champs Elysées, отчасти богатые дома лондонской Belgravia, въ маломъ видѣ: на балкончикахъ снаружи оконъ цвѣты. Это теперь самая красивая улица Берлина.

Движеніе больше, чѣмъ въ былые годы, но „собственныхъ“ экипажей по-прежнему очень мало, безъ всякаго сравненія меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, и генераль, въ лентѣ и звѣздахъ, все еще идетъ во дворецъ пѣшкомъ. Бѣдность въ Берлинѣ примѣтнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, несмотря на разность въ числахъ населенія. Въ Берлинѣ вы часто встрѣтите босыхъ дѣтей; въ Парижѣ — никогда. Но то, что у насъ часто разсказываютъ о совершенномъ исчезновеніи изъ Берлина золота — неправда. Двадцати и десяти-марковыхъ монеты вовсе не рѣдки и ходятъ наравнѣ съ бумажками. Не поздравляю, однако, бывшаго прусскаго министра финансовъ Кампаузена съ придуманной имъ системой разнѣнной монеты изъ никкеля и серебра. На каждой вы должны прочесть цифру, иначе вы впадете въ ошибки, такъ какъ 10 пфенниговъ больше чѣмъ 20 пфенниговъ, и равны по величинѣ 50-ти пфеннигамъ. Уже если хотѣлось придумать что-нибудь непремѣнно національное, а не ввести просто французскую систему, то можно было выдумать нѣчто болѣе удобное. Пред-

ставьте себѣ, что для составленія изъ мелочи цѣнности талера вы можете взять тридцать монетъ величиною съ нашъ пятналтинный (10 pfennige), или же взять шесть монетъ такой же величины (50 pf.).

Я сказалъ выше—уныніе. Да, уныніе сперва оттого, что политическія дѣла рѣшительно не подвигались впередъ. Правда, все относительно—и въ умѣ всегда слѣдуетъ носить нѣкоторую мѣрку для сравненій. Печать свободна, право собранія существуетъ, хотя и безъ достаточныхъ обезпеченій. Всякая партія можетъ говорить, даже протестовать. Бываетъ множество процессовъ по дѣламъ печати, но только процессовъ.

Но вѣдь мѣрка для сравненій должна быть двойная: кромѣ мѣрки для того, что уже совершено, нужна еще мѣрка для потребностей. Что въ одномъ мѣстѣ представляется еще желательнымъ, въ другомъ давно уже недостаточно. Вотъ это-та недостаточность и порождаетъ уныніе, существовавшее доселѣ.

Теперь же наступило еще уныніе особаго рода. Два покушенія на жизнь почтеннаго старца, объединителя Германіи, привели берлинцевъ въ тяжкое смущеніе. Я пріѣхалъ въ Берлинъ чрезъ нѣсколько дней послѣ второго покушенія, и по виду города было тотчасъ замѣтно, что въ немъ случилось что-то нехорошее. Мимо дворца не пускаютъ экипажей; конные стражи машутъ рукой и экипажи сворачиваютъ на окольный путь. Передъ дворцомъ множество полицейскихъ, чего никогда не бывало въ Берлинѣ, и посматриваютъ съ недовѣріемъ на всякаго останавливающагося. У статуй Фридриха Великаго просто не позволяютъ стоять—проходите. Правда, не было еще принято никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ; отъ пріѣзжаго не спрашивалось еще паспорта. Но какъ-то все-таки для Берлина необычно и чувствуется нѣчто неладное. У всѣхъ одинъ разговоръ—das Attentat. „Подъ Липами“, противъ окна, изъ котораго стрѣлялъ Нобилингъ, стоитъ кучка и осматриваетъ дерево противъ лавки Шеффера; на этомъ деревѣ видны еще свѣжіе слѣды мѣтокъ отъ нѣсколькихъ дробинокъ. Образованные классы очень раздражены. Я слышалъ такіе разговоры, что хоть бы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ печатать и просто не узнавалъ берлинскихъ либераловъ. Въ газетахъ консервативныхъ преступленія Гёдела и Нобилинга комментируются въ ущербъ самому парламентаризму. Національно-либеральные органы путаются въ той непроходимой сѣти, какая охватываетъ всякаго, кто хочетъ говорить противъ исключительныхъ мѣръ по принципу, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ „особо строгаго примѣненія“ законовъ исключительно къ одной партіи, допускаетъ борьбу посредствомъ мѣръ съ мнѣніями, какія бы они тамъ ни были.

Я сказать, что при мнѣ еще никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ принято не было, но долженъ прибавить, что весьма строго принимался законъ объ оскорбленіи величества. Ежедневно нѣсколько десятковъ людей подвергались аресту за какіе-нибудь неблагоприятныя замѣчанія по поводу печальныхъ событій послѣдняго времени и потомъ приговаривались къ годамъ тюрьмы.

Въ заключеніе о Берлинѣ: онъ сталъ красивѣе; но все еще не стеръ съ себя нѣкоторыхъ, такъ сказать „меккинскихъ“ чертъ. Напримѣръ, большинство дѣтей идутъ въ народныя школы безъ шапокъ, — экономія. Собаки по прежнему носятъ всѣ телѣжки; несчастныя съ опущенными хвостами, высунутыми языками, насколько позволяютъ намордники, такъ какъ всѣ собаки въ намордникахъ. Все вообще стало подороже прежняго или похуже за ту же цѣну.

Кстати, по поводу новаго берлинскаго строительства, замѣчу, что самъ Кальтъ, древній, почтенный Кальтъ, и тотъ сталъ примазываться, бѣлится известью, подравниваетъ ряды своихъ домовъ, снесъ такія строенія, которыя служили диковинами; напримѣръ: домъ въ три этажа, по одному окну въ каждомъ, причѣмъ верхній этажъ составлялъ навѣсъ. Домовъ, похожихъ на тѣ, которые рисуются на театральныхъ декорацияхъ, когда представлено сходбище, пооще въ ожиданіи чьего либо прибытія — уже почти незамѣтно теперь въ Кальтѣ. Съ точки зрѣнія декоративной это жаль: прямолинейностью Кальтъ все-таки не сравнится съ Берлиномъ, но живописность онъ утрачиваетъ.

III.

Улицы Парижа.

Парижъ. Онъ самъ по себѣ такъ великъ, жизнь его такъ разнообразна и пульсъ его такъ силенъ, что въ немъ всемирная выставка составляетъ только одну лишнюю диковину, добавочную примѣчательность. Когда выставка была въ Вѣнѣ, то милый Kaiserstadt, говорить, ступенькался передъ нею, служилъ ей дополненіемъ, былъ нѣчто въ родѣ австрійскаго отдѣла выставки. Здѣсь не то. Существованіе выставки въ Парижѣ сказывается собственно въ четырехъ вещахъ: въ трудности найти помѣщеніе въ отелѣ, достать мѣсто въ театрѣ, отыскать свободнаго фіакра, и въ нѣсколько усиленномъ движеніи на улицахъ. Придется перебивать въ десяткѣ отелей, прежде чѣмъ найдешь нумеръ, даже по 15 франковъ въ день. Естественно, что наплывъ пріѣзжихъ сказывается и на театрахъ: они биткомъ набиты, несмотря на іюньскую температуру, — и на извозчи-

кахъ, такъ какъ прїѣзжіе, не зная направленія омнибусовъ, по неволѣ гоняются за фіакрами.

Но интересно бы опредѣлить, насколько улицы Парижа сдѣлались многолюднѣе вслѣдствіе выставки. По всей вѣроятности не на много.

Когда вы видите громадное движеніе на бульварахъ, толпы въ садахъ и театрахъ, то первой вашей мыслью будетъ: какая масса иностранцевъ съѣхалась въ Парижъ! Но прислушайтесь поближе къ тому гулу, въ какой сливается неумолкаемое щебетанье этой толпы, — и убѣдитесь, что иностранцы составляютъ въ ней незамѣтный, ничтожный процентъ. Услышать нефранцузское слово, это—рѣдкость: развѣ въ отеляхъ, въ оперѣ или въ итальянскомъ театрѣ, куда иностранцы стремятся. Нѣтъ сомнѣнія, что выставка увеличила населеніе Парижа. Впрочемъ, достаточно взглянуть на часто встрѣчающіеся курьезныя фізіономіи и костюмы нашего свойства, чтобы примѣтить въ уличной и театральной массѣ значительную примѣсь не-парижскаго элемента. Но это — провинціалы. Еще прежде чѣмъ вы услышите ихъ рѣчь, вы ихъ увидите: эти типы знакомы вамъ по театру. Говорятъ, будто въ Парижѣ—сто-тысять иностранцевъ. Очень можетъ быть; но, въ такомъ случаѣ, въ Парижѣ еще втрое болѣе провинціаловъ, такъ какъ присутствіе послѣднихъ гораздо примѣтнѣе, чѣмъ присутствіе первыхъ. Иностранцы совершенно тонуть въ массѣ французовъ—парижанъ и провинціаловъ. И въ самомъ дѣлѣ, что значать сто-тысячъ въ сравненіи съ двумя-милліонами? Но, наблюдая толпу на улицѣ и въ такихъ театрахъ, какъ Variétés, Vaudeville, Gymnase—наконецъ, на самой выставкѣ,—вы должны будете сказать себѣ, что процентъ иностранцевъ еще меньше; далеко не одинъ человекъ изъ двадцати говоритъ на иностранномъ языкѣ, а скорѣй—одинъ изъ пятидесяти. Однимъ словомъ, впечатлѣніе такое, что французы устроили выставку для собственнаго увеселенія: осаждаютъ ѣдущіе къ ней вагоны, омнибусы и пароходы, сами наполняютъ ее и сами оплачиваютъ всѣ ея издержки.

Если же возможно было бы сдѣлать статистику иного рода: опредѣлить число ежедневно произносимыхъ въ Парижѣ словъ, то, при непостижимой способности французовъ каждое мимолетное впечатлѣніе тотчасъ передавать словомъ, оказался бы, что и на тысячу словъ французскихъ едва ли пришлось бы одне иностранное. Если бы можно было утилизировать ту вибрацію воздуха, которая происходитъ въ этой громадной говорильнѣ, уловить эти волны въ резервуаръ и подвесить къ нему какой-нибудь механическій приборъ, то явилась бы такая сила, которою и безъ архимедова рычага можно было бы перевернуть свѣтъ.

Да оно въ сущности такъ и выходитъ. Половина всего кодекса европейскіхъ понятій — а особенно бытаевъ, формъ общежитія — и всѣ формы литературнаго языка выработаны этой исполненной лабораторіею, — говоримъ Парижа.

Никакихъ слѣдовъ коммуны не видно, за исключеніемъ разрушенныхъ галерей Тюльери и обгорѣлаго зданія государственнаго совѣта на набережной д'Орсѣ. Республика заявлена на всѣхъ монументальныхъ зданіяхъ. Даже на церквахъ XIII, XIV столѣтій красуются три заветныхъ слова, высѣченныя на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Подворье аббатовъ Клюни, прилежнутое къ остаткамъ римскихъ Термъ, носитъ эту надпись: „Liberté, égalité, fraternité“. Церковь св. Германа Оксеррскаго, съ которой раздался набатъ Вареевской ночи, и всякая иная церковь отмѣчены тѣми же словами. Политическія перемѣны послѣднихъ восьми лѣтъ ссылаются и въ множествѣ новыхъ названій улицъ.

Что касается перестройки Парижа, начатой при Наполеонѣ III, то ее теперь можно считать оконченной. Послѣдними крупными сѣзданіями этой перестройки были: проведеніе Avenue de l'Opéra, идущей прямо отъ Новой Оперы къ Французскому Театру, прокладка улицы 4-го сентября отъ Avenue de l'Opéra къ биржѣ и окончаніе бульвара Сень-Жерменъ, на лѣвомъ берегу Сены. Avenue de l'Opéra еще только-что окончена, такъ что на ней многіе дома еще не заняты, а въ нижнемъ этажѣ до окончательной отдѣлки магазиновъ торгуютъ разными мелочами. Avenue de l'Opéra освѣщается теперь не только газомъ, но еще электрическимъ свѣтомъ, по системѣ нашего соотечественника г-на Яблочкова, въ высокихъ матовыхъ фонаряхъ. Ихъ стоитъ нѣсколько у Оперы и на площади передъ нею; потомъ они идутъ до самаго конца Avenue. Съ балкона Оперы это представляетъ великолѣпную иллюминацію. Вообще уголъ бульвара des Capucines и площади Оперы, когда въ ней идетъ представленіе и она сама освѣщена, имѣетъ характеръ довольно-таки необычайный. Нѣсколько электрическихъ фонарей находятся еще на Place de la Concorde и въ другихъ мѣстахъ.

Парижане вообще большіе охотники до огней. Тамъ, площадь de la Concorde и теперь залита ими; но этого кажется еще мало, — и теперь городскія власти разсматриваютъ проектъ, по которому на названной площади и въ Елисейскихъ поляхъ число газовыхъ розетъ должно быть увеличено еще на 25 тысячъ. Кстати о слѣдахъ послѣднихъ историческихъ событій: статуя города Страсбурга, на площади Согласія, близъ террасы des Feuillants, принадлежащей къ Тюльерійскому саду, продолжаетъ украшаться траурнымъ вѣнкомъ.

Удачное совпаденіе: расположеніе выставки таково, что она про-

стирается отъ Марсова поля до высоты Трокадеро, т.-е. переходитъ чрезъ Сену. Мостъ, соединяющій павильоны Трокадеро съ галереями всемірной выставки, это—pont d'Iéna. Триумфъ международнаго согласія, мирное соперничество въ плодотворномъ развитіи, въ успѣхахъ искусствъ полезныхъ — какою угодно изъ этихъ фразъ назовите выставку. Но на площади Согласія—траурные вѣики Страсбурга, а выставку перерѣзываетъ мостъ Иены.

IV.

НА ВЫСТАВКѢ.

Выставкою пользуются въ Парижѣ троякимъ способомъ. Первый способъ—это извлеченіе изъ нея прямыхъ выгодъ экспонентами, продающими свои издѣлія, и парижскою промышленностью вообще, а также отелями, ресторанами, театрами и т. п. Второй—это употребленіе выставки въ видѣ похвального аттестата республикѣ. Иностранныя государства откликнулись на приглашеніе французской республики; иностранцы убѣждаются, что республика, обезпечивъ миръ, дала развитіе французской промышленности; что Франція удерживаетъ за собою первенство въ тѣхъ отрасляхъ производительности, которыя издавна составляли ея спеціальность, что Франція богата, несмотря на уплаченные милліарды и еще богатѣетъ, что раны, нанесенныя виѣшней и внутренней войнами, зажили и т. д. Все это вѣрно, хотя не безъ нѣкоторой натяжки относится либеральными газетами именно къ республиканскому правленію, такъ какъ результаты эти были обусловлены болѣе всего, конечно, самой природой Франціи, страны, за которую работаетъ солнце, давнимъ совершенствомъ французской фабрикаціи, необыкновеннымъ развитіемъ вкуса и прирожденнымъ трудолюбіемъ населенія, наконецъ, болѣе равномернымъ, чѣмъ гдѣ-либо, распредѣленіемъ богатства во Франціи. Ни одна страна не имѣетъ такого колоссальнаго капиталиста, какъ Франція. Этотъ капиталистъ—французское крестьянство и мелкая буржуазія.

При той спеціальной цѣли, которая только-что указана, понятно, что французская либеральная печать вообще склонна прославлять нынѣшнюю выставку и гордиться ея успѣхомъ. Все это идетъ въ пользу R. F. Только „Раус“ и другіе реакціонерные органы слегка лагаются, но и то не особенно сильно, такъ какъ это было бы слишкомъ непопулярно. Они доказываютъ, напр., что на выставкѣ 1867 г. было веселѣе; были иностранные рестораны, павильоны съ разными музыками, ѣда и питье на каждомъ шагѣ; а теперь надо сдѣлать

двѣ версты, чтобы получить им *bock* отъ терзаемаго на части гарсона. Они говорятъ, что на нынѣшней выставкѣ скучно. И это уже принято г. Кранцомъ въ расчетъ: отводятся новыя помѣщенія для ресторановъ, предоставлено кажется 200 ежедневныхъ даровыхъ билетовъ для солдатъ, и за это получено отъ военнаго губернатора обѣщаніе военнаго оркестра. До сихъ же поръ концерты бывали только въ особыхъ залахъ на Трокадеро, въ томъ числѣ и „концерты“ нашихъ цыганъ.

Либеральныя газеты въ сущности говорятъ правду. Выставка 1878 года, по англійскому выраженію, „естъ успѣхъ“, успѣхъ несомнѣнный. Входныхъ билетовъ продается ежедневно, въ среднемъ размѣрѣ, на 70 тысячъ франковъ, но бывали дни, когда ихъ продавалось на 100, на 150 тысячъ франковъ. Билетъ стоитъ франкъ, и такимъ образомъ вырученная сумма представляетъ число посѣтителей. Этотъ доходъ превышаетъ почти вдвое сборы выставки 1867 г. То же самое слѣдуетъ сказать о количествѣ привезенныхъ на выставку вещей. Въ первыя недѣли существованія выставки 1867 года, на Марсово поле вошло вагоновъ 2090, съ товарнымъ вѣсомъ всего въ 9630 тоннъ; нынѣ за то же время вошло на Марсово поле и на Трокадеро вагоновъ 4558, съ товарами вѣсомъ въ болѣе 20 тысячъ тоннъ. Итакъ, нынѣшній результатъ вообще вдвое превосходитъ прежній.

Расположеніе выставки очень просто, и при всей ея громадности, заблудиться на ней невозможно, если будешь помнить направленіе, въ которомъ вошелъ. Она составляетъ продолговатый прямоугольникъ, верхнее основаніе котораго упирается въ Сену; это—часть, находящаяся на Марсовомъ полѣ. Къ Сентъ она оканчивается партеромъ, на которомъ разбросаны небольшіе павильоны. Далѣе, черезъ мостъ—еще партеръ, съ лужайками, бассейномъ, фонтанами и павильонами разнаго рода, и въ концѣ его, на сильномъ подъемѣ къ Трокадеро—„круглая зала празднествъ“, съ галереями въ обѣ стороны, въ формѣ подковы. Намъ ними и находятся тѣ двѣ башни, которыя видны изъ бѣльшей части Парижа, благодаря возвышенности мѣста. Съ балконовъ этихъ галерей или „залы празднествъ“ видна вся выставка. Этотъ *coup d'oeil* рассчитанъ необыкновенно эффектно. Передъ вами разстилаются лужайки и бассейны партеровъ, затѣйливой постройки павильоны, золоченныя большія фигуры разныхъ животныхъ, Сена, наконецъ—цѣлые кварталы главныхъ корпусовъ, составляющихъ прямоугольникъ Марсова-поля.

Чтобы дать понятіе о массѣ отдѣленій и выставленныхъ въ нихъ предметовъ, скажу, что для того, чтобы просто обойти всю выставку, останавливаясь кое-гдѣ, безъ цѣли изученія, необходимо десять дней,

по два часа въ каждомъ. И тогда вы узнаете эту выставку такъ, какъ узнаете наши мануфактурныя выставки при единичномъ двухъ-часовомъ обходѣ.

Главная часть выставки — корпуса, такъ-называемаго, „дворца“ Марсова поля. Прямоугольникъ имѣетъ видъ продолговатой шахматной доски, представляющей, вмѣсто квадратныхъ, прямоугольники, подобные тому, который вмѣщаетъ ихъ всѣ. Эти клѣтки образуются пересѣченіемъ около 15-ти длинныхъ галерей, идущихъ къ Сенѣ, съ перпендикулярными къ нимъ, болѣе короткими галереями, числомъ около 12-ти. Около половины всего пространства занято отдѣленіями французскими. Другая половина распределена между иностранцами, причемъ англійская выставка занимаетъ примѣрно цѣлую четверть всего мѣста, отведеннаго иностранцамъ. Нѣкоторые иностранныя отдѣленія имѣютъ нѣсколько зданій. На центральный ходъ по направленію къ Сенѣ иностранныя отдѣленія представляютъ самыя разнообразныя фасады: готическіе, классическіе, романскій, японскій, русскій и т. д., изображающіе фасадъ какого-нибудь дѣйствительно существующаго зданія или фантазію на національно-архитектурную тему. Для примѣра, укажу на Бельгію: фасадъ городской ратуши XVI вѣка; на Португалію: фасадъ церкви въ одномъ Лиссабонскомъ монастырѣ; на Италію: фасадъ одного миланскаго палаццо. Англійская выставка представляетъ цѣлыхъ шесть такихъ орнаментальныхъ фасадовъ. Русское отдѣленіе украшено фасадомъ довольно оригинальнымъ и красивымъ, въ псевдо-русскомъ вкусѣ. Онъ представляетъ не то теремъ, не то избу, съ низкими колоннами и рѣзьбою по окнамъ въ родѣ тѣхъ узоровъ, которыми украшаются у насъ дачныя постройки въ русскомъ вкусѣ. Но надъ тремя павильонами русскаго фасада возвышается такая крыша, которая напоминаетъ скорѣе мансарды домовъ на Вандомской площади, чѣмъ наши родныя кровли. Сверхъ того, русскій фасадъ слишкомъ высокъ для избы и хотя бы для фермы, которую онъ изображаетъ. Однимъ словомъ, это нѣчто красивое, но слишкомъ „дѣланное“, непохожее на ни одну изъ дѣйствительно существующихъ у насъ построекъ. Не проще ли было взять, напр., фасадъ Спасскихъ воротъ?

V.

Что смотреть на выставку.

Читатель можетъ мнѣ напомнить, что я упомянулъ о *трехъ* способахъ пользованія выставкой, а сказать до-сихъ-поръ только о двухъ: о наживѣ торговцевъ и прославленіи республики успѣхомъ выставки. Но третій способъ разумѣется самъ собой — смотрѣть на выставку и поучаться или развлекаться. Къ этому мы теперь и перейдемъ. Чтобы поучаться, надо мѣсяць времени, а его не имѣлъ; чтобы поучать, надо самому знать и имѣть въ своемъ распоряженіи всю июльскую книгу „Вѣстника Европы“, а имѣю всего 1½ листа. Итакъ, мы будемъ развлекаться. Впрочемъ, изъ ста тысячъ посѣтителей 99 т. такъ именно и дѣлаютъ.

Буда же, главнымъ образомъ, устремляется толпа — вотъ главный вопросъ, — не правда ли? Отвѣчу: на галерею диковинъ, гдѣ находится громадный павильонъ принца уэльскаго, изображающій индійскую пагоду и содержащій разные произведенія Индіи, витрина съ индійскими драгоценностями: коронами, богато-убранными саблями, сѣдлами и т. д., — витрина, въ которой выставлены алмазы и бриллианты французской „короны“; наконецъ, павильонъ съ издѣліями національныхъ (казенныхъ) мануфактуръ: Гобеленовъ и севрской фарфоровой фабрики. Этой галереей диковинъ оканчиваются корпуса Марсова-поля; за нею идетъ къ Сенъ уже партеръ. Затѣмъ, болѣе всего смотреть отдѣленія изящныхъ искусствъ, считаютъ долгомъ взойти на галерею Трокадеро, чтобы имѣть общій *coup d'oeil*, толпятся въ рядахъ обоевыхъ издѣлій и въ особенности — издѣлій парижскихъ модъ; наконецъ, любятъ сидѣть въ голландскомъ ресторанѣ и слушать трезвонъ колокольнаго отдѣленія, а также подходить къ такимъ мелкимъ бесѣдкамъ, въ которыхъ сидятъ люди въ костюмахъ мароканцовъ, аннамитовъ и т. д. и продаютъ пустѣйшія штучки за 3, 5 франковъ. Постоявъ у нихъ, добрые французы обыкновенно отходятъ, говоря объ аннамитахъ: — *il est Turg comme moi*, — что означаетъ нѣкоторое разочарованіе. Дѣйствительно, не всѣ эти „турки“ достовѣрны. Жители дальнихъ странъ поняли, что для продажи вещи въ 50 сантим. за 3 франка надо искусство заговариванья, которымъ они владѣть не могутъ. Вслѣдствіе того, иногда подъ видомъ аннамита сидитъ просто Эрнестъ, который сегодня же ночью будетъ откалывать такіа необычайныя пѣ, что поѣзжай отъ дѣйствительно въ аннамскую или иную восточную имперію, онъ сдѣлалъ бы тамъ свое счастье.

Читатель легко повѣритъ, что на всемірной выставкѣ удивительныхъ вещей очень много, а потому уволить меня отъ всѣхъ выраженій удивленія, въ родѣ: великолѣпный рисунокъ, изящная отдѣлка, чудный колоритъ, которые мнѣ пришлось бы повторять при обзорѣ не только отдѣленія изящныхъ искусствъ (оно занимаетъ средину корпусовъ Марсова-поля), но даже такихъ отдѣленій, какъ обойное, дамскихъ туалетовъ, мебели и проч. Всѣ такіа выраженія слѣдуетъ подразумевать.

Вотъ длинныя ряды машинъ, приводимыхъ въ движеніе громадными цилиндрами. Вотъ ряды экипажей, налакированныхъ такъ, что, смотря на нихъ, дамамъ весьма удобно поправить прическу или галстучекъ. Вотъ павильонъ города Парижа: здѣсь выставлены разныя модели городского устройства: модели парижскихъ домовъ высотой съ аршинъ, модели городскихъ школъ, съ ихъ скамейками, досками, умывальниками и т. д., и съ главными цифровыми свѣдѣніями; пріутовъ, водопроводовъ, церквей.

Въ обойномъ отдѣленіи толпа любитъ цѣлыми спальнями, въ которыхъ выставлены роскошныя кровати, на коврахъ, съ драпри, однимъ или двумя стульями, туалетомъ и т. д. Далѣе этихъ образцовъ обойнаго искусства, кажется, уже не могутъ идти ни красота тканей, ни вкусъ въ ихъ сборѣ. То же—т.-е. въ сущности ничего, кромѣ знака восклицанія—могу сказать о многихъ вещахъ отдѣленія мебели и даже отдѣленія дамскихъ нарядовъ. Очень много такихъ мебельныхъ предметовъ и такихъ платьевъ, которые составляютъ въ дѣйствительности художественныя произведенія.

Войдемъ однако въ отдѣленіе настоящихъ beaux-arts. При обзорѣ галерей живописи не только французской, но и иностранной, нельзя не замѣтить, что за-границею гораздо менѣе, чѣмъ у насъ, процвѣтаетъ тотъ особаго рода жанръ, въ которомъ иные видятъ сущность реализма. Возьмемъ французское отдѣленіе. Миеологическія тѣмы еще не оставлены—что, впрочемъ, зависитъ, вѣроятно, отъ тѣмъ, задаваемыхъ на конкурсы (какъ и у насъ). Но живопись историческая, въ сущности—настоящая живопись, la grande peinture, та живопись, которая наиболѣе требуетъ отъ артиста, повидимому, процвѣтаетъ просто потому, что у художниковъ есть влеченіе къ ней, а въ публикѣ есть на нее спросъ. Довольно пейзажей и, разумѣется, портретовъ. Последнее неизбѣжно съ тѣхъ поръ, какъ художники живутъ не пенсіями, а продажей своихъ произведеній. Въ промежуткѣ между двумя созданіями болѣе значительными, которые могутъ дать артисту славу и одновременныя крупныя суммы, онъ принужденъ кормиться приниженіемъ своего искусства къ носамъ, лысынамъ и бородавкамъ случайной формы.

Французская художественная выставка содержитъ 2071 предметъ, считая картины, скульптурныя произведенія и гравюры. Такъ какъ наибольшія за нею выставки—итальянская и англійская—представляютъ каждая около 400 номеровъ, то уже изъ этого сравненія усматривается примѣрно, каково численное преобладаніе французскихъ произведеній. На англійской выставкѣ замѣтно значительнѣе, чѣмъ на другихъ, процентъ акварелей. Между ними есть очень замѣчательныя. Германія, какъ извѣстно, и представлена на выставкѣ только художественнымъ отдѣломъ. Отказъ Германіи отъ участія въ выставкѣ составляетъ безпримѣрный образчикъ спѣси, смѣшанной съ завистью; обстоятельство же, что въ концѣ-концовъ нѣмцы даже не выдержали характера и все-таки приняли участіе въ выставкѣ, приравнявъ свои художественныя произведенія, довершаетъ неловкость всего ихъ поведенія въ этомъ дѣлѣ.

Вотъ мы вышли на ту галерею или vestibule, гдѣ выставлены „коронныя брилліанты“. Подойти къ нимъ близко стоитъ большого труда. Вокругъ витрины сдѣланъ ходъ, обнесенный рѣшеткою. Передъ нимъ, съ утра до 6 часовъ вечера, образуется такъ-называемый „хвостъ“, и нужно потерпѣть нѣкоторую давку въ продолженіи получаса, чтобы подойти къ самой витринѣ, гдѣ опять становится свободно, такъ какъ пускаютъ разомъ не болѣе четырехъ-пяти человекъ. Здѣсь выставлены діадемы французскихъ королей, ожерелья, рукоятка шпаги и пр.; отдѣльно выставленъ „регентъ“, большой алмазъ бывшей французской короны. Я уже замѣтилъ, что эта коллекція драгоцѣнныхъ камней (кромѣ алмазовъ есть большіе рубины, сафиры, и т. д.), есть great attraction на выставкѣ. Такъ было и на лондонской выставкѣ, когда показывался „кохинуръ“. Толпа идетъ, смотреть на чудеса мануфактурной и художественной производительности, но останавливается болѣе передъ тѣмъ, что эффектно. Однако, если бы выставить эти драгоцѣнные камни отдѣльно отъ Exposition universelle, то, пожалуй, ходили бы мало смотреть ихъ. Такъ, я видалъ англійскія короны въ лондонскомъ Тоуэрѣ, но вокругъ меня было всего человекъ десять. Интересъ толпы собственно къ исторической сторонѣ предметовъ всегда довольно слабъ. Такъ, въ Луврскомъ музеѣ вы найдете мечъ, приписываемый Карлу-Великому, въ музеѣ Кляуи увидите подлинную челюсть Мольтера, но передъ такими предметами стоятъ два-три человека. Только въ дѣше отеля Инвалидовъ, гдѣ гробница Наполеона, каждый день является толпа провинціаловъ. Какъ хотите, для современнаго француза исторія начинается съ революціи, продолжается Наполеономъ, дѣлается скачкомъ чрезъ реставрацію и июльскую монархію, которая массою забыта, и повѣствуетъ дальше о революціи 1848 г., о Наполеонѣ III, войнѣ 1870 и

коммунѣ. До-революціонныхъ преданій въ массѣ—по крайней мѣрѣ, парижской—совершенно нѣтъ. Зданія Palais de Justice и полицейской префектуры (гдѣ есть части дворца королей до Франциска I), Notre-Dame, старый Лувръ, Cluny, Pont Neuf съ статуей Генриха IV, даже Place des Victoires съ статуей Людовика XIV, и двѣ его побѣдныя арки на бульварахъ, фонтанъ Медичисовъ въ люксембургскомъ саду,— всё эти древности ничего не говорятъ массѣ парижанъ, и гораздо менѣ популярны, чѣмъ любой театр.

Взглянемъ теперь на русскую мануфактурную выставку. Находится она между отдѣленіями Австріи и Швейцаріи. Художественная же выставка наша расположена между отдѣлами искусствъ Испаніи и Бельгіи. Замѣчу здѣсь, что общее расположеніе всей выставки дѣлаетъ честь организаторамъ и соответствуетъ синтетическому свойству французскаго ума. Галереи, идущія къ Сенѣ, то-есть продольныя, и галереи къ нимъ перпендикулярныя, то-есть поперечныя, распределены между странами и группами предметовъ такъ, что если вы будете ходить вдоль выставки, то увидите произведенія всѣхъ странъ въ порядкѣ различныхъ группъ производства; если же будете ходить поперекъ выставки, то увидите всѣ группы въ порядкѣ странъ, то-есть увидите все, что прислала каждая страна въ отдѣльности. Выше замѣчено, что собственно для обхода всей выставки необходимо часовъ двадцать. Имѣются кресла на колесахъ, въ которыхъ особые служители возятъ желающихъ; это удовольствіе стоитъ 2 1/2 франка въ часъ. Движеніе этихъ экипажей довольно стѣснительно для пѣшеходовъ, хотя желающихъ кататься и оказывается не особенно много. Въ отдѣленія искусствъ эти экипажи не допускаются.

Итакъ, о русской мануфактурной выставкѣ. Она бѣдна. Насколько ее отдѣлывали сами русскіе экспоненты, она сильно напоминаетъ витрины гостиннаго двора. Вотъ мѣховыя вещи г. Одноушевскаго, лугунскія табакерки и портсигары; вотъ сапоги гг. Фёдора Цѣлибѣва и Богданова, размѣщенные совершенно такъ, какъ въ окнахъ ихъ магазиновъ; вотъ шапки и шляпы: гусарская фуражка, фуражка такого-то драгунскаго полка, — совершенно какъ въ магазинѣ офицерскихъ вещей. Насколько нашу выставку отдѣлывали по совѣтамъ французскихъ распорядителей, она еще представляетъ нѣкоторый эффектъ, но эффектъ довольно фальшиваго свойства. Только-что вы вошли въ русскій отдѣлъ, какъ вамъ попадаются на глаза огромные медвѣди, показываемые въ особой витринѣ мѣховникомъ. Это — самая эффектная штука на нашей выставкѣ. На глазъ французовъ это совершенно естественно: вошли въ русскій отдѣлъ, ну, и встрѣтился сейчасъ съ медвѣдями; иначе и быть не могло. Кстати вотъ

большой, красивый навильонъ съ каучуковыми и резиновыми издѣліями русско-американской компаніи. Шубы и галоши — понятно; *pois sommes en Russie*. А тутъ же, въ двухъ шагахъ, еще эффектъ, еще русскій „мѣстный колоритъ“: восковыя куклы изображаютъ боярина и боярину въ парадныхъ одеждахъ, отороченныхъ собольими. Это, — очевидно, образцы тѣхъ людей, которые обитаютъ страну медвѣдей, лугунинскихъ табакерокъ и фуражекъ съ кокардами, околышами и кантами. Не доставало самовара.

Да вотъ и онъ, и не одинъ; но одинъ огромный, настоящій, какому слѣдовало быть для довершенія *couleur locale*. Медвѣди, бояре, самоваръ и фуражки съ кокардами — хороша производительность страны. — А экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, — можете вы спросить: — развѣ не прислала своихъ произведеній, чтобы еще дополнить мѣстный колоритъ? Прислала. Но замѣчательный фактъ: въ ея витринѣ вы видите образцы всевозможныхъ акцій, облигацій и бланковъ, но тщетно будете искать одного — образца кредитныхъ билетовъ. Неловко, что ли, показалось, я этого не могу знать. Но выходить такъ, какъ будто въ Россіи государство содержитъ особую экспедицію для заготовленія бумагъ частныхъ компаній.

Слѣдуя постепенно по поперечнымъ ходамъ, видимъ машины и проекты, выставленные московскимъ техническимъ училищемъ и петербургскимъ технологическимъ институтомъ (машинъ вообще мало), очень хорошо сдѣланную пирамиду льна и пеньки нѣсколькихъ русскихъ именъ: наверху ея ленъ растетъ, ниже расположены воловня, еще ниже — веревки. Далѣе — цѣлую стѣну, занятую чугунами и стальными издѣліями и образцами металловъ нижнетагильскаго завода г. Демидова, его же три огромныя малахитовыя вазы (до сажени высотой). Судя по числу присланныхъ изъ Россіи предметовъ, иностранцы должны предположить, что финляндское княжество, польскія и балтійскія губерніи составляютъ чуть ли не половину Россіи. Дѣйствительно, участіе этихъ областей въ русской выставкѣ внѣ всякаго сравненія съ территоріальнымъ отношеніемъ ихъ.

Не буду перечислять, конечно, выставленныхъ образцовъ стеариновыхъ свѣчъ и мыла, духовъ и даже перчатекъ. Насладившись при самомъ началѣ „мѣстнымъ колоритомъ“, приданнымъ русскому отдѣлу, я, признаюсь, нѣсколько спѣшилъ впередъ. Меня интриговалъ вопросъ — будутъ ли тутъ какіе-либо слѣды русской письменности. Согласитесь, что въ стеариновыхъ свѣчахъ и полосахъ чугуна не можеть выразиться существованіе на нашей родинѣ жизни нравственной. Медвѣди, бояре и фуражки съ кокардами, — конечно, представляютъ до нѣкоторой степени національность. Но неужели же за ними не будутъ русскихъ книгъ?

Я обрадовался—вотъ онѣ. На небольшомъ столѣ собраны: атласъ г. Тимирязева—для обзора развитія отраслей промышленности и торговли въ Россіи, атласъ, вовсе не отличающійся ни полнотою, ни работою данныхъ, но имѣющій красивый переплетъ; г. Веснина—историческій обзоръ учебниковъ географіи, годъ журнала „Нивы“, повѣсти г. Всеволода Крестовскаго, еще двѣ, три неважныя русскія книги, сочиненія г. Качковскаго (польскія), Шайнохи, годъ журнала „Kłosy“ альбомъ Яна Матейки, кажется—все. Русской газеты—ни одной. Между тѣмъ, рядомъ—цѣлая стѣна съ книгами, изданными въ Финляндіи, и съ газетами, издаваемыми тамъ же. Книги размѣщены систематически, поставлены бюсты шведскаго поэта Рунеберга (финляндца, если не ошибаюсь), экземпляръ каждой газеты развернуть, такъ что онѣ составляютъ родъ вѣера. А русская мысль, русская литература? Обзоръ учебниковъ географіи! Повѣсти г. Всеволода Крестовскаго!

Non ragioniam di lor,
Ma guarda — e passa

говорить Данту Виргилій.

Впрочемъ, снѣшу прибавить, что въ перечисленномъ еще не заключаются всѣ продукты русской мысли, представленныя на всемирной выставкѣ. Самостоятельную русскую мысль, русскую литературу и „прессу“ дѣйствительно представляютъ упомянутые: обзоръ учебниковъ географіи, иллюстрированный журналъ и повѣсти г. Всеволода Крестовскаго. Но есть еще особые столы, на которыхъ выставлены продукты русской мысли несамостоятельной—учебной и педагогической. Это—выставка министерства народнаго просвѣщенія. Здѣсь собраны уставы нѣкоторыхъ ученыхъ учреждений и училищъ. Есть, конечно, уставъ гимназій 1871 года, даже на французскомъ языкѣ (со всѣми соображеніями) и циркуляръ министерства о примѣненіи этого устава, но нѣтъ устава университетовъ (кромя дерптскаго), вѣроятно потому, что онъ еще не подвергся преобразованію и потому образцовымъ служить не можетъ. По части университетовъ есть только правила, установленныя для студентовъ петербургскаго и харьковскаго университетовъ. Во всякомъ случаѣ для иностранцевъ тутъ много поучительнаго. Есть программы разныхъ школъ, изданія св. синода, каталоги, изданные петербургскою Публичною бібліотекою, изданія казанскаго братства св. Гурія, т.-е. духовныя книги на языкахъ татарскомъ, черемисскомъ, бурятскомъ, чувашскомъ и вотацкомъ, фасады и планы нѣкоторыхъ школъ, книги для слѣпыхъ и для глухонѣмыхъ, тетрадки учениковъ разныхъ школъ, намонетъ—фотографическія картины группъ учениковъ разныхъ такихъ училищъ, въ которыхъ много инородцевъ, съ надписями надъ каждымъ типомъ,

какую національность онъ изображаетъ. Такъ какъ для этихъ снимковъ выбраны преимущественно такія училища, въ которыхъ есть тины уральско-финскихъ племенъ, то иностранные живописцы получаютъ превосходный матеріалъ для изображенія русской жизни. Взявъ тины учениковъ (калмыка, чувашки и самоѣда), нарядить ихъ въ русскіе костюмы по образцу воевога боярина и боярыни (см. выше), на переднемъ фонѣ изобразить пару русскихъ медвѣдей, а на заднемъ—огромный тульскій самоваръ; поставить возлѣ самовара человека въ фуражѣ съ кокардой и цвѣтнымъ околышкомъ—вотъ и будетъ русская картина; вдали можно еще представить домъ, какъ они бываютъ въ Россіи, то-есть съ низенькими колоннами, въ три этажа, съ мансардой, согласно фасаду русской выставки. По крайней мѣрѣ, невозможно будетъ сказать, что картина составлена по неавторитетнымъ даннымъ: таковы данныя самой русской выставки. Для оживленія картины можно бы человеку въ кокардѣ, опирающемуся на самоваръ, дать въ руки повѣсти г. Всеволода Крестовскаго, съ надписью. Тогда была бы и мысль.

Министерство народнаго просвѣщенія составило для всемирной выставки и представило на нее даже особую книгу на французскомъ языкѣ подъ названіемъ „Каталога“. Но изъ 72-хъ страницъ этого каталога, только 17 заняты собственно каталогомъ вещей, выставленныхъ министерствомъ. Остальныя представляютъ разныя свѣдѣнія объ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ и именной списокъ начальствующихъ лицъ (напр. предсѣдатель ученаго комитета: тайный совѣтникъ Александръ Георгіевскій). Изъ этихъ свѣдѣній я увидѣлъ нѣчто для меня новое, именно, что въ лицѣ г. Каткова, состоящемъ изъ 11 классовъ, въ трехъ высшихъ классахъ, такъ называемыхъ университетскихъ, имѣется учениковъ всего—3, т.-е. по одному на классъ. Считаю долгомъ замѣтить, что свѣдѣнія о нашихъ училищахъ, составленные министерствомъ для выставки, по отчетамъ, излагаютъ просто и обстоятельно устройство, назначеніе и статистику школъ, безъ всякаго слѣда тѣхъ полемическихъ приемовъ, которыми отличаются годовые отчеты министерства.

VI.

РУССКОЕ ИСКУССТВО.

Всю общую часть русской выставки я назвалъ „мануфактурною“, собственно въ отличіе отъ художественной. Последняя выкупаетъ первую; наша художественная выставка хороша и много носѣщается. Достаточно назвать гг. Айвазовскаго, Антокольскаго, Боголюбова,

Верещагина, Гэ, Гуна, Куинджи, Крамского, Лавренкова, Маловскаго, Перова, Рипцова, Семирадскаго, прибавивъ, что нѣкоторые изъ этихъ художниковъ прислали по нѣскольку произведеній, и читатель убѣдится, что для художественной выставки мы постарались. Здѣсь есть не мало вещей и другихъ русскихъ художниковъ, заслужившихъ въ свое время и заслуживающихъ вниманіе.

Я долженъ замѣтить, что вниманіе посѣтителей всемірной выставки распредѣляется между художественными произведеніями разнаго рода совѣтъ не въ такомъ отношеніи, какъ на нашихъ, домашнихъ выставкахъ. У насъ историческія картины и статуи (когда онѣ бывають) смотрятся по обязанности, пейзажи—разсѣянно, затѣмъ портреты смотрятся съ удовольствіемъ, а съ дѣйствительнымъ пристрастіемъ созерцаются собственно произведенія бытового жанра: городовые поздравляющіе купца, и другія подобныя вещи.

Здѣсь совѣтъ не то. Бытовой жанръ смотрится разсѣянно, портреты довольно равнодушно. На французской выставкѣ есть, напр., превосходные портреты Тьера и г-жи Паска, сдѣланные г. Бонна; есть хорошіе бюсты маршала-президента и парижскаго архіепископа, однимъ словомъ—лицъ, хорошо знакомыхъ всему Парижу; передъ ними не останавливается почти никто. За то пейзажи въ гораздо болѣе почести, чѣмъ у насъ. Ихъ смотрять почти столько же, сколько разныя женскія *nudités*, бывающія на всѣхъ выставкахъ. Но обогрѣвъ залу, французы и иностранцы садятся на скамейку, если она есть, и разбирають какую-нибудь историческую картину. Онѣ занимають посѣтителей болѣе, чѣмъ всякія ниня. Такъ какъ каталогъ художественныхъ произведеній составляетъ книгу въ 337 страницъ большого формата, то рѣдко кто ходить съ нимъ, а такъ себѣ сидятъ и догадываются. Догадки иногда бывають курьезныя, но кто-нибудь поправитъ и тогда всѣ: ah! и давай смотрѣть снова.

Понятно, что при обзорѣи нашего художественнаго отдѣла, иностранцы смотрять на портреты еще менѣе. Такъ, напр., есть прекрасные портреты министра народнаго просвѣщенія графа Толстого—кисти г. Крамского и директора государственнаго банка г. Ламазскаго—кисти г. Келлера. Но иностранцы не знаютъ, чьи это портреты, и не смотрять на нихъ. Образцы нашего бытового жанра есть очень хорошіе, напр. „Птицеловъ“ г. Перова. Проходятъ равнодушно мимо нихъ. Пейзажи привлекають больше. Отмѣчу вкратцѣ „Лѣтнюю ночь въ Петербургѣ“ г. Боголюбова, которую кто-то въ шутку называлъ—портретъ биржевого макла. Я не умѣю говорить жаргономъ, употребительнымъ для художественной критики: бойкость кисти, прозрачность воздуха, и т. п. Могу только сказать, что лунное освѣщеніе и вода здѣсь превосходны. Упомяну еще на „Лунную ночь въ Украинѣ“ г. Куинджи.

На первый взглядъ эта ночь—слишкомъ зеленая; но присмотрѣвшись, вы убѣждаетесь, что именно оттѣнокъ зелени, какъ она кажется при лунномъ свѣтѣ, здѣсь переданъ совершенно вѣрно. Отмѣчу мимоходомъ хорошенькую картинку г. П. Брюлова „Весна“, и поспѣшу къ „Живымъ факаламъ Нерона“ г. Семирадскаго. Она здѣсь освѣщена не только безъ той заботливости, какъ была освѣщена у насъ въ Петербургѣ, но просто—дурно. А это для картины, въ которой играетъ большую роль эффектъ свѣта, особенно вредно. Великолепная по композиціи и по нѣкоторымъ типамъ, она, по-моему, слишкомъ пестра. Эта картина наиболѣе привлекаетъ зрителей. Менѣе счастливы въ этомъ отношеніи „Христосъ въ пустынь“ г. Крамского и „Болгарскіе мученики“ г. Маковского, хотя въ этой послѣдней прекрасна фигура убійцы, смотрящаго на женщину, еще живую.

Произведеній г. Антокольскаго на выставкѣ шесть, между ними: „Христосъ передъ народомъ“, „Смерть Сократа“ и „Голова Христа Распятаго“. Статуя Спасителя, выражающая величіе и долготерпѣніе—одна изъ лучшихъ, какія я когда либо видалъ. Но о „Смерти Сократа“ не могу сказать ничего сочувственнаго. Эта колоссальная фигура съ отвернутыми ступнями и такимъ наклоненіемъ головы, при которомъ традиціонный носъ мудреца представляется просто шишкой—мнѣ не понравилась. Правда, взгляните на отдѣлку руки—и увидите большого художника; но цѣлое, по-моему, неудачно. И что за реализмъ такой? Почему у курносаго Сократа носъ былъ именно до такой степени „крайне курносый“, картофелеобразный? Недалеко отъ „Сократа“ стоитъ бюстъ одного извѣстнаго русскаго негоціанта. Тоже курносый, но ужъ совсѣмъ не такъ преувеличенно, „Сократъ“ г. Антокольскаго охотно бы помѣнялся съ нимъ носами, и все-таки бы остался исторически вѣренъ.

Какой же общій выводъ о Россіи должны сдѣлать себѣ иностранцы на точномъ основаніи обоихъ отдѣленій русской выставки? Быть можетъ, такой, что Россія есть страна преимущественно художественная, что эстетическое чувство въ ея народѣ весьма развито, несмотря на уральскіе типы этого народа, выставленные тѣмъ министерствомъ, которое его обучаетъ; что хотя самоваръ—выдумка весьма оригинальная, но строятъ въ Россіи дома въ стилѣ не менѣе оригинальномъ; наконецъ, что у насъ, кромѣ медвѣдей, и обыкновенныхъ людей, есть уже и беллетристъ—г. Всеволодъ Крестовскій, такъ что начало русской литературѣ уже положено. *L'avenir fera le reste.*

VII.

ТЕАТРЫ.

A tout seigneur—tout honneur, какъ сказали г. Эдмондъ Абѣ г. Тургеневу, привѣтствуя его въ качествѣ президента русскихъ членовъ литературнаго конгресса, и уступая ему свое мѣсто председателя въ обществѣ собраніи. Говоря о театрахъ, слѣдуетъ начинать съ Оперы. Подъ этимъ именемъ разумѣтся, какъ извѣстно, опера французская, итальянская же опера называется Théâtre italien.

Опера выбрала на время выставки самыя любимыя пьесы: „Вильгельмъ Телль“, „Гугеноты“, „Робертъ“, „Фаустъ“, „Фаворитка“ — „Королева Кипрская“, и даетъ ихъ поочередно. Я, разумѣется, выбралъ „парижскую“ пьесу—„Гугеноты“. Изъ артистовъ европейской извѣстности въ ней участвовала только г-жа Крауссъ (Валентина). Она — очень искусная пѣвица, съ богатымъ и мягкимъ, но слегка потертымъ уже голосомъ. Теноръ Вилларѣ (Рауль) имѣетъ голосъ нѣсколько грубоватый, басъ Меню (Марсель) хотя не обладаетъ художественной отдѣлкой нашего Утама, но низкія ноты у него полнѣе, баритонъ Манури (Неверъ) напоминаетъ г. Броджи. Второстепенная, но очень важная для ансамблей партія Сентъ-Бриса поручена также артисту съ пріятнымъ голосомъ—Гальяру, между тѣмъ какъ у нашихъ итальянцевъ она почти всегда предоставляется какому-нибудь рѣжущему уху голосу; не знаю почему, но такъ ужъ у насъ заведено. Вообще объ исполненіи могу сказать, что въ Орѣга у солистовъ нѣтъ ни тѣхъ средствъ, какія имѣются у Нильсонъ, Мазини, Утама, ни блеска и огня ихъ дикціи, но за то весь ансамбль лучше, чѣмъ у нашихъ итальянцевъ. Миѣ казалось, какъ будто солисты нарочно умѣряютъ себя, воздерживаются отъ порывистыхъ жестовъ и энергическихъ удареній въ речитативѣ. Быть можетъ, такова дѣйствительно манера, принятая въ парижской Орѣга; не даромъ она называется Académie nationale de musique. Въ сдержанности, мною замѣченной, пожалуй выражается нѣкоторая „академичность“, та же самая, которая умѣряетъ, закругляетъ и отчасти стушевываетъ рѣчи, произносимыя при приѣмѣ членовъ во „французскую академію“. Но, талантъ, въ самомъ дѣлѣ необыкновенный, все-таки восторжествовалъ бы надъ условной формой и избѣгъ бы холодности. Таковъ талантъ Фора, котораго я слыхалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ французской же (старой) оперѣ и въ Друриленскомъ театрѣ—въ Лондонѣ. При всей „академичности“, онъ увлекаетъ, поражаетъ слушателей. По драматичности и вмѣстѣ красотѣ дикціи, по моему мнѣнію, Форъ — первый въ ряду современныхъ пѣвцовъ. Его я теперь не слыхалъ: онъ былъ въ Вѣнѣ. Ансамбль парижской оперы лучше

чѣмъ въ нашей итальянской, въ томъ смыслѣ, что въ Парижѣ второстепенныя роли раздаются все-таки пѣвцамъ съ пріятными и достаточными для нихъ партіи голосами, такъ что все прилично, никто ничего не портитъ; затѣмъ—оркестръ и хоры хотя, пожалуй, нѣсколько и поменьше нашихъ, но превосходно сренетованы, притомъ въ хорѣ—болѣе жизни, и въ исполненіи его болѣе отгѣнковъ; у насъ же бываетъ замѣтно, что большинство хористовъ не понимаютъ словъ, которыя произносятъ (кромя корифеевъ, конечно, которые—итальянцы).

Зала Оперы гораздо шире, чѣмъ зала нашего Большого театра, но не особенно велика; впрочемъ, вотъ ея размѣры (выписываю изъ статьи г. Вебера въ „Temps“): ширина 20½ метровъ, глубина 25½ метровъ, средняя высота купола надъ оркестромъ — 20 метровъ. Это равномерное распредѣленіе производитъ то, что изъ боковыхъ ложъ лучше видно, чѣмъ у насъ (хотя все-таки вторые и третьи ряды нѣсколько обижены). И вообще во всѣхъ театрахъ Парижа, форма залъ болѣе приближается къ полукругу, чѣмъ къ той „лирѣ“, которая принята у насъ; поэтому въ парижскихъ театрахъ гораздо меньше мѣстъ, съ которыхъ видно худо, или ничего не видно, если не стоять. Правда, что при парижской системѣ залы оказываются менѣе помѣстительными. Такъ, въ Оперѣ всего 2200 мѣстъ, гораздо меньше, чѣмъ въ театрѣ Шателе (3500), и особенно чѣмъ въ большой концертной залѣ дворца Трокадеро, на выставкѣ (болѣе 5000 мѣстъ). Даже циркъ Елисейскихъ-полей вмѣщаетъ болѣе зрителей, чѣмъ Опера (3500). Но слишкомъ большая зала—исключая для concert-montres—столь же невыгодна для резонанса, какъ и слишкомъ малая. А въ Оперѣ резонансъ превосходенъ.

Зала Оперы очень красива и богата, но она нѣсколько страдаетъ отъ соперничества великолѣпной лѣстницы и необыкновенно-роскошного foyer. Не стану ихъ описывать, такъ какъ это дѣлалось не разъ. Напомню только въ двухъ словахъ, что лѣстница Оперы, вся мраморная, украшена колоннами, пьедесталами и баллюстрадами изъ мрамора разныхъ цвѣтовъ, превосходными статуями, золочеными карнизами и потолкомъ; каждый канделябръ здѣсь въ своемъ родѣ примѣчательность. Зала фойе—очень большая, вся залита золотомъ, съ красными драпри, фресками, зеркалами. Поднимаясь въ залу Оперы по такой лѣстницѣ или возвращаясь въ нее изъ такого фойе, невольно ожидаешь чего-то еще болѣе необыкновеннаго, и это ожиданіе, разумѣется, не оправдывается.

Не худо будетъ прервать на минуту театральную бесѣду, сдѣлать мимоходомъ вставку о чемъ-нибудь другомъ. О русскомъ элементѣ въ Парижѣ, напомнимъ. Онъ себя все-таки теперь заявляетъ болѣе, чѣмъ въ

былое время. Несмотря на невыгодность курса, русскіхъ пріѣхало-таки довольно въ Парижъ, и въ любомъ отелѣ встрѣтишь русскаго. Правда, въ давнее время, какъ и теперь, стоило зайти въ магазинъ rue de la Paix, Rivoli или Пале-Рояля, чтобы услышать отъ торговца имена нѣсколькихъ богатыхъ русскіхъ. Но теперь есть нѣчто болѣе. Электрическое освѣщеніе, которымъ любуются Парижъ, устроено по системѣ нашего соотечественника, и его аппараты, съ особой при нихъ конторой, находятся на одной изъ наружныхъ площадей выставки. Въ Комической оперѣ исполняютъ первыя роли г-жа Engally (Енгальчева), въ rue Scribe имѣется русская читальня, случается иногда встрѣчать русскія надписи на вывѣскахъ. Такъ, на самомъ бойкомъ мѣстѣ Парижа, на углу Итальянскаго бульвара и улицы Chaussée d'Antin, у двери театра Vaudeville читаете на доскѣ: „цѣна мѣстамъ“ и слѣдуетъ далѣе грамотно написанное по-русски распредѣленіе мѣстъ; такія же надписи имѣются на языкахъ англійскомъ, итальянскомъ испанскомъ; но нѣмецкой—*нѣтъ*. Пошелъ я въ Jardin des Plantes съ живущимъ въ Парижѣ молодымъ русскимъ ученымъ, г. Хорватомъ. Смотрю: на клѣткахъ нѣкоторыхъ нашихъ южныхъ звѣрковъ надписи: donné par M. le D-r Horwath. Наконецъ, на двухъ большихъ театрахъ держатся уже давно и даются каждый день двѣ „русскія“ пьесы: въ Odéon—les Danichef и въ Variétés—Niniche.

О первой говорить не буду, потому что о ней у насъ писали довольно, но о второй упомяну, такъ какъ самъ доселѣ не слыхалъ о ней. Ниничъ (г-жа Жюдикъ)—это кокетка, вышедшая замужъ за важнаго дипломата..... „польскаго“. Во всей пьесѣ о Польшѣ говорится какъ о существующей державѣ: о королѣ, о варшавскомъ дворѣ, давшемъ посланнику особое порученіе, о князѣ Владиславѣ и т. д. Эта фантастическая ширма придумана, конечно, для того, чтобы изобразить каррикатурнаго дипломата графа Корнискаго (отъ *coigne*) sans éveiller de susceptibilités. Графъ Корнискій женился на прелестной кокеткѣ, вовсе не подозрѣвая, кто она, и его, разумѣется, дурачатъ, а онъ—роздаетъ ордена. Самъ онъ постоянно ими обвѣшиваетъ; раздѣваясь, снимаетъ прежде нижнее платье, а уже впослѣдствіи ордена. Мало того,—подъ бортомъ фрака у него нашпилено нѣсколько экземпляровъ какого-то несуществующаго ордена. Какъ только сниметъ онъ орденъ съ своей груди и украситъ имъ кого-либо, тотчасъ, отвернувшись, поднимаетъ бортъ фрака и замѣняетъ пожалованный имъ орденъ запаснымъ. Этотъ пустякъ, при бойкой игрѣ Дюпюи (не нашего), Барона (Корнискій), Лассуша, и, въ особенности, при остроумно-эротической граціи Жюдикъ, довольно забавенъ.

Парижскіе театры въ юнѣ обыкновенно закрываются. Ниничъ они остались открыты по случаю выставки и играютъ для провинціаловъ

и иностранцевъ такіа пьесы, которыя парижанамъ давно знакомы. Каждый театръ избралъ какую-нибудь одну пьесу, имѣвшую когда-нибудь большой успѣхъ, и играетъ ее каждый вечеръ, нѣрѣдка разнообразя ее другою. Такъ, Французская Комедія даетъ „les Fourchambault“ Ожье, Gymnase — „Une Innocente“, несчастнаго г. Шери Монтинья, который двѣ недѣли тому назадъ умеръ отъ укушенія бѣшеной собаки; Vaudeville — „Les bourgeois de Pont-Arcy“ Сардъ; Variétés — „Niniche“; Bouffes Parisiens — „la Timbale d'Argent“ — музыка Вассера; Folies dramatiques — „les Cloches de Corneville“; Historique — „Marceau“; Porte St. Martin — „Le Tour du Monde en 80 jours“; Renaissance — „le Petit Duc“; Gaité — „Le Chat Botté“; Châtelet — „Les sept Châteaux du diable“ и т. д. Съ нумеромъ газеты прошлой недѣли вы смѣло можете выбирать любую пьесу: ее навѣрное дадутъ и сегодня.

Болѣе разнообразія въ оперѣ, какъ уже сказано. Opéra Comique попеременно даетъ „Diamants de la couronne“ Обера и „Psyché“ Тома, итальянцы — „Анду“. За исключеніемъ Оперы и Итальянскаго театра, въ залахъ которыхъ очень часто слышна иностранная рѣчь, во всѣхъ прочихъ театрахъ иностранцевъ вовсе не примѣтно: они исчезаютъ въ массѣ провинціаловъ и парижанъ. Не надо думать, что парижане отказались ходить слушать старыя пьесы. Театръ — главное ихъ удовольствіе; театръ принимается ими въ такихъ дозахъ, которыя для меня лично совершенно непонятны. Можно, пожалуй, сказать, что для парижанина существуютъ двѣ жизни — одна реальная, рабочая, другая — праздная и почти столько же реальная — въ театрѣ. Тамъ онъ находитъ себя же, свои интересы и вкусы, но получаетъ нѣсколько болѣе того, чѣмъ пользуется въ будничной обстановкѣ. Въ Парижѣ — 45 театровъ, т. е. залъ, въ которыхъ даются драматическія представленія и которыя носятъ названіе „театровъ“. Но газеты сообщаютъ о спектакляхъ только (!) 27-ми театровъ; остальные слишкомъ малы и о нихъ упоминается только въ случаѣ особаго успѣха. Существуютъ три или четыре газеты-афишки: „Entracte“, „Bulletin Théâtral“, „Orchestre“. Всѣ эти театры полны, при июньской жарѣ. Въ Оперѣ разбираются мѣста за недѣлю, а въ агентствахъ за нихъ платятъ вдвое, и то надо взять дня за два. Почти также трудно попасть въ „Comédie Française“ на „Fourchambault“. Затѣмъ, наиболѣе смотреть: „Niniche“, „Les Bourgeois de Pont-Arcy“ и „le Petit Duc“. Въ Ипподромѣ въ день представленія билетъ можно достать только у барышниковъ, которые всегда передъ нимъ ходятъ. Концертныя кафѣ Елисейскихъ-полей: „Alcazar“, „Café des Ambassadeurs“ и др. набиты биткомъ: входъ 3 франка съ правомъ на одну consommation; но билетовъ не берутъ; просто садятся и „консомируютъ“, потомъ платятъ 3 франка гарсону. У Арбана на береговой террасѣ

Тюльерійскаго сада, тамъ, гдѣ оранжерея, билеты: 3 франка входъ и еще 2 за мѣсто (здѣсь поютъ вечеромъ цыгане).

Вездѣ полно, на все спросъ. Когда посмотришь на эту тѣсноту въ театрахъ, то приходитъ въ мысль: вотъ сумасшедшій народъ! Но не будемъ, однако, преувеличивать. Въ 8 главныхъ парижскихъ театрахъ 19 тысячъ мѣстъ; допустимъ, что во всѣхъ остальныхъ театрахъ, вмѣстѣ взятыхъ, мѣстъ еще столько же. Но что же значать 38 тысячъ мѣстъ для города, въ которомъ теперь однихъ прїѣзжихъ тысячъ 200, иностранцевъ тысячъ 100, да постоянного населенія 1 м. 800 т. душъ?

Надо мнѣ покончить съ театрами. Итакъ, соотечественница наша, г-жа Ангали, поетъ въ Орѣга Comique. Въ „Pryché“ она была Амуромъ (Eros), а Психеей — г-жа Гейльброннъ, хорошо извѣстная Петербургу. У г-жи Ангали довольно большой голосъ и поетъ она очень отчетливо, не безъ блеска. Сама опера довольно мила. Она написана совершенно въ родѣ французскихъ орѣгас comiques, которыя, къ сожалѣнію, прежнюю большую свою популярность во Франціи должны были уступить опереттамъ Оффенбаха, Лекюка, Гербэ и Вассера. Вкусъ театральной массы вездѣ — какъ и у насъ — постепенно принижается именно потому, что масса эта постоянно расширяется, воспринимая въ себя элементы менѣе развитые въ эстетическомъ отношеніи.

Въ Итальянскомъ театрѣ есть очень интересная пѣвица, г-жа Санцъ (Sanz), испанка. У нея — контральто, съ нотами почти теноровыми, но голосъ ея такъ обширенъ, что она можетъ считаться и медво-сопрано. Въ ея бенефисъ давали актъ „Анды“, актъ „Ромео и Юлія“ Беллини и актъ неважной оперы „Зилія“. Въ послѣдней сценѣ „Ромео“, г-жа Санцъ пѣла съ такою страстностью, что навѣрное никто изъ современныхъ пѣвицъ не сравнился бы въ этой роли съ нею. Очень недуренъ итальянскій теноръ Нувелли, а баритонъ Пандольфини (Амоназро, въ „Андѣ“) въ своей роли не многимъ уступаетъ нашему Котонни. Но наиболѣе примѣчательна все-таки — Санцъ. Давали еще сцену изъ „Севильскаго цирюльника“, собственно для того, чтобы Санцъ могла пропѣть нѣсколько испанскихъ пѣсень; пѣсни эти, на мой вкусъ, были довольно цыганскаго свойства. Но испанцы, которыхъ было много въ залѣ (въ Парижѣ убѣждаешься, что Испанія существуетъ не только на картѣ, но и въ дѣйствительности), приходили въ восторгъ. Пѣвицу осыпали цвѣтами. Было все, что бывало у насъ для Патти и Нильсонъ: двадцать большихъ букетовъ и корзинъ, дождь цвѣтовъ, многочисленные вызовы. Но надо замѣтить, что въ Парижѣ теперь большой букетъ изъ розъ стоитъ два франка, — а у насъ лѣтомъ одна роза стоитъ 25 коп. Только что возвратясь въ Петербургъ, я прочелъ во французской газетѣ, что

г-жа Санцъ опрокинулась съ экипажемъ въ Bois de Boulogne и сильно ушиблась.

Г-жа Дезапортъ, перешедшая на роли „матерей“, играетъ въ „Bourgeois de Pont-Arcy“. Главныя роли превосходно исполняются Каррэ, Бертономъ-сыномъ (нѣсколько жеманецъ), отлично комическою старухой, г-жей Алексисъ, и хорошенькой г-жей Бартё. Другая, очень миловидная, молодая актриса, г-жа Легё — въ Gynpase (Une Innocente). Въ „Bouffes“ отличается Теб. Ее слишкомъ расхвалили. Жюдикъ гораздо граціознѣе и голосъ ея пріятнѣе.

VIII.

Годишныя празднества.

Сюда относились въ іюнѣ: скачки въ Лоншанѣ, ежегодный большой смотръ, тамъ же, и „національный праздникъ“, въ первый разъ вводимый республикой. Скачка 16-го — главная скачка во Франціи. Она ведется на „большой призъ города Парижа“ — 100,000 франковъ. Здѣсь происходитъ главное составленіе французскихъ лошадей (рожденныхъ во Франціи, но англійской крови) съ англійскими. Доселѣ французы однимъ разомъ выиграли больше, чѣмъ англичане, но теперь англичане (т.-е. англійскія лошади) сравнялись съ французами. По всеобщему ожиданію, долженъ былъ выиграть „Insulaire“ графа де-Лагранжа, но первымъ пришелъ „Thurio“ (англійская лошадь) князя Салтыкова. Лоншанскія скачки, — это, главнымъ образомъ, — выставка экипажей и туалетовъ. Цѣны за входъ примѣрно таковы: 20, 10, 5, 3 и 1 франкъ. Масса народа невообразимая. Разъѣздъ — часа два. Полиція едва примѣтна, но порядокъ не нарушается. Какъ только кучеръ попробуетъ выѣхать изъ ряда, всѣ товарищи его закричатъ: „suivez donc la file!“ На Елисейскихъ поляхъ съ полудня всѣ мѣста (за стулья платять) заняты, чтобы смотрѣть на „возвращеніе со скачекъ“. Нынче порядочный дождь окатилъ эту картину.

Смотръ или парадъ — для публики то же самое, что скачки. Онъ на этотъ разъ даже и происходилъ тамъ же въ Лоншанѣ, т.-е. въ Bois de Boulogne, такъ какъ Марсово-поле занято выставкой. Разница въ томъ, что смотръ эксплуатировался либеральными газетами въ пользу R. F., точно также какъ выставка. „Блестящій видъ нашихъ войскъ“, „уваженіе къ арміи“, „достигнутые успѣхи“, „все это ручается“ и т. д. Съ гордостью указывали эти газеты, что въ свитѣ маршала-президента находились: герцогъ Аостскій (бывшій король испанскій), донъ-Фернандъ португальскій, принцъ датскій и др. Я видѣлъ маршала близко, когда онъ ѣхалъ въ Bois — домой, въ Ели-

сейскій дворецъ, шагомъ, со свитою. Въ свитѣ его были два нашихъ офицера: одинъ—кавалергардъ, другой генеральнаго штаба. Ничего изъ привѣтственныхъ криковъ публики я не слыжалъ, развѣ ближе къ городу были—не знаю. Маршалъ смотритъ очень бодро; сидитъ на лошади по-англійски. Относительно верховой ѣзды вообще, не только „партикулярной“, но и кавалерійской, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Парижѣ, я долженъ сказать, что наша кавалерія много лучше. Особенно солдаты за границей—мало обучены; офицеры лучше. У насъ же—наоборотъ.

„Национальнаго праздника“ я уже не видалъ; онъ былъ назначенъ на 30 іюня; видѣлъ только приготовленія и читалъ о нихъ: иллюминація въ большихъ размѣрахъ, концертъ 400 пѣвцовъ и 300 музыкантовъ въ Тюльерійскомъ саду, и т. д. На площади Согласія я видѣлъ уже газовыя трубы, перетянутыя въ видѣ тесемокъ отъ обелеска къ угламъ; усѣянные бѣлыми матовыми стеклянными шарами, онѣ имѣли видъ нитокъ жемчуга; роженки наставлены такъ часто, что между двумя стеклянными шарами не могъ бы помѣститься третій такой же шаръ.

Вообще—городъ веселья и роскоши. Но я не могу не вспомнить, въ заключеніе, одной замѣчательной черты, которая отличаетъ Парижъ отъ Лондона, и даже отъ Берлина: на самыхъ отдаленныхъ улицахъ Парижа я не видалъ ни одного ребенка босикомъ. А этотъ фактъ стоитъ, пожалуй, всей всемірной выставки.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

НЕКРОЛОГЪ

Дж. А. Макъ-Гаханъ.

Въ нашихъ газетахъ помѣщено было недавно печальное извѣстіе о смерти Макъ-Гахана, который умеръ отъ тифа въ Константинополѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ развитіи своей дѣятельности. Русская печать не должна пропустить этого имени, не отдавши высокой похвалы замѣчательному писателю.

Онъ умеръ, какъ говорятъ, всего тридцати-трехъ лѣтъ,—не многимъ писателямъ удавалось пройти въ эти годы такое необыкновенное поприще, какое имѣлъ Макъ-Гаханъ. Его отецъ былъ ирландецъ, мать—американка, но нѣмецкаго происхожденія. Какъ извѣстно, Макъ-Гаханъ началъ свое литературное поприще во время франко-

прусской войны. Когда война вспыхнула, онъ жилъ въ Брюсселѣ, встрѣтился здѣсь съ д-ромъ Госмеромъ, который былъ тогда представителемъ газеты „New York Herald“ въ Европѣ, и предложилъ Госмеру свои услуги въ качествѣ спеціального корреспондента. Предложеніе было принято, и Макъ-Гаханъ сдѣлалъ всю кампанію, то съ однимъ генераломъ, то съ другимъ. Когда началось возстаніе коммуны, онъ бросился въ Парижъ, и, сошедшись съ нѣкоторыми изъ предводителей, едва избѣжалъ казни при вступленіи версальцевъ. Слѣдующимъ подвигомъ его, въ качествѣ корреспондента „New York Herald“, было путешествіе въ Хиву. Макъ-Гаханъ не поспѣлъ къ выступленію генерала Кауфмана и въ теченіи двадцати-деяти дней долженъ былъ догонять армію въ степи. Съ нимъ было только двое или трое слугъ, небольшой запасъ провизіи, и онъ зналъ лишь по нѣскольку словъ изъ языка тѣхъ племенъ, среди которыхъ ему нужно было странствовать; но онъ достигъ своей цѣли. Макъ-Гаханъ рассказывалъ это удивительное путешествіе въ своей книгѣ „Campaigning on Oxus“, которая имѣла по-англійски четыре изданія и была переведена также на русскій языкъ. Затѣмъ, Макъ-Гаханъ посланъ былъ въ лагерь Донъ-Карлоса. Въ этотъ разъ онъ опять едва не подвергся поголовной казни. Онъ попался въ руки альфонсистовъ и принятъ былъ за карлистскаго полковника и шпіона, причемъ одной изъ главныхъ уликъ противъ него было то, что онъ хорошо говорилъ по-испански. Въ теченіи нѣсколькихъ дней надъ нимъ висѣлъ смертный приговоръ. О характерѣ Макъ-Гахана можно судить по тому, что онъ сохранилъ все свое хладнокровіе въ теченіи этого страшнаго промежутка. Дѣйствительно, вечеромъ наканунѣ дня, который онъ считалъ днемъ своей казни, онъ написалъ нѣсколько писемъ своимъ роднымъ, — и, затѣмъ, спокойно спалъ. Изъ Испаніи онъ былъ вызванъ, чтобы сопровождать сэра Юнга въ полярную экспедицію. Наконецъ, его послѣднимъ дѣломъ была, въ историческомъ отношеніи наиболѣе замѣчательная, въ высокой степени благородная дѣятельность его въ теченіи послѣдней войны, въ качествѣ корреспондента газеты „Daily News“, которая черезъ него стала такъ знакома русскому читателю и оказала столь великія услуги дѣлу болгарскаго освобожденія. Въ то время, когда европейская печать такъ мало расположена была говорить правду о положеніи вещей въ Турціи, Макъ-Гаханъ раскрылъ во всемъ ужасѣ батакскія убійства, далъ неопровержимые факты страшныхъ жестокостей и наглаго обмана турецкихъ властей, и отгналъ у официальныхъ туркофильскихъ докладчиковъ всякую возможность скрывать и отрицать ихъ. Въ теченіи войны, онъ былъ лучшимъ рассказчикомъ ея событій, правдивѣйшимъ историкомъ. По его корреспонденціямъ уже можно было дивиться быстротѣ и вѣрности его взгляда, точности въ опредѣленіи фактовъ, а также оцѣнить его

мягкое гуманное чувство. „Что сдѣлалъ Макъ-Гаханъ въ своей послѣдней миссіи, — говорить его англійскій біографъ (О'Конноръ), — это принадлежитъ теперь исторіи. Надо надѣяться, что болгары выскажутъ теперь въ какой-либо формѣ свой взглядъ на этого человѣка, который, почти столько же, какъ русская власть, былъ ихъ освободителемъ. Нѣтъ сомнѣній, что одно перо Макъ-Гахана привело къ кризису восточный вопросъ“. Съ намѣреніемъ приводимъ эти слова; они покажутся преувеличенными, но преувеличеніе даетъ понятіе о впечатлѣніи, какое дѣйствительно произвелъ Макъ-Гаханъ своимъ первымъ энергическимъ вмѣшательствомъ въ событія и послѣдующими замѣчательными письмами.

Приводимъ еще нѣсколько словъ изъ разсказа О'Коннора. „Г-нъ Форбсъ описывалъ въ „Daily News“ тѣ трудности, при которыхъ Макъ-Гаханъ исполнялъ свое дѣло во время войны; какъ онъ принимался за работу, несмотря на повторявшіеся пароксизмы лихорадки, и хотя онъ три раза сломалъ себѣ ногу; и Форбсъ вѣрно замѣчаетъ, что въ письмахъ Макъ-Гахана нѣтъ ни одного слова объ его страданіяхъ. Къ примѣрамъ мужества, приведеннымъ у Форбса, я могу прибавить еще одинъ. Скобелевъ, въ одной изъ своихъ смѣлыхъ экскурсій, встрѣтилъ рѣку, черезъ которую не было моста и гдѣ не видно было ни одной лодки. Какъ переправить солдатъ? Скобелевъ и Макъ-Гаханъ держали военный совѣтъ о томъ, какъ преодолѣть затрудненіе, — и рѣшено было, что они оба должны броситься въ рѣку вплавь, и показать солдатамъ, что имъ надо дѣлать! Вспомнимъ, притомъ, что въ то время Макъ-Гаханъ былъ съ костьюлемъ, и одна нога была въ повязкѣ. Такова была дѣятельность; еще два слова о характерѣ. Къ его непоколебимому мужеству и блестящимъ дарованіямъ ума присоединялась величайшая скромность. Довольно трудно было услышать отъ него о немъ самомъ. Если онъ когда-нибудь упоминалъ о своихъ подвигахъ, онъ дѣлалъ это, точно подшучивая надъ собой“. О привлекательности и мягкости его характера, соединившейся съ такой энергіей дѣятельности, говорили и другіе.

Имя Макъ-Гахана останется однимъ изъ самыхъ почетныхъ именъ въ послѣднемъ фазисѣ восточнаго вопроса. По своей послѣдней дѣятельности, онъ приближался къ идеалу „международнаго писателя“: между другими „спеціальными корреспондентами“ могли быть люди (хотя очень немногіе), которые не уступали ему въ подвижности, въ быстротѣ соображенія и работы, но ни у кого изъ нихъ не нашлось столько способности понять широко цѣльный вопросъ, устранить въ обсужденіи его предвзятія тенденціи и взглянуть на факты смѣлымъ и свободнымъ взглядомъ истинно-цивилизованнаго человѣка. Свои дарованія и свои физическія силы онъ положилъ на защиту человѣческихъ правъ угнетеннаго народа, — и

эту достойную задачу онъ исполнилъ: поворотъ, наступившій въ общественномъ мнѣніи Европы, въ большой мѣрѣ принадлежитъ дѣйствительно ему. Его дѣятельность должна бы послужить примѣромъ — не для одной русской печати.

А. П.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.

Составъ комитета управляющаго дѣлами общества. (Съ 9 апрѣля 1878 года). Предсѣдатель комитета — Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (Сергіевская, 24). Товарищъ предсѣдателя — Николай Николаевичъ Тютчевъ (Невскій проспектъ, 96, кв. 18). Казначей — Профессоръ Александръ Порфирьевичъ Бородинъ (Зданіе Медико-Хирургической Академіи). Секретарь — Павелъ Александровичъ Брюловъ (Васильевскій островъ, 7-я линія, 60).

Члены комитета: Ольга Александровна Мордвинова (У Спаса Преображенія, Церковный переулокъ, 2). Анна Петровна Мунтъ (Невскій проспектъ, 44, кв. 40). Надежда Терентьевна Рудкова (Кузнечный переулокъ, 20, кв. 6). Прасковья Николаевна Тарновская (Мойка, 102). Дмитрій Васильевичъ Стасовъ (Малая Морская, 8, кв. 6).

Замѣтка для просительницъ, Членовъ Общества и жертвователей. *Прошенія и заявленія*, касающіяся Общества, слѣдуетъ подавать или присылать на имя Предсѣдателя Общества, по вышеуказанному адресу.

Предложенія объ избраніи лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ Члены Общества, съ точнымъ означеніемъ имени, отчества, фамиліи и адреса предлагаемаго лица, могутъ быть доставлены Комитету каждымъ Членомъ Общества или непосредственно, или чрезъ одного изъ Членовъ Комитета.

Членскіе взносы и другія пожертвованія принимаютъ всѣ Члены Комитета, съ выдачею квитанцій, преимущественно же Казначей Общества. Независимо отъ того, жителями С.-Петербурга годовые платежи и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы въ *Книжный магазинъ для иностранцевъ* (Невскій проспектъ, 44) и въ контору Общества „Дружина“, Невскій проспектъ, 68, у Анничкина моста, входъ съ Фонтанки). Для избѣжанія недоразумѣній, въ магазинѣ и конторѣ имѣются особыя сборныя книжки, въ которыя Члены Общества и жертвователи записываютъ *собственноручно* вносимую ими сумму и свой адресъ. По передачѣ денегъ Казначей Общества, послѣднимъ доставляются надлежащія квитанціи.

Выдача ссудъ и пособій, разрѣшенныхъ опредѣленіями Комитета, производится Казначеемъ, со взятіемъ росписокъ.

Довода о всемъ вышеизложенномъ до свѣдѣнія Членовъ Общества, Комитетъ съ своей стороны просить:

1) *Доставлять своевременно годовые членскіе взносы и уплатить недоимки за прежніе годы.*

2) *По мѣрѣ возможности содѣйствовать усиленію средствъ Общества сборомъ пожертвованій.*

и 3) *Доставить нынѣ же Комитету свои адреса и уведомлять своевременно о перемѣнѣ мѣста жительства.*

ОТЧЕТЪ СЕКРЕТАРЯ

за 1877 годъ.

(Читанъ въ Общемъ Собраніи 9 апрѣля 1878 года)

I. Личный составъ Общества.

Общимъ Собраніемъ 20 марта 1877 года были избраны въ Члены Общества 164 кандидата. Со включеніемъ вновь избранныхъ, числилось Членовъ всего 654.

Въ теченіи отчетнаго года изъ среды Общества вышло 58 членовъ. Въ томъ числѣ: 8-мъ за смертію (С. К. Брюллова, Н. В. Генъ-Купріянова, В. А. Давыдова, С. М. Жуковский, Н. А. Некрасовъ, В. С. Некрасова, Ф. З. Сафоновъ и Е. Д. Шемякина).

20-ть—заявившихъ о своемъ желаніи сложить съ себя званіе членовъ, и

30-ть — не вносившіе членскихъ взносовъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ, т.е. со времени учрежденія Общества, признаны тоже сложившими съ себя званіе членовъ.

Затѣмъ, нынѣ числится 596 членовъ.

II. Составъ Комитета.

До марта 1877 года въ составъ Комитета входили Предсѣдатель В. А. Арцимовичъ, Товарищъ Предсѣдателя Н. Н. Тютчевъ, члены: О. К. Граве, М. Ф. Павловская, В. П. Тарновская, П. Н. Тарновская и И. А. Павловъ, Казначей А. П. Бородинъ и Секретарь А. П. Доброславинъ.

Въ Общемъ Собраніи 20 марта 1877 года на мѣсто выбывшихъ изъ Комитета на основаніи § 12 устава Общества г-жъ О. К. Граве, М. Ф. Павловской и г-на Павлова, были избраны въ члены Комитета г-жи О. А. Мордвинова, Н. Т. Рудкова и Д. В. Стасовъ.

Послѣ выборовъ составъ Комитета, оставшійся въ теченіи всего 1877 года безъ измѣненій, былъ слѣдующій:

Предсѣдатель В. А. Арцимовичъ, Товарищъ Предсѣдателя Н. Н. Тютчевъ, члены: О. А. Мордвинова, В. П. Тарновская, П. Н. Тарновская, Н. Т. Рудкова, Д. В. Стасовъ, Казначей А. П. Бородинъ и Секретарь А. П. Доброславинъ.

Въ теченіи 1877 года Комитетъ имѣлъ 19-ть засѣданій.

На лѣтнее время, вслѣдствіе выѣзда изъ Петербурга всѣхъ Членовъ Комитета, веденіе всѣхъ его дѣлъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, было поручено одному изъ членовъ, остававшемуся все лѣтнее время въ окрестностяхъ столицы—Д. В. Стасову. 9-го октября, въ первомъ засѣданіи Комитета послѣ лѣтнихъ его вакацій, Д. В. Стасовымъ былъ представленъ подробный отчетъ о всемъ времени его дѣятельности отъ мая до октября.

III. Занятія Комитета.

По сбору средствъ:

Размѣръ нуждъ, за покрытіемъ которыхъ обращаются къ Комитету, съ каждымъ годомъ возрастаетъ по мѣрѣ постоянного увеличенія числа слушательницъ на врачебныхъ и педагогическихъ курсахъ. Въ 1876 году на врачебныхъ курсахъ слушательницъ состояло 427, а въ 1877 году — 505; на педагогическихъ курсахъ въ 1876 году было 241 слушательница, а въ 1877 году — 350.

Такъ какъ Общество не получаетъ никакихъ постоянныхъ субсидій, то единственные источники доходовъ Общества въ теченіи отчетнаго года составили: членскіе взносы, одновременныя пожертвованія частныхъ лицъ, выручка отъ концерта и дѣтскаго праздника, возвратъ ссудъ и проценты съ запаснаго капитала.

а) Членскіе взносы:

Ежегодныхъ членскихъ взносовъ въ 1877 году поступило 2460 р.

Пожизненныхъ взносовъ въ 1877 году не поступало.

Въ 1876 году было принято взносовъ:

пожизненныхъ отъ 4-хъ лицъ по сту руб. 400 р.

ежегодныхъ за разные годы отъ 357 лицъ на 2211 "

Итого. 2611 "

По сравненію съ 1876 годомъ въ 1877 году взносовъ поступило менѣе на 151 руб.

При ближайшемъ разсмотрѣніи взносовъ, поступившихъ въ 1877 году, оказывается, что уплаты сдѣланы за разные годы, а именно:

5 членовъ внесли недоимку за 1875 годъ. 36 р.

45 " " " " 1876 " 247 "

353 члена внесли за отчетный 1877 " 2072 "

11 членовъ внесли впередъ за 1878 " 105 "

Итого 2460 р.

Изъ этого видно, что собственно за 1877 годъ изъ числа 654 членовъ, числившихся до 20 марта 1877 года, сдѣлали взносы только 353, къ которымъ слѣдуетъ причислить 18 лицъ, сдѣлавшихъ пожизненные взносы въ предшествовавшіе годы, и не обязанныхъ дѣлать ежегодныхъ взносовъ.

Желая обратить вниманіе тѣхъ членовъ Общества, которые не исполнили своевременно взятаго ими на себя обязательства содѣйствовать Обществу ежегодными членскими взносами, Комитетъ, по примѣру прошедшаго года, дважды посылалъ означеннымъ членамъ личныя напоминанія и, независимо отъ того, неоднократно сообщалъ въ газетахъ объ адресахъ лицъ, коимъ можно было передавать взносы и пожертвованія.

б) Пожертвованія.

Пожертвованій поступило:

а) личныхъ. 3034 р. — к.

б) по сборнымъ книжкамъ. 117 " 20 "

Всего 3151 р. 20 к.

Въ теченіи 1876 года поступило пожертвованій всего 2890 р. 50 к.

Изъ сличенія этихъ цифръ видно, что пожертвованія 1877 года превышаютъ пожертвованія 1876 года на 260 руб. 70 к., но такъ какъ лицо, пожертвовавшее 1500 руб. въ непривосновенный капиталъ

Общества, предоставило Обществу пользоваться процентами съ этой суммы только послѣ кончины жертвователя, то эта сумма, принятая Обществомъ съ благодарностью, составляетъ лишь, какъ-бы запасный фондъ для будущаго времени.

Затѣмъ, пожертвованій, которыя въ настоящее время могли находиться въ распоряженіи Общества, поступило въ 1877 году собственно 1651 р. 20 к. или на, 1239 руб. 30 к. менѣе сравнительно съ 1876 годомъ, что вполне объясняется инымъ направленіемъ благотворительности Общества, вызваннымъ военными обстоятельствами.

Особенно рѣзко уменьшеніе сказывается въ сборахъ по книжкамъ изъ разныхъ губерній. Тогда какъ въ 1876 году эта статья дохода доставила 919 руб. 50 коп., въ отчетномъ году поступило всего только 117 руб. 20 к.

В. СВОРЪ СЪ ДАТСКАГО ПРАЗДНИКА И КОНЦЕРТА.

Въ теченіи 1877 года Комитетомъ былъ устроенъ 3 апрѣля въ залахъ благороднаго Собранія дѣтскій праздникъ, давшій чистой выручки 137 руб. и 18 декабря концертъ — доставившій 1049 руб., итого получено 1186 руб.

Доходъ этой статьи превышаетъ доходъ 1876 года (1103 р.) на 83 р.

Г. ОСТАЛЬНЫХЪ ПОСТУПЛЕНІЙ.

а) возвращено ссудъ: 2 слушательницами педагогическихъ курсовъ 50 р. — к.
16 слушательницами врачебныхъ курсовъ 421 „ — „

б) проценты съ запаснаго капитала 176 „ 78 „
Въ общей сложности поступило въ 1877 году. 7444 „ 98 „

Независимо отъ указанныхъ выше денежныхъ пожертвованій, оказано Обществу содѣйствіе нижепоименованными лицами и редакціями:

Отчетъ Общества за 1876 годъ былъ напечатанъ безвозмездно, по предложенію М. М. Стасюлевича, въ его типографіи, которая пожертвовала и бумагу на 800 экземпляровъ.

Редакціи: „Вѣстника Европы“, „Голоса“, „Новаго Времени“ и „Сѣвернаго Вѣстника“ печатали безвозмездно извѣстія, касающіяся Общества. Музыкальные магазины Бесселя и Юргенсона продавали безвозмездно билеты на концертъ, данный въ пользу Общества и Контора Общества „Дружина“ продолжала принимать и передавать въ Комитетъ взносы и пожертвованія въ пользу Общества.

І. О ЗАПАСНОМЪ КАПИТАЛѢ.

Въ § 9-мъ устава нашего Общества, утвержденного 23 ноября 1874 года, сказано: „изъ ежегодныхъ доходовъ Общества отдѣляется извѣстная часть въ его запасный капиталъ, расходованіе котораго производится не иначе, какъ съ разрѣшенія Общаго Собранія.

Въ развитіе этого § Общее Собраніе 4 мая 1875 года утвердило инструкцію, во 2-мъ отдѣлѣ которой постановлено:

1) Единовременные взносы Членовъ Общества, установленные § 5 устава (т.-е. пожизненные вмѣсто ежегодныхъ) и денежные пожертвованія, дѣлаемые подъ условіемъ расходованія только процентовъ съ пожертвованной суммы, обращаются въ неприкосновенный капиталъ Общества.

2) Пожертвованія, дѣлаемые на опредѣленный предметъ, употребляются согласно съ волею жертвователя.

3) Со всѣхъ остальныхъ денежных пожертвованій, а также съ суммъ, выручаемыхъ Обществомъ отъ концертовъ, спектаклей и т. п. отчисляется 10 процентовъ въ запасный капиталъ Общества, согласно § 9 устава.

На основаніи этихъ правилъ, числилось къ 1-му января 1877 года запаснаго капитала 3891 р., въ томъ числѣ 3000 р., поступившіе на основаніи 1 и 2 пунктовъ инструкціи, утвержденной 4 мая 1875 года, были своевременно обращены въ процентныя бумаги.

Что же касается 891 рубля, которые должны были быть отчислены на основаніи 3 пункта означенной инструкціи, то отчисленіе ихъ и въ 1875 и въ 1876 году оказалось невозможнымъ въ виду недостаточности доходовъ для удовлетворенія самыхъ законныхъ и уважительныхъ просьбъ слушательницъ о вспоможеніи.

Въ теченіи 1877 года, какъ подробно изложено выше, доходы не только не увеличились, но еще сократились, между тѣмъ, какъ число нуждающихся постепенно возрастаетъ. Поэтому Комитетъ не считая себя въ правѣ обратитъ значительную часть дохода на пополненіе числившейся по запасному капиталу недоимки, но призналъ болѣе цѣлесообразнымъ употребитъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства на удовлетвореніе поступающихъ просьбъ. Средства оказались столь ограниченными, что во многихъ случаяхъ Комитетъ вынужденъ былъ урѣзывать даже размѣръ пособій на уплату за слушаніе лекцій и ассигновалъ многимъ слушательницамъ вмѣсто полного, только половинный размѣръ платы, положенный за слушаніе лекцій.

При такомъ положеніи дѣла, Комитетъ считаетъ долгомъ представить Общему Собранію объ отрицѣльной обязательности 3-го пункта 2-го отдѣла инструкціи, утвержденной Общимъ Собраніемъ 4 мая 1875 года, оказавшагося на практикѣ неисполнимымъ, впредь до болѣе благопріятнаго положенія кассы Общества.

Затѣмъ, въ отчетномъ году на основаніи 1 и 2 пунктовъ означенной инструкціи причислены къ запасному капиталу пожертвованные однимъ Членомъ Общества 1500 р. и П. А. Брюлловымъ 100 руб., такъ что нынѣ запаснаго капитала состоитъ 4600 руб., въ томъ числѣ процентными бумагами 4500 руб. и наличными деньгами 100 руб.

II. Дѣйствія Комитета по распределенію ссудъ.

Какъ и въ прошедшіе годы, Комитетъ попреимуществу помогалъ слушательницамъ, выдавая безсрочныя ссуды на уплату взносовъ за слушаніе лекцій. Помощь, удовлетворявшая другія нужды слушательницъ, выражалась въ сравнительно малой цифрѣ срочныхъ и безсрочныхъ ссудъ.

Въ теченіи года выдано:

- 1) По просьбамъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ:
 - а) уплачено за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 44 и во второмъ—за 73 лица 2325 р.
 - б) выдано безсрочныхъ ссудъ 35 лицамъ 683 р.
 - в) выдано срочныхъ ссудъ 16 лицамъ 466 р.

Итого по врачебнымъ курсамъ . . 3474 р.

Выданныя 35 слушательницамъ въ безсрочную ссуду 683 р. представляются слѣдующимъ образомъ:

2	слушательницамъ	выдано по 35 р.,	итого 70 р.
5	"	" " 30 " "	150 "
1	"	" " 28 " "	28 "
6	"	" " 25 " "	150 "
3	"	" " 20 " "	60 "
10	"	" " 15 " "	150 "
7	"	" " 10 " "	70 "
1	"	" " 5 " "	5 "
35 слушательницамъ.			683 р.

Въ счетъ срочныхъ ссудъ ассигнованныхъ 16 слушательницамъ 466 руб.

выдано 2	слушательницамъ по 60 р.	итого 120 р.
" 1	" " 40 " "	40 "
" 2	" " 35 " "	70 "
" 2	" " 30 " "	60 "
" 5	" " 25 " "	125 "
" 3	" " 15 " "	45 "
"	" " 6 " "	6 "

Всего 16 слушательницамъ. 466 р.

- 2) По просьбамъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ:
 а) уплачено за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 33, а во второмъ за 36 лицъ 1620 р.
 б) выдано безсрочныхъ ссудъ 4 лицамъ; 50 "
 в) врачу, за пользованіе заботѣвающимъ слушательницъ за 2 мѣсяца 1876 года и за весь 1877 г. уплачено 210 "

Итого по педагогическимъ курсамъ. 1880 р.

Въ счетъ ассигнованныхъ 4 слушательницамъ безсрочныхъ ссудъ на 50 руб.

Выдано 2	слушательницамъ по 15 р.	итого 30 р.
" 2	" " 10 " "	20 "

Итого 4 слушательницамъ. 50 р.

Срочныхъ ссудъ въ 1877 году выдаваемо не было.

Изъ подробностей, приведенныхъ въ этомъ отчетѣ, видно, что Комитетъ употребилъ на вспомошествованіе слушательницамъ курсовъ ссудами и врачебнымъ пособіемъ всѣ средства, находившіяся въ его распоряженіи, но итогъ этихъ расходовъ составляетъ только 5354 р., сравнительно съ 1876 годомъ (7205 р.), менѣе на 1851 р., т.-е., не смотря на увеличившееся, по сравненію съ прошедшими годами, число просьбъ о пособіи, Комитетъ могъ удовлетворить лишь часть ихъ и притомъ далеко не вполне. Желая оказать помощь возможно большому числу слушательницъ и имѣя въ виду съ другой стороны скудость средствъ, Комитетъ былъ вынужденъ, какъ выше сказано, во второмъ полугодіи выдавать нѣкоторымъ слушательницамъ для уплаты за лекціи лишь половину требующейся суммы, т.-е. 12 р. 50 коп. слушательницамъ врачебныхъ курсовъ и 15 р. слушательницамъ педагогическихъ.

Комитетъ считаетъ долгомъ представить свое объясненіе по частному вопросу, возбужденному Комиссіею, ревизовавшею отчетъ за 1876 годъ.

Комиссія, въ виду необходимости, съ одной стороны, оказанія

врачебной помощи слушательницамъ педагогическихъ курсовъ, а съ другой—недостаточности средствъ Общества, признавала полезнымъ рекомендовать Комитету озаботиться присканіемъ врачей, которые согласились бы оказывать безвозмездно врачебную помощь слушательницамъ педагогическихъ курсовъ. Комитетъ входилъ въ сношеніе съ инспекторомъ педагогическихъ курсовъ, который сообщилъ Комитету, что услуги врача, которому по условію, установленному еще въ 1875 году, уплачивается по 15 руб. въ мѣсяцъ за пользованіе заболѣвающихъ слушательницъ, въ теченіи круглаго года, крайне необходимы слушательницамъ педагогическихъ курсовъ и что весьма желательно воспользоваться его помощію и въ будущемъ. Основываясь на этомъ удостовѣреніи. Комитетъ удержалъ и на 1877 г. существовавшее между нимъ и означеннымъ врачомъ условіе.

Перечисливъ выше пожертвованія, поступившія въ теченіи отчетнаго года, Комитетъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность довести до свѣдѣнія Общаго Собранія объ устройствѣ въ концѣ 1877 года 8-ми помѣщеній для 15-ти слушательницъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ въ домѣ Общества дешевыхъ квартиръ, чему Общество обязано просвѣщенной благотворительности барона Г. О. Гинцбурга.

Эти помѣщенія учреждены въ память его покойной супруги, и названныя по ея имени *Анненскими*, предоставляются слушательницамъ съ отопленіемъ, съ холодною и теплою водою, съ кроватью и матрацомъ, за скромную плату 2 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго лица.

Комитетъ, который съ перваго года учрежденія Общества стремился къ открытію дешевыхъ помѣщеній, но, по ограниченности собственныхъ средствъ, не былъ въ состояніи осуществить это предположеніе—вполнѣ увѣренъ, что Общее Собраніе выразитъ свою признательность барону Г. О. Гинцбургу за починъ въ столь полезномъ дѣлѣ, которому нельзя не желать дальнѣйшаго, болѣе широкаго развитія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ не можетъ не указать съ благодарностью на плодотворную дѣятельность Члена Общества Н. В. Стасовой, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коей находятся эти помѣщенія и которая приняла на себя увѣдомлять слушательницъ объ освобождающихся помѣщеніяхъ, предоставляемыхъ желающимъ, на вышеупомянутыхъ льготныхъ условіяхъ.

До сего времени, по случаю отдаленности зданія дешевыхъ квартиръ отъ врачебныхъ курсовъ, помѣщеніями этими изъясляли желаніе пользоваться исключительно слушательницы педагогическихъ курсовъ.

ОТЧЕТЪ КАЗНАЧЕЯ

за 1877 годъ.

А. Состояніе кассы въ началѣ года:

Къ 1 января 1877 года состояло въ кассѣ. 3172 р. 1 к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами. 3000 р. — к.

Наличными деньгами. 172 „ 1 „

Итого 3172 р. 1 к.

В. Приходъ.

Въ теченіи года поступило въ кассу. 7444 р. 98 к.

А именно:

I. Ежегодныхъ членскихъ взносовъ:

отъ 5 лицъ недоимки за 1875 годъ	36 р.
" 45 " " " 1876 "	247 "
" 353 " за отчетный 1877 "	2072 "
" 11 " впередъ за 1878 "	105 "
<hr/>	
Итого ежегодныхъ взносовъ	2460 р.

II. Пожертвованія:

а) Личныя пожертвованія 38 лицъ. . 3034 р. — к.

б) Собрано по книжкамъ 6 лицами. . 117 " 20 "

Итого пожертвованій. . . 3151 р. 20 к.

III. Своръ съ дѣтскаго праздника и концерта.

а) Съ дѣтскаго праздника 3 апрѣля
1877 года. 137 р. — к.

б) съ концерта 18 декабря 1877 г. . 1049 " — "

Итого 1186 р. — к.

IV. Возвращено по ссудамъ:

а) 2 слушательницами педагогическихъ
курсовъ. 50 р. — к.

б) 16 слушательницами врачебныхъ
курсовъ. 421 " — "

Итого. 471 р. — к.

V. Проценты съ капитала.

а) по текущему счету за 1876 годъ. . 13 р. 3 к.

б) съ запаснаго капитала за 1877 г. . 163 " 75 "

Итого. 176 р. 78 к.

Всего поступило. 7444 р. 98 к.

Въ общей сложности, съ наличностью кассы въ на-
чалѣ года 3172 р. 1 к., составляютъ 10616 " 99 к.

В. Расходъ.

Въ теченіи года израсходовано 5459 р. 58 к.

А именно:

I. По просьбамъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ:

а) Внесена плата за слушаніе лекцій
въ первомъ полугодіи за 44 и во
второмъ—за 73, на 2325 р. — к.

б) Выдано безсрочныхъ ссудъ 35-ли-
цамъ на 683 р. — к.

в) Выдано срочныхъ ссудъ 16 лицамъ
на 466 " — к.

Итого въ пользу слушатель-
ницъ врачебныхъ курсовъ. . 3474 р. — к.

II. По просьбамъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ.

а) Внесена плата за слушаніе лекцій
въ первомъ полугодіи за 33, а во
второмъ за 36 слушательницъ, на . 1620 р. — к.

- б) Выдано безсрочныхъ ссудъ 4 лицамъ,
на 50 р. — к.
в) Врачу, за пользованіе заболѣва-
ющихъ педагогическихъ слушатель-
ницъ уплачено за 2 мѣсяца 1876 и
за весь 1877 годъ. 210 „ — „

Итого въ пользу слушательницъ
педагогическихъ курсовъ. . 1880 р. — к.

III. По дялопроизводству.

- а) На типографію и книги. 51 р. 75 к.
б) Почтовые и мелкіе расходы 18 „ 90 „
в) Разсылному, за доставленіе членамъ
напоминаій о взносахъ. 23 „ 93 „
г) Лицу, пожертвовавшему 1500 р., со-
гласно установленному имъ условію,
переданы полученные по купонамъ
проценты. 11 „ — „

Итого. . . 105 р. 58 к.

Всего израсходовано . . 5459 р. 58 к.

Г. Состояніе кассы къ концу года.

По 31 декабря 1877 г. записано на приходъ . . . 10616 р. 99 к.

По 31 декабря 1877 г. израсходовано. 5459 „ 58 „

Къ 1-му января 1878 г. состоитъ въ кассѣ. 5157 р. 51 к.

Въ томъ числѣ:

- а) Запаснаго капитала въ процентныхъ
бумагахъ 4500 р. и деньгами 100 р. 4600 р. — к.
б) Расходнаго капитала наличными
деньгами. 557 „ 41 „

Итого . . 5157 р. 41 к.

ЖУРНАЛЪ

засѣданія Ревизіонной Коммисіи Общества для пособія слушательницамъ вра-
чевыхъ и педагогическихъ курсовъ, избранной въ Общѣмъ Собраніи 20 марта
1877 года. 5

12 марта 1878 года Ревизіонная Коммисія, повѣривъ приходо-рас-
ходную книгу Комитета съ квитанціонною книгой, ассигновками,
росписками и другими документами, нашла все счетоводство Коми-
тета въ надлежащемъ порядкѣ. Затѣмъ, Коммисія убѣдилась, что
процентныя бумаги, на сумму 4500 р., входящія въ составъ непри-
косновеннаго капитала Общества, коего числится 4600 руб., нахо-
дятся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, а деньгами на-лицо
состоитъ неприкосновеннаго капитала 100 руб. и расходнаго 557 р.
41 коп., т.-е., въ сложности, та самая сумма, которая показана въ
отчетѣ Казначей,—657 руб. 41 коп.

По вопросу о наилучшемъ устройствѣ медицинской помощи для
слушательницъ педагогическихъ курсовъ, возбужденному прошлагод-
ней Ревизіонною Коммисіею, Комитетъ, независимо отъ объясненій,

изложенныхъ въ его отчетѣ, сообщилъ Коммиссія, что обойтись безъ оплачиваемыхъ услугъ врача не представляется возможности, такъ какъ безвозмездное леченіе слушательницъ педагогическихъ курсовъ могло бы быть организовано, и то не безъ труда, развѣ въ зимнее время, а теперь онѣ пользуются медицинскою помощью постоянно, причемъ врачъ не только бываетъ въ опредѣленные дни и часы въ помѣщеніи курсовъ, но и посѣщаетъ больныхъ, въ случаѣ надобности, на дому. Въ виду этихъ объясненій, Коммиссія не признаетъ возможнымъ настаивать на осуществленіи мѣры, предложенной прошлагоднею Ревизіонною Коммиссіею.

Разсмотрѣніе протоколовъ засѣданій Комитета привело Коммиссію къ убѣжденію, что недостаточность средствъ Общества нерѣдко заставляетъ Комитетъ отказывать въ помощи лицамъ, имѣющимъ на нее полное право, или помогать имъ въ размѣрѣ меньшемъ необходимаго. Изъ числа 172 просьбъ, поданныхъ Комитету въ 1877 году слушательницами врачебныхъ курсовъ (не считая 10 просьбъ, по разнымъ причинамъ не требовавшимъ исполненія), воплѣ удовлетворены только 102; 65 просьбъ удовлетворено не воплѣ, причемъ причиною неполнаго удовлетворенія въ большинствѣ случаевъ были недостатокъ средствъ. Въ одномъ засѣданіи 27 ноября 1877 года Комитетъ былъ вынужденъ отказать 40 нуждающимся слушательницамъ во взносѣ за нихъ сполна платы за слушаніе лекцій и ограничиться уплатою за каждую изъ нихъ половины требуемой суммы, а именно по 12½ р.; 3 лицамъ, просившимъ о назначеніи стипендіи по 20 руб. въ мѣсяцъ, Комитетъ могъ выдать только по 10 руб. единовременно, хотя крайняя бѣдность ихъ не подлежала никакому сомнѣнію (протоколъ засѣданія 30 января). Наконецъ 5 просьбъ было отклонено совершенно, — въ томъ числѣ 4 просьбы объ уплатѣ за слушаніе лекцій, — исключительно вслѣдствіе недостаточности средствъ Общества (протоколъ засѣданія 9 января). Изъ числа 77 просьбъ, поданныхъ въ 1877 году слушательницами педагогическихъ курсовъ (не считая 9 просьбъ, по разнымъ причинамъ не требовавшихъ исполненія) удовлетворено воплѣ только 43, не воплѣ—30 и совершенно отклонено—4. При такомъ положеніи дѣлъ Комитетъ, по убѣжденію Коммиссіи, поступилъ совершенно правильно, не отчисливъ въ неприкосновенный капиталъ, какъ это слѣдовало бы по § 3 второго отдѣла инструкціи 4 мая 1875 года, 10% съ полученныхъ имъ въ 1875, 1876 и 1877 годахъ доходовъ, подходящихъ подъ дѣйствіе этого §.

Въ виду постоянно возрастающаго числа лицъ, нуждающихся въ помощи Общества, и крайне медленнаго увеличенія средствъ его, Коммиссія воплѣ раздѣляетъ мнѣніе Комитета о необходимости отмѣнить вышеупомянутый § второго отдѣла инструкціи 4 мая 1877 г.

М. Стасюлевичъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878-мъ году.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1878-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россіи: За границу:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ такъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ исполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФИИ М. ОТАЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

 НОВАЯ КНИГА:

КАТАКОМБЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгений Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

 НОВАЯ КНИГА:

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

БІОГРАФІЯ И КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ЕГО ПОЭЗІИ.

СОВРАНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХЪ ЕМУ СТИХОТВОРЕНІЙ И СВОДЪ СТАТЕЙ О НЕМЪ СЪ 1840 ГОДА.

Составилъ А. Голубовъ.

Съ портретомъ, по негативу Левинскаго, раб. Лемерсье въ Парижѣ.—Спб. 1878.

Стр. 158. Цѣна 1 рубль 25 копѣекъ.

Восьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“:

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатиры, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Спб. 1878. Стр. 438 и VIII.—Цѣна 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальною Комиссіею.

Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

СЕМЬ СКАЗОКЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Варвары Софроневичъ, съ силуэтами, работы Елис. Бемъ.

Спб. 1878. Стр. 112. Ц. 1 руб.; съ панзъ 1 руб. 25 коп.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Соч. Ю. Э. Янсона. Т. I: Территорія и население. Спб. 1878. Стр. 372. Цѣна 2 руб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТИЯ.

Сочиненіе Сергѣя Селевьева, въ двухъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 560. Цѣна 2 р. съ пер.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонкуръ. — Додэ. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. — Ремисъ. — Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 851. Цѣна 1 рубль.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Ыльина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1878. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новыми рядомъ писемъ Вѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наканунѣ пятидесятихъ годовъ. — II. Н. В. Гоголь въ Римѣ. — III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г. — IV. Е. П. Ковалевскій. — Спб. 1877. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 коп.

РУССКІЙ РАБОЧИЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закова о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политическими рисунками. Составилъ А. Н.—вѣ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп., вмѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1878.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1878.

	Стр.
I.—БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ ВЪ ОБШЪРНОМЪ СМЫСЛЪ.—IV.— Окончаніе.—И. И. Мечникова.	437
II.—ПОСЛѢДНІИ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ П. Ж. ПРУДОНА.—XII-XIII.—Д-ръ.	484
III.—ГОСПОДА ДЕПУТАТЫ.—Очерки и рассказы съ натуры.—I-VI.—А. И. Красно- польскаго.	521
IV.—ПЪТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И ВЪДУЩЕМЪ.—А. И. Бекетова.	566
V.—СТЪХОТВОРЕНІЕ.—ДРЪГУ.—I-III.—С. А. Андреевскаго.	606
VI.—ПОДОХОДНЪИ НАЛОГЪ СЪ ФИНАНСОВОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.—I-III.— Л. Чернышева.	612
VII.—РЕМЕСЛЕННЫЕ СОЮЗЫ ВЪ АНГЛІИ.—В. К.	635
VIII.—ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ ПИСАТЕЛЯ.—А. Э.	647
IX.—ХРОНІКА.—Лѣтѣратурный конгрессъ въ Парижѣ.—Писъма въ редакцію.— I-VII.—Л. А. Полонскаго.	674
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Первыя заботы послѣ мира.—Новыя назначе- нія.—Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ.—Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще.—Замѣтка о подоходномъ налогѣ.—Нынѣшнее положеніе крестьянскаго хозяйства.—Преобразование земледѣльческихъ училищъ.—Съ- бирскій университетъ.—Усиленіе уѣздной полиціи.—Крестьянское самоуправ- леніе.	717
XI.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Берлинскій трактатъ.	740
XII.—ТЕКСТЪ БЕРЛИНСКАГО ТРАКТАТА.	751
XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Отъ покушенія и до вѣво- говъ.—К.	767
XIV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—„СОВЪ DE МАТЪРЕ“ ЛОРДА Бѣ- консфильда.—В.	786
XV.—ПАРИЖСКІИ ПИСЪМА.—XXXIX.—Парижскія окрестности.—I-V.— Эм. Зола.	799
XVI.—НАЧАТКИ ЛЪТЪРАТУРНОЙ СОЛІДАРНОСТІИ.—Библіографическая па- мѣтка.—Д.	826
XVII.—ИЗВѢСТІА.—I. Объявленіе Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотво- рительнаго Общества.—II. Общество для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.	833
XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІИ ЛІСТОКЪ.—Катакомбы. Евгений Туръ.—Писъма о научной философіи. В. Лесевича.—Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. А. Го- лубева.—Собраніе сочиненій Гёте, въ переводахъ русскихъ писателей. Н. В. Гербея.—Сказки и рассказы. Н. Щедрина (М. Салтыкова).	

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

ВЪ

ОБШИРНОМЪ СМЫСЛѢ.

О к о н ч а н і е.

IV *)

Сложность борьбы за существование между человеческими группами.—Вліяніе соматическихъ причинъ.—Роль интеллектуальнаго и нравственнаго момента.—Отступление съ цѣлью показать на примѣрѣ невозможность объективнаго рѣшенія въ некоторыхъ крупныхъ вопросахъ общественной этики.—Проѣрка полученныхъ выводовъ на отдѣльныхъ примѣрахъ борьбы за существованіе малайскихъ народовъ и въ Америкѣ.—Китайцы, какъ сильнѣйшій народъ въ борьбѣ за существованіе.—Заключеніе.

У человѣка, подобно другимъ общественнымъ животнымъ, соединеніе въ общества оказываетъ значительное вліяніе на процессъ борьбы за существованіе. При извѣстныхъ условіяхъ общестvenности, конкуренція между отдѣльными недѣлимыми можетъ значительно ослабѣвать или вовсе прекращаться, но тогда она вся направляется на соревнованіе между общественными группами. Фактъ, что человѣкъ есть во всякомъ случаѣ общественное существо, что онъ, во что бы то ни стало, долженъ соединяться въ большія или меньшія общества, выработалъ въ немъ нѣкоторую уступчивость, способность до извѣстной степени жертвовать своими личными интересами ради общей пользы. Въ

*) См. выше: июль, 9 стр.

этомъ нѣтъ ничего исключительно свойственнаго человѣку, какъ думаетъ Шэффле. У многихъ животныхъ общественность развита въ несравненно большей степени. Не говоря уже о насѣкомыхъ, у которыхъ образовались особые органы ради общественныхъ цѣлей и у которыхъ особь нерѣдко приносится въ жертву обществу, существуетъ много низшихъ животныхъ, гдѣ особь цѣлкомъ поглощается обществомъ и низводится на степень простого органа. Въ человѣчествѣ же нынѣшняго времени и въ идеалахъ его на будущее, особь всегда сохраняетъ свою индивидуальность и только до извѣстной степени подчиняется обществу. Цѣлый рядъ нравственныхъ принциповъ (между прочимъ и выше цитированныя положенія Шлейермахера и Ланге) стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія. Но въ то время, какъ у всѣхъ животныхъ «общественные инстинкты никогда не распространяются на всѣхъ особей даннаго вида» (Дарвинъ), у людей существуетъ по крайней мѣрѣ стремленіе соединить все человѣчество въ одно большое общество. Какое бы направленіе приняла борьба за существованіе въ случаѣ достиженія этой цѣли, мы пока не знаемъ. Я думаю, что мы въ правѣ обойти теперь этотъ вопросъ и воздержаться отъ изложенія соображеній по его поводу, такъ какъ наша главная цѣль заключается въ томъ, чтобы по возможности изучить нѣкоторыя общія стороны совершающейся нынѣ конкуренціи между общественными группами. Что эта конкуренція есть явленіе чрезвычайно глубоко заложенное, явствуетъ само собою. По отношенію къ производительнымъ обществамъ это высказано Маурусомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Если бы трудъ, по предложенію Лассала, ассоціационно организовался въ опредѣленные круги и притомъ по отдѣльнымъ отраслямъ, то мѣсто конкуренціи отдѣльныхъ фабрикъ заступила бы конкуренція отдѣльныхъ ассоціаций. Развѣ не можетъ случиться, что кака-нибудь ассоціація, вслѣдствіе лучшихъ качествъ или лучшей группировки рабочей силы, или вслѣдствіе другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, будетъ производить дешевле, чѣмъ другія, и слѣдовательно, будетъ имѣть возможность доставить на рынокъ свои продукты по болѣе низкимъ цѣнамъ? И развѣ та ассоціація, которая ведетъ производство при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, не можетъ въ этомъ случаѣ пострадать, даже погибнуть, оставивъ своимъ членамъ только полнѣйшее разореніе?» (О свободѣ, 274). Та же мысль была высказана и на послѣднемъ конгрессѣ въ Гентѣ членами, доказывавшими, что, «извѣстныя группы производителей, болѣе благопріятно обставленные, могутъ вытѣснить остальные и создать своего рода монополію».

При изученіи борьбы за существованіе между человѣческими обществами, намъ естественно приходится сосредоточить наше вниманіе на антропологическихъ и этническихъ группахъ, какъ таковыхъ, о которыхъ наука обладаетъ всего болѣе большими данными. Такимъ образомъ, мы переходимъ къ вопросу о соперничествѣ между народами и вытѣсненіи однихъ изъ нихъ другими.

Въ своей рѣчи о борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ родѣ Эккертъ распространяетъ свое воззрѣніе и на борьбу между народами. «Какъ бы ни было велико наше сожалѣніе (относительно слабѣйшихъ расъ),—говоритъ онъ,—мы должны тѣмъ не менѣе констатировать законъ природы, примѣняемый съ роковой необходимостью, законъ, по которому раса, высшая съ интеллектуальной точки зрѣнія, въ борьбѣ за существованіе побѣждаетъ и вытѣсняетъ низшую расу» (I. с. 819). Еще рѣзче высказывается онъ въ заключительныхъ словахъ: «Послѣдняя (франко-прусская) война указываетъ намъ, что исторія народовъ также опирается на естественные законы и состоитъ изъ ряда безусловныхъ необходимостей, изъ ряда, въ которомъ *всегда перевѣшиваетъ нравственный и умственный прогрессъ*. Такимъ образомъ нельзя не признать существованія нравственной системы въ судьбѣ народовъ» (822). Я привелъ здѣсь эти двѣ цитаты, такъ какъ онѣ отчетливо и сжато выражаютъ взглядъ, раздѣляемый многими, высказывавшимися о занимающемъ насъ вопросѣ. То же самое заключено и въ слѣдующихъ словахъ Шеффле, новѣйшаго автора по этому вопросу. «Прогрессирующая цивилизація, — говоритъ онъ, — даетъ высшую степень силы какъ для самосохраненія, такъ и для побѣды въ борьбѣ съ природою и врагами изъ среды самого человѣческаго рода».

Дарвинъ, обстоятельно занявшійся вопросомъ о борьбѣ за существованіе расъ и народовъ, пришелъ къ заключенію, что «степень цивилизаціи есть, повидимому, въ высшей степени важный элементъ въ дѣлѣ успѣха конкурирующихъ народовъ». Относительно же самаго содержанія этого элемента, онъ высказываетъ слѣдующее: «Какъ ни темна задача прогресса цивилизаціи, тѣмъ не менѣе мы можемъ замѣтить, что нація, произведшая въ теченіи долгаго времени наибольшее число высоко развитыхъ въ умственномъ отношеніи, энергичныхъ, храбрыхъ, патріотическихкихъ и добродѣтельныхъ людей, вообще должна получить преобладаніе надъ менѣе одаренными націями». Еще общѣе онъ формулируетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «Увеличеніе числа хорошо ода-

ренныхъ людей и прогрессъ въ общемъ мѣрилѣ нравственности даютъ несомнѣнно безконечное преимущество одному племени передъ другимъ». Отсюда у него вытекаетъ, что «такъ какъ во всѣ времена и на всей землѣ одни племена вытѣсняли другія, и такъ какъ въ дѣлѣ успѣха нравственность играла существенную роль, то мѣрило нравственности всюду имѣть стремленіе къ повышенію и число хорошо одаренныхъ людей должно постепенно увеличиваться».

Рядомъ съ такими психическими мотивами, Дарвинъ признаетъ и усиленное вліяніе чисто-соматическаго момента, и потому объясняетъ вымирание многихъ первобытныхъ народовъ, главнымъ образомъ, уменьшеніемъ плодovitости и усиленіемъ дѣтскихъ болѣзней, вслѣдствіе измѣненія окружающихъ жизненныхъ условий, — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія сами по-себѣ нисколько не вредны.

Гельвальдъ, соглашающійся съ Дарвиномъ относительно роли соматическаго момента, не раздѣляетъ вполне ни его воззрѣній, ни взгляда Эккера (противъ котораго онъ особенно выступаетъ) на участіе умственнаго и нравственнаго элементовъ въ дѣлѣ борьбы. «Вообще, — говоритъ онъ, — высшая раса есть дѣйствительно та, которая выше и въ духовномъ отношеніи, но это не составляетъ неизбѣжнаго правила, какъ думаетъ профессоръ Эккеръ». Въ подтвержденіе этого ограниченія, онъ ссылается на фактъ, что индійцы центральной и южной Америки побѣждаютъ испанскихъ креоловъ, — на то, что въ Венгріи нѣмцы легко поглощаются «несомнѣнно низшими мадьярами» и т. д. «Такимъ образомъ, — выводитъ онъ, — въ борьбѣ за существованіе побѣждаетъ не всегда высшая въ духовномъ отношеніи раса, но такая, которая всего лучше приспособлена къ этой борьбѣ, причемъ дѣло рѣшается иногда чисто-физиологическими свойствами»¹⁾.

Для того, чтобы, по возможности, рѣшить главные вопросы о борьбѣ за существованіе человѣческихъ расъ, необходимо строго раздѣлять различные моменты этой борьбы, въ большинствѣ случаевъ представляющей чрезвычайно сложную.

Можно положительно утверждать, что въ побѣдѣ европейцевъ надъ многими первобытными народами весьма важную роль играли и играютъ чисто-соматическія явленія. Во многихъ мѣстахъ замѣчено, что европейцы чрезвычайно легко заражаютъ дикарей эпидемическими болѣзнями, — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами они не заболѣваютъ. Тутъ, слѣдовательно, европейцы

¹⁾ „Ansland“, 1872, стр. 141.

являются невольными переносителями заразы, подобно тому, какъ это въ меньшихъ размѣрахъ замѣчено относительно доггровъ. Въ самыхъ различныхъ странахъ сложилось твердое убѣжденіе, что посѣщеніе иностранныхъ кораблей служитъ источникомъ распространения болѣзней. Изъ числа эпидемій, особенно важную роль играетъ оспа, отнимающая у многихъ нецивилизованныхъ народовъ огромное число людей. Въ Америкѣ отъ нея погибла, по крайней мѣрѣ, половина всего туземнаго населенія. Столь же гибельна она и для народовъ полинезійской и австралійской расъ. На Сандвичевыхъ островахъ въ теченіи одного 1853 года отъ нея умерло отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. На полинезійскій островъ Понапѣ оспа была завезена однимъ англійскимъ матросомъ и въ короткое время унесла три-пятыхъ всего населенія. Извѣстно, какъ ужасно она свирѣпствовала на островахъ Фиджи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вымирание камчадаловъ въ значительной степени объясняется также ихъ смертностью отъ той же болѣзни. Появленіе оспенной эпидеміи нерѣдко возбуждаетъ паническій страхъ среди нецивилизованнаго населенія. Такъ, напримѣръ, патагонцы разбѣгаются, бросая больныхъ, передъ которыми они ставятъ воду и пищу; но, несмотря на это, болѣзнь слѣдуетъ имъ по пятамъ. То же много разъ было замѣчено и у калмыковъ, оставляющихъ въ большинствѣ случаевъ больныхъ безъ всякаго присмотра. Нѣкоторые приписываютъ именно этой мѣрѣ сильную смертность калмыковъ отъ оспы. Но помимо этой причины есть и другія, быть можетъ, еще сильнѣе вліяющія въ томъ же направленіи. Во время моего пребыванія среди калмыковъ, я много разъ слышалъ увѣреніе, что они несравненно сильнѣе подвержены заболѣванію и смертности отъ оспы, чѣмъ русскіе при тѣхъ же условіяхъ. Ни оспопрививаніе, въ которомъ они нерѣдко прибѣгаютъ, ни уходъ за больными, который обыкновенно выполняется лицами, уже перенесшими болѣзнь, не представляютъ серьезной гарантіи. Чтобы составить себѣ понятіе объ интенсивности эпидеміи, скажу фактъ, что въ одномъ мѣстѣ, на приволжской окраинѣ степи (въ хошоутовскомъ улусѣ), въ теченіи одной зимы 1874 года, изъ пятидесяти семействъ въ живыхъ осталось только одно. Нѣкоторые лица увѣряли меня, что въ одинъ этотъ (1874) годъ вымерло около трети всего калмыцкаго населенія. Цифру эту слѣдуетъ считать преувеличенной относительно цѣлаго населенія калмыцкой степи, но она можетъ быть справедлива относительно окраинъ, гдѣ болѣзнь, вслѣдствіе сосѣдства съ русскими, свирѣпствуетъ обыкновенно въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ глубинѣ

степи. Есть основаніе думать, что самый организмъ калмыковъ (и другихъ народовъ, въ такой же степени подверженныхъ оспенной заразѣ) болѣе чувствителенъ къ воспринятію оспеннаго яда, такъ какъ у сосѣдей ихъ, киргизовъ, ведущихъ вообще довольно сходный съ ними образъ жизни, но несравненно болѣе приближающихся къ кавказской расѣ, оспа никогда не производить такихъ значительныхъ опустошеній.

При перемѣнѣ образа жизни, первобытные народы въ высшей степени подвержены бугорчаткѣ. Отъ нея преждевременно умираетъ большинство людей, переходящихъ отъ первобытнаго образа жизни и легко перенимающихъ европейскіе нравы, — на примѣръ, у калмыцкихъ князей (нойоновъ), учащихся и проч. Смертность послѣднихъ, при этихъ условіяхъ, такъ велика, что изъ 164 учениковъ австралійцевъ, содержавшихся въ заведеніи Трелкельда, «одного изъ первыхъ благодѣтелей австралійской расы», черезъ четыре года, въ живыхъ осталось только три. Негры, отличающіеся удивительною нечувствительностью къ лихорадочнымъ заразамъ, чрезвычайно легко заболѣваютъ чахоткой. Одинъ негритянской полкъ, изъ 1,800 человекъ, переведенный съ Антильскихъ острововъ на Гибралтаръ, почти вымеръ отъ этой болѣзни, въ теченіи всего пятнадцати мѣсяцевъ.

Кромѣ вліянія на смертность, соприкосновеніе первобытныхъ людей съ цивилизованными отражается также — и нерѣдко въ значительной степени — и на плодовитости первыхъ. Съ давнихъ поръ и у самыхъ различныхъ первобытныхъ народовъ была замѣчена сравнительно незначительная плодовитость. Нѣкоторые авторы объясняютъ вымираніе сандвичанъ, маорисовъ, индійцевъ и многихъ другихъ «дикарей» именно безплодіемъ ихъ женщинъ. Въ существованіи самаго факта не можетъ быть сомнѣнія; достаточнаго же объясненія для него и до сихъ поръ не найдено. Одни видятъ въ немъ просто доказательство предположенія, что «низшія» человѣческія расы вообще наименѣе плодотивы; другіе же объясняютъ его слишкомъ подавленнымъ положеніемъ женщинъ, легкостью ихъ поведенія и т. п. Грасиодѣ провелъ параллель между безплодіемъ первобытныхъ женщинъ и многихъ животныхъ, содержащихся въ неволѣ. Онъ это объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Дикарь, страна котораго занята европейцами, уже болѣе не чувствуетъ себя дома, — и хотя и остается на родной ему землѣ, но ощущаетъ тоску по родинѣ; онъ заглушаетъ ее виномъ, но затѣмъ снова попадаетъ въ нее; онъ грустенъ и обезкураженъ, и тоскуетъ, какъ заключенное въ неволю животное. Тоска же отъ неволи достаточно для того,

чтобы произвести безплодіе у большаго числа животных; собаки, постоянно выдерживаемыя въ влѣтѣ, теряютъ всякое половое влеченіе. Такая же причина легко можетъ объяснить и безплодіе дикарей Полинезіи и Австраліи¹⁾. Въ новѣйшее время сходную мысль сталъ развивать Дарвинъ, который, какъ мы видѣли выше, считаетъ безплодіе одной изъ главнѣйшихъ причинъ вымиранія первобытныхъ народовъ. Онъ, правда, не объясняетъ его тѣми психическими мотивами, къ которымъ прибѣгаетъ Грасіолé, но ограничивается только подробными указаніями на сходное безплодіе многихъ животныхъ, которыхъ пытались обратить въ домашнее состояніе. Причины, вліяющія на слабую степень плодовитости при измѣненныхъ условіяхъ существованія, Дарвинъ считаетъ достаточными и для объясненія слабой комплекціи дѣтей, рожденныхъ при такихъ условіяхъ, а слѣдовательно — ихъ усиленной смертности.

Чтобы достаточно оцѣнить значеніе указываемыхъ здѣсь соматическихъ явленій на ходъ борьбы за существованіе, необходимо обратить вниманіе на ихъ участіе въ дѣлѣ распространія европейскихъ народовъ, отличающихся вообще особенной выносливостью и къ тому же имѣющихъ подъ руками обширныя, доставляемыя культурой, средства для охраненія отъ вредныхъ вѣтшнихъ условій. На Мадагаскарѣ и въ Сенегамбіи, напр., ни одинъ европейскій народъ не обнаружилъ способности къ акклиматизированію. На Явѣ и вообще на островахъ Малайскаго архипелага, несмотря на всѣ старанія голландцевъ, имъ не удалось приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ. Даже въ Алжирѣ, несмотря на ея значительное сходство съ южной Европой, большинство европейцевъ вымираетъ и только нѣкоторымъ, какъ, напр., мальтійцамъ и испанцамъ удается полное акклиматизированіе.

При разсужденіяхъ о вытѣсненіи и вымираніи народовъ необходимо, слѣдовательно, имѣть въ виду на первомъ планѣ фізіологическій моментъ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. При его помощи объясняются, во-первыхъ, явленія вымиранія такихъ народовъ, которые съ другихъ точекъ зрѣнія обнаруживаютъ признаки значительной живучести, какъ, напр., маорисовъ, народа, отличающагося замѣчательной способностью къ воспріятію культуры и сообразованію съ обстоятельствами. Съ другой стороны, тотъ же моментъ можетъ помочь объяснить намъ и нѣредко парадоксальныя явленія переживанія народовъ. Беджотъ

¹⁾ „Bulletin de la Société d'anthropologie“, 1862, стр. 298.

обратилъ вниманіе на то, что въ древнія времена дикари не вымирали, несмотря на свои многочисленныя сношенія съ классическими народами. И онъ, и Дарвинъ видятъ въ этомъ доказательство усиленнаго вліянія нынѣшней степени цивилизаціи, между тѣмъ какъ этотъ фактъ объясняется проще тѣмъ, что дикари, приходившіе въ столкновеніе съ древними цивилизованными народами, принадлежали большей частью къ одной съ ними антропологической группѣ, и потому въ меньшей степени подвергались болѣзненнымъ зараженіямъ. Тѣмъ же (по крайней мѣрѣ, отчасти) можетъ быть объяснено и отсутствіе явленій вымиранія среди народовъ Кавказа, несмотря на зависимое ихъ положеніе и мѣстами значительную бѣдность и вообще дурныя, нерѣдко примитивныя жизненныя условія; между тѣмъ какъ нѣкоторые народы чистокровнаго монгольскаго племени, какъ, напр., калмыки, отъ соприкосновенія съ тѣми же русскими несомнѣнно вымираютъ ¹⁾.

Теперь всѣ пришли къ убѣжденію, что такое сложное и крупное явленіе, какъ вымираніе народовъ, зависитъ не отъ одной какой-нибудь причины и даже не отъ одной сложной категоріи причинъ (какъ, напр., вышеупомянутый физиологическій моментъ), но отъ суммы нѣсколькихъ нерѣдко весьма разнородныхъ обстоятельствъ. Какъ ни велико болѣзненное расположеніе многихъ народовъ и ихъ способность къ безплодію при измѣненіи вѣншихъ условій, но эти явленія сами по себѣ не неизмѣнны. Поэтому народъ, не находящійся подъ вліяніемъ другихъ powodъ къ вымиранію, можетъ еще оправиться и впослѣдствіи окрѣпнуть. Такимъ образомъ, нѣкоторые первобытные народы, какъ, напр., тонганцы, не вымираютъ, другіе же хотя и продол-

¹⁾ Отсутствіе вымиранія народовъ Кавказа я принялъ на основаніи справокъ, которыя дѣлалъ во время пребыванія моего въ кавказскомъ краѣ. Нѣкоторые народы Кавказа, какъ мнѣ обязательно сообщили г. Вороновъ, по нынѣшнимъ у него численнымъ даннымъ, напротивъ, обнаруживаютъ увеличеніе населенія за послѣдніе годы.— О вымираніи калмыковъ см. въ „Извѣстіяхъ рус. Географ. Общества“ 1873 г., октябрь. Съ тѣхъ поръ мнѣ удалось получить несомнѣнное подтвержденіе нѣкоторыхъ, высказанныхъ тамъ положеній. Такъ, подати въ андыковскомъ улусѣ въ 1873 г. пришлось съ 7 р. 58 к. увеличить до 8 р. 80 к. на кибитку, вслѣдствіе того, что изъ общаго числа „окладныхъ кибитокъ“ вышло 433 кибитки за умершихъ, старыхъ, больныхъ, бездомныхъ и малолѣтнихъ“. Совершенно вымершихъ кибитокъ въ улусѣ было 143. Въ 1874 г. это количество, вслѣдствіе сильной осенней эпидеміи, должно было еще значительно сократиться. Такіе рѣзкіе признаки вымиранія мнѣ случилось примѣтить только въ пограничныхъ улусахъ, гдѣ сосредоточены главнѣйшія причины, какъ-то: жизнь при наиболѣе измѣненныхъ условіяхъ, большее число шансовъ заразы вслѣдствіе ближайшаго сосѣдства съ русскими, большее распространеніе пьянства и пр.

жають вымирать, но въ слабѣйшей противъ прежняго степени, что подаетъ поводъ Герланду высказывать самыя рововныя надежды относительно будущности полинезійцевъ. Европейскіе народы быстро оправлялись послѣ сильнѣйшихъ и многочисленныхъ эпидемій. Возможно, что и выносливость негровъ, малайцевъ и другихъ народовъ, съ давнихъ поръ находившихся въ общеніи съ многочисленными другими народами, была приобретена ими не сразу, а постепенно и притомъ цѣною большихъ жертвъ.

Итакъ, помимо фзіологической борьбы за существованіе между народами ведется и другая, совершающаяся на болѣе сознательной почвѣ. При этомъ одинъ народъ стремится или совершенно вытѣснить другой, или же поставить его въ большую или меньшую зависимость отъ себя. Чѣмъ болѣе сходны два конкурирующіе народа, тѣмъ чаще бываетъ первое; тѣмъ менѣе между ними общаго, тѣмъ скорѣе можетъ быть второе.

Результатъ, долженствующій произойти отъ соперничества между первобытнымъ и культурнымъ народомъ, удачно выражень въ общей формѣ Мишле въ его диссертации «о Гвіанѣ и ея пенитенціарныхъ учрежденіяхъ». — «Жизнь цивилизованная и жизнь дикая — говоритъ онъ — настолько несовмѣстимы другъ съ другомъ, что одновременно онѣ не могутъ существовать на одной почвѣ, и въ ихъ борьбѣ побѣда не подлежитъ сомнѣнію. *Это — борьба между зрѣлымъ человекомъ и ребенкомъ*». Недальновидность и непрактичность первобытныхъ людей въ самомъ дѣлѣ носить на себѣ такой дѣтскій характеръ и составляютъ явленіе настолько распространенное, что на него не могли не обратить вниманія въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ. Понятно, что это свойство ихъ сдѣлалось обильнымъ поводомъ для эксплуатаціи болѣе практическими и ловкими народами. Вотъ какимъ образомъ это дѣлается, судя по словамъ одного китайскаго купца, обращеннымъ къ миссіонеру и путешественнику Гюку: «Развѣ вы не замѣтили, что всѣ монголы точно дѣти? Когда имъ случится попасть въ городъ, то у нихъ тотчасъ является желаніе получить все, что имъ попадется на глаза. Но обыкновенно у нихъ не бываетъ денегъ и мы являемся имъ на помощь; мы имъ отпускаемъ товаръ въ долгъ и поэтому, по справедливости, беремъ съ нихъ дороже. Давая товаръ безъ денегъ, нельзя не наложить небольшой процентъ — отъ тридцати до сорока на сто. Не правда ли, что это совершенно справедливо? Мало-по-малу проценты накладываются и тогда уже идутъ проценты на проценты. Это, впрочемъ, дѣлается только съ монголами, такъ какъ въ Китаѣ это запрещено императорскимъ закономъ. Но мы, принужденные без-

престанно рыскать по «странѣ травъ», конечно, можемъ требовать процентовъ на проценты. Не правда-ли, вѣдь это совершенно справедливо? Монгольскій долгъ никогда не погашается; онъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ежегодно мы отправляемся за процентами, которые выплачиваются баранами, быками, верблюдами, лошадьми и пр. Это несравненно выгоднѣе, чѣмъ деньги. Монгольскій скотъ намъ обходится дешево, а на рынкѣ мы его сбываемъ очень дорого. О, монгольскій долгъ, это отличная вещь! Это истинный золотой источникъ» ¹⁾.—Я выбралъ этотъ случай какъ одинъ характерный изъ множества примѣровъ совершенно подобной же непрактичности некультурныхъ народовъ. Тѣмъ же способомъ, какимъ монголы обираются китайцами, совершается и эксплуатація калмыковъ, башкиръ и многихъ другихъ народовъ русскими, малороссовъ и поляковъ — евреями, и т. п. Даже такой способный народъ, какъ маорисы, въ первое время сношеній съ англичанами далъ себя въ обманъ, подписывая контракты и векселя, смыслъ которыхъ былъ совершенно непонятенъ этимъ «дикарямъ».

Такимъ образомъ, незнаніе и непрактичность находятся въ числѣ главнѣйшихъ причинъ слабости въ борьбѣ за существованіе. Вообще можно сказать, что интеллектуальныя свойства народа играютъ въ этомъ дѣлѣ первостепенную роль. То, что Поль Брокъ высказалъ (во время извѣстныхъ преній въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ по вопросу о вымираніи и совершенствованіи расъ) по поводу австралійцевъ, можетъ быть съ нѣкоторыми ограниченіями признано общимъ правиломъ. «Нѣтъ никакого отношенія—говоритъ онъ—между добротой, мягкостью, благодарностью, любовью къ семейству и другими нравственными качествами съ одной стороны,—и предусмотрительностью, порядкомъ, духомъ изобрѣтательности, настойчивостью, расчетливостью, зависящими отъ интеллектуальныхъ способностей въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. способностей, дѣлающихъ одну расу способной къ цивилизованію, къ пониманію выгоды въ пожертвованіи частью личной свободы для того, чтобы жить въ правильно устроенномъ обществѣ—въ работѣ съ цѣлю пожать плоды ея не тотчасъ, а черезъ полгода и, наконецъ,—въ подчиненіи законамъ для того, чтобы самому пользоваться ихъ повелѣніемъ. Расы, понимающія эти общественныя основы, могутъ цивилизоваться въ большей или меньшей степени; однѣ могутъ это дѣлать самостоятельно, другія же путемъ подражанія, убѣжденія или наси-

¹⁾ *Huc, Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie. 1853. I, стр. 216.*

лія, смотря по свойствамъ и степени ихъ ума; расы же, не понимающія этихъ выгодъ, остаются въ дикомъ состояніи. Это однакоже вовсе не означаетъ, чтобы онѣ были лишены нравственныхъ качествъ и даже умственныхъ способностей; это значитъ только, что у нихъ вовсе нѣтъ или недостаточно нѣкоторыхъ интеллектуальныхъ качествъ¹⁾. Выводъ этотъ однакоже не долженъ вести къ отрицанію всякаго значенія въ борьбѣ за существованіе и притомъ вообще всякихъ нравственныхъ качествъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., независимая отъ расчета известная степень солидарности между членами борющейся стороны, играетъ нерѣдко важную роль въ дѣлѣ побѣды. Что же касается храбрости, на которую ссылается Дарвинъ (см. выше стр. 15 bis), какъ на одинъ изъ существенныхъ моментовъ побѣдности, то ея значеніе должно быть отодвинуто вообще на очень задній планъ. Безспорно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она оказала немалую услугу, по въ цѣломъ, развивая въ народѣ особенно воинственный духъ, она чаще вела къ гибели. Мирная форма борьбы за существованіе даетъ вообще несравненно болѣе прочные результаты, чѣмъ военный успѣхъ. Всѣмъ известная храбрость, неразрывно соединенная, какъ это обыкновенно бываетъ, съ духомъ независимости, очень сильно повліяла на исчезновеніе антильскихъ индійцевъ и на процессъ вымиранія многихъ народовъ. Маорисы, самый воинственный и свободолюбивый изъ полинезийскихъ народовъ, востали противъ англійскаго господства, выставивъ девизомъ, что «лучше умереть всѣмъ за отечество, чѣмъ жить подъ чужимъ владычествомъ». Конечно, такое рѣшеніе, нѣсколько разъ побуждавшее маорисовъ къ открытію военныхъ дѣйствій, повліяло на уменьшеніе ихъ численности, а, слѣдовательно, оказало вліяніе и на ихъ вымираніе. «Народъ воинственный и энергичный, не желающій подчиниться національному рабству на своей родинѣ,—говоритъ Уоллесъ по поводу папуасовъ Новой-Гвиней,—долженъ исчезнуть передъ бѣлымъ человекомъ такъ же неизбежно, какъ волкъ и тигръ» (Мал. арх. 619). Нужно думать, что знаменитая храбрость и духъ независимости многихъ народовъ Кавказа принесли имъ больше вреда, чѣмъ пользы; можно предсказать (если только въ подобнаго рода вопросахъ можно рѣшаться предсказывать), что эти качества приведутъ ихъ къ окончательной гибели, между тѣмъ какъ болѣе миролюбивые, хотя, вообще говоря, вовсе не болѣе нравственные народы Закавказья (главнымъ образомъ, армяне) окажутся не-

¹⁾ Bulletin de la Soc. d'anthr. 1860, стр. 375.

сравненно долговѣчнѣе. Даже народы, достигшіе высокой степени цивилизаціи, какъ, напр., римляне и французы, жестоко платились за свою воинственность, — качество, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ значительной храбростью. Изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ одни французы обнаруживаютъ нѣкоторые признаки приближающагося упадка и, пожалуй, даже вымиранія расы, признаки, бесспорно связанные причинно съ ихъ чрезмѣрной воинственностью.

Дарвинъ ссылается еще на «энергію» и «добродѣтель», какъ на качества, развитіе которыхъ должно способствовать въ борьбѣ за существованіе народовъ. Что касается перваго изъ этихъ свойствъ, то оно получаетъ нравственный характеръ только тогда, если энергія направляется не на личное благо, а на общественное. Во всѣхъ случаяхъ она оказывается важнымъ элементомъ побѣды и живучести, но лишь подъ условіемъ подчиненія ей знанію и расчету. Что же касается добродѣтели, то роль ея, какъ условіе побѣды въ борьбѣ за существованіе народовъ, крайне сомнительна. Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, самъ Дарвинъ указываетъ на «несомнѣнный вредъ», происходящій для физическаго состоянія расы отъ упражненія добродѣтельныхъ чувствъ. Если же мы мысленно представимъ себѣ еще сильнѣйшую степень охраненія слабыхъ, то легко увидимъ, какіе результаты могутъ послѣдовать отъ этого. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что упражненіе симпатіи, развивая чувствительность, дѣлаетъ людей мало пригодными къ участию въ борьбѣ за существованіе, которая даже въ самой высшей своей формѣ соединена съ причиненіемъ страданія. Извѣстно, что сочувствіе вообще болѣе свойственно женщинамъ, т.-е. лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ и не принимающимъ непосредственнаго участія въ народной борьбѣ за существованіе. На этотъ психологическій моментъ обратилъ вниманіе Гербертъ Спенсеръ, который приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Близкое знакомство съ вѣдѣнными выраженіями бѣдности и несчастія, — говоритъ онъ, — необходимо производить (или, спорѣе, поддерживая) пропорціональное ему равнодушіе; и это равнодушіе есть неизбѣжный спутникъ безкровной борьбы между членами каждаго отдѣльнаго общества, точно также какъ оно есть неизбѣжный спутникъ кровавой борьбы между различными обществами» ¹⁾).

¹⁾ Основанія Психологіи, IV, 314. Само собою разумѣется, что равнодушіе на столько же должно сопутствовать и безкровной борьбѣ между народами, о которой у насъ, главнымъ образомъ, и идетъ рѣчь.

Что въ дѣлѣ столь неравной борьбы между европейцами и первобытными народами, со стороны первыхъ были въ большинствѣ случаевъ проявляемы не только не нравственные, но нерѣдко безчеловѣчныя чувства, это слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было долго останавливаться на этомъ. Герландъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: «Пусть не говорятъ, что обнаруженные европейцами нивости исходили только отъ отдѣльныхъ лицъ и что поэтому только они и должны нести за то отвѣтственность: такіе поступки совершались, приблизительно, въ одинаковой степени всѣми колонистами и во всякомъ случаѣ получали отъ нихъ высшую степень одобренія». «Изъ этихъ соображеній вытекаетъ,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—какъ необычайно медленно совершается нравственное совершенствованіе челоуѣчества и какъ мало обусловливается оно умственнымъ развитіемъ»¹⁾. «Всюду, куда только ни проникнетъ Орангъ-Путти (то-есть бѣлый челоуѣкъ, или христіанинъ)—говорилъ одинъ яванецъ въ бесѣдѣ съ голландскимъ офицеромъ—пропадаетъ вѣрность и довѣріе, а пьянство, наглость, безнравственность, жадность, лицемеріе и насиліе идутъ за нимъ по пятамъ, чтобы утвердиться всюду, гдѣ онъ ни остановится» (Бастіанъ). Какъ ни рѣзко такое сужденіе, но въ немъ заключена значительная доля правды. «Честность, вѣрность, порядочность, гостепріимство, челоуѣчность, чистая религіозность, лучшія нравственные качества встрѣчаются большей частью не на сторонѣ европейцевъ (т.-е. европейскихъ колонистовъ), но на сторонѣ столь презираемыхъ первобытныхъ народовъ», говоритъ Герландъ, одинъ изъ ученѣйшихъ современныхъ этнографовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство и нѣкоторые миссіи дѣлали все возможное для улучшенія участи подчиненныхъ народовъ, это имъ большей частью не удавалось, вслѣдствіе діаметрально противоположныхъ стремленій колонистовъ и чиновниковъ, т.-е. лицъ, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ «дикарями». Въ самыхъ различныхъ частяхъ земного шара, напримѣръ, существуетъ запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ въ мѣста, заселенныя различными первобытными народами, очень падкими до нихъ; но нигдѣ это постановленіе не соблюдается мѣстными купцами-европейцами. Завявъ Новую-Зеландію, англійское правительство, въ своихъ попыткахъ поддержать и развитъ туземное населеніе, встрѣтило главное препятствіе со стороны «новозеландской компаніи», т.-е. общества, составившагося подъ руководствомъ богатыхъ и влія-

¹⁾ Ueber das Aussterben der Naturvölker, 1868, стр. 186.

тельныхъ англичанъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплуатировавшаго тогда еще совершенно неопытныхъ маорисовъ. Можно бы было привести большое количество аналогичныхъ фактовъ. Наше правительство, въ видахъ блага калмыцкаго народа, задумало цѣлый рядъ мѣръ съ цѣлію приучить ихъ къ земледѣлію и къ болѣе правильному экономическому устройству. Для этого было предположено пересѣчь всю приволжскую калмыцкую степь проѣзжими дорогами и устроить по нимъ поселки. Въ результатъ многихъ дорогъ не оказалось, всѣ поселки попали цѣликомъ въ русскія руки, и такимъ образомъ на окраинахъ появилось довольно многочисленное русское населеніе, враждебное во всѣхъ отношеніяхъ калмыкамъ, которые, въ концѣ-концовъ, потеряли только значительную часть своей лучшей земли и вообще приблизились къ полному разоренію.

Коснувшись здѣсь этой стороны вопроса объ отношеніяхъ между народами слабыми и сильными въ борьбѣ за существованіе, я не могу не сдѣлать нѣкотораго отступленія, не имѣющаго прямого отношенія къ обсуждаемому теперь вопросу о роли различныхъ моментовъ въ этой борьбѣ, но за то могущаго иллюстрировать болѣе общее положеніе, развитое въ предыдущей главѣ. Мнѣнія о дѣятельности правительствъ по отношенію къ ожидаемымъ первобытнымъ народамъ весьма различны. Ихъ можно вообще раздѣлить на двѣ категоріи. Одни считаютъ необходимымъ, во что бы ни стало, поддерживать эти народы, дѣлать всевозможныя затраты для того, чтобы хотя сколько-нибудь поднять и цивилизовать ихъ. Этнографы, наиболѣе близко знакомые съ первобытными народами, вполне придерживаются подобнаго мнѣнія. Вотъ, напримѣръ, какъ высказывается по этому поводу Герландъ въ заключительныхъ строкахъ своего сочиненія «О вымираніи первобытныхъ народовъ». «Пусть сохранится отъ этихъ народовъ то, что еще можетъ быть сохранено. До сихъ же поръ развитіе человѣчества и въ этомъ отношеніи вполне зависитъ отъ натуралистическаго закона. Борьба за существованіе, въ которой сильнѣйшій тотъ, кто побѣждаетъ, обнаруживается въ полнѣйшей степени. Окрѣпнувшія расы распространяются съ силою и (въ отличіе отъ неразумной природы) съ удовольствіемъ, безъ всякой надобности, разрушая побѣждаемые ими слабѣйшія расы. Но человѣкъ способенъ разсуждать и любить; а именно въ томъ и долженъ сильнѣйшій членъ разумной породы высказывать свою силу, чтобы стараться съ любовью возвысить до себя побѣжденных имъ членовъ. Въ такомъ случаѣ наступило бы владычество духа и нравственнаго выбора, и цѣлое человѣчество сдѣлало бы

большой шаг вперед по тому пути, по которому оно должно следовать, т.-е. по пути освобождения духа от грубых оков внешней природы». Герландъ и вообще та категория мѣнѣй, которой онъ служитъ выразителемъ, ссылается, въ концѣ-концовъ, на благо дѣла, ради котораго необходимо охранять и поддерживать весь человѣческій родъ. Уничтоженіе же такой большой его части, какъ первобытные народы, гибельно еще и потому, что оно легко ведетъ къ огрубѣнію сильнѣйшихъ, вопреки чело-вѣколюбивой дѣли цивилизаціи.

Мѣнѣй другой категоріи, совершенно противоположнаго характера, также имѣютъ въ виду общее благо. Но съ ихъ точки зрѣнія споспѣшествованіе ему невозможно при помощи, стоящихъ огромной затраты, искусственныхъ мѣръ для охраненія первобытныхъ народовъ. Могутъ ли многіе представители послѣднихъ возвыситься до уровня современной культуры, это еще не доказано и въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма сомнительно. Между тѣмъ, оставляя болѣею частью очень богато одаренныя земли въ рукахъ первобытныхъ туземцевъ и сдерживая наплывъ туда европейскихъ колонистовъ, мы содѣйствуемъ благу первыхъ въ ущербъ послѣднимъ. Простой же расчетъ показываетъ, что эти земли въ состояніи прокормить несравненно болѣе число цивилизованныхъ европейцевъ, чѣмъ, нерѣдко даже не дошедшихъ до земледѣльской ступени, первобытныхъ народовъ. Отсюда вытекаетъ, что искусственное охраненіе нынѣшнихъ дикарей можетъ совершиться не иначе какъ на счетъ живущихъ или будущихъ европейцевъ и притомъ, что это будетъ охраненіе меньшинства на счетъ большинства; а поэтому слѣдуетъ предоставить борьбу за существованіе ея естественному теченію и не тормазить вытѣсненія первобытныхъ туземцевъ цивилизованными европейцами. Изъ числа современныхъ научныхъ писателей, такого рода воззрѣнія придерживается, напримѣръ, Гельвальдъ, какъ это видно изъ слѣдующаго его замѣчанія по поводу вымиранія негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ: «констатированіе этого факта якобы чело-вѣколюбивой идеи—говоритъ онъ—ничуть не заключаетъ въ себѣ порицанія совершившагося факта и не заставляетъ желать его отмѣны, но, напротивъ, показываетъ только, что вымираніе свободныхъ негровъ составляетъ отнынѣ только вопросъ времени и даетъ самый основательный и наиболѣе благопріятный изъ всѣхъ возможныхъ исходовъ. Между тѣмъ какъ союзъ разъ навсегда освободится, такимъ образомъ, отъ заботы о «черныхъ братьяхъ», культура будетъ праздновать побѣду, всегда соеди-

ненную съ исчезновеніемъ иноплеменнаго элемента» (Kulturgeschichte, стр. 756).

Научнаго рѣшенія разсматриваемаго вопроса не можетъ быть дано, въ виду слишкомъ большой сложности и неопредѣленности входящихъ въ него факторовъ и неясности опредѣленія «общаго блага». Имѣтъ ли въ виду общее благо нынѣ живущихъ поколѣній, или слѣдуетъ принимать въ расчетъ и благо будущихъ? Какъ взвѣсить сумму благъ матеріальныхъ и нравственныхъ, сопровождающихъ вытѣсненіе дикарей европейцами при противѣсѣ нравственнаго огрубѣнія, неизбежнаго при этомъ? Имѣтъ ли опять въ виду только огрубѣніе и жестокость поколѣнія, непосредственно участвующаго въ процессѣ вытѣсненія, или же принимать въ расчетъ и возможное смягченіе нравовъ у послѣдующихъ поколѣній, которыя уже не будутъ личными свидѣтелями процесса расовой борьбы? Можно ли принимать въ соображеніе охраненіе первобытныхъ народовъ ради интересовъ науки, которая только теперь начала изучать ихъ серьезно, или же эти интересы слѣдуетъ счесть роскошью и потому пренебречь ими ради непосредственныхъ экономическихъ интересовъ цивилизованнаго населенія? Подобныхъ вопросовъ, тормозящихъ объективный отвѣтъ, можно поставить цѣлый длинный рядъ. Поэтому, при постановленіи рѣшенія, требуемаго искусствомъ государственной политики, остается обширное поле для чисто-субъективнаго выбора, направленіе котораго можетъ быть, по крайней мѣрѣ отчасти, предсказано. Оно будетъ во всѣхъ случаяхъ окрашено характеромъ большаго знакомства съ той или другой стороною дѣла. Этнографъ, ближе всего знающій природу и нравы первобытныхъ народовъ, будетъ настаивать на ихъ охраненіи и вообще будетъ склоненъ къ пристрастію въ ихъ пользу. Экономистъ же, наиболѣе освоенный съ интересами и нуждами колонистовъ, придавленныхъ въ своемъ густо населенномъ отечествѣ тяжкими условіями конкуренціи, будетъ скорѣе стоять за предоставленіе свободы поселенія и ратовать за вытѣсненіе востѣющихъ въ невѣжествѣ дикарей. Миссіонеръ присоединится скорѣе къ мнѣнію этнографа, а практическій человѣкъ станетъ на сторону экономиста. Натуралистъ же, я думаю, вовсе устранился отъ рѣшенія затруднительнаго вопроса, подобно тому, какъ патолого-анатомъ или фізіологъ болѣею частью отказывается лечить больныхъ. Преобладаніе того или другаго элемента въ правительствѣ можетъ сильно вліять на принимаемыя имъ мѣропріятія; дѣйствительность же подчинится имъ или обойдетъ ихъ, смотря по надобности, и борьба за существованіе прямымъ или

окольнымъ путемъ доведетъ дѣло до преобладанія сильнѣйшихъ надъ слабыми, и народы, неспособные выдержать натискъ конкуренціи, погибнуть.

Возвращаясь снова къ вопросу о роли различныхъ моментовъ въ борьбѣ за существованіе, я считаю нужнымъ напомнить общее для всей живой природы правило, по которому побѣдность измѣряется приспособляемостью къ даннымъ условіямъ борьбы. «Если мы съумѣемъ,—сказалъ Макіавелли,—измѣнить нашъ образъ дѣйствій сообразно съ временемъ и обстоятельствами, то счастье намъ не измѣнится» (107). При этомъ на первомъ планѣ является знаніе этихъ обстоятельствъ и умѣніе примѣняться къ нимъ и пользоваться ими. Это вѣрно какъ для случаевъ борьбы между отдѣльными особями, такъ и въ дѣлѣ соперничества между народами и расами. Поэтому можно предположить, что группы, наиболѣе закаленные внутренней борьбой, окажутся наиболѣе сильными и при столкновеніи съ другими группами. Если это справедливо, то положенія, высказанныя въ предыдущей главѣ относительно индивидуальнаго соперничества, должны быть распространены и на явленія борьбы между народами и расами.

Возьмемъ, съ цѣлью провѣрки высказанныхъ положеній, нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ такой борьбы.

Фридрихъ Мюллеръ, въ своей этнографіи, предсказываетъ, что изъ борьбы за существованіе расъ побѣдительницами выйдутъ кавказская, монгольская и негритянская. Онъ упустилъ изъ виду, что существуетъ еще одна раса, отличающаяся вообще большими способностями къ переживанію; я имѣю въ виду такъ-называемую малайскую расу (т.-е. малайскую въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, слѣдовательно, безъ полинезійскихъ и микронезійскихъ народовъ). Уже одинъ предѣлъ ея распространенія—отъ Малакки и Зондскихъ острововъ до Формозы и Мадагаскара—указываетъ на эту способность ея. Встрѣтившись съ другими племенами, эта раса частію вытѣснила ихъ, частію слилась съ ними, частію же сама подчинилась, но во всякомъ случаѣ сохранилась болѣе или менѣе цѣльно, что само по себѣ уже очень важно, если принять въ соображеніе, что ей приходилось имѣть дѣло съ самыми сильными народами Старого Свѣта. На обширномъ Малайскомъ архипелагѣ разлилась эта раса, двигаясь съ сѣвера на югъ и востокъ, все болѣе и болѣе отгѣсняя чернокожую расу, которую Уоллесъ означаетъ собирательнымъ названіемъ папуанской. Общую характеристику малайской расы, дающую возможность судить о

ея силѣ въ борьбѣ за существованіе, даетъ намъ Пешель. «Азіатскій малаецъ (подъ этимъ названіемъ Пешель разумѣетъ именно то, что у насъ обозначено названіемъ малайской расы),—говоритъ онъ,—своей замкнутостью и скрытностью, своимъ рабскимъ чувствомъ по отношенію къ высшимъ и строгостью къ низшимъ, своей жестокостью, мстительностью и обидчивостью не производитъ пріятнаго впечатлѣнія, но за то выигрываетъ своей мягкостью къ дѣтямъ и умѣніемъ держать себя съ достоинствомъ и вѣжливостью» (Völkerkunde, 380). Характеристика эта тотчасъ же вызываетъ въ насъ представленіе о выносливости и удобоприимѣемости малайской расы, что подтверждается какъ свидѣтельствомъ путешественниковъ, такъ и историческими данными. Малайцы легко подчинялись индійской культурѣ и браманизму, но потомъ обмѣняли его на мусульманство. На Явѣ голландское правительство запретило миссіонерамъ проповѣдывать христіанство, боясь, вѣроятно, что и оно легко можетъ быть ими принято. Примѣняющійся и легко подчиняющійся характеръ особенно рѣзокъ именно у яванцевъ, самого многочисленнаго изъ малайскихъ народовъ; это-то свойство и составляетъ золотой источникъ, изъ котораго черпаютъ голландцы. Одинъ французскій путешественникъ былъ очень пораженъ при видѣ рабскихъ отношеній, въ которыхъ находятся яванцы къ европейцамъ. «Чуть только покажется бѣлый,—говоритъ графъ Бовоаръ,—какъ всѣ туземцы присаживаются на корточки въ знакъ уваженія и благоговѣнія. На многолюдной дорогѣ, по которой мы ѣхали съ величайшей скоростью, ни одинъ туземецъ не остался стоять. По мѣрѣ того, какъ наши лошади поднимали пыль, яванцы по обѣимъ сторонамъ дороги падали ницъ, какъ карточные солдатики». Знаменитая колоніальная система голландцевъ зиждется именно на способности яванцевъ къ рабскому подчиненію. Правительство до мелочей опекаетъ ихъ, налагаетъ на нихъ обязательный трудъ, само опредѣляя за него вознагражденіе и монополизировавъ торговлю добытыми продуктами. Туземное населеніе при этихъ условіяхъ обнаруживаетъ замѣчательное возрастаніе. Съ трехъ съ половиною милліоновъ въ началѣ столѣтія, оно въ 1865 году дошло до 14.168,416, а въ 1874—до 17.882,396 (Бэмъ и Вагнеръ); въ продолженіи двадцати-шести лѣтъ населеніе почти удвоилось (Уоллесъ).

Малайскіе народы, столь легко дающіе себя эксплуатировать, и сами дѣлаютъ то же, гдѣ это имъ доступно. Въ сношеніяхъ съ первобытными даяками острова Борнео, малайскіе купцы выказали себя обманщиками, а малайскіе начальники — грабите-

лями. Во многих мѣстахъ они подавили и вытѣснили слабѣйшую въ борьбѣ за существованіе папуанскую расу. Интересна сравнительная характеристика обѣихъ расъ Малайскаго архипелага, представленная Уоллесомъ. Я выпиываю изъ нея слѣдующее: «Нравственныя черты папуанца настолько же отличаютъ его отъ малайца, какъ и физическія. Онъ живъ и выразителенъ въ разговорѣ и въ дѣйствіяхъ. Ощущенія и страсти свои онъ высказываетъ восклицаніями, смѣхомъ, крикомъ и неистовыми прыжками. Женщины и дѣти принимаютъ участіе во всякомъ разговорѣ и, повидимому, мало смущаются при видѣ иностранца или европейца. Объ умственныхъ способностяхъ этого племени судить очень трудно, но я склоненъ думать, что оно въ этомъ отношеніи стоитъ выше малайскаго, несмотря на то, что до настоящаго времени папуанцы не сдѣлали еще ни одного шага къ цивилизаціи. Но тутъ не должно забывать, что малайцы въ теченіи вѣковъ подвергались вліянію иммигрирующихъ индусовъ, китайцевъ и арабовъ, между тѣмъ какъ папуанцы подвергались лишь весьма незначительному и частному вліянію малайскихъ торговцевъ. У папуанца гораздо болѣе жизненной энергіи, которая несомнѣнно значительно помогла бы ему на пути къ умственному развитію». «Папуанцы болѣе любятъ искусство, нежели малайцы. Они украшаютъ свои лодки, дома и почти каждую домашнюю утварь тщательными сдѣланными изваяніями—обычай, весьма рѣдко встрѣчающійся между племенами малайской расы. Страсти и нравственныя чувства, напротивъ того, кажется, мало развиты у папуанцевъ. Въ обращеніи съ дѣтьми они часто бываютъ жестоки, между тѣмъ какъ малайцы почти всегда мягки и ласковы, едва ли когда вмѣшиваются въ ихъ занятія и забавы, даютъ имъ полную свободу, до какихъ бы лѣтъ это ни продолжалось. Но эти крайне мирныя отношенія между дѣтьми и родителями въ значительной степени происходятъ отъ нерадивости и апатичности характера расы, отчего младшіе члены никогда не противятся серьезно старшимъ; между тѣмъ какъ болѣе суровая дисциплина папуанцевъ главнымъ образомъ есть слѣдствіе болѣе значительной силы и энергіи ума, рано или поздно ведущей къ тому, что слабый возстаетъ наконецъ противъ сильного, народъ противъ своихъ управителей, рабъ противъ своего господина, дитя противъ своихъ родителей» (Мал. арх. 612). Изъ всего этого видно, что папуанцы гораздо болѣе нравятся Уоллесу, чѣмъ малайцы, что они болѣе склонны къ высшимъ духовнымъ проявленіямъ (искусство, любовь къ независимости); но, несмотря на то, они менѣе сильны въ борьбѣ за существо-

ваніе и должны уступать малайцамъ. То же, только въ сильнѣйшей степени, вытекаетъ и изъ сравненія малайцевъ съ даяками, т.-е. одного изъ самыхъ сильныхъ въ борьбѣ за существованіе съ чуть ли не слабѣйшимъ въ этомъ отношеніи народомъ малайской расы. «Я склоненъ, — говоритъ Уоллесъ, — поставить даяковъ выше малайцевъ въ умственномъ отношеніи, тогда какъ въ нравственномъ они, безъ всякаго сомнѣнія, далеко превосходятъ ихъ». На основаніи двадцатилѣтняго знакомства Штольцъ утверждаетъ, что даяки въ сношеніяхъ между собою отличаются вѣрностью и честностью, и говоритъ, что въ этомъ отношеніи они могутъ быть поставлены въ примѣръ всѣмъ націямъ (Бастіанъ). Изъ того, что малайцы кажутся Уоллесу не особенно отличающимися въ умственномъ отношеніи, еще нѣкимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы умственныя способности не играли первостепенной роли въ ихъ борьбѣ за существованіе съ даяками и папуанцами, такъ какъ, перенявъ готовыя культурныя формы отъ болѣе зрѣлыхъ народовъ, малайцы тѣмъ самымъ уже получили въ свои руки могущественное орудіе борьбы. Притомъ же очевидно, что, говоря объ умственныхъ способностяхъ, Уоллесъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду тѣ высшія ихъ проявленія, которыя не имѣютъ непосредственнаго значенія въ борьбѣ. Что же касается практичности, т.-е. свойства особенно важнаго въ этомъ отношеніи, то несомнѣнно, что малайцы съ своими коммерческими наклонностями стоятъ выше какъ даяковъ, такъ и папуанцевъ. Что же касается собственно нравственной стороны, то она въ представленномъ примѣрѣ не играетъ выдающейся роли, какъ орудіе побѣды. Я говорю это въ увѣренности, что приспособляемость и способность къ рабскому подчиненію яванцевъ нѣмъ не будутъ причислены къ разряду настоящихъ нравственныхъ качествъ.

Сильные въ сравненіи съ первобытными народами, малайцы, однако же, и сами должны во многихъ мѣстностяхъ (какъ, напр., на Филиппинскихъ островахъ) уступить свою роль во всѣхъ отношеніяхъ сильнѣйшимъ китайцамъ, которые въ послѣднее время стали твердой ногой почти на всей территоріи, занятой малайскою расой.

Какъ примѣръ интенсивной и сложной борьбы за существованіе можетъ быть приведена, обратившая на себя всеобщее вниманіе, борьба расъ въ Америкѣ. Населенная первоначально сравнительно однороднымъ племенемъ, Америка сдѣлалась въ короткое время театромъ великаго народнаго переселенія, результаты котораго еще далеко не вполне опредѣлились. Туземная раса оказалась при этомъ вообще недостаточно сильной, и хотя въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ она и удержалась, но за то въ другихъ исчезла съ удивительной быстротою. Почти съ самаго начала европейскаго переселенія въ Америку, между пришельцами и туземцами возгорѣлась борьба—мѣстами вслѣдствіе того, что послѣднимъ сдѣлалось тѣсно отъ наплыва новаго населенія; болѣею же частью вслѣдствіе стремленія европейцевъ къ преобладанію. Извѣстно, что въ общій ходъ этой борьбы замѣшались и чисто-соматическія вліянія, какъ, напр., сильныя эпидеміи, заведенныя и распространеныя европейцами; но не подлежитъ сомнѣнію, что роль ихъ была второстепенная (Вайцъ). На первый планъ выступило превосходство европейцевъ въ дѣлѣ подготовки и веденія войны, превосходство, зависѣвшее, быть-можетъ, не столько отъ силы ума, сколько отъ характера внѣшнихъ условій (домашнія животныя и пр.). Нравственный моментъ, какъ извѣстно, ни въ одномъ случаѣ не обусловилъ побѣды. Говоря вообще, уровень нравственности какъ побѣдителей-испанцевъ, такъ и побѣжденныхъ туземцевъ не отличался особенной высотой, но скорѣе палму первенства въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать послѣднимъ. Если сужденіе Иммана, который говоритъ, что, «при взаимныхъ сношеніяхъ между испанцами и перуанцами, американцы превосходили первыхъ какъ въ отношеніи братской любви, такъ и религіознаго чувства, послѣдовательной заботливости о ближнемъ, воспитанія и хорошаго управленія», и можетъ быть заподозрѣно въ нѣкоторомъ преувеличеніи, то не подлежитъ сомнѣнію, что со стороны индійцевъ были не разъ обнаруживаемы такія качества, которыя бы сдѣлали честь ихъ просвѣтителемъ, опутывавшимъ другъ друга самыми коварными интригами. Весь характеръ туземцевъ, съ его храбростью и военной честью, со всѣми его доблестями и пороками (характеръ, діаметрально-противоположный тому, который мы видѣли у аванцевъ), дѣлалъ ихъ неспособными къ легкому и скорому приспособленію и мѣшалъ имъ переносить чуждое владычество. Многіе индійцы предпочитали смерть рабству. Туземцы Антильскихъ острововъ, съ цѣлію недопущенія своего потомства до рабскаго и приниженнаго состоянія, въ усиленной степени прибѣгали къ искусственному плодизгнанію, а затѣмъ и сами лишали себя жизни. На Кубѣ распространилась эпидемія самоубійства и нерѣдко цѣлыя семейства и даже населенія цѣлыхъ деревень собирались вмѣстѣ съ цѣлію лишиться себя жизни (Пешель).

Нечего и говорить, что, не отличавшіеся высокой нравственностью въ сношеніяхъ между собою, побѣдители вели себя относительно враждебныхъ имъ туземцевъ по правиламъ, которыя не

могли, быть одобрены и съ точки зрѣнія нравственныхъ понятій того времени. Это видно по мѣропріятіямъ испанскаго правительства и католическихъ миссіонеровъ, которые стремились, хотя и безуспѣшно, ввести человѣческое обращеніе съ побѣжденными туземцами. До чего доходила изобрѣтательность европейцевъ въ ихъ стремленіи къ искорененію индійцевъ, можно судить, напримѣръ, потому, что еще въ очень недавнее время португальцы раздавали имъ одежду, снятую съ умершихъ отъ оспы, для того, чтобы усилить распространеніе столь губительной для индійцевъ эпидеміи (Вайцъ).

Неудивительно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ вымирание туземцевъ Америки совершалось съ быстротою, не имѣющей ничего подобнаго себѣ. На Гаити окончательно вымерло уже второе поколѣніе по приходѣ европейцевъ; вскорѣ та же судьба постигла и другихъ антильеносовъ. Наиболѣе цивилизованные и, слѣдовательно, наиболѣе испытанные во внутренней борьбѣ индійцы средней и отчасти южной Америки оказались и въ этомъ случаѣ болѣе живучими. Они не только не вымерли, но мѣстами даже вытѣснили бѣлокожее населеніе, причѣмъ имъ, главнымъ образомъ, помогла недостаточная способность послѣдняго къ акклиматизированію въ тропическомъ поясѣ. Что нравственный моментъ не оказалъ имъ сколько-нибудь значительной помощи, видно уже изъ общераспространеннаго убѣжденія, что со времени европейскаго нашествія нравственность туземцевъ вообще ухудшилась. «Повсюду, — говоритъ Вайцъ объ индійцахъ вообще, — мы наталкиваемся на признаки быстро-увеличившейся деморализаціи со времени появленія бѣлыхъ, подъ ихъ вліяніемъ; и мы встрѣчаемъ даже показанія, что позднѣйшій характеръ индійцевъ не имѣетъ болѣе никакого сходства съ прежнимъ» ¹⁾. Не только въ нравственномъ, но и въ культурномъ отношеніи уровень «цивилизованныхъ» индійцевъ въ настоящее время очень невысокъ, такъ-что, несмотря на то, что они удачно перенесли столь тяжелый кризисъ борьбы за существованіе, ничто не предвѣщаетъ ихъ дальнѣйшей живучести. Хотя мѣстами (какъ, напр., въ Лосъ-Альтосъ) они и обнаруживаютъ значительную энергію въ промышленной дѣятельности, но вообще они склонны къ лѣни, невѣжественны, легко опускаются и даются въ руки болѣе предприимчивымъ людямъ. Даже сравнительно столь высоко стоящіе индійцы, какъ туземцы Гватемалы, склонные къ занятіямъ ремеслами и промыс-

¹⁾ О характерѣ нынѣшнихъ перуанцевъ, ихъ живости и нѣзости см. у Вайца, *Anthropologie d. Naturvölker*, IV, стр. 500.

ленностью, находятся въ полной зависимости отъ ладиновъ (смѣшаннаго племени), въ рукахъ которыхъ сосредоточены всѣ предпріятія и торговля. «Хотя ладины, — говоритъ Морле, — и выше индійцевъ въ умственномъ отношеніи, но ихъ трудолюбіе и даже нравственность ниже, чѣмъ у индійцевъ, съ которыми ладины не имѣютъ никакихъ сношеній и къ которымъ они относятся съ величайшимъ пренебреженіемъ».

Удерживаясь въ тропической Америкѣ только вслѣдствіе своей большей приспособленности къ перенесенію мѣстныхъ климатическихъ условій, индійцы естественно должны будутъ уступить натиску другой расы, которая окажется въ состояніи соединить физическую выносливость съ достаточнымъ уровнемъ умственного культурнаго развитія. Негры выполнить этой роли, очевидно, не въ состояніи. Перевезенные въ Америку съ начала шестнадцатаго столѣтія, они достаточно обнаружили свою способность уживаться съ тяжелыми физическими и нравственными условіями; но въ то же время они показали себя неспособными въ сколько-нибудь самостоятельной политической жизни и къ поддержанію необходимаго въ борьбѣ за существованіе уровня культуры. Замѣчательно, что доставленіе ихъ въ Америку, сдѣлавшееся вскорѣ источникомъ большихъ бѣдствій, было результатомъ одной изъ немногихъ мѣръ, вызванныхъ чистыми нравственными мотивами. Ласъ-Кавасъ, соболѣзнуя о жалкой судьбѣ индійцевъ, предложилъ, для облегченія ихъ участи, перевести взамѣнъ ихъ негровъ, народъ, особенно способный къ самой тяжелой работѣ. Но вскорѣ, когда уже было поздно, онъ увидѣлъ, что отъ этого положеніе индійцевъ нисколько не облегчилось, тогда какъ негры подпали подъ иго гнетущаго рабства, и подъ конецъ своей жизни онъ горько разочаровался, извиняя свое заблужденіе невозможностью предугадать насилій и презрѣнія къ человѣческой жизни, обнаруженныхъ торговцами невольниковъ. Какъ ни тяжело рабское положеніе негровъ, но оно въ концѣ-концовъ оказалось для нихъ менѣе пагубнымъ, чѣмъ значительная степень самостоятельности и свободы. Это всего лучше доказывается примѣрами независимыхъ негритянскихъ государствъ, какъ, напр., республики Гаити. Ограничивъ, елико возможно, европейцевъ, отнявъ у нихъ право гражданства и владѣнія землею, гаитянскіе негры приобрѣли возможно-полную степень независимости, но въ то же время опустились настолько, что всѣ дѣла пришли въ самое печальное положеніе. По словамъ одного члена коммиссіи, назначенной правительствомъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для изслѣдованія вопроса о присоединеніи Санъ-Доминго, въ республикѣ

Гаити «не существуетъ мануфактуръ, и правительство обанкротилось; дороги и мосты разрушены, города переполнены развалинами, мужчины живутъ трудомъ своихъ женъ, какъ въ ихъ первоначальномъ отечествѣ, Африкѣ» (Globus, t. XXIII, 312). Извѣстно также, въ какое печальное положеніе пришли освобожденные негры южныхъ штатовъ. Извѣстія объ ихъ вымираніи подтверждаются многими авторами и самый фактъ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію.

Все сказанное свидѣтельствуетъ, что будущность чернокожаго племени въ Новомъ Свѣтѣ далеко не обезпечена, тѣмъ болѣе, что оно и не можетъ достаточно приспособиться къ климатическимъ условіямъ многихъ частей тропической Америки. Такъ, напр., извѣстны данныя о вымираніи негровъ на Антильскихъ островахъ (Буденъ). Вѣроятно всего предположеніе, высказанное не разъ уже людьми, хорошо знакомыми съ дѣломъ, что въ будущей исторіи тропической Америки самое выдающееся мѣсто будетъ занято китайцами. Способность этого народа къ приспособленію въ этой части Новаго Свѣта доказывается многочисленными рабочими, ежегодно переселяющимися туда въ значительномъ числѣ. Число ихъ на Кубѣ доходило въ 1861 году до 35,000. «Китаецъ какъ бы созданъ для того, чтобы тутъ процвѣтать», говоритъ Рацель, авторъ самаго лучшаго сочиненія о китайскомъ переселеніи ¹⁾.

Общее положеніе расовой борьбы въ сѣверной Америкѣ слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ слѣдовало подробно говорить въ этомъ бѣгомъ очеркѣ. Европейцы, поселившіеся тамъ, безусловно сильнѣе испанцевъ, тогда какъ туземное населеніе, наоборотъ, несравненно слабѣ индійцевъ испанской Америки. Цѣлая треть его до сихъ поръ не обнаружила никакой способности къ осѣдлой жизни, а такъ какъ она занимаетъ хорошія плодородныя земли, привлекающія бѣлокожихъ поселенцевъ, то судьба его уже теперь можетъ считаться рѣшенною; дикія племена индійцевъ (ихъ считается болѣе 80,000 человекъ) должны вскорѣ совершенно исчезнуть. Какія бы мѣры ни были принимаемы выше, но, какъ уже это бывало сотни разъ, слабое въ борьбѣ за существованіе населеніе не можетъ быть поддержано искусственно противъ самыхъ неразборчивыхъ, часто жестокихъ средствъ, приводимыхъ въ дѣйствіе поселенцами. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ вашингтонское правительство, пропитанное самыми гуманными намѣреніями, дало нѣсколькимъ квакерамъ полномочіе всту-

¹⁾ *Ratzel, Die chinesische Auswanderung. Breslau, 1876, стр. 289.*

пить въ сношеніе съ индійскими племенами и предпринять все, что только могло принести имъ пользу. Но эти миролюбивые люди тотчасъ же встрѣтили непреодолимое препятствіе со стороны поселенцевъ, которымъ было выгодно, чтобы поддерживались распри съ туземцами, такъ какъ это давало имъ возможность дѣлать поставки для войскъ и обманывать правительство (Globus, XVIII, 315). — Тѣми или иными способами, во всякомъ случаѣ не сообразующимися съ правилами даже самой снисходительной нравственности, бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ быстро подвигается на Западъ, оттѣсняя и уничтожая неподдающіяся культурѣ краснокожія племена, и все болѣе и болѣе упрочиваетъ свое положеніе на материкѣ Новаго Свѣта.

Изумительно быстрое развитіе Соединенныхъ Штатовъ можетъ служить лучшимъ и нагляднѣйшимъ примѣромъ несовпаденія успѣховъ практической, матеріальной культуры съ преуспѣяніемъ высшихъ проявленій человѣческаго духа. Рядомъ съ неимѣющимъ ничего равнаго прогрессомъ прикладного знанія, промышленности и торговли, Соединенные Штаты представляютъ сравнительно ничтожное движеніе въ области искусства и теоретической науки. По мнѣнію многихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ страной, нравственность американцевъ стоитъ также на очень невысокомъ уровнѣ. Я не стану приводить здѣсь, конечно, всѣмъ извѣстные сенсационные рассказы о частяхъ дѣйствительныхъ, частью преувеличенныхъ злоупотребленіяхъ чиновниковъ, печати и проч. ¹⁾, но нахожу не лишнимъ указать на слѣдующіе, точно констатированные факты, могущіе пролить нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. По послѣднему цenzу оказалось, что въ теченіи десяти лѣтъ (1860—1870) общее населеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличилось на $22\frac{1}{2}\%$; рассматривая увеличеніе по роду занятія, мы видимъ крайне неравномѣрное распредѣленіе. Успѣхъ земледѣлія выражается при этомъ 18% , промышленности — 28% , торговли и доставки товаровъ — 44% , такъ-называемыхъ свободныхъ профессій, прислуги и поденщиковъ — $5\frac{1}{2}\%$. Здѣсь особенно кидается въ глаза черезчуръ большое увеличеніе людей, занимающихся торговлей и перевозкой товаровъ, т.-е. именно дѣломъ, нравственная сторона котораго (какъ было показано въ предыдущей главѣ) не отличается особенной высотой. Констатируя усиленный переходъ молодыхъ американцевъ въ города, officialный отчетъ статистическаго бюро въ Массачусетсѣ (за 1871)

¹⁾ Указаніями этого рода переполнены статьи объ Америкѣ въ журналахъ Aus-land и Globus.

приписываетъ его между прочимъ стремленію разбогатѣть во что бы то ни стало (*tu put money in their pockets by fair means if the can, but at all events to put it there*). При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что на торговля предпріятія бросаются главнѣйшимъ образомъ природныя янки, считающіе себя привилегированными сравнительно съ пришельцами изъ Европы. «Безъ являющихся извнѣ рабочихъ, американская почва не могла бы давать тѣ богатые жатвы, которыя необходимы для насъ», говоритъ одинъ изъ компетентныхъ судей по части американской жизни ¹⁾. Что касается увеличенія свободныхъ профессій, то въ этомъ отношеніи на первый планъ выступаютъ (составляющіе 23⁰/о) юристы и главнымъ образомъ адвокаты, число которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ доходитъ до 33,000, т.-е. слишемъ въ шесть разъ больше чѣмъ въ Германіи (въ послѣдней одинъ адвокатъ приходится на 8000 душъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ — на 1180).

Какъ ни высока и прочна культура Соединенныхъ Штатовъ и какъ ни сильны поэтому ея представители — янки, тѣмъ не менѣе и имъ приходится сталкиваться на Западѣ съ элементомъ въ высшей степени приспособленнымъ къ борьбѣ за существованіе, и иногда даже уступать ему. Я имѣю здѣсь въ виду тотъ же народъ, который обнаружилъ, какъ было сказано выше, свою силу въ борьбѣ съ малайской расой и которому предсказываютъ блестящую будущность въ тропической Америкѣ. Китайскій вопросъ занимаетъ въ настоящее время не только непосредственно заинтересованные штаты Америки, но о немъ серьезно говорятъ и въ Вашингтонѣ и даже въ Европѣ. Начавшееся съ первыхъ пятидесятихъ годовъ переселеніе китайскихъ рабочихъ постепенно увеличивается (за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ колебаній) до настоящаго времени, такъ что теперь ихъ прибываетъ ежегодно около двадцати тысячъ. Обратное теченіе значительно слабѣе и потому въ результатъ получается остатокъ болѣе чѣмъ въ сто тысячъ, поселившійся главнымъ образомъ въ Калифорнію и преимущественно въ Сант-Франциско. Сначала китайцы были приняты очень дружелюбно, какъ рабочіе, незамѣнимые при постройкѣ тихо-океанской желѣзной дороги и при другихъ большихъ предпріятіяхъ. Но мало-по-малу они стали обнаруживать способность и не къ одной черной работѣ и обратились въ занятію ремеслами и торговлей и вообще выказали такую силу въ

¹⁾ Цитировано у Баума, въ *Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft*, 1874, III, 176. У этого же автора заимствованы и предыдущія данныя.

борьбѣ за существованіе, что переполошили все населеніе западной Америки. Вскорѣ въ Калифорніи образовалась анти-китайская партія, настаивавшая и продолжающая настаивать на вмѣшательствѣ правительства съ цѣлю ограниченія китайской эмиграціи и принятія самыхъ строгихъ мѣръ противъ китайцевъ. Послушаемъ, какъ формулируетъ свое оппозиціонное мнѣніе эта партія словами одной калифорнійской газеты («San-Francisco Chronicle», отъ 17 и 21 марта 1876). «Мы столько разъ уже приводили доказательства того, что американская работа не можетъ существовать рядомъ съ китайской, такъ какъ китаецъ живетъ какъ свинья, а американецъ хочетъ жить по-человѣчески. Китайскій рабочій удовлетворяется ежедневно чашей риса и двумя чашками чаю, тогда какъ американцу время-отъ-времени нужна говядина и баранина и ему тяжело оставаться безъ хлѣба и масла. Китаецъ можетъ спать во всякой дырѣ, американцу же необходима постель. Китайцу не мѣшаетъ, если вмѣстѣ съ нимъ спать еще двѣнадцать человѣкъ, американецъ же долженъ имѣть такое же помѣщеніе для себя одного или, въ крайнемъ случаѣ, еще для одного только товарища. Китайскій рабочій не думаетъ о женитьбѣ и основаніи семейства, тогда какъ американцу черезъ-чуръ тяжело лишиться этого. По этому поводу и возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли желать дешевой работы, если она можетъ быть получена не иначе, какъ цѣною приниженія нашего рабочаго до уровня этихъ животныхъ язычниковъ?» По поводу извѣстія о прибытіи парохода съ новой тысячею китайскихъ переселенцевъ та же газета говоритъ: «Что означаетъ прибытіе этихъ 1017 монголовъ? Это означаетъ оттѣсненіе 1017 бѣлыхъ мужчинъ и женщинъ отъ занятія, которымъ они теперь живутъ, такъ какъ доказано, что бѣлая работа не можетъ конкурировать съ китайской» и т. д.¹⁾ Притѣсненія, вызванныя подобнаго рода мнѣніями, должны были естественно вступить въ коллизію съ свободолобивыми принципами законодательства Соединенныхъ Штатовъ и потому принятія калифорнійскимъ правительствомъ мѣры болѣею частью были отвергнуты въ Вашингтонѣ. Къ тому же, выгоды, доставляемыя китайцами въ качествѣ дешевыхъ и хорошихъ рабочихъ, ремесленниковъ и прислуги, должны были заставить стать на ихъ сторону большинство капиталистовъ и вообще многихъ вліятельныхъ людей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпри-

¹⁾ Цитаты эти взяты изъ книги Рацеля, стр. 236. Главнымъ же образомъ при изложеніи китайскаго вопроса въ Америкѣ я пользовался сочиненіемъ Гибсона: „The Chinese in America“. Cincinnati, 1877.

ниматели, замѣнившіе китайскихъ рабочихъ американскими, должны были снова обратиться къ нимъ, такъ какъ они лучше выполняли принятыя на себя обязательства. Въ результатъ, несмотря на всѣ стѣсненія и анти-китайскія агитаціи, китайцамъ удалось утвердиться на американской почвѣ и забрать въ свои руки нѣкоторыя ремесла, какъ, напр., башмачное, прачешное и др. Изъ западныхъ штатовъ они частью потянулись и въ восточные, гдѣ, при усиленной фабричной дѣятельности, имъ, быть можетъ, предстоитъ сыграть немаловажную роль.

До сихъ поръ переселенцами изъ Китая являются почти исключительно мужчины. Въ Америкѣ насчитывается всего отъ пяти до шести тысячъ китайцевъ, изъ которыхъ значительное большинство проститутковъ; въ новѣйшее время однакоже у нихъ замѣчается стремленіе къ правильной семейной жизни; такъ, одинъ только миссіонеръ Гибсонъ въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ перевѣнчалъ около сорока паръ по христіанскому обычаю. Это явленіе безспорно указываетъ на процессъ усиленнаго приспособленія и укорененія китайцевъ въ Сѣверной Америкѣ, процессъ, окончательный результатъ котораго едва ли можетъ быть съ точностью предсказанъ въ настоящую минуту. Опасенія массивнаго переселенія китайцевъ въ Америку высказывались болѣе частью съ практической цѣлью — побудить правительство къ принятію стѣснительныхъ мѣръ, и вообще безъ достаточнаго числа доводовъ. Невозможно допустить, чтобы, въ случаѣ дѣйствительной опасности такого наплыва, американцами не были во-время приняты надлежащія охранительныя мѣры; къ тому же, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что американцы и теперь обнаруживаютъ значительную силу въ борьбѣ за существованіе; при усиленіи же ея, хотя бы подъ вліяніемъ китайской конкуренціи, они могутъ еще болѣе приспособиться. На это указываетъ, напр., ихъ изобрѣтательность въ дѣлѣ придумыванія средствъ, которыя, не нарушая основъ американской конституціи, могли бы сколь возможно стѣснять китайцевъ и дѣлать имъ горькою жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ, напр., городское управленіе Санъ-Франциско, въ виду привычки китайцевъ къ скученной жизни, издало постановленіе, обязывающее, чтобы на каждаго жителя приходилось въ квартирѣ не менѣе пяти-сотъ кубическихъ футовъ пространства. Для надзора за этимъ оно нарядило ночные обходы, и китайцевъ, не исполнившихъ предписанія, велѣло препроводить въ тюрьму, гдѣ помѣщеніе оказалось вдвое тѣснѣе. Съ тою же цѣлью и то же управленіе издало постановленіе, извѣстное подъ названіемъ «предписанія о свиныхъ хвостахъ»

(Pig-tail ordinance), по которому всѣ арестанты мужского пола должны быть острижены почти подъ гребенку. Сдѣлано это было въ виду важнаго религіознаго значенія, которое китайцы придаютъ своимъ косамъ.

Если, съ одной стороны, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о нашествіи китайскихъ массъ въ Америку, то, съ другой стороны, неправы и тѣ, которые не придаютъ китайскому переселенію въ Соединенные Штаты никакого общаго значенія. Во-первыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что всякое приращеніе китайскихъ рабочихъ препятствуетъ соотвѣтствующему наплыву европейцевъ и, слѣдовательно, удерживаетъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ, увеличивая тѣмъ предложеніе труда на европейскихъ рынкахъ. Во-вторыхъ, усиленная конкуренція съ китайцами должна вліять на измѣненіе склада бѣлыхъ рабочихъ. Даже умѣренные партіи стоятъ въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія свободы конкуренціи. Вотъ какъ, напр., высказывается по этому поводу «New-York Times», стоящая вообще въ сторонѣ отъ непосредственныхъ столкновеній съ китайскимъ вопросомъ. «Хорошо извѣстно, — говоритъ эта газета, — что главнѣйшія возраженія противъ китайскаго переселенія исходятъ отъ ирландскаго населенія. Непонятно однакоже, почему бы слѣдовало запретить Китаю, ближайшему сосѣду нашихъ западныхъ штатовъ, облегчать тамошнее отсутствіе рабочихъ рукъ. Чуть только это переселеніе перестанетъ приносить пользу государству, то оно само собою прекратится вслѣдствіе недостаточной поддержки». Еще рѣзче высказывается въ томъ же смыслѣ Рацель. «Оппозиція бѣлаго чернорабочаго люда противъ желтаго переселенія — говоритъ онъ — до сихъ поръ есть не что иное, какъ зависть. Она только тогда могла бы имѣть нѣкоторое оправданіе, если бы оппоненты обязались работать такъ же дешево и прилежно, какъ тѣ конкуренты, вытѣсненіе которыхъ они проповѣдуютъ столь громкими фразами. Но въ такомъ случаѣ китайское переселеніе должно бы было прекратиться само собою. Ихъ привлекаетъ именно требованіе болѣе дешевой работы, чѣмъ та, въ которой привыкли американцы и европейцы» (стр. 234). Выходъ изъ этого положенія можетъ состоять или въ искусственномъ задержаніи китайской эмиграціи, что — въ виду напора ея съ одной стороны и настоящаго экономическаго положенія страны съ другой — крайне затруднительно, или же въ оказаніи большаго противодѣйствія со стороны самихъ рабочихъ, которымъ такъ или иначе пришлось бы развить въ себѣ тѣ свойства, благодаря которымъ китайцы оказались столь сильными въ промышленной борьбѣ. Во всякомъ слу-

чаѣ сближеніе западныхъ народовъ съ китайцами, обусловленное отчасти усиленіемъ міровой торговли и сношеній, отчасти же — прекращеніемъ китайской замкнутости, должно усилить конкуренцію и, въ виду очевидной силы китайцевъ, вліять на большее или меньшее окитаизированіе бѣлыхъ соперниковъ, т.е. на развитіе въ нихъ тѣхъ именно сторонъ, которыя и у китайцевъ образовались подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій борьбы за существованіе въ ихъ собственномъ отечествѣ.

Встрѣтившись съ народомъ, обнаружившимъ особенную силу въ борьбѣ за существованіе, мы, въ интересахъ изученія этого явленія, должны нѣсколько долѣ остановиться и попытаться отвѣтить на вопросъ: чѣмъ именно обязаны китайцы тому, что они такъ успѣшно ведутъ конкуренцію съ самыми различными народами и при самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ? — Прежде чѣмъ приступить къ этому, нужно еще нѣсколько обстоятельнѣе изобразить картину китайской борьбы, такъ какъ только тогда мы составимъ себѣ надлежащее понятіе о степени силы этого замѣчательнаго народа.

Болѣе четырехъ-тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ сѣверо-западной части нынѣшней китайской имперіи, возникъ небольшой — быть можетъ всего изъ ста семействъ состоявшій — черноволосый народъ — «пе-зингъ», начавшій съ того времени постепенно разрастаться и расширять свои владѣнія, которыя черезъ тысячу лѣтъ дошли до Янъ-це-Кіанга, а еще черезъ тысячу лѣтъ — проникли до береговъ Южно-Китайскаго моря. Въ концѣ двѣнадцатаго вѣка до Р. Х. Срединное царство занимало еще только четвертую долю своего нынѣшняго пространства. Внутри имперіи, рядомъ съ китайцами, жило еще множество варварскихъ народовъ, номинально признававшихъ китайскую власть и только мало-по-малу терявшихъ свою самобытность. Китайцы дѣйствовали противъ нихъ не вооруженною силою: они никогда не были воинственнымъ народомъ, не отвоевывали земель и не поработали своихъ противниковъ, а постепенно, такъ-сказать, всасывали ихъ въ себя, побуждали ихъ мирными средствами безвозвратно сливаться съ собою ¹⁾. Увеличеніе китайскихъ владѣній продолжалось и въ болѣе новыя времена: такъ, они въ половинѣ тринадцатаго вѣка послѣ Р. Х. приобрѣли самую южную провинцію — Юнъ-нань, а Формозой завладѣли только въ концѣ

¹⁾ Платъ, въ Abhandl. K. Münch. Akad. 1866, 457, 458, 463, 469.

семнадцатаго столѣтія. Способъ, посредствомъ котораго китайцы упрочиваются на этомъ островѣ, можетъ дать нѣкоторое понятіе и о ходѣ ихъ мирнаго завоевательнаго процесса вообще. Они начали съ того, что построились на обращенной къ матеріку части западнаго берега, и отсюда стали понемногу распространяться въ другія стороны. Во внутреннюю часть острова они рискуютъ проникать съ чрезвычайной осторожностью; вполнѣ же владѣютъ они и теперь только западной половиной острова, гдѣ они упрочиваются, главнѣйшимъ образомъ, при помощи терпѣнія и хитрости, и только въ случаяхъ, когда условія представляются особенно благоприятными, они по временамъ оттягиваютъ новый кусокъ земли у дивихъ туземцевъ ¹⁾. Такъ какъ равнины уже заняты прежними переселенцами, то новые китайскіе пионеры стараются прежде всего купить себѣ клочокъ земли, причемъ «дѣйствіе убѣжденіемъ есть ихъ любимый приѣмъ». Только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ китайцы сами прибѣгаютъ къ насиліямъ; они предпочитаютъ нанимать дружественныя имъ племена для защиты отъ враждебныхъ, и нерѣдко женятся на туземныхъ женщинахъ для того, чтобы онѣ могли выполнять роль мирныхъ посредницъ. Такимъ образомъ китайцы достигли того, что населеніе ихъ на Формозѣ дошло до трехъ-милліоновъ и что туземцы стали отодвигаться все глубже и глубже.

Китайцы подпадали подъ власть монголовъ и теперь ими управляетъ манджурская династія, но и Монголія, и Манджурія постепенно все болѣе и болѣе китаизируются. Завоеваніе Китая манджурами тотчасъ же послужило поводомъ къ переселенію китайцевъ въ Манджурію, — и въ результатѣ получилось быстрое вымирание манджуровъ и переполненіе страны китайцами. Въ Монголіи китайцы значительно подвигаются впередъ, постепенно завладѣвая плодородными землями, и уже теперь легко предвидѣть, что «не въ очень отдаленномъ будущемъ вся способная къ воздѣлыванію земля Монголіи перейдетъ въ китайскія руки» (Рацель).

Далеко перейдя за предѣлы пресловутой китайской стѣны и сплавивая все болѣе и болѣе всю Небесную имперію въ одно цѣлое, китайцы, какъ мы отчасти уже видѣли выше, легко уходятъ изъ своего отечества и вступаютъ въ борьбу за существованіе нерѣдко съ совершенно для нихъ новыми народами. Значительная часть Азіи съ давнихъ поръ сдѣлалась такимъ поприщемъ китайской дѣятельности. Западная часть индо-китайскаго

¹⁾ Ratzel, 122.

полуострова въ короткое время наводнилась китайцами, такъ что древнія буддійскія колоніи, Сіамъ и Камбоджа, вскорѣ превратились въ полу-китайскія государства. Японія и Малайскій архипелагъ привлекли къ себѣ также значительное число китайскихъ торгашей, прочно утвердившихся даже въ такихъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, на Явѣ. Они успѣли проникнуть и въ столь густо населенныя мѣста, какъ, на примѣръ, Остъ-Индіа, гдѣ они завладѣли уже нѣкоторыми ремеслами; такъ, на примѣръ, въ Калькуттѣ около девяноста процентовъ сапожниковъ — китайцы. На Филиппинскихъ островахъ они утвердились, несмотря на всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія со стороны испанцевъ, и все предсказываетъ имъ тамъ блестящую будущность. Извѣстный путешественникъ, Ягоръ, думаетъ, «что они со временемъ, какъ на Филиппинскихъ островахъ, такъ и въ другихъ странахъ Великаго океана, вытѣснятъ всѣ посторонніе элементы — или же образуютъ плодovitыя расы метисовъ, которымъ они все-таки передадутъ свои особенности» (цит. у Рацеля, 134). Особенно важная роль выпала на долю китайцевъ въ Сингапурѣ, гдѣ девять-десятихъ всѣхъ торговыхъ операцій находятся въ ихъ рукахъ и гдѣ они завладѣли не только мелкой, но и крупной торговлей — и, кромѣ того, самыми разнообразными ремеслами.

Какъ банкиры и мѣнялы, они не имѣютъ себѣ равныхъ. Китайская колонія въ Сингапурѣ замѣчательна еще потому, что въ ней китайцы обнаруживаютъ всего меньшую охоту къ возвращенію на родину.

Многіе изъ нихъ женятся или на пріѣзжающихъ китайцахъ, или же на малайскихъ женщинахъ. Въ 1859 году, изъ пятидесяти-тысячъ китайскихъ колонистовъ, было уже 3,248 китайянокъ (Рацель, 202). Хотя главное китайское движеніе въ Азіи, за предѣлами своей имперіи, и направлено по преимуществу на югъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторая часть китайцевъ переселяется и на сѣверъ, — въ наши азіатскія владѣнія. Такъ, на примѣръ, они частью поселились въ амурскомъ краѣ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ (между прочимъ, разведеніемъ джинъ-шеня) и, разумѣется, торговлей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они утвердились столь прочно, что, по словамъ полковника Венюкова, «присутствіе манджуровъ и китайцевъ на лѣвомъ берегу Амура, близъ Благовѣщенска, вѣроятно, на долгое время будетъ задерживать руссофікацію въ этой мѣстности» ¹⁾. Съ нѣкоторыхъ поръ въ амурскомъ краѣ появились и

¹⁾ „Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи“, 1873, 136.

китайскіе рабочіе, нанятые въ самомъ Китаѣ; въ забайкальскую же область стали приходить китайскіе торгошники, расплодившіеся, между прочимъ, и въ Иркутскѣ.

Изъ внѣ-азиатскихъ странъ, китайское переселеніе, кромѣ Америки, совершается въ значительной степени еще въ Австралію и въ меньшихъ размѣрахъ—въ Полинезію. Въ Австраліи они расходятся изъ трехъ пунктовъ—южнаго (Викторія), восточнаго (Квинслендъ) и сѣвернаго (портъ-Дарвинъ). За послѣдніе годы особенно усилился наплывъ ихъ въ золотыя россыпи Квинсленда, гдѣ изъ 15,000 рабочихъ—14,000 китайцевъ. Европейскіе колонисты пришли въ ужасъ отъ такого быстрого увеличенія китайской эмиграціи и настояли на принятіи стѣснительныхъ мѣръ. Мѣстный парламентъ съ этой цѣлью значительно увеличилъ пошлину на рисъ, главную пищу китайцевъ, и кромѣ того, увеличилъ плату за право высаживаться на берегъ для китайскихъ прискоковыхъ рабочихъ и купцовъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, была отвергнута англійскимъ правительствомъ, что вызвало въ колоніяхъ большое неудовольствіе и формальный протестъ ¹⁾.

Изъ полинезийскихъ острововъ, Таити и Сандвичевы острова главнымъ образомъ привлекаютъ къ себѣ китайцевъ ²⁾. На Таити они появились впервые въ 1856 году. Это были прискоковые рабочіе и различные ремесленники, бѣжавшіе изъ Австраліи вслѣдствіе дурного обращенія съ ними. Получивъ право высадиться на островъ, они скоро уже образовали маленькую китайскую колонію, занявшись главнымъ образомъ и мелочной торговлей. Кромѣ того, были выписаны китайскіе кули для работъ на плантаціяхъ, что у нихъ, по обыкновенію, пошло вполнѣ удовлетворительно ³⁾.

О привлеченіи китайскихъ рабочихъ въ Англію и Германію, какъ о средствѣ къ прекращенію стачекъ, уже не разъ поговаривали предприниматели въ Лондонѣ и Берлинѣ, но, разумѣется, врядъ ли когда имъ удалось бы исполнить это предположеніе. Теперь и наука (по крайней мѣрѣ, въ Германіи катедеръ-соціалисты) начала возставать противъ расовой равноправности и противъ неограниченной свободы эмиграціи чуждыхъ европейцамъ племенъ ⁴⁾. Несравненно вѣроятнѣе наплывъ, въ ближайшемъ

¹⁾ Ausland, 1877, № 42, p. 839.

²⁾ Кромѣ того, они появились въ Новой-Каледоніи, на Салганскихъ островахъ и въ Новой-Зеландіи, гдѣ число ихъ въ 1874 г. составило 4828 (Behm und Wagner, Bevölkerung der Erde, № 14, 1876, p. 53).

³⁾ Globus, 1878, XXIV, 229.

⁴⁾ Rau-Wagner, Polit. Oecon. T. I. 1876. § 250.

будущемъ, китайцевъ въ Африку. Въ 1875 году была сдѣлана первая попытка добыть китайскихъ рабочихъ на Мысъ Доброй Надежды, и Франсисъ Гальтонъ высказываетъ убѣжденіе въ необходимости заселенія Африки китайцами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, только этимъ путемъ можно сдѣлать эту большую страну вполнѣ доступной разумной культурѣ ¹⁾. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ путешественниковъ по Китаю, аббатъ Давидъ, смотритъ чрезвычайно серьезно на силу китайцевъ въ конкуренціи. Онъ считаетъ невыгоднымъ для европейцевъ усиленное распространеніе знаній между китайцами, такъ какъ, вооруженные ими, китайцы сдѣлаются еще болѣе опасными; онъ думаетъ, что «этому неисчерпаемому муравейнику» слѣдуетъ предоставить Азію, Малайскій архипелагъ и Африку, но что, по крайней мѣрѣ, теперь съ тѣмъ болѣею энергіей необходимо воспрепятствовать его наплыву въ Европу и Америку ²⁾.

Необходимо имѣть въ виду удивительную способность китайскихъ переселенцевъ, несмотря на изумительную приспособляемость къ новымъ условіямъ, сохранять тѣмъ не менѣе свои характерныя особенности. Всѣ путешественники въ одинъ голосъ утверждаютъ это и говорятъ, что китайскіе кварталы въ Санъ-Франциско, Мельбурнѣ, Батавіи и др. городахъ представляютъ совершенно типъ городовъ Небесной имперіи. Нѣкоторые китайцы начинаютъ въ Калифорніи перенимать европейскіе обычаи, т. е. мѣняютъ одежду и нѣкоторыя формы, но въ сущности остаются тѣми же китайцами. Хотя они вообще весьма несклонны допускать крупныя перемѣны подъ вліяніемъ иностранцевъ и не имѣютъ никакого поползновенія къ приобрѣтенію чисто-научныхъ познаній, тѣмъ не менѣе они съ большой охотой и легкостью перенимаютъ многія практическія свѣдѣнія и приемы и только благодаря этой способности становятся въ короткое время опасными конкуррентами для европейскихъ ремесленниковъ. (Нѣсколько характерныхъ примѣровъ этого было описано Диксономъ въ его книгѣ о борьбѣ расъ въ Америкѣ). Императоръ Юнь-Чангъ, допуская европейскихъ миссіонеровъ въ Китай, объявилъ, что онъ это дѣлаетъ не потому, чтобы считать ихъ религію хорошею, а только потому, что они знаютъ астрономію и математику и полезны правительству для исправленія календаря ³⁾. За

¹⁾ Ratzel, VII n 266.

²⁾ Petermann's Mittheilungen. 1876. XXII, p. 32.

³⁾ Нис, L'empire chinois. 1857. II, 225.

послѣдніе годы китайцы сдѣлали большіе успѣхи въ военномъ отношеніи, пригласивъ европейскихъ офицеровъ для устройства арміи и укрѣпленій, которыя у нихъ буквально переполнены крупновскими пушками (Globus, 1873. 105).

Переходя теперь къ причинамъ, вслѣдствіе которыхъ китайцы такъ сильны въ борьбѣ за существованіе, необходимо сказать нѣсколько словъ объ участіи въ этомъ соматическаго момента. Хотя въ наукѣ еще не существуетъ удовлетворительнаго матеріала для сужденія о физической приспособляемости китайцевъ, но, судя по всему, чтѣ извѣстно въ этомъ отношеніи, способность эта у нихъ чрезвычайно высока. Какъ мы видѣли выше, они распространились на огромномъ пространствѣ, включающемъ и суровое въ климатическомъ отношеніи Забайкалье, и тропическія, и экваторіальныя страны. Относительно физической, т.-е. мускульной силы, они оказались не особенно одаренными ¹⁾, но за то они выигрываютъ вслѣдствіе способности къ очень продолжительной работѣ. Въ многихъ мѣстностяхъ, куда переселяются китайцы, была замѣчена ихъ чрезвычайная «сила крови», т.-е. усиленная наслѣдственная передача ихъ физическихъ и душевныхъ особенностей при скрещиваніи съ другими расами. Дѣти отъ китайскихъ отцовъ съ малайскими, манджурскими, испанскими и др. женщинами, гораздо болѣе похожи на китайцевъ, чѣмъ на своихъ матерей (Рацель, стр. 71, 135 и 262).

Рядомъ съ такой физической одаренностью, китайцы представляютъ цѣлый рядъ душевныхъ свойствъ, вліяющихъ на ихъ силу въ борьбѣ. Во-первыхъ, они отличаются, какъ уже было упомянуто нѣсколько разъ, чрезвычайной умѣренностью въ пищѣ и другихъ потребностяхъ и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Они работаютъ долго и усидчиво и не брезгаютъ никакой работой, лишь бы она была оплачиваема. Въ Калифорніи они монополизировали нѣкоторыя женскія спеціальности, какъ, напр., мытье бѣлья и уходъ въ домѣ и за дѣтьми. Во-вторыхъ, китайцы въ высшей степени уживчивы и потому легче многихъ другихъ народовъ переносятъ притѣсненія и нарушенія правъ. Эти качества слѣдуетъ безспорно отнести къ числу нравственныхъ, хотя въ ихъ ряду трудолюбіе, умѣренность и выносливость занимаютъ одно изъ низшихъ мѣстъ, такъ какъ они (особенно въ данномъ случаѣ) направляются для цѣлей личной жизни. Къ числу болѣе

¹⁾ Измѣренія ручной силы, произведенныя антропологами фрегата „Новары“, показали, что китайцы въ этомъ отношеніи занимаютъ предпоследнее мѣсто. См. Reise der Ost. Freg. Novara. Anthropol. Theil. II, 1867. p. 219.

высокихъ нравственныхъ качествъ должна быть отнесена солидарность китайскихъ переселенцевъ, вслѣдствіе которой они, въ случаѣ нужды или несчастія, оказываютъ другъ другу помощь ¹⁾.

Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что въ борьбѣ за существованіе они очень неразборчивы на средства и постоянно прибѣгаютъ къ такимъ, которыя, какъ въ глазахъ европейской, такъ и китайской морали, признаются безнравственными. Выше я имѣлъ уже случай сослаться на примѣръ опутыванія монголовъ долгами со стороны китайскихъ купцовъ; подобныхъ примѣровъ можно бы привести цѣлый рядъ. Говоря о противозаконной иммиграціи китайцевъ въ Монголію, Рацель, ссылаясь на Вильямсона, говоритъ: «эти простодушные люди (монголы) не доросли до китайской хитрости» (стр. 88). И далѣе: «эта борьба хитрости съ наивной, несознающей самую себя первобытной силой дикаря, можетъ показаться не особенно утѣшительнымъ зрѣлищемъ, но на результаты ея нельзя не смотрѣть какъ на прогрессъ» (89). Съ помощью такихъ же приѣмовъ борются китайцы и въ Манджуріи съ ея «простодушными и добродушными» туземцами. — «Какъ всюду, гдѣ господствуетъ миръ, — говоритъ Рацель, — такъ и въ Манджуріи китайцы находятъ въ сильной степени процвѣтанія, вытѣсняя прежнихъ обладателей съ помощью хитрости и трудолюбія» (стр. 80). Вотъ какъ описываетъ испанскій историкъ Суньига китайскихъ переселенцевъ на Филиппинскихъ островахъ: «На одного посвящающаго себя земледѣлію появлялась тысяча всевозможныхъ купцовъ, торговавшихъ чрезвычайно ловко. Они употребляли фальшивыя мѣры и вѣсы и до неузнаваемости фальсифицировали всевозможные товары, какъ, на примѣръ — воскъ, сахаръ и др. Они вели себя настоящими ростовщиками, слѣдя внимательно за потребностями народа и спросомъ на различные товары, которые они удерживали до тѣхъ поръ, пока имъ не давали требуемую ими высокую цѣну» (цит. у Рацеля, 134.) Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по островамъ Тихаго Океана, графъ Пемброкъ, указываетъ на эксплуатацію таитянъ китайцами и замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «обѣ расы представляютъ рѣзкій контрастъ: азіатецъ всегда перехитритъ простодушнаго полинезійца» ²⁾. Самой собою разумѣется, что качества, оказывающіяся столь пригодными для борьбы китайцевъ съ другими народами, были выработаны и развиты первыми во время ихъ многовѣковой борьбы

¹⁾ Reise der Freg. Novara. Volksausgabe, II, 545.

²⁾ Globus, 1878. XXIV, 229.

у себя дома. «Невѣроятная бережливость времени, мѣста и матеріала, — говоритъ Ягоръ, — которая могла развиться только у такого перенаселеннаго народа какъ китайцы, постоянно съ новой силой выдается въ глаза путешественнику» ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ характеръ китайца, всю жизнь остающагося въ Небесной имперіи, совершенно такой же, какъ и у эмигранта. Вотъ какъ описываетъ перваго Пешель: «китаецъ соединяетъ въ себѣ все, что нужно, чтобы, при условіяхъ безпрепятственнаго развитія, привести къ быстрому перенаселенію: онъ нѣжный отецъ, считающій благословіе дѣтми за величайшую радость ²⁾, умѣренъ до излишества, образцово бережливъ, неутомимъ какъ работникъ, не знаетъ праздника, но въ торговомъ дѣлѣ хитрѣе грека. Уже дѣти занимаются коммерческими дѣлами; торгашество и отдача денегъ подъ залогъ — ихъ любимыя игры» ³⁾. По словамъ знаменитаго путешественника Гюа, отзывъ котораго былъ много разъ подтверждаемъ различными наблюдателями, китаецъ совершенно поглощенъ временными интересами и матеріалистиченъ въ обычномъ смыслѣ слова. «Нажива составляетъ единственную цѣль, къ которой постоянно устремленъ его взоръ. Жгучая жажда къ полученію прибыли, какой бы то ни было, поглощаетъ всѣ его способности и всю энергію» ⁴⁾. Коммерческій духъ развитъ у него въ сильнѣйшей степени. Капитала въ нѣсколько копѣекъ уже бываетъ достаточно для него, чтобы начать какое-нибудь маленькое дѣло, причемъ обыкновенно пускается въ ходъ ловкое плутовство, столь свойственное китайцу. Все это указываетъ на то, что китайскій характеръ есть прототипъ практическаго характера, а это уже достаточно объясняетъ, почему китайцы оказались столь сильными въ борьбѣ за существованіе. Перевѣсъ какъ въ индивидуальности, такъ и въ общественной борьбѣ долженъ выпадать именно въ пользу болѣе практической стороны, такъ какъ практичность и есть не что иное, какъ способность, во что бы то ни стало, достигнутьжелаемаго результата. Отсюда понятно, что у китайца умственная сторона должна представляться наиболѣе выдающейся чертой характера. Дрeперъ приписываетъ прочность Китая тому, что «политическая система его стремится достигъ соотвѣтствія съ тѣмъ фвіологическимъ условіемъ, которое руководитъ всѣмъ соціальнымъ усовер-

¹⁾ Цит. у Рацеля, 205.

²⁾ Съ перваго взгляда это можетъ казаться ошибочнымъ въ виду нерѣдкаго дѣтубійства въ Китаѣ.

³⁾ Völkerekunde, 392.

⁴⁾ L'empire chinois, I, 174; II, 171, 174.

шенствованіемъ: она стремится дать господствующій контроль уму» ¹⁾. Нѣкоторая степень умственного образованія, какъ извѣстно, составляетъ достояніе каждаго китайца, при столь пространномъ элементарномъ обученіи.—Нравственный уровень стоитъ у нихъ безспорно на болѣе низкой степени. По мѣткому выраженію извѣстнаго государственнаго человѣка Америки, Сьюарда, «китайская нравственность обращается не къ суду совѣсти, а къ правиламъ приличія» ²⁾. Рацель, не имѣвшій, правда, случая наблюдать китайцевъ въ ихъ отечествѣ, но добросовѣстно изучившій литературу о нихъ, жалуется на отсутствіе у нихъ идеаловъ и говоритъ, что «они лишены того высокаго нравственнаго стремленія, которое переходитъ за предѣлы соображеній минутной пользы и ищетъ правды ради нея самой» ³⁾. Китайцы самостоятельно выработали очень развитое нравственное ученіе, которое во многихъ отношеніяхъ не ниже нашихъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ взглядовъ, но которое въ то же время заключаетъ и корни прагматичности, столь свойственной китайскому міросозерцанію. Такъ, напр., во второй изъ четырехъ основныхъ книгъ китайской философіи и морали (Тчунгъ-Юнгъ, или неизмѣнность въ срединѣ, книгъ, приписываемой внуку и ученику Конфуція — Тесу-ссе) проводится принципъ, что человѣкъ высшаго достоинства «сообразуется съ обстоятельствами, чтобы оставаться на срединѣ» ⁴⁾ и проповѣдуется, что будутъ ли всемірныя заповѣди исполняться по естественному побужденію и безъ усилій, или же въ виду извлечъ изъ того личную пользу и выгоды, или же онѣ будутъ исполняться съ трудомъ и усиліями, но, если разъ человѣкъ выполняетъ похвальные дѣла, то результатъ во всѣхъ случаяхъ одинаковъ». Не слѣдуетъ забывать, разумѣется, что между нравственнымъ ученіемъ и нравственностью, т.-е. нравственнымъ поведеніемъ еще существуетъ большая разница, которая именно и замѣчается такъ часто среди китайцевъ. По словамъ Гюка, если китаецъ и читаетъ книги нравственнаго и религіознаго содержанія, то не иначе какъ въ видѣ отдыха и развлеченія съ цѣлью препровожденія времени» (I, 174).

Религіозный индифферентизмъ китайцевъ есть фактъ общезвѣстный и проявляется въ ихъ жизни на каждомъ шагѣ. Когда испанцы, въ видахъ противодѣйствія китайскимъ эмигрантамъ на Филиппинскихъ островахъ, издали постановленіе, что только хри-

¹⁾ Исторія умственного развитія Европы, II, 242.

²⁾ Цит. у Gibson, Chinese in America, p. 43.

³⁾ Ratzel, 53.

⁴⁾ Я цитирую по переводу Лотье, изд. въ 1858 г., въ Парижѣ, стр. 68 и 84.

стіане могутъ жениться на туземныхъ женщинахъ, то китайцы безъ малѣйшаго труда принимали христіанство, но, разумѣется, номинально.

Китайскій императоръ Юнгъ-Чингъ (начала прошлаго столѣтія) издалъ комментаріи на рѣчи своего отца, въ которыхъ онъ предостерегаетъ отъ ложныхъ сектъ и осуждаетъ всѣ разбираемыя имъ религіи. Онъ шутитъ надъ непрерывнымъ повтореніемъ молитвъ буддистами и говоритъ по этому поводу: если вы, провинившись, будете тысячи разъ кричать передъ судьей «ваше превосходительство», то нежели вы думаете, что онъ васъ за это проститъ? Вашъ богъ Фо—презрѣнный, если онъ осуждаетъ за то, что ему не подносятъ вѣтковъ на алтари и не жгутъ въ честь его бумаги и пр. ¹⁾ Нашъ знаменитый синологъ, проф. Васильевъ, высказывается слѣдующимъ образомъ: «на востокѣ (т.-е. собственно въ Китаѣ) вовсе не имѣютъ того понятія о привязанности въ религіи, которое мы встрѣчаемъ на западѣ — *тамъ люди живутъ не сердцемъ, а житейскими нуждами*» ²⁾.

Неудивительно, что при такомъ исключительно практическомъ направленіи искусство въ Китаѣ не могло подняться на высокій уровень развитія. Послушаемъ въ этомъ отношеніи специалиста по исторіи искусства. «Вкусъ китайцевъ,—говоритъ Шнаазе,—не имѣя возвышеннаго направленія, производитъ главнымъ образомъ работы, отличающіяся вѣйшней искусственностью. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ художественной техники китайцамъ принадлежитъ заслуга, какъ авторамъ важныхъ техническихъ изобрѣтеній (изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣланы ими въ незапамятныя времена) и какъ искуснѣйшимъ и до настоящаго времени исполнителямъ: уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. они занимались отливкой металловъ, обработкой шелка и различными видами тонкихъ глиняныхъ издѣлій. Но рядомъ съ этими и другими возбуждающими удивленіе техническими искусствами, тѣмъ рѣзче выступаетъ недостатокъ истинно художественнаго дарованія. Въ

¹⁾ Нис, II, 224.

²⁾ О движеніи магометанства въ Китаѣ, въ годичномъ Актѣ Петербургскаго универс. 1867, 24. Проф. Васильевъ здѣсь высказываетъ предположеніе, что китайцы, сдѣлавшись магометанами, теряютъ и свой индифферентизмъ. Но предположенія эти до сихъ поръ не оправдываются. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, аббатъ Давидъ, говоритъ въ 1875: «китайскіе магометане вовсе не заражены фанатизмомъ западныхъ мусульманъ; ихъ религія сводится къ небольшому числу догматическихъ положеній, въ обычай обрѣзанія и воздержанія отъ свинины». «Они читаютъ коранъ по-арабски, ничего въ немъ не понимая». Journal de mon troisième voyage dans l'empire Chinois. I, 186.

ихъ постройкахъ мы видимъ принципъ декоративной обоей пестроты, внѣшнимъ образомъ примыкающей къ свайнымъ постройкамъ и шатрамъ первобытныхъ народовъ; въ скульптурѣ и живописи окостенѣніе ихъ фантазіи допускаетъ только тощія копіи съ натуры или безобразныя отклоненія отъ нея. Изслѣдованіе этого явленія, само по себѣ очень интересное, относится поэтому скорѣе къ этнографіи, чѣмъ къ исторіи искусства; да и для исторіи культуры въ обширномъ смыслѣ оно далеко не необходимо, такъ какъ, вращаясь главнымъ образомъ въ сферѣ технической и матеріальной цивилизаціи,нося на себѣ характеръ законченный и эгоистическій, оно осталось безъ замѣтнаго духовнаго вліянія на другіе народы»¹⁾.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ китайскимъ характеромъ, необходимо взглянуть и на внѣшнія условія, при которыхъ онъ складывался и развивался. Какъ ни разнорѣчивы показанія о величинѣ китайскаго населенія, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что оно мѣстами очень густо. Этимъ объясняется цѣлый рядъ явленій китайской жизни, какъ, напр., дѣтубійство, переселеніе, множество кули, отдающихъ себя почти въ рабство за возможность заработать кусокъ хлѣба и т. п.²⁾. Къ тому же, фактъ густого населенія крайне вяжется съ нѣкоторыми сторонами народнаго характера, какъ, напр., съ крайней бережливостью и умѣренностью. Китай можетъ считаться страной съ сравнительно равномернымъ распредѣленіемъ богатствъ. Въ немъ мы не встрѣчаемъ сосредоточенія крупныхъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ, равно какъ и особенно крупныхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ предпріятій (Рацель, 49). Земля также распределена сравнительно очень равномерно. Она, какъ извѣстно, раздроблена на чрезвычайно маленькіе участки, составляющіе достояніе множества мелкихъ собственниковъ. Хотя законъ и не ограничиваетъ количества скупаемой земли, тѣмъ не менѣе большихъ землевладѣльцевъ очень мало, да и тѣ владѣютъ мелкими участками въ разныхъ мѣстахъ, потому что наибольшая часть такихъ владѣльцевъ приобрѣла земли покупкою у частныхъ людей (*Лакимовъ*, Китай, I, 43). На раздробленіе земель въ Китаѣ

¹⁾ Geschichte der bildenden Künste. 1866, I, стр. 60, 61.

²⁾ Авторъ одной интересной экономической статьи о Китаѣ, д-ръ *Маронъ* (Vierteljahrs. f. Volkswirthsch. 1863, I, 28) считаетъ мнѣніе о перенаселеніи Китая чистой выдумкой. Но доводы его не подтверждаютъ этого отрицанія. Онъ говоритъ, напр., объ отсутствіи въ Китаѣ излишка рабочей силы, въ то время, какъ оттуда ежегодно выселяется отъ 90 до 120 тысячъ взрослыхъ работниковъ. См. *Ratzel*, стр. 257.

имѣлъ въ значительной степени вліяніе, съ давнихъ поръ вошедшій въ употребленіе, обычай дѣлить землю по-ровну между всѣми сыновьями ¹⁾. Вообще, аграрный вопросъ въ Китаѣ представляется въ высшей степени интереснымъ, какъ моментъ, игравшій существенную роль въ развитіи того практическаго характера, который оказался столь сильнымъ въ борьбѣ за существованіе. При династіи Чжеу (въ XII столѣтіи до Р. Х.) была сдѣлана со стороны правительства крупная попытка къ равному распредѣленію земель, которыя были еще (ранѣе того) раздѣлены на хорошія, среднія и дурныя. Первой давали каждому семейству по сто, второй—по двѣсти, третьей—по триста му. «Существенная цѣль такого раздѣла земель,—говоритъ отецъ Іакинѣвъ,—кромѣ уравниванія поземельнаго налога и земельныхъ повинностей, состояла въ томъ, чтобы не было въ государствѣ ни чрезмѣрно богатыхъ, ни чрезмѣрно бѣдныхъ, т.е. нищихъ и бродягъ; чтобы жители, привязанные къ осѣлости закономъ, безъ крайней необходимости не могли оставлять своего мѣстопробыванія и чтобы, работая подъ непосредственнымъ надзоромъ начальства, не могли предаваться лѣности и праздности» (Китай, III, 97, 98). Но эти учрежденія стали мало-по-малу распадаться, такъ что при слѣдующей династіи Цинь они могли уже быть вовсе устранены и взаимныя ихъ впервые возникла въ Китаѣ частная собственность. При этомъ, разумѣется, болѣе богатые и вліятельные люди захватили множество лучшихъ земель, тогда какъ бѣдняки, лишившись послѣдняго клочка, должны были разбрестись въ разные стороны. «Отсюда родилось бродяжничество, правдность, лѣность, воровство, обманы, разорительныя тяжбы о земляхъ, разные пороки въ народѣ, разные безпорядки въ правленіи, и это зло въ короткое время столь умножилось, что самый виновникъ онаго государь Цинь-Шыхуанъ принужденъ былъ изъ бродягъ и негодяевъ составить огромное ополченіе и отправить для завоеванія нынѣшней губерніи Гуань-дунъ» (Іакинѣвъ, III, 99). Подати при такихъ условіяхъ сдѣлались въ высшей степени обременительны и во всѣхъ концахъ государства стали раздаваться жалобы. Многіе государственные люди и писатели начали обдумывать мѣры къ устраненію зла и съ этой цѣлью стали требовать возстановленія прежней формы землевладѣнія, т.е. новаго, основаннаго на равноправности передѣла земель. Впрочемъ, нашлись и противники подобнаго мнѣнія: защищая богатыхъ указаніемъ на ихъ

¹⁾ Объ этомъ, равно какъ о сравнительномъ равенствѣ въ Китаѣ вообще смот. Girard, *France et Chine*. 1869, I, 127—129, 210 и слѣд.

разнообразныя заслуги, одинъ изъ такихъ противниковъ старался выдвинуть на первый планъ положеніе, что «зло заключается не въ существованіи общественныхъ или частныхъ полей, а въ томъ, что нѣтъ никакой возможности устранить бѣдность». Между крайними партіями возвысила свой голосъ и примирительная, соглашавшаяся на сохраненіе частной собственности, но требовавшая ограниченія ея расширенія опредѣленіемъ максимума поземельной собственности и, кромѣ того, настаивавшая на необходимости принять мѣры противъ усиленнаго раздробленія. Въ этомъ смыслѣ было дважды сдѣлано представленіе (въ 122 и 20 г. до Р. Х.), и правительство оба раза оказывалось вынужденнымъ уступить общему сопротивленію землевладѣльцевъ. Зло тѣмъ временемъ сильно возросло и привело, наконецъ, къ крупному государственному перевороту. Министръ послѣдняго императора первой ганской династіи Вангъ-Мангъ, человѣкъ въ высшей степени рѣшительный и энергичный, велѣлъ отравить малолѣтняго государя, посадилъ вмѣсто него на престолъ двухлѣтнее дитя, но вскорѣ свергнулъ его и объявилъ себя императоромъ въ 9-мъ году нашей эры. Онъ велѣлъ сдѣлать опись имуществу богатыхъ, начиная съ мандариновъ, у которыхъ оказалось несравненно большее состояніе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ оставилъ имъ только пятую долю, а остальные четыре—продалъ, для того, чтобы вырученные деньги могли быть употреблены на государственныя нужды ¹⁾. Кромѣ того, Вангъ-Мангъ издалъ слѣдующее постановленіе: «вся земельная собственность страны принадлежитъ императору; ни одинъ подданный не имѣетъ права на землю свыше одного цина (около 6-ти десятинъ); продажа земли воспрещается для того, чтобы каждый могъ сохранить источникъ для пропитанія; земли, которыхъ, послѣ этого закона, окажется слишкомъ много, отойдутъ въ казну и будутъ раздѣлены по деревнямъ, смотря по надобности. Тотъ, кто усумнится въ мудрости этихъ правилъ, будетъ изгнанъ; того же, кто ихъ нарушитъ—постигнетъ смертная казнь» ²⁾. Вангъ-Мангъ не отступалъ передъ крайностями. Щедрый по отношенію къ народу, онъ не щадилъ жизни людей, не слѣдовавшихъ его политикѣ. Были дни, когда онъ казнилъ по нѣскольку сотъ человѣкъ за то, что они не оправдывали его узурпаторства (Du Mailla, III, 231). Учрежденія, введенныя такъ внезапно и притомъ въ сопровожденіи такихъ насилій, оказались

¹⁾ Du Mailla. Histoire générale de la Chine. T. III, 1777, стр. 245.

²⁾ См. интересную статью Сахарова о землевладѣніи въ Китаѣ, напечатанную въ I-мъ томѣ „Трудовъ русской миссіи въ Пекинѣ“.

недолговѣчными: черезъ три года послѣ изданія своего постановленія Вангъ-Мангъ долженъ былъ взять его обратно. Для того, чтобы утвердить свою власть и съ цѣлью подавленія племенъ, возставшихъ при извѣстїи о низложенїи ганской династїи, онъ снарядилъ военныя экспедиціи, высосавшія множество денегъ и отразившіяся крайне тяжело на благосостояніи народа. Увеличеніе налоговъ и пошлинъ возбудило всеобщее неудовольствіе, выразившееся въ возстанїяхъ, которыя быстро разрослись и привели къ возстановленію прежней династїи. Вангъ-Мангъ былъ задушенъ и разрѣзанъ на куски; голова его, выставленная на площади, сдѣлалась цѣлью для метанія стрѣлъ со стороны черни.

При послѣдующихъ династїяхъ аграрный вопросъ сосредоточился исключительно на прїисканїи гарантїй къ ограниченію расширенія частной земельной собственности, и притомъ безъ требованія безденежной отдачи излишка; объ уничтоженіи личнаго владѣнія уже не было и рѣчи. Въ 485 году нашей эры «Сяо-вынь-ди первый имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ возстановленіи уравненія въ сѣверномъ Китаѣ. Не отнимая земель у владѣльцевъ, онъ положилъ земли, оставшіяся безъ наслѣдниковъ, и земли конфискованныя превращать въ государственное имущество и раздавать землепашцамъ въ пожизненное владѣніе, и касательно владѣльческихъ земель ограничилъ закономъ количество, которымъ каждому можно владѣть по его состоянію. Съ сею цѣлью допустилъ продажу излишнихъ земель; а покупку излишнихъ противъ законнаго количества и продажу казенной земли, въ надѣлъ данной, безусловно запретилъ» (Іакинѣзъ, III, 101). Такъ какъ главная цѣль этихъ постановленій состояла въ устраненіи нищенства, то прежде всѣхъ землею надѣляли бѣдныхъ, а потомъ уже давали ее богатымъ. Но эта мѣра не пережила своего основателя и дѣйствіе ея прекратилось послѣ смерти Сяо-вынь-ди. Послѣ того было еще нѣсколько попытокъ въ томъ же родѣ. Въ первой половинѣ седьмого столѣтія императоръ Тхай-цзунъ ввелъ уложеніе о надѣленіи крестьянъ подушными и потомственными землями. «Бѣднымъ и отправляющимъ земскія повинности давали землю прежде другихъ. Но не въ продолжительномъ времени тотъ же государь принужденъ былъ уничтожить свой законъ». Въ 954 году еще государь Ши-цзунъ пытался ввести уравнительное раздѣленіе земель, но землевладѣльцы сильно воспротивились его установленію. Такимъ образомъ, — замѣчаетъ отецъ Іакинѣзъ, — въ продолженіи десяти вѣковъ всѣ усилія правительства утвердить ограничивающій законъ были тщетны. Почему домъ Гинь, вступившій на престолъ имперїи въ 1115 году, произвелъ только измѣненіе зе-

мель и опредѣлилъ поземельный налогъ по качествамъ почвы, не входя въ разборъ, кто владѣлъ землями (стр. 104). Около полъ-вѣка до этого послѣдняго постановленія совершилось явленіе, само-по-себѣ очень интересное въ исторіи соціальнаго движенія въ Китаѣ. Я имѣю въ виду попытку реформы со стороны Вангъ-нганъ-шэ, государственнаго человѣка, достигшаго почти неограниченной власти, сдѣлавшагося самымъ приближеннымъ лицомъ императора Шенъ-цунга. Умный, образованный, краснорѣчивый, Вангъ-нганъ-шэ умѣлъ придать вѣсъ каждому своему слову и вербовать партизановъ въ свой лагерь. Но въ то же время онъ былъ крайне честолюбивъ и считалъ всѣ средства законными, когда дѣло шло объ исполненіи его намѣреній; человѣкъ гордый и полный чувства собственнаго достоинства, онъ относился съ уваженіемъ только къ тѣмъ, кто раздѣлялъ его взгляды ¹⁾. Добившись власти, онъ возстановилъ бывшія еще во времена династіи Чжеу учрежденія для контроля надъ торговыми сдѣлками, для назначенія таксъ въ широкихъ размѣрахъ и пошлинь, которыя взымались только съ богатыхъ. Деньги, выручаемыя изъ этого источника, шли въ сохранную кассу императора, который распредѣлялъ ихъ между безпомощными стариками, бѣдными, рабочими, не имѣвшими работы и пр. Кромѣ того, Вангъ-нганъ-шэ учредилъ особыя инстанціи, на которыхъ лежала обязанность распредѣлять сѣмена для засѣванія пустопорожнихъ земель и раздавать эти земли поселянамъ, съ условіемъ, чтобы послѣдніе возвращали въ видѣ сѣмянъ или другихъ продуктовъ стоимость выданныхъ имъ цѣнностей. Для того же, чтобы всѣ земли въ государствахъ приносили доходъ, смотря по ихъ качеству, чиновники этого учрежденія рѣшали, какими именно сортами растений слѣдовало засѣвать данную землю и сообразно съ этимъ они выдавали сѣмена, которыя должны были быть возвращаемы только по снятіи жатвы. Эти реформы вызвали уже нѣкоторое неудовольствіе въ имперіи, но оно приняло серьезныя размѣры, когда Вангъ-нганъ-шэ измѣнилъ форму экзаменовъ и для объясненія кингъ (пяти священныхъ книгъ) велѣлъ принять написанные имъ самимъ комментаріи, а для объясненія знаковъ—держаться смысла, приданнаго имъ въ составленномъ имъ всеобщемъ словарѣ. Противъ этихъ нововведеній поднялась цѣлая буря со стороны министровъ, мандариновъ и прочихъ сильныхъ людей; но ничто не могло поколебать довѣрія со стороны императора и умалить власти,

¹⁾ Такимъ изображаетъ его Амю въ *Mémoires concernant les Chinois*. Т. X, 1784, стр. 33.

которой пользовался Вангъ-нганъ-шэ. Послѣдній настойчиво преслѣдовалъ свои планы реформъ и съ этой цѣлью удалилъ многихъ сановниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отправилъ въ ссылку; вмѣсто нихъ, онъ выдвинулъ своихъ приверженцевъ, болѣе частью людей совершенно новыхъ на служебномъ поприщѣ. Такъ шло дѣло до смерти Шень-цунга. Послѣ него реакція немедленно восторжествовала: императрица-регентша вполне довѣрилась одному изъ самыхъ энергическихъ и талантливыхъ противниковъ реформъ прежняго царствованія — знаменитому писателю Ссэ-ма-куангу, который въ короткое время разрушилъ неупрочившіяся еще нововведенія Вангъ-нганъ-шэ. Смѣщенные и сосланные чиновники снова вернулись на свои мѣста, и дѣла вошли въ свою прежнюю колею ¹⁾.

Выводъ, къ которому приводитъ сообщенное въ главныхъ чертахъ изслѣдованіе о борьбѣ за существованіе въ человѣчествѣ, имѣетъ, особенно съ перваго взгляда, много общаго съ извѣстнымъ положеніемъ Бокля, что въ дѣлѣ цивилизаціи рѣшающимъ и главнымъ моментомъ является всегда интеллектуальное развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, подходя къ вопросу съ двухъ сторонъ, мы должны были убѣдиться, что роль нравственного момента въ борьбѣ за существованіе несравненно ограниченнѣе и подчиненнѣе, нежели умственного. На это прямо указываютъ и факты человѣческой борьбы, и соображенія о непрочности этическихъ основаній.—Этотъ второй аргументъ діаметрально противоположенъ главному доказательству, приводимому Боклемъ въ пользу его положенія. Доказательство это, какъ, конечно, помнить читатель, состоитъ въ признаніи за нравственными началами полной неподвижности. Противъ этого возстали историки нравственности и вообще цѣлая плея писателей, доказавшихъ вполне, что нравственные начала различны у различныхъ народовъ и что если нѣкоторые наиболѣе элементарныя нравственные положенія и неподвижны, то этого нискоимъ образомъ нельзя распространять на всю мораль вообще. «Дѣлать добро другимъ, жертвовать для ихъ пользы своими желаніями и т. д.,—говоритъ Бокль,—въ этомъ и немногъ другомъ состоятъ существенныя начала нравственности, но они были извѣстны много тысячъ лѣтъ тому назадъ и ни одной йоты, ни одного параграфа не прибавили къ

¹⁾ Въ высшей степени интересное изложеніе этихъ событій находится у Амю, къ которому я и отсылаю читателя. Я не считъ уместнымъ останавливаться подробнѣе на этой страницѣ китайской соціальной исторіи, такъ какъ это не соответствовало бы общему характеру статьи.

нимъ всё проповѣди, поученія и афоризмы, какіе только могли произвести теологи-моралисты» (I, 135). Но развѣ рѣшеніе вопроса о томъ, кто эти «другіе», которымъ нужно дѣлать добро, не составляетъ подвижного элемента въ морали и точно все равно, будемъ ли мы распространять добро только на своихъ соплеменниковъ, или же и на чужихъ людей, на представителей другого народа, другой расы и, наконецъ, на животныхъ? Слѣдовательно, развитіе нравственнаго чувства есть фактъ, замѣтный какъ въ исторіи народовъ, такъ и въ исторіи отдѣльныхъ людей. Невѣрно также, будто въ историческомъ процессѣ цивилизаціи не замѣтно вліяніе нравственнаго момента. Если бы Бокль взялъ примѣръ изъ области литературы, искусства и чистой науки, то онъ увидѣлъ бы, какимъ двигателемъ являлось въ нихъ нравственное чувство. Съ этой стороны ему также были приведены довольно вѣскія возраженія.—Различіе между основнымъ положеніемъ Бокля и главнымъ выводомъ, вытекающимъ изъ представленнаго читателю матеріала, заключается въ томъ, что ограниченную роль нравственнаго момента слѣдуетъ признать только какъ орудіе побѣдности въ дѣлѣ борьбы за существованіе, которая въ крупныхъ формахъ выражается въ видѣ промышленной конкуренціи и соперничества народовъ, а не во всемъ процессѣ цивилизаціи. Литература и искусство, составляющія столь существенную сторону цивилизаціи и такъ тѣсно связанныя съ нравственнымъ развитіемъ, отступаютъ на задній планъ въ обыкновенныхъ формахъ борьбы за существованіе. Отсюда понятно, что народы, крайне неразвитые съ этихъ точекъ зрѣнія, могутъ оказаться несравненно сильнѣе, чѣмъ народы, стоящіе гораздо выше ихъ въ этомъ отношеніи.—Мы приходимъ такимъ образомъ къ необходимости расчленивъ то сложное цѣлое, которое называется цивилизаціей, на двѣ большія группы, слѣдуя въ этомъ отношеніи Гизо. «Въ цивилизаціи,—говоритъ онъ,—заключены два главные факта,—она существуетъ при двухъ условіяхъ и обуславливается двумя признаками: развитіемъ общественной дѣятельности и развитіемъ дѣятельности личной, прогрессомъ общества и прогрессомъ человѣка»¹⁾. Первый изъ этихъ элементовъ обнимаетъ собою гражданина, и экономическое развитіе и вообще то, что называютъ часто терминомъ «матеріальная культура»; второй же заключаетъ «развитіе жизни индивидуальной, внутренней, развитіе самого человѣка, его способностей, чувствъ, идей» и выражается въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Хотя Гизо и указываетъ на то, что есть «много го-

¹⁾ Исторія цивилизаціи въ Европѣ. Переводъ Арсеньева. Стр. 16.

сударствъ, гдѣ благосостояніе растетъ быстрѣе и лучше распредѣляется между гражданами, и гдѣ между тѣмъ цивилизація находится на низшей степени развитія, нежели въ другихъ государствахъ, не такъ богато надѣленныхъ собственно въ социальномъ отношеніи», тѣмъ не менѣе онъ строго держится принципа, что оба составные элемента цивилизаціи неразрывно связаны между собою. Предполагаемая неразрывность этой связи опровергается приведенными выше фактами существованія народовъ, крайне сильныхъ въ борьбѣ за существованіе, какъ, на примѣръ, янки, китайцы, малайцы, и въ то же время стоящихъ не высоко ни въ дѣлѣ нравственности, ни въ дѣлѣ искусства, литературы и науки. Первенствующее положеніе эллиновъ въ этихъ высшихъ областяхъ цивилизаціи не сдѣлало ихъ живучими и не дало имъ силы пережить неизмѣримо ниже стоящихъ китайцевъ, также точно, какъ неразвитость послѣднихъ съ этихъ точекъ зрѣнія не помѣшала имъ сдѣлаться сильнѣйшимъ народомъ въ борьбѣ за существованіе, надолго пережить греческую и римскую цивилизаціи и занять отчасти даже угрожающее положеніе по отношенію къ современному европейскому міру. Рацель и другіе писатели о китайцахъ много разъ ссылаются на отсутствіе у этого народа «идеальныхъ стремленій», но именно это отсутствіе, замѣняемое удивительною практичностью, послужило имъ не во вредъ, а въ пользу на аренѣ борьбы.

И. Л. Мечниковъ.

ПОСЛѢДНІЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ П.-Ж. ПРУДОНА.

ХІІ *).

Побѣды французской арміи, какъ мы сказали, не особенно воодушевляли Прудона: онъ высчитываетъ потери людьми и деньгами—въ письмѣ къ Гувернѣ, отъ 1-го іюля—и не уступаетъ ничего изъ своихъ взглядовъ, въ увѣренности, что событія оправдаютъ ихъ. Работая надъ своимъ политическимъ этюдомъ, Прудонъ, по привычкѣ прежнихъ лѣтъ, заноситъ въ письма къ пріятелямъ всѣ главные выводы, повторяя одну мысль нѣсколько разъ, въ различныхъ письмахъ. Въ личной своей судьбѣ онъ не предвидитъ пока ничего новаго, и въ письмѣ къ Шарлю Белю, отъ 20-го іюля, говоритъ, что рѣшился твердо вернуться во Францію *только со свободой*. Но на эту свободу у него тогда не было надежды, прежде чѣмъ не рухнуть Наполеоновскіе порядки. Прошелъ мѣсяцъ. Въ Парижѣ была объявлена амнистія по всѣмъ политическимъ проступкамъ и преступленіямъ. Прудонъ прочелъ въ газетѣ «Nord» свое имя въ числѣ лицъ, на которыхъ амнистія будто бы распространилась. Онъ принялъ это извѣстіе за чистую монету нѣсколько торопливо, и пишетъ въ

*) См. выше: іюль, 163 стр.

Гувернэ, отъ 20-го августа, что намѣренъ тотчасъ же вернуться во Францію,—даетъ ему даже хозяйственное порученіе, на-счетъ найма прежней ихъ квартиры, и находитъ, что ему не выгодно соглашаться на редижированіе журнала въ Брюсселѣ, которое ему только-что передъ тѣмъ предлагали. Фактъ амнистіи Прудонъ и въ слѣдующіе затѣмъ дни принимаетъ, какъ нѣчто положительное. Онъ говоритъ: «Не знаю, право, что придумать объ этой амнистіи, удивившей всѣхъ такъ же, какъ виллафранкскій миръ. Есть ли это расчетъ—или фантазія? Быть можетъ, нашъ великодушный императоръ пожелалъ соединить героизмъ Цезаря съ милосердіемъ Августа; быть можетъ, также, хотѣлъ погладить по головкѣ демократію, которая своими криками была такъ полезна, предпріятію въ Ломбардіи и можетъ оказаться еще полезнѣе, если дѣло осложнится? Всего можно ждать отъ пустой головы. Но, какъ бы то ни было, надо воздерживаться отъ всякой демонстраціи противъ человѣка и режима: только бы моя совѣсть и свобода мысли остались неприкосновенными, я легко поплыву за общественнымъ мнѣніемъ, — и такъ какъ мнѣ отворяютъ двери, то я и войду, не воображая вовсе, что въ состояніи буду разбудить Францію отъ летаргіи: вѣдь и оставаясь за границей, я не имѣлъ бы претензіи держать въ рукахъ свѣтильникъ французской мысли. Прежде всего, не будемъ поддаваться обману ни нашего собственнаго тщеславія, ни макіавелизма другихъ лицъ».

Предполагаемая перемѣна въ его судьбѣ не мѣшаетъ ему отдаваться умомъ политическому интересу минуты и, въ томъ же письмѣ, обсуждать тогдашній моментъ съ своей точки зрѣнія. Но черезъ день Прудонъ уже увидать ошибку, въ какую ввела его газета «Nord». Въ официальномъ «Мониторѣ» онъ нашелъ, что амнистія не распространяется на людей, *осужденныхъ по процессамъ печати*. Тотчасъ же пишетъ онъ объ этомъ Гувернэ, отъ 24-го августа, и, вслѣдъ за тѣмъ, извѣщаетъ на ту же тему остальныхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, — сначала братьевъ Гарнье, а потомъ Альфреда Даримона, который, повидимому, предложилъ ему хлопотать въ Парижѣ, чтобъ амнистія была распространена и на него. Онъ соглашается на то, чтобъ появилось письмо въ «Мониторѣ», гдѣ, не называя его по имени, Даримонъ поставилъ бы вопросъ о существѣ процессовъ печати, которые съ 1852 года были отнесены къ обыкновеннымъ преступленіямъ, судимымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Прудона осудили за его послѣднюю книгу, мотивируя приговоръ оскорбленіемъ *религіозной и общественной морали*, между тѣмъ

какъ весь процессъ былъ исключительно политическаго характера; но формально доказывать это онъ не считалъ возможнымъ при тогдашнемъ настроеніи французской магистратуры. Съ 1-го сентября онъ уже пишетъ Гуверну: «теперь дѣло ясно, — я исключенъ изъ амнистіи», и тотчасъ же онъ даетъ ему разные порученія, не расплываясь нисколько въ сѣтованіяхъ и огорченныхъ возгласахъ. Мало того, въ тотъ же день пишетъ онъ дѣловое письмо къ братьямъ Гарнье о предполагаемой имъ серіи брошюръ, извѣщая, что больше двѣнадцати этюдовъ онъ уже заготовилъ. Только въ письмѣ къ Феликсу Делассу, отъ 7-го сентября, говоритъ онъ съ нѣкоторымъ личнымъ чувствомъ о той придиркѣ, съ помощью которой магистратура не допустила его возвращенія во Францію. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оправдывается передъ своимъ корреспондентомъ (по всѣмъ признакамъ, — бельгійцемъ) въ томъ быстромъ желаніи вернуться въ Парижъ, какое овладѣло имъ при полученіи фальшиваго извѣстія объ амнистіи:

«У меня нѣтъ, — говоритъ онъ, — обезпеченныхъ средствъ къ существованію, какъ у многихъ другихъ, которымъ ничего не стѣбитъ отказаться отъ амнистіи. Надо по необходимости, чтобъ я, служа принципу *справедливости*, извлекалъ изъ этого служенія немного денегъ, — а какая среда даетъ мнѣ всего больше ресурсовъ? Это — Парижъ. Болѣе того: если я желаю служить дѣлу общей свободы, французской эмансипаціи, — опять-таки мнѣ слѣдуетъ отправиться къ своимъ, еслибъ даже положеніе было въ сто разъ болѣе тяжелое и унизительное. Вѣдь нѣтъ никакого большого стоицизма въ восклицаніи: «я вернусь во Францію, когда Франція будетъ свободна!» Было бы гораздо лучше, по моему, возвратиться въ нее, какъ возвратился на родину Тимолеонъ, Тразибулъ, чтобъ добиться свободы, — или, какъ Сократъ, чтобъ просвѣщать свою страну.

«Но оставимъ эти пренія.

«Исключеніе меня изъ амнистіи побудило меня тотчасъ же принять категорическое рѣшеніе. Мою личность оттапливаютъ, съ помощью оскорбительной придирки прокурора. Нужды нѣтъ: моя мысль выйдетъ вмѣсто меня; я все-таки буду печататься въ Парижѣ. Я рѣшился сдѣлать все для того, чтобы мой трудъ появился тамъ. Когда мнѣ случится высказать что-либо очень рѣзкое, я оставляю это для Брюсселя. Я посрамлю тартюфовъ, добивавшихся моего изгнанія, и покажу пуританамъ, какъ истинный гражданинъ служить своей странѣ. Первый выпускъ моихъ трудовъ появится въ теченіи ноября, второй — къ новому году,

третій — въ февралѣ. Каждый годъ я ихъ буду выпускать отъ 5-ти до 6-ти, а потомъ мы увидимъ».

Вопросъ личной совѣсти эмигрантовъ, которая многимъ не позволяла воспользоваться амнистіей Наполеона III, Прудонъ рѣшаетъ по-своему, въ письмѣ отъ 8-го сентября: «Я понимаю, что тотъ или иной человѣкъ слишкомъ бы страдалъ въ своемъ самолюбіи, вернувшись во Францію во время царствованія Наполеона III; но это чисто-личное дѣло, — я же вижу въ имперіи не что иное, какъ императора, потому что меня лично, подъ прикрытіемъ императорской власти, гонять реакція; поэтому, я бы и не позволилъ себѣ такой глупости: оставаться дольше въ изгнаніи, въ угоду реакціи — тогда, когда ея вождь въ припадкѣ великодушія или — чего вамъ угодно — разрѣшилъ мнѣ возвратиться. Въ сущности, соперниками императора въ этомъ дѣлѣ являются сначала якобинцы, потомъ генераль Шангарнье. Поэтому, пускай они и жалуются на то, что онъ ихъ обманулъ и мистифицировалъ. Это ихъ дѣло. Но Луи-Бланъ осужденъ былъ въ Буржѣ, Шиа осужденъ по дѣлу 13-го іюня, т.-е. ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого отношенія къ Наполеону III, и я рѣшительно не понимаю ихъ протеста. Они изгнанники учредительнаго и законодательнаго собранія, которыхъ императоръ возвращаетъ на родину; — во чтѣ же они теперь выѣшиваются?»

Въ этихъ словахъ Прудона сказывается его здравый смыслъ, всегда возмущающійся личными претензіями и преувеличенной погоней за популярностью, какія видѣлъ въ демократическомъ лагерѣ. Для него, дѣйствительно, императорское правительство, *какъ правительство*, ничего не значило. Онъ очень хорошо зналъ, что съ провозглашеніемъ республики Франція будетъ переполнена его врагами, — людьми, неспособными понять его безкорыстнаго стремленія и оцѣнить ту долю истины, какая заключалась въ его трудахъ. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ такими изгнанниками, какъ Викторъ Гюго, сосредоточившій всю свою гражданскую страсть на личности Наполеона III, связавшій съ нею исторію своего изгнанничества. Конечно, Гюго выигралъ въ мнѣніи массы оттого, что дождался паденія Бонапартова режима, но его взгляды на внутреннюю свободу держались и держатся за извѣстныя фразы и символы, между тѣмъ какъ въ Прудонѣ не переставало жить настоящее здоровое чувство гражданского прогресса, не мирящагося ни съ какими чисто-внѣшними приманками. На каждое дѣло въ вопросахъ личнаго поведенія Прудонъ способенъ былъ посмотреть, прежде всего, здраво, безъ претензіи, безъ фразы. Еслибъ амнистія прямо относилась къ нему,

онъ сейчасъ бы отправился въ Парижъ. Случилось по другому; онъ мирится съ необходимостью и спокойно разсуждаетъ на тѣмъ амнистіи, показывая и въ этомъ случаѣ, что общій вопросъ всегда былъ для него дороже личнаго интереса. Отвѣчая Ланглуа, отъ 21-го сентября, онъ пишетъ:

«Что же нужно было сдѣлать, по вашему мнѣнію? Писать, дѣлать запросы, совѣтоваться? Кому, о чемъ, какимъ образомъ? Законодатель сказалъ свое слово, — остаются генеральные прокуроры, обязанные примѣнять законы. Я уже вамъ сообщилъ, каково было ихъ мнѣніе — справьтесь, если желаете.

«Конечно, я вполне увѣренъ, что еслибъ 18-го августа я сѣлъ въ вагонъ и очутился прямо въ Парижѣ, то очень бы позадумались схватить меня. Я убѣжденъ, что процессъ, затѣянный по поводу амнистіи, заставилъ бы императора уклониться отъ скандала; онъ не потерпѣлъ бы, чтобъ обрушился на чело-вѣка, возвратившагося повѣря его слову, риторизмъ толкователей закона. Я и думалъ о такой комбинаціи, исходъ которой былъ бы несомнѣненъ. Но отчего же я не остановился на ней? Судите сами:

«Конечно, никогда, въ сущности, не было болѣе политическаго приговора, какъ тотъ, который поразилъ меня. Но по формѣ дѣло выходитъ совсѣмъ иное. Я осужденъ за *оскорбленіе общества и религіозной морали*, а слова имѣютъ такую силу, что хотя преступленіе, вмѣненное мнѣ, и есть не что иное, какъ фикція, но, все-таки, оно не можетъ быть разсматриваемо какъ *преступленіе политическое*. То, что оно совершено путемъ печати, ничему не помогаетъ: ясно, что проступки печати, точно также какъ и оскорбленіе морали, не заключаютъ въ себѣ по существу ничего политическаго».

Вотъ главный его аргументъ, и онъ продолжаетъ доказывать, что, въ силу существующихъ узаконеній, нельзя иначе толковать амнистію, хотя приговоръ, произнесенный надъ нимъ, и заключалъ въ себѣ завѣдомо лживые мотивы. Что же ему оставалось дѣлать? Подавать прошеніе императору? На это онъ отвѣчаетъ, что еслибъ у него была когда-нибудь такая мысль, то онъ и не думалъ бы оставлять Францію, а попытался бы прибѣгнуть къ этому средству тотчасъ послѣ того, какъ проигралъ процессъ.

«Я отвергнулъ это средство, — говоритъ онъ дальше: — я былъ того мнѣнія, что написавши книгу *О Справедливости*, затѣявъ тяжбу съ церковью, мнѣ не прилично бы было явиться въ роли просителя; такъ я построилъ и систему дальнѣйшей защиты;

я протестовалъ противъ того, что сдѣлалось въ моемъ отсутствіи, и до сихъ поръ жду. Стало быть, я въ настоящую минуту нахожусь въ полнѣйшемъ согласіи съ самимъ собою: я охотно бы воспользовался общей амністіей и не желаю вовсе милости, компрометирующей все мое предыдущее поведеніе».

Онъ очень хорошо понимаетъ, что его друзья возмущены исключеніемъ его изъ амністіи на томъ основаніи, что онъ совершилъ проступокъ противъ общественной морали; но онъ указываетъ на примѣръ Ледрю-Роллена, который тоже не подпалъ подъ амністію на томъ основаніи, что его обвиняли въ сообществѣ въ дѣлѣ Орсини и приговорили заочно къ смертной казни, приравнявъ его мнимое преступленіе не къ числу политическихъ, а къ обыкновеннымъ. Онъ можетъ только протестовать противъ бездупнаго коварства императорской магистратуры, пожелавшей приравнять его къ самымъ гнуснымъ преступникамъ, дѣйствительно оскорблявшимъ общественную нравственность. Обращаясь къ Ланглуа, во второй половинѣ письма, онъ повторяетъ ему то же самое, что говорилъ и въ одномъ изъ писемъ къ Даримону, т.-е. предлагаетъ ему напечатать письмо въ «Мониторъ» или въ другихъ журналахъ, и поставить вопросъ такъ, какъ слѣдуетъ, пока стоить еще этимъ заниматься. И пускай «Мониторъ», какъ officialный органъ, рѣшить дѣло и разъяснить два пункта этого вопроса: 1) подходятъ или не подходятъ подъ амністію авторы философскихъ, религіозныхъ, экономическихъ произведеній, не заключающихъ въ себѣ ничего грязнаго, но осужденныхъ за посягательство на законъ, публичную и религіозную мораль и т. д.? 2) Подходятъ ли подъ нее зачинщики и исполнители заговоровъ, направленныхъ на личность государя и на безопасность государства? Изложивши все это, Прудонъ кончаетъ такой общей тирадой, гдѣ слышится глубокое убѣжденіе, свободное отъ всякой личной раздражительности и мелкой тревожности: «Любезный другъ, вы видите во всемъ этомъ прямое дѣйствіе деспотизма. Одинъ человѣкъ рѣшаетъ какъ ему угодно, но онъ самъ не знаетъ хорошенько законовъ; онъ ничего не различаетъ, онъ судитъ огуломъ; послѣ же него его агенты объясняютъ, примѣняютъ и приводятъ въ исполненіе, и выходитъ, что служить ему очень плохо. Законъ слишкомъ широкъ и судьямъ предоставлено слишкомъ много простора; вездѣ все такъ приноровлено, что власть сохраняетъ за собой наибольшій произволъ, продолжая безпрестанно издавать законы и постановленія. То же самое произошло и съ амністіей, хотя вы этого и не видите. А вниманіе публики слишкомъ слабо, совѣсть ея слишкомъ распушена, мозги разжи-

жизнь: никто не хочет ни на чемъ хорошенъко остановиться и углубиться во что-нибудь. Идеи брызжутъ какъ искры изъ-подъ кузнечнаго молотка, но никто ихъ не собираетъ, никто не приводитъ въ синтезъ, никто не думаетъ; наконецъ, нигдѣ нѣтъ на это силы. И заграницей видно то же самое, что и во Франціи: самые сильные люди поражены равнодушіемъ, а масса слабыхъ слѣдуетъ ихъ примѣру. Все опротивѣло: и амнистія, и министерскій макіавелизмъ, и протестаціи изгнанниковъ; это чувство и диктовало мнѣ письмо 27-го августа (въ этотъ день Прудонъ обратился съ письмомъ къ редактору Бельгійскаго журнала «Revue de Namur» по вопросу своей амнистіи). Бываютъ минуты, что я очень недалеко отъ полнаго отвращенія къ людямъ и народамъ. Никто не умѣетъ ни думать, ни дѣйствовать, ни выражаться: распушенность полнѣйшая! Все дѣлается кое-какъ; пришла минута смерти для правдивыхъ умовъ, для людей съ чистой совѣстью. Поэтому-то я все больше и больше удаляюсь отъ толпы, остаюсь одинокъ и ухожу въ чтеніе, размышленіе и трудъ. Книгъ у меня довольно и сюжетовъ также. Я вижу, какъ все перепуталось вокругъ меня, но вовсе не надѣюсь помочь въ чемъ либо моимъ ближнимъ. *Я рѣшительно не принадлежу къ числу людей, удобныхъ массѣ, еще менѣе правительствамъ!* «Отвѣчая пріятелю своему, итальянцу Феррари, отъ 24-го сентября, Прудонъ не желаетъ, конечно, его раздражить; но доказываетъ ему, что Италія, вопреки освободительной войнѣ, остается папскою и императорскою, и что итальянское королевство отгѣснено теперь въ глубь вѣковъ, ко временамъ остъ-готовъ, ломбардовъ, франковъ и т. д. Онъ не хочетъ согласиться и съ тѣмъ, что въ итальянскихъ массахъ происходитъ какое-нибудь серьезное броженіе, а на Кавура смотритъ онъ какъ на «большого плута, поджигающаго Европу, чтобъ избавиться отъ собственнаго банкротства».

«Я не особенно бодръ,—заканчиваетъ онъ это письмо,—но, все-таки, работаю... Я такъ копался въ книгахъ въ теченіи моей трехлѣтней тюремной неволи, что, конечно, не могу превратиться въ кретина и въ Бельгій. Боюсь одного: вліянія старости, сильно подвинувшейся впередъ».

Большое письмо къ Ланглуа отъ 27-го сентября начинается замѣчаніемъ Прудона о томъ, что онъ чувствуетъ себя съ нѣкотораго времени чрезвычайно лѣнивымъ по части корреспонденціи, что сталъ даже ненавидѣть писанье; но, не смотря на это, онъ весьма подробно разбираетъ вопросъ отношеній французскаго государства къ церкви и законы о печати, явившіеся въ разные

времена подь большимъ или меньшимъ клерикальнымъ вліаніемъ. Все это—по поводу амнистіи, подь которую ему нельзя никакъ было подойти. Онъ же успокоиваетъ своего молодого пріятеля, говоря ему, что нечего попустому горячиться, не слѣдуетъ ему ни въ какомъ случаѣ хлопотать о помилованіи, потому что этимъ онъ какъ-бы призналъ дѣйствительность и настоящую законность приговора, между тѣмъ какъ этотъ приговоръ заключалъ въ себѣ извращеніе настоящей сути дѣла.

«Просмотрите мое послѣднее письмо,—продолжаетъ онъ,—и проникинитесь вы его духомъ. Какъ я уже говорилъ вамъ, приговоръ мой вызванъ политикой; ничего не можетъ быть болѣе политическаго. Вотъ поэтому-то я и думалъ одно время, что могъ подпасть подь амнистію. Но эта проклятая политика воспользовалась, для того, чтобъ приговорить меня,—принципомъ, который я ни подь какимъ видомъ не хочу колебать, а именно, что *оскорбленіе нравственности не имѣетъ съ политикой ничего общаго*. Все, что я могу сдѣлать для своей защиты, это,—признавъ *большую* посылку,—оспаривать *меньшую*, заключающуюся въ томъ, что г. Прудонъ напалъ на религіозную нравственность; но законъ не различаетъ этихъ двухъ видовъ морали, поэтому Прудонъ виновенъ и находится внѣ амнистіи. — На что я возражаю: да, но это вы, т.-е. іезуитская имперія, произвели такое смѣшеніе двухъ понятій; это вы, ренегаты и отступники, выдали принципы 89-го г. ихъ врагамъ и т. д. и т. д. При Бурбонахъ я былъ бы, конечно, *политическимъ преступникомъ*, потому что Бурбоны ограничивались только половиной дѣла; съ вами же, врагами всякой морали и всякой свободы, я только безнравственникъ».

Поэтому, онъ еще разъ проситъ своего молодого пріятеля не волноваться больше изъ-за его амнистіи и кончаетъ такимъ практическимъ соображеніемъ:

«Въ концѣ-концовъ, не Богъ знаетъ какое несчастье: пробыть еще *четыре года* за границей, прежде чѣмъ вернуться во Францію! Займемся, друзья, менѣе серьезными вещами! Еслибъ не моя жена, чистая парижанка, которой изгнаніе совсѣмъ ужъ не на руку, еслибъ не друзья мои, не французское вино, стоящее здѣсь слишкомъ дорого, я ни одной бы копѣйки не далъ за житіе въ Парижѣ предпочтительно передъ жизнью въ Брюсселѣ, въ Кельнѣ, въ Цюрихѣ, въ Женевѣ или Туринѣ. Позаботимся о томъ, чтобъ хорошенько подготовиться къ новому появленію предъ парижской публикой. Забудемъ себя самихъ передъ этой публикой и отдадимся вполнѣ нашему святому и не-

побѣдимому дѣлу. Съ нами ничего не могутъ сдѣлать. Развѣ вы не видите, что всѣ сблизись съ пути, что правительства дѣлаются одно другого безумнѣе, а партіи пораженны еще болѣею слѣпотой? Про народныя массы я и не говорю: онѣ идутъ куда ихъ тащатъ».

И въ тотъ же день, онъ извѣщаетъ книгопродавцевъ — братьевъ Гарнье о возможности скорого своего появленія передъ парижской публикой черезъ посредство ихъ издательскаго дома. На другой день, въ письмѣ къ другу своему Бергману, онъ опять подробно разбираетъ французское законодательство по ступенямъ печати и повторяетъ почти то же, что и въ письмѣ къ Лангсуа на счетъ своего тогдашняго положенія, прибавляя, однако, что съ лѣтами дѣлается нѣсколько тяжеле и медленнѣе и не чувствуетъ больше прямого удовольствія отъ писанья. «Но, — замѣчаетъ онъ, — если лѣта не позволяютъ мнѣ придавать моему стилю ту энергію и блескъ, какіе были пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мнѣ остается дѣльность содержанія, за которую я могу постоять». Онъ даже извиняется, въ другомъ письмѣ, что его корреспонденція стала вообще слабѣть, такъ какъ онъ не можетъ уже по прежнему урывать время отъ писательскихъ трудовъ; силы у него не тѣ. И все-таки не проходитъ дня, чтобъ онъ не написалъ кому-нибудь довольно большого письма, и только болѣзнь или очень спѣшная работа производить пробѣлы, какъ, напр., двухнедѣльное отсутствіе писемъ отъ 30-го сентября до 16-го октября. Последнее сентябрьское письмо, помѣченное 30-мъ числомъ, адресовано Гюставу Шодэ и равняется цѣлой докладной запискѣ. Его тема: опять амнистія, возможность и умѣстность дальнѣйшихъ хлопотъ, а затѣмъ планъ новыхъ трудовъ и взгляды на текущую политику. Слѣдующее характерное мѣсто показываетъ, какъ умственный складъ Прудона туго поддавался общему настроенію публики во Франціи и Европѣ и какъ его своеобразный пессимизмъ привелъ всѣ взгляды и подробности къ одному публицистическому центру.

«Свѣтъ не знаетъ куда онъ идетъ, но нужно, чтобъ онъ шелъ. Маршъ, маршъ! Англійская нація, слушаясь только одного своего эгоизма, дѣлаетъ ошибку за ошибкой и, какъ всегда, обожаетъ въ Пальмерстонѣ своего злого генія. Англія первая, вопреки всякой нравственности и всякому разуму, рукоплескала 2-му декабря и признала узурпатора; она добивалась, во что бы то ни стало, восточной войны, она отказалась противопоставить свое veto ломбардской кампаніи. И вотъ она теперь варварски истребляетъ индійцевъ и готовится принудить китайцевъ

получать отъ нея опиумъ. Я сильно побаиваюсь, чтобъ судьба Англіи не кончилась такъ же, какъ и судьба Карфагена и древняго Египта. А между тѣмъ, въ этой націи есть не мало жизненной силы, патріотизма; но гордость и скупость портятъ все. Скажу даже болѣе, въ Англіи, какъ и въ Германіи, Бельгіи, Франціи, вездѣ, родъ человѣческій, какъ кажется мнѣ, пораженъ известнаго рода размягченіемъ мозга. Никто больше не думаетъ, не имѣетъ силы думать, идея производить отвращеніе, она кажется возмутительной, нарушающей всякое право; только и занимаются что музыкой, куреніемъ табаку, услажденіемъ своего грѣшнаго тѣла и свободной любовью. Журналы вполне достойны такой публики: мужчинамъ они доставляютъ пошлыя сплетни, выходящія изъ канцелярій и конторъ, гдѣ фабрикуютъ публичное остроуміе; женщинамъ — романы, поддерживающіе въ нихъ постоянный эротизмъ».

Сообщая о своемъ этюдѣ, посвященномъ вопросу войны, который онъ готовилъ въ эту минуту, Прудонъ говоритъ, что не нашелъ еще ни у древнихъ, ни у новѣйшихъ писателей даже перваго слова, разрѣшающаго вопросъ войны и мира.

«А между тѣмъ,—замѣчаетъ онъ,—война, это — исторія, политика, международное право, это — все. Какъ только будетъ отгадана ея загадка, можно будетъ все вывести и пророчествовать въ исторіи. У меня есть уже много курьезныхъ вещей, которыя произвели бы самое страшное впечатлѣніе, еслибъ онѣ были высказаны человѣкомъ, пользующимся большимъ кредитомъ, чѣмъ я. Но прежде чѣмъ обработать свою рукопись, я желалъ бы узнать кое-что, что вы можете мнѣ очень хорошо сообщить».

И тутъ Прудонъ задаетъ своему пріятелю нѣсколько вопросовъ по источникамъ международного права и спрашиваетъ его даже: какіе вообще, въ ту минуту, имѣются принципы, теоріи и доктрины? «Вы знаете,—добавляетъ онъ,— что я люблю брать вопросы съ того момента, на какомъ оставили ихъ предшественники и мнѣ хотѣлось бы знать: могу ли я считать авторовъ, прочитанныхъ мною (а выше онъ упоминалъ о классическихъ авторахъ, каковы: Гроціусъ, Вателъ, Лейбницъ, Вольфъ, Пуффендорфъ) какъ за непосредственныхъ предшественниковъ? И чтобъ лучше усвоить дѣло, я довольно хорошо изучилъ военное искусство, стратегію, тактику, фортификацію и т. д., чего ни одинъ легистъ не дѣлалъ, и за что я себя похваляю. Выкажите мнѣ ваше мнѣніе объ этихъ занятіяхъ и помогите мнѣ. Вы оказали бы большую услугу бѣдному воюющему и страждущему человечеству, и я вамъ буду за это очень признателенъ».

При обычной правдивости Прудона трудно усомниться, чтобъ онъ сталъ по-пусту хвастать своими военно-теоретическими занятіями. А если это такъ, то нельзя не изумляться той искренности, съ какой онъ отдавался каждому вопросу, той тратѣ силъ, времени и труда, съ какой онъ обрабатывалъ каждую брошюру, вызванную въ немъ текущей дѣйствительностью. Но его искренность даже съ пріятелями была часто не такъ понимаема, какъ слѣдуетъ, и въ письмѣ къ Ланглау, отъ 16-го октября, мы видимъ, что онъ долженъ возстановлять настоящій смыслъ своего предыдущаго письма, успокоить обидѣвшагося пріятеля, упрекающаго его и въ эгоизмѣ и въ надменности, и въ претензіяхъ на непогрѣшимость: все это по тому поводу, что Прудонъ гораздо спокойнѣе, дѣльнѣе и толковѣе взглянулъ на вопросъ амністіи. Надо видѣть, съ какой мягкостью, добротой и терпимостью Прудонъ обращается къ молодому человѣку, стоявшему гораздо ниже его по развитію и не имѣвшему на него никакихъ особыхъ дружественныхъ правъ. Мало того, что онъ успокоиваетъ его, но онъ беретъ снова за перо, чтобъ показать ему основательность своихъ взглядовъ: пишетъ ему цѣлую почти диссертацию, въ сжатомъ видѣ, о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественной морали и о тѣхъ ошибкахъ и умышленныхъ смѣшеніяхъ понятій, какія закралась во французское законодательство, подъ различными вліяніями. Мы очень жалѣемъ, что не можемъ, въ интересахъ экономіи мѣста, привести цѣликомъ все это длинное посланіе, показывающее, какъ Прудонъ къ каждому моменту своей мыслительной и нравственной жизни, къ каждому вопросу, задѣвающему общіе интересы, относился съ необычайной правдивостью, серьезностью и цѣльностью. Онъ понималъ также, что его молодой пріятель волновался, желая, во что бы то ни стало, добиться для него амністіи; почему онъ и не препятствуетъ ему совѣтоваться съ адвокатами и вникнуть хорошенько въ это дѣло. За себя же онъ говоритъ: «мое рѣшеніе еще больше закрѣпилось; я не вернусь никогда этимъ путемъ, т.-е. поднимая вопросъ о своей простой уголовной виновности, я положительно отказываюсь отъ всякаго подобнаго разбирательства. Оно противъ моихъ убѣжденій, противъ моей совѣсти». Онъ проситъ также Ланглау, если тотъ дѣйствительно собирается въ печати обработать вопросъ амністіи по поводу процесса Прудона, сдѣлать это по программѣ, какую онъ ему предложилъ, настаивая на томъ, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не доказывалъ, что оскорбленіе морали есть политическій

проступокъ и не приравнивалъ бы проступковъ прессы къ государственнѣмъ преступленіямъ.

Къ новому корреспонденту, еще не встрѣчавшемуся ни въ этомъ, ни въ предыдущихъ томахъ, д-ру Дюпа, Прудонъ обращается съ небольшимъ пріятельскимъ письмомъ, отъ 16-го же декабря, и такъ успокоиваетъ его на счетъ себя самого:

«Вы, конечно, правы: Франція остается до сихъ поръ вожакомъ цивилизаціи. Въ этомъ всего лучше убѣждаешься, когда попадаешь за границу. Но не бойтесь, однако, что я потерялъ діапазонъ. Вамъ извѣстны мои силы абстракціи и сосредоточенія. Въ Брюсселѣ я остался тѣмъ же, какимъ былъ когда-то въ Rue d'Enfer. Впрочемъ, вы сами это вскорѣ увидите». А въ дополненіе къ этимъ словамъ мы находимъ еще нѣсколько строкъ въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отправленномъ въ тотъ же день: «я работаю покойно и весело, хотя и нахожусь въ настоящую минуту подъ холерическимъ вліяніемъ». Тутъ же онъ жалуется Эдмону на то, что пріатели непомѣрно пристають къ нему по поводу амнистіи и хотятъ заставить надѣлать безцѣльныхъ глупостей. Но не проходитъ и десяти дней, какъ новая бѣда стряслась надъ Прудонъ. Письмо отъ 26-го октября на имя Гувеннэ начинается такой фразой: «я рожденъ на горѣ!» Только что его дочери стали немного поправляться, какъ жена опять заболѣла, да и меньшая дочь далеко еще не поправилась, такъ что Прудонъ долженъ былъ самъ ходить за больными и заниматься хозяйствомъ. А пріатели продолжали беспокоить его изъ Парижа письмами все о той же амнистіи. Онъ почти съ сердцемъ требуетъ въ письмѣ къ Даримону, отъ того же 26-го октября, чтобъ ему перестали, наконецъ, жужжать въ уши объ этой несчастной амнистіи и объявляетъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ не хочетъ доказывать, что проступки противъ общественной морали (какова бы ни была правдивость приговора) относятся къ разряду политическихъ. «Да чего вы, наконецъ, отъ меня хотите?» восклицаетъ онъ, и снова приводитъ дѣловыя доказательства того, что онъ поступалъ вполне послѣдовательно. «Полиція, прокуратура на сторожѣ»,—заключаетъ онъ. Меня не подведутъ подъ амнистію, скорѣе меня простятъ; но я самъ ничего не хочу двойственнаго въ этомъ дѣлѣ. Какъ ни сильно желаю я увидать Францію и моихъ друзей, *нѣтъ вино въ пятнадцать су*, вмѣсто здѣшняго фара, я предпочитаю лучше остаться за границей до конца моихъ дней, чѣмъ вернуться позорнымъ путемъ прощенія».

«Довольно объ этомъ,—обрѣзываетъ Прудонъ,—умоляю васъ: бросьте объ этомъ думать! Меня вовсе не пугаютъ четыре года

внѣ Франціи. Что касается до самолюбія писателя и политическаго человѣка, то я давно отъ него освободился и пускай меня забудутъ: я объ этомъ не сокрушаюсь, а если наши общіе враги радуются тому, что я удаленъ, я очень доволенъ тѣмъ, что могу доставить имъ подобное удовольствіе. Сила, правящая европейскимъ міромъ, до сихъ поръ и, быть можетъ, больше чѣмъ когда либо: съ одной стороны—стремленіе впередъ, съ другой—общественный страхъ. Гдѣ бы я ни находился, я всегда стою въ первомъ ряду революціи, но революція далеко еще не до торжества, и мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть сначала, какъ реакція пройдетъ черезъ всѣ фазисы и еще не разъ пропляшетъ свою карманьолу».

Тотъ же взглядъ на свое положеніе высказываетъ онъ и въ письмѣ къ Туринѣ, своему старому пріятелю и товарищу, отъ 7-го ноября, съ прибавкой такого соображенія, что если ему нельзя будетъ дѣйствовать въ печати какъ экономисту, политику, моралисту—онъ попробуетъ литературной критики.

Не забудемъ, что въ это время его публицистическая мысль была сильнѣе всего прикована къ вопросу мира и войны по поводу итальянской кампаніи. Въ перепискѣ съ Феррари мы продолжаемъ находить самые характерные его взгляды, которые онъ, въ то же время, развивалъ въ своихъ этюдахъ. Фрондерство Прудона въ дѣлѣ итальянскаго движенія было бы лишено послѣдовательности, еслибы онъ не взглянулъ на этотъ вопросъ съ извѣстной революціонной глубиной. Онъ продолжалъ доказывать, что, несмотря на вспышку освободительнаго движенія и на результаты кампаніи, Италія все-таки закрѣпощена императору и папѣ, и что настоящее ея освобожденіе можетъ состояться только подъ вліяніемъ такихъ революціонныхъ идей, которыми самъ Прудонъ желалъ всегда обновить государственный и социальный строй Европы. Поэтому-то національное освободительное движеніе и казалось ему фиктивнымъ, лживымъ, беспорядочнымъ. Обращаясь къ своему пріятелю—итальянцу—онъ спрашиваетъ его: что можно сказать про большинство итальянскаго народа, освободилось ли оно отъ всякаго вліянія церкви и традицій священнаго права и всего, что сколько-нибудь напоминаетъ феодальную систему? И если это рѣшительное отрицаніе уже совершилось въ итальянской совѣсти,—продолжаетъ Прудонъ,—то на какой формулѣ остановился итальянскій умъ? *Конституціонный ли онъ, или имперіалистскій, или республиканскій*, принимая эти слова въ современномъ ихъ значеніи. Стоить ли онъ за единство и централизацию или за либерализмъ? Однимъ словомъ, если Ита-

лія освободится мало-по-малу изъ-подъ давленія имперіи и церкви, чѣмъ она сдѣлается по вашему, если вообще она можетъ чѣмъ-нибудь сдѣлаться? Пойдемъ дальше, до самой сути, и скажемъ такъ: Италія можетъ ли стать чѣмъ-нибудь сама собой?» Дальнѣйшія событія дали отвѣтъ на вопросъ Прудона, хотя далеко не вполне, и его характеристика, которую мы сейчасъ увидимъ, при всей своей рѣзкости и апріоричности, заключаетъ, какъ читатель согласится, нѣсколько мѣткихъ обобщеній:

«Я думаю,—пишетъ онъ дальше,—что итальянское большинство состоитъ безразлично изъ народа, духовенства, даже буржуазіи, рабочихъ, крестьянъ; я считаю это большинство до сихъ поръ христіанскимъ и католическимъ. Я думаю, что протестантизмъ: педантичный, лицемерный, ханжеской, антиполитическій, иконоборческій—долженъ приводить въ ужасъ натуру итальянцевъ.

«Признавши это, я признаю, также какъ и вы, что итальянское большинство, даже отдѣляясь отъ папскаго и императорскаго главенства, роковымъ образомъ приходитъ все къ той же двойной категоріи.

«Я думаю, что такъ-называемая либеральная партія состоитъ лишь изъ *атеистовъ*—буржуа, изъ дѣльцовъ, изъ людей жаждущихъ власти и приобрѣтенія церковныхъ имѣній, словомъ, изъ личностей совершенно одного покроя съ буржуа Франціи, Англіи, Бельгіи, Германіи. Это такая же раса эксплуататоровъ, людоедовъ, преобладаніе которыхъ составляетъ въ XIX-мъ вѣкѣ главный источникъ порчи и повело бы къ окончательному паденію рода человѣческаго, еслибы не мѣшали этому люди революціи!

«Поэтому-то я и смотрю съ полной искренностью на *теперешнюю* эмансипацію Италіи посредствомъ Кавуровъ, Викторовъ Эммануиловъ, Бонапартовъ, сенъ-симонистовъ, разныхъ Гарибальди и Маццини, какъ на грустную мистификацію. Я объявляю, что подобный сбродъ биржевыхъ игроковъ, сводниковъ, интригановъ, публичныхъ женщинъ, авантюристовъ, безнравственныхъ и жадныхъ буржуа, на мой взглядъ, въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ добрый католіческо-императорскій народъ полуострова, чѣмъ какой-нибудь мужикъ Церковной области, искренно ставящій свѣчку своей Мадоннѣ; онъ для меня неизмѣримо почтеннѣе, чѣмъ всякій либераль школы Кавура и Гарибальди. Я полагаю, что этимъ-то (т.-е. наивной вѣрой и старыми традиціями) Италія и проявляетъ еще свою жизненность, оригинальность; этимъ-то она плодотвориѣ, почтениѣ, достойнѣ вниманія философа и государственнаго человѣка. А въ заключеніе я скажу,

что если Италія можетъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь, она достигнетъ этого лишь *окончательной* революціей, рѣшительнымъ переворотомъ во всемъ: революціей *экономической*, *правовой* и, главнѣе всего, *нравственной*. Что касается до политической, то я вамъ ее предоставляю: можете изъ нея дѣлать, что вамъ угодно».

Тутъ—весь Прудонъ. По крайней мѣрѣ, нельзя уже сказать, что онъ ничѣмъ не мотивировалъ свой пессимистическій взглядъ на тогдашнюю, а, слѣдовательно, и на теперешнюю Италію. Въ особенности возмущали его два документа: письмо Маццини къ сардинскому королю и адресъ Гарибальди къ неаполитанцамъ. Про обоихъ итальянскихъ патріотовъ онъ не стѣсняется отзываться съ явнымъ презрѣніемъ, а Гарибальди такъ прямо и называетъ *паицемъ*. Въ концѣ же, резюмируя всѣ свои филиппики, онъ пишетъ: «Могу ли я видѣть во всемъ, что вотъ уже цѣлый годъ происходитъ въ Италіи, что-нибудь иное, какъ дѣйствіе интриги, затѣянной заговорщиками, доктринерами, спекулянтами, самолюбивыми государями и министрами, совершенно запутавшимися въ своихъ дѣлахъ, и все это вопреки и въ противность настоящей, неподдѣльной національности?»

«Нужно ли теперь прибавить въ видѣ окончательнаго слова, что я нисколько не вѣрю въ дѣйствительность всего этого переполоха».

Онъ удерживаетъ своего пріятеля отъ дѣятельной роли на родинѣ и совѣтуетъ ему остаться въ Парижѣ, откуда и дѣйствовать путемъ печати.

Переходя къ своимъ личнымъ дѣламъ и рассказавъ вкратцѣ испытанія послѣднихъ мѣсяцевъ, онъ повторяетъ, что ему работаетъ вообще хорошо, и находитъ, что *отечество писателя тамъ, гдѣ его печатаютъ*.

Мы уже видѣли, что Прудонъ остановился на мысли литературной критики, если его публицистическіе труды не будутъ имѣть никакого доступа во Францію. Изъ письма къ братьямъ Гарнье, отъ 14-го ноября, оказывается, что одинъ изъ членовъ этой фамиліи, проѣздомъ черезъ Брюссель, видѣлся съ Прудономъ и передалъ ему разговоръ съ критикомъ Сентъ-Бѣвомъ, который съ удовольствіемъ говорилъ о возможности для Прудона занятій по литературной критикѣ. Братья Гарнье раздѣляли это мнѣніе, но самъ онъ, хотя ему уже и приходила та же мысль, не рѣшался еще приступить прямо къ подобной работѣ, не считая себя достаточно компетентнымъ въ литературныхъ вопросахъ. Онъ приступилъ бы къ подобной работѣ съ двумя условіями: если Сентъ-Бѣвъ поможетъ ему своими указаніями, и если его

издатель позволить ему мѣшать чисто-литературную критику съ публицистической и философской. И тутъ же онъ упоминаетъ о той массѣ матеріаловъ, которую собралъ въ теченіи десяти мѣсяцевъ, надѣясь на возможность бесѣдовать съ публикой черезъ своихъ парижскихъ издателей. Къ новому, 1860 году, онъ собирався выступить снова передъ французской публикой. О своихъ домашнихъ испытаніяхъ онъ говоритъ вскользь и только въ письмѣ къ Гувену, отъ 14-го ноября, вырываются у него слѣдующіе возгласы: «вы видите, что дьяволъ преслѣдуетъ меня. Иногда мнѣ кажется, что моя житейская роль еще не кончена, потому что я обреченъ проходить черезъ мытарства. Я и сопротивляюсь, и даю вамъ слово, что сдамся только въ минуту смерти».

Болезнь младшей дочери все еще продолжается и грозитъ перейти въ водянку головы. Прудонъ долженъ въ это время безпрестанно отрывать себя отъ занятій; а въ перепискѣ съ пріятелями отводить немного душу на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, кромѣ вопроса о своей амнистіи, которую все еще долженъ разбирать, благодаря настойчивости парижскихъ друзей, старавшихся заставить его выхлопотать себѣ возвратъ во Францію. Онъ пишетъ Бутвиллю, отъ 20-го ноября, на ту же тему и говоритъ ему, что болѣзнь, разразившаяся на его семействѣ, помѣшала ему выпустить въ свѣтъ въ концѣ текущаго года ту вещь, которой онъ желалъ бы заново зарекомендовать себя передъ французской публикой. Онъ крѣпится, но не скрываетъ, что заграничная его жизнь поддерживается одной внутренней связью съ французской интеллигенціей.

«Нечего спорить, любезный другъ,—замѣчаетъ онъ,—французская нація стоитъ всякой другой. Я это говорю и думаю теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Опытъ, черезъ какой я прошелъ за-границей, заставляетъ меня съ каждымъ днемъ все больше уважать мое отечество. Я не думаю однако же, чтобы Франція могла одна совершить дѣло революціи: въ одиночку это недоступно и ни для какой другой націи. Европа въ своей совокупности больна: буржуазія, магистратура, духовенство, правительство и дворы—все попорчено; народъ ничего не знаетъ и ничего не можетъ и уже зараженъ гангреней, идущей сверху. Революція будетъ результатомъ необходимости: ее произведетъ меньшинство всякихъ странъ и національностей. Сегодня движеніе разражается въ Италіи, завтра—въ Венгріи, послѣзавтра—въ Германіи, послѣ явится въ Англіи, почему я и смотрю на ея паденіе, какъ на дѣло неизбежное. Поэтому-то, оставаясь

французомъ, я все больше и больше склоняюсь въ сторону космополитизма. Поэтому-то главное посрамленіе Франціи въ моихъ глазахъ: не столько лишеніе свободы, сколько та пошлость, съ какою ея шовинизмъ хватается за всѣ приманки, бросаемыя ему правительствомъ. Франціи крикнуть: «ура на Англію!»—и она повторить: «ура!» ей скажутъ: «ура на австралійцевъ!»—и она будетъ кричать: «ура!» завтра науськаютъ ее на пруссаковъ, о которыхъ въ настоящее время никто и не думаетъ, и она опять завопитъ: «ура!» Наше дорогое отечество—гнусно. Такимъ оно представляется мнѣ и, откровенно говоря, я сожалѣю въ немъ объ одномъ—о моихъ старыхъ друзьяхъ».

Эта тирада можетъ показаться очень противорѣчивой, если сопоставить ея начало съ концомъ; но противорѣчіе это только кажущееся: Прудонъ хотѣлъ сказать, что и другія страны, начиная съ Бельгіи, куда онъ попалъ, не лучше Франціи, а даже хуже ея. Но и Франція черезъ-чуръ низко стоитъ въ глазахъ cadaго, кто, какъ онъ, носилъ въ своей душѣ неумирающій идеалъ гражданской правды и гармоніи.

А тѣмъ временемъ болѣзнь его дочери все развивалась. Какъ истинно чадолюбивый отецъ, описываетъ Прудонъ пріятелю своему, Гуверню, всѣ перипетіи болѣзни и даже ведетъ родъ дневника, отмѣчая малѣйшіе симптомы; его желѣзная натура начала склоняться подъ тяжестью безпрестанныхъ ударовъ.

«Въ настоящую минуту, пишетъ онъ Бутвиллю отъ 27-го ноября, я просто подавленъ, разбитъ, ошеломленъ. Вотъ уже шесть недѣль, какъ я очень мало сплю, или совсѣмъ не сплю, ничего не работаю, всѣ мои занятія стали, дѣла перепутались, публика въ это время забываетъ меня и мѣняетъ свое настроеніе, а мои идеи, казавшіяся недавно слишкомъ радикальными, старѣютъ и могутъ превратиться въ какія-то антикварныя утопіи. Но нравственное мое состояніе превосходно, только надо было-бы его поддерживать тремя или четырьмя тысячами франковъ дохода, которые бы позволили мнѣ не нуждаться постоянно въ работѣ». Къ первому декабрю, какъ видно изъ записки къ тому же Гуверню, дочь Прудона уже значительно поправилась, но онъ все еще не можетъ надѣяться на полное ея выздоровленіе. Въ большемъ письмѣ къ д-ру Кретену отъ того же 1-го декабря излагаетъ онъ свои соображенія объ этомъ болѣзненномъ процессѣ и опять какъ-бы извиняется въ томъ, что не лечилъ своей дочери гомеопатіей. Снова говоритъ онъ и объ амнистіи, оправдывая свое поведеніе, указывая на необходимость держаться одного принципа, но не запрещая нисколько друзьямъ разрабо-

татъ этотъ вопросъ въ печати и добиться отъ правительства категорическаго отвѣта: подходитъ ли г. Прудонъ подъ амністію или нѣтъ. «Ясно,—добавляетъ онъ,—что оставить нерѣшеннымъ подобный вопросъ—неблаговиднo и пошло; совершенно незаконно удалить изъ страны человѣка, имѣющаго право вернуться въ нее, если декретъ можетъ быть къ нему примѣнимъ; если же нѣтъ, то хотятъ поставить ему западню, продолжая молчать. Вотъ чего я не могу растолковать ни Ланглау, ни Даримону. Вотъ въ какомъ смыслѣ я предложилъ имъ дѣйствовать тогда, когда они горячо схватились за дѣло. Они отказались; имъ желательно добиться для меня помилованія, а я требовалъ только одного разъясненія».

Послѣдовательность и честность Прудона, не поддававшаяся никакимъ ударамъ судьбы, не позволяли ему гладить по головкѣ своихъ пріятелей, когда ихъ взгляды и мнѣнія слишкомъ расходились съ его собственными. Такъ, Шарлю Белэ онъ дѣлаетъ сильную головомойку въ письмѣ отъ 3-го декабря по поводу итальянской кампаніи и надеждъ, возбужденныхъ тогдашнимъ бонапартизмомъ.

«Два слова изъ вашего письма,—говоритъ онъ,—показываютъ мнѣ, что вашъ околотокъ со всѣмъ его населеніемъ также глупъ и простъ, какъ и всегда. Чего ему соваться судить объ экспедиціи, въ которой онъ ничего не смыслитъ, толковать о расѣ, ему непонятной, о такъ называемомъ героѣ, между тѣмъ какъ онъ просто авантюристъ, служащій интригѣ». (Читатель пойметъ, что дѣло идетъ о Гарибальди). — «Неужели такъ трудно всей этой кучкѣ вбить себѣ въ голову, что ничего подъ реакціоннымъ и деспотическимъ правительствомъ не можетъ быть дѣлаемо съ иной цѣлью, какъ развить повсюду деспотизмъ, реакцію или же служить личнымъ фантазіямъ? Неужели такъ трудно понять, что въ настоящую минуту въ Италіи эта такъ называемая національная партія состоитъ изъ интригующихъ буржуа или дворянъ, дѣйствующихъ, конечно, противъ теперешнихъ правительствъ, но не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ, что въ Парижѣ разумѣютъ подъ именемъ *демократіи*? Наконецъ, неужели такъ трудно понять и то, что тамъ, гдѣ не существуетъ свободы преній, можетъ быть распространяема одна ложь и что объ Италіи говорено до сихъ поръ, вотъ уже въ теченіи года, только то, что императорская аристократія позволяла говорить? Ваши Фобуры чистые простофили, одного сорта съ ихъ великимъ человѣкомъ—Гарибальди».

Упорный характеръ Прудона заставляетъ его относиться такъ

рѣзо къ итальянскому герою, въ которомъ онъ не видитъ пока никакихъ свойствъ, проявляющихъ истинно демократическій духъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Прудона губить излишняя систематичность мнѣній и отрѣшенность отъ живой жизни, книжникъ беретъ почти верхъ надъ наблюдателемъ. Этотъ книжникъ будетъ все больше и больше овладѣвать имъ по мѣрѣ того, какъ жизнь въ изгнаніи станетъ очерчивать вокругъ него слишкомъ тѣсный кругъ.

Конецъ филиппики Прудона изъ того же письма, обращенный на императора французовъ, гораздо замѣчательнѣе по своей рѣзкой правдѣ и оригинальности выраженій: «Вы мнѣ толкуете, что его величество не сдастся передъ епископами.—Это, просто, еще новая наивность закоренѣлаго бонапартиста, желающаго награвждать собственными идеями своего императора. Его величество, запомните это хорошенько, по слабости своей головы ни передъ кѣмъ не можетъ держать ее высоко (тутъ французскій каламбуръ: *ne tient tête à personne attendu qu'elle n'a point de tête*). Его величество по части идей взламывало только открытыя двери; у него никогда не было и никогда не будетъ другихъ рѣшеній, кромѣ принципа контръ-революціи, а то, что его величество позволить себѣ хотѣтъ, какъ выраженіе личной воли—менѣе чѣмъ ничтожно. А когда это что-нибудь—стоющее и противорѣчащее реакціонной волѣ, то его величество сейчасъ же покидаетъ это. Такъ поступило оно въ Виллафранкѣ, также поступаетъ и въ виду притязаній епископовъ, также поступаетъ оно и съ Англіей, испугавшись *veto* всей финансовой феодальной системы.

«Словомъ, его величество находится въ полной *измнѣ* противъ французскаго народа: оно отрицаетъ его традиціи, стремленія, принципы, стремится къ его заклятымъ врагамъ, къ вѣнскому Цезарю, представителю абсолютизма, къ папѣ, представителю католицизма, къ іезуитамъ, мальтузіанцамъ, ко всему, что мы ненавидимъ, не можемъ выносить, проклинаемъ во Франціи съ эпохи клятвы въ *Jeu de Raime*». И въ самомъ концѣ письма стоятъ еще слѣдующія страстные строки: «сожгите вы этотъ старый бонапартистскій идеалъ, къ которому сохранили еще слабость, подкиньте къ костру и кусочки, оставшіеся отъ идеаловъ орлеанизма и бурбонства: на здоровье, только жгите, жгите, жгите!»

Вопросъ объ амнистіи все еще не прекращается въ перепискѣ съ пріятелями, и въ письмѣ отъ 4-го декабря къ Ланглуа Прудонъ предлагаетъ черезъ посредство газетъ поставить такъ вопросъ: г. Прудонъ, приговоренный за оскорбленіе общественной

и религіозной морали, признается ли правительствомъ политическимъ преступникомъ, а следовательно, имѣетъ-ли онъ право или нѣтъ на амнистію? И опять онъ убѣждаетъ Ланглуа стать на свою точку зрѣнія и не заставлять его впадать въ непослѣдовательность, въ нелѣпость, допуская, что преступленія и проступки противъ нравственности—политическаго характера. Ланглуа долженъ былъ составить объ этомъ цѣлый мемуаръ, и Прудонъ спрашиваетъ Гувернэ въ письмѣ отъ 11-го декабря, въ какомъ положеніи находится дѣло. Онъ проситъ также Гувернэ передать младшему изъ братьевъ Гарнье письмо съ просьбой о займѣ въ тысячу франковъ и не скрываетъ той назойливой нужды, въ которую впалъ въ послѣднее время, совершенно разстроенный въ дѣлахъ цѣлымъ рядомъ болѣзней жены и дѣтей. Ему до крайности необходимо обзавестись бѣльемъ, купить вина, кое-какой мебели и заплатить за визиты докторовъ, а кромѣ того,—разбитый и немущій братъ его постоянно требуетъ денежной поддержки.

Крайняя нужда заставляетъ Прудона обратиться къ издателямъ братьямъ Гарнье, прося ихъ дать ему въ счетъ будущаго гонорара тысячу франковъ. Видно, какъ ему горько обращаться къ нимъ съ этой просьбой, и онъ даже прямо говорить, что ему стыдно распространяться о своихъ нуждахъ; но невзгоды слишкомъ тяжелы, и онъ начинаетъ находить, что ему отпущено черезъ край. Прочитывая это письмо, видишь во-очію: какъ высоко-даровитый труженикъ, не смотря на свою желѣзную энергію, не могъ даже настолько обезпечить себя, чтобъ въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній имѣть ничтожную копѣйку на черный день. А въ это время онъ долженъ былъ прочитать цѣлую массу томовъ для своего этюда о войнѣ. Каждый вопросъ Прудонъ всегда желалъ изучить какъ можно разностороннѣе, насколько позволяло ему его незнаніе языковъ. Такъ и литературу международного права поглощаетъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, о чемъ говорить пріятелю своему Шодэ въ письмѣ отъ 15-го декабря. Какъ и всегда, Прудонъ находить, что его предшественники, за исключеніемъ на этотъ разъ Гуго Гроція и отчасти Вольфа, ничего не сдѣлали мало-мальски стоящаго; а между тѣмъ Прудонъ находить, что вопросъ войны въ международномъ правѣ—грандіозный предметъ. Онъ обѣщаетъ, что покажетъ всю силу права и въ этой области, представлявшей до него сбродъ произвольныхъ положеній, нелѣпыхъ традицій и возгласовъ шовинизма. Онъ все еще вѣритъ въ то, что французская публика ждетъ отъ него новаго слова, что ему можно будетъ даже зна-

чительно улучшить свое матеріальное положеніе. Но нужда была такъ сильна, что, получивъ отъ братьевъ Гарнье вексель на тысячу франковъ, Прудонъ разражается въ благодарностяхъ, увѣряетъ ихъ, что безъ устали будутъ работать для того только, чтобъ показать имъ всю свою признательность, обѣщая въ скоромъ времени доставить манускриптъ для перваго выпуска цѣлой серіи брошюръ. Такъ какъ жена и младшая дочь въ это время выздоровѣли, то Прудонъ и могъ опять засѣсть вплотную за книги, и только переписка съ пріятелями отрываетъ его отчасти отъ этой новой усиленной работы, проданной имъ, такъ сказать, на корню. Вопросъ объ амністіи долженъ онъ снова разбирать въ письмѣ къ Ланглуа, который въ это время собирается выпустить на эту тему цѣлую брошюру въ Парижѣ. Прудонъ предлагаетъ ему свой планъ обработки и настаиваетъ на томъ, чтобъ онъ, все-таки, не смѣшивалъ проступковъ печати по оскорбленію публичной нравственности съ чисто-политическими процессами, а съ другой стороны, чтобъ онъ установилъ глубокую разницу между сочиненіями, имѣющими цѣлю дѣйствовать на чувственность читателей грязными картинками и описаніями, и такими, гдѣ развивается серьезная и убѣжденная теорія, которую въ данную минуту правосудіе страны можетъ считать вредною. Этимъ письмомъ отъ 25-го декабря и заканчивается переписка 1859 г.

XIII.

Весь истекшій годъ представлялъ, такимъ образомъ, для Прудона цѣлый рядъ непріятностей и ударовъ: процессъ, приговоръ, денежная пеня, арестъ изданія, огромныя потери труда, бѣгство, необходимость поселиться въ чужомъ городѣ, стѣсненная дѣятельность и трудность сбывать продукты своего писательства. Къ новому, 1860-му, году онъ не могъ записать на приходъ никакого дѣйствительно цѣннаго результата, въ смыслѣ обезпеченія матеріальнаго довольства, трудовой гарантіи. Но діапозонъ его переписки все-таки не падаетъ, и въ самый день 1-го января онъ спокойно разсуждаетъ о дальнѣйшихъ трудахъ, и такъ начерчиваетъ свою писательскую программу, обращаясь къ г-ну Вердо:

«Все, что было болѣе крупнаго и опаснаго, я уже сказалъ; критическій мой періодъ поконченъ: теперь мнѣ слѣдуетъ развивать мои положенія и взгляды, — по мѣрѣ того, какъ будутъ идти событія. Я предстану передъ публикой съ тѣмъ двойнымъ преимуществомъ, что въ моемъ лицѣ она найдетъ и одного изъ

самыхъ передовыхъ людей революціи, — и писателя, наиболѣе спокойнаго въ изложеніи своихъ желаній, наиболѣе безкорыстнаго по личнымъ домогательствамъ».

Программа осталась, стало-быть, въ общихъ чертахъ та же, какую онъ намѣчалъ въ теченіи предыдущаго года. Спокойствіе не оставляетъ его, и, говоря Даримопу въ письмѣ, написанномъ на другой день, все о той же безконечной амнистіи, о своемъ твердомъ намѣреніи держаться того же взгляда, онъ прибавляетъ, что амнистія его мало прельщаетъ, но что виновниковъ той неzasлуженной кары, какая была задумана противъ него, онъ всегда будетъ преслѣдовать. Съ такимъ же самообладаніемъ, хотя и съ горькимъ чувствомъ, обозрѣваетъ онъ истекшій 1859 годъ, въ письмѣ въ Морису отъ 8-го января, и не умаляетъ нисколько тяжести ударовъ, поражавшихъ его одинъ за другимъ. Съ особой бодростью говоритъ онъ, что его невзгоды похожи на болѣзнь младшей дочери: если онъ не падетъ подъ ея тяжестью — подобно тому, какъ она выздоровѣла — то «непремѣнно поднимется съ честью».

Черезъ недѣлю, т.-е. 15-го числа того же мѣсяца, пишетъ онъ въ томъ же тонѣ: «Мнѣ минетъ ровно 50 лѣтъ. Повѣрите ли, еслибъ не потеря легкости тѣла, я бы никакъ не сказалъ, что я старѣюсь. Для меня это новый опытъ: человекъ видитъ, какъ разстраивается его машина, но, въ сущности, головой и сердцемъ онъ вовсе не старѣетъ. Только глупцы, старѣясь и увеличивая свою нелѣпость, лѣнь и порочную жизнь, могутъ впадать въ старческое прозябаніе. Мнѣ это напоминаетъ то, что и вы вовсе не старѣете. У насъ тѣло изнашивается, любезный другъ, но пламя жизни, духъ — не падаютъ. Когда я былъ 20-ти лѣтъ отъ роду, я совсѣмъ не любилъ вина, а теперь я его обожаю. Вотъ и все. Но это физика, а вовсе не настоящее измѣненіе жизненности».

И въ самомъ дѣлѣ, кто бы ни заглянулъ въ дальнѣйшія письма Прудона, никакъ не повѣрилъ бы, что ихъ пишетъ человекъ, которому минуло 50 лѣтъ, въ изгнаніи, на чужбинѣ, — почти безъ копѣйки денегъ, въ постоянныхъ тяжелыхъ трудахъ: до такой степени искренно отдается онъ всѣмъ крупнымъ интересамъ минуты. Ближайшее затѣмъ письмо, отъ 11-го января, все почти посвящено политическимъ вопросамъ, и въ немъ Прудонъ съ юношескимъ негодованіемъ говоритъ о безсмыслии, по его мнѣнію, политики Наполеоновскаго правительства, которая не имѣетъ въ себѣ никакой идеи, не слѣдуетъ ни одной изъ традицій, получившихъ право гражданства во Франціи, т.-е. ни

революціонной, ни католической. Кромѣ новыхъ брошюръ и этюдовъ, онъ началъ готовить ко второму изданію свою книгу «О Справедливости», продолжаетъ переписку, горячо откликаясь на всѣ противорѣчія и безобразія императорской политики. Онъ находитъ время бесѣдовать объ итальянскомъ движеніи съ другимъ своимъ пріятелемъ Феррари, и въ письмѣ отъ 6-го февраля пространно излагаетъ ему свои идеи о федеративной будущности Италіи, возмущаясь поведеніемъ пьемонтскаго правительства, которое измѣнило своей родинѣ, уступивъ всю савойскую территорию Франціи. Это письмо даетъ еще разъ довольно ясное понятіе о томъ, почему Прудонъ такъ яростно нападалъ на тогдашнее движеніе въ Италіи. Передъ нимъ носился другой идеалъ, который дѣйствительно отвѣчаетъ гораздо болѣе историческому и культурному развитію Апеннинскаго полуострова, и такъ какъ онъ никогда не переставалъ быть врагомъ притязательнаго абсолютизма, никогда не любилъ шумихи и фразъ, съ чѣмъ бы онѣ ни были связаны, то и не могъ помириться съ тѣми противорѣчіями, какія заключались въ тогдашнемъ итальянскомъ либерализмѣ.

«Да,—пишетъ онъ,—чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ больше я нахожу, что не слѣдуетъ пока поддерживать и идею федерализма въ Италіи ежедневной полемикой... Я же, съ своей стороны, собираюсь дѣйствовать относительно Франціи въ томъ самомъ духѣ. Въ настоящую минуту французская демократія на половину побѣждена императорской политикой. Всѣ рукоплещутъ жертвѣ, принесенной его величествомъ въ видѣ папства: рукоплещутъ идеямъ *свободнаго обмѣна*, т.е. двумъ мистификаціямъ, которымъ слѣдуетъ погибнуть къ концу 1860 года.

«Со стороны власти безъ принципа, принесеніе папства въ жертву Англіи—не что иное, какъ увеличеніе общей кутерьмы, шагъ впередъ на пути къ распаденію Европы, потеря французскаго вліянія на 130 милліоновъ католиковъ—средство устранить революцію.

«Что же до свободнаго обмѣна, то я уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ повѣдалъ, что это шутовство, которое, посредствомъ принципа *laissez faire—laissez passer* и свободнаго ажіотажа, доведетъ непременно до увеличенія нищеты въ рабочемъ классѣ.

«Отвѣчаю вамъ за то, что императорское правительство дорого заплатитъ за свой минутный успѣхъ. Теперь же пускай все идетъ, какъ можетъ: обязательное молчаніе, налагаемое на Францію, не позволитъ схватиться съ актами правительства. Въ Италіи у насъ народное увлеченіе, не способное ни на какое серьез-

ное дѣло, — во Франціи же насъ давятъ полиція и преслѣдованіе прессы. Поэтому и нужно ждать».

Увѣренность въ томъ, что будущность не принадлежитъ бонапартизму, высказываетъ онъ съ новой силой въ письмѣ отъ 6-го февраля къ Шарлю Белю. То, чѣмъ онъ въ это время занимался, естественно переходитъ въ переписку, и онъ все сильнѣе и сильнѣе втягивается въ вопросъ о непослѣдовательности императорской политики, временно оттолкнувшей отъ себя католицизмъ. Онъ пользуется, какъ ловкій противникъ, такимъ переходомъ бонапартизма въ лагерь противниковъ папы и говоритъ нѣсколько позднѣе, отъ 20-го февраля, что теперь, выпуская въ свѣтъ второе изданіе своей книги «О Справедливости», онъ можетъ построить слѣдующій силлогизмъ: «если нѣтъ папы, — нѣтъ и церкви, если нѣтъ церкви, — нѣтъ религіи, а безъ религіи нѣтъ нравственности, безъ нравственности нѣтъ общества». Къ этой же эпохѣ принадлежитъ и письмо къ русскому другу Г***, которое мы, по обстоятельствамъ независимымъ, не можемъ привести здѣсь ни цѣликомъ, ни въ извлеченіи. Развитие идей по внѣшней политикѣ и международному праву идетъ у него сгесцендо, и онъ въ особенности возмущается той легкостью, тѣмъ легкомысліемъ, съ которыми Франція увлекалась результатами итальянской кампаніи. Въ письмѣ къ Шарлю Белю отъ 25-го марта есть горячая діатриба, точно-будто вылившаяся изъ-подъ пера 25-ти-лѣтняго человека, полного жизненнаго пыла:

«Его величество сдумало задѣть струну *побѣды*. И мы кичимся въ нашемъ глупомъ тщеславіи, какъ-разъ въ такой моментъ, когда дошли до послѣдняго предѣла безумія. Чему служить эти побѣды? Ровно ничему. Увеличенію территоріи? — Нисколько. Возстановленію границъ? — Не больше того. Все это старо, ретроградно, абсолютно безплодно. Это все равно, какъ еслибъ вы вернулись къ алебардамъ, щитамъ и боевымъ таранамъ. Къ счастью, все нынче проходитъ очень скоро. Послѣ воинственнаго конька, мы осѣдлали конекъ *свободнаго обмѣна*; послѣ *свободнаго обмѣна* — побѣду; послѣ побѣды, чтó у насъ остается? О, глупая раса, неблагодарная и недостойная! Обезглавить Людовика XVI, выгнать Карла X, сдѣлать изгнанникомъ Людовика-Филиппа, проклясть республику — и все затѣмъ, чтобъ пресмыкаться передъ булонскимъ авантюристомъ!»

Въ тотъ же день онъ извѣщаетъ братьевъ Гарнье, что первый выпускъ изданія его книги «О Справедливости» уже вышелъ, и спрашиваетъ ихъ на-счетъ этюда «О войнѣ и мирѣ»:

желаютъ ли они печатать его въ Парижѣ, или предоставлять ему надзоръ за изданіемъ въ Брюсселѣ?

Къ веснѣ 1860 г. въ писательскомъ положеніи Прудона не произошло ничего такого, что бы дало новый толчокъ его дѣятельности. Онъ продолжаетъ заниматься вторымъ изданіемъ своей книги «О Справедливости» и работаетъ очень много, надѣясь въ скоромъ времени занять особое мѣсто въ глазахъ международной публики, читающей по-французски. Онъ не скрываетъ того (въ письмѣ къ Шарлю Белэ отъ 7-го апрѣля), что долженъ поневолѣ мечтать о золотѣ и серебрѣ, такъ какъ обстоятельствами доведенъ до слишкомъ большой нужды. Съ положеніемъ эмигранта онъ вполнѣ помирился и ему не только не жалко Франціи (за исключеніемъ нѣсколькихъ друзей), но онъ все болѣе и болѣе возмущается состояніемъ умовъ и характеровъ на своей родинѣ; восклицаетъ даже въ концѣ того же письма, что еслибъ ему было всего 25 лѣтъ, онъ сейчасъ же переселился бы въ Америку. Но свои труды находитъ онъ всего удобнѣе выпускать въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и говорить въ письмѣ къ Бергману отъ 9-го апрѣля, что еслибъ ему удалось привить этотъ способъ бесѣды съ публикой во Франціи, онъ добился бы очень хорошихъ доходовъ. О своей жизни въ изгнаніи онъ повторяетъ изреченіе: *здѣ справедливость, тамъ и родина*. И Бергману говоритъ онъ, что пора закончить критическій періодъ и заняться подведеніемъ итоговъ; но если и въ Бельгii его постигнетъ преслѣдованіе, онъ принужденъ будетъ превратиться опять въ какого-нибудь торговаго приказчика и намекаетъ даже, что у него есть кое-что въ виду въ Англіи. Взгляды на свои 50 лѣтъ и на приближающійся конецъ жизни вырываетъ у него нѣсколько строкъ, проникнутыхъ глубокой грустью, показывающихъ, какъ эта могучая натура была уже тогда утомлена до такой степени, что и самую смерть началъ онъ ждать какъ пріятнаго успокоенія. И какъ онъ ни уходилъ въ работу, въ личные интересы, въ необходимость составить себѣ какую-нибудь собственность, все-таки гражданинъ и сынъ своей родины сказывались въ немъ, и почти въ каждомъ письмѣ вы находите горькій взглядъ на существующіе порядки во Франціи, на нравы и направленіе идей его соотечественниковъ.

Въ числѣ новыхъ корреспондентовъ Прудона является въ эту пору и критикъ Сентъ-Бѣвъ. Мы уже видѣли, какъ завязались ихъ сношенія. Сентъ-Бѣвъ прислалъ Прудону экземпляръ своего сочиненія «Исторія Поръ-Рояля». Въ отвѣтственномъ благодарственномъ письмѣ Прудонъ очень объективно относится къ этому

труду и выказываетъ очень широкую терпимость взглядовъ по религіознымъ вопросамъ, которая всегда его характеризовала. О книгѣ Сентъ-Бѣва говоритъ онъ и въ письмѣ къ Гюставу Шодэ, посланномъ въ тотъ же день—25-го апрѣля, замѣчая по поводу одной ругательной статьи, направленной на Сентъ-Бѣва, что на него нападаютъ такъ сильно потому только, что онъ присталъ въ бонапартизму, но, по мнѣнію Прудона, онъ, все-таки, стоитъ неизмѣримо выше своего «патрона», т.-е. императора. Въ умѣ Прудона происходилъ всегда такой процессъ: по вопросу, которымъ онъ въ данную минуту всего горячѣе занимался, онъ способенъ былъ доходить до парадоксальныхъ воззрѣній вслѣдствіе страстности натуры; и въ то же время ко всему остальному относился неизмѣримо спокойнѣе, послѣдовательнѣе, шире, терпимѣе. Но никогда его не покидало убѣжденіе въ правотѣ тѣхъ идей, до которыхъ онъ доработался. И въ эпоху, разбираемую нами, положеніе эмигранта заставило его еще сильнѣе опираться на свое исповѣданіе вѣры. Принужденный бесѣдовать съ международной публикой, читающей по-французски, Прудонъ незамѣтно дѣлался все больше и больше космополитомъ. Въ письмѣ къ одному изъ друзей, отъ 26-го апрѣля, онъ пишетъ слѣдующее:

«Пришла минута для всѣхъ свободныхъ людей соединиться, къ какой бы они ни принадлежали націи, какимъ бы языкомъ ни говорили. У нашихъ враговъ есть общественное богатство, военная сила, правительственный организмъ, за нихъ стоитъ высшая буржуазія и духовенство. У насъ же нѣтъ ничего, кромѣ нашихъ идей, нашего права,—за насъ однѣ рабочія массы, находящіяся, къ несчастью, въ невѣжествѣ и способныя, при случаѣ, вести себя такъ, какъ повелъ себя въ 1851 году народъ Парижа, а теперь савойскій народъ.

«Любезный другъ, мы находимся въ процессѣ *революціонной разработки*; борьба будетъ долгая,—она, вѣроятно, переживетъ насъ, но все-таки надо исполнить свой долгъ. Я рассчитываю на свою долю хорошо работать еще лѣтъ пятнадцать: этого довольно будетъ, чтобъ высказать все, что у меня лежитъ на душѣ, и принести больше пользы, чѣмъ принесъ до сихъ поръ». Увы! этому расчету суждено было осуществиться только на одну треть. Но воспримчивость ума и натуры была такъ сильна у Прудона, что ходъ событій въ Европѣ продолжалъ непосредственно вліять на него—въ чемъ онъ самъ сознается—и приводилъ къ существеннымъ измѣненіямъ въ направленіи, въ общемъ тонѣ его изслѣдованій. На эту тему говоритъ онъ Шарлю Белэ, отъ 3-го мая, высказывая съ нѣскольکو новымъ освѣщеніемъ свой отри-

цательный взглядъ на тогдашнюю Европу. При этомъ онъ позволяетъ себѣ нѣсколько общихъ соображеній и какъ-бы предсказаній, уже теперь значительно сбывшихся. — Вотъ это мѣсто:

«Кампанія въ Ломбардію дала всѣмъ толчокъ. Италія хочетъ быть единой, сдѣлаться большимъ государствомъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого для насъ: необходимость еще больше закрѣпить наши границы и пріобрѣсти двѣ маленькія провинціи; Россія этому не препятствуетъ, но задумываетъ вознаградить себя на востокѣ; Австрія сдѣлаетъ то же самое на Дунаѣ; Англія *идетъ* гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; *Пруссія сложится въ Германскую имперію.*

«Мы придемъ къ образованію пяти или шести большихъ имперій; каждая изъ нихъ поставитъ себѣ цѣлью защищать и возстановлять божественное право и эксплуатировать подлую чернь. Мелкія государства будутъ теперь пожертвованы совершенно такъ, какъ когда-то Польша.

«И не будетъ тогда въ Европѣ ни права, ни свободы, ни принциповъ, ни нравовъ. Тогда же начнется великая война шести имперій между собою.

«Но чего добивалась революція?

«Чего хотѣла республика?

«Отвратить эту эру несчастія и униженія, и обезпечить — вмѣстѣ съ правомъ, свободой, съ миромъ — плодотворную идею труда и нравственности. Преступная Европа будетъ казнена Европой вооруженной. Пускай же кара приходитъ поскорѣе и быстрѣе прочтиса!»

Въ такомъ же точно духѣ пишетъ онъ и другимъ пріятелямъ, какъ, напримѣръ, Гувернэ, отъ 3-го мая, давая имъ понятіе о томъ, что онъ развиваетъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ въ этюдѣ по международному праву. Его кабинетные труды были опять разстроены извѣстіемъ о смерти его брата, которому онъ, въ послѣдніе годы, постоянно помогалъ. Онъ обращается къ своему земляку и пріятелю Морису, прося его оградить кое-какія крохи, оставшіяся послѣ покойнаго, отъ нападенія кредиторовъ, такъ какъ самъ Морисъ былъ главный изъ этихъ кредиторовъ. Прудонъ въ этомъ письмѣ такъ же искрененъ, какъ и во всѣхъ проявленіяхъ своего прочнаго родственнаго чувства, безъ сентиментальности, безъ фразъ, но съ настоящимъ желаніемъ сдѣлать то, что можетъ. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, послѣ полученія извѣстія о смерти брата, онъ говоритъ про свое ежедневное житье-бытье другому пріятелю — Бутвиллю: весь его день наполненъ работой; онъ совсѣмъ не скучаетъ и если страдаетъ отъ

порядка дѣлъ во Франціи, то теперь вовсе не больше, чѣмъ бывало, живя въ Парижѣ. Еще разъ и съ новой силой повторяетъ онъ, что не будь у него во Франціи друзей, онъ ничего бы не сталъ жалѣть. Ему остается еще три года до срока его приговора, и онъ надѣется, что эти три года пройдутъ какъ три дня. Другой бы, конечно, на его мѣстѣ не преминулъ и порисоваться, и поболтать о себѣ лишній разъ; онъ же въ письмѣ къ пріятелю посвящаетъ себѣ самому десять строкъ, а общимъ вопросамъ — нѣсколько страницъ, написанныхъ горячо и убѣжденно. А между тѣмъ денежное его положеніе было куда некрасиво, и не дальше какъ черезъ десять дней, отъ 13-го іюня, онъ проситъ парижскаго своего пріятеля, Шарля Белэ, ссудить ему 500 или 600 франковъ и шуточно приводить даже три стиха изъ басни:

Je vous rendrai, lui dit-elle,
Avant l'aout, foi d'animal,
Intérêt et principal...

Онъ въ это время былъ такъ бѣденъ, что долженъ былъ даже отказываться отъ пріема нефранкированныхъ писемъ, и случилось, что не принявъ письма другого своего пріятеля, предъ которымъ и извиняется. Но еслибъ развернуть 10-й томъ его корреспонденціи (къ нему относится 1860 годъ), гдѣ въ любомъ письмѣ его трактуется о политическихъ интересахъ той эпохи, то, конечно, никто бы не подумалъ, что такъ можетъ бесѣдовать въ своихъ интимныхъ письмахъ человѣкъ, до такой степени необезпеченный въ своихъ средствахъ. Отчаиваться вообще не было въ натурѣ Прудона. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что чрезъ каждыя три-четыре письма мы находимъ гдѣ-нибудь тирады съ ободрительными соображеніями и надеждами. Такъ и въ письмѣ отъ 2-го іюля, къ г-ну Пенэ, онъ все еще надѣется извлечь матеріальную выгоду изъ своихъ новыхъ трудовъ, и тутъ же прибавляетъ, что единственная вещь гложетъ его, это — нравственное разложеніе, какое онъ замѣчаетъ во французской націи. Онъ возмущается даже тѣмъ, что 2,000 пѣвцовъ-орфеонистовъ отправились изъ Парижа въ Лондонъ распѣвать и давать праздники. «Развѣ въ этой расѣ, — восклицаетъ онъ, — есть хотя какое-нибудь ядро гражданина?» А тѣмъ временемъ его личныя надежды сбывались очень плохо. Онъ убѣждался, что иностраннаго рынка для его сочиненій недостаточно, о чемъ и говорить въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 23-го іюля. Ему необходимо было явиться опять передъ французской публикой въ Парижѣ, но его издатели, братья Гарнье, были такъ напуганы императорской прокурату-

рой и полиціей, что отказывались издать у себя что-либо, исходящее изъ-подъ его пера. Поэтому онъ и долженъ былъ обратиться къ Шодэ съ вопросомъ: можно ли будетъ напечатать книгу, не прибѣгая къ издательской фирмѣ, и какія на это еще есть узаконенія? Къ самимъ же братьямъ Гарнье онъ пишетъ особое письмо и, съ нѣкоторой горечью, показываетъ имъ, что на нихъ какъ-бы лежала нравственная обязанность издать то, надъ чѣмъ онъ началъ работать, прежде чѣмъ они ему дали мысль заняться болѣе безопасной литературной критикой, по совету Сентъ-Бѣва. Онъ имъ предложилъ даже такую комбинацію: подвергнуть рукопись просмотру лица, которому они вполне довѣряютъ. Они на это согласились, и выбрали адвоката Аллу. Прудонъ, въ письмѣ отъ 4-го августа, принимаетъ этотъ видъ цензуры, и дѣло устроилось такъ, что онъ будетъ получать изъ Парижа корректуры, дѣлать поправки—и потомъ уже отдавать ихъ на просмотръ. Объ этой комбинаціи сообщаетъ онъ Шодэ, отъ 22-го августа, благодаря его за мысль присоединиться къ Аллу, въ качествѣ второго цензора. Въ тотъ же день пишетъ онъ и братьямъ Гарнье благодарственное письмо; но сообщаетъ имъ, что встрѣтилась новая помѣха къ немедленному печатанію его этюдовъ, и уже помѣха съ его стороны. Пока онъ съ ними переписывался, совѣтъ кантона *Вó*, въ Швейцаріи, объявилъ конкурсъ на сочиненіе о налогахъ. Конкурсъ этотъ открытъ былъ до 17-го сентября,—и Прудонъ рѣшился писать; но онъ успокоиваетъ своихъ издателей, говоря, что чрезъ три недѣли онъ опять къ ихъ услугамъ. Уже въ одномъ письмѣ отъ 10-го сентября рѣчь идетъ объ этомъ сочиненіи на конкурсъ. Прудонъ рассчитываетъ, если оно удостоится преміи, напечатать его въ Брюсселѣ, а потомъ распространять во Франціи; но желаетъ предварительно еще разъ пересмотрѣть его, такъ какъ многое изъ того, что онъ говорилъ, имѣя въ виду своихъ швейцарскихъ судей, не прошло бы передъ императорской полиціей.

Безъ мелкаго авторскаго тщеславія, но съ чувствомъ нѣкотораго нравственнаго удовлетворенія сообщаетъ Прудонъ Бергману отъ 15-го сентября, что его книгу «О Справедливости» начинаютъ переводить на разные европейскіе языки, что ее читаютъ даже въ Россіи и Сибири, поэтому онъ и выражаетъ старому своему другу надежду въ скоромъ времени улучшить свое положеніе, до такой степени скомпрометтированное въ послѣдніе два года. Кромѣ новыхъ вещей, какія онъ въ это время готовилъ, и 2-го изданія книги «О Справедливости», Прудонъ собирался участвовать въ редакціи какого-то новаго бельгійскаго ежемѣсячнаго

журнала, о чемъ впервые сообщаетъ Матёю отъ 18-го сентября, указывая опять съ удовольствіемъ на тотъ фактъ, что даже въ Сибири читаютъ его книги: къ нему являлся какой-то русскій офицеръ съ выраженіемъ сочувствія разныхъ его читателей въ г. Томскѣ. Въ это же самое время посѣтилъ его изъ Парижа пріятель Шодэ, съ которымъ у него установились вполне прочныя отношенія, не прекращавшіяся до смерти. Видно также изъ письма къ Белэ, отправленнаго въ тотъ же день, что работа по 2-му изданію книги «О Справедливости» начинается тяготить его. А изъ Лозанны онъ еще не имѣетъ никакого отвѣта по сочиненію, представленному имъ на конкурсъ. И позднѣе пишетъ онъ Морису отъ 7-го октября, что какъ только получится рѣшеніе конкурсныхъ судей, онъ пересмотритъ свой этюдъ и пошлетъ въ Парижъ къ братьямъ Гарнье, надѣясь, что они съумѣютъ извлечь въ его пользу нѣсколько банковыхъ билетовъ. Черезъ недѣлю онъ уже разсчитываетъ очень скоро покончить съ вторымъ изданіемъ книги «О Справедливости» и говорить въ письмѣ къ Гувернэ отъ 14-го октября, что этотъ трудъ пришелся ему чрезвычайно дорого, но онъ все-таки еще надѣется, что книга будетъ со временемъ продаваться во Франціи. Въ концѣ октября послалъ онъ свою рукопись въ Парижъ къ братьямъ Гарнье, и проситъ Шодэ отъ 27-го числа приступить вмѣстѣ съ адвокатомъ Аллу, избраннымъ отъ братьевъ Гарнье, къ просмотру и цензорскимъ пометкамъ. «Поймите,—пишетъ онъ,—что вы будете не цензурировать только, а спасать эту вещь. Дѣло идетъ о моемъ новомъ появленіи передъ французской публикой, такъ какъ книгу «О Справедливости» нечего и считать. Стало-быть, тутъ сидитъ моя будущность, жизнь, мысль, душа: все это я вамъ поручаю. *In manus tuas commendo spiritum meum*». Въ томъ же письмѣ онъ хвалитъ направленіе журнала «*Courrier du dimanche*», въ которомъ Шодэ принималъ участіе въ качествѣ одного изъ главныхъ редакторовъ. Посылая свою рукопись въ Парижъ, онъ поручаетъ ее также попеченіямъ пріятеля своего Гувернэ, прося его передать манускриптъ въ руки старшему брату Гарнье и боится, чтобъ рукопись не провалялась зря и, пожалуй, не затерялась бы, такъ какъ у него не было второго экземпляра. А изъ Лозанны онъ не получилъ еще отвѣта и къ концу октября, что видно изъ письма къ Шарлю Белэ отъ того же 27-го числа. И только-что онъ отправилъ рукопись въ Парижъ, какъ пишетъ Морису, что черезъ полгода можетъ выпустить еще четыре такихъ этюда.

Вводя, по необходимости, въ свою переписку личные заботы,

Прудонъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ развити тому или другому изъ своихъ друзей и пріятелей цѣлый рядъ соображеній, проникнутыхъ все тѣмъ же отрицательнымъ взглядомъ на тогдашній режимъ лживаго либерализма, въ который сталъ облекаться бонапартизмъ. Только онъ измѣняетъ свою точку зрѣнія на общее движеніе въ Европѣ, говоря въ письмѣ къ г. Деларажасъ отъ 28-го октября, что нужно всѣми силами поддерживать это внѣшнее движеніе, которое, быть можетъ, дастъ толчокъ и Франціи, приходящей въ совершенный нравственно-политическій маразмъ. Всего рельефнѣе выражаются его тогдашніе взгляды на культуру и политическое положеніе Франціи въ письмѣ къ Матею отъ 29-го октября, откуда мы возьмемъ большой отрывокъ:

«Не хотѣлось бы мнѣ показывать вамъ слишкомъ мрачную картину современнаго общества, но нужно же разъ навсегда заявить, какъ я смотрю на теперешній порядокъ вещей.

«При Людовикѣ-Филиппѣ уже началось общественное разложеніе, и философскіе умы не могли больше сомнѣваться въ томъ, что пришла пора для огромной социальной революціи. Но оппозиція, возбуждаемая правительствомъ и Гизо, потомъ блескъ февральскихъ событій нѣсколько отвели глаза. Можно было тогда еще вѣрить тому, что въ націи живетъ нѣкоторая доля жизненной энергіи. Доказательствомъ служила даже реакція къ социализму. Государственный переворотъ можно было очень легко предвидѣть, почему онъ въ извѣстной степени и былъ объяснимъ, но теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что цивилизація находится дѣйствительно въ состояніи кризиса, и подобный ему кризисъ находимъ мы въ тотъ періодъ исторіи, который предшествовалъ появленію христіанства. Всѣ традиціи износились, всѣ вѣрованія исчезли; взаимнѣ того нѣтъ никакой новой программы, т.-е. я хочу сказать, что въ сознаніе массы не вошло еще никакой программы,—отсюда и происходитъ то, что я называю *разложениемъ*. Это самый ужасный моментъ существованія общества. Все глубоко огорчаетъ честныхъ людей: и развращеніе нравственности, и торжество посредственности, и смѣшеніе правды и лжи, и ажіотажъ принциповъ, и низость страстей, и всеобщее малодушіе, и угнетеніе истины, и награды, выдаваемые лжи, распутству, шарлатанству, пороку. Недугъ этотъ заразилъ не одну Францію, онъ распространяется повсюду, такъ что въ общемъ я не нахожу, напримѣръ, чтобъ Бельгія, пользуясь всѣми возможными видами свободы, находилась, въ сущности, въ меньшемъ рабствѣ, чѣмъ Франція.

«Стало-быть, любезный другъ, мнѣ нельзя заблуждаться, и я вовсе не ожидаю скорого возрожденія въ моей странѣ — по щучьему велѣнью — свободы, уваженія правъ, общественной честности, откровенности мнѣній, добросовѣстности журналовъ, нравственности правительства, разума у буржуа и здраваго смысла у народной массы. Нѣтъ, нѣтъ, — происходитъ паденіе и на такой срокъ, какой я опредѣлить не могу. По меньшей мѣрѣ на одну или двѣ генерации. Вотъ нашъ удѣлъ. Еслибъ мнѣ было всего 30 лѣтъ, то, конечно, такой періодъ было бы интересно и пережить и изучить. Если я проживу до 80 лѣтъ, то, быть можетъ, мнѣ удастся присутствовать при концѣ всей этой перипетіи, но мнѣ уже минуло 50, я буду свидѣтелемъ одного зла, я умру среди полнаго мрака, заклеянный печатью всеобщаго неодобренія, среди соціальной гнили. Я не могу претендовать ни на какое положительное вліяніе, и *все мое самолюбіе заключается въ томъ, чтобъ честно проиграть до конца мою роль Кассандры*. Нѣсколько хорошихъ людей одобряютъ мои труды, быть можетъ, удастся сгруппировать нѣсколько умовъ, создать избранный кружокъ посреди всей этой громадной распушенности; дальше этого не идутъ мои честолюбивые замыслы. Быть можетъ, тогда только воздадутъ справедливость моему слову, если вспомнить обо мнѣ, когда настанетъ минута всеобщаго возрожденія общественной мысли, когда вернутся къ прошедшему и осмыслять его».

И далѣе, черезъ двѣ страницы, онъ изливается еще въ такой заключительной филиппикѣ:

«Французское общество похоже на домъ въ развалинахъ. Чтобъ его поправить, надобенъ даровитый инженеръ; а теперь употребляютъ на это дѣло простыхъ каменщиковъ: они валятъ цѣлыя стѣны, желая перемѣнить одинъ какой-нибудь камень. Положеніе превосходное для писателя, который захочетъ освѣтить всѣ эти безобразія и освистать теперешнихъ дѣльцовъ; и я, съ своей стороны, не премину сдѣлать это».

Въ Парижѣ тѣмъ временемъ рукопись, высланная Прудонъ, начала проходить черезъ мытарства, унижательныя для него. Книгопродавцы, братья Гарнье, дѣйствуя очень трусливо, не ограничились тѣмъ, что выбрали, какъ мы уже знаемъ, адвоката Аллу въ цензоры и медлили отвѣчать Прудону. Онъ началъ бояться, какъ бы они не отдали его рукописи на полицейскій просмотръ. Эта мысль такъ возмущала его, что онъ, совершенно разстроенный, пишетъ Гувернѣ отъ 27-го ноября о томъ униженіи, какое можетъ ему предстоять.

Ни за что на свѣтѣ не желаетъ онъ подчиниться подобной

опекѣ, и въ концѣ письма говорить, что чувство унынія, отвращенія къ жизни начинается имъ овладѣвать и что, не будь у него на рукахъ двухъ малолѣтнихъ дочерей, онъ бы «охотно уступилъ свое мѣсто». Въ письмѣ къ братьямъ Гарнье, написанномъ въ тотъ же день, онъ высказывается съ неменьшей энергіей, прося ихъ не оставлять его дальше въ полной неизвѣстности, протестуя противъ отдачи своей рукописи въ полицейскія руки, предпочитая лучше сжечь всѣ свои рукописи. Также горячо говоритъ онъ объ этомъ дѣлѣ и Шодэ, отъ 2-го декабря. Предвидя, что съ братьями Гарнье дѣло не сладится, онъ проситъ Шодэ переговорить съ другимъ книгопродавцемъ, Мишелемъ Леви, и устроить печатаніе его книги. Братья Гарнье сначала пишутъ ему въ первыхъ же числахъ декабря, что рукопись найдена неопасной, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ по поводу войнъ Наполеона I-го, а потомъ извѣстили его, что ихъ совѣтникъ, г. Аллу, находитъ вообще все сочиненіе *неудобнымъ къ печати*. Прудону не оставалось теперь ничего другого, какъ просить опять Шодэ (что онъ и дѣлаетъ въ письмѣ отъ 5-го декабря) обратиться снова къ Мишелю Леви. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 12-го декабря, Прудонъ благодаритъ Шодэ за обѣщаніе приискать ему издателя, и кончаетъ заявленіемъ того, что его новый трудъ хорошъ, полезенъ, необходимъ, но въ то же время онъ охотно подчинится всѣмъ замѣчаніямъ, какія его пріятель сдѣлаетъ ему о различныхъ частностяхъ, какъ въ цензурномъ, такъ и въ общемъ смыслѣ. Братьямъ же Гарнье онъ пишетъ, что отъ страха, обуявшего ихъ, никакихъ лекарствъ нѣтъ и находитъ совѣтъ адвоката Аллу не дѣлающимъ много чести ни его познаніямъ, ни его уму. На новый совѣтъ ихъ заняться литературной критикой и прислать имъ что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ отвѣчаетъ, что ему необходима же извѣстная послѣдовательность въ трудахъ, и что не можетъ онъ прямо перескочить къ литературѣ, которою до того времени занимался мало. Письмо это кончается неожиданной просьбой одолжить ему 300 франковъ, въ виду предстоящихъ невыгодныхъ расходовъ. Онъ желаетъ, во всякомъ случаѣ, сохранить свои дѣловыя отношенія къ этому дому, упирая на то, что онъ небольшой охотникъ мѣнять пріятелей и людей, съ которыми находился въ какихъ-нибудь дѣлахъ. Письмо это — отъ 12-го декабря, а черезъ недѣлю онъ уже пишетъ Шодэ, что императорское правительство его помиловало, какъ разъ 12-го же числа, о чемъ онъ извѣщенъ черезъ посольство. Эта новость, судя по письму къ Шодэ, не особенно поразила его радостью. Въ тотъ же день пишетъ

онъ братьямъ Гарнье объ этой перемѣнѣ въ своей судьбѣ и хочетъ придать имъ больше храбрости. Тутъ уже онъ предлагаетъ имъ издать небольшую вещьцу: отвѣтъ защитникамъ свободной любви и эмансипаціи женщинъ, напавшимъ на него за извѣстную главу въ сочиненіи «О Справедливости». Видя, что и теперь, послѣ его прощенія, дѣло съ братьями Гарнье по изданію посланнаго имъ манускрипта не устранивается, онъ проситъ Шодэ, отъ 23-го декабря, передать рукопись другому пріятелю, Гуверна, для обратной высылки въ Брюссель. Онъ даже съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ее, предполагая напечатать въ Бельгіи и ввезти потомъ во Францію. Издать эту вещь предложилъ ему Шарль Белъ, но онъ еще не рѣшается воспользоваться этимъ предложеніемъ. Въ письмѣ къ нему, отъ 24-го декабря, Прудонъ говоритъ, что помилованіе совершенно измѣняетъ его положеніе и какъ человѣка, и какъ писателя, и не придирается къ тому, что его помиловали *отдельно*, а не подвели подъ общую политическую амнистію, которой не желаетъ; онъ видитъ въ этомъ актѣ правительства нѣкоторую перемѣну во взглядѣ на него, какъ бы первый шагъ къ переговорамъ. «Что же,—воскликаетъ онъ,—я принимаю это парламентарство. Я готовъ войти съ нимъ въ пренія безъ ѣдкихъ нападокъ, безъ желчи, не употребляя другого орудія, кромѣ права и истины, не имѣя другой цѣли, кромѣ ихъ торжества. Впрочемъ, отъ меня правительству и нельзя ничего ожидать. Поэтому, я принимаю его предложеніе серьезно, а черезъ шесть мѣсяцевъ мы узнаемъ, что было дѣйствительно на душѣ у императорскаго правительства. Тѣмъ хуже для него, если оно хочетъ только обмануть націю, тѣмъ лучше, если дѣйствительно оно желаетъ загладить свои прегрѣшенія». Эта тирада показываетъ, что Прудонъ, подъ вліяніемъ прощенія, нѣсколько подался, началъ смотрѣть на дѣйствія правительства Наполеона III-го — какъ на выполнение новой программы. «Что же до меня касается,—продолжаетъ онъ нѣсколько ниже,—то я подожду здѣсь послѣдняго отказа, подожду, пока мнѣ объявятъ невозможность издать мою книгу въ Парижѣ; я увѣренъ въ достоинствѣ ея, знаю, въ чемъ заключаются мои намѣренія и рѣшился не оставить ни одного двусмысленнаго слова въ моемъ текстѣ. Если же я принужденъ буду печатать здѣсь, въ Брюсселѣ, тогда вся Европа увидитъ, какова императорская терпимость и каково приниженіе всей нашей націи».

Объясненіе довольно рѣзкой перемѣны, какая произошла во взглядахъ Прудона на бонапартовъ режимъ со дня его переезда въ Бельгію, находимъ мы въ письмѣ къ его парижскому сосѣду, Реми Валладо, отъ 25-го декабря. Тутъ онъ очень откровенно

говорить, что вначалѣ, послѣ государственнаго переворота (что читатель хорошо помнитъ), онъ находился относительно императорскаго правительства въ положеніи *обязательнаго равнодушія*, такъ какъ со всѣхъ сторонъ видѣлъ ненависть, обращенную на него, сознавалъ, что старыя партіи желали бы уничтожить его, стереть съ лица земли. Поэтому, не примыкая къ бонапартизму, онъ не могъ быть особенно ему враждебенъ: онъ чувствовалъ тогда всю бесполезность и бессмысленность подобной оппозиціи. «Но мой процессъ, — пишетъ онъ, — осужденіе, отказъ принять мой мемуаръ, исключеніе меня изъ амнистіи доказали мнѣ, что со мной обращаются какъ со врагомъ, и я тогда, въ свою очередь, повелъ себя точно также». Въ гражданскомъ смыслѣ это, конечно, не особенно доблестно, но, по крайней мѣрѣ, Прудонъ выступаетъ и тутъ съ искренностью мотивовъ даже въ письмѣ къ человеку, съ которымъ онъ вовсе не связанъ дружескими узами.

Мы уже видѣли, что изгнаніе, жизнь въ Брюсселѣ были тяжелы для Прудона потому, главнымъ образомъ, что онъ не могъ печатать своихъ книгъ во Франціи, удалялся все больше и больше отъ французской публики и лишенъ былъ общества друзей; въ остальномъ онъ велъ точно такую же жизнь, какъ и въ Парижѣ. Поэтому, тотчасъ послѣ полученія извѣстія о своемъ помилованіи, онъ ни въ одномъ письмѣ не высказываетъ порывистой радости и не торопится вовсе переездомъ въ Парижъ. Ему пріятно прежде всего то, что правительство затѣяло съ нимъ *парламентерство*, какъ онъ выражается. Онъ опять напираетъ на это, въ письмѣ къ г. Ларрамá, отъ 28-го декабря, и говорить, что намѣренъ воспользоваться такимъ оборотомъ въ поведеніи правительства, готовъ занять относительно него другое положеніе, воздерживаться отъ всякихъ нападеовъ, слѣдовать добрымъ совѣтамъ осторожныхъ друзей. Отъѣздъ свой во Францію онъ откладываетъ до конца будущаго — 61 года. «Довольно того, — пишетъ онъ, — что я могу вернуться. Не все ли, въ сущности, мнѣ равно: сидѣть въ Фобурѣ, Монмартрѣ или въ Брюсселѣ?» Съ братьями Гарнье онъ продолжаетъ сноситься и убѣждаетъ ихъ дѣйствовать похрабрѣе. Время идетъ, рукопись его не печатается, а у него уже приготовлены къ печати еще три брошюры, о которыхъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Шодэ, отъ 28-го декабря. Самимъ же братьямъ Гарнье онъ пишетъ на другой день, что, несмотря на его помилованіе, онъ не вернется во Францію иначе, какъ съ военными почестями, т.-е. съ новой книгой и со вторымъ изданіемъ сочиненія «О Справедливости», опираясь на поддержку общественнаго мнѣнія и на почтительное

отношеніе къ прокуратурѣ. «Къ чему мнѣ возвратъ на родину, — спрашивается онъ, — если мои мысли остаются по-прежнему въ Парижѣ подверженными остракизму? Я во сто разъ предпочитаю лучше Бельгію, Швейцарію, Италію или Германію».

Въ самомъ концѣ 1860 года попадаетъ большое письмо Прудона въ какому-то Дюлье, который прислалъ ему экземпляръ романа изъ американской жизни. Впервые, въ теченіи всей своей многолѣтней переписки, Прудонъ имѣлъ случай высказаться о характерѣ и культурѣ сѣверо-американской націи и притомъ въ такомъ трезвомъ тонѣ, съ такими смѣлыми и вѣрными соображеніями, которыя только въ самое послѣднее время начали проникать въ западную публицистику, а также и въ нашу, послѣ того, какъ сами американцы похлопотали о разоблаченіи своихъ собственныхъ общественныхъ недуговъ, болячекъ и недостатковъ. Все это мѣсто такъ хорошо, что мы приведемъ его цѣликомъ:

«Позволительно сожалѣть о томъ, — говоритъ Прудонъ, согласившись съ авторомъ въ разныхъ хорошихъ сторонахъ американской жизни, — что американцы не всегда имѣютъ ясное сознаніе своего положенія, и что они черезъ-чуръ увлекаются иногда гордостью. Развѣ американскій народъ другой крови, чѣмъ нашъ? Нѣтъ, это сборище эмигрантовъ, явившихся изъ всѣхъ частей Старого Свѣта.

«Можетъ ли онъ назваться молодымъ? Нѣтъ, это отпрыски старой Европы, и онъ до такой степени сохранилъ всякіе предрассудки, что, послѣ удивленія политической и промышленной свободѣ Америки, чувствуешь потребность возвратиться въ Европу, чтобъ насладиться тамъ свободой ума.

«Произвелъ ли хотя какой-нибудь американецъ хотя подобіе какой-нибудь философской мысли? Нѣтъ; онъ гораздо болѣе протестантъ, гораздо болѣе церковникъ, болѣе вѣрующій, чѣмъ мы и наши отцы въ XVIII-мъ столѣтіи; вся его свобода послужила ему затѣмъ, чтобы развести безконечное количество сектъ, одна смѣшнѣе другой.

«Американецъ понимаетъ ли что-нибудь въ движеніи исторіи? Нисколько, — и доказательство видимъ мы въ томъ, что всѣ волненія тамошнихъ партій откываютъ тѣ же самыя колебанія, тѣ же самыя мысли, какія замѣчаются въ Старомъ Свѣтѣ эпохи Перикла, грековъ и римлянъ, временъ Граховъ вплоть до англичанъ и французовъ 1860 года.

«Американецъ поставилъ ли передъ собой великія задачи общественной экономіи, которыя такъ осаждаютъ текущее столѣтіе? Нисколько; напротивъ того, американцы, быть можетъ, изъ всѣхъ наро-

довъ самыя жадныя къ наживѣ, всего менѣе щекотливыя въ дѣлѣ банкротства. Одна половина этой націи библейскимъ образомъ пробавляется рабствомъ, а другая создаетъ уже себѣ пролетаріатъ.

«Словомъ, американецъ, чуждый по своей традиціи нравственному и политическому развитію Старога Свѣта, удаленный отъ этого движенія своими правами и колоніальными заботами, неимѣющій никакого другого чувства, кромѣ сознанія огромнаго богатства и независимости — начинаетъ приобрѣтать всѣ пороки, пожирающіе насъ, и онъ бы непремѣнно погрязъ все въ той же древней тинѣ общественнаго разложенія, если бы идея цивилизаціи не выработалась въ другомъ мѣстѣ, въ той помойной ямѣ разныхъ видовъ рабства, отъ котораго онъ только на половину освобожденъ, укрѣпляя въ себѣ свободу и развивая огромную трудовую силу.

«Конечно, трудовой человѣкъ долженъ быть прославленъ, и я вотъ уже 20 лѣтъ ничего иного не дѣлаю, какъ толкаю массу, среди которой рожденъ, къ тому, чтобы она дѣйствовала какъ сборище свободныхъ людей, по примѣру Америки. Но надо же сознаться, что производство богатства есть лишь основа общественнаго зданія, что этимъ не живутъ націи, что поверхъ сферы полезнаго есть другія, болѣе высокія сферы: философія, наука, искусство, право и мораль. Человѣческое достоинство можетъ обойтись и безъ богатства. Это доказала намъ школа пифагорейцевъ. Но что же такое народъ безъ философіи, безъ искусства, безъ рациональныхъ понятій о правѣ и нравственности? Вотъ это-то, какъ мнѣ кажется, и забываютъ американцы, вотъ это-то, несмотря на ихъ доллары и ихъ гордость, отодвигаетъ ихъ до сихъ поръ въ послѣдній рядъ цивилизованныхъ націй».

Также живо написано довольно большое письмо къ Бутвиллю, на другой день, на тѣму текущей политики. Прудонъ высказывается въ немъ все такимъ же радикальнымъ отрицателемъ какихъ бы то ни было двигательныхъ результатовъ европейской политики, подчиняющейся затѣямъ бонапартизма. За себя же лично онъ доволенъ тѣмъ, что можетъ вернуться во Францію, не измѣняя своему достоинству, что онъ не долженъ былъ прибѣгать ни къ какимъ просьбамъ и хлопотать объ амнистіи. Въ послѣднемъ письмѣ 1860 года, отъ 31-го декабря, оглядываясь на свою жизнь въ Брюсселѣ, онъ находитъ, что въ чужой странѣ, даже и при общности языка, нельзя уже завязать настоящихъ дружескихъ отношеній, а надо возвращаться къ своимъ первымъ привязанностямъ и связямъ. Съ этой надеждой онъ и кончаетъ годъ.

Д — В ВЪ.

ГОСПОДА ДЕПУТАТЫ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ СЪ НАТУРЫ.

I.

На отлетѣ отъ деревянной церковки села Паутиновки выглядывалъ изъ густой зелени маленький, крытый соломой, домикъ. Въ уютной комнаткѣ этого дома сидѣли за самоваромъ хозяинъ отецъ Филиппъ и его супруга Арина Петровна.

— Что ты сидишь все дома, никуда не ѣдишь, нигдѣ не служишь, — ворила матушка Арина Петровна своего супруга, отца Филиппа. — Оглянись кругомъ: кто депутатъ, кто полномочный, кто наблюдатель, кто членъ, кто конторщикъ, кто управитель. А ты присохъ къ своему приходу, какъ блинъ къ сковородѣ!

Отецъ Филиппъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ только-что вернулся пѣшкомъ изъ прихода и задумчиво сидѣлъ надъ стаканомъ жиденькаго чая. Супруги пили чай вдвоемъ, семья уѣхала въ лѣсъ за ягодами и грибами, почему Арина Петровна чувствовала полнѣйшій просторъ, чтобы высказать свои взгляды на образъ жизни своего супруга — и сравнить его жизнь съ другими.

— Выбрался бы во что-нибудь — ты хоть проѣхался бы, просушился бы на людяхъ, и себя бы показать и людей бы посмотрѣлъ, — продолжала матушка, суетясь съ камфоркой вокругъ самовара: — ты тутъ съ мужиками опалѣешь. И мнѣ ужъ надоѣлъ: пятнадцатый годъ ни съ мѣста, все вертится на глазахъ. А то бы, примѣрно, ты отъѣзжаешь, я-бъ тебя собрала, ватрушечекъ напекла, честь честью присѣли бы, помолились Богу, простились. А тамъ я ждала бы тебя, обрадовалась, повидалась, ты свѣженькій пріѣхалъ бы, а то все то же, да то же. Или меня бы съ со-

бою взялъ. Не все-то скрестъ, да мечь по дому, хорошо и на людей посмотришь. Свои-то стѣны мнѣ всѣ глаза промозолили. Такъ-то досидишься до того, что въ городѣ моста будешь бояться. Намедни подъѣзжаю съ Кондрашкой въ городу, такъ оторопь и забираетъ. Въѣхала на мостъ, солдатъ стоитъ, насилу проѣхала, такъ и думается, что будто кто тебя хватаетъ за ребра. А по городу ѣду: ну, думаю, вотъ тебя придавятъ дома высокіе. Нѣтъ-то нѣтъ осмотрѣлась, ужъ въ третьей лавкѣ очнулась, стала молочникъ торговать.

Отецъ Филиппъ все молчалъ. Облокотившись на столъ, онъ запускалъ пальцы въ густые волосы на головѣ и глубоко вздыхалъ. Матушка не переставала:

— Положимъ, мое дѣло женское, такъ и быть, а ты вѣдь досидишься до того, что на чучелу будешь походить. Ужъ былъ бы ты тюлюлой какой-нибудь, такъ и быть—сиди, а то проповѣди говоришь не писавши, выйдешь и говоришь каждое воскресенье, каждый праздникъ, народъ бѣжить къ тебѣ за советомъ день и ночь, и всѣхъ ты наставляешь: какъ скажешь, такъ и будетъ, ребятъ обучаешь читать по всѣмъ книгамъ въ три недѣли, пѣвчихъ изъ ребятъ завелъ. Хозяйствомъ не занимаешься, совсѣмъ забросилъ. Еслибъ не я, ты безо щей насидѣлся бы. Спроси у тебя добрый человекъ:—сколько убрали копенъ хлѣба? ты не скажешь. Овецъ, не знаешь сколько у тебя есть на дворѣ. А что получилъ за презрѣніе всего домашняго ради прихода? Ничего. Хотъ бы набадренничекъ повѣсили...

— Ну-ка, наливай, да покрѣпче нельзя ли, — проговорилъ отецъ Филиппъ, подавая супругѣ пустой стаканъ. — А на что тебѣ нуженъ набадренничекъ?

— Какъ на что, да помилуй, прошедшую осень хоронили генеральшу, собирали по округѣ поповъ, кто стоитъ направо, налѣво вокругъ благочиннаго, а ты пришолся въ самымъ ногамъ генеральши, послѣднимъ. А отчего?—оттого, что кто въ скуфѣ, кто набадренникъ топырить впередъ на показъ. Да развѣ ты хуже какого-нибудь отца Силантія, который въ праздникъ церковь припретъ и шатается по ярмаркѣ, подоткнувши за поясъ кнутъ. Купить жеребеночка за два пятналтынныхъ, зиму прокормить—анъ пять цѣлковыхъ. И хозяйство наблюдаетъ, и набадренничекъ добылъ. Или возьмемъ — отецъ Парфень: вѣдь ужъ какой, а нашель ходъ, въ скуфѣ даже по гумну щеголяетъ. Отецъ Филиппъ, вообще рѣдко улыбавшійся, улыбнулся и проговорилъ:

— Пусть это такъ, душа моя, да я то не хочу жить такъ.

Мою голову, мою душу награждает и покрывает моя совѣсть пока, а тамъ... я вѣрую, что за Богомъ молитва не пропадетъ. Мы съ тобою не богаты, кусокъ хлѣба имѣемъ, нужды не терпимъ, но душевно живемъ счастливѣй любого богача. Скирочки у насъ накрыты, ветчина на потолокъ есть, блиновъ, яицъ, пироговъ прихожане нанесутъ на нашу душу, на чай, на сахаръ добуду, чего тебѣ еще надо?

— Мало мнѣ твоихъ блиновъ и пироговъ, мнѣ нужна жизнь... какъ тебѣ сказать—задушевная жизнь.

— Такъ вотъ давай съ тобою работать вмѣстѣ: я буду лечить, а ты приготавливай пластырь, капли, порошки. Мы оба поможемъ страждущему человѣчеству и намъ обоимъ будетъ отрадно, что мы не даромъ тяготимъ собою землю. Ты думаешь, набадренникъ можетъ доставить тебѣ настоящее удовольствіе?—нѣтъ, ты приложи мушку къ ногѣ страдальца, онъ поздоровѣетъ, и тебѣ больше будетъ удовольствія, чѣмъ отъ набадренниковъ, хоть обвѣшайся имъ вся кругомъ.

— А когда бы я стала съ тобою работать? Оба возьмемся за пластырь, а по хозяйству кто? Я, кажется, круглый годъ такъ и сижу въ капустѣ. Тебѣ хорошо: проснешься, напьешься чаю—и пошелъ съ палочкой по приходу. Придешь, тутъ все убрано и готово, садись и кушай.

Дѣйствительно, отецъ Филиппъ совершенно не занимался своимъ домомъ и хозяйствомъ. Все это лежало на его супругѣ. А онъ, когда нѣтъ по церкви службы, съ утра отправляется въ приходъ. Придетъ въ деревню, видитъ гдѣ-нибудь у кузницы, на крыльцѣ, или просто на улицѣ стоятъ двое-трое, онъ къ нимъ: Здорово, что и какъ поживаете? Мужики расскажутъ ему про свое горе и радость. Отецъ Филиппъ утѣшитъ, посовѣтуетъ, потолкуетъ, разберетъ жалобу, наведетъ справку и проч.

Попадется ему мѣщанинъ, скупающій тряпье и надувающій деревенскихъ простяковъ, мѣнная гнилая груши на свѣжія яйца,—отецъ Филиппъ наговорится вдоволь съ нимъ. Встрѣтится ему странникъ, бродяга, офицеръ, чиновникъ-запивоха—онъ и этихъ не оставитъ безъ утѣшенія, или назиданія. А то сядетъ на завазину, къ нему соберутся бѣгающіе по улицѣ самые мелкіе ребяташки, которые очень любили его за гостинцы. Отецъ Филиппъ съ ними шутитъ, учить креститься, снимать шапки предъ старшими, причесывать голову, не рвать платье, крѣпче подвязывать оборки на лаптяхъ, чтобы не мотались. Гдѣ идетъ постройка, отецъ Филиппъ укажетъ, гдѣ сложить печку, куда вывести трубу съ форточкой. какъ перегородить избу. Провѣдаетъ больныхъ

глубокою старостію и разными болѣзнями. Какимъ пріобщить св. таинъ, какимъ дать лекарства, какимъ дать записку въ лекарю — всѣхъ утѣшить. При немъ всегда была дароносица, ящикъ съ гомеопатическими крупинками и подсолнухи, жамки, гостинцы для дѣтей. Дѣйствуя на вѣру, онъ успѣшно лечилъ своими крупинками. Словомъ, въ продолженіи всего лѣта, когда училища бываютъ закрыты, онъ, какъ ясное солнышко, блуждаетъ по своему приходу. Не всегда онъ приходилъ къ своей семьѣ обѣдать, а обѣдалъ часто на деревнѣ, гдѣ изъ уваженія къ нему старались угостить его самымъ лучшимъ блюдомъ. Къ вечеру онъ являлся домой, и глубокіе карманы его почти всегда были набиты калачами, яблоками, кренделями, а подъ мышкой пироги, другой. Онъ отказывался отъ выраженій любви прихожанъ въ видѣ головки жаренаго поросенка, куриного крылешка и подобное, но не могъ отказаться — все это несъ домой, какъ трофеи побѣдъ. Въ зимнее время онъ проводилъ въ школѣ, гдѣ, помимо обыкновенныхъ занятій, со скрипкою училъ мальчиковъ церковному пѣнію. Басомъ пѣть, по субботамъ, въ нему приходили лакеи, сапожники, кузнецы. Отецъ Филиппъ очень былъ доволенъ своимъ положеніемъ и своею профессіею, скорбѣлъ только о томъ, что въ приходѣ изстари заведено много обрядностей, которыя отвлекаютъ священника отъ существенно-полезныхъ его занятій, какъ-то: ѣздить для прочтенія молитвы надъ какимъ-нибудь ушатомъ или кадушкой съ капустою, куда попала мышь и т. п.

Арина Петровна сознавала, что мужъ ея, хотя и плохой хозяинъ, но, сравнительно съ сосѣдними священниками, которые ѣздить по приходу лишь для поборовъ, самый лучший священникъ, а награда ему нѣтъ никакихъ. Вотъ она и старалась выдвинуть его изъ темной колеи, уговаривая *выбираться* въ должности. Она завела этотъ разговоръ съ супругомъ по поводу предписанія благочиннаго, которое развозилось по уѣзду въ отсутствіе отца Филиппа, и списано матушкою: въ предписаніи говорилось о назначеніи, по желанію духовенства, времени и мѣста для баллотировки полномочнаго.

Арина Петровна передала супругу свою выписку изъ предписанія благочиннаго и настаивала на томъ, чтобы *выборка* была у нихъ въ селѣ Паутиновѣ.

— Ты напиши благочинному, — говорила она, — что предлагаю всѣмъ ночлегъ, пусть выборка будетъ у насъ. Повѣрь, всѣ прійдутъ, будутъ довольны и тебя выберутъ.

— Куда мнѣ еще выбираться, когда и вокругъ меня жатвы

много, а дѣлателей мало,—нехотя и капризно проговорилъ отецъ Филиппъ.

— Что ты такой растревоженный нынѣ?—спросила матушка. Не можешь слова сказать равнодушно.

— Не приставай ко мнѣ, меня горе беретъ, и не знаю какъ дѣлу помочь.

— Что такое?

— Помилуй, красавица Аксиныя Сверчкова умираетъ—роды тамъ какъ-то неладны. Я посылаю за акушеркой. Она не поѣхала, принимаетъ у какой-то барыни. Я посылаю мужика за докторомъ земскимъ, онъ не ѣдетъ,—говорить, въ телѣгѣ не могу. Мужикъ ему общаетъ пару цѣлевыхъ, только побѣжай, и соломы общай насрать, хоть выше головы. Докторъ сѣлъ въ коляску и ускакалъ къ кому-то. Красавица женщина погибаетъ, погибаетъ и ребенокъ въ утробѣ ея. А, быть можетъ, все дѣло въ пустякахъ; на что-жъ наука?!... Мы ѣздимъ же на рыдванахъ, въ грозу и непогоду за десять верстъ, и получаемъ за это гривну, или пирогъ...

— Объ чемъ же тутъ думать и задумываться, какой же ты чудакъ: сидеть тебѣ докторъ въ телѣгу, на солому, когда приѣхали за нимъ въ коляскѣ? Вонъ отецъ Григорій намеренъ, у праздника, хвалится своимъ сыномъ—земскимъ докторомъ: онъ, говоритъ, отъ земства получаетъ полторы тысячи и квартиру, барскій домъ съ погребамъ и конюшнями, до по визитамъ съ господъ наберетъ тысячи три. Эти доктора вовсе не для мужиковъ заведены. А акушеровъ наши бабы какъ боятся. Она, говорятъ, зарѣжетъ. Потому они являются къ мужику съ ножами, крючками, щипцами. Поговори-ка съ ними; наша Акулька говоритъ: я легче умру, а акушеркѣ не дамъся. А ты свои бредни-то выкинь изъ головы, да выберись во что-нибудь, послужи; быть можетъ, въ городъ попадешь,—тамъ чище житье.

— Да я за великое наказаніе сочту, если переведутъ меня въ городъ.

— Засѣлъ, совсѣмъ засѣлъ въ глуши. Только ходить по деревнямъ, крендели собираетъ. Ужъ когда такое дѣло: жить въ деревнѣ, я-бъ на твоёмъ мѣстѣ пристроилась бы къ барынѣ какой, заправлять имѣніемъ, какъ вонъ отецъ Гаврилъ. Пролетка—не пролетка, лошади барскія, подарки и чаемъ, и сахаромъ, и мантильями. Это почище нашего.

— Ну, матушка, не согласенъ я тратить свой мозгъ и чернила, какъ твой отецъ Гаврилъ, на составленіе ежемѣсячныхъ

вѣдомостей, сколько яицъ подсыпано подъ насѣдокъ, или сколько украдено изъ хозяйскихъ овчинъ, отданныхъ въ дубку...

— А тебѣ что за дѣло? барыня сама хозяйничать не можетъ, настоящаго управителя нанять не на что, вотъ и выходитъ обоимъ хорошо: она живетъ въ столицѣ и хвалится *своими* попомъ. И отцу Гаврилу хорошо: онъ никакъ по десятинѣ въ полѣ бесплатно сѣетъ хлѣбъ себѣ, да экипажами барскими щеголяетъ, мѣтель въ лѣсу любыхъ нарѣжетъ. Это не твоимъ крепдеямъ чета. Онъ на ярмарку пріѣхалъ — тарантасища-то, небось, вонъ какой, колѣса аршинъ на пять сзади вертятся. А ты что? запряжешь кобылу-куропатку въ крашеную телѣжку, накроешься измятой шляпенкой, сядешь и ѣдешь, какъ завалявшійся черепенникъ.

— Чтѣ дѣлать, — всякому свое. Мы оба, какъ корни копаемся, такъ-сказать, въ землѣ: онъ хлопочетъ, чтобы побольше было хлѣба, цыпляетъ на Руси и поменьше болтней, а я — чтобы больше было у народа довольства и поменьше нравственныхъ болтней.

— Ужъ и много выигралъ изъ-за этого. Ему барыня охлопотала набедренникъ, а ты все въ эпитрахили щеголяешь.

— Что же теперь прикажешь дѣлать?

— Выбирайся въ какіе-нибудь члены. Пиди благочинному, что согласенъ выборъ открыть у себя — и тебя полномочнымъ выберутъ. Я ужъ знаю какъ сдѣлать.

— Изволь, попробуемъ.

Въ эту минуту къ дому отца Филиппа подѣхала телѣга. Въ ней сидѣло штукъ до восьми поповскихъ дѣвушекъ, съ корзинами грибовъ и ягодъ въ рукахъ. Всѣ онѣ хохотали, понукая и подгоняя лѣнливую и понимающую сѣдковъ лошадь-куропатку, которая, не обращая вниманія на ихъ хохотъ, какъ-будто насмѣхъ, шла къ дому съ ноги на ногу. Дочка отца Филиппа бережно держала букетъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ. А ея бабушка — тѣтка отца Филиппа — съ пучкомъ лекарственныхъ травъ въ рукахъ, кропоталась на бойкую вучку.

II.

Матушка Арина Петровна очень была довольна, что уговорила своего супруга баллотироваться въ уполномоченные по училищнымъ дѣламъ духовнаго вѣдомства. Отецъ Филиппъ заявилъ благочинному, что желаетъ открыть выборъ въ селѣ Паутиновкѣ. А матушка Арина Петровна заранѣе соображала: сколько нужно

отбаллотировать куръ на супъ, для священниковъ; сколько убить поросятъ для дьячковъ; какое устроить холодное, соусъ; лимончику, что-ль, припустить, или черносливцу съ медкомъ, или картошечки тёртыя сойдутъ?—какъ кучеровъ угостить; не нужно ли предложить хоть сѣна и для лошадей. Словомъ: ей, во что бы то ни стало, хотѣлось выдвинуть своего супруга изъ той среды, въ которой онъ вращается. Она была очень не дурна собой, чему много способствовала бездѣтность. Родивши лишь одну дѣвочку, она, въ пятнадцать лѣтъ супружеской, скромной жизни, очень сохранилась. Въ попыткахъ сдвинуть съ мѣста засидѣвшагося супруга она даже задумывалась: «не заказать ли къ баллотировкѣ шиньонъ? Выберуть, — все равно заказывать, ѣхать въ губернію: я ужъ ни за что не останусь—поѣду съ нимъ. А не выберуть, — дочери въ приданое годится».

Отецъ Филиппъ, приученный старымъ семинарскимъ воспитаніемъ къ труду и полюбившій свою полезную жизнь среди народа, и не думалъ о баллотировкѣ. Онъ рѣшился баллотироваться лишь въ угоду женѣ, а Арина Петровна думала: не будетъ ли лучше ей жить, когда супругъ ея, хоть на время, будетъ отрываться отъ своихъ скучныхъ и тяжелыхъ занятій по приходу.

Село Паутиновка было центральное въ томъ десяткѣ селъ, гдѣ должна быть баллотировка уполномоченнаго—депутата. Отецъ благочинный оповѣстилъ о мѣстѣ и времени баллотировки и, въ одинъ прекрасный *понедѣльникъ*, въ село Паутиновку съѣзжалось окрестное духовенство. Ѣхали самодѣльные тарантасы, на деревянныхъ осяхъ, парами разношерстныхъ коней; Ѣхали одиночки въ крашенныхъ телѣжкахъ, въ хозяйственной сбруѣ, на лошадей, съ мордой, подтянутой высоко подъ росписанную дугу; — трепыхались и въ рыдванахъ, опираясь на грядки, чтобы не вытрясть душу по колчеватой дорогѣ. Кучера были большею частью изъ церковныхъ старостъ-мужичковъ и церковныхъ сторожей, которые употребляются въ эти и подобныя, по дому священниковъ, должности, какъ служители храма. Одинъ священникъ, чтобы не тревожить своихъ ни работника, ни лошади, Ѣхалъ на баллотировку съ запасными дарами, убѣдивъ мужичка, что по казенной надобности онъ, мужичокъ, приглашавшій священника въ домъ къ больному, обязанъ свозить батюшку на баллотировку и привезти домой. Слово «баллотировка», крупно произнесенное пастыремъ церкви, вполне убѣждало мужиковъ въ необходимости возить батюшку.

— Ты понимаешь? балло...тировка!—уговариваетъ батюшка мужика, ударяя указательнымъ пальцемъ себѣ въ лобъ.

— Съ чаго-жъ не понимать,—вешшъ, должно, казенная.

— Ну, да! н-да!

И пастырѣ церкви, опустившись на солому въ рыдванѣ, до-рогой разъясняетъ мужику сущность баллотировокъ вообще, обѣщая выпросить тамъ ему стаканчикъ водки. Многіе ѣхали въ складчину: пристязная священникова, а коренной—пономаревъ; хомутъ дьячьевъ, а дуга—священникова; телѣга священникова, а передки—дьяконовы. Относительно сбруи души путниковъ были покойны, но относительно лошадей—возмущались иногда. Кучеръ-пономарь жестоко настѣгивалъ коренную дьяконову, придерживая свою пристязную и т. п. Пассажиры толковали:

— А что, отецъ Иванъ, къ чему приведутъ всѣ эти сѣзды?

— Какъ къ чему? помилуйте... все-таки мы... понимае-те, сѣдемся, сообщимся вкупѣ, такъ-сказать, и прочее. Но чтѣ добро и чтѣ красно, еже братія... значить... вкупѣ.

— Оно положимъ, но...

Другіе обдумывали и шептались о томъ, кого выбрать. Третьи толковали о сокращеніи сбора на проѣздъ, объ уничтоженіи уполномоченныхъ. И приводили тоже резонные аргументы: нѣтъ средствъ платить,—сами нищіе, побирашки.

«Заплати на проѣздъ, да еще въ самый сѣздъ, что они тамъ положить, ахъ и того...—толковали они:—заче-шешь затылокъ. Хорошо, гдѣ Мать-Споручница выручаетъ, а поди-ко у нашего старосты—возьми! онъ тебѣ огарка не дастъ—правило вычитать».

Утромъ, въ день выбора уполномоченнаго, въ домѣ отца Филиппа происходило настоящее столпотвореніе вавилонское. Работники, работницы и двѣ приглашенныхъ престарѣлыхъ пономарихи высунули языки, бѣгая изъ горницы въ избу, изъ избы—на чердакъ за ветчиной, за вѣшникомъ, на улицу—къ бочкѣ за водой. По двору работники шастали за курами, подшибая ихъ полѣвьями. Въ сѣняхъ тѣснились, пронося собранные по селу громоздкіе стулья, кресла, столы. Все это пересыпалось крикомъ взаимныхъ упрековъ:

— Куда ты ножки-то таращишь? ахъ те выломило: не вишь—притопа. Эка, олухъ малый зародился!

— Поди-ка самъ, — вишь, стуло-то съ пузомъ: чортъ его проволочѣ.

— Родимцы, чтѣ васъ тутъ сперло?—кричала работница на

мужиковъ, застрѣвавшихъ съ мебелью въ сѣняхъ, — пропустите: чугуны вскипѣли, а капуста нѣтъ.

— Нехристи, что вы бѣгаете съ дубьемъ за курами, — кропоталась на работниковъ старуха нянька: — вы бы зѣрнушка имъ кинули, въ прикормъ закликали, — ну, и лови. Дай-ка я тебя подшибу, — что ты сважешь? о...о...охъ!..

Работники ругались на куръ, продолжая свою работу и не слушая няньку.

Старикъ подъ сараемъ свѣживалъ барана. Вокругъ его, въ ожиданіи подачи, облизывались три большія собаки.

Матушка, въ чепчикѣ, подвизанномъ на затылокъ, съ ногъ до головы въ мукѣ, не исключая и фізіономіи, съ засученными по локоть руками, и мѣсила, и катала, и валяла, и прищипывала въ избѣ на столѣ, такъ что столъ дрожалъ подъ ея работой. Въ печкѣ полныя накаливало своды.

Отецъ Филиппъ, приказавши дьячкамъ подмести церковь, а дьякону осмотрѣть паутину въ царскихъ дверяхъ — чего не любилъ благочинный — погрузился въ чтеніе «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Матушка, не-разъ прибѣгая въ горницу — за вилокъ, за ситомъ, за тарелкой, просила супруга заняться разстановкою мебели: софу пододвинуть подъ часы, крылья у стола опустить, книги со столика въ укладку убрать, — тамъ закуска будетъ. Отецъ Филиппъ, углубившись въ чей-то некрологъ, не трогался съ мѣста. Работники загромоздили приносною мебелью всю небольшую гостиную. Матушка прибѣжала въ горницу за ключомъ отъ амбара, чтобы имъ разузоривать ватрушки для пирожного, и, увидавши безпорядокъ, такъ и ахнула:

— Побойся ты Бога: я задохнулась отъ работы, а ты себѣ посиживаешь бариномъ, — ну, чего ты въ книгахъ не видалъ? — брось.

Не успѣлъ отецъ Филиппъ бросить тетрадку и опустить, для простора, у стола крылья, въ дому стали подъѣзжать гости. Началась встрѣча, распѣловыванье и обычные разговоры о здоровьѣ, о поживаньѣ, о погодѣ. Гости доставали изъ узелковъ помятыя суконныя, ластиковые и сатиновые раскѣ, и развѣшивали ихъ на отдушникахъ и по гвоздямъ, на которыхъ висѣли картины и портреты, обращаясь къ хозяйку: «можно? я на время повѣшу, пока обвиснетъ». Оправившись, они сѣли на табакъ, опускали руки въ свои глубокіе карманы, доставали оттуда широкіе гребешки и расчесывали ими свои длинныя, свалавшіяся въ дорогѣ волосы. Одинъ досталъ изъ кармана сукфью, надѣлъ на

себя и важно сталъ расхаживаться по комнатѣ, басисто побрякивая.

— Это заведеніе — носить намъ такіе волосы, — замѣтилъ одинъ, сердито выдирая что-то изъ косы.

— Погоди, обмысьшь, — отвѣтилъ ему товарищъ.

— А забыли отцы: да не взыдетъ постризало на голову, — съ разстановкою замѣтила скуфья.

— Въ Питерѣ вонъ не смотрять на это постризало, отлично подстригаютъ и волосы и бороды.

— Ну, да то въ Питерѣ, а то здѣсь!..

Между молодыми и старыми священниками завязался о волосахъ жаркій споръ, доходившій даже до сарказмовъ:

— Вамъ хорошо, вы лысый, почешитесь-ка по-моему, гребешковъ не накупишься. Тамъ благовѣстъ идетъ, къ большому прѣхали — зовутъ, а ты скородишься.

Діаконы, одѣвши въ передней въ ряски, жались въ гостиную около стѣнъ, покрехтывали и, не пускаясь въ споръ, потирали руки у груди. О. Филиппъ приглашалъ ихъ садиться.

— Спроси, — шепталъ одинъ діаконъ на ухо другому, — о чемъ мы съ тобой дорогой-то толковали.

— Погоди, дай благочинный прѣдетъ, тогда.

— Тогда еще можно спросить.

Діаконы захолустныхъ селъ, свободные отъ заботъ и занятій, какъ по церкви, такъ и по приходу, и исключительно занимаюсь хозяйствомъ, дичаютъ въ деревняхъ, дѣлаясь какими-то межеумками. По расѣ онъ считаетъ себя чуть не священникомъ, а по должности чувствуетъ не пристающимъ ни къ священству, ни къ причетничеству. Подметать церковь, читать часы онъ не станетъ — низко, проскомидію совершать — нельзя, высоко, такъ и стоять въ алтарѣ, охорашиваясь ораремъ. Долго упражняясь въ этой борьбѣ, они не наладятъ никакъ быть священниками, какъ слѣдуетъ, когда ихъ произведутъ. Все имъ представляется: то низко, то высоко. Нашимъ діаконамъ, въ силу ихъ заглохлости въ степеняхъ, настоящій стѣздъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ собора помѣстнаго, гдѣ можно что-нибудь рѣшать или что-нибудь развѣдать. Они и шептались объ этомъ.

— А что, отцы святіи, смѣю васъ спросить, — одинъ діаконъ перебилъ споръ о длинноволосіи, — если примѣрно я теперича прослужу тридцать-пять лѣтъ, будетъ мнѣ пенсія?

— Едва ли... — протанулъ одинъ батюшка.

— Не будетъ, — рѣшилъ другой, — прочтите, тамъ о нихъ ни строки.

— Да за что, скажите Бога ради?—люди—нигдѣ не нужные: ни въ церкви, ни въ приходѣ, пятое колесо въ телегѣ. Вы не обижайтесь, отцы діаконы, вы не виноваты, что попали въ такую должность. На колокольню звонить вы не пользуете, къ больному въ полночь, соборовать горячешныхъ,—не ваше дѣло, писать книги метрики вы не умѣете, а за одно лишь—«паки» да «паки» — едва ли можно ожидать пенсін.

— Я-бъ не то что далъ пенсію имъ, а съ нихъ бы выискать, что даромъ прокормились, — тихонько проговорила скуфья.

Закуска была подана. Гости выпили по одной. Передъ окнами прокатилъ пузатый тарантасъ, когда-то составлявшій роскошь и наслажденіе какой-нибудь барыни-провинціалки. Тройка заводскихъ коней быстро поднесла его къ крыльцу, и кучеръ, въ шляпѣ черепенникомъ, осадилъ лошадей. Это пріѣхалъ благочинный. Его всѣ выбѣжали встрѣчать. О. благочинный пользовался заслуженнымъ почетомъ въ округѣ. Уважая его заслуги и сѣдины, многіе изъ молодыхъ священниковъ, безъ лести, помогали ему идти по ступенькамъ крыльца, поддерживая подъ рукава расы.

Мѣрными поклонами помолившись на иконы, о. благочинный повидался съ хозяиномъ и священниками, переблагословилъ діаконѣвъ и причетницѣвъ и устало опустился въ кресло. Хозяинъ предложилъ ему выпить вхожую.

— Не за что, еще ничего не сдѣлалъ у васъ хорошаго, сдѣлаю — выпью, — такъ же устало проговорилъ онъ въ отвѣтъ хозяину.

Всѣ молчали.

— Святитель Тихонъ, сядя за трапезу, думалъ:—стою ли я этой пищи, что стоитъ предо мною? Сдѣлалъ ли я что-нибудь добреньаго до обѣда, чтобы безукоризненно вкусить Божьяго дара?

— А мы такъ вотъ слегка начали въ ожиданіи вашего благословенія,—перебилъ одинъ батюшка.

— И прекрасно: вы все-таки нынѣ дѣлали—ѣхали на сѣздѣ, ждали, скучали ожиданіемъ... А я измучился, ѣдивши по округу. Вездѣ сироты, описи, опеки. Мнѣ кажется, еще два-три года, все духовенство превратится въ какой-то опекунскій институтъ. Почти нѣтъ села, гдѣ бы не было двухъ-трехъ опекуновъ и пяти-десяти сиротъ, ищущихъ, гдѣ преклонить главу свою. Потому: умираетъ лицо, мѣсто закрывается, семья остается на вѣтру. Ты вотъ и ѣзди — разбирай, какъ дѣлить блинъ между сиротами и налич-

нымъ причтомъ? А тамъ лозину разбери, что просвирия срубилъ у пономаря на топку—просто лошадей загонялъ.

— А что намъ, діаконамъ, будетъ пенсіонъ, ваше высокоблагословеніе? — возразилъ діаконъ, недовольный рѣшеніемъ неполнаго помѣстнаго собора.

— Не будетъ.

— За что же я ежегодно плачу пенсіонныхъ по рублевкѣ?

— Это не на пенсіонъ, а на вспоможеніе нуждающемуся духовенству, — объяснялъ о. благочинный. — Суммы эти собираются; положимъ, вотъ ты нуждаешься, и заявляй—тебѣ дадутъ единовременное пособіе.

— А сколько такихъ денегъ собирается у насъ въ губерніи? — спросилъ одинъ изъ священниковъ.

— Тысячъ пять, около этого.

— А выдается нуждающимся?

— Ну, это, смотря по нуждѣ—не знаю.

Пока духовенство разсуждало въ горнищѣ, въ избѣ шли свои дѣла: матушка, въ виду спороности дѣла, засадила церковныхъ старостъ и причетниковъ-вучеровъ щипать куръ, цыплятъ, обваривать въ вару поросятъ, скоблить ножомъ скороды и проч. Дѣло кипѣло какъ на пожарѣ.

— У насъ тоже была балтировка, — истово выщипывая ногами поросенка, говорилъ церковный староста-крестьянинъ: — выбирали старшину, онъ и подговори крестника: пересыпъ, говорить. Приѣхали, эвто, посредникъ, принесли яшникъ, шары, стали класть. Енъ и возьми да пересыпъ шары. Запустилъ, значить, руки подъ сувно, захватилъ изъ лѣвой кануры горсть шаровъ и перевали въ правую, — ну, и вышелъ старшина. Такъ и звали пересыпнымъ.

Пока въ избѣ все щипалось, варилося, жарилось, въ горнищѣ собирались въ церковь открывать баллотировку. Между священниками завязалось преніе на счетъ того, какой и кому служить молебень передъ баллотировкою, такъ какъ, по новости дѣла, чина баллотировки нѣтъ въ требникѣ.

— Конечно, Сватуму Духу, сниспедшему на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, — порѣшилъ о. благочинный, сдвигая очки на лобъ. — Мы выбираемъ депутата въ собраніе, гдѣ именно нуженъ, такъ-сказать, языкъ, чтобы говорить за насъ.

Аргументъ показался собранію столь вѣснымъ, что никто и не подумалъ возражать.

— Не прикажете ли передъ баллотировкой поблаговѣстить,

ваше высокоблагословеніе? — обратился о. Филиппъ къ своему начальнику.

— Пожалуй... для пышности, а впрочемъ, не нужно, напугаешь народъ; подумаютъ, пожаръ.

Собрались, вышли изъ дома на лужокъ, и, массой, человѣкъ въ сорокъ, тронулись по направленію къ церкви. Къ духовенству пристало много ребятшекъ и праздныхъ зѣвакъ. На церковной наперти ужъ стояло много любопытныхъ изъ двора и съ деревни, въ праздничныхъ нарядахъ. Всѣмъ хотѣлось поглядѣть, что за штука такая *баллотировка*? на манеръ свадьбы, что-ль... На пути къ о. благочинному подошла престарѣлая просвирня, приняла благословеніе и ударилась въ ноги.

— Что ты, что тебѣ нужно, голубушка? встань, не кланайся, въ ногахъ правды нѣтъ.

— Ваше высокоблагословеніе, защитите! — слезно вопила просвирня.

— Въ чемъ дѣло? говори.

— Разберите мою ярку.

— Какую ярку?

— Пономарь Городецкій отбилъ у меня ярку. Мои овцы мѣченны — правое ухо одно, а его обои — развилочками. Ярка-то лѣтошняя перезарье и повадся къ нему на дворъ: какъ изъ стада, такъ къ нему. Дѣло сосѣдское, ночь махонькая, думаю себѣ: незмай ночуетъ. А онъ возьми, да отхвати ей лѣвое ухо, и говоритъ теперь, что ярка его. Заступитесь, ваше высокоблагословеніе...

— Городецкій? слышишь — жалоба, — обратился о. благочинный къ пономарю.

— Все пустякъ, ваше высокоблагословеніе, ярка моя, — грубо отвѣчалъ Городецкій, — это одна вляуза.

— Ну, хорошо. Послѣ баллотировки разберу.

— Ваше высокоблагословеніе, не угодно ли мимоходомъ встати зайти посмотрѣть, какъ нашъ о. діаконъ прорылъ канаву и меня подтопилъ, — обратился къ начальнику дьячокъ: — великимъ постомъ въ погребѣ всѣ кадушки поплыли съ капустой, въ огурцы залило. Я давно васъ ожидалъ.

— Хорошо, послѣ баллотировки.

— Слушаю-съ.

Причетники съ униженнымъ поклономъ отошелъ.

— Диковина! — возразилъ о. благочинный, плавно шагая по дорогѣ къ церкви: — сидишь дома, все смирно тихо; какъ тронулся по селамъ, куда ни пріѣдешь, вездѣ жалобы: тамъ оби-

дѣлѣ, тамъ обсчиталъ, тамъ не знаютъ, на сколько частей пироги дѣлать, — просто бѣда.

— Что дѣлать, средства скудныя, ну, и тянуть другъ отъ друга, — замѣтилъ одинъ изъ священниковъ. — Духовенства развелось много, а прихожане обѣднѣли, да и вѣра, къ тому-жъ, оскудѣваетъ. Прихожанинъ нынѣ поучился ариметикѣ въ школѣ, узналъ, что семь гривенъ и пудъ муки — одно и то же, прїѣдешь къ нему, онъ, вмѣсто мѣрки ржицы, суетъ тебѣ гривенникъ серебряный. Чтѣ съ нимъ подѣлаешь, не скажешь: обчелъ, мало. Хорошо, у кого есть мѣстныя, свои средства, дышешь, а то вѣдь мореотно.

— Вотъ подождемте, скоро распредѣленіе приходовъ будетъ и новые штаты утвердятся, тогда заживемъ, — утѣшалъ о. благочинный.

— Когда этого дождемся, длинна пѣсня.

Пришли въ церковь. Священники всѣ облачились. Діаконъ вооружился кадиломъ и свѣчой. Начался молебенъ, съ громогласнымъ пѣніемъ и многолѣтіемъ въ концѣ. Послѣ молебна, среди церкви, поставили столъ и два стула. За неимѣніемъ урны и ящика для баллотированія, на столъ поставили двѣ водосвятныхъ кандели и накрыли ихъ шелковою пеленою. Отецъ Филиппъ досталъ изъ кармана фунтъ грецкихъ орѣховъ и звонко ихъ высыпалъ на металлическое просфорное блюдо. Подъ предсѣдательствомъ благочиннаго приступили къ баллотировкѣ, сначала записками. Разобравъ записки, духовенство задумчиво стало расходиться по церкви. Діаконы съ діаконами толпились около клироса; причетники жались у окна въ трапезной, а священники разошлись всѣ врозь. Многіе ушли даже въ алтарь. Благочинный сидѣлъ у столика въ ожиданіи записокъ.

Записки собрались въ одну канделю; стали ихъ разбирать. Между ними нашлась одна, въ которой записанъ пономарь. Какъ тутъ быть! Стало-быть, снова надо раздавать записки? Это и конца не будетъ. Большинствомъ голосовъ рѣшили: опросить виновника, записавшаго въ депутаты пономаря. Опросили:

— Кто внесъ въ записку пономаря? — признавайтесь.

— Виновать, ваше высокоблагословеніе, я, — признался одинъ престарѣлый причетникъ, скрестивъ руки на груди.

— Развѣ ты не слыхалъ, что изъ среды священниковъ....

— Вѣдь онъ мнѣ кумъ и человѣкъ очень хорошій! ему не токмо въ причетникахъ, въ протодіаконахъ не грѣхъ быть.

— Нельзя, возьми, перепиши.

— Ну, ладно, я васъ запишу.

По выборкѣ указаній изъ записокъ, приступили къ баллотировкѣ на грецкихъ орѣхахъ, по порядку, и отбаллотировали, кого слѣдуетъ.

На пути изъ церкви иные спокойно грызли болѣе ненужные орѣхи, а иные съ досадой бросали въ стороны скорлупу. О. благочинный, пригласивъ двухъ депутатовъ, зашелъ къ просвирнѣ—разбирать ярку.

III.

По епархіи объявляется, что такого-то числа и мѣсяца въ губернскомъ городѣ открывается епархіальный сѣздъ. Въ семьяхъ избранныхъ уполномоченныхъ начинаются сборы на сѣздъ и оживленные разговоры: одному ли депутату ѣхать, или захватить съ собою матушку-супругу, для покупки ситца, платка, воротника, что въ губернскомъ городѣ непременно должно быть дешевле.— Не захватить ли съ собою дочку-невѣсту? не навернется ли женишокъ, да и такъ-себѣ прокатиться, чтобы она не совсѣмъ одурѣла, сидя за пальцами въ деревнѣ. Нынѣ-де вѣтъ движенія и просвѣщенія. Какое забрать платье съ собою, нужно ли брать подушки, неудобныя въ перевозѣ, нельзя ли замѣнить ихъ свернутымъ вчетверо тулупомъ, а сверху укутать полукафтаньемъ. Брать ли хлѣбъ изъ двора, сколько взять ветчины, и нужно ли жарить на дорогу курицу, утку или поросенка.— Кромѣ шляпы, не захватить ли и шапку, ибо сентябрьское время обманчиво. Или же прямо ѣхать въ шапкѣ; дорогой никто не осудитъ, подумаютъ—боленъ, а шляпу купить новую въ губерніи, такъ какъ старая очень истрепалась. Если нѣтъ желѣзной дороги, то обдумываютъ, на чемъ ѣхать, какихъ запретъ лошадей, сколько забрать изъ двора корму и куда дѣвать лошадей, если сѣздъ будетъ продолжителенъ, иначе онѣ слопаютъ совсѣмъ.

Рѣшеніемъ всѣхъ этихъ житейскихъ вопросовъ семья уполномоченнаго занимается день и ночь, со времени объявленія указа о сѣздѣ до отъѣзда.

Самъ уполномоченный соображаетъ про себя: на двадцать рублей, что духовенство назначило мнѣ на проѣздъ въ сѣздъ, впору одному сѣздить безбѣдно, а если захватить жену съ собой, да дочь, это полѣзетъ вонъ-куда!... Жеребчика-то, что стоитъ на стойлѣ, мало. А дома-то онѣ просидать, я еще, пожалуй, изъ двадцати рублей выгадаю имъ на гостинцы—оно и слюбится.

Супруга уполномоченнаго соображаетъ: не покуда сидѣть въ

засады, поѣду съ нимъ и я. А главное—въ губерніи не то-что въ нашемъ арыжномъ городишкѣ: тамъ я и шаль куплю—мое почтеніе, и бурнусъ модный и шарфъ-мантилью прикрашу. Ситчику, ситчику и то здѣсь недобудешь настоящаго, все пробитый, да линючій. Знать есть ужъ особенныя фабрики для такихъ городишковъ....

Дочка уполномоченнаго, не выдавая передъ собой, кромѣ своихъ пальцевъ, полей, мужиковъ и за рѣдкость сельскаго учителя, въ свою очередь тоже размышляла: ну, если правда—меня возьмутъ, какъ я буду счастлива! Въ губерніи должно быть и люди и дома не такіе, что у насъ. Какъ бы я посмотрѣла на все это!...

Одни изъ уполномоченныхъ порѣшили всѣ свои вопросы, забрали съ собою всякой живности и двинулись въ губернію — гузомъ, въ кибиткахъ, въ тарантасахъ, въ повозкахъ, и дорогой, лаясь съ дворникомъ на счетъ цѣны за номеръ, за мѣру овса, за пудъ сѣна, за хлебово работнику, — обдумывали: гдѣ остановиться въ губерніи, чтобы и лошадямъ, и пассажирамъ, и кучеру было не убыточно и терпимо? А другіе рѣшились ѣхать по машинѣ, что и дешевле, и скорѣй, а главное—благородно.

Въ домѣ одного уполномоченнаго, не выѣзжавшаго никуда, кромѣ и прихода и торга, со времени своего посвященія, происходили сборы его въ дорогу—на чугунку. Онъ отправился одинъ. На все его семейство легла печать унынія. Даже работники, работницы и старухи печально глядѣли изъ передней сквозь трещины переборки и въ отвореную дверь въ гостиную, гдѣ путникъ передавалъ своей семьѣ завѣщаніе, усѣвшись подалѣе отъ печки ¹⁾.

— Ну, стало-быть, вы займитесь безъ меня молотьбой, домолотите одонушекъ. Барбоску на-ночь привязывайте къ закутѣ, у лошадей; Мухтарку спускайте съ цѣпи. Кирюху-старика зовите ночевать. По вечерамъ работники пусть ковыряютъ лапти. А ты, Ванюша, чтобы къ моему приѣзду латинскія склоненія были готовы. Духовное завѣщаніе я написалъ, вонъ подь божницей,—потому машина,—самъ не знаешь, придется ли вернуться.

— Охота тебѣ выбираться, насъ повидать, — сквозь слезы проговорила приунывшая матушка.

— Нельзя, кому-нибудь надо.

Въ комнату, бѣгомъ пробрался сквозь работницъ и работниковъ, діаконъ съ огромною шапкою въ рукахъ. Батюшка снялъ съ отдушника ключи отъ церкви и передалъ ихъ діакону.

¹ Утѣшал, присадиться близъ печки—неблагополучно, по народному повѣрью.

— Скажите на милость, ваше благословеніе, что такая, значить, за должность, куда вы ѣдете?—спросилъ діаконъ.

— И самъ не знаю,—тамъ увидимъ.

— Ну, дай Богъ счастливо возвратиться и благополучно, во славу Божию совершить путь-шествіе. Что бы вы купили тамъ кропилицо, кропило все истрепалось, да еще капунницу?

— Пожалуй, спасибо, что напомнили.

— То-то, а то все больше вѣникъ въ употребленіи. Въ мужицкомъ быту ничего, сойдеть, а у господъ маханешъ вѣникомъ-то, оно и какъ-то, кабысь, не ладно.

Слезно распростившись съ семьей и домочадцами, уполномоченный сталъ усаживаться въ свою тарантасъ-телѣжку.

Пока оканчивались сборы, тарантасъ-телѣжку обступили кругомъ домочадцы и сосѣди уполномоченнаго, и всякій, въ силу убѣжденія, что батюшка ѣдетъ въ губернію, гдѣ все дешевле, поручалъ ему разные покупки. Кто просилъ купить рукомойникъ, кто вервани (рыбій жиръ) для смазки сапогъ, кто подсунки для бѣлья, а старуха-нянька горевала, что корыто лопнуло: нельзя ли въ губерніи купить корыто для стирки бѣлья. Тутъ подоспѣлъ причтъ съ письмами къ сыновьямъ-семинаристамъ и съ узелочками, гдѣ зашиты яблоки, жилетки, перчатки. А матушка-просвирня, задыхаясь, тащила въ путнику огромный узелъ съ тулупомъ и пышеами.

Уполномоченный, сидя въ тарантасѣ среди улицы, не радъ былъ уполномоченію въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Онъ иное принималъ, а иное возвращалъ. Заязывались споры, умиленные прошенія. Уполномоченный увидалъ, что пономариха тащить къ экипажу громадный мѣшокъ на плечахъ и кривнулъ:

— Трогай, пошелъ, Гордѣй! Эго конца не будетъ.

Гордѣй свиснулъ на сытыхъ, пузатыхъ пару лошадей и уватилъ. Проѣзжая мимо церкви, крестились и молились, какъ кучеръ, такъ и пассажиръ. Снимая шапку, Гордѣй уронилъ внутрь и, доставая его изъ-подъ колесъ, проговорилъ:

— Ну, какъ хошь, батюка, а подпояску мнѣ привези изъ губерніи...

IV.

Въ одинъ дождливый день, къ вокзалу одной желѣзной дороги подъѣзжало духовенство. Таща съ собою мѣшки, кулечки, чемоданчики и какіе-то короба, духовные столпились въ багажномъ отдѣленіи. Одни изъ нихъ безъ раздумья прямо проходили

въ залу третьяго класса, усаживались на лавкѣ, по срединѣ своего багажа, и преспокойно сидѣли, прикрывши по бокамъ широкими рукавами багажъ. Другіе, слегка приподнимая шляпы, заглядывали въ залу перваго класса и, оглядываясь на свои узлы и калоши, сомнѣвались: идти или нѣтъ? Многіе не шли ни туда, ни сюда, а собравшись гурьбой, въ багажномъ отдѣленіи, вполголоса, толковали между собой о грязи въ дорогѣ и о блаженствѣ ѣхать въ вагонѣ. Свистки паровиковъ, скрипъ ящиковъ по каменному полу въ багажномъ отдѣленіи, повелительный возгласъ начальника станціи — все это тревожно вліяло на духовныхъ, такъ что они, разговаривая, постоянно оглядывались. Они до того засидѣлись въ своихъ степныхъ селеняхъ, что на желѣзной дорогѣ чувствовали себя какъ будто въ иномъ царствѣ, на другой планетѣ. Такому ощущенію помогало и то, что кто бы ни проходилъ мимо, непременно посмотреть на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ. А иной даже спросить о причинѣ появленія на станціи такого количества духовныхъ, съ прибавленіемъ саркастическаго словца.

— Отцы, проходите, разбирайтесь по заламъ, здѣсь багажъ, стало тѣсно, — предлагалъ духовнымъ усатый жандармъ.

Духовные заколыхались и не знали куда идти.

— Пойдемъ въ первый — приглашалъ одинъ другого: — я видѣлъ, отецъ Николай тамъ сидитъ.

Большинство направилось въ залу третьяго класса, гдѣ уже много сидѣло и ходило духовныхъ, съ семействомъ и безъ семей. Одинъ указательнымъ пальцемъ приторговывалъ кильку въ буфетѣ и, удивляясь дороговизнѣ, качалъ головой. Другой, заложивъ руки въ карманы, осматривалъ партію арестантовъ, гремѣвшихъ цѣпами, между которыми были и женщины. Арестанты исподлбья бросали свои недовольные плутовскіе взгляды на любопытнаго священника. Вокругъ арестантовъ стояли солдаты, со штыками на-голо.

— Служивый, скажи, за что попалъ въ цѣпи вонъ тотъ черноватый, востроглазый? — спросилъ батюшка солдата на ушко.

Солдатъ молчалъ.

— Что же ты, скажи?..

— А чтó во время харуимской разговариваете вы въ обѣднѣ? — басомъ переспросилъ конвойный.

Священникъ понялъ, что конвойный какъ-бы совершаетъ таинство, и отошелъ въ сторону. Но любопытство страшно забирало его: за чтó попалъ въ цѣпи востроглазый? Бѣкомъ, бѣкомъ,

между народа онъ пробрался сзади до востроглазаго и потихоньку спросилъ его:

— За что ты, братъ, попалъ въ цѣпи?

— За кражу,—грубо отвѣтилъ тотъ.

— Плохо, плохо...—началъ головою башошка.

— Не то плохо, что воровалъ, а что попался.

— Какъ же такъ?

— Да такъ... Спроси-ко всякаго по душѣ, анъ узнаешь—какъ.

Вы только спрашиваете, за что въ цѣпи попалъ. Нѣтъ того кинуть семерку на калачъ, нѣ, дискать, съѣшь, ты и за мои грѣхи тутъ же терпишь.

Башошка далъ ему пятачокъ.

За вокзаломъ на платформѣ шипѣніе, скрипъ, свистки, звонокъ—пріѣхалъ поѣздъ. Въ залу перваго класса набѣжало съ поѣзда много пассажировъ, заспанныхъ, усталыхъ, вообще помѣтыхъ дорогой. Всѣ они спѣшили закусить. На станціи былъ роскошный буфетъ и 20 минутъ стоянки. Франты въ пладахъ, барыни подъ вуалями, генералы въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, евреи съ жирными сумками черезъ плечо,—всѣ толпились, суетились, усаживались за роскошно сервированный столъ, выбирали и требовали купанье. Звонъ рюмокъ, ножей, тарелокъ слился съ шумнымъ разговоръ и пуканіемъ пробовъ изъ бутылокъ. Въ толпѣ пассажировъ плавно расхаживалъ по залѣ широкоплечій, уполномоченный отецъ Николай. Всеобщая закуска раззадорила его аппетитъ. Онъ подошелъ къ буфету и сталъ приглядываться къ разнымъ яствамъ. Какой-то франтъ забѣгалъ и съ той и съ другой стороны отца Николая, чтобы указать, какую именно подать ему котлетку.

— Проходите, отецъ святой, не мѣшайтесь,—грубо проговорилъ изъ-за стола блѣдный поваръ въ бумажномъ колпакѣ.

— Это почему?—баритономъ возразилъ изъ-подъ изнятой шляпы о. Николай.

— А потому, что для васъ здѣсь кушанья нѣтъ.

— Это почему?—уже густымъ басомъ возразилъ о. Николай.

— А потому-съ, что нонича пятница.

— А вотъ этотъ осетръ?

— Осетръ не по вашему карману, девять гривенъ пластинка. Потому онъ привезенъ живой-съ, прямо съ Волги-съ и при публикѣ даже живой зарѣзанъ-съ.

— Подавай!...

Рядомъ съ о. Николаемъ усѣлся тотъ франтъ, который ходилъ вокругъ его ширины, чтобы выбрать котлетку.

— А я васъ, батюшка, научу выбирать котлеты по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ.

— Что такое?

— Вы всегда укажите на самую заднюю котлету по порядку, какъ онѣ лежать — это свѣжая, а чѣмъ ближе, это сто разъ разогрѣтая.

— Отлично, буду имѣть въ виду, въ скоромные дни. Сидѣвшій противъ отца Николая генералъ въ замшевыхъ перчаткахъ потребовалъ зельтерской воды. Послѣ осетра захотѣлось пить и о. Николаю.

— Подай и мнѣ, — сказалъ онъ вѣжливо лакею.

— У насъ вода двадцать-пять копѣекъ бутылочка, — вѣжливо шепнулъ на ухо о. Николаю лакей.

— Подавай!..

Ни генералъ, ни о. Николай не успѣли допить воды. Они только успѣли вынуть на столъ мелочь серебра. На дорогѣ звучалъ уже третій звонокъ. Публика оставила много недопитого, недоѣденного и гужомъ потянулась къ поѣзду, въ двери вокзала. На платформѣ, въ народѣ, суетилось духовенство, раздутае узлами, подушками, чемоданами. Всѣмъ депутатамъ уполномоченнымъ хотѣлось сѣсть въ одномъ вагонѣ. Съ этою цѣлью они группировались на платформѣ и обратились о томъ съ просьбою къ носильщику, съ ясной блахой на лбу. Носильщикъ передалъ ихъ просьбу кондуктору, который и указалъ имъ дорогу.

Усѣвшись въ купе вагона, духовенство благодумствовало, но молчало, какъ-будто приговоренное къ смерти. Засвиристъ послѣдній свистокъ въ губахъ оберъ-кондуктора, ему въ отвѣтъ бойко свиснула машина — поѣздъ тронулся. Шибче и шибче шла машина, замелькали телеграфные столбы въ окнахъ вагоновъ. Стало темнѣть. Надивившись быстротѣ движенья поѣзда, духовенство обратилось къ своимъ сумкамъ, сакъ-вожамъ и чемоданамъ, за домашнею закускою. Былъ моментъ, когда казалось, что депутаты защищались отъ вѣтра своими широкими рукавами. Но такъ какъ вѣтра въ вагонѣ не было, то это явленіе должно было означать что-нибудь другое. И это другое было то, что всякъ старался передъ закускою выпить изъ бутылочки, спрятанной въ помѣстительномъ рукавѣ.

Выпили, стали закусывать. Начался разговоръ и взаимное угощеніе: кто передавалъ крыло утятны черезъ голову сосѣда, кто пластинку копченой ветчины, кто — ножку на дорогу заявленной поросятины, и всѣ хвалились доморощенной настойкой, пред-

лагая отвѣдать. Купе вагона превратилось въ гостиную на праздники у сельскаго священника. Разъединенные и рѣдко выдающиеся священники ради были взаимной встрѣчѣ. Нѣкоторые депутаты ѣхали съ супругами, которыя между собою познакомились, перецѣловались и, отдѣлившись отъ мужчинъ, вели рѣчь о выкройкахъ, горевали, что, вмѣсто десяти, надобно повупать двадцать аршинъ на платье, и проклинали новую моду съ хорохорами сзади и по бокамъ. Депутаты вспоминали семинарскую жизнь, толковали о доходахъ, о ховайствѣ, и о томъ, нельзя ли на съѣздѣ подвести идейку о преобразованіи положенія духовенства въ разношерстномъ обществѣ. Всѣ желали свободныхъ отношеній съ прихожанами, всѣмъ хотѣлось свергнуть съ себя рабство, въ какомъ они находятся у прихожанъ.

— Какіе вѣдь есть плуты: закажетъ обѣдню, отслужи ему большую панихиду, справь богомолье съ пятью акаѳистами, пѣлковыхъ на три заслужишь, спросишь возмездія: — послѣ, говорить, гдѣ-жъ я тебѣ возьму.

— Просто потѣшаются надъ нами. — Зачѣмъ-же такъ много служилъ? — замѣтитъ ему. Отъ сосѣдей стыдно, скажетъ. Ты и слушай его; конечно, денегъ не отдастъ и искать ихъ негдѣ.

Разговоръ былъ нежесточимый, но депутаты, отъ стука колесъ и дребезжанія желѣзной печки, крича во всю глотку, устали и разсѣлись по своимъ мѣстамъ. Молчаніе недолго длилось. Въ одномъ углѣ здоровеннымъ басищемъ затянулъ кто-то: *слава въ вышнихъ Богу...* Ему стали слегка подтягивать другіе и вскорѣ купе вагона огласилось стройнымъ пѣніемъ этой длинной церковной пѣсни.

Пѣніе заинтересовало сосѣдніе купе, откуда, въ отворенной двери, показалось до десяти любопытныхъ, одна на другую названныхъ фizioномій, между которыми одна была жидовская, съ козлиной бородой.

— Эко мнѣ раздолье, прервалъ пѣніе веселый, молодой кондукторъ: тутъ поють, тамъ поють, тамъ играютъ въ карты, тамъ пробуютъ силу — борятся, тамъ ругань — на чемъ-свѣтѣ стоять — тѣ дерутся. Молодецъ, этотъ третій классъ! Ваши билеты, господа?..

Всѣ засуетились, разысывая билеты; кондукторъ, щелкая щипцами, продолжалъ:

— Придешь вонъ въ первый, во второй классъ — сидеть, дуются другъ на друга, слова живого не услышишь. А тутъ и выпьешь, и закусишь и вдоволь нахохочешься.

— И подзатыльникъ иногда получишь, гдѣ дерутся, — замѣтилъ одинъ депутатъ въ слѣдъ уходившему кондуктору.

V.

Утреннее, ночные и дневные поѣзды разныхъ желѣзныхъ дорогъ навезутъ депутатовъ въ губернію со всѣхъ сторонъ. Ихъ полусонныхъ и усталыхъ везутъ извозчики, большею частію туда, гдѣ нумера опустѣли, вслѣдствіе разныхъ неудобствъ и гдѣ ихъ содержатели, такъ сказать, покупаютъ гостей у извозчиковъ по пятиалтынному за штуку. Прикованное къ деревнѣ, духовенство рѣдко бываетъ въ губернскомъ городѣ. Иной съ самаго посвященія въ санъ не былъ въ немъ. Ночною порою, качаясь въ чуть живой пролеткѣ, по вывороченнымъ камнямъ мостовой, они робко крестятся не только передъ каждою церковью въ городѣ, но даже передъ каланчою съ фонаремъ, думая, что это часовня съ кружкой и неугасаемой лампадой.

Первая ночь трудно достается многимъ депутатамъ. Иной попадетъ въ номеръ надъ аркою воротъ, сквозъ которую свищетъ вѣтеръ; иной въ номеръ надъ адскою кухнею трактира, откуда идетъ, сквозъ трещины пола, нестерпимый жаръ, со всѣми кухонными мiasмами; иного завезутъ, за полтинникъ въ сутки, въ такую трущобу, въ какой еще не спасался ни одинъ подземный подвижникъ: ни лечь, ни сѣсть, ни повернуться на узенькомъ ложѣ. А ляжешь, такъ читаешь на шпалерахъ надписи самаго отѣмно-циническаго содержанія. Нѣкоторые поселяются у знакомыхъ благочестивыхъ дворниковъ постоянныхъ дворовъ, которые, изъ уваженія къ священному сану, уступаютъ имъ свои двухспальные кровати, подъ тремя неугасаемыми лампадами. У многихъ депутатовъ бываютъ и родственники въ губерніи, но депутаты у нихъ не останавливаются, чтобы не слушать отъ нихъ завистливыхъ воплей: у насъ и баранинка своя, и картошечки, и крупички свои, а у насъ все съ копѣечки: какъ проснулся, такъ и лѣзь въ кошелекъ. Кому охота доказывать, что вовсе не свое, а окупленное наймомъ земли, своимъ и наемнымъ трудомъ, и что каждая картошечка въ деревнѣ выстрадана заботою и опасеніемъ хозяина: не убили-бы градъ, не унесъ-бы воръ, не заплатить-бы штрафа за потраву. Кому охота. кушать у родного его хлѣбъ-соль подъ такой разговоръ—и все-таки, со временемъ, привезть ему мѣрочку картошечекъ, пшеница...

Рано утромъ, когда проснулись лишь кухарки, дворники, черепенщики, да скрипятъ по улицамъ одни лишь водовозки,—депутаты, прирядившись въ рясы, уже расхаживаютъ по улицамъ,

разыскивая и другъ у друга бесполезно спрашивая о мѣстѣ собранія.

Находившіеся по городу, въ напрасныхъ поискахъ мѣста собранія, депутаты на площадяхъ скучивались въ группы, дружелюбно другъ друга обнимали широкими рукавами и распѣльзовались, причежь одинъ даже плюнулъ въ сторону, по ошибкѣ начавши цѣловать товарища во второй разъ, и стояли, какъ-бы ожидая наитія свыше: вотъ тутъ-то зала для собранія.

Депутаты, наконецъ, узнали, что владыко благосклонно принялъ импровизированнаго предсѣдателя собранія, мѣстнаго протоіерея губернскаго города, и назначилъ мѣсто собранія въ рекреационномъ залѣ училища. Пришли, собрались. Тамъ уже все готово: и чернила, и бумага, и карандаши на огромномъ столѣ, подъ зеленымъ сукномъ. Появился импровизированный предсѣдатель, въ крестахъ и камилавкѣ; за нимъ давно бритый, губернский пономарь несъ баллотировальный ящикъ и трое счетовъ подъ мышкой. Пономарь поставилъ на столъ ящикъ и принялся ломать счеты, вытаскивая проволоку и собирая въ карманъ костяшки счетъ—это онъ готовилъ шары.

— Ну-съ, отцы святіи, обратился къ смолкшему собранію предсѣдатель, я, хотя украшенъ разными регаліями и много изъ васъ, навѣрное, есть мои ученики...

— Которыхъ ты поролъ безпощадно въ училищѣ и гналъ въ семинаріи,—подсказывали ему голоса вполголоса.

— Но, — продолжалъ предсѣдатель, — я здѣсь равный вамъ, какъ всякій изъ васъ — уполномоченный. Вы можете относиться ко мнѣ сорованно. Владыко благословилъ собраніе здѣсь, приступимъ къ дѣлу; я думаю, надобно отслужить молебенъ.

— Молебенъ! молебенъ!—послышались голоса.

— А то пропоетъ *Достойно естъ*... и къ дѣлу.

Долго препирались, рѣшая вопросъ, служить-ли молебенъ или ограничиться пѣніемъ одной церковной пѣсни. Въ одномъ углѣ залы передавали другъ другу ризы, предлагая и упрасивая облачиться для служенія молебна,—де-вы постарше и были благочиннымъ,—но по смиренію всѣ отказываются отъ этой чести. Наконецъ, въ углу залы, предъ иконою апостола Павла съ мечомъ, показалась въ воздухѣ надъ головами риза. Риза опустилась и послышалось дребезжаще-умилительное начало молебна. Сотня искусныхъ голосовъ запѣла «Царю Небесный»... и, казалось, само небо приняло къ этой залѣ съ своимъ благословеніемъ на благія начинанія. Музыка стройнаго многогласнаго пѣнія растрогала религіозное чувство депутатовъ, слушавшихъ,

на своихъ клиросахъ, лишь однихъ своихъ пономарей, нехота плетущихъ службу. Всѣмъ жаль было разстаться съ такимъ величественнымъ молебномъ, почему танули его очень долго. Апостолъ и многолѣтіе читалъ басомъ депутатъ изъ кафедральныхъ діаконовъ.

Послѣ молебна начались пренія, споры, увѣщеванія со взаимнымъ охватываніемъ за плечи. Одни желали заняться баллотировкой предсѣдателя собранія и секретаря, другіе предлагали безъ всякой баллотировки просить принять на себя эти обязанности вотъ того-то, третьи уговаривали оставить выборъ до вечера, помолились—и слава Богу, а теперь-де пора обѣдать—и никто не подходилъ къ столу съ канцелярскими принадлежностями и разломанными счетами.

Одинокое, въ сторонѣ, залажа руки въ широкіе рукава, ходилъ заслуженный депутатъ, искоса поглядывая на волнующуюся публику.

По корридору расхаживался копячымъ шагомъ курносый, краснощокій малый лѣтъ двадцати. Это былъ *служба*, подсланный слѣдить за ходомъ дѣла въ собраніи депутатовъ. Его скоро узнали и по духовенству разнеслось:

— Служка! отцы, тутъ, служка! тише!...

Собраніе смолкло и приступило къ баллотировкѣ. Прежде всего уговорили баллотироваться въ предсѣдателя украшеннаго регаліями губернскаго протоіерея—и изъ девяносто-деяти шаровъ положили ему направо только семь. Обиженный о. протоіерей тотчасъ же ушелъ и болѣе уже не являлся въ собраніе. Предсѣдателемъ избранъ молодой депутатъ, безъ всякихъ регалій, но слышій въ духовенствѣ за умницу и труженника.

Не успѣли еще кончить выборы, какъ въ залѣ появился келейникъ архіерея и объявилъ, что владыка проситъ всѣхъ депутатовъ къ себѣ.

Такое неожиданное извѣстіе произвело въ собраніи полнѣйшій переполохъ. Со страхомъ и трепетомъ, какъ приговоренное къ казни, дышало захоластное сельское духовенство въ приемной залѣ архіерейскаго дома. Иные, посмѣлѣе, пробовали присѣсть на стулъ, но, какъ только прикасались стула, мгновенно вскакивали, какъ обожженные. Иные щупали шпалеры на стѣнахъ: не бархатныя ли.

Послышался тихій топотъ. Двери приемной залы распахнулись и въ нихъ показался маститый владыка. Духовенство все сразу преклонило предъ нимъ свои вѣи, владыка обѣими руками благословилъ ихъ, окинулъ всѣхъ ласковой любовной улыбкой и

пригласить въ большую залу, гдѣ было подковою разставлено болѣе ста креселъ и стульевъ.

Усѣвшись самъ въ роскошное кресло, за столѣтъ, подъ широкимъ листомъ тропической пальмы, владыка пригласилъ сѣсть депутатовъ. Депутаты робко усѣлись и всѣ до единого устали свои бороды къ одному центру—подъ пальму.

— Очень радъ васъ видѣть у себя, мои други, — началъ рѣчь маститый старецъ, — въ лицѣ вашемъ мнѣ пріятно поговорить со всею моею епархіею. Вы не смотрите на меня теперь какъ на вашего начальника, у котораго въ рукахъ власть вязать и рѣзать вашу судьбу, а смотрите, какъ на друга вашего и сообщника въ стремленіи къ благимъ цѣлямъ. Духовенство есть узелъ, связующій государство въ одно цѣлое. Всѣ тайны души большинства нашего народонаселенія суть не тайны вамъ, духовные отцы народа. Я знаю искреннюю преданность къ вамъ народа, который въ васъ видитъ и отъ васъ только хочетъ слышать правду. Поймите вы свое положеніе въ обществѣ—вы соль земли русской. Положимъ, вы бѣдны, нерѣдко служите предметомъ посмѣянія дикихъ и неразумныхъ, но не забывайте, что тайны души некому вѣрить никому, кромѣ васъ, отцы. Въ минуты скорби всякъ бѣжитъ къ вамъ, тяжелую ношу совѣсти всякъ спѣшитъ сложить съ плеча у вашего сапога. Вы и крестите, и хороните, вѣнчаете, давая совѣты жить благочестно въ супружествѣ, и провожаете людей на тотъ свѣтъ, оставленныхъ и жизнью и людьми, съ напутствіемъ, благими надеждами на блаженство вѣчное людямъ, потрудившимся въ жизни на благо общее, въ борьбѣ за правду, за добро, за любовь евангельскую... Въ вашихъ рукахъ жизнь и старцевъ, и юношей, въ вашихъ рукахъ и школы для воспитанія новаго поколѣнія. Вы истинные подвижники на поприщѣ охраненія и развитія народной нравственности. Я долженъ смиренно сознаться, что менѣе васъ работаю въ этомъ виноградникѣ Христовомъ, ибо стою далеко отъ народа, а вы стоите къ нему лицомъ къ лицу. На васъ полагаю всѣ свои надежды по отношенію къ вѣренной мнѣ паствѣ. Знаю вашу бѣдность, которая, сокрушая вашъ духъ, заставляеть иногда опускать руки въ дѣлѣ пастырскаго служенія. Но не скорбите. Истинное богатство въ душѣ—*«Царствіе Божіе внутри насъ есть»*. Знайте, что и въ палатахъ богато-украшенныхъ живутъ люди, отъ горя, тоски и муки ненаходящіе себѣ мѣста. Не забывайте, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, не имый гдѣ главы преклонити, въ душѣ былъ Царь неба и земли. Не богатство, а стремленіе къ совершенству даетъ счастье лю-

дямъ. А вы какъ можете быть счастливы, двигая къ совершенству не только себя, но и цѣлыя тысячи вашихъ пасомыхъ! Скажите мнѣ правду: какъ идетъ у васъ дѣло пастырскаго служенія?

Сельскіе депутаты переглядывались, переминались и молчали. Поднялся губернский депутатъ.

— Владыко святой! дѣло нашего...

— Замолчите вы. Надоѣла мнѣ ваша лесть, — перебилъ его владыка: — говорите деревенскіе.

Поднялся деревенскій.

— Сидите, Бога ради, и говорите правду. Ну, скажите сначала, какъ поживаетъ духовенство вообще?

— Правда глаза колетъ, преосвященнѣйшій, — есть пословица.

— Колите. За то правда — свѣтъ, освѣщающій каждому путь.

— Духовенство молить Бога, чтобы поскорѣе умереть, — свободно докладывалъ сельскій широкобородый депутатъ.

— Какъ умереть? — вотъ новость! — встрепенулся бархатной рясой старецъ.

— А вотъ что: если у живого священника, будемъ говорить, есть три-четыре сына, да двѣ-три дочери, онъ сокрушается: что съ ними дѣлать? Пока дѣти малы — еще ничего, подростутъ — арестъ. Всѣмъ дать воспитаніе и образованіе, въ силу котораго они могли бы впослѣдствіи не погибнуть съ голода, у него нѣтъ средствъ. Воспитать Ваню, и совсѣмъ обидѣть Мишу, Катю, Варю — рука не налегаетъ. Вотъ онъ, въ отчаяніи, и молить Бога о ускореніи своей кончины, когда всѣ его дѣти будутъ приняты на казенное содержаніе въ учебныя заведенія. Ему пріятно лежать въ гробу, совнавая, что его потомство, получившее наслѣдство умственнаго развитія отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, за нѣсколько столѣтій пономарей, учившихъ дворянскихъ дѣтей для чина, — не будетъ въ вучерахъ, въ конторщикахъ, въ содержанкахъ, въ прачкахъ, на что обстоятельствами жизни иногда бывають при-суждены дѣти остающихся въ живыхъ многосемейныхъ духовныхъ. Умри отецъ — всѣ приняты на казенное содержаніе, учатся и становятся въ жизни на дорогу.

Владыка задумался и, подумавши, произнесъ:

— Охъ-охъ-хо!.. Скажите мнѣ пожалуйста: отъ чего вы, сельскіе, не идете ко мнѣ въ губернію? Многихъ я просилъ въ любой доходной церкви — отказываются. Что скажутъ на это сельскіе? — говорите откровенно.

— Не знаю, какъ другіе, а я не возьму Богъ знаетъ чего оставить свой бѣдный, но радушный приходъ. У насъ въ деревнѣ

простота отношеній, любовь, взаимность безхитростная, а здѣсь, послышу, церковному старостѣ угоди, богатому купцу подкури, какому-нибудь зажиточному шорнику—покади, той выпнеси про-свирку, къ тому приди со крестомъ именно въ восемь часовъ и прокろпи его домъ до потолка, иначе получишь отказъ отъ руб-левки, которую преслѣдуешь, шагая по грязнымъ улицамъ, а мало—отказъ отъ мѣста—онъ-де не угождаетъ... У насъ все просто и по-Божью: прихожане благоговѣютъ передъ нами и ждутъ насъ не дождутся, хоть цѣлую недѣлю къ нимъ не ходи послѣ праздника. Я знаю, какую бѣготню поднимаютъ градскіе духов-ные со крестомъ по приходу, чтобы попасть ко всѣмъ такъ-ска-зать сразу. Нужно родиться въ городѣ, чтобы любить жизнь среди камней. Въ деревнѣ я вѣкъ свой проживу, а здѣсь живо подставлять ногу.

Долго бесѣдовалъ архипастырь съ представителями епархін о школахъ, о церковной проповѣди, о таинствахъ и вообще объ отношеніяхъ духовенства къ народу, давая мудрые совѣты — и ознакомляясь съ душою и матеріальнымъ положеніемъ всѣхъ со-словій. Бесѣда такъ была проста, любезна, радушна, что рядъ бывшихъ въ епархін епископовъ, казалось, дивились съ портретовъ, которыми были увѣшаны цѣлыхъ двѣ стѣны залы. А на депу-татовъ эта бесѣда такъ подѣйствовала, что они, трепетно пришед-шіе сюда, въ заднихъ рядахъ стульевъ, начали уже разнюхивать табачокъ, одинъ даже уронилъ табакерку.

VI.

Депутаты духовенства на сѣздахъ отличаются особеннымъ дружелюбіемъ. Разставшись съ своими семействами, они какъ бы хотятъ найти ихъ другъ въ другѣ. Помимо любезныхъ рас-цѣловываній среди улицъ, они выражаютъ свое дружелюбіе обще-житіемъ. Избравши предсѣдателя сѣзда и сваливши на его плечи всю заботу и работу по дѣламъ сѣзда, депутаты за непремѣнное считаютъ узнать другъ у друга, кто гдѣ остановился и какова у кого квартира. Начинаются приглашенія жить вмѣстѣ и просьбы принять въ общежитіе. Одинъ зоветъ товарища къ себѣ въ ну-меръ, потому что ночью попалъ въ рублевый номеръ, а это одному — накладно. Другой сговаривается жить вмѣстѣ потому, что въ его номеръ можно носить пищу съ торга. Третій хвалитъ свои номера какъ центральные: и къ владнѣй, и къ сѣзду, и къ торгу, и къ консисторіи. Иной просится: примите Бога-ради куда-

нибудь въ общежитіе, — ночью завезли его въ такой номеръ, гдѣ ни сѣсть, ни лечь, ни пить, ни ѣсть, а полтинникъ въ сутки отдай. Да еще однимъ ключомъ всѣ номера отпираются. Обобрали жиды съ желѣзной дороги, не ломая замка. Въмѣсто того, чтобы быть у владыки, онъ попалъ въ часть на допросъ. Такимъ образомъ депутаты разбираются свои по своимъ и заполняютъ собою три-четыре подходящія гостиницы.

На утро предсѣдатель давно пришелъ въ собраніе и ждетъ депутатовъ, а у депутатовъ идетъ переселеніе. По городу ѣдутъ и идутъ духовные съ чемоданами, вульгами, узлами, мѣшками.

Отъ нечего дѣлать предсѣдатель, съ немногими, прибывшими въ собраніе, сочиняетъ на-черно протоколы, по предположенію, что оныя всѣми будутъ подписаны. А между прочимъ депутаты, въ своихъ квартирахъ, обзаводятся хозяйствомъ — и вообще удобствами жизни. Разбившись на партіи человекъ по-двадцати, они берутъ два-три номера, гдѣ и спать, не пренебрегая мѣстомъ на полу, а днемъ — обѣдать, и ночью — ужинать собираются въ одинъ номеръ.

Въ залѣ собранія пять-шесть депутатовъ, *предварительно*, обсуждаютъ вопросъ о распространеніи корпуса и о средствахъ на оное распространеніе, а въ номерахъ депутаты выбираютъ изъ среды себя эконома, для веденія нумерного хозяйства и нумерной канцеляріи.

Избранному эконому партія сдаетъ на руки: жареныхъ куръ, привезенныхъ изъ дома, гусей, утокъ, окорокъ копченой ветчины и барскимъ поваромъ завязанныхъ на дорогу поросятъ. Депутатъ-экономъ, принимая на руки всю эту жарено-валеную живность, недоумѣваетъ: какъ уравновѣситъ между членами партіи приходъ и расходъ, и возражаетъ:

— Отцы! вотъ утка, а вотъ окорокъ — это вѣдь разница, — какъ же мнѣ ихъ писать на приходъ и расходъ?

— Чудакъ человекъ, а еще въ первомъ пятѣ кончилъ курсъ, ты пойми: тебя избрали записывать только то, что кто купитъ на свои деньги къ столу, ну, селедку тамъ примѣрно, — сайку, колбасу, и вести общій расходъ изъ своего кармана на всѣхъ, а послѣ разложимъ, кому сколько придется внести за ѣду. Домашнее — это пойдетъ безъ расчета — съѣдимъ вкупѣ. Ты только займись этимъ дѣломъ, мы тебя освободимъ отъ необходимости ходить въ сѣбздъ.

Экономъ радъ и хлопочетъ, вяжетъ ниткой тетрадку для записи прихода и расхода по содержанію партіи. Для каждого члена партіи онъ назначаетъ страничку въ тетрадѣ и пишетъ на ней имя, отчество и фамилію собрата. Въ номерѣ идетъ шумный говоръ о раз-

ныхъ предметахъ. Въ одномъ углу завязался даже споръ о кажда-
ніи во время чтенія ефимоновъ.

— Позвольте, господа, — остановилъ говоръ и споръ эконо-
момъ: — чью мы селедку ѣли?

— Это моя, — отвѣтилъ одинъ.

— Сколько заплатили?

— Семь копѣекъ.

Экономъ, прижавшись къ окну, пишетъ: сельдь одна — семь
копѣекъ, — и про себя проговариваетъ: — хороша, но дорога.

— А рыба ваша, отецъ Иванъ? — спрашиваетъ экономъ.

— Моя. Это не рыба, а стежка называется — копченая.

— Все равно, изъ рыбы же она выстегнута. Цѣна?

— Тридцать копѣекъ фунтъ, — полфунта отвѣсили.

— Фу, какъ дорога! — дивится экономъ: — это нужно трехъ ре-
бятъ окрестить, чтобы собрать съ прихода денегъ на фунтъ стежки,
и пишетъ: «стежки на пятнадцать коп.». Спросивши про булки
къ чаю, про лимонъ, про клюеву и все это аккуратно записавши,
экономъ возразилъ:

— Господа! намъ нужно подумать и сговориться на счетъ
обѣда — какія порціи заказывать?

— Это дѣло твое, на то ты и экономъ есть: «не бо безъ ума
мечъ носишь».

— Помилуйте, господа, я назначу щи, а другому захочется
супу. Эти вещи нужно рѣшать большинствомъ голосовъ по об-
щему вкусу.

— Послушайте, отцы, — умиленно заговорилъ одинъ пожилой
депутатъ, — вспомните, что мы ѣдимъ дома и чѣмъ насъ кормятъ
въ приходѣ, на поминкахъ, на богомольяхъ; къ чему прихоти:
что отецъ экономъ закажетъ, то и ладно.

— Нѣтъ, позвольте, то поминки, а то нумера — это раз-
ница. Я за свои деньги что хочу, то и съѣмъ. Нужно карточку
спросить.

— Такъ, такъ — карточку, лакея, — заговорило большинство.

Рѣшивши дѣло съ обѣдами, рѣшили также перебраться въ
другіе нумера, окнами не на дворъ, а на улицу, почище, и
только на четвертакъ подороже. Поднялся шумъ — задвигались
по корридору изъ дверей въ двери чемоданы, вульки, мѣшки.
Лакей, переноса вещи, работалъ какъ на пожарѣ.

Устроившись въ новомъ помѣщеніи, депутаты пили, ѣли и
ходили въ собраніе. Въ залѣ собранія, хотя были порядкомъ
разставлены скамьи, но на нихъ депутаты сидѣли безъ порядка.
Депутатовъ пятнадцать обступили кругомъ столъ и, облокотившись,

смотрѣли на что-то пишущаго предсѣдателя, который нерѣдко обращался къ обступившей его группѣ съ вопросами: объ этомъ какъ думаете написать? На счетъ того-то я думаю вотъ такъ-то написать?—Пишите какъ получше, — отвѣчали одни.

— Не спросить ли владыку?—сомнѣвались другіе.

— Владыка ничего не скажетъ. Онъ далъ намъ волю—что хотимъ, то и пишемъ, а послѣ, говорить, что утвержу, а что не утвержу.

— А это всего лучше, значить, мы безъ сомнѣнія можемъ писать, что угодно,—успокоивались обступившіе столъ депутаты.

Большинство депутатовъ стояло, ходило, сидѣло на окнахъ и на скамьяхъ, спина со спиной и протянувши ноги. Всѣ они вполголоса говорили между собой о житьѣ-бытьѣ въ полной увѣренности, что предсѣдатель плохого протокола не напишетъ. Изъ коридора въ слегка отворенную дверь былъ слышенъ въ залѣ какой-то гулъ. Зала походила болѣе на сильный улей, въ которомъ гудѣли пчелы, чѣмъ на залу, гдѣ идетъ собраніе. Отворишь дверь, войдешь, прислушаешься, ничего не разберешь, о чемъ всѣ говорятъ. А пойдешь по радамъ прогуливающихъ, и между скамеекъ услышишь отрывочныя фразы: «какъ мой кумъ поживаетъ?—А мельничиха жива?—Онъ, братъ, гарантася у барыни купилъ... — Я слышалъ, вы дочку пристроили?...—Кропите! если видишь: благородный человѣкъ, то надобно на руку и онъ самъ помажется водой, а мужиковъ и прочій народъ просто махай кропиломъ по головамъ.—Уставъ объ этомъ умалчивается... — Ужъ и кобыла же была!.. страсть!»

Собраніе длится день, другой, третій. Протоколы пишутся, депутаты ведутъ свои бесѣды смирно, но только до наступленія времени обѣда и вечеромъ—ужина. Какъ наступить этотъ часъ, тутъ никакая сила ихъ не удержитъ. Заявятъ между собой: пора, господа, обѣдать, за шапки—и идутъ. Вязетъ въ платокъ бумаги и предсѣдатель, оставленный всѣми.

Болѣе практичныя депутаты покажутся утромъ въ собраніе и исчезнутъ: разгуливаютъ по торгу, по лавкамъ; присматриваются, не попадетъ ли чего дешового, приторговываются, берутъ образчики ситца, шерстяныхъ матерій, замываютъ эти образчики въ нумерахъ съ мыломъ, изъ-подъ крана самовара — не линючили. Отдаютъ въ краску женины вѣнчальныя шелковыя платья, кофточки, шали, по которымъ отъ лежанія въ укладѣ пошли пятна, или краска вышла изъ моды. Иногда идутъ они по улицѣ съ раздутой рясой, какъ въ кринолинѣ, и едва протискиваются въ растворенныя двери номера, гдѣ услужливый лакей спѣшитъ

повытаскать изъ-подъ рясы начинку депутата: сапоги, самоваръ, свертки матерій въ бумагѣ, подсвѣчникъ, пепельницу, чай, панталоны, ременные постромки... и прочія домашнія принадлежности.

Можно подумать, что девяносто-девять депутатовъ, за исключеніемъ пятнадцати, осаждающихъ столъ председателя, составляютъ изъ себя ширму, за которою эти пятнадцать работаютъ; но нельзя сказать, чтобы нѣкоторые изъ бесѣдующихъ въ залѣ собранія про житье-бытье и бродящихъ по городу съ образчиками, были въ совершенномъ невѣдѣніи содержанія протоколовъ. Въ важныхъ случаяхъ председатель обращается ко всѣмъ и написанные безъ голосованія протоколы, въ сообществѣ пятнадцати, всегда прочитываются бесѣдующимъ о породѣ лошадей депутатамъ, передъ рукоприкладствомъ.

Председатель позвонитъ, всѣ смолкнутъ, и прочтеть написанные протоколы.

— Такъ?—спроситъ, кончивши чтеніе.

— Такъ! такъ! отовсюду слышатся голоса.

— Стало быть, единогласно рѣшенъ вопросъ?

— Единогласно!—загудятъ депутаты, обращаясь къ своимъ разговорамъ.

И председатель, оставивши въ сторонѣ мѣстечко, приписываетъ: *единогласно*.

— Еще бы не такъ, на то мы и выбрали тебя, голубчика,—слышится изъ угла басъ, какъ камень, подмытый въ горѣ водопадомъ и катящійся въ бездну...

Бываетъ иногда спрашиваютъ другъ друга:

— Ты къ сколькимъ подписался протоколамъ?

— Вчера—къ тремъ, а нынѣ—къ пяти.

— Ахъ ты, братъ ты мой, а я только нынѣ къ тремъ, вчера вовсе не подписывался—проходилъ къ свояку. Живеть далеко....

— Это ничего, завтра подпишешься. Ихъ сдавать на утвержденіе будутъ сразу всѣ—понимаешь. Свяжутъ и сдадутъ.

— Ну, слава Богу, а я думалъ...

Сѣздъ могъ бы кончиться такъ скоро, что даже самые практичные депутаты, устроившись въ гостинницахъ, не успѣли бы закупить себѣ постромокъ, но его задерживалъ дефицитъ. Утвердивши смѣту, раскладку и рѣшивши другія обыденныя задачи, вопросы, сѣздъ цѣлыхъ пять дней мучился надъ рѣшеніемъ вопроса о способѣ покрытія дефицита. Это былъ важный вопросъ, который рѣшить не рѣшался даже самъ председатель, хотя послѣ и потужилъ.

— Господа, прошу вниманія, — звонить предсѣдатель.

Бурное собраніе стихло.

— Прошу всѣхъ сѣсть, потому предметъ нашего обсужденія настолько важенъ, что....

Всѣ сѣли.

— Въ теченіи года, при устройствѣ и при введеніи образованія въ наши учебныя заведенія, образовался дефицитъ въ три тысячи семьсотъ одиннадцать рублей и сорокъ три и три четверти копѣйки... Стало быть, его надобно покрыть, предложилъ предсѣдатель.

— Изъ чего же выходитъ это *стало быть?* — возразилъ одинъ плотный басистый депутатъ: — имъ ассигновано семь тысячъ, какое они имѣли право расходовать сверхъ ассигновки?

— Позвольте, мы здѣсь собраны не судить виновныхъ, а хозяйничать и покрывать дефициты, — остановилъ рынаго депутата предсѣдатель: — предлагаю вамъ избрать способъ покрытія означеннаго дефицита. Разумѣется, безъ налога на духовенство нельзя обойтись, но какъ уравнивать налогъ? Съ душъ, что-ль, приходскихъ, съ земли церковной, или еще какъ?

За шумѣло собраніе: кто говоритъ съ душъ, кто съ земли, кто съ приходскихъ дворовъ или трубъ, кто съ крестинъ, поминокъ и другихъ требъ, а кто и вовсе не желалъ покрывать дефицита. Обсуждая этотъ вопросъ, депутаты поднялись съ своихъ мѣстъ. Предсѣдатель звонилъ, звонилъ, и колокольчикъ бросилъ. Члены комиссіи, творцы дефицита, были тутъ же. Сидя въ уголкѣ, они выглядывали, какъ мыши изъ дрожжей. Нѣкоторые депутаты, сидя у стѣнки на заднихъ скамьяхъ, подъ шумокъ собранія, пересчитывали на волѣнныхъ деньжонки. Одни соображали: сколько придется заплатить за порціи; за номера и не останется ли, изъ данныхъ духовенствомъ денегъ на проѣздъ въ сѣздъ, малая толка — на платочекъ женѣ. Другіе тушили, что много истратили денегъ на покупку разной домашней рухляди. Третьи убѣждались, что если сѣздъ продолжится еще дня два-три, придется изъ номеровъ бѣжать на постоянный дворъ. Собраніе долго бы шумѣло, еслибъ не наступилъ роковой часъ обѣда. Наступилъ этотъ часъ и всѣ разошлись, продолжая ораторствовать о дефицитѣ даже по улицамъ, въ удивленію торговыхъ съ лотвами селедокъ и лимоновъ. Но голодъ не тѣтка. Разобравшись по номерамъ и собравшись въ гостинницѣ въ одинъ общій номеръ, партія депутатовъ забыла дефицитъ и приступила къ обсужденію вопросовъ о нумерныхъ порціяхъ. Пока лакей гремѣлъ приборами, собирая обѣдъ, партія потребовала отъ эконома приблизительный от-

четь. Экономъ смекнулъ и объявилъ такую цифру расхода, что многіе депутаты разинули рты.

— Господа, это невозможно, — возразилъ одинъ, — этакъ мы пройдемся всѣ насквозь и попремъ домой пѣшкомъ. Помилуйте! угощаютъ насъ здѣсь почти одними тарелками, наносятъ ихъ сюда цѣлые вороха, грому что одного, а ѣсть нечего — и извольте отдать ему полтинникъ за порцію, которою размажь по тарелкѣ и ничего не останется. Отецъ экономъ, нельзя ли намъ покупать въ обжорномъ ряду вареное мясо, самое лучшее и взять горчички тамъ, сушеного хрѣну, оно бы замѣнило намъ цѣлое холодное блюдо, которое въ формѣ трактирной порціи вчетверо дороже?

— Отчего-жъ, — можно.

— Нѣтъ, позвольте, отцы, выслушайте мою рѣчь, — началъ другой депутатъ: — пьемъ мы здѣсь, ѣдимъ, вотъ ужъ пятый день, а толку вижу мало: и дорого и тонко. — Нельзя-ли этакъ устроить окрошечки?

Мысль объ окрошкѣ была всѣми одобрена, но по справкѣ оказалась опять очень дорога; депутаты вошли было въ переговоры съ лакеемъ объ устройствѣ ея экономическимъ образомъ, независимо отъ гостиницы, въ чемъ и онъ брался имъ помочь; но многіе, по соображенію дороговизны гостиницы, склонялись на то, чтобы оставить нумера и перейти въ болѣе подходящія мѣстожителства.

Преніе на-счетъ окрошки было громогласное. Не успѣли наши депутаты это преніе покончить какъ-бы должно, — явился въ общій нумеръ депутатъ изъ сѣзда:

— Господа, что же вы дѣлаете? — председатель васъ ждетъ часа три. — Вопросъ поднять важный, а рѣшать нѣкому.

Депутаты на-скоро одѣлись и отправились на сѣздъ, гдѣ въ сущности никакого важнаго вопроса не рѣшалось, а все толковали о способѣ покрытія дефицита полу-мопѣчнымъ съ души сборомъ. Училищный экономъ шепталъ председателю на-ухо о прибавкѣ жалованья и о кусочкахъ, остающихся отъ стола пансіонеровъ, чтобы журнальнымъ постановленіемъ обратить ихъ въ его пользу, чтобы люди глаза не кололи, но председатель посоветовалъ заявленіе о кусочкахъ отложить къ концу собранія, когда депутатовъ забереетъ настоящая скука и они рѣшатъ этотъ вопросъ, безъ прерій, въ его пользу. Учитель просилъ помѣстить сына на названное содержаніе, въ виду поощренія его педагогическихкихъ способностей, — сторожа готовились у двери собранія съ заявленіемъ о прибавкѣ на харчи. Но все это мелочь. Толковали и заносили въ протоколы о поднятій забора на

улицу на три доски, въ виду охраненія нравственности воспитанниковъ, о покрытіи бѣлилами стеколъ зданія, выходящихъ на улицу, съ тою же цѣлью, объ исправленіи повисшихъ воротъ, о способѣ сбыта на торгу изношеннаго ученическаго платья и сапогъ — и прочее. Всѣ эти вопросы рѣшались скоро, безъ особенныхъ преній.

— Стало-быть, замазать стекла, отцы? — спросить председатель.

— Замазать,— оно покойнѣй.

— Такъ прикажете и въ протоколѣ изобразить?

— Такъ и изобразить.

Председатель предложилъ еще вопросъ на рѣшеніе. Одни, желая скорѣй отдѣлаться отъ сѣзда, согласились поднять преніе и рѣшить, но другіе желали идти обѣдать, ибо часъ обѣда прозвонилъ. Произошло преніе уже не о предложенномъ председателемъ вопросѣ, а о томъ: до обѣда рѣшать этотъ вопросъ, или послѣ? Предлагали даже рѣшить этотъ вопросъ на шарахъ. Но въ продолженіи спора аппетитъ охватилъ желудки даже и тѣхъ, кто былъ противъ обѣда, — и всѣ разошлись.

Депутаты пообѣдали, соснули, — собрались въ общій номеръ къ чаю. За чаемъ шла рѣчь — и спорная рѣчь — о непогрѣшимости папы. Не успѣли рѣшить вопроса: дѣйствительно ли папа непогрѣшимъ, или это утка, какъ за окномъ, на колокольнѣ, бухнулъ семисотъ-пудовый колоколъ.

— Что это значитъ??! — почти въ одинъ голосъ удивились депутаты, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ.

— Какъ что? — а Воздвиженье-то?

— Ужъ Воздвиженье на дворѣ! вотъ тебѣ разъ, — дожили до чего!

— Съ этимъ сѣздомъ и дни-то позабудешь.

— Нѣтъ, надо просить председателя, чтобы закрыть сѣздъ. Мы вѣдь проживемъ всѣ, — дома и собаки не узнаютъ.

Колоколъ такъ взревѣлся на колокольнѣ, что дрожали стѣны гостинницы и плясали стаканы на столѣ. Депутаты забыли папу и соображали: куда идти во всенощной? Кто собирался въ крестовую, послушать архіерейскихъ пѣвчихъ; кто — въ мужской монастырь, послушать монаховъ; кто — въ женскій — монахинь. Одинъ — въ семинарскую церковь, гдѣ онъ шесть лѣтъ молился о полученіи хорошихъ балловъ и о переводѣ изъ класса въ классъ, а одинъ говорить:

— Нѣтъ, господа, я пойду къ Казанской Божіей Матери. Она, Мать Пресвятая Богородица, выручила меня: кончаемъ это

мы курсъ, во время дня, подошли экзамены,—наукъ пропасть! сами знаете: и догматика, и герменевтика, и медицина—страсть. Лежу это я подъ яблоней въ саду, на квартирѣ, съ догматикой. Зажмурился, загадалъ: вотъ объ этомъ возьму билетъ? развертываю книгу, — о вездѣсущіи! Развертываю еще разъ—о злыхъ духахъ. Ничего не могу прочитать. Шабашъ! — голову повѣсилъ. А на чтѣ ужъ всегда твердилъ,—вотъ какъ твердилъ: бывало, въ ухахъ зазвенить! Хорошо-съ... вижу мое дѣло плохо. Вамолился я на небо: Господя, не погуби четырнадцати-лѣтнихъ истязаній и трудовъ въ училищѣ и семинаріи! и съ этими-то чувствами бѣгу въ Казанскую церковь, — молюсь, слезно молюсь—съ сокрушеніемъ, все свое отчаяніе принесъ къ иконѣ Богоматери. Что-жъ вы думаете?..—шабашъ,—вся забота объ экзаменѣ съ-разу отпала:—чтѣ будетъ, то будетъ. Другіе ночей не спятъ: все твердятъ—то тетрадку, то книжку, сердитые такіе—не подходи, а я, братъ, прикрылъ всѣ науки, связалъ веревочками, уложилъ въ сундукъ—и похаживаю себѣ, какъ квартальный по кварталу, во время экзаменовъ, руки въ карманъ. Вызовутъ — жарю на четыре да на пять. Что-жъ вы думаете? — въ первый разрядъ забрался, гдѣ отъ роду небылъ, — вѣкъ свой не забуду.

— Вами надежда сильно овладѣла,—замѣтилъ одинъ.

— Это все такъ, а вы, отцы, подумайте, чѣмъ мы завтра будемъ питаться, какія порціи заказывать?—возразилъ одинъ депутатъ.

— Н-да, это вопросъ,—протянулъ другой.

— Вы, отецъ Егоръ, дерзнете на рыбное?

— Какъ общество благословить, я отъ общества не прочь.

Экономъ всѣхъ переспросилъ и переписалъ. Оказалось, что всѣ персоны—рыбныя, одинъ только отецъ Сидоръ—свекольный. Позвали лакея.

— Ну, братецъ ты мой, ты слышишь гулъ колоколовъ по губерніи?—обратился къ лакею экономъ.

— Слышу-съ.

— Понимаешь, чтѣ это означаетъ?

— Какъ не понимать,—завтра само Вздвиженіе.

— Ну, вотъ. Значить, ты для насъ закази на девятнадцать персонъ обѣдъ и ужинъ рыбный, а на одного безрыбный: свеколки тамъ, морковки вели покрошить, рѣдечки потереть.

— У насъ постнаго ничего не готовится,—объявилъ лакей:—потому—гостинница у насъ портовая, можно сказать: останавли-

вается баринъ, къ примѣру, и зажиточный купецъ, который посты потерялъ, можно сказать.

Депутаты, слушая такой вердиктъ лакея, буквально разинули ротыки.

— Ну, нельзя ли устроить хозяйственнымъ образомъ, — въ родѣ окрошки?

— Невозможно-съ. Потому, то одно блюдо скрасть, а то — всё: ефто разница.

Потребовали хозяина. Пришелъ пузатенькій, приземистый, съ просьбю купчикъ. Принимая отъ всѣхъ благословеніе и чмокая руки депутатовъ, онъ говорилъ.

— Я знаю, по какому случаю позвали вы меня. Ефто насчетъ рыбнаго-съ. Но доложу вамъ: держалъ я допрежде рыбное, когда былъ у меня трахтеръ, куда всякъ валился. А какъ изъ трахтера передѣлалъ номера и постное кушанье закрылъ, потому требованія не стало — посты всѣ побросали. Бывалыча купецъ, какъ онъ ни будь богатъ, все давай ему рыбу по середамъ, по пятницамъ, а нонѣ всѣ сровнялись съ господами по ефтой части. Съ великимъ удовольствіемъ поѣду самъ завтра на торгъ и куплю для васъ рыбы. Потому барышникъ останется отъ васъ, все-таки не одному, а партіи, можно сказать, устрою я ефту прихоть.

Для одного о. Сидора готовить безрыбный столъ хозяинъ отказался. Всѣ депутаты остались довольны хозяиномъ, кромѣ о. Сидора, который, качая головой, рассуждалъ о развращеніи нравовъ и свое рассужденіе подтверждалъ текстами: «Вси развращаѣтиса, вси до единаго»...

На утро, отстоявши въ разныхъ церквахъ раннія обѣды, депутаты ликовали за чаемъ въ *сходнѣ*, — такъ прозвали общій номеръ. Собранія не было, — праздникъ — грѣшно. А о. Сидоръ, обуреваемый заботою о пищѣ, блуждалъ по торгу и, наконецъ, придумалъ: онъ купилъ бутылку квасу, фунтъ кислой капусты, пару огурцовъ соленыхъ и рѣдьку. Засунувъ въ карманы рѣдьку и бутылку, онъ бережно несъ въ рукахъ, завернутые въ указъ палаты 1800 года, капусту и огурцы и отдалъ въ гостинницѣ приготовить два блюда: окрошку и ломтиками рѣдьку. Лакей отправилъ продукты въ кухню, гдѣ вылили изъ бутылки въ капусту квасъ, покрошили огурчиковъ, приправили лучкомъ, наръзали красивыми зубчатыми ломтиками рѣдьку, приправили уксусомъ, то и другое присыпали сверху зеленой и подали. А въ книжку записали на о. Сидора полтинникъ за приготовленіе

двухъ блюдъ и этотъ полтинникъ взяли-таки, какъ ни доказывалъ о. Сидоръ незаконность такого вниманія.

— Я, отецъ святой, въ вашу церковь не хожу съ своимъ уставомъ, — придерживая на счетахъ пять косяковъ и взмахивая волосами, при расчетѣ говорилъ хозяинъ, — у насъ положеніе такое. Мы васъ насильно не тащили къ себѣ.

— Такъ его и надо, — вполголоса замѣтилъ депутатъ одного съ о. Сидоромъ уѣзда другому депутату.

— За что же, жалко, онъ вѣдь, сердечный, дорожке нашего заплатилъ, считите-ко его карманную провизію, — отвѣтилъ баскомъ депутатъ другого уѣзда: — Богъ съ нимъ, пусть постится.

— А вы знаете, что это за человѣкъ? — это чортъ, который ни пьетъ, ни ѣстъ, а зла въ мірѣ много творить, — объяснялъ знакомый ему депутатъ, когда о. Сидоръ, поблѣднѣвшій отъ озлобленія, что дорого и напрасно отдалъ полтинникъ хозяину, вышелъ изъ номера въ корридоръ. — Онъ не пьетъ ни водки, ни вина, посты соблюдаетъ строго, однажды въ годъ ходитъ въ баню, носитъ на груди складень — иконы, — на спинѣ вериги изъ старыхъ подковъ, но гордъ, какъ діаволъ, лукавъ и постоянно кипитъ злобою на ближнихъ. Вы взгляните въ его фивіономію хорошенько: постоянно щурится, передергиваетъ губами, щиплетъ бородашку. Все это — выраженіе хитрости, зависти, злобы, насмѣшки. Причетники своихъ онъ замучилъ, такъ и стоять въ снѣгахъ съ трехъ часовъ утра, ожидая повелѣнія благоувѣститъ. Доходами ихъ обсчитываетъ, постоянно пишетъ на нихъ доносы. Слѣдователи постоянно живутъ у него въ селѣ. Прихожанъ притѣсняетъ, а ужъ служить имъ, Боже упаси!

— Да это просто сьумасшедшій и злой къ тому же, — какъ же онъ служить? Что-жъ, его не зарѣзать въ дычѣи?

— Должно быть, считаютъ помѣшаннымъ, признаютъ невмѣняемость преступленій.

— Какъ же въ депутаты онъ попалъ?

— А пусто его знаетъ, шаръ-то вѣдь дуракъ. Вѣроятно въ ихъ десяткѣ не оказалось желающихъ выбираться въ депутаты.

— Что-жъ не сказали прежде, мы-бъ его не приняли въ партію. Это человѣкъ опасный, онъ не пишетъ ли на насъ доноса. Что-то онъ писалъ вчера, прижавшись къ окну...

— Давайте-ка лучше его уволить отъ себя съ Божіею помощію. О. экономятъ, считите-ко, сколько слѣдуетъ денегъ за кушанье и номера съ лица, по настоящее число. Здѣсь не домъ умышленныхъ.

Экономъ живой рукой учелъ, что слѣдовало получить съ

о. Сидора и объявилъ: двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ съ персоны—тутъ и ѣда и номера.

Никто не ожидалъ, чтобы составилаь такая крупная цифра расхода на лицо, и эта неожиданность навела на многихъ панику. Нѣкоторые депутаты рефлексивно зацупали свои карманы, вытаскивали портъ-моне, кошельки, считали деньги и что-то вычисляли карандашами на крошечныхъ, карманныхъ записочкахъ. Пришелъ въ номеръ и о. Сидоръ.

— О. Сидоръ, доставайте-ко двѣнадцать съ полтинной, у насъ идетъ расчетъ по сіе число,—предложили ему.

— За чтó такъ много?

— За порціи, за номера, развѣ не знаете за чтó.

— Ну, это еще нужно проверить.

— Извольте, повѣряйте, смотрите запись...

— Мало-ли чтó можно написать.

— Такъ, стало-быть, вы эконому не вѣрите и сами не помните, чтó изволили кушать, въ такомъ случаѣ...

— Въ такомъ случаѣ вы со мною ничего не можете сдѣлать, если я захочу не отдать вамъ ни копѣйки, я всѣ законы знаю: пожалуйста подписку, что я добровольно согласился съ вами трапезовать.

— Какая-жъ тутъ подписка?!

— Вотъ то-то и есть... Я скажу, что вы пригласили меня съ собою обѣдать, какъ гостя, за сообщенныя вамъ мною тайны судопроизводства и правъ, а вы хотите меня обобрать. Я жалобу напишу. Я трехъ поповъ засудилъ, діакона уперъ подъ началъ, дьячка—въ родъ жизни...

— Вотъ оказія! дивитесь депутаты. Въ тихомъ омутѣ черти водятся.

— Какъ! во мнѣ злые духи водятся! — воскликнулъ о. Сидоръ. — Хотѣлъ-было дать три рубля, теперь не дамъ и уйду.

— Господа! всего по шесть гривенъ намъ сложиться, чтобы заплатить за него, пусть убирается, провались онъ пропадомъ отъ насъ—согласны?

— Согласны, согласны!.. вонъ!

Не одному о. Сидору, а и многимъ показалось, что денегъ прожито много. Но эти многіе признавали счетъ эконома вѣрнымъ, не хотѣли увертываться и лукавить, какъ о. Сидоръ, а только соображали: какъ бы пресѣчь теченіе расходовъ не по карману.

— Это вы, о. Игнатъ, соблазнили перейти въ рублевые ну-

мера, на улицу окнами. А что здѣсь особеннаго? ничего. Извольте-ка вамъ двѣнадцать съ полтиной и—прощайте.

— Какъ, куда, зачѣмъ, милый человѣкъ? мы васъ не пустимъ.

— Истинно вамъ говорю: осталось только три рубля на машину. Грѣхъ догадаться накупиться по городу того-сего — истратился. А тамъ сынъ присталъ: купи шарфъ на шею, мода вышла. Дѣлать нечего, далъ рублевку на шарфъ. А ужъ какъ это вредно, по опыту знаю: я отродясь не носилъ ваточной манишки, бывало идешь въ классъ, сугробъ снѣга нанести за пазуху, еще лизнешь снѣжку, очищая пазуху, ну, и здоровъ. А товарищи, бывало, надвинуть манишку во всю грудь, съ разными карманчиками для карандашиковъ сызнанки, — что-жъ вы думаете: всѣ манишники примерли, а я живъ и здравствую. У меня, вѣдь, списки товарищей. Какъ умереть, отмѣчу и молюсь за него.

— Ну, видно, жена осталась безъ мантильи, — горевалъ одинъ депутатъ, развалившись по дивану, — а ужъ какъ приказывала купить, — теперь не на что.

— Примите-ка двѣнадцать съ полтиной, о. экономъ, — выкладывалъ на столъ деньги еще депутатъ, — и прощайте. Нога моя не будетъ на сѣздѣ.

— Стой, стой! и вы бѣжать? а сѣздъ-то?

— Богъ съ нимъ, сѣздъ. У меня всего осталось семь гривенъ на дорогу, и за машину нечѣмъ заплатить. Принужденъ или пѣшкомъ идти, или пробиваться по роднымъ — просить подвести отъ родного до родного...

— Позвольте, господа, мы не допустимъ, чтобы кто-либо изъ насъ бѣдствовалъ на сѣздѣ и шелъ пѣшкомъ со сѣзда, — вступился депутатъ, землевладѣлецъ семи десятинъ безъ купчей крѣпости. Мы сербовъ, черногорцевъ выручали, а уполномоченнаго покинемъ? Складчину, господа, складчину. Ради вляузника сложились на двѣнадцать рублей, а для милѣйшаго о. Егора откажемся? Намъ и придется всего по гривеннику какому-нибудь, чтобы додержать его на сѣздѣ и доправить домой по машинѣ.

— Что же это все складчина, да складчина; не бросить ли намъ эти проклятые рублевые нумера? — замѣтилъ одинъ. — Доживемъ, что всѣ понуждаемся въ складчинѣ и складаться будетъ некому — ступай домой на Христово имя.

— Изъ рублевыхъ нумеровъ да на постоянный дворъ не ловко, а мы вотъ что устроимъ: переселимся всѣ въ одинъ номеръ. Какъ здѣсь не убраться, живали же мы по двадцати человѣкъ въ одной комнатѣ, когда учились. Вотъ уже сразу у насъ бу-

детъ четыре рубля экономіи въ сутки. Порціи будемъ брать по-жиже, такъ сказать, безъ капорцевъ, ну, и обойдемся.

Минутъ черезъ десять совершилось новое переселеніе депутатовъ изъ четырехъ номеровъ въ одинъ пятый. Стѣсненные и притѣсненные нуждой, они занялись составленіемъ заявленія въ собраніи, чтобы въ сѣздѣ былъ порядокъ и напрасно не тратилось бы время.

Партія, о которой мы говоримъ, хотя и стѣснилась, но удержалась въ номерахъ до конца сѣзда. Но были партіи, которыя, усматривая дефициты въ своихъ карманахъ, какъ израильтяне по бѣлу свѣту, рассыпались по дешевымъ квартирамъ города.

Что же мы забыли знакомаго намъ отца Филипа Паутиновскаго? Онъ также здѣсь. Матушкины куры, для угощенія духовенства на выборѣ, не пропали даромъ. Отецъ Филиппъ сначала попалъ въ партію—въ номера. Не понравилась ему номерная жизнь. Проживши сутки, онъ разсчелся и переселился на знакомый ему постоянный дворъ, куда ежедневно приѣзжало много извозчиковъ и разныхъ мужиковъ. Привычка проводить время съ своими прихожанами-мужиками такъ и тянула его въ мужикамъ. Здѣсь жилъ онъ въ общей огромной, но чистой избѣ. Спалъ на лавкѣ подъ святыми. За квартиру платилъ пятачокъ въ сутки, обѣдалъ за общимъ столомъ съ проѣзжающими. Обѣдъ состоялъ изъ самыхъ жирныхъ и просторныхъ блюдъ — *паш до отвалу*, и стоилъ всего четвертакъ съ лица. Мужики его любили за его простоту и общительность съ ними, а всего болѣе за разные наставленія, которыя щедро лились изъ устъ депутата, и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и съ лавки, и съ печки. Мужики разъ хотѣли сложиться и заплатить за его обѣдъ, но о. Филиппъ не согласился. Мужики купили ему черепенниковъ, меду и угостили его послѣ обѣда. Когда въ избѣ пили водку, первая рюмка предлагалась о. Филиппу. Если это случалось передъ обѣдомъ, о. Филиппъ благословить и полрюмочки выпить, въ другое время только благословить.

— Да ты хоть пригубь, отецъ родной,—просятъ его.

И онъ пригубить.

Влѣзетъ въ избу извозчикъ или пьяный мужикъ съ торга и грохнетъ крупное словечко, всѣ его сдерживаютъ:

— Замолчи: батѣа лежитъ на печѣ.

И дерзкій пьяный съ извиненіемъ лѣзетъ къ о. Филиппу на печку, откуда о. Филиппъ читаетъ всѣмъ увѣщаніе:

— Эхъ, вы, братцы, что вамъ за охота быть хуже лошадей, которыхъ вы дергаете возжами? Ну, скажите на милость: выругастся такъ лошадь, какъ выругалъ ты неизвестно кого?

И беретъ съ мужика клятву впередъ такъ не браниться.

— Ничего не подѣлаешь,—оправдывается мужикъ,—кнутъ, разбойники, украли на торгу. Лошадь кляча, на ней безъ кнута къ свѣту домой не дойдешь.

Отецъ Филиппа безпокоилъ болѣзненный крикъ ребенка изъ хозяйской комнаты. Онъ проникъ и туда. На рукахъ у матери онъ увидалъ ребенка съ тоненькими ножками, большимъ животикомъ и худенькимъ страдальческимъ личикомъ.

— Чѣмъ это страдаетъ ребеночекъ?—спросилъ о. Филиппъ у матери.

— И сама не знаю; съ самыхъ Петровокъ сдѣлалось,—кричить, ни дня, ни ночи нѣтъ отдоху. Петровки большущіе случились, цѣлыхъ шесть недѣль,—у самихъ лужъ да селедки въ брюхѣ щель пробѣли, а ребеночекъ-отъ селедку не можетъ ѣсть, ну, и вотъ, должно, отъ Петровокъ заболѣлъ.

— Да ты бы молокомъ, кашкой молочной его кормила.

— И-и, что ты это говоришь, ему ужъ три поста прошло.

Дворникъ былъ мужикъ, а у мужиковъ повѣрье: ребеночекъ послѣ рожденія можетъ только три поста питаться скоромнымъ, а въ четвертый постъ его кормятъ тюрей и кашей на водѣ. И бѣда родиться ребенку въ крестьянскомъ быту въ іюлѣ мѣсяцѣ—непремѣнно въ іюлѣ на другой годъ сойдеть въ могилку; ибо, послѣ іюля наступаетъ постъ предъ Успеніемъ, второй—предъ Рождествомъ, третій—передъ Пасхой, и—конецъ ребенку скоромная пища. Наступаетъ четвертый постъ, Петровъ,—ну, и пошли страданія. Къ счастью, что этотъ постъ не всякій годъ бываетъ великъ, мѣняется: то шесть-пять недѣль, а то недѣля.

Отецъ Филиппъ засталъ ребенка, когда мать желала накормить его тюрею изъ квасу съ хлѣбомъ: была середина. Ребенокъ не хотѣлъ ѣсть, морщился, кричалъ и отпихивалъ отъ себя кушанье. Отецъ Филиппъ уговорилъ бабу кормить дитя скоромнымъ и при себѣ же приказалъ дать ему молока. Надобно было видѣть, съ какою радостью ребеночекъ схватилъ рученками стаканъ молока и сталъ пить, роняя въ молоко съ рѣсницъ свои слезки.

Платя пятачекъ за ночлегъ и очень недорого за просторный простой обѣдъ, о. Филиппъ не только не бѣдствовалъ, живя на сѣзадѣ,⁹ а даже съэкономилъ деньжонокъ на платочекъ женѣ и на гостинцы дѣтямъ. Не оставляя своего проповѣдничества на постояломъ дворѣ, онъ усердно ходилъ въ собраніе, какъ при-

казный въ судъ — и всегда торчалъ въ группѣ облокотившихся на столъ, вокругъ предсѣдателя.

Въ нумеръ, куда переселились девятнадцать депутатовъ и гдѣ шелъ оживленный говоръ, по поводу составленія заявленія на сѣздъ, распахнулись двери. Въ нихъ показался востроносый, худощавый депутатъ. Не снимая собольей шапки, съ насмѣшливой улыбкой, онъ воскликнулъ:

— Вы здѣсь, господа?

— Здѣсь, — отвѣтили депутаты, усаживаясь за ужинъ, съ сокрушеніемъ сердца о дороговизнѣ порцій и, за недостаткомъ стульевъ, подгораживая къ столу чемоданы, мѣшки.

— Ходилъ, ходилъ по нумерамъ, какой ни отворю, все пустой. Я ужъ думалъ, что вы исчезли.

— Помилуйте, а сѣздъ-то?

— Что сѣздъ! Я тамъ только два раза былъ, и то лишь для подписи къ протоколамъ. Тамъ выбранъ предсѣдатель, ну — и ворочай. По-моему, нашъ сѣздъ — просто излишняя ширма. Тамъ ужъ давно рѣшено, какъ нужно рѣшить. Наше дѣло — руку приложить и ногу протянуть, чтобы достать изъ кармана денежки — вотъ и вся. И я съ удовольствіемъ дѣлаю то и другое, ибо искренно сознаю, что цѣль нашего владыки: не проворонитъ лѣнтыевъ ни къ чему негодныхъ, посредствомъ нашихъ сѣздовъ, какъ это бываетъ иногда на другихъ сѣздахъ, училищныхъ тамъ, земскихъ, думскихъ, коммерческихъ и прочее, а прокормитъ голодныхъ, которые, имѣя дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, осаждаютъ собою архіерейскій домъ съ прошеніями.

— Ну, все-таки... по крайней мѣрѣ, мы добровольно такъ-сказать и форменно, можно сказать, приносимъ на сѣздахъ жертвы бѣдствующему человѣчеству.

— Кому? Содержателямъ гостинницъ? Калачникамъ? Они не стоятъ того.

— Да вы раздѣвайтесь, не хотите ли съ нами поужинать.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я такъ пришелъ, отъ тоски. Нерадъ, что попалъ въ аристократическіе номера. Тамъ стоитъ генералъ, тутъ предводитель, лавки во фракахъ. Пробовать выходить въ общую залу, въ бильярдную, заведу рѣчь, все какъ-то не ладится. Я заговорю объ умолотѣ, а онъ норовитъ въ клубъ. Самъ бы пошелъ въ клубъ посмотреть, что тамъ дѣлается, но не позволяетъ костюмъ.

Гость депутатъ ловко сбросилъ съ плечъ шелковую рясу и

запустивъ пальцы въ жирную золотую цѣпочку на груди, заходилъ по номеру гусинымъ шагомъ и продолжалъ:

— А славная штука эти наши сѣзды! Все-таки развлеченіе. Сколько ни сиди въ деревнѣ безъ выѣзда, сколько ни трясишься на рыдванкахъ по приходу, поневолѣ захочешь развлечься.

— Хорошо вамъ жить, когда у васъ бабушка ворожить, да еще вдовый, бездѣтный—замѣтили депутаты:—попробовали бы по нашему здѣсь пожить, заглянешь въ карманъ, а оттуда выглядываетъ дефицитъ.

— Не завидуйте. Плохо нашему брату безъ жены. Въ клубъ нельзя, въ театръ нельзя, остается.....

— По-моему, сѣзды вотъ еще въ какомъ отношеніи полезны:—сказалъ одинъ изъ депутатовъ:—здѣсь мы, сталкиваясь, обобщаемся опытностію въ пастырской дѣятельности, въ хозяйствѣ и вообще въ жизни. Я, напримѣръ, двадцать лѣтъ напрасно провадилъ народъ во всеночныхъ. Здѣсь только узналъ, что это не необходимо, а устроено въ городахъ для сбора денегъ: покарать купца, онъ и дастъ семерку. А я задаромъ провадилъ.

— Это вѣрно,—подтвердилъ другой:—я, напримѣръ, здѣсь узналъ, что нашъ пискарь, оголецъ, если его заморить, повалить въ муку, пересыпать сахаромъ и положить въ уксусъ—вкуснѣй сардинки, которая семь гривенъ воробка. Опытномъ дознано: одинъ депутатъ на сѣздъ привезъ. Такая, я вамъ скажу, роскошь...

Дня черезъ два сѣздъ наскучилъ даже и тѣмъ депутатамъ, которые ѣхали на сѣздъ съ цѣлію лишь *поболтаться*. Депутаты стали ужъ упрашивать предсѣдателя, чтобы какъ ни кончить, только бы поскорѣй кончить сѣздъ—всѣ-де почти *пропались*, а многіе улепетнули домой, безъ подписи къ протоколамъ, чтобы не заложить рясъ на ѣду. Протоколы быстро писались, еще быстрѣй читались и предлагались къ рукоприкладству. Всѣ молча ждутъ не дождутся подписи къ послѣднему протоколу.

Среди этой тишины поднялся одинъ депутатъ и обратился къ собранію.

— Отцы святін и собратіе боголюбивые! послушайте мою рѣчь на прощаніи. Не первый я сѣздъ здѣсь живу. Опытномъ позналъ, что много насъ здѣсь лишнихъ. Работаютъ девять, а всѣхъ насъ девяносто девять. Всѣ мы прожились,—проѣлись, прокутились. Мы только губернію ѣдимъ сюда кормить. Она и безъ насъ, матушка, будетъ сыта. На проѣздъ въ сѣздъ съ духовенствомъ бѣднаго мы собрали по пятнадцати рублей—это составить полторы тысячи серебра!.. Да столько же, если не больше, всякъ изъ насъ прибавилъ къ нимъ своихъ. Потому невольный

соблазнъ: чего бы не купилъ, — всюду носить, навязываютъ, ну, и купишь такую штуку, какая вовсе дома не нужна.

— Такъ, такъ! вѣрно! — аплодировала оратору публика.

— Стало быть, уже не полторы, а три тысячи изъ кармановъ духовенства вонъ — непроизводительнаго расхода для него. А сколько дома убытка, по причинѣ отсутствія хозяина? Будь я дома, адоній овса-то былъ бы обмолоченъ, сухой, съ постати, я бы взялъ хорошія денежки, продавши во-время и сухой хлѣбъ, а онъ сердешный стоитъ, его телята кругомъ обчесали, — что ни копна, мѣры нѣтъ, да и зерно-то со снѣжкомъ. Опять на всѣхъ не менѣе полутора тысячъ найдемъ убытка въ хозяйствахъ нашихъ.

— Вѣрно! Вѣрно! — кричала заскучавшая публика. — Работники безъ хозяина чешутся, какъ бы день прошелъ, тащатъ подкову, уздечку въ кабакъ, а жалованье за эту работу ему дай, и прокорми его. Тутъ опять полторы тысячи! молодецъ, отецъ Геннадій! Отецъ Геннадій продолжалъ:

— Смотря лишь съ матеріальной точки зрѣнія на наши собранія, я умалчиваю о тѣхъ нравственныхъ потеряхъ, какія непременно должны быть, по случаю отсутствія всѣхъ насъ изъ своихъ домовъ и приходовъ на такое долгое время. Я самъ готовлю сына въ училище — онъ въ ладышки играетъ безъ меня. Вонъ отецъ Филиппъ ни одной обѣдни не оставляетъ безъ задушевной проповѣди, прямо изъ устъ, — его кафедра смокла. А тамъ воры залѣзли въ кладовую, пользуясь отсутствіемъ домовладыки, — да что толковать: ни по какой ариметикѣ не высчитать намъ всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ убытковъ. А все изъ-за чего? замазать бѣлилами окна, покрыть дефицитъ. Ужели для этого нужно собрать девяносто-девять человѣкъ? Могутъ и девять съ этимъ управиться. Давайте на-последѣяхъ составимъ такой протоколъ:

Всѣ сѣзды, какіе совершаются въ настоящемъ видѣ — прикрыть. Въмѣсто девяносто девяти, по депутату отъ десяти приходовъ, пусть займутся всѣми этими дѣлами выборные по человѣку съ уѣзда, или съ вѣдомства, а всего лучше тѣ же благочинные. Они люди выборные, имъ все извѣстно по округу. А полторы-то тысячи, что духовенство тратитъ на проѣздъ насъ въ сѣзды, пожертвуемъ на нужды нашихъ училищъ. А мы избавимся отъ укоровъ со стороны избравшаго насъ въ депутаты духовенства: безбожники, вы суму тянете съ нищаго: дай вамъ на проѣздъ, да еще вы на сѣздѣ обложите насъ разными налогами: съ души, съ земли, съ требъ.

— Позвольте, а куда же мы отодвинемъ идею самоуправленія? — возразилъ пухленькій губернский депутатъ, поправляя крестъ на груди.

— Это гдѣ? въ нумерахъ-то самоуправленіе, на счетъ порцій? — отвѣтилъ ему деревенскій депутатъ, жмурясь однимъ глазомъ. Губернский депутатъ сѣлъ.

— Такъ, такъ, вѣрно!.. — зашумѣли депутаты. — У насъ одинъ поплатился за эту комедію.

Предсѣдатель завзвонилъ, и когда всѣ смолкли, началъ:

— Отцы, быть можетъ, мнѣніе отца Геннадія и справедливо, но мы должны не забывать, что собрались здѣсь не для того, чтобы законы писать, а лишь ихъ исполнять. Всѣ высказанныя мнѣнія отца Геннадія не могутъ быть занесены въ протоколъ нашихъ засѣданій, какъ не входящія въ кругъ нашихъ занятій, а потому прошу приступить къ подпису уже подготовленныхъ протоколовъ, отслужимъ благодарственный молебенъ, что Господь сподобилъ насъ совершить во блазѣ дѣло, помолимся и — по домамъ.

— Ну, на словахъ хотъ передайте владыкѣ мою мысль, — просилъ отецъ Геннадій.

— На словахъ владыкѣ скажу.

— Написать, въ протоколъ записать! — требовали депутаты: — на словахъ все равно, что на водѣ.

Но все-таки не написали, а подписались и приступили къ громогласному молебну.

Купе вагоновъ третьяго класса разныхъ желѣзныхъ дорогъ снова населились духовенствомъ. На полкахъ и изъ-подъ лавокъ виднѣлись: самовары, свертки, коробки съ покупками и разныя дѣтскія игрушки. Многихъ забирало любопытство о содержаніи написанныхъ и подписанныхъ на сѣздѣ протоколовъ, чтобы было что рассказать дома. Одинъ изъ постоянно пребывавшихъ у стола предсѣдателя, откладая на ладонь пальцы, пересчитывалъ протоколы и объяснялъ ихъ содержаніе.

А одинъ, сидя въ уголѣ, вертѣлъ игрушку — плавающихъ по ленточкѣ уточекъ, съ гусельками, и горевалъ, что своему Гришѣ таковой же штуки не купилъ.

А. И. Краснопольскій.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА

ВЪ

ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ

«Если бы человекъ питался водою и воздухомъ, то не было бы ни господъ, ни слугъ, ни властителей, ни подданныхъ, ни враговъ, ни друзей, ни ненависти, ни любви, ни добродѣтели, ни порока, ни права, ни безправія. Эта мысль составляетъ такую общезвѣстную, ходячую истину, что едва рѣшаешься ее высказать».

Такъ говоритъ Либихъ на одной изъ страницъ своей знаменитой книги: «Химія въ приложеніи къ земледѣлію» ¹⁾. Крупными чертами изобразилъ онъ вліяніе плодородія почвы на исторію человечества, стараясь показать, что исторія эта, въ сущности, зависитъ отъ колебаній въ производительности различныхъ странъ.

Либихъ, можетъ-быть, заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ сужденіяхъ; но каждый естествоиспытатель, вдумываясь въ послѣдовательность историческихъ событій и сопоставляя ихъ съ выводами своей науки, дѣйствительно принужденъ считать естественное стремленіе человека къ утоленію жажды и голода главнѣйшею причиною всякаго историческаго движенія, даже всякаго прогресса въ человечествѣ.

Самосохраненіе и сохраненіе своего рода—вотъ тѣ ближай-

¹⁾ Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физиологія растений, Ю. Либиха. Переводъ профессора Ильенкова. Второе изданіе. Москва. 1870, стр. 65.

шія, чисто-матеріальныя дѣли, къ достиженію которыхъ стремится все живое на землѣ, въ томъ числѣ и человекъ. Но одинъ онъ одаренъ стремленіемъ къ лучшей жизни, къ самосовершенству. Въ этомъ стремленіи проявляется то, что называется божественною, духовною стороною человека, находящеюся въ постоянной борьбѣ съ его животностію.

Высшая задача человека состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы облегчить до наименьшаго тяжести давящей его животности. Но если матерія не удовлетворена, то вопль ея раздается немолчно, въ крайнихъ случаяхъ онъ заглушаетъ все остальное; тогда остаются лишь звѣрскіе инстинкты обезумѣвшаго отъ голода человека, пожирающаго собственное свое дитя, пьющаго кровь изъ собственныхъ жилъ.

Такимъ образомъ, задача о питаніи человека касается высшаго изъ вопросовъ, предстоящихъ разрѣшенію науки,—вопроса о подчиненіи матеріальной стороны человека его духовной сторонѣ. Въ необходимости этого подчиненія согласны нравственно-развитые люди всѣхъ школъ. Считать ли матерію и духъ отдѣльными существами, или только противоположными полюсами одного единого *моноса*—въ борьбѣ между этими двумя крайностями каждый становится на сторонѣ полюса психическаго.

Не имѣя намѣренія развивать затронутую мною тему, я коснулся ея только для того, чтобы съ-разу указать на ту точку зрѣнія, на которую я желаю стать при изложеніи избраннаго мною предмета.

Мнѣ бы хотѣлось возбудить интересъ къ вопросу о питаніи человека, какъ объ одной изъ основныхъ причинъ, опредѣляющихъ ходъ физическаго и интеллектуальнаго развитія всего людскаго рода. Нѣсколько мыслей, высказанныхъ по этому поводу, способны, какъ мнѣ кажется, разъяснить, хотя въ нѣкоторой степени, состояніе важнаго вопроса о настоящемъ и будущемъ питаніи человечества.

Для того, чтобы правильно поставить, а слѣдовательно, и правильно разрѣшить вопросъ о питаніи человека, прежде всего должно стараться обнять его во всей его полнотѣ, должно стать на самую возвышенную точку зрѣнія.

Во-первыхъ, вопросъ этотъ касается всего человечества. Всякій выводъ, добытый изъ наблюдений надъ одною только частью населенія земного шара, хотя бы и значительной, будетъ ошибоченъ.

Во-вторыхъ, мы не можемъ ограничиться настоящимъ, но должны имѣть въ виду и прошедшее и будущее. Прошедшее

ради правильности умозаключеній о настоящемъ, будущее уже потому, что само настоящее есть только переходъ отъ прошедшаго къ будущему.

Кромѣ того, передъ нами возстаетъ страшный вопросъ объ отношеніи населенія земного шара къ его поверхности. Эта поверхность ограничена, а между тѣмъ человечество возрастаетъ безостановочно. Простой здравый смыслъ убѣждаетъ насъ непреклонно, что, при сохраненіи настоящихъ условій земного бытія, должно наступить время, когда земля не въ состояніи будетъ не только прокармливать, но даже и помѣщать на себѣ чрезмерно-размножившихся людей.

Не мало грозныхъ, зловѣщихъ предсказаній, не мало отчаянныхъ рѣчей слышалось по этому поводу и отъ естествоиспытателей, и отъ экономистовъ.

Приходится, повидимому, согласиться, по меньшей мѣрѣ, съ тѣмъ, что истребленіе людей повальными болѣзнями, продолжительными войнами, землетрясеніями и всякаго рода катастрофами, составляетъ страшную, но роковую необходимость.

Къ счастью, это заключеніе вѣрно лишь до тѣхъ поръ, пока мы остаемся на почвѣ настоящаго. Прошедшее ясно показываетъ намъ, что человѣкъ измѣняется, какъ и все во вселенной. Измѣненіе это проявляется даже на страницахъ исторіи, представляющей намъ только отрывочное повѣствованіе объ одномъ изъ кратчайшихъ періодовъ жизни нѣкоторой части человечества. Естествоиспытателю новѣйшаго времени представляется оно съ необыкновенною ясностью. Громадные ряды тысячелѣтій были потребны для достиженія того развитія, до котораго достигла часть теперь живущаго человечества; но велико и различіе между пещерными обитателями до-исторической старины и между тѣми людьми, которые въ наше время созидаютъ храмы и бібліотеки.

Человѣчеству предстоитъ, по всей вѣроятности, пройти еще болѣе длинный рядъ тысячелѣтій, чѣмъ оно прошло до-сихъ-поръ, и мы имѣемъ положительное право, данное намъ наукою, утверждать, что человѣкъ способенъ еще на большія измѣненія, чѣмъ тѣ, которымъ онъ подвергся со времени отдаленныхъ пращуровъ своихъ, жившихъ въ пещерахъ третичнаго періода.

Въ этой-то способности измѣняться заключается утѣшительная будущность, надежда на лучшія времена, въ противоположность зловѣщимъ предсказаніямъ, основаннымъ на признаніи неподвижности человѣческой природы, на отрицаніи прогресса, т.-е. физическаго и нравственнаго совершенствованія человѣка.

Принявъ все это во вниманіе, мы и должны признать, что

вопросъ о питаніи долженъ быть разрѣшенъ именно съ точки зрѣнія будущности человѣчества; такъ мы его и ставимъ.

Какая пища всею болѣе способствуетъ правильному развитію и усовершенствованію человѣческой природы?

На вопросъ, поставленный такимъ образомъ, мы не находимъ нигдѣ прямого отвѣта. Поэтому для разрѣшенія его приходится обращаться не только къ физиологii, но еще къ сравнительной анатоміи и къ самому человѣчеству, т.-е. къ статистикѣ питанія.

Обращаемся прежде всего къ физиологii. Въ новое время физиологи занимались питаніемъ животныхъ и человѣка съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Опыты по этому предмету производились съ величайшею, вполне научною точностью.

Прежде всего мы находимъ въ физиологii, или, вѣрнѣе сказать, въ физиологической химii, весьма важную оцѣнку самой пищи. Наука ясно доказала, что между животною и растительною пищею рѣзкаго химическаго различія не существуетъ. Такой результатъ явствуетъ прямо изъ химическаго анализа питательныхъ веществъ и изъ отношенія ихъ къ организму. Дѣло въ томъ, что всякая пища содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ только четыре простыхъ тѣла, а именно углеродъ, водородъ, азотъ и кислородъ. Остальные простые тѣла, заключающіяся въ пищѣ, находятся въ ней въ ничтожныхъ количествахъ, таковы, напр., сѣра, фосфоръ и пр.—Кромѣ того, четыре главныхъ тѣла, въ каждой пищѣ, находятся въ видѣ такихъ соединений, которые если не тождественны, то весьма близки другъ къ другу, а именно въ видѣ воды, бѣлковыхъ веществъ, жировъ и углеводовъ. Растительные бѣлки по химическому составу не отличаются отъ животныхъ, а углеводы способны переходить въ жиры. Человѣкъ или животное, поглощая, напр., мясо или хлѣбъ, получаетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ всѣ четыре главныхъ простыхъ тѣла. Существенная же разница между растительною и животною пищею заключается въ относительномъ количествѣ бѣлковъ къ углеводамъ, а затѣмъ этихъ двухъ веществъ къ водѣ.

Задача физиологii касательно питанія человѣка заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы опредѣлить, какое количество пищи вообще и какое отношеніе между составными ея частями необходимо для поддержанія тѣла въ нормальномъ состояніи, и при томъ такъ, чтобы цѣль эта достигалась кратчайшимъ путемъ.

Самый лучший способъ получить на этотъ вопросъ точный отвѣтъ заключается въ произведеніи опытовъ надъ самимъ человекомъ. Такъ и поступаютъ новѣйшіе физиологи. Одни произво-

дять эти опыты сами надъ собой, другіе надъ посторонними. Знаменитый Петтенкоферъ, не жалѣя денежныхъ средствъ и изобрѣтательности, построилъ для этого цѣлую камеру, со всѣми приспособленіями и предосторожностями ¹⁾. Въ эту комнату впускался нанятый для опытовъ человѣкъ, котораго предварительно взвѣшивали, и держали въ продолженіи сутокъ, доставляя ему необходимую пищу и питье. Онъ жилъ въ этой камерѣ болѣе или менѣе спокойно, но все, что онъ принималъ или выдѣлялъ, было тщательно взвѣшиваемо и анализировано, не исключая и воздуха, который онъ вдыхалъ и выдыхалъ. Температура его тѣла, вѣсъ, состояніе его пульса, все методически наблюдалось и записывалось въ особую, такъ-сказать приходо-расходную книгу.

Такіе и подобные опыты дали слѣдующіе важные результаты. Во-первыхъ, человѣкъ, питающійся веществами, не содержащими бѣлковъ (слѣд. азота), теряетъ въ своемъ вѣсѣ. Во-вторыхъ, въ пищѣ взрослога, работающаго человѣка сухія бѣлковыя вещества составляютъ менѣе $\frac{1}{5}$ всей пищи ²⁾, и при этомъ человѣкъ не только не теряетъ въ своемъ вѣсѣ, но еще слегка увеличивается. Последнее замѣтно было въ концѣ опыта. Изъ этого прямо и совершенно правильно выводится то заключеніе, что удобнѣйшая для человѣка пища есть пища смѣшанная, подразумѣвая пищу, содержащую бѣлки, углеводы и примѣсъ жира.

На этомъ собственно останавливаются фیزیологическіе выводы, вытекающіе прямо изъ опыта. Но для насъ этого еще далеко не достаточно. Природа не даетъ прямо сухихъ бѣлковъ, углеводовъ и жировъ. Намъ еще необходимо знать, что выбрать изъ предлагаемаго природою—для того, чтобы удовлетворить человѣка въ той мѣрѣ, въ какой это найдено фیزیологіею. Тутъ-то начинаются всевозможныя затрудненія и колебанія. Мы находимъ у фیزیологовъ слѣдующее разсужденіе. Взрослый рабочій человѣкъ долженъ потреблять въ сутки около $\frac{1}{5}$ фунта сухихъ бѣловыхъ веществъ и около одного фунта углеводовъ съ примѣсью жира. Этого можно достигнуть питаясь однимъ хлѣбомъ и однимъ мясомъ. Но такъ какъ пропорція бѣловыхъ веществъ къ углеводамъ не одинакова въ хлѣбѣ и мясѣ, то выходитъ слѣдую-

¹⁾ Описаніе камеры со всѣми ея снарядами находится въ слѣдующей работѣ: Ueber die Respiration von d-r Max Pettenkofer. Annalen der Chemie und Pharmacie von Wöhler, Liebig u. Kopp. II Supplementband, 1862 и 1863. Тутъ же и три объяснительныя таблицы. Снарядъ назначенъ специально для изслѣдованій надъ дыханіемъ. Онъ и называется дыхательнымъ снарядомъ.

²⁾ Опыты надъ питаніемъ человѣка произведены съ помощью названнаго снаряда Петтенкоферомъ вмѣстѣ съ Фойтомъ и изложены въ Zeitschr. f. Biologie Bd. II.

щее. Питаясь однимъ хлѣбомъ, человѣку приходится, для извлеченія потребнаго количества бѣлка, принимать въ сутки не $3\frac{1}{4}$ фунта пищи, а гораздо больше, именно около 7 фунтовъ. Точно также, питаясь однимъ мясомъ, для извлеченія необходимаго количества углеводовъ, приходится потреблять ежедневно еще больше чѣмъ одного хлѣба, а именно около $7\frac{1}{2}$ ф. Въ обоихъ случаяхъ въ организмъ вводился бы излишекъ пищи, отягчающій органы пищеваренія. Отсюда выходитъ, что лучшая пища для человѣка есть пища смѣшанная, состоящая, по расчету на содержаніе основныхъ веществъ, изъ $\frac{3}{4}$ фунта мяса и $2\frac{1}{2}$ фунтовъ хлѣба въ сутки.

Это послѣднее заключеніе выводится ужъ не на основаніи точныхъ опытовъ, а соображеніемъ, основаннымъ, впрочемъ, на опытѣ и подтверждаемымъ обыденными наблюденіями.

Считать ли высказанное заключеніе вполне установленнымъ физиологическимъ закономъ?

Пока фізіологія остается на почвѣ строго научной, она остерегается отъ всякихъ рѣзко выраженныхъ практическихъ формулъ. Но лишь только выступаетъ она въ практическую жизнь, или въ область прикладнаго знанія, какъ ей приходится отвѣчать совершенно инымъ, далеко не научнымъ языкомъ. Гигиенисту или врачу нельзя отдѣливаться бѣлками и углеводами. Ихъ спрашиваютъ категорически: что нужно ѣсть, хлѣбъ или мясо, или и то и другое вмѣстѣ? Частные люди требуютъ, чтобы для нихъ былъ составленъ общій планъ ихъ трапезъ, на основаніи науки; правительства требуютъ отъ той же науки указаній насчетъ того, чѣмъ и въ какомъ именно количествѣ должны они кормить своихъ солдатъ, матросовъ и пр.

Все это понятно и совершенно естественно. Вотъ въ видѣ отвѣта на всѣ эти вопросы, такъ сказать, и изданъ тотъ физиологическій законъ питанія, по которому человѣкъ долженъ ежедневно потреблять $\frac{3}{4}$ фунта мяса (безъ костей) и $2\frac{1}{2}$ фунта хлѣба.

Таковъ идеалъ пищи западно-европейской буржуазіи. Можно довести количество пищи и до 4, даже и до 5 фунтовъ въ сутки, но пропорцію мяса и хлѣба нужно сохранить непрѣменно. Меньше $\frac{3}{4}$ фунта говядины, баранины или тому подобнаго, — нельзя.

Въ извѣстныхъ и, какъ мы увидимъ, довольно тѣсныхъ предѣлахъ, этимъ правиломъ можно руководиться; но для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса можно основываться только на томъ общемъ научномъ выводѣ, который гласитъ, что въ пищѣ человѣка должны заключаться бѣлковыя вещества и углеводы, и притомъ такъ, чтобы первыя составляли приблизительно отъ $\frac{1}{5}$

до $\frac{1}{6}$ всего количества пищи, но безъ обозначенія формы самыхъ питательныхъ веществъ.

Становясь на точку зрѣнія тѣхъ практиковъ-физиологовъ, которые такъ рѣшительно предписываютъ всему человѣчеству одну и ту же карту обѣда, мы замѣчаемъ слѣдующее. Издавая свой законъ, они не обратили никакого вниманія на экономическое состояніе земного шара, не вникли даже въ пищевыя средства земной поверхности въ настоящемъ, и еще менѣе въ будущемъ. Вращаясь преимущественно среди западно-европейской буржуазіи, они всѣ свои идеалы, а въ томъ числѣ и идеалъ пищи, черпаютъ изъ среды этой буржуазіи.

Мы видимъ, слѣдовательно, что физиологія собственно вовсе не берется разрѣшать вопроса въ томъ видѣ, въ какомъ мы его поставили. Съ другой стороны, физиологи-практики, правда, вознамѣрились издать питательный законъ, но о сколько-нибудь обширномъ примѣненіи его имъ довольно мало дѣла. Можетъ ли земная поверхность въ настоящемъ и будущемъ доставлять ежедневно каждому человѣку по $\frac{3}{4}$ фунта мяса и по 2 или по 3 фунта хлѣба—этого физиологія, разумѣется, не касается, а между тѣмъ именно это-то и существенно для человѣка.

Добрый король Генрихъ IV (французскій) говаривалъ, что вся его претензія заключается въ томъ, чтобы у каждаго изъ его подданныхъ была ежедневно курица въ супѣ. Но со времени Генриха IV прошло больше двухъ столѣтій, Франція развилась и разбогатѣла, а большинство французовъ и до сихъ поръ не имѣютъ на каждый день не только цѣлой курицы, но даже и одного ея крылышка.

Обращаясь опять къ точнымъ физиологическимъ опытамъ, мы находимъ слѣдующее, въ высшей степени важное для насъ заключеніе. Результаты этихъ опытовъ весьма замѣтно разнятся не только въ томъ случаѣ, если они производятся надъ разными людьми, но и въ томъ, если опыты касаются одного и того же человѣка со дня на день. Едва замѣтныя измѣненія въ состояніи организма имѣютъ уже чувствительное вліяніе на окончательный выводъ.

Это оказалось при опытахъ надъ людьми, не только одной и той же народности, но даже одного и того же класса, а между тѣмъ люди столько различны между собою, сколько различны условія, среди которыхъ они живутъ. То, что справедливо относительно одного человѣка касательно питанія, того никакъ нельзя считать непремѣнно вѣрнымъ не только для всего человѣчества, но и для всей той группы, къ которой принадлежитъ

человѣкъ, подвергшійся опыту. Строго говоря, выводы каждаго фізіолога вѣрны только относительно его самого, если онъ производилъ опыты самъ надъ собою, или, на примѣръ, относительно того крѣпкаго, здороваго малаго, надъ которымъ приходилось экспериментировать Петтенкоферу.

Несомнѣнно, что организмъ каждаго человѣка приспособленъ къ той пищѣ, которую онъ употребляетъ во всю свою жизнь и которую употребляли его отцы, дѣды и прадѣды. Это не есть простая формальная привычка, которую легко бросить, каковы, на примѣръ, привычки читать передъ сномъ, носить то или другое платье, и т. п. Даже мелкія привычки, въ родѣ куренія табаку, питья чая, обѣда въ опредѣленный часъ, связаны съ болѣе или менѣе глубокимъ измѣненіемъ организма. Отвыканіе отъ этихъ, сравнительно, ничтожныхъ привычекъ часто сопряжено съ временнымъ, или даже постояннымъ разстройствомъ организма, какъ то показали прямые наблюденія. Безконечно важнѣе свойство питанія, коему подвергался организмъ отъ самаго дѣтства и коему подвергались всѣ предшествовавшія поколѣнія даннаго человѣка. Можно съ большою вѣроятностью утверждать, что если бы были произведены опыты, съ одной стороны, надъ русскимъ пахаремъ, питающимся почти исключительно ржанымъ хлѣбомъ, а съ другой — надъ степнымъ киргизомъ, кормящимся только бараниной и кониной, то результаты получились бы совершенно различныя. Подобныхъ опытовъ, однакоже, произведено не было. Поэтому мы имѣемъ, по меньшей мѣрѣ, право утверждать, что питательное правило фізіологовъ-практиковъ вѣрно только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Тотъ, кто сказалъ бы, на основаніи этого правила, что человѣкъ есть существо всеядное, какъ то многіе теперь утверждаютъ, рисковалъ бы жестоко ошибиться.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать непреложною истиной, что привычки европейской буржуазіи, хотя бы касательно пищи, составляютъ законъ для всего человѣчества; сперва нужно, по крайней мѣрѣ, произвести нѣсколько опытовъ надъ людьми, принадлежащими къ числу остальныхъ девяти-десятихъ всего населенія земного шара.

Несомнѣнно, однакоже, что въ средней Европѣ идеаломъ пищи считаютъ ту, на которую указываютъ фізіологи-практики. Мало того, пища эта давно уже усвоена зажиточными классами Европы. Зажиточный европеецъ до того приспособился къ смѣшанной животнo-растительной пищѣ, что внезапная перемѣна этой пищи на чисто-животную или чисто-растительную была бы для него вредна. Это подтверждаютъ и точныя опыты. А такъ

какъ Европа и отрогъ ея, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, стоятъ теперь во главѣ прогресса всего человѣчества, то можно сказать, что мы живемъ въ эпоху стремленія къ смѣшанной животно-растительной пищѣ.

Не будучи вегетаріанцемъ, я даже прибавлю, что въ наше время, при существующихъ условіяхъ, пища эта, дѣйствительно, въ высшей степени удобна для обитателей средней и сѣверной Европы.

Указавъ на данныя фیزیологіи, бросимъ теперь хотя самый бѣглый взглядъ на строеніе органовъ пищеваженія человѣка; это дастъ намъ возможность уяснить себѣ, къ какой пищѣ приспособленъ организмъ человѣка самою природою.

У человѣка, какъ извѣстно, 32 зуба, изъ которыхъ коренныя снабжены тупыми буграми, весьма удобными для перетиранія мягкой или полумяжкой растительной пищи. Его четыре клыка такъ коротки, что они не выходятъ изъ ряда другихъ зубовъ, и не могутъ служить не только для задержанія или разрыванія живой добычи, но даже и для разрыванія сырого мяса. Кишечный каналъ человѣка въ шесть разъ превосходитъ длиною своею его тѣло, указывая тѣмъ на пищу, менѣе легко варимую, чѣмъ мясо, но болѣе удобоваримую, чѣмъ трава.

Изъ этихъ данныхъ нельзя, однакоже, сдѣлать прямого вывода касательно того, къ какой именно пищѣ приспособлены органы пищеваженія человѣка. Только зубы его прямо указываютъ на сочныя и мясистыя, или мучнистыя части растений.

Мы имѣемъ возможность сравнить органы пищеваженія человѣка съ тѣми же органами ближайшихъ къ человѣку животныхъ.

Но тутъ мы встрѣчаемся съ страннымъ явленіемъ въ наукѣ, или, вѣрнѣе, въ ученomъ мѣрѣ. Подъ давленіемъ того обстоятельства, что пища европейскихъ буржуа есть наилучшая пища для всего человѣчества вообще, нѣкоторымъ господамъ пришло въ голову сравнивать человѣка со свиньею, т.-е. перескочить, въ ряду системы животнаго царства, отъ человѣка къ толстокожимъ. Господа эти даже отыскали несомнѣнное сходство между зубами человѣка и свиньи, приводя этотъ фактъ въ видѣ доказательства всеядности человѣка. Если же сравнить, безъ предвзятой мысли, зубную систему человѣка и свиньи, то сходство окажется весьма отдаленнымъ. Во-первыхъ, у свиньи 44 зуба; во-вторыхъ, чрезвычайно большіе, острые клыки выставляются изъ рта и загнываются вверхъ. Между этими зубами и коренными большой пере-

рывъ. Жевательная поверхность коренныхъ усажена и острыми, и тупыми шипами. Вотъ эти-то тупые бугры и подавали поводъ утверждать, что зубы свиньи необыкновенно сходны съ зубами человѣка.

Кишечный каналъ свиньи въ 10 разъ длиннѣе ея тѣла, о чемъ умалчиваютъ тѣ господа, которые такъ охотно отыскиваютъ признаки бестіальности человѣка.

Зубная система свиньи представляетъ намъ, однакоже, дѣйствительно типъ зубной системы, приспособленной къ всеядности: онъ выражается въ томъ, что вся жевательная поверхность представляетъ крайнюю неровность, складчатость бугровъ и перемежку тупыхъ возвышеній съ острыми. Этою-то комбинаціею тупыхъ и острыхъ отростковъ именно и отличается зубная поверхность свиньи отъ человѣческой.

Совершенно другое представляютъ намъ органы пищеваренія животныхъ, ближайшихъ по тѣлу къ человѣку, т.-е., человѣкоподобныхъ обезьянъ: оранга, чимпанзе и гориллы.

Число зубовъ ихъ такое же, какъ у человѣка; всѣ зубы ихъ сомкнуты,—опять какъ у человѣка; клыки, однакоже, значительно болѣе развиты и являются страшнымъ оружіемъ защиты и нападенія. Жевательная поверхность представляется какъ-бы сколкою съ человѣческой. Такіе же тупые бугры, въ томъ же почти числѣ и распредѣленіи, нерѣдко только крупнѣе и крѣпче. Кишечный каналъ, какъ у человѣка,—въ 6 разъ длиннѣе тѣла.

Всѣ эти существа, столь близкія къ человѣку по всѣмъ деталямъ организаціи своего тѣла, напримѣръ, мозгъ которыхъ до того похожъ, что Кювье говорилъ объ орангѣ: «мозгъ его безнадёжно сходенъ съ человѣческимъ»,—всѣ они питаются исключительно растительною, сочною или мучнистою пищею: плодами, древесными почками, даже цвѣтами.

Эти большія и необыкновенно-сильныя обезьяны, изъ которыхъ, напримѣръ, горилла вчетверо сильнѣе человѣка, даже и не пытаются нападать на другихъ животныхъ, для добыванія животной пищи въ прибавленіе къ растительной. Несмотря на свою ловкость и проворство, онѣ вовсе лишены охотничьихъ инстинктовъ.

Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ, и его давно высказали зоологи, въ томъ числѣ и Кювье: человѣкъ приспособленъ къ пищѣ растительной, но только къ мягкой или полумягкой.

Но,—прибавляетъ Кювье,—открытіе употребленія огня дало человѣку возможность питаться и животною пищею. Прибавимъ еще, что употребленіе огня дало намъ возможность питаться та-

кими растительными продуктами, которые безъ него не имѣли бы для насъ совсѣмъ никакого значенія. Что стали бы мы дѣлать съ картофелемъ, бататами, земляными грушами, если бы не было огня? Даже зерновые хлѣба наши не имѣли бы для человѣчества такого значенія, такъ какъ безъ огня и хлѣбъ невозможенъ.

Если же человѣкъ дѣйствительно приспособленъ природою къ растительной пищѣ, то врядъ ли мясо можно считать столь необходимою примѣсью къ пищѣ человѣка, какъ то считают многіе изъ фізіологовъ-практиковъ.

За отвѣтомъ на этотъ вопросъ обратимся къ самому человѣку, посмотримъ, какъ онъ самъ фактически рѣшаетъ задачу о своемъ питаніи. Прежде всего мы займемся статистикою. Въ ней, правда, мы не найдемъ такихъ точныхъ цифръ, какъ въ фізіологій, но, на наше счастье, дѣло это находится въ такомъ положеніи, что для уясненія его вовсе и не нужны точныя цифры. За исходный пунктъ примемъ Европу, такъ какъ касательно этой части свѣта имѣются наиболѣе полныя свѣдѣнія.

Европейское населеніе потребляетъ больше мяса, чѣмъ всякое другое населеніе Старого Свѣта. Больше всего потребляется мяса въ Великобританіи, а именно: въ день приходится около 24 золотниковъ, т.е. по $\frac{1}{4}$ фунта на человѣка ¹⁾. — Во Франціи на каждаго человѣка приходится не много больше 8 золотниковъ, т.е. $\frac{1}{12}$ фунта въ день. Приблизительно столько же въ Россіи.

Въ другихъ европейскихъ странахъ потребление мяса еще меньше.

Но эти данныя еще не даютъ вполнѣ правильнаго понятія о дѣлѣ. Необходимо принять во вниманіе, что во всѣхъ европейскихъ, — да вѣроятно и во всѣхъ остальныхъ странахъ міра, большая часть мяса потребляется населеніемъ городовъ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ приходится на человѣка по 60 золотниковъ въ день, въ Москвѣ почти также, въ Петербургѣ 50 золотниковъ, въ Парижѣ не много меньше, во французскихъ городахъ, съ населеніемъ выше 10,000, приходится на каждаго человѣка около 34 золотниковъ въ день. Такимъ образомъ на главную массу населенія, живущаго внѣ городовъ, нигдѣ не придется и тѣхъ 8—24 золотниковъ, которые выпадаютъ на долю каждаго жителя по общему разсчету.

Слѣдовательно, наиболѣе цивилизованная часть свѣта, въ кото-

¹⁾ См. И. С. Блюхъ. Исслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ производству торговли и передвиженію скота и скотскихъ продуктовъ въ Россіи и за-границей. Сиб. 1876, стран. 47 и слѣд. Данныя заимствованы изъ официальныхъ источниковъ или у надежныхъ писателей.

рой многія правительства сознательно стремятся достигнуть, въ вопросѣ о питаніи, цѣли, поставленной физиологами-практиками, даже и эта часть свѣта успѣла добиться только того, что мясо не совершенно исключено изъ домашняго обихода народовъ, ее населяющихъ.

Этотъ результатъ можно еще нагляднѣе выразить такъ: если бы во всей Европѣ зарѣзали всѣхъ имѣющихся теперь быковъ, коровъ, овецъ и свиней ¹⁾ и раздѣлили бы мясо ихъ поровну между всѣми 280.000,000 жителей Европы, то каждому досталось бы на одинъ годъ около 308 фунтовъ, т.-е. немногимъ больше $\frac{3}{4}$ фунта на день ²⁾.

Таково положеніе дѣлъ въ Европѣ. Объ остальныхъ странахъ свѣта точныхъ свѣдѣній не имѣется, но для нашей цѣли ихъ и не нужно. Несомнѣнно то, что въ самыхъ населенныхъ странахъ Азии, т.-е. въ Индіи, въ Китаѣ собственно, въ Японіи, заключающихъ въ себѣ большую часть населенія Азии ³⁾, скотоводство совершенно ничтожно въ сравненіи съ европейскимъ. Въ Японіи оно, можно сказать, вовсе не существуетъ; въ Китаѣ почти также; а въ Индіи многимъ милліонамъ индусовъ употребленіе мяса даже формально воспрещено религіею. Слѣдовательно, мы въ правѣ утверждать, что въ этихъ странахъ не можетъ быть и рѣчи о мясѣ, какъ о народной пищѣ.

Тѣ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ разныхъ сочиненій о народной пищѣ различныхъ африканскихъ народовъ, не только очень скудны, но и крайне не точны; сколько-нибудь благонадежныхъ числовыхъ данныхъ касательно тѣхъ странъ

¹⁾ См. Neumann und Spallart. Uebersichten über Production, Verkehrsmittel und Welthandel, въ Behm's Geographisches Jahrbuch, B. VI, 1876, стран. 608 и слѣд.

²⁾ Этотъ расчетъ основанъ на данныхъ вышеприведенной работы Неймана. Кромѣ того, средній вѣсъ чистаго мяса быка или коровы принять въ 10 пудовъ, а барана и свиньи въ 5 пудовъ, что скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительности, потому что средній вѣсъ живого убойнаго скота, именно быка или коровы, въ Парижѣ не выше 324 килограммовъ, т.-е. около 20 пудовъ (19 пуд. 30 ф. и 62 золотника). Среднее количество мяса, ежедневно выпадающее на долю каждаго европейца, еще уменьшится, если принять въ расчетъ неизбежную потерю при распредѣленіи въ торговлѣ, а также потерю отъ порчи и чрезъ кормленіе хищныхъ домашнихъ животныхъ (собакъ и кошекъ), столь многочисленныхъ въ нѣкоторыхъ странахъ. Впрочемъ, эта потеря вѣроятно возмѣщается птичьимъ мясомъ, яйцами, сыромъ и молокомъ, которые не приняты въ расчетъ въ текстѣ, но которые также, однакоже, довольно распространены. На производство яицъ, впрочемъ, уже потребляется часть мяса; такъ, напр., около Парижа куры, усиленно производящія яйца, кормятся мясомъ.

³⁾ Всего въ Азій—798.600,000 жителей; въ Китаѣ собственно—450 милліоновъ; въ Индіи—187.694,000; въ Японіи—35 милліоновъ; всего—612,694,000 (по Вему).

ожидать нечего. Все, что намъ извѣстно о пищѣ африканцевъ, показываетъ, однакоже, что она попреимуществу растительная. Крупный скотъ служитъ тамъ почти единственнымъ перевозочнымъ средствомъ. Притомъ Африка, по своему убійственному для европейцевъ климату и по низкой степени развитія своихъ народовъ, останется еще въ теченіи многихъ столѣтій безъ замѣтнаго вліянія на судьбы остального человѣчества.

Совершенно иную картину питанія представляетъ намъ Новый Свѣтъ, т.-е. Америка и Новая-Голландія. Въ Соединенныхъ Штатахъ на каждую тысячу жителей ¹⁾ приходится вдвое больше рогатаго скота, чѣмъ въ Европѣ, овецъ почти втрое, а свиней впятеро.

Въ Южной Америкѣ эти числа еще выше; особеннымъ обиліемъ скота отличаются, какъ извѣстно, Аргентинская республика, Уругвай и сопредѣльныя имъ страны ²⁾. Новая-Голландія превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ остальные страны. Тамъ на каждую тысячу человѣкъ приходится рогатаго скота въ восемь разъ больше, а овецъ въ 39 разъ больше, чѣмъ въ Европѣ ³⁾. Если бы въ Америкѣ и въ Австраліи, вмѣстѣ взятыхъ, мясная пища могла быть распредѣлена равномѣрно, то тамъ навѣрное каждый человѣкъ могъ бы быть надѣленъ этою пищею согласно требованіямъ фیزیологовъ-практиковъ.

Однакоже, общее абсолютное число скота во всемъ Новомъ Свѣтѣ (въ Америкѣ и въ Австраліи) еще далеко меньше, чѣмъ въ Европѣ, такъ что если разложить избытокъ мяса, производимый Новымъ Свѣтомъ, хотя бы только на европейцевъ (не говоря уже о жителяхъ остальныхъ частей свѣта), то ежедневная при-мѣсь мяса къ пищѣ большинства европейскаго населенія не увеличилась бы чувствительнымъ образомъ. При томъ же, торговля за-океанійскимъ, привознымъ мясомъ, до-сихъ-поръ еще незначительна.

Итакъ, само человѣчество разрѣшаетъ вопросъ о своемъ питаніи совершенно иначе, чѣмъ того требуютъ фیزیологи-практики. *Огромное большинство людей питается не мясною, и не смѣшанною животнo-растительною пищею, а чисто растительною.*

Выводъ этотъ подтверждается также тѣми фактами, которые извѣстны намъ касательно распространенія питательныхъ расте-

¹⁾ Neumann-Spallart, стр. 609.

²⁾ Тамъ же, стр. 610.

³⁾ Тамъ же, стр. 610, 611.

ній, быстрого усиленія ихъ производства и необыкновеннаго развитія хлѣбной торговли.

Всѣмъ извѣстно, что цѣлѣ народы до того исключительно питаются тѣмъ или другимъ растеніемъ, что отъ его неурожая наступаетъ голодъ, стоящій миллионѣ жертвъ. Достаточно напомнить о гибели десятковъ и сотенъ тысячъ индусовъ отъ неурожая одного только риса. Существованіе человѣчества до того тѣсно связано съ тѣмъ или другимъ зерновымъ хлѣбомъ, что главнѣйшую массу всего населенія земного шара можно раздѣлить на четыре большихъ отдѣла, по роду пищи, а именно на существующихъ рисомъ, кукурузою, пшеницею и рожью. Мясодядны составляютъ ничтожную группу.

Европа, съ присоединеніемъ къ ней Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Египта, Австраліи и Чили, производитъ ежегодно 2,423 миллиона гектолитровъ (т.-е. около 1,160 миллионѣ четвериковъ) зернового хлѣба, что даетъ на каждого жителя вышеназванныхъ странъ до 4-хъ фунтовъ зернового хлѣба въ день; слѣдовательно, печенаго хлѣба отъ 5 до 6 фунтовъ. Такъ какъ при этомъ не считаются ни картофель, ни овощи, ни плоды, то мы въ правѣ сказать, что населеніе—по-крайней-мѣрѣ перечисленныхъ странъ—снабжено растительною пищею въ избыткѣ, а бѣдствія, происходящія отъ недостатка въ ней, зависятъ лишь отъ неравномѣрности ея распредѣленія. Хлѣбная торговля нашего времени далеко превосходитъ по капиталу, ею представляемому, всякую другую торговлю. Капиталъ этотъ составляетъ уже полтора миллиарда металлическихъ рублей. Менѣе чѣмъ въ 5 лѣтъ онъ увеличился на 40 процентовъ ¹⁾.

Всѣ приведенные факты и соображенія указываютъ на два противоположныхъ явленія. Съ одной стороны, практическая фیزیологія утверждаетъ, что лучшею пищею для человѣка должно считать смѣшанную животно-растительную. Благоденствующее и просвѣщенное меньшинство дѣйствительно этою пищею и пользуется, и стремится надѣлать ею весь родъ человѣчскій. Съ другой стороны, мы видимъ, что пищевой законъ фیزیологовъ-практиковъ представляетъ для человѣчества, взятаго въ цѣлости, лишь идеалъ,—быть можетъ и желанный, но далеко не осуществленный. Если такъ, то человѣчество находится въ бѣдственномъ положеніи и должно всѣми силами стремиться къ дости-

¹⁾ Neumann-Spallart, стр. 606 и 606.

женію этого желаннаго идеала. Очевидно, оно должно приложить всѣ старанія для усиленія скотоводства, ради достиженія тѣхъ ежедневныхъ $\frac{3}{4}$ фунта мяса, которыя будто бы такъ ужъ необходимы каждому смертному.

Посмотримъ же, насколько достижима фізіологическая норма питанія человѣка въ будущемъ.

Мы видѣли, что въ Новомъ Свѣтѣ мясо производится въ избытѣ. Поэтому, прежде всего Европѣ—и Старому Свѣту вообще—приходится организовать мясную за-океанскую торговлю въ обширныхъ размѣрахъ. Это отлично понято въ Европѣ, въ Америкѣ и въ Австраліи; образовалось множество промышленныхъ компаній для переработки и вывоза мясного товара изъ Новаго Свѣта въ Старый. Я уже указалъ, однакоже, что торговля этимъ товаромъ до-сихъ-поръ ничтожна; притомъ же большая часть ввозимаго въ Европу мясного товара является въ видѣ либиховскаго эстракта, который самъ-по-себѣ лишенъ питательныхъ свойствъ, имѣя значеніе только въ соединеніи съ растительною пищею ¹⁾. Кромѣ того, оказалось, что почти всѣ компаніи, основанныя для торговли мясными консервами, лопнули, а съ возвышеніемъ цѣнъ на шерсть стало выгоднѣе овцеводство, ради шерсти, чѣмъ производство мяса ²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Европѣ выяснилось обстоятельство, подающее поводъ—какъ говорить Нейманъ-Спаллартъ—къ печальному раздумью. Дѣло въ томъ, что изъ шестнадцати европейскихъ государствъ, въ десяти оказалось весьма замѣтное уменьшеніе относительнаго числа домашнихъ животныхъ, такъ-называемая экспекторація. Это особенно замѣтно въ наиболѣе промышленныхъ государствахъ.

Это явленіе, а главное избытокъ мяса въ Новомъ Свѣтѣ, особенно въ Новой-Голландіи, гдѣ даже не знаютъ, куда его дѣвать, ясно показываютъ, что все неудобство происходитъ отъ неравномѣрности въ распредѣленіи убойнаго скота.

Если сравнить между собою сходныя по обширности и при-

¹⁾ Всякіе мясные бульоны, въ томъ числѣ и либиховскій, представляющіе лишь обыкновенный сгущенный бульонъ, почти вовсе не питательны, заключаая въ себѣ только самое незначительное количество растворенныхъ въ водѣ азотистыхъ веществъ. Но въ бульонѣ есть особое вещество, называемое креатиномъ. Креатинъ способенъ кристаллизоваться и давать начало другому веществу, называемому креатининомъ, которое имѣетъ драгоцѣнное свойство способствовать пищеваренію и возбуждать нервную систему подобно тѣмъ веществамъ, которыя заключаются въ чаѣ, кофе и шоколадѣ, т.-е. тинну, кофеину и теобромину.

²⁾ Neumann-Spallart, стран. 612.

томъ значительныя по протяженію страны, то можно придти къ слѣдующему заключенію: населенность людьми обратно пропорціональна населенности домашними животными. Такъ, въ Старомъ Свѣтѣ относительное число домашнихъ животныхъ самыхъ населенныхъ странъ—Китай, Японія, Индія, Европа,—ничтожно или слабо по сравненію съ едва-населенными частями степной Азіи.

Въ Африкѣ скотоводство распространено преимущественно въ пустыняхъ и степяхъ, на сѣверѣ по окраинамъ Сахары, на югѣ въ Калагари и ея окрестностяхъ. Въ Америкѣ—слабо населенная южная часть материка несравненно богаче стадами, нежели сѣверная. Наконецъ, Новая-Голландія, будучи наименѣе населенною изъ всѣхъ странъ, представляетъ и самое высоее относительное число домашнихъ животныхъ.

Правило это менѣе очевидно, если сравнивать не столь обширныя страны, такъ какъ при этомъ приходится принимать во вниманіе политическія границы государствъ, болѣею частію не соотвѣтствующія ихъ естественнымъ предѣламъ. Главная причина упомянутого соотношенія между населенностью людьми и домашними животными, заключается именно въ степени распространенія земледѣлія и въ развитіи промышленности. Слѣдовательно, въ странахъ цивилизованныхъ уровень образованія имѣетъ большое вліяніе на распространеніе скотоводства, дѣйствуя въ ту или другую сторону, смотря по спросу на ближайшихъ рынкахъ и проч.

Однако же, несмотря на затемняющее вліяніе этого условія (цивилизаци) въ данномъ вопросѣ, даже въ самой Европѣ можно все-таки усмотрѣть то обратное отношеніе, на которое указано выше. Оно очень рѣзко проявляется, напримѣръ, тѣмъ, что самое большое относительно число скота приходится на Придунайскія княжества, а также тѣмъ, что Великобританія, Франція и Бельгія по относительному числу домашнихъ животныхъ стоятъ ниже Россіи. Тотъ же законъ проявляется и въ указанномъ выше явленіи инспекторціи западной Европы.

Соображая сказанное, мы неминуемо придемъ къ тому заключенію, что съ распространеніемъ земледѣлія, промышленности и цивилизаци, при соотвѣтствующемъ увеличеніи народонаселенія, будетъ уменьшаться сначала относительное, а потомъ и абсолютное число домашнихъ животныхъ.

Пастушескими, по преимуществу мясо-производящими странами, уже и теперь должно считать тѣ, которыя не поддаются земледѣлію. Но съ увеличеніемъ населенія, когда замѣтно повысится цѣнность растительныхъ продуктовъ, обширность этихъ странъ будетъ замѣтно уменьшаться, какъ это и теперь уже за-

мѣтно ¹⁾). Придетъ время, когда выгодно будетъ прилагать къ разработкѣ пустынныхъ пастушескихъ странъ паровой плугъ и дорогую систему поливныхъ или осушающихъ каналовъ, какъ это происходитъ теперь, напримѣръ, въ Италіи и въ Голландіи ²⁾). Придетъ время, когда человѣчеству неостанетъ мѣста даже для произведенія того ничтожнаго количества мясной пищи, которое оно производитъ въ настоящую эпоху.

Эти соображенія уже указываютъ на то, въ какомъ направленіи должно разрѣшать вопросъ о будущемъ питаніи человѣка; но дѣло выкажется еще съ полнѣйшею ясностью, если представить его во всей простотѣ, свѣдя весь вопросъ къ сравненію цѣнности хлѣба и мяса. Для этого даже нѣтъ надобности справляться съ рыночными цѣнами, столь измѣнчивыми въ разное время и въ разныхъ странахъ, а главное — такъ мало извѣстными. Мы только обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: какъ растенія, такъ и животныя получаютъ чрезъ переработку минеральныхъ веществъ; это не что иное, какъ машины, вырабатывающія органическое вещество изъ почвы (съ ея водою) и изъ воздуха. Растеніе черпаетъ сырой матеріалъ, имъ перерабатываемый, изъ первыхъ источниковъ, — животное же получаетъ себѣ въ работу матеріалъ, однажды уже переработанный (растеніемъ). Такъ какъ продуктъ, дважды переработанный, очевидно, всегда дороже продукта переработаннаго одинъ разъ, то въ земледѣльческихъ странахъ мясо всегда будетъ дороже хлѣба.

Впрочемъ, если кто пожелаетъ провѣрить этотъ выводъ сравненіемъ цѣнъ на хлѣбъ и на мясо въ разные времена, тому можно указать на слѣдующія любопытныя данныя ³⁾). Во-первыхъ,

¹⁾ Венгерскія степи — такъ-называемыя „пусты“ или „пушты“ — и южно-русскія степныя страны представляютъ отличный примѣръ постепеннаго превращенія пастушескихъ странъ въ земледѣльческія. Венгрія начала соперничать съ Россією въ хлѣбной торговлѣ именно вслѣдствіе распространенія земледѣлія среди ея степной равнины, омываемой Тиссою. Русскія же степи хотя медленно, но все-таки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распаиваются.

²⁾ Земледѣліе Голландіи, хотя и основано на принципѣ, совершенно противоположномъ тому, который служитъ основаніемъ культуры, напримѣръ, въ хивинскомъ оазисѣ и въ другихъ странахъ съ континентальнымъ климатомъ, но оба принципа сходятся въ томъ, что для приложенія ихъ требуется значительная затрата капиталовъ. Осушеніе, производимое голландцами, и орошеніе, практикуемое въ Хивѣ или въ долинѣ Заравшана, могутъ происходить только при сравнительно густомъ населеніи и при легкости сбыта. Голландія отличается какъ густотою населенія, такъ и удобствами сбыта; средне-азиатскія земледѣльческія страны окружены громадными пастушескими странами, и уже по одному этому спросъ на каждое хлѣбное зерно — а слѣдовательно, и постоянный сбытъ его — вполне обезпечены.

³⁾ Вліюхъ, стран. 169 и слѣд.

цѣны на всѣ жизненные припасы постоянно возрастали во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, касательно которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія. Если взять сколько-нибудь длинный періодъ времени — напри- мѣръ, отъ начала нашего столѣтія приблизительно до настоя- щаго времени — то окажется, что это возвышеніе цѣнъ шло не- равномѣрно; что мясо и вообще продукты скота въ большинствѣ странъ быстрѣе дорожали, нежели хлѣбъ. Такъ, напри- мѣръ, за десять пудовъ мяса, въ періодъ съ 1816 до 1820 года, полу- чалось въ Берлинѣ сорокъ-пять пудовъ пшеницы, а въ періодъ съ 1861 до 1865 года уже шестьдесятъ пудовъ; въ Данцигѣ — сначала (1815—1820) сорокъ-восемь, а въ концѣ (1861—1865) семьдесятъ-семь; въ Кельнѣ — сначала тридцать-девять, а въ концѣ шестьдесятъ-два; въ Вѣнѣ — между 1812 и 1815 годами за то же количество мяса получалось двадцать-пять пудовъ пшеницы, а между 1856 и 1860 годами — тридцать-шесть; въ Парижѣ — сначала (1826—1830) тридцать-шесть пудовъ, а въ концѣ (1866—1870) сорокъ-одинъ пудъ. Касательно Петербурга по- добныя данныя имѣются только съ 1841 года, когда за 10 пу- довъ мяса получалось 39 пудовъ пшеницы. Съ тѣхъ поръ цѣны на пшеницу повышались въ Петербургѣ быстрѣе, чѣмъ цѣны на мясо, такъ что въ 1860 году за 10 пудовъ мяса получалось только 29 пудовъ пшеницы, но за тѣмъ мясо опять стало быстрѣе подниматься въ цѣнѣ и, въ періодъ между 1871 и 1875 годами, десять пудовъ мяса соответствовали тридцати пудамъ пшеницы. Въ Варшавѣ замѣчается подобное же явленіе.

То же самое явленіе быстрого возвышенія цѣнъ на мясо ока- зывается и при сравненіи этихъ цѣнъ съ цѣнами на рожь, овесъ и ячмень. Можно ожидать, что эта неравномѣрность въ буду- щемъ станетъ еще значительнѣе, такъ какъ земли все дальше распахиваются, а относительное число скота въ Европѣ умень- шается.

Всѣ приведенные факты и соображенія заставляютъ насъ при- знать за несомнѣнную ту истину, что въ будущемъ мясной эле- ментъ человѣческой пищи не только уменьшится противъ настоя- щаго, но даже и вовсе исчезнетъ.

Человѣкъ самыми обстоятельствами влечется къ растительной пищѣ.

Такимъ образомъ, если согласиться съ фізіологами-практи- ками, что безъ мяса человѣческая пища не можетъ считаться нормальною, то человечество оказывается въ безвыходномъ поло- женіи: съ каждымъ поколѣніемъ оно все болѣе и болѣе будетъ

удалиться отъ своего пищевого идеала—и, слѣдовательно, чело-вѣческія племена будутъ постепенно ухудшаться.

Изъ этого можно бы заключить, что бѣлая часть чело-вѣчества навсегда останется плохо или посредственно прокормлен-ною массою, которою будетъ руководить горсть людей, хорошо питающихся, интеллигентныхъ. Меньшинство, нѣчто въ родѣ ны-нѣшнихъ «десяти-тысячъ англичанъ верхняго слоя» (upper ten thousands), станетъ разрабатывать науки и искусства, заботиться о лучшемъ продовольствіи массъ и, въ то же время, постоянно сознавать, что надѣлать всѣхъ нормальною пищею—несбыточная мечта.

Такъ дѣйствительно думаетъ западно-европейская буржуазія. Находясь во главѣ наиболѣе процвѣтающихъ массъ, она вполне довольна своею дѣятельностью, ибо довела своего среднего чело-вѣка до небывалаго довольства, и надѣется поддержать это доволь-ство еще въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній. Четыре, пять сотенъ тысячъ, можетъ быть, милліонъ нищихъ оборванцевъ всегда будутъ существовать между берегомъ Атлантическаго океана и балтійско-адріатическою линіею; но это все жертвы случайностей, жизненныхъ неудачъ, нерѣдко даже лѣности и другихъ дурныхъ качествъ самихъ субъектовъ: они ничто, напли въ морѣ житей-ской посредственности, которая и должна удовлетворять насъ от-нынѣ и во-вѣки.

Англія—идеалъ новѣйшаго и будущаго чело-вѣчества; слѣдо-вательно, въ достиженію этого идеала всѣ и должны стремиться.

Но если въ наше время бѣлая часть чело-вѣчества дѣй-ствительно можетъ ставить себѣ практическимъ идеаломъ дости-женіе англійскаго благосостоянія, то нравственный идеалъ всего людскаго рода не можетъ удовлетвориться мѣщанскою филосо-фіей зажиточныхъ классовъ западной Европы. Эту философію не довольствуются и правительства, стремящіяся доставить пол-ное благосостояніе и высшія блага цивилизаціи не одному ка-кому-нибудь классу, а всей массѣ общества.

Не будемъ однако же останавливаться на затронутыхъ здѣсь вопросахъ, хотя они потому и затронуты, что находятся въ тѣс-ной связи съ вопросомъ о будущемъ питаніи чело-вѣка.

Для насъ, во всякомъ случаѣ, на какую бы точку мы ни становились, несомнѣнно, что формула питанія, выработанная фізіологами-практиками, должна измѣниться. Наука и техниче-ская практика должны приняться за выработку формулы смѣ-шанной, но чисто-растительной пищи, не дожидаясь того вре-

мени, когда на землѣ исчезнетъ—или почти исчезнетъ—возможность примѣшивать къ ней животныя продукты.

Къ счастью, элементы пищи будущаго уже и теперь намѣчены наукою. Въ Европѣ существуетъ даже общество, поставившее себѣ задачею не только исключительно питаться растительною пищею, но и распространять то убѣжденіе, что пища эта есть единственно естественная и согласная съ природою человека. Члены этого общества называютъ себя «вегетаріанцами» и, очевидно, вѣрно оцѣнили дѣло.

Многу уже указано, что между растительною и животною пищею не существуетъ основного различія. Если обратиться къ таблицамъ состава питательныхъ веществъ, то окажется, что многія растительныя вещества содержатъ бѣлковины больше, чѣмъ мясо—даже больше, чѣмъ самъ яичный бѣлокъ ¹⁾—а между тѣмъ вся задача заключается именно въ томъ, чтобы отыскать такой растительный продуктъ, или такую смѣсь растительныхъ продуктовъ, въ которой отношеніе бѣлковинныхъ веществъ къ веществамъ безъ-азотистымъ было бы такое же, какъ въ смѣшанной растительно-животной пищѣ.

Тотъ, кто изобрѣтетъ хлѣбъ, или другую растительную смѣсь, въ которой было бы, напримѣръ, вдвое меньше воды, чѣмъ въ теперешнемъ хлѣбѣ, и вдвое больше бѣлковыхъ веществъ, тотъ окажетъ человечеству услугу, превышающую всевозможныя техническія изобрѣтенія.

Представлю нѣкоторыя соображенія, способныя показать, что въ предлагаемомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Для этого, прежде всего, не лишнее бросить взглядъ на прилагаемую таблицу состава нѣкоторыхъ животныхъ и растительныхъ веществъ, заимствованную мною у Фохта ²⁾.

На 1,000 частей по вѣсу приходится.	Воды.	Бѣлковыхъ веществъ.	Жира.	Жиръ обра- зующихъ крах- малистыхъ вещ.
Животныя продукты:				
Сыр	368,59	334,65	242,63	—
Куриный желтокъ	523,83	163,62	291,58	—
Яичный бѣлокъ	841,04	117,60	—	—
Баранье мясо	727,00	220,00	27,49	—
Бычачье мясо	733,93	174,63	28,69	—
Сѣмга	763,69	153,02	47,88	—
Коровье молоко	857,05	54,04	43,06	40,37
Женское молоко	885,66	28,11	35,64	48,17
Куриное мясо	762,19	196,29	14,23	—

¹⁾ См. ниже таблицу.

²⁾ C. Vogt, Physiologische Briefe, 4 Auflage. 1873, p. 98.

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ:

Чечевица	113,18	264,94	24,01	559,05
Горохъ	145,04	223,52	19,66	528,63
Пшеница	129,94	135,37	18,54	663,80
Пшеничная мука	124,81	127,07	12,24	723,13
Пшеничный хлѣбъ	431,91	89,88	18,54	470,05
Рожь	138,73	107,49	21,09	668,45
Овесь	108,81	90,43	39,90	618,43
Ячмень	144,82	122,65	26,31	582,19
Кукуруза	120,14	79,14	48,37	679,75
Гречиха	146,31	77,77	1,02	507,28
Каштаны	537,14	44,61	8,73	356,51
Картофель	727,46	13,23	1,56	173,30

Сравнивая содержаніе бѣлковыхъ веществъ (вторая графа) въ животныхъ и растительныхъ продуктахъ, легко усмотрѣть, какіе изъ послѣднихъ выгоднѣе для питанія, заключаая въ себѣ много бѣлковъ, — а какіе, напротивъ, менѣе выгодны, представляя слѣдующее мало этихъ веществъ. При этомъ однако же необходимо имѣть въ виду, что при питаніи имѣетъ значеніе не только количество бѣлковъ, но и отношеніе ихъ къ водѣ и къ остальнымъ веществамъ пищи. Кромѣ того, удобоваримость и степень усвояемости, т.-е. способность переходить въ кровь и плоть, зависятъ въ сильной степени отъ того состоянія, въ которомъ находятся вещества въ той или другой пищѣ. Таблицы, подобныя предложенной, могутъ, слѣдовательно, только руководить при первомъ выборѣ продукта для питанія. Остальное можетъ быть опредѣлено лишь опытомъ и достигнуто практикой.

Изъ таблицы видно, что между растительными продуктами особенно высокимъ содержаніемъ бѣлковины отличаются чечевица и горохъ. Въ нихъ бѣловыхъ веществъ значительно больше, чѣмъ въ бычачьемъ мясѣ. Прибавлю къ этому, что сѣмена бобовыхъ растений — къ числу которыхъ относятся и чечевица, и горохъ — вообще очень богаты бѣлками. До введенія картофеля въ Европу, бобовыя растения составляли одну изъ главныхъ статей пищи бѣдныхъ, трудящихся классовъ. До сихъ поръ еще во многихъ странахъ, такъ-называемые, русскіе и турецкіе бобы, горохъ, чечевица, даже грубыя lupinus разводятся въ большомъ количествѣ. У насъ за Кавказомъ — напримѣръ, въ Имеретіи и Гуріи — турецкіе бобы (лоба) составляютъ главную пищу бѣднаго народа. Въ коренной Россіи горохъ въ большомъ ходу.

Въ виду всего этого понятно, какой высокій интересъ представляетъ для насъ прекрасное изслѣдованіе доктора Вороши-

лова ¹⁾), поставившаго себѣ задачею «опредѣлить сравнительно питательную способность мяса и гороха». «Почти вся масса трудящагося крестьянскаго сословія, — говорилъ названный ученый, — принуждена довольствоваться чуть не круглый годъ растительными продуктами. Въ виду этого обстоятельства, крайне желательно опредѣленіе питательныхъ свойствъ этихъ продуктовъ, какъ сравнительно съ мясомъ, такъ и сравнительно другъ съ другомъ».

Докторъ Ворошиловъ производилъ опыты надъ самимъ собою, употребляя при этомъ постоянно одно и то же количество хлѣба и сахара. Только въ одномъ рядѣ опытовъ къ хлѣбу и сахару придавалось мясо, а въ другомъ горохъ. Результатъ этихъ опытовъ слѣдующій. Какъ та, такъ и другая пищевая смѣсь «служать къ полному достиженію цѣлей питанія, что выражается сохраненіемъ постоянства вѣса и поддержаніемъ силъ на одномъ неизмѣнномъ уровнѣ, какъ при той, такъ и при другой діетѣ».

Но мясная пища легче усвоится, чѣмъ гороховая, а потому послѣдней приходится употреблять больше, чѣмъ первой» ²⁾.

Итакъ, первая попытка точной сравнительной оцѣнки питательныхъ свойствъ мясного и растительнаго продукта (говорю, первая потому, что дѣйствительно подобныхъ опытовъ еще не было произведено), указываетъ на одинъ изъ способовъ отысканія той формулы смѣшанной растительной пищи, въ которой, какъ мы видѣли, такъ будетъ нуждаться человѣчество, въ которой нуждается оно и теперь.

Позволительно думать, что съ помощью муки, гороха или другихъ бобовыхъ растений, техника можетъ отыскать болѣе удобную формулу чисто-растительной пищи, чѣмъ предложенная докторомъ Ворошиловымъ; но, во всякомъ случаѣ, его опыты и выводы будутъ служить основой для практической обработки вопроса.

Приведу еще слѣдующее соображеніе касательно пшеницы. Въ пшеничномъ зернѣ бѣловыхъ веществъ заключается 135 на 1,000. Въ пшеничной мукѣ, вслѣдствіе отброса на мельницахъ, это количество падаетъ до 127, наконецъ, въ хлѣбѣ до 90. Та-

¹⁾ Исслѣдованія о питательныхъ свойствахъ мяса и гороха. Сиб. 1871.

²⁾ Вотъ приблизительныя величины суточной порціи той и другой пищи, при усиленной мышечной дѣятельности. Масная порція: 400 гр. (93 з. 74 д. русскаго фунта) хлѣба, 100 гр. (23 з. 42 д.) сахара и 140 (33 з.) сухого мяса (около 525 гр. или 1 ф. 27 з. сырого); гороховая порція: 400 гр. (93 з. 74 д. русскаго фунта) хлѣба, 100 гр. (23 з. 42 д.) сахара и 400 гр. (94 з. 74 д. русск. ф.) гороха, принимавшагося въ видѣ киселя.

кимъ образомъ, разными нецѣлесообразными приѣмами приготовления, мы теряемъ изъ пшеницы 45 частей на 1000 бѣловыхъ веществъ, столь необходимыхъ организму. Все дѣло можно однако же поправить оковкою мукомольныхъ жернововъ. Известно, что наружный слой хлѣбнаго зерна заключаетъ въ себѣ главную часть его бѣловины. На мукомольныхъ мельницахъ, а именно на крупчаткахъ, этотъ слой отбрасывается, а на муку идетъ бѣлая масса, содержащая въ излишество крахмалъ. Если производить оковку жернововъ такъ, чтобы они снимали съ зерна гораздо больше, чѣмъ то дѣлается на крупчаткахъ, и эту наружную часть обращать въ муку, а центральную, содержащую мало бѣловины, отбрасывать, то мука, а затѣмъ и хлѣбъ, содержали бы въ себѣ больше азотистыхъ веществъ, чѣмъ въ нашемъ теперешнемъ пшеничномъ хлѣбѣ.

Часть, не вошедшая въ составъ муки, ни въ какомъ случаѣ не пропала бы; техника нашла бы ей многообразныя употребленія.

Мука, полученная такимъ образомъ, можетъ содержать весьма большое количество бѣловины. Притомъ же, количество это можно измѣнять по желанію, оно должно быть опредѣлено практикою при печеніи хлѣба.

Той же обработкѣ можетъ подвергнуться рожь, овесъ и всѣ зерновые хлѣба.

При всѣхъ этихъ соображеніяхъ невольно представляется уму одно странное явленіе. Все въ технику, кажется, двигается впередъ, и притомъ съ необыкновенною быстротою, одна только пища человѣческая остается въ томъ же, почти первобытномъ состояніи. Болѣе или менѣе удобныя комбинаціи разныхъ продуктовъ питанія отыскиваются какъ-то сами собою, или помощью поваровъ, метръ-д'отелей и такъ-называемыхъ гастрономовъ, т.-е., по-просту и по-русски, обжоръ. Наука мало или вовсе не заботится объ улучшеніи пищи на раціональныхъ основаніяхъ. Она только объясняетъ различныя явленія, происходящія во время приготовления пищи и питья, указываетъ, какъ удобнѣе, проще и выгоднѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ; но принципы, основы питанія, вовсе не трогаетъ, признавая ихъ какъ-бы непогрѣшимыми.

Трюфованныя индѣйки, такъ же, какъ разные *saucе souбіе*, *гетюладе* и пр., и пр., имѣютъ, очевидно, для человѣчества значеніе меньше выѣденнаго яйца, а хлѣбъ остается тотъ же самый, которымъ питались не только первые фараоны, но даже и нѣкоторыя племена до-историческаго человѣчества: прѣсный и кислый, и притомъ изъ той же самой муки.

Открытію кислаго тѣста нельзя не придавать огромнаго значенія въ исторіи питанія человѣка; но можно утверждать безъ преувеличенія, что до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано для усиленія питательности и удобоваримости хлѣба вообще, а между тѣмъ это-то и составляетъ главнѣйшую задачу относительно питанія массъ народонаселенія, особенно въ будущемъ ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, представленныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ возможности отыскать такую растительную пищу, которая, по своимъ свойствамъ, вполне отвѣчала бы смѣшанной животно-растительной. Задача эта должна быть и, безъ сомнѣнія, будетъ разрѣшена химією и фізіологією.

Мы видѣли, что человѣчество влечется самою необходимостью къ растительной пищѣ; мы только-что вывели, что нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ возможности отыскать формулу растительной пищи, соответствующую основному положенію фізіологіи. Но самый важный вопросъ состоитъ въ томъ, будетъ ли растительная пища въ состояніи способствовать дальнѣйшему интеллектуальному развитію человѣчества. Въ состояніи ли эта, тяжелая, по мнѣнію практиковъ, пища содержать нашу матеріальную машину въ такомъ видѣ, чтобы духовныя силы, ее оживляющія, могли расти и совершенствоваться, воздѣйствуя и на усовершенствованіе самой машины?

Теперь въ Европѣ сдѣлалось модою утверждать, что люди, занятые интеллектуальною работою, должны непременно питаться смѣшанною, животно-растительною пищею.

Англійскій народъ, давшій столько превосходныхъ ученыхъ

¹⁾ См. von Bibra, Die Getreidearten und das Brod. Nürenberg. 1860. Въ этомъ сочиненіи собрано главное изъ того, что было до 1860 года предпринято для улучшенія способовъ приготовленія хлѣба. Не разъ обращали вниманіе на уменьшеніе питательности хлѣба отъ выдѣленія изъ муки отрубей, содержащихъ главную часть отрубей (стр. 196 и сл.). Предлагались даже способы печенія хлѣба съ отрубями (стр. 381 и сл.), но все это еще далеко не выработано. Точныхъ опытовъ касательно усвоемости отрубей человѣкомъ еще не произведено; удобныхъ механическихъ приспособленій для отдѣленія неудобоваримой части отрубей (кѣтковины) отъ питательной и легко варимой еще не придумано. Больше всего обращено вниманія на замѣну ручной работы машинною, на уменьшеніе потери при выдѣлкѣ муки и хлѣба, словомъ, на удешевленіе производства. Много также стараются объ улучшеніи высокихъ сортовъ муки, что достигается на счетъ питательности самаго хлѣба, ибо самый высшій сортъ пшеничной муки, называвшейся еще у римлянъ *pollen* и *flos farinae*, *fleur de farine* и *Kaisermehl* (въ Вѣнѣ), заключаетъ всего меньше кѣтковины. Въ послѣднія 17—18 лѣтъ ничего рѣзко выдающагося не придумано.

и литераторовъ, пользующійся сравнительно лучшею организаціею, облагодѣтельствовавшій человѣчество столькими изобрѣтеніями, наконецъ, богатѣйшій изъ всѣхъ народовъ, употребляетъ мяса больше всѣхъ остальныхъ европейскихъ народовъ. Это обстоятельство всего сильнѣе дѣйствуетъ не только на массы, но и на людей просвѣщенныхъ.

Спрашивается однако же, нѣтъ ли тутъ совпаденія обстоятельствъ, не заключають ли тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, на основаніи ошибочнаго правила *sui hoc ergo propter hoc*.

Точныхъ и прочныхъ основъ для приведеннаго мнѣнія дѣйствительно не существуетъ. По этому поводу не только не произведено никакихъ опытовъ, но не имѣется даже наблюденій.

Мы еще можемъ отыскать въ книгахъ перечни блюдъ великихъ или сильныхъ владыкъ земныхъ, завоевателей, или тонкихъ, хотя бы и неудачныхъ, дипломатовъ; но о пищѣ людей, дѣйствительно заслужившихъ передъ человѣчествомъ, мы или вовсе ничего не знаемъ, или имѣемъ самыя жалкія указанія.

Мы знаемъ, напримѣръ, что ѣли Аттила и Наполеонъ I, какъ одинъ поглощалъ полусырую конину, а другой любилъ особенно зажаренныхъ цыплятъ (*poulets à la Magero*). Мы знаемъ, чѣмъ отягчалъ свой желудокъ Лукуллъ, можемъ прочесть подробное описаніе пиршества какого-то отвратительнаго римскаго отпущенника Трималхіона ¹⁾; но о скромныхъ трапезахъ Сократа можемъ только догадываться, и не имѣемъ понятія о томъ, какой именно обѣдъ забывалъ съѣдать Ньютонъ, вѣчно погруженный въ свои высокія мысли и соображенія.

Мы позволяемъ себѣ, однако же, предполагать, что въ странѣ огромныхъ ростбифовъ и бараньихъ котлетъ, этими благами пользуются и пользовались преимущественно не мыслители, не члены лондонскаго королевскаго общества, а герои биржи и обитатели Сити.

Во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, приходится обращаться къ соображеніямъ, основаннымъ на фактахъ другого рода, къ исторіи и топографіи человѣческаго питанія.

Если мы сравнимъ, въ отношеніи образа жизни и цивилизаціи, народы, смѣнявшіе другъ друга въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій, съ нынѣ живущими, то настоящее положеніе человѣ-

¹⁾ См. отрывокъ изъ Петронія, помѣщенный въ сочиненіи: „*das Leben der Griechen und Römer*“ v. E. Guhl u. W. Koner. Часть 2, стр. 260 и слѣд.

чества представится намъ какъ-бы неподвижною картиною того, что представляетъ намъ вся исторія развитія челоѣчества.

Образъ жизни нѣкоторыхъ изъ теперь живущихъ дикихъ племенъ во многихъ отношеніяхъ такъ сходствуеъ съ тѣмъ, что извѣстно объ образѣ жизни иныхъ до-историческихъ народовъ, что мы по быту первыхъ можемъ заключать о бытѣ вторыхъ. Переходы отъ одного состоянія къ другому, отъ дикости къ варварству, отъ варварства къ быту патріархальному и къ состоянію болѣе или менѣе цивилизаціи, происходившіе въ теченіи вѣковъ, совершаются на тѣхъ же началахъ и теперь, на нашихъ глазахъ.

Эта параллельность между послѣдовательными степенями развитія челоѣческаго рода и между тѣми степенями совершенства, на которыхъ находятся и теперь разныя племена, даетъ намъ возможность не только сослѣдить вліяніе матеріальнаго быта народовъ на ихъ относительное развитіе, но заключать и о будущемъ.

Страны, представляющія до сихъ поръ природу въ ея первобытномъ состояніи, каковы, напримѣръ, дремучіе лѣса сибирской тайги, живописуютъ намъ картину того, какова была Европа въ древнѣйшія времена, напримѣръ, при Германцахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящее положеніе Европы позволяетъ намъ составить себѣ въ общихъ чертахъ представленіе и о будущемъ лѣсной сибирской области.

Такъ точно и касательно самого челоѣка.

Еще не прошло и десяти лѣтъ съ того времени, какъ ученый міръ призналъ окончательно доказаннымъ тотъ фактъ громадной важности, что челоѣкъ существовалъ въ Европѣ вмѣстѣ съ отжившими животными потретичнаго періода. Кости его, вмѣстѣ съ костями мамонтовъ, на которыхъ его рукою иногда нацарапаны изображенія этихъ чудовищъ, найдены тамъ и сямъ въ глубокихъ слояхъ земныхъ. При нихъ находятся и остатки грубыхъ издѣлій самыхъ отдаленныхъ изъ нашихъ предковъ.

До сихъ поръ еще не удалось опредѣлить, хотя съ нѣкоторою точностью, время, истекшее отъ эпохи перваго появленія этихъ людей, оставившихъ хотя рѣдкіе, но неизгладимые слѣды своего существованія. Не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что до-историческій періодъ жизни европейскаго челоѣчества далеко превосходитъ своею продолжительностью самый длинный изъ историческихъ періодовъ теперь живущихъ народовъ, не исключая и китайскаго.

Несмотря на то, что изученіе до-исторической старины, нача-

лось такъ недавно, наука успѣла уже собрать множество драгоценныхъ фактовъ и возстановить главнѣйшія черты быта тѣхъ дикарей, которые находились въ борьбѣ со слонами, покрытыми шерстью, бегемотами, носорогами, львами и другими звѣрами, или вовсе исчезнувшими съ лица земли или, по крайней мѣрѣ, изъ Европы, но бродившими въ тѣ времена по мѣстамъ, занимаемымъ теперь Парижемъ, Мадритомъ и проч. Люди эти выдѣлывали изъ кремнистаго крѣпкаго камня до того грубыхъ орудій нападенія и защиты, что для непривычнаго глаза это просто куски камня, случайно разбившіеся и надломавшіеся. Но дѣло въ томъ, что такіе кремни, обитые по краямъ все на одинъ и тотъ же ладъ, находятся тысячами, и что дикари многихъ океанійскихъ острововъ и до сихъ поръ употребляютъ подобные же, обитые по краямъ камни, въ видѣ оружія. Тѣ же до-историческіе дикари пробурывали камешки для навѣшиванія ихъ на себя въ видѣ украшеній, какъ то дѣлаютъ и по сей часъ нынѣ живущіе. Они же грубо обдѣлывали кости тѣхъ звѣрей, которыхъ имъ удавалось умерщвлять, и опять на тотъ же самый ладъ, какъ многіе изъ живущихъ теперь дикарей.

Въ такомъ-то положеніи застала наука до-историческаго европейскаго человѣка тѣхъ временъ, которыя, по всей вѣроятности, были близки къ первоначальному его появленію. Человѣкъ тогда уже зналъ употребленіе огня и питался всевозможными животными, обильно населявшими дремучіе лѣса, горныя ущелья, рѣки и озера того времени. Домашнихъ животныхъ при немъ не было, о земледѣліи не было и помину. Присоединялъ ли онъ къ своей пищѣ какія-нибудь растенія — неизвѣстно, такъ какъ никакихъ слѣдовъ отъ этого не осталось.

Съ того отдаленнаго времени, въ которое въ разныхъ мѣстностяхъ Европы бродили дикари древнѣйшаго каменнаго вѣка и до перваго появленія римскихъ легіоновъ въ теперешней Франціи, прошелъ неисчислимый рядъ тысячелѣтій. Средства, употребляемыя геологами для хронологическихъ выводовъ, правда, въ высшей степени недостаточны; но онѣ во всякомъ случаѣ даютъ несомнѣнное право сказать, что указанный нами періодъ времени долженъ измѣряться не тысячами, а десятками тысячъ лѣтъ.

Въ продолженіи всего этого громаднаго періода времени, земная поверхность измѣняла не разъ свой видъ, измѣнялась конфигурація материковъ, британскіе острова, напримѣръ, успѣли отдѣлиться отъ материка, климатъ два раза переходилъ отъ суроваго, холоднаго къ болѣе умѣренному; вмѣстѣ съ тѣмъ, очевид-

но, измѣнялся и растительный покровъ; царство животныхъ успѣло лишиться многихъ изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей, а прогрессъ человѣческаго рода подвигался такъ медленно, что требуется величайшее вниманіе, чтобы его замѣтить. Каменные орудія стали выдѣлывать не простою оковкою, ударя камень о камень, а отшлифовывать подобно тому, какъ дѣлаютъ и до сихъ поръ нѣкоторые дикари; грубая глиняная посуда, обломки которой находятъ вмѣстѣ съ костями отжившихъ звѣрей, постепенно получаетъ лучшія формы,—словомъ, прогрессъ выражается въ такихъ сравнительно легкихъ признакахъ, что его скорѣе можно назвать застоємъ, чѣмъ движеніемъ.

Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы слѣды до-исторической старины изобличаютъ болѣе высокую степень развитія, чѣмъ та, на которой вообще находились люди каменнаго вѣка. Таковы остатки озерныхъ жилищъ, воздвигавшихся въ Швейцаріи. Сваи, на которыхъ стояли цѣлыя деревни, мѣстами сохранились и до сихъ поръ. На днѣ озеръ, тамъ, гдѣ стоятъ эти сваи, найдены многочисленныя остатки разныхъ издѣлій и пищи до-историческихъ швейцарцевъ. Остатки эти состоятъ преимущественно изъ каменныхъ орудій, но вмѣстѣ съ ними погребены уже кости такихъ животныхъ, которыя и теперь живутъ въ Европѣ. Многія изъ тѣхъ костей принадлежали несомнѣнно звѣрямъ уже одомашненнымъ: быкамъ, козамъ, овцамъ, собакамъ, лошади. Вмѣстѣ съ ними попадаютъ тамъ и самыя зерна пшеницы, ячменя, цѣлые ячменные колосы, обуглившіеся плоды, даже печеный хлѣбъ, тоже въ обугленномъ состояніи. При остаткахъ болѣе древнихъ свайныхъ сооружений, находятъ только отбросы животной пищи, свидѣтельствующіе о пастушеской жизни ихъ обитателей; при подобныхъ же сооруженіяхъ позднѣйшаго времени отысканы и остатки воздвигавшихся растений. Озерные швейцарцы были, очевидно, уже пастухами, а затѣмъ и земледѣльцами; они стояли по своему развитію гораздо выше дикарей, обитавшихъ, напр., въ пещерахъ Франціи и Бельгіи; но за то они и появились на своихъ мѣстахъ несравненно позже пещерныхъ жителей, потому что при ихъ остаткахъ не находятъ не только костей мамонта или другихъ слоновъ, а нѣтъ никакихъ слѣдовъ даже львовъ, гіенъ и другихъ, теперь живущихъ, но ушедшихъ далеко на югъ дикихъ животныхъ; нѣтъ также остатковъ сѣвернаго оленя, доходившаго когда-то до самыхъ Пиреней.

За каменнымъ вѣкомъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, вѣкъ бронзовыхъ орудій, и многія озерныя жилища принадлежатъ къ этому времени. Земледѣльческая жизнь въ нихъ была еще болѣе раз-

вита; очевидно, начали развиваться и ремесла, такъ какъ найдены тутъ остатки пряжи и льняныхъ тканей.

Таковы крупнѣйшія черты постепеннаго развитія европейскаго человѣчества въ до-историческія времена ¹⁾. Сказаннаго достаточно, чтобы обратить вниманіе читателя на необыкновенную медлительность этого развитія, которое притомъ только тогда оживляется, когда, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, животная пища начинаетъ замѣняться растительною.

Давно доказано, что земледѣліе есть необходимое условіе дальнѣйшаго развитія человѣка. При этомъ, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ не свойство пищи, а сама земледѣльческая промышленность, требующая большого напряженія ума, и обезпечивающая человѣка отъ заботъ о вседневномъ пропитаніи несравненно лучше и полнѣе, чѣмъ звѣроловство и скотоводство. Во всякомъ случаѣ, и по меньшей мѣрѣ, мы имѣемъ право сказать, что мясная пища и сопряженный съ нею образъ жизни не имѣли ни малѣйшаго вліянія на прогрессъ до-историческаго человѣка. Если бы люди не открыли возможности питаться плодами искусственно возрожденныхъ растений, то они навѣрное бродили бы и до сихъ поръ, подобно американскимъ дикарямъ, или кочующимъ ордамъ центральной Азіи. Вотъ заключеніе, къ которому приводитъ насъ то, что извѣстно о бытѣ и необыкновенно продолжительномъ застоѣ, въ которомъ пребывалъ человѣкъ во времена своего древнѣйшаго существованія.

Топографія питанія, или распредѣленіе человѣческихъ племенъ по пицѣ и по образу жизни, ею опредѣляемому, наглядно указываютъ на пребываніе въ дикости до-историческихъ людей и приводятъ къ тѣмъ же заключеніямъ.

Нѣкоторые писатели любятъ представлять людей каменнаго вѣка, даже временъ нешлифованныхъ кремней, въ какомъ-то гомерическомъ свѣтѣ. По ихъ словамъ, это какіе-то эпические герои, вступавшіе въ бой съ чудовищными мамонтами, побивавшіе страшнаго пещернаго льва и медвѣдя, гонявшіеся за быстроногими гигантскими оленями, огромные рога которыхъ походятъ до сихъ поръ въ глубокихъ слояхъ нашихъ торфяниковъ. Погребальныя норы ихъ представляются какимъ-то разумнымъ, величавымъ культомъ усопшихъ. Но тщательное изученіе остат-

¹⁾ Теперь въ русскомъ переводѣ имѣется нѣсколько хорошихъ книгъ, по которымъ можно хорошо ознакомиться съ изслѣдованіями о до-историческомъ періодѣ жизни человѣка. См., напр., Ч. Лйэля, Древность человѣка. Пер. В. Ковалевскаго. Спб. 1864. — Лэббока, Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества. 1876 и пр.

ковъ жалкихъ ремеслъ этихъ отдаленныхъ пращуровъ нашихъ, обломковъ ихъ пищи, состоящей изъ костей, расколотыхъ вдоль, для высасыванія мозга, костей, между которыми находили и человѣческія, несомнѣнно, убѣждаютъ насъ, какъ уже не разъ сказано, что тѣ люди находились на самой низкой степени развитія.

Описывая группу пещересовъ, Дарвинъ невольно восклицаетъ ¹⁾, что «при видѣ этихъ людей едва можно вѣрить, что это наши ближніе, и живутъ въ одномъ мірѣ съ нами. Нерѣдко спрашиваютъ, чѣмъ наслаждаются нѣкоторые изъ низшихъ животныхъ; не естественно-ли поставить тотъ же вопросъ относительно этихъ варваровъ!» Слова эти гораздо болѣе подходятъ къ до-историческимъ людямъ, чѣмъ мечты нѣкоторыхъ археологовъ. Эти самые огнеземляне, описываемые Дарвиномъ, живутъ, вѣроятно, очень близко къ тому, какъ, напримѣръ, жили до-историческія племена, накопившія на датскихъ берегахъ, такъ-называемыя, сорныя или кухонныя кучи (кѣккенмоддинги), состоящія, преимущественно, изъ раковинъ устрицъ и двухъ другихъ видовъ съѣдобныхъ моллюсковъ. Они также живутъ почти исключительно моллюсками и накапливаютъ большія кучи ихъ раковинъ.

Въ виду всего этого, быть теперь живущихъ дикарей и варваровъ представляетъ огромный интересъ. Они сохранили часто привычки, утварь, оружіе, мѣстами, вѣроятно, и утлія лодки, употреблявшіяся задолго до древнѣйшихъ цивилизованныхъ народовъ Египта и Индіи.

Не вдаваясь въ подробности, напомнимъ уже прежде выведенное мною правило, что населенность людьми бываетъ обратна населенности домашними животными. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить, что въ средѣ двухъ главнѣйшихъ и самыхъ многочисленныхъ человѣческихъ породъ, — кавказской и монгольской, — наименѣе интеллектуальными являются тѣ породы, которые всего болѣе придерживаются мясной пищи. Всѣ страны ледовитаго побережья, не поддающіяся земледѣлію, населены рыболовными народами, стоящими на самой низкой степени развитія. Ближе подходятъ къ нимъ, по развитію, племена, занимающіяся звѣриною ловлею въ сѣверныхъ холодныхъ странахъ обоихъ материковъ. Степи и пустыни повсюду прокармливаютъ мясомъ и молокомъ сравнительно-рѣдкое, кочующее или пастушеское население.

¹⁾ Ч. Дарвинъ. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль. Спб. 1865. Т. I, стр. 423 и слѣд.

ніе, состоящее опять изъ дикарей или изъ варваровъ. Даже отрасли цивилизованныхъ націй мѣстами стали возвращаться къ варварству, подъ вліяніемъ пастушеской жизни; таковы, напримеръ, гаучосы южной Америки.

Даже западная Европа представляетъ до сихъ поръ явленіе, сходное съ только-что указаннымъ: наименѣе культурный изъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ — венгерцы, сохраняютъ до сихъ поръ, среди своихъ пастъ, характеръ пастушескихъ народовъ.

Словомъ сказать, мы и теперь замѣчаемъ въ средѣ мясоядныхъ племенъ тотъ же застой, ту же дикость и варварство, въ которое были погружены такъ долго племена до-историческихъ временъ. Не приписывая этого прямому, непосредственному вліянію пищи, мы и здѣсь можемъ, однакоже, утверждать, что питаніе животными продуктами не при чемъ относительно человѣческаго прогресса.

Послѣдній періодъ европейской жизни, со включеніемъ варварства и полуварварства среднихъ вѣковъ, ничтоженъ по сравненію съ періодомъ дикаго звѣроловства и пастушества. Историкъ, не принимающій во вниманіе время, о которыхъ не существуетъ писанныхъ или хотя бы вустныхъ преданій, можетъ поражаться трудностью и медлительностью поступательнаго движенія человѣчества; но для геолога должна казаться удивительнѣе та быстрота, съ которою человѣкъ прешелъ послѣднюю изъ ступеней своего развитія, то необыкновенное совершенство, до котораго онъ дошелъ въ такое короткое время.

Изъ всего, что можно видѣть въ западной Европѣ, самое сильное впечатлѣніе производитъ на многихъ Помпей. Никакія описанія или картины не могутъ возбудить того неизъяснимаго трепета, который овладѣваетъ душою мыслящаго человѣка, ступающаго на камни, истертые людьми, жившими тутъ полною, своеобразною жизнью какъ-бы вчера, а между тѣмъ исчезнувшими съ лица земли тому назадъ около двухъ тысячъ лѣтъ. Вотъ-вотъ ждешь, что они явятся — эти люди, что брызнетъ водная струя изъ фонтановъ, истертыхъ по краямъ ихъ амфорами, ихъ руками, ихъ пылающими отъ дневного зноя губами, что сейчасъ все тутъ зашевелится прежнею жизнью. Еще мгновеніе задумчивости, еще одно напряженное усиліе воли — и фантазія, кажется, готова превратиться въ дѣйствительность.

Такое живое чувство, возбуждаемое римскою стариною въ человѣкѣ XIX столѣтія, возможно не только потому, что онъ собственно живетъ тою же жизнью, которою жили древніе, но

и потому, что онъ отдѣленъ отъ нихъ такимъ ничтожнымъ промежутокъ времени.

Проникая в мыслію, и чувствомъ, и фантазіею въ эту юность нашей цивилизаціи, сравнительно съ почти неисчислимою продолжительностью мрака, въ который было погружено до-историческое человѣчество, можно проникнуться и надеждою, что бѣдствія современныхъ намъ народовъ мало-по-малу исчезнутъ — такъ же, какъ исчезло, наконецъ, величайшее изъ бѣдствій, когда либо тяготѣвшихъ надъ людьми, а именно поголовное варварство.

Но для этого прежде всего необходимо полное замиреніе и исчезновеніе мясоядныхъ дикарей, ибо, съ точки зрѣнія естествоиспытателя, сама исторія, въ крупнѣйшихъ чертахъ своихъ, есть не что иное, какъ борьба мясоядныхъ варваровъ съ земледѣльческими хлѣбоядными народами. Она состоитъ именно изъ постепеннаго совершенствованія земледѣльческихъ племенъ, при вытѣсненіи пастушескихъ, пребывающихъ на степени дикаго невѣжества. Величайшія историческія катастрофы опредѣлены огромными переселеніями мясоядныхъ варваровъ; величайшія эпохи прогресса совпадаютъ съ переходомъ этихъ варваровъ отъ исключительно мясной пищи къ растительной и къ земледѣлію. Можно утверждать, что и въ новѣйшее время главнѣйшую причину борьбы между человѣческими племенами составляетъ до сихъ поръ существующая противоположность между темными массами, которыя живутъ стадами, и осѣдлыми народами, питающимися хлѣбными растеніями. Частныя войны между европейцами, или борьба китайцевъ съ ихъ западными подданными, являются, съ самой общей точки зрѣнія, второстепенными моментами великаго движенія и столкновенія народовъ, подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ.

Въ Старомъ Свѣтѣ ключомъ къ дальнѣйшему развитію человѣчества, очевидно, служить наше отечество. Его полуцивилизованное состояніе зависитъ прямо оттого, что оно все еще продолжаетъ бороться съ мясоядными варварами, или съ ихъ потомками, не потерявшими еще привычекъ своихъ предковъ. Громадныя земли русской имперіи до тѣхъ поръ не могутъ и не будутъ служить человѣчеству сообразно гигантскимъ силамъ, скрытымъ въ ихъ нѣдрахъ, пока эта борьба съ варварами не минуетъ окончательно. Западная Европа, населеніе которой чрезмѣрно уплотнилось, до тѣхъ поръ не перестанетъ угрожать Россіи, осуждая ее въ запущеніи столь огромныхъ плодородныхъ земель, пока Русь не будетъ въ состояніи, мирно воздѣлывая свои поля,

заснипать всѣ страны, отъ Карпатъ до Океана, избыткомъ своего хлѣбнаго зерна.

Другое движеніе, происходящее на крайнемъ востокѣ нашего Старога Свѣта, также представляетъ непрерывную борьбу, вызываемую мясоядными ордами степной Азіи, съ хлѣбоядными китацами. Весь этотъ хаосъ, такъ долго царствующій во внутренней Азіи, не есть-ли это слѣдствіе дикости мясоядныхъ толпищъ, не успѣвшихъ или не сумѣвшихъ сѣсть на растительную пищу, среди трудныхъ условій занимаемыхъ ими странъ.

Наконецъ, Индія, эта страна, издревле отвергнувшая всякое животное питаніе, не обязана ли и она жалкимъ состояніемъ своихъ народовъ тюркскимъ и монгольскимъ мясояднымъ завоевателямъ.

Итакъ, широкій взглядъ на развитіе человѣчества, отъ отдаленныхъ временъ каменнаго вѣка до нашихъ дней, равно какъ оцѣнка, въ крупнѣйшихъ чертахъ, настоящаго положенія населенія земного шара показываютъ, что родъ людской всѣми силами стремится къ превращенію поверхности своей земли въ пахатныя поля и сады. Задержкою въ этомъ стремленіи именно служатъ мясоядные народы, которые и являются основною причиною той борьбы въ средѣ человѣчества, которая столь цинически выражается войнами и всякими взаимными притѣсненіями.

Послѣ всего этого мы въ правѣ заключить, что преобладаніе мяса въ пищѣ, а тѣмъ болѣе исключительно мясная пища свойственны лишь дикому и варварскому человѣку.

Здѣсь было-бы уместно представить изслѣдованіе о пищѣ цивилизованныхъ народовъ древности, начиная съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ; но, не будучи достаточно знакомъ съ этимъ предметомъ, я рѣшаюсь указать только на нѣсколько, болѣе или менѣе извѣстныхъ фактовъ, какъ это сдѣлано мною въ предшествующихъ строкахъ касательно отношенія варваровъ къ цивилизованнымъ народамъ.

Укажу именно на то обстоятельство, что самая древняя цивилизація дальняго востока возникла среди народовъ, питавшихся преимущественно или даже исключительно растеніями, среди фитофаговъ. Какъ ни низка намъ кажется цивилизація Китая, но она, во всякомъ случаѣ, безконечно выше той степени развитія, на которой остановились степныя орды, подвластныя той же Небесной имперіи.

Еще выше стояла образованность древней Индіи, развившаяся среди племенъ, отказавшихся отъ всякой животной пищи.

Наконецъ, самые греки, философія, наука и искусство кото-

рыхъ послужили основою нашей образованности, отличались, въ лучшія времена своей исторіи, величайшею умѣренностью, питаясь преимущественно растеніями. За это они даже получили прозвища малопищихъ (*μικροτάφατοι*) и листоѣдовъ (*φυλλοτρῶγες*).

Я не думаю, чтобы изъ всѣхъ приведенныхъ соображеній можно было заключить, что растительная пища лучше всякой другой способствуетъ интеллектуальному развитію человѣка; но изъ нихъ однакоже несомнѣнно явствуетъ, что пища чисто мясная опредѣляетъ образъ жизни, совершенно не совмѣстимый съ прогрессомъ. Что же касается до смѣшанной животнo-растительной пищи, то на основаніи перечисленныхъ фактовъ можно только утверждать, что не она подвинула человѣчскій родъ на пути цивилизаціи, ибо отцы самыхъ высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей, самой возвышенной философіи и науки, нерѣдко черпали физическія свои силы только изъ царства растеній.

Сущность дѣла, очевидно, не въ томъ, чѣмъ именно питается человѣкъ, а въ томъ образѣ жизни, который опредѣляется этою пищею.

Предразсудокъ о безусловной необходимости смѣшанной животнo-растительной пищи зародился исторически, вслѣдствіе долговременной привычки зажиточныхъ классовъ европейскаго населенія, а также вслѣдствіе удобствъ, представляемыхъ этою пищею. Болѣе или менѣе подходящая смѣсь мяса съ хлѣбомъ или съ овощами отыскалась, такъ-сказать, сама собою: каждый человѣкъ инстинктивно и весьма удобно можетъ измѣнять, согласно потребностямъ своего организма, балансъ между бѣлковыми и безбѣлковыми веществами своей пищи, посредствомъ усиленія или ослабленія того или другого изъ двухъ ея элементовъ. Такъ какъ въ извѣстныхъ слояхъ европейскаго общества смѣшанная животнo-растительная пища передавалась изъ рода въ родъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, то понятно, что самый организмъ европейца приспособился къ этого рода пищѣ.

Указанный предразсудокъ исчезнетъ, однакоже, самъ собою. Если бы, напримѣръ, какое-нибудь семейство нѣмецкихъ бароновъ посредственнаго состоянія—а такихъ теперь очень много—могло возстановить не только всю свою генеалогію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и составъ трапезъ всего длиннаго ряда своихъ предковъ, то оно навѣрное было-бы поражено скудостью мяса своего теперешняго стола, по сравненію со столомъ древнѣйшаго изъ своихъ родоначальниковъ. Оно увидѣло бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта скудость наступала постепенно,—сначала исчезла дичина, замѣнившись говядиной и бараниной; затѣмъ и говядина стала

рѣже появляться; наконецъ картофель, браунколь и грюнколь, кольрабія, фасоль и множество другихъ овощей начали преобладать, а теперь въ иной день за столомъ появляется мясо только въ видѣ соеа, въ видѣ приправы къ разнообразнымъ произведеніямъ растительнаго царства.

Объединѣвшіе бароны наши принуждены были-бы сознаться, что въ будущемъ за столомъ ихъ потюмковъ исчезнетъ, пожалуй, даже всякій слѣдъ мясныхъ кушаній.

Предразсудокъ, о которомъ идетъ рѣчь, поддерживается въ Европѣ также весьма сильно обаяніемъ Англіи. Страна эта служитъ предметомъ зависти и подражанія всѣмъ остальнымъ, соизнательно живущимъ народамъ. Странно было-бы сомнѣваться въ ея относительно высокомъ процвѣтаніи и въ ея преобладаніи касательно всего, что можно считать практически полезнымъ для человѣчества; а гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, сытнѣе и цѣлесообразнѣе прокормлены самыя массы населенія, гдѣ же въ Европѣ такъ обильно мясо, какъ въ Англіи?

Я уже указывалъ на это сопоставленіе; но здѣсь приходится спросить, можно-ли дѣйствительно считать Великобританію типомъ и образцомъ культурнаго государства?

Одинъ ученый и извѣстный писатель ¹⁾ до того, повидимому, убѣжденъ во всеобщемъ преобладаніи Англіи, что предсказываетъ будущее первенство англійскаго языка надъ всѣми остальными. Въ виду всемірнаго его распространенія, онъ даже совѣтуетъ англичанамъ позаботиться объ измѣненіи ихъ неудобной ореографіи.

Но, несмотря на блестящія стороны англійской культуры и жизни, всякій согласится, что и она страдаетъ своими, и притомъ очень крупными недостатками.

Если вникнуть въ эти недостатки, то чуть ли не всѣ они окажутся слѣдствіемъ излишней сытости. Атлетизмъ, порожденный обильною мясною пищею и всякими гимнастическими упражненіями, чрезчуръ распространяется въ Англіи; въ нѣкоторыхъ классахъ ея населенія онъ сталъ даже идеаломъ. Вотъ это-то стремленіе къ развитію мускуловъ, всегда отличавшее сыновъ Британіи, составляетъ основу всѣхъ ихъ недостатковъ и пороковъ. Нашелся же тамъ недавно такой моралистъ, который провозгласилъ во всеуслышаніе, что счастье разумнаго человѣка

¹⁾ *Alphonse de Candolle*. 1873. *Avantage pour les sciences d'une langue dominante, et laquelle des langues modernes sera nécessairement dominante au XX-me siècle*.

должно заключаться въ достиженіи умѣреннаго богатства и комфортабельной обстановки.

Главнѣйшее достоинство англійскаго ума и образованности заключается въ необыкновенной практичности. Въ Англіи все имѣетъ отпечатокъ утилитаризма. Искусства стояли всегда, и теперь находятся, на необыкновенно низкой степени развитія сравнительно съ общимъ политическимъ и общественнымъ развитіемъ страны. Въ самой литературѣ напрасно ищешь возвышенныхъ, отвлеченныхъ идеаловъ. Математика, механика, особенно же прикладныя науки, техническія знанія, — вотъ на что всего больше способенъ англійскій народъ. Все это вмѣстѣ составляетъ драгоценное цѣлое, безъ котораго образованное человѣчество не можетъ обойтись, но такъ какъ утилитаризмъ всегда узокъ, то англійская цивилизація приспособлена исключительно для англичанъ. Внѣшняя политика умна, благоразумна, и все, что угодно въ томъ же родѣ, но руководится исключительно матеріальными выгодами заправляющихъ классовъ одной Англіи. То же можно сказать о внутренней политикѣ этой страны, гдѣ, при величайшей политической свободѣ, сумѣли поработить все населеніе нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ богачей, держа притомъ массы на такой степени матеріальнаго довольства, что онѣ остаются въ покоѣ.

Все это однакоже могло быть достигнуто и достигается на счетъ остальныхъ народовъ. Невольно припоминается мнѣ при этомъ одно явленіе, возникшее въ сѣверной Германіи въ недавнее время, а именно превращеніе хлѣбныхъ полей въ луга, ради откармливанія скота. Такъ какъ нѣмецкая пшеница и рожь не могутъ соперничать съ русскимъ и американскимъ хлѣбомъ, а въ Англію требуется мясо, то сѣверные нѣмцы и стали производить изъ своей земли мясо для англичанъ. Если это будетъ распространяться, то хлѣбъ въ той части Германіи по всей вѣроятности вздорожаетъ, и тогда можно будетъ безъ парадокса утверждать, что часть британскаго населенія питается кровью и мясомъ нѣмецкихъ обывателей.

Къ счастью, въ Россіи, которая кормитъ своимъ хлѣбомъ значительную часть англійскаго населенія, возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ выгодно именно для крестьянъ, которые производятъ большую часть нашего хлѣба. По крайней мѣрѣ, оно такъ должно бы быть, если бы наше крестьянство могло повсюду получать за свои продукты настоящую цѣну.

Не вдаваясь, однакоже, въ подробности, мы здѣсь должны указать только на то, что англійскій утилитаризмъ, находясь въ

связи съ атлетизмомъ, а слѣдовательно—съ мясною пищею, совершенно лишаетъ англійскую цивилизацію мірового значенія. Пересадить ее на континентъ невозможно уже потому, что тутъ она тотчасъ потеряетъ свой главный характеръ, практическую узкость интересовъ, а главное—потому, что если, сравнительно, маленкій англійскій народъ можетъ жить насчетъ остальныхъ, то это совершенно немыслимо относительно большихъ народовъ континента, не отдѣленныхъ другъ отъ друга морскими проливами.

Большая польза, извлекаемая человѣчествомъ изъ англійской цивилизаціи, была бы ничтожна безъ идеалистическаго глубокомыслия и пылкаго остроумія германскихъ и романскихъ народовъ, которыхъ, по сравненію съ англійскимъ, можно называть, пожалуй, и микротрапезами и филлотрогами, такъ какъ они дѣйствительно ѣдятъ гораздо меньше, чѣмъ англичане, особенно мяса.

Если, мысленно остановившись на всѣхъ затронутыхъ нами вопросахъ, вдуматься еще разъ въ кратковременность, въ относительную новизну нашей образованности, то мы придемъ къ тому убѣжденію, что родъ человѣческій находится только въ началѣ своего истинно-интеллектуальнаго развитія.

Для того, чтобы выступить изъ періода дикаго варварства, человѣчеству потребовался весь четверной періодъ геологовъ. Въ продолженіи всего этого длиннаго ряда тысячелѣтій, человѣкъ, оставаясь звѣроловомъ, мясоѣдомъ и даже людоедомъ, подобно звѣрямъ, заботился только объ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей, о сохраненіи себя самого. Этотъ періодъ можно называть поѣтому періодомъ *самосохраненія*.

Только съ переходомъ къ земледѣлію начался постепенно тотъ періодъ, который можетъ называться періодомъ *сохраненія рода*. Люди стали заботиться о семьѣ, о своихъ соплеменникахъ, наконецъ, о соотечественникахъ; но и до сихъ поръ еще не дошли до полнаго сознанія необходимости заботиться въ равной степени о сохраненіи всего своего рода въ цѣлости. Называющіе себя космополитами почти всегда оказываются себялюбцами, относящимися съ одинаковымъ равнодушіемъ какъ къ судьбамъ своихъ соотечественниковъ, такъ и къ судьбамъ какихъ-нибудь ороченъ, папуасовъ, китайцевъ и т. д. Изреченіе: для мудраго весь міръ—отечество, остается и теперь, какъ въ древности, отвлеченнымъ понятіемъ.

Находясь въ началѣ этой эры, мы еще долго будемъ свидѣ-

телями остатковъ перваго періода, въ несчастію, еще очень значительныхъ.

Наступитъ ли когда-нибудь третій вѣкъ, вѣкъ *самосовершенствованія*, когда заботы о самосохраненіи и сохраненіи рода войдутъ въ плоть и кровь каждаго человѣка, а высшею заботою и высшимъ наслажденіемъ будетъ выработка и осуществленіе нравственныхъ идеаловъ?

Въ виду необыкновенной продолжительности перваго періода, въ виду юности нашей цивилизаціи, наконецъ, въ виду того, что отъ времени до времени появляются люди, принадлежащіе какъ-бы къ тому желанному будущему, мы, съ своей стороны, не сомнѣваемся, что оно наступитъ—это желанное будущее.

Не берусь развивать здѣсь этой утопіи, какъ ее назовутъ многіе, а можетъ быть и большинство моихъ читателей. Попрошу, однако же, перенестись фантазією въ глубь каменнаго вѣка и представить себѣ одного изъ швейцарскихъ дикарей, времени озерныхъ жилищъ, спящаго, напримѣръ, на берегу Констанцскаго озера.

Ему снится чудный сонъ. Онъ видитъ обширныя воды своего родного водоема, но нѣтъ на немъ болѣе признаковъ приземистыхъ хижинъ его деревни. Повсюду, на прибрежныхъ пышныхъ лугахъ, въ долинахъ и на окрестныхъ горахъ, пасутся или лѣниво лежатъ, жуя свою жвачку, сытыя стада. Не видно даже пастуховъ, но не видно нигдѣ и желтаго длиннаго тѣла съ косматою головою, осторожно пробирающагося въ кустахъ. Тамъ, гдѣ еще вчера вопили стаи гнѣвъ, раздирая вонючее мясо, возвышаются фантастическія зданія, узорчатая башни и шпили. Воды озера бороздятся огромными, дымящими и шумящими лодками, съ толпами веселыхъ людей. Въ воздухѣ слышится, невѣдомый нашему сонному зѣвролову, металлическій звонъ колоколовъ. Всего же болѣе онъ пораженъ огромными, на его глазъ, толпами людей и тѣмъ миромъ и согласіемъ, которые между ними царствуютъ... Этому человѣку, очевидно, грезится его родное озеро въ томъ видѣ, въ которомъ оно теперь. Что, если бы, проснувшись, онъ сумѣлъ рассказать своимъ соплеменникамъ хоть частицу того, что ему приснилось, утверждая притомъ, что все это со временемъ совершится, что все это не пустая фантазія, а нѣчто вполне возможное, хотя и въ далекомъ будущемъ. Нашелся ли бы въ тѣ времена хоть одинъ человѣкъ, способный не только повѣрить, но даже и внимать сумасброднымъ рѣчамъ бѣдняка?

Подобными же дикарями по отношенію къ будущему являемся

и мы, когда не можемъ даже представить себѣ, что можетъ наступить время, когда люди перестанутъ предаваться самоистребленію, и даже того, что когда-нибудь люди будутъ всѣ поголовно и ежедневно сыты, одѣты и прикрыты отъ непогоды.

Какъ бы то ни было, если даже считать высказанныя надежды за пустыя мечты, все же въ исторіи человѣчества наступить періодъ болѣе возвышенной и болѣе распространенной цивилизаціи, чѣмъ цивилизація нашего времени. И этотъ вѣкъ несомнѣнно совпадетъ съ такими временами, когда человѣкъ будетъ черпать свои силы исключительно изъ царства растений.

Можетъ быть, на далекихъ полярныхъ окраинахъ, на иныхъ океанскихъ островахъ или негостепріимныхъ берегахъ, останутся племена ихтіофаговъ; но они не будутъ способны слѣдовать за общимъ прогрессомъ человѣчества, оставаясь навсегда какъ-бы неподвижнымъ изображеніемъ того, чѣмъ былъ человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія.

Итакъ, повторяемъ, будущность за вегетаріанцами, а наукѣ предстоитъ великая обязанность—выработать формулу растительной пищи, вполне соответствующую основнымъ выводамъ физиологіи.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ животная пища согласуется съ высшимъ проявленіемъ человѣческой природы, съ тѣмъ, что мы называемъ гуманностью. Слѣды ея замѣтны и въ самыхъ звѣроподобныхъ дикаряхъ, но высшей напряженности достигла она въ средѣ цивилизованныхъ христіанскихъ обществъ.

Любовь не только къ одному человѣчеству, но и ко всему живому, даже ко всему, что входитъ въ составъ вселенной—вотъ высшее проявленіе этого благороднѣйшаго атрибута нравственно-развитаго человѣка.

Такая характеристика, очевидно, не вяжется съ убійствомъ, хотя бы и безсловеснаго животного, и отвращеніе ко всякому кровопролитію будетъ всегда первѣйшимъ признакомъ гуманности.

Многіе при этомъ, можетъ быть, готовы разразиться сардоническимъ смѣхомъ надъ сентиментальностью, разстройствомъ нервовъ и т. п.; но я желалъ бы знать, согласился ли бы хоть кто-нибудь увидѣть весь свѣтъ населеннымъ одними мясниками, живодерами и тому подобными ремесленниками, необходимыми въ нашъ просвѣщенный вѣкъ?

Въ Европѣ давно существуютъ общества покровительства животнымъ, но искусственно созданная потребность нѣкоторой части

человѣчества въ мясу считается достаточной причиной для отнятія жизни у этихъ, заботливо охраняемыхъ существъ.

Мы всѣ до того привыкли ѣсть или видѣть, какъ другіе ѣдятъ мясо, что намъ при этомъ и въ голову не приходитъ мысль объ убійствѣ тѣхъ животныхъ, куски которыхъ лежатъ передъ нами на блюдѣ. Тамъ, гдѣ-то за городомъ, есть бойня, отвратительное, смрадное и кровавое мѣсто, гдѣ рѣжутъ, дерутъ, рубятъ и пьютъ кровь изъ жилъ; но это же туда заглядываетъ!

Тамъ, гдѣ-то за Дунаемъ, думалось, можетъ быть, инымъ легковѣрнымъ, валяются тысячи мертвыхъ и полумертвыхъ человѣческихъ тѣлъ, растерзанныхъ и всячески измощенныхъ; но что же дѣлать,—война, необходимое зло, имѣющее и свою хорошую сторону, ибо оно освѣжаетъ общественную атмосферу, подобно грозу, какъ говоритъ знаменитый фельдмаршалъ Мольтке.

Мнѣ кажется, что эти двѣ бойни находятся въ несравненно болѣе тѣсной связи, чѣмъ то думаютъ обыкновенно; что мясническое и пушечное мясо (*la chair de boucherie et la chair à saumon*) представляютъ два явленія, другъ друга опредѣляющія или, по крайней мѣрѣ, другъ друга поддерживающія.

Дѣло тутъ вовсе не въ сентиментальности, не въ ложной чувствительности, а въ томъ, что грубость ремесла непременно опредѣляетъ и грубость чувствъ. Такъ какъ необходимость въ атлетахъ уже почти миновала, теперь и стальные пушки выковываются паровыми молотами, то нечего и жалѣть о будущемъ исчезновеніи такой примѣси къ человѣческой пищѣ, которая всего болѣе способствуетъ грубости нравовъ и развитію мускуловъ.

А. Бекетовъ.

ДРУГУ

„Кто посылает со слезами —
пожжетъ съ радостью“.

Болгарская поговорка.

I.

Давно-ли я повиннулъ васъ
Въ тяжелый день, въ угрюмый часъ?
Съ какою усталостью во взорѣ
Въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ
Роптали вы на свой удѣлъ:

«Не тѣмъ заботъ, не груда дѣлъ
Меня тревожатъ и смущаютъ, —
Мнѣ силы сердца измѣняютъ
И въ усыпленьи стынетъ умъ.
Противень мнѣ столицы шумъ,
Ея бездушное приличье
И это прѣсное безличье,
Которымъ славень здѣшній людъ.
Смотрите, какъ они спуютъ,
Рабы мишурнаго стремленья,
Толпы больного населенья!
Какой ихъ праздникъ оживить?
Какая встрѣча — изумить?
И гдѣ тутъ чернь, и гдѣ — особы?
Не всѣ-ль задѣланные гробы
Межъ ними холодно плывутъ?
Какія драмы потрясутъ

Ихъ души, чуждыя тревогъ?..
Плетясь по избранной дорогѣ,
Ни негодуя, ни любя,
Живетъ здѣсь каждый для себя...
И стынетъ кровь: бывая вѣра
Безъ ободренья и примѣра
Тупѣетъ въ сердцѣ молодомъ,
И въ дуновеньи ледяномъ
Цвѣты надежды увядаютъ...
Безслѣдно годы протекаютъ,
А сколько силъ и свѣтлыхъ грезъ
Сюда я нѣкогда принесъ!..
Пускай иной, не зная боли,
Убьетъ мечомъ желѣзной воли
Порывы сердца—и найдетъ
Призванье, чуждое заботъ,
И обаянье славы громкой:—
Такой безжалостною ломкой
Не всякій можетъ заплатить
За право временно царить
Въ глазахъ толпы непрехотливой...
Есть судъ иной—и судъ правдивый!
Его награда не въ одномъ
Благополучіи земномъ;
Практичный вѣкъ ему не внемлетъ,
Его законъ лѣнливо дремлетъ;
Не многимъ страшень, какъ топоръ,
Его суровый приговоръ,—
И, право, здѣсь, въ стѣнахъ столицы,
Съ невиннымъ сердцемъ голубицы
Какъ разъ окажешься глупцомъ...
Что дѣлать! Видно, наглецомъ
И аферистомъ въ новомъ родѣ
Я быть безсиленъ по природѣ.
Работать я готовъ и радъ,
Но тяжекъ внутренній разладъ
Безъ облегчающаго вздоха,
А этихъ улицъ суматоха
Мнѣ сколько лѣтъ ужъ не даетъ
Душевный выслушать отчетъ
И свѣрить прошлаго итоги.—
Возню и мелкія тревоги

Желалъ-бы кинуть я на сребъ,
Укрывшись въ тихій уголокъ!
Я каюсь вамъ: мечтой ревнивой
Берегъ я долго мигъ счастливый,
Когда безъ горькаго стыда,
Со славой виднаго труда,
Я могъ-бы, бодрый и довольный,
Подъ небо родины привольной
Отсюда вырваться на югъ,
И въ этотъ радостный досугъ
Въ обмѣнъ дружескихъ суждений
Набраться новыхъ поощреній...
И вотъ, какъ видите: увь!
Я все у берега Невы
Теряю волосы и годы
И жду привѣтливой погоды...
Ушелъ сейчасъ-бы: да — бѣда!
Грозится издали нужда, —
Совсѣмъ заѣли неудачи...
Теперь — весна... Убогой дачи —
И той не въ правѣ я имѣть;
Да и не хочется смотрѣть
На эти жалкія картины:
Туманъ, безтравныя равнины,
Дождливо-сѣрый небосклонъ
И, можетъ, я предубѣжденъ, —
Но мнѣ мучительно-несносны
Вездѣ чернѣющія сосны...
А самый городъ! Боже мой! —
Отъ передѣлокъ мостовой,
Отъ вѣчно мокрыхъ троттуаровъ,
Мундировъ, выѣсокъ, швейцаровъ —
О, какъ желалъ-бы я отсель
Бѣжать за тридевять земель! >...

II.

И мы простились... Другъ коварный—
 Спѣшилъ я, трижды благодарный,
 На Николаевскій вокзалъ,
 Гдѣ скорый поѣздъ поджидалъ
 Больныхъ искателей свободы.
 Черезъ мигъ—рѣшетчатые своды
 Свистокъ прощальный огласилъ—
 И паръ вагоны покатилъ.

Не стану вамъ писать отчета
 О впечатлѣннѣхъ перелета
 Отъ Петербурга до Москвы,—
 Его не разъ свершали вы.
 Скажу лишь вамъ: въ столицѣ древней
 Уже повѣяло деревней—
 Встрѣчались съ кучей узелковъ
 Фигуры смуглыхъ толстаконъ;
 У всѣхъ—цвѣтистыѣ наряды,
 Теплѣе лица, проще взгляды,
 И вы, при видѣ москвичей,
 Невольно смотрите бодрѣй.
 Но дальше, дальше... Воздухъ новый
 Сгоняетъ съ сердца мракъ суровый;
 Неся на крыльяхъ отъ заботъ,
 Машина мчитъ меня впередъ
 И ужъ готовить въ отдаленнѣхъ
 Давно желанныя видѣнья.

Какая ночь!—Волшебный мракъ
 И запахъ лѣса: вѣрный знакъ,
 Что близокъ югъ и скрыто далью
 Южанъ томящее печалью
 Мерцанье сѣверныхъ ночей...
 При свѣтѣ утреннихъ лучей
 Открылись степи... Хороши
 Онѣ въ простой своей тишѣ!
 Какъ ихъ коверъ пушистъ и зеленъ,
 Просторъ—могучъ и безпредѣленъ!
 Прохладой нѣжится лицо;

Одно, какъ точка, деревцо
 Вдали, кудрявое, чернѣть;
 А тамъ, какъ парусъ, конь бѣлѣть
 Иль ниткой тянется обозъ!...
 О, вы бы тронулись до слезъ,
 Когда-бъ, нужды покинувъ цѣни,
 Могли опять увидѣть степи!
 Все чище, ярче цвѣтъ небесъ...
 Привѣтъ тебѣ, знакомый лѣсъ!
 Ужъ нѣтъ растительности хвойной:
 Сосну смѣняетъ тополь стройный,
 И вотъ—расеянулась, видна
 Благословенная страна,
 Гдѣ наша юность протекала.
 Вотъ милый городъ... Ты слетала
 Не разъ, далекая мечта,
 Ласкать любимыя мѣста!..

III.

Я отдохнулъ.—Въ тѣни акацій
 Досугъ студенческихъ вакацій
 Я будто снова пережилъ,
 И съ вами мысленно дѣлилъ
 Ограду новыхъ впечатлѣній.
 Какую смѣну наслажденій
 Даетъ провинція тому,
 Кто кинетъ давящую тьму
 И гулъ столичнаго хаоса,
 Гдѣ неумолчныя колеса
 Гремятъ о вѣчной суетѣ!—
 Какъ, долго стиснутый въ бинтъ,
 Зѣваетъ маленькій ребенокъ,
 Освободившись отъ пеленокъ,
 И хочетъ ручки потянуть—
 Такъ радъ бываешь отдохнуть
 Въ средѣ затишья и привѣта.
 И думалъ я:—зачѣмъ безъ свѣта,
 Безъ вѣтхихъ рощей и долинъ,
 Мы доживаемъ до сѣдинъ
 На нашемъ сумрачномъ болотѣ

Въ борьбѣ, лишенияхъ и работѣ?
 Зачѣмъ стремимся мы туда,
 Гдѣ гибнуть силы безъ слѣда?
 Здѣсь чище нравы, лучше — люди,
 У всѣхъ вольнѣ дышать груди, —
 Къ чему страдать! Нельзя-ли тутъ
 Найти спасительный пріютъ?..

Но, видно, юное похмѣлье
 Еще горитъ во мнѣ. Бездѣлье
 Не тѣшитъ жизни молодой:
 Мнѣ здѣшній тягостенъ застой...
 Здѣсь мало бодрыхъ, много спящихъ,
 И нѣтъ умовъ руководящихъ.
 Легко здѣсь можно пріобрѣсть
 Значенье видное, но честь —
 Не въ этой славѣ, а въ заслугѣ:
 Куда-жъ у васъ, въ обширномъ кругѣ
 И силъ, и поприщъ всѣхъ родовъ, —
 Возможно болѣе плодовъ
 Принести полезныхъ и отрадныхъ!
 Условій много неприглядныхъ
 У васъ для сердца и души, —
 За то задачи хороши!..

Въ покоѣ вольномъ, безъ завѣта,
 Провелъ я мирный праздникъ лѣта
 Подъ лаской радужныхъ лучей,
 Среди привѣтливыхъ полей,
 Залитыхъ блескомъ изумруда, —
 И что-жъ? — Повѣрите-ль? — Отсюда
 Опять болѣзненно манить
 Меня вашъ сѣверный гранитъ!

С. АНДРЕЕВСКІЙ.

Село Завалово. 6 іюня 1878.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ

съ

ФИНАНСОВОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

L'homme est de glace aux vérités,
Il est de feu pour le mensonge.
La Fontaine.

I.

Общія соображенія и ближайшіе выводы.—Цифровыя данныя поступления подоходнаго налога въ различныхъ странахъ и въ разное время..

Событія пережитаго нами 1877 года, вызвавшія чрезвычайныя затраты на войну съ Турціею, весьма естественно должны были возбудить и вопросъ: какими путями покрыть, какъ временные, чрезвычайные по случаю войны, расходы, такъ и ту долю увеличенія послѣднихъ, которая упадетъ на проценты по займамъ, совершѣннымъ для покрытія потребностей войны, только-что окончившейся? При обсужденіи этого вопроса, многіе указывали на подоходный налогъ, какъ одинъ изъ самыхъ рациональныхъ способовъ возвышенія государственнаго дохода. Мысль эту они подкрѣпляли примѣрами другихъ странъ, — Пруссіи, Австріи, Англіи, — опередившихъ насъ на этомъ пути. Указывали, что, на примѣръ, Пруссія, благодаря подоходному налогу, при отсутствіи недоборовъ и дефицитовъ (?) имѣетъ въ бюджетѣ лишніе около 70 милліоновъ марокъ (21 милл. рубл. металл.). Но особенно вразумительнымъ могло представляться то обстоятельство, что въ Англіи подоходный налогъ, введенный въ 1798 году

ради увеличенія средствъ на войну, доставлялъ до 15 милл. ф. стерл. въ годъ (около 95 милл. металлич. рублей) во время борьбы съ Наполеономъ, и до 16 милл. ф. стерл. во время крымской войны 1854—1856 г., которая потому и обошлась безъ увеличенія англійскаго государственнаго долга. Въ виду такихъ почтенныхъ цифръ, какъ только-что приведенныя и связанныя съ прусскимъ и англійскимъ подоходнымъ налогомъ; въ виду необходимости увеличенія расходовъ по многимъ статьямъ бюджета, а преимущественно по той, которая упадетъ на долю платежа процентовъ по учиненнымъ займамъ; въ виду, наконецъ, не могущихъ не увеличиться недоборовъ въ доходахъ, чему не мало способствуетъ злосчастная золотая пошлина, — въ виду такой совокупности оснований, весьма естественъ тотъ интересъ, который должно соединять съ собою предположеніе осуществить у насъ подоходный налогъ—property and income tax—какъ его называютъ англичане, или—*Classensteuer* и *Classificirte Einkommenssteuer*—у пруссаковъ. Определеннаго размѣра сборъ съ избытка дохода, получаемого гражданиномъ отъ его многообразныхъ предпріятій или занятій, того избытка, который можетъ обнаружиться за вычетомъ расхода по предпріятію или занятію—такова простѣйшая формула опредѣленія понятія о подоходномъ налогѣ. Это же понятіе можно выразить еще проще—это есть сборъ съ чистаго дохода. По классификаціямъ учебниковъ, его относятъ къ категоріи прямыхъ налоговъ.

Мы должны предупредить также, что въ дѣлѣ условности или умѣстности введенія подоходнаго налога мы будемъ имѣть въ виду одно изъ слѣдующихъ руководящихъ началъ:

1) Какъ дополненіе къ существующимъ уже источникамъ государственнаго дохода, въ виду недостаточности послѣднихъ, для удовлетворенія потребностей государственнаго казначейства. При этомъ условіи предполагается, что податныя силы общества или далеко неисчерпаны, или, что не всѣ равномерно привлечены къ несенію налоговъ, уже существующихъ и, слѣдовательно, допускается возможность увеличенія средствъ казны путемъ этого новаго источника.

2) Когда подоходный налогъ, будучи рассматриваемъ, какъ одинъ изъ самыхъ рациональныхъ источниковъ дохода, вводится во имя реформы существующей системы податей и сборовъ. При этомъ онъ является замѣняющимъ или одинъ, или совмѣстно нѣсколько изъ существующихъ налоговъ, признанныхъ наукою или практикою неудовлетворительными въ томъ или другомъ отношеніи.

При разсмотрѣніи вопроса, насъ интересующаго, мы постараемся указать, насколько подоходный налогъ удовлетворяетъ каждому изъ этихъ двухъ началъ, т.-е. какъ непосредственному увеличенію средствъ казны, такъ и дѣлу реформы податной системы вообще.

Замѣтимъ при этомъ, что подоходный налогъ въ Англіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ введенъ въ 1798 году Вильямомъ Питтомъ, является отвѣчающимъ первому началу. Съ этой же точки зрѣнія можно разсматривать подоходные сборы въ Пруссіи, Австріи, Италіи, равно какъ и тотъ опытъ введенія его у насъ, который былъ сдѣланъ въ 1812 году, причемъ дѣйствіе его ограничивалось только сборомъ съ помѣщичьихъ имѣній, приносящихъ болѣе 500 руб. годового дохода.

Возстановленный въ Англіи Р. Пилемъ въ 1842 году, послѣ 27-лѣтняго перерыва, во имя реформы существующей системы сборовъ, подоходный налогъ соотвѣтствуетъ второму началу.

Въ виду послѣдняго значенія его, въ виду признанной всѣми неудовлетворительности нашей системы податей и сборовъ, въ виду, наконецъ, того обстоятельства, что у насъ болѣе 15 лѣтъ существуетъ спеціальная податная коммиссія, издавшая не одинъ томъ трудовъ своихъ, — въ виду всего этого, вопросъ о подоходномъ налогѣ является вопросомъ глубокой важности и съ этой послѣдней точки зрѣнія.

Но, спрашивается: потребность въ увеличеніи государственныхъ доходовъ явилась ли только въ данную, ближайшую къ намъ минуту, слѣдовательно вызвана послѣдними событіями, или эта потребность сознавалась и прежде, въ болѣе отдаленное отъ насъ время?

Я ставлю этотъ вопросъ, такъ какъ 'возможно допустить предположеніе, что чрезвычайный расходъ, имѣющій характеръ временнаго, случайнаго, покрытый путемъ займа или инымъ способомъ, хотя и вызываетъ увеличеніе расхода по статьѣ государственнаго кредита, но это увеличеніе расхода можетъ быть покрыто естественнымъ возрастаніемъ дохода, вслѣдствіе прогрессивнаго развитія матеріальнаго благосостоянія общества.

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, приведемъ слѣдующія цифровыя данныя, выражающія собою ту часть расходной статьи бюджета, которая упадетъ на государственный кредитъ, т.-е. на проценты по займамъ, учиненнымъ въ равное время для покрытія дефицитовъ и недоборовъ. Возьмемъ среднія величины этихъ

цифръ, по пятилѣтіямъ и десятилѣтіямъ, начиная съ 1832 года по 1877 г. включительно, т.-е. за періодъ времени въ 46 лѣтъ ¹⁾.

Г О Д Ы.	С р е д н і я :	
	за 5 лѣтъ	за 10 лѣтъ
	рубл.	рубл.
Съ 1832—1836	24.728,000	24.763,000
„ 1837—1841	24.798,000	
„ 1842—1846	31.560,000	37.703,000
„ 1847—1851	39.857,000	
„ 1852—1856	56.447,000	64.421,000
„ 1857—1861	72.395,000	
„ 1862—1866	60.855,000	72.620,000
„ 1867—1871	85.973,000	
„ 1872—1876	102.731,000	108.264.371
въ 1877 по бюджету		

Эти данныя, обнаруживающія возрастаніе расхода по статьѣ государственныхъ долговъ почти въ геометрической прогрессіи, ясно указываютъ, что вопросъ объ увеличеніи государственныхъ доходовъ имѣетъ нисколько не большее значеніе теперь чѣмъ 10, 20 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Извѣстно также, что передъ 1832 годомъ сумма нашего государственнаго долга составляла свыше 400 милл. рублей, не считая кредитныхъ билетовъ. Извѣстно, что бывшій министръ финансовъ гр. Канкринъ, для возвышенія государственныхъ доходовъ, ввелъ извѣстный покровительственный тарифъ, возвысив таможенные пошлины едва-ли не въ болѣе еще пропорціи, чѣмъ это же достигнуто недавно посредствомъ введенія обязательства оплаты ихъ золотомъ. Мѣры гр. Канкринна, какъ извѣстно, вызвали явленіе, которое едва-ли представить исторія финансовъ какой либо страны: государственные доходы въ теченіи многолѣтняго періода его управленія, за исключеніемъ таможеннаго, представляли замѣчательный примѣръ не только неподвижности и востоя, но даже упадка, т.-е. уменьшенія. Цифра государственнаго сбора, которую онъ засталъ при вступленіи въ завѣдываніе министерствомъ, была наивысшею за все его управленіе. Такое уменьшеніе доходовъ, вызванное искусственными мѣропріятіями, повлекло за собою изысканіе средствъ въ покрытію недоборовъ и увеличенію дохода или путемъ возвышенія другихъ налоговъ и податей вообще, или посредствомъ займовъ и усиленнаго выпуска кредитныхъ билетовъ съ прину-

¹⁾ Источниками для составленія этихъ данныхъ послужили слѣдующія правительственныя изданія: Статистическій Временникъ 1886 г., Финансовый Ежегодникъ и Отчеты Государственного Контроля.

дательнымъ курсомъ, что естественно выразилось въ общемъ застоѣ и упадкѣ народнаго хозяйства, и остановило ходъ прогрессивнаго развитія народнаго благосостоянія. Вслѣдствіе упадка и невозрастанія доходовъ, небывалаго прежде, выпускъ кредитныхъ билетовъ достигъ и размѣровъ до того небывалыхъ. Хотя вслѣдъ за гр. Канкринимъ начали поправлять начавшееся зло, но оно и до сихъ поръ не устранено, можетъ быть и потому, что послѣдующія мѣры были только смягчающими, а не вырывающими зло съ корнемъ. Тарифъ 1857 г. хотя и является болѣе радикальнымъ, чѣмъ предыдущіе, слѣдующіе одинъ за другимъ почти черезъ каждыя 10 лѣтъ, но опять только въ смыслѣ смягченія зла, а не искорененія. Что самъ Канкринъ сознавалъ плоды своей системы, видно изъ слѣдующаго его выраженія въ одномъ изъ его сочиненій, гласящаго такъ: «Финансы суть постоянное и большое зло (Uebel) не потому, что они необходимы, а по причинѣ ихъ естественнаго несовершенства и потому что почти на каждомъ шагѣ они стѣсняють свободное движеніе общества» ¹⁾.

Возрастаніе государственныхъ долговъ, выказывающееся въ цифрахъ процентовъ по займамъ, которыя я привелъ выше, указываетъ, какъ я уже разъ замѣтилъ, что вопросъ объ увеличеніи государственныхъ доходовъ не составляетъ исключительной и неожиданной принадлежности данной минуты. Если въ такъ называемые «мирные періоды» развитія, какъ въ 1842—1846, 1857—1861, 1862—1866, мы видимъ возрастающія прогрессивныя потребности заключенія займовъ, то что же можно ожидать въ періоды военнаго времени? Отсылая читателя къ разсмотрѣнію этихъ цифръ, я попрошу остановить вниманіе на цифрѣ періода 1862—1866—времени, слѣдующаго за уничтоженіемъ крѣпостного права. Замѣтивъ, что въ этотъ періодъ нѣтъ возрастанія, а, напротивъ, уменьшеніе, весьма умиляетъ и вопросъ о причинѣ такого рѣзкаго и знаменательнаго явленія, такъ какъ оно, можетъ быть, единственное въ нашей исторіи финансовъ? Нужно ли пояснять, что это явленіе есть результатъ того духа, того характера, которые начали высказываться вслѣдъ за крымскою войною. Тарифъ 1857 года былъ однимъ изъ первыхъ такихъ проявленій; затѣмъ, уничтоженіе военныхъ поселеній, мѣстныхъ управленій министерства государственныхъ имуществъ, крѣпостного права, винныхъ откуповъ и проч. Хотя на первый взглядъ нѣкоторыя изъ этихъ реформъ имѣють характеръ скорѣе

¹⁾ Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen. Stuttgart, 1845, стр. 216.

бытовой, тѣмъ финансовый, но это только на первый взглядъ. Напротивъ, нужно сказать, что едва ли когда-нибудь какая-либо реформа, имѣющая специально-финансовый характеръ, вызвала такіе благотворные результаты въ строго-финансовомъ отношеніи, какъ крестьянская реформа. Можно даже принять, что уничтоженіе винныхъ откуповъ имѣетъ меньшее значеніе по отношенію къ возвышенію доходовъ, чѣмъ уничтоженіе крѣпостного права, вызвавшее увеличеніе по всѣмъ источникамъ государственнаго сбора, можетъ быть, на 20, даже 30⁰/. А такъ какъ, къ тому же, эта реформа вызвала самыя незначительныя затраты со стороны государственнаго казначейства, то нельзя не придти къ заключенію, что крестьянская реформа была одною изъ самыхъ плодотворныхъ въ строго-финансовомъ отношеніи.

Но если послѣдній выводъ можетъ показаться противорѣчащимъ тѣмъ даннымъ, которыя обнаруживаются въ періоды, слѣдующіе за 1866 годомъ, когда возрастаніе платежей по займамъ снова идетъ въ геометрической прогрессіи и, напримѣръ, въ 1877 г. выразилось цифрою 108 милл. руб., то это противорѣчіе есть только кажущееся. Въ сущности, это явленіе есть прямой результатъ тѣхъ специально-финансовыхъ мѣропріятій, которыя получаютъ примѣненіе въ годы, слѣдующіе за періодомъ 1862—67 г. Эти мѣры, носящія на себѣ характеръ мѣропріятій гр. Канкрина, противорѣчатъ тому духу реформъ, тому характеру отминовеній и уничтоженій, которымъ повѣяло вслѣдъ за крымскою войною.

Едва-ли слѣдуетъ обойти молчаніемъ то обстоятельство, что въ послѣдніе годы и характеръ литературы, на первый взглядъ (но только на первый взглядъ, — прибавляю я), не имѣющей отношенія къ финансамъ, не тотъ, что былъ въ періодъ 1856 — 1865 г. Примѣняя талантливую характеристику Щедрина, скажемъ, что тогда не было Подхалимовыхъ и органовъ печати въ родѣ «Красы Демидрона».

Допуская, что недоборъ въ доходахъ долженъ выражаться въ той суммѣ, которая соотвѣтствуетъ величинѣ полученныхъ по займу капиталовъ, замѣчая, по таблицѣ, что въ періодъ десятилѣтія 1862 — 1871 г. средняя величина платежей процентовъ по долгамъ составляла 72 милл. рублей, тогда какъ въ десятилѣтіе 1852—1861 г. около 64 милл. рубл., мы должны вывести, что разность этихъ величинъ въ 8 милл. рубл., будучи капитализирована изъ 5⁰/, даетъ 160 милл. рублей, которые и выражаютъ собою недостаточность въ доходахъ за 10 лѣтъ, или 16 милл. рублей ежегодно.

Но если сравнивать результаты этого же десятилѣтія (1862—1871 г.) со вторымъ (1842—1851)—въ 37 милл. рублей, то, при разности въ 35 милл. рублей, на ежегодные недоборы упадетъ величина въ 70 милл. рублей. Другими словами, въ теченіи двадцати лѣтъ съ 1852—1871 г. займовъ совершенно на сумму 700 милл. рублей, т.-е. по 35 милл. рублей ежегодно. Продолжая въ этомъ же направленіи, мы видимъ, что за 5 лѣтъ съ 1872 по 1876 годъ, сравнительно съ предшествующимъ ему пятилѣтіемъ, расходъ по статьѣ государственнаго кредита увеличился на $3\frac{1}{2}$ милл. рубл. ежегодно, что соотвѣствуетъ величинѣ недобора въ 70 милл. рублей въ годъ. На тѣхъ же основаніяхъ недоборъ въ 1877 г. (по бюджету), очевидно, вызванный «чрезвычайными событіями», по сравненію съ среднею цифрою предыдущаго пятилѣтія, представляетъ увеличеніе на 110 милл. рублей, а увеличеніе по статьѣ платежа процентовъ—на $5\frac{1}{2}$ милл. рублей.

Взявъ въ соображеніе всѣ эти данныя, ясно, что цифра ожидація отъ проектируемаго подоходнаго налога должна быть не маловажна для того, чтобы содѣйствовать равновѣсію статей бюджета, какъ видимъ, хронически страдающаго отсутствіемъ этого свойства.

Задавшись цѣлью изслѣдовать, насколько послѣднее достижимо помощію подоходнаго налога, я постараюсь въ моемъ изложеніи привести мнѣнія и отзывы какъ государственныхъ людей, соприкасавшихся съ практикою этого дѣла, такъ и народныхъ представителей, высказывавшихся, при обсужденіи его, въ народныхъ собраніяхъ. Приведу тѣ данныя, которыя обнаружались въ Индіи, Пруссіи и Англіи на опытѣ приложенія подоходнаго налога и изложу собственный взглядъ, какъ результатъ вывода изъ этихъ данныхъ.

При этомъ предпошлю оговорку, что если выводы мои могутъ показаться апріористическими и недостаточно подтвержденными и доказанными, то это не отъ недостатка или отсутствія данныхъ, которыми бы можно было дополнить пробѣлъ или недосказанное, а оттого, что ограничивая себя рамкою журнальной статьи, я долженъ довольствоваться наиболѣе выдающимися и многозначущими фактами для достиженія заданной себѣ цѣли.

Прежде всего обратимъ вниманіе на цифровыя величины поступленія въ бюджетъ отъ подоходнаго сбора въ различныхъ странахъ и въ различное время.

Въ Англіи сборъ подоходнаго налога отъ цифры въ 1.600,000 ф. стерл. въ первый годъ (1798 г.), возрастая сообразно съ

измѣненіями въ размѣрахъ обложенія, достигъ до 15.600,000 ф. стерл. въ 1815 году, т.-е. отъ 5 до 20% всей суммы сборовъ отъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Послѣ 1842 года, отъ 5½ милл. ф. стерл. (средняя за 12 лѣтъ) возросъ въ 1856 году до 16 милл. ф. ст. (около 22% всей суммы), вслѣдствіе увеличенія размѣра обложенія; затѣмъ, сообразно уменьшенію послѣдняго, упалъ до 4 милл. ф. ст. (около 6% всей суммы) — въ 1876 г.

Въ Индіи подоходный налогъ доставлялъ отъ 200,000 до 1 милл. ф. ст., т.-е. до 2% всей суммы государственнаго дохода.

Въ Пруссіи — отъ 10 милл. талеровъ въ 1852 г. возвысился до 23 милл. талеровъ въ 1876 г., т.-е. около 12% всей суммы слагаемыхъ бюджета.

Въ Австріи, безъ Венгріи, въ 1874 г. 23 милл. флор. — около 5½%.

Въ Италіи подоходный сборъ, по бюджету 1876 г., предполагался въ 175 милл. лиръ, около 12% всего дохода.

Въ Финляндіи до 800,000 марокъ (около 2½%) въ 1876 г. Здѣсь онъ является временнымъ, чрезвычайнымъ, разрѣшаемымъ сеймомъ на періодъ до слѣдующаго собранія народныхъ представителей.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить цифровыхъ данныхъ относительно подоходнаго налога съ помѣщичьихъ имѣній, установленнаго у насъ въ 1812 году. На основаніи нашихъ законовъ о печати, сочиненіе «La Russie et les Russes» Тургенева не выдается изъ Публичной Библіотеки; а потому мы воспользуемся только тѣми данными, на которыя ссылается Парье ¹⁾ и которыя заимствованы имъ у того же Тургенева.

По этимъ даннымъ оказывается, что «налогъ 1812 г. не имѣлъ серьезныхъ финансовыхъ послѣдствій. Правительство рассчитывало получить отъ него 12 милл. рублей; на самомъ же дѣлѣ поступило только 2 милл. рублей». Размѣръ дохода опредѣлялся самими помѣщиками, «по вѣрѣ и чести», безъ вмѣшательства со стороны администраціи. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому опыту, скажемъ, что получающіе доходъ:

въ	500—2,000 р.	вносили налогъ въ	1%
»	2,000—4,000 »	»	2%
»	4,000—6,000 »	»	3%
отъ	18,000 и выше	»	10%

¹⁾ Esquiron de Parieu, Traité des impots. Paris, 1863, t. 2, стр. 48 и 49.
Его же: Histoire des impots sur la propriété et le revenu. Paris, 1852.

Слѣдовательно, это прогрессивный налогъ. Въ 1820 г. онъ былъ отмѣненъ; а въ виду того, что въ манифестѣ о сложеніи недоимокъ, по случаю торжества заключенія мира, упоминается и объ этомъ налогѣ, нужно допустить, что и добровольный сборъ не обошелся безъ недоимокъ.

Останавливая вниманіе на величинахъ поступления дохода, осуществлявшихся въ Англіи, Пруссіи и Италіи, нельзя не сознавать причины предрасположенія въ пользу подоходнаго налога. Если же присоединить къ этому то обстоятельство, что сумма слагаемыхъ, составляющихъ нашъ бюджетъ, не покрываетъ расходовъ и въ «мирное» время, что недоимки по сборамъ, уже установленнымъ, несмотря на періодическія ихъ сложенія со счетовъ (въ 1856 г. прощено 56 милл. руб.), постепенно и правильно возрастаая, переходять изъ года въ годъ, и, несмотря на усиленіе строгости и энергіи взысканія со стороны полиціи, достигли въ 1875 г. по окладнымъ сборамъ цифры далеко свыше 40 милл. руб.,—въ виду всего этого — нельзя отрицать всей важности и того значенія, которое можетъ соединять съ собою подоходный налогъ, хотя и осуществившійся въ нѣкоторыхъ странахъ, но у насъ еще не введенный. Имѣя, въ назиданіе себѣ, опыты другихъ странъ, мы можемъ относиться къ нему или примѣнить его на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже сказались тамъ.

Мы можемъ, мы должны воспользоваться уроками опыта другихъ—для того, чтобы обойти и предотвратить тѣ отрицательныя стороны, которыя неизбежны во всякомъ опытѣ, во всякомъ примѣненіи той или другой истины, какъ бы послѣдняя ни была непреложно вѣрна. По теоріи, этотъ источникъ сбора, затрогивая избытки дохода, остающіеся за удовлетвореніемъ гражданнаго его нуждъ и потребностей, представляется и правомѣрнымъ, и соответствующимъ чувству справедливости, слѣдовательно, долженъ казаться и самымъ рациональнымъ способомъ обложенія. Таковъ апіористическій выводъ о налогѣ, составляющемъ предметъ настоящей статьи. Наша цѣль—изложить, насколько этотъ выводъ подкрѣпляется практикою и опытомъ странъ, примѣнявшихъ его.

II.

Постановка вопроса о подоходномъ налогѣ въ Швеціи, Индіи и Франціи.

Я начну мое изложеніе ссылкою на документъ, ясно выражающій, насколько господствуетъ предрасположеніе къ этому налогу. Я говорю о рѣчи шведскаго короля, произнесенной имъ (4 февраля 1878 г.) при открытіи норвежскаго стортинга, передъ народными представителями: «Хотя насъ и не затронули, — говоритъ король въ этой рѣчи, — политическія усложненія настоящей минуты, *стѣсненность положенія промышленности и торговли*, которая даетъ себя чувствовать во всей остальной Европѣ, не могли, однако, не остаться безъ вліянія на многія изъ отраслей нашей промышленности, дѣятельность которыхъ была поставлена въ неблагопріятныя условія. Кромѣ того, *урожай былъ менѣе удовлетворителенъ*, чѣмъ въ прошломъ году почти во всей странѣ. Правда, цифра государственныхъ доходовъ *удержалась на обычной нормѣ*; но въ виду того, что особенно значительныя суммы требуются для *окончанія линіи желѣзныхъ дорогъ*, строящихся на счетъ государства, потребность въ увеличеніи средствъ бюджета настоятельно давала себя чувствовать. Помимо законопроекта, имѣющаго цѣлью удовлетворить этой потребности и предложеннаго мною стортингу еще въ прошлую сессію, вамъ будетъ представленъ законопроектъ и о *подоходномъ налогѣ*. Въ виду возникающаго вопроса о томъ, слѣдуетъ ли странѣ послѣ 40-лѣтняго перерыва *снова возложить на себя бремя прямого налога*, мы должны признать за собою благодѣяніе божественнаго промысла въ томъ обстоятельстве, что *необходимость такого налога представляется не вслѣдствіе какого-либо перерыва въ ходѣ мирнаго развитія*, которымъ намъ дано было пользоваться въ теченіи столь долгихъ лѣтъ, но что она обуславливается *единственно стремленіемъ обезпечить нашему отечеству, въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ, подобающую долю участія въ прогрессѣ, характеризующемъ нашу эпоху*» (Сѣв. Вѣстн. 1878 г. № 38).

Нельзя не остановиться на подробномъ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ мѣстъ этой рѣчи (которыя напечатаны курсивомъ), такъ какъ въ ней довольно ясно проведены мотивъ и постановка интересующаго насъ вопроса. Въ этой рѣчи слышимъ, что подоходный налогъ есть «бремя», отъ котораго, «благодаря божественному промыслу», страна была свободна въ теченіи 40 лѣтъ, и

потому развивалась счастливо, что видно изъ того, что, несмотря на внѣшнія «политическія усложненія», несмотря на неурожай почти во всей странѣ, «государственные доходы удержались на обычной нормѣ». На основаніи этого нужно ожидать въ слѣдующемъ же году, въ случаѣ общаго умиротворенія, въ случаѣ хорошаго урожая, возвышенія государственныхъ доходовъ, слѣдовательно и средствъ хотя бы «для окончанія линій желѣзныхъ дорогъ». Но, во имя «участія въ прогрессѣ, характеризующемъ нашъ вѣкъ», признается нужнымъ «испытанное уже бремя прямого налога» восстановить, и когда же? — въ то время, когда общество несетъ уже на себѣ тягости и внѣшнихъ замѣнательствъ, и неурожая? И для какой цѣли? Для «окончанія линій желѣзныхъ дорогъ!» Не странно ли, что изъ-за чисто-коммерческаго предпріятія, не могущаго не принести выгоды, особенно въ виду того, что шведскія государственныя бумаги пользуются исключительно высокимъ довѣріемъ на иностранныхъ биржахъ, не странно ли, — говорю я, изъ-за выгоды нѣсколькихъ лицъ, возрождать *испытанное уже*, по мнѣнію тронной рѣчи, «бремя»? Это «бремя», будучи возрождено, не вызоветъ ли уменьшенія средствъ государственнаго бюджета въ будущемъ, чего не было даже въ годъ съ «политическими усложненіями» и неурожаемъ, какъ въ 1877 году? Если же послѣднее во имя «прогресса, характеризующаго нашъ вѣкъ», то спрашивается, не есть ли недоразумѣніе относить возрожденіе «бремени» къ прогрессу?

Далеко не такъ отнеслись въ другомъ парламентѣ, гдѣ также зашла рѣчь о бюджетѣ, гдѣ также затронуть былъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, а именно въ англійскомъ, по поводу предложенія восстановить этотъ налогъ въ Индіи, въ виду усилившейся потребности въ финансовыхъ средствахъ, вызванной также неурожаемъ, и даже голодомъ въ нѣкоторой части Индіи. Я говорю о засѣданіи англійской палаты общинъ 25 января 1878 года.

Лэнтъ, бывшій министръ финансовъ въ Индіи, проводилъ въ своей рѣчи, что «каждый вновь назначенный вице-король, каждый новый министръ финансовъ, отправляясь въ Индію, ѣхалъ туда исполнѣй предрасположеннымъ въ пользу подоходнаго налога; но послѣ самаго кратковременнаго пребыванія, какъ тотъ, такъ и другой, приходили къ сознанію, что въ Индіи этотъ налогъ представляетъ великое зло и примѣненіе его возможно развѣ въ крайнемъ, непредвидѣнномъ случаѣ. Отъ (Лэнтъ) испыталъ на себѣ ту же участь, будучи также предубѣжденъ въ пользу того прямого налога, который для Роберта Пила послужилъ средствомъ вызвать развитіе промышленности въ Великобританіи; но доста-

точно было шести мѣсяцевъ его пребыванія въ Индіи, чтобы придти къ сознанию, на основаніи вѣснихъ и солидныхъ доказательствъ, въ неумѣстности тамъ этого налога. Лордъ Каннингъ также пришелъ къ заключенію, что между туземцами подоходный налогъ настолько непопуляренъ, что представляетъ собою даже источникъ политической опасности. Лично ему (Лэну) послѣдній высказывалъ, что скорѣе можно согласиться управлять Индіею съ 40,000 арміею европейцевъ, но безъ подоходнаго налога, чѣмъ съ арміею въ 80,000 при этомъ налогѣ. Лордъ Норсбрукъ приходилъ къ тому же заключенію. Такой взглядъ главнымъ образомъ вытекаетъ изъ отличія англійскаго общества отъ индійскаго. Въ Индіи обстоятельства каждаго туземца мало извѣстны. Тамъ на улицѣ нерѣдко можно встрѣтить господина, имѣющаго видъ нищаго, тогда какъ молва гласитъ, что онъ миллионеръ съ огромнымъ состояніемъ. Въ большинствѣ случаевъ нѣтъ возможности опредѣлять состояніе или доходъ безъ примѣненія системы строгаго разслѣдованія. А для жителя Востока ничего нѣтъ болѣе ненавистнаго, какъ розысканія подобнаго рода. Были случаи, что индеецъ иѣшался, во избѣжаніе подобнаго разслѣдованія его домашнихъ дѣлъ. Давѣе, такъ какъ взысканіе подоходнаго налога нужно было бы довѣрить большому числу чиновниковъ изъ туземцевъ, то послѣдніе не преминули бы сдѣлать изъ налога предметъ вымогательства и взысканія. Но самое убѣдительное доказательство не въ пользу подоходнаго налога въ Индіи—то, что послѣдній доставлялъ всегда самую ничтожную цифру сбора, такъ какъ никогда тамъ не получалось болѣе 1 милл. ф. стерл.»

Таково сужденіе людей, имѣвшихъ дѣло съ интересующимъ насъ предметомъ, въ странѣ, имѣющей 190-милліонное населеніе, въ странѣ, какъ увидимъ ниже, далеко не бѣдной и весьма производительной. Для полноты свѣдѣній объ Индіи приведемъ нѣкоторые официальные данныя изъ отчета о финансахъ ея за 1873 годъ ¹⁾, въ которомъ читаемъ слѣдующее: «Подоходный налогъ постепенно болѣе и болѣе утрачивалъ свой предосудительный характеръ, вслѣдствіе распространенія его только на большіе доходы. Такъ, въ 1871 году норму дохода, подлежащаго налогу, составляли 50 ф. стер., въ 1872 г.—75 ф. стерл., въ 1873 году 100 ф., а затѣмъ этотъ налогъ вовсе отмѣненъ. Въ Бенгалѣ доходъ, подлежащій обложенію, исчислялся въ 21.000,000 ф. стер., изъ которыхъ 8 приходилось на торговлю, а 7 на землю. Въ 1871 г. омоло 32,000 мелкихъ земледѣль-

¹⁾ Moral and material progress and condition of India, 1874 г.

цевъ были въ спискѣ подлежащихъ сбору; но въ 1872 году не оказалось ни одного. Это показываетъ, что въ Бенгалѣ ни одинъ земледѣлецъ не имѣетъ ежегоднаго дохода въ 75 ф. стерл. Въ сѣверо-западной провинціи размѣръ подоходнаго сбора былъ 79,174 ф. ст.; весь облагаемый доходъ составлялъ 8.229,510 ф. ст.»

«По мнѣнію сэра Мюра, наибольшая доля осужденія идеи подоходнаго сбора относится къ тому обстоятельству, что уменьшается значеніе и популярность правительства между достаточными классами общества, порождается недовѣріе и скрытность. Въ Мадрасѣ подоходный налогъ упалъ съ 161,896 до 52,165 ф. стерл., изъ которыхъ большую часть составилъ сборъ съ жалованья правительственныхъ чиновниковъ. Правительство мадрасскаго президентства рассматриваетъ подоходный налогъ, какъ совершенно несвойственный странѣ и хотя удержало его въ пользу общинъ, но результаты его совершенно не гармонируютъ съ его финансовымъ значеніемъ».

«Полная отмена подоходнаго налога, теперь объявленная, вызоветъ всеобщее удовольствіе, хотя возвышеніе нормы обложенія до 100 ф. отстранило все предубѣжденіе къ нему, вслѣдствіе крайней его тягости для бѣдныхъ классовъ народа».

Но эти сужденія не находятъ себѣ оправданія, если мы обратимъ вниманіе на экономическій прогрессъ Индіи въ послѣдніе годы. Для этого возьмемъ цифры вывоза и привоза нѣкоторыхъ продуктовъ, какъ выражающія, съ одной стороны, избытокъ производительности, съ другой — степень экономического благосостоянія.

Начнемъ съ хлопчатой бумаги. Количество вывоза послѣдней съ 150.000,000 ф., цѣнностію въ 3.000,000 ф. стерл., въ 1851 г., постепенно возрастаая, достигло въ 1875 г. до 600—800.000,000 фун., цѣнностію въ 15—20.000,000 фун. стерл. Слѣдовательно, увеличеніе почти въ 4—5 разъ. Вывозъ пшеницы — отъ 200,000 центн. въ 1871 году, до 1.700,000 ц. въ 1875 году. Вывозъ кофе отъ 7—8 милл. фунтовъ 1851 года, цѣнностію въ 130,000 ф. ст., возросъ до 40.000,000 ф., цѣнностію въ 1.300,000 ф. ст. въ 1875 г.; слѣдовательно, увеличился въ 5 разъ. Количество вывоза чая отъ 1.473,000 ф., цѣнностію въ 130,000 ф. стерл., въ 1862 году, возросло до 21.000,000 фунтовъ, по цѣнѣ въ 1.900,000 ф. ст., въ 1875 г., — увеличеніе по этой статьѣ въ 14 лѣтъ почти въ 15 разъ. Табакъ по вывозу, отъ 4 милл. ф. въ 1870 г. до 33 милл. ф. въ 1875 г. — въ 8 разъ. Шерсть отъ 14 милл. ф. въ 1870 г. до 21.000,000 ф. с. въ 1875 г.; въ 1847 г. послѣдней выво-

вилось около 4.000,000 ф., а въ 1836 г. только 1 милл. фун. Шкуръ домашнихъ животныхъ отъ 9.000,000 штукъ въ 1867 г. до 18.000,000 въ 1875 году. Для насъ, европейцевъ континента, эти цифры должны казаться грандіозными, особенно въ смыслъ постепеннаго возрастанія, такъ какъ сравнительная статистика европейскихъ странъ не обнаруживаетъ такихъ данныхъ.

Для полноты этихъ цифръ, я приведу количества привоза кофе, чтобы показать, какъ недавно возникло и какъ быстро возрастало разведеніе этого продукта. Въ 1872 году, послѣднаго привозилось въ Индію около 1.300,000 ф., а затѣмъ этотъ привозъ постепенно уменьшался и въ 1875 году составлялъ только 160,000 ф.

Другой продуктъ, интересный для насъ, — пшеница, обнаруживаетъ, насколько для насъ можетъ быть опасна конкуренція также Индіи, такъ какъ мы до сихъ поръ считали своимъ конкурентомъ только Соединенные Штаты.

Хотя «не въ деньгахъ счастье», но тяжело и безъ нихъ, и нельзя не привести цифръ привоза въ Индію золота и серебра въ монетахъ и слиткахъ. Такъ, съ 1848 г. по 1875 годъ перевѣсъ привоза золота составлялъ отъ 1 до 6 милл. ф. ст. въ годъ, серебра отъ 2 до 6 милл. ф. ст. въ годъ; въ нѣкоторые же годы, даже цѣлое десятилѣтіе, перевѣсъ привоза составлялъ свыше 10 милл. ф. ст. ежегодно.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, выражающихъ богатство и способность Индіи въ производительности, нельзя не согласиться съ вышеприведенными мнѣніями, что только вслѣдствіе прехудобыщенія индійскаго общества подоходный налогъ не прививается и не находитъ себѣ тамъ права гражданства, какъ въ Пруссіи, Англіи или Италіи, напримѣръ. Примѣняя тамъ наши обычаи, наши міровоззрѣнія, мы бы рѣшили, что это отъ «несовершенства полицейскаго устройства». Въ самомъ дѣлѣ, если въ Великобританіи, при 32 милл. населенія, содержится около 100,000 постоянного войска, а въ Пруссіи, при 25 милл. населенія, несмотря на «единство», около 330,000 солдатъ; во Франціи, при 36 милл. населенія, около 430,000 человѣкъ, а въ Россіи, при 85—90 милл., около 900,000, легко доводимыхъ до 1¹/₂ милл. воиновъ, то не можетъ не показаться страннымъ, что въ Индіи, при населеніи въ 190 милл. вѣрноподданныхъ подъ властію англичанъ, и 50 милл. условно подданныхъ, слѣдовательно 240 милл., армія состоитъ всего изъ 190,000 человѣкъ, изъ коихъ только 60,000 британцевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, при 40 милл. населенія, войска 25,000, — соотношеніе почти одина-

новое съ тѣмъ, какое находимъ въ Индіи. Неудивительно потому, что нѣтъ тамъ сочувствія подоходному налогу, неудивительно, что едва въ лондонскомъ парламентѣ заговорили о реформѣ налоговъ въ Индіи, въ послѣдней стали созывать митинги, на которыхъ проводили весьма краткую резолюцію: «никакихъ болѣе налоговъ».

На основаніи положенія Адама Смита—этого исполнина чело-вѣческой мудрости—положенія, высказаннаго 100 лѣтъ тому назадъ и на первой же страницѣ его знаменитаго творенія «О причинѣ богатства народовъ», положенія, гласящаго, что «годовая производительность каждой страны, cadaго народа прямо со-отвѣтствуетъ относительному числу лицъ, употребляемыхъ на полезный трудъ», слѣдуетъ вывести, что въ Индіи, въ виду наименьшаго числа лицъ употребляемыхъ для военной дѣли, должна быть и наибольшая величина годовой производительности, а слѣдовательно и годового дохода. А на основаніи данныхъ, приведенныхъ выше,—также, какъ и изъ Смитовскаго положенія—можно бы вывести, что въ Индіи легче было бы внести подоходный налогъ тѣмъ въ Пруссіи, напримѣръ.

Если мы теперь знаемъ, что мировоззрѣніе индійца исторически выработалось не въ пользу подоходнаго налога, то не безъинтересно указать на то, какъ относились къ этому вопросу во Франціи, гдѣ, несмотря на многократныя попытки ввести его, ради увеличенія средствъ казны, какъ это было въ 1848, 1863 и 1871 годахъ, эти попытки всякій разъ сопровождались отпоромъ со стороны народныхъ представителей. Замѣчательнѣе и поучительнѣе всего въ этомъ отношеніи 1871 годъ. Въ этотъ годъ, въ несчастію для чело-вѣчества, Франція была разгромлена: она должна была внести неслыханную въ исторіи сумму въ 5 милліардовъ франковъ контрибуціи.

Обычное теченіе дѣлъ, обычное поступленіе доходовъ, очевидно, не могло восполнить этого непредвидѣннаго и чрезвычайнаго расхода. Понятно, что явились прожектеры, которые не забыли и подоходнаго налога—*income tax*—того самаго, которому такъ много всеисцѣляющей силы приписывалось всегда у сосѣдей по ту сторону Канала.

Нужно также оговорить, что во Франціи большинство экономистовъ не сочувствуетъ идеѣ подоходнаго налога, и между нами де-Парье—авторъ сочиненія «О налогахъ»—едва ли не единственный поборникъ и распространитель идеи этого налога. Понятно, что по поводу одного изъ проектовъ этого налога, Парье привѣтствовалъ его «если не какъ свѣтлый день, то, по крайней мѣрѣ, какъ зарю новой жизни». По поводу чего дру-

гой экономистъ, Бодрильяръ, высказалъ слѣдующее замѣчаніе: «Зачѣмъ подниматься зарѣ, на нашъ взглядъ, мало свѣтащей, если небо такъ страшно заволочено тучами?» («Revue des Deux Mondes», 1871 г.). Какъ Адамъ Смитъ, хотя онъ прямо и не упоминаетъ объ income tax, такъ какъ это названіе введено послѣ него, такъ и почти всѣ французскіе и другіе экономисты уподобляютъ подоходный налогъ существовавшимъ до революціи во Франціи и извѣстнымъ подъ именемъ la taille¹⁾—десятины, двадцатины. Смитъ за много лѣтъ передъ революціею указывалъ на необходимость отмены la taille, какъ на средство увеличить государственные доходы. Гораздо позднѣе, въ 1871 г., Тьеръ въ національномъ собраніи, при обсужденіи бюджета и средствъ къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ, вслѣдствіе прусскаго нашествія, высказывалъ слѣдующее: «Разверните эту удивительную книгу, которой нельзя читать безъ чувства глубокаго уваженія къ автору ея—Вобану, котораго я часто называлъ Аристидомъ монархіи, прочтите тамъ о королевской десятинѣ, и вы увидите, что подоходный налогъ есть та же десятина—та ненавистная подать, которую революція, во славу себѣ, навсегда уничтожила». Далѣе онъ продолжаетъ: «Кто же, по-вашему, будетъ разрѣшать слѣдующій страшный вопросъ: у васъ, м. г., 20,000 фр. дохода; у васъ—10,000; у васъ—5,000? А кого вы назначите въ оценщики? Согласитесь ли вы дать правительству или чиновникамъ его право вездѣ разглашать, у кого сколько есть? Если чиновники не будутъ имѣть никакихъ другихъ основаній въ дѣлѣ своего рѣшенія, кромѣ того сужденія, которое они сами успѣютъ составить о состояніи каждаго изъ васъ, развѣ вы допустите, чтобы они назначались правительствомъ? Никогда, никогда вы не позволите подводить ваше достоинство подъ ту или другую норму обложенія. Кому же, въ такомъ случаѣ, вы предоставите это право? Выборамъ? Выборными, разумѣется, оказались бы чины муниципальных совѣтовъ (гласные думы и земства), и я заклинаю васъ останавливаться на другихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, облагающими на одинъ срокъ были бы одни, на другой—другіе, а самое обложеніе было бы не на основаніи положительнаго закона, какъ по отношенію къ другимъ налогамъ,—нѣтъ, руководствомъ послужило бы личное мнѣніе, личное сужденіе того вашего политическаго противника, который въ одно и то же

¹⁾ Эту подать можно считать соотвѣтствующею нашимъ подушной и оброчной податьямъ, но взимаемымъ по душамъ, а не соразмѣрно доходамъ, что было въ основаніи французской la taille. Последняя потому ближе къ прусскому Classensteuer.

время и оцениваетъ и устанавливаетъ размѣръ налога». При этомъ Тьеръ грозилъ оставить свой постъ главы государства, если бы проектъ подоходнаго налога былъ принятъ. Но проектъ былъ единогласно отвергнутъ. Посмотримъ же на результаты, обнаружившіеся тамъ черезъ семь лѣтъ. Мы видимъ, что въ январѣ 1878 г., въ бюджетной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Гамбетты, было заявлено, что доходы превышаютъ расходы почти на 40.000,000 фр. Вслѣдствіе этого комиссія находила возможнымъ, несмотря на увеличеніе чрезвычайныхъ расходовъ на 15.000,000 фр., отмѣнить слѣдующіе налоги: на мыло съ 1 мая 1878 г., доставлявшее около 4¹/₂ милл. фр.; на товары малой скорости, съ 1 іюня—въ размѣрѣ 11 милл. фр.,—уменьшеніе, которымъ далеко не исчерпывается весь избытокъ дохода. И это, несмотря на событие 16 мая, подаренное Франціи Макъ-Магономъ.

Въ виду страшнаго пораженія Франціи пруссаками, страшной контрибуціи въ 5 милліардовъ, искалченія ея въ территориальномъ отношеніи, это явленіе представляетъ, по истинѣ, величественное зрѣлище, тѣмъ болѣе величественное, что у разгромившаго Францію, у ограбившаго ее, обнаружилось совершенно противоположное зрѣлище.

III.

Система податей и подоходный налогъ въ Пруссіи.

Въ то время, какъ Франція, пораженная скорѣе случайными неуспѣхами, занята рѣшеніемъ вопроса, какъ распорядиться съ избыткомъ дохода, въ то же самое время Пруссія оказывается также пораженной, но собственными, случайными, воинскими успѣхами и, повидимому, не пришедшею еще въ себя отъ изумленія за свои подвиги, такъ какъ обязана обсуждать вопросъ о пріисканіи средствъ на покрытіе дефицита также въ 40 милл. франковъ (около), несмотря на милліарды, полученные отъ Франціи. Удивительнѣе всего то, что «железный канцлеръ», совмѣстно съ министромъ финансовъ, нашли возможнымъ покрыть дефицитъ посредствомъ табачной реформы! При этомъ нельзя умолчать о томъ, что г. Кампгаузенъ, поддержанный княземъ Ф.-Бисмаркомъ, утверждалъ, что возможно увеличеніе дохода съ табаку на 400 милл. марокъ! Невольно при этомъ зарождается вопросъ: къ чему же послужило пресловутое «объединеніе», къ чему послужили присоединенныя территоріи, куда скрылись 5,000,000,000 франковъ? Отвѣтъ, напрашивающійся на это, дол-

женъ быть таковъ: для гражданскаго и экономическаго благосостоянія народа нужны не «желѣзные» канцлеры и не Макъ-Магоны, нужны Тьеры, Гамбетты, Жюль-Фавры, нужны не приобрѣтенія территорій, не объединенія, а мирное развитіе гражданственности.

Еще Адамъ Смитъ въ своемъ безсмертномъ твореніи ¹⁾ высказалъ, что «нѣтъ науки, которую правительства различныхъ странъ перенимали другъ отъ друга скорѣе, чѣмъ искусство выжимать у народа деньги». Насколько это замѣчаніе справедливо, мы особенно ясно видимъ при ознакомленіи съ бюджетомъ, напимѣръ, Пруссіи. Если самому пылкому воображенію можетъ представляться возможность примѣнить совокупность самыхъ разнообразныхъ налоговъ, когда-либо и гдѣ-либо существовавшихъ, то такая возможность, къ удивленію нашему, нашла почти полное примѣненіе въ Пруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ въ бюджетѣ мы встрѣчаемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 32 названія всевозможныхъ налоговъ: тутъ мы знакомимся съ подушною податью, единогласно всѣми отвергаемою и являющеюся въ низшихъ разрядахъ *Classensteuer*; и съ французскою «*la taille*», которую еще Адамъ Смитъ, за 15 лѣтъ до французской революціи, предлагалъ отмѣнить и которая находитъ себѣ примѣненіе теперь въ Пруссіи въ среднихъ и высшихъ разрядахъ того же *Classensteuer*; и подоходную подать, которую такъ энергически отвергалъ и В. Питтъ, и Фоксъ, и Робертъ Пиль, и Джонъ Россель, пока они были народными представителями, и Тьеръ, когда онъ былъ главою государства и грозилъ оставить постъ въ случаѣ принятія подоходнаго налога. Здѣсь имѣютъ мѣсто такіе налоги, которые рѣдко гдѣ примѣнялись—на помощь муки и налогъ на убой скота; лоттерей составляютъ въ Пруссіи «постоянный и обыкновенный», такъ сказать, узаконенный источникъ государственнаго дохода. Выпуски бумажныхъ денегъ, хотя и съ распредѣленіемъ «сообразно съ населеніемъ» различныхъ государствъ, составляющихъ новую Германскую Имперію, равно какъ и низкопробность монеты—пагубность которыхъ такъ ясно напрогностовала великій Адамъ Смитъ,—хотя не имѣютъ характера «постояннаго и обыкновеннаго» источника, а только временнаго; но въ виду того, что тамъ не могутъ же оправдаться ожиданія проекта министра Кампгаузена совокупно съ княземъ Бисмаркомъ, покрыть дефицитъ, несмотря

1) О причинахъ богатства народовъ.

на 5.000.000.000 франковъ контрибуціи, посредствомъ увеличенія табачнаго дохода, въ виду этого нельзя не предвидѣть необходимости повторенія и такихъ временныхъ мѣръ, какъ выпускъ бумажныхъ денегъ. И послѣднее—вотъ почему. Начнемъ съ ежедневно потребляемыхъ каждымъ пруссакомъ хлѣба и мяса. Прослѣдимъ, какія мытарства претерпѣваютъ эти два продукта, неизбежно нужные для каждаго. Прежде чѣмъ удовлетворить естественное чувство голода, пруссакъ долженъ принасти излишекъ возвышенія цѣны, возникающій изъ земельного налога (Grundsteuer) и изъ налога на помолъ, на убой скота (Mahlsteuer и Schlachtsteuer), изъ налога на промыселъ булочника и мясника (Gewerbesteuer) и изъ налога на помещеніе тѣхъ же булочника и мясника (Gebäudesteuer), и изъ налога на доходъ (Classensteuer), въ томъ случаѣ, если обнаруживается, что у земледѣльца 2—3 моргена земли, а у булочника и мясника 2—3 рабочихъ. Не упущено также обложеніе того дохода (Classificirte Einkommenssteuer), который объявляется земледѣльцемъ въ 100—1,000 и болѣе моргеновъ, или булочникомъ и мясникомъ съ 10 и болѣе рабочими, когда у нихъ доходъ превышаетъ 1,000 талеровъ. Но это далеко не все. Такъ какъ хлѣба безъ соли ѣсть нельзя, то въ Пруссіи въ видѣ акциза на соль (Salzsteuer), возвышающаго естественную цѣнность послѣдней въ 20 разъ, узаконенъ еще сборъ въ размѣрѣ около одной марки (30 коп.) съ живой души, безразлично по отношенію къ полу и возрасту,—что въ свою очередь есть тотъ же подушный окладъ, который потому можно разсматривать какъ непосредственный придатокъ къ стоимости того же хлѣба. Но возвышеніе цѣнъ на эти продукты происходитъ не только отъ совокупности долей различныхъ налоговъ, оно является также и оттого, что Великобританецъ, рѣшивъ, что питательны только пшеница и мясо, забираетъ у пруссаковъ эти продукты, а будучи богаче, платить за нихъ дороже, отчего цѣны на лондонской биржѣ служатъ мѣриломъ и на прусской. Въ результатѣ всего этого вышло то, что пшеница и мясо сдѣлались почти недоступными большинству населенія, которое обратилось потому къ другимъ источникамъ питанія. На помощь къ нимъ въ этомъ отношеніи подоспѣли агрономическіе академіи и институты, доказавшіе путемъ своихъ опытовъ, что моргенъ картофеля дать больше эквивалентовъ питанія въ количественномъ отношеніи, чѣмъ моргенъ пшеницы. И вотъ уже многія поколѣнія вырастаютъ при условіи, что пшеница вывозится въ болѣе богатныя страны, а населеніе питается картофелемъ, къ которому наши крестьяне отнес-

лись такъ враждебно по какому-то инстинктивному предубѣжденію. Что-жъ удивительнаго въ виду всего этого, что потребление разныхъ предметовъ достигаетъ тамъ замѣчательно ничтожныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, сахаръ, который въ Великобританіи потребляется поголовно въ размѣрѣ 60 фунт. каждымъ, въ Пруссіи—только 12 ф. Въ то время, когда въ 30 лѣтъ потребления его въ первой возросло съ 26 ф. до 60 ф., во второй съ $5\frac{1}{2}$ ф. до 12 ф. только. Но и этимъ слабымъ возрастаніемъ страна обязана въ немалой степени разведенію другого корня—свекловицы, указавшей на возможность добычи изъ нея сахара, замѣнившего тростниковый, и давшей средство возвысить поземельные доходы и тѣмъ возможность вынести нѣвѣстную степень тягости налоговъ, упадающихъ на земледѣліе. По изслѣдованіямъ Дитерихи, потребление тамъ мяса въ теченіи весьма долгаго періода времени, около 40 лѣтъ, оставалось безъ измѣненія.

Основанія, послужившія къ изобрѣтенію возможности замѣнить пшеницу картофелемъ, а мясо—горохомъ, были тѣ же самыя, какія имѣли мѣсто въ замѣнѣ кофе—цикоріемъ, а именно: тягость налоговъ и послѣдствіе ихъ—бѣдность! Всѣ эти условія весьма естественно привели финансовыхъ дѣятелей къ соображенію, что, въ виду дефицита и недоборовъ дохода въ 1877 году, не остается, кромѣ табаку, никакого другого источника для увеличенія государственнаго дохода. Къ такому заключенію должны были привести слѣдующія соображенія: табакъ въ Пруссіи курятъ много—больше, чѣмъ гдѣ-либо; налогъ же на табакъ незначителенъ, въ сравненіи съ размѣромъ его въ другихъ странахъ; къ тому же, табакъ—предметъ роскоши, предметъ далеко не неизбѣжной потребности, и если примѣнить французскія условія постановки табачнаго дѣла, то, пожалуй, табакъ доставитъ до 400 милл. марокъ, вмѣсто нынѣшнихъ 8-ми—9-ти милл.! Но возможно ли послѣднее и вѣрно ли то, что табакъ не неизбѣжно нуженъ?

Въ виду поднятія вопроса о табакѣ въ Пруссіи, невольно возникаетъ вопросъ: почему же забыть классный или классифицированный подоходный налогъ, который такъ часто выручалъ Великобританію въ подобныхъ случаяхъ? Почему, если всѣ профессора университетовъ, самъ министръ Кампгаузенъ всегда развѣдали, что это одинъ изъ самыхъ раціональных, одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ—а на основаніи опытовъ другихъ странъ, могущій быть увеличиваемъ вдвое и втрое—почему, спрашиваю я, забыть этотъ источникъ, а остановились на весьма сомнитель-

ныхъ свойствахъ табака, такъ нужнаго — въ особенности для бѣдняка, въ особенности для голодающаго, въ особенности для питающагося картофелемъ, капустою, горохомъ?

Что касается подоходной подати, — вотъ какъ отвѣчаетъ на это бывшій прусскій министръ финансовъ, фонъ-деръ-Гейдтъ, при обсужденіи 8-го октября 1869 года въ палатѣ уполномоченныхъ проекта взысканій, касающихся классной и классифицированной подати ¹⁾:

«Подоходная подать, какъ уже признано всѣми и какъ замѣчено уже было многократно въ обѣихъ палатахъ ландтага, въ высшей степени неравномѣрно и несправедливо распределяется. Можно утвердительно сказать, что подоходный налогъ, исчисляемый на самыхъ разнообразныхъ началахъ, упадаетъ на плательщиковъ, по сравненію ихъ другъ съ другомъ, чрезвычайно неравномѣрнымъ образомъ.

«Несмотря на постоянныя старанія правительственныхъ органовъ, завѣдывающихъ обложеніемъ, подоходный налогъ постоянно исчисляется пропорціонально ниже обложенія классною податію и, сверхъ того, не малая часть дохода, долженствующая подлежать обложенію, совершенно ускользаетъ отъ него. На все это статистическія свѣдѣнія даютъ богатые цифровыя доказательства. При обложеніи мелкихъ промышленниковъ классною податію, чистый доходъ ихъ облагался налогомъ несравненно въ большихъ размѣрахъ противъ тѣхъ промышленниковъ, которые подлежали подоходному налогу. Въ то время, какъ классифицированная подоходная подать берется съ крупныхъ промышленниковъ не болѣе $1\frac{1}{2}\%$ чистаго дохода, получаемаго ими отъ промысловъ, мелкие промышленники, получающіе никакъ не болѣе 300 — 500 талеровъ, платятъ часто отъ 12—16% классной подати (!!). Всего же явственнѣе представляется неравномѣрность обложенія при тѣхъ видахъ дохода, которые, подобно доходу съ капитала, ускользаютъ вполне или частью отъ возможности точнаго опредѣленія. Обстоятельныя изслѣдованія этого вопроса доказываютъ, что, рядомъ съ невозможностью точно опредѣлить подлежащій налогу доходъ, главная причина неправильности заключается въ составѣ органовъ обложенія, въ устраниніи правительственнаго вліянія на обложеніе податію и въ не-

¹⁾ А. Заблоцкій-Десятовскій, „Финансовое управленіе и финансы Пруссіи“. Спб., 1871, т. 1-й, стр. 225 (Труды податной коммиссіи). — Мѣста рѣчи, выходящія значеніе для нашей дѣлы, напечатаны курсивомъ.

достаточности правилъ для опредѣленія дохода, подлежащаго обложению.

«Если ежедневный опытъ доказываетъ, что значительное число гражданъ, пользующихся доходомъ свыше 1,000 талеровъ, не привлекаются къ налогу, то слѣдуетъ изъ этого заключать, что *рядомъ съ неравномернымъ распределеніемъ податныхъ тягостей возникаетъ и абсолютная несправедливость (!)*».

Привожу это извлеченіе изъ рѣчи бывшаго прусскаго министра финансовъ, чтобы показать, насколько выводы его аналогичны съ заключеніемъ Бэкона, Роберта Пия (въ составѣ оппозиціи), Фокса, Брума и Гладстона, съ которыми мы ниже ознакомимся, а также съ выводами относительно Индіи. — Можно подумать также, что и Тьеръ, такъ энергически отстаивавшій, при обсужденіи проекта реализаціи займа въ 2,000 милл. франковъ 20-го іюня 1870 года, неумѣстность и невозможность подоходной подати во Франціи, основывался на выводахъ г. фонъ-деръ-Гейдта, какъ практически изучившаго вопросъ.

Слѣдовательно, на основаніи собственныхъ словъ фонъ-деръ-Гейдта, имя его увеличиваетъ собою контингентъ авторитетовъ, не могущихъ и не долженствующихъ сочувствовать осуществленію подоходной подати. Но послѣднее вѣрно только по теоріи. Въ дѣйствительности же выводъ г. фонъ-деръ-Гейдта, изъ его собственныхъ словъ, исторически замѣчательнъ, такъ какъ выразился въ слѣдующемъ его предложеніи: *«увеличить на 25⁰/₀ для покрытія дефицита на 1870 годъ оклады подоходной и классной подати, а равно и налоговъ на помолъ хлеба и на убой скота (?)*».

Какъ сужденіе г. фонъ-деръ-Гейдта, такъ и заключеніе его должны послужить намъ объясненіемъ причины, почему въ Пруссіи въ имперскомъ рейхстагѣ въ мартѣ 1878 года Кампгаузенъ въ совокупности съ княземъ Бисмаркомъ не остановились на подоходной подати, а обращаются къ табуку. Напоминаю снова, что, если несмотря на присоединеніе новыхъ областей, несмотря на безпримѣрное и случайное пособіе, полученное въ контрибуціи, все-таки въ результатъ обнаруживаются дефициты, то очевидно, что прусская система налоговъ выказываетъ какъ экономическую, такъ и финансовую несостоятельность. Если при этомъ вспомнить исторію Пруссіи и припомнить событія всего XIX столѣтія, то выводъ о несостоятельности еще яснѣе подтверждается. Можно также предположить, что благополучіе объединенныхъ голштинца, ганноверца, эльзасца

спорѣе выражается отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ характеромъ. Вывести можно также, что идея объ единствѣ и т. п. представляется одною изъ несомнѣнныхъ несообразностей, могущихъ зародиться только въ головѣ отставного юнкера или недоучившагося кадета, подобно тому, какъ идея о подходящемъ наюгѣ выработалась между членами парламента неучей, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Л. Черныяевъ.

РЕМЕСЛЕННЫЕ СОЮЗЫ

ВЪ

АНГЛІИ

The Conflicts of Capital and Labour historically and economically considered, being a history and review of the trade unions of Great Britain, by George Howell. London. 1878.

Англійское общество занято и увлечено теперь внѣшними дѣлами; берлинскій договоръ и конвенція 4-го іюня естественно привлекають къ себѣ общее вниманіе. Но рядомъ съ этими новостями и заботами дня, и параллельно съ ними, идетъ въ Англіи серьезная внутренняя работа, обусловленная и духомъ времени, и исключительными условіями англійской жизни. Чрезвычайное развитіе промышленной дѣятельности, постоянно возростающее въ теченіи текущаго столѣтія въ двухъ первенствующихъ государствахъ западной Европы, естественно привело эти народы къ рѣзкому антагонизму между интересами капитала и труда, между рабочимъ классомъ и хозяевами промышленныхъ предприятий. Столкновеніе и борьба этихъ, повидимому, совершенно различныхъ интересовъ начались не со вчерашняго дня; на материкѣ они породили цѣлыя социальныя теоріи, крупные перевороты и потрясенія, до сихъ поръ приводившія обыкновенно къ трагической развязкѣ. Великая задача—согласовать условія даннаго экономическаго строя съ требованіями человѣколюбія и справедливости, постоянно оказывалась гораздо болѣе трудною, чѣмъ это представлялось многимъ въ самомъ началѣ, и сложившійся

вѣками экономическій строй постоянно выходилъ побѣдителемъ изъ отчаянной борьбы, которую отъ времени до времени открывали противъ него рабочіе классы. Причины этихъ трагическихъ неудачъ не разъ подвергались тщательному изслѣдованію сторонниковъ и противниковъ даннаго строя, и въ то время, какъ одни приходили къ мысли о необходимости предварительной широкой политической свободы для дальнѣйшаго движенія соціальныхъ задачъ, другіе видѣли именно въ политической свободѣ условіе, противодѣйствующее этому движенію.

Иначе ставился тотъ же вопросъ въ Англіи, и настоящее положеніе его въ этой странѣ, особенный характеръ и преданія которой исключаютъ возможность одностороннихъ теоретическихъ увлеченій, въ высшей степени своеобразно и поучительно. Давно уже подвергнутое основательной критикѣ и разбитое лучшими мыслителями начало *laissez faire, laissez passer*, нигдѣ не находитъ себѣ такого широкаго примѣненія въ разнообразныхъ отрасляхъ общественной жизни, какъ въ Англіи. Казалось бы, она представляетъ крайне неудобную почву для соціальныхъ реформъ въ интересъ рабочихъ классовъ. И, дѣйствительно, о подобныхъ реформахъ тамъ нѣтъ и рѣчи... сверху. Но широкая политическая свобода, умѣряемая лишь судебными приговорами, даетъ полную возможность низшимъ классамъ стремиться къ улучшенію своего положенія самостоятельно, снизу, опираясь на собственные интересы, права и средства. То, что было вѣкогда предпринято политически безправною частью среднихъ классовъ въ видахъ избирательной реформы, дѣлается теперь такъ же самостоятельно и послѣдовательно рабочимъ классомъ съ цѣлью улучшить свое трудное положеніе. Законодательство сначала противодѣйствуетъ такому движенію; въ данномъ случаѣ противодѣйствіе было тѣмъ энергичнѣе, что движеніе, о которомъ мы говоримъ, затрогивало интересы сословія, представители котораго почти безраздѣльно господствовали въ палатѣ общинъ. Но оно тѣмъ не менѣе настойчиво продолжалось, принимая все болѣе и болѣе серьезныя и обширныя размѣры, вызывая петиціи съ десятками и сотнями тысячъ подписей, склоняя въ свою пользу общественное мнѣніе и власти; дѣло кончилось тѣмъ, чѣмъ всегда кончается въ подобныхъ случаяхъ въ Англіи: движеніе, оказавшееся практическимъ отвѣтомъ на исторически выработанныя потребности народной жизни, признано и регулировано законодательною властью, составъ которой не переставалъ существенно намѣняться въ прогрессивномъ смыслѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Такимъ образомъ возникли въ Англіи, такъ-называемые,

ремесленные союзы (trade unions), не разъ обращавшіе на себя пылливое вниманіе европейскихъ писателей. Одно изъ лучшихъ сочиненій по этому предмету—сочиненіе, которому отдають полную справедливость въ самой Англіи—принадлежитъ, какъ извѣстно, члену Орлеанскаго дома, графу Парижскому, и вышло въ свѣтъ еще въ 1869 году. Въ Англіи эти ремесленные союзы вызвали цѣлую литературу памфлетовъ и журнальныхъ статей, брошюръ и цѣлыхъ сочиненій, къ которымъ присоединялся недавно, можно сказать на-дняхъ, почтенный и крайне любопытный трудъ Джорджа Гоуалля, извѣстнаго своимъ сборникомъ законовъ, относящихся къ труду («The Handy-Book of the labour laws»). Авторъ во всѣхъ подробностяхъ знакомъ съ интереснымъ предметомъ, которому посвящена его книга, и сообщаетъ новѣйшія свѣдѣнія о состояніи и дѣлахъ ремесленныхъ союзовъ. Свѣдѣнія эти доходятъ до нынѣшняго года. Но онъ не ограничивается ими. Онъ предпосылаетъ имъ весьма обстоятельное историческое исследование о происхожденіи ремесленныхъ союзовъ въ Англіи и освѣщаетъ передаваемыя имъ свѣдѣнія критикой ошибочныхъ представленій о дѣятельности описываемыхъ союзовъ и тѣхъ предубѣжденій и предразсудковъ, которые еще продолжаютъ вредить ихъ нравственному кредиту въ нѣкоторой части англійскаго общества, въ особенности между сторонниками узкихъ и окаменѣлыхъ экономическихъ теорій. Книга написана живо, умно, съ большимъ знаніемъ дѣла, съ просвѣщеннымъ и сочувственнымъ къ нему отношеніемъ. Вотъ почему мы останавливаемъ на ней вниманіе нашихъ читателей и считаемъ не лишнимъ познакомиться ихъ, въ общихъ чертахъ, съ ея содержаніемъ.

Разумѣется, крупныя общественныя явленія вездѣ возникаютъ исторически, изъ живыхъ потребностей народной жизни; но нигдѣ эта историческая связь явленій, ихъ преемственное наслоеніе, не выдается такъ осязательно, наглядно и яро, какъ въ Англіи. Ремесленные союзы возникли тамъ совсѣмъ не такъ, какъ, напримѣръ, народились у насъ, конечно, полезныя, но бѣдныя средствами и результатами ссудо-сберегательныя товарищества. Они не были привиты народу сверху, не явились результатомъ удачныхъ теоретическихъ соображеній, а произошли преемственно изъ тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ корпорацій, которыя имѣли огромное значеніе въ средніе вѣка подъ названіемъ «гильдій». Въ русской народной промышленности артель была и еще остается такимъ же естественнымъ историческимъ явленіемъ, какъ гильдія или ремесленный союзъ въ Англіи. Средневѣковая западно-европейская «гильдія», не въ смыслѣ, конечно, нашихъ тепе-

реиннихъ купеческихъ гильдій, возникшихъ искусственно и ничѣмъ не связанныхъ съ народною жизнью, была долгое время господствующимъ типомъ, по которому слагались общественныя отношенія въ средневѣковыхъ городахъ Англіи и остальной Европы. Люди соединялись въ гильдіи для извѣстныхъ общихъ цѣлей. Существовали гильдіи религиозныя, торговыя, муниципальныя, ремесленныя, и нынѣшніе рабочіе союзы — говорить Гоуэлль, ссылаясь на историческіе памятники — не что иное, какъ преемники этихъ послѣднихъ, ремесленныхъ гильдій, но преемники иного типа, отвѣчающіе экономическимъ и социальнымъ условіямъ настоящаго времени. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка торговцы и ремесленники группировались въ гильдіи для огражденія своихъ правъ и интересовъ отъ посягательствъ городской олигархіи и дворянства, такъ въ новое время, въ виду господствующей мануфактурной системы (Factory System) и практической необходимости оградить себя отъ возможныхъ злоупотребленій и бѣдствій, возникли новые ремесленные союзы. Средневѣковыя гильдіи, какъ показываютъ сохранившіеся ихъ уставы, всегда имѣли цѣлью братское соединеніе людей въ союзы, закрѣпленные клятвой, для взаимной помощи и поддержки. Таковъ общій характеръ всѣхъ прежнихъ гильдій и современныхъ ремесленныхъ союзовъ. Правила и частности этихъ братствъ видоизмѣнялись согласно нуждамъ, интересамъ и требованіямъ даннаго времени и данныхъ обстоятельствъ, но существенныя черты взаимной самопомощи неизмѣнно сохранялись въ нихъ съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время. Периодическія собранія «братствъ» на общихъ праздникахъ гильдій были точно такимъ же обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка, какъ и ежегодныя сѣзды англійскихъ ремесленныхъ союзовъ въ наше время. Суммы, необходимыя для достиженія цѣлей каждой гильдіи, приобретались также посредствомъ братскихъ взносовъ и приношеній. Высшей степени своего развитія торговыя и городскія гильдіи достигли въ Лондонѣ, который можно назвать ихъ колыбелью, если не ихъ родиной. Все средневѣковое устройство лондонскаго Сити было основано на гильдейскихъ началахъ, и служило образцомъ для другихъ городовъ Англіи. При Ательстанѣ лондонскія гильдіи вступили въ союзъ между собою, и образовавшаяся такимъ образомъ гильдія управляла съ тѣхъ поръ всѣмъ городомъ. Рядомъ со старыми, древнѣйшими гильдіями, присвоившими себѣ привилегированное положеніе, въ городахъ возникали новыя, преимущественно ремесленныя, пытавшіяся вырвать городское управленіе изъ рукъ привилегированныхъ корпораций, или по

крайней мѣрѣ получить наравнѣ съ ними участіе въ городскомъ управленіи. Въ XIV и XV столѣтіяхъ эти новыя гильдіи приобрѣли большую силу. Короли пользовались ими для усиленія своихъ доходовъ, и въ этихъ видахъ подтверждали ихъ уставы. Гильдіи, разумѣется, избирали сами свои должностныя лица, и каждая регулировала условія избраннаго ею ремесла.

Новѣйшіе ремесленные союзы, смѣнявшіе собой прежнія гильдіи, также группируются по отдѣльнымъ ремесламъ: въ Англіи существуютъ союзы каменщиковъ, механиковъ, плотниковъ и т. д. Но, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и промышленности, регулированіе ремеселъ уже не входитъ теперь въ кругъ ихъ дѣятельности. Свобода ремеселъ признана закономъ, и всѣ усилія современныхъ ремесленныхъ союзовъ точно такъ же направлены къ огражденію интересовъ и правъ своихъ членовъ отъ ограниченій и убытковъ со стороны отдѣльныхъ лицъ и компаній, стоящихъ во главѣ промышленныхъ предпріятій, какъ всѣ усилія средневѣковыхъ ремесленныхъ гильдій клонились къ достиженію равноправности между ними и старыми гильдіями, занявшими привилегированное положеніе.

«Всякій, кто близко познакомился съ устройствомъ и уставами ремесленныхъ обществъ и съ устройствомъ старыхъ гильдій—говоритъ Гоуэлль—тотчасъ замѣтитъ сходство первыхъ съ ремесленными гильдіями, которыхъ дѣйствительными преемниками они являются. По мѣрѣ того, какъ болѣе бѣдные члены гильдій вытѣснялись болѣе зажиточными, вытѣсняемые вскорѣ ощущали необходимость сплотиться между собою, и отсюда возникли въ новое время ремесленные союзы, которые въ существѣ были точно такими же гильдіями, какъ городскія и ремесленныя гильдіи прежнихъ временъ. Новыя союзы не были однако простымъ продолженіемъ этихъ, нынѣ устарѣвшихъ обществъ, но законными ихъ наслѣдниками, плодомъ новыхъ общественныхъ и промышленныхъ условій народной жизни. Древность происхожденія, конечно, еще не оправдываетъ ихъ существованія; но, прежде чѣмъ рѣзко осуждать ихъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, подвергнуть ихъ искреннему и тщательному разбору.

«Всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ въ какомъ-нибудь ремеслѣ возникновеніе этихъ союзовъ, мы, въ то же время, видимъ, что они сложились при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и съ тѣми же цѣлями, что и средневѣковые ремесленные союзы, то-есть при крушеніи какой-нибудь старой системы и между людьми, наиболѣе терпѣвшими отъ этого разложенія, сложились съ

цѣлью оградить свою независимость и свои интересы. Это обстоятельство, въ связи съ тождествомъ ихъ устройства, прямо даетъ право называть ихъ преемниками старыхъ гильдій и достаточно оправдываетъ ихъ существованіе, такъ какъ послѣдствія разложенья, не сдерживаемаго строгими ограниченіями, неизбѣжно вызывали, во всѣ времена, образованіе подобныхъ гильдій. Это можно назвать «историческимъ закономъ».

«Союзы и общества, сходныя съ нынѣшними ремесленными союзами, существовали въ Англіи еще до 1862 года, но они были исключеніями, встрѣчаемыми, главнымъ образомъ, въ строительныхъ ремеслахъ. Причина этого явленія очевидна: въ средніе вѣка эти ремесла наиболѣе походили на наши новѣйшія мануфактуры съ ихъ малымъ числомъ хозяевъ, множествомъ рабочихъ, съ ихъ подрядчиками и вычетами изъ заработной платы».

Правда, мысль о происхожденіи современныхъ ремесленныхъ союзовъ въ Англіи изъ существовавшихъ въ этой странѣ ремесленныхъ гильдій принадлежитъ не нашему автору. Она уже не разъ была высказана и сторонниками, и противниками нынѣшнихъ союзовъ. Сторонники искали и находили имъ въ этой мысли полное историческое оправданіе; противники, съ своей стороны, приводили ее какъ аргументъ въ пользу ихъ отсталости и ненужности. Но Гоуэллю принадлежать указаніе на то, насколько новые союзы дѣйствительно сходны съ старыми и отжившими учрежденіями этого рода въ Англіи, и насколько они отвѣчаютъ насущнымъ требованіямъ именно новѣйшаго времени.

Новые союзы образовались и явились на свѣтъ божій не въ одинъ день. Имъ надо было выдержать сначала тяжкую борьбу съ прежними условіями жизни въ странѣ, гдѣ не было ничего похожаго на единоличную диктатуру государственной власти и гдѣ все законодательство постоянно исходило отъ аристократіи и наиболѣе богатой части средняго сословія. Англійское законодательство до двадцатыхъ годовъ строжайшимъ образомъ запрещало всякіе союзы между ремесленниками, за исключеніемъ старыхъ гильдейскихъ. Суды беспощадно примѣняли эти законы къ нарушителямъ, и исторія первыхъ ремесленныхъ союзовъ представляетъ непрерывную цѣпь судебныхъ разбирательствъ, неизмѣнно оканчивавшихся обвинительными приговорами къ денежнымъ штрафамъ и тюремному заключенію. Постепенная отмена этихъ жестокихъ законовъ, начавшаяся съ 1824 года, дала, наконецъ, возможность новымъ союзамъ вздохнуть свободнѣе, и въ настоящее время можно сказать, что Англія покрыта сѣтью этихъ союзовъ. Не съ-разу была признана за ними и гражданская право-

способность. Законъ 1824 года допустить ихъ существованіе на основаніи правила: *«laissez faire, laissez passer»*, но онъ ничѣмъ не оградилъ правъ ихъ, какъ юридическихъ лицъ. Строго говоря, полная эмансипація новыхъ союзовъ состоялась всего три года назадъ, въ 1875 году, когда прошелъ законъ о ремесленномъ трудѣ (*Labour Laws*), окончательно сравнявшій юридическое положеніе хозяина съ юридическимъ положеніемъ ремесленника. «Нынѣ, — говоритъ нашъ авторъ, — передъ нами ремесленные союзы въ полной силѣ, прочные и свободные, съ долгою исторіей, съ огромнымъ числомъ членовъ и большими капиталами, — вооруженные всѣми средствами, чтобы успѣшно выдерживать великія битвы промышленности».

По своей сущности, ремесленные союзы въ Англіи не что иное, какъ составленныя по добровольному соглашенію общества съ цѣлью взаимной помощи для поддержанія наиболѣе благоприятныхъ условій труда. Такова ихъ первая и главная основа; сюда же относятся и всѣ ихъ законныя усилія, направленные къ возвышенію заработной платы и противъ ея пониженія, къ уменьшенію числа рабочихъ часовъ и противъ его увеличенія, а также регулированіе всѣхъ дѣлъ, относящихся къ способамъ найма и увольненія и къ самому характеру работъ. Авторъ вводитъ насъ во внутреннюю жизнь этихъ союзовъ, знакомитъ съ ихъ финансами и управленіемъ, и мы послѣдуемъ за нимъ въ эту интересную, но мало извѣстную область англійской народной жизни.

Каждый союзъ имѣетъ свой общій фондъ, составленный изъ членскихъ взносовъ, которые колеблются между 2-мя пенсами (около 6-ти коп.) въ недѣлю въ обществахъ сравнительно бѣдныхъ, и 1-мъ шиллингомъ (около 40 коп.) — въ наиболѣе богатыхъ. Главные расходы, производимые изъ составляющагося такимъ образомъ общаго фонда, падаютъ на пособія членамъ во время ихъ болѣзни и ихъ семействамъ въ случаѣ ихъ смерти, на вознагражденія послѣ несчастныхъ случаевъ на работѣ, на пенсіи старикамъ, на помощь въ случаяхъ случайной безработицы и во время стачекъ. Размѣры этихъ выдачъ различны въ разныхъ обществахъ и видоизмѣняются въ слѣдующихъ наибольшихъ и наименьшихъ предѣлахъ. Союзы выдаютъ ремесленникамъ: въ случаѣ болѣзни — отъ 5-ти до 12-ти шиллинговъ въ недѣлю; въ случаѣ смерти мужа — отъ 6-ти до 12-ти шиллинговъ, и отъ 4-хъ до 10-ти шиллинговъ — въ случаѣ смерти жены, на погребеніе; въ случаѣ тѣлесныхъ поврежденій на работѣ — отъ 50-ти до 150-ти фунт. стерл. одновременно; пенсіи старикамъ выдаются въ размѣрѣ отъ 2½ до 7-ми шиллинговъ въ недѣлю;

при случайной безработицѣ—отъ 8-ми до 10-ти шиллинговъ въ недѣлю; при стачкахъ—отъ 10-ти до 15-ти шиллинговъ. Многіе союзы выдаютъ еще по 6-ти фунт. стерл. въ случаѣ эмиграціи или утраты рабочихъ инструментовъ. О томъ, какъ велики эти расходы въ ихъ сложности можно судить по тому, что ремесленный союзъ механиковъ израсходовалъ такимъ образомъ съ 1851 года—659,516 фунт. стерл. (по нынѣшнему курсу, около 6-ти милл. рублей), союзъ чугунно-литейщиковъ, съ 1848 года,—365,316 фунт., союзъ котельниковъ, съ 1867 года,—61,000 фунт., союзъ плотниковъ, съ 1860 года,—54,325 фунт., что составляетъ капиталъ въ 1.140,157 фунт., или около 10-ти милл. рублей для однихъ только четырехъ названныхъ союзовъ.

Союзомъ всегда управляетъ комитетъ, избираемый общимъ собраніемъ членовъ на три мѣсяца—въ союзахъ съ однимъ только мѣстнымъ кругомъ дѣятельности, и на годъ—въ центральныхъ, или окружныхъ союзахъ. Управление дѣлами распределяется болѣею частью между четырьмя лицами—предсѣдателемъ, помощникомъ предсѣдателя, казначеемъ и секретаремъ, которые могутъ быть смѣняемы лишь въ случаѣ злоупотребленій. Суммами союзовъ завѣдываютъ особые комиссары—trustees—отвѣчающіе за ихъ дѣлность. Трудъ этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ оплачивается умѣреннымъ жалованьемъ. Въ самыхъ крупныхъ союзахъ секретарь получаетъ не болѣе 240 фунт., въ другихъ всего 130 фунт., хотя онъ долженъ быть заваленъ дѣломъ. Предсѣдатели получаютъ или по одному шиллингу за каждое собраніе, или по 40 фунт. въ годъ, назначен почти столько же. Но все это только въ союзахъ болѣе богатыхъ и съ большимъ райономъ дѣятельности. Въ союзахъ чисто-мѣстныхъ должностныя лица получаютъ почти ничтожное вознагражденіе.

Каждое ремесло, каждая значительная въ торговомъ или промышленномъ отношеніи мѣстность имѣетъ свой союзъ. Сначала въ этомъ дѣлѣ участвовали одни только фабричныя и городскіе ремесленники,—земледѣльческій классъ оставался въ сторонѣ, но съ 1872 года и онъ присоединился въ общему движенію, присоединился съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ. Нынѣ союзъ земледѣльцевъ—«The Agricultural Labourers' Union»—распространился по всему королевству, подраздѣленный на три большія общества и 1,771 отрасль, съ 78,000 членовъ, ежегоднымъ приходомъ въ 22,055 фунт. (около 200,000 руб.) и своими газетами, сильно распространенными въ сельскомъ быту и обсуждающими не только вопросы о заработной платѣ и числѣ рабочихъ часовъ, но и вопросы политическіе—о дарованіи избирательнаго

права земледѣльцамъ, о кандидатахъ въ члены парламента, о мѣстномъ управленіи, благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. д.

Въ настоящее время ремесленные союзы Соединеннаго Королевства насчитываютъ до 1.250,000 членовъ и располагаютъ годовымъ приходомъ приблизительно въ 2 милл. фунт. и почти такимъ же резервнымъ фондомъ. При сильной и прочной организаціи, союзы имѣютъ свои общіе совѣты, свои съѣзды, или конгрессы, на которыхъ обсуждаются экономическіе и политическіе вопросы, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ условіямъ ремесленного труда и къ интересамъ ремесленниковъ. Мы не имѣемъ въ виду исчерпать сочиненіе Гоуэлла, и отсылаемъ къ нему нашихъ читателей, интересующихся этимъ живымъ и насущнѣйшимъ вопросомъ современной Европы. Авторъ, конечно, излагаетъ исторію гильдій и ремесленныхъ союзовъ съ болѣею подробностью и обстоятельностью, чѣмъ мы могли это сдѣлать въ короткой замѣткѣ. Онъ говоритъ также о технической подготовкѣ ремесленниковъ, о поштучной работѣ, о числѣ часовъ работы, о разнообразныхъ проявленіяхъ дѣятельности союзовъ, въ особенности о стачкахъ, о вліяніи союзовъ на внѣшнюю торговлю Англіи, и разбиваетъ однимъ прикосновеніемъ здраваго смысла тѣ странныя предубѣжденія, которыя еще сохранились въ Англіи противъ этого новаго явленія въ ея промышленной жизни. Но, изложивъ въ общихъ чертахъ устройство и характеръ отдѣльных ремесленныхъ союзовъ въ Англіи, мы не можемъ не остановиться и на состоявшихся уже попыткахъ къ объединенію этихъ отдѣльныхъ союзовъ.

Въ англійской публикѣ живетъ смутное опасеніе—undefined dread, какъ выражается нашъ авторъ — что ремесленные союзы могутъ слиться въ одну обширную и постоянную организацію, съ оборонительными и наступательными цѣлями, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ предпринимателямъ промышленныхъ предпріятій придется имѣть дѣло уже не съ отдѣльными союзами, представляющими различныя ремесла, а съ могущественной федераціей всѣхъ союзовъ королевства. Опасеніе это уже вызвало, пять лѣтъ тому назадъ, учрежденіе «союза хозяевъ» (The Federation of Associated Employers of Labour), съ собственнымъ органомъ подъ названіемъ: «Capital and Labour». Въ мотивахъ этого учрежденія было высказано, что оно вызвано чрезвычайнымъ развитіемъ, притѣснительною дѣятельностью, опасными замыслами и тщательной организаціей ремесленныхъ союзовъ. Но авторъ не раздѣляетъ этихъ опасеній. Паника, овладѣвшая нѣкоторыми умами — говоритъ онъ — заста-

вила ихъ преувеличить мнимыя и дѣйствительныя опасности, вытекающія изъ существованія ремесленныхъ союзовъ. Мысль о сліяніи ихъ въ одну федерацію, дѣйствительно, высказывалась не разъ, но была отвергаема самими союзами. Пять лѣтъ тому назадъ она была предложена на съѣздѣ ремесленныхъ союзовъ въ Лидсѣ, затѣмъ на слѣдующемъ съѣздѣ въ Шеффилдѣ, но вызвала сильныя возраженія. Точно также не посчастливилось ей и на съѣздѣ 1875 года, въ Ливерпулѣ. Напрасно хозяева и печать предсказывали, что если подобная федерація состоится, то англійской промышленности грозитъ неизбежная гибель. Это предсказаніе—остроумно замѣчаетъ авторъ—дѣлалось такъ часто, что оно утратило свое дѣйствіе, какъ въ баснѣ о волкѣ и овцахъ, и еслибъ предвѣщаемое бѣдствіе дѣйствительно случилось, то, за недовѣріемъ къ этимъ Кассандрамъ, стадо было бы расхищено, прежде чѣмъ подоспѣтъ помощь. Дѣло въ томъ, что столь странная въ глазахъ многихъ федерація союзовъ представляетъ большія практическія затрудненія, и самое большее, что пока только возможно въ этомъ направленіи, заключается, по мнѣнію нашего автора, въ сліяніи нѣсколькихъ однородныхъ союзовъ въ одно центральное общество. Но и такое сліяніе требуетъ еще предварительнаго соглашенія разнообразныхъ практическихъ интересовъ, преслѣдуемыхъ отдѣльными союзами.

Дѣло объединенія и сліянія ограничивается пока скромными размѣрами ремесленныхъ совѣтовъ (Trades' Council). Цѣль ихъ—служить посредниками въ сношеніяхъ между отдѣльными мѣстными союзами одного города и обсуждать сообща дѣла общаго интереса; но кругъ ихъ дѣятельности не переходитъ за предѣлы нѣсколькихъ союзовъ въ городѣ или округѣ. Они учреждаются по добровольному соглашенію союзовъ, которые вольны имѣть свои совѣты или совсѣмъ не имѣть ихъ. Совѣты эти не обязательны для союзовъ. Расходы на нихъ также добровольны и совершенно ничтожны. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ совѣтовъ—обсуждать тѣ политическіе вопросы, которые не касаются отдѣльныхъ союзовъ, а всей ихъ совокупности. Такова была ихъ роль во время агитаціи въ пользу отміны старыхъ уголовныхъ законовъ, направленныхъ противъ полной свободы труда, и утвержденія законовъ, ограждающихъ фонды союзовъ. Во все это время, ремесленные совѣты были центрами политической жизни въ городахъ, созывали митинги, приготавливали петиціи и поддерживали сношенія съ своими доброжелателями въ парламентѣ. Ими были устроены крупныя демонстраціи во многихъ большихъ

промышленныхъ центрахъ, и вообще они много способствовали успѣху тогдашняго движенія.

Но не они ведутъ къ объединенію всѣхъ ремесленныхъ союзовъ королевства. Въ этомъ отношеніи ближе всего подходятъ къ цѣли ежегодныя сѣзды, или конгрессы, союзовъ, имѣющіе съ 1871 года постоянный выборный комитетъ, называемый «парламентскимъ комитетомъ». Обязанность комитета—слѣдить за всѣми законодательными вопросами, имѣющими прямое или косвенное отношеніе къ союзамъ, и принимать мѣры къ пересмотру или полной отмінѣ законовъ, и предложенію новыхъ, отвѣчающихъ интересамъ ремесленнаго труда. Сѣзды начались съ 1868 года, и съ тѣхъ поръ повторяются ежегодно. Они высказываютъ желанія и надежды союзовъ, имѣя постоянно въ виду законодательную дѣятельность парламента, и охотно отдають справедливость тѣмъ актамъ законодательства, которыми укрѣпляются или расширяются права ремесленнаго класса. Глазговскій сѣздъ 1875 года, соединившій 139 делегатовъ, которые явились представителями 109 союзовъ и 539,823 членовъ, привѣтствовали принятые парламентомъ Labour Laws, о которыхъ мы упомянули выше. Докладъ такъ-называемаго «парламентскаго комитета» высказался такъ объ этихъ законахъ: «Въ виду этихъ новыхъ законовъ, комитетъ признаетъ ихъ великое значеніе и цѣну; рабочіе отнынѣ не подлежатъ болѣе дѣйствию исключительнаго уголовнаго кодекса; дѣло эмансипаціи отнынѣ дополнено и закончено». Комитетъ отдалъ справедливость образу дѣйствій министерства и палаты общинъ, въ которой, по его выраженію, «ни кѣмъ не было произнесено ни одного такого слова, которымъ могъ бы оскорбиться самый щекотливый изъ рабочихъ». Въ видѣ приложенія къ этому докладу, комитетъ напечаталъ старательно составленное Кромптономъ «Объясненіе новыхъ законовъ о трудѣ», изъ котораго каждый делегатъ могъ вполне ознакомиться съ ихъ характеромъ и содержаніемъ.

Прошлагодній, десятый конгрессъ ремесленныхъ союзовъ состоялся въ сентябрѣ въ Лейстерѣ, изъ 141 делегата, представившихъ 112 союзовъ и 691,089 членовъ. Докладъ «парламентскаго комитета» обнималъ на этотъ разъ двадцать-два различныхъ вопроса, въ томъ числѣ вопросъ о кодификаціи уголовныхъ законовъ и объ отмінѣ тюремнаго заключенія за долги. На сѣздѣ обсуждались и другіе вопросы, не особенно интересные для нашихъ читателей. Замѣчательно, что только съ этого, десятаго, сѣзда сказалась замѣтная перемѣна въ тонѣ англійской печати—этого могущественнаго органа среднихъ классовъ—

относительно ремесленныхъ союзовъ. Гоуэлль удостовѣряетъ это, припоминая, что до тѣхъ поръ печать вообще относилась къ нимъ недоувѣрчиво и недоброжелательно. «Насколько будетъ умѣренна англійская печать въ обсужденіи вопросовъ, касающихся труда и движенія рабочаго класса, настолько усилятся и ея вліяніе на этотъ классъ» — заключаетъ онъ свое замѣчаніе о нѣкоторомъ примиреніи печати съ союзами.

Сессія сѣзда ремесленныхъ союзовъ обыкновенно продолжается шесть дней, съ 9 часовъ утра до 5 пополудни. Вечеръ посвящается большому митингу въ самой большой изъ городскихъ залъ, для объясненія и защиты началъ, на которыхъ основаны союзы. Предсѣдатель сѣзда избирается въ первый день собравшимися делегатами, обыкновенно изъ гражданъ того города, гдѣ происходитъ сѣздъ. Пренія идутъ правильно, съ соблюденіемъ парламентскихъ порядковъ и приличій. Ораторы иногда обнаруживаютъ скудное знакомство съ исторіей или современными событіями, но это обстоятельство не составляетъ исключительной особенности однихъ только ремесленныхъ сѣздовъ. Расходы на сѣздъ весьма умѣренны, и покрываются взносами делегатовъ; сторонняя помощь не разъ была предлагаема сѣздамъ, но они всегда отклоняли ее. Суммы на «парламентскій комитетъ» составлялись всегда изъ взносовъ, добровольно дѣлаемыхъ союзами, приславшими своихъ делегатовъ.

Въ виду изложенныхъ фактовъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что «четвертое сословіе» народилось въ западной Европѣ. Существованіе его давно уже ощутительно и на материкѣ, особенно во Франціи и Германіи. Но нигдѣ еще это сословіе не приняло такого правильнаго склада, не получило такой стройной организаціи и не располагаетъ такими матеріальными средствами, какъ въ странѣ вѣковой политической свободы и громадной промышленной дѣятельности. Интересы капитала и труда естественно должны были получить свое наибольшее развитіе въ Англіи, которую можно было бы назвать сплошною мануфактурою колоссальныхъ размѣровъ, еслибъ въ ней не было еще и глубоко укоренившейся науки, и богатой литературы, и многого другого, еслибъ въ настоящую минуту ея граждане, недовольные торжествующею политикой торійскаго министерства, не могли громко заявлять свое неудовольствіе, въ виду общихъ ликованій и всѣхъ прелестей берлинскаго конгресса....

В. К.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПИСАТЕЛЯ

Histoires des uns et des autres, silhouettes et anecdotes par Elie Berthet.

Литература и печать вообще—самое дорогое достояніе каждаго народа, который уже началъ жить отвлеченной, умственной жизнью, а потому и самая судьба литературы и ея дѣятелей представляетъ, даже въ самыхъ частностяхъ, любопытнѣйшій матеріалъ для исторіи общества.

Литература Франціи особенно богата мемуарами и воспоминаніями всякаго рода, и этотъ отдѣлъ ея безпрестанно пополняется новымъ матеріаломъ. Эли Берте, романистъ третьестепенный, врядъ ли даже знакомый современнымъ любителямъ романа на Руси, хотя его и переводили въ свое время на русскій языкъ, также издалъ недавно свои воспоминанія.

Добродушный и болтливый старичокъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пустить въ обращеніе нѣсколько довольно плохихъ разсказовъ и повѣстей, но выѣстъ съ тѣмъ онъ сообщаетъ интересныя данныя о французской печати и ея дѣятеляхъ въ любопытную и памятную эпоху тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Эти данныя мы и предлагаемъ читателямъ въ настоящей статьѣ.

Литературная собственность въ прежнее время не признавалась во Франціи такъ, какъ теперь. Журналисты и нѣкоторые

издатели не только самовольно перепечатывали романы, не платя за это никакого гонорара авторамъ, но чаще всего зачеркивали ихъ имена и ставили новыя подъ ихъ произведеніями.

«La société des gens de lettres» было основано съ цѣлью прекратить эти злоупотребленія.

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, т.-е. около 1837 г., французскимъ писателямъ надобѣлъ непрерывный грабежъ, которому они подвергались. Журналы, гонявшіеся за литературными новинками, также спохватились, что имъ вовсе не расчетъ платить дорого за произведеніе, которое любой журналъ перепечатывалъ на другой же день даромъ. Необходимо было придумать такую комбинацію, которая бы удовлетворяла требованіямъ гласности и интересамъ писателей.

Такую комбинацію придумалъ Луи Денойе, редакторъ литературнаго отдѣла въ газетѣ «Siècle». Онъ придумалъ организовать общество литераторовъ и учредить синдикатъ, на обязанности котораго лежала бы защита ихъ интересовъ въ дѣлѣ перепечатыванія литературныхъ произведеній. За извѣстное ежегодное вознагражденіе, уплачиваемое агенту или делегату общества, и распредѣляемое затѣмъ между писателями, чьи произведенія перепечатывались, каждый журналъ могъ свободно пользоваться произведеніями членовъ литературнаго общества; всякая же перепечатка, совершенная помимо этого взаимнаго согласія, должна была преслѣдоваться судомъ.

Вотъ въ чемъ заключалась первоначальная цѣль этого общества; основатели его имѣли главнымъ образомъ въ виду оградить литературную собственность; мысль сдѣлать изъ него также общество пособія нуждающимся литераторамъ явилась позже.

Луи Денойе, обдумавъ свой проектъ, собралъ у себя чловѣкъ двадцать литераторовъ, болѣею частію сотрудниковъ по литературному отдѣлу газеты «Siècle». Вотъ ихъ имена: Эженъ Пендъ, Шарль де-Бернаръ, Эммануэль Гонзалесъ, Александръ де-Лавернь, Ипполитъ Люкасъ, Луи Виардо, Эмиль Пажесъ, Андре Дельръё, Теодоръ Леклеркъ, Марко де-Сентъ-Илеръ, Луи Рейбо, Альтарошъ и, наконецъ, авторъ этихъ замѣтокъ — Эли Берте. Денойе указалъ на безцеремонный образъ дѣйствія нѣкоторыхъ журналовъ и издателей, и предложилъ способъ положить этому конецъ. Собравшіеся писатели вполне одобрили его проектъ и каждый обѣщалъ свое содѣйствіе.

Немного времени спустя произошло вторичное собраніе у Поммье, — стряпчего, удалившагося отъ дѣлъ и будущаго агента организующагося общества. Это собраніе, гораздо болѣе много-

численное, чѣмъ первое, состояло слишкомъ изъ двадцати-пяти человѣкъ; кромѣ вышеназванныхъ писателей, на немъ присутствовали: Фредерикъ Сулье, Бальзакъ, Эженъ Сю, Огюсть Барбье и Викторъ Гюгб. Проектъ Денойе и тутъ вызвалъ всеобщее одобрение и рѣшено было тотчасъ приступить къ его осуществленію. Необходимо было прежде всего заключить контрактъ у нота-ріуса, пріискать помѣщеніе для собраній, меблировать его и набрать административный персоналъ. Надо было, кромѣ того, начать процессы съ различными періодическими изданіями, нахально задиравшими новую ассоціацію. Требовалась на все это довольно значительная сравнительно сумма денегъ.

Этихъ денегъ не было. Поммье согласился ссудить ими съ условіемъ, что на уплату ихъ пойдутъ первые барыши, которые получатся отъ гонорара за перепечатанные произведенія; кромѣ того, его должны были признать безсмѣннымъ *центральнымъ агентомъ* общества, съ правомъ передать за извѣстное денежное вознагражденіе свою должность преемнику, котораго признаетъ общее собраніе. Сдѣлавъ эти распоряженія, рѣшили приступить къ дѣлу. Бальзакъ отправился въ Руанъ, чтобы лично повести процессъ противъ «Journal de Rouen», перепечатавшаго безъ разрѣшенія «Le capitaine bleu» Франсиса Вей, «Les Briseurs d'images» Эмануэля Гонзалеса, «Les Contrebandiers de Penmarck» Феликса Деріежа. «Journal de Rouen» былъ присужденъ къ уплатѣ весьма значительныхъ проторей и убытковъ. Точно также добились осужденія многихъ другихъ журналовъ, и юрисдикція, дотогѣ неопредѣленная относительно принциповъ литературной собственности, окончательно установилась. Права писателей стали неоспоримы, и грабительскіе листки поняли, что отнынѣ необходимо считаться съ этими правами.

Но этого было еще недостаточно. Обществу, вызванному къ жизни, необходимо было выработать себѣ уставъ. Луи Денойе, которому принадлежитъ весь починъ въ этомъ дѣлѣ, написалъ при содѣйствіи компетентныхъ лицъ проектъ устава, и онъ обсуждался на общемъ собраніи въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ. На этихъ собраніяхъ предсѣдательствовали: Викторъ Гюгб, Вилльменъ, Сальванди, Франсуа Араго, Вьеннѣ. Самые выдающіеся писатели принимали участіе въ преніяхъ. Бальзакъ много разъ въ этихъ собраніяхъ говорилъ и съ истиннымъ краснорѣчіемъ; но нѣсколько эксцентричныя мнѣнія, высказанныя имъ, встрѣтили сильный отпоръ, и онъ отдался отъ общества.

Уставъ былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями, назначили «комитетъ» или постоянную комиссію, которой поручено

было вѣдаться съ агентомъ общества и направлять общественныя дѣла; послѣ того старательно составленная машина пошла своимъ ходомъ.

Первые шаги были затруднительны и, главное, очень убыточны для романистовъ, произведенія которыхъ подвергались перепечаткѣ. Мы уже знаемъ, что Поммье ссудилъ значительную сумму денегъ какъ на судебныя издержки, такъ и на покупку мебели и различные общественные расходы. Всѣ доходы шли на покрытие этого долга. Въ продолженіи многихъ лѣтъ писатели не получали ни одного сантима изъ гонорара, который шелъ за перепечатку ихъ произведеній. Затѣмъ наступилъ второй періодъ, длившійся тоже нѣсколько лѣтъ, когда общество получало *шестьдесятъ процентовъ со ста*, т.-е. болѣе половины, со всѣхъ суммъ, поступившихъ въ него. Если мы скажемъ, что перепечатка произведеній нѣкоторыхъ изъ писателей, состоявшихъ членами общества, доставляла десятки тысячъ франковъ въ годъ, то понятно станетъ, какъ велики были ихъ жертвы.

Итакъ, матеріальное благосостояніе общества долго оставалось сомнительнымъ. Общество неоднократно бывало поставлено въ очень затруднительное положеніе, и обремененная касса его не могла удовлетворять самыя законныя требованія.

Около этого времени произошелъ злополучный эпизодъ съ Жоржъ-Сандъ, который мы передадимъ безъ комментаріевъ.

Въ силу договора съ обществомъ періодическія изданія имѣли право перепечатывать всякую повѣсть, въ которой было *менше ста тысячъ буквъ*, даже безъ позволенія автора.

Въ силу этого постановленія «L'Echo des feuilletons», редактируемое въ то время Дюфуромъ, сочло себя въ правѣ перепечатать «La Mare au Diable» Жоржъ-Сандъ.

Этотъ сборникъ былъ неправиленъ, потому что оказалось, что «La Mare au Diable» превышаетъ на нѣсколько сотенъ буквъ условныя сто тысячъ. Поэтому Жоржъ-Сандъ завела съ обществомъ процессъ, выиграла его, и литераторовъ присудили уплатить ей три тысячи франковъ проторей и убытковъ.

Этихъ трехъ тысячъ франковъ, увы! не было у общества. Но судебное преслѣдованіе шло своимъ чередомъ, выдавъ былъ исполнительный листъ, и судебныя пристава уже готовились секвестровать мебель конторы.

Жалкая мебель, продажа которой не выручила бы и ста франковъ!—но это было единственное достояніе общества. Что тутъ дѣлать?

Обратились къ барону Тейлору. Центральныя агентъ поѣхалъ

къ нему, объяснилъ ему, въ какое затруднительное положеніе поставлено общество, и вернулся отъ него съ тремя тысячами франковъ, которыя и были немедленно отосланы къ повѣренному Жоржъ-Сандъ.

Впрочемъ, эта первая щедрость разохотѣла, повидимому, барона къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ. Нѣсколько времени спустя, онъ доставилъ комитету общества сто тысячъ франковъ, вырученныя съ какой-то лоттереи. Немного спустя обществу сдѣлано было еще нѣсколько пожертвованій. И оно собрало такимъ образомъ небольшой капиталъ, который старалось приумножить различными средствами, и, кромѣ того, ежегодныя субсидіи правительства даютъ ему возможность въ настоящее время дѣлать много добра и помогать истинно-нуждающимся.

Но уже въ этотъ первый періодъ существованія общества важная переимѣна совершилась въ администраціи. Такъ какъ центральный агентъ Помье передалъ свою должность другому, то возникли затрудненія, вслѣдствіе которыхъ агентство было совсѣмъ упразднено. Рѣшено было, что общество будетъ отнынѣ управляться посредствомъ комитета изъ двадцати-четырехъ членовъ и делегата, избраннаго изъ его среды. Вскорѣ эта организація, признанная наилучшею, стала окончательной. Первымъ делегатомъ былъ Мишель Массонъ, соединявшій съ литературнымъ талантомъ практическій и солидный умъ. Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ делегатомъ общества служить Эммануэль Гонзалесъ, остроумный и популярный романистъ, и, благодаря его отличному управленію и умѣнью ладить съ людьми, дѣла общества, котораго онъ былъ однимъ изъ учредителей, процвѣтають.

Такое происхожденіе учрежденія, оказавшаго и продолжающаго оказывать столько услугъ литературѣ. Въ прежнее время литераторъ былъ изолированъ и подвергался эксплуатаціи, которую терпѣлъ по слабости характера или по безпечности. Въ настоящее время солидарность придаетъ ему силу.

Комитетъ общества литераторовъ былъ особенно блестящимъ въ 1864 г. Литературныя знаменитости романтической школы 1830 г. участвовали въ немъ на ряду съ начинающими литераторами, долженствовавшими приобрести впослѣдствіи извѣстность. Перечисляя тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ живыхъ, назовемъ Сентина, автора «Pissiola», Мері, Леона Говлана, Амедея Ашара и Понсона-дю-Террайя. Комитетъ собирался каждый понедѣльникъ, и по окончаніи засѣданій, наступала непринужденная

и веселая бесѣда. Каждый изъ присутствующихъ давалъ волю своему остроумію и *bons mots* сыпались градомъ.

Въ этихъ бесѣдахъ всего болѣе отличался Мері, *le causeur sans rival*, какъ его называетъ Эли Берте. Кто знаетъ Мері,—говорить онъ,—только по его сочиненіямъ, тотъ не можетъ себя представить воодушевленіе, грацію, остроу, приправленную добродушіемъ, которыми отличался его разговоръ. Отстаивалъ ли онъ веселые парадоксы, до которыхъ былъ такой охотникъ, или же повѣствовалъ пикантные анекдоты, прелесть его рѣчи была неотразима. Члены комитета охотно заслушивались пріятнаго говоруна, и время летѣло незамѣтно.

Въ подобныхъ случаяхъ важно было предоставить ему полную свободу увлекаться своей фантазіей. Малѣйшаго противорѣчія, простого слова достаточно было, чтобы заставить его умолкнуть. Онъ бралъ шляпу, и уходилъ.

Забубенная голова Анри Мюржэ хорошо зналъ эту особенность характера и привычекъ Мері. Когда увидить, бывало, его окруженнымъ внимательными слушателями, то шепчетъ имъ:—Погодите! я сейчасъ окачу водой его фейерверкъ. И при первомъ удобномъ случаѣ перебьетъ Мері какимъ-нибудь дикимъ замѣчаніемъ. Мері немедленно замолчитъ.

Мері былъ остроумецъ не только на словахъ, но и въ дѣйствіяхъ, и его поколѣніе хорошо помнитъ шутки, которыя онъ игралъ въ молодости надъ смѣшными буржуа. Ему приписываютъ множество выходокъ, въ которыхъ онъ неповиненъ; что же касается тѣхъ, въ которыхъ онъ сознавался, то самъ говорилъ при этомъ, подмигивая глазомъ:—Ахъ! съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ при свободномъ правленіи, за такія шутки привлеки бы къ суду исправительной полиціи. Анри Моннье, которому приписываютъ тоже много шалостей подобнаго рода, говорилъ то же самое.

Какъ бы то ни было, Мері всю жизнь оставался чудакомъ и дѣйствовалъ своеобразно.

Однажды онъ выигралъ четыре тысячи франковъ сорокафранковыми монетами, потому что надо сознаться, что онъ былъ отчасти игрокъ, и этимъ, быть-можетъ, объясняется то обстоятельство, что онъ умеръ бѣднякомъ, несмотря на то, что зарабатывалъ при жизни много денегъ. Унося свой выигрышъ, онъ сказалъ себѣ:

— Съ этими деньгами я могу спокойно прожить зиму, если съумѣю быть благоразумнымъ. Да! но вѣдь я себя знаю, я не буду благоразумнымъ. Или я опять стану играть и проиграюсь, или же

подвернется какой-нибудь пріятель и стибрить у меня мои четыре тысячи франковъ.... Какъ быть?

Поразмысливъ хорошенъко, вотъ что онъ придумалъ: онъ приказалъ очистить темный чуланъ, запиравшійся на ключъ и примыкавшій къ его квартирѣ; затѣмъ, отправился на ближайшій дровяной дворъ.

— Мнѣ нужно,—сказалъ онъ,—два воза толстыхъ полѣньевъ.

Ему показали самые толстые, какіе только имѣлись.

— Мнѣ надобно еще толще!—замѣтилъ Мері.

Его подвели, наконецъ, къ громаднымъ пнямъ, изъ которыхъ легчайшіе вѣсили сто килограммовъ.

— Вотъ это мнѣ годится,—сказалъ поэтъ;—нагрузите два воза этими полѣньями и поскорѣ пришлите ихъ ко мнѣ.

Когда портъе увидѣлъ эти гигантскія полѣнья, то завопилъ, что они разрушатъ домъ.

— Я выстрою вамъ новый,—отвѣчалъ Мері.

И велѣлъ перетаскать полѣнья въ темный чуланъ, расположенный вондъ его рабочей комнаты. Чуланъ завалили ими до самого потолка. Отпустивъ рабочихъ, онъ взялъ выигранныя деньги и началъ швырять ихъ за сложенные полѣнья. Перебросавъ всѣ монеты до единой, онъ заперъ дверь чулана на ключъ. Чтобы достать золотую монету, надо было сдвинуть пять или шесть изъ этихъ тяжеловѣсныхъ пней. Лѣнивый Мері до послѣдней возможности отступалъ передъ такой работой, и такимъ образомъ лѣнь служила уадоу для его расточительности.

Мы не можемъ сказать, провелъ ли онъ спокойную зиму, благодаря этому способу, но какъ бы то ни было, а должно быть въ импровизированной копилкѣ денегъ было не особенно много, когда въ одинъ прекрасный день къ Мері явился за милостыней попрошайка, изъ породы тѣхъ, что врываются въ дома и составляютъ истинный бичъ литераторовъ. Остроумный писатель работалъ, и эта помѣха досаждала ему. Онъ заглянулъ, однако, въ ящикъ, куда обыкновенно пряталъ деньги: въ ящикѣ оказалось пусто. Но такъ какъ проситель приставалъ къ нему, то Мері сказалъ, вставая съ вѣтерпѣніемъ:

— Ну! ступайте сюда.... Пойщите сами.

И повелъ попрошайку въ темный чуланъ.

Возьмите себѣ одну монету, а остальные принесите мнѣ, потому что я безъ гроша.

И вернулся въ работъ.

Человѣкъ въ прорванныхъ сапогахъ стоялъ разиня ротъ передъ гигантскими полѣньями. Но видно мелькнувшее сквозъ нихъ

золото раскрыло ему глаза, потому что онъ принялся съ жаромъ переворачивать полѣнья. Мері, дивясь, что онъ долго не возвращается, самъ, наконецъ, отправился въ чуланъ. Ницій, весь красный, запыхавшійся, въ поту, собирался уходить.

— Ну, чтожъ?—спросилъ Мері.

— Я нашелъ только одну, сударь, ей-Богу только одну!

И убѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Мері и не подумалъ его преслѣдовать.

— Чортъ бы его побралъ!—проворчалъ онъ:—болванъ опять поставилъ полѣнья на мѣсто!

Мері любилъ отстаивать тезисы, которые пріатели его звали его «коньками». Одинъ изъ такихъ «коньковъ» состоялъ въ томъ, что онъ утверждалъ въ противность общепринятому мнѣнію, что Аннибалъ, послѣ сраженія при Каннахъ, имѣлъ основательныя причины не идти немедленно на Римъ и забыться среди Капуйской нѣги. Для Мері было истиннымъ наслажденіемъ отстаивать парадоксъ. Онъ ѣздилъ въ Римъ, чтобы изучить мѣстность и разстояніе, и его увлекательное краснорѣчіе служило прикрытіемъ для нелѣпости самой темы. Поэтому онъ предложилъ обществу литераторовъ прочитать публичную лекцію объ этомъ предметѣ, и общество съ большой охотой приняло его предложеніе.

Со всѣмъ тѣмъ онъ не могъ за-разъ защищать и опровергать свой тезисъ; ему нуженъ былъ оппонентъ, подобно тому, какъ на соборахъ, созымаемыхъ, когда дѣло идетъ о причисленіи кого-либо къ лику святыхъ, бываетъ адвокат Бога и адвокат дьявола. Въ оппоненты избрали Фредерика Тома, литератора и вмѣстѣ съ тѣмъ адвоката, достойнаго соперничать въ остроуміи и воодушевленіи съ Мері.

Но этого было мало; предстояло учредить родъ шутовскаго трибунала, который бы произнесъ приговоръ объ этомъ мнимомъ историческомъ диспутѣ. Безмолвная роль члена этого трибунала была весьма щекотлива и всѣ это хорошо сознавали; но какъ отказывать просьбамъ Мері, котораго вся эта исторія радовала, какъ ребенка? Итакъ, трибуналъ учредился; онъ состоялъ изъ Жоржа Бель, вѣрнаго Пилада лектора, изъ Шамфлэри, Альберика второго и Берте.

Наступилъ день диспута. Зала Валентинъ наполнилась лицами, явившимися поглядѣть на Мері и послушать его; никогда еще въ кассу литераторовъ не приливалось столько денегъ; толпа ломилась въ двери. Въ ожиданіи часа засѣданія, будущія дѣйствующія лица столпились въ узенькомъ корридорѣ, служившемъ кулисами. Они были очень взволнованы; нѣкоторые дрожали при

мысли о томъ, какъ они предстанутъ предъ публикой. Одинъ Мері не переставалъ улыбаться.

— Я играю главную роль,—говорилъ онъ,—а между тѣмъ я спокоенъ... Пощупайте мой пульсъ; онъ бьется такъ же ровно, какъ всегда.

Успѣхъ былъ громадный; правда, что значительная доля его выпала Фредерику Тома. Блестящій адвокатъ достойно сражался съ Мері на аренѣ остроумія, веселости, краснорѣчія и заслужилъ такіе же громы рукоплесканій, какъ и Мері. Все шло какъ по маслу и безмолвный ареопагъ могъ успокоиться. Впрочемъ, его опасенія были не совсѣмъ напрасны, потому что уже на другой день нѣкоторые сердитые журналисты закричали ему съ страницъ своего журнала:

— Все это прекрасно, господа, но просимъ покорно, чтобы вперёдъ этого не было.

Любопытнѣе всего то, что эта столь невинная лекція объ Аннибалѣ въ Капуѣ вызвала нѣкоторую тревогу въ Тюльери. Нашлись люди, которые представили рѣчи обоихъ остроумныхъ ораторовъ какъ политическую демонстрацію, исполненную возмущительныхъ намековъ и направленную въ низверженію императорскаго правительства въ возможно скорѣйшемъ времени. Къ счастью, Викторъ Дюрюи, одинъ изъ самыхъ литературныхъ и образованныхъ министровъ, какіе только перебивали въ министерствѣ просвѣщенія, взялъ предосторожность стенографировать то, что было сказано въ Валентино, и могъ разъяснить дѣло.

Въ числѣ обстоятельствъ, особенно способствовавшихъ популяризаціи романа во Франціи, было основаніе газеты «Siècle» въ 1836 г. Впервые романъ признанъ былъ главнымъ элементомъ успѣха. Два редактора, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга, приняли на себя одинъ—литературный, другой—политическій отдѣлъ газеты. Эта двойственность дала наилучшіе результаты. Многія лица, не раздѣлявшія политическихъ взглядовъ «Siècle», получали его, однако, ради фельетоновъ, и такимъ образомъ онъ приобрѣлъ громкую популярность.

Условія гласности въ то время были совсѣмъ иные, чѣмъ теперь. Число парижскихъ газетъ было сравнительно ничтожно; каждая изъ нихъ была родъ трибуны, съ которой слово раздавалось на всю Францію, по крайней мѣрѣ на всю грамотную Францію. Въ наши дни газеты размножились; поэтому дѣйствіе ихъ ограничивается узкими рамками извѣстныхъ политическихъ

миѣній, и можно со славой подвизаться на страницахъ котораго-нибудь изъ нихъ и быть совершенно неизвѣстнымъ для читателей всѣхъ остальныхъ. Въ былое время читатель обращался ко всей читающей публикѣ; въ наши дни онъ говоритъ только съ подписчиками своей газеты. Поэтому новичкамъ труднѣе составить себѣ имя въ настоящее время, и трудности будутъ постоянно расти.

Со времени блестящей эры, начатой газетою «Siècle», успѣхъ романовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ произведеній, выходящихъ изъ ряда вонъ и издаваемыхъ отдѣльными изданіями, постоянно ослабѣвалъ. Быть можетъ, этотъ упадокъ начался уже въ тотъ день, когда банкиръ Деламаръ, тогдашній редакторъ «Patrie», написалъ обществу литераторовъ: «присылайте мнѣ романистовъ; но, ради Бога, увольте отъ талантливыхъ людей; съ меня достаточно простыхъ *faiseurs*». Въ былое время писатель ставилъ законъ; теперь онъ ему подчиняется. Съ другой стороны, романъ, изданный отдѣльной книгой, еще не перешелъ въ привычки и потребность буржуазіи. Иной господинъ истратитъ сравнительно большую сумму на ложу въ спектакль, но ни за что не рѣшится бросить три франка на покупку книги. Дѣло въ томъ, что въ театрѣ ходятъ людей посмотреть и себя показать; туда привлекаетъ блестящее освѣщеніе, пѣніе, танцы, музыка, а чтеніемъ приходится наслаждаться въ одиночествѣ и безмолвіи. Театръ говоритъ глазамъ и чувствамъ; чтеніе только уму.

Возвращаясь къ «Siècle», слѣдуетъ замѣтить, что эта газета, хотя политика ея и не была особенно смѣлая, приобрѣла большое значеніе въ глазахъ правительства. Вотъ небольшой анекдотъ, который дастъ о томъ понятіе.

Тьеръ, бывшій тогда президентомъ совѣта министровъ, находился въ замкѣ Нейльи, гдѣ долго занимался съ королемъ Луи-Филиппомъ. По окончаніи засѣданія король сказалъ ему:

— Обѣдайте со мной, любезный Тьеръ... Послѣ обѣда мы окончимъ важное дѣло, занимающее насъ.

— Ваше величество, очень вамъ благодаренъ, но г-жа Тьеръ дожидается меня.

— Я пошлю предупредить г-жу Тьеръ, — отвѣчалъ король.

— Мнѣ право совѣстно... но у меня сегодня гости.

— Ваши гости, кто бы они ни были, поймутъ, что васъ задержала у меня государственная служба.

— Вотъ что, государь, признаюсь вамъ, что у меня обѣдаетъ сегодня Шамболь, редакторъ газеты «Siècle».

— Шамболь! — вскричалъ король, перемѣняя тонъ: — о! тогда это другое дѣло; я васъ больше не удерживаю.

И президентъ совѣта оставилъ короля, чтобы отобѣдать на площади Сентъ-Жоржъ съ Шамболемъ.

Позднѣе, послѣ революціи 1848 г., это уваженіе правительства къ газетѣ «Siècle» не ослабѣвало, хотя составъ его и былъ иной. Генераль Каваньякъ, тогдашній глава исполнительной власти, не разъ присутствовалъ на вечерахъ, которые давалъ Луи-Перрѣ, редакторъ газеты «Siècle», въ своей квартирѣ, въ улицѣ «des Jéhuets». Онъ прѣзжалъ за-просто, въ черномъ фракѣ.

Однажды онъ прибылъ такимъ образомъ *inoognito* довольно поздно. Гостей набралось уже цѣлая толпа, и Леваассоръ, знакомый и петербургской публикѣ, исполнялъ какую-то забавную шансонетку. Генераль не велѣлъ докладывать о себѣ, прошелъ черезъ переднюю и попытался проникнуть въ первый салонъ; но въ дверяхъ толпились гости, слушавшіе веселаго комика и не думали посторониться. Генераль скромно помѣстился позади ихъ и ждалъ.

Въ эту минуту редакторъ одной газеты, тоже запоздавшій, вошелъ и узналъ въ немъ главу исполнительной власти.

— Генераль, — сказалъ онъ ему почтительно, — позвольте мнѣ расчислить вамъ мѣсто, предупредить....

— Ради Бога не надо, — поспѣшно возразилъ Каваньякъ, — всѣмъ такъ весело, я не хочу мѣшать!.. пѣсенка сейчасъ будетъ окончена.

Каваньякъ и новый посѣтитель удалились въ уголокъ передней и занялись бесѣдой. Редакторъ принадлежалъ къ національной гвардіи, и за нѣсколько дней передъ тѣмъ происходила раздача крестовъ гражданской милиціи.

— Правильно ли были розданы награды въ вашемъ батальонѣ? — спросилъ Каваньякъ.

— Генераль, позвольте ли вы мнѣ высказаться съ полной откровенностью?

— Разумѣется.

— Онѣ розданы были наперекоръ здравому смыслу.

— Ну, вотъ! вездѣ одно и то же, — отвѣчалъ Каваньякъ, смѣясь.

Но тутъ разговоръ былъ прерванъ; хозяинъ дома, предупрежденный, наконецъ, о прибытіи генерала, увелъ его въ салоны, гдѣ его встрѣтили оваціей.

Въ наше время политическіе органы обвиняютъ въ томъ, что они искажаютъ самые простые факты для проведенія своихъ взглядовъ и дѣйствительно часто бываетъ, что газета, упразднивъ детали, для нея неудобныя, и подчеркнувъ детали, для нея пріятныя, передаетъ фактъ такимъ образомъ, что будучи справедливымъ по сущности, онъ равняется неправдѣ.

Этотъ упрекъ, который дѣлаютъ теперешнимъ газетамъ, не новъ, и въ правленіе Луи-Филиппа его также дѣлали многимъ органамъ, ухитрившимся въ самыхъ незначительныхъ фактахъ находить предлогъ для страстной критики, затѣйливыхъ шутокъ или гиперболическихъ похвалъ. Одному усердному читателю политическихъ газетъ пришла тогда фантазія написать нѣсколько статей на одну и ту же тему въ духѣ различныхъ органовъ, наиболѣе въ то время распространенныхъ. Темою служило слѣдующее: «король Луи-Филиппъ прогуливался въ своемъ саду». Объ этой темѣ, которая, повидимому, даетъ такъ мало пищи хвалѣ или порицанію, вотъ какъ должны были разсуждать различныя газеты.

Оппозиціонная радикальная газета:

«Вредный человѣкъ, который вопреки желаніямъ народа захватилъ бразды правленія, прогуливался въ своемъ саду. И какую минуту выбираетъ онъ для того, чтобы предаваться постыдной и преступной праздности?—Ту минуту, когда вооруженная Европа стаянулась противъ насъ,—ту минуту, когда народъ страдаетъ, когда торговля въ застоѣ, а промышленность гибнетъ. Да! это вполнѣ достойно главы разжирѣвшихъ депутатовъ золотой середины, которые, подобно хищнымъ птицамъ, набросились на нашъ несчастный край!.. Франція! Франція! Франція! тебя продали!.. Къ оружію! насталъ часъ пасть или побѣдить!»

Иллюстрированный сатирическій журналъ:

«Голова его походила на грушу и онъ гулялъ въ своемъ саду. Онъ глядѣлъ... на что глядѣлъ онъ?—на то, какъ летаютъ мухи. Онъ слушалъ... что слушалъ онъ?—какъ жужжать комары... Онъ обонялъ... что обонялъ онъ?—не знаю, но надо полагать, что не особенно пріятные ароматы, если онъ нюхалъ произведенія своихъ министровъ. Гуляя, онъ размышлялъ... о чемъ размышлялъ онъ?—о томъ, какъ бы опустошить наши карманы и наполнить свои собственные. Въ то время, какъ онъ глядѣлъ, слушалъ, обонялъ и размышлялъ, оса, летавшая кругомъ, замѣтила его остроконечную голову и приняла ее за большую сочную грушу. Она бросилась къ ней, но очень обманулась: оказалось, что это пустая тыква».

За то министерскій листокъ восклицалъ въ диеирамбическомъ тонѣ:

«Нашъ любимый король, избранный Провидѣнiя, спасшій Францiю отъ ужасовъ анархiи, доставилъ вчера городу и цѣлому міру чудесное и трогательное зрѣлище: онъ прогуливался въ своемъ саду. Невольно проникаешься восхищенiемъ и почтенiемъ при видѣ государя, который, послѣ долгихъ и тяжелыхъ часовъ, посвященныхъ государственнымъ заботамъ, отдыхаетъ подъ сѣнью деревьевъ, мечтая о славѣ и счастьи французовъ...»

Нѣсколько другихъ журналовъ, среднихъ оттѣнковъ, тоже расписывали по этой — казалось бы, вовсе не политической — манерѣ.

Формы устарѣли, люди и вещи измѣнились, — со всѣмъ тѣмъ, и въ наше время можно найти такую же точно оцѣнку событiй.

Король Луи-Филиппъ, о которомъ шла выше рѣчь, любилъ искусство и художниковъ; но такъ какъ онъ любилъ также и деньги, то старался, по возможности, экономно поощрять искусство.

Одинъ знаменитый живописецъ, которому отведена была квартира и мастерская въ Луврѣ, часто принималъ у себя короля по-утру. Онъ приходилъ чрезъ галерею, соединяющую Тюльери съ Лувромъ, и за-просто бесѣдовалъ съ живописцемъ. Нерѣдко, послѣ такого визита, этотъ послѣдній говорилъ своимъ ученикамъ: «король желаетъ приобрѣсти картину за двѣ-тысячи франковъ; посмотримъ, что можно ему дать за эти деньги».

Онъ обходилъ всѣ мольберты, выбиралъ какой-нибудь этюдъ и уносилъ въ свою мастерскую. Тамъ онъ работалъ надъ нимъ и превращалъ въ картину, стоящую, по его мнѣнiю, такой суммы. Затѣмъ картину отправляли къ королю... который не стѣснялся торговаться до послѣдней возможности.

Скульпторъ Д*.... выставилъ на художественной выставкѣ мраморный бюстъ, который король пожелалъ купить. Директору академiи художествъ поручено было осведомиться о цѣнѣ этого бюста, не называя того, кто желаетъ его приобрѣсти, и художникъ назначилъ четыре-тысячи франковъ. Д*.... приглашенъ былъ къ директору въ Лувръ, для окончательныхъ переговоровъ, и прибылъ въ назначенный часъ. Онъ прождалъ довольно долго въ передней, и когда его ввели къ директору, у того былъ довольно смущенный видъ. Со всѣмъ тѣмъ, онъ очень радушно принималъ художника, наговорилъ ему много лестныхъ вещей, съ

очевидной цѣлью задобрить его, и, наконецъ, объявилъ, что «особа», желавшая купить бюстъ, даетъ за него всего лишь двѣ-тысячи-пятьсотъ франковъ.

Д*.... пришелъ въ негодованіе: мраморъ сталъ ему очень дорого; онъ затратилъ большія деньги на приготовительную работу; по этой цѣнѣ талантъ его пойдетъ ни во что. Директоръ академіи самъ, повидимому, признавалъ справедливость этихъ замѣчаній, но молчалъ и частенько взглядывалъ на дверь, находившуюся напротивъ него.

Вдругъ онъ всталъ и, подъ предлогомъ, что ему необходимо о чемъ-то распорядиться, исчезъ за этой дверью. За ней послышался шопотъ. Спустя довольно долгое время, директоръ академіи художествъ, смущеніе котораго все усиливалось, вернулся въ залу.

— Любезный Д*...., — началъ онъ, по зрѣломъ размышленіи, — я могу набавить сто франковъ, но больше не могу дать ни полушки.

— Господи! — вскричалъ негодующій скульпторъ: — это этотъ Гарпагонъ, способный къ такому скряжничеству?

— Шшш!.. шшш!.. — перебилъ испуганный директоръ, نگاهывая на дверь: — это особа, пользующаяся большимъ кредитомъ, — продолжалъ онъ, — и впослѣдствіи доставитъ вамъ новыя заказы, которые могутъ вознаградить васъ... Но кончимъ однако... Какая ваша послѣдняя цѣна?

— Три-тысячи-пятьсотъ франковъ.

— Попытаюсь еще.

Директоръ академіи художествъ вышелъ, и шопотъ за дверью возобновился. Вернувшись, онъ сказалъ съ смущеніемъ:

— Двѣ-тысячи-восемьсотъ франковъ... Ни копѣйки болѣе не даютъ...

— Ну, такъ не будемъ говорить объ этомъ! — закричалъ Д*.... съ досадой, и собрался уходить: — вашъ пріятель знатная скряга!

Директоръ торопливо зажалъ ему ротъ рукой и въ третій разъ вышелъ изъ комнаты.

На этотъ разъ онъ забылъ припереть дверь и Д*...., желая узнать, кто это торгуется такъ немилосердно, заглянулъ въ нее. Лицо, оживленно бесѣдовавшее съ директоромъ, отвернулось, но не настолько поспѣшно, чтобы Д*.... не успѣлъ узнать пару всѣмъ извѣстныхъ бакенбардъ.

Впрочемъ, любопытство художника было наказано. Сдѣлавъ

не состоялась и Д*.... удержалъ при себѣ свой бюстъ, который продалъ позднѣе простому аматеру за пять тысячъ франковъ.

Контора и редакція газеты «Siècle» въ эпоху ея основанія помѣщались въ улицѣ и въ домѣ Лафитъ, но вскорѣ ихъ перенесли въ отель Кольберъ, въ улицѣ du Croissant. Этотъ локаль былъ занятъ раньше, въ 1830 году, газетой «National», редактируемой Арманомъ Каррелемъ. Въ то время, да и теперь еще, можно было видѣть въ комнатахъ перваго этажа небольшой трапъ, черезъ который Арманъ Каррель бросалъ матеріалъ наборщикамъ, помѣщавшимся въ антресоль. Самъ же онъ, запершись въ комнатахъ верхняго этажа, никого не пускалъ къ себѣ и работалъ, не покидая рукъ.

Когда матеріалу не хватало, въ трапъ стучали, — онъ отрывался и журналистъ бросалъ въ него что-нибудь изъ тѣхъ гучихъ страницъ, какія заставляли содрогаться июльскую монархію.

Но случалось, что стучали и напрасно: у Карреля не было матеріалу.

— Что вамъ нужно? — съ досадой спрашивалъ онъ.

— Не хватаетъ десяти строкъ, чтобы наполнить газету.

— Ну, такъ вывалите изъ шестого этажа какую-нибудь старуху... и ступайте къ чорту.

И трапъ закрывался.

Въ этихъ конторахъ отеля Кольберъ можно было постоянно встрѣтить писателей, личности которыхъ слишкомъ извѣстны въ настоящее время, чтобы можно было сообщить о нихъ что-либо новое. Назовемъ лишь нѣсколько именъ:

На первомъ планѣ выступалъ Александръ Дюма, которому фельетонъ «Siècle» былъ главнымъ образомъ обязанъ своей литературной славой. Со всѣмъ тѣмъ, успѣхъ наступилъ не съ-разу. Когда Дюма печаталъ нѣкоторые изъ своихъ повѣстей, какъ, напримѣръ, «Othon l'Archer», «le Demon familier du sire de Corasse» (извлеченную изъ Фруассара) и проч., публика оставалась довольно холодна. Лишь съ «Capitaine Paul» отерлся его блестящій періодъ въ «Siècle». Затѣмъ появились «Le Chevalier d'Harmental»; но въ особенности «Les trois Mousquetaires» и «Les suites» приобрѣли ему громадную популярность.

Несмотря на высокую плату, которую платили ему за его произведенія (эта плата доходила иногда до одного франка за строчку, а строчка часто состояла изъ двухъ-трехъ словъ), Дюма въ эту эпоху не былъ, повидимому, богатъ.

Въ администраціи газеты служилъ нѣкій le père Р***, который исключительно занимался приведеніемъ въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ романиста. Р*** не зналъ, какъ ему справиться съ векселями, росписками, исполнительными листами, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, и не разъ восклицалъ съ отчаяніемъ: — если газета будетъ продолжать печатать произведенія Дюма, я брошу все къ чорту и выйду изъ администраціи!

Въ эту же эпоху вошло въ обыкновеніе спрашивать: — кто написалъ послѣдній романъ Дюма? У знаменитаго романиста было, какъ извѣстно, нѣсколько сотрудниковъ, и его обвиняли въ томъ, что онъ доставляетъ редакціи произведенія, подписанныя его именемъ, но которыхъ онъ даже не читалъ. Поэтому редакція газеты «Siècle» всегда справлялась, были ли рукописи, представляемыя имъ, написаны его рукой; когда почеркъ оказывался чужимъ, она безжалостно отказывалась отъ нихъ. Долгое время это казалось достаточной гарантеей; но въ одинъ прекрасный день узнали, что у Дюма есть секретарь, который подписывается подъ его руку. Редакція разсердилась, но дѣло уладилось, потому что съ добродушнымъ толстякомъ Дюма никакъ нельзя было серьезно поссориться.

Фредерикъ Сулье тоже появлялся иногда въ салонахъ редакціи. Одно время онъ собирался даже жениться на родственницѣ редакціи, но по зрѣломъ размышленіи объявилъ, что «папенька не позволяетъ»; ему было тогда сорокъ-пять лѣтъ. Его романъ «La Conspiration de la Rouerie» не встрѣтилъ благопріятнаго приѣма у публики, также какъ и «Пикильо Алліага» Скриба, за который однако автору было заплачено шестьдесятъ тысячъ франковъ. Сулье посвятилъ себя въ эту эпоху исключительно театру; онъ поставилъ тогда «L'Ouvrier», «Le Maître d'Ecole» и свою лучшую пьесу: «La Closerie des Genêts».

Теофиль Готье говаривалъ про Бальзака, что «когда онъ пронохаетъ гдѣ-нибудь туго набитый кошелекъ, то усаживается передъ нимъ точно кошка, увидѣвшая, что мышь вошла въ дыру и дожидаящаяся, пока она изъ нея выйдетъ». Такъ какъ кошелекъ газеты «Siècle» всегда бывалъ туго набитъ, то великій аналитикъ не пренебрегалъ сторожить его. Бальзака встрѣчали иногда въ конторѣ редакціи въ его короткомъ черномъ сюртукѣ, кашне изъ красноватаго кашмира и съ знаменитой тростью, сдѣланной легендарной. Хотя благодаря своимъ безчисленнымъ корректурамъ онъ иногда изъ своихъ денегъ платилъ за одинъ или за два набора, онъ тѣмъ не менѣе былъ бичомъ для наборщиковъ газеты, которые страшились его, какъ Р*** страшился Александра Дюма.

За то Эженъ Сю, напечатавшій нѣсколько романовъ въ газетѣ «Siècle», держался въ сторонѣ, и такъ какъ онъ совсѣмъ не умѣлъ вести свои дѣла, то два пріятеля его, Губб и Плейель, управляли его имуществомъ. Ему приходили въ голову очень дорогія фантазіи, приводившія въ отчаяніе его добровольныхъ опекуновъ.

Сю былъ избалованный художникъ съ поделкой демократа. Послѣ декабрьскаго переворота, онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе и поселился въ Верхней Савойѣ, гдѣ продолжалъ работать, но упалъ духомъ. Несмотря на его громадный талантъ публика отвернулась отъ него. Добродушные буржуа, невинно восторгавшіеся извѣстными социалистическими теоріями въ «Mystères de Paris» и въ «Juif-Ergant», испугались, когда эти самыя теоріи появились на баррикадахъ, въ складкахъ краснаго знамени. Наступила сильная реакція и его бывшіе пріятатели никакъ не могли простить ему того, что они имъ увлеклись.

Понсонъ-дю-Террайль, умершій въ Бордо во время франко-прусской войны, работалъ съ необыкновенной быстротой. Однажды онъ приходитъ въ контору редакціи, гдѣ одинъ изъ его собратій держалъ корректуру своего фельетона. Понсонъ принялся беззаботно болтать, какъ вдругъ прибѣгаетъ метранпажъ другой газеты.

— А гдѣ же вашъ матеріалъ, monsieur Ponson-du-Terrail, — восклицаетъ онъ? мы и то уже опоздали!

— Мой матеріалъ? Чортъ возьми, онъ еще не готовъ... Да, признаться, и не знаю, что написать въ слѣдующей главѣ.

— Но если такъ, то мы останемся сегодня безъ фельетона?

— Дайте мнѣ однако бумаги и перо... Увидимъ, что выйдетъ!

Виконтъ усѣлся за столъ и принялся быстро писать, не переставая разговаривать съ сотрудникомъ.

Тотъ, любопытствуя, какимъ образомъ невѣжливый романистъ вывернется изъ затрудненія, продолжалъ держать свою корректуру. Но вотъ онъ кончилъ ее и собрался уходить.

— Подождите меня минутку, — сказалъ Понсонъ, — мы вмѣстѣ выйдемъ.

— А вашъ фельетонъ?

— Мой фельетонъ!.. да онъ готовъ... Дайте поставить точку и подписаться.

Пока собратъ его держалъ корректуру своего фельетона, Понсонъ написалъ свой.

Но по правдѣ сказать, послѣ такихъ импровизацій въ романѣ автора «Рокамболя» попадалась непонятная дичь.

Разъ Понсонъ-дю-Террайль придалъ одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ шести-футовый ростъ. Слишкомъ разсѣянный наборщикъ поставилъ вмѣсто шести футовъ *десять* и типографскую ошибку повторили въ слѣдующихъ фельетонахъ, а авторъ этимъ нисколько не смутился. Человѣкъ десяти футовъ ростомъ всегда былъ рѣдкимъ феноменомъ, даже въ баснословныя времена, и можно было опасаться насмѣшекъ. Ничуть не бывало: ни одинъ читатель не протестовалъ, мало того, въ слѣдующихъ изданіяхъ этого романа никто не замѣтилъ этой опечатки, и надо думать, что до тѣхъ поръ, пока сочиненія Понсона-дю-Террайля будутъ читаться, будетъ допущено, что существуютъ люди десяти футовъ ростомъ!

Этотъ популярный романистъ доказалъ однако въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ, что когда онъ бралъ трудъ обдумать свой планъ и выработать свой слогъ, то могъ, какъ и всякій другой, написать произведенія сравнительно порядочныя и достойныя человѣка со вкусомъ. Но демонъ импровизаціи почти всегда увлекалъ его въ непроходимыя дебри и Понсонъ отнюдь не держался пріемовъ Жюль-Жанена.

Одинъ литераторъ, писавшій медленно и съ трудомъ, говорилъ знаменитому фельетонисту «Débats»:

— Какъ вы счастливы, любезный Жаненъ! вы пишете съ-разу, безъ труда и усилія. Вашъ слогъ правиленъ, легокъ, точенъ, а между тѣмъ вы даже не даёте себѣ труда перечитывать написаннаго.

— Вы очень ошибаетесь, — возразилъ Жюль-Жаненъ. — Когда я пишу свой театральный фельетонъ, который выходитъ по понедельникамъ, то я дѣйствительно не церемонюсь и пишу какъ вадумается: въ два часа фельетонъ бываетъ готовъ. Но когда я займусь болѣе солидными статьями, когда я пишу «книгу», я потѣю и тружусь болѣе, чѣмъ кто либо... *Saepe stylum vertas...* Вотъ поглядите.

И онъ показалъ нѣсколько листовъ, дотога перемаранныхъ и перечерканныхъ, что самъ Бальзакъ не могъ бы сдѣлать лучше.

— Я исправляю такимъ образомъ, — продолжалъ онъ, — три или четыре листа въ день, работая въ продолженіи шести или семи часовъ... И при такомъ способѣ труда могу заработать *двадцать су* въ день!

Понсонъ-дю-Террайль, благодаря своей быстрой манерѣ пи-

сать, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, зарабатывалъ гораздо больше денегъ, чѣмъ Жюль-Жаненъ. Но въ литературѣ доходность не всегда соответствуетъ внутреннему достоинству сочиненій, и изъ этихъ сочиненій самыя прибыльныя не всегда бывають лучшія.

При этомъ популярный романистъ, въ виду спѣшности своихъ импровизаций, охотно заимствовалъ идеи изъ произведеній своихъ собратьевъ. Онъ производилъ эти невинные плагиаты съ величайшимъ добродушіемъ и самой полной откровенностью, и съ соображалъ о нихъ тѣмъ, кто становился ихъ жертвой. Сколько разъ говаривалъ онъ одному фельетонисту, своему пріятелю:

— Знаете? Я передѣлываю *такой-то* изъ вашихъ романовъ.

И если пріятель протестовалъ:

— О!—прибавлялъ онъ,—я могъ бы и не сообщать вамъ объ этомъ, потому что публика ничего не замѣтитъ, да и вы сами не догадались бы въ чемъ дѣло.

И, дѣйствительно, если какой-нибудь романъ имѣлъ успѣхъ, то Понсонъ-дю-Террайль бралъ общую идею и ходъ драмы; но тамъ, гдѣ у первоначальнаго автора дѣйствовалъ старикъ, онъ выставлялъ ребенка, гдѣ играла роль монахиня, тамъ онъ выводилъ куртизанку. Онъ не смущаясь передѣлывалъ все по-своему, и, случалось, имѣлъ болѣе успѣхъ, нежели его собрать.

Этотъ пріемъ, впрочемъ, не новъ, и, повидимому, особенно часто практиковался музыкальными композиторами. Кастиль-Блазъ, одинъ изъ самыхъ ученыхъ музыкальных критиковъ, когда-либо существовавшихъ, утверждалъ, что нѣкоторые изъ модныхъ арій, находящихся въ новѣйшихъ операхъ, списаны нота въ ноту изъ сочиненій болѣе старинныхъ авторовъ съ той единственной разницей, что въ нихъ измѣненъ ритмъ и размѣръ. Онъ всего болѣе упрекалъ въ такихъ заимствованіяхъ Берліоза, Обера и Россини.

Но вернемся къ Понсонъ-дю-Террайлю и его писательской манерѣ.

Однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ другимъ романистомъ.

— Любезный другъ,—сказалъ онъ ему,—сейчасъ я придумалъ, пока курилъ сигару, отличную первую главу роману.

— Въ самомъ дѣлѣ! расскажите-ка.

— Вотъ: мнѣ представляется, что молодой человѣкъ таинственнаго вида, но съ симпатичной наружностью пріѣзжаетъ въ Парижъ изъ Индіи. Выйдя изъ вагона, онъ нанимаетъ карету и велитъ скакать въ одну уединенную улицу Монмартрскаго предмѣстья.

Въ концѣ этой улицы стоитъ старый домъ, частію обрушившійся и который, какъ домъ Ренпонъ въ «Juif Errant», кажется необитаемымъ уже нѣсколько лѣтъ. Позади дома находится дворъ, поросшій травой и окруженный высокими стѣнами. По срединѣ этого двора есть колодезь во сто футовъ глубиной, и надъ нимъ возвышается черепичная кровля, тоже полу-обвалившаяся, какъ и всѣ окружающія зданія.

Подъѣхавъ къ дому, путешественникъ отпускаетъ кучера, щедро расплатившись съ нимъ. Карета отъѣзжаетъ, онъ идетъ къ двери дома и стучитъ въ него извѣстнымъ манеромъ, опредѣленное число разъ и съ извѣстными промежутками. Дверь тяжело отворяется, скрипя петлями, и путешественникъ входитъ въ темныя и безмолвныя сѣни.

Дверь сама затворяется за нимъ, хотя онъ никого не видитъ; это его нисколько не смущаетъ, онъ проходитъ черезъ сѣни и входитъ во дворъ, гдѣ нѣсколько столѣтнихъ орѣховыхъ деревьевъ бросаютъ густую тѣнь. Равнодушный ко всему окружающему, путешественникъ поспѣшно направляется къ колодезю, наклоняется надъ нимъ и издаетъ родъ свиста:

— Псссссс!

Затѣмъ прислушивается съ замираніемъ сердца.

Ничего.

Незнакомецъ блѣднѣетъ.

Послѣ минуты мучительнаго ожиданія, онъ выпрямляется и смотритъ на часы—великолѣпный хронометръ, цѣной въ тысячу франковъ.

— Какъ я глупъ!—говоритъ онъ, съ усиленіемъ переводя духъ:—время еще не настало.... Я пріѣхалъ десятью минутами раньше.

И начинаетъ расхаживать подъ деревьями, все съ возрастающимъ волненіемъ, съ глазами, устремленными на часы.

Черезъ десять минутъ онъ подходитъ снова къ колодезю, снова наклоняется надъ нимъ и опять издаетъ:

— Псссссс!

Тогда на днѣ колодезю, на страшной глубинѣ, слышались...

Понсонъ остановился.

— Ради Бога, другъ мой, что онъ услышалъ?—спросилъ торопливо другой романистъ, вы право совсѣмъ заинтриговали меня.... Что же услышалъ путешественникъ?

— Право, самъ еще не знаю,—отвѣчалъ Понсонъ, смѣясь;—непремѣнно надобно, чтобы онъ что-нибудь услышалъ, но я еще не рѣшилъ, что именно.

— Какъ!—замѣтилъ разочарованный пріятель,—вы сами не знаете... Но вы можете по-крайней-мѣрѣ сообщить мнѣ, зачѣмъ вашъ путешественникъ, вернувшись изъ Индіи, пріѣзжаетъ въ Парижъ, какую тайну скрываетъ этотъ колодезь въ Монмартрѣ, какая драма происходитъ въ этомъ необитаемомъ домѣ?

— Представьте,—нѣтъ, отвѣчалъ Понсонъ, продолжая смѣяться,—и я вамъ буду очень обязанъ, если вы что-нибудь присовѣтуете мнѣ на этотъ счетъ... Какую ассоціацію долженъ скрывать колодезь? Будутъ ли то заговорщики или фальшивые монетчики? Будутъ ли то итальянскіе «carbonari», или остиндскіе «thugs», или ирландскіе *фени*? подайте мысль мнѣ, пора засѣсть за работу.

— Да у меня ровно нѣтъ никакихъ мыслей объ этомъ! — возразилъ тотъ: надо еще подумать надъ этимъ...

— Ну! придумаю что-нибудь,—отвѣчалъ Понсонъ дю-Террайль.

И придумалъ, разумеется, такъ какъ приведенная сцена служить прологомъ къ одному изъ его романовъ, и его читатели безъ труда назовутъ этотъ романъ.

У Понсона дю-Террайля была изумительная память, и такъ какъ онъ прочиталъ невѣроятное количество романовъ въ дѣтствѣ и въ юности, то нерѣдко онъ только повторялъ, полагая, что придумываетъ. Говорятъ, что то же самое случается иногда съ композиторами музыки, которымъ въ самомъ дѣлѣ кажется, что они придумали мелодію, когда они только повторили слышанное нѣкогда. Всякая фантазія должна истощиться, когда приходится ежедневно писать четыре или пять романовъ для четырехъ или пяти различныхъ журналовъ. Романистъ, бьющій на то, чтобы угодить толпѣ, вращается въ очень узкой сферѣ понятій и поминутно натывается на избитыя тѣмы. Все дѣло его заключается только въ томъ, чтобы подновить ихъ новыми украшениями, замаскировать подражаніе. Понсонъ очень ловко справлялся со всѣмъ этимъ.

Понятно, какую важную роль играетъ память въ подобныхъ случаяхъ. Однако, принимая во вниманіе существующіе нынѣ законы о литературной собственности, для романиста было бы неудобно имѣть такую феноменальную память, какою отличался Созе, министръ юстиціи при Луи-Филиппѣ.

Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, Созе былъ представленъ своимъ другомъ Ламартиномъ аббату С...., слышшему тогда однимъ изъ талантливейшихъ проповѣдниковъ Франціи. Послѣ одной проповѣди аббата С....., проповѣди, возбуждавшей,

по обыкновенію, большой восторгъ, Ламартинъ, Сосе и нѣсколько другихъ лицъ присутствовали на завтракѣ въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ аббатомъ. За завтракомъ проповѣдника осыпали похвалами и комплиментами, которые, повидимому, были ему очень пріятны. Одинъ Сосе упорно молчалъ.

Аббатъ сначала былъ удивленъ, а затѣмъ и обиженъ его молчаніемъ.

— А вы, молодой человѣкъ, — вдругъ сказалъ онъ, — не хотите, должно быть, высказать своего мнѣнія. Вѣрно, проповѣдь моя не имѣла счастья вамъ понравиться!

— Г. аббатъ, — отвѣчалъ Сосе съ смущеннымъ видомъ, — у меня есть мнѣніе, но вамъ оно можетъ не понравиться и я желаю лучше оставить его при себѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ проповѣдникъ, задѣтый за живое: — напротивъ, скажите ваше мнѣніе... Я умѣю переносить критику... Говорите откровенно: и я, и эти господа, мы васъ настоятельно о томъ просимъ.

— Когда такъ, г. аббатъ, и вы этого желаете, то я скажу всю правду... Я нашелъ проповѣдь великолѣпной, но только она напечатана слово въ слово въ «*Sermons inédits*» Бурдалу.

— Что вы говорите? — вскричалъ, смѣясь, аббатъ С... — а ни откуда ея не заимствовалъ; я самъ сочинилъ ее.

— Мнѣ жалъ, г. аббатъ, что вы настаиваете на этомъ... Я увѣренъ, что эта превосходная проповѣдь принадлежитъ Бурдалу. Доказательствомъ тому служить то, что она мнѣ такъ понравилась, что я выучилъ ее наизусть и могу сказать вамъ ее отъ слова до слова.

— Желалъ бы я это слышать! — сказалъ аббатъ.

Тутъ Сосе проговорилъ всю проповѣдь отъ начала до конца, не измѣняя ни одного слова.

Бѣдный аббатъ былъ сраженъ; лицо его то краснѣло, то зеленѣло.

— Боже мой, — говорилъ онъ, — ударяя себя въ лобъ, неужели я схожу съ ума! Я былъ такъ увѣренъ... Можетъ ли это быть, что я не самъ сочинилъ свою проповѣдь?

Ужасъ и огорченіе его были такъ велики, что юный путешникъ, наконецъ, сжалился надъ нимъ. Сосе расхохотался, и объяснилъ, что природа одарила его сверхъ-естественной памятью. Ему достаточно было разъ прослушать проповѣдь, чтобы запомнить ее отъ слова до слова, и онъ тѣмъ охотнѣе запомнилъ ее, что она показалась ему прекрасной и вполне достойной Бурдалу.

Аббатъ С..... разсмѣялся, какъ и всѣ присутствующіе, но Созе задалъ-таки ему порядочнаго страха.

Въ другомъ случаѣ Созе самъ попался на удочку, благодаря своей памяти.

Будучи министромъ юстиціи, онъ обязжалъ департаментъ Сены и Луары, и написалъ Ламартину, что намѣренъ остановиться въ Сень-Пуанѣ и провести тамъ ночь. Въ назначенный часъ Ламартинъ и нѣсколько его гостей, находившихся въ его замкѣ, выѣхали на-встрѣчу министру. Дорогою Ламартинъ сказалъ одному изъ своихъ гостей, Ф***, бывшему когда-то секретаремъ Созе:

— Не можете ли вы, любезный Ф***, придумать какой-нибудь способъ помѣшать министру говорить со мной о политикѣ? Я боюсь, что мы не сойдемся во взглядахъ, а мнѣ не хотѣлось бы спорить съ нимъ въ тѣ немногіе часы, какіе мы проведемъ вмѣстѣ.

— Ничего нѣтъ проще, — отвѣчалъ Ф***, человекъ остроумный и тонкій, — разсчитывайте на меня... Увидите!

Созе увозятъ въ Сень-Пуанъ, гдѣ оказываютъ ему самый радушный, самый любезный приемъ. За столомъ министръ дѣлаетъ Ламартину нѣсколько замѣчаній о палатахъ и о правительствѣ. Лукавый Ф*** на-сторожѣ и ловко отвлекаетъ разговоръ, но, предвидя новую попытку въ этомъ родѣ, вдругъ говорить по поводу одного судебного факта, про который напомнилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Ахъ, г. министръ, помните ли вы прекрасную рѣчь, произнесенную вами по этому дѣлу, когда вы были простымъ адвокатомъ? Какой успѣхъ одержали вы и въ публикѣ, и въ печати. Никогда еще не находили вы такихъ патетическихъ словъ, такихъ непобѣдимыхъ аргументовъ!.. Вы всѣхъ убѣдили и растрогали... Какъ я жалѣю, что г. Ламартинъ, который такъ любитъ красивую рѣчь и великія мысли, васъ не слышалъ.

— Да, — отвѣчалъ Созе, замѣтно польщенный, — этой защитѣ обязанъ я своей репутаціей... Помните ли вы вотъ этотъ ораторскій приемъ, который сокрушилъ моихъ противниковъ?

И онъ привелъ это мѣсто изъ своей рѣчи. Ф*** такъ искусно подстрекалъ его, что Созе, пользуясь своей изумительной памятью, произнесъ отъ начала до конца всю знаменитую защитительную рѣчь.

Это длилось весь остатокъ обѣда, весь вечеръ и до того са-

мага часа, какъ пришлось лечь спать. И на другой день еще Сосе говорилъ до самой минуты отъѣзда.

Такимъ образомъ, Сосе выѣхалъ изъ Сень-Пуана, не обмѣнявшись съ Ламартиномъ ни единымъ словомъ о политикѣ.

Такъ какъ мы упомянули о Сень-Пуанѣ, то не можемъ не рассказать одну черту изъ жизни великаго поэта, который такъ дурно управлялся съ своими дѣлами.

Въ эту эпоху онъ уже былъ по-уши въ долгахъ; въ особенности былъ онъ очень много долженъ по мелочамъ различнымъ обывателямъ своего околотка, большею частію людямъ недостаточнымъ. При всемъ уваженіи къ нему, его-таки порядочно теребили и приставали къ нему съ требованіями, которыхъ онъ не могъ удовлетворить.

Въ числѣ этихъ мелкихъ займодавцевъ была одна старая крестьянка изъ окрестной деревни; Ламартинъ долженъ былъ ей сотню франковъ за бочку вина.

Когда онъ проживалъ въ замкѣ, добрая женщина являлась съ корзиной въ рукѣ и приносила ему въ подарокъ вафли, нарочно для него испеченныя ею. Великій поэтъ принималъ вафли, дарилъ крестьянкѣ двадцать франковъ и рассыпался въ благодарностяхъ.

— Ахъ, любезный баринъ, — начинала тогда ныть старуха, — я говорю это не затѣмъ, чтобы обидѣть вашу милость, но жизнь такъ дорога, а годъ былъ такой неурожайный... Вотъ и приходится напомнить вамъ про тотъ должокъ, помните... Я, знаете, не тороплю васъ, а только такъ, къ слову пришлось.

— Милая тетушка Боннишонъ, — отвѣчалъ Ламартинъ, — у меня сердце болитъ оттого, что я не могу расплатиться со всѣми добрыми людьми, которые — вотъ какъ и вы тоже — оказали мнѣ довѣріе... Но я тружусь и надѣюсь, что скоро, очень скоро...

— Вы не сокрушайтесь объ этомъ, милый баринъ, — возражала тетушка Боннишонъ, поднимаясь съ мѣста: — это я такъ сказала, потому къ слову пришлось... А я все-таки буду носить вамъ по-прежнему вафли, такъ какъ вы ихъ любите.

И носила ихъ; носила каждый мѣсяцъ и каждый разъ получала двадцать франковъ за вафли, которые стоили пять су.

Много лѣтъ протекло такимъ образомъ.

Во время каждаго посѣщенія займодавецъ и должникъ печалились, что никакъ не могутъ развязаться съ мизернымъ долгомъ въ сто франковъ.

Этотъ долгъ существуетъ и понынѣ, и ни Ламартину, ни старой крестьянкѣ никогда не приходило въ голову, что онъ уже давнымъ-давно уплаченъ.

Послѣднее слово о Понсонъ-дю-Террайлѣ, котораго мы оставили, заговоривъ о Ламартинѣ и Сосе.

Онъ былъ очень милъ въ своихъ сношеніяхъ съ собратьями. Онъ зналъ истинную цѣну своимъ успѣхамъ и не только не хвастался ими, но даже какъ будто извинялся въ нихъ. Никогда не выказывалъ онъ низкой зависти къ успѣху другихъ (качество весьма рѣдкое, по мнѣнію Эли Берте, на котораго мы и сваливаемъ всю отвѣтственность за него у писателей), напротивъ того, онъ искренно радовался ему. Поэтому у него было много друзей и онъ очень дорожилъ ихъ добрымъ мнѣніемъ.

Разъ онъ говоритъ одному изъ нихъ:

— Общайте мнѣ прочесть фельетонъ, который я буду писать въ газетѣ ***; мнѣ хочется знать ваше мнѣніе объ этомъ моемъ трудѣ.

— Хорошо; хотя я самъ очень занятъ, но я его стану читать... до тѣхъ поръ, пока буду понимать.

— Прекрасно.

Недѣлю спустя, Понсонъ спросилъ:

— Читали ли вы мой фельетонъ?

— Разумѣется... Я прочиталъ три главы.

— Ну, и какого вы о немъ мнѣнія?

— Первая глава прелестна.

— Благодарю васъ... А вторая?

— Тоже хороша; но только въ ней уже попадаются усложненія, шокирующія меня.

— А третья?

— Усложненія усиливаются, и мнѣ нужно для того, чтобы понимать ихъ, напрягать умъ, а это для меня тягостно.

— Слѣдовательно, вы не читали четвертой главы?

— Пытался, но откровенно сознаюсь, что ничего не понялъ и... не могъ долѣе читать.

Понсонъ сдѣлалъ гримасу.

— А между тѣмъ, публика, должно быть, понимаетъ, — возразилъ онъ, — потому что романъ очень читается и редакция газеты заказала мнѣ новый... Чортъ возьми, любезный другъ, — продолжалъ онъ, — не моя вина, если содержаніе романа становится все запутаннѣе, если усложненія, путаница, даже нелѣпости въ модѣ. Я ей покоряюсь — и только. Что это означаетъ

упадокъ литературнаго вкуса — съ этимъ я не спору; но не я издаю законы, я только имъ подчиняюсь. Если бы Бернарденъ де-Сенъ-Пьерръ, Лесаажъ и Вальтеръ-Скоттъ снова ожили и явились одинъ съ «Paul et Virginie», другой съ «Gil Blas», а третій съ «Quentin Durward», — предполагая, разумеется, что эти мастерскія произведенія еще не были написаны, — то я вамъ ручаюсь, что эти три великихъ человѣка не нашли бы въ настоящую минуту въ Парижѣ журнала, который бы согласился ихъ напечатать. Ихъ безсмертныя творенія показались бы современному поколѣнью длинными, холодными и скучными... Еще разъ, кто въ этомъ виноватъ? — всѣ виноваты, не правда ли? Въ былое время любили вино тонкое, мягкое, слегка душистое; теперь любятъ такое, которое съ-разу бьетъ въ голову и ошеломляетъ; надо давать публикѣ то, чего она требуетъ... Это результатъ общей подачи голосовъ въ литературѣ, а общая подача голосовъ — это, какъ вы знаете, ковчегъ завѣта.

— Ну, такъ и пишите, любовный Понсонъ, такъ, какъ вы пишете, и не стѣсняйте мнѣніями такого отсталаго человѣка, какъ я... Да и сомнительно, чтобы поколѣніе, привыкшее къ алкоголю, вернулось къ виноградному вину, которое кажется слишкомъ прѣснымъ для его огрубѣвшаго вкуса. Но, быть можетъ, родится новое поколѣніе, которое...

— Новыя поколѣнія пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. Въ настоящую минуту дѣло идетъ о томъ, какъ бы вытащить побольше денегъ изъ очень грязныхъ кармановъ, потому что успѣхъ — это деньги. Будемъ, насколько можно, гоняться за успѣхомъ!

И потомокъ рыцарей, потому что виконтъ претендовалъ на то, что происходитъ отъ Баярда, сеньора дю-Террайля, продолжалъ свою дѣятельную карьеру, когда смерть захватила его въ цвѣтъ силъ и таланта. Какова бы ни была судьба его произведеній, всѣ тѣ, кто знавалъ его лично, сохранять о немъ наилучшее воспоминаніе.

Прежде чѣмъ заключить эти литературныя воспоминанія, очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ интересную личность одного остроумнаго журналиста, Эжена Гинб, который въ продолженіи многихъ лѣтъ велъ «Парижское обозрѣніе» въ фельетонѣ газеты «Siècle». Гинб, хотя и писалъ очень живо и пикантно, въ жизни былъ спокоенъ, холоденъ, почти угрюмъ.

Каждую недѣлю онъ приносилъ свое обозрѣніе Луи Денойе, редактору литературнаго отдѣла въ газетѣ, который тоже былъ очень остроумный человѣкъ. Бывшій редакторъ «Charivari» и «Ca-

ricature», юмористическій авторъ «Jean-Paul Chopart» и «Robert-Robert», онъ отличался языкомъ острымъ, какъ бритва.

Можно было бы думать, слѣдовательно, что когда два такихъ человѣка, какъ Денойе и Гинб, сойдутся другъ съ другомъ, то бесѣда ихъ должна отличаться искрометной веселостью.

Между тѣмъ вотъ что обыкновенно происходило.

Гино приходилъ въ опредѣленный часъ и обмѣнявшись молчаливымъ пожатіемъ руки съ Денойе, клалъ свой фельетонъ ему на конторку. Затѣмъ усаживался напротивъ редактора. Оба пристально и въ величайшемъ безмолвіи глядѣли другъ на друга въ продолженіи пяти-шести минутъ. Наконецъ Гинб вставалъ, проговоривъ дружескимъ тономъ:—Farewell!

И уходилъ.

Вотъ два умныхъ человѣка, не подвергавшихъ себя опасности сказать глупость!

Гинб былъ со стороны аккуратности образцовымъ журналистомъ. Никогда статья его не запоздала минутой, и онъ умеръ, какъ и жилъ.

Онъ разстался съ «Siècle» и поступилъ въ «Constitutionnel», гдѣ также доставлялъ еженедѣльно «Парижское обозрѣніе».

Однажды редакторъ спросилъ у метранпажа статью Гинб.

— Корректуры еще не вернулись,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ! уже полдень, а Гинб не вернулъ корректуры!.. Ахъ! онъ, значитъ, умеръ!..

Пошли за справками, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что Гинб испустилъ духъ съ перомъ въ рукахъ.

Какой труженикъ печати не пожелаетъ умереть такимъ образомъ!

А. Э.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ

ПАРИЖѢ

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Прежде всего считаю себя обязаннымъ коснуться двухъ вопросовъ: первый—какое главное побужденіе могло руководить тѣмъ кружкомъ французскихъ писателей, который взялъ на себя починъ созванія въ Парижѣ международнаго литературнаго конгресса? Второй вопросъ—какое соображеніе побудило нѣсколькихъ русскихъ писателей явиться на международное литературное собраніе въ качествѣ равноправныхъ его членовъ, между тѣмъ какъ съѣздъ русскихъ литераторовъ, хотя бы для обсужденія вопроса о литературной собственности, очевидно не осуществился бы въ Петербургѣ или Москвѣ?

Вопросовъ этихъ я долженъ коснуться вотъ почему. Для всѣхъ ясно, что существенный, серьезный интересъ русской литературы въ наше время заключается вовсе не въ огражденіи литературной собственности отъ перепечатокъ, свободнаго перевода или компиляціи. При такомъ положеніи дѣла многимъ можетъ показаться страннымъ, что русскіе литераторы, не будучи въ состояніи даже формулировать съ полной откровенностью главной потребности нашей печати, отправились въ Парижъ трактовать о предметѣ довольно второстепенномъ, о такой потребности, которая изъ всѣхъ потребностей нашей литературы, именно удовлетворена нашимъ законодательствомъ въ наиболѣе достаточной мѣрѣ. Могутъ найтись въ обществѣ и даже въ

литературной средѣ голоса, которые скажутъ, что мы ѣздили въ Парижъ разыгрывать роль, льстившую нашему тщеславію, что мы поѣхали играть тамъ комедію, провозглашая принципы, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла, и молчать о главномъ нашемъ интересѣ, какъ будто онъ совершенно удовлетворенъ, какъ будто русскій писатель, дѣйствительно, находится въ условіяхъ равныхъ съ французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ и германскимъ.

Слишкомъ извѣстно, что эта манера притворяться полноправными и играть передъ Европой роль дѣйствительной національной силы, совершенно умалчивая о томъ или другомъ, какъ бы о несуществующемъ — частенько-таки практиковалась у насъ нѣкоторыми органами и потому подозрѣніе, только-что указанное, представлялось бы довольно естественнымъ. „Господа,—сказалъ Викторъ Гюгъ членамъ конгресса:—вы имѣете высокую задачу. Вы составляете какъ бы учредительное собраніе литературы. У васъ есть власть если не для утвержденія законовъ, то для предписанія ихъ“. Что скажемъ мы, русскіе литераторы, явившіеся на этотъ конгрессъ, когда насъ спросятъ дома, съ усмѣшкой: „итакъ, вы были депутатами Россіи въ учредительномъ собраніи литературы; обезпечивъ ея положеніе у себя, наравнѣ съ представителями другихъ націй, вы являлись принять участіе съ ними въ соглашеніяхъ международныхъ, въ предписаніи законовъ?“

Признаюсь, когда я рѣшился ѣхать въ Парижъ, когда слушалъ В. Гюгъ и когда пустился въ обратный путь, меня постоянно конфузила мысль о возможности этого ироническаго вопроса, о возможности подозрѣнія, что русскіе появленіемъ своимъ и своими рѣчами на конгрессѣ поддерживали какую-то фальшь.

И вотъ для того, чтобы отстранить отъ насъ это обвиненіе, я и начинаю съ уясненія двухъ вопросовъ: каково было главное побужденіе французскихъ организаторовъ конгресса и каково было то соображеніе, въ силу котораго мы рѣшились въ немъ участвовать. На второй изъ этихъ вопросовъ нельзя отвѣчать, не выяснивъ сперва перваго.

Уже изъ программы, разосланной французскимъ „обществомъ литераторовъ“ весною, можно было убѣдиться, что задуманный имъ конгрессъ вовсе не будетъ „учредительнымъ собраніемъ литературы“, созывается не для провозглашенія какихъ-либо общихъ политическихъ или гуманитарныхъ принциповъ, но съ цѣлью менѣе притязательною и въ то же время менѣе платоническою. Впрочемъ, догадаться о чисто-практическомъ, просто экономическомъ назначеніи конгресса было легко уже по самому созыву его — въ Парижѣ, французскимъ литературнымъ обществомъ, котораго прямая цѣль — обезпечивать

французскимъ авторамъ пользованіе тѣми имущественными правами, какія признаны закономъ. Изъ литературныхъ произведеній всѣхъ странъ, произведенія литературы французской наиболѣе подвергаются въ иныхъ странахъ перепечаткѣ, переводу и передѣлкѣ. Театръ всѣхъ странъ въ значительной степени живетъ произведеніями современныхъ французскихъ авторовъ, представляемыми какъ въ оригиналѣ, такъ — въ особенности — въ переводахъ и передѣлкахъ съ „примѣненіемъ къ мѣстнымъ правамъ“.

Понятно, что когда французы пригласили литераторовъ иныхъ странъ собраться въ Парижъ для обсужденія вопросовъ о литературной собственности и когда приглашеніе это исходило именно отъ Société des gens de lettres, имѣющей спеціальной задачей охранять доходъ французскихъ авторовъ, то самое приглашеніе это, въ сущности, означало слѣдующее: пожалуйста переговорить съ нами о томъ, какъ бы вамъ меньше „обирать“ насъ, какъ бы намъ увеличить доходъ съ своихъ произведеній, подѣйствовавъ на васъ неоспоримыми принципами справедливости и международной солидарности.

Говоря, что таково было назначеніе конгресса по мысли его организаторовъ, я вовсе не думаю ставить это имъ въ упрекъ. Французскіе писатели были въ своемъ правѣ; я только говорю, что такова была дѣйствительная цѣль конгресса. Правда, въ программу внесены были еще вопросы, касающіеся всѣхъ въ равной мѣрѣ: о свойствѣ литературной собственности и срокахъ пользованія ею, о положеніи литераторовъ. Конгрессъ призналъ вѣчность права литературной собственности, и выразилъ желаніе, чтобы учреждались общества для огражденія авторскихъ правъ и оказанія пособій. Но не для провозглашенія этихъ рѣшеній созывали, главнымъ образомъ, конгрессъ. Литературная собственность во Франціи и теперь обезпечена пожизненностью и пятидесятилѣтнимъ срокомъ, какъ и у насъ, а это для огромнаго большинства произведеній составляетъ такъ сказать болѣе, чѣмъ вѣчность. Что касается учрежденія обществъ для охраненія авторскихъ правъ, то общество, созывавшее конгрессъ, имѣло въ самомъ себѣ живое рѣшеніе этого вопроса, и, конечно, не обсужденіе его могло главнымъ образомъ интересовать организаторовъ конгресса.

Главный интересъ ихъ, главное назначеніе конгресса, по ихъ мысли, было, разумѣется, установленіе международной дани для французскихъ писателей съ такого пользованія ихъ произведеніями, которое теперь пропадаетъ для нихъ безслѣдно. Рѣшенія конгресса, конечно, должны были быть общи для всѣхъ, но наиболѣе выиграть и наименѣе терять отъ нихъ должны были именно французскіе авторы и издатели. Наиболѣе выиграть — потому, что, какъ ужъ сказано, французскія произведенія наиболѣе подвергаются позанимствованію

въ другихъ странахъ. Наименѣе терять — потому, что во Франціи, еслибъ даже нѣтъшніе законы въ ней дозволяли перепечатку или свободный переводъ иностранныхъ произведеній — гораздо меньшій спросъ на произведенія любой страны, чѣмъ въ той странѣ на произведенія французскія. А такъ какъ по закону 1852 года, перепечатка иностраннаго произведенія во Франціи, — хотя бы даже и не существовало литературной конвенціи съ государствомъ, въ которомъ то произведеніе впервые явилось въ свѣтъ, — безусловно запрещена, и такъ какъ иностранные авторы имѣютъ даже право возбуждать во Франціи судебное дѣло о вознагражденіи за переводъ ихъ сочиненій ¹⁾, — то очевидно, что Франція могла только выиграть отъ рѣшеній конгресса въ охраненіе авторскихъ правъ, а терять ничего не могла. Организаторы конгресса, конечно, знали, что каждое ограничительное постановленіе конгресса для Франціи могло представлять только уступку въ ея пользу, а съ ея стороны никакихъ уступокъ не потребуетъ. Почему? Потому что — къ чести литературнаго значенія французской націи — всѣ такія уступки могли уже ранѣе быть сдѣланы законодательствомъ ея, безъ всякаго для нея ущерба.

Итакъ, Франція, по отношенію къ предполагаемымъ рѣшеніямъ международнаго литературнаго конгресса, находилась въ самомъ благопріятномъ положеніи: всякое новое огражденіе международныхъ литературныхъ правъ могло быть ей только въ пользу, ни одно не могло требовать отъ нея новой уступки. За то положеніе Россіи по отношенію къ конгрессу было какъ разъ противоположное. Ни одна европейская страна не нуждается въ иностранной литературѣ въ такой мѣрѣ, какъ Россія. Мы много заимствуемъ, у насъ заимствуютъ мало, мы много переводимъ, съ насъ переводятъ очень мало. Итакъ, всякое новое огражденіе международныхъ правъ литературной собственности для Россіи представлялось бы прежде всего уступкой съ ея стороны, а не уступкой въ ея пользу.

Существующими литературными конвенціями Россія уже обязалась не допускать у себя перепечатокъ, контрафакціи иностранныхъ книгъ, музыкальных нотъ и т. д. Здѣсь, по отношенію къ самымъ оригиналамъ, авторское право столь ясно и несомнѣнно, что принципъ справедливости долженъ былъ прямо устранить соображенія утилитарныя. Пусть тотъ же принципъ будетъ примѣненъ къ представленію въ оригиналъ пьесъ иностранныхъ авторовъ на нашихъ сценахъ французской и нѣмецкой. Это было бы опять-таки совер-

¹⁾ Въ нашей конвенціи съ Франціею ничего подобнаго не постановлено, ни въ пользу переводимыхъ у насъ французскихъ авторовъ, ни въ пользу русскихъ авторовъ, переводимыхъ въ Россіи, но на конгрессѣ мнѣ возражали, что по французскому закону (?) это право существовать.

шенно односторонней уступкой съ нашей стороны, такъ какъ нѣсь на русскомъ языкѣ нигдѣ за границею не представляють. Но представленіе иностранныхъ пьесъ въ оригиналѣ у насъ во всякомъ случаѣ — роскошь, и если бы оно было поставлено въ зависимость отъ дозволенія иностранныхъ авторовъ, то-есть обусловлено уплатою имъ гонорара, то и это, во-первыхъ, соотвѣтствовало бы совершенно явному праву авторовъ на вознагражденіе за ихъ личный трудъ, а, во-вторыхъ, не нарушало бы никакого серьезнаго интереса Россіи.

Но какъ только мы переходимъ къ переводамъ, — дѣло тотчасъ представляется въ иномъ видѣ. Авторское право тутъ уже не безусловно: французская комедія или французскій романъ не имѣютъ никакой цѣны для той части русской публики, которая стала бы смотрѣть на эту комедію или читать этотъ романъ въ русскомъ переводѣ. По отношенію къ этой публикѣ цѣнность комедіи или роману придается только русскимъ переводомъ, — не будь его, и вся эта часть русской публики для французскаго автора все равно не существовала бы. Итакъ, деньги, которыя платитъ эта публика за созданную для нея цѣнность, очевидно, должны принадлежать болѣе переводчику, чѣмъ автору оригинала. Правда, легче перевести готовую пьесу, или романъ, чѣмъ сочинить ихъ самому. Итакъ, тутъ естественно возникаетъ вопросъ, не должна ли доля вознагражденія переводчика относиться и къ автору оригинала? Но во всякомъ случаѣ право перваго автора здѣсь уже не такъ безусловно, какъ въ тѣхъ случаяхъ (перепечатка, представленіе пьесъ въ оригиналѣ), когда онъ является авторомъ *единственнымъ*, исключительнымъ творцомъ той цѣнности, которая и составляетъ его собственность.

Допустимъ однако, что не желая становиться въ исключительное положеніе, Россія и по отношенію къ переводамъ признала необходимымъ согласіе иностранныхъ авторовъ, то-есть уплату имъ вознагражденія за право перевода ихъ беллетристическихъ произведеній на русскій языкъ. Это было бы съ ея стороны опять-таки односторонней уступкой, уступкой безъ взаимности, такъ какъ, за весьма рѣдкими исключеніями, русскія беллетристическія произведенія переводятся на иностранные языки только по инициативѣ самихъ авторовъ и при ихъ помощи. Исключеніе составляютъ главнымъ образомъ произведенія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Крылова и Гоголя. Но пусть, повторяю, Россія сдѣлала еще и эту одностороннюю уступку; хотя право автора на вознагражденіе за переводъ его сочиненія другимъ лицомъ уже далеко не такъ безусловно, какъ его право на оригиналъ, пусть и оно было бы признано у насъ хоть въ силу такого соображенія, что нѣкоторое вздорожаніе переводныхъ

беллетристических произведений еще не нарушило бы никакого серьезнаго интереса нашего умственнаго развитія.

Но что мы скажемъ, если намъ придется платить вдвойнѣ, то-есть переводчику и автору оригинала, за труды ученые и учебныя? При недостаточномъ развитіи нашей собственной учебной литературы, при совершенной необходимости для нашей учащейся молодежи приобретать труды иностранныхъ ученыхъ въ русскомъ переводѣ, и вѣстѣ, при сравнительно-маломъ числѣ покупателей, на которое каждый такой переводъ можетъ разсчитывать въ Россіи,—вопросъ о вознагражденіи иностранныхъ авторовъ за переводы ученыхъ и учебныхъ трудовъ, является весьма серьезнымъ вопросомъ объ обезпеченіи нашего умственнаго развитія. Ученыя книги и безъ того дороги въ Россіи, что зависитъ отъ высоты заработной платы въ типографіяхъ, отъ дороговизны бумаги, и затѣмъ—отъ рискованности издательскихъ предпріятій вообще въ такой странѣ, гдѣ спросъ на книги еще не великъ, гдѣ невозможно разсчитать, пойдетъ ли успѣшно даже такое изданіе, которое имѣло большой успѣхъ за границею, гдѣ вслѣдствіе того непомѣрно высокъ процентъ барыша, разсчитываемый издателями. Наложивъ на издательство переводовъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій еще налогъ въ пользу иностранныхъ авторовъ, на все время существованія ихъ права собственности, мы тѣмъ самымъ сдѣлаемъ эти книги еще дороже, еще недоступнѣе для учащихся или же побудимъ издателей усчитывать этотъ процентъ изъ того нерѣдко простое-нищенскаго вознагражденія за переводъ, какое они теперь предоставляютъ переводчикамъ, по большей части—студентамъ, ищущимъ поддержать свое существованіе тяжелымъ трудомъ перевода за какихъ-нибудь десять рублей съ печатнаго листа.

Интересъ этотъ весьма серьезенъ; это одинъ изъ интересовъ нашего умственнаго развитія. Неужели же изъ одного желанія не отставать отъ другихъ народовъ въ признаніи новаго принципа—безусловной литературной собственности, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ—какъ именно въ переводахъ—она по самой сущности вовсе не представляется безусловною, мы бы принесли въ жертву интересъ столь реальный? Неужели изъ желанія не отстать отъ опередившихъ насъ народовъ собственно на словахъ, въ провозглашеніи принципа, мы будемъ игнорировать тотъ несомнѣнный фактъ, что мы все-таки отстаемъ отъ нихъ на дѣлѣ, и нуждаемся болѣе въ покровительствѣ своимъ потребителямъ, чѣмъ въ протекціи иностраннымъ авторамъ?

Нѣтъ, мы не можемъ сдѣлать этого; мы, очевидно, должны охранить именно тотъ важный интересъ, который представляется у насъ переводной учебной и ученой литературой. Но если таково было всегда наше личное убѣжденіе, то теперь спрашивалось, какъ же

мы должны были поступить, когда Société des gens de lettres прислала намъ приглашеніе на международный литературный конгрессъ, имѣвшій собраться въ Парижѣ?

Существующія нынѣ литературныя конвенціи Россіи съ другими странами не упоминаютъ о вознагражденіи авторовъ за переводъ или о необходимости согласія со стороны авторовъ на наданіе переводовъ. Но конгрессъ и созывался-то прямо съ цѣлью подготовить пересмотръ литературныхъ конвенцій, для пополненія въ нихъ „пробѣловъ“. Первая объяснительная фраза въ созывной программѣ такъ прямо и гласила о „недостаточности (insuffisance) дипломатическихъ конвенцій, нынѣ существующихъ“. Какъ я уже объяснилъ выше, мы очень хорошо понимали, что конгрессъ созывается вовсе не для провозглашенія какихъ-либо общихъ либеральныхъ и гуманитарныхъ принциповъ, а просто съ цѣлями экономическими. Невозможно было и сомнѣваться, что отъ русскихъ писателей, явившихся на съѣздъ, потребуютъ признанія безусловнаго права авторовъ на вознагражденіе за переводы.

Конечно, русскіе литераторы могли просто уклониться отъ вызова, не поѣхать на конгрессъ, предпочитая вѣхомолку status quo нынѣшнихъ конвенцій всякому „пополненію пробѣловъ“ на нашъ счетъ. Но, во-первыхъ, это было бы не совсѣмъ красивою уверткой: не поидежьмоль, а то съ насъ тамъ денегъ потребуютъ. Société des gens de lettres, конечно, и объяснила бы себѣ дѣло такъ, что никакого серьезнаго резона русскіе въ охраненіе перевода привести не могли, а потому и побоялись явиться. Дѣло обсуждалось бы безъ нихъ, и было бы рѣшено въ смыслѣ безусловнаго права авторовъ. Положимъ, рѣшенія конгресса вовсе не обязательны для правительствъ. Однако, въ случаѣ начатія переговоровъ французскимъ, германскимъ или англійскимъ правительствами объ измѣненіи существующихъ литературныхъ конвенцій съ Россією, наше правительство не имѣло бы на что опереться для охраненія нашихъ правъ, и, въ виду общаго согласія литераторовъ другихъ странъ на общую формулу безусловнаго права авторовъ, легко могло ввести въ новую конвенцію эту формулу, считая ее за всѣми признанное выраженіе современнаго научнаго взгляда на вопросъ о литературной собственности.

Не было ли болѣе сообразно съ нашимъ достоинствомъ не уклоняться изъ робости и не отмачиваться съ лукавствомъ, но принять приглашеніе, явиться на конгрессъ и откровенно объяснить свой особый взглядъ на нѣкоторые пункты, взглядъ, обусловленный прямыми интересами Россіи? Никакой лица тщеславію при этомъ предлежать не могло, такъ какъ мы знали, что ѣдемъ вовсе не на „учредительное собраніе литературы“ (какъ выразился послѣ В. Гюгò), но—

въ дѣйствительности — на чисто-экономическій сѣздъ литераторовъ. Мало того, было очевидно, что намъ предстояла роль вовсе не блестящая. Намъ предстояло не пѣть въ униссонъ съ французскими писателями, заслуживая ихъ одобреніе и похвалы, но противорѣчить по существенному пункту — ихъ интересу и даже — признаюсь безъ церемоній — принципу абсолютной справедливости, противорѣчить ему въ виду особенностей нашего положенія. Итакъ, намъ предстояла роль весьма не блестящая; тѣ нѣсколько русскихъ литераторовъ, которые собрались въ Парижъ, были увѣрены, что на конгрессѣ „насъ отдѣлають“, что „намъ достанется“. Если этого не случилось, если насъ не стыдили тѣмъ эгоизмомъ и той отсталостью, какіе мы должны были выказать, то это зависѣло отъ двухъ причинъ: прежде всего — отъ любезности французовъ, которые слишкомъ хорошо сознавали обязанности, налагаемыя на нихъ ролью хозяевъ конгресса; затѣмъ — отъ появленія среди насъ И. С. Тургенева, котораго имя пользуется въ Парижѣ большимъ уваженіемъ, скажу даже — большимъ, чѣмъ въ нашей современной литературной средѣ, если судить по тому тону, съ которымъ нѣкоторые изъ нашихъ собратовъ привыкли относиться къ нему въ послѣдніе годы. Уже однимъ своимъ появленіемъ среди насъ, г. Тургеневъ оказалъ намъ лично большую услугу. Онъ принялъ живое участіе въ конгрессѣ, онъ предсѣдательствовалъ въ большей части общихъ засѣданій, и, по всей вѣроятности, благодаря именно его участію, французы слушали насъ терпѣливѣе и не обрушились на насъ съ либеральнымъ негодованіемъ за то, что мы дерзнули противорѣчить абсолютному принципу литературной собственности, въ видахъ русскаго интереса.

Теперь спрашивается, чего же мы достигли своимъ участіемъ въ конгрессѣ? Разумѣется, мы не могли убѣдить большинство, состоявшее изъ французовъ, сдѣлать отступленіе отъ положеній общихъ въ пользу русскихъ переводчиковъ. Но мнѣ кажется, что тотъ выводъ, къ которому пришла редакція „Вѣстника Европы“, обсуждая присланное ей приглашеніе, былъ все-таки вѣренъ: русскимъ литераторамъ не слѣдовало уклоняться и отмалчиваться, а лучше было откровенно объясниться на конгрессѣ. Въ одномъ изъ общихъ засѣданій его, одинъ французскій ораторъ заявилъ намъ даже свое сочувствіе за открытый образъ дѣйствій. Съ другой стороны, теперь, въ случаѣ если возникнутъ переговоры объ измѣненіи литературныхъ конвенцій, наше правительство, получивъ отчетъ парижскаго литературнаго конгресса, найдетъ, что если мы могли, въ лицо иностраннымъ авторамъ, настаивать на необходимости охраненія русскаго интереса въ переводахъ, то ему еще легче указать на этотъ интересъ въ дипломатическихъ переговорахъ, сославшись притомъ на фактъ, что и въ между-

народномъ литературномъ собраніи о немъ было заявлено съ полной опредѣлительностью, съ указаніемъ, какія уступки могли бы быть нами сдѣланы и какія не могли бы быть допущены безъ ущерба успѣхамъ умственнаго развитія въ Россіи.

II.

Очертивъ истинное значеніе конгресса, русскій интересъ въ вопросѣ о международныхъ правахъ литературной собственности и ту цѣль, съ которой нѣсколько русскихъ литераторовъ рѣшились принять участіе въ парижскомъ конгрессѣ, я перейду къ разсказу о самомъ конгрессѣ и къ скромному нашему участію въ его преніяхъ.

Открытіе конгресса первоначально было предположено на 4 іюня (23 мая), потомъ было отсрочено на недѣлю. Какъ въ первой, такъ и во второй программѣ, предположено было семь публичныхъ засѣданій, съ распредѣленіемъ на каждое изъ нихъ вопросовъ для обсужденія. Но все это было совершенно перевернуто при исполненіи. Публичное засѣданіе было собственно только одно: то, въ которомъ В. Гюго „открылъ конгрессъ“. Затѣмъ происходили общія собранія; въ теченіи 18 дней ихъ было 8; но они не были публичными. Сверхъ того, и по большей части—въ тѣ же дни, происходили засѣданія комиссій. Выше уже сказано, что весь починъ созванія конгресса принадлежалъ „Société des gens de lettres“. Президентъ этого общества—г. Эдмондъ Абю; вице-президентъ его, спеціально занимавшійся подготовкою конгресса—г. Пьеръ Законе. Эти же господа и секретари общества приняли на себя всѣ хлопоты по пріисканію залъ, по печатанію и разсылкѣ приглашеній и нѣсколькихъ докладныхъ записокъ, а затѣмъ—и подробнаго отчета о „трудахъ“ конгресса. Надержки по этому изданію и по самому собранію приняты на счетъ той же „Société des gens de lettres“.

Согласно приглашенію, мы явились 11 іюня (н. с.) въ залу главной французской масонской ложи—le Grand Orient, въ улицѣ Кадэ. Масоны предоставили эту залу въ распоряженіе конгресса на все время его засѣданій. Собралось около 150 человѣкъ, т.-е. около ста французовъ и пятидесяти иностранцевъ. Изъ наиболѣе извѣстныхъ французскихъ писателей участвовали въ конгрессѣ слѣдующіе: гг. В. Гюго, Анрі Мартенъ, Эдмондъ Абю, Массонъ, Белло, Мано, Гонзалесъ, Молинари, Терье, Ратисбоннъ; изъ иностранцевъ: гг. Тургеневъ, Боборыкинъ, Молесвортъ, Томъ-Тэйлоръ, Лавелле, Мауро-Макки. Кромѣ гг. Тургенева и Боборыкина было еще нѣсколько русскихъ: про-

фессоръ Ковалевскій, гг. Чуйко, Шараповъ, Чивилевъ, Шимановскій и др.

Что иностранцевъ не пріѣхало больше, что не явились на конгрессъ иностранные писатели съ именами, равными имени Тургенева, въ этомъ я не вижу ничего удивительнаго. Одни не были расположены жертвовать временемъ на дальнюю поѣздку, другихъ могла удерживать неувѣренность въ своей французской рѣчи; третьихъ могло удерживать національное предубѣжденіе. Но, признаюсь, меня очень удивило, что такъ много людей съ самыми громкими литературными именами среди самихъ французовъ не приняли участія въ конгрессѣ. Гг. Эмиль Ожѣ, Александръ Дюма, Октавъ Фелльѣ, Викторьенъ Сарду, Жюль Сандо отсутствовали. Но, положимъ, ихъ отсутствіе еще объясняется тѣмъ, что между „Société des gens de lettres“, которое организовало конгрессъ, и „Société des auteurs dramatiques“ произошло по этому поводу какое-то недоразумѣніе. Меня вовсе не интересовала причина этого разногласія, такъ какъ въ такомъ дѣлѣ она, разумѣется, могла представляться только личностями. Но о разногласіи этомъ или „недостаткѣ согласія“ было заявлено официально. Г. Эдмондъ Абю прочелъ посланное „Обществу драматическихъ писателей“ приглашеніе прислать его делегатовъ на конгрессъ и полученный на это отвѣтъ, который содержалъ въ себѣ только слѣдующее: „Имѣемъ честь извѣстить о полученіи письма“ отъ такого-то числа. Такимъ образомъ, вышло нѣчто странное: одной изъ главныхъ (даже, просто, главной) цѣлью конгресса, по мысли французовъ, какъ то выказывалось изъ рѣчей, было—охранить интересъ французскихъ авторовъ театральнахъ пьесъ, которыя представляются, передѣлываются и переводятся въ другихъ странахъ безъ вознагражденія авторовъ, что и составляетъ въ сущности главный видъ даровой эксплуатаціи за-границею труда французскихъ писателей; между тѣмъ, французскіе драматурги не явились защищать своего интереса, а защищали его какъ будто противъ воли или, по крайней мѣрѣ, безъ полномочія отъ „Société des auteurs dramatiques“— члены „Société des gens de lettres“.

Итакъ, драматическіе писатели не явились на конгрессъ вслѣдствіе недоразумѣній между двумя литературными обществами. Но не одни они не явились: отсутствовали и такіе ученые, какъ Литтрѣ, Тэнъ, Ренаъ, Луи Бланъ, Минье, Каро, и такіе публицисты, какъ гг. Жонъ Лемуанъ, Жюль Фавръ, Сенъ-Ренѣ-Талльяндѣ, д'Оссонвилль. Не былъ и Огюсть Барбьѣ. Объясненія ихъ отсутствія слѣдуетъ искать опять-таки въ несогласіяхъ корпоративныхъ или личныхъ. Большинство названныхъ мною писателей принадлежатъ къ французской академіи. Стало быть, нежеланіе ихъ участвовать въ

конгрессъ должно объясняться отношеніями большинства членовъ академіи къ председателю конгресса—Виктору Гюгю.

Какъ бы то ни было, но вышло нѣчто не совсѣмъ ловное. Французы созвали конгрессъ, они же сами доказывали, что наиболѣе заинтересованы въ международномъ охраненіи литературной собственности, доказывали это тѣмъ, что исключительно они одни и жаловались на эксплуатацію ихъ произведеній въ другихъ странахъ; иностранцы же такихъ жалобъ съ своей стороны не предъявляли и только выслушивали ихъ. Но между тѣмъ, какъ многіе иностранцы пріѣхали изъ-за „тридцати земель“ собственно для участія въ конгрессѣ, огромное большинство замѣчательнѣйшихъ французскихъ писателей не потрудились взять фіакра и явиться въ улицу Каде.

Итакъ, мы—въ залѣ Grand Orient. Аллегорическіе фигуры и значки вдоль стѣнъ, напоминающіе о союзѣ наукъ, свободы, человечности. За кресломъ президента—таинственный треугольникъ. Засѣданіе 11 іюля было открыто рѣчью г. Э. Абю, который пояснилъ въ краткихъ словахъ цѣль конгресса и предполагаемый порядокъ его работъ. Абю уже давно превратился изъ романиста въ журналиста; какъ извѣстно, онъ—редакторъ газеты „XIX Siècle“, которой специальность—борьба съ клерикализмомъ, борьба очень оживленная, иногда нѣсколько мелочная, но всегда остроумная. Кто-то на конгрессѣ недаромъ называлъ Абю однимъ изъ внуковъ Вольтера. Авторъ „Grèce contemporaine“ и „Lettres d'un bon jeune homme“ сохранилъ свой бойкій юморъ, часто блестящій, порою ѣдкій, но всегда направленный съ замѣчательной ясностью и логичностью къ какой-нибудь чисто-практической цѣли. Хотя Абю принадлежитъ къ числу преданныхъ и восторженныхъ поклонниковъ Виктора Гюгю, но по литературному характеру онъ не имѣетъ ничего общаго съ романтизмомъ, восплавающимъ „фразу“, также какъ и съ тѣмъ патологическимъ и весьма произвольнымъ „реализмомъ“, который господствуетъ теперь во Франціи. Онъ скорѣе—дѣтя старой, классической школы,—той самой, которая воспитала и Вольтера, и Поля-Луи Курье, и самого Беранже: умѣренность порыва, гладкость формы, чистота и правильность языка, здравый смыслъ—прежде всего, полемическая ѣдкость и выѣстъ съ нею нѣкоторое, такъ-сказать, простонародное добродушіе (bonhomie), съ большимъ запасомъ веселости,—того, однимъ словомъ, что называется l'esprit gaulois.

Вступительная рѣчь г. Абю не имѣла никакой торжественности; она не была подготовлена, и тонъ ея былъ скорѣе фамиліарный, товарищескій. Абю—природный ораторъ, но ораторъ скорѣе въ англійскомъ вкусѣ, чѣмъ во французскомъ, съ тою только разницею, что никогда англичанину не достигнуть до этой изящности, округленно-

ности и законченности въ постепенномъ развитіи мысли; это уже свойства французскія, и въ свободной, ни на моментъ не колеблющейся импровизаціи Э. Абю они являются въ замѣчательной степени. Специально для насъ,—народа, мало привыкшаго къ публичной рѣчи,—совершенно непонятно, какъ можетъ человѣкъ говорить такимъ образомъ, что рѣчь его, полная остроумныхъ сравненій, всегда вѣрныхъ эпитетовъ и совершенно точныхъ разграниченій, выходитъ при импровизаціи еще гораздо лучше, чѣмъ если бы она была написана.

Организаторъ конгресса г. Законе прочелъ затѣмъ еще краткій докладъ о цѣли конгресса и послѣ перечисленія лицамъ, взявшимъ билеты на званіе членовъ, Э. Абю предложилъ собранію образовать новое бюро посредствомъ избранія членами каждой націи особыхъ президентовъ и вице-президентовъ, которые вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и вице-предсѣдателемъ французскаго „литературнаго общества“ и должны были образовать составъ новаго бюро. Съ этой цѣлью общее засѣданіе было прервано.

Въ промежуткѣ появились довольно забавныя недоразумѣнія: нѣкоторые „націи“ имѣли только по одному представителю, который, понятно, не могъ выбирать самъ себя. Одинъ шведъ искалъ для составленія „національной“ группы — представителей другихъ скандинавскихъ государствъ; но, не зная ихъ лично, не могъ ихъ найти. Нѣсколько присутствовавшихъ русскихъ литераторовъ избрали своимъ президентомъ И. С. Тургенева, а вице-президентомъ — П. Д. Боборыкина. Англичане, итальянцы, имперскіе нѣмцы, австрійскіе нѣмцы, американцы избрали президентами: гг. Тома-Тейлора, Мауро-Макки, Швейбеля, Витмана, Уайта. Э. Абю пригласилъ въ составъ новаго бюро еще г. Ашетта, предсѣдателя корпораціи книгопродавцевъ. Провозглашеніе имени Тургенева было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ, а когда новое бюро заняло свое мѣсто и Э. Абю уступилъ русскому писателю мѣсто предсѣдателя, то знаки одобренія повторились съ еще болѣею силою.

Послѣ этого, французскіе и иностранные члены конгресса, по предложенію Э. Абю, распредѣлились по отдѣленіямъ или коммиссіямъ, посредствомъ заявленія, при новой перекличкѣ,—той коммиссіи, къ которой каждый изъ нихъ хотѣлъ принадлежать. Этихъ коммиссій или отдѣленій было три; каждая должна была специально обсудить часть вопросовъ, включенныхъ въ программу конгресса. Первой коммиссіи подлежали вопросы юридической теоріи: о правѣ литературной собственности, его условіяхъ и срокѣ, о томъ, должно ли это право быть приравнено къ имущественному праву вообще или же опредѣляться особымъ закономъ; о воспроизведеніи, переводѣ и передѣлкѣ (adaptation). Второй коммиссіи, которая была прозвана

„дипломатическою“, подлежали вопросы юридическіе положительныя: о международныхъ соглашеніяхъ для охраненія литературной собственности; о недостаточности конвенцій, нынѣ существующихъ, и тѣхъ затрудненій, какія представляютъ установленныя въ нихъ формальности; объ установленіи точной формулы для замѣны ею прежнихъ, разнообразныхъ формулъ, включавшихся въ конвенціи по этому предмету. Третья коммиссія должна была обсуждать вопросы характера преимущественно социальнаго: о современномъ положеніи литературнаго труда и литераторовъ въ разныхъ странахъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ для улучшенія ихъ быта. Такъ какъ наиболѣе практическаго значенія могло представлять обсужденіе вопросовъ, предоставленныхъ второй коммиссіи, то я записался въ нее. Впрочемъ, при самомъ образованіи коммиссій вновь выяснилось, что главной цѣлью конгресса, по мысли его организаторовъ, было охраненіе правъ французскихъ авторовъ за-границей: вторая коммиссія была многочисленнѣе другихъ, и самъ президентъ Société des gens de lettres Э. Абю принялъ участіе во второй коммиссіи.

Коммиссіи избрали себѣ президентовъ и вице-президентовъ. Первая избрала президентомъ г. Мишеля Массона, вице-президентомъ—г. Гэ (Guay); вторая—президентомъ самого Э. Абю, вице-президентами—гг. Тургенева и Молесвѣрта; третья—президентомъ—г. Мауро-Макки, вице-президентами—гг. Одебранда и Швейбеля.

Всѣ эти предварительныя дѣйствія: составленіе новаго бюро, раздѣленіе вопросовъ между коммиссіями и распредѣленіе по нимъ членовъ конгресса, наконецъ, выборы въ коммиссіяхъ велись съ такою правильностью и практичностью, что любо было смотрѣть: въ этомъ сказывалась парламентская привычка. Но самое обсужденіе вопросовъ, т.-е. пренія, съ самаго начала стали идти въ рознь и затягиваться. Цѣлыхъ два общіихъ собранія были заняты организаціею; третье все было посвящено разсужденіямъ о томъ, какъ распредѣлить мѣста въ театрѣ Châtelet для перваго публичнаго засѣданія, — того, въ которомъ Викторъ Гюгò долженъ былъ формально открыть сессію конгресса. Э. Абю, на сдѣланный ему запросъ, объяснилъ, что правительство предоставило конгрессу выборъ между залами нѣсколькихъ государственныхъ зданій, но что предпочтеніе отдано театру Châtelet, такъ какъ въ немъ 3,500 мѣстъ. Казалось бы, при такой обширности залы, полтораста членовъ конгресса, даже ихъ семейства и пріатели могли размѣститься въ ней безъ всякаго затрудненія. Но нѣтъ; этотъ „вопросъ“ вызвалъ весьма оживленныя и продолжительныя пренія. Г. Абю сообщилъ, что члены конгресса, если они на это согласны, будутъ занимать партерръ, ложи будутъ предоставлены ихъ близкимъ, а верхнія галереи — студентамъ. Но спра-

шивалось, будутъ ли билеты для всѣхъ или только для гостей, гдѣ будутъ раздаваться эти билеты и т. д. Заявлялось даже, что такъ какъ члены конгресса будутъ сидѣть всѣ вмѣстѣ, отдѣльно отъ своихъ женъ, то въ залѣ будетъ много „вдовъ“, и спрашивалось, куда же посадить ихъ? На это возражалось, что „даму все-таки будетъ сопровождать кавалеръ“ и т. п. Къ довершенію многосложности задачи, подлежащей обсужденію, тутъ же шла рѣчь и о банкетѣ, имѣвшемъ быть въ день того же, т.-е. перваго публичнаго засѣданія. Въ какомъ отелѣ будетъ банкетъ, сколько мѣстъ, гдѣ получать обѣденные билеты и проч. Все это, разумѣется, кончилось тѣмъ, съ чего слѣдовало начать: отказавшись отъ „выработки“ всѣхъ этихъ подробностей въ засѣданіи, конгрессъ поручилъ ихъ устройство предсѣдателю и секретарямъ литературнаго комитета. Положимъ, парижанину могло казаться естественнымъ употребить два часа для того, чтобы увѣриться въ полученіи для своего семейства билетовъ на публичное засѣданіе „съ Викторомъ Гюгô“. Но иностранцу, пріѣхавшему на конгрессъ изъ-за 2½ тысячъ верстъ, или хотя бы изъ-за 500 верстъ, чтобы присутствовать на конгрессѣ, было довольно странно видѣть, что изъ семи предполагаемыхъ засѣданій одно было цѣликомъ посвящено толкамъ о размѣщеніи въ театрѣ Châtelet. Вообще время сперва тратилось такъ, какъ-будто предстояла цѣлая парламентская сессія, а не какой-нибудь десятокъ засѣданій.

III.

Но возвратимся нѣсколько назадъ. Послѣ перваго же засѣданія, русскіе условились собраться особо, чтобы столковаться между собою. Такихъ сходокъ было двѣ. Мы пріѣхали въ Парижъ въ разное время, не всѣ даже были знакомы, и, конечно, не могли знать о каждомъ изъ своей среды, каковы его взгляды на самую сущность литературной собственности, не говоря уже о разнообразныхъ вопросахъ, изъ нея возникающихъ или ея касающихся. Но случилось такъ, что мы сговорились очень легко. Помня свойства разныхъ литературныхъ собраний въ Петербургѣ, мы даже сами нѣсколько удивились, приди такъ скоро къ соглашенію. Можетъ быть, земляки за границей все-таки сильнѣе чувствуютъ свою солидарность, можетъ быть, случайно нашлись люди сговорчивые, но только мы, повторяю, сговорились очень скоро.

Прежде всего было признано, что составъ нашего кружка совершенно случайный. Мы не были представители или „делегаты“ русской печати, хотя въ спискахъ конгресса мы и числились какъ

délégués russes. Никто насъ не избиралъ, никакихъ полномочій у насъ не могло быть и никого мы въ дѣйствительности не представляли, кромѣ себя самихъ. А между тѣмъ, находишься въ чужой средѣ, мы все-таки не могли не представлять до нѣкоторой степени русскую печать, точно такъ какъ первый встрѣчный солдатъ, въ извѣстномъ смыслѣ, все-таки служитъ представителемъ своего полка. Въ глазахъ прочихъ членовъ конгресса, мы все-таки были les délégués de Russie. Отсутствіе всякаго права на представительство и вѣсть о необходимости согласиться между собою по-крайней-мѣрѣ насчетъ русскаго интереса въ этомъ дѣлѣ—эти два факта и опредѣляли наше положеніе. Мы раздѣлили предметы сужденій конгресса на два рода: вопросы общіе и специально русскій интересъ въ международныхъ литературныхъ соглашеніяхъ. По отношенію къ общимъ вопросамъ, не было никакой нужды, чтобы мы являлись съ какимъ-нибудь коллективнымъ мнѣніемъ. Такъ, одинъ могъ видѣть въ правѣ литературной собственности—видъ имущественнаго права, другой—только привилегію, даруемую закономъ; одинъ могъ отрицать всякіе сроки, другой могъ одобрить 50-ти-лѣтній срокъ, третій—25-ти-лѣтній и т. д. Точно также для сообщенія конгрессу свѣдѣній о цѣнахъ литературнаго труда въ Россіи и т. п. не было нужды, чтобы мы показывали согласно. Ко всѣмъ этимъ предметамъ мы должны были относиться просто какъ единичные члены конгресса, высказывая личныя мнѣнія и личныя наблюденія.

По отношенію же къ русскому интересу въ международныхъ литературныхъ конвенціяхъ мы не могли не явиться представителями русской печати, хотя и случайными, неуполномоченными. Такъ на насъ смотрѣли на конгрессѣ, да и не могли смотрѣть иначе. Стало быть, въ этомъ случаѣ мы уже должны были явиться солидарными, хотя бы для того, чтобы не разсмѣшить конгрессъ, толкуя интересъ Россіи каждый по-своему. Различивъ, такимъ образомъ, наше положеніе въ отношеніи разныхъ предметовъ сужденія, мы съ-разу освободились отъ обсужденія между собою всей программы конгресса, что повело бы къ нескончаемымъ преніямъ. Сговориться надо было только о томъ, полагаемъ ли мы возможнымъ, чтобы въ Россіи иностранныя сочиненія не могли быть переводимы и передѣлываемы, а иностранныя пьесы представляемы иначе какъ съ платою иностраннымъ авторамъ за право такихъ перевода, передѣлки и представленія?

Оказалось, что всѣ мы были расположены охранить не иностраннаго автора, а русскаго переводчика. Но въ то же время мы всѣ признавали, въ томъ или иномъ смыслѣ, самый принципъ литературной собственности. Иначе, понятно, мы бы не явились на конгрессъ,

посвященный вопросамъ объ ея охраненіи. Какъ согласить такія двѣ вещи, какъ провозглашеніе литературной собственности и защиту нарушеній или исключеній изъ принципа въ пользу русскихъ переводчиковъ—вотъ что представляло затрудненіе. Поставить вопросъ такъ, что, признавая справедливость охраненія авторскихъ правъ, мы въ то же время, имѣя въ виду исключительность положенія Россіи, считаемъ необходимымъ, чтобы тѣ права иностранныхъ авторовъ, которыя не охранены въ Россіи нынѣшними литературными конвенціями, и впредь оставались не охраненными, было нелогично: это значило бы отрицать общій принципъ въ виду частныхъ потребностей. И почему именно для одной Россіи такое исключеніе?—возразили бы намъ: полного равенства между національными культурами все равно существовать не можетъ. И развѣ справедливо, чтобы недостаточный человѣкъ обиралъ богатаго потому только, что самъ нуждается? Возраженія эти легко было предвидѣть; они дѣйствительно и представлялись впоследствии каждый разъ, какъ только съ нашей стороны упоминалось объ „исключительномъ положеніи Россіи“.

Итакъ, очевидно, слѣдовало сдѣлать уступки, признать справедливымъ соглашеніе нашихъ литературныхъ конвенцій съ принципомъ литературной собственности во всѣхъ ея видахъ. На „исключительность“ нашего положенія можно было ссылаться только какъ на второстепенный мотивъ, для опредѣленія размѣра уступокъ, но не какъ на основной мотивъ, чтобы ихъ вовсе не дѣлать, чтобы оставить нѣкоторыя права иностранныхъ авторовъ вовсе не охраненными въ Россіи. Короче: слѣдовало требовать не исключенія изъ общаго принципа въ пользу Россіи, но нѣкотораго смягченія въ примѣненіи общаго принципа къ ней.

Существующія литературныя конвенціи (или торговые трактаты) между Франціей и другими странами давали намъ средство потребовать такого смягченія, вовсе не прибѣгая къ нарушенію принципа, а тѣмъ болѣе къ отрицанію его. Такъ, въ силу конвенцій 3-го ноября 1851 года между Франціей и Англіей, авторы, издавшіе свои сочиненія въ одной изъ этихъ странъ, могутъ сохранить за собой право изданія перевода этихъ сочиненій въ другой странѣ, но не навсегда, а только на 5-ти-лѣтній срокъ, со дня изданія перевода, дозволеннаго авторомъ. Итакъ, здѣсь принципъ признанъ, но примѣненіе его смягчено тѣмъ, что охраненіе авторскаго права перевода дѣйствуетъ только въ теченіи пяти лѣтъ. Вотъ и была готовая для насъ почва, чтобы пріискать соглашеніе между полнымъ признаніемъ принципа литературной собственности, со всѣми его послѣдствіями, и огражденіемъ русскаго интереса въ переводахъ. Слѣдовало признать принципъ, но установить для иностранныхъ авторовъ такой

срокъ на право дозволить переводъ въ Россію, который не наносилъ бы ущерба нашему серьёзному интересу.

Само собой разумѣлось, что этотъ срокъ не могъ бы быть пятилѣтній, равный тому, какой условленъ между Франціею и Англіею. Здѣсь собственно при опредѣленіи срока и умѣстно было сослаться на то, что наша культура далеко не можетъ равняться съ англійскою или французскою, что если англичане выговорили себѣ право переводить французскія книги и безъ согласія ихъ авторовъ черезъ пять лѣтъ по изданіи дозволеннаго перевода (который долженъ появиться въ годичный срокъ со дня изданія оригинала), то отъ насъ, русскихъ, будетъ уже большою уступкой, если мы опредѣлимъ этотъ срокъ въ пользу иностранныхъ авторовъ въ три или два года, вмѣсто существующаго нынѣ свободнаго права русскихъ переводчиковъ переводить иностранныя книги безъ всякаго согласія ихъ авторовъ.

Подобная уступка совершенно освобождала насъ отъ необходимости впадать въ логическое противорѣчіе и вѣсть неловкую рѣчь на такую тѣму, что то, что можетъ быть хорошо для всѣхъ, не хорошо только для одной Россіи, просить въ ея пользу какого-то особеннаго исключенія, въ силу „исключительности ея положенія“, въ родѣ того, какъ освобождаются отъ платы за ученіе представленіемъ свидѣтельства о бѣдности.

А между тѣмъ, уступка эта вовсе не нарушала бы нашего серьёзнаго интереса. Онъ представляется, собственно говоря, переводомъ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ книгъ. Для насъ важно, чтобы эти переводныя книги не вздорожали вслѣдствіе того налога, какой пришлось бы уплачивать въ пользу ихъ авторовъ. Но много ли ученыхъ сочиненій и учебниковъ переводятся у насъ въ первый годъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ за границу? Весьма рѣдко русскій переводъ является ранѣе двухъ-трехъ лѣтъ послѣ изданія оригинала. Теперь положимъ, что въ нашу литературную конвенцію съ Франціею, 6 апрѣля 1861 года, вводится сохраненіе за авторами обѣихъ странъ исключительнаго права на изданіе или дозволенія на изданіе перевода въ теченіи трехъ лѣтъ со времени изданія оригинала. Положеніе было бы тогда слѣдующее: во Франціи выходитъ книга, и привозится въ Россію. Знающіе французскій языкъ могутъ тотчасъ прочесть сочиненіе въ оригиналѣ. Затѣмъ, авторъ ея или оговорилъ себѣ право перевода, или не оговорилъ его. Въ первомъ случаѣ онъ обязанъ издать русскій переводъ ея или одобрить его изданіе въ теченіи годичнаго срока. Итакъ, не позже какъ черезъ годъ, русскіе, интересующіеся книгою, но незнающіе по-французски, получаютъ возможность приобрѣсти русскій переводъ, дозволенный авторомъ, и

за это, конечно, платить нѣсколько дороже, чѣмъ стоилъ бы русскій переводъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Эта переплата и представляла бы ту премію, какую мы улачивали бы каждому иностранному автору въ теченіи двухъ лѣтъ, въ видѣ дани его авторскому праву. Переплата эта, въ сущности, падала бы на тѣхъ русскихъ потребителей, которые находили бы удобнымъ или необходимымъ для себя купить новинку. По истеченіи этой двухлѣтней привилегіи автора, всякій имѣлъ бы право издавать новый переводъ книги, безъ согласія автора, какъ это дѣлается теперь. Это представляло бы достаточную гарантію противъ дороговизны или неудовлетворительности перваго перевода, дозволеннаго авторомъ. Если цѣна его слишкомъ высока или переводъ сдѣланъ дурно, изданъ съ чисто-спекулятивной цѣлью, а на книгу предвидится при иныхъ условіяхъ спросъ, то непременно появятся новые переводы, болѣе удовлетворительные или болѣе дешевые, такіе переводы, которые сдѣланы безъ согласія автора и безъ уплаты ему гонорара. Правда, эти переводы могли бы появляться не ранѣе, какъ чрезъ два года по выходѣ въ свѣтъ перваго; но вѣдь это замедленіе вовсе не важно, особенно когда хоть какой-нибудь переводъ все-таки уже имѣлся и ранѣе.

Второй случай—тотъ, что авторъ не оговорилъ себѣ исключительнаго права на изданіе перевода (*droit de traduction réservé*). Тогда книга могла бы быть переведена тотчасъ же, на томъ же основаніи, какъ издаются русскіе переводы теперь. Наконецъ, третій случай—тотъ, что авторъ, оговоривъ себѣ привилегію перевода, тѣмъ не менѣе не удовлетворилъ условію, подъ которымъ она ему предоставлялась бы: не издалъ бы или не побудилъ бы издать одобреннаго имъ русскаго перевода въ теченіи года со времени появленія въ свѣтъ оригинала. Въ этомъ случаѣ, право свободнаго перевода этой книги открылось бы для всѣхъ черезъ годъ послѣ изданія оригинала—промедленіе очень неважное.

Въ общемъ результатѣ, на практикѣ произошло бы слѣдующее: большинство иностранныхъ книгъ ученыхъ и учебныхъ тогда, какъ и теперь, издавалось бы въ рускомъ переводѣ не ранѣе трехъ лѣтъ со времени выхода ихъ оригиналовъ, и переводы эти не были бы дороже, чѣмъ теперь, такъ какъ они могли бы дѣлаться послѣ этого срока и безъ уплаты авторамъ вознагражденія. Затѣмъ, нѣкоторые такіе сочиненія издавались бы въ рускомъ переводѣ ранѣе, чѣмъ теперь, но стоили бы нѣсколько дороже; это была бы премія за новинку. Далѣе: произведенія иностранныхъ беллетристовъ и драматическихъ писателей уже въ гораздо большемъ числѣ переводились бы на русскій языкъ съ согласія авторовъ и съ уплатою имъ вознагражденія. Но вѣдь, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ прямо не затронутъ

интересъ умственнаго развитія страны, надо же соблюдать полную справедливость. Можно ли утверждать, что умственные интересы Россіи пострадаютъ, если иностранные романы въ русскомъ переводѣ будутъ стоить нѣсколько дороже въ теченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ выхода въ свѣтъ въ оригиналѣ, хотя по истеченіи этого срока русскіе переводы ихъ будутъ издаваться совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и теперь, т.-е. независимо отъ согласія авторовъ и безъ вознагражденія ихъ? Почему читатель романа г. Белѣ въ русскомъ переводѣ ни въ какомъ случаѣ не долженъ заплатить извѣстный процентъ автору, если желаетъ прочесть его произведеніе вскорѣ по выходѣ его въ свѣтъ? Умственное развитіе Россіи, очевидно, вполне мирится въ этомъ случаѣ съ отсрочкою на три года.

То же самое, но еще въ сильнѣйшей степени, примѣняется и къ переводамъ иностранныхъ драматическихъ пьесъ. Русскій переводчикъ французской комедіи или оперетты самъ получаетъ но-спектакльную плату; почему же онъ не можетъ заплатить французскому автору вознагражденіе за право немедленнаго перевода его пьесы? Вѣдь переводчикъ новой пьесы гоняется именно за новинкой, — пусть же платитъ за нее. Какъ бы высока ни была цѣна, которую потребовали бы съ переводчиковъ иностранныхъ комедій ихъ авторы, русскій репертуаръ переводныхъ пьесъ все-равно не могъ бы оскудѣть: черезъ три года по первомъ изданіи за границей всѣ лучшія пьесы могли бы быть переведены на русскій языкъ безъ всякой уплаты иностраннымъ авторамъ.

Еще менѣе казался намъ заслуживающимъ оградженія тотъ расчетъ казенныхъ театровъ въ Петербургѣ и Москвѣ, который состоитъ въ томъ, чтобы пьесы французскія и нѣмецкія играть у насъ *съ оригиналь* безъ всякаго вознагражденія ихъ авторамъ. Представленіе оригинальной пьесы безъ вознагражденія автора приравнивается уже не къ даровому переводу, а къ даровому воспроизведенію оригинала. Оно, очевидно, нарушаетъ справедливость безъ ощутительной пользы для кого бы то ни было. Иностранные сцены у насъ, какъ извѣстно, въ совокупности своей, приносятъ не доходъ, но дефицитъ. Дѣятельность ихъ не зависитъ отъ степени ихъ доходности. Почему же соблюдать при этомъ экономію именно въ такомъ пунктѣ, гдѣ она нарушаетъ справедливость? На нашей частной сценѣ не оказалось ни одного голоса, который бы возражалъ противъ отмѣны этого страннаго обычая.

Такимъ образомъ, бесѣда наша очень скоро выяснила съ полной опредѣлительностью, въ какомъ смыслѣ было наиболѣе рачительно и наиболѣе удобно выставить русскій интересъ на конгрессѣ: при-

знаніе принципа литературной собственности во всѣхъ ея видахъ, съ предоставленіемъ каждому изъ насъ высказывать свой личный взглядъ на сущность и теорію авторскаго права; признаніе возможности ввести въ литературныя конвенціи, заключенныя или имѣющія "быть заключенными Россією, охраненіе и тѣхъ авторскихъ правъ, которыя доселѣ не охраняются, какъ-то именно: право не дозволить представленія иностранныхъ пьесъ въ оригиналѣ и исключительное право иностранныхъ авторовъ на изданіе и продажу одобренныхъ ими переводовъ въ Россіи въ продолженіи двухъ лѣтъ со времени изданія такихъ переводовъ, при условіи выпуска ихъ въ годичный срокъ со дня появленія оригиналовъ. Сверхъ того, намъ показалось необходимымъ оговорить безусловную свободу перевода (безъ всякаго срока) журнальных статей въ объемѣ не болѣе двухъ печатныхъ листовъ.

Оставался вопросъ о передѣлкахъ (adaptation). Но за невозможностью опредѣлить сколько-нибудь точно, что такое передѣлка: компиляція или самостоятельный трудъ съ ссылками на другихъ авторовъ, мы условились посмотреть — удастся ли кому-нибудь изъ членовъ конгресса опредѣлить съ точностью передѣлку, предоставляя себѣ согласиться съ распространеніемъ на нее положеній о переводѣ въ такомъ только случаѣ, если опредѣленіе передѣлки будетъ признано удовлетворительное.

Содержаніе нашей бесѣды было передано И. С. Тургеневу, который пригласилъ насъ собраться у него, чтобы переговорить еще разъ. Здѣсь г-нъ Тургеневъ сильно настаивалъ на необходимости охранять право свободнаго перевода иностранныхъ книгъ въ Россіи, но совершенно согласился съ тѣмъ выводомъ изъ дилеммы, какой былъ условленъ между нами, — имѣлъ, что предоставленіе авторамъ двухлѣтней привилегіи перевода является необходимой уступкою принципу литературной собственности, не нанося въ то же время сколько-нибудь чувствительнаго ущерба серьезному интересу Россіи въ этомъ дѣлѣ. Онъ взялся сказать нѣсколько словъ по этому поводу въ общемъ собраніи конгресса. Одинъ изъ насъ рѣшился изложить во второй комиссіи нашъ взглядъ на возможность измѣненій въ смыслѣ большаго (противъ нынѣ существующаго) охраненія правъ иностранныхъ авторовъ въ Россіи, а другой выразилъ желаніе коснуться собственно вопроса о драматическихъ произведеніяхъ. Третій изъ нашей среды, учений пріестъ, объявилъ, что будетъ защищать въ первой комиссіи ту теорію, по которой литературная собственность возникаетъ не изъ естественнаго права, но изъ опредѣленія положительнаго закона. Четвертый изъяснилъ желаніе сообщить третьей комиссіи нѣкоторые сужденія объ экономическомъ положеніи литераторовъ въ Россіи. Но, какъ уже сказано выше, всѣ такія мнѣнія и

сообщенія дѣлались безъ всякаго общаго сговора между нами; общее соглашеніе было нужно только по вопросу объ измѣненіяхъ въ литературныхъ конвенціяхъ Россіи съ другими государствами.

IV.

Публичное засѣданіе въ залѣ театра Châtelet происходило 17-го іюня. По программѣ предполагалось, что оно будетъ посвящено преніямъ, какъ всѣ общія засѣданія. Предполагалось, что вслѣдъ за рѣчью Виктора Гюгѣ, которая послужитъ формальнымъ открытіемъ конгресса, тотчасъ же приступлено будетъ къ общимъ преніямъ о правѣ литературной собственности, его условіяхъ и т. д.,—о вопросахъ, порученныхъ первой комиссіи. Но, вѣсто того, засѣданіе 17-го числа было просто, такъ-называемымъ „торжествомъ“ и несколько не подвинуло дѣла впередъ.

По-утру мы всѣ завтракали съ г-нѣмъ Тургеневымъ, и онъ сообщилъ намъ, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе своей рѣчи. Засѣданіе началось рѣчью президента „литературнаго общества“—Э. Абю. Рѣчи Виктора Гюгѣ и г-на Тургенева были переведены въ русскихъ газетахъ, и потому я не обязанъ излагать ихъ, хотя считаю нелишнимъ сдѣлать краткую оцѣнку, для разъясненія того характера, какой онѣ имѣли среди данныхъ обстоятельствъ. Но рѣчь Э. Абю была передана нашими газетами въ слишкомъ сжатомъ видѣ, и мнѣ хочется привести изъ нея два мѣста. Одно изъ нихъ интересно потому, что выяснило самымъ рельефнымъ образомъ, каково было значеніе международнаго литературнаго конгресса по мысли его организаторовъ. Другое интересно такъ, — само по-себѣ.

Указавъ на ту переимѣну, какая произошла въ экономическомъ положеніи людей, живущихъ литературнымъ трудомъ, въ послѣднее столѣтіе, г. Абю перешелъ къ законамъ, обеспечивающимъ литературную собственность въ разныхъ странахъ, и призналъ, что почти во всѣхъ образованныхъ странахъ литературная собственность мѣстныхъ писателей обезпечена не менѣе удовлетворительно, чѣмъ во Франціи. Затѣмъ онъ продолжалъ: „но то, чего не достаетъ почти повсюду, это — удовлетворительное охраненіе правъ писателя иностраннаго. Остается редактировать такой международный законъ, въ силу котораго въ каждой странѣ писатель иностранный пользовался бы тѣми же преимуществами, какими пользуются писатели мѣстные, національные, — то-есть, чтобы произведенія его не могли быть ни перепечатываемы, ни переводимы, ни играемы на сценѣ безъ формальнаго его на то согласія“. Я отмѣчаю и привожу эти слова по-

тому, что въ нихъ заключаются всѣ данныя для одѣнки послѣдовавшихъ затѣмъ на конгрессѣ голосованій, то-есть рѣшеній, постановленныхъ литературнымъ конгрессомъ.

Итакъ, французское „литературное общество“, организовавшее этотъ конгрессъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, официально заявило, что оно созвало конгрессъ *для прінятія* готового, вполне опредѣленного положенія, въ силу котораго иностранный авторъ во всѣхъ правахъ приравнивается въ каждой странѣ къ авторамъ національнымъ. Итакъ, хотя въ программѣ этого перваго международнаго литературнаго конгресса было поставлено обсужденіе всѣхъ вопросовъ о литературной собственности, начиная съ опредѣленія самой ея сущности, но на дѣлѣ конгрессу, по мысли его организаторовъ, *оставалось* только провозгласить равенство правъ писателей иностранныхъ съ національными во всѣхъ странахъ. Наиболѣе замѣстиваній дѣлается у литературы французской, и естественно, что общество французскихъ литераторовъ наиболѣе заинтересовано въ провозглашеніи такого начала. А такъ какъ въ составѣ конгресса члены этого французскаго общества составляли сперва двѣ-трети, а подъ конецъ (когда многіе иностранцы уѣхали)—три-четверти, то прінятіе готового предложенія, выработаннаго въ этомъ обществѣ, не могло подлежать сомнѣнію. Значить, постановленія, принятые на конгрессѣ, представляютъ не результатъ самостоятельнаго обсужденія международнымъ собраніемъ всѣхъ вопросовъ литературной собственности, но результатъ *сотировація* французскимъ большинствомъ, при участіи иностранныхъ членовъ, готового предложенія, исходившаго отъ французскаго литературнаго комитета.

Другое мѣсто рѣчи г-на Абю интересно само по себѣ, такъ какъ оно напоминаетъ о значеніи, пріобрѣтенномъ литераторами среди народовъ, опередившихъ другіе на пути развитія. „Первый министръ Великобританіи—одинъ изъ наиболѣе остроумныхъ и изящныхъ романистовъ въ англійской литературѣ. Въ Испаніи и Италіи министромъ бывають, но большей части, публицисты, пріобрѣвшій значеніе, и даже—какъ нашъ любезный Кастеляръ—поэтъ, снизошедшій къ политической прозѣ. Во Франціи осуществилось и даже превзойдено извѣстное изреченіе Наполеона — „если бы Корнель жилъ въ мое время, я бы сдѣлалъ его моимъ первымъ министромъ“. Въ самомъ дѣлѣ, былъ день, въ 1848 году,—день, въ самомъ дѣлѣ прекрасный, когда царемъ Франціи явился Ламартины! И нынѣ ораторъ парламентскаго большинства, предсѣдатель бюджетной коммиссіи, leader нашей внутренней и внѣшней политики, есть писатель по профессіи, который, на моихъ глазахъ, прямо изъ парламентскаго огня являлся въ свою редакцію, брался за перо и работалъ до полу-

ночи, для газеты, между журналистомъ — депутатомъ Спюллеромъ и журналистомъ — сенаторомъ Шальмшель-Лакуромъ. Да и кто же былъ основателемъ нашей третьей, неразрушенной республики, послѣ того, какъ онъ же освободилъ родную территорію? — журналистъ, критикъ, историкъ, чьи литературныя заслуги, нинѣ заслоненныя его патристическими подвигами, со временемъ создадутъ ему двойную славу. Важнѣйшіе ораторы сената — Жюль Симонъ, Литтра, Эменъ Пеллтанъ, Шартонъ, Анри Мартенъ, Фуше де-Карейль — были и остались литераторами*.

Перехожу къ оцѣнкѣ рѣчи Виктора Гюгô. У насъ принято подтрунивать надъ его краснорѣчіемъ, и у каждого судьи, не умѣющаго сложить правильно и трехъ словъ, въ этомъ случаѣ тотчасъ является шаблонное слово „фраза“. Но вѣдь это слово еще ничего не опредѣляетъ. „Фразой“ можно, пожалуй, назвать всякое такое выраженіе мысли, въ которомъ есть какая-нибудь оригинальность, каждое остроумное сравненіе, каждый призывъ къ чувству читателя или слушателя. Тогда — конецъ литературной формѣ. Изложеніе мысли будетъ то, какое встрѣчается въ казенныхъ бумагахъ, а ораторская сила будетъ заключаться въ восклицаніяхъ: „вотъ вамъ и все! Судите сами! Затѣмъ, къ чему?“ — или въ той непредѣльной водянистости нѣкоторыхъ нашихъ ораторовъ, которые полагаютъ краснорѣчіе въ напыщеніи цѣлыхъ періодовъ изъ словъ, значущихъ одно и то же.

Конечно, я не хочу сказать, что умно поступилъ бы тотъ, кто у насъ въ публичной рѣчи сталъ бы подражать Виктору Гюгô. Но слово оратора, какъ и комедія, какъ романъ, имѣетъ свои національныя свойства. Сверхъ того, ораторъ — не только литературный авторъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ неясномъ смыслѣ — артистъ, такъ какъ онъ самъ стоитъ лицомъ къ лицу съ той публикой, къ которой обращено его слово. Онъ долженъ не только правильно развивать мысль, какъ кабинетный писатель, но еще сообразоваться, какъ артистъ, съ свойствами аудиторіи, — угадывать даже ея минутное настроеніе. Онъ старается не только убѣдить слушателей резонами, но еще увлечь ихъ, подчинить ихъ на время себѣ, такъ-сказать, — подкупить ихъ въ пользу своего тезиса. Если не признавать за ораторомъ этихъ правъ, то ораторовъ вовсе не нужно; вмѣсто произнесенія рѣчей, слѣдуетъ просто читать дѣловыя бумаги. Въ нихъ не будетъ „фразъ“.

Итакъ, оратора нельзя судить отдѣльно отъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ говорилъ. Итальянскій ораторъ намъ можетъ показаться слишкомъ „фразистымъ“, но нашего оратора въ Италіи не станутъ слушать, — такъ онъ покажется скученъ, тяжелъ и даже тривиаленъ. Южный темпераментъ требуетъ блеска, требуетъ поэзіи.

И вотъ, Викторъ Гюго, вмѣстѣ съ Кастеларомъ, — представители того ораторства, которое увлекаетъ южанъ, — ораторства поэтическаго. Рѣчь Гюго или Кастелара можно переложить въ стихи и она составитъ поэму. А стало-быть, и судить о формѣ ихъ рѣчи слѣдуетъ именно съ этой точки зрѣнія. Затѣмъ — достоинство содержанія рѣчи зависитъ уже, конечно, отъ вѣсности аргументовъ и логичности ихъ построения.

Что долженъ былъ сказать при данныхъ обстоятельствахъ именно Викторъ Гюго? Разумѣется, прославить вліяніе литературы на человечество, привѣтствовать иностранцевъ, по поводу выставки и литературнаго съѣзда сдѣлать призывъ къ общему миру и разоруженію, заклеймить вслѣдствіе войны, наконецъ, по поводу праздника возрожденія силъ Франціи — потребовать политической амнистіи. Именно это долженъ былъ сказать человѣкъ съ убѣжденіями и съ положеніемъ В. Гюго; онъ это и сказалъ. Затѣмъ, какъ онъ это сказалъ — вопросъ національнаго вкуса. Онъ говорилъ: „обширный союзъ труда во всѣхъ его видахъ, величественное зданіе братства между людьми, имѣющее основаніемъ — крестьянъ и рабочихъ, вѣнцомъ — представителей разума. — Добро пожаловать, писатели, ораторы, поэты, философы, мыслители, борцы, васъ привѣтствуетъ Франція. — Литература даетъ мѣру народамъ: двухъ-милліонное войско проходитъ, Илиада остается. — Ненависть — ненависти, война — войнѣ! — Увѣнчаемъ Францію прощеніемъ. Празднество есть дѣло братства; праздникъ, который не приноситъ кому-либо прощенія, не есть праздникъ“. Конечно, сѣверный ораторъ употребилъ бы иные выраженія, болѣе утѣренныя, менѣе живописныя и рельефныя, однимъ словомъ — менѣе поэтическія. Но странно было бы осуждать южнаго оратора за то, что онъ, согласно вкусамъ своего народа, стоитъ ближе къ поэту, чѣмъ ораторъ сѣверный; въ особенности, не логично осуждать за это такого оратора, который самъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ всѣхъ литературъ, и специально въ лирической поэзіи едва ли даже имѣетъ равнаго себѣ.

„Дѣловая“ часть рѣчи В. Гюго была та, въ которой онъ высказалъ свой взглядъ на литературную собственность. Онъ ставитъ на первомъ планѣ интересъ автора при его жизни, интересъ публики послѣ его смерти. Напомнивъ о своемъ проектѣ рѣшенія вопросовъ о литературной собственности, заявленномъ еще въ 1836 году, онъ предлагалъ признать безусловно право автора при его жизни, а затѣмъ право общества (*domaine public*), такъ чтобы по смерти автора всѣ издатели имѣли право издавать его сочиненія подъ единственныимъ условіемъ — уплаты прямымъ его наслѣдникамъ пяти или десяти процентовъ съ чистой прибыли отъ изданій.

Признаюсь, я не понимаю тѣхъ возраженій, какія были сдѣланы у насъ двумя-тремя писателями противъ рѣчи г. Тургенева. Говоря послѣ В. Гюго, среди собранія, въ которомъ на одного иностранца было пятьдесятъ французовъ, обращаясь къ хозяевамъ, пригласившимъ къ себѣ гостей, онъ не могъ не выразить сочувствія къ Франціи. Затѣмъ, что ему оставалось сказать о русской литературѣ, имѣвшей участников на конгрессѣ: что литература наша еще молода, что мы учились у Европы, что въ сравнительно короткое время Россія произвела, однако, замѣчательныхъ писателей; что прежде мы были только учениками Европы, теперь же въ насъ признають товарищей. Такова была его краткая рѣчь, и такова она должна была быть. Если при этомъ связь нашего литературнаго развитія съ европейскимъ онъ иллюстрировалъ именами французскихъ писателей, то это было естественно. Вѣдь онъ же вовсе не хотѣлъ сказать и не сказалъ, будто всѣмъ своимъ литературнымъ развитіемъ мы обязаны одной Франціи. Онъ только въ видѣ примѣровъ, наиболѣе знакомыхъ и дорогихъ французамъ, указалъ на имена Мольера, Вольтера, Виктора Гюго. Онъ вовсе не обязанъ былъ непременно упоминать еще Шекспира, Шиллера, Гёте, Гегеля, а, пожалуй, Бюлля и Дарвина, какъ не обязанъ былъ называть Руссо, Монтескье, энциклопедистовъ, Канта, Ренана, Тэна, или живыхъ русскихъ писателей. Обращаясь къ французамъ, нашъ ораторъ назвалъ три французскихъ имени въ видѣ иллюстраціи. Не странно ли было бы требовать, чтобы онъ назвалъ пятьдесятъ именъ всѣхъ національностей, имѣвшихъ влияние на наше развитіе. Въ такомъ случаѣ однихъ именъ въ его рѣчи было бы столько же, сколько въ ней строкъ. Вѣдь его рѣчь не была трактатомъ. Она была просто привѣтствіемъ въ отвѣтъ на привѣтствіе.

Или не понравилось то, что г. Тургеневъ призналъ насъ учениками западной Европы, хотя тутъ же прибавилъ, что теперь иностранцы признають въ русскихъ писателяхъ товарищей? Но вѣдь кто же отвергаетъ, что мы ученики Европы — этого не отвергаютъ сами славянофилы. Быть можетъ, наши рьяные націоналы хотѣли бы, чтобы Тургеневъ сказалъ въ торжественномъ засѣданіи международнаго литературнаго конгресса: „что вы сыплете фразы! Ну, куда вамъ тягаться съ нами; одна наша современная беллетристика (въ томъ числѣ и мои произведенія) стоить всѣхъ вашихъ нынѣшнихъ, взятыхъ вмѣстѣ“. Но сказать нѣчто подобное воленъ только начинающій литературный критикъ въ русскомъ журналѣ, желающій создать себѣ оригинальную фizioномію. Этого не могъ сказать Тургеневъ на международномъ литературномъ съѣздѣ. Вообще, повторяю, чтобы вѣрно оцѣнить рѣчь, надо самому присутствовать при ея про-

несеніи, такъ сказать, дышать тѣмъ самымъ воздухомъ, въ которомъ она раздается. И я увѣренъ, что сами авторы возраженій, сдѣлавшихъ г. Тургеневу на его рѣчь, если бы они присутствовали въ театрѣ *Châtelet*, не рѣшились бы произнести рѣчь въ смыслѣ своихъ возраженій. То, что имъ издали показалось умно, вблизи показалось бы имъ совсѣмъ иначе.

Рѣчь г. Тургенева была встрѣчена съ сочувствіемъ, и когда онъ поименовалъ пять славныхъ именъ нашей литературы, раздались голоса: „et vous! et vous!“ Этотъ эпизодъ извѣстенъ читателямъ; но я, какъ свидѣтель, долженъ прибавить что „голосѣвъ“, сдѣлавшихъ это заявленіе, было немалое число; можно сказать, что это былъ крикъ публики. Я былъ даже нѣсколько удивленъ. Переводы сочиненій г. Тургенева на иностранные языки, давнее пребываніе его въ Парижѣ, его связи съ мѣстными литераторами, конечно, приготовили меня къ тому, что онъ въ Парижѣ очень извѣстенъ. Но оказалось, что онъ не только извѣстенъ: онъ популяренъ. Каково бы ни было наше уваженіе къ родному писателю, вамъ пріятно, когда вы видите, что его цѣнятъ и чужіе. И вотъ, я могу сказать, что на конгрессѣ никто, послѣ Виктора Гюго, не пользовался такой популярностью, какъ Тургеневъ.

Нѣмецкіе литераторы избрали себѣ ораторомъ въ торжественномъ засѣданіи г. Лёвентала. Г. Лёвенталь написалъ пространную рѣчь, цѣлую тетрадь, рѣчь основательную, „безъ фразъ“, которую нѣкоторые наши критики, вѣроятно, поставили бы выше рѣчи В. Гюго, но крайне тяжелую и скучную. Въ залѣ стало распространяться уныніе и то непріятное чувство, которое ощущается, когда человѣкъ—въ неловкомъ положеніи, догадываясь притомъ, что онъ самъ начинаетъ чувствовать себя не комфортабельно, но не знаетъ, какой найти исходъ. Мало-по-малу послышались частные разговоры, а г. Лёвенталь все еще читалъ, выводилъ что-то о Лессингѣ, отъ котораго, по-видимому, никакъ не могъ отстать. Мнѣ было его жаль. Онъ читалъ нѣчто въ родѣ толковой статьи для „*Conversations' Lexicon*’а“. Съ точки зрѣнія нѣмечкой, въ его рѣчи была та неловкость, что онъ формально наставлялъ на равенствѣ германской литературы съ французскою. „*Nous sommes vos égaux, messieurs; nous pouvons traiter avec vous de puissance à puissance*“¹⁾. Не говоря уже о неудачности этого послѣдняго выраженія въ словахъ оратора націи, недавно побѣдившей другую оружіемъ, странно было видѣть, что нѣмецъ старается доказать равенство своей литературы съ литературою французскою или англійскою, какъ будто въ этомъ могло быть сомнѣніе, какъ

¹⁾ „Мы равны съ вами, господа; мы можемъ относиться къ вамъ какъ сила къ силѣ“.

будто это требовало доказательствъ и настойчиваго заявленія на конгрессѣ.

Впрочемъ, г. Лёвенталь говорилъ совсѣмъ не съ цѣлю высказать что-либо непріятное для французовъ; напротивъ, онъ говорилъ о примиреніи, согласіи и даже дружбѣ. Но говорилъ онъ такъ скучно, что отъ него ожидали только, чтобы онъ кончилъ. Вдругъ, при такомъ совершенно не торжественномъ настроеніи публики, г. Лёвенталь, въ заключеніе своихъ словъ о примиреніи, проинесъ: „Германія, въ лицѣ коею, подаетъ руку Франціи, въ лицѣ Виктора Гюго“. Читая эти послѣднія слова, ораторъ протянулъ руку черезъ тетрадь и сталъ искать руки В. Гюго. Тотъ всталъ, подошелъ къ г. Лёвенталю, и пожалъ ему руку, при аплодисментахъ. Жаль было добросовѣстнаго, но нечеловѣка нѣмца. Мои сосѣди, французы, хотя поощривъ рукоплесканіями конецъ этой сцены, видимо были довольны, что „нѣмецъ провалился“. „Почему же тѣ двое говорили хорошо,—замѣтилъ кто-то,—а этотъ не могъ?“ „Тѣ двое“ — это были гг. Тургеневъ и Мауро-Мавки.

Послѣдняя рѣчь принадлежала г. Жюлю Симону. Онъ говорилъ не въ качествѣ министра, но въ качествѣ литератора. Ж. Симонъ не поэтъ, какъ В. Гюго; онъ публицистъ и парламентскій вождь. Однако-же и его рѣчь, по формѣ, была гораздо болѣе похожа на рѣчь Гюго, чѣмъ на рѣчь г. Лёвентали. Приведу нѣсколько строкъ въ видѣ образчика. „Обращаясь къ вамъ, любимыи отъ столькихъ народовъ,—какъ мнѣ назвать васъ?—иностранцами? Нѣтъ, я дамъ вамъ благословенное, священное имя гостей и друзей. Литераторъ долженъ идти во главѣ своей націи по пути прогресса. Создадимъ единство, но не однообразіе. Останемся всѣ тѣмъ, что мы есть. Сохранимъ наши традиціи, которыя служатъ намъ догматами, сохранимъ наше знамя, которое для насъ—религія, сохранимъ нашихъ великихъ людей, которые намъ — предки; но соединимся всѣ въ стремленіи къ цѣли единой—къ общему благу человѣчества“.

Вечеромъ того же дня былъ обѣдъ членовъ конгресса, въ „континентальномъ“ отеле, въ улицѣ Кастильонъ. Роскошь парижскихъ отелей постоянно возрастаетъ. Зала, въ которой давался обѣдъ, была бы умѣстна въ любомъ дворцѣ. Въ меню, конечно, не обошлось безъ одного кушанья à la Congrès, и безъ чего-то, носившаго названіе internationales. Присутствовало человѣкъ до двухъ-сотъ. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ В. Гюго и произнесъ еще небольшую рѣчь. Онъ — еще бодрый старичокъ, съ коротко обстриженными сѣдыми волосами. Онъ теперь имѣетъ скорѣе видъ добродушнаго буржуа и нисколько не похожъ на тѣ давнишніе портреты, на которыхъ онъ изображался въ позѣ Іоанна Богослова Гвидо Рени, съ огромной, поэтически-всколо-

ченной шевальерой. По правую сторону отъ него сидѣли гг. Абѹ, бельгійскій делегатъ де-Лавелѣ, Лабинь, Фуше де-Карейль; по лѣвую — гг. баронъ де-Ваттевилъ, директоръ департамента наукъ и литературы (sciences et lettres), Жюль Симонъ, германскій делегатъ Швейбель. Упомяну въ двухъ словахъ о главныхъ сличкахъ.

Г. Швейбель едва ли не болѣе, чѣмъ какой-либо членъ конгресса имѣлъ право на названіе „делегата“, потому что онъ былъ формально избранъ представителями германской печати въ Берлинѣ, какъ уполномоченный ихъ на парижскомъ съѣздѣ. Г. Швейбель загладилъ то неблагопріятное впечатлѣніе, какое было произведено рѣчью г. Лѣвентала въ публичномъ засѣданіи. Онъ говорилъ съ тактомъ, взывалъ къ согласію народовъ во имя общей ихъ свободы, упоминалъ о большомъ влияніи, какое французская литература оказала въ извѣстномъ историческомъ періодѣ на германскую, напоминалъ, что Шиллеръ гордился званіемъ гражданина французской республики, которое было дано ему конвентомъ. Сличъ итальянскаго сенатора Массарини не былъ особенно замѣчателенъ самъ по себѣ, но онъ вызвалъ всеобщую демонстрацію сочувствія въ пользу Италіи. Въ честь Франціи было предложено иностранцами нѣсколько тостовъ, и всѣ они были приняты сочувственно. Г. де-Лавелѣ, какъ и всѣ бельгійцы, говорилъ съ той легкостью и округленностью, которые свойственны только французамъ. Онъ говорилъ въ тонѣ юмористическомъ, напомнивъ сперва, что Бельгія нѣкогда наиболѣе отличалась нарушеніемъ иностранной литературной собственности. „Если бы я явился въ то время среди васъ,—сказалъ онъ,—вы бы встрѣтили меня криками: *mais vous êtes d'abominables voleurs!* Но времена измѣнились и какъ почти все дурное на свѣтѣ имѣетъ и свою хорошую сторону, такъ и наша контрафакція, быть можетъ, принесла свою пользу: она показала первый примѣръ дешевиzny книгъ, она доказала выгоду ихъ удешевленія. Между тѣмъ, дешевиzny книги — одинъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ прогресса“. Г. Боборыкинъ выразилъ въ нѣсколькихъ словахъ сочувствіе, какое встрѣчаетъ въ Россіи новѣйшая французская школа реализма. Пусть бы тѣ наши писатели, которые увидѣли униженіе русской литературы въ словахъ г. Тургенева, который заявилъ, однако, о равноправности ея съ западно-европейскими, не слушали, съ какимъ добродушнымъ юморомъ говорилъ австрійскій делегатъ г. Виттманъ о современномъ направленіи общественной мысли въ Австріи. „Мы не можемъ имѣть притязанія на какое-либо преобладаніе“, замѣтилъ онъ: „сказать правду, мы, австрійцы, сами не совсѣмъ даже ясно видимъ, гдѣ теперь наше литературное отечество. Мы являемся какъ-бы кочевымъ народомъ, и среди европейскихъ литературъ представляемъ въ настоящее время

нѣчто въ родѣ цитаты“. Г. Виттманъ разсказалъ далѣе, какъ бѣлились нѣкогда директоры вѣйскихъ театровъ заключенія литературной конвенціи съ Францією. При тѣхъ постоянныхъ заимствованіяхъ, какія въ Вѣнѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, дѣлались и дѣлаются у французской сцены, имъ казалось, что подобная конвенція послужитъ только въ пользу французовъ. „Но чтобы охранять свое право, необходимо научиться уважать и чужія права“. Спичъ г. Виттмана имѣлъ наибольшій успѣхъ.

V.

Я долженъ еще разъ возвратиться къ замѣчанію, что организаторы конгресса созвали его для того, чтобы предложить ему готовую формулу. Эта формула была высказана президентомъ Société des gens de lettres г. Э. Абѣ, въ его рѣчи на первомъ же общемъ собраніи. Вотъ ея сущность: „въ каждой образованной странѣ иностранецъ долженъ пользоваться, въ отношеніи собственности своихъ произведеній, тѣми же правами, какія имѣютъ писатели національные“. Мы уже видѣли выше, что эту же формулу высказалъ г. Абѣ и въ публичномъ засѣданіи, прямо указавъ въ примѣненіи ея—главную цѣль конгресса.

Между тѣмъ, изъ семи предложенныхъ его засѣданій, четыре прошли, въ такъ называемыхъ „приготовительныхъ работахъ“, т.е. въ составленіи бюро и комиссій, обсужденіи условій публичнаго засѣданія, наконецъ, въ торжественныхъ заявленіяхъ, бывшихъ на этомъ засѣданіи, а дѣло не подвигалось впередъ. Сдѣлано было только одно существенное: внесена была записка, составленная адвокатомъ „литературнаго общества“, г. Селлье (Celliez), подъ заглавіемъ: „предложеніе о выраженіи конгрессомъ желанія относительно правъ авторовъ на произведенія ихъ, издаваемые въ иностранныхъ земляхъ“ ¹⁾. Записка эта, прочтенная во второй комиссіи и розданная членамъ конгресса, представляла собою въ дѣйствительности предложеніе, дѣлаемое конгрессу самими его организаторами, т.е. бюро французскаго литературнаго общества, хотя по формѣ она и являлась только въ видѣ единичнаго предложенія одного изъ членовъ конгресса. Но ей дано было первое мѣсто на очереди разсужденій и она была рекомендована какъ докладъ, который представить матеріалъ и практическую почву для преній конгресса.

¹⁾ Proposition d'un vœu à exprimer par le congrès relativement au droit des auteurs sur leurs oeuvres publiées en pays étranger. Par M. Henry Celliez. Paris. 1878. Impression votée par la 2-e Section.

Въ этой запискѣ ставилось въ видѣ основного положенія, что авторское право или право литературной собственности есть *право естественное*, истекающее изъ того неотъемлемого свойства чловѣка, что онъ можетъ не сообщать своей мысли никому или сообщить ея выраженіе другимъ. Далѣе въ запискѣ содержится историческій обзоръ тѣхъ особыхъ, различныхъ и въ сущности постороннихъ мотивовъ, какими признаніе авторскаго права сопровождалось въ конвенціяхъ, заключенныхъ въ разное время Франціею съ другими государствами. Основнымъ мотивомъ конвенцій, заключенныхъ въ періодѣ 1843—1851 года, была „взаимность“ въ признаніи авторскихъ правъ договаривающимися сторонами. Съ 1854 года въ конвенціяхъ является еще новый принципъ: кромѣ взаимности, договаривающіяся стороны вводятъ ограниченіе правъ иностранныхъ авторовъ въ томъ смыслѣ, чтобы эти авторы не могли пользоваться въ каждой странѣ не только большими правами, чѣмъ мѣстные писатели, но также большими правами, чѣмъ авторъ каждой страны пользуется въ ней самой. Напримѣръ, чтобы французскій авторъ пользовался въ великомъ герцогствѣ баденскомъ никакъ не большими правами, чѣмъ онъ пользуется въ самой Франціи, хотя бы баденскіе авторы, положимъ, пользовались, по мѣстнымъ законамъ, болѣе продолжительными сроками авторскаго права, чѣмъ тѣ, какіе установлены во Франціи.

Докладъ г. Селлѣ находилъ не рациональнымъ всѣ такіе посторонніе мотивы и истекающія изъ нихъ ограниченія; онъ признавалъ, сверхъ того, излишними всѣ разнообразныя формальности, какими обставлены въ отдѣльныхъ конвенціяхъ условія, дающія иностраннымъ авторамъ возможность воспользоваться и тѣми правами, которыя конвенціями признаются. Докладъ ссылается на французскій законъ 1852 года, который впервые провозгласилъ безусловно и независимо отъ всякой взаимности права иностранныхъ авторовъ на покровительство ихъ собственности во Франціи. Въ декретѣ 28 марта 1852 г. постановлено, что „контрафакція на французской территоріи сочиненій, изданныхъ за-границею и исчисленныхъ въ статьѣ 425-й уголовного кодекса, составляетъ проступокъ (*délit*)“. „Итакъ,—сказано въ докладѣ,—французская территорія оказываетъ покровительство иностраннымъ авторамъ безусловно (т.-е. безъ условія взаимности). Произведеніе иностранца пользуется во Франціи тѣми же правами, какъ произведеніе французскаго автора“.

Вотъ этотъ-то принципъ безусловнаго покровительства докладъ и ставить основнымъ принципомъ для всѣхъ будущихъ международныхъ литературныхъ соглашеній. По мнѣнію автора доклада, это и наиболѣе справедливо, и наиболѣе практично, такъ какъ при провозглашеніи такого принципа можно будетъ устранить всѣ тѣ раз-

нообразныя и стѣснительныя формальности, какими по настоящее время обставлено въ конвенціяхъ самое пользованіе иностранныхъ авторовъ и тѣми правами, какия признаются за ними каждою страной. Въ силу этого принципа въ каждой странѣ литературная собственность охранялась бы совершенно одинаково, кто бы ни былъ собственникъ: иностранецъ или мѣстный гражданинъ, подобно тому, какъ вездѣ охраняется совершенно одинаково всякая иная собственность, причемъ не дѣлается никакого различія между собственностью иностранца и собственностью гражданина.

По этимъ соображеніямъ, докладъ предлагалъ конгрессу принять слѣдующую формулу: „когда произведеніе литературное, ученое или артистическое будетъ сообщено публикѣ (издано) въ ной странѣ, чѣмъ та, въ которой оно первоначально появилось, то оно будетъ пользоваться некровителствомъ тѣхъ же законовъ, какъ и произведенія, имѣющія мѣстное, національное происхожденіе“.

По прочтеніи доклада самимъ его авторомъ, г. Абѹ пояснилъ иностраннымъ членамъ конгресса, что такъ какъ конгрессъ не есть собраніе законодательное, то принятіе ими этой формулы будетъ имѣть только тотъ смыслъ, что они обязуются, возвратясь домой, поддерживать у себя этотъ принципъ, защищая его въ печати и стараясь склонить къ принятію его свои правительства.

Ясно было, что съ спеціальной точки зрѣнія русскаго интереса, мы, русскіе литераторы, не могли принять на себя обязательства поддерживать эту формулу, несмотря—признаюсь прямо—на всю ея справедливость въ смыслѣ отвлеченномъ. Если французъ, нѣмецъ и англичанинъ, издающіе свои сочиненія за-границею, получили бы въ Россіи права литературной собственности равныя тѣмъ, какими пользуются русскіе писатели, или иностранные подданные, издающіе свои произведенія въ Россіи, то право свободнаго перевода было бы тѣмъ самымъ уничтожено. Русская публика должна была бы платить иностраннымъ авторамъ уже не ту кратковременную премію, на которую мы готовы были согласиться, но вознагражденіе за все время существованія авторскаго права для русскіхъ писателей по русскимъ законамъ, то-есть во все время жизни автора и еще 50 лѣтъ послѣ его смерти. Переводить, положимъ, хоть Тэна, безъ его согласія и безъ вознагражденія его, можно было бы не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти.

Итакъ, мы рѣшились говорить и подавать голоса противъ формулы Селля, хотя это было тѣмъ труднѣе, что этой формулѣ нѣтъ было отказать въ рациональности и простотѣ.

VI.

Пренія, по предложенію Селлье, начались во второй комиссіи послѣ пятого общаго собранія. До тѣхъ поръ, пренія все какъ-то расходились въ разныя стороны, въ частности—представляли не что иное, какъ рядъ особыхъ случаевъ—*incidents*. Такъ, однажды итальянскій делегатъ Сонцоньо протестовалъ противъ словъ, дѣйствительно слишкомъ безцеремонныхъ, г. Эдмонда Абю относительно „кражи“, какой подвергаются французскіе авторы за границею, причемъ въ числѣ другихъ странъ была упомянута и Италия. Этотъ *incident* вызвалъ оживленныя препирательства, которыя, разумѣется, кончились ничѣмъ, кромѣ заявленія Эдмондомъ Абю его глубокаго сочувствія Италиі. Въ другой разъ французскій романистъ князь Любомирскій „поставилъ на судъ конгресса“ тотъ фактъ, что въ одномъ скандальномъ городѣ появляются въ особомъ изданіи романы французскихъ авторовъ по мѣрѣ того, какъ оканчивается ихъ печатаніе въ фельетонахъ газетъ. Это изданіе производится безъ всякаго сношенія съ авторами, выходитъ гораздо раньше, чѣмъ изданіе ими дозволенное, и раскупается въ 3 тысячахъ экземпляровъ въ разныхъ странахъ. Оно исполнено опечатокъ, и, конечно, содержитъ въ себѣ всѣ тѣ случайныя ошибки, которыя устраняются авторами при пересмотрѣ ими произведеній для напечатанія книгою. Никакого вознагражденія издатели-воры авторамъ не платятъ, и когда ни. Любомирскій написалъ имъ однажды, просто прося прислать себѣ одинъ экземпляръ, то они съ него же потребовали продажную цѣну этого экземпляра.

Ближе къ главному предмету было заявленіе бразильскаго литератора Санта-Анна-Нери. Онъ объявилъ, что въ Бразиліи законы вовсе не признаютъ литературной собственности и ничѣмъ ее не обезпечиваютъ, такъ что если, по предложенію Селлье, французскіе авторы будутъ приравнены въ Бразиліи къ авторамъ національнымъ, то они отъ этого выиграютъ немного.

И. С. Тургеневъ въ предшествовавшихъ общихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ комиссіи нѣсколько разъ заявлялъ, что русскіе литераторы, по исключительности положенія Россіи, не могутъ согласиться на безусловное охраненіе правъ иностранныхъ авторовъ въ Россіи по отношенію къ переводамъ, что мы еще не въ состояніи признать того равенства правъ, котораго требуетъ формула Селлье, что со временемъ и мы, конечно, приблизимся къ этому равенству; но что теперь оно хотя и признается нами справедливымъ, но только въ смыслѣ идеальномъ, а мы находимся еще въ необходимости отсрочить

осуществленіе этого идеала. Затѣмъ, г. Тургеневъ заявилъ, что тѣ уступки, какія могутъ быть нами сдѣланы, заключаются въ представленіи иностраннымъ авторамъ двухъ-лѣтняго срока послѣ наденія дозволеннаго ими русскаго перевода, въ теченіи какового срока никто не будетъ имѣть права издавать новый переводъ безъ ихъ дозволенія; онъ пояснилъ далѣе, что этотъ же двухлѣтній срокъ, по нашему мнѣнію, могъ бы быть распространенъ и на право перевода драматическихъ сочиненій. Что же касается представленія на русскіхъ сценахъ пьесъ иностранныхъ авторовъ въ оригиналѣ, безъ ихъ согласія и безъ вознагражденія имъ, то г. Тургеневъ объявлялъ, что онъ и его товарищи признаютъ это несправедливымъ, но не могутъ обѣщать конгрессу, что ихъ мнѣніе въ данномъ случаѣ будетъ для кого-либо не только обязательнымъ, но хотя бы уважительнымъ. Наконецъ, онъ прибавилъ, что мотивы нашего мнѣнія по вопросу о переводахъ будутъ изложены его соотечественниками.

Заявленіе г. Тургенева вызвало довольно оживленную бесѣду, въ которой, впрочемъ, преобладало недоразумѣніе. Въ числѣ другихъ, г. Белѣ выражалъ удивленіе, къ чему русскіе добиваются какаго-то исключительнаго права и исключительнаго положенія. Другой французскій литераторъ, котораго имени я не упомянулъ, поставилъ намъ на видъ, что, покровительствуя переводчикамъ съ иностранныхъ языковъ, мы тѣмъ самымъ подрываемъ собственное, оригинальное литературное творчество. Это возраженіе имѣло, пожалуй, нѣкоторое основаніе, но крайней мѣрѣ по отношенію къ русскому театру. Прочія же возраженія всѣ вертѣлись на томъ фальшивомъ представленіи, какъ будто мы, русскіе члены конгресса, добиваемся для русскіхъ переводчиковъ правъ *новыхъ*, какъ будто право иностранныхъ авторовъ по отношенію къ переводамъ въ Россіи теперь обезпечено, а мы хотимъ, чтобы оно не было обезпечено, или обезпечивалось меньше, чѣмъ теперь. Г. Тургеневу пришлось вновь объяснять, что мы не требуемъ уступекъ, но сами предлагаемъ ихъ; что, по существующимъ конвенціямъ Россіи съ другими государствами, право иностранныхъ авторовъ по отношенію къ русскимъ переводамъ не обезпечено нисколько; что мы говоримъ объ уступкахъ, какія можемъ сдѣлать въ видѣ шага по направленію къ справедливости идеальной.

Приведу мимоходомъ одинъ довольно характеристическій случай, бывший въ первыхъ засѣданіяхъ. Какой-то французскій литераторъ хотѣлъ поднять вопросъ о комиссіи *du colportage*, то-есть о томъ комитетѣ по дѣламъ печати, который даетъ разрѣшеніе на развозъ газетъ и книгъ или отказывается въ этомъ разрѣшеніи на основаніи такихъ соображеній, которыя не могутъ быть съ точностью опредѣлены закономъ. Противъ этой попытки возстали другіе французы на

томъ основаніи, что это—вопросъ чисто французскій, а не международный. Э. Абю, председатель второй коммисіи, рѣшительно оставилъ говорившаго. „Я наемню оратору,—сказалъ онъ,—выраженіе Наполеона, что свое грязное бѣлье надо стирать промежъ себя. Что сказали бы мы, если бы одинъ изъ делегатовъ такой страны, въ которой существуетъ предварительная цензура, явился къ намъ съ жалобой на ея существованіе? Мы, конечно, нашли бы это неумѣстнымъ. По той же причинѣ считаю не подлежащимъ конгрессу и поднятій сейчасъ вопросъ“. Этотъ „мотивъ“, какъ увидимъ ниже, возвратился впоследствии еще разъ.

VII.

Приведу теперь тѣ соображенія, которыя оправдывали нашу точку зрѣнія на предложеніе Селлье и на все наше отношеніе къ этому дѣлу. Они были заявлены въ запискѣ, составленной однимъ изъ русскихъ литераторовъ; записка эта, съ нѣкоторыми сокращеніями, была прочтена имъ въ конгрессѣ.

Формула, предложенная г. Селлье, представляла бы всѣ выгоды рѣшенія радикальнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы ее приняли, то второй коммисіи не осталось бы ничего болѣе дѣлать. Иностранный авторъ былъ бы сравненъ во всѣхъ правахъ съ мѣстнымъ: болѣе ничего и не нужно бы включать въ конвенцію. Но формула г. Селлье вызываетъ также и тѣ затрудненія, которыя естественно возникаютъ, когда мы предпринимаемъ вкѣстѣ въ единичную, цѣльную формулу—вопросъ весьма сложный.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ данной формулѣ всѣ авторскія права смѣшаны, всѣ виды литературной собственности признаны въ одинаково-безусловной степени. Формула говоритъ только о „правахъ автора“ вообще и требуетъ уравненія правъ автора иностраннаго съ правами автора мѣстнаго. Но между самими правами автора она не дѣлаетъ никакого различія. Она направлена къ сохраненію за авторомъ, въ равной мѣрѣ, и права перенечатыванія, и права перевода или передѣлки, и права представленія на сценѣ. Между тѣмъ такая простота формулы и однообразное признаніе ея правъ, по существу своему весьма различныхъ, на дѣлѣ можетъ не имѣть послѣдствіемъ ни простоты, ни однообразія. Тѣ различія между видами литературной собственности, которыя вы упустили бы сдѣлать въ вашей формулѣ, могутъ быть установлены законодательствомъ отдѣльныхъ странъ. Положимъ, вы, согласно мотивамъ предложенія, устранили принципъ взаимности выгодъ и утвердили для

всѣхъ странъ общее начало, въ силу его раціональности и радикальности того рѣшенія, какое оно даетъ. Но законодатель каждой отдельной страны не можетъ упускать изъ виду положительной ея выгоды, и въ вопросахъ международныхъ соглашеній у него на первомъ планѣ всегда будетъ стоять вопросъ о взаимности выгодъ. И вотъ, съ точки зрѣнія этой взаимности выгоды онъ и сдѣлаетъ различіе между видами международной литературной собственности. Вы устраняете принципъ взаимности выгодъ и провозглашаете только равенство правъ. Но вы не помѣняете каждой отдельной странѣ возстановить принципъ взаимности выгодъ посредствомъ мѣстныхъ законодательныхъ различій.

Такъ въ отношеніи права автора на переводъ. Положимъ, что вы приняли формулу г. Селлѣ и тѣмъ самымъ признали, что право автора оригинала на иностранный переводъ должно быть охраняемо въ иностранныхъ краяхъ точно такъ же, какъ и право перепечатыванія оригинала, то-есть наравнѣ съ тѣми же правами писателей мѣстныхъ. Допустимъ далѣе, что формула, вами принятая, вошла уже и въ литературныя конвенціи. Но это все-таки еще не повело бы къ дѣйствительному уравненію права автора на переводъ съ правомъ автора на перепечатаніе оригинала. Возьмемъ для примѣра двѣ страны, изъ которыхъ одна можетъ только выиграть, а другая — только проиграть отъ уравненія правъ автора на переводъ съ его правомъ на оригиналъ. Законодатель послѣдней страны, имѣя въ виду, что взаимности выгодъ въ данномъ случаѣ не существуетъ, можетъ постановить, что всякое произведеніе, будь оно иностранное или мѣстное, можетъ быть свободно переводимо на другой языкъ, безъ согласія автора, черезъ годъ послѣ его выхода въ свѣтъ. У насъ, въ Россіи, напримѣръ, мѣстныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ выходитъ такъ мало, что законъ легко могъ бы принять право свободного перевода книгъ на русскій языкъ, хотя бы тотчасъ послѣ ихъ изданія. Между тѣмъ перепечатка оригиналовъ оставалась бы безусловно запрещенною на весь срѣзъ, установленный для охраненія литературной собственности. Такимъ образомъ, различіе между правомъ автора на переводъ и правомъ его на оригиналъ было бы создано. Мы не перепечатывали бы чужихъ книгъ, не свободно переводили бы ихъ, и все это дѣлалось бы, нисколько не нарушая формулы г. Селлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь право авторовъ иностранныхъ на русскій переводъ было бы обеспечено или — точнѣе сказать — не обеспечено въ совершенно одинаковой степени, какъ и право мѣстныхъ, національныхъ писателей на иностранныхъ языкахъ.

Вотъ почему представляется необходимымъ и въ самой теоріи имѣть въ виду два принципа: принципъ международной взаимности

выгодъ и принципъ различія по существу между разными видами авторскихъ правъ. Между тѣмъ, формулою г. Селлье первый принципъ прямо устраняется, такъ какъ она требуетъ равенства правъ, независимо отъ взаимности выгодъ, а второй — игнорируется, такъ какъ названная формула не дѣлаетъ никакого различія между видами авторскихъ правъ или видами литературной собственности.

Виды эти слѣдующіе: право перепечатки или воспроизведенія оригинала; всѣ согласны, что это право должно быть обезпечено исключительно за авторомъ, и легко можно допустить принципъ, что это право иностранцевъ могло бы быть охраняемо въ каждой странѣ одинаково съ тѣмъ же правомъ мѣстныхъ гражданъ. Затѣмъ представляется право представленія театральныя пьесы на заграничныхъ сценахъ въ оригиналѣ; мы совершенно согласны, чтобы это право было приравнено къ праву собственности автора на изданіе. Далѣе является — право перевода или передѣлки на иностранномъ языкѣ. Здѣсь уже является различіе съ правомъ на печатаніе оригинала, различіе вовсе не по формѣ только, но по существу, по самой природѣ права, и различіе это необходимо уяснить въ самой теоріи.

Г-нъ Селлье выводитъ сущность права автора на его произведеніе изъ того основнаго положенія, что человѣкъ воленъ сообщить его другимъ или не сообщать. Но вѣдь изъ самаго этого положенія нельзя вывести, что монополія автора на изданіе иностраннаго перевода его сочиненія столь же безусловна, хотя бы въ теоріи, какъ его право на изданіе оригинала. Когда дѣлается переводъ, безъ согласія автора, то въ этотъ моментъ авторъ уже не воленъ издавать или не издавать оригиналъ; оригиналъ уже изданъ. Естественно, переводъ не могъ бы существовать, если бы оригиналъ не былъ изданъ; но все-таки переводъ представляетъ уже новый, хотя и менѣе важный, актъ творчества. Стифенсонъ не могъ бы пустить въ ходъ паровоза, если бы предварительно Уаттъ не изобрѣлъ паровой машины; изобрѣтеніе Стифенсона есть въ дѣйствительности только адаптація, передѣлка. Но оно тѣмъ не менѣе представляетъ новый актъ творчества, продуктъ котораго можетъ быть объектомъ новаго права. Въ переводчикѣ авторъ оригинала встрѣчаетъ сотрудника, хотя бы и явившагося безъ приглашенія; этого сотрудника невозможно безусловно приравнять къ похитителю, такъ какъ онъ вовсе не умаляетъ собственности автора на изданный оригиналъ, и вознагражденіе свое, свой барышъ собираетъ съ совершенно новыхъ потребителей, съ такого рынка, который собственнику оригинала былъ недоступенъ. Правда, авторъ оригинала могъ найти переводчика и издать переводъ въ свою пользу. Но, значитъ, онъ все-таки нуж-

дакъ бы въ сотрудникѣ, и, заплативъ этому сотруднику заработную плату, удержалъ бы себѣ надательскій барышъ съ чужого труда.

Все это сказано единственно съ цѣлю показать, что монополія автора на переводъ не можетъ быть признана безусловно наравнѣ съ монополією его на изданіе оригинала. Но коль скоро эти два права представляютъ различіе по самому существу, естественно, чтобы это различіе сказывалось и въ положительномъ законѣ. Коль скоро отъ права яснаго, несомнѣннаго и цѣльнаго—права на перепечатаніе оригинала—мы переходимъ къ праву менѣе ясному и несомнѣнному и, во всякомъ случаѣ, не цѣльному, то-есть не единичному (такъ какъ является творецъ новой цѣнности—переводчикъ), то тутъ и долженъ являться нѣкоторый просторъ для разнообразія, тутъ должны быть приняты во вниманіе и принципъ взаимности и различіи потребности разныхъ странъ.

Въ такомъ положеніи представляется дѣло даже тогда, когда мы рассматриваемъ право литературной собственности въ смыслѣ права естественнаго (*droit naturel*), если мы приравняемъ его къ общему праву имущественному, напримѣръ, къ праву земельнаго владѣнія. Но въ средѣ самаго конгресса находятся люди—какъ то удостовѣряется преніями первой комиссіи—которые не допускаютъ тождества этихъ видовъ собственности. Они находятъ, что самый объектъ права литературной собственности, въ смыслѣ права естественнаго, не можетъ быть опредѣленъ съ достаточной несомнѣнностью и точностью. Что составляетъ объектъ собственности литературной: рукопись ли оригинала?—въ такомъ случаѣ собственность исчезаетъ съ первымъ изданіемъ; первое ли изданіе книги?—въ такомъ случаѣ дальнѣйшія изданія не подходятъ подъ опредѣленіе; текстъ ли оригинала вообще?—въ такомъ случаѣ иностранный переводъ уже не есть объектъ естественнаго права литературной собственности; переводъ составляетъ и новую рукопись, и новое изданіе, и новый текстъ; служить ли объектомъ самая форма литературнаго произведенія?—но она видоизмѣняется переводомъ или передѣлкой.

Люди, которые рассуждаютъ такъ, держатся того убѣжденія, что право собственности литературной не есть право естественное, что оно создается только посредствомъ привилегій, создается положительнымъ закономъ (*ostroi par la loi*), такъ какъ по отношенію къ собственности литературной нѣтъ права „перваго занявшаго“ (*premier occupant*), которое служить основаніемъ естественному праву собственности земельной. До тѣхъ поръ, пока привилегія не дана, литературная собственность, по этому воззрѣнію, не существуетъ. Очевидно, что если бы конгрессъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ на ли-

тературную собственность, то формула, предложенная г. Селлье для международных конвенцій, уже не истекала бы изъ права естественнаго; безусловное равенство правъ между писателемъ иностраннымъ и мѣстнымъ не явилось бы тогда даже и вопросомъ объ идеальной справедливости, а только вопросомъ объ удобствѣ, и каждая страна могла бы опредѣлять удобство для себя иначе.

Когда была внесена формула г. Селлье, конгрессъ еще не выслушалъ заключеній первой комиссiи относительно опредѣленiя права литературной собственности вообще. Стало быть, самое внесенiе формулы г. Селлье было преждевременно; она какъ-бы предпрѣшала вопросъ о сущности литературной собственности, отправляясь прямо отъ принципа права естественнаго и затѣмъ устраняя всѣ вопросы о взаимной выгодѣ и мѣстныхъ потребностяхъ. Самыя пренiя конгресса, въ общихъ собранiяхъ и въ засѣданiяхъ второй комиссiи, съ самаго начала предпрѣшали вопросъ; они велись, какъ будто естественное право признано. Постоянно говорилось о безусловныхъ правахъ авторовъ, и всякое нарушенiе ихъ именовалось прямо „кражей“. Между тѣмъ, если принять тотъ взглядъ, что источникомъ литературной собственности является только привилегiя, даруемая положительнымъ закономъ, то слѣдуетъ допустить, что „воромъ“ можетъ быть называемъ только тотъ, кто нарушилъ постановленiя положительнаго закона. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда положительнаго закона не имѣется, не можетъ быть и факта его нарушенiя, не можетъ быть рѣчи о кражѣ. Возьмемъ примѣръ. Въ огороженномъ мѣстѣ играетъ оркестръ; вокругъ ограды собралась толпа. Она слушаетъ даромъ, но не нарушаетъ ничьего права. Вы можете сказать: ей слѣдовало бы войти и заплатить за входъ. Но если она не хочетъ войти, можно ли сказать, что она состоитъ изъ воровъ? Совершенно естественно, что люди пользуются тѣмъ, чѣмъ пользоваться не запрещено.

Быть можетъ, право литературной собственности, по своей природѣ, всего ближе подходитъ къ праву изобрѣтателя на его изобрѣтенiе. Собственность—умственная, творческая въ обоихъ случаяхъ. Въ обоихъ же случаяхъ является и равная трудность охраненiя и равная необходимость принимать въ соображенiе—кромѣ правъ автора или изобрѣтателя—право общества. Но вѣдь право изобрѣтателя основывается именно на привилегiи, а всякая привилегiя имѣетъ срокъ. По отношенiю же къ вопросу о переводѣ или перадаѣлкѣ литературныхъ произведенiй посмотрите—въ какомъ положенiи находятся изобрѣтатели. Достаточно видоизмѣнить аппаратъ, добавить къ нему что-нибудь, даже хотя бы исказить, ухудшить его, и со-

дается уже новое право собственности, новая привилегія, на ряду съ признанною за первоначальнымъ изобрѣтателемъ.

Но какой бы ни былъ принятъ взглядъ на сущность литературной собственности, во всякомъ случаѣ, по соображеніямъ, уже изъясненнымъ выше, необходимо установить нѣкоторое принципиальное различіе между разными видами литературной собственности.

Первый видъ—право на перепечатаніе, воспроизведеніе и представленіе на сценѣ оригинала. Только это право и можетъ быть признано безусловнымъ. Только по отношенію къ нему русскіе литераторы не имѣли бы ничего предъявить противъ признанія этого права въ Россіи для иностранцевъ наравнѣ съ правомъ русскихъ писателей, т.-е. на всю жизнь въ пользу автора и на 50 лѣтъ въ пользу его наслѣдниковъ.

Второй видъ—право автора оригинала не дозволить иного перевода, кромѣ наданнаго съ его согласія, то-есть съ вознагражденіемъ ему. Здѣсь право литературной собственности уже перестаетъ быть безусловнымъ. Если мы станемъ разсматривать литературную собственность какъ право на продуктъ труда, то здѣсь—два труда, двѣ рукописи, два изданія, двоякая форма, два творца, двѣ публики, двѣ страны, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои потребности. Россія покупаетъ на 12 милл. франковъ въ годъ однихъ иностранныхъ книгъ; за-границей не покупается русскихъ книгъ и на 100 т. фр. Французскіе журналы и газеты выписываются въ Россію въ сотняхъ экземплярахъ, русскіе во Францію—въ десяткахъ. Уже все это само по себѣ составляетъ едва ли не достаточную премію, уличаемую нами иностранной литературѣ.

У насъ, однако, никто не думаетъ роптать на такое явленіе, естественно возникающее изъ нашей особой потребности. Никому у насъ не приходила и мысль о возможности допустить контрафакцію иностранныхъ книгъ въ Россіи. Тамъ, гдѣ право литературной собственности представляется совершенно яснымъ и цѣльнымъ, мы преклоняемся передъ очевидной справедливостью. Тамъ, гдѣ—какъ въ монополіи перевода—право собственности въ самой теоріи гораздо менѣе ясно и во всякомъ случаѣ не единично, мы все-таки полагаемъ возможнымъ сдѣлать шагъ впередъ, хотя и противный нашимъ интересамъ, но вынуждаемый справедливостью. Мы считаемъ возможнымъ предоставить иностраннымъ авторамъ въ Россіи нѣкоторую долю барыша отъ перевода ихъ произведеній, а именно—кратковременную монополію. Но едва ли было бы согласно съ справедливостью, если бы мы пошли еще дальше, если бы мы согласились, приравнѣвъ авторовъ иностранныхъ къ отечественнымъ въ отношеніи правъ на

переводы, прибавить къ той преміи, которую Россія уплачиваетъ за оригинальныя иностранныя сочиненія, еще—премію со всей нашей, весьма большой, переводной литературы, на весь срокъ, установленный для собственности оригинала. Какъ бы почтененъ ни былъ интересъ авторовъ, не слѣдуетъ при опредѣленіи границъ ихъ права упускать изъ виду и другіе интересы, и прежде всего, конечно,—интересъ всего общества. Иначе мы можемъ прийти къ стѣснительности и даже къ абсурду. Напомню сравненіе, сдѣланное остроумнымъ французскимъ писателемъ, А. Карромъ, который всегда былъ горячимъ защитникомъ права собственности и которому принадлежитъ извѣстное изреченіе, что „литературная собственность есть—собственность“. Онъ же однако предостерегалъ противъ крайностей слѣдующимъ сравненіемъ: вы идете по улицѣ и насвистываете мелодію современнаго композитора; справедливо ли будетъ, если, повстрѣчавшись съ вами въ этотъ моментъ, онъ возьметъ васъ за воротъ и скажетъ: „с'est trois francs!“

Чѣмъ менѣе ясно, чѣмъ болѣе слабо право автора оригинала въ отношеніи къ переводу, тѣмъ сильнѣе выступаетъ именно на первый планъ право публики. Нельзя осудить цѣлые народы на пользованіе плохимъ переводомъ иностраннаго мастерскаго произведенія въ продолженіи двухъ-трехъ поколѣній потому только, что къ автору оригинала подвернулся случайный спекулянтъ и купилъ у него исключительное право перевода, выгадавъ заплаченную ему премію на качество самаго перевода, изъ 40 франковъ съ листа отдалъ 20 автору, а переводчика пріискалъ такого, который за остальные 20 франковъ съ листа сдѣлалъ уродливый переводъ, которымъ цѣлая страна и должна довольствоваться 80, 90, 100 лѣтъ. Наши законы 1828 и 1857 года установили именно право литературной собственности на всю жизнь автора и на 50 лѣтъ со дня смерти автора—въ пользу его наслѣдниковъ. Само собою разумѣется, что если литературная собственность была бы признана вѣчною—какъ того многіе, повидимому, желаютъ, то всѣ указанныя неудобства въ отношеніи права перевода выступили бы еще рельефнѣе. Первый плохой переводъ такъ и оставался бы на вѣчныя времена. А чѣмъ гарантированъ авторъ отъ дурныхъ качествъ русскаго перевода его сочиненій? Много ли есть иностранныхъ авторовъ, способныхъ оцѣнить русскій переводъ?

Итакъ, намъ кажется, что, признавая безусловное право авторовъ въ отношеніи къ воспроизведенію и представленію на сценѣ оригинала, слѣдуетъ изъять изъ общей формулы право перевода и опредѣлять его на иномъ основаніи, на соглашеніи принципа авторской собственности съ принципомъ взаимности выгодъ между двумя націями.

Только такимъ способомъ и можетъ быть соблюдена, въ этомъ случаѣ, дѣйствительная справедливость. Такимъ образомъ, въ то время, какъ право перепечатки, воспроизведеніе было бы выражено въ общей формулѣ, хотя бы въ формулѣ г. Селльѣ, условія собственности по отношенію къ праву перевода продолжали бы подлежать опредѣленію разнообразному, согласному съ измѣняющимися потребностями и интересами разныхъ странъ.

Остается теперь сказать, чѣмъ мы мотивируемъ тотъ двухлѣтній срокъ въ пользу иностранныхъ авторовъ, въ которомъ мы видимъ возможную со стороны Россіи уступку. Въ дѣйствующей конвенціи Франціи съ Англіей 1861 года, срокъ, послѣ котораго иностранная книга можетъ быть переводима безъ согласія автора, опредѣленъ въ пять лѣтъ. Въ Германіи переводъ дѣлается свободнымъ по прошествіи всего двухъ лѣтъ. Но число переводовъ, сравнительно съ числомъ мѣстныхъ оригинальныхъ произведеній, гораздо значительнѣе въ Россіи, чѣмъ въ Англіи и Германіи, или—что то же—наша потребность въ переводахъ больше, тягость налога въ пользу иностранныхъ авторовъ для насъ была бы гораздо чувствительнѣе. Вотъ почему мы не можемъ принять срока доселѣ существующаго въ Англіи, и если примемъ тотъ, какой существуетъ въ Германіи, то это будетъ уже весьма значительною уступкой со стороны Россіи,—жертвой, приносимой 'ею общему принципу охраненія литературной собственности. Итакъ, мы полагаемъ возможнымъ включеніе въ литературныя конвенціи Россіи такого правила, что иностраннымъ авторамъ предоставляется право дозволить или не дозволить изданіе въ Россіи перевода ихъ сочиненій въ теченіи двухъ лѣтъ, со времени выхода въ свѣтъ перваго одобреннаго ими русскаго перевода, если такой переводъ былъ изданъ не позже одного года, по выходѣ въ свѣтъ самаго оригинала въ той странѣ, гдѣ онъ былъ напечатанъ. По истеченіи же этого двухлѣтнаго срока, книга можетъ быть переводима каждымъ независимо отъ согласія иностраннаго автора, также какъ и всѣ тѣ иностранныя книги, которыя не были изданы на русскомъ языкѣ въ теченіи одного года со дня опубликованія ихъ за-границей.

Вслѣдствіе того, отвергая формулу г. Селльѣ въ ея нынѣшнемъ объемѣ, мы согласились бы замѣнить ее слѣдующимъ предложеніемъ: провозглашая еще разъ необходимость охраненія литературной собственности, конгрессъ сдѣлаетъ различіе между воспроизведеніемъ оригинала, будь то книга или драматическая пьеса, и переводомъ или передѣлкой на иностранные языки. Перепечатаніе книгъ и представленіе пьесъ въ оригиналѣ будетъ подчинено дѣйствію формулы г. Селльѣ. Что же касается переводовъ и передѣлокъ, то они и впредь

имѣютъ быть предметомъ законодательныхъ различій въ каждой странѣ между иностранными и мѣстными авторами, съ тѣмъ однако, чтобы каждое законодательство имѣло одну изъ цѣлей—обеспечить за авторомъ первоначальнаго сочиненія (оригинала) законную премію или барышъ, въ видѣ монополіи перевода на опредѣленное число лѣтъ, различное смотря по условіямъ разныхъ странъ, а также сообразно съ принципомъ взаимности выгодъ, и простирающееся отъ 2 до 5 лѣтъ.

Въ заключеніе нелишне сдѣлать еще одно замѣчаніе собственно о передѣлкахъ (adaptation) по отношенію ихъ къ переводамъ. Когда русскіе литераторы обсуждали въ своемъ кружкѣ вопросъ объ уступкѣ въ пользу иностранныхъ авторовъ относительно перевода, то одинъ изъ нихъ справедливо замѣтилъ, что всякое обложеніе перевода будетъ премією въ пользу передѣлокъ и что могутъ явиться такіа передѣлки, которыя, претендуя на значеніе самостоятельныхъ сочиненій, будутъ просто скрытыми переводами. Мы совершенно согласны были бы подчинить передѣлки дѣйствию одинаковыхъ условій съ переводами. Передѣлка гораздо менѣе заслуживаетъ покровительства, чѣмъ открытый переводъ, точно передающій подлинникъ. Но какъ опредѣлить границы между компіляціею и самостоятельнымъ трудомъ, между обзоромъ сочиненія и такимъ сборомъ выписокъ, который былъ бы въ дѣйствительности переводомъ, только неполнымъ? Даже если опредѣлить число строкъ текста переведеннаго безъ всякихъ измѣненій, то и это служить мѣриломъ не можетъ: въ совершенно-самостоятельномъ сочиненіи могутъ быть дословныя цитаты, а можно представить себѣ такую чисто-переводную передѣлку, въ которой не будетъ ни одного цѣльнаго періода изъ оригинала. Опредѣлять, къ какой категоріи сочиненій должна быть отнесена та или другая передѣлка, могъ бы, съ нѣкоторой вѣрностію, только третейскій судъ или литературное жюри, которое бы разсматривало каждый отдѣльный случай. Но возможно-ли дѣйствіе международнаго жюри для рѣшенія спорныхъ литературныхъ вопросовъ? Мы знаемъ, что былъ доселѣ только одинъ примѣръ рѣшенія важнаго политическаго спора международнымъ третейскимъ судомъ, и сомнительно, чтобы эта практика принялась съ успѣхомъ въ республикѣ литературной. Самымъ практичнымъ представлялось бы здѣсь, чтобы авторъ, который нашелъ, что передѣлка его сочиненія, изданная въ другой странѣ, во время дѣйствія его привилегіи на переводъ, есть не что иное, какъ прикрытый переводъ, обращался бы съ просьбой рѣшить этотъ вопросъ къ одному изъ мѣстныхъ литературныхъ обществъ. Впрочемъ, насъ останавливаетъ единственно трудность пріисканія сколько-ни-

будь точныхъ общихъ опредѣленій для распознаванія компиляцій отъ критической работы и передѣлки отъ перевода. Если же конгрессу удалось бы выработать такіа точныя опредѣленія, то мы охотно-бы на нихъ согласились.

Въ концѣ изложенія мотивовъ было напоминаніе, что присутствующіе на конгрессѣ русскіе литераторы не имѣютъ никакихъ полномочій, и что поэтому ихъ мнѣніе по вопросу о будущихъ литературныхъ конвенціяхъ Россіи можетъ быть принимаемо только въ видѣ справки (*à titre de simple renseignement*).

Л. Полонскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1878.

Первыя заботы послѣ мира. — Новыя назначенія. — Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ. — Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще. — Замѣтка о подоходномъ налогѣ. — Нынешнее положеніе крестьянскаго хозяйства. — Преобразование земледѣльческихъ училищъ. — Сибирскій университетъ. — Усиленіе уѣздной полиціи. — Крестьянское самоуправленіе.

Итакъ, Россія заключила миръ. На первый планъ вновь должны выступить наши внутренніе интересы и связанныя съ ними вопросы, тѣ самыя интересы и вопросы, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ органовъ печати, слѣдовало „отсрочить“ для того, чтобы освободить всѣхъ турецкихъ славянъ, дать Россіи если не Царьградъ, то хотя бы нѣкую крѣпкую позицію въ проливахъ и обезпечить свободу выхода изъ Чернаго моря въ море Средиземное. Достигнуты ли такія цѣли, на это отвѣчать очень легко. Не будемъ, однако, останавливаться на разочарованіи нашихъ шовинистовъ, такъ какъ разочарованіе коснулось не ихъ однихъ. Вѣдь и тѣ, кто сперва не жалалъ этой войны, кто не накликалъ ея, кто имѣлъ въ виду интересы русскаго народа болѣе непосредственныя и легче осуществимыя, тѣмъ взятіе Константинополя, и тѣ — разъ война была объявлена, разъ поднято было русское военное знамя — ожидали отъ войны больше, чѣмъ она дала. Шовинисты же поступать теперь логично, если станутъ объяснять неуспѣхъ своихъ стремленій тѣмъ обстоятельствомъ, что внутренніе наши вопросы все-таки не были вполне „отсрочены“. И они были бы правы на этотъ разъ; ошибались они только тогда, когда думали, что можно хоть временно устранить эти вопросы. Можно откладывать рѣшеніе, но нельзя отсрочить дѣйствія, вліянія всѣхъ тѣхъ условій, изъ которыхъ тѣ вопросы возникаютъ, которыя въ тѣхъ вопросахъ сказываются.

Въ видѣ примѣра сойдемся только на внутренній вопросъ, пред-

ставляемый положеніемъ финансовъ. Намъ говорили—теперь не время заниматься финансами, Россія должна начать войну и Россія можетъ вести войну на кредитные билеты. Дѣйствительно, это отчасти и оправдалось. Мы издержали доселѣ на войну около 650 милл. рублей, и изъ этой суммы около 400 милліоновъ представляются вновь выпущенными бумажками. Само собою разумѣется, что цифра 650 милл. руб. далеко еще не обнимаетъ всего итога чрезвычайныхъ расходовъ, сдѣланныхъ Россією за истекшіе 22 мѣсяца (со времени мобилизаци). Она представляетъ собственно только издержки на войну. Но затѣмъ спрашивается, въ какомъ финансовомъ положеніи находимся мы теперь и не повліялъ ли нашъ внутренній финансовый вопросъ на самое рѣшеніе вопроса вѣшняго, на самый исходъ войны. Нынѣшнее финансовое положеніе можетъ быть охарактеризовано въ двухъ словахъ. Не уменьшивъ во время 20-ти-лѣтняго мира той массы кредитныхъ билетовъ, въ сличеніи 700 милл. рублей, которая выросла вслѣдствіе крымской войны, мы нынѣ въ теченіи 15 послѣднихъ мѣсяцевъ увеличили ее еще на 400 милл. рублей. Бумажно-денежное обращеніе увеличилось нынѣ почти въ томъ же размѣрѣ, какъ во время крымской войны; разница лишь въ томъ, что теперь оно увеличилось на 400 милл. рублей въ теченіи 15 мѣсяцевъ, а тогда въ теченіе почти трехъ лѣтъ, и еще въ томъ, что это новое обремененіе прибавилось къ прежнему, которое не было сокращено во время мира. Затѣмъ, процентный долгъ нашъ увеличился къ 22 мѣсяца также на 400 милл. рублей, и соотвѣтственно тому возросъ ежегодный расходъ на системѣ кредита; общее издорожаніе, зависѣвшее отчасти отъ чрезвычайныхъ выпусковъ бумажекъ, должно отразиться въ сильномъ возрастаніи всѣхъ бюджетныхъ расходовъ, а равновѣсіе бюджета, какъ показавъ 1876 годъ, было уже и безъ того нарушено.

Возможно ли сомнѣваться, что наше финансовое положеніе имѣло весьма значительное вліяніе на самый исходъ войны, что оно внушало болѣе смѣлости нашимъ противникамъ, давало менѣе увѣренности намъ самимъ? Та притязательность, съ одной стороны, и та уступчивость—съ другой, какія обнаружались на берлинскомъ конгрессѣ, не были ли обусловлены въ значительной степени именно одними изъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ—вопросомъ финансовымъ?

Останемся еще на нѣкоторое время въ этой области, въ сферѣ финансовыхъ дѣлъ, и занесемъ въ нашу хронику прежде всего ту перемѣну, которая произошла недавно въ управленіи ими. Давно было извѣстно, что М. X. Рейтернъ оставался на своемъ постѣ, несмотря на разстроенное здоровье, только изъ чувства долга, до окончанія войны. Представлять полную оцѣнку дѣйствій современныхъ политическихъ дѣятелей не совсѣмъ согласно съ нашими условіями. Но и

не вдавался въ многостороннюю оцѣнку, какой требовала бы 16-лѣтняя дѣятельность министра финансовъ, мы можемъ указать хотя на то, что въ дѣятельности этой была система, были ясно-сознанныя цѣли. Главнѣйшею цѣлью М. Х. Рейтерна было уравниваніе бюджета; онъ всегда твердо шелъ къ ней и уже приближался къ этой цѣли, когда неожиданная война отдалила на неопредѣленное время его достиженіе. Новый министръ финансовъ занялъ этотъ постъ въ моментъ знаменательный, въ такой моментъ, когда очевидна необходимость рѣшительныхъ мѣръ для возвышенія дохода, между тѣмъ какъ экономическое состояніе рабочей массы должно внушать величайшую осторожность относительно новаго ея обремененія. Слишкомъ очевидно, что въ настоящее время нельзя ограничиться одной задачей возвышенія цифры налоговъ и что, рядомъ съ нею и даже согласно съ нею, представляется необходимость нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны государства въ пользу тѣхъ, для кого платажное бремя и нынѣ оказывалось уже непосильнымъ. Бывшій государственный контролеръ, нынѣшній министръ финансовъ, сколько извѣстно, раздѣляетъ убѣжденіе, что необходимо, не ожидая общей податной реформы, уменьшить тяготу выкупныхъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ цифра ихъ не соответствуетъ дѣйствительной доходности земли.

Дѣйствительно, есть такія жертвы, которыя могутъ быть производимы кратковременныхъ прибылей. Это—тѣ, которыя являются въ видѣ затратъ для поднятія производительныхъ силъ страны. Таковы были въ общемъ результаты громадныя затраты, сдѣланныя при г. Рейтернѣ на постройку сѣти желѣзныхъ дорогъ. Но видѣ не одно сокращеніе пространства, не одно удобство перевозки продуктовъ могутъ способствовать производительности. Не менѣе рациональны были бы нѣкоторые затраты и для того, чтобы вывести изъ тяжелаго положенія значительное число самихъ производителей. Когда идетъ рѣчь о возвышеніи доходовъ государства, то-есть, на практикѣ, объ увеличеніи въ странѣ налоговъ, прежде всего необходимо имѣть въ виду основное положеніе Адама Смита, что налоги должны взиматься только съ чистаго дохода плательщиковъ. Иначе налогъ, коти бы онъ и свазался временной прибылью казны, будетъ наносить экономическія силы страны и въ концѣ-концовъ принесть ущербъ. Соответствуетъ ли этому классическому правилу государственной экономіи такое положеніе значительнаго числа производителей, которое принуждаетъ ихъ уплачивать изъ постороннихъ земледѣлію саработковъ налогъ, падающій на орудіе ихъ производства, на отведенную имъ землю?

Итакъ, предстоящія финансовыя мѣры должны имѣть въ виду двѣ

цѣли, одинаково важныя: увеличить доходы государства и щадить тѣ платежныя силы, которыя уже теперь обложены непомерно. Рядомъ съ казенной прибылью необходимо даже нѣкоторое временное пожертвованіе. Въ чемъ выражалась въ послѣдніе годы заботливость государства по отношенію къ земледѣльческой массѣ? Она выражалась лишь въ разсмотрѣніи и разъясненіи, что изъ крестьянскаго инвентаря можетъ и что не можетъ быть описываемо и продаваемо для взысканія недоимокъ. Иными словами, законодательство въ послѣднее время ограничивалось какъ будто только изысканіемъ и точнѣйшимъ опредѣленіемъ того минимума, при которомъ плательщикъ еще будетъ въ состояніи жить и работать. Но какъ жить и какъ работать при такомъ минимумѣ, возможно ли поддерживать, не только что улучшить хозяйство, возможно ли поддерживать силы почвы—такъ, чтобы случаи неурожавъ не учащались, возможно ли, наконецъ, пережить неурожай, когда онъ явится—объ этихъ вопросахъ, конечно, не могло быть и рѣчи, когда заботливость имѣла не экономическій, но исключительно—фискальный характеръ, когда цѣлью ея было именно только опредѣленіе минимума.

Тягость, а во многихъ мѣстностяхъ и положительная непосильность прямыхъ налоговъ, падающихъ на крестьянъ, не могла не представляться административной власти и доселѣ. Самое дѣлопроизводство низшихъ административныхъ мѣстъ, начиная отъ станowych приставовъ и до губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и казенныхъ палатъ, удостовѣряло этотъ общій фактъ, отражающійся въ массѣ частныхъ случаевъ накопленія недоимокъ, участія и болѣе затруднительности взысканій. Такъ, о станowych приставахъ можно сказать, что они въ настоящее время изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ превратились въ дѣйствительности въ чиновниковъ вѣдомства финансовъ. Становые пристава это (по отношенію къ подушнымъ налогамъ) — наши сборщики податей, русскіе *greciers particuliers*. Имъ некогда заниматься своей прямой, полицейской обязанностью: они завалены перепискою по взысканію податей. Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и казенныя палаты также не могли не замѣтить, что дѣло взысканія затрудняется. Эти учрежденія, разумѣется, доводили объ этомъ до свѣдѣнія высшихъ административныхъ мѣстъ. Но всѣ эти инстанціи доселѣ не рѣшались взглянуть прямо въ лицо главному, коренному факту, а какъ-то ходили вокругъ него, придумывая такіа мѣры, которыя, не уменьшая окладовъ, сдѣлали бы взысканіе платежей въ одно время и болѣе успѣшнымъ и менѣе разорительнымъ. Самъ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, и министерство внутреннихъ дѣлъ, и министерство финансовъ уже сознавали, что продажа крестьянскаго

имущества, служа только къ пополненію той недоимки, какая въ данное время состоитъ на крестьянахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ состоятельность ихъ на будущее время, и, разстроивая такимъ образомъ окончательно бытъ крестьянъ, приводитъ къ еще болѣе значительнымъ недоимкамъ.

Но изъ этого до сихъ поръ не рѣшались сдѣлать общаго вывода: что, стало-быть, необходимо облегчить податную тягость или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать переоцѣнку крестьянскихъ земель въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сама практика указываетъ ихъ непоимѣрность хроническимъ наростаніемъ недоимокъ. Вопросъ о необходимости нѣкоторыхъ пожертвованій казны въ этомъ отношеніи, въ видѣ производительныхъ затратъ, доселѣ не возникъ изъ приведенныхъ соображеній. Всѣ указанныя соображенія оставляли его въ сторонѣ и клонились только къ палліативамъ, относя все зло къ нѣкоторымъ подробностямъ: къ отдѣльнымъ случаямъ, когда мѣстныя власти ошибочно подвергали продажѣ тѣ „необходимые въ крестьянскомъ хозяйствѣ предметы“, которые указаны въ общемъ положеніи о крестьянахъ (ст. 188) и въ положеніи о выкупѣ (ст. 129 и 133), или же къ „несовременности“ продажи крестьянскаго имущества.

Вслѣдствіе такой, по необходимости поверхностной, постановки вопроса, въ самое послѣднее время, вниманіе законодательныхъ учрежденій было обращено на измѣненіе сроковъ, установленныхъ для взноса крестьянами податей, выкупныхъ платежей и другихъ окладныхъ сборовъ. Итакъ, опредѣливъ тотъ „минимумъ“, котораго не должно уже касаться казенное взысканіе, законодательство предпринимало еще облегчить податное бремя для крестьянъ — чѣмъ? — измѣненіемъ срока для уплаты податей, по тѣмъ же окладамъ. Согласно уставамъ о податяхъ, о земскихъ повинностяхъ и положенію о выкупѣ, подати — подушная и оброчная, — земскіе сборы и выкупные платежи вносятся въ казначейства въ два срока въ году. За первую половину года — съ начала января по 1 марта, а за вторую — съ октября по 1 января, въ двухъ равныхъ частяхъ; сверхъ того, плательщикамъ дается еще 15-ти-дневная льгота, считая съ 1 марта и съ 1 января; невнесенные въ эти сроки платежи считаются недоимкою, которая пополняется установленными мѣрами.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ губернскими присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ, министерство внутреннихъ дѣлъ считало полезнымъ узаконить, чтобы всякія „рѣшительныя“ мѣры взысканія недоимокъ съ крестьянъ и особенно продажа ихъ имущества, откладывались до конца года, такъ какъ у крестьянъ обыкновенно только къ началу года бываютъ „нѣкоторые“ запасы сельско-хозяйственныхъ произведеній, во все же остальное время приходилось бы продавать

на пополненіе недоимокъ ту часть хозяйственнаго инвентаря, которая составляетъ необходимую потребность въ крестьянскомъ хозяйствѣ „и которой у большинства крестьянъ даже вовсе не имѣется“.

Но не говоря уже о недостаточности одного измѣненія сроковъ, оказывается, что частную мѣру трудно осуществить, не измѣнивъ сколько-нибудь кореннымъ образомъ той системы, для поправленія которой она являлась бы. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, со стороны министерства финансовъ (вопросъ обсуждался прошлой весной) было сдѣлано слѣдующее возраженіе: вслѣдствіе предлагаемой мѣры самъ собой устроился бы такой порядокъ, что взносъ всего годового оклада распредѣлялся бы не въ теченіи цѣлаго года, но въ концѣ года, а это еще болѣе затруднило бы плательщиковъ, да и администраціи пришлось бы принимать для взысканія недоборовъ мѣры еще болѣе рѣшительныя, чѣмъ доселѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, согласно предложенной имъ мѣрѣ, предполагало узаконить, чтобы до конца года, какъ сельскія общества и начальства, такъ и полиція ограничивались одними „личными мѣрами“ взысканія съ неплательщиковъ. Министерство финансовъ возразило и на это, что неудобно стѣснять сельскія общества въ ихъ дѣйствіяхъ по взысканію недоимокъ съ отдѣльныхъ членовъ, такъ какъ общества отвѣчаютъ за ихъ исправность въ денежныхъ повинностяхъ кругомъ поручкой. При этомъ, однако, вѣдомство финансовъ считало возможнымъ ограничить собственно мѣры полиціи по взысканію недоимокъ, за непополненіемъ ея мѣрами обществъ и волостныхъ начальствъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ рѣшено было, что сроки для взноса податей будутъ устанавливаемы въ каждой губерніи отдѣльно губернскимъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы для первой половины окладовъ срокъ былъ не позже 30 іюня, а для второй 31 декабря; за выборными крестьянскими властями оставляется право употреблять всѣ установленныя доселѣ мѣры взысканія по истеченіи частныхъ сроковъ. Но затѣмъ продажа имущества крестьянъ полиціею будетъ производиться „по возможности“ въ такое время года, когда, по особымъ условіямъ каждой мѣстности, у крестьянъ бываетъ болѣе или менѣе свободныя для уплаты недоимокъ средства. Впрочемъ, примѣненіе этого послѣдняго правила должно быть еще выработано совокупнымъ обсужденіемъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Какое же улучшеніе окажется въ результатѣ? То, что въ разныхъ мѣстностяхъ будутъ установлены разные сроки для взноса годичныхъ платежей и для продажи крестьянскаго имущества на пополненіе недоимокъ. Эта децентрализація особаго рода и опредѣленіе „минимума“, подлежащаго продажѣ, — вотъ все, что найдено было

возможнымъ до сихъ поръ для облегченія податной тягости. И это въ виду такого общаго факта, что, по сознанію самого министерства внутреннихъ дѣлъ, той части инвентаря, которая не составляетъ необходимой потребности въ хозяйствѣ „у большинства крестьянъ даже вовсе не имѣется“. Вотъ и все.

Требуется нѣчто больше этого. Въ части нашихъ сѣверо-западныхъ, даже центральныхъ губерній и въ губерніяхъ сѣверныхъ вся крестьянская масса живетъ среди такой дѣйствительности, отъ которой пресловутый, безземельный, западно-европейскій пролетаріатъ многократно убѣжалъ бы въ Америку. Вѣдь у насъ рѣчь не о 12 или 10 часахъ работы въ день, не о недостаткѣ мяса, картофеля, пива и чаю, но о недостаткѣ нужнаго хлѣба, въ которомъ верно смѣшано съ соею и съ землемъ; о недостаткѣ молока для дѣтей, о необходимости для хозяина, въ промежуткахъ между распаханіемъ поля, ходить „по кусочкамъ“ подъ окнами почти такихъ же бѣдняковъ, какъ онъ самъ. Вѣдь если бы показать англійскому рабочему, какъ живетъ половина того народа, отъ котораго, нѣкогда, чрезмерно рыльные патріоты требовали, чтобы онъ извѣлъ Константинополь, то британецъ сказалъ бы, что это—нищія. Вотъ какова дѣйствительность. Вотъ что необходимо имѣть въ виду при изысканіи новыхъ средствъ для увеличенія доходовъ государства. Однимъ изъ такихъ средствъ первоначально должны явиться нѣкоторыя пожертвованія, и это вовсе не парадоксъ: взгляните на цифру недоимокъ въ податяхъ—она возрастаетъ.

Итакъ, новые средства должны быть извлекаемы только изъ чистаго дохода. Какія формы могутъ быть принесаны для ихъ извлеченія—вотъ второй вопросъ. Первое, что приходитъ на мысль для рѣшенія его, это—введеніе подоходнаго или поразряднаго налога. Податная коммиссія какъ нельзя болѣе кстати издала теперь свои труды по этому предмету. Впрочемъ, составленнаго ею проекта этого налога мы теперь разбирать не будемъ. Мы помѣщаемъ въ этой книгѣ журнала начало статьи г. Черняева, въ которой вопросъ о подоходномъ налогѣ поставленъ болѣе общимъ образомъ и налогъ этотъ разсматривается въ своей сущности и въ результатахъ, какіе онъ произвелъ въ иныхъ странахъ. То, что мы имѣемъ теперь сказать о подоходномъ налогѣ въ нашемъ обзорѣ, и будетъ относиться собственно къ статьѣ г. Черняева. Мы не хотѣли стѣснять автора самостоятельнаго изслѣдованія требованіемъ отъ него какихъ-либо практическихъ оговорокъ, но мы оставили за собой право сдѣлать эти оговорки, нисколько не ослабляющія, впрочемъ, теоретическаго разсужденія автора упомянутой статьи.

Каждый видъ общаго налога имѣеть свои невыгодныя свойства, и налогъ подоходный имѣеть ихъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всякій иной *общій* налогъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что самое требованіе о введеніи подоходнаго налога въ Россіи нераціонально. Въдѣ въ Россіи требованіе этого налога явилось съ цѣлями совершенно-спеціальными. Это двѣ цѣли: во-первыхъ,—отмѣна наименованія „подушныхъ податей“, падающихъ на нѣкоторые сословія и не падающихъ на другія; во-вторыхъ—привлеченіе къ участию въ податномъ бремени такихъ имуществъ и такихъ видовъ труда, которые доселѣ были недостаточно обложены или вовсе не обложены. Какъ средство къ достиженію первой цѣли, подоходный налогъ у насъ былъ проектированъ земствами въ смыслѣ преобразованія существующихъ прямыхъ налоговъ. Какъ средство къ достиженію второй цѣли, подоходный или поразрядный налогъ разумѣлся въ нашей публицистикѣ въ двоякомъ смыслѣ: для облегченія податнаго бремени, нынѣ лежащаго на рабочей массѣ, отнесеніемъ части его на движимый капиталъ и на высшій трудъ; затѣмъ—для увеличенія суммы государственныхъ доходовъ. Могутъ ли обѣ эти цѣли быть достигнуты совмѣстно, это еще—вопросъ. За неизмѣнимъ экономической статистики его нельзя рѣшить а priori. Только опытъ можетъ показать, останется ли какое-либо приращеніе для государственныхъ доходовъ отъ обложенія движимыхъ капиталовъ и высокаго труда, если на счетъ этого неваго обложенія будетъ отнесена сколько-нибудь чувствительная для народа часть его подушныхъ сборовъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что требованіе подоходнаго налога возникло у насъ именно съ цѣлью преобразованія подушныхъ сборовъ и облегченія нынѣшнихъ „податныхъ сословій“, а не съ цѣлью возвышенія суммы доходовъ казны, простой прибавкой подоходнаго налога ко всѣмъ налогамъ существующимъ, безъ всякаго ихъ измѣненія.

Если бы сдѣлано было послѣднее, то подоходный или поразрядный налогъ создалъ бы у насъ нѣчто совершенно нераціональное: тягость подушныхъ сборовъ осталась бы прежняя, въ пользу казны были бы обложены доходы съ движимаго капитала и съ высокаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ, были бы обложены вдвойнѣ доходы съ имуществъ недвижимыхъ и съ торговли, то-есть тѣ доходы, которые нынѣ уже несутъ на себѣ спеціальныя налоги, а теперь были бы подвергнуты еще общему подоходному или поразрядному налогамъ. Не явилось бы ни облегченія, ни уравнительности; напротивъ, лица, пользующіеся доходомъ отъ движимыхъ капиталовъ, остались бы привилегированными въ государствѣ, но съ той разницею, что они были бы привилегированы не только по сравненію съ податными сословіями, а

еще по сравненію съ владѣльцами недвижимыхъ имуществъ и торговыхъ заведеній. Проектъ поразряднаго налога, нынѣ выработанный податною комиссіей, въ сущности и представляетъ такое нераціональное сдѣленіе неравномѣрностей: онъ оставляетъ нынѣшніе подушные платежи и предполагаетъ двойное обложеніе недвижимаго капитала.

Но возьмемъ требованіе о введеніи подоходнаго налога въ томъ смыслѣ, какой оно первоначально имѣло у насъ, въ томъ смыслѣ, какъ оно возникло въ земскихъ собраніяхъ. Оно имѣло цѣлью именно отмѣну неравномѣрности положенія; оно предполагало, что подоходный налогъ будетъ введенъ для отмѣны спеціальныхъ подушныхъ сборовъ съ податныхъ сословій; что различіе въ финансовомъ законодательствѣ „податныхъ“ сословій отъ неподатныхъ будетъ уничтожено; что даже въ случаѣ (почти неизбежномъ, какъ мы всегда предсказывали) если бы оказалось невозможнымъ установить теперь въ Россіи минимумъ дохода, освобождающій отъ обложенія, если на низшей своей ступени подоходный или поразрядный налогъ являлся бы въ дѣйствительности налогомъ на ручной трудъ, — тѣмъ не менѣе, часть общаго бремени нынѣшнихъ подушныхъ сборовъ могла бы быть снята съ народа и перенесена на доходы владѣльцевъ движимыхъ капиталовъ и на высшій профессиональный трудъ. При этомъ, частный вопросъ о размѣрѣ привлеченія къ подоходному налогу владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и торговыхъ заведеній опредѣлялся бы уравнительностью общаго ихъ затѣмъ обложенія, налогами спеціальными и подоходнымъ, съ обложеніемъ владѣльцевъ движимыхъ капиталовъ въ видѣ уплаты послѣдними одного подоходнаго налога, т. е. въ такомъ размѣрѣ, чтобы та и другая собственность, въ общей суммѣ своихъ платежей, была обложена одинаково.

Пусть подоходный налогъ имѣетъ недостатки, какъ всякій иной; пусть его недостатки, по экономическимъ послѣдствіямъ этого вида обложенія, еще больше, чѣмъ невыгоды разныхъ другихъ налоговъ. Но вѣдь онъ все-таки представляетъ налогъ *общій*, а подушные подати — налогъ *частный*. Г. Черняевъ, конечно, согласится съ нами, что общій подоходный налогъ все-таки лучше, чѣмъ одна подушная подать. Вотъ почему мы должны оговориться, что требованіе о введеніи подоходнаго налога въ Россіи, въ томъ смыслѣ, какъ оно явилось, то-есть съ цѣлью отмѣны наименованія подушныхъ сборовъ, съ цѣлью облегченія податнаго бремени рабочей массы и привлеченія къ платежу налоговъ доходовъ отъ движимыхъ капиталовъ, само по себѣ было и остается раціональнымъ.

Вопросъ объ облегченіи податнаго бремени, лежащаго на русскомъ крестьянствѣ, становится болѣе и болѣе вопросомъ о будущности

русскаго земледѣлія и всего экономическаго положенія массы народа. Все признаки согласно показываютъ, что крестьянское хозяйство съ году на годъ идетъ къ большому упадку. Правда, существуетъ мнѣніе, которое оспариваетъ связь этого явленія съ тягостью и неравномѣрностью крестьянскихъ платежей. Это мнѣніе указываетъ на фактъ, что платежи въ нынѣшнемъ объемѣ вносятся крестьянами съ шести-десятихъ годовъ, съ начала операціи выкупа и устройства нынѣшняго общественнаго крестьянскаго, а также земскаго управленія. Почему же именно теперь болѣе должна чувствоваться крестьянами тягость платежей, между тѣмъ, какъ вслѣдствіе обезцѣненія бумажныхъ денегъ, уплата податей стала легче? Если казна, вслѣдствіе этого явленія, теряетъ на суммѣ получаемыхъ ею податей, положимъ, хоть треть цѣнности, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, то, казалось бы, кто-нибудь долженъ же выигрывать въ равной мѣрѣ; то, что теряетъ получающій, долженъ выигрывать платящій.

Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то. Доходъ крестьянина складывается изъ цѣны выручаемой имъ отъ продажи продуктовъ и изъ посторонняго заработка, если онъ возможенъ. Если крестьянинъ имѣетъ достаточно хорошей пахатной земли, выгона и лѣса, то возвышеніе цѣнъ отражается для него только на покупкѣ скота, орудій и одежды. Затѣмъ, возвышеніе цѣнъ на его продукты идетъ въ его пользу при уплатѣ податей. Въ этомъ случаѣ можно предположить, что та переплата, которую самъ крестьянинъ несетъ на покупкѣ нужныхъ ему предметовъ, покрывается той выгодой, которую онъ имѣетъ отъ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ при вносѣ податей, значить, въ этомъ случаѣ, применимомъ только къ меньшинству населенія, — крестьянинъ отъ обезцѣненія денегъ ничего не теряетъ и ничего не выигрываетъ.

Но если у крестьянина земли мало или она дурного качества, если у него недостаетъ выгона или лѣса, то онъ вовсе не пользуется дороговизной продуктовъ, такъ какъ продуктовъ у него на продажу остается мало; хлѣбомъ — только себя прокормить, сѣномъ и овсомъ — только свою корову и лошадей. Наоборотъ, ему приходится самому прикупать многое: участвовать въ наймѣ выгона, покупать лѣсъ, а иногда и кормъ для скота, по крайней мѣрѣ, овесъ къ веснѣ. Итакъ, удешевленіе денегъ для такого крестьянина въ хозяйственномъ отношеніи не существуетъ: онъ платитъ прежнія подати, но легкости изъ уплаты вслѣдствіе болѣе выгодной продажной цѣны продуктовъ онъ не сознаетъ, такъ какъ продаетъ мало, и самъ многое прикупаетъ, переплачивая въ сравненіи съ прежними цѣнами. Для уплаты податей этотъ крестьянинъ прибѣгаетъ преимущественно къ постороннимъ заработкамъ. Но паденіе бумажныхъ денегъ сказалось го-

раздо мѣнѣ на возвышеніи заработной платы, чѣмъ на вздорожаніи продуктовъ. Отсюда выходитъ, что хотя заработная плата и возросла, но все это возвышеніе исчезаетъ вслѣдствіе того, что рабочая артель платитъ дороже и за пищу, и за помѣщеніе, рабочій платитъ дороже за обувь и одежду; однимъ словомъ—„проѣдается“ на заработкахъ противъ прежняго и приносить домой то же самое, что приносилъ прежде. Такому крестьянину, стало быть, обезцѣненіе денегъ приносить еще мѣнѣ пользы, чѣмъ первому.

Итакъ, уплата подушныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей не стала легче для крестьянъ отъ пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ. Податное бремя остается теперь столь же тяжкимъ, какъ было 10, 12 лѣтъ тому назадъ. Но разница вотъ въ чемъ: насколько эти платежи чрезмѣрны, насколько они гонятъ крестьянина на отхожіе промыслы, запуская хозяйство, насколько они вызываютъ накопленіе недоимокъ, а затѣмъ—мѣры взысканія, продажу части инвентаря, сокращеніе числа скота, меньшее удобреніе почвы, меньшую ея производительность, настолько дѣйствіе этихъ платежей оказывается чувствительнѣе на 10-й и на 12-й годъ, чѣмъ въ первый годъ достиженія ими нынѣшней нормы. Послѣдній годъ носить на себѣ послѣдствія уже всѣхъ одиннадцати предшествовавшихъ. Если нынче у крестьянина неурожай, то онъ ощущаетъ не только этотъ неурожай, а также и два, три предшествовавшіе; если у него теперь описали корову за неплатежъ, то это тяжело, чѣмъ было бы 10 лѣтъ тому назадъ, потому что въ то время у него скота было больше, а теперь и останется только пресловутый „минимумъ“, котораго описывать уже будетъ нельзя, но при которомъ нельзя будетъ и поправиться.

Въ то время, когда на значительномъ пространствѣ русской территоріи уплата податей производится не изъ чистаго дохода отъ земли, а при помощи отхожихъ промысловъ, нѣсколько странно разсуждать объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства болѣе рациональными агрономическими приѣмами. Слишкомъ очевидно, что сперва слѣдуетъ позаботиться о другомъ. Но изъ того, что первой потребностью въ настоящее время представлялось бы уравниваніе выкупныхъ платежей, все-таки не слѣдуетъ, что рекомендованное комиссіею сельскаго хозяйства, въ числѣ другихъ мѣръ—„распространеніе въ народѣ полезныхъ знаній“—должно быть затруднено. Вѣдь есть же и теперь мѣстности болѣе счастливыя, для которыхъ платежное бремя представляется не столь отяготительнымъ, есть такіа сельскія общества, которыя, относительно говоря, живутъ хорошо, и которыя могли бы воспользоваться „полезными знаніями“ для улучшенія своего хозяйства бо-

лѣе рациональными приемами. Наконецъ, надо же надѣяться, что зависящіе отъ законодательства мѣры для облегченія тѣхъ крестьянскихъ поселеній, которыя наиболѣе обременены, не будутъ откладываемы и что затѣмъ, для дальнѣйшаго улучшенія хозяйства всѣхъ крестьянъ, пригодится именно „распространеніе полезныхъ знаній“.

Вотъ почему едва ли рационально было бы затруднять крестьянамъ доступъ въ существующія сельско-хозяйственные училища на томъ только основаніи, что доселѣ ученики изъ крестьянъ не составляютъ въ нихъ большинства. Во-первыхъ, въ этихъ училищахъ и нынѣ есть значительный процентъ крестьянъ, а во-вторыхъ, организація дается школамъ во всякомъ случаѣ на продолжительное время, и затруднять доступъ въ нихъ крестьянъ значило бы именно держаться той безотрадной увѣренности, что никакого существеннаго облегченія для крестьянской массы законодательствомъ вскорѣ сдѣлано быть не можетъ, а потому не стоить и заботиться о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній среди людей, для которыхъ сельское хозяйство есть, въ сущности, прикрѣпленіе къ бездоходной землѣ.

Между тѣмъ опубликованное въ прошломъ мѣсяцѣ положеніе о земледѣльческихъ училищахъ (утверждено 30 мая) можетъ имѣть, помимо предположеній, легшихъ въ его основаніе, такой результатъ—затруднить для молодыхъ людей изъ крестьянъ пользованіе этими училищами. Земледѣльческихъ училищъ существуетъ у насъ пять, въ городѣ Горкахъ, могилевской губерніи, близъ Харькова, близъ Саратова, близъ Казани и въ городѣ Умани, кievской губерніи. Они состоятъ подъ управленіемъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Подъ его же наблюденіемъ состоитъ шестое сельско-хозяйственное училище—московская земледѣльческая школа, находящаяся въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго общества сельского хозяйства. Школы эти были предназначены для „помѣщичьихъ крестьянъ и лицъ другихъ сословій“ и для поступленія требовалось первоначально только умѣнье читать по-русски, курсъ же въ училищахъ былъ 4-хъ-лѣтній. Постепенно программа преподаванія въ этихъ училищахъ была расширена и курсъ продолженъ до 5½ лѣтъ, изъ которыхъ послѣдній годъ, впрочемъ, посвящается практикѣ. Но требованія отъ вступающихъ учениковъ возвысились не много: доселѣ требовалось только знаніе грамоты, молитвъ и 4-хъ правилъ ариметики.

Теперь же, по новому положенію, курсъ въ училищахъ продолженъ до 6 лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ требованія для приема учениковъ возвышены: безъ экзамена будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе курсъ въ уѣздныхъ, городскихъ и въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ, а сверхъ того, по экзамену, молодые люди, обладающіе

познаніями, соотвѣтствующими приобретаемымъ въ первыхъ двухъ классахъ реальныхъ училищъ. Естественно, что, съ возвышеніемъ уровня познаній у поступающихъ въ земледѣльческія училища и съ расширеніемъ курса, училища эти сдѣлаются совершеннѣе, чѣмъ они были до сихъ поръ. Но они совершенно утратятъ тотъ характеръ, который имъ былъ приданъ первоначально и былъ узаконенъ всего 19 лѣтъ тому назадъ, въ 1859 году. Такъ какъ отъ устава 1859 года уже и доселѣ были сдѣланы въ объемѣ курса весьма значительныя отступленія, то нынѣшняя постановка этихъ училищъ дѣйствительно была нераціональна: въ нихъ преподавались ариметика и геометрія, физика, химія, ботаника, минералогія и зоологія, но исторія преподавалась только русская, а отъ поступающихъ требовалась только грамотность и знаніе четырехъ арифметическихъ правилъ. Понятно, что ученики не были достаточно подготовлены для успѣшнаго усвоенія такого курса въ теченіи 4 лѣтъ. Теперь положено расширить преподаваніе не только предметовъ спеціальныхъ, но и общеобразовательныхъ: вводится всеобщая исторія и нѣмецкій языкъ. Нельзя не согласиться, что новая учебная программа полнѣе прежней, и что училища только выиграютъ отъ замѣны ею программы доселѣ существовавшей. Но вѣдь сама эта, существовавшая доселѣ программа была весьма важнымъ отступленіемъ (впрочемъ, разрѣшеннымъ въ законномъ порядкѣ) отъ устава 1859 года.

По уставу 1859 года въ земледѣльческихъ училищахъ не преподавалась даже и русская исторія, а только „главныя событія русской исторіи“; вмѣсто геометріи—только основныя правила геометріи; а вмѣсто физики, химіи, минералогіи, ботаники и зоологіи, вмѣстѣ взятыхъ, — только „необходимѣйшія свѣдѣнія по части естественныхъ наукъ“. Если мы сравнимъ эту первоначальную постановку курса съ выводимою нынѣшнимъ положеніемъ, которое включаетъ въ курсъ еще алгебру и даже „основанія механики“, то окажется, что земледѣльческія училища будутъ представлять впредь нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что существовало въ 1859 году. Это будутъ просто реальные училища, специализированныя по мысли министерства народнаго просвѣщенія, но специализированныя для потребностей сельскаго хозяйства, а не школы, служащія для распространенія въ народѣ „полезныхъ для хозяйства знаній“. По условіямъ пріема, по продолжительности ученія, аттестатъ новыхъ земледѣльческихъ училищъ будетъ недоступенъ для крестьянъ, и заведенія эти будутъ предназначены для приготовленія помѣщикамъ управляющихъ. Впрочемъ, эта цѣль земледѣльческихъ училищъ прямо и заявлялась въ соображеніяхъ: приготовленіе „дѣльныхъ управителей“; заявлялось даже, между прочимъ, что „землевладѣльцы изъ дворянъ, не рѣдко отвле-

ченныя службою, какъ государственною, такъ и общественною, нуждаются въ распорядителяхъ, которые съ пользою могли бы замѣнять ихъ по управленію недвижимою ихъ собственностью". Интересъ этотъ уважителенъ,—только спрашивается: въ чемъ же болѣе нуждается Россія: въ приготовленіи управляющихъ для помѣщиковъ, отвлеченныхъ службою, или въ распространеніи хозяйственныхъ свѣдѣній въ народѣ?

Сообразно съ тѣмъ, каковъ будетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, придется и рѣшить, что было рациональнѣе: введеніе нынѣшняго положенія, или возвращеніе къ уставу 1859 года? Замѣтимъ еще, что хотя въ соображеніяхъ и пояснялось, что усовершенствованныя земледѣльческія училища будутъ готовить „недорогихъ“ управителей для землевладѣльцевъ „среднихъ“; но едва ли цѣль будетъ достигаема въ этомъ, точномъ ея опредѣленіи. Едва ли молодой человекъ, посвятившій два года на ученіе въ реальномъ или сельскомъ двухклассномъ училищѣ, да шесть лѣтъ въ земледѣльческомъ, знающій естественныя науки, всю чистую математику, механику, сельское строительное искусство, геодезію, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, будетъ управителемъ „недорогимъ“ для „средняго“ землевладѣльца. Такому управителю надо будетъ дать жалованье въ 1,000 рублей, а чтобы платить такое жалованье управителю, землевладѣлецъ долженъ имѣть самъ не менѣе 10 тысячъ рублей чистаго дохода съ имѣнія, что едва ли у насъ, въ Россіи, означаетъ „средняго“ землевладѣльца. Кажется, основательнѣе предположить, что люди, съ успѣхомъ окончившіе курсъ этихъ училищъ, въ ихъ преобразованномъ видѣ, въ случаѣ, если будутъ заниматься по своей спеціальности, будутъ именно служить управителями у тѣхъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые „отвлекаются службою“. Но спрашивается, соотвѣтствовало ли бы такой потребности, какъ доставленіе сотнѣ богатыхъ помѣщиковъ хорошихъ управляющихъ, существованіе въ Россіи цѣлыхъ пяти земледѣльческихъ училищъ, съ ежегоднымъ расходомъ для казны въ 182.950 рублей? Вѣдь на одну эту сумму казна могла бы содержать 182 хорошихъ управляющихъ изъ иностранцевъ,—такъ, чтобы они служили помѣщикамъ даромъ.

Правда, что немалое число, а вѣроятно даже большинство учениковъ этихъ училищъ изберутъ путь государственной службы или поступленія въ высшія учебныя заведенія того же министерства, или иныхъ профессій, и расходъ, произведенный на нихъ казною, все-таки принесетъ пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что всякая лишняя затрата государства для цѣлей образованія полезна, особенно въ Россіи. Но странно, однако, устраивать училища спеціальныя такъ, чтобы большинство

оканчивающихъ въ нихъ курсъ занималось чѣмъ угодно, кромѣ своей специальности.

Мы уже замѣтили выше, что первоначальное отклоненіе земледѣльческихъ училищъ отъ ихъ прямого назначенія—распространять полезныя свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ—было осуществлено тѣми переидами въ учебномъ курсѣ, которыя были уже сдѣланы доселѣ. Это создало ту неправильную постановку учебнаго курса, которая теперь не даетъ поводъ къ окончательному удаленію земледѣльческихъ училищъ отъ ихъ первоначальнаго назначенія и выѣстъ съ тѣмъ—отъ земледѣльской массы. Доселѣ въ нихъ все-таки былъ значительный процентъ учениковъ изъ крестьянъ и мѣщанъ: изъ 736 чел. (общаго числа учениковъ пяти училищъ въ 1877 году) 282 принадлежали къ состояніямъ сельскому и городскому. Итакъ, болѣе трети всего числа учениковъ принадлежали къ податнымъ сословіямъ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ въ отдѣльности даже болѣе половины. Стало-быть, несмотря на усложненіе курса, допущенное доселѣ, крестьяне все-таки не чуждались этихъ школъ.

Теперь же, вслѣдъ за преобразованиемъ, едва ли нельзя утверждать, что интересъ крестьянскаго сословія въ данномъ случаѣ принесенъ въ жертву интересу богатыхъ землевладѣльцевъ, нуждающихся въ „распорядителяхъ, которые съ пользою могли бы замѣнять ихъ по управленію недвижимою ихъ собственностью“. Очень можетъ быть, что русскій управитель съ полнымъ техническимъ образованіемъ, хотя и не будетъ „недорогимъ“, но все же будетъ подешевле ученаго нѣмца. За то ужъ для крестьянъ земледѣльскія училища станутъ рѣшительно недоступны. Разница будетъ такая: доселѣ крестьянскій мальчикъ, научившись грамотѣ и четыремъ арифметическимъ правиламъ въ сельской школѣ, могъ еще посвятить 5½ лѣтъ на ученіе въ земледѣльскомъ училищѣ; но впредъ онъ долженъ будетъ учиться 2 года въ двухклассной школѣ, въ реальномъ или городскомъ училищѣ, затѣмъ пробыть 6 лѣтъ въ училищѣ земледѣльскомъ, слушая курсъ, доведенный до такого уровня, который въ крестьянскомъ быту уже не можетъ имѣть практическаго примѣненія.

Такъ какъ оказывалось необходимымъ преобразование земледѣльческихъ училищъ для уравниванія ихъ общеобразовательнаго курса съ курсомъ реальныхъ училищъ, то едва ли не болѣе рационально было обратить эти училища въ совершенно спеціальныя, въ *écoles d'application*, которыя принимали бы учениковъ, окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ, и сообщали бы имъ въ двухлѣтнемъ чисто-спеціальномъ курсѣ дополнителныя техническія свѣдѣнія. Такія училища стоили бы казны гораздо менѣе того, что предположено по новому

штату. На сбереженіе же, оказавшееся такимъ образомъ, а затѣмъ на небольшія добавочныя пожертвованія со стороны государства, можно было бы положить начало устройству въ разныхъ губерніяхъ низшихъ земледѣльческихъ училищъ, болѣе приспособленныхъ къ нуждамъ именно крестьянъ, чѣмъ тѣ, какія существовали доселѣ.

О новомъ положеніи для земледѣльческихъ училищъ мы говорили съ нѣкоторой подробностью, потому что въ этомъ преобразованіи, какъ оно ни скромно, само по собѣ, рельефно выказались взгляды на вопросы гораздо болѣе обширныя и важныя. Здѣсь не такъ важно то, что сдѣлано, какъ то, почему это сдѣлано. Здѣсь выказались взгляды, во-первыхъ, на потребности и будущность развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи, во-вторыхъ, отчасти,—на направленіе училищнаго дѣла въ Россіи. Прослѣдимъ тотъ и другой отдѣльно.

Какъ ни скромнѣе, повторяемъ, былъ вопросъ о направленіи земледѣльческихъ училищъ, но для того, чтобы онъ могъ быть рѣшенъ такъ или иначе, надо было, чтобы одержалъ верхъ таковой или иной взглядъ на развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ. Если можно ожидать, что въ пользу громаднаго большинства русскихъ землевладѣльцевъ, лично обрабатывающихъ свои поля, то-есть въ пользу крестьянъ, состоится въ скоромъ времени такіа законодательныя облегченія (уравненіе выкупныхъ платежей, облегченіе переселенія въ связи съ отпѣной круговой поруки и кореннымъ измѣненіемъ паспортной системы), которыя дали бы крестьянству возможность взяться за улучшеніе хозяйства; если вѣрить въ возможность такого времени, когда и въ Россіи крестьяне станутъ питаться, какъ люди, и обзаводиться хозяйственнымъ инвентаремъ свыше того, который не можетъ быть продаваемъ на пополненіе недоимокъ; если вѣрить, что и въ Россіи можетъ постепенно нарождаться крестьянство не голодающее изъ года въ годъ, не теряющее половины своихъ дѣтей отъ недостатка пищи и удобнаго жилья, не пьянствующее въ безвыходномъ положеніи экономическомъ и среди полной запущенности нравственной, безъ школы, безъ духовнаго руководительства, съ мякиной и водкой въ животѣ, безъ возможности сбереженій, съ образкомъ на шеѣ, но безъ знанія догматовъ, съ тяжкимъ, но неблагоприятнымъ трудомъ, съ аттестатомъ сердечной доброты отъ славянофиловъ, но съ истязаніями женъ и дѣтей на дѣлѣ; — если можетъ, говоримъ, и въ Россіи нарождаться крестьянство достаточное, даже богатое, какое мы видимъ во Франціи и въ Германіи; если допускать, что русское крестьянство, уже теперь угадывающее пользу школы, вскорѣ укрѣпится въ этомъ сознаніи и станетъ искать въ школѣ, между прочимъ, и „полезныхъ

знаній“ для улучшенія хозяйства, которое было бы уже сдѣлано возможнымъ—въ такомъ случаѣ логично было бы преобразовать земледѣльческія училища въ интересъ крестьянства, сдѣлать ихъ еще болѣе доступными для крестьянъ, чѣмъ онѣ были доселѣ, увеличить ихъ число и приспособить ихъ къ потребностямъ хозяйства крестьянскаго, въ которомъ по меньшей мѣрѣ знаніе „основалій земледѣлія“ является.

Если же на общій вопросъ смотрѣть иначе, если думать, что всякому сословію положено свой немаловажный предѣлъ, что въ сей юдоли плача всякъ долженъ нести свой крестъ, кто — легкій, эмалевый на груди, кто тяжкій, дубовый на спинѣ, что скорѣе улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ ожидать нельзя именно потому, что для нихъ требовалось бы такое облегченіе въ платежахъ народа, которому претивятся интересы государства,—въ такомъ случаѣ одни „полезныя знанія“, конечно, мало пособили бы крестьянству; ихъ лучше приобрести и специализировать для управителей большихъ имѣній, которыхъ развитіе и представляетъ весь хозяйственный успѣхъ въ Россіи, въ ближайшемъ будущемъ.

При обсужденіи проекта положенія о земледѣльческихъ училищахъ одержалъ верхъ такой взглядъ, что „крестьяне воздѣлываютъ свою землю почти самыми первобытными образомъ—по особымъ условіямъ нашего сельскаго быта“. Это, конечно, вѣрно, въ извѣстномъ смыслѣ. Но вѣдь нѣкоторыя, весьма существенныя, зависящія отъ законодательства условія этого быта могутъ же быть измѣнены, или же нельзя ожидать никакого измѣненія? Коренного улучшенія въ хозяйствѣ крестьянъ, по этому взгляду, нельзя ожидать въ ближайшемъ будущемъ; на первое время возможно желать введенія правильнаго удобренія полей, нѣсколько болѣе совершенныхъ пріемовъ и орудій воздѣлыванія почвы, лучшаго ухода за скотомъ и т. п. Но спрашивается: какъ же возможно желать этого при такихъ условіяхъ, когда лишняя лошадь или корова оплачиваются на продажу за недоимки по платежамъ, превышающимъ ренту съ земли? Не только улучшенія ухода за скотомъ, но и ихъ умноженія его, ни, стало быть, „правильнаго удобренія полей“ при этомъ условіи ожидать нельзя. Введеніе усовершенствованныхъ пріемовъ и орудій предполагаетъ сбереженія, а могутъ ли образоваться сбереженія, когда цифры контроля показываютъ, что растутъ недоимки въ подушныхъ платежахъ?

При изложенномъ сейчасъ взглядѣ, естественно было придти къ мысли, что успѣхъ въ хозяйствѣ крестьянъ можетъ быть достигнутъ не столько посредствомъ научнаго образованія, сколько посредствомъ „примѣра“; такъ, если крестьянинъ видитъ, что земля, постоянно хорошо удобренная, приноситъ несравненно лучший урожай, нежели та же

почва плуге воздѣланная, если онъ наглядно убѣждается, что хорошій плугъ или борона также не мало способствуютъ успѣху дѣла, то подобныя примѣры дѣйствуютъ на него всего убѣдительнѣе и онъ старается, „по мѣрѣ своихъ средствъ и возможности“, завести и у себя нѣчто подобное. Отсюда истекаетъ такое рѣшеніе вопроса, что даже для успѣха крестьянскаго хозяйства въ Россіи всего важнѣе, чтобы помѣщики имѣли хорошихъ управляющихъ, „дѣльныхъ и недорогихъ“.

Надо однако замѣтить, что для убѣжденія крестьянъ въ такихъ первоначальныхъ вещахъ, какъ, напр., что удобренная земля дастъ лучший урожай, чѣмъ „плохо воздѣланная“, едва ли нужны не только научныя знанія, но даже и самый примѣръ помѣщичьихъ управляющихъ. Такимъ истины слишкомъ очевидны и безъ примѣра. На глазахъ русскихъ крестьянъ издавна былъ примѣръ нѣмецкихъ колонистовъ, у которыхъ и скота было больше, и поля были лучше удобрены, и орудія совершеннѣе, и урожай постояннѣе. Но вѣдь недостаточенъ примѣра: необходима еще возможность слѣдовать ему. Каковы были условія этихъ успѣховъ у колонистовъ? Колонисты сами выбрали себѣ мѣста для поселенія, колонисты были сперва свободны, а потомъ привилегированы по отношенію къ податямъ, и были гораздо развитѣе русскихъ крестьянъ. Итакъ, чтобы слѣдовать ихъ примѣру, что же было бы необходимо послѣднимъ: облегченіе переселенія, облегченіе подушныхъ платежей и—школа. Дайте крестьянамъ это, тогда и примѣра не надо,—ни примѣра колонистовъ, ни примѣра управляющихъ. Всѣхъ этихъ условій, что они вынесутъ изъ лишняго примѣра, какія мысли можетъ онъ внушить имъ? Крестьянинъ вовсе не придетъ въ удивленіе видѣ, что на постоянно хорошо удобренной землѣ являются несравненно лучшіе урожаи и что хорошій плугъ не мало способствуетъ успѣху дѣла. Онъ просто подумаетъ: хорошо было бы, если бы я могъ такъ удобрить свой наделъ, какъ дѣлается у господина; хорошо бы, если бы у меня была лишняя корова; хорошо если бы я могъ купить плугъ и если бы моимъ кошаченкамъ было подѣлу тащить его; хорошо было бы, если бы я не платилъ подушныхъ, а мои помощники-сынѣвыя отрывались бы для военной службы всего на годъ, какъ господскіе, а не на шесть лѣтъ. Вотъ и все поученіе, какое можетъ дать крестьянамъ примѣръ успѣховъ большаго хозяйства.

Нѣтъ, мы хотимъ вѣрить, что нѣкоторыя существенныя „условія нашего сельскаго бита“ могутъ быть имѣнены законодательствомъ, и что затѣмъ „кореннаго улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ можно ожидать въ близкомъ будущемъ“, что, не крайней мѣрѣ, должно серьезно, энергически позаботиться объ этомъ,—что облегче-

нію въ бытѣ народа не противорѣчать интересамъ государства, а прямо наоборотъ. Въ рескриптѣ, который удостоенъ былъ М. Х. Рейтернъ, при увольненіи его отъ должности министра финансовъ, воздавалось высокое признаніе его заслугамъ и вмѣстѣ высказано было великое, плодотворное слово, что „благосостояніе государственнаго хозяйства *зависитъ отъ богатства народа* и обусловливается увеличеніемъ производительныхъ силъ его“. Какое же могло бы быть необходимѣе и ближайшее примѣненіе этой истины, какъ не всемірное усиліе улучшить законодательныя условія народнаго быта въ той странѣ, гдѣ, по официальному „сознанію, „инвентарю, не составляющему необходимой потребности въ хозяйствѣ, у большинства крестьянъ даже вовсе не имѣется?“ Утѣшительно было прочесть заявленіе глубокой экономической истины, утѣшительно слышать, что и личныя мнѣнія генералъ-адъютанта Грейга склоняются въ пользу всесторонняго пересмотра выкупныхъ платежей, независимо отъ выработки проекта общей податной реформы. Болѣе равномерное распредѣленіе подушного платежа, облегченіе переселеній, разсмотрѣніе вопросовъ о круговой поруцѣ и паспортной системѣ, ирисканіе средствъ для развитія въ селеніяхъ дѣла ремесленнаго и умноженіе школъ всякихъ, начиная отъ одноклассной сельской до университета, — вотъ капитальные интересы Россіи. Пусть въ извѣстной рѣчи русскій народъ выставляется намъ такъ, какъ-будто вниманіе его совершенно поглощено внѣшней политикой, какъ-будто онъ волнуется, ропщетъ, негодуетъ, смущаемый ежедневными сообщеніями о берлинскомъ конгрессѣ, и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія слыше, — ждетъ и надеется. Едва ли картина не будетъ болѣе вѣрна дѣйствительности, если мы скажемъ, что масса русскаго народа терпѣть, нуждается, и ждетъ облегченія своего собственнаго положенія, удовлетворенія самыхъ первоначальныхъ собственныхъ нуждъ. Ждетъ, — однако можно ли сказать — надеется? Едва ли. Но позволительно надеяться за нее и разумѣть, прежде всего, въ осуществленіи этой надежды и „великое святое русское дѣло“, и „русскую славу“, и „русскую сѣвѣсть“.

Итакъ, земледѣльческія училища отнынѣ будутъ средними учебными заведеніями, предназначенными для приготовленія специалистовъ-управителей. Это будутъ реальныя училища, съ такимъ же примѣсью обученіемъ общеобразовательнаго курса къ технической специальности, какъ и реальныя училища, состояща въ прямомъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, и новое положеніе объ училищахъ земледѣльческихъ составлено по соглашенію съ этимъ вѣдомствомъ. Съ конца прошлаго года установлено правило, что къ представленіямъ министровъ и главнѣйшихъ управленій отдѣльными

частями о новыхъ учебникъ заведеніяхъ прилагаются проекты уставовъ для нихъ, составленные по соглашенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ томъ уставѣ, о которомъ мы говорили, выразился тотъ же основной взглядъ, который проведенъ въ учрежденіи реальныхъ училищъ. Согласно этому взгляду, должны существовать двѣ учебныя системы: одна — классическая, открывающая доступъ повсюду, такъ какъ только она способна дать полное умственное развитіе; другая — реальная, съ непрерывнымъ приспособленіемъ къ цѣли практической. Такъ какъ полное, умственного развитія эта система, по принятому мнѣнію, даритъ не только, то ей и поставлено прямой цѣлью не столько умственное развитіе чловека, сколько приготовленіе „практическихъ дѣятелей“ по разнымъ специальностямъ: коммерческой, механической и т. д. Вотъ къ этому типу и подведены теперь земледѣльческія училища. Существованіе ихъ въ первоначально-предположенномъ видѣ, какъ училищъ, доступныхъ для крестьянъ и служащихъ къ „распространенію полезныхъ свѣдѣній“, признано излишнимъ. Школа съ значительнымъ крестьянскимъ элементомъ и изъ которыхъ могли выходить, пожалуй, ученые хозяева-крестьяне, замѣнены теперь такими, въ которыхъ крестьяне не войдутъ и которые будутъ готовить священническихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей въ управители къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ этомъ преобразованіи совершенно вѣрно отразился основной взглядъ, опредѣлившій значеніе реальныхъ училищъ.

Такъ какъ установленное въ прошломъ году правило относится только къ новымъ учебнымъ заведеніямъ, то вѣроятно поэтому, опубликованныя недавно (въ іюнѣ) правила о приѣмѣ учениковъ въ военные училища, утвержденныя 6-го мая, состоялись, нововидному, безъ соглашенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Иначе, какъ объяснить такое обстоятельство, что главное военно-учебное управленіе отговорило за собой право подвергать воспитанниковъ другихъ заведеній, желающихъ поступить въ военныя училища (не только специальныхъ, но и общихъ) повѣрочному экзамену изъ тѣхъ или иныхъ предметовъ, по усмотрѣнію главнаго военно-учебнаго начальства. Вѣдь при этомъ условіи даже ученикъ гражданской гимназіи, имѣющій „аттестатъ зрѣлости“, при поступленіи въ пѣхотное военное училище, можетъ быть подвергнутъ повѣрочному испытанію не только изъ математики, но даже изъ русскаго языка — и, конечно, можетъ случиться, что онъ и не выдержитъ этого повѣрочнаго испытанія.

Съ удовольствіемъ заносимъ въ нашу хронику важный шагъ, сдѣланный министерствомъ народнаго просвѣщенія къ оживленію умственной жизни въ Сибири: 16-го мая послѣдовало разрѣшеніе на учрежденіе, въ городѣ Томскѣ, императорскаго сибирскаго универ-

ситета съ четырьмя факультетами. Заслуга министерства въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что оно рѣшилось не откладывать этого дѣла до составленія достаточнаго капитала изъ частныхъ пожертвованій. Весьма сомнительно, чтобы частныя пожертвованія могли составить сумму, необходимую какъ для осуществленія, такъ и для содержанія университета. Къ строительнымъ работамъ разрѣшено приступить немедленно и министру предоставлено войти съ представленіемъ о требующихся на учрежденіе университета расходахъ изъ казны.

Въ продолженіи лѣта опубликовываются тѣ новыя положенія, которыя являются результатами истекшей законодательной сессіи. Въ ряду такихъ новыхъ законодательныхъ актовъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ, имѣющемъ весьма важное значеніе, а именно объ учрежденіи уѣздной конной стражи. Положеніе о ней, рассмотрѣнное комитетомъ министровъ и затѣмъ утвержденное 9-го іюня, имѣетъ собственно характеръ закона временнаго, такъ какъ впоследствии имѣютъ быть внесены въ государственный совѣтъ предложенія объ измѣненіяхъ законовъ о сотскихъ и десятскихъ, объ учрежденіи отдѣльной конно-полицейской стражи въ городахъ и общій проектъ объ устройствѣ полиціи, въ который должны войти всѣ отдѣльныя по этому предмету постановленія.

Сущность положенія 9 іюня состоитъ въ слѣдующемъ: въ 46-ти губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію, учреждаются полицейскіе урядники, въ помощь становымъ приставамъ и для надзора за дѣйствіями сотскихъ и десятскихъ; урядниковъ будетъ 5,000; они полагаются конные, но, по мѣстнымъ соображеніямъ, могутъ быть и пѣшіе. Эти урядники назначаются въ каждомъ уѣздѣ исправникомъ и получаютъ не свыше 250 р. въ годъ содержанія, лошадей должны имѣть собственныхъ, но на содержаніе ихъ получаютъ по 100 р. въ годъ. Урядники подчиняются въ губерніи губернатору, въ уѣздѣ—исправнику, въ станѣ—приставу, а сельскіе сотскіе и десятскіе, какъ уже сказано, подчиняются надзору и руководству урядниковъ.

Такимъ образомъ организуется цѣльное полицейское учрежденіе внѣ городовъ. Оно было необходимо. Можно сказать, что доселѣ безопасность въ уѣздѣ не была охранена у насъ ничѣмъ, кромѣ собственной силы проѣзжихъ или прохожихъ. Становой приставъ не могъ быть стражемъ; онъ являлся на мѣсто только чтобы констатировать преступленіе, да и то являлся не очень скоро. Не говоря о пространствахъ нашихъ уѣздовъ, напомнимъ еще разъ, что одна переписка по взысканію податей отнимала у становыхъ большую часть ихъ времени. Сотскіе и десятскіе служили скорѣе для исполненія многооб-

разныхъ порученій властей, особенно для доставленія конвертовъ, препровожденія арестантовъ, чѣмъ для охраненія безопасности. Сверхъ того, каждый изъ нихъ если и былъ стражемъ, то только для своего сельскаго околота. Безопасность въ другихъ водостяхъ, безопасность на большой дорогѣ оставляла ихъ равнодушными: они служили данному селенію, а не всему уѣзду. Для станового пристава они были скорѣе посыльные и препроводители арестантовъ, чѣмъ помощники.

Нынѣшняя мѣра пополняетъ именно главный пробѣлъ полицейской организаціи въ уѣздѣ; необходимы были такіе помощники станового пристава, которые занимались бы охраненіемъ безопасности лично, а не посредствомъ одной переписки и составленія протоколовъ, составляли бы дѣятельную силу, которая представить собой связь между становыми приставами и сельскими стражами — сотскими и десятскими.

Нельзя не отнестись сочувственно къ тому обстоятельству, что министерство внутреннихъ дѣлъ признало возможнымъ весь новый расходъ на удовлетворенію этой важной потребности, то-есть содержанію урядниковъ и лошадей для нихъ, а также обзаведенію холоднымъ оружіемъ всего 976,125 р., принять на счетъ казны, не возлагая новаго бремени на слишкомъ уже обремененное и безъ того земство. Нѣсколько опасная сторона въ новомъ учрежденіи могла бы быть только одна: невнимательство урядниковъ въ сельское самоуправленіе. Но эта опасность устранена самымъ положеніемъ, насколько положеніе можетъ, впрочемъ, устранять произволъ должностныхъ лицъ. Волостные старшины и сельскіе старосты вовсе не подчиняются урядникамъ, а только обязываются „оказывать урядникамъ необходимое содѣйствіе, исполняя всѣ законныя требованія ихъ“. „Но“, говорится вслѣдъ затѣмъ, „урядники отнюдь не имѣютъ права принимать участіе въ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ сельскихъ обществъ и волостей и ни подъ какомъ видомъ не должны вмѣшиваться въ дѣйствія волостного суда“. Замѣтимъ еще, что урядники не приравнены къ жандармамъ или военному караулу въ отношеніи послѣдствій служебнаго или оскорбленія ихъ; такіе проступки противъ нихъ судятся на основаніи общихъ законовъ о неисполненіи законныхъ требованій или оскорбленіи чиновъ полиціи.

Что надворъ высшихъ властей за невнимательствомъ полицейскихъ чиновъ вообще въ дѣла крестьянскаго самоуправления долженъ быть усиленъ, это доказывается множествомъ частныхъ примѣровъ. Новѣйшій изъ такихъ примѣровъ представленъ разбирательствомъ въ новолодожскомъ сѣздѣ мировыхъ судей, бывшимъ 27 прошлаго іюня. Здѣсь удостовѣрились такіе факты, что полиція дѣйствовала совер-

шенно за-одно съ лѣсопромышленниками и притѣсняла крестьянъ въ ихъ интересѣ. Волостной старшина, заступившійся за крестьянъ, былъ „вытолкнутъ въ шею“ исправникомъ, а потомъ, по представленію его же губернатору, былъ смѣненъ. Одинъ сельскій староста далъ такое показаніе, что онъ—четыре года на службѣ, и въ первый годъ попробовалъ-было заступиться за крестьянъ при томъ, когда ихъ обмѣривали, но за это, по распоряженію исправника, высидѣлъ недѣлю подъ арестомъ, такъ-что теперь и рукой махнулъ — „а то, того и гляди, какъ бунтовщикъ попадешь въ острогъ“. У насъ часто слышны жалобы, что лучшіе крестьяне не идутъ въ старшины и старосты, что эти должности перѣдко занимаются такими лицами, которые растрачиваютъ общественныя деньги. Но спрашивается, каковъ охота порядочному крестьянину идти на эти должности при такихъ условіяхъ, когда за добросовѣстное исполненіе изъ его могутъ „вытолкать въ шею“, смѣнить, или еще обязать „бунтовщикомъ“ и засадить въ острогъ.

Много, много дѣла на Руси, дѣла самаго необходимаго! Даже независимо отъ рѣшенія вопросовъ сложныхъ, — рѣшенія, требующаго большихъ средствъ, есть множество такихъ, очевидно, необходимыхъ мѣръ, хозяйственныхъ, юридическихъ и воспитательныхъ, въ которыхъ маловажное пожертвованіе со стороны государства могло бы произвести результаты истинно-плодотворныя. Была бы охота заниматься этою „маленькою“ политикою, которая въ дѣйствительности можетъ приносить народу наиболѣе пользы.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

БЕРЛИНСКІЙ ТРАКТАТЪ.

Берлинскій трактатъ 1/10 іюля не удовлетворилъ никого, кромѣ Англіи и Австріи. Въ Россіи онъ вызвалъ разочарованіе; во Франціи и Италіи—неудовольствіе; въ Турціи—только покорность, съ болѣзненнымъ ощущеніемъ приносимыхъ жертвъ, которыя составляютъ нѣчто похожее на „первый раздѣлъ“ оттоманской имперіи. Естественно, что насколько выѣшнимъ рѣшеніемъ довольны Англія и Австрія, настолько оно вызвало нѣкоторое разочарованіе въ Россіи. Но эквивалентность этихъ противоположныхъ впечатлѣній въ странахъ, имѣющихъ противоположные интересы, можетъ представить со временемъ нѣсколько иные результаты. При наступленіи періода болѣе хладнокровнаго разсужденія, русское общество будетъ сравнивать то, чего достигла Россія, не съ тѣмъ, чего она фактически требовала, а съ тѣмъ, чего она могла достигнуть при данныхъ обстоятельствахъ. Съ другой стороны, общественное мнѣніе въ Англіи и Австріи, въ первую пору прельщенное знатнымъ дипломатическимъ успѣхомъ, впоследствии сравнитъ сдѣланныя пріобрѣтенія съ принятыми на себя обязательствами, и это значительно охладитъ восторженные порывы.

Въ предшествующихъ словахъ — вся программа тѣхъ замѣтокъ, которыя мы рѣшаемся представить читателямъ. Они найдутъ ниже самый текстъ берлинскаго трактата. Поэтому наши замѣтки предполагаютъ извѣстнымъ его содержаніе.

Прежде всего, повторимъ, что сужденіе о результатахъ, достигнутыхъ берлинскимъ договоромъ, должно быть относительное. Мы согласны допустить, что требованія, дѣйствительно заявленныя русскою дипломатіею, а тѣмъ болѣе той частью русской печати, которой иногда предоставляется „подхлестывать“ патріотическую требовательность до той минуты, когда „подхлестыванье“ оказывается излишнимъ и разрѣшеніе на него отнимается, далеко не удовлетворены трактатомъ, который наши дипломаты подписали; стало-быть, мы готовы (потому что не можемъ иначе) допустить, что дипломатія наша понесла въ берлинскомъ трактатѣ нѣкоторое пораженіе.

Того, чего потребовала наша дипломатія въ санъ-стефанскомъ договорѣ, а тѣмъ болѣе—разныхъ фантазій шовинистовъ, осуществить было невозможно. Это было невозможно вслѣдствіе двухъ причинъ:

во-первыхъ, потому что состояніе нашихъ дѣйствительныхъ, внутреннихъ силъ вовсе не соотвѣтствовало перспективѣ войны съ нѣсколькими державами; этотъ пунктъ не нуждается въ разъясненіи здѣсь; во-вторыхъ, потому что самый приѣмъ, употребленный нашей дипломатіей для рѣшенія восточнаго вопроса, былъ таковъ, что при немъ сколько-нибудь радикальное рѣшеніе этого вопроса положительно немислимо. Въ статьѣ „Русскій вопросъ на юго-востокѣ Европы“, напечатанной въ концѣ 1876 года, мы доказывали, что никогда восточный вопросъ, въ смыслѣ земельныхъ приобрѣтеній для Россіи въ Европѣ, или поставленія подъ ея вліяніе проливовъ, не можетъ быть рѣшенъ въ союзѣ съ Пруссіей и Австріей. Мы доказывали это историческимъ обзоромъ прежней политики Россіи на юго-востокѣ Европы. И что же: берлинскій миръ, дѣйствительно, вызвалъ въ нашей печати нѣкоторое разочарованіе въ добрыхъ услугахъ „честнаго маклера“, князя Бисмарка, и почти враждебность къ Австріи, которой трактатъ предоставилъ болѣе, чѣмъ намъ.

Не будучи готовы къ большой европейской войнѣ, мы не должны были въ санъ-стефанскомъ трактатѣ простираť наши требованія до Эгейскаго моря. Легко было предвидѣть, что тѣ союзники, совмѣстно съ которыми вопросъ долженъ былъ рѣшиться окончательно, не дадутъ русскому вліянію утвердиться на Эгейскомъ морѣ. При меньшей требовательности, при ограниченіи Болгаріи на югъ примѣрно рѣкою Марицею, можно было придать санъ-стефанскому договору форму окончательнаго трактата. Въ этомъ случаѣ, можно было рѣшительно возстать противъ всякаго измѣненія этого трактата Европой. Можно было ставить затронутые въ немъ вопросы такъ же рѣшительно и безапелляціонно, какъ Германія ставила пункты своего трактата съ Франціей, послѣ войны 1870—1871 годовъ. Вѣдь и тамъ шла рѣчь о важномъ европейскомъ интересѣ: для кого могло быть удобно ослабленіе и униженіе Франціи? При нѣкоторой умѣренности собственныхъ первоначальныхъ требованій, можно было не бояться, затѣмъ, угрозъ Англіи и Австро-Венгріи, въ той увѣренности, что онѣ не могли рѣшиться на войну изъ-за 100 лишнихъ линейныхъ верстъ болгарской территоріи къ югу отъ Балканъ, или, изъ-за вопроса, будетъ ли Батумъ объявленъ вольнымъ портомъ или не будетъ. Изъ-за такой разницы въ протяженіи болгарской территоріи не рѣшилась бы подвергнуться большому для нея риску войны Австро-Венгрія; изъ-за нѣсколькихъ формальныхъ словъ о Батумѣ, который и теперь все-равно можетъ быть сильно укрѣпленъ нами, не рѣшилась бы начать войну Англія. Еще одинъ изъ наиболѣе спорныхъ территоріальныхъ вопросовъ—вопросъ о возвращеніи намъ части Бессарабіи могъ быть оставленъ въ сторонѣ при заключеніи санъ-стефанскаго мира. Было ли безусловнымъ „вопросомъ че-

сти" возвращеніе намъ ключа, отнятаго у Россіи трактатомъ 1856 года? Едва-ли, когда Россія получала такое удовлетвореніе, какъ созданіе новаго славянскаго государства, признаніе независимости прочихъ христіанскихъ вассаловъ султана и, наконецъ, обширную территорію въ Малой Азіи, въ сравненіи съ которою возстановленіе прежней бессарабской границы—довольно незначительно. Или наша вѣйшая политика поставила себѣ неизмѣннымъ принципомъ правило, что квадратная верста, однажды принадлежавшая Россіи, и хотя бы населенная національностью, которая тяготеетъ къ иному государству, не можетъ уже никогда быть уступаема Россіею, а въ случаѣ уступки вынужденной, должна быть въпослѣдствіи возвращаема всевозможными пожертвованіями со стороны русскаго народа, какъ бы ничтожна она ни была сама по себѣ? Но это правило противорѣчило бы политической практикѣ всего міра. Такъ, сама Англія все не стремится къ покоренію вновь своихъ прежнихъ колоній въ Америкѣ, она же добровольно уступила Ионическіе острова Греціи, Сардинію уступила Франціи Ниццу и Савойю подъ условіемъ объединенія остальной Италіи. Сама Россія дѣлала не разъ территориальныя уступки, и послѣднимъ такимъ примѣромъ была уступка ей Америкѣ русскихъ американскихъ колоній. Между тѣмъ, если послушать нѣкоторыхъ, то вопросъ объ исправленіи бессарабской границы представлялъ во всемъ этомъ дѣлѣ единственный безусловно-рѣшенный въ сознаніи Россіи вопросъ, — „вопросъ чести“. Слѣдуя этому разсужденію, должно, стало-быть, допустить, что Россія могла бы пожертвовать славянами, внявшими ей слову, возвратитъ, напр., Болгарію по Дунай и это не нарушало бы „чести“, а такимъ нарушеніемъ представлялся бы исключительно отказъ отъ возвращенія намъ ничтожной полосы иноплеменнаго населенія, которое вовсе не хотѣло принадлежать Россіи.

Все это—очевидное преувеличеніе. Мы могли приобрѣсть по санъ-стефанскому миру, да приобрѣтаемъ и по берлинскому такую территорію, въ сравненіи съ которой настойчиво выговоренная нами полоса Бессарабіи, повторяемъ,—ничтожна. Быть можетъ, именно изъ-за этого возвращенія мы упустили нѣчто гораздо болѣе серьезное для самой Россіи, чего мы могли бы добиться въ пользу славянъ. А между тѣмъ, возстановляя бессарабскую границу, мы только возбуждаемъ противъ себя неудовольствіе румыновъ, точно такъ, какъ каждой лишней уступкой, сдѣланной нами на-счетъ славянъ, мы возбуждаемъ ихъ неудовольствіе на насъ, ихъ недовѣріе къ намъ въ будущемъ, ослабленіе ихъ вѣры въ авторитетъ Россіи.

Итакъ, по нашему мнѣнію, санъ-стефанскій договоръ могъ быть умѣреннѣе того, чѣмъ онъ былъ сдѣланъ, но за то долженъ былъ

явиться окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла, такимъ точно, какимъ явился французскій миръ для замиренія Германіи съ Франціею. Въ такомъ случаѣ, изъ двухъ державъ, бывшихъ намъ положительно враждебными (хотя одна изъ нихъ считалась нашей союзницей), по меньшей мѣрѣ одна не рѣшилась бы объявить намъ войну изъ-за бояса отъ Балканъ до Марицы и Филиппополя, и изъ-за обѣщаній, потребованныхъ отъ насъ теперь относительно Батума. Эта держава — Австро-Венгрія. Намъ могутъ возразить, что это — личное наше предположеніе. Нѣтъ, мы укажемъ на положительный фактъ, что на условіи о возвращеніи Портъ забалканской Болгаріи настаивали въ Берлинѣ не австрійскіе уполномоченные, а только англійскіе. Последними была придумана формула рѣшенія этого вопроса, а графъ Андраши, при обсужденіи ея, въ засѣданіи конгресса 22-го іюня, объявилъ только, что Австрія имѣетъ единственно въ виду прочность создаваемого въ европейской Турціи порядка и „принимаетъ“ предложеніе Англии относительно южной границъ Болгаріи. Даже къ такому, умѣренному отзыву въ этомъ вопросѣ, гр. Андраши былъ непосредственно побужденъ прямымъ приглашеніемъ предсѣдателя конгресса — высказать мѣненіе Австріи; до тѣхъ поръ онъ молчалъ, когда въ засѣданіи 22-го іюня обсуждалось это дѣло. Что бы ни говорили теперь лордъ Бивоксфильдъ съ кѣлью подготовленія парламентскихъ выборовъ въ своей странѣ, австро-венгерское правительство не могло не понимать, что серьезнымъ оплотомъ противъ наступленія русскихъ войскъ можетъ быть только рѣка Дунай, а не „нижніе склоны Балкановъ“, особенно когда въ составъ болгарскаго княжества долженъ войти софійскій санджакъ, тотъ самый, который открылъ намъ дорогу къ Филиппополю.

Еще менѣе могла Австро-Венгрія рѣшиться на войну съ Россіей изъ-за нѣкоторыхъ условій, относящихся къ Батуму, къ судьбѣ котораго эта держава равнодушна. Вопросы для Австріи близкіе, это были — вопросы о расширеніи Сербіи и Черногоріи, о судьбѣ Босніи и Герцеговины. Между тѣмъ, въ отношеніи западныхъ областей Турціи санъ-стефанскій трактатъ и утверждалъ наиболѣе умѣренныя наши требованія: Сербіи мы предоставили мало, Черногоріи — больше, чѣмъ оказались въ силахъ дать ей, но и это, можетъ быть, было ошибкой. Противъ вступленія австрійскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину Россія съ самаго начала ничего не имѣла; передъ началомъ войны она даже сама приглашала Австрію къ такому шагу.

Итакъ, есть основанія предполагать, что если бы мы выказали болѣе умѣренности при заключеніи санъ-стефанскаго мира, если бы мы тѣмъ трактатомъ установили для княжества болгарскаго границу по р. Марицу и округъ Филиппополя, не преувеличивали бы возна-

гражденія для Черногоріи, отказались бы въ Аѣнъ отъ Балзета, который намъ не нуженъ, и отъ саганлутскаго хребта, который могъ быть нуженъ намъ развѣ для новаго наступленія, но вовсе не для защиты; — то при этихъ условіяхъ мы могли дать санъ-стефанскому трактату смыслъ окончательнаго, и затѣмъ рѣшительно выжидать войны, которую бы объявила намъ Англія безъ участія Австро-Венгріи. Такой войны *не было бы* изъ-за вопроса о Маритѣ или объявленія Ватума вѣликимъ портомъ, какъ не было ея ранѣе, изъ-за вопросовъ гораздо болѣе важныхъ для Англіи: изъ за-тѣхъ фактовъ, что Россія объявила Турціи войну, что русскіе войска перешли Дунай, а потомъ Балканы и что предъ ними была открыта дорога въ Константинополь.

Но этого сдѣлано не было. Мы задались, къ сожалѣнію, такой мыслью, что санъ-стефанскій договоръ долженъ былъ представлять максимумъ нашихъ требованій, а не дѣйствительное рѣшеніе вопроса; что санъ-стефанскій трактатъ долженъ былъ только представлять цѣну, которую мы запросимъ; что впереди предстоитъ необходимость торговаться, такъ какъ первоначальная умѣренность съ нашей стороны не предотвратила бы необходимость войны съ Англіею и Австріею, если бы мы не сдѣлали вполнѣ уступокъ на непосредственныя ихъ требованія. Только при такомъ взглядѣ и могло возникнуть убѣжденіе, что въ Санъ-Стефано мы должны запросить возможно-много, столько, сколько мы не могли бы взять себѣ по положенію нашихъ внутреннихъ силъ, но столько, чтобы намъ можно было сдѣлать съ этой цѣны значительныя сбавки вполнѣ. Иначе, какъ объяснить то обстоятельство, что санъ-стефанскій договоръ давалъ доступъ вліянію Россіи до Эгейскаго моря и дробилъ Турцію на части, неимѣвшая одна съ другой сухопутнаго сообщенія? Намъ возразили вполнѣ, что это было бы равносильно фактическому уничтоженію турецкой имперіи въ Европѣ, и мы не могли не сознавать этого сами впередъ. По всей вѣроятности мы знали, что *этого* не допустить ни Англіи, ни Австріи, хотя бы намъ пришлось страдать насъ неминуемой войной. Но, надо полагать, мы знали равноумѣрно, что настаивать всѣми силами на осуществленіи условій санъ-стефанскаго мира мы не будемъ, и что эти условія и опредѣлены въ такомъ размѣрѣ, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать сходную уступку. Вотъ почему можно предполагать, что санъ-стефанскій договоръ въ данномъ ему видѣ не могъ быть окончательнымъ, а потому ему и придано было значеніе „предварительнаго“, хотя на самомъ дѣлѣ предварительныя условія мира были уже подписаны гораздо раньше.

Но если таково было назначеніе санъ-стефанскаго трактата по мысли самой русской дипломатіи, то нечего удивляться, что изъ него сдѣланы внослѣдствіи уступки; въ такомъ предположеніи онъ и былъ предназначенъ къ тому, чтобы изъ него были сдѣланы уступки. Между тѣмъ такой планъ дѣйствій уже, стало-быть, велъ прямо къ нѣкоторому дипломатическому пораженію. Всякая уступка Россіи противъ трактата, ратификованнаго ея кабинетомъ, должна была, до нѣкоторой степени, представляться пораженіемъ. Чѣмъ больше была сознательно преувѣличенная вначалѣ цѣна, чѣмъ существеннѣйшія должны были послѣдовать уступки, тѣмъ болѣе приносилось въ жертву самолюбіе Россіи, — тѣмъ болѣе триумфъ приготовлялся для ея враговъ.

Нельзя не пожалѣть, что избранъ былъ этотъ путь. Запрашивая слишкомъ много, мы тѣмъ самымъ, во-первыхъ, создавали неизбежность значительнаго измѣненія санъ-стефанскаго трактата, то-есть кажущагося неуспѣха для нашей дипломатіи, а во-вторыхъ, — такую солидарность между Англіею и Австріею, каковой могло не быть, если бы первоначальныя требованія наши были умѣреннѣе. Австрія стала поддерживать Англію въ отказѣ отъ участія въ конгрессѣ, въ случаѣ если всѣ пункты санъ-стефанскаго договора не будутъ подвергнуты его обсужденію. Отсюда для насъ явилась необходимость какъ-бы „ухаживать“ за державами, стараясь склонить ихъ къ участію въ конгрессѣ, — добиваться, чтобы осуществился конгрессъ, который долженъ былъ потребовать отъ насъ уступокъ. Естественно, что, при такой постановкѣ дѣла, мы могли быть побуждены въ Берлинѣ къ такимъ уступкамъ, которыя превзошли наши ожиданія. Запросивъ сперва болѣе того, что мы дѣйствительно могли получить, мы получили внослѣдствіи меньше, чѣмъ считали необходимымъ.

Итакъ, берлинскій трактатъ несомнѣнно представляетъ для насъ большой неуспѣхъ по сравненію съ тѣмъ, чего мы фактически потребовали санъ-стефанскимъ договоромъ. Но въ какой мѣрѣ онъ представляетъ неуспѣхъ для насъ по отношенію къ тому, чего мы могли достигнуть при дѣйствительномъ состояніи нашихъ силъ, во-первыхъ, и принятыхъ нами на себя обязательствъ по отношенію къ славянамъ, — во-вторыхъ? — вотъ въ сущности главный вопросъ, на который слѣдуетъ себѣ отвѣтить.

Приобрѣтенія наши въ азіатской Турціи столь значительны, что Россія совершенно можетъ удовольствоваться ими. Очевидно, не стоило вестъ войны съ Англіею и Австріею (предполагая ихъ союзъ) для того, чтобы удержать Валахетъ, не давать Ватуму условій вольнаго порта или утвердиться на Саганлугѣ, который намъ вовсе не

нуженъ для оборонительныхъ цѣлей. Затѣмъ — въ Европѣ. Черногорію мы увеличили не втрое почти, какъ предполагали, но почти вдвое; Сербіи мы доставили приращеніе не меньшее того, какое предполагали. Исправленія нашей бессарабской границы съ вознагражденіемъ Румыніи Добруджею мы добились. Дунайская линія крѣпостей противъ насъ болѣе не существуетъ: Виддинъ, Рущукъ и Силистрія входятъ въ составъ болгарскаго княжества, также какъ и Варна съ Шумлою. Затѣмъ, для обхода линіи Балканъ, въ случаѣ новой войны, мы имѣемъ путь, ведущій отъ Шумлы на Адрианополь (путь Дибича) и путь отъ Софіи на Филиппополь (путь Гурко). На этомъ пути даже Самаково въ рукахъ союзнаго намъ болгарскаго княжества. Недостаетъ здѣсь только Ихтимана. Турецкій уполномоченный, Мехметъ-Али-паша, пытался объяснить уступку софійскаго санджака неважностью его въ стратегическомъ отношеніи, когда Ихтиманъ остается въ рукахъ турокъ и можетъ быть еще болѣе укрѣпленъ. Но это называется — „*faute bonne mine au mauvais jeu*“. Конечно, дальній обходъ Балканъ съ запада, черезъ Софію, не можетъ достигнуть цѣли, если одновременно не производится наступленіе съ сѣвера — отъ Габрова или Шумлы — на Адрианополь. Но при совмѣстномъ движеніи чрезъ Софію и изъ Шумлы, въ обходъ Сливна и Шипки, турецкія позиціи на Ходжа-Балканѣ не защитятъ Адрианополя. Что касается въ частности Ихтимана, какъ преграды на софійско-филиппопольскомъ пути, то напомнимъ также, что взятіе Ихтимана было рѣшено въ минувшую войну атакою съ тыла, то-есть обходомъ его.

Далѣе, мы создали самостоятельное княжество болгарское, которое больше Сербіи, даже послѣ увеличенія послѣдней. Независимость Сербіи, Румыніи, Черногоріи признана теперь Портою, а независимость Болгаріи составляетъ только вопросъ времени. Если вспомнить, что на константинопольской конференціи Россія соглашалась удовлетвориться одной административною автономіею для всей Болгаріи, то созданіе болгарскаго княжества представляетъ, конечно, большой успѣхъ. Но здѣсь мы и приблизились къ „большему ибѣсту“ послѣдовавшаго нынѣ рѣшенія вопроса. Половина Болгаріи — не освобождена. Часть ея осталась даже безъ всякихъ обезпеченій; другая часть, подъ названіемъ восточной Румелии, получаетъ ту самую „административную автономію“, съ христіанскими губернаторами, которыхъ мы довольствовались на константинопольской конференціи для большей части болгарской территоріи; разница та, что трактатъ указываетъ назначеніе христіанскаго „генералъ-губернатора“ для восточной Румелии. Эта провинція должна какъ-бы служить переходомъ къ самостоятельной Болгаріи, управляемой княземъ. Самое назначе-

ніе генералъ-губернатора обставлено условіями: онъ назначается Портою съ согласія державъ, на пять лѣтъ. Но все-таки мы не освободили значительную часть болгарской территоріи, занятой русскими войсками. Мы возвращаемъ подъ непосредственную власть султана такія мѣстности, какъ Казанлыкъ, Эски-Загра, Филиппополь, бывшія свидѣтельницами страшиѣйшихъ вѣрствъ турокъ и подвиговъ русскихъ войскъ. Хотя отмежеваніе Шипки къ восточной Румелии и не определено трактатомъ, который назначаетъ границу въ этомъ мѣстѣ— „по главной цѣпи большого Балкана“, но въ той же статьѣ (II) оговорено, что европейская коммиссія разграниченія „приметь во вниманіе необходимость для е. в. султана быть въ состояніи защитити границы Балканъ въ восточной Румелии“; стало быть, вѣроятно и фортъ св. Николая, прославившійся защитой Радецкаго и деревня Шипка, знаменитая плѣненіемъ цѣлой турецкой арміи, будутъ заняты турецкимъ гарнизономъ. Вотъ, повторяемъ, самое „больное мѣсто“ берлинскаго трактата. Даже стратегическое значеніе нашего отказа отъ включенія восточной Румелии въ болгарское княжество не такъ велико, какъ возможныя послѣдствія его для самихъ болгаръ и для нравственнаго авторитета Россіи среди славянъ вообще. Несмотря на административную автономію, повтореніе рѣзни въ болгарской области, доступной для турецкихъ хотя бы регулярныхъ войскъ, остается возможнымъ, даже вѣроятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ— является и вѣроятность новой войны. Не можетъ быть сомнѣнія, что восточная Румелия будетъ тяготѣть къ свободной Болгаріи, что въ болгарской провинціи, оставшейся подъ турецкимъ управленіемъ, будетъ развиваться сильная пропаганда для сверженія турецкаго ига. Доселѣ для такой пропаганды не было центра, такъ какъ не существовало ни клочка свободной болгарской земли. Теперь будетъ иначе, а это обстоятельство можетъ подать поводъ къ возмущеніямъ и ихъ послѣдствіямъ: новой рѣзни въ восточной Румелии и новой войнѣ.

Что касается авторитета Россіи среди славянъ, то оставленіе половины болгарской земли въ рукахъ турокъ, въ видѣ уступки давленію со стороны прочихъ державъ, послѣ того, какъ мы вводили во всей Болгаріи гражданское управленіе „навсегда“, не можетъ произвестъ благоприятныхъ результатовъ. Положимъ, лордъ Биконсфилдъ преувеличивалъ размѣры болгарскихъ областей, оставленныхъ въ рукахъ турокъ, когда въ своей рѣчи 6/18 іюля въ палатѣ лордовъ утверждалъ, что „новое княжество по величинѣ территоріи и численности населенія, сокращено на цѣлыхъ двѣ-трети противъ того, что было предположено (contemplated) санъ-стефанскимъ трактатомъ“. Но вѣдь если мы уступили и не двѣ-трети, а только половину, то уступка все-таки значительна. Между тѣмъ, если бы требованія санъ-

стефанскаго трактата не были преувеличены, если бы въ томъ трактатѣ границы болгарскаго княжества были проведены примѣрно такъ, какъ очерчены теперь границы княжества и восточной Румелии, вмѣстѣ взятыхъ, и если бы возвращеніе турецкой Бессарабіи не было сдѣлано непремѣннымъ условіемъ, то очень могло быть, что Англія и Австрія не рѣшились бы на войну изъ-за санъ-стефанскаго трактата, который и осуществилъ бы главную, во всякомъ случаѣ, цѣль бывшей войны: созданіе свободной Болгаріи.

Другой пунктъ, чувствительный для нашего самолюбія, представляется предоставленіемъ острова Кипра—Англіи. Но, несмотря на огромное значеніе, какое придается занятію его англичанами въ рѣчахъ англійскихъ министровъ и въ западно-европейской печати вообще, конвенція 4 іюня между Турціею и Англіею чувствительнѣе для нашего самолюбія, чѣмъ для прямыхъ нашихъ интересовъ. Наше самолюбіе могло быть затронуто такимъ фактомъ, что въ то самое время, когда между нашими дипломатами и лордомъ Сольсбери заключено было соглашеніе относительно главныхъ пунктовъ, подлежащихъ дальнѣйшему обсужденію на конгрессѣ, когда пренія конгресса облегчались такимъ образомъ посредствомъ откровенной сдѣлки между спорными интересами двухъ кабинетовъ, въ это самое время совершалась г. Лейярдомъ въ Константинополѣ продѣлка, совершенно помимо нашего вѣдѣнія, и продѣлка эта была обнаружена уже при концѣ конгресса, когда всѣ уступки были сдѣланы нами, безъ знанія о существованіи англо-турецкой конвенціи.

Но вопросы самолюбія—вопросы переходящіе. Сверхъ того, въ настоящемъ случаѣ еще болѣе русскаго самолюбія было задѣто самолюбіе Франціи и Италіи, союзницъ Англіи, береговыхъ державъ Средиземнаго моря,—державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ Суэзскомъ каналѣ, вблизи котораго лежитъ Кипръ. Къ тому же, сардинскій король, до избранія его королемъ Италіи, носилъ титулъ короля кипрскаго.

Но прочны только вопросы о реальныхъ интересахъ. Кипръ въ англійскихъ рукахъ вовсе не угрожаетъ реальнымъ интересамъ Россіи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Если бы Батумъ имѣлъ обширный портъ или Россія имѣла бы финансовыя средства для созданія тамъ обширнаго порта, если бы, сверхъ того, русская промышленность и торговля были такъ могущественны, чтобы притянуть къ Россіи чрезъ Батумъ весь мало-азиатскій, персидскій и остъ-индскій транзитъ, въ такомъ случаѣ устройство на Кипрѣ англійскаго склада, вблизи котораго прошла бы желѣзная дорога по долинѣ Евфрата, наносило бы намъ ущербъ. Но ни мы изъ Батума не сдѣлаемъ ничего важнаго въ коммерческомъ отношеніи, ни англичане изъ Кипра, если только они не

рѣшится на громадѣйшія строительныя издержки на Кипрѣ и на правительственную гарантію евфратской желѣзной дороги. Батумскій портъ малъ, а на Кипрѣ и вовсе нѣтъ сколько-нибудь удобнаго порта. Въ военномъ же отношеніи что можетъ значить для насъ пребываніе англійскихъ войскъ на Кипрѣ? Отъ Мальты англійскій флотъ и англійскія войска могли явиться къ Дарданелламъ въ два дня; отъ Кипра, положимъ, менѣе чѣмъ въ сутки: разница не велика. Правда, занятіе Кипра выставляется лордомъ Биконсфилдомъ спеціально какъ преграда, поставленная дальнѣйшему расширенію русскихъ владѣній въ Малой Азіи, а лордомъ Сольсбери (въ рѣчи его въ верхней палатѣ, 6-го (18-го же) іюля—какъ обезпеченіе для Остѣ-Индіи. Но у насъ никогда и рѣчи не было о приобрѣтеніяхъ въ Малой Азіи далѣе Арменіи, далѣе Эрзерума; никогда мы не помышляли доходить до Стамбула малоазійскимъ путемъ. Столь же мало англичане могутъ разсчитывать со Средиземнаго моря дѣйствовать противъ Карса. Что касается Индіи, то вѣдь не изъ Батума же мы можемъ пойти на Индію, и потому не понятно, почему занятіе Кипра англичанами выставляется какъ удачный противовѣсъ приобрѣтенію нами Батума. Ближайшіе пути къ Индіи лежатъ отъ нашей южной среднеазиатской границы. Для нихъ Кипрѣ не имѣетъ значенія. Затѣмъ, есть еще путь чрезъ Персію, но онъ пролегаетъ не по долинѣ Евфрата, а отъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, и первый этапъ на немъ—Астрабадъ. Англичане всегда выказывали крайнюю щекотливость ко всякому движенію нашему въ этомъ направленіи, вблизи персидской границы. Но неужели же можно изъ Кипра, чрезъ пустыни Месопотаміи, пресѣкать намъ этотъ путь?

Между тѣмъ Англія приняла на себя обязательства весьма тяжелыя. Успѣхъ ея, насколько ей удалось уменьшить авторитетъ Россіи, несомнѣнъ. Но за то, вмѣсто возможно-прочнаго мира, годнаго лѣтъ на двадцать, она создала только перемиріе. Возстаніе въ восточной Румеліи едва ли отсрочится на 20 лѣтъ. Приобрѣтеніе же Кипра и обязательство защищать малоазійскую территорію Турціи слѣдуетъ признать важными ошибками. Для лишней военной станціи нужны лишнія войска, которыхъ у Англіи немного, для созданія на Кипрѣ обширнаго военнаго порта, укрѣпленій и складовъ, и для гарантіи по евфратской желѣзной дорогѣ нужны такія колоссальныя затраты, на которыя едва ли согласится парламентъ. Безъ нихъ же—занятіе Кипра ничего не даетъ, а обязательство защищать малоазійскія владѣнія султана противъ Россіи покажется впослѣдствіи торговой Англіи—тяжкимъ дамокловымъ мечомъ, вѣчно висѣщимъ на волоскѣ, надъ ея головою. Доселѣ британская дипломатія избѣгала хотя бы однимъ словомъ связать себя въ отношеніи ка-

кого-либо шага къ поддержкѣ цѣлости турецкой имперіи. Теперь она вдругъ приняла на себя формальное, безусловное обязательство въ этомъ. Не трудно предвидѣть, что дѣловой Англіи вскорѣ надобѣсть вѣчное сознаніе тягости того приобрѣтенія и того опаснаго обязательства, которыя теперь представляются ей геніальнымъ дѣломъ лорда Биконсфильда. Гладстонъ сталъ непопуляренъ вслѣдствіе своей уступчивости; естественно, что лордъ Биконсфильдъ приобрѣлъ большую популярность своей дипломатической побѣдой. Онъ воспользовался ею для распущенія парламента, рассчитывая на избраніе консервативной палаты, которая продлитъ господство тори еще на семь лѣтъ. Быть можетъ, это и удастся; но разочарованіе для англійскаго общества наступитъ ранѣе семи лѣтъ. Оно проявится, когда удовлетворенное самолюбіе замолчитъ, а на каждое Рождество торговые люди, закрывая свои книги и считая свои барыши, должны будутъ спрашивать себя: въ наступающемъ году не обязаны ли мы будемъ вести войну съ Россією гдѣ-нибудь въ глубинѣ Малой-Азіи? Лордъ Дѣрби высказалъ даже увѣренность, что не далѣе какъ чрезъ два года, когда „придется платить по счету (when the bill comes in for payment) англійскій народъ сочтетъ глупымъ принятое отъ его имени обязательство.

Нѣчто въ томъ же родѣ слѣдуетъ сказать о занятіи Босніи и Герцеговины австро-венгерскими войсками. Если оно будетъ временное (хотя срокъ его не ограниченъ), то оно не доставитъ Австріи выгоды. Если оно обратится въ завладѣніе, то это, конечно, будетъ приобрѣтеніемъ для имперіи Габсбурговъ, но приобрѣтеніе слишкомъ дорогое: приобрѣтая двѣ славянскія области съ согласія князя Бисмарка, Австрія тѣмъ самымъ выдаетъ ему вексель на свои нѣмецкія области, а Венгрія идетъ къ паденію своей равноправности. Что касается Россіи, то, какъ объяснилъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Великобританіи, лордъ Дѣрби, вступленіе австрійцевъ въ Боснію и Герцеговину было условлено между тремя имперіями еще три года тому назадъ. Стало быть, въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго для Россіи, хотя онъ, конечно, не увеличитъ ея авторитета между славянами. Не этимъ Австрія выказала себя врагомъ Россіи, а тѣмъ образомъ дѣйствій, какому она слѣдовала во все время переговоровъ до конгресса и на немъ. Союзъ трехъ имперій уже не существуетъ, и этотъ результатъ вполне согласенъ съ мнѣніемъ, о которомъ мы напомнили выше, именно, что въ союзѣ съ Германією и Австрією Россія не можетъ достигнуть благопріятнаго рѣшенія восточнаго вопроса. Берлинскимъ трактатомъ она достигла гораздо менѣе того, чѣго могла достигнуть безъ него; одна изъ участницъ союза не сдѣлала всего, что могла сдѣлать, въ пользу

Россіи; другая сдѣлала все, что могла, противъ Россіи. Казалось бы, выводъ изъ этого для дальнѣйшей нашей политики довольно ясенъ: мы должны или отказаться отъ рѣшенія восточнаго вопроса, или имѣть въ виду рѣшеніе его при иной комбинаціи.

ТЕКСТЪ БЕРЛИНСКАГО ТРАКТАТА.

Во имя Бога Всемогущаго. Его величество Императоръ Всероссійскій, его величество Императоръ Германскій, Король Пруссійскій, его величество Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и пр. и Апостолическій Король Венгріи, Президентъ Французской республики, ея величество Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи, его величество Король Италіи и его величество Императоръ Оттомановъ, желая разрѣшить, въ смыслъ европейскаго строя, согласно постановленіямъ парижскаго трактата 30-го марта 1856 года, вопросы, возбужденные на Востокѣ событіями послѣднихъ лѣтъ и войною, окончившеюся санъ-стефанскимъ прелиминарнымъ договоромъ, единодушно были того мнѣнія, что созваніе конгресса представляло бы наилучшій способъ для облегченія ихъ соглашенія.

Вслѣдствіе сего, вышепоименованныя величества и президентъ французской республики назначили своихъ уполномоченныхъ (слѣдуютъ полныя титулы уполномоченныхъ. Уполномоченными были отъ Россіи: канцлеръ князь *Горчаковъ*, генералъ-адъютантъ графъ *Петръ Шуваловъ* и дѣйств. тайн. совѣтникъ *Убри*; отъ Германіи: князь *Бисмаркъ*, г. *Бюловъ* и князь *Гоенлоэ*; отъ Австро-Венгріи: графъ *Андраши*, графъ *Карольи* и баронъ *Хеймерле*; отъ Франціи: г. *Ваддингтонъ*, графъ *де-Сенъ-Валѣ* и г. *Депре*; отъ Великобританіи: графъ *Биконсфильдъ*, маркизъ *де-Сольсбери* и лордъ *Одо Россель*; отъ Италіи: графы *Корти* и *де-Доннѣ*; отъ Турціи: *Каратеодори-паша*, *Мелемедъ-Али-паша* и *Садулла-бей*) — кои, вслѣдствіе предложенія австро-венгерскаго двора и по приглашенію германскаго двора, собрались въ Берлинѣ, снабженные полномочіями, найденными въ надлежащей и установленной формѣ.

Вслѣдствіе счастливо-установившагося между ними согласія, они постановили нижеслѣдующія условія:

Статья I. Болгарія образуетъ изъ себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, подъ главенствомъ его императорскаго величества Султана; она будетъ имѣть христіанское правительство и народную милицію.

Ст. II. Болгарское княжество будетъ заключать въ себѣ нижеслѣдующія территоріи:

Граница слѣдуетъ на сѣверѣ по правому берегу Дуная, начиная отъ старой границы Сербіи до пункта, который будетъ опредѣленъ европейскою комиссіею къ востоку отъ Силистріи и оттуда направляется къ Черному морю, на югъ отъ Мангалии, которая присоединяется къ румынской территоріи. Черное море образуетъ восточную границу Болгаріи. На югъ граница поднимается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго находятся деревни Ходжа-Кіей, Селамъ-Кіей, Айваджикъ, Кулибе, Суджудукъ; пересѣкаетъ косвенно долину Дели-Камчика, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемгалика и къ сѣверу отъ Хаджимагале, перейдя черезъ Дели-Камчикъ въ 2¼ километрахъ выше Ченгеа; достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа и слѣдуетъ по оному чрезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Граница эта продолжается по главной цѣпи Большого-Балкана и слѣдуетъ по всему ея протяженію до вершины Косица.

Здѣсь она оставляетъ хребетъ Балкана, спускается къ югу между деревнями Тиртопъ и Дужанцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріею, а вторая—за Восточною Румеліею, до ручья Тузлу-Дере, слѣдуетъ по его теченію до сліянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до соединенія ея съ Смовскію-Дере близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліею пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскію-Дере и Каменица, слѣдуя по линіи водораздѣла; затѣмъ на высотѣ Войньяка поворачиваетъ къ юго-западу и достигаетъ по прямому направленію пункта 875, обозначеннаго на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи и верхній бассейнъ ручья Ихтиманъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ линіи водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Гаджидаромъ, слѣдуетъ по этой линіи, по вершинамъ Велика-Могила чрезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чадиръ-тепе.

Отъ Чадиръ-тепе граница, направляясь къ юго-западу, слѣдуетъ по линіи водораздѣла между бассейнами Места Карасу съ одной стороны и Струма Карасу—съ другой, пролегаетъ по гребнямъ Родопскихъ горъ, называемыхъ Демиръ-Капу, Искофтепе, Кадимесаръ-Балканъ и Аджи Гедюкъ до Капетникъ-Балкана и сливается такимъ образомъ съ прежнею административною границею Софійскаго санджака.

Отъ Капетникъ-Балкана граница обозначается линіею водораздѣла между долинами Рыльска-рѣка и Бистрица-рѣка и слѣдуетъ по отрогу, называемому Воденица-Планина, спускается въ долину Струмы при сліяніи этой рѣки съ Рыльска-рѣкою, оставляя деревню Баракли за Турціею. Она поднимается за сѣмъ къ югу отъ деревни Іелешница, достигаетъ по кратчайшей линіи цѣпи горъ Голема-Планина у вершины Гитка и тутъ примыкаетъ къ прежней административной гра-

ницѣ Софійскаго санджака, оставляя, однако, за Турцію весь бассейнъ Сухой-рѣки.

Отъ горы Гитка западная граница направляется къ горѣ При-Врхъ по горамъ Карвена-Ябука, слѣдуя по старой административной границѣ Софійскаго санджака, въ верхнихъ частяхъ бассейновъ Егрису и Лепницы достигаетъ мѣстѣ съ нею гребней Вабиной поляны и оттуда горы При-Врхъ.

Отъ горы При-Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмою и Моравою по вершинамъ Стрешера-Вилогело и Машидъ-Планина, далѣе чрезъ Гасину, Црна-Трава, Дарковска и Драиница-Планина и чрезъ Дешчани-Кладанецъ достигаетъ водораздѣла Верхняго-Суково и Моравы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь оттуда, пересекаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ въ разстояніи 1,000 метровъ къ сѣверу-западу отъ деревни Сегуша; она поднимается потомъ по прямой линіи на Видличъ-Планину и оттуда на гору Радочина, въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіею деревню Дойкинци, а за Болгаріею деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина граница направляется къ западу по гребню Балканскихъ горъ чрезъ Чипровецъ-Балканъ и Стара-Планина до прежней восточной границы сербскаго княжества возлѣ Кулы-Смилиева-Чука и оттуда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Это разграниченіе будетъ установлено на мѣстѣ европейскою комиссіею, въ которой державы, подписавшія трактатъ, будутъ имѣть своихъ представителей. Само-собою разумѣется:

1. Что эта комиссія приметъ во вниманіе необходимость для его величества Султана быть въ состояніи защитить границы Балканъ въ Восточной Румелии.

2. Что въ районѣ 10 километровъ вокругъ Самакова не могутъ быть воздвигаемы укрѣпленія.

Ст. III. Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ династій царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ не можетъ быть избираемъ княземъ Болгаріи.

Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго останется не замѣщеннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ.

Ст. IV. Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созданное въ Терновѣ, выработаетъ, до избранія князя, органическій уставъ княжества.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгары перемѣшаны съ населеніями турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими, будутъ приняты во вниманіе права и интересы этихъ населеній по отношенію къ выборамъ и выработкѣ органическаго устава.

Ст. V. Въ основу государственнаго права Болгаріи будутъ приняты слѣдующія начала:

Различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публич-

нымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и обученіямъ или до управленія различными свободными занятіями и ремесламъ въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ болгарскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и вѣйшее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть также дѣлаемы никакія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Ст. VI. Временное управленіе Болгаріи до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи будетъ находиться подъ руководствомъ русскаго императорскаго комиссара. Для содѣйствія ему съ дѣлю наблюденія за ходомъ временнаго управленія будутъ призваны и императорскій оттоманскій комиссаръ, консулы, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ императорскимъ русскимъ комиссаромъ или съ императорскимъ оттоманскимъ комиссаромъ, представители въ Константинополь державъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе.

Ст. VII. Временное управленіе не можетъ быть продолжено долѣ срока девяти мѣсяцевъ со дня разнѣна ратификацій настоящаго трактата.

Когда органическій уставъ будетъ оконченъ, немедленно послѣ сего будетъ приступлено къ избранію князя Болгаріи. Какъ только князь будетъ водворенъ, новое управленіе будетъ введено въ дѣйствіе. Княжество вступитъ въ полное пользованіе своею автономіею.

Ст. VIII. Трактаты о торговлѣ и судоходствѣ, а равно всѣ конвенціи и отдѣльныя соглашенія, заключенныя между иностранными державами и Портою и нынѣ дѣйствующія, сохраняютъ свою силу въ Княжествѣ Болгаріи и въ нихъ не будетъ сдѣлано никакаго измѣненія по отношенію къ какой бы то ни было державѣ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то согласія съ ея стороны.

Никакихъ транзитныхъ пошлинъ не будетъ взыматься въ Болгаріи съ товаровъ, провозимыхъ черезъ княжество.

Подданные и торговля всѣхъ державъ будутъ пользоваться въ ней совершенно одинаковыми правами.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ права консульской юрисдикціи и покровительства, въ той мѣрѣ, какъ онѣ были установлены капитуляціями и обычаями, останутся въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ измѣнены съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

Ст. IX. Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарское Княжество будетъ платить верховному правительству, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ въ послѣдствіи времени Блистательной Портою, будетъ опредѣленъ по соглашенію между державами, подписавшими настоящій трактатъ къ концу перваго года дѣйствія новаго управленія. Эта дань будетъ исчислена по расчету средней доходности княжества.

Болгарія будетъ обязана нести на себѣ часть государственнаго долга имперіи; державы при опредѣленіи дани примутъ въ расчетъ

ту часть долга, которая должна будетъ пасть на долю Княжества по справедливому распредѣленію.

Ст. X. Болгарія заступаетъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ обществу рущукско-вариской желѣзной дороги со времени обмѣна ратификацій настоящаго трактата. Сведеніе прежнихъ счетовъ предоставляется соглашенію между Блистательною Портою, правительствомъ Княжества и управленіемъ этого общества.

Равнымъ образомъ Болгарское Княжество заступаетъ, въ соответственной долѣ, Блистательную Портъ въ ея обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи по окончанію, соединенію и эксплуатаціи желѣзно-дорожныхъ линій, находящихся на его территоріи.

Конвенціи, необходимыя для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, будутъ заключены между Австро-Венгріею, Портою, Сербіею и Болгарскимъ Княжествомъ немедленно послѣ заключенія мира.

Ст. XI. Оттоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болгаріи; всѣ старыя крѣпости будутъ срыты на счетъ Княжества по истеченіи года или раньше, если можно; мѣстное правительство приметъ немедленно мѣры къ ихъ уничтоженію и не можетъ соорудить новыхъ. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему желанію военнымъ матеріаломъ и другими предметами, принадлежащими оттоманскому правительству, которые остались въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ войсками въ силу перемирія 31-го января, равно какъ и тѣми, которые найдутся въ крѣпостяхъ—Шумгѣ и Варнѣ.

Ст. XII. Собственники-мусульмане или другіе, которые поселятся внѣ Княжества, могутъ сохранить въ немъ свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или въ управленіе другимъ лицамъ.

На турецко-болгарскую комиссію будетъ возложено окончательное рѣшеніе въ теченіи двухъ лѣтъ всѣхъ дѣлъ, касающихся способа отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты какъ государственными имуществами, такъ и принадлежащими духовнымъ учрежденіямъ (вакуфы), равно какъ и вопросовъ, касающихся до могущихъ быть замѣшанными въ нихъ интересовъ частныхъ лицъ.

Уроженцы Болгарскаго Княжества, путешествующіе или проживающіе въ другихъ частяхъ оттоманской имперіи, будутъ подчинены властямъ и законамъ оттоманскимъ.

Ст. XIII. На югѣ отъ Балканъ образуется провинція, которая получитъ наименованіе „Восточной Румелии“ и которая останется подъ непосредственною политическою и военною властью его императорскаго величества Султана на условіяхъ административной автономіи. Она будетъ имѣть генераль-губернаторомъ христіанина.

Ст. XIV. Восточная Румелия граничитъ къ сѣверу и сѣверо-западу съ Болгаріею и вмѣщаетъ въ себѣ территоріи, заключающіяся въ слѣдующемъ очертаніи:

Начиная съ Чернаго моря пограничная линія поднимается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго находятся де-

ревни Хаджакіой, Селанъ-Кіей, Айваджикъ, Булибе, Суджулукъ, востенно пересѣкаетъ долину Дели-Камчикъ, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемчаликъ и къ сѣверу отъ Хаджимахале, перейдя черезъ Дели-Камчикъ въ 2½ километрахъ выше Ченгеа, достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа, и слѣдуетъ по немъ черезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Она продолжается по главной цѣпи Большого Балкана и слѣдуетъ по всему протяженію до вершины Косица.

Въ этомъ мѣстѣ западная граница Румелии оставляетъ гребень Балкана, спускается къ югу между деревнями Пиртонъ и Дужанди, изъ коихъ первая остается за Болгарією, а вторая за Восточною Румелією, до ручья Тузлу-дере, слѣдуетъ по его теченію до слиянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до слиянія ея съ Смовскію-Дере, близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румелією пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскію-Дере и Каменица, слѣдуя по водораздѣлу, затѣмъ на высотѣ Войныяка поворачивается къ юго-западу и достигаетъ въ прямомъ направленіи пункта 875 карты австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи верхній бассейнъ ручья Ихтиманъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Хаджиларомъ, слѣдуетъ по этой линіи по вершинѣ Велика-Могилы, черезъ переваль 531, Змайлици-Врхъ, Сумнатицъ, и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чадырь-Тепе.

Граница Румелии отдѣляется отъ границы Болгаріи у горы Чадырь-Тепе, слѣдуя по водораздѣлу бассейновъ Марицы и ея притоковъ съ одной стороны и Места-Карасу и ея притоковъ—съ другой, и беретъ направленія юго-восточное и южное по гребню горъ Деслото-Дагъ къ горѣ Крушева (исходной точкѣ граничной черты санъ-стефанскаго договора).

Отъ горы Крушева граница совпадаетъ съ границей, опредѣленной санъ-стефанскимъ договоромъ, т.-е. идетъ по цѣпи Черныхъ Балканъ (Кара-Балканы), по горамъ Кулачи-Дагъ, Эшекъ-Чепелли, Караколасъ и Ишикларъ, откуда она спускается прямо къ юго-востоку на соединеніе съ рѣкою Ардою, по руслу которой идетъ до пункта, лежащаго близъ деревни Ада-Чали, которая остается за Турцією.

Отъ этого пункта граничная линія поднимается до гребня Бен-тепе-Дагъ, по которому тянется и спускается, пересѣкая Марицу въ пунктѣ, лежащемъ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паша; за симиъ она направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли-Дере и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Баира, откуда идетъ на востокъ къ Сакаръ-Баиру, потомъ пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверѣ, также какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дербента она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ, на высотѣ Кайбилара, которая остается за восточною Румелією, проходитъ къ югу отъ В. Алмалы между бассейномъ Марицы на югѣ и

разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море, между деревнями Белевринъ и Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Каранлика по гребнямъ Восны и Сувака, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачъ-Су и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣчками, носящими тѣ же названія.

Ст. XV. Его величеству Султану предоставляется право заботиться о защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая укрѣпленія на этихъ границахъ и содержа въ нихъ войско.

Внутренній порядокъ охраняется въ Восточной Румелии туземною стражею при содѣйствіи мѣстной милиціи.

При формированіи какъ стражи, такъ и милиціи, конихъ офицеры назначаются Султаномъ, будетъ принято во вниманіе, смотря по мѣстностямъ, вѣроисповѣданіе жителей.

Его императорское величество Султанъ обязуется не употреблять въ пограничныхъ гарнизонахъ нерегулярныхъ войскъ, какъ-то: башибузуковъ и черкесовъ. Регулярныя же войска, назначаемыя для этой службы, ни въ какомъ случаѣ не будутъ размѣщаться по обывательскимъ домамъ. При переходѣ чрезъ область, войска эти не будутъ дѣлать въ ней остановокъ.

Ст. XVI. Генераль-губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска въ случаѣ, если бы внутреннему или внѣшнему спокойствію области угрожала какая-либо опасность. Въ данномъ случаѣ Влестательная Порта обязана поставить въ извѣстность представителей державъ въ Константинополѣ о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ, его вызвавшихъ.

Ст. XVII. Генераль-губернаторъ Восточной Румелии будетъ назначаемъ Влестательною Портою съ согласія державъ на пяти-годовой срокъ.

Ст. XVIII. Немедленно послѣ обмѣна ратификацій настоящаго трактата, будетъ назначена европейская коммиссія для разработки совместно съ Портою оттоманскаго устройства Восточной Румелии. На коммиссіи этой будетъ лежать обязанность опредѣлить въ трехмѣсячный срокъ кругъ власти и атрибуты генераль-губернатора, а также образъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія области, принимая въ основу его различныя узаконенія о вилайетахъ и предложенія, внесенныя въ 8-е засѣданіе константинопольской конференціи. Собраніе постановленій относительно Восточной Румелии послужитъ содержаніемъ для императорскаго фирмана, который будетъ обнародованъ Влестательною Портою и сообщенъ ею державамъ.

Ст. XIX. На европейскую коммиссію будетъ возложена обязанность завѣдывать вмѣстѣ съ Влестательною Портою финансами области впредь до окончательнаго устройства новой организаціи.

Ст. XX. Трактаты, конвенціи и международныя соглашенія, какова бы они ни были свойства, заключенныя или имѣющіе быть заключенными между Портою и иностранными державами, будутъ примѣняться въ Восточной Румелии, какъ и во всей Оттоманской имперіи. Льготы и привилегіи, предоставленныя иностранцамъ, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, будутъ уважаемы въ этой провинціи. Влестательная Порта принимаетъ обязательство наблюдать въ этой области

надъ исполненіемъ общихъ законовъ имперіи относительно религіозной свободы въ примѣненіи ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Ст. XXI. Права и обязательства Блистательной Порты по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ въ Восточной Румеліи остаются неизмѣнными.

Ст. XXII. Русскій оккупационный корпусъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи будетъ состоять изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій и не превзойдетъ 50,000 человекъ. Онъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Оккупационныя войска сохранять сообщенія съ Россією, не только чрезъ Румынію, въ силу соглашенія, имѣющаго быть заключеннымъ между обоими государствами, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Вургасъ, въ которыхъ имъ предоставлено будетъ право устроить на все продолженіе занятія необходимыя склады.

Срокъ занятія Восточной Румеліи и Болгаріи императорскими русскими войсками опредѣляется въ девять мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата.

Императорское русское правительство обязуется окончить въ послѣдующій трехъ-мѣсячный срокъ проведеніе своихъ войскъ чрезъ Румынію и совершенное очищеніе этого Княжества.

Ст. XXIII. Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года, съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми.

Подобныя же уставы, примѣняемыя къ мѣстнымъ потребностямъ, за исключеніемъ однако изъ нихъ льготъ въ податяхъ, предоставленныхъ Криту, будутъ также введены и въ другихъ частяхъ Европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не было предусмотрѣно настоящимъ трактатомъ.

Разработка подробностей этихъ уставовъ будетъ поручена Блистательною Портою въ каждой области особымъ коммиссіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе.

Проекты организацій, которые будутъ результатомъ этихъ трудовъ, будутъ представлены на рассмотрѣніе Блистательной Порты.

Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта совѣтуется съ европейскою коммиссією, назначенною для Восточной Румеліи.

Ст. XXIV. Въ тѣхъ случаяхъ, когда между Блистательною Портою и Грецією не послѣдуетъ соглашенія относительно исправленія границъ, указаннаго въ тринадцатомъ протоколѣ берлинскаго конгресса, Германія, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія и Россія предоставляютъ себѣ предложить обѣимъ сторонамъ свое посредничество для облегченія переговоровъ.

Ст. XXV. Провинціи Воеводина и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгрією. Австро-венгерское правительство, не желая принять на себя управленіе Новобазарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербією и Черногорією по направленію на юго-востокъ за Митровицу, оттоманское управленіе останется въ немъ въ дѣйствіи по-прежнему. Но для того, чтобы обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право содержать

гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговныя на всемъ протяженіи этой части прежняго боснійскаго вилайета.

Съ этою цѣлью правительства Австро-Венгрии и Турціи предоставляютъ себѣ условиться о подробностяхъ.

Ст. XXVI. Независимость Черногоріи признается Блистательною Портою и всѣми тѣми высокими договаривающимися сторонами, которыя еще ея не признавали.

Ст. XXVII. Высокія договаривающіяся стороны условились о слѣдующемъ:

Въ Черногоріи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отлученіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ, въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ черногорскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть дѣлаемы также какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ обществъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Ст. XXVIII. Новыя границы Черногоріи опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Граничная черта, начиная отъ Илинобрдо, къ сѣверу отъ Клобука, спускается по Требиньчицѣ къ Гранчарево, которое остается за Герцеговиною, потомъ поднимается вверхъ по теченію этой рѣки до пункта, находящагося въ разстояніи одного километра ниже слиянія Чепелицы, и оттуда достигаетъ по кратчайшей линіи высотъ, окаймляющихъ Требиньчину. Далѣе она направляется къ Пилатову, оставляя эту деревню за Черногоріей, тянется по высотамъ въ сѣверномъ направленіи, по возможности не удаляясь больше, чѣмъ на 6 километровъ отъ дороги Вилекъ-Корито-Гацко, до перевала, находящагося между Сомина-Планиною и горою Чурило; оттуда она идетъ на востокъ чрезъ Вратковичи, оставляя эту деревню за Герцеговиною, до горы Орлянь. Отъ этого мѣста граница, оставляя Равно Черногоріи, направляется прямо на сѣверо-востокъ, переходя чрезъ вершины Лебершника и Волука, потомъ спускается по кратчайшей линіи на Пиву, пересѣкаетъ ее и примыкаетъ къ р. Тарѣ, пройдя между Церквицею и Недвиною. Отъ этого пункта она поднимается вверхъ по Тарѣ до Мойковца, откуда тянется по гребню горнаго отрога до Шимкоозера. Отъ этой мѣстности она сливается съ прежнею границею до дер. Шекуляре. Отсюда новая граница направляется по гребнямъ Мокрой-Планины, оставляя за Черногоріею деревню Мокра, и достигаетъ пункта 2,166 карты австрійскаго генеральнаго штаба, слѣдуя по главной цѣпи и по водораздѣлу между Лимомъ съ одной стороны и Дриномъ, а также Цівною (Земъ), съ другой.

Далѣе пограничная черта сливается съ существующей нынѣ границею между племенемъ Кучей-Дрекаловичей съ одной стороны, Кучкою-Крайнею и племенами Клементи и Груды—съ другой, до равнины

Подгорицкой, откуда она направляется на Плавницу, оставляя за Албанією племена Клементи, Груды и Хоты.

Отсюда новая граница пересѣкаетъ озеро близъ островка Горица-Топалъ и отъ Горица-Топалъ достигаетъ по прямому направленію вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ, оставляя Мрковичъ за Черногорією и примыкая къ Адриатическому морю въ В. Кручи.

На сѣверо-западѣ границу образуетъ линія, идущая отъ берега между деревнями Шуманы и Зубцы и примыкающая къ крайнему юго-восточному пункту нынѣшней границы Черногоріа на Вршута Планинѣ.

Ст. XXIX. Антивари и его территорія присоединяются къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣстности, лежащія къ югу отъ этой территоріи, согласно вышеизложенному разграниченію, до р. Бояны, включая Дульциню, будутъ возвращены Турціи.

Община Слицы до сѣверной границы территоріи, обозначенной въ подробномъ описаніи границъ, будетъ включена въ составъ Далмаціи.

Черногоріи предоставляется полная свобода судоходства по р. Боянѣ. Никакія укрѣпленія не будутъ воздвигаемы на протяженіи этой рѣки, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты Скутарской крѣпости, каковыя не могутъ простираться далѣе шести километровъ разстоянія отъ этого города.

Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военного флага.

Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Укрѣпленія, находящіяся между озерами и побережьемъ, на черногорской территоріи будутъ скрыты, и никакія новыя не могутъ быть возведены въ этой чертѣ.

Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ производить Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ.

Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ Далмаціи морскія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны, обязуется оказывать чрезъ своихъ консуловъ покровительство черногорскому торговому флагу.

Черногорія должна войти въ соглашеніе съ Австро-Венгріей касательно права постройки и содержанія дороги и рельсоваго пути чрезъ новую черногорскую территорію.

Полная свобода сообщеній будетъ обезпечена на этихъ путяхъ.

Ст. XXX. Мусульмане и другія лица, владѣющія недвижимою собственностью въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Черногоріи, которыя пожелали бы поселиться внѣ княжества, могутъ сохранить за собой свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или управляя ими при посредствѣ другихъ лицъ.

Ни у кого не можетъ быть отчуждена недвижимая собственность иначе какъ законнымъ порядкомъ, ради общественной пользы, и за предварительное вознагражденіе.

На турецко-черногорскую комиссію будетъ возложено оконча-

тельное устройство въ трехъ-лѣтній срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи и пользованія, за счетъ Влистательной Порты, имуществъ, принадлежащихъ государству, богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфы), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ упомянутыхъ дѣлахъ.

Ст. XXXI. Княжество Черногорія войдетъ въ прямое соглашеніе съ Влистательною Портою, касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополь и въ другія мѣстности Оттоманской имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ.

Черногорцы, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской имперіи, будутъ подчинены турецкимъ законамъ и властямъ, согласно общимъ принципамъ международнаго права и обычаямъ, установившимся относительно Черногорцевъ.

Ст. XXXII. Черногорскія войска будутъ обязаны очистить въ двадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата, или же прежде, буде возможно, территорію, занимаемую ими нынѣ въ новыхъ предѣлахъ княжества.

Оттоманскія войска очистить уступленныя Черногоріи территоріи въ тотъ же двадцатидневный срокъ. Имъ, однако-же, будетъ данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Ст. XXXIII. Такъ какъ Черногорія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей мирнымъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополь опредѣлятъ, вмѣстѣ съ Оттоманскою Портою, размѣръ этой части на справедливомъ основаніи.

Ст. XXXIV. Высшія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Сербскаго Княжества при условіяхъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

Ст. XXXV. Въ Сербіи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми сербскими уроженцами, такъ и за иностранцами и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Ст. XXXVI. Сербія получаетъ территоріи, заключающіяся въ нижеслѣдующихъ границахъ:

Новая граница слѣдуетъ по нынѣшней пограничной чертѣ, поднимаемая вверхъ по руслу Дрины отъ слиянія ея съ Савой, и оставляя за княжествомъ Малый Зворникъ и Сахаръ и продолжается вдоль прежней границы Сербіи до Капаоника, отъ котораго отдѣляется на вершинѣ Канилуга. Оттуда она идетъ сначала вдоль западной границы

Нишскаго санджака, по южному отрогу Калаоника, по гребнямъ Марицы и Мрдаръ-Планины, образующимъ водораздѣлъ бассейновъ Ибара и Ситницы съ одной стороны, и Топлицы—съ другой, оставляя Преполакъ за Турціей. Затѣмъ она поворачивается къ югу, по водораздѣлу Брвеницы и Медведжи, оставляя весь бассейнъ Медведжи за Сербіей, идетъ по хребту Гольянъ Планины (образующему водораздѣлъ между Крива-Ріекою съ одной стороны, и Поляницей, Ветерницей и Моравой съ другой) до вершины Поляницы. Потомъ она направляется по отрогу Карпина-Планины до слиянія Коинска съ Моравой, переходитъ эту рѣку, поднимается по водораздѣлу между ручьемъ Коинска и ручьемъ, впадающимъ въ Мораву близъ Нерадовца, и достигаетъ Планины св. Иліи выше Трговишты. Отсюда она идетъ по гребню св. Иліи до горы Блѣчь и, пройдя чрезъ означенные на картѣ пункты 1,516 и 1,547 и чрезъ Бабинну Гору, примыкаетъ къ горѣ Черный Врхъ.

Начиная отъ горы Черный Врхъ новая пограничная черта слѣдуютъ съ пограничною чертою Болгаріи, а именно:

Отъ горы Черный Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмой и Моравой по вершинамъ Стрешера, Вилогодо и Мешидъ-Планины чрезъ Гачину, Чрна Траву, Дарковску, Драницу-Планъ чрезъ Дескани-Кладенецъ, достигаетъ водораздѣла Верхней Суковы и Моравы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь, отсюда пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ въ разстояніи 1,000 метровъ по сѣверо-западу отъ деревни Сегуша; она поднимается потомъ по прямой линіи, на Видличъ Планину и отсюда на гору Радочину въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербією деревню Дойкинчи, а за Болгаріей деревню Сенакошь.

Отъ вершины горы Радочина, граница направляется къ сѣверо-западу по гребню балканскихъ горъ чрезъ Ципровецъ-Балканъ и Стару-Планину до прежней восточной границы сербскаго княжества, возлѣ Кулы-Смилиона-Чука, и отсюда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Ст. XXXVII. Въпредъ до заключенія новыхъ соглашеній въ Сербіи никакихъ измѣненій не послѣдуетъ въ нынѣ существующихъ условіяхъ коммерческихъ сношеній Княжества съ иностранными государствами.

Никакой транзитной пошлины не будетъ взыматься съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Сербію.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ и права консульской юрисдикціи и покровительства останутся, какъ онѣ нынѣ существуютъ, въ полной силѣ, пока не будутъ измѣнены съ общаго согласія Княжества и заинтересованныхъ державъ.

Ст. XXXVIII. Княжество Сербія вступаетъ въ соотвѣтственной долѣ Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и относительно общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ европейской Турціи, по окончанію, соединенію, а также по эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ быть проведенными на вновь прибрѣтенной Княжествомъ территоріи.

Необходимыя для разрѣшенія этихъ вопросовъ конвенціи будутъ заключены немедленно по подписаніи настоящаго трактата между Австро-Венгрією, Сербіей и Княжествомъ Болгаріей въ границахъ его компетентности.

Ст. XXXIX. Мусульмане, владѣющіе недвижимою собственностью въ присоединенныхъ къ Сербіи территорияхъ, и которые пожелаю бы избрать мѣстожителство въ Княжествѣ, будутъ имѣть право сохранить въ Княжествѣ свои недвижимыя имущества, отдавая ихъ въ аренду, или же поручая управленіе ими другимъ лицамъ.

На турецко-сербскую комиссію будетъ возложено окончательное устройство въ опредѣленный срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты имущества, принадлежащихъ государству и богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ этихъ дѣлахъ.

Ст. XL. До заключенія трактата между Турціей и Сербіей, сербскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Турецкой имперіи, будутъ пользоваться правами, согласно основнымъ началамъ международного права.

Ст. XLI. Сербскія войска будутъ обязаны очистить въ пятнадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата мѣстности, не включенныя въ новыя границы Княжества.

Оттоманскія войска очистятъ въ тотъ же пятнадцатидневный срокъ территоріи, уступленныя Сербіи. Имъ будетъ, однако-же, данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Ст. XLII. Такъ какъ Сербія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей настоящимъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Блистательной Портой, опредѣлятъ размѣръ этой части на справедливыхъ основаніяхъ.

Ст. XLIII. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Румыніи при условіяхъ, изложенныхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Ст. XLIV. Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеселъ въ какой бы ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обеспечиваются какъ за всѣми уроженцами румынскаго государства, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами. Подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ.

Ст. XLV. Княжество Румыніи уступаетъ обратно Его Величеству Императору Всероссійскому часть Бессарабской территоріи, отошедшей отъ Россіи по парижскому трактату 1856 года, ограниченную

съ запада русломъ Прута, съ юга русломъ Килийскаго рукава и устьемъ Старога Стамбула.

Ст. XLVI. Острова, составляющіе дельту Дуная, а также островъ Змійинный, Тульчинскій санджакъ, вмѣщающій округа (казы) Килию, Сулину, Махмудіе, Исакчу, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстендже, Меджидіе, присоединяются къ Румыніи. Княжество кромѣ того получаетъ территорію, лежащую на югъ отъ Добруджи до черты, начинающейся къ востоку отъ Силистріи и оканчивающейся у Чернаго моря къ югу отъ Мангалии.

Очертаніе границы будетъ опредѣлено на мѣстѣ европейскою комиссіею, установленною для разграниченія Болгаріи.

Ст. XLVII. Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловляхъ будетъ предложенъ посредничеству европейской дунайской комиссіи.

Ст. XLVIII. Никакая транзитная пошлина не будетъ взимаема въ Румыніи съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Княжество.

Ст. XLIX. Конвенціи могутъ быть заключаемы Румыніею для установленія привилегій и круга дѣйствій консуловъ въ дѣлѣ оказыванія ими покровительства въ Княжествѣ. Приобрѣтенныя права останутся въ силѣ, пока не будутъ измѣнены по общему согласію Княжества съ заинтересованными сторонами.

Ст. L. До заключенія трактата между Турціею и Румыніею, устанавливающаго привилегіи и кругъ дѣйствій консуловъ, румынскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской имперіи, оттоманскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Румыніи, будутъ пользоваться правами, обезпеченными за подданными прочихъ державъ.

Ст. LI. Во всемъ, что касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода, Румыніа на всей уступленной ей территоріи заступитъ Влостательную Порту въ ея правахъ и обязанностяхъ.

Ст. LII. Для увеличенія гарантій, обезпечивающихъ свободу судоходства по Дунаю, за которой признается общеевропейскій интересъ, высшія договаривающіяся стороны постановляютъ, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по теченію рѣки отъ Желѣзныхъ Воротъ до ея устья будутъ скрыты и что новыхъ возводимо не будетъ. Никакое военное судно не можетъ впредь плавать по Дунаю внизъ отъ Желѣзныхъ Воротъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, предназначенныхъ для рѣчной полиціи и таможенной службы. Станціонеры державъ въ устьяхъ Дуная могутъ однако подниматься до Галаца.

Ст. LIII. Европейская дунайская комиссія, въ коей Румыніа будетъ имѣть представителя, сохраняетъ свой кругъ дѣйствій, который отнынѣ распространяется до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей. Всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязательствъ подтверждаются.

Ст. LIV. За годъ до истеченія срока, опредѣленнаго для дѣятельности европейской комиссіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или касательно объ измѣненіяхъ, которыя они признаютъ необходимыми сдѣлать.

Ст. LV. Правила о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца будутъ выработаны европейскою ком-

миссією при содѣйствіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ и будутъ согласованы съ тѣми, которыя были или будутъ заданы для участка рѣки внизъ отъ Галаца.

Ст. LVІ. Европейская дунайская коммиссія войдетъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ соглашеніе для обезпеченія содержанія маяка на Змѣиномъ островѣ.

Ст. LVІІ. Выполненіе работъ къ устраненію препятствій, которыя представляютъ судоходству Желѣзныя Ворота и пороги, поручается Австро-Венгріи. Прибрежныя государства этой части рѣки окажутъ всѣ облегченія, которыя могутъ потребоваться для успѣха работъ.

Постановленія 6-й статьи лондонскаго договора 13-го марта 1871 года касательно права взиманія временной таксы для покрытія расходовъ по выполнению вышеозначенныхъ работъ остаются въ силѣ въ пользу Австро-Венгріи.

Ст. LVІІІ. Блистательная Порта уступаетъ Россійской имперіи въ Азін территоріи Ардагана, Карса и Батума, съ портомъ послѣдняго, равно какъ и всѣ территоріи, заключающіяся между прежнею русско-турецкою границею и слѣдующею пограничною чертою:

Новая граница, направляясь отъ Чернаго моря, согласно пограничной линіи, опредѣленной санъ-стефанскимъ договоромъ, до пункта къ сѣверо-западу отъ Хорды и къ югу отъ Артина, продолжается по прямой линіи до рѣки Чоруха, пересѣкаетъ эту рѣку и проходитъ къ востоку. отъ Ашмишена, слѣдуя по прямой линіи къ югу, на соединеніе съ русскою границею, обозначенною въ санъ-стефанскомъ договорѣ, въ пунктѣ на югъ отъ Наримана, оставляя городъ Ольги за Россією. Отъ пункта, обозначеннаго близъ Наримана, граница поворачивается къ востоку, проходитъ чрезъ Тебренежъ, остающійся за Россією, и доходитъ до Пенекъ-Чая.

Она идетъ по этой рѣкѣ до Бардуза, потомъ направляется къ югу, оставляя Бардузъ и Юникіей за Россією. Отъ пункта, находящагося на западъ отъ деревни Караганъ, граница направляется на Меджингертъ, продолжается по прямому направленію до вершинъ горы Кассадагъ и слѣдуетъ по водораздѣлу притоковъ Аракса на сѣверѣ и Мурадъ-Су на югѣ, до прежней русской границы.

Ст. LІХ. Его Величество Императоръ Всероссійскій объявляетъ, что Его намѣреніе сдѣлать Батумъ порто-франко по преимуществу коммерческимъ.

Ст. LХ. Долина Алашкерта и городъ Ваязетъ, уступленные Россіи статьею XIX санъ-стефанскаго договора, возвращаются Турціи.

Блистательная Порта уступаетъ Персіи городъ и территорію Котуръ, соотвѣтственно тому, какъ она была опредѣлена сѣвѣнною англо-русскою коммиссією по турецко-персидскому разграниченію.

Ст. LХІ. Блистательная Порта обязуется осуществить, безъ дальнѣйшаго замедленія, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ черкесовъ и курдовъ. Она будетъ періодически сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ.

Ст. LХІІ. Такъ какъ Блистательная Порта выразила твердое намѣреніе соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широ-

комъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе.

Ни въ какой части Оттоманской имперіи различіе вѣроисповѣданія не можетъ подавать повода къ исключенію кого-либо или не признанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ.

Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданій, свидѣтельствовать въ судахъ.

Свобода и высшія отправленія всякаго богослуженія обезпечиваются за всѣми, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ Европейской или Азіатской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями.

Право официальнаго покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами Державъ въ Турціи какъ по отношенію вышепоименованныхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ, на святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются за нею, и само собою разумѣется, что *statu quo* на святыхъ мѣстахъ не можетъ подвергнуться никакому нарушенію.

Иноки Аеонской горы, изъ какой бы они ни были страны, сохранять свои имущества и будутъ пользоваться безъ всякихъ исключеній полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ.

Ст. LXIII. Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года, а также лондонскій договоръ 13-го марта 1871 года сохраняютъ свою силу во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены вышеприведенными статьями.

Ст. LXIV. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Берлинѣ въ трехнедѣльный срокъ, а буде возможно—и ранѣе.

Въ силу чего всѣ уполномоченные подписали его, съ приложеніемъ герба своихъ печатей.

Въ Берлинѣ, іюля тринадцатаго дня тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмого года.

Подписали: (М. П.) Горчаковъ, Шуваловъ, П. Убри.

(М. П.) Ф. Висмаркъ, Б. Бюловъ, Гогенлоз.

(М. П.) Андраши, Карольи, Геймерль.

(М. П.) Ваддингтонъ, Сень-Валлье, Г. Дебре.

(М. П.) Бивонсфилдъ, Салисберри, Одо-Россель.

(М. П.) Л. Кортъ, Лона.

(М. П.) Ал. Каратеодори, Мехемедъ-Али, Садуллахъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

19/24 іюля, 1878.

ОТЪ ПОКУШЕНІЯ И ДО ВЫБОРОВЪ.

Когда я писалъ вамъ въ послѣдній разъ, рейхстагъ былъ только-что распущенъ и я могъ включить это событіе въ кругъ моихъ соображеній. Вы знаете, въ какомъ разногласіи съ правительствомъ разошелся рейхстагъ; несмотря на то, казалось, что это разногласіе не будетъ продолжительно. Краткія слова, съ которыми былъ распущенъ рейхстагъ, были дружескія; въ нихъ высказывалась благодарность правительству за его дѣятельность и все, повидимому, обѣщало довольно мирное лѣто, чего такъ каждому желалось.

Мирное лѣто! вы знаете, обрѣли ли мы миръ нынѣшнимъ лѣтомъ. Развѣ только среди войны переживали мы такое множество великихъ событій, какъ въ нынѣшнее лѣто, и по сіе время страна все еще находится въ состояніи лихорадочнаго возбужденія. Послѣ 24-го мая либеральныя газеты праздновали великую побѣду, какую они, по ихъ мнѣнію, одержали надъ правительствомъ въ вопросѣ по социалистическому закону. Въ самомъ дѣлѣ, эта побѣда, по конституціоннымъ понятіямъ, была чрезвычайная; большинство имѣло на своей сторонѣ четыре-пятихъ, а правительственная партія всего лишь одну-пятую. Нельзя также сказать, что настроеніе страны очень отличалось отъ настроенія собранія. Даже тѣ члены послѣдняго, которые поддерживали проектъ правительства, дѣлали это не отъ чистаго сердца; имъ также вовсе не нравился исключительный законъ и они, вѣроятно, въ душѣ были довольны, что онъ провалился.

Въ послѣднихъ числахъ мая распространилось здѣсь вдругъ извѣстіе—и я долженъ упомянуть о немъ потому, что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ событій, которыя взволновали страну—что въ Ламаншѣ недалеко отъ Фолькстона два прусскіе военныхъ корабля столкнулись другъ съ другомъ, и что одинъ изъ нихъ потонулъ. Въ такомъ видѣ пришло сюда первоначально это извѣстіе и всѣмъ оно показалось сомнительнымъ. Два часа спустя появилась депеша агентства Вольфа, которое, по всей вѣроятности, справлялось въ адмиралтействѣ на счетъ правдивости извѣстія, и послѣднее подтвердило несчастіе. Флотъ за день передъ тѣмъ вышелъ изъ Вильгельмсгафена; „Великій Курфюрстъ“ называлось судно, ставшее жертвой катастрофы, недавно выстроенное и одно изъ самыхъ большихъ, если не самое большое въ дѣломъ

флотѣ. Не успѣло еще улежаться волненіе, возбужденное этимъ несчастіемъ, какъ въ полдень 2-го іюня, въ прекрасный воскресный день, съ быстротой электрическаго удара разнеслась по городу вѣсть, что на жизнь императора сдѣлано новое покушеніе и на этотъ разъ съ болѣебольшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый. Человѣкъ, назвавшійся впоследствии д-ромъ Нобилингомъ, выстрѣлилъ въ окно второго этажа дома „Подъ Липами“ въ проѣзжавшаго въ открытой коляскѣ императора и ранилъ его, такъ что императора увезли во дворецъ окровавленнаго и блѣднаго. Только это и узнали въ первую минуту. Вскорѣ обнаружилось, что покушеніе произведено посредствомъ крупной дроби, и что хотя раны и не представляютъ опасности для жизни, но все же очень серьезны, принимая во вниманіе преклонный возрастъ императора. Вы легко повѣрите, когда я вамъ скажу, что волненіе было чрезвычайное. Впечатлѣніе, произведенное фактомъ, было въ десять, въ сто разъ сильнѣе, и нельзя отрицать, что такое повтореніе преступленія не есть простая случайность, но указываетъ на сильное поврежденіе нравовъ въ обществѣ. Говорятъ, что князь Бисмаркъ въ первый моментъ, какъ получилъ извѣстіе объ этомъ въ своемъ Ладенбургскомъ помѣстьѣ, телеграфировалъ сюда: „принять строгія мѣры“. Такъ же, какъ и князь, всѣ министры почти уже разсѣхались и самъ кронъ-принцъ находился въ Лондонѣ, гдѣ его такъ грубо оскорбили нѣмецкіе соціаль-демократы. Натурально, всѣхъ созвали сюда и министры прискакали немедленно, чтобы принять необходимыя мѣры. Возможно было, и многіе подумывали о томъ, что Берлинъ объявлять въ осадномъ положеніи. Затѣмъ могли приостановить права печати и сходокъ или по крайней мѣрѣ сильно ограничить ихъ. Однако, ничего такого не случилось и правительство доказало, что если оно и консервативнѣе національ-либеральной партіи, но отнюдь не реакціонно въ томъ смыслѣ, въ какомъ его неоднократно обвиняли; потому что истинно реакціонные министры ни за что не захотѣли бы упустить такой благопріятный случай прибѣгнуть къ насилію. Предлагались ли правительству реакціонныя мѣры и кто собственно воспротивился имъ—этого доподлинно не знаютъ. Кронъ-принцъ вернулся изъ Лондона третьяго іюня, и четвертаго назначенъ представителемъ отца—подобно тому какъ въ 1857 г. теперешній императоръ Вильгельмъ назначенъ былъ представителемъ заболѣвшаго короля Фридриха-Вильгельма IV. Это совершилось самымъ печальнымъ образомъ, такъ какъ раненый императоръ не былъ въ состояніи подписаться подъ документомъ, и только словесно, въ присутствіи гражданскихъ и военного министровъ и князя Бисмарка, высказалъ свое согласіе. Представительство основывается въ силу прусскаго государственнаго права на томъ принципѣ, что представитель

управляеть государствомъ въ томъ направленіи, въ какомъ имъ управлялъ тотъ, кого онъ представляетъ. Иное дѣло съ регентствомъ. Регентъ управляеть по собственному усмотрѣнію. Пруссія, какъ извѣстно, испытала регентство. Когда душевная болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV не оставила никакой надежды на выздоровленіе, тогдашній принцъ прусскій былъ назначенъ регентомъ въ 1858 г. и измѣнилъ прежнюю правительственную систему, призвавъ либеральное министерство. Поэтому кронъ-принцу въ настоящее время ничего не остается, какъ управлять согласно идеямъ отца, оставляя свои въ сторонѣ. Объ немъ думали и до сихъ поръ думаютъ, что онъ либеральнѣе императора Вильгельма и сходится въ своихъ идеяхъ съ національ-либеральной партіей и, быть можетъ, даже съ умѣренной прогрессивной, и что онъ считаетъ наилучшей формой правленія строго-конституціонную систему, на манеръ англійской или бельгійской, тогда какъ императоръ Вильгельмъ, несмотря на все свое добросовѣстное отношеніе къ конституціи и несмотря на то, что онъ вовсе не автократъ, совсѣмъ не желаетъ переносить центръ государственной тяжести съ короны на парламентъ. Не знаю, достаточно ли я ясно выражаюсь для вашихъ читателей. По англійскимъ конституціоннымъ правиламъ, напр., правительство послѣ 24-го мая вышло бы въ отставку или же бы получило отъ короля разрѣшеніе распустить рейхстагъ. Сущность конституціоннаго управленія заключается въ томъ, что министерство должно опираться на большинство и естественнымъ послѣдствіемъ является, въ свою очередь, то, что министерство избирается изъ среды большинства.

Уже пятого числа появились официальные извѣщенія о представительствахъ, и шестого внесено въ союзный совѣтъ предложеніе прусскаго правительства о распущеніи рейхстага. Сначала думали, что правительство созоветъ прежній рейхстагъ и снова предложитъ ему отвергнутый и, быть можетъ, еще болѣе строгій законъ. Этого мнѣнія держались также и многіе изъ министровъ, но князь Бисмаркъ высказался противъ созванія стараго рейхстага и категорически потребовалъ его распущенія. Это предложеніе Пруссіи союзному совѣту вызвало внутреннее волненіе, царствовавшее въ послѣднія недѣли, и совершенно необходимо ближе разсмотрѣть причины, которыя говорятъ за созваніе стараго рейхстага, и тѣ, которыя дѣлаютъ желательнымъ его распущеніе. Тѣ, кто стоитъ за созваніе стараго рейхстага, говорятъ, что если необходимы немедленныя мѣры противъ социаль-демократіи, то онѣ всего скорѣе могутъ быть приняты, если созвать старій рейхстагъ. Выборы въ новый рейхстагъ займутъ два мѣсяца и болѣе, и правительство никакъ не можетъ сказать въ такомъ случаѣ, чтобы опасность, которую оно хочетъ устранить, была такая

настоятельная, если оно обойдется до тѣхъ поръ съ тѣми средствами, какія имѣются у него въ рукахъ. Всѣмъ было также признано, и члены стараго большинства утверждали это самое, что теперь большинство приметъ всѣ предложенные ему законы. Изъ официальныхъ документовъ, указывающихъ причины, по которымъ правительство желаетъ распушенія, пока ничего не имѣется, кромѣ вышеупомянутаго предложенія прусскаго правительства отъ шестого іюня, въ которомъ говорится: „прусское королевское правительство всего болѣе настаиваетъ на распушеніи рейхстага потому, что оно не довѣряетъ въ принципѣ случайной поддержкѣ, которую могутъ оказывать будущимъ законопроектамъ ораторы рейхстага. Оно не считаетъ, чтобы въ общемъ та свобода, какую доставляютъ существующіе законы, нуждалась въ ограниченіи. Оно не считаетъ полезнымъ и нужнымъ, чтобы путемъ тѣхъ мѣръ безопасности, каковыя оно домогается, направились какія-либо нныя стремленія, кромѣ тѣхъ, которыя угрожаютъ опасностью существующему порядку. Оно полагаетъ, что только стремленія соціальной демократіи требуютъ отпора и что поэтому противъ нихъ и долженъ быть направленъ этотъ отпоръ“.

Этимъ указомъ данъ пароль для предстоящей избирательной борьбы. Партіи раздѣлились на два лагеря; одни желали исключительныхъ законовъ противъ демократіи; другіе—не желали никакихъ исключительныхъ законовъ, но скорѣе общаго, хотя, само собой разумѣется, временнаго, ограниченія свободы. Тѣ, кому не извѣстны здѣшнія отношенія, склонны думать, что именно либералы и прогрессисты гораздо охотнѣе примутъ временный, направленный къ одной какой-нибудь опредѣленной цѣли, исключительный законъ, нежели общее ограниченіе вольностей, а между тѣмъ выходитъ совсѣмъ наоборотъ или такъ кажется, потому что въ сущности либералы не желаютъ никакого ограниченія вольностей, и постараются такъ смягчить необходимыя ограниченія, чтобы сдѣлать ихъ совсѣмъ почти нечувствительными. Но это еще не все. Интимныя мысли князя Бисмарка никому неизвѣстны, быть-можетъ, даже и тѣмъ, кто всего ближе стоитъ къ нему. Но на основаніи официальныхъ фактовъ можно предполагать, что, предлагая распушеніе рейхстага, онъ желалъ сокрушить большинство 24 мая. Черезъ это онъ всего сильнѣе задѣваетъ національ-либеральную партію, которая образовала въ томъ большинствѣ наибольшую фракцію. Князь Бисмаркъ не такой человѣкъ, чтобы два раза предлагать одно и то же. Всѣмъ еще памятно, съ какою рѣшимостью предложилъ онъ герцогу Аугустенбургскому тѣ условія, на каковыхъ Пруссія ставетъ поддерживать его притязанія на герцогство Шлезвигъ-Гольштинское. Наслѣдный принцъ отклонилъ эти предложенія, и съ того дня князь Бисмаркъ призналъ въ немъ сво-

его врага и направилъ противъ него всѣ свои оружія. То же самое повторилось теперь между нимъ и національ-либеральной партіей. Онъ весьма опредѣленно высказалъ національ-либераламъ: на какихъ условіяхъ они могутъ вступить въ министерство. Националь-либералы не приняли его условій, и отнынѣ онъ видитъ въ нихъ своихъ противниковъ. Понятно, что національ-либералы не только признають это, но еще и преувеличиваютъ. Поэтому вдоль всей боевой линіи, на другой же день послѣ шестого іюня, раздался кличъ: „правительство домогается не столько предохранительныхъ мѣръ противъ соціалъ-демократовъ, сколько угнетенія всей либеральной партіи; реакція подвигается быстрыми шагами, необходимо обороняться отъ нея, и поэтому слѣдуетъ, чтобы двѣ большихъ фракціи либеральной партіи, прогрессисты и національ-либералы, снова тѣсно сплотились другъ съ другомъ и подъ однимъ знаменемъ сражались противъ общаго врага“. Прогрессивная партія съ радостью приняла эту идею, съ тѣмъ лишь условіемъ, которое, впрочемъ, ей не понадобилось высказывать, что не она измѣнитъ своимъ принципамъ, но что національ-либеральная партія станетъ ихъ поддерживать. Такимъ образомъ вскорѣ пришли къ слѣдующему компромиссу, въ силу котораго національ-либералы обязались проводить кандидатовъ прогрессивной партіи и обратно. Лозунгомъ предстоящихъ выборовъ принято вторичное избраніе всѣхъ теперешнихъ депутатовъ, т.-е. сильнѣйшая форма оппозиціи противъ правительства, какую только можно себѣ представить, такъ какъ вторичнымъ избраніемъ заявляется, что распушеніе стараго собранія ничѣмъ не мотивировано. Но національ-либеральная партія проглядѣла при этомъ то обстоятельство, на которое я уже неоднократно указывалъ, а именно: что она, по самому существу своему и по своимъ традиціямъ,—вовсе не оппозиціонная партія. Когда она образовалась, то была строго прогрессивная партія, и объявила, что не будетъ держаться неуклонно принциповъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло пойдетъ о практическихъ вещахъ, какъ, напр., въ самое первое время конституціи сѣверо-германскаго союза и т. д., между тѣмъ какъ прогрессивная партія строго придерживается принциповъ, не заботясь о томъ, какія изъ того могутъ выдти послѣдствія. Но національ-либеральная партія никогда бы не разрослась такъ, если бы она не была въ самомъ дѣлѣ представительницей либеральнаго бюргерства, но это бюргерство отнюдь не воинственно и не жаждетъ воевать съ правительствами, и хотя и жаждетъ прогресса, но твердо рассчитываетъ на то, что его представители добьются этого прогресса лишь путемъ дружескаго соглашенія съ правительствомъ. Въ парламентской національ-либеральной партіи всегда существовали и до-сихъ-поръ существуютъ два направ-

денія, изъ которыхъ одно—его представителемъ служить Ласкеръ—считаетъ либерализмъ за самое главное дѣло, другое же ставитъ выше всего практическую политику. Представителями послѣдняго направленія являются два профессора: Гнейстъ и Трейчъ. Они уже 24 мая, какъ вы помните, склонялись скорѣе вотировать за исключительный законъ, нежели противъ него, и если въ рейхстагѣ они не насчитываютъ особенно много приверженцевъ, за то нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ странѣ имъ симпатизируютъ весьма многіе. Итакъ, національ-либеральная партія подвергалась при самомъ началѣ избирательной борьбы великой опасности распасться. Съ одной стороны, она собиралась отражать удары правительства; съ другой стороны, внутри ея не было единодушія, и вполнѣ понятно, что она не захотѣла бороться еще и съ прогрессивной партіей, хотя образъ дѣйствія послѣдней ей не очень нравился. Къ этому присоединилось еще и то, что нѣкоторые правительственные органы печати стали очень сильно нападать на предводителей національ-либеральной партіи и въ особенности на тѣхъ, которые принадлежатъ къ лѣвой сторонѣ. Беннгсена тоже не пощадили, хотя, сравнительно говоря, ему оказывали больше уваженія, чѣмъ остальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не крайній человекъ, даже въ своей партіи, но на него все же падало подозрѣніе, со стороны правительства, что онъ, со времени неудачи Варцинскихъ переговоровъ, все сильнѣе и сильнѣе увлекалъ свою партію на путь оппозиціи, и что 24 мая онъ стоялъ во главѣ ея и боролся съ правительствомъ. Напротивъ того, вполнѣ очевидна антипатія правительства и въ особенности князя Бисмарка къ Ласкеру. Этотъ человекъ, по праву пользующійся большою извѣстностью, благодаря своему ораторскому таланту, своимъ честнымъ убѣжденіямъ, своей необыкновенной дѣятельности и добросовѣстности, и оказавшій большія услуги въ законодательствѣ послѣдняго десятилѣтія, имѣетъ, по мнѣнію князя Бисмарка, одинъ громадный недостатокъ, а именно: что онъ совсѣмъ не политическій дѣлатель, т.-е. что вездѣ, гдѣ выдвигается на сцену политическій вопросъ, онъ дѣйствуетъ непрактично.

„Никто не причинялъ мнѣ столько затрудненій, — сказалъ (какъ говорятъ) однажды Бисмаркъ, — какъ Ласкеръ“. Это соперничество двухъ лицъ, во всемъ другъ другу противоположныхъ, съ особенной силой проявляется въ настоящей избирательной борьбѣ, и выразилось даже въ томъ, что сынъ князя Бисмарка, графъ Гербертъ Бисмаркъ, выступилъ въ избирательномъ округѣ Мейнингенъ кандидатомъ-соперникомъ Ласкера. Ласкеръ вооружился съ головы до пятъ: Мейнингенъ—его старый избирательный округъ, онъ—тамъ въ настоящее время и объѣзжаетъ всѣ мѣстечки, чтобы направить из-

бирателей, какъ слѣдуетъ. Поэтому тамонная избирательная борьба будетъ одной изъ самыхъ интересныхъ, хотя и нельзя предвидѣть ея результатовъ. Графъ Гербертъ Бисмаркъ уступилъ свою кандидатуру другому консерватору, такъ какъ для него все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы хорошенько подчеркнуть соперничество его отца съ Ласкеромъ. Вы можете себѣ представить, какъ потѣшались юмористическіе листки, которые въ этой избирательной борьбѣ, какъ и вездѣ, стоятъ на сторонѣ прогрессивно-либеральной партіи, надъ кандидатурой юнаго графа. Они толковали про партію „Бисмарксона“, названную по аналогіи съ еврейскими именами, и при этомъ, разумеется, досталось столько же „папашѣ“ Бисмарку, сколько и „сыну“ Бисмарку. Это, конечно, такія вещи, въ которыхъ должны быть готовы всякій, кто выступаетъ на арену общественной жизни. Но въ одномъ только пунктѣ либеральныя листки неправы, — это когда они выставляютъ, какъ нѣчто необыкновенное, то обстоятельство, что князь Бисмаркъ выводитъ своего сына на арену общественной жизни. Стоитъ вспомнить про Англію, гдѣ такіе случаи чрезвычайно часты. Младшій Питтъ, при жизни своего отца и имѣя не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, былъ уже членомъ нижней палаты. Талантливъ ли молодой графъ Бисмаркъ или нѣтъ — это окажется со временемъ — и, во всякомъ случаѣ, можетъ оказаться лишь тогда, когда онъ вступитъ на арену общественной и парламентской жизни. Но величіе его отца всегда будетъ мѣшать правильной оцѣнкѣ его способностей.

Въ то время какъ національ-либеральная партія примкнула къ прогрессивной партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ начала разлагаться внутри самой-себя, — замѣчательныя явленія проявились въ другой, болѣе тяготящей въ правой сторонѣ, партіи. Такъ-называемыя, консервативныя партіи распадаются, какъ вамъ уже извѣстно, на двѣ большія фракціи. Самая умѣренная изъ нихъ называетъ себя двумя различными именами: въ прусской палатѣ депутатовъ — „свободными консерваторами“, а въ германскомъ рейхстагѣ — „германской имперской партіей“. Члены ея, само-собой разумеется, одни и тѣ же, что въ рейхстагѣ, что въ ландтагѣ, — что и въ самой странѣ. Различіе въ имени имѣетъ лишь историческое значеніе, потому что въ рейхстагѣ партія находила основаніе избрать себѣ другое имя въ виду либеральныхъ южныхъ германцевъ, которые примкнули къ ней и приняли названіе „консерваторовъ“. Консерваторы крайней правой стороны зовутъ себя въ палатѣ депутатовъ „новыми консерваторами“, въ рейхстагѣ — „нѣмецкими консерваторами“; дальше, направо отъ нихъ, стоитъ группа „ультра-консерваторовъ“, — дѣйствительныхъ, настоящихъ реакціонеровъ. Я не располагаю представить

здѣсь программу этихъ различныхъ партій. Новые консерваторы выдѣлились изъ старой большой консервативной партіи въ ту эпоху, когда князь Бисмаркъ не могъ провести законы о реформахъ, вслѣдствіе оппозиціи палаты господъ. Мои старѣйшіе читатели помнятъ еще, полагаю, ту оживленную борьбу по вопросамъ о гражданскомъ бракѣ, училищномъ надзорѣ и самоуправленіи, когда сопротивление палаты господъ было такъ упорно, что его пришлось сломить посредствомъ назначенія новыхъ пэровъ. Въ то время нѣкоторые консерваторы умѣренного отгнѣна нашли не совсѣмъ приличнымъ для консерваторовъ непрерывно бороться съ правительствомъ и что имъ слѣдуетъ признать существующіе законы, если позднѣе они желаютъ дѣйствительно отстаивать консервативные принципы. Такимъ образомъ, образовалась новая консервативная партія, которая во многихъ, почти во всѣхъ вопросахъ, гдѣ національ-либералы или рука объ руку съ свободными консерваторами и въ согласіи съ правительствомъ, также принимала къ этой партіи, — и такимъ образомъ являлось умѣренное, дружелюбное къ правительству большинство.

Ультра-консерваторы въ ту же самую эпоху нѣсколько отстранились; они снова выступили впередъ лишь въ извѣстной борьбѣ съ княземъ Бисмаркомъ, которая окончилась войной князя Бисмарка съ „Крестовой Газетой“, вслѣдствіе которой нѣсколько сотъ „юнкеровъ“, отставныхъ офицеровъ, заявили, что будутъ по-прежнему придерживаться „Крестовой Газеты“, вопреки Бисмарку. Изъ этой борьбы произошла нѣмецкая консервативная партія, которая, повидимому, была очень дружески расположена къ правительству, но приняла въ себя много строго-консервативныхъ элементовъ, въ томъ числѣ и такихъ, которые лично и по принципу враждебны князю Бисмарку; — но въ одномъ пунктѣ въ особенности эта партія должна оказаться стойкой, именно въ дѣлѣ церковной борьбы какъ внутри евангелической, такъ и внутри римско-католической церкви. До сихъ поръ князь Бисмаркъ неуклонно держался того, что борьба съ Римомъ должна окончиться лишь подчиненіемъ Рима; съ другой стороны, министръ Фалькъ занималъ весьма опредѣленное мѣсто въ дѣлахъ евангелической церкви между либералами и ортодоксальными членами, — и послѣдніе ненавидятъ его жгучей ненавистью, сильнѣе даже, чѣмъ католики. Изъ-за этой темной стѣны нѣмецкихъ консерваторовъ пробираются, слѣдовательно, элементы, которые долго оставались скрытыми, — элементы, которые едва ли удерживаются на почвѣ конституціи, и въ этомъ отношеніи либералы правы, когда опасаются реакціи и предостерегаютъ на-счетъ ея. Но, по моему мнѣнію, они избрали ложный путь для того, и напрасно постоянно обвиняютъ само правительство въ реакціонныхъ мысляхъ и планахъ.

Безъ сомнѣнія, самъ Бисмаркъ признаетъ, что выборы привлекутъ въ рейхстагъ нѣсколько такихъ элементовъ, какіе ему отнюдь не желательны, но онъ, по всей вѣроятности, говоритъ себѣ, что эти элементы никакъ не будутъ имѣть на своей сторонѣ большинства и что онъ будетъ въ силахъ справиться съ ними. За то онъ имѣетъ то великое преимущество, что національ-либеральная партія, которая въ прошломъ рейхстагѣ господствовала надъ положеніемъ дѣлъ и думала предписывать законы Бисмарку, не всей вѣроятности, вернется въ рейхстагъ уже не въ прежней численности и будетъ гораздо стоворучнѣе. Нельзя сомнѣваться въ искренности его увѣреній, что онъ ничего иного не жаждетъ, какъ правительственнаго большинства, которое бы состояло изъ увѣренно-либеральныхъ и увѣренно-консервативныхъ элементовъ. Это желаніе будетъ, по всей вѣроятности, гораздо скорѣе удовлетворено путемъ распущенія рейхстага, нежели черезъ созваніе стараго рейхстага, потому что въ этомъ послѣднемъ національ-либеральная партія только исправила бы свою ошибку, принявъ законъ противъ социаль-демократовъ, и снова заняла бы свое прежнее положеніе. Нельзя также отрицать, съ другой стороны, что партія совсѣмъ пересли мохомъ и что обновить ихъ, вдохнуть въ нихъ новую жизнь необходимо. Когда партіи просуществуютъ нѣсколько лѣтъ рядомъ другъ съ другомъ въ неизмѣнномъ составѣ, то наступаетъ такой періодъ времени, когда ни одна не дѣлаетъ больше попытокъ привлечь на свою сторону новыхъ приверженцевъ. Обѣ стороны пробавляются старыми фразами и до того привыкаютъ къ существующему положенію, что всякая переиѣна кажется непріятной. Но ничто не можетъ быть вреднѣе для политической жизни, какъ такой застои — и уже поэтому настоящее избирательное движеніе является большимъ преимуществомъ для дальнѣйшаго развитія политической жизни въ Германіи вообще; оно впервые послѣ долгаго промежутка времени задѣваетъ политическія страсти той части населенія, которая до сихъ поръ оставалась равнодушной.

До сихъ поръ все, что ни дѣлалъ князь Бисмаркъ, имѣло прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ лишь дальнѣйшее развитіе свободы, причемъ часто онъ заходитъ дальше крайнихъ либераловъ, и мы увидимъ, что и настоящая избирательная борьба приведетъ къ оживленію конституціонной жизни. Когда я говорю, что Бисмаркъ заходитъ порою дальше многихъ передовыхъ либераловъ, то само собой разумѣется, я имѣю при этомъ въ виду общую подачу голосовъ. Общая подача голосовъ, существующая лишь по выборамъ въ рейхстагъ, введена княземъ Бисмаркомъ. Она нужна была ему, чтобы подавить партикуляристическіе элементы; для этого всего вѣрнѣе было при-

бѣгнуть къ массѣ нѣмецкаго народа. Либеральнымъ партіямъ никогда не была совсѣмъ по душѣ общая подача голосовъ, и даже теперь можно прочесть въ различныхъ, весьма либеральныхъ листкахъ упреки князю Бисмарку за введеніе общей подачи голосовъ, и соображенія, какъ ограничить ее такъ, чтобы это не было замѣтно. Все это не что иное, какъ заблужденіе общественнаго мнѣнія и служить лишь къ ослабленію либеральной партіи. Такихъ коренныхъ политическихъ правъ, какъ всеобщая подача голосовъ, нельзя отнимать у политически зрѣлаго народа, разъ они уже даны ему. Я вообще не особенно высококаго мнѣнія о политической зрѣлости нѣмецкаго народа, и если бы въ 1867 году у него отняли всеобщую подачу голосовъ, то, по всей вѣроятности, это прошло бы безъ худыхъ послѣдствій; но въ теченіи больше чѣмъ десятка лѣтъ вся масса народа убѣдилась въ томъ, какое громадное значеніе имѣетъ всеобщая подача голосовъ, и нельзя отрицать, что социаль-демократы употребили всѣ усилія въ печати и на сходкахъ, чтобы объяснить народу все значеніе общей подачи голосовъ. Для каждаго государства всего важнѣе поступательное развитіе, и для Пруссіи великое счастье въ томъ, что, несмотря на тяжелыя времена, пережитыя въ пятидесятыхъ годахъ, конституція не была ни разу нарушена. Она была измѣнена постепенно и въ болѣе консервативномъ духѣ, чѣмъ была составлена; но она никогда не была нарушена, пріостановлена или отмѣнена, между тѣмъ какъ соперничающая Австрія, съ 1848 г. и по настоящее время—и какъ разъ до того момента, когда отношенія ея къ Пруссіи и Германіи снова стали дружественными, хотя и на новыхъ основаніяхъ,—прошла черезъ цѣлый рядъ перемѣнъ, причинившихъ ей страшный вредъ. Въ новѣйшей французской исторіи мы имѣемъ поучительный примѣръ того, какъ ограниченіе избирательнаго права реакціоннымъ національнымъ собраніемъ, въ 1849 г., разчистило путь Наполеону къ французскому престолу. Я полагаю, что наши государственные люди подумаютъ, прежде нежели уступить неразумнымъ требованіямъ либераловъ, къ которымъ, разумѣется, примыкаютъ и консерваторы. Кажется, это такъ невинно, когда говорятъ: избиратель долженъ быть хоть годомъ или двумя старше, чѣмъ требуетъ теверенный законъ; когда требуютъ отъ избирателя болѣе продолжительной осѣдлости, прежде нежели дать ему избирательныя права въ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ; или дѣлаютъ другое подобное ограниченія. Но если эти ограниченія будутъ введены, то они лишатъ избирательнаго права цѣлую толпу людей, у которыхъ останется болѣзненное ощущеніе того, что они утратили право, какимъ прежде владѣли. Стоитъ только припомнить то, что князь Бисмаркъ говорилъ въ 1867 году о всеобщей подачѣ голосовъ, чтобы заранѣе быть убѣж-

деннымъ, что онъ навѣрное пока и не думаетъ о какомъ бы то ни было ограниченіи его.

Приведу лишь нѣсколько словъ изъ его тогдашней рѣчи. Онъ произнесъ ее 28 марта 1867 года, когда говорилъ за общую подачу голосовъ.

„Общая подача голосовъ является въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ наслѣдіемъ въ дѣлѣ развитія, — сказалъ онъ, — для содѣйствія нѣмецкимъ стремленіямъ къ единству: она была внесена въ имперскую конституцію, выработанную во Франкфуртѣ въ 1848 и 1849 гг.; мы отстояли ее въ 1863 г. во Франкфуртѣ отъ притязаній Австріи, и я могу сказать теперь, что я по крайней мѣрѣ не знаю лучшаго избирательнаго закона. Въ немъ, конечно, есть свои недостатки и союзныя правительства охотно приняли бы лучший, но до сихъ поръ лучшаго имъ не было представлено. Ужъ не уважете ли вы на прусскую трехклассную систему? Да, кто знаетъ дѣйствія этой системы и условія, какія она создаетъ, тотъ долженъ сказать: болѣе бессмысленнаго, болѣе жалкаго избирательнаго закона не придумывало еще ни одно государство“. Висмаркъ сдѣлалъ въ той рѣчи еще два классическихкія заявленія: во-первыхъ, онъ высказалъ мнѣніе, что прямая подача голосовъ привлечетъ въ палату болѣе способныхъ людей, нежели косвенная подача голосовъ, и по той простой причинѣ, что чело-вѣкъ, избранный черезъ прямую подачу голоса, долженъ пользоваться уваженіемъ болѣе значительнаго кружка людей; во-вторыхъ, онъ высказалъ то довольно удивительное положеніе, что въ общемъ каждый избирательный законъ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и вліяніяхъ, даетъ довольно одинаковые результаты. Я полагаю, что до сихъ поръ оныть говорить, что Висмаркъ правъ. Если направленіе страны консервативное, то при каждой избирательной системѣ будетъ избрано консервативное представительство, если же направленіе либеральное, то выбраны будутъ и либеральные представители. Но въ одномъ только пунктѣ Висмаркъ ошибся. Онъ могъ думать, когда давалъ нѣмецкому народу право общей подачи голосовъ, — т.-е. такое право, какое до сихъ поръ существуетъ только въ Америкѣ, во Франціи и въ Швейцаріи, да и то не въ такомъ объемѣ, какъ въ Германіи, — онъ могъ думать, что народъ, т.-е. образованные классы, признаютъ это право и воспользуются имъ. Вмѣсто того, случилось слѣдующее. Въ обладаніи этимъ правомъ либералы ничего лучшаго не усмотрѣли, какъ средство неотступно преслѣдовать правительство подозрѣніями въ томъ, что оно преслѣдуетъ реакціонныя цѣли, и по мѣрѣ того, какъ законодательство шло впередъ, нападки эти все усиливались, пока, наконецъ, не произошло, можно сказать, всеобщаго затмѣнія въ умахъ, причемъ, съ одной стороны, во всемъ по-

вѣйшемъ законодательствѣ, въ свободѣ переселенія, въ экономической свободѣ, въ торговой свободѣ и всякихъ другихъ вольностяхъ—усмотрѣли источникъ всего зла, тогда какъ, съ другой стороны, утверждаютъ, что Германія пребываетъ въ состояніи недостойнаго рабства и лишена всѣхъ политическихъ правъ. Этотъ хаосъ долженъ разсѣяться, и надо надѣяться, что слѣдующій рейхстагъ уже нѣсколько разъяснитъ положеніе дѣлъ. Въ извиненіе князя Бисмарка, если онъ дѣйствительно нѣсколько ошибся въ своихъ соображеніяхъ о всеобщей подачѣ голосовъ, можно еще сказать и то, что въ 1867 г. онъ никакъ не могъ предвидѣть своей борьбы съ ультрамонтанствомъ. Римское духовенство пользуется какъ разъ такой организаціей, при которой особенно легко употребить въ свою пользу право прямой подачи голоса. Оно владѣетъ массами, а массы при общей подачѣ голосовъ рѣшаютъ дѣло. Но чтобы не показалось, что я противорѣчу самому себѣ, то я долженъ упомянуть, что и при трехклассной избирательной системѣ въ тѣхъ округахъ, гдѣ господствуютъ ультрамонтаны, они и выбираются избирателями. Необходимой поправкой общей подачи голосовъ должно служить несомнѣнно—и этого нельзя достаточно часто повторять—то обстоятельство, чтобы образованные классы не складывали рукъ, но были политически дѣятельны и въ согласіи съ правительствомъ работали въ томъ направленіи, чтобы прогрессъ совершался разумно и постепенно. Въ этомъ отношеніи образованные классы много виноваты. Они ни о чемъ не думали, какъ о томъ только, чтобы составлять вѣчную оппозицію правительству, и проглядѣли, что плоды этой борьбы достанутся социаль-демократамъ. Недавно появившееся новое и превосходное сочиненіе о социальной демократіи, вышедшее изъ-подъ пера чловека, который тоже есть или былъ социаль-демократъ и во всякомъ случаѣ большой радикалъ, но отъ души ненавидитъ прогрессивную партію, а именно Франца Меринга, превосходно излагаетъ развитіе социальной демократіи. Еще въ 1867 г. эта партія въ Германіи была чрезвычайно слаба и ничтожна. Съ того времени она начала постоянно расти, и главнымъ образомъ вслѣдствіе ошибокъ прогрессивной партіи. Такъ, напр., основанный прогрессивной партіей союзъ нѣмецкихъ рабочихъ весь перешелъ на сторону социаль-демократовъ, и такимъ образомъ вышло, что прогрессивная партія поработала на пользу социальной демократіи. Съ двухъ депутатовъ социаль-демократическаго направленія, засѣдавшихъ въ первомъ рейхстагѣ, число ихъ возросло до двѣнадцати въ послѣднемъ рейхстагѣ 1877 г. „Не было мрачнѣе дня,—говоритъ вышеупомянутый писатель,—во внутренней исторіи германской имперіи, какъ десятое января 1877 г. Когда обнаружилось, что результатъ выборовъ, то всю нѣмецкую землю обула

тотъ паническій ужасъ, какому могутъ поддаваться храбрѣйшіе народы. Въ сожалѣнію, спасительное впечатлѣніе не долго продержалось. Но социальная демократія, какъ превосходно доказываетъ авторъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ это думаютъ, основываясь на числѣ ея представителей въ рейхстагѣ. Число правоспособныхъ гражданъ составляло въ 1877 году $8.943,028=20,9\%$ населенія, изъ нихъ $5.401,021=60,2\%$ подали свой голосъ. Болѣе, слѣдовательно, одной трети воздержались отъ подачи голоса. Что въ числѣ этихъ послѣднихъ число социаль-демократовъ не велико—это можно съ увѣренностью заключить на основаніи агитаторской дѣятельности и строгой дисциплины партіи. Социаль-демократы предоставляютъ политическій индифферентизмъ своимъ противникамъ. Изъ числа поданныхъ 5.401,021 голосовъ социаль-демократы располагали 10 января 1877 г. надъ $493,288=9,1\%$. Эти голоса распределяются по всей имперіи. Въ книгѣ Меринга приведены весьма интересные данныя объ этомъ распредѣленіи по округамъ, и изъ нихъ явствуетъ, что въ тринадцати избирательныхъ округахъ не были поданы социаль-демократическіе голоса; затѣмъ процентное отношеніе социаль-демократическихъ голосовъ постепенно возрастаетъ до 29% въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, 31 въ Любекѣ, 32 въ Саксенъ-Кобургъ-Гота, 32 въ Брауншвейгѣ, 35 въ Бременѣ, 38 въ королевствѣ Саксонія, 39 въ городѣ Берлинѣ, 40 въ Гамбургѣ и 57 въ маленькой земелькѣ Рейссъ, старшей линіи. Я отбросилъ при этомъ дробныя числа. Картина даетъ чрезвычайно интересные факты на счетъ того, какъ социаль-демократическая партія вѣтвилась въ массы; что большіе центры торговли и промышленности, гдѣ накапливается пролетаріатъ, легко доступный приманкамъ демагога, доставляютъ самый большой контингентъ въ ряды воинствующей арміи государства будущаго—это такъ же мало требуетъ поясненія, какъ и то, что земледѣльческіе округа представляютъ наименѣе плодотворную почву для социальной агитаціи. Но гораздо сложнѣе то явленіе, что социальная демократія усиливается непропорціонально въ средне-германскихъ мелкихъ государствахъ, гдѣ населеніе преимущественно занимается земледѣліемъ. Въ вышеупомянутомъ Рейссѣ выборы 1871 г. не дали еще ни одного социаль-демократическаго голоса,—въ 1874 г. уже были такіе голоса, а въ 1877 г. большинство голосовъ оказалось на сторонѣ принциповъ коммунизма. Эта земелька—единственное до сихъ поръ изъ нѣмецкихъ государствъ, которое составило себѣ эту дивовидную славу; тогда какъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, въ обширныхъ округахъ Силезіи, Вестфалии и Рейнскихъ провинцій, социальная демократія вовсе не преуспѣваетъ или же преуспѣваетъ спорадически. Тамъ ультрамонтаны очень сильны, а нельзя отрицать, что вездѣ, гдѣ

сильны ультрамонтаны, тамъ социаль-демократы пасуютъ. Слава, какую извлекаютъ изъ этого обстоятельства для себя ультрамонтаны, нѣсколько ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще сильныя политическія партіи задерживаютъ ростъ социальной демократіи. Это происходитъ отъ того, что социальная демократія отнюдь не насчитываетъ въ рядахъ своихъ—приверженцевъ, проникнутыхъ социаль-демократическими принципами, но скорѣе эти принципы извѣстны лишь весьма небольшому числу вожаковъ, вокругъ которыхъ и образуется ядро тѣхъ, которые хоть сколько-нибудь понимаютъ вообще, что за вещь такая эта социальная демократія. Главная же масса того полумилліона избирателей есть просто-на-просто воинственная толпа, которой мила борьба и которой въ сущности все равно, подъ какими бы знаменами ни сражаться. Ультрамонтаны представляютъ отличное тому доказательство. Своими собраніями, своими празднествами, своей организаціей они наполняютъ своихъ послѣдователей гордымъ сознаніемъ, что они принадлежать къ большой, могущественной ассоціаціи и даютъ случай для примѣненія ихъ стремленія къ дѣятельности, ихъ желанія борьбы. Въ этомъ заключается коренное различіе между социаль-демократами и ультрамонтанами и всѣми остальными партіями либеральнаго направленія. Эти послѣдніе желали бы все передѣлать и преобразовать путемъ кротости и гуманности; онѣ вѣчно оплакиваютъ войны и завоеванія; онѣ желали бы установить нѣмецкое единство мирнымъ путемъ; онѣ желали бы надѣлать личность наиполнѣйшей свободой, и забываютъ при этомъ, что огромное большинство людей, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи вселенной, совсѣмъ не хотятъ быть свободными, а хотятъ повиноваться и хотятъ, чтобы ихъ руководили. Ультрамонтаны, также какъ и социаль-демократы, опираются на лучшее знаніе человѣческаго сердца, человѣческихъ страстей, и этимъ объясняется ихъ успѣхъ. Замѣчательно, конечно, при этомъ то, что ультрамонтанская партія въ послѣдніе годы не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ побѣдъ, но это объясняется тѣмъ, что въ Германіи она вообще можетъ расти лишь въ католическихъ мѣстностяхъ, а тамъ она уже завоевала все населеніе. Въ Бельгіи дѣло шло иначе; тамъ, какъ извѣстно, либералы вели ожесточенную войну съ ультрамонтанами—и она окончилась побѣдой либераловъ.

Предстоящіе выборы покажутъ, увеличилась ли социальная партія или ослабѣла, или же остается въ прежнемъ положеніи. Въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно. Что могутъ только сдѣлать правительства, власти для того, чтобы ограничить социальную агитацію—они дѣлаютъ въ обширныхъ размѣрахъ. Социаль-демократамъ трудно найти локаль для своихъ сходокъ; содержатели погребковъ и трактировъ отказываютъ имъ въ томъ, а если

сходка и состоится, то полиція разгоняетъ ее при самомъ слабѣмъ политическомъ напекѣ. Только печать еще не ограничена и социаль-демократическіе органы пользуются прежней свободой слова. Кажется даже, что въ послѣднее время процессы противъ нихъ уменьшились. Но весьма сомнительно, увѣнчаются ли всѣ эти мѣры успѣхомъ. Я вообще того мнѣнія, что съ теченіемъ времени сильныя репрессивныя мѣры могутъ подавить политическое движеніе, но весьма сомнительно, чтобы относительно предстоящихъ выборовъ удалось съ успѣхомъ ограничить агитаторскую дѣятельность социаль-демократовъ. Напротивъ того, надо предположить, что когда репрессивныя мѣры слегка сдерживаютъ какое-нибудь движеніе, то озлобленіе противъ нихъ придаетъ ему новую силу. Само собой разумѣется, что социаль-демократы не въ силахъ были бы—если только отношеніе партій не измѣнилось съ 1867 г.—провести своихъ кандидатовъ ни въ одномъ избирательномъ округѣ, за исключеніемъ Рейсса, если бы только всѣ остальные партіи дѣйствовали дружно. Но это врядъ ли возможно. Здѣсь въ Берлинѣ, напр., надежда на то, что удастся вновь отвоевать у нихъ два избирательныхъ округа, рушилась вслѣдствіе того, что соперничающія съ ними партіи не могли сговориться между собой, и каждая захотѣла выставить своего собственного кандидата. Быть можетъ, правительство вовсе не недовольно этимъ, потому что было бы ошибочно думать, что оно распустило рейхстагъ затѣмъ, чтобы избавиться отъ двѣнадцати социаль-демократовъ, засѣдавшихъ въ немъ. Эти двѣнадцать человѣкъ не могли быть ему опасны, хотя надо принять во вниманіе то обстоятельство, что они могутъ безнаказанно говорить свои рѣчи, которыя затѣмъ распространяются въ миллионѣхъ экземпляровъ. Чтò правительство ниѣтъ въ виду, такъ это помѣшать распространенію социальной демократіи въ странѣ, для чего, конечно, потребуетъся цѣлая система репрессивныхъ мѣръ. Въ ожесточенной избирательной борьбѣ, подобной которой мы еще не переживали, замѣчательно слѣдующее явленіе: всѣ оппозиціонныя партіи оставляютъ въ сторонѣ социаль-демократическій вопросъ и говорятъ: минималъ враждебность правительства—только предлогъ; на самомъ дѣлѣ правительство добивается послушнаго большинства, которое бы дозволило еще увеличить налоги. Не только прогрессивная, но и національ-либеральная партія придерживается этой не совсѣмъ честной тактики, и новѣйшіе летучіе листки ихъ, расходящіеся въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, почти исключительно разрабатываютъ тему: „не надо новыхъ налоговъ“.

Я уже упоминалъ, что въ самой національ-либеральной партіи произошелъ расколъ, и дѣйствующими лицами въ немъ являются гг. Трейчке и Гнейстъ. Есть всѣ основанія думать, что эти господа

попытаются образовать въ рейхстагѣ новую, свою собственную партію. Главнымъ условіемъ для того является, конечно, те обстоятельства, чтобы они сами были снова выбраны, и затѣмъ, чтобы избрано было довольно значительное число единомыслящихъ съ ними людей; потому что только тогда и возможно дѣйствительное преобразование партій, если образуется довольно сильная фракція. Поэтому въ этомъ направленіи надо искать настоящій смыслъ теперешней избирательной борьбы, а не въ ослабленіи социаль-демократическаго представительства. Что консервативный, т.-е. реакціонный, элементъ усилится, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но большинства онъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ.

Интересъ къ выборамъ до того наполняетъ каждого, кто живетъ въ Берлинѣ, что я предпослалъ описаніе избирательной борьбы тому событію, которое гораздо сильнѣе занимаетъ весь міръ, а именно берлинскому конгрессу, засѣдавшему здѣсь, отъ 13-го іюня и до 13-го іюля. Ходъ и результаты его вамъ извѣстны, а также и о всѣхъ внѣшнихъ подробностяхъ такъ много говорилось, что я ничего не могу сообщить вамъ новаго, въ этомъ отношеніи. Долженъ засвидѣтельствовать только вполнѣ изумительный фактъ, что присутствіе конгресса въ Берлинѣ было почти незамѣтно, за исключеніемъ того небольшого пространства, какое лежитъ между дворцомъ имперскаго канцлера, на Вильгельмштрассе, и большой гостиницей „Kaiserhof“, гдѣ жили англійскіе уполномоченные. На этомъ пространствѣ, въ тѣ часы, когда происходили засѣданія конгресса, толпились сотни дѣл любопытныхъ. Вообще же городъ былъ такъ же тихъ, какъ и всегда, и даже еще тише, такъ какъ доступъ въ главную улицу, „Подъ Липами“, въ ея лучшей части бывалъ постоянно прегражденъ для публики, и такъ остается еще и по сіе время, чтобы доставить покой больному императору. Какой необыкновенный видъ представляетъ это пространство между университетомъ и королевскимъ дворцомъ, совершенно пустынное, за исключеніемъ нѣсколькихъ полицейскихъ, тихо расхаживающихъ взадъ и впередъ. Ни одного экипажа не видно тамъ, и только по троттуару сѣверной стороны проходитъ публика. Картину можно сравнить развѣ съ какимъ-нибудь городомъ или мѣстомъ на лунѣ, до того она фантастична.

Что касается событій на самомъ конгрессѣ, то, конечно, только незначительная часть ихъ дошла до всеобщаго свѣдѣнія. Но слѣдуетъ ожидать, что и этой тайнѣ скоро наступитъ конецъ, такъ какъ въ ней слишкомъ много участниковъ, которымъ такъ или иначе выгодно приподнять завѣсу, что уже частію они и сдѣлали. Нѣмецкое правительство съ самаго начала высказалось за сохраненіе тайны,

и этимъ навлекло на себя не только гнѣвъ всѣхъ пребывающихъ здѣсь иностранныхъ журналистовъ, но позднѣе и насмѣшки, такъ какъ тайна все-таки не была соблюдена. Правда, что баснословно много сочиняли; нѣкоторыя газеты печатали цѣлые отчеты о засѣданіяхъ, точно будто они отрядили въ залу засѣданія своихъ репортеровъ. И всѣ эти отчеты оказались вымышленными. Но за то одновременно съ переговорами уважались главные черты ихъ, какіе предметы обсуждались на нихъ и въ какомъ направленіи слѣдуетъ ожидать рѣшенія. Иначе и не могло быть, такъ какъ участники, а ихъ было чрезвычайно много, старались повліять въ своихъ интересахъ на общественное мнѣніе. По этой причинѣ я полагаю, что къ князю Бисмарку особенно несправедливы, когда упрекаютъ его въ томъ, что онъ рекомендовалъ безусловное молчаніе нѣмецкимъ уполномоченнымъ на конгрессъ и что такимъ образомъ отечественная пресса была поставлена въ худшія условія, нежели иностранная. Причина этому весьма простая: князь Бисмаркъ былъ президентомъ конгресса, и если каждый уполномоченный могъ въ интересахъ своего отечества довести до свѣдѣнія публики какое-нибудь извѣстіе, то нѣтъ сомнѣнія, что президентъ не имѣлъ на это никакого права, такъ какъ его безпристрастіе было первымъ условіемъ оказаннаго ему довѣрія и успѣшнаго окончанія его труда. Кажущимся исключеніемъ является лишь то обстоятельство, что князь Бисмаркъ пригласилъ къ себѣ корреспондента газеты „Times“ и сказалъ ему длинный спичъ. Вся либеральная печать въ Германіи—и на видъ какъ бы не безъ основанія—утверждала, что князь Бисмаркъ снова выказалъ и самымъ оскорбительнымъ образомъ свое презрѣніе къ нѣмецкой прессѣ и свое уваженіе къ англійской. Но и тутъ скажешь иное, если разсудишь безпристрастно. Англійскіе уполномоченные вдругъ оказались неподатливыми на счетъ батумскаго вопроса въ тотъ моментъ, какъ переговоры конгресса уже приходили къ концу, причемъ стали вызывать къ общественному мнѣнію своей страны. Въ самомъ дѣлѣ, англійскія газеты вдругъ стали враждебно относиться къ этому вопросу, и весьма возможно, что ихъ поощряли къ этому отсюда.

Дѣло не терпѣло отлагательствъ; князь Бисмаркъ пригласилъ англійскаго корреспондента вечеромъ къ себѣ, а назавтра утромъ повторилъ слово въ слово ту рѣчь, какую онъ сказалъ ему наканунѣ, и какую телеграфъ снова разнеситъ по всему свѣту. Дѣйствіе было непосредственное. Англичане снова увидѣли передъ собой возможность войны, тогда какъ они давно уже увѣрились въ мирѣ. Мировлюбивое настроеніе большинства народа такъ ярко проявилось въ эту минуту, что затрудненіе тотчасъ же было устранено. Если бы

Бисмаркъ былъ всю жизнь свою надателемъ или редакторомъ газеты, онъ бы не могъ лучше распорядиться. Что онъ обратился къ „Times“, это какъ нельзя болѣе понятно, не только потому, что онъ желалъ говорить съ англійской публикой, но еще и потому, что „Times“—безспорно самая вліятельная газета въ мірѣ.

Если бы князь Бисмаркъ обратился съ подобными заявленіями къ нѣмецкимъ газетамъ, распространеніе ихъ совершилось бы гораздо медленнѣе. Но какъ бы то ни было, а князь Бисмаркъ снискалъ не много похвалъ въ Германіи. Лишь немногія газеты, заведомо рѣшныя въ офиціозности, привѣтствовали его. Оппозиція отмѣчаетъ каждый признакъ неудовольствія договоромъ въ странахъ, непосредственно въ немъ заинтересованныхъ, и распространяетъ воззрѣніе, что миръ заключенъ лишь съ тѣмъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени уступить мѣсто войнѣ. Я не раздѣляю этого воззрѣнія. Возбужденіе, сопровождавшее дѣятельность конгресса, имѣетъ свои весьма понятныя причины. Во-первыхъ, мирный договоръ опирается на всеобщій компромиссъ, а сущность компромисса въ томъ и заключается, что никто изъ участвующихъ въ немъ не достигаетъ своей цѣли вполне. Поэтому каждый имѣетъ поводъ къ неудовольствію, а кто недоволенъ, тотъ за аргументами въ карманъ не полагаетъ. За то очень скоро обнаруживается то, что всякій имѣетъ также основанія быть довольнымъ добытыми результатами, и послѣ нѣкоторой борьбы, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ заинтересованныхъ странахъ проснется сознаніе, что трудъ конгресса не потерянный. Всего болѣе обиженными чувствуютъ себя, повидимому, Італія и Франція. Італія до сихъ поръ умѣла пользоваться каждымъ политическимъ движеніемъ со времени крымской войны такъ, чтобы извлечь изъ него наиболѣе выгоды съ наименьшими пожертвованіями. Къ этому итальянцы, повидимому, такъ привыкли, что думаютъ, что иначе и быть не можетъ, и очень недовольны тѣмъ, что графъ Корти по возвращеніи съ конгресса не привезъ имъ въ видѣ подарка какого-нибудь клочка земли. Въ особенности сердатся на это съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ, что Австрія временно займетъ Востію и Герцеговину, потому что не знаютъ, что изъ этого всего выйдетъ. Вдобавокъ въ Італіи внутреннія дѣла нѣсколько затруднительны въ настоящую минуту. Теперешнему либеральному министерству приходится, какъ извѣстно, бороться со старой партіей консортеріи, т.-е. ультрамонтанами и тяготѣющими къ французамъ элементами, и эта партія рѣшилась низвергнуть министерство какою бы то ни было цѣною.

Но реакціонная партія въ Італіи недостаточно сильна, чтобы

вести своими собственными силами реакціонную политику въ обширныхъ размѣрахъ. Для этой цѣли она должна призвать на помощь Францію, что она и сдѣлала. Здѣсь доподлинно извѣстно, что тотчасъ послѣ конгресса дѣлались попытки повліять на маршала Макъ-Магона и побудить его измѣнить свою политику. Ему выставляли при этомъ на видъ, что представитель Франціи на этомъ конгрессѣ игралъ очень скромную роль, и что совсѣмъ иное было бы дѣло, если бы правительство находилось не въ рукахъ республиканскаго большинства, но велось въ легитимно-ультрамонтанскомъ духѣ. Извѣстно также, что душа Макъ-Магона лежитъ къ ультрамонтанамъ и легитимистамъ, и что такіа внушенія охотно выслушиваются имъ. Но тѣмъ не менѣе успѣха они не имѣли, и Франція поступила при этомъ весьма благоразумно, такъ какъ Германія во что бы то ни стало отстаивала бы миръ, и всѣми силами противоdѣйствовала бы всѣмъ легкомысленнымъ попыткамъ скомпрометтировать добытые результаты ради эгоистическихъ интересовъ. Ей легко это сдѣлать и даже безъ особеннаго напряженія, такъ какъ великія державы—Россія, Англія и Австрія, одинаково склоняются къ миру. Что касается, собственно говоря, Англіи, то лордъ Биконсфильдъ ведетъ очень рискованную игру. Въ рѣчи, которою онъ защищалъ въ англійской верхней палатѣ договоръ насчетъ Кипра, выдаются нѣкоторые весьма замѣчательныя мѣста, такъ какъ онъ предлагалъ въ нѣкоторомъ родѣ реформу всего англійскаго государственнаго склада въ видахъ болѣе мощной обороны необъятныхъ владѣній и мірового значенія Англіи. Это звучитъ прекрасно, но если посмотрѣть на это съ практической точки зрѣнія, то понятія англичанъ о свободѣ, всосанныя ими въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, и традиціи миролюбивой политики, существовавшей въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, окажутъ сильное сопротивленіе энергическому государственному человеку, и врядъ ли ему удастся ихъ преодолѣть. Само собой разумѣется, что интересы различныхъ державъ такъ непримиримы, что всегда возможно столкновеніе, но если удалось устранить на конгрессѣ массу еще остававшихся разногласій, то можно надѣяться, что они не возникнутъ вновь и въ болѣе обостренной формѣ.

Бисмаркъ уѣхалъ на воды, и поэтому на слѣдующія недѣли нельзя ожидать ничего новаго въ области иностранной политики. Его представителемъ избранъ, какъ это давно уже предвидѣли, графъ Штольбергъ-Вернигероде, бывшій посланникъ въ Вѣнѣ и президентъ государственнаго министерства. Я уже раньше говорилъ вамъ о графѣ Штольбергѣ. Нельзя сказать, консервативнѣе онъ или либеральнѣе Бисмарка, потому что послѣдній не принадлежитъ ни къ какой партіи. Графъ Штольбергъ консервативенъ въ духѣ крайней правой

сторонѣ національ-либеральной партіи; онъ будетъ лишь весьма медленными шагами вести дальнѣйшее развитіе либеральнаго законодательства, но не станетъ также ничего измѣнять въ конституціи, и даже, въ случаѣ пересмотра закона въ менѣе либеральномъ духѣ, вліяніе его будетъ умиротворяющее. Графъ Штольбергъ отнюдь не можетъ послужить орудіемъ реакціонной партіи.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 іюля, 1878.

„COUP DE MAÎTRE“ ЛОРДА БИКСОНФИЛДА.

Въ ту минуту, когда я пишу къ вамъ, вездѣ, въ салонахъ и клубахъ, въ public houses и мастерскихъ, только и рѣчи, что о „bold stroke“ перваго министра. Иные упорно называютъ театральнымъ эффектомъ оборонительный и наступательный союзъ между Англіею и Турціею: такова уже судьба д'Израэли, что въ самыхъ важныхъ его рѣшеніяхъ хотятъ видѣть дѣйствіе пружинъ драмы или романа.

Положимъ, это—театральный эффектъ. Но надо признаться, что онъ прекрасно удался, и что для драмы или трагедіи это развязка и рѣшительная и непредвидѣнная. И наконецъ, скажемъ разъ навсегда, есть нѣчто до крайности дерзкое въ той манерѣ, съ какой иные стараются очернить политическаго человѣка, основываясь на его качествахъ какъ писателя. Правда, можно найти замѣчательныхъ дипломатовъ, совершенно лишенныхъ литературнаго таланта; но нельзя утверждать, что титулъ писателя несовмѣстимъ съ титуломъ государственнаго человѣка. Журналисты, которые говорятъ такимъ образомъ, не замѣчаютъ, что дѣлаютъ грубую ошибку противъ самихъ себя. Къ счастью, Старый Свѣтъ еще не дошелъ до нравовъ „молодой Америки“, гдѣ профессія „политика“ (politician) принимается также, какъ принимается профессія лавочника; пока, Старый Свѣтъ продолжаетъ думать, что человѣкъ со вкусомъ, умомъ и знаніями—качества, необходимыя писателю—имѣетъ столько же права участвовать въ управленіи дѣлами своей родины, какъ любой адвокатъ или дипломатъ по профессіи.

Но возвратимся къ предмету. На другой же день послѣ того какъ я писалъ вамъ въ послѣдній разъ (9/18 апрѣля), когда парламентъ только-что отсрочилъ свое засѣданіе по случаю Пасхи, стало извѣстно, что туземныя войска отправлены были изъ Индіи на Мальту. Это былъ своего рода театралный эффектъ: во-первыхъ, это была вещь доселѣ невиданная; потомъ нашли, что дѣло было совершенно просто; наконецъ увидѣли—съ удивленіемъ и благодарностью—что вещи самыя великія бываютъ часто и самыя простыя.

Я вовсе не преувеличиваю: „Spectator“, газета либеральная, умѣренная и чрезвычайно нравственная, которая не любитъ театральнаго рода и д'Израэли, напечатала 4 мая сенсационную статью, начинавшуюся такъ: „съ дерзостью, въ которой по истинѣ есть нѣчто блистательное—мы должны это уступить его партизанамъ—лордъ Биконсфилдъ разорвалъ съ преданіями, идущими на цѣлое столѣтіе; онъ имѣлъ успѣхъ, и сразу измѣнилъ характеръ отношеній между Индіею и Соединеннымъ Королевствомъ. Онъ преобразовалъ Индію, эту далекую имперію, уединенную въ глубинахъ Азіи, въ непосредственное владѣніе, помѣщенное теперь на Средиземномъ морѣ—со всѣми удобствами, какія требуются для практической политики и ея специально для войны. Пусть говорятъ теперь о томъ, что Россія проникаетъ въ это море. Лордъ Биконсфилдъ ввелъ въ него Индію со всей ея арміею и со всѣми безконечными средствами ея населенія!“

Но преемникъ Аддисона тутъ останавливается, и статья, начавшая трубными звуками, кончается церковнымъ мотивомъ. Куда мы идемъ, великіе боги! Мы просто возвращаемся ко временамъ Гамиллеара и Аннибала, и англичане—не что иное, какъ варіантъ карфагенянъ, наполнявшихъ свои арміи наемниками. И какую минуту мы выбрали для этого?—говоритъ „Spectator“,—ту минуту, когда всѣ государства вводятъ у себя „благодѣянія всеобщаго военнаго воспитанія“.

Бываютъ моменты, когда люди испытываютъ необходимость говорить нелѣпости: и дѣйствительно, эта необходимость никогда не была такъ явна и такъ всеобща, какъ въ эти послѣдніе три мѣсяца. Можно думать что угодно о своевременности мѣръ, о которой мы говоримъ: но, затѣмъ, надо быть ослѣпленнымъ самыми несправивыми предразсудками, чтобы не признать въ этомъ признавъ сипаевъ въ Европу идеи широкой, оригинальной и, быть можетъ, плодотворной для будущаго Англіи. Это такъ справедливо, что даже „Fortnightly Review“, органъ либеральный и радикальный, не усумнился признать такого качества этой идеи, въ статьѣ Грегга (іюльскій №). Люди восторгаются благодѣяніями всеобщаго военнаго воспитанія: отчего не отвести насъ прямо въ Лакедемонъ съ его системой гражданъ-солдатъ? Какъ будто въ подобныхъ случаяхъ гражданинъ не исчезалъ за солдатомъ.

„Cedant arma togae!“ восклицалъ потомъ болтунъ Цицеронъ: и убійца Лентула и Цетега не замѣчалъ, что въ своей должности палача, не встати смѣшанной съ должностью судьи, онъ подчинялъ гражданское начало военному духу. Нѣтъ, въ этой странѣ нѣтъ конскрипцій, нѣтъ всеобщаго военного воспитанія: ея особенное положеніе позволяетъ ей обойтись безъ нихъ, и надо поздравить ея жителей, что они могутъ избавиться отъ одного изъ самыхъ тягостныхъ видовъ новѣйшаго рабства.

Марта 15-го (27-го), правительство королевы рѣшило послать на Мальту семи индійскихъ полковъ: это былъ послѣдній совѣтъ министровъ, въ которомъ участвовалъ лордъ Дѣрби, и теперь извѣстно, что принятіе этой мѣры было окончательной причиной его отставки. Приказъ объ отправкѣ войскъ посланъ былъ 31-го марта (12-го апрѣля). Не должно, впрочемъ, воображать, чтобы туземная индійская армія была организована въ особенно страшномъ размѣрѣ: въ ней считается не болѣе 125.000 человекъ. Но только, если подумать о 200 милліонахъ „индійскихъ подданныхъ“, можно предвидѣть необычайные размѣры, какіе можетъ принять эта армія въ очень короткое время. Любопытно и достойно вниманія, что туземные феодалыные владѣтели, „the protected Princes“, какъ ихъ называютъ, съ числомъ подданныхъ около 50 милліоновъ, содержатъ арміи, число которыхъ превышаетъ 300.000 человекъ. Вотъ подробный счетъ ихъ по интересной лекціи полковника Маллесона (Times, 10-го іюня). Круглымъ числомъ, туземныя государства могутъ поставить: 240.000 пѣхоты, 64.000 кавалеріи, съ 9.000 артиллеристовъ и 5.000 пушекъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти силы не въ состояніи побороть,—если бы вышелъ такой случай,—65.000 англійской арміи и даже упомянутыхъ 125.000 туземцевъ. Но можно утверждать, что такой случай не представится. Исторія Индіи показываетъ, что эта громадная страна всегда очень легко дѣлалась добычей разныхъ завоевателей¹⁾; и въ настоящее время меньше чѣмъ когда-нибудь маратты соединятся съ мусульманскими нивамами Гайдерабада, съ сейками Пенджаба и раджпутами сѣверо-западной Индіи для подавленія общаго врага. Я не разъ это указывалъ, и еще болѣе утверждался въ своемъ мнѣніи, когда болѣе и болѣе изучалъ факты.

Недавно, я говорилъ объ этомъ съ однимъ значительнымъ индусомъ, настоящимъ аріейцемъ, изъ тѣхъ, которые читаютъ Рамайяну, какъ мы читаемъ Гомера. Я спрашивалъ его, какъ просвѣщеннѣйшіе изъ его соотечественниковъ смотрятъ на англичанъ.—„Какъ на угне-

¹⁾ Въ настоящее время, должно замѣтить, мнѣно уже занято: теперь сопротавляться будетъ Англія, а Индія послѣдуетъ данному толчку.

тателей", отзывался онъ.—Значить, въ случаѣ войны съ Россіей, вы примете сторону...—„Противъ русскихъ, и за англичанъ", прервалъ онъ меня. „Это не подлежитъ сомнѣнію. Во-первыхъ, мы не испытываемъ потребности мѣнять господъ; во-вторыхъ, англичане болѣе симпатичны извѣстной долѣ населенія, вслѣдствіе ихъ извѣстныхъ отношеній къ Турціи. Съ другой стороны, мы очень хорошо видимъ невозможность, по-крайней-мѣрѣ въ настоящее время, возстановить независимую Индію“.

И въ подтвержденіе этихъ словъ, получено было въ то же время извѣстіе объ энтузіазмѣ, обнаруженномъ сипаями при отправленіи въ Европу. На островѣ Мальтѣ ихъ собрано было до семи тысячъ: два полка кавалеріи и шесть полковъ пѣхоты. Одинъ бывший военный даетъ точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ „Contemporary" (іюль). Со времени возстанія 1857 г., англійское правительство приняло разныя мѣры при переустройствѣ туземныхъ войскъ. Самая серьезная изъ этихъ мѣръ—или по крайней мѣрѣ считавшаяся за такую—состояла въ противоположеніи сектъ и племенъ другъ другу. Надо замѣтить, что эти полки состояются изъ восьми ротъ, каждая въ 75 человѣкъ. Штабъ состоитъ изъ восьми англійскихъ офицеровъ—не считая врача; каждая рота заключаетъ, кромѣ того, туземныхъ подчиненныхъ офицеровъ, именно одного капитана, поручика, пять сержантовъ и пять капраловъ. Напримѣръ, въ 5-мъ пѣхотномъ полку бенгальской арміи находится три роты сейковъ и четыре мусульманъ; восьмую роту составляютъ индусы изъ окрестностей Лагора.

Вотъ идеалъ системы: сейки, индусы-браманисы и мусульмане. И, однако, англичане должны были убѣдиться, что пошли ложнымъ путемъ. Духъ корпораціи былъ сильнѣе духа племени, касты и религіи; оказалось, что эти полки, которыхъ роты должны были уравнишивать другъ друга, представили совершенный образецъ единства. Если это опасно въ случаѣ возстанія, надо согласиться, что это—превосходный результатъ съ общей точки зрѣнія, которая и есть настоящая, потому что одно изъ двухъ: или не нужно утилизировать эти полки, и тогда къ чему составлять ихъ?—или желательно ими пользоваться, и въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы они были связаны и одушевлены однимъ чувствомъ: полкъ безъ корпоративнаго духа есть, конечно, тѣло безъ души и безъ силы.

Но не довольно было послать эти войска: надо было заплатить издержки перевоза. Одинъ парламентъ имѣетъ власть развязывать кошелекъ, и хотя рѣчь идетъ о дѣлѣ конченномъ, ему нужна была санкція представителей народа. Лордъ Биконсфилдъ, или, точнѣе, корона имѣла власть собрать эти войска; оппозиція имѣла власть

оспаривать это право: она и не пропустила воспользоваться своей прерогативой, по обычной рутинѣ.

По этому поводу въ континентальной печати опять появились самыя чудовищныя ошибки. Одна изъ самыхъ авторитетныхъ и наиболѣе распространенныхъ по всему міру парижскихъ газетъ представила намъ самую фантастическую теорію относительно постоянныхъ армій и того спасительнаго страха, какой онѣ всегда внушали англичанамъ. Этотъ страхъ произошелъ будто бы отъ „беспорядковъ ихъ революціи и отъ воспоминаній объ арміи Кромвеля“. Совсѣмъ наоборотъ: этотъ страхъ идетъ отъ реставраціи и отъ воспоминанія объ опасностяхъ, каковымъ подвергались политическія и религіозныя вольности отъ безцеремонныхъ манеръ Карла и Якова II. Дѣйствительно, послѣ революціи 1688 г. было сформулировано Объявленіе Правъ, гдѣ 6-я статья перваго раздѣла гласитъ такъ: „Противно закону набирать или содержать постоянную армію *оутри Королевства*, въ мирное время, безъ разрѣшенія парламента“.

Въ 1689 г., когда одинъ полкъ взбунтовался и высказался въ пользу Якова II, онъ былъ окруженъ и принужденъ положить оружіе. Но эта вооруженная сила была не утвержденная властью и этихъ взбунтовавшихся солдатъ можно было трактовать только какъ обыкновенныхъ гражданъ. Тогда изданъ былъ первый „Mutiny Act“ (актъ о бунтѣ): онъ и донинѣ остается легальной фикціей, которая дозволяетъ и освящаетъ существованіе англійской арміи. Каждый годъ, въ началѣ сессіи, парламентъ публикуетъ „Mutiny Act“, который подчиняетъ гражданъ, принятыхъ въ солдаты, необходимымъ условіямъ военной дисциплины и въ то же время опредѣляетъ число этихъ гражданъ, т.-е. число арміи, до слѣдующей сессіи. Къ этимъ даннымъ надо прибавить еще законъ 1888 г. „for the government of India“, по которому вооруженная сила содержится и дозволяется для защиты этой важной части британской имперіи.

Теперь мы можемъ понять во всѣхъ подробностяхъ большой—или, вѣрнѣе, длинный, нескончаемый споръ, который открылся 8/10 мая въ обѣихъ палатахъ парламента и продолжился до конца этого мѣсяца. У лордовъ (in the Lords, по обыкновенному выраженію), лордъ Сальборнъ сдѣлалъ такое предложеніе: „Необходимо получить разрѣшеніе парламента, прежде чѣмъ какая-нибудь вооруженная сила имперіи, кромѣ 133,475 человекъ, назначенныхъ на годъ съ 1-го апрѣля 1878 и указанныхъ въ Mutiny Act этого года, могла быть употреблена въ мирное время гдѣ либо, кромѣ индійскихъ владѣній“ (in Her Majesty's Indian possessions)“. Подобное предложеніе сдѣлалъ лордъ Гартингтонъ, отъ имени оппозиціи, въ палатѣ общинъ. Я не буду рассказывать подробностей борьбы: въ самомъ дѣлѣ, уже два

года тотъ же споръ повторяется въ обѣихъ палатахъ, съ тѣми же перипетіями, съ тѣми же ораторами, тѣми же или почти тѣми же рѣчами, и особенно—съ тѣмъ же результатомъ. Читать это будетъ скучно; а писать еще скучнѣе.

Довольно сказать, что въ верхней палатѣ вопросъ былъ исчерпанъ, въ двухъ направленіяхъ, лордомъ Сельборномъ, прежнимъ членомъ кабинета Гладстона, и лордомъ Карнсомъ, нынѣшнимъ канцлеромъ, двумя выдающимися юридической мудрости, которые оба говорили по два часа съ равнымъ успѣхомъ. Потомъ выступилъ лордъ Виконсфильдъ, положившій конецъ сраженію одною изъ тѣхъ тонкихъ и рѣшающихъ рѣчей, полу-ироническихъ и короткихъ, которыя составляютъ его тайну. Сначала онъ безъ труда установилъ, что здѣсь нѣтъ рѣчи о „Mutiny Act“, такъ какъ этотъ законъ прилагается исключительно къ войскамъ собственно англійскимъ, а не къ туземнымъ солдатамъ Индіи. Кромѣ того, онъ утверждалъ, что корона имѣла право повелѣть такое или другое движеніе войскъ, когда того требовалъ интересъ имперіи, и наставлялъ, что въ данномъ случаѣ необходимость была безотлагательная.

„Мы слышали,—прибавилъ онъ въ концѣ,—благороднаго и ученаго лорда оппозиціи и моего благороднаго друга на шерстяномъ мѣшкѣ, вступившихъ въ настоящій гладіаторскій бой. И этотъ замѣчательный поединокъ произошелъ, къ нашему великому удивленію, между двумя изъ нашихъ достойнѣйшихъ сотоварищей. Конечно, мы были восхищены, и однако мы предпочли бы или молчаніе, или рѣзкій результатъ (рукоплесканія). Я не думаю, чтобы подобные споры приносили какую-нибудь пользу общественному интересу. Надо было требовать голосованія парламента. Благородный лордъ не сдѣлалъ этого, потому что онъ и его партія не любятъ оказываться въ меньшинствѣ. Но вы никогда не будете въ большинствѣ, когда у васъ такіе восприимчивые нервы (смѣхъ). Вашъ долгъ—заявлять ваше мнѣніе безъ страха, и если оно вѣрно и справедливо, страна поддержитъ васъ. Но въ дѣйствительности, я не считаю его ни вѣрнымъ, ни справедливымъ: таково мое общее мнѣніе о рѣчи благороднаго лорда“. Затѣмъ, послѣ этой выходки, сдѣланной съ бисмарковской откровенностью, лордъ Виконсфильдъ далъ понять, что когда придетъ время, онъ не преминетъ представить аргументы, оправдывающіе его способъ дѣйствій; „но теперь,—сказалъ онъ,—уста мои закрыты“.

У лордовъ голосованія не было. Въ общинахъ предложеніе маркиза Гартингтона было отвергнуто 347 голосами противъ 226, такъ что большинство въ пользу правительства было въ 121 голосъ. Но самые рьяные изъ оппозиціи не сочли себя побитыми. Когда черезъ

нѣсколько дней вопросъ былъ поднятъ снова по поводу голосованія о 400,000 фунт. стерл. за перевозку войскъ на Мальту, споръ возобновился въ нижней палатѣ. Фоусеттъ объявилъ эту мѣру противоконституціонной, незаконной, неприличной и неполитичной. Джемсъ Брайтъ воскликнулъ, что политическіе люди Англіи не испытываютъ никакого стыда—находиться въ меньшинствѣ: дѣло снова было пущено на голоса, и на этотъ разъ, при большомъ числѣ лицъ, поддержавшихся отъ подачи голоса, предложеніе оппозиціи было отвергнуто большинствомъ 214 противъ 40. Не бояться очутиться въ меньшинствѣ—прекрасно; но когда не увѣрены въ своей правотѣ, лучше, быть можетъ, не показывать этого слишкомъ часто,—какъ замѣтилъ „Times“.

Въ сущности, кромѣ Фоусетта—экономиста à la Bastia,—и его 40 приверженцевъ, во всемъ Соединенномъ Королевствѣ нѣтъ ни одного человѣка съ умомъ и искренностью, который не одобрилъ бы мѣры правительства или, по крайней мѣрѣ, не призналъ бы ея полной законности. Изъ этихъ фактовъ не слѣдуетъ, однако, извлекать аргументовъ противъ парламентской системы: каковы бы ни были злоупотребленія и смѣшныя стороны этой системы—а ихъ много—онѣ исчезаютъ, уничтожаются въ сравненіи съ громадными неудобствами противоположной системы правленія. Человѣкъ талантливый и дѣйствительно сильный всегда можетъ обойти трудности: и если онъ дѣйствительно правъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, пренія и неизбежная неудача оппозиціи только прибавляютъ силы и авторитета его дѣйствіямъ.

Въ настоящемъ случаѣ, дѣйствія кабинета могли стать предметомъ преній только съ точки зрѣнія того духа мелкаго соперничества, который иногда низводитъ парламентскихъ дѣателей на уровень судейскихъ кланзниковъ. Правда, Англія не была въ настоящей войнѣ; но она была въ ея возможности, если не на дѣлѣ. Дѣйствительно, никогда отношенія между Лондономъ и Петербургомъ не были такъ натянуты; и было нора ¹⁾, 30 апрѣля (12 мая), когда гр. Шуваловъ отправился въ свою столицу, унося съ собою примирительныя слова англійскаго кабинета. Этотъ государственный человѣкъ, болѣе быстрый, чѣмъ Меркурій,—у котораго, правда, не было въ распоряженіи пара,—возвратился уже $\frac{9}{21}$ мая; и, конечно, при его пріѣздѣ было бы вѣрнѣе исполнить—для теввора—тотъ стихъ, который поется въ „Messia“:

How beautiful are the feet, etc.

—т.-е. „какъ прекрасны на горѣ ноги тѣхъ, кто приносятъ вѣсти

¹⁾ Рѣчь идетъ съ англійской точки зрѣнія. Ред.

мира! Въ действительности, графъ только привозилъ эти вѣсти назадъ: когда онъ отправился изъ Лондона, онъ уже были въ его дорожномъ мешкѣ, какъ оказалось вскорѣ, когда консервативная газета „Globe“ известнымъ образомъ напечатала предварительное соглашеніе между Англіей и Россіей.

Нѣтъ надобности говорить, съ какимъ интересомъ слѣдили въ Англіи за переговорами дипломатовъ, собравшихся въ Берлинѣ. Лордъ Биконсфильдъ представлялъ Англію, и послѣ того, что я рассказывалъ, читатель не удивится, если я скажу, что его отвѣдъ едва не сталъ предметомъ новаго безконечнаго спора въ парламентѣ. Въ счастію, дѣло кончилось однимъ страхомъ: когда одинъ членъ палаты спросилъ, былъ ли подобный прецедентъ, еврей, управляющій Англіей, отвѣчалъ, что прецедента не было, но что онъ создастъ его.

Извѣстно, какъ онъ держалъ себя на конгрессѣ, котораго мельчайшія перипетіи раскрывались намъ каждый день въ замѣчательныхъ корреспонденціяхъ газетъ „Times“ и „Telegraph“. Несмотря на первоначальныя заявленія, извѣстно, что секретъ этихъ высокихъ собраний всегда былъ тѣмъ, что называется „секретомъ Полишинеля“. Но иррѣ того, какъ подвигалось раздѣленіе Турціи, лица дѣлались все болѣе и болѣе мрачными: у всѣхъ была своя доля: у Австріи — Герцеговина и Боснія, у Сербіи и Черногоріи — независимость съ ключомъ территоріи, у Россіи — часть Арменіи съ Батумомъ. Но Англія?

Триумфаторы не могли долѣе воздержаться. „Daily Telegraph“, 26 іюня (8 іюля), первый объявилъ, даже раньше чѣмъ „Times“, — и безъ сомнѣнія по особенной благосклонности, — то „momentous event“, капитальное и неожиданное событіе, каковымъ былъ союзный договоръ между Англіей и Турціей, заключенный 4 іюня 1878.

Когда эта новость появилась на столбцахъ „Телеграфа“, „Journal des Débats“, — который также давалъ свое рѣшеніе восточнаго вопроса, — подшучивалъ надъ Англіей, которая такъ ступсевалась, и смѣялся надъ Биконсфильдомъ по поводу его „плана“, котораго нигдѣ не было видно, и который, по словамъ газеты, вѣроятно, отданъ былъ министромъ нотаріусу на храненіе. Но оказалось, что планъ отыскался, и когда первый моментъ прошелъ, французская газета признала его важность съ искренностью и самоотверженіемъ, которыя дѣлаютъ ей честь.

Если мы обратимся къ англійской печати, какъ въ провинціи, такъ и въ Лондонѣ, мы находимъ въ ней прежде всего выраженія глубокаго потрясенія. Такъ, напр., „Belfast Northern Whig“ говоритъ, что ему „захватываетъ дыханіе“. Manchester Guardian видитъ во всемъ этомъ дѣлѣ „что-то фантастическое“. Впрочемъ, разныя га-

зеты обнаруживаютъ энтузіазмъ или остаются холодны, смотря по ихъ цѣнѣ, консервативному или либеральному. „Daily News“ просто уподобилъ въ этомъ случаѣ лорда Биссонфильда Наполеону III. Не все негодованіе либеральныхъ газетъ—искусственное и притворное; чувствуется, что эти люди думаютъ не то, что говорятъ, и что они хотятъ только выдержать свою тенденцію. Это видно противъ ихъ воли, и въ сущности, кромѣ одного „Daily News“, у всѣхъ другихъ можно замѣтить извѣстное удовольствіе, выраженіе котораго проскальзываетъ иногда неволью. Повидайтесь и поговорите съ ними, и вы тотчасъ увидите самый всеобщій энтузіазмъ.

И съ англійской точки зрѣнія это совершенно понятно: если Россія—разсуждаютъ въ Англіи—потерпѣла заключеніе сомнительнаго трактата между Англіей и Турціей, она имѣла для этого хорошія основанія. Она позволила видоизмѣнить санъ-стефанскій договоръ—въ извѣстной мѣрѣ¹⁾—относительно европейской Турціи; но она не уступила ничего изъ своихъ завоеваній въ Азіи, и маркизъ Сольсбери, въ депешѣ къ Лейарду отъ 18 (30) мая (напечатанной вмѣстѣ съ англо-турецкимъ договоромъ), такъ излагаетъ предметъ спора:

„Пораженіе, испытанное турецкими арміями, и извѣстныя затрудненія правительства, безъ сомнѣнія, породили всеобщее мнѣніе объ его упадкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣніе, что уже въ скоромъ времени надо ждать политическихъ перемѣнъ, что на востокѣ было бы гораздо опаснѣе, чѣмъ дѣйствительное недовольство съ точки зрѣнія прочности правительства.“

„Если населенія Сиріи, Малой-Азіи и Месопотаміи замѣтятъ, что Порты поддерживается только своими собственными силами, они начнутъ расчитывать на близкое паденіе оттоманской имперіи и будутъ обращать свои взгляды на ея преемника“.

А этотъ вѣроятный, и даже несомнѣнный—если дѣла останутся въ томъ же положеніи—преемникъ есть русская имперія. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ маркизъ,—правительству ея величества невозможно не принять своихъ мѣръ, чтобы отвратить то дѣйствіе, какое при такомъ расположеніи умовъ будетъ произведено на области, политическое положеніе которыхъ такъ прямо касается интересовъ Великобританіи на востокѣ“.

Здѣсь заключается, по англійскому выраженію, turning point политики сентъ-джемскаго кабинета. До какой же степени онъ поддерживается общественнымъ мнѣніемъ? На этотъ вопросъ достаточно отвѣчаютъ упомянутыя выше голосованія и общее направленіе умовъ въ настоящую минуту. „Въ ту минуту,—говоритъ „Times“ (9 іюня)—

¹ См. ниже берлинскій договоръ. Ред.

когда стало ясно, что Россія рѣшилась воспользоваться своими военными успѣхами, чтобы утвердить свое преобладаніе въ Константинополѣ и въ Азіи, вся страна прижалась къ министерству, чтобы помѣшать этому результату. Точно по инстинкту, англійскій народъ рѣшилъ воспротивиться всякому пріобрѣтенію Россіи, которое могло бы угрожать азіатскимъ владѣніямъ Порты и пути въ Индію. Прочное мнѣніе страны относительно этого пункта рѣшаетъ вопросъ въ послѣдней инстанціи“. И газета оканчиваетъ полнымъ и совершеннымъ одобреніемъ союзнаго договора и присоединенія Кипра.

Теперь, если разсудить серьезно и не увлекаться въ сторону отъ трезвой оцѣнки положенія, надо будетъ признать справедливость этого мнѣнія. Газеты, особенно за границей, возобновили по этому поводу старую манеру говорить о народѣ „лавочниковъ“ (shopkeepers), о „коварномъ Альбіонѣ“ и пр.: я не говорю о газетахъ англійской оппозиціи—по той недостаточной причинѣ, что, если бы власть была въ рукахъ либераловъ, они говорили бы и дѣйствовали совершенно такъ же, какъ д'Израэли. Говорятъ: лордъ Сольсбери въ своемъ первомъ знаменитомъ циркулярѣ бралъ въ свои руки интересы всѣхъ и говорилъ во имя Европы; теперь, все для Англіи и ничего для другихъ.

Въ прошломъ письмѣ я говорилъ о финансовомъ процвѣтаніи Англіи. Это фактъ безспорный, но его надо разсматривать цѣлкомъ и сразу: но если войти въ подробности, то громадность цѣлаго богатства тѣмъ сильнѣе обнаруживаетъ частіую нищету, бессмысленное неравенство состояній. Это печальное положеніе вещей оказалось недавно, и притомъ особенно тягостнымъ образомъ, на сѣверѣ, въ Ланкаширѣ, по преимуществу край хлопчато-бумажнаго производства.

Эта промышленность до самаго послѣдняго времени имѣла необычайные размѣры: рынокъ былъ переполненъ произведеніями, такъ что пришелъ моментъ, когда оказалось необходимымъ нямѣнить или рабочую плату, или количество производства, или то и другое вмѣстѣ. Начало этой новой борьбы между трудомъ и капиталомъ было замѣчательно тѣмъ, что обѣ стороны совершенно искренно признавали необходимость реформы. Рабочіе видѣли очень хорошо критическое положеніе хозяевъ. „Мы знаемъ, — говорили они въ своемъ манифестѣ 18 апрѣля, — что хлопчато-бумажная промышленность давно страдаетъ. Банкротства, ликвидаціи, полюбовныя сдѣлки, которыя бывали между фабрикантами такъ часто, составляютъ неоспоримое доказательство плачевнаго состоянія торговли. Иная вещь, — говоритъ манифестъ, — которую покупатель получаетъ за 6 шилл. 6 пенсовъ, приходится производителю въ 7 шилл. 1 пенсъ“.

Совершенно точно и ясно, и казалось бы, что послѣ такого откры-

таго заявленія рабочихъ, надо бы найти основанія для соглашенія. Къ несчастію, произошли недоразумѣнія. Такъ, на одномъ собраніи хозяевъ, делегаты рабочихъ не отвѣчали формально на призывъ и во всякомъ случаѣ прибыли слишкомъ поздно. Раздраженные хозяева рѣшились на пониженіе платы въ 10 на сто; рабочіе принимали 5, можетъ быть 7½. Какъ бы то ни было, они не сошлись, переговоры были прерваны, и хозяева рѣшили закрытіе мастерскихъ и общій отпускъ рабочихъ.

Они колебались тѣмъ менте, что знали скудость средствъ у рабочихъ. Прядильщики бываютъ обыкновенно членами „рабочаго союза“; но ткачи, между которыми находится много женщинъ, пристають къ „союзамъ“ въ гораздо меньшемъ числѣ. Напримѣръ, въ Престонѣ на 12—13 тысячъ ткачей только десятая доля принадлежитъ къ союзу.

Здѣсь мы должны указать новую ошибку, въ которую впадала иностранная печать и особенно экономистъ, излагающій подобные вопросы въ „Journal des Débats“. Рабочіе, говорятъ, принимали пониженіе платы въ 10%, но подъ условіемъ работать только четыре дня въ недѣлю, вмѣсто шести. Они хотѣли выровнять производство, уменьшить объемъ продуктовъ такимъ образомъ, чтобы переполненный теперь рынокъ снова приобрѣлъ свой уровень. Они довольствовались 14 шиллингами въ недѣлю, работая четыре дня, и отвергая 18 шилл., которые предлагались имъ хозяевами за шестидневную работу. И по этому поводу шли безконечныя тирады о планѣ рабочихъ, объ его глубинѣ, которая можетъ показаться немного притязательной и ир. Рабочіе—и ихъ не очень порицали за то—хотѣли встрѣтить хозяевъ на самой почвѣ дѣла и политической экономіи.

Но можно было бы обойтись безъ этихъ запутанностей и утонченностей, если бы посмотрѣть на дѣло проще. Хозяева вылилъ согласны съ рабочими въ этомъ основномъ пунктѣ: въ необходимости уменьшить производство. Но, съ другой стороны, они прежде всего хотятъ значительнаго сокращенія рабочей платы,—такъ, чтобы, когда обыкновенный ходъ рынка восстановится, эта пониженная плата останется. Рабочіе, съ другой стороны, тоже смотрятъ дальше настоящей минуты: они знаютъ очень хорошо, что если они примутъ это громадное пониженіе платы, они ожидаютъ однако возвращенія нормальной платы. Вотъ почему они принимали пониженіе въ 5%, соглашались притомъ терять два дня въ недѣлю, и не хотѣли слышать о пониженіи въ 10%, хотя бы при шестидневной работѣ сумма платы *въ недѣлю* была выше. И чтобы совсѣмъ выяснитъ дѣло,—они отказывались принять пониженіе платы больше чѣмъ на 5%. Вотъ

простые факты, которые входят въ обыкновенный характеръ стачки: поддержка сколько возможно высокаго уровня рабочей платы.

Къ сожалѣнiю, хозяева, раздраженные безъ сомнѣнiя продолжительными потерями, показали крайнее высокомерiе; съ другой стороны, головы разгорячились, въ округѣ произошли серьезные безпорядки, и у главы общества хозяевъ, Джексона, былъ разграбленъ и сожженъ домъ. Ожесточенныя толпы ходили по странѣ, побивали и разгоняли цѣлые отряды полиции: явились отряды регулярной армii. Но скажемъ тотчасъ, въ чести нынѣшняго правительства и въ вѣчному стыду Америки за дикое укрощенiе прошлоаго года, въ аналогичныхъ обстоятельствахъ—войска только парадировали на улицахъ и не пускали въ ходъ своего оружiя. Нѣсколько человѣкъ, которые были убиты, застрѣлены были частными людьми, владѣльцами ткацкихъ машинъ, которые полагали, что должны — съ безчеловѣчной посягательностью—„отражать силу силой“. Хозяева находили, что правительство выказало слабость въ защитѣ ихъ собственности и ихъ личности; они одни были этого мнѣнiя. Лордъ Виконсфильдъ, который всегда любилъ называть себя социалистомъ въ извѣстной мѣрѣ, не хотѣлъ, чтобы его руки были запачканы кровью. Скажутъ, быть можетъ, что это дѣлалось по воспоминанiю объ его романѣ „Сивилла, или двѣ нацiи“, гдѣ эти нацiи были—богачи и бѣдняки: счастлива во всякомъ случаѣ страна, гдѣ государственные люди пишутъ романы. воспоминанiе о которыхъ можетъ удержать ихъ на чертѣ челоуѣколюбiя и справедливости и внушать имъ отвращенiе къ насильственнымъ и кровавымъ расправамъ.

Нечего прибавлять, что стачка ланкаширскихъ прядильщиковъ и ткачей имѣла фатальный исходъ, необходимый по обстоятельствамъ борьбы: рабочiе должны были уступить голоду и принять, наконецъ, условiя, поставленные хозяевами.

Оставаясь въ ряду печальныхъ событiй, хотя въ другомъ порядкѣ идей, мы должны упомянуть о смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей современной Англiи: лордъ Джонъ Россель умеръ въ своей обычной резиденцiи, Ричмондѣ, 16 (28) мая, на 86-мъ году. Сынъ наслѣдника имени Бедфорда, онъ родился 18 августа 1792. Герцоги Бедфордъ принадлежали къ тому ряду знатныхъ фамилiй вiговъ, которые послѣ революцiи 1688 г. овладѣли государями Ганноверскаго дома и почти исключительно управляли Англiей въ теченiи XVIII вѣка. Французская революцiя разстроила эту партiю; люди, какъ знаменитый Джемсъ Фоксъ, остались ей вѣрны, но они потеряли власть, которая перешла въ вигамъ-ренегатамъ, Борнамъ и Питтамъ, которые стали болѣе свирѣпыми реакционерами, чѣмъ были торы.

Въ противорѣчіе этому и не необходимости, либерализмъ Фенса и виговъ возросъ и становился близокъ къ радикализму. Лордъ Джонъ Россалъ воспитался въ этой болѣе горячей атмосферѣ, и въ 1813, сдѣлавшись членомъ парламента, онъ не замедлилъ дѣлаться рѣшительнымъ защитникомъ народныхъ правъ и избирательной реформы. Когда пришли бурныя времена 1830 г., ему именно было поручено изготавить билль о реформѣ, и онъ поддерживалъ его съ неутомимой энергіей до дня окончательнаго торжества. Никто въ тѣ времена не былъ такъ популяренъ, какъ „лордъ Джонъ“ или „Джонни“, какъ фамиллярно называли его. Но въслѣдствіе роли его не была такъ значительна. Слишкомъ часто, или по уступчивости, или по силѣ вещей, онъ вступалъ въ министерства, гдѣ не имѣлъ преобладанія, какое бы долженъ былъ имѣть. Въ спискѣ первыхъ министровъ Англіи онъ является только два раза, въ 1846 и въ 1863, и въ послѣдній разъ только на одинъ годъ, въ концѣ котораго онъ уступилъ мѣсто лорду Дѣрби (отцу), а потомъ д'Израэли, и второй билль о реформѣ былъ снова поднятъ и проведенъ его противниками. Но вообще разсказывать подробно жизнь лорда Россала значило бы разсказывать исторію Англіи въ продолженіи трехъ четвертей столѣтія. У него не было качествъ, необходимыхъ для того, чтобъ удержаться на первомъ мѣстѣ; тѣмъ не менѣе, его имя всегда останется связано съ великой парламентской реформой, которая измѣнила условія политической жизни въ Англіи и вырвала ее изъ рукъ олигархій—виговъ или торі, —чтобы мало-по-малу перенести ее въ руки демократіи.

Въ настоящую минуту я могу только указать обширный и въ нѣкоторомъ родѣ замѣчательный докладъ, представленный парламенту королевскими комиссарами, которымъ поручено было изучить важный вопросъ о литературной собственности, то, что называется по англійски „copyright“. Известно, какія правила опредѣляютъ теперь этотъ предметъ въ Великобританіи. Собственность своего произведенія принадлежитъ автору въ теченіи его жизни, и его наслѣдникамъ—въ теченіи семи лѣтъ по его смерти. Во всякомъ случаѣ обезначивается 42 года отъ перваго наданія сочиненія. Комиссары предлагаютъ продолжать право собственности на тридцать лѣтъ по смерти автора. Вопросъ заслуживаетъ подробнаго исследования: этого должно требовать, когда вопросъ явится передъ парламентомъ...

Чтобы кончить письмо, возвратимся еще разъ къ лорду Бивонс-филду. Вчера, 4 (16) іюля, онъ имѣлъ свой триумфъ. Среди безчисленной толпы, —среди восторженныхъ кликовъ населенія, которое казалось точно обезумѣвшимъ, онъ вѣрохалъ прѣстранство отъ стціи Черингъ-Кроссъ къ своему официальному жилищу въ Доуингъ-

стритѣ. Прибывши туда, онъ долженъ былъ выйти на балконъ, и носѣ нескончаемаго взрыва виватовъ, криковъ „Surgas for ever“ и другихъ подобныхъ, онъ могъ, наконецъ, сказать нѣсколько словъ пріивѣтствія и благодарности за выраженія сочувствія „въ эту минуту испытаний“, и высказать надежду, что миръ понравится королевѣ.

И дѣйствительно, страна довольна, потому что онъ приноситъ съ собой миръ, — „миръ“, — говорить „Times“, — для пріобрѣтенія котораго не было пожертвовано ни честию, ни жизненными интересами націи“. Что касается королевы, какъ не будетъ она довольна министромъ — слугой — который, слѣзавши ее императрицей Индіи, дѣлаетъ ее теперь „королевой Египта“, т. е. Идалии, Амазонты и Пафоса!

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 июля, 1878.

XXXIX.

ПАРИЖСКІЯ ОКРЕСТНОСТИ.

I.

Въ настоящее время, когда улеглась горячка, произведенная выставкой, парижане вздыхаютъ по полямъ и лѣсамъ. Обыкновенно въ эту эпоху года всѣ тѣ, кто могъ бѣжать отъ раскаленныхъ троттуаровъ и домовъ Парижа, искали спасенія въ его окрестностяхъ и въ деревнѣ. Нынче все перемѣнилось; парижане остались въ Парижѣ, опутанные цѣлою сѣтью обстоятельствъ: во-первыхъ, любопытствомъ; во-вторыхъ, провинціальными родственниками и друзьями, въ одно прекрасное утро свалившимися имъ, какъ снѣгъ, на голову и которыхъ нужно пріютить и водить по Парижу. Но іюльское солнце немилосердно накаляетъ тѣсныя квартиры, и невольно грезятся дачи, выходящія въ паркъ, утреннія прогулки вдоль темныхъ аллей и вечерняя нѣга на скошенномъ снѣгѣ. Поэтому мало-по-малу, незамѣтно, Парижъ пустѣетъ.

Конечно, выставка — великое зрѣлище. Можно долгія недѣли осматривать ее и все-таки останется многое неосмотрѣннымъ. Это —

цѣлый міръ, и для обозрѣнія его мало и шести мѣсяцевъ. Но въ концѣ-концовъ выставка утомляетъ. Осматривъ нѣсколько уголковъ, особенно вась интересующихъ, вы отступаете въ услугѣ передъ утомительностью подробнаго и общаго осмотра. Къ тому же, этотъ диковинный Парижъ, — Парижъ, битвомъ набитый иностранцами, съ его ярмарочной суетой, — его оркестрами, прибывшими со всѣхъ концовъ міра, — его пестрой толпой, въ которой персiяне сталкиваются съ китайцами, а арабы съ японцами, — его ресторанами, сіяющими огнемъ до глубокой ночи, какъ и зимой, — его оглужительнымъ шумомъ машины, пущенной полнымъ ходомъ ради какаго-то колоссальнаго дѣла; этотъ Парижъ уже совсѣмъ не тотъ Парижъ, къ которому мы, парижане, привыкли, и мы не чувствуемъ больше себя въ немъ дома. Вообразите, что вы принимаете у себя новобранныхъ съ нихъ поѣзжанами: первые часы прелестны; радость вашихъ гостей вась восхищаетъ; но вскорѣ наступаетъ усталость; вы все еще веселы и любезны; но втайнѣ уже вдыхаете по томъ часѣ, когда всѣ эти добрые люди разойдутся, и вы снова найдете свой покой и свои любезныя привычки. Нашъ домъ наводнила волна, растущая не по днямъ, а по часамъ: понятно, что миролюбивые люди спасаются бѣгствомъ и ожидаютъ въ сторонѣ, чтобы вторженію наступилъ конецъ.

Наконецъ, весело поступать не такъ, какъ всѣ остальные. Это не парадоксъ; это, въ самомъ дѣлѣ, очень весело. Когда видишь, что вся Европа устремляется на Марсово-поле, то говоришь себѣ: „А вотъ я такъ скоронюсь въ Буэнаваль или въ Шатонъ и буду удить рыбу“. Это, право, превесело. Я знаю многихъ людей, которые сбѣжали отсюда въ маѣ мѣсяцѣ, поклявшись, что вернутся въ Парижъ не ранѣе декабря. Они укрылись въ различныхъ закоулкахъ, гдѣ смѣются надъ толпами, устремляющимися на Трокадеро. Видѣлитесь изъ людскаго стада, говорить себѣ, что никому не подражаешь, жить, какъ живется, безъ программы — значитъ поступать мудро. Да! быть-можетъ, мудрость въ этомъ самомъ и заключается.

Ну, вотъ я поступилъ отчасти такъ, какъ поступаютъ эти оригиналы. Въ то время, какъ людская волна нахлынула на Парижъ, я разстанусь съ нимъ и займусь его обезлюдѣвшими окрестностями. Давно уже мнѣ хочется поговорить съ вами объ окрестностяхъ нашей столицы; каждое лѣто я собирался поговорить о невыразимой прелести его полей: быть-можетъ, ни одинъ городъ въ мірѣ не можетъ похвалиться такой каймой деревъ, рѣвъ и долинъ. Но каждый разъ новыя идеи застигали эту первоначальную. Но теперь случай слишкомъ удобенъ. Такъ какъ въ Парижѣ стало тѣсно, то я спасаюсь бѣгствомъ въ поля; тамъ я найду всѣхъ истинныхъ парижанъ, всѣхъ тѣхъ, которые убѣжали изъ улицъ и бульваровъ, осаждаемыхъ иностранцами; я встрѣ-

чусь тамъ съ обществомъ поэтовъ, протестующихъ противъ галта всемирной выставки. Известно, какъ сладко, по словамъ одного латинскаго поэта, слушать, какъ реветъ буря, сидя подъ теплымъ кровомъ. Никогда еще поля не казались мнѣ такими ясными, деревья такими спокойными въ своемъ величїи, воды такими плавными и безмятежными, какъ въ настоящее время, когда людскія волны бунтуютъ въ Парижѣ. Подумать только, что триста тысячъ человѣкъ увлечены однимъ общимъ потокомъ любопытства и, оглянувшись на самого себя, увидѣть, что лежишь въ удивленїи, подъ тѣнью стѣны изъ топей, межъ тѣмъ какъ Сена течетъ у ногъ, тихо журча своими свѣтлыми водами! Парижъ сверкаетъ на горизонтѣ, а вокругъ безмятежная природа тихо и съ улыбкой продолжаетъ свои грѣзы.

Надо сказать, что парижане непомѣрно любятъ деревню. По мѣрѣ того, какъ Парижъ все расширялся, деревья все отступали, жителями, лишенными зелени, овладѣвала неотступная мечта приобрести гдѣ-нибудь свой собственный клочокъ земли. Надо видѣть, на что похожи северы въ населенныхъ кварталахъ; они биткомъ набиты ребятишками окрестныхъ улицъ; матери сидятъ тутъ же; толпа такъ же густа, какъ и на перекресткѣ въ праздничный день. Къ тому же, бѣднѣйшіе ухитряются развести садъ на своихъ окнахъ: нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, укрѣпленныхъ доской; душистый горошекъ и испанскіе бобы тянутся вверхъ, образуя бесѣдку, и можно подумать, что за нѣсколько грошей заманилъ къ себѣ весну. У другихъ счастливей есть террасы, которыя они превращаютъ въ настоящіе сады; ящики замѣняютъ гряды; вокругъ переплетенныхъ жердей вьется виноградная лоза и бородавникъ. Я видалъ такимъ образомъ на иныхъ крышахъ не только апельсиныя и лавровыя деревья, но и яблони и вишневые деревья, на которыхъ красовались и плоды. Когда обитаешь въ шестомъ этажѣ высокаго дома и посмотришь кругомъ себя, то со всѣхъ сторонъ видишь всячіе сады. Жильцы вознаграждаютъ себя такимъ образомъ за отдаленность деревни и отсутствіе деревьевъ, которыхъ не видно даже и верхушекъ изъ-за океана крышъ. И какая радость въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда окна квартиры выходятъ на одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ садовъ, которые разрушительный заступъ еще пощадилъ въ Парижѣ! Мѣсто такъ дорого, что надо быть очень богатымъ, чтобы позволить себѣ роскомъ нѣтъ садъ. Въ богатыхъ кварталахъ еще попадаютъ деревья; но въ самыхъ населенныхъ кварталахъ домъ тѣснятъ другъ возлѣ друга, и нѣтъ больше ни зелени, ни воздуха. По воскресеньямъ, задыхающіеся обыватели дѣлаютъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, чтобы поглядѣть на поля съ высоты укрѣпленій.

Прогулка на укрѣпленія является классической прогулкой рабо-

чаго населенія и меленкъ буржуа. Я нахожу ее трогательною въ своей наивности; парижане не могли бы дать лучшаго доказательства своей несчастной страсти къ травѣ и къ обширному горизонту, раскрывающемуся передъ глазами. Они идутъ по застроеннымъ улицамъ и приходятъ усталые, обливаясь потомъ, въ облакѣ пыли, поднимавшей ногами гуляющихъ, и усаживаются семейнымъ кружкомъ на газонѣ, сожженномъ солнцемъ, подъ жидкой тѣнью чахлаго дерева, объѣденнаго гусеницами. Вотъ тотъ жалкій рай, о которомъ такъ много мечтали! Позади нихъ рычитъ Парижъ, залитый палищими лучами июльскаго солнца; окружающая желѣзная дорога яростно свиститъ, между тѣмъ какъ въ пустыряхъ зловонныя производства заражаютъ воздухъ. Предъ ними, у ногъ, разстилается военный поясъ, обнаженный, пустынный, тамъ и сямъ разнообразившійся достаткомъ кабачкомъ. Высокія кирпичныя трубы фабрикъ пересекаютъ пейзажъ и грязнятъ его длинными султанами чернаго дыма. Но что за дѣло! За трубами, за пустыремъ, окружающимъ Парижъ, гуляющіе видятъ дальніе холмы, луга, зеленѣющіе пятнами, валяющимися не больше ладони, деревья, похожія на тѣ, какія бываютъ въ игрушечныхъ деревняхъ. И этого съ нихъ достаточно; они довольны, потому что видятъ настоящую деревню въ одной или двухъ верстахъ передъ собою. Мужчины снимаютъ куртки, женщины садятся на разостланные платки; они проводятъ тамъ все послѣ-обѣда, дыша вѣтромъ, доносящимся изъ лѣсовъ; затѣмъ, вернувшись въ парижскую огненную печь, они говорятъ, что пришли изъ деревни. Хорошие люди, они не казались бы смѣшными, если бы не были такъ трогательны.

Не знаю ничего безобразнѣе и зловѣщѣе, чѣмъ этотъ первый поясъ, окружающій Парижъ. У всякаго большого города бываетъ такой поясъ, представляющій собой мерзость запустѣнія. По мѣрѣ того какъ мостовыя подвигаются, — поля отступаютъ, и между означивающимися улицами и начинающейся травой тянется опустошенная полоса земли, раны которой еще не прикрыты новыми кварталами. Тутъ мы видимъ груды развалинъ, ямы съ нечистотами и мусоромъ, полу-разрушенные заборы, огороды съ гниющей капустой, кустовики, сдѣланные на живую нитку изъ земли и изъ досокъ, и которые не устоятъ передъ сильнымъ порывомъ вѣтра. Такимъ образомъ, великій городъ какъ-бы непрерывно извергаетъ свою пѣну на окраины. Тутъ гниѣдятся вся грязь и весь развратъ Парижа. Нищета выставляетъ здѣсь на-показъ свои лохмотья. Нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ уцѣлѣли и подобны спокойнымъ и сильнымъ богамъ, позабытымъ среди чудовищныхъ очертаній города. Нѣкоторые закоулки въ поясѣ укрѣпленій особенно унылы. Приведу для примѣра равнину Монружъ, которая тянется отъ Армейи до Ванвра. Тутъ на-

ходятся старинными каменоломнями, возбуждающими всю почву. Иные из них разрабатываются еще и по-нынѣ; а надъ этой голыи равниной торчатъ гигантскіе вѣроты, колеса, напоминающіе висѣлицы и гильотины. Ни одного дерева, — только эти неподвижные остовы. Почва мѣловая, пыль съѣла траву, идешь по размытой дорогѣ, съ глубокими выбоинами, среди ямъ, превращающихся въ дождливое время въ пруды стоячей воды. Не знаю мѣста болѣе печальнаго, болѣе унылаго въ тотъ часъ, какъ солнце заходитъ, вытягивая непомѣрно-жидкую тѣнь громаднаго вѣрота. Это — пустыня, ставшая еще ужаснѣе оттого, что по ней прошелъ разрушителемъ человѣкъ; это — закинутая каменоломня, изъ которой извлекли весь камень Парижа и которая осталась у его воротъ съ зияющими на-вѣки вѣчными ранами. По другую сторону города, въ сѣверу, есть также очень печальныя мѣста. Густо-заселенные кварталы: Монмартръ, Ла-Шапель, Ла-Вильетъ, заканчиваются здѣсь среди ужасающей нищеты. Это уже не голая равнина, не мрачное зрѣлище искалѣченной почвы; это, напротивъ того, грязь человѣческая, гдѣ кишмя-кишитъ населеніе голодающихъ бѣдняковъ. Жалкія лачуги образуютъ узкія улицы; грязное бѣлье виситъ у оконъ; дѣти въ лохмотьяхъ валяются въ грязи. Страшный порогъ Парижа, на которомъ скопляется вся грязь и передъ которымъ иностранецъ могъ бы въ ужасѣ отступить, не догадавшись даже о чудесахъ роскоши, скрывающихся внутри города. Впрочемъ, надо замѣтить, что если исключить триумфальныя вѣзды заставъ de l'Etoile и du Trône — да и то эта послѣдняя выставляетъ на-показъ много некрасиваго — то мы найдемъ, что окраины Парижа довольно жалки. Я помню, какъ, будучи ребенкомъ, пріѣхалъ въ Парижъ въ дилижансѣ и пережилъ тутъ одно изъ самыхъ жестокихъ разочарованій въ моей жизни. Я ожидалъ, что увижу рядъ дворцовъ, а между тѣмъ тяжелый рыдванъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ катился мимо жалкихъ лачугъ, кабаковъ, домовъ подозрительнаго вида, — цѣлой слободы, вольно раскинувшейся по обѣимъ сторонамъ дороги. Затѣмъ рыдванъ вѣзжалъ въ узкія, темныя улицы. Парижъ казался тѣснѣе и мрачнѣе того маленькаго городка, изъ котораго я только-что пріѣхалъ.

Одни бѣдняки считаютъ удовольствіемъ гулять по укрѣпленіямъ. Мелкіе чиновники и даже зажиточные работники забираются въ своихъ прогулкахъ далѣе. Они доходятъ до первыхъ лѣсовъ городской черты. Вомондъ, давка экипажей и тщательная чистота, поддерживаемая въ аллеяхъ, изгнали ихъ изъ Вулонскаго лѣса, превращеннаго въ громадный, роскошный садъ. Но у нихъ остался Венсенскій лѣсъ, гдѣ еще можно затеряться. Къ тому же, они на этомъ не останавливаются: они добиваются до настоящей городской черты,

— до настоящей деревни, благодаря безчисленнымъ средствамъ къ передвиженію, какія у нихъ имѣются теперь подъ руками. По мѣрѣ того какъ развивалась охота къ такимъ прогулкамъ, создавались и новые способы сообщенія. Мы далеко ушли со времени версальскихъ кукушекъ. Кромѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя отправляютъ поѣздъ каждыя полчаса, есть еще сенскіе паромы, омнибусы, желѣзнодорожныя дороги, не считая извозчиковъ. По воскресеньямъ вездѣ давка; въ нѣкоторыя солнечныя воскресенья высчитали, что почти одна четверть населенія—пятьсотъ-тысячъ человекъ—наводняютъ кареты и вагоны и разливаются по окрестностямъ. Праздники, празднуемые въ окрестныхъ селахъ и разлѣщающіеся отъ Пасхи до дня Всѣхъ Святыхъ, способствуютъ этому громадному переселенію, привлекая толпы любопытныхъ. Не существуетъ, безъ сомнѣнія, города, гдѣ бы жители питали такую страсть къ зелени. И удивительно всего то, что всѣ классы увлекаются этой страстью. Каждый, смотря по своему кошельку, забирается болѣе или менѣе далеко; одни останавливаются, какъ я уже сказалъ, на укрѣпленіяхъ; другіе доходятъ до ресторановъ первыхъ деревень; третьи — пускаются въ дальній путь, верста за семь, за восемь. Молодежь въ особенности наводняетъ всѣ лужайки; Латинскій кварталъ имѣетъ любимыя кабачки близъ Со и Мёдона, любители которыхъ на лодкахъ плывутъ внизъ по Сенѣ въ Анверъ, въ Аржантёйлъ, въ Буэнаваль; молодежь прикащики забираются всюду въ разбродъ. Затѣмъ цѣлыя семьи разлѣзжаются по окрестностямъ, захвативъ съ собой обѣдъ, который съѣдаютъ на травѣ. Встрѣчаешь цѣлыя группы, или влюбленныя парочки, ищущія уединенія, — господъ, гуляющихъ въ одиночку, съ тросточкой въ рукахъ; подлѣ каждого куста натѣкаешься на цѣлое общество. По вечерамъ кабачки горятъ огнями, въ нихъ слышится смѣхъ, разносящійся въ тихомъ ночномъ воздухѣ.

Я до сихъ поръ говорилъ только о гуляющихъ. Но владѣльцы — тѣ, у кого есть хоть самый небольшой клочокъ земли — волнуются иными чувствами. Имѣть дачу — влюбленная мечта всѣхъ парижанъ. Люди, живущіе взаперти, въ лавкѣ или въ конторѣ, откладываютъ по копѣйкамъ на покупку лачужки, куда они будутъ ѣздить по воскресеньямъ. Въ числѣ этихъ мономановъ сельской жизни, надо прежде всего упомянуть объ актерахъ. Почти у всѣхъ парижскихъ артистовъ — я говорю о богатыхъ — есть дача, хотя бы крошечная. Многіе живутъ за городской чертой; другіе — въ Анверѣ; третьи забираются даже въ Мезонъ-Лафитъ. Они пріѣзжаютъ въ Парижъ послѣ полудня для ренетицій и уѣзжаютъ послѣ вечерняго представленія съ послѣднимъ поѣздомъ. И какъ понятна эта трезвѣлая любовь къ деревенской обстановкѣ у людей, проводящихъ

вою свою жизнь среди картонного мира и газетных рожинок. Нѣтъ мѣста болѣе душнаго, болѣе зловоннаго, нежели театр. Какимъ сладкимъ должною казаться свѣжій воздухъ по выходѣ изъ такого вертепа. За актерами идутъ коммерсанты, какъ самые страстные любители деревни. Эти тоже задикаются за парижаномъ; они уѣзжаютъ въ субботу вечеромъ и возвращаются въ Паражъ только въ понедѣльникимъ утромъ. Они живутъ надеждой, что наступитъ время, когда она советомъ удалится отъ дѣла и станутъ безвыгодно жить на своей милой дачѣ. Многимъ дѣлаютъ глупости, доводятъ до своей любви къ сельской жизни комическими и трогательными постройками. За городской чертой видѣются швейцарскія шале, среднѣвѣковые замки, дворцы эпохи возрожденія, — все это величиной съ картонный домики и выстроено на живую нитку. Люди смѣются — и советомъ напрасно. У нашихъ строителей, конечно, нѣтъ вкуса; конечно, смѣшна ихъ претензія выстроить цѣлый паркъ, — съ каскадами, бассейнами, горками, лѣстницами въ садахъ, гдѣ могутъ надохнуться дѣлѣ курицы; но это лишь несчастное проявленіе ихъ страсти къ природѣ и ко всему животному. Въ душѣ ихъ живетъ все то же парижанинъ, который жаждетъ свѣжаго воздуха.

Вокъ громаднаго города неизмѣненъ, — то вокъ о свободѣ. Онъ трепещетъ въ своемъ слишкомъ узкомъ полѣ, онъ безпрестанно выглядываетъ на горизонтъ, задыхаясь, прося солнца и воздуха. Мечта его, повидимому, заключается въ томъ, чтобы превратить обширную равнину въ увеселительный садъ, гдѣ бы онъ могъ гулять вѣчеромъ, по окончаніи трудовъ. Богатые Frucht, другъ у друга магіяніе клочки земли; бѣдные приходятъ наслаждаться видомъ чужихъ деревень. Это — всеобщее стремленіе, увеличивающееся съ каждымъ годомъ, и оно, въ концѣ-концовъ, превратитъ окраины Парима въ продолженіе его бульваровъ и авенювъ.

II.

Любопытно было бы изучить развитіе страсти къ деревнѣ у парижанъ. Я только что сказала, до какой степени она теперь сильна у нихъ. Но она не всегда существовала. Не только не существовало способовъ передвиженія, что естественно ограничивало число гуляющихъ; но и любовь къ длиннымъ прогулкамъ не развилась. Сто лѣтъ тому назадъ извѣстны были лишь весьма немногія изъ окраинъ города. Много предѣстныхъ задоушковъ, предѣстныхъ деревень, утонувшихъ въ зелени, смали своимъ невинности.

Начну издавна. При Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV деревня казалась не особенно привлекательной. Ее терпѣли приноженную,

разукрашенную, обращенную въ декорацию вопреку княжескихъ замковъ. Версаль, Сентъ-Жерменъ, Со— вотъ сельскія мѣстности, гдѣ въ великолѣпныхъ дворцахъ вели такой же шумный образъ жизни, какъ и въ Парижѣ. Вельможи слѣдовали примѣру короля, нарекъ и великолѣпныя резиденціи создавались за городскою чертой, грандіозные остатки которыхъ можно видѣть и въ настоящее время. Но маленькихъ помѣстій не существовало, нѣсколько разбогатѣвшихъ буржуа одни рѣшались строить себѣ дачи; большинство проживало въ городѣ. Тщетно стали бы искать искромсанныхъ полей нашего времени, клочковъ земли, распределенныхъ между тысячею рукъ, сотенъ небольшихъ домиковъ, нѣтъ которыхъ каждый окруженъ садикомъ, обнесеннымъ стѣной. Должна была произойти революція для того, чтобы наступилъ раздѣлъ имуществъ и чтобы вокругъ Парижа выросли какъ грибы буржуазныя виллы, построенныя на отрывкахъ отъ обширныхъ парковъ прежнихъ временъ.

Наши отцы не любили деревни или по крайней мѣрѣ любили ее не по нашему. Литература, служащая оттелоскопомъ правды, ни словомъ не обмолвилась въ семнадцатомъ столѣтіи о страсти къ природѣ, охватившей ихъ въ концѣ семнадцатаго вѣка и съ тѣхъ поръ постоянно возрастающей. Если мы станемъ искать въ книгахъ того времени какихъ-нибудь данныхъ о прелестяхъ парижскихъ окрестностей и объ удовольствіяхъ, какими пользовались парижане того времени— мы ничего объ этомъ не найдемъ. Приходится довольствоваться знаменитымъ стихомъ м-ше Дезюльеръ, толкующемъ про „des bords fleuris qu'arrose la Seine“. Вотъ и все. Эти „bords fleuris“—единственное, чѣмъ почтилъ тотъ вѣкъ восхитительные берега рѣки, малѣйшіе закоулки которой прославляются въ настоящую минуту. Самъ Лафонтенъ, поэтъ наиболѣе отзывчивый на природу своего времени, не обмолвился ни однимъ стихомъ по поводу парижскихъ окрестностей, хотя довольно часто посѣщалъ ихъ; правда, въ его произведеніяхъ сохранился какъ-бы ароматъ отъ нихъ, но тщетно было бы искать хотя бы одного описанія. Правда, біографіи нѣкоторыхъ писателей сообщаютъ намъ нѣкоторыя подробности; мы знаемъ, что Вюало жилъ въ Отёйль и что его друзья: Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ по временамъ собирались у него; позднѣе мы узнаемъ, что Вольтеръ родился въ Шатенъ и что у Скаррона была дача въ Фонтенъ-О-Розъ. Но все это очень смутныя свѣдѣнія и помощью ихъ трудно воссоздать сельскую жизнь прошлыхъ вѣковъ.

Я думаю, что слѣдуетъ держаться того, что я говорилъ выше. Одно дворянство, обладатели колоссальныхъ состояній, владѣли всей землей и вели въ своихъ замкахъ ту же жизнь, что вели и въ Парижѣ въ своихъ отеляхъ. Позднѣе, финансисты, высшая буржуазія

тоже стали приобретать помѣстья. Дача, какъ мы ее понимаемъ, временное пристанище, куда приглашаютъ переночевать ночь, была неизвѣстна. О природѣ въ книгахъ не говорили, потому что она не была гуманизирована и потому что къ ней относились индифферентно, какъ къ чему-то низшему. Не это не значило, чтобы ее не любили; ее, конечно, любили, охотно пользовались ею, гуляли, не придавая деревьямъ столько значенія, чтобы о нихъ стоило говорить. Нужно было, чтобы явился Руссо для того, чтобы наступило всеобщее умиленіе и всѣ принялись обниматься съ дубами, какъ съ братьями. Въ настоящее время наша страсть къ полямъ родилась изъ великаго натуралистическаго движенія въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Мы уже больше не требуемъ разукрашенной природы; версальскій паркъ надоедаетъ намъ и вѣшаетъ; обширныя королевскія резиденціи слишкомъ просторны для современныхъ королей и императоровъ, которые уже не придерживаются въ деревнѣ пышной обстановки Людовика XIV. Переворотъ полный и мы любимъ деревню такой, какой она есть; мы ищемъ въ ней убѣжища отъ города, а не перетаскиваемъ съ собою городъ.

Руссо, котораго я только-что называлъ, одинъ изъ первыхъ сталъ умиляться передъ всякой былинкой. Воспоминаніе о немъ еще живетъ въ Эрменонвилѣ, прелестной долины Монморанси, такой тѣнистой и орошаемой такими чистыми водами. Извѣстно, что маркизъ де-Жиранденъ предложилъ ему гостепримство въ помѣстьѣ, купленномъ имъ въ 1763 г. Этотъ маркизъ де-Жиранденъ—любопытный типъ первыхъ поклонниковъ природы. Онъ безумствовалъ въ своемъ паркѣ, обрабатывалъ пески, осушалъ болота и, въ концѣ-концовъ, создалъ великолѣпнѣйшее помѣстье, какое только можно видѣть. У него были свои собственныя помятія о живописномъ. Тогдашній взглядъ на него казался ему слишкомъ симметричнымъ и слишкомъ тожественнымъ. Онъ мечталъ о томъ, чтобы вернуться въ природѣ, къ подражанію дикой природы, но, видѣвъ съ тѣмъ, онъ желалъ ее и украсить, и пополнилъ свой паркъ искусственными развалинами, поддѣльными хижинами, поддѣльными гробницами и тамъ-и-сямъ на камняхъ стояли латинскія двуступи и французскія четверостишія. Это типично, въ этомъ выражаются пробуждающіеся вкусы той эпохи, лепетъ романтизма при его появленіи на свѣтъ Божій. Замокъ Эрменонвилъ разрушенъ; но еще и по сіе время въ паркѣ можно видѣть гротъ, каскадъ, островъ по срединѣ озера, эрмитажъ, храмъ философіи и „памятникъ прежней любви“. Въ павильонѣ, сосѣднемъ съ замкомъ,—павильонѣ, уже больше не существующемъ—умеръ Руссо. Онъ прожилъ въ немъ только шесть недѣль и былъ похороненъ на островѣ тополей, откуда въ 1794 г. его бранныя останки перенесены въ Пантеонъ. Гробница его существуетъ и по-нынѣ на островѣ.

Я распространился о помѣстьяхъ Эрменонвилъ потому, что оно составляетъ эпоху въ исторіи нашей страсти къ деревнѣ. Романтизмъ готовился вдохнуть душу въ природу. Поддѣи съ Шатобрианомъ, съ Ламартиномъ, съ Викторомъ Гюго мы вступаемъ въ пору поэтического пантеизма, установившаго братство между людьми и неодушевленными міромъ. Въ первыхъ стихотвореніяхъ Виктора Гюго находятся весьма умилительныя стихи объ одномъ уголкѣ парижскихъ окраинъ. Поэтъ часто ѣздилъ къ Вертэнанъ, у которыхъ была усадьба въ Бьеврѣ, маленькомъ селеніи, расположенномъ въ драгестивой долинѣ, между Мёдономъ и Верьеромъ. Впрочемъ, это единственный уголокъ, воспитанный имъ. Ламартинъ говорилъ лишь о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился. Надо сказать, что окрестности Парижа, такія тихія и привѣтливныя, не созданы для лирической поэмы.

Одинъ писатель очень популяризировалъ парижскія окрестности. Я говорю о Поль-де-Кокѣ. Несомнѣнно, что онъ наиболѣе содѣйствовалъ тому, чтобы вытолкнуть мелкихъ людей за черту укрѣпленій. Безъ сомнѣнія, въ его время толчокъ уже былъ данъ и онъ рассказывалъ про деревенскіе циклики, на которыхъ участвовалъ. Но своими романами, которые такъ читались и такъ нравились буржуазному и рабочему классу, онъ ввелъ въ моду эти циклики, прославилъ нѣкоторые пункты парижскихъ окрестностей. Онъ одинъ изъ первыхъ писателей, у котораго окрестности Парижа играютъ значительную роль и описаны весьма точно и подробно. Конечно, литературное достоинство всего этого не велико, но сколько добродушія, и какъ ощутительно, что онъ описываетъ истинныя происшествія, приправляя ихъ комической шуткой! Это уже не лирическій поэтъ, малѣйнепреклоненный предъ великими лѣсами; это самъ парижскій буржуа, относящійся къ деревнѣ съ добродушіемъ непритомливой кумушки и требующій отъ нея прежде всего свободы и свѣжаго воздуха. Никто еще не описывалъ такъ вѣрно сельскую жизнь, мелкихъ буржуа и мелкихъ торговцевъ. У него совершенно точно описаны парижскія окрестности при Луи-Филиппѣ.

Очень любопытно познакомиться по Поль-де-Кокъ съ тѣмъ, чѣмъ были Булонскій и Венсенскій лѣса пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Туда совершались прогулки на ослѣхъ, тамъ обѣдали на травѣ; гуляющимъ случалось вразвѣду заблудиться въ нихъ и ихъ приходилось разыскивать. Конечно, все переѣнилось въ настоящее время. Ослы исчезли изъ Булонскаго лѣса, уступивъ мѣсто экипажамъ всего свѣтскаго Парижа. Можно, пожалуй, и теперь отобѣдать на травѣ, но сторожа будутъ косо смотрѣть на васъ. Что же касается до того, чтобы заблудиться, то это очень хитро, такъ какъ всѣ чащи расчищены, вездѣ проведены аллеи, лужайки превращены въ цвѣтники.

Поэтому я не сомневаюсь, что найдут там уединения, потому что их весьма легко накроет полиция. Знаменитый пруд Отёйя, о котором Поль-де-Кокъ говорит намъ объ отдаленномъ и дикомъ мѣстѣ, въ настоящее время кажется ближайшимъ сосѣдомъ аристократическаго бассейна въ Тюльери.

Но любимая окрестность романиста, куда онъ безпрестанно возитъ своихъ героев—это Роменвилъ. Тутъ мы остаемся у воротъ Парижа, туда можно дойти пешкомъ, слѣдуя по большой бульварской дорогѣ, теряющейся среди полей съ земляникой и сиренью. Способы передвиженія были тогда не очень еще многочисленны и побывать въ Роменвилѣ было тогда гораздо труднѣе, чѣмъ теперь съѣздить въ Фонтенбло или въ Мантъ. Поль-де-Кокъ съ умиленьемъ говоритъ о Роменвилскомъ лѣсѣ, гдѣ были цѣлыя рощи сиреней. Въ настоящее время этотъ лѣсъ срубленъ, и надо усиленно воображать, чтобы представить себѣ его былую прелесть. Парижъ подвинулся съ этой стороны, и теперь мы видимъ тамъ большую голую равнину, на которой вдоль дороги выросли безобразныя постройки. Это предѣлы съ его труженичествомъ и нищетой. Прелестными остались лишь поля съ земляникой, о которыхъ я упоминалъ выше, поля, окруженные живыми изгородями. Однако нѣсколько боскетовъ все еще сохранилось, но тихо и стали бы мы искать рощъ изъ сиреней, изъ которыхъ влюбленные возвращались, увѣчанные цвѣтами. Кабачки закрылись, молодежь перекочевала на другое мѣсто.

И тутъ встаетъ вопросъ замѣтить, что мода на увеселительныя сельскія мѣста уменьшается каждая пятьдесятъ лѣтъ. Сколько пѣсенокъ написано было на Роменвилѣ, нинѣ забытый и безлюдный! Робинзонъ, группа кабачковъ воиѣ Со, о которыхъ я говорилъ дальше, смѣнили Роменвилъ въ началѣ второй имперіи. А въ настоящую минуту и Робинзонъ отдѣляется: мода перебросилась въ другое мѣсто. Упомяну также объ Анверѣ и Вуживалѣ, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ у Поль-де-Кока, и которые въ такой модѣ въ настоящее время. Какъ я уже говорилъ, способы передвиженія, умножаясь, переносили гуляющихъ все дальше и дальше отъ Парижа. Со всѣхъ сторонъ выросли увеселительныя мѣста.

Здѣсь я долженъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что открытіе парижскихъ окрестностей принадлежитъ живописцамъ. Они еще болѣе, чѣмъ Поль-де-Кокъ, содѣйствовали тому, чтобы публика узнала ихъ и полюбила. Это цѣлая исторія, связанная съ исторіей нашей натуральной школы пейзажа. Когда Франсъ, Коро, Добиньи бросили классическую формулу и стали рисовать свои пейзажи съ натуры, они смѣло отправлялись, съ мѣшкомъ за спиной и тростью въ рукѣ, отыскивать новые виды. И имъ не пришлось забираться далеко: случалось, что они съ перьями же версты наткнулись на прелестныя

мѣста. Франсы и нѣкоторые изъ его пріятелей отырыли Мѣдонъ. До тѣхъ поръ никто не подозрѣвалъ о прелести Сенискихъ береговъ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Парижа. Добинны, поздне, изучилъ всю рѣку отъ Мѣдона до Манта, и сколько отырытій сдѣлалъ онъ на этомъ пути: Шатонъ, Буживаль, Мезонъ-Лафитъ, Конфланъ, Андретъ! До того времени парижанамъ неизвѣстны были даже имена этихъ деревушекъ. Пятнадцать лѣтъ спустя такая толпа нахлынула на нихъ, что живописцамъ пришлось бѣжать дальше. Такимъ образомъ Добинны, прогнанный толпой съ Сены, искалъ убѣжища на Уазѣ, въ Аньерѣ, между Понтуазомъ и Иль-Аданъ. Корбъ довольствовался Виль-д'Авре, гдѣ у него были пруды и высокія деревья. Толчокъ былъ данъ: окрестности Парижа все болѣе и болѣе становились извѣстны съ каждой выставкой картинъ! Тутъ совершался не только художественный переворотъ, но еще и выразился протестъ противъ туристовъ, которые ищутъ красивыхъ мѣстополюженій вдаль, когда у нихъ есть подъ руками восхитительныя. И какъ удивилась публика! Какъ, неужели у воротъ Парижа можно видѣть такіе прекрасные пейзажи! До тѣхъ поръ никто ихъ не видѣлъ. Все устремились малопомалу въ этотъ новый міръ и на каждомъ шагѣ ждалъ новый сюрпризъ. Окрестности были завоеваны.

То было время дешевыхъ постоялыхъ дворовъ, уединенныхъ береговъ, долгихъ часовъ труда на лонѣ природы. Надо было слышать рассказы Добинны объ этой эпохѣ, въ послѣдніе годы его жизни. Въ селеніяхъ вамъ отводили жилище и кормили васъ за три франка въ день; въ настоящее время то и другое обойдется въ восемь, девять франковъ. И при этомъ вы царили безусловно, бесспорно надо всеми островами Сены, гдѣ можно было проводить долгія недѣли, не встрѣтивъ ни души. Добинны заказалъ себѣ разъ лодку съ палубой, на которой устроилъ комнату, служившую ему вѣстѣ столовой, спальней и мастерской и въ этой лодкѣ онъ проживалъ на Сенѣ и Уазѣ, плавая вверхъ и внизъ по рѣкѣ, какъ ему вздумается, бросая якорь и берясь за кисть, когда ему понравится какой-нибудь пейзажъ. Въ настоящее время берега Сены срисованы со всѣхъ пунктовъ и я приведу, какъ курьезъ, идею, которая пришла въ голову одному изъ нашихъ живописцевъ—Ниттису: онъ заказалъ себѣ экипажъ, напоминающій фуры фокусниковъ, которыя мы видимъ на ярмаркахъ, и устроилъ въ ней мастерскую, такъ что можетъ переноситься на всѣ пункты Парижа и снимать на мѣстѣ различные мѣстополюженія города. Этотъ экипажъ—родная сестра лодки Добинны. Но только реализмъ сталъ еще рѣшительнѣе; живописцы перешли отъ деревъ къ домамъ и отъ зеленыхъ аллей къ улицамъ, нарисованнымъ шумомъ отъ пѣшеходовъ и экипажей.

.. Поездъ живописцевъ идутъ любители катаній на лодкахъ въ рядѣ

парижских окрестностей. Страсть къ греблѣ—страсть необыкновенная. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ея не существовало и въ поминѣ. Этотъ родъ спорта пришелъ, должно быть, изъ Англіи, а любовь къ деревнѣ развила его чрезмерно. Начиная отъ Аньера и до Пуасси, по воскресеньямъ въ особенности, рѣка покрывается лодками. У каждого гребца свой особенный костюмъ, своя куртка и беретъ; дѣлать слышатся пѣсни, крики, а на вечерахъ прибрежныя кабачки берутся приступить, гребцы напиваются и даже случается и помереть. Нѣтъ болѣе въ средѣ парижанъ, какъ гребцы; этотъ „genre“ требуетъ грубости. Замѣчено, что люди самые вѣжливые, когда они находятся на сушѣ, дѣлаются нестерпимо грубыми, понавѣ на воду. Впрочемъ, гребцы держатся воды, и ихъ не встрѣтишь ни одного, отступая на одинъ километръ отъ рѣки. Итакъ, они дѣйствуютъ въ довольно ограниченномъ районѣ парижскихъ окрестностей. Но они побѣденно завладѣли открытіями живописцевъ и прославили всѣ прибрежныя деревушки шумомъ, какой въ нихъ заводили. Аньеръ, Армантейль, Буэваль извѣстны теперь въ Европѣ, благодаря пѣснямъ, которыя обѣжали всѣ наши улицы, и благодаря шумнымъ пикникамъ, которые въ нихъ устраиваютъ всѣ гуляки и кутяки.

Вотъ вамъ историческій очеркъ страсти къ сельской жизни, которая мало по-малу овладѣла всѣмъ Парижемъ. Я помѣтилъ только главныя черты; но эти замѣтки могутъ дать достаточное понятіе о нашемъ отношеніи къ деревнѣ. Теперь приведу два примѣра, разскажу двѣ прогулки по этимъ зеленымъ и прелестнымъ окрестностямъ.

III.

Я помню, какія длинныя прогулки совершали мы, Поль и я, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Верьерскомъ лѣсу. Поль былъ живописецъ. Я уже служилъ въ то время приказникомъ въ одномъ книжномъ магазинѣ, былъ очень бѣденъ, совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ имя мое еще ни разу не появлялось въ печати. Я писалъ стихи въ эту эпоху, очень дрянные стихи, которыя валялись у меня въ столѣ и пролежать тамъ до скончанія вѣка. Съ четверга я уже начиналъ мечтать о воскресеньѣ, со страстью двадцатилѣтняго малаго, выросшаго на югѣ, на свѣжѣмъ воздухѣ и съ отчаяніемъ выноснаго снающую жизнь въ четырехъ стѣнахъ. Воскресенье было единственнымъ свободнымъ днемъ. Во время дня вмѣстѣ съ Полемъ мы любѣляли всю окрестность города Э, исколесили весь окрестокъ во всѣхъ направленіяхъ и зачастую спали подъ открытымъ небомъ. Въ Парижѣ мы не могли возобновить этихъ длинныхъ

прогулокъ, потому что надо было помнить о понодѣльницѣ, о невозможномъ срокѣ, когда отирывался магазинъ. Мы уѣзжали съ первыми утренними поѣздами въ воскресенье, чтобы выбраться пораньше за черту городскихъ укрѣпленій.

Это было цѣлое путешествіе. Мы жили тогда въ кварталѣ Обсерваторіи и вотъ почему постоянно ѣздили въ Верьерскій дѣсъ: станція желѣзной дороги, идущей въ Со, была по сосѣдству, и намъ стоило только пройти часть улицы Енфер. Поѣздъ забиралъ съ собой всѣ принадлежности для рисованья. Я вложилъ въ карманъ книгу. Поѣздъ шелъ вдоль рѣчки Бьевръ, этой воюющей рѣчки, катящей ржавую воду сосѣднихъ военныя заводовъ, шитый проѣзжалъ черезъ унылую равнину Монрушъ, съ основаніи боротый, пересѣкавшихъ горизонтъ. Затѣмъ показывался Вистръ на холмѣ, напротивъ тонелей. Эта удивительная желѣзная дорога въ Со была построена съ специальною цѣлью испытать такіе поѣзды, которые ѣзжаютъ по очень крутымъ подъемамъ и описываютъ весьма закругленныя дуги. Полагаю, что опытъ оказался неудачнымъ, потому что я больше нигдѣ не видѣлъ такихъ дорогъ. Такую дорогу можно устроить лишь для очень незначительныхъ разстояній и толчекъ на ней довольно ощутительны. Но какое намъ было дѣло до дорожныхъ удобствъ. Высунувши голову въ окно, мы съ наслажденіемъ вдыхали первый запахъ травы, доносившійся до насъ. Мы забывали при этомъ весь міръ, забывали Парижъ, оставшія позади насъ, и радостно вступали въ тотъ рай, о которомъ мечтали цѣлую недѣлю.

Обыкновенно мы не доѣзжали до Со; мы предпочитали сойти на станціи Фонтенъ-О-Розъ. Тамъ есть великолѣпная аллея. Затѣмъ мы сворачивали въ поля, открывъ прелестную тропинку вдоль небольшого ручейка. Тамъ было прелестно. Направо и налѣво шли цвѣточные поля, поля, засѣянные геліотропами и главное—розами. Мѣстность населена садоводами, выращивающими на своихъ поляхъ дивные кусты, подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ крестьяне выращиваютъ хлебъ. Гуляешь среди ароматовъ, между тѣмъ какъ женщины собираютъ въ корзинки розы, анютины глазки, лаванду, гвоздику, которая въ тѣлѣхъ увозится затѣмъ въ Парижъ.

Къ восьми часамъ мы приходили къ теткѣ Сансъ. Кажется, что въ настоящее время этой доброй женщины нѣтъ болѣе въ живыхъ. Тетка Сансъ держала просторный трактиръ на дорогѣ въ Фонтенъ-О-Розъ, въ Робинзонѣ, почти на помпуги. Съ этимъ заведеніемъ была связана цѣлая легенда. Рассказывали, что цѣлая группа живописцевъ-реалистовъ пустила его въ ходъ въ 1845 г. Курбъ царицы тамъ одно время; утверждали даже, что большая выѣзка на дворахъ, изображающая груди говядины, живности и овецъ, была частію произведеніемъ его кисти. Но несомненно то, что концы этого трактира

посли чудные рощи; гдѣ распивали изъясненное вино въ глиняныхъ кружкахъ и ѣли славишіеся своимъ вкусомъ похлебки изъ кроликовъ. Тамъ мы поѣдали свой первый завтракъ, подъ прохладной сѣнью деревь, на столѣ, почернѣвшемъ отъ дождя и безъ скатерти. Въ этотъ часъ мы были единственными посѣтителями въ трактиръ среди озабоченныхъ слуганокъ, вѣловинъ кроликовъ, выпивавшихъ для предстоящаго дня. Мы завтракали яйцами, сыромъ и продолжали нашу прогулку, избѣгая большихъ дорогъ и шестуя полями. Я никогда не забуду, какъ я завтракалъ у тети Сансъ въ чудные, весенніе, солнечные дни.

Однако становилось жарко. Мы сѣвшили впередъ, оставляя Робинзонъ по правую руку отъ себя. Намъ приходилось проходить мимо громадныхъ полей съ земляникой, прежде нежели доберемся до Оне. Послѣ рощъ, земляника. Ее разводятъ въ ожалотѣхъ, вмѣстѣ съ фиалками. Тамъ продаютъ фиалки на фунты, и отбавиваютъ ихъ на старшихъ, ржавыхъ вѣсакъ. Земляника очень велика, очень красна и по воскресеньямъ цѣлая семья вывѣшена съ салатниками въ рукахъ, и разсыпана по краямъ дороги, наѣдаются земляничкой до отвала. Наконецъ, мы приходимъ въ Оне, деревушку, гдѣ нѣсколько домиковъ столпилось на краю дороги. Тамъ начинался лѣсъ и мы вступили справа въ знаменитую Волчью Долину, прославленную пребываніемъ Шатобриана. Сначала приходится подниматься по довольно крутому скату между двумя пальсадами; справа и слева растутъ великолѣпныя каштановыя деревья, и основно подобраютъ ихъ клонды въ аллеѣ. Затѣмъ дорога поворачиваетъ назадъ и вступаетъ въ настоящую пустыню, въ живописное ущелье; уходящее вѣтъ за столѣ отъ Парижа. Дорога точно будто пробивается сквозь востаную каменистую; съ обѣихъ сторонъ возвышаются песчаные скалы, и вы ступаете по желтому песку, тонкому какъ пыль. Затѣмъ ущелье расширяется, утѣсы возвышаются посреди рощъ, снукающихъ уступами. Тамъ-то, въ глубинѣ узкой долины, находится прежнее помѣстье Шатобриана; его жилище носитъ романтическій характеръ, которому невозможно диниться; овалыя окна, готическія башенки, какъ будто налѣплены на самый буржуазный домъ. Паркъ очень обширенъ и очень красивъ, отличается неожиданными неровностями почвы, придающими ему живописность. Въ долинѣ есть еще другой домъ, который показываютъ туристамъ; это—домъ, гдѣ долго жила мать Анри-де-Латушъ, византропъ, ненавидѣвшій людей. Но вотъ дорога идетъ въ гору и становится все болѣе дикой; слева видѣются обрывы и овраги, кривыя сосны растутъ среди утесовъ; въ жаркіе июльскіе и августовскіе дни можно вообразить, что очутились въ одномъ изъ утѣлковъ Мрованса. Но вотъ вы доходите до горной площадки и внезапно передъ вами открывается обширный видъ; то

снова пала съ землиной, но только они тнются на безконечномъ разстоянн, а на горизонтѣ видѣется черная линия Верьерскаго лѣса.

И вотъ, если вы пойдете по площадкѣ къ лѣсу, то будете наслаждаться самой обширной панорамой, какой только можете желать. Подъ ногами видѣется вся долина Бьевра, затѣмъ безконечный рядъ холмовъ, теряющихся въ лиловой и туманной дали. Ближе видѣются селенія, ряды тонолей, бѣлыя точки домовъ, обработанныя поля, раздѣленные на небольшіе четырехъ-угольники, похожіе на куртку арлекина, раскрашенную всѣми оттѣнками зеленого и желтаго цвѣтовъ. Никогда еще не чувствовалъ я такъ живо всю громадность пространства. Небо представляется какинъ-то безбрежнымъ океаномъ.

Девять часовъ, мы вступаемъ въ лѣсъ. Первое время, хотя лѣсъ и не особенно великъ, — мы легко могли въ немъ заблудиться, такъ какъ онъ очень густъ. Я помню, что разъ мы задумали углубиться въ самую чащу, чтобы сократить дорогу — и два часа вертѣлись на одномъ мѣстѣ, пока не выбрались на дорогу. Цель задумалъ было вѣсть на дерево какъ мальчикъ съ пальчикъ, чтобы раззнать дорогу; но оцарапалъ себѣ руки и увидѣлъ лишь море зеленыхъ верхушекъ, колеблемыхъ вѣтромъ и теряющихся вдали.

На знаю болѣе очаровательнаго лѣса. Длинныя аллеи его пероси тонкой травой, и она стелется надъ ногами точно бархатный зеленый коверъ. Аллеи приводятъ къ круглымъ площадкамъ, въ зеленыхъ залахъ, надъ которыми высокія деревья, похожія на колонны, раскидываютъ свои верхушки, точно зеленый шатеръ. Туда вступаемъ точно въ какой-то храмъ. Но я еще больше любилъ небольшія тропинки, тѣсныя аллеи, которыя вели въ самую чащу. Онѣ походили на корридоры изъ зелени. На концѣ, когда они были прямо, видѣлся дальній свѣтъ, круглая, свѣтлая точка, точно въ глубинѣ тупика. Другіе шли извивами до безконечности въ зеленоватыхъ полу-свѣтѣ. Тамъ были также прелестныя просѣки съ высокими, стройными березами, зеленыя лужайки съ царствовавшими дубами.

Между всѣми этими убѣжищами одно насъ особенно плѣнило. Разъ, исхлѣдивъ весь лѣсъ, мы набрали на прудѣ, вдали отъ всякой дороги. Этотъ прудъ весь заросъ тростникомъ, вода въ немъ заросла зеленой тниой, и мы прозвали этотъ прудъ „зеленымъ“, но зная его настоящаго названія, которое я узналъ впоследствии. Этотъ прудъ называется „la mare à Chalot“. Рѣдко видать я болѣе уединенный уголокъ. Надъ прудомъ росли деревья съ самой разнообразной зеленью: одна была свѣтлая и прозрачная, какъ кружево, другая — впадала почти въ черный цвѣтъ. И всѣ эти вершинки отражались въ стальной поверхности пруда. Ни одна жукъ не рѣбала поверхности

воды. Глубокое безмолвіе, ненарушимый покой царствовали въ этомъ зеленомъ уголку. Таинственной прелестью дышали высокія деревья.

Зеленый прудъ сталъ подъ конецъ цѣлью всѣхъ нашихъ прогулокъ. Мы чувствовали къ нему любовь поэта и живописца. Мы просто влюбились въ него и проводили наши воскресные дни на тонкой муравѣ, окружавшей его. Поля начали срисовывать его: на первомъ планѣ воду съ большими плавающими травами; деревья же отступали въ глубь, точно театральныя дѣйствія. Я же лежалъ на спинѣ и клалъ возлѣ себя книгу; но я не читалъ, а глядѣлъ на небо, свисавшее голубыми кружевами сквозь чашу листвы, и исчезавшее, когда вѣтеръ колебалъ листву деревъ. Ужасъ, солнечныя полосы прорѣзывались сквозь листву, точно золотыя мячики, и бросали на мураву яркіе блики, медленно перемѣщавшіеся. Я проводилъ здѣсь цѣлыя часы безъ скуки, перекидываясь шутками съ своимъ спутникомъ, и по временамъ, закрывъ глаза, мечталъ, облитый смутнымъ и резвымъ свѣтомъ.

Мы подегу просиживали тутъ, завтракали, обѣдали и только сумерки прогоняли насъ. Мы дожидались, чтобы косые лучи солнца зажгли пожаръ въ лѣсу. Надъ верхушками деревъ загоралось пламя и, отражаясь въ пруду, заливало его кровавымъ отблескомъ. Ночь наступала, а стальная поверхность пруда продолжала свѣтиться; можно было бы подумать, что у нее есть свой собственный блескъ, потому что онъ сверкалъ въ ночи, какъ брилліантъ, и мы глядѣли на этотъ таинственный блескъ, напоминавшій намъ бѣлое тѣло богини, купающейся при лунѣ. Но наде было возвращаться въ Парижъ и мы проходили по засыпающему лѣсу. Туманъ окутывалъ его чаще; на просѣкахъ черныя пни деревьевъ выдѣлялись на пурпурномъ небѣ; въ аллеяхъ уже стояла ночь, и ночь, поднимаясь отъ зелени, медленно окутывала верхушки высокихъ дубовъ. Въ этотъ торжественный вечерній часъ замирали послѣдніе лѣсные звуки, высокія деревья медленно раскачивались во снѣ, утопленные травы засыпали.

Мы выбирали широкія дороги, чтобы не заблудиться. Шаги наши заглушались муравой и, въ концѣ-концовъ, мы не видѣли больше другъ друга. Затѣмъ, когда мы выходили изъ лѣса, то наступало какъ-бы пробужденіе. На площадѣ было еще совѣтн свѣтло. Мы оборачивались, чтобы въ послѣдній разъ поглядѣть на темную массу, которую оставляли позади себя. Обширная равнина, у подошвы горной плещадки, расстилалась, окутанная голубоватымъ туманомъ, сгущавшимся въ углубленіяхъ и переходившимъ въ лимонный цвѣтъ. Послѣдній солнечный лучъ озарялъ дальній холмъ, переходившій на поле со зрѣлыми колосьями. Серебристая полоска Вьевра сверкала какъ галунъ между тополями. Минувъ правую руку Волчью-Долину, мы шли вдоль плещадки до дороги въ Робинзонъ;

спускавшейся вдоль холма. И какъ только мы спускались, такъ до насъ долетали смѣхъ румяныхъ, обѣдавшихъ подъ деревьями.

Тамъ, вдоль дороги, растутъ гнѣзныя капитановыя деревья, сын и толпины необыкновенной. Одному антрепренеру пришло въ голову устроить ресторанъ подъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ изъ этихъ деревьевъ. Вѣтъ послужили естественными стропилами. Настлали три пола, устроили три залы, одну надъ другой, соединенныхъ между собой винтообразными лѣстницами. Успѣхъ былъ громадный, все Парижъ захотѣлъ отобѣдать въ деревѣ Робинзона. На немъ стали слогать куплеты, мода ухватилась за него. Послѣ того другіе рестораторы стали подражать первому; со всѣхъ сторонъ капитановыя деревья превращались въ залы ресторановъ; затѣмъ присоединились наконецъ для стрѣльбы въ цѣль, всякаго рода игры, непрерывная ярмарка, на которой во всепрессыя толпились толпы народа. Робинзонъ находился всего лишь на разстояніи четверти часа отъ Со, а станція желѣзной дороги въ Со, въ Парижѣ, примыкала къ Латинскому кварталу. Главнымъ образомъ молодежь Латинскаго квартала стала ѣздить сюда на пикники. Гуляки изъ окрестностей Пантеона и Сорбонны, Мини Пемсонъ изъ квартала Сентъ-Жанъ толпами стекали сюда, наводили этотъ уголокъ и наводили его странности гвалтомъ.

Всѣ любимыя студентскія парочки перебивали въ Робинзонѣ. До смѣхъ перъ еще еще не выжили изъ моды. Дѣти ѣздить въ веселой компаніи туда, гдѣ шировали изъ отмы.

Я помню нѣкоторые вечера. Мы проходили черезъ Робинзонъ, возвращаясь изъ Верьерскаго лѣса, изъ любовничества, какое намъ внушило это шумное веселье. Ночь спускалась, въ деревьяхъ заигрывали огни, и изъ нихъ доносился стукъ вилокъ; поднимались, бывало, голову и шеей того колокольного гнѣзда, гдѣ такъ громко чеканится и заливаются такимъ продолжительнымъ хохотомъ. Сухой трескъ изъ винтовъ минутами перебывалъ послончатые баллы шармапокъ. Другіе, обѣдающіе внизу у дороги въ рощахъ, смѣялись надъ нощъ прокожины. Народъ ми останавливались тутъ, и дожидались послѣдняго похода.

И какъ пріятель былъ обратный путь, свѣтломъ ночью. Какъ только мы отдалялись отъ Робинзона, шумъ стихалъ. Парочки, идущія на станцію желѣзной дороги, медленно двигались. Подъ деревьями видѣлись только бѣлыя платья женщинъ, легкія кисеиные платья, проносившіяся точно туманъ, поднимавшіяся съ земли. Воздухъ былъ теплый и ароматный. Смѣхъ проносился народъ въ воздухѣ трепетной нотой, и среди тишины звуки слышались съ необыкновенной отчетливостью и порой съ другияхъ дорогъ доносились женскіе голоса, шавѣвавшіе модными пѣсенками, купность которыхъ

смягчалась и получала невыразимую прелесть въ мягкомъ венецианскомъ воздухѣ. Жуки летали и собиравали деревьями: какое-то мушкетёрство. Въ жаръ эти, тяжёловѣсные твари спали до самой ночи, а теперь стукались о радары вхожихъ и вставали къ нимъ на лапы. Въ одинъ вечеръ, я помню, ихъ было такъ много, что они застилали воздухъ, точно рой пчелъ; и женщины вскрикивали и быстро убегали; шума юбокъ, а вдали, вѣроятно въ трактирѣ тѣти Сансъ, кто-то наигрывалъ на трубѣ фанфару, какъ-бы доносимую изъ глубины легендарнаго лѣса и звывающую тихой прустою.

Ночь становилась еще темнѣе, смѣхъ сменялся рыдомъ, и только видны были въ темнотѣ газовые фонари на стаяхъ. Фонтен-О-Розъ.

На станціи происходила давка. То была маленькая станція съ очень тѣсной застой для лубяны. Въ тѣ дни, когда налетала гроза, что часто бывало, уставшие путники задыхались въ ней. Въ тѣ вечера, когда погода бывала хороша, дожидались поѣзда надъ открытымъ небомъ. Всѣ женщины уловили съ собою поклажи цѣнтовъ. Въ ожиданіи поѣзда смѣхъ и говоръ возобновлялись. Затѣмъ, забившись въ вагоны, придумывали новую забаву: часто съ одного конца вагона и до другого путешественники затѣвывали одну и ту же нѣсню: устранивался концертъ, заглушавшій стукъ колесъ и шипѣніе локомотива. Цѣлѣ напоили вагонъ, женщины, сѣдая, прислонили голову къ плечу своихъ кавалеровъ; а пѣніе все не умолкало. То молодость, ослѣпленная весной, возвращалась въ Парижъ.

Ахъ! гдѣ вы чудные воспресные дни, которые я проводилъ въ окрестностяхъ Парижа, когда мнѣ было двадцать лѣтъ отъ роду! Вы остались однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Ослѣпѣвъ покуда я знавалъ другія радости, но нѣтъ выше счастья какъ быть молодымъ и вырваться на одинъ день на великую волю среди высокихъ лѣсовъ.

IV.

Цоль и я, мы гораздо поздне въ познакомились съ Сеной. Съ цѣлей теплою живописью отъ открыты, въ 1866 г., мальчикъ, прелестный уголокъ на самомъ берегу рѣки. Букивалъ восхитительный, съ его лѣсистыми холмами и его островомъ, пересеченный высокими деревьями. Въ Сентъ-Жерменѣ и съ его знаменитой террасы открывались самые прекрасные виды въ мірѣ; Пуасси — одинъ изъ самыхъ хорошихъ уголковъ рѣки, тамъ есть цѣлая группа острововъ и между ними соединенные и тѣсные каналы; но Букивалъ, Сентъ-Жерменъ и Пуасси и много другихъ извѣстныхъ мѣстностей имѣли то неудобство, для насъ, что въ нихъ страдала толпа народа, въ нихъ мѣшала-

нишли буржуа. А намъ нужно было безопасное убѣжище, дѣйстви-
тельный край, гдѣ бы рѣка принадлежала намъ однимъ.

То была маленькая деревушка, довольно отдаленная отъ жгѣзвой
дороги и куда не ходилъ ни одинъ omnibusъ. Приходилось идти
пѣшкомъ съ добрую милю, что и объясняло ея уединенность. Дома
выстроены были какъ канало, на высокомъ берегу; однако, въ поло-
водье часто случалось, что рѣка вторгалась въ жилища и они
должны были посѣщать другъ друга въ лодкахъ. Лѣтомъ къ Сепъ
велъ скать, покрытый дервомъ, и гдѣ пересѣкалось много тропи-
нокъ. Мы открыли тамъ тоже добродушнаго дворника, который от-
давалъ въ наше распоряженіе весь свой постоянный дворъ. Посѣти-
тели рѣдко заглядывали въ нему въ теченіи недѣли; только по
воскресеньямъ у него останавливались кое-кто изъ крестьянъ; поэтому
онъ былъ радъ толпѣ парижанъ, гостившихъ у него по цѣлымъ не-
дѣлямъ. Я оставилъ должность прикащика и часто убѣгалъ въ
Парижа и проживалъ въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока спѣшныя дѣла
не призывали меня обратно въ городъ. Мы были-таки порядочные
буяны, но дворникъ былъ снисходителенъ; онъ сдѣлалъ только ту
ошибку, что съ каждымъ годомъ увеличивалъ свои цѣны, и обратилъ
насъ, наконецъ, этимъ въ бѣгство. Впрочемъ, фигуры буржуа по-
казались на нашемъ горизонтѣ, а этого одного было достаточно, чтобы
мы убѣжали безъ оглядки.

Но славная жизнь эта длилась три года; въ продолженіи трехъ
лѣтъ мы были вѣстелинами страны. Постоянный дворъ былъ маленький;
когда насъ являлась слишкомъ большая компанія, то приходилось
нѣкоторымъ размѣщаться по крестьянскимъ избамъ. Я нашелъ со-
бѣ комнату у кузнеца. Я до сихъ поръ помню эту просторную комнату,
съ ея полосатыми дубовыми панелями, ея выбѣленными стѣнами,
на которыя старшая дочь кузнеца налѣпила картины, съ каминемъ
изъ гипса, на которомъ красовались предметы роскоши крестьян-
скаго быта: бумажные цвѣты подъ стеклянными колпаками, золоче-
ныя коробки, выгравныя на ярмаркахъ, раковины, привезенныя
изъ Гавра. Чтобы взобраться на кровать, надо было подставить лѣ-
сенку. Въ комнатѣ пахло чистымъ бѣльемъ, убраннѣмъ послѣ послѣд-
ней стирки въ шкапъ. Кузнецъ уступалъ мнѣ комнату своей старшей
дочери, и въ ней висѣли еще на гвоздяхъ ситцевыя юбки и полот-
няныя кофточки. Пріятель подсмѣивался надо мной, говоря, что
вожусь съ юбками. Сказать по правдѣ, гардеробъ этой крестьянки
смущалъ меня немного. Я иногда изъ любопытства заглядывалъ въ
шкапъ и рассматривалъ висѣвшіе тамъ предметы. Что за Бобашинъ
пояса ея платяныя не были бы слишкомъ узки и для меня, и двухъ
париженокъ можно было завернуть въ ея кофточку. Разъ вечеромъ
я нашелъ ея корсетъ подъ грудой салфетокъ: я былъ пораженъ: то

была настоящая кираса, сложенная стѣна изъ китоваго уса и такая большая, что свободно могла схватить торсъ Венеры Милосской. Впрочемъ, она вышла замужъ за мясника изъ Пуасси, на второй годъ нашего пребыванія и я больше ея не видѣлъ. По утрамъ, въ четыре часа, ласточки, свившія гнѣздо въ трубѣ, будили меня своимъ рѣзкимъ щебетаньемъ. Я снова засыпалъ однако, но съ шести часовъ меня оглушалъ страшный шумъ; внизу кузнецъ принимался за свою работу. Комната моя приходилась какъ разъ надъ кузницей. Мѣхи рычали, точно буря, молотъ мѣрно падалъ на наковальню, весь домъ дрожалъ подъ эту музыку. Въ первыхъ утра въ особенности я долженъ былъ вставать; но впоследствии я привыкалъ къ шуму, и когда, бывало, очень устану, то стукъ молотовъ даже убаюкивалъ меня.

Жизнь мы вели самую простую. Мы ѣли три раза въ день. По утрамъ мы пожирали, набрасывались, какъ голодные волки, на хлѣбъ съ сыромъ. Въ полдень намъ давали мясо. Наконецъ, вечеромъ насъ угощали кушаньями изъ капусты, похлебками и соусами, такими густыми, что ложка стояла въ нихъ. Но вино въ особенности было оригинально. Это то вино, которое воздѣлывается въ окрестностяхъ Парижа, жидкое и отдающее запахомъ кремня. Проглотивъ первую рюмку, невольно сдѣлаешь гримасу; кажется, какъ будто глотаешь укусъ. Затѣмъ привыкаешь и находишь его, наконецъ, очень вкуснымъ. Оно немножко деретъ горло, но къ этому скоро привыкаешь. На голодный желудокъ кусокъ домашнего хлѣба и стаканъ этого вина покажутся очень вкусными.

Хорошенько поѣсть за нашими тремя трапезами — составляло главную заботу дня. Въ остальное время мы ничего не дѣлали, предаваясь безусловной лѣни. Я валялся на спинѣ. Одно только занимало насъ: рѣка. Мы прїѣзжали сюда только для Сены и на Сенѣ проводили всѣ свои дни. Въ три года мы не совершили ни одной прогулки по окрестностямъ, тогда какъ не было ни одного островка, ни одного рукава, ни одного залива вдоль рѣки, которыхъ бы мы не знали.

У нашего хозяина была лодка и онъ предоставлялъ ее въ наше распоряженіе. То была лодка нѣсколько тяжеловѣсная, построенная, кажется, въ Гаврѣ, съ одной скамьей для гребцовъ, но въ ней могло помѣститься пять или шесть человѣкъ. Должно быть, она была крѣпкая, если выдерживала тѣ жестокія испытанія, какими мы ее подвергали. Мы толкались ею о берега безъ всякой пощады, переплывали черезъ деревня, повалившіяся въ рѣку, заводили ее въ пески, да такъ глубоко, что намъ приходилось лѣзть въ воду и изъ всей мочи отпихивать ее съ мели. Она только трещала на все это, и это насъ смѣшило.

Порой, чтобы испытать ее, какъ мы говорили, мы толкали ее на большіе камни сильными ударами вёселъ. Мы падали навзничъ, до того силенъ бывалъ ударъ; но лодка не сдавалась и мы были въ восторгѣ. Чудо, какъ это мы не охрекнулись двадцать разъ въ воду. Съ нами никогда ничего не случалось, мы даже ни разу не замочили себѣ ногъ. Не знаю, подозрѣвалъ ли хозяинъ, какиѣ испытанія подвергали ми его лодку, но я помню, что выдалъ его задумчиво и усиленно разсматривавшимъ лодку въ такіе часы, когда онъ думалъ, что мы его не видимъ. Онъ нагибался, внимательно осматривалъ ее, ощупывалъ, какиѣ поврежденія могла она претерпѣть. Впрочемъ, онъ никогда ни одного слова не проронилъ намъ объ этомъ, и довольствовался тѣмъ, что грустилъ про себя и увеличивалъ наши счеты въ отместку за испытанія, которыми мы подвергали его лодку.

Такимъ образомъ, въ первые дни мы устраивали безумныя катанья и рисовали двадцать разъ потому. Мы выдѣлывали всащескія школьничества. Разъ Поль ухватился за вѣтку ивы, подъ которой мы плыли, гребецъ налегъ на вёсла, и Поль повнелъ надъ водой. Его оставили въ такомъ положеніи на добрую четверть часа; ему удалось вскарабкаться и ухватиться на новой вѣткѣ. Въ другой разъ, когда намъ случилось проплывать вдоль берега, поросшаго тернистыми кустарниками, гребецъ, выбравъ самую непроходимую тропу, со всего размаку направлялъ въ нее лодку; тогда всѣ принимались кричать; приходилось выпутываться изъ западни, что не всегда бывало легко. Я уже не говорю про классическія шалости, про товарищескія, высоченныя и пониженныя на какомъ-нибудь островѣ, или про понычье-гребца, или вѣтъ силъ старающагося отчалить отъ берега въ то время, какъ свадя него какой-нибудь шалуунъ держитъ руками за вѣтку плавающей ивы, растущей на берегу. Такимъ образомъ, время проходило въ непрерывныхъ шуткахъ, на какія только способны парижане, вырвавшіеся на волю и ведущіе жизнь дикарей.

Мало-по-малу мы утомлялись, бывало, и тихо наслаждаемся мирной прелестью рѣки. Сена въ этомъ мѣстѣ просто прелесть. Оба берега раздвигаются и рѣка образуетъ обширный бассейнъ, — а на немъ врасуются три острова; первый, сѣвнй, — очень длинный, тянется на разстояніи слишкомъ двухъ километровъ; второй образуетъ рукавъ въ триста метровъ, не болѣе, а третій — просто-на-просто круглая грядка земли, увѣнчанная бескомомъ нѣжъ высокихъ деревъ. Впрочемъ, всѣ три острова выросли высокими деревьями. По лѣвому берегу Сены тянутся громадныя, водѣланныя поля; по лѣвому — идетъ холмъ, увѣнчанный косятами лѣсомъ.

Мы проплывали вверхъ по теченію за острова, вдоль берега, чтобы меньше уставать; затѣмъ, доплывъ до конца бассейна, вы-

плывали на средину рѣки, бросали весла и предоставляли теченію вести нашу лодку. Она медленно и безшумно спускалась. Мы же, лежа на лавкахъ, разговаривали, курили.

Спускался потихонько, мы вступали, наконецъ, въ рукавъ рѣки, между двумя островами. Тамъ было еще утише. Высокія деревья, склоняя свои верхушки, превращали рѣку въ большую садовую аллею. Надъ головами видѣлась узкая полоска неба, а вдали передъ собой мы видѣли серебристое теченіе Сены, отдаленные холмы, колокольню какой-нибудь глухой деревушки. По правую и по лѣвую руку, на островахъ, послѣ косыбы, зеленѣли лужайки, залитыя косыми лучами заходящаго солнца, пробивающимися сквозь стволы деревьевъ. Зимородокъ вскрикивалъ, пролетая надъ водой. Въ деревьяхъ щебетали горлянки и всякія другія пичужки.

Въ устьѣ одного изъ каналовъ мы обыкновенно купались. Тамъ было дно, покрытое тончайшимъ пескомъ, съ золотымъ отливомъ. Мы раздѣвались подъ деревьями безъ всякихъ церемоній, потому что прохожіе бывали очень рѣдки, и по цѣлымъ часамъ барахтались въ водѣ.

Что касается рыбной ловли, то она требовала слишкомъ много терпѣнія и неподвижности. Мы перепробовали всѣ снаряды. Удочка очень скоро утомила насъ; мы были слишкомъ неопытные рыбаки; мы воображали, что достаточно забросить крючокъ въ воду, чтобы поймать рыбу, — поэтому мы ничего не могли поймать. Разъ, помню, однако, я выудилъ нѣсколько пискарей — и очень гордился этимъ. Ловить рыбу сѣтями казалось намъ еще труднѣе. Поль выдумалъ болѣе удобную ловлю, но запрещенную и требовавшую нѣкоторой смѣлости. Бунаясь, онъ отправлялся вдоль берега, гдѣ вода зачастую доходила ему по-горло, и когда натывался на ямку, то смѣло запускалъ туда руку. Нерѣдко ему приходилось засовывать руку по самое плечо. Въ глубинѣ, при его приближеніи, укрывалась рыба. Такимъ образомъ нерѣдко случалось ему поймать какую-нибудь прекрасную рыбу. Долженъ прибавить, что его часто кусали при этомъ и что никто изъ насъ не рѣшался ему подражать, изъ боязни натолкнуться въ рѣкѣ на страшныхъ чудищъ.

По ночамъ — въ особенности въ лунныя ночи — мы любили также отправляться въ сосѣднюю деревню по водѣ, вверхъ по теченію, и возвращались поздно вечеромъ, около полуночи, отдаваясь теченію. Лодка плыла внизъ по теченію съ легкимъ плескомъ, среди глубокаго безмолвія. На блѣдно-голубое небо всплывала луна, озаряя поверхность воды передъ нами серебристымъ свѣтомъ. И ничего не было видно, — оба берега, съ ихъ полями, утопали во мракѣ, но съ этихъ темныхъ полей, которыхъ не было видно, долетали минутами

отдаленные голоса, крикъ ночной птицы, кваканье лягушки, трепеть сонных полей. И мы глядѣли, какъ луна серебрила слѣды нашей лодки, опустивъ горячія руки въ прохладную воду.

Когда я возвращался въ Парижъ, то во мнѣ оставалось ощущеніе колебаній лодки. По ночамъ я часто видѣлъ во снѣ, что гребу, что черная лодка уноситъ меня, среди мрака, внизъ по теченію. Я возвращался въ Парижъ очень грустный. Въ продолженіи двухъ дней я глухо досадовалъ, вспоминая про свободные часы, пржитые мной. Мостовая улицъ выводила меня изъ себя и, проходя по мостамъ, я бросалъ на Сену взглядъ ревниваго любовника, исполненнаго тревоги и страстной тоски. Затѣмъ жизнь брала свое, — надо было жить. Дѣло поглощало меня всего, и я снова вступалъ въ великую житейскую битву.

V.

Я не могу распространяться долѣе о своихъ прогулкахъ. Достаточно если я рассказалъ о двухъ. Но сколько есть еще другихъ прелестныхъ уголковъ вокругъ Парижа — и, говоря объ его окрестностяхъ, необходимо хотя вскользь упомянуть о нихъ.

Выше города, отъ Верси до Фонтенбло, берега рѣки не такіе лѣсистые. Она тутъ гораздо шире и течетъ между голыми равнинами; острова тоже рѣже попадаются на ней, — ровные берега покрыты хорошо обработанными полями. И все-таки мѣстность восхитительная! У воротъ Парижа, при сліяній Сены и Марны, Шарантолъ поставилъ рядъ своихъ бѣленькихъ и веселыхъ домиковъ; затѣмъ Шуази-Меруа раскидывается среди зелени на холмистомъ лѣвомъ берегу. Но жемчужиной этого края является Вильневъ-Сенъ-Жоржъ — аристократическая мѣстность, гдѣ буржуазныя виллы необыкновенно кокетливы; улицы баснословной чистоты; троттинки всѣ посыпаны пескомъ, какъ садовыя аллеи; пронасть деревьевъ, берега рѣки поросъ шелковистой муравой, воздухъ чистый, точно въ паркѣ, и на немъ вырѣзываются красныя крыши нащипныхъ навильоновъ. Съ своей стороны, я предпочитаю природу менѣе опрятную и менѣе приличную. Но понимаю, что тѣ буржуа, у которыхъ есть дача въ Вильневъ-Сенъ-Жоржъ, гордятся этимъ. Жювизи, въ нѣсколькихъ километрахъ оттуда, тоже очень тѣнистое и прохладное мѣсто. Но и тутъ царитъ буржуазія. Надо доѣхать до лѣса въ Фонтенбло, чтобы найти уединеніе. Прибавлю, что Сена вверхъ по теченію гораздо менѣе посѣщается гуляющими, нежели Сена внизъ по теченію. Это, очевидно, обусловливается отдаленностью станцій лійонской и орлеанской желѣзной дорогъ, которыя расположены такъ далеко отъ центра города. Надо три четверти часа времени, чтобы доѣхать въ экипажѣ

отъ Оперы до этихъ станцій; я говорю, конечно, про фіакры. Тогда какъ сентъ-лазарская станція, которая поддерживаетъ сообщеніе со всей нижней Сеной, у всѣхъ подъ рукою.

Нельзя представить себѣ тоже ничего прелестнѣе береговъ Марны. Жуанвиль-Ленонъ по воскресеньямъ наводняется гребцами. Но въ Вареннъ-Сентъ-Моръ много тѣни и большое уединеніе. Паромъ перевозитъ гуляющихъ съ одного берега на другой. По ту сторону рѣки возвышается холмъ, пересѣченный весьма живописными тропинками. Марна — болѣе узкая, чѣмъ Сена, — очень красива. Она протекаетъ среди травъ и рощъ, которыя мѣстами такъ густы, что совершенно скрываютъ ее отъ глазъ.

Уаза, напротивъ того, катитъ свои свѣтлыя воды на просторѣ. Я упоминалъ про Аньеръ, маленькое мѣстечко, которое открылъ живописецъ Добиннъ, между Понтуазомъ и Иль-Аданъ. Рѣчка очень мила въ этомъ мѣстѣ. Понтуазъ смахиваетъ на провинціальный городъ и гуляющіе туда не заглядываютъ. Не то слѣдуетъ сказать про Андрезъ, — селеніе, расположенное у слиянія Уазы и Сены. Это опять одинъ изъ пріятнѣйшихъ пунктовъ парижскихъ окрестностей, украшаемый слияніемъ двухъ рѣкъ, образующихъ одинъ огромный бассейнъ, осыненный великолѣпными деревьями, не считая великолѣпнѣйшихъ луговъ, какіе только можно видѣть, — не считая зеленыхъ острововъ, которые тянутся градою отъ Конфлана-Сентъ-Оноринъ до Пуасси. Поэтому это исключительное положеніе привлекаетъ парижанъ. Тамъ настроятъ дачъ и придадутъ всей мѣстности характеръ нарядности, который немного портитъ ее въ моихъ глазахъ. Скоро для того, чтобы найти уединенную тропку, придется пробираться до Руана.

Но не одни только берега трехъ рѣчекъ посѣщаются публикой. Слѣдуетъ даже замѣтить, что толпа охотѣе всего устремляется въ самыя безобразныя мѣста. Такимъ образомъ по воскресеньямъ равнина Сентъ-Дени, эта плоская равнина, гдѣ не встрѣчается ни одного дерева, наводняется гуляющими. Рабочіе преимущественно посѣщаютъ ее съ своими семьями, потому что она начинается у самого предмѣстья того же имени. Равнина Сентъ-Дени знаменита въ увеселительныхъ лѣтописяхъ Парижа. Эта первая окраина, куда ходилъ веселиться средневѣковой Парижъ. Въ настоящее время ее предоставили для престопаго и послать кого-нибудь прогуляться на равнину Сентъ-Дени, значитъ отрицать въ немъ всякое художественное чувство и обозвать лавочникомъ.

Но шуткамъ нѣтъ конца, когда зайдегъ рѣчь объ охотникахъ. Мелкіе торговцы и лавочники, живущіе въ Парижѣ и питающіе несчастную страсть къ охотѣ, никакъ не могутъ забираться дальше на-

рижскихъ укрѣпленій; отъ этого они въ такомъ множествѣ попадались на равнинѣ Сентъ-Дени нѣсколько лѣтъ тому назадъ; въ настоящее время ихъ такъ просмѣли, что они забираются дальше. Надо сказать, что рѣдкая дичь, водившаяся тамъ, не замедлила перевестись. Послѣдній заяцъ, убитый тамъ, обратился въ легенду. Можно цѣлый годъ ходить по всѣмъ тропинкамъ взадъ и впередъ, не увидѣвъ и признака кролика. Каррикатуры изображаютъ трехъ охотниковъ, которые спорятъ изъ-за несчастнаго жаворонка. Самые воробьи обратились въ бѣгство. Туристы проѣзжаютъ равнину Сентъ-Дени не иначе какъ по желѣзной дорогѣ, чтобы осмотрѣть соборъ Сентъ-Дени. Но я скажу, что, несмотря на свои голыя поля, Сентъ-Дени мнѣ довольно нравится. Давно тому назадъ мнѣ случалось отлично завтракать тамъ.

Далѣе, по той же линіи, находится Ангьенъ съ его озеромъ. Это мѣсто тоже очень посѣщается публикой. Вокругъ озера выстроили много хорошенеккихъ дачъ; но я замѣтилъ, что владѣльцамъ ихъ, принадлежащихъ болѣею частію къ міру литературы и театра, очень скоро надоедаютъ ихъ жилища; черезъ два-три года они продаютъ ихъ. Тутъ есть воды, которыя славятся своей цѣлебностью отъ горловыхъ болѣзней. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть воды, населеніе постоянно мѣняется. Можетъ быть, владѣльцы, продающіе свои дачи, просто больные, которые выздоровѣли. Во всякомъ случаѣ Ангьенъ—одна изъ самыхъ тѣнистыхъ и аристократическихъ окрестностей Парижа, какъ и Сентъ-Жерменъ и Вильневъ-Сентъ-Жоржъ.

Я упоминалъ раньше о Вуживалѣ, но ничего не сказалъ о томъ, какія прекрасныя помѣстья существуютъ тамъ вдоль Сены. Тамъ вашъ знаменитый романистъ, Тургеневъ, проводитъ часть лѣта въ домѣ, который онъ для себя выстроилъ нѣсколько времени тому назадъ. Дальше, въ Марли-Леруа находится замокъ Вердюронъ, построенный Мансаромъ, передѣланный при Людовикѣ XVI и который принадлежитъ въ настоящее время Викторьену Сардѣ. Авторъ „La Famille Benoiton“ круглый годъ живетъ въ немъ; въ Парижѣ у него только небольшой pied-à-terre. Въ Марли же у него царское помѣщеніе.

Возвращаясь къ Вуживалу, гдѣ въ воскресенье надо непременно посѣтить Гренульеръ. Знаменитая Гренульеръ—одна изъ парижскихъ диковинокъ. Такъ называется кафѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заведеніе водъ, устроенное напротивъ Вуживала, на берегу острова Круаси. Кафѣ съ его стульями и столами помѣщается на большомъ плоту, крѣпко привязанномъ къ берегу. Каюты для купающихся устроены назади и въ воду бросаются съ двухъ платформъ, расположенныхъ по обѣ стороны плота. Иные фантазеры забираются на кровлю кафѣ и оттуда бросаются въ воду. Посѣтители кафѣ созерцаютъ этотъ прыжокъ и

брызги воды обдають ихъ порою. Оригинальный характеръ этого мѣста заключается въ невѣроятной свободѣ рѣчи и манеръ, которую тамъ ввели въ моду при имперіи. И не слѣдуетъ думать, чтобы грязный порокъ ютился тамъ; нисколько: самыя модныя актрисы, самыя видныя львицы пріѣзжали туда въ коляскахъ; рассказываютъ даже, что знатныя дамы и сама императрица пожелали видѣть заведеніе, о которомъ толковалъ весь Парижъ. Общій тонъ его посѣтителей былъ самый легкомысленный. Даже тѣ дамы, которыя претендовали на благовоспитанность, вели себя очень развязно „для шика“. Въ настоящее время Гренульеръ нѣсколько опошлится, и камелии, посѣщающія его, не имѣютъ своего экипажа.

Точно также отошли на задній планъ увеселительныя прогулки въ Мёдонъ. Десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, всѣ любовныя интриги по лѣвую сторону рѣки завязывались въ Мёдонѣ. Побѣда, начатая въ Парижѣ, довершалась тамъ, послѣ тонкаго обѣда въ эрмитажѣ Вилльбонъ. Мёдонскіе холмы возбуждаютъ самыя веселыя мысли. Великій образъ Рабле какъ будто все еще носится надъ ними. Это по преимуществу парижскій лѣсъ, который видѣнъ съ набережныхъ и изъ нашихъ улицъ и куда легко дойти пѣшкомъ для мало-мальски хорошаго хода. Онъ былъ прелестенъ, пока въ немъ не прорубили множество просѣкъ, но и по сіе время въ немъ есть трѣпистые уголки. Я часто обѣдалъ тамъ на травѣ, возлѣ свѣжихъ ручейковъ.

Таковы парижскія окрестности, милыя окрестности, которыя я исходилъ въ былое время пѣшкомъ и воспоминаніе о которыхъ незыблемо въ моей душѣ. Послѣ полей Прованса, гдѣ я выросъ, эти лѣса, воды, луга вдохнули въ меня любовь къ природѣ. На югѣ мнѣ было привольнѣе, я былъ дикъ и суровъ среди сожженныхъ полей и скалъ, на которыхъ росли только тиміанъ да лаванда. Тамъ, безъ сомнѣнія, воцѣлилась въ меня необузданная любовь къ свободѣ и упорство воли и фантазій. Поездѣ зеленныя и мирныя окрестности Парижа укротили меня. Я умирался духомъ среди этой зелени, сверкающей каплями росы, этихъ прелестныхъ и веселыхъ видовъ, и тамъ, должно быть, научился тонкому анализу и передать всѣхъ неуловимыхъ чертъ дѣйствительной жизни. Угрюмый и мечтательный ребенокъ сталъ методическимъ, спокойнымъ и разсудительнымъ малымъ. И вотъ какимъ образомъ меня воспитали двѣ природы, одинаково мной любимыя; вотъ какимъ образомъ я принадлежу и югу и сѣверу, югу — черезъ отца, уроженца Венеціи, и сѣверу — черезъ мать, явившуюся на свѣтъ божій близъ Версаля.

Эмиль Зола.

НАЧАТКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОЛИДАРНОСТИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

— *Новина*. Роман И. С. Тургенева. С рускаго превоо Пера Тодоровичъ. Свеска друга. У Новоме Саду. 1878. („Мала Библиотека“. IV).

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы упоминали о первомъ выпускѣ сербскаго перевода „Нови“. Въ настоящей книжкѣ переводъ оконченъ. Въ концѣ книги почтенный переводчикъ присоединилъ „Поговоръ“, или послѣсловіе, гдѣ старался выяснить своимъ читателямъ общественное значеніе сюжета, выбраннаго Тургеневымъ, и качества исполненія. Не по примѣру другихъ славянскихъ писателей, обыкновенно очень мало знающихъ русскую литературу, г. Тодоровичъ говоритъ видимо съ знаніемъ ея условій и умѣлъ достаточно правильно понять и представить отношеніе автора къ сюжету его романа.

Правда, и здѣсь найдется слѣдъ той односторонности или исключительности въ точкѣ зрѣнія автора, о которой мы упомянули въ прошлой замѣткѣ, по поводу перваго выпуска. Но вообще трудъ г. Тодоровича производитъ пріятное впечатлѣніе,—именно какъ опытъ и начало серьезнаго ознакомленія сербскихъ читателей съ настоящей дѣйствительностью русской жизни и литературы.

Для насъ и для западныхъ славянъ взаимное знакомство подобнаго рода было до сихъ поръ только дѣломъ немногихъ дилеттантовъ и специалистовъ. Съ обѣихъ сторонъ много говорилось о нашемъ племенномъ единствѣ, объ исторической роли славянства, о его грядущемъ могущественномъ значеніи въ цѣлой человѣческой цивилизаціи—прекрасные сны, которымъ современность, увы, пока мало отвѣчала. Есть эти племенные инстинкты, есть религіозныя и историческія связи,—но послѣднія событія, которыя совершались во имя этихъ инстинктовъ и связей и которыя, при известныхъ условіяхъ, дѣйствительно могли бы стать великимъ историческимъ фактомъ,—показали, что этимъ связямъ чего-то недостаетъ, и недостаетъ чего-то круннаго. Событія принесли много прискорбныхъ разочарованій, не только въ политическомъ ходѣ вещей, но даже въ самихъ личныхъ встрѣчахъ людей родныхъ племенъ. Русскіе не понимали сербовъ и болгаръ, и недовольны ими; сербы и болгары не понимали русскихъ, и недовольны ими. Въ чемъ же дѣло, какъ этому помочь?

Оставляя въ сторонѣ ходъ военныхъ и политическихъ событій, въ которыхъ дѣйствовало множество различныхъ, общихъ и личныхъ, элементовъ,—въ пережитыхъ теперь между-славянскихъ отношеніяхъ было просто много взаимнаго непониманія. Соплились два міра, хоти родственные, но слишкомъ раздѣленные своими нравами, хотя сочувствующіе другъ другу, но прошедшіе слишкомъ непохожую исторію, и теперь очень мало знающіе другъ друга. Очевидно, что тѣ понятія другъ о другѣ, съ какими встрѣчались люди разныхъ племенъ, въ концѣ-концовъ должны были отразиться и на практическихъ отношеніяхъ, не только частныхъ и мелкихъ, но и общихъ и самыхъ крупныхъ, какъ, напр., обнаружилось это на характерѣ русскаго гражданскаго управленія въ Болгаріи.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что славянство преувеличивало обширность и характеръ славянскихъ сочувствій въ Россіи,—и не только болгары, которымъ некогда было думать объ этомъ и которые искали какой-нибудь помощи, но и сербы, и остальные славяне, которые остались только зрителями борьбы. Славянство увлеклось словомъ „освобожденіе“ и облекло освободителей идеальными качествами, какія представляло себѣ въ теоріи свойственными освободителямъ. Походъ русскихъ добровольцевъ въ Сербію показалъ, что въ этотъ идеалъ слѣдуетъ добавить значительную долю прозы; но къ началу войны идеализмъ явился вновь—и нерѣдко въ формѣ той же довольно грубой самонадѣянности, какая явилась въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ, предавшихся минно-патріотическому самохвальству. Правда, дѣлались политическіе расчеты: какъ взглянетъ Европа или что сдѣлаетъ Англія, Австрія, Пруссія; но обыкновенно славянству (какъ и большинству нашихъ соотечественниковъ) не приходило въ голову разбирать, какъ поставленъ вопросъ въ самой Россіи; насколько въ ней единогласны мнѣнія о славянскомъ вопросѣ и о войнѣ; какія эти мнѣнія; какіе взгляды и почему господствуютъ въ наиболѣе вліятельной сферѣ; наконецъ, не приходило въ голову разбирать, что дѣлается въ самой внутренней жизни русскаго государства и общества. Словомъ, упускались изъ виду очень существенные пункты для опредѣленія положенія вещей ¹⁾.

¹⁾ Самне нелишне образчики неразумія представило извѣстное львовское „Слово“. Намъ встрѣтилась недавно статья этой газеты по поводу объявленія войны („Воодушевленіе въ Россіи“, Слово, 1877, № 42): минно-славянскіе восторги рядомъ съ полицейскими доносами на „ничтожствъ“ (съ коннотацией лицъ), малыхъ у насъ не возмозила бы себѣ ни одна, наименѣе уважающая себя газета. Это—не только глупость, но и гадость. Этотъ же „органъ“, вычитавши или прослывавши о нѣкоторыхъ статьяхъ „Вѣстника Европы“ по поводу славянскаго вопроса, объявилъ, что „В. Е.“ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ турецко-польскій журналъ. Какіе нравы, какой сумбуръ въ понятіяхъ!

Берлинское рѣшеніе сербо-болгарскаго вопроса превозмало въ славянскомъ мірѣ сильное недоумѣніе, огорченіе, раздраженіе. Въ Россіи берлинское рѣшеніе гораздо понятнѣе, чѣмъ въ славянскомъ мірѣ, — именно потому, что послѣдній не зналъ и еще не знаетъ нашихъ внутреннихъ отношеній, которыя дѣлали это рѣшеніе возможнымъ... Уже теперь слышатся голоса, и съ русской, и съ славянской стороны, что это рѣшеніе не можетъ, не должно остаться окончательнымъ, что балканское славянство нѣтъ разорвано, отдано подъ власть иноземцевъ, что многимъ частямъ его грозитъ гибель...

Къ сожалѣнію, здѣсь есть большая правда. Многое въ судьбѣ славянства облегчено, но въ другомъ оно, еще не очнувшееся отъ турецкаго ига, поставлено лицомъ къ лицу съ врагомъ болѣе цивилизованнымъ, но не менѣе наглымъ, и гораздо болѣе хитрымъ. Передъ началомъ настоящей войны одинъ изъ нашихъ ученыхъ славистовъ доказывалъ мысль, которая на первый взглядъ кажется вопиющимъ, бессмысленнымъ парадоксомъ — что турецкое иго было полезно балканскимъ славянамъ. Чѣмъ же полезно? Тѣмъ, что, угнетая физически, не истребляло морально; что, давая хотя слабо дышать народному православію и народному обычаю, спасало отъ нѣмецкаго чиновничества и католичества. Теперь Востокъ и Герцеговина отданы тому и другому. Болгарія подверглась неестественному дѣленію, и газеты уже приносятъ вѣсти о національно-болгарскомъ волненіи въ восточной Румелии, — къ которой принадлежитъ тотъ самый Филиппополь, гдѣ, передъ войной, всего сильнѣе было болгарское освободительное движеніе, гдѣ совершались страшныя убійства, давшія толчокъ къ объявленію самой войны.

Надо думать, что новая борьба начнется для южнаго славянства, новыя тревоги и волненія въ остальномъ славянскомъ мірѣ. Всего лучше было бы, еслибъ силъ самого юго-западнаго славянства достало вынести эту борьбу и завоевать свою свободу. Но трудно предположить это. Оно опять должно ждать помощи отъ Россіи; въ ея будущемъ Россія неизбѣжно опять будетъ играть большую роль; по всему вѣроятію народятся новые вопросы — для новыхъ племенъ, быть можетъ, вопросы послѣдней борьбы за существованіе.

Неужели, въ подобныхъ условіяхъ, можетъ оставаться между славянствомъ и русскимъ міромъ то странное отношеніе, какое было между ними до сихъ поръ — та слабая связь, основаніемъ которой были неясныя, хотя иногда сильныя инстинкты, тѣ мистическія или воиственныя мечты, которыя и прежде приводили и теперь снова приводятъ къ разочарованію.

Много говорилось о необходимости славянскаго, хотя бы нравственнаго единства, солидарности; но, кажется, никогда еще эта не-

обходимость не доказывалась такъ сильно реальными фактами. Идти теперь только оцѣнью и наугадъ будетъ уже напрестительно. Нужно, чтобы славянская „взаимность“ была не однимъ громкимъ словомъ, но и дѣломъ. Нужно изученіе взаимныхъ отношеній, — и не столько для насъ (потому что, какъ ни ограниченны знанія нашего общества о славянствѣ, въ нашей литературѣ гораздо больше свѣдѣній о славянскихъ народахъ, чѣмъ въ какой-либо отдѣльной славянской литературѣ — о Россіи), сколько для славянъ. Для нихъ — необходимость настоятельнѣе, по разнымъ причинамъ: для нихъ изученіе русской жизни болѣе сложно, — знаніе ея представляеть для нихъ политическую важность и интересъ, — наконецъ, это знаніе можетъ служить имъ коррективомъ при разнообразныхъ давленіяхъ германизации. Это послѣднее, кажется намъ, должно болѣе и болѣе чувствоваться. Въ самомъ дѣлѣ, мы хотя не считаемъ русской народности чистѣйшей водой славянскаго національнаго характера — такой абсолютно чистой національной воды нигдѣ не существуетъ, ни у славянъ, ни у другихъ европейскихъ народовъ сложной исторической жизни, — но думаемъ, что болѣе знакомство съ русскимъ народомъ, русской литературой дастъ западному и южному славянству такіа черты „славянскаго духа“, которыя могутъ вызвать въ нихъ собственныхъ національныхъ представленійъ симпатическіе элементы и извѣстнымъ образомъ обновить и освѣжить. Намъ кажется, что сопоставленіе русской литературы съ другими славянскими даетъ поводъ къ подобному ожиданію.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ не разъ говорилось о томъ, какія неполныя и часто странныя понятія о русской жизни господствуютъ въ западной славянской „интеллигенціи“. Съ своей точки зрѣнія и очень слабо представляя себѣ факты, напр., чешскіе патріоты обыкновенно дѣлили русскія направленія въ литературѣ и общественной жизни на „славянское“ и „не-славянское“, или даже „западное“, „нѣмецкое“. Выходило такъ, что первое представляли десять московскихъ славянофиловъ, а второе — вся остальная русская литература. Эта литература, какъ „западная“, не пользовалась благосклонностью у чеховъ, — они, разумеется, не имѣли объ ней и понятія. Съ голоса славянофиловъ они обыкновенно говорили о „нѣмецкой партіи“ въ Петербургѣ, хотя могли бы знать, что, напр., русскіе министры почти всѣ — самые русскіе, а образчикъ „московской“ партіи показалъ въ Болгаріи кн. Черкасскій. Нашими внутренними дѣлами интересовались на славянскомъ западѣ не очень много, повторяли избитыя фразы о наступленіи новой эры, но какъ она обнаруживалась, это было очень мало извѣстно. Русская литература, которая — при отсутствіи всякихъ иныхъ выраженій обще-

ственнаго. иѣнія—должна бы интересовала ихъ какъ единственный способъ познакомиться съ настроеніемъ, стремленіями русскаго общества, извѣстна западному славянству крайне отрывочно. Напр. о Тургеневѣ слышали, когда заговорили о немъ нѣмцы; о Некрасовѣ едва имѣютъ понятіе (у чеховъ есть переводы изъ него; въ сербской „Заставѣ“, напечатавшей статью, присланную изъ Петербурга, о Некрасовѣ нынѣшней весной, мы читали, потоки, печатный запросъ редакціи, существуютъ ли стихотворенія Некрасова въ отдѣльной книгѣ?); Щедрина знаютъ развѣ только по имени и т. п. Что переживала русская литература въ послѣдніи три-четыре десятилѣтія, какой знаменательный процессъ совершался въ ней, какъ и въ цѣлой русской жизни,—все это было и есть нашимъ братьямъ очень темно. Взаимнѣ того, газеты много толковали (напр. чешскія и галицкія; сербо-хорватскія занимались нами всего меньше)—на этотъ разъ съ нѣмецкаго голоса—о Катковѣ, какъ представителѣ какой-то „старо-русской“ партіи, о гибельномъ „нигилизмѣ“,—никогда не потрудившись подумать, откуда же взялось это направленіе и что оно можетъ означать—потому что оно должно же что-нибудь означать. Отвыкнувъ у себя дома или совсѣмъ непривыкнувъ къ критикѣ, они не могли разумѣть и русскаго критическаго движенія: они не церемонились трактовать его какъ „западное“, стало-бытъ, нерусское, вредное движеніе... Можно себѣ представить, какая выходила изъ всего этого путаница, какія жалкія *qui pro quo*, вредныя, конечно, всего больше для самой славянской интеллигенціи, лишавшей самое себя способъ истинной „славянской взаимности“. Во время польскаго восстанія, у чеховъ были партизаны и противники Польши; но они не сумѣли вѣрно понять дѣло ни тогда, когда защищали Польшу и бранили Россію, ни тогда, когда защищали Россію и бранили Польшу. Московскій съѣздъ 1867 г. довольно ясно показалъ западно-славянскимъ политикамъ, какъ смотритъ на вещи русское „славянское“ направленіе; но, по видимому, это не подѣлствовало, потому что при началѣ войны г. Алсаконъ еще разъ давалъ урокъ г. Ригеру...

Если славянство рассчитываетъ на сочувствіе въ Россіи, оно не должно ограничиваться одними надеждами на племенной или религіозный инстинктъ,—оно представляетъ только стихійную силу; эти тонкія дипломатическія соображенія,—эти соображенія слишкомъ легко обрываются: даже съ точки зрѣнія своего матеріально-политическаго интереса славянство должно заботиться о дѣйствительной солидарности образованія и общественныкъ нѣдѣй. До сихъ поръ слишкомъ часто бывало, что славянская „интеллигенція“ ни оставалась совсѣмъ равнодушною къ самымъ жизненнымъ огорченіямъ

нашего движенія, или даже становилась относительно его на точку зрѣнія чисто консервативную, или даже реакціонную. Можно положительно сказать, что это отталкиваетъ отъ славянства симпатіи многихъ лучшихъ людей общества и литературы; союзъ *такого* славянства кажется или лишней обузой, для насъ вовсе непривлекательной, или даже увеличивающей массу обскурантнаго груза, который у насъ и безъ того слишкомъ великъ; или кажется умственной ограниченностью, съ которой скучно имѣть дѣло. Но славянству не все равно — имѣть своимъ союзникомъ, или врагомъ, или равнодушнымъ русское общественное мнѣніе, а въ этомъ мнѣніи имѣютъ и будутъ имѣть не малое значеніе тѣ элементы русской литературы, о которыхъ славянство доселѣ такъ мало знало.

Уже сорокъ лѣтъ назадъ знаменитый Колларъ заговорилъ впервые о славянской литературной взаимности. Съ тѣхъ поръ дѣло еще немного двинулось впередъ: она существуетъ въ извѣстной степени въ области научныхъ изслѣдованій славянства, но очень еще слаба въ области литературы художественной и общественной. Въ шестидесятихъ годахъ эта слабая сторона, наконецъ, стала очевидна, и тогда, взявъ четырехъ славянскихъ нарѣчій, которыя, по мнѣнію Коллара, должны были существовать въ славянской литературѣ на подобіе четырехъ диалектовъ древняго греческаго языка, предложень былъ русскій языкъ, который въ качествѣ общеславянскаго литературнаго языка долженъ былъ дать разбившимся славянскимъ литературамъ столь необходимое для нихъ звено соединенія и залогъ силы. Но и это предложенье до сихъ поръ не имѣло почти никакого результата. Изученіе русскаго языка между славянами усилилось по естественному ходу вещей, но племена твердо стоятъ за необходимость своихъ частныхъ литературъ. И справедливо, потому что языка нельзя бросить какъ стараго платья, по желанію, и славянскія нарѣчія безъ сомнѣнія еще надолго останутся необходимыми органами своихъ литературъ. Если славянство приметъ когда-нибудь русскій языкъ, по-крайней-мѣрѣ для главнѣйшихъ произведеній литературы, имѣющихъ общеславянскій интересъ (что было бы, безъ сомнѣнія, очень полезно), это произойдетъ естественнымъ путемъ, постепеннымъ ростомъ самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланіями; а теперь (даже для успѣха этого самаго единства) необходимо стараться не объ этомъ, пока сомнительномъ вѣншнемъ и *формальномъ* единствѣ, а объ единствѣ и солидарности *содержанія*: образованности, общественно-политическихъ понятій, о соглашеніи частныхъ національныхъ идей.

Чѣмъ скорѣе въ славянскихъ литературахъ возникнетъ такое сознаніе и двинется работа въ этомъ направленіи, тѣмъ лучше и для

насъ и для славянства. Событія не будуть ждати нашихъ долгихъ сборовъ; враги западнаго и южнаго славянства владѣють достаточной энергіей и ни мало не наклонны къ сантиментальному мистицизму...

Съ этой точки зрѣнія мы и считаемъ трудъ г. Тодоровича пріятнымъ явленіемъ славянской литературы. Молодое поколѣніе сербскихъ писателей даетъ уже не первый примѣръ пониманія того, о чемъ мы говорили. Тотъ же г. Цера Тодоровичъ, какъ мы видѣли изъ газетныхъ объявленій, издалъ книжку „Русія и балканско питање“, заключающую переводъ съ русскаго нѣсколькихъ статей по балканскому вопросу, которыя должны быть любопытны для западно- и южно-славянскихъ читателей, такъ мало знающихъ наши внутреннія отношенія. Въ рядѣ изданій, гдѣ явился переводъ „Нови“, общается еще нѣсколько новѣйшихъ русскихъ произведеній, и съ біографіями авторовъ. Мы посовѣтовали бы редакторамъ этихъ изданій нѣкоторую осторожность въ обращеніи съ именами живыхъ авторовъ. Редакторы, кажется, довольно знакомы съ русскою литературой, и вѣроятно поймутъ нашъ совѣтъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Наконецъ, пожелаемъ сербскому изданію всякаго успѣха, какового оно заслуживаетъ по своей основной мысли, и посовѣтуемъ, чтобы оно, не увлекаясь какой-либо односторонней тенденціей, передало сербской литературѣ наиболѣе характерныя произведенія нашей литературы, которыя способны были бы ближе познакомить славянскую публику съ внутренними процессами и борьбой русской жизни,—объясняя сербскимъ читателямъ то, что можетъ быть имъ не вполне понятно.

Д.

ИЗВѢСТІЯ

І. ОВЪЯВЛЕНІЕ СОВѢТА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

Въ 1874 году, бывшимъ Петербургскимъ Отдѣломъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета на соисканіе преміи, учрежденной въ память А. Ѳ. Гильфердинга, была объявлена тема слѣдующаго содержанія:

Перевести по-русски и ближе держась подлинника, но съ соблюденіемъ требованій чистоты литературнаго языка, лѣтопись Яна Чариковскаго, архидьякона Гнѣзненскаго, по изданію Бѣлевскаго. Переводъ снабдить примѣчаніями. Въ введеніи представить жизнеописаніе лѣтописца и критическую оцѣнку его труда. Необходимые источники: сборники Догѣлла, Мучковскаго, Рольшевскаго, Тейнера, Гельцеля и проч. Важнѣйшія пособія: статья редактора въ изданіи Бѣлевскаго, Цейсберга: d. Polnische Geschichtsschreiber d. Mittelalters, Leipzig, 1873, прочія изслѣдованія объ этомъ лѣтописцѣ, указанныя у Цейсберга; исторія Польши и Угрии этого періода Каро, Хорвата, Салая, Фесслера, въ переработкѣ Клейна, соч. Рачкаго: Pokret na jugu Slaven-skot, Zagreb 1869 г. Срокомъ представленія сочиненій на эту тему было назначено 25 декабря 1875 г. Автору сочиненія предполагалось выдать 14 февраля 1876 г. триста р. съ сохраненіемъ всѣхъ авторскихъ правъ на рукопись. Между тѣмъ къ назначенному сроку сочиненій на эту тему въ бывшій С.-Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета доставлено не было. Вслѣдствіе сего Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества имѣетъ честь извѣстить, что срокъ на представленіе сочиненій на означенную тему продолженъ до 1 Апрѣля 1880 г., а выдача преміи до 11 мая того же года съ сохраненіемъ всѣхъ вышеупомянутыхъ условій, причѣмъ сочиненія на соисканіе преміи должны быть представлены въ Совѣтъ Общества у Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, безъ обозначенія имени автора, но съ номеромъ и девизомъ или эпиграфомъ. Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ, девизъ или эпиграфъ рукописи.

II. Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.

Въ теченіи перваго полугодія 1878 г. поступило на приходъ:

Членскихъ ежегодныхъ взносовъ. . . . 1263 р. 50 к.

Сборъ отъ концерта и 2-хъ публичныхъ

лекцій Профессора Тарханова. . . . 417 „ 70 „

Возвращено въ уплату ссудъ. . . . 280 „ — „

Единовременныхъ пожертвованій. . . . 2431 „ — „

Итого дохода съ 1-го января по 1-е іюля. 4342 р. 20 к.

Наиболѣе крупныя пожертвованія сдѣлали:

а) въ неприкосновенный капиталъ:

К. И. М. 1000 р., К. Д. и А. Θ. Кавелины и П. А. Брюлловъ въ память покойной С. К. Брюлловой, рожденной Кавелиной, 300 р.

б) въ расходный капиталъ:

Общество для распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи—300 руб., профессоръ К. А. Чербишевичъ 200 руб., господа Л. И. Стасюлевичъ, Н. К. Рутценъ, Н. Н. Т. и А. В. Станкевичъ по 100 руб.

За тотъ же періодъ произведено расхода:

Внесено за слушаніе лекцій и выдано въ срочныя и безсрочныя ссуды слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ 3,245 руб.

Къ 1-му іюля 1878 года, со включеніемъ остатка отъ 1877 года, состоитъ на лицо капитала: неприкосновеннаго—5,900 руб. и расходнаго—319 руб. 75 к.

Въ теченіи предстоящихъ мѣсяцевъ, до октября, членскіе взносы и пожертвованія *иногородныхъ* лицъ адресуются на имя Товарища Предсѣдателя общества, Николая Николаевича Тютчева (С.-Петербургъ, Литейная, 39).

Для удобства *столичныхъ* жителей взносы и пожертвованія въ пользу общества принимаются въ *Книжномъ магазинѣ* для *иногородныхъ* (Невскій проспектъ, 44) и въ *конторѣ* общества „Дружина“ (Невскій проспектъ, 68, входъ съ Фонтанки). Какъ въ магазинѣ, такъ и въ конторѣ вносимыя деньги записываются собственноручно жертвователями въ особыя шнуровыя книги. Впослѣдствіи казначеи общества высылаются квитанціи.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1878.

Книга седьмая. — Іюль.

	СТР.
Стихотворенія. I. Увядшіе листья. — II. Памяти N. — III. Засуха. — Н. М. МИНСКАГО	5
БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ въ обширномъ смыслѣ. — I-III. — И. И. МЕЧНИКОВА.	9
СТАРИННЫЯ ДАДА. — Разсказы и воспоминанія. — II. Березай. — А. Л.	48
СРЕДНЕАЗІАТСКАЯ КУЛЬТУРА и НАША ПОЛИТИКА на востока. — Туркестанъ. Путевныя замѣтки Евг. Скайлера. — IV-VII. — Окончаніе. — ЮР. РОССЕЛЯ	117
Стихотворенія. I. Изъ Эдгара Поэ: Страна сновъ. — II. Изъ Драммора. — С. А. АНДРЕЕВСКАГО	159
Последнія десять лѣтъ жизни П.-Ж. Прудона. — IX-XI. — Д. ЕВЪ.	168
НОВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ декаврѣскаго переворота. — Два тома „Исторіи преступленія“, В. Гюго. — II. — Окончаніе. — А. Э.	210
НАУКА и ЛИТЕРАТУРА въ современной Англіи. — Письмо восьмое. — А. РЕНЬЯРА.	260
ХРОНИКА. — Этанинъ лазаретъ Государяни Цесаревни въ турецкую кампанію 1877—78 года. — А. А. ГЕНА	297
Внутреннее овозраженіе. — Новый сводъ уголовной статистики за 1876 г. — Медленное развитіе нашей судебной территоріи. — Устойчивость формъ новаго свода и составныя его части. — Значеніе судебной статистики для министерства юстиціи. — Общая картина судебного дѣлопроизводства и ея частности. — Сумма преступности въ 1876 г., и ея распредѣленіе по родамъ преступленій. — Цифра религіозныхъ преступленій. — Кража и ея топографія. — Проценты оправданій и осужденій. — Значеніе уголовной статистики для законодателя. — Матеріалы для будущей уголовной статистики: апраксинское побойще и т. п.	321
ВОЗНИКНОВЕНІЕ торговый рынокъ въ 1877 году. — W.	341
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. — XXXVIII. — Французская школа живописи на выставкѣ 1878 года. — ЭМ. ЗОЛА.	371
Замѣтка. — Русская грамматика въ Англіи. — Д.	398
ПАРИЖЪ и ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА. — I-III. — НАБЛЮДАТЕЛЯ	400
ИСКРОЛОГЪ. — Махъ-Гаханъ. — А. П.	424
Извѣстія. — Отчетъ общества для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, за 1877 г.	427
Библиографическій листокъ. — Разыскатели истины. Ип. Панаева. — Сравнительная статистика Россіи и зап.-европейскихъ государствъ. Ю. Янсона. — Затѣшье и буря. Гр. А. Голенничева-Кутузова. — Хожденіе игумена Данила въ Св. землю. Изслѣд. М. Веневитинова. — О городскихъ налогахъ въ Москвѣ. М. Щенкина.	

КНИГА ВОСЬМАЯ.—Августъ.

	стр.
БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ ВЪ ОБЩЕПРІЯТОМЪ СМЫСЛѢ.—IV.—Окончаніе.—И. И. МЕЧНИКОВА.	487
Последнія десять лѣтъ жизни П.-Ж. Прудона.—XII-XIII.—Д.—ЕВЪ	484
Господа депутаты.—Очерки и рассказы съ натуры.—I-VI.—А. И. КРАСНОПОЛЬСКАГО.	521
Питаніе человека въ его настоящемъ и будущемъ.—А. Н. НЕКЕТОВА	566
Стихотвореніе.—Другу.—I.-III.—С. А. АНДРЕЕВСКАГО	606
Подходящій налогъ съ финансовой точки зрѣнія.—I-III.—Д. ЧЕРНЯЕВА	612
Ремесленные союзы въ Англіи.—В. К.	635
Изъ воспоминаній писателя.—А. Э.	647
Хроника.—Литературный конгрессъ въ Парижѣ.—Письма въ редакцію.—I-VII.—Л. А. ПОЛОНСКАГО.	674
Внутреннее Овозрѣніе.—Первыя заботы послѣ мира.—Новыя назначенія.—Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ.—Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще.—Замѣтка о подходящемъ налогѣ.—Нынешнее положеніе крестьянскаго хозяйства.—Преобразование земледѣльческихъ училищъ.—Сибирскій университетъ.—Усиленіе уѣздной полиціи.—Крестьянское самоуправленіе.	717
Иностранная политика.—Берлинскій трактатъ	740
Требовъ Берлинскаго трактата	751
Корреспонденція изъ Берлина.—Отъ покушенія и до выборовъ—К.	767
Корреспонденція изъ Лондона.—„Сюр де майтре“ лорда Биконсфильда.	786
Парижскія письма.—XXXIX.—Парижскія остротности.—I-V.—ЭМ. ВОЛА.	799
Начатки литературной солидарности.—Библиографическая записка.—Д.	826
Извѣстія.—I. Объявленіе Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.—II. Общество для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.	833
Библиографическій Листокъ.—Катакомбы.—Евгеніи Туръ.—Письма о научной философіи. В. Лесевича.—Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. А. Голубева.—Собраніе сочиненій Гёте, въ переводахъ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля.—Сказки и рассказы. Н. Щедрина (М. Салтыкова).	

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878-мъ году.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1878-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россіи: За границей:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обыкновенною цѣною

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФИИ М. ОТАЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

 НОВАЯ КНИГА:

КАТАКОМЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгенія Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

 НОВАЯ КНИГА:

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

БІОГРАФІЯ И КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ЕГО ПОЭЗІИ.

СОВРАНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХЪ ЕМУ СТИХОТВОРЕНІЙ И СВОДЪ СТАТЕЙ О НЕМЪ СЪ 1840 ГОДА.

Составилъ А. Голубевъ.

Съ портретомъ, по негативу Левицкаго, раб. Лемерсье въ Парижѣ.—Спб. 1878.

Стр. 153. Цѣна 1 рубль 25 копѣекъ.

Восьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ“:

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатиры, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Спб. 1878. Стр. 498 и VIII.—Цѣна 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальной Комиссіей.

Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

СЕМЬ СКАЗОКЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Барвары Софроньевны, съ иллюстраціями работы Елис. Бемъ.

Спб. 1878. Стр. 112. Ц. 1 руб.; въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВЪ.

Соч. Ю. Э. Янсона. Т. I: Территорія и населеніе. Спб. 1878. Стр. 372. Цѣна 2 руб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТИЯ.

Сочиненіе Сергія Соловьева, въ двухъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 560. Цѣна 2 р. съ пер.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1876—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонзуръ. — Дюма. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. — Рембо. — Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пыпина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новыми работами писемъ Бѣлинскаго, доселѣ неваданныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

И. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наканунѣ пятидесятихъ годовъ. — II. Н. В. Гоголь въ Римѣ. — III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г. — IV. Е. П. Ковалевскій. — Спб. 1877. Стр. 348. Ц. 1 р. 50 коп.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полиграфическими рисунками. Составилъ А. Н.—въ. Спб. 1876. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп., вмѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 38.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 38.

**КНИЖНАГО СКЛАДА И МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА**

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

**ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРО-
ПОЛОГІЯ.**

Миръ реальный и миръ идеальный. Соч. Н. Я. Быкова. Предметъ этого сочиненія: изслѣдованіе ощущенія и изысканіе основнаго начала природы. Въ текстѣ 163 чертежа. Спб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдованія основанаго позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Письма о научной философіи. В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Разыскатели истины (Иммануэль Кантъ (1724—1804), Иоганнъ Готтлибъ Фихте (1762—1814), Фридрихъ-Генрихъ Любигъ (1743—1819)). Составилъ Николѣй Панаевъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ составителя. Спб. 1878 г. Ц. за 2 т. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Изданіе второе, исправленное. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Анна Каренина. Романъ Графа Л. Н. Толстого, въ восьми частяхъ. М. 1878 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Барчукъ. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Безпечальное житье. Романъ. Сочин. А. Михайлова. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Въ средѣ утѣренности и аккуратности. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина) Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ тѣсной кѣлтѣ. Романъ. М. Лескаго-Райскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Гусь. Его отношеніе къ православной церкви. Сочин. А. Гильфердинга. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Два похода за Балканами. Съ театра войны (1877—78). Кн. Л. В. Шаховскаго. М. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Думы и души. Острожниковъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Желѣзная маска. Соч. Тонень. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Записки Видока, начальника парижской тайной полиціи 3 т. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Исторія одного преступленія. Показаніе свидѣтеля. Виктора Гюго. Спб. 1878. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Историческіе и Критическіе опыты Томаса Карлейля, перев. съ англійскаго. Содержаніе: Графъ Калиостро, Бриллиантовое ожерелье, Вольтеръ, Дидро, Мирабо, Робертъ Борнсъ и Вольтеръ-Скоттъ. М. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 8 р. 30 к.

Казанскій литературный сборникъ 1878

*) Книжки, поступившія въ Складъ въ іюль мѣсяцѣ, указаны **нѣ**; на книгахъ immediatъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Взятникъ Европы.—Іюль, 1878.

А

года. Вся чистая прибыль от продажи этой книги поступаетъ въ пользу крестьянъ казанской губерніи, *пострадавшихъ отъ неурожая*. Казань. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Натаномы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгений Туръ. Новое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Ильяъ Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна грозного. Сочин. Гр. А. К. Толстого. Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ переплетъ съ золотымъ тисненіемъ. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Малорусскія народныя пѣсни, по списку ХВІѣѣка. Текстъ и примѣчанія. А. Потебни. В. 1877 г. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Малорусскія народныя преданія и рассказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готтольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческими очерками и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Николай Александрович Некрасовъ. Біографія, критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный съ негатива фотографа С. Л. Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. *Чистый сборъ отъ этого изданія назначается на лучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особыми ея попеченіемъ.* Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Нѣмецкіе поэты. Въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пер. 3 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Отсталый и передовой. Романъ Каратыгина. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Отголоски на литературныя и общественныя явленія. Сост. Милуковъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Политическіе романы: а) Будущее поколѣніе женщинъ; б) Грядущая раса. Одинъ томъ. Сост. Маквайръ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Потомки на Дунаѣ. 1790-й годъ. Историческая повѣсть Г. П. Данилевскаго. Спб. 1878. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1876-77 г.г. Т. І. Эмилъ Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русская Библиотека, томъ VIII: М. Е. Салтыковъ. Избранныя сатиры, съ біографіею и портретомъ автора. Спб. 1878. Стр. 488. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сказки и рассказы. Соч. Н. Щедрина (М. Салтыкова). Спб. 1878. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Славянскій сборникъ, томъ II, съ приложеніемъ этнографической карты русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣв.-вост. Угріи и „Буковинѣ“. Изданіе спб. славянскаго благотвор. общества. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета, т. І. Ц. 3 р., съ пер. Т. III. Ц. 3 р., съ пер.

Славянскій міръ. Иллюстрированное изданіе литературныхъ, историческихъ и географическихъ статей. Т. І. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. І. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. II. Отдѣлъ историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Сочиненія графа А. Н. Толстого. Одинадцать т. М. 1878 г. Ц. 16 р. 50 к., съ перес. 18 р.

Сочиненія Давида Ринардо. Переводъ подъ редакціей Н. Зибберта. В. І. Ц. 2 р., въс. 2 ф. Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересланою.

Степная жизнь въ Сибири. Кенана. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Таинственный островъ. Жюль-Верна, съ 150 гравюрами Барбона. Перев. Марко-Вовчка 3 т. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на вѣленовой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особю: 50 к.

Усенки. Историческій романъ. Т. Ежъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Францъ фонъ-Зинкингъ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., въс. 2 ф.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лейт. М. И. Богдановича

Издание второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Сиб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Всеобщая история-среднихъ вѣковъ. Веллера. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Деятельность русскаго земства. 1864—1875. Д. Л. Мордовцева. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Мизы Европейскихъ народовъ. Сост. Е. Н. Водовозова. Съ рисунк. В. М. Васнецова и Панова. Томъ I. Жители юга. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II. Жители сѣвера. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатія. Соч. Сергія Соловьева. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес.

Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ. 6-тъ т. Ц. 7 р., съ перес. 8 рублей.

Исторія Коммунизма. Соч. Альфреда Сюдра. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ, 3 тома. Соч. Лабуаз. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія франко-наполеона отъ возникновения его до настоящаго времени. Соч. I. Г. Финделя 2 т. Ц. 5 р. съ перес.

Исторія Сербіи, по сербскимъ источникамъ. Соч. проф. Ранке. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1862 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Магьяры и національная борьба въ Венгріи, съ приложеніемъ этнографической карты Венгріи. Сост. Г. А. Де-Воланъ. Сиб. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Наваринъ. 1827 — 1877 г. Сочин. Е. В. Богдановича. М. 1878 г., второе изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Начало цивилизаціи. Соч. Лебока. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки и рассказы изъ стариннаго быта Польши. Карповича. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

О племенахъ земнаго шара. 3 тома съ 164 рисунк. Сост. Ханъ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Политическая Исторія лапъ. Сочин. П. Ланфрэ. Ц. 2 р. съ перес.

Рассказы о польской старинѣ, записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго. Соч. Крашевскаго. 2 т. Ц. 4 р. съ перес.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Составилъ Л. Л. Штурмеръ. Сиб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго исто-

рическаго общества. Т. 19, 20, 21. Ц. за т. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Союзъ Князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе Александра Травецкаго. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Чехія и Моравія. А. С. Вудиловича и А. П. Нарановича. Изданіе славянскаго благ. комитета. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Этнографическая карта славянскихъ народностей. М. Ф. Мирковича, дополненная А. Ф. Риттихомъ. 2-ое изданіе Сиб. Отдѣла слав. благотвор. комитета. Ц. 1 р., съ пер. 2 р.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очерки Цейлона и Индіи. Изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго. Сост. И. П. Миняевъ. Сиб. 1878 г. Ц. за 2 части 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Очеркъ путешествія по европейской Турціи, съ картою окрестностей Охридскаго и Преспанскаго озеръ. Виктора Григоровича. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Очерки Верхней Татаріи, Ярианда и Машигара. Соч. Ша. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Природа и жизнь Америки. Дрэпера. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Сиб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Способы образованія рѣчныхъ долинъ европейской Россіи. В. Докучаева. Сиб. 1878. Ц. 2 р. съ перес.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Карповича. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. И. И. Кауфмана. Ц. 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р.

Капитализмъ и социализмъ. Соч. Шефле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Сиб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Мелкій земельный кредитъ въ Россіи. Князя А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. Т. I. Территория и население. Ю. Э. Яковлев. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Статистическое обозрение Россійской Имперіи. Составилъ В. де-Ливронъ, действительный членъ И. Р. Географическаго Общества. Ц. 8 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Статистика русскихъ банковъ. Состав. И. И. Кауфманъ. 2 т. Ц. 8 р., съ пересылкою 4 р.

Статистика городскихъ оборотательныхъ каассъ. Сост. И. И. Кауфманъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Трудъ, его должныя требованія и законныя права, съ статьей Д. Ст. Милля. Соч. Торнтонъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука-контѣйка. Для обученія и самообученія грамотѣ съ 200 картинками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 к., съ пер. 3 к.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Другъ дѣтей, книга для первоначальнаго чтенія. Изд. 17-ое Сост. П. Мазокинъ. Ц. 30 к., съ перес. 40 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ, классное пособие для элементарныхъ школъ. Составилъ І. Паульсонъ. Ц. 12 к., съ перес. 20 к.

Загадочныя картинны (для дѣтей и взрослыхъ). Вышло 36 картинокъ. Приготавливается къ печати еще такое же количество. Цѣна каждой картинки 5 к., съ перес. по банд. 10 к.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р., въ перес. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей. Д-ра Фр. Диттеса. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Историческая хрестоматія. Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курсъ Новой Исторіи. Составилъ А. Овсянниковъ. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Ч. I. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Историческая хрестоматія по русской исто-

ріи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Часть II. Спб. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Историческая хрестоматія по новой и новейшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изюстрированные разсказы для дѣтей изъ жизни животныхъ. Составлены по Врему, Жоффруа, Сентъ-Илеру, Франклину и др., въ пятик. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Изюстрированные разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинокъ. Исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ пятик. 1 р. 75 к., въ перес. 2 р., за перес. 25 к. на экземпляръ.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій составленъ Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исслейбомъ). Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Краткій очеркъ математической географіи. Составилъ К. Арнгеймъ. Второе изданіе, значительно перемѣненное и дополненное. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Латинскія упражненія. Составилъ Ф. Райманъ. Курсъ I-го класса гимназій. Ц. 60 к., съ перес. 80 к. Курсъ II-го класса гимназій, съ приложеніемъ. Н. 1878. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Народное образованіе и народныя школы, ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Давлей. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школахъ и дома на 28 раскрашенныхъ листахъ, составленъ по атласу доктора Амтора и употребительнѣйшимъ руководствамъ: Смирнова, Лебедева etc. Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исслейбомъ). Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Объ употребленіи задачника письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Сост. І. Паульсонъ. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Обученіе грамотѣ и родному языку во первой учебной книгѣ. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Составилъ І. Паульсонъ. Ч. I. Ц. 1 р. Ч. II. Ц. 80 к., за перес. 25 к.

Объяснительный курсъ ариметики. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латшьева. Часть I. Спб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями. Для народныхъ школъ, дѣтскихъ садовъ и низшихъ классовъ гимназій. Съ аккомпаниментомъ для фортепiano. Музыка А. И. Рубца. Сост. Е. Водовозова. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ. Н. Блинова. Съ приложеніемъ прикѣпнаго каталога кабинета наглядныхъ пособій съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Пособіе для прантисеиныхъ занятій по русскому языку и словесности въ среднихъ классахъ гимназій. Сост. П. Надеждинъ. Т. 1877 г. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома, методически составленъ Отто Улаъ. Съ полиптиками въ текстѣ. Сиб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 88 полиптиками. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. По разсказамъ путешественниковъ, поэтическимъ произведеніямъ А. Пушкина, Лермонтова, Я. Полонскаго и ученымъ изслѣдованіямъ. Учебное пособіе для учащихся. Составилъ П. Надеждинъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Пѣсни для школъ, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоа. Съ 10-ю карт. и 35-ю полиптиками. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; переп. 2 руб. 50 коп., въс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. По способу Грубе изложилъ В. Фармаковский. Изданіе 3-е. В. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Семь сказокъ для дѣтей, Варвары Софроновичъ. Съ иллюстраціями, раб. Елизаветы Бѣтъ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. въ папкѣ 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, специальною комиссіею. Большой томъ въ 745 страницъ. Сиб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 руб. 50 к.

Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ. Собралъ и разработалъ для дѣтей В. П. Авенариусъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ переп. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Учебникъ физической географіи. Пр. А. Гейки, съ 78 рисунками въ текстѣ и 10 картами въ приложеніи. Пер. съ англійскаго А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебный матеріалъ къ Вопроснику по Зоологіи. Пособіе для обучающихся. Составилъ М. Меліоранскій. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холъ. Руководство для учащихся, съ 9-ю таблицами и 39 полиптиками. Сост. Д-ра К. Вокъ. 5 изданіе. Сиб. 1878 г. Ц. 35, съ перес. 60 к.

Этимологія и синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка въ связи съ элементарной логикой и съ приложеніемъ филологическаго указателя. Сост. Н. Невзоровъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Чтеніе и письмо по картинкамъ. Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. Съ 800 рисунками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

Малютъ къ „Чтенію и писанью по картинкамъ“. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Соч. А. Потебнѣ. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

О именномъ значеніи нѣкоторыхъ образковъ и пострій. Сочин. А. А. Потебнѣ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., въс. 2 ф.

Слово о пѣлѣ Игоревѣ. Поэтичный памятникъ русскоіи письменности XII вѣку. Текстъ с перекладомъ и с поясненіями видавъ Омелян Огоновскій. У Львові, 1876 г. Ц. 2 р. съ переслыкою.

Чешская грамматика. Составилъ Иванъ Шрамекъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Начала геометрической теоріи механизмовъ безъ помощи высшей математики. Соч. Ш. Жиро, съ 167 чертежами въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

☛ Полный курс физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій А. Гано, профессора физико-математическихъ наукъ. Перевелъ съ французскаго изданія Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Къ курсу приложено 1106 политимажей, хромофотографированный рисунокъ пяти спектровъ, множество дополненій автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній и краткій очеркъ молекулярной химіи. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутювскаго. Ц. 8 р.; вѣс. 2 ф.

Ходъ качественного химическаго анализа и таблица реакцій. Переводъ съ нѣмецкаго О. Савченкова. Пособіе для начинающихъ. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Большое дѣтя. Популярное руководство для родителей. Дѣтскія болѣзни. Первое домашнее пособие. Съ приложеніемъ изъ книги „Матъ какъ воспитательница“. Д-ра Г. Кленге. Изданіе второе. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ и др. Составилъ Н. Анненковъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пересылкою.

Дѣтидавать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переслѣтѣ 6 р., съ перес.

Для Ботаническихъ экскурсій. Карманный опредѣлитель сосудистыхъ растений, какъ дикорастущихъ, такъ и разводимыхъ. Соч. Э. Постеля. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

☛ Дѣла природы въ нѣдрахъ земли. Сост. Ханъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Метары пусочна хлѣба. Описаніе жизни челоѣка и животнаго въ писмахъ. Соч. Массе. Изданіе второе съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☛ Книга природы, съ 1000 рисунками. 4 тома. Сочин. Шедлеръ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Воткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи объ электричествѣ, Джона Тин-

дала съ 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Нѣмцкіе способы лѣченія ранъ. Д-ра Штейнера. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред. д-ра М. Шершевскаго. Спб. 1878. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Начальный практическій курсъ физиологій. М. Фостера. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Мѣстными и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ О. Гримма. Ц. 1 р., съ перес.

Общая патологія. Сочин. Конгейма. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей д-ра Н. П. Иванова. Предисловіе проф. В. А. Манассеина. Т. I, к. I. Спб. 1878. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

О нѣмцкихъ усѣбахъ физическихъ знаній. П. Г. Тета. Переводъ подъ редакціей И. М. Сѣченова, съ 24-мя рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политимажамъ въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Донгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Общедоступная гігіена. Д-ра Эрнсмана. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

О значеніи психическихъ вліаній, лекціи В. А. Манассеина, проф. медико-хирург. академіи. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекціи и статьи Джона Тиндала, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Гельмгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☛ Популярная медицина. 2 тома. Сост. Ханъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Практическое рыболовство по Гауку. Подъ редакціей и съ примѣчаніями О. А. Гримма. Ц. 75 к., съ перес.

☛ Первобытній челоѣкъ, съ 126 рисунками и 6-ю картами. Соч. Фигье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Профессиональная гігіена или гігіена умственнаго и физическаго труда, съ 9 рисунками въ текстѣ. Докт. Ф. Эрнсмана. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологій. Гексли и Мартини. Элементарный практическій курсъ биологій. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рецептныя формулы Лейпцигской Клиники. Пр. Вундерлиха съ прибавленіемъ

максимальныхъ дозъ и обзоръ минеральныхъ водъ. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Роль воспримчивости въ развитіи естественныхъ наукъ Д. Тиндалла. Перевелъ Ф. Павленковъ. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Ziemssen'a. Т. XI. Часть III. Болѣзни спинного мозга и его оболочекъ. Киевъ 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Руководство къ женскимъ болѣзнямъ. Составленное подъ редакціею Д-ра Т. Вильрота, съ многочисленными въ текстѣ полиптиками. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностики и вскрытію труповъ. Д-ра I. Орта. Х. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер.

Руководство къ полевой хирургической техники. Фр. Эмарха, съ 536 полиптиками въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 25 к.

Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на физиологическія основанія и практическія примѣненія ея. Соч. Іосифа Гиртля. Переводъ съ 18-го послѣдняго изданія. Сиб. 1878. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ общепонятныхъ статей по естествознанію. Н. Энгельгардта. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Свѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Джономъ Тиндалемъ, съ портретомъ и 60 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Соотношеніе жизненныхъ и физическихъ силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перевелъ Ф. Павленковъ. Ц. 10 к., съ пер. 30 к.

Тетради для ежемѣсячной сельско-хозяйственной отчетности. Сост. А. Н. Вульфъ. Сиб. 1878 г. Ц. на вѣленовой бумагѣ 6 р., съ пер. 7 р., на простой бумагѣ 5 р., съ пер. 6 р.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Эпизоотологія или ученіе о повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. Съ 22-мя литографированными рисунками. Доктора Л. Д. Фишмана. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ прав. сената 1866—1876 г. Со-

ставилъ Г. И. Трахтенбергъ. Сиб. 1878. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзовъ и учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Сиб. 1876. Ц. 1-й т. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-й 1 р., вѣс. 1 ф.

Землевлѣдѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Исследования по русскому праву семейному и наследственному. И. Г. Оршанскаго. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Крестъиное дѣло въ царствованіи импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на вѣсѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права. Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Сиб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Сиб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Сиб. университета. Томъ II. Органы управленія. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Сиб. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Описательная социологія или группы социологическихъ фактовъ, классифицированныя и распределенныя Гербертомъ Спенсеромъ. Англія. Таблицы составилъ Эжемъ Кольте. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Опытъ комментарія къ уставу гражданского судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анимизмѣ и отвѣтъ на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Россія и Востокъ. Собраніе географическихъ и политическихъ статей. М. Венюкова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій Сводъ опредѣленій соединеннаго присутствія 1-го и уголовного кассационнаго Департамента Правит. Сената

1873-1877. Съ приложеніемъ и важнѣйшихъ рѣшеній съ 1868 по 1873 г. Составилъ Н. Рычковъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Слб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ II. Судопроизводство. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Слб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассационнаго Департамента. Пр. Сената за 1876 годъ. Составилъ А. Книрикъ и Евг. Ковалевскій. Т. I. Матеріальное право. Слб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Т. II. Судопроизводство. Слб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Систематическій Уставъ о вѣселяхъ, дополненный рѣшеніями общаго Собранія Пр. Сен., Гражд. Кас. Д. и Ком. Суда. Сост. Д. Астафьевъ. К. 1878 г. Ц. 60 к., съ пересылкою 80 к.

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Слб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Слб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Уставъ уголовного судопроизводства для германской имперіи, съ закономъ о введеніи его въ дѣйствіе 1 февраля 1877 г. Перев. Из. Соболева. Слб. 1878. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Асфальтъ и Битумы и техническое ихъ примѣненіе. Настольная книга для гг. инженеровъ, архитекторовъ и домовладѣльцевъ. Сост. Спорнымъ. Изд. 2-ое, исправлен. и доп. Де-Скромовскимъ. Слб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Божья. 150 одногласныхъ и двугласныхъ пѣсенъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Составилъ Г. В. Дольдъ и А. С.

Фаминницинъ. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Русскій дѣтскій пѣсенникъ. Собраніе пѣсенъ съ народными напѣвами Составилъ А. Фаминницинъ. Ч. I: 60 пѣсенъ для одного голоса Ч. II 50: пѣсенъ для двухъ и трехъ голосовъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Месмеризмъ, одуизмъ, столбичество и спиритизмъ. Съ исторической и научной точкой зрѣнія. Лекція, читанныя, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Слб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Теорія звука въ приложеніи къ музыкѣ. Лекція профес. Блацерни. Переводъ съ итальянскаго В. А. Чечотта, подъ редакціей Н. А. Гезехуса, съ многочисленными полиптиками въ текстѣ. Слб. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Устройство печей. Паровое и водное отопленіе и вентиляція зданій. Бреймана и Лянга. Изд. 2-е, дополненное статей „Водное отопленіе“. Съ 194 полиптиками въ текстѣ. К. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Адресъ-календарь духовнаго вѣдомства. Первый полный сборникъ справочныхъ именныхъ указаній всѣхъ должностныхъ лицъ духовной администраціи. Слб. 1878. Ц. 1 р. съ перес.

Карта театра войны съ подробными текстомъ названій по алфавиту. Составилъ А. В. Ушаковъ. Ц., въ издѣлномъ переплетѣ, 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Наши сельскіе пожары. Какъ отъ нихъ оберегаться и какъ ихъ тушить. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

Общепольное пособіе или вспомога- тельныя таблицы для всякихъ исчисленій, учетовъ, смѣтъ и расчетовъ. Сост. Н. И. Струковъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества, Московскаго Отдѣленія

I. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

Москва, Неглинная, № 10
(на углу Кузнецкаго моста)

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

Упражненія и этюды для фортепіано: Черни, Практическій учебникъ фортепіанной игры. 100 маленькихъ пьесъ. Тетрадь I (60 к.), 100 маленькихъ упражненій op. 139, 4 тетр. (каждая 50 к.). Дюбокъ, Техника фортепіанной игры (3 p.). Duvernoy, Ecole du mécanisme. 15 études pour précéder celles de la vélocité de Czerny. op. 120 (1 p. 20 к.), Ecole du style en 12 études op. 168 (1 p. 20 к.). Ecole primaire en 25 petites études progressives (1 p.). Evers, Etude d'octaves (35 к.), Gammes dans tous les tons majeurs et mineurs (15 к.), Gammes en tierces et en sextoles par Knorr (35 к.), Gammes tirées de la méthode de Kalkbrenner (60 к.). Goria, Etude de concert op. 7 (30 к.). Heller, 25 études mélodiques op. 45, 3 тетр. (каждая 50 к.), 30 études progressives, op. 46, 3 тетр. (по 50 к.), 25 études pour former au sentiment du rythme et à l'expression. 2 тетр. (по 60 к.), 24 études d'expression et de rythme dédiées à la jeunesse, op. 125, 2 тетр. по (75 к.). Jensen, Etudes préparatoires aux oeuvres de l'école moderne, op. 32, liv. 1 (60 к.). Иранекъ, Практическая школа украшеній (1 p. 50 к.). Köhler, Die ersten Etuden, op. 50 (60 к.), 12 Etuden in leichten Passagen, op. 85 (75 к.), Technische Virtuosen-Studien, op. 120, 2 тетр. (по 1 p. 25 к.). Лангеръ, Краткій выборъ самыхъ нужнѣйшихъ техническихъ упражненій. 2 тетр. (по 60 к.), 12 Etudes caractéristiques, op. 18, 2 тетр. (по 1 p. 15 к.). Köhler, Самые легкія упражненія, op. 151 (35 к.). Lemoine, Etudes enfantines. 50 Etudes caractéristiques, op. 37, 2 тетради (по 90 к.). Moscheles, Etudes célèbres. Studien zur höhern Vollandung bereits ausgebildeter Clavierspieler, op. 70, тетр. I 2 p. 40 к.). II (1 p. 55 к.). Müller, Pièces instructives. 2 тетр. (каждая 30 к.). Plachna, 60 exercices progressifs: études de trille, Gammes, accords, passages et arpèges (1 p. 50 к.). Ravina, Etudes caractéristiques dédiées à sa mère. Liv. 1 (1 p. 20 к.). Schmitt, Exercices préparatoires (45 к.). Etudes caractéristiques du style élégant (1 p. 20 к.). Tausig „Gradus ad Parnassum“ de Clementi. Etudes choisies, revues et doigtées (2 p.). Wedemann, 126 практическихъ упражненій (60 к.).

Книги по теоріи музыки: Чайковский, Учебникъ гармоніи. Руководство, принятое консерваторіями въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, 2-е изданіе (1 p. 50 к.). Учебникъ гармоніи, приспособленный для духовныхъ училищъ (1 p.). Камкинтъ, Элементарная теорія музыки. Руководство, принятое консерваторіями въ Москвѣ и С.-Петербургѣ (75 к.). Гаррацъ, Карманный музыкальный словарь. 3-е изданіе (60 к.). Лобс, Музыкальный Катехизисъ. 8-е изданіе (60 к.). Шуманъ, Совѣты молодымъ музыкантамъ (30 к.). Веберъ, Путеводитель при обученіи игрѣ на фортепіано (75 к.), Руководство для систематическаго первоначальнаго обученія на фортепіано (60 к.).

На пересылку предлагается особе и взимается съ общаго вѣса посылки. Требования Гг. иногороднихъ исполняются съ первоотходящею почтою. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

BULLETIN LITTERAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Petersbourg, Perspective de Newsky, № 14.

Nouveautés de Mai, 1878.

ALBUM de l'exposition de 1878 par Glück. Vues intérieures et extérieures de l'exposition Tirées directement sur nature en Photogravure mécanique, aux encres grasses indélébiles. Livraison. I. 1 r.

ARNDT'S Briefe an eine Freundin herausg. von Langenberg. 4 r. 20 c.

BAMBERGER. Deutschland und der Socialismus. 1 r. 45 c.

BOHMERT. Die Gewinnbetheiligung. Untersuchungen über Arbeitslohn und Unternehmergewinn. 2 vols. 6 r. 60 c.

BRAUN-WIESBADEN. Reise Eindrücke aus dem Süd-Osten. III. Bd. 1 r. 80 c.

BRÜCKNER. Jwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen. 4 r. 80 c.

BUNGE. Die Stadt Riga in 13-ten und 14-ten Jahrhundert. Geschichte, Verfassung und Rechtszustand. 5 r. 30 c.

BUTSCH. Die Bücher-Ornamentik der Renaissance. Auswahl stylvoller Titleinfassungen, Initialien etc. Lf. 1. 2. 8 r. 40 c.

DAVIS. Narrative of the North Polar Expedition U. S. Ship Polaris, Captain Charles Francis Hall Commanding. 25 r. 85 c.

DIETERICI. Der Darwinismus im 10-ten und 19-ten Jahrhundert. 1 r. 80 c.

DÜHRING. Kritische Geschichte der Philosophie. 3-te Aufl. 5 r. 40 c.

DURNY. H-re des Romains. I série. Livr. 1—10. 2 r. 50 c.

EBERTY. Ingenderinnerungen eines alten Berliners. 4 r. 20 c.

ESSEINWEIN. Kunst- und kulturgeschichtliche Denkmale des Germanischen National-Museums. Eine Sammlung von Abbildungen hervorragender Werke aus sämtlichen Gebieten der Cultur. 14 r. 40 c.

HANDTMANN. Der Slavismus im Lichte d. Ethik. 1 r. 45 c.

HASEMANN. Papst Pius IX. Ein Bild seiner Persönlichkeit seines Lebens und seiner Kirchenleitung. 1 r. 20 c.

HELFERT. Koenigin Karolina von Neapel und Sicilien im Kampfe gegen die französische Weltherrschaft 1790—1814. 9 r.

HELLENBACH. Der Individualismus im Lichte der Biologie und Philosophie der Gegenwart. 2 r. 40 c.

HEYKING. Reisebilder aus dem Europäischen Russland. 1 r. 45 c.

HOHENZOLLERN-MUSEUM. Das im Kogl. Schlosse Monbijou. 12 Tafeln in Lichtdruck mit erläuterndem Text. 7 r. 20 c.

KALLAY. Die Orientpolitik Russlands. 1 r. 20 c.

LÜBKE. Geschichte der italienischen Malerei. 1-r Halbbd. 4 r. 80 c.

LUCIUS. Friderike Brion von Sessenheim. Geschichtliche Mittheilungen. 2-te Aufl. 1 r. 10 c.

MEYER. Der Wunderschwindel unserer Zeit. 75 c.

MÜLLER. Politische Geschichte der Gegenwart. XI. Bd. Das Jahr 1877. 2 r. 15 c.

MUSIK. Die, und ihre Classin Ansprüchen Richard Wagners. 90 c.

NATIONAL-BIBLIOTHEK der deutschen class. Dichter. 1. Immermann's Werke. 1. 25 c.

PESCHEL. Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde. Neue Folge. 6 r.

POESCHE. Die Arier. Ein Beitrag zur histor. Anthropologie 3 r.

RATZEL. Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika. I. Phisikalische Geographie und Naturcharakter. 8 r. 40 c.

RENEHR. Im Donaureich. II. Abtheilg. Die Kultur. 3 r. 60 c.

SCHWEIGER-LERCHENFELD. Armenien. Ein Bild seiner Natur und Bewohner. Im Anhang; Anatolische Fragmente. 2 r. 70 c.

SEMPER. Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten oder prakt. Aesthetik. 2-te Aufl. Lf. 2 r.

STEIN. Volkswirtschaftslehre. 2-te Aufl. 6 r.

STUCKRAD. Der Russisch-türk. Krieg. Lf. 1. 95 c.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КАТАКОМБЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА

Евгении Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

75 копѣекъ

ВОСЬМОЙ ТОМЪ

«РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ»:

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатиры, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Спб. 1878. Стр. 498 и VIII.—Цѣна 75 коп.; въ англ. перепл. 1 рубль.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

БІОГРАФІЯ. — КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ПОЭЗІИ. — СОБРАНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ. — СВОДЪ СТАТЕЙ О НЕКРАСОВѢ СЪ 1840 г.

Составилъ А. ГОЛУБЕВЪ.

Съ портретомъ.—Спб. 1878. Стр. 153. Цѣна 1 рубль 25 копѣекъ.

СЕМЬ СКАЗОКЪ

Барвары Софроновичъ, съ силуэтами работы Елис. Бѣлѣ. Спб. 1878.

Стр. 112. Цѣна 1 руб., въ перепл. 1 руб. 25 коп.

Съ требованіями обращаться въ книжный магазинъ типографіи
М. Стасюлевича, Спб., Васильевскій Островъ, 2-я линія, № 7.

ДОМАШНИЙ ОГНЕГАСИТЕЛЬ

(ASSURANS-SPRUTAN)

Г. ЛУДИНА и К^о, въ СТОКГОЛЬМЪ.

Отличительныя свойства домашнего огнегасителя слѣдующія: онъ тушитъ не только распространяющееся пламя, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ.—Дѣйствуетъ безъ примѣся химическаго состава, лишь силою и постояннымъ напоромъ водной струи.—Для дѣйствія имъ не нужна никакая предварительная подготовка, имъ могутъ тушить огонь безъ малѣйшаго усилія даже женщины и средняго возраста дѣти.—Выбрасываетъ воду на разстояніе болѣе 40 фут.—Всегда готовъ къ употребленію, потому что прочность конструкціи устраняетъ порчу.—По незначительности объема и вѣса доступъ съ этимъ снарядомъ возможенъ во всякому мѣсту, куда можетъ проникнуть хотя одинъ человѣкъ.—Домашній огнегаситель была подвергнута публичному испытанію на Семеновскомъ плацу 30 марта 1878 г., гдѣ присутствовали многіе специалисты по части тушенія пожаровъ и устройству пожарныхъ инструментовъ. Эти лица засвидѣтельствовали о пригодности испытаннаго инструмента особенно у насъ въ Россіи и обь успѣшности его дѣйствій.

Вотъ мнѣніе нашей печати объ немъ: „Новое Время“ № 764, стр. 3. „Результаты испытанія оказались превзойденными ожиданіе“.—„Извѣстія С.-Петербургскаго Вѣдомости“ № 92. „Испытаніе, на которомъ присутствовали представители многихъ присутственныхъ мѣстъ и специалисты по пожарному дѣлу, имѣло большой успѣхъ, и доказало огромную прихвнительность аппарата для прескращенія начинающагося и нераспространяющагося въ замѣтныхъ размѣрахъ пожара“.—„Юбилейная Иллюстрація“ № 486, стр. 288. „Дѣйствіе огнегасителя оказалось вполне удовлетворительно. Преимущество этого прибора передъ химическими эстингаторами:—простота конструкціи, безопасность и постоянная готовность къ употребленію“.—„Живенное Обозрѣніе“ № 17. „На Семеновскомъ плацу былъ устроенъ родъ дежурна, наполненнаго струею, выманиваемаго дѣтены и облитаяго версифонъ. Пламя обвѣтало строеніе съ ужасною быстротою, чему способствовали вѣтеръ, во въ теченіи 1½ минутъ было потушено; для начинающагося пожара такой аппаратъ очень полезенъ. Намъ кажется, что подобныя огнегасители должны сдѣлать обязательными къ приобритенію, въ общественныхъ учрежденіяхъ, на фабрикахъ, заводахъ и даже въ селахъ“.—„С.-Петербургскій Голосъ“ № 106 (1876 г.): „Для небольшого размѣра пожаровъ, огнегаситель оказался весьма полезнымъ, какъ это и было высказано присутствовавшими на испытаніи экспертами. Для нашихъ сельскихъ жителей, которыхъ долго еще не будутъ доступны дорогіе пожарные снаряды, равно какъ и для нашихъ загородныхъ дачъ, которыя столь часто подвергаются опасности отъ пожара, этотъ небольшой, аккуратно и весьма просто устроенный аппаратъ, можно считать необходимымъ“.—„Петербургская Газета“ № 77. „Аппаратъ г. Лудина является идеаломъ того огнегасителя, о которомъ такъ долго мечтали механики“.

ЦѢНА „ДОМАШНЯГО ОГНЕГАСИТЕЛЯ“ 30 РУБ.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями къ одной изъ ниже указанныхъ фирмъ, прибавляя нерасшлючныхъ денегъ за одинъ пудъ. Пересылка производится по желѣзнымъ дорогамъ, черезъ транспортныя конторы и по почтѣ. Съ уплатою переводомъ на товаръ отирается лишь по полученіи половины стоимости, остальнѣ съ требованіемъ. Подробное объявленіе съ рисункомъ аппарата высылается по почтѣ безплатно немедленно по полученіи требованія.

Главное агентство для Россіи у А. Ф. ДЕВРІЕНА въ С.-Петербургѣ, на Васильев. островѣ, Мольт. пресн. на углу 3 линіи, домъ Юнгера, № 8. Складъ въ С.-Петербургѣ у М. А. ГИЦЛЯ, Невскій просп., № 54.

КНИЖНЫЙ Складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимает на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и вымыкаетъ изъгороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 39.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 39.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРО- ПОЛОГІЯ.

Миръ конечныя причины или цѣлесообразный порядокъ вещей въ природѣ и его причина. Соч. Поля Жанэ. Перевелъ съ франц. Д. В. Поспѣховъ. Киевъ. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Миръ реальный и миръ идеальный. Соч. И. Я. Бикова. Предметъ этого сочиненія: изслѣдованіе ощущенія и изысканіе основнаго начала природы. Въ текстѣ 163 чертежа. Сиб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдованія основаній позитивной философіи. В. Лесевича. Сиб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи "Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Сиб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Письма о научной философіи. В. Лесевича. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Психологическія этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Разыскатели истины (Иммануэль Кантъ (1724—1804), Иоганнъ Готтлибъ Фихте (1762—1814), Фридрихъ-Генрихъ Якоби (1748—1819)). Составилъ Ипполитъ Панаевъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ составителя. Сиб. 1878 г. Ц. за 2 т. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Изданіе второе, исправленное. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СЛОВЕЧНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Анна Каренина. Романъ Графа Л. Н. Толстого, въ восьми частяхъ. М. 1878 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Барчун. Картины прошлаго. Евгения Маркова. Сиб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Безпечальное житье. Романъ. Сочин. А. Михайлова. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Въ средѣ умирности и аккуратности. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова, 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ тѣсной клеткѣ. Романъ. М. Ленскаго-Райскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Вѣчный трущеникъ. Сочин. Самуэля Смайльса. Переводъ С. Майковой. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Два похода за Балканы. Съ театра войны (1877—78). Кн. Л. В. Шаховскаго. М. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Думы и думи. Острожникова. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Евгеній Онегинъ нашего времени. Романъ въ стихахъ. Д. Д. Миннаева. 3-е изд., съ прибавленіемъ новой главы и эпилога. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Желѣзная масна. Соч. Тонень. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Записки Видова, начальника парижской тайной полиціи 3 т. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

*) Книги, поступившія въ Складъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, указаны ; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Исторія одного преступленія. Показаніе свидѣтеля. Виктора Гюго. Спб. 1878. Ц. 2 р. съ пересмѣлкой.

Казанскій литературный сборникъ 1878 года. Вся чистая прибыль отъ продажи этой книги поступаетъ въ пользу крестьянъ казанской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая. Казань. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Матакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгеніи Туръ. Новое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Илья Серебряный. Повѣсть времени Іоанна грознаго. Сочин. Гр. А. К. Толстого. Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ переплетъ съ золотымъ тисненіемъ. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Матвій Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Биографія, критическій обзоръ поэмъ. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный съ негатива фотографа С. Л. Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Чистый сборъ отъ этого изданія назначается на лучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особымъ его почетомъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Нѣмецкіе поэты. Въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пер. 8 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Около донего. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Отголоски на литературныя и общественныя явленія. Сост. Милуковъ. Изданное изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Политическіе романы: а) Будущее поколѣніе женщинъ; б) Гражданинъ раса. Одинъ томъ. Сост. Маквайръ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Поминутный восточной войны 1877 — 1878 гг., заключающій въ себѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, біографическіе очерки всѣхъ отличившихся, убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ. Сост. А. Старчевскій. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Потомки на Дунаѣ. 1790-й годъ. Исто-

рическая кофѣя Г. П. Данилевскаго. Спб. 1878. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

По поводу пересмотра устава университета. Я. Степанова. Казань. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 г.г. Т. I. Эмиль Золя. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Пѣсни и сатиры и комедія Либрала въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Д. Д. Миннаева. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Плѣнный левъ. Историческій романъ Миссъ Юнгъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Русскіе герои войны. Собраніе замѣчательныхъ эпизодовъ, анекдотовъ, описаній и сценъ за Дунаемъ и на Кавказѣ, изъ боевой жизни Русско-Турецкой войны 1877-1878. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Русская Библіотека, томъ VIII: М. Е. Салтыковъ. Избранныя сатиры, съ біографіею и портретомъ автора. Спб. 1878. Стр. 488. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сказки и разсказы. Соч. Н. Щедрина (М. Салтыкова). Спб. 1878. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Славянскій сборникъ, томъ II, съ приложеніемъ этнографической карты русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣв.-вост. Укрѣ и „Вуковинѣ“. Изданіе слб. славянскаго благотвор. общества. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета, т. I. Ц. 3 р., съ пер. Т. III. Ц. 3 р. съ пер.

Славянскій міръ. Иллюстрированное изданіе литературныхъ, историческихъ и географическихъ статей. Т. I. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Шанишвицкаго. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Шанишвицкаго. Т. II. Отдѣлъ историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскіхъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Сочиненія графа А. Н. Толстого. Одинадцать т. М. 1878 г. Ц. 16 р. 50 к., съ перес. 18 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересмѣлкой.

Тамисевскій островъ. Жюль-Вернъ, съ 160 гравюрами Барбона. Перев. Марко-Вовчка 3 т. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. И. Толстого, въ одномъ томѣ. 1856—1875 г.

Изданіе второе. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на велевой бумагѣ, съ портретомъ и въ росшнномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 8 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портреты особо: 50 к.

Изд. Исходенія Магома, финнйского путешественника, съ 25 картинками и 5 политическими въ текстѣ. Соч. Леона Каэна. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Изд. Сочиненія Исаефонта. Перевелъ Г. А. Янчевскій. Выпускъ III. Киропедія. Съ примѣчаніями и двумя указателями. Киевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Францъ фонъ-Зимингъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Кривъ. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., въ 2 ф.

Изд. Чингизъ-Ханъ и его величія, или голубое знамя. Историческая новѣль времени вѣлствія Монголовъ. Съ 10 картинками и 5 политическими въ текстѣ. Соч. Леона Каэна. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

ИСТОРИЯ — БЮГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Восточная война 1858 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лейт. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Сиб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Десятилѣтіе русскаго земства. 1864—1875. Д. А. Мордовцева. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Жизнь Европейскихъ народовъ. Сост. Е. Н. Водовозова. Съ рисунк. В. М. Васнецова и Панова. Томъ I. Жители юга. Ц. 8 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II. Жители сѣвера. Ц. 8 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатія. Соч. Сергѣя Соловьева. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р. съ перес.

Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ. 6-тъ т. Ц. 7 р., съ перес. 8 рублей.

Исторія Коммунизма. Соч. Альфреда Сюдра. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ, 8 тома. Соч. Лабула. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Исторія франко-наполеона отъ возникновения его до настоящаго времени. Соч. I. Г. Фидела 2 т. Ц. 5 р. съ перес.

Исторія Сербіи, во сербскихъ источникахъ. Соч. проф. Ранке. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рехау, 2 т. Ц. 8 р. 50 к., въ 8 ф.

Изд. Люди Божіи. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. И. Добро-

творскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Иадыры и національная борьба въ Венгріи, съ приложеніемъ этнографической карты Венгріи. Сост. Г. А. Де-Воланъ. Сиб. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Начало цивилизаціи. Соч. Дебока. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки и рассказы изъ стариннаго быта Польши. Карновича. Ц. 2 р. 50 к. съ пересилою.

Изд. Очерки организаціи и происхожденія служилого сословія въ до-петровской Руси. Исслѣдованіе Н. Загоскина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

О племенахъ земного шара. 8 тома съ 164 рисунк. Сост. Ханъ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Политическая Мистерія наль. Сочин. П. Ланфра. Ц. 2 р. съ перес.

Рассказы о польской старинѣ, записки XVIII вѣка Яна Дуллана Охотскаго. Соч. Крашевскаго. 2 т. Ц. 4 р. съ перес.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главныя дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Сиб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очерки Цейлона и Индіи. Изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго. Сост. И. П. Миняевъ. Сиб. 1878 г. Ц. за 2 части 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Очеркъ путешествія по европейской Турціи, съ картою окрестностей Охридскаго и Преспанскаго озеръ. Виктора Григоровича. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Очерки Верхней Татаріи, Ярианда и Намгара. Соч. Ша. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Природа и жизнь Америки. Дрэнера. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Сиб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въ 2 ф.

Способы образованія рѣчныхъ долинъ европейской Россіи. В. Докучаева. Сиб. 1878. Ц. 2 р. съ перес.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Капитализмъ и социализмъ. Соч. Шефле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Сиб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Мелкий земельный кредитъ въ Россіи. Книга А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Основы политической экономіи съ примѣнами изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., въс. 8 ф.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Статистика русскихъ банковъ. Состав. И. И. Кауфманъ. 2 т. Ц. 8 р., съ пересылкою 4 р.

Статистика городскихъ сберегательныхъ кассъ. Сост. И. И. Кауфманъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Трудъ, его должныя требованія и законныя права, съ статью Д. Ст. Милля. Соч. Торнтонъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука-коштыка. Для обученія и самообученія грамотѣ съ 200 картинками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 к., съ пер. 8 к.

М. Бунаковъ. Школьное дѣло. Для народныхъ учителей и учительницъ. Лекціи, читанныя на учительскихъ съѣздахъ въ Москвѣ, Костромѣ, Херсонѣ и Псковѣ въ 1872, 1873 и 1874 гг. (безъ таблицъ, для постепеннаго классоваго чтенія). 2 р. 60 к., на перес. за 2 ф.

М. Бунаковъ. Момцентрическій учебникъ русской грамматики для русскихъ дѣтей. Курсъ 1-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф. Курсъ 2-й. Ц. 65 к., перес. за 1 ф. Курсъ 3-й. Ц. 75 к., пер. за 1 ф. Курсъ 4-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф.

Бензъ. Письма о воспитаніи, пер. Кожанниковой и Ржевской. Ц. 30 к., съ перес. за 1 ф.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Другъ дѣтей, книга для первоначальнаго чтенія. Изд. 17-ое Сост. П. Максимовичемъ. Ц. 30 к., съ перес. 40 к.

В. Естуховскій. Арифметическій ацианъ въ 1,000 кубиковъ. Составъ его и объясненіе употребленія. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

В. Естуховскій. Арифмет. счѣты. Объясненіе ихъ употребленія. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 80 к.

Задачникъ письменныхъ упражненій въ

родномъ языкѣ, классное пособие для аmentарныхъ школъ. Составилъ Г. Паульсонъ. Ц. 12 к., съ перес. 20 к.

Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Эюффе, Галле и др. Сост. Ю. Базъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Заніи вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р., въ перес. 2 р. 25 к., съ пер. 8 р.

П. Затрѣвъ. Начальная арифметика для сельскихъ школъ, съ 20 табл. Ц. 1 р. 25 к. Таблицы отдѣльно 40 к., перес. за 1 ф.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей. Д-ра Фр. Диттеса. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Историческая хрестоматія. Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курсъ Новой Исторіи. Составилъ А. Овсянниковъ. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учащихся старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Ч. I. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учащихся старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Часть II. Спб. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Историческая хрестоматія по новой и нѣтъйшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Иллюстрированныя разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папѣ 1 р. 75 к., въ перес. 2 р., за перес. 25 к. на эвемпларъ.

Кеттигеръ. Методика мененіи русскій дѣтей для начальныхъ школъ. Ц. 40 к., пер. за 1 ф.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для народныхъ учителей и первыхъ классовъ гимназій составленъ Н. Штраухомъ. (Карти проецированы и рисованы В. Исодейбенъ). Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Краткій Русско-Латинскій словарь. Пособіе для учащихся гимназій при исполненіи письмен. задачъ по латинскому языку. Сост. Ю. Базъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ перес. 1 руб.

Краткій очеркъ математической географіи. Составилъ К. Арнгеймъ. Второе изданіе, значительно набоженное и дополненное. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Латинскія упражненія. Составилъ Ф. Райманъ. Курсъ I-го класса гимназій. Ц. 60 к., съ перес. 80 к. Курсъ II-го класса гимназій, съ приложеніемъ. Н. 1878. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Лѣтнія занятія въ полѣ съ перомъ и карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Методика начального обученія отечественному языку. Для учт. нист., семинарій, педагогич. клас. при жевскихъ гимназіяхъ и для начальныхъ учителей и учительницъ. Комст. Ельницкаго. Сиб. 1878 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Народное образованіе и народныя школы, ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во вѣхъ государствахъ. Соч. Лавлей. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Начала портретовъ, со многими помат. въ текстѣ. Сост. для употреб. въ средн. учебн. заведеніяхъ К. Краевичъ. Изд. 2-е. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начатки Ботаники. І. Д. Гузера. Переводъ съ англійскаго, съ измѣненіями и дополненіями А. Ѳ Баталлина. Съ 67 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., на пересылку за 1 ф.

Новѣйшій географическій атласъ вѣхъ частей свѣта для употребленія въ школахъ и дома на 28 расправленныхъ листахъ, составленъ по атласу дошора Антора и употребительнѣйшимъ руководствамъ: Смирнова, Лебедева етс. Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исслейбоймъ). Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Обиходная книжка для мальчиковъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Объ употребленіи задаточна письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Сост. І. Паульсонъ. Ц. 10 к., съ перес. 16 к.

Обученіе грамотѣ и родному языку по первой учебной книгѣ. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Составилъ І. Паульсонъ. Ч. I. Ц. 1 р. Ч. II. Ц. 80 к., за перес. 25 к.

Однотомный дѣтскій пѣвн. и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями. Для народныхъ школъ, дѣтскихъ садовъ и низшихъ классовъ гимназій. Съ аккомпаниментомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. Сост. Е. Водослова. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Основанія физики со многими полит. назами въ текстѣ. Сост. К. Краевичъ. 5-ое изданіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ. Н. Блинова. Съ приложеніемъ примѣрнаго каталога кабинета наглядныхъ пособій съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Паденіе Флоссы. Чтеніе для войскъ и народа, читанное въ аудиторіи Солдатнаго городка. Сост. А. П. Никольскій. Съ портретами главныхъ героевъ Штевны. Сиб. 1878 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Пособіе для практическихъ занятій по русскому языку и словесности въ ореднихъ классахъ гимназій. Сост. П. Надеждинъ. Т. 1877 г. Ц. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена. Переводъ П. Вейнберга, съ 120 картинками и биографическими очерками Андерсена. Изд. 3-е.—2 т. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Пароць. Всеобщая исторія педагогики. Перев. Гергарта. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темъ де-Фос. Ст. 10-ю карт. и 35-ю полит. нажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

„Рѣзвы и ловкій“ въ Семѣ и Школѣ. Сборникъ подвижныхъ игръ и занятій на открытой воздухѣ; съ многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Семь сказокъ для дѣтей. Варвары Софроновичъ. Съ силуэтами, раб. Ел. саветн Бѣмъ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. въ папѣ 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Сиб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Сост. для употреб. въ средн. учебн. зав. К. Краевичъ. 8-е изд. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Учебникъ физической географіи. Пр. А. Гейки, съ 78 рисунками въ текстѣ и 10 картинками въ приложеніи. Пер. съ англійскаго А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебный матеріалъ къ Вопроснику по Зоологіи. Пособіе для обучающихся. Составилъ М. Меліоранскій. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Учебникъ физики, со многими полит. нажами въ текстѣ. Сост. К. Краевичъ. 8-ое изданіе. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холл. Руководство для учащихся, съ 9-ю таблицами и 39 полит. нажами. Сост. Д-ра К. Бокъ. 5 изданіе. Сиб. 1878 г. Ц. 35, съ перес. 60 к.

Этимологія и синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка въ связи съ элементарной логикой и съ приложеніемъ филологическаго указателя. Сост. Н. Невзорова. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Чтеніе и писаніе по картинкамъ. Албука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. Съ 800 рисунками въ текствѣ. Ц. 15 к., съ пер. 80 к.

Ключъ къ „Чтенію и писанію по картинкамъ“. Ц. 15 к., съ пер. 80 к.

Вѣтъ Амось Коменскій. Великая дидактика, содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему. Ц. 1 р. 75 к. Роскошное изданіе. Ц. 3 р., перес. за 2 фута.

ЯЗЫКОВЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Соч. А. Потебни. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Слово о плыку Игоревѣ. Поэтичный памятникъ русскои письменности XII вѣку. Текстъ с переводомъ и с полными видами Олега Огоновскій. У Львові, 1876 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Чешская грамматика. Составилъ Иванъ Шрамекъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Начала геометрической теоріи механизмовъ безъ помощи высшей математики. Соч. Ш. Жиро, съ 167 чертежами въ текствѣ. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ текствѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій А. Гано, профессора физико-математическихъ наукъ. Перевелъ съ 15 французскаго изданія Ф. Памелковъ и В. Черкасовъ. Къ курсу приложено 1106 волнитѣлей, хронофотографированный рисунокъ пяти спектровъ, множество дополненій автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній и краткій очеркъ популярной химіи. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковского. Ц. 8 р.; въс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Двадцать яблонъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблонъ. Сиб.

1875 г. Ц. 5 р., въ переклѣтѣ 6 р. съ перес.

Для Ботаническихъ экскурсій. Карманый определитель сосудистыхъ растений, какъ дикорастущихъ, такъ и разводимыхъ. Соч. Э. Посталя. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

Гербаризація. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Дива природы въ отдрахъ земли. Сост. Ханъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Естественный подборъ. Сочиненіе А. Р. Уоллеса. Переводъ подъ ред. Н. П. Вагнера. Съ примѣчаніями и доволительной статьей, съ портретомъ Уоллеса, его біографіей, статьями и заметками изъ сочиненія проф. Вейсмана. Съ четырьмя хронофотографированными табличками и волнитѣлями. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Исторія русскаго лѣва. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ писмахъ. Соч. Маса. Изданіе второе съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Млтва природы, съ 1000 рисунками. 4 тома. Сочин. Шедлеръ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Курсъ минералогіи внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи объ асимметріи, Джона Тиндала съ 60 рисунками въ текствѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Настѣные способы лѣченія ранъ. Д-ра Штейнера. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред. д-ра М. Шермесскаго. Сиб. 1878. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Начальныи практическій курсъ физіологіи. М. Фостера. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Настѣныи и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ О. Гринна. Ц. 1 р. съ перес.

Основныи начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю волнитѣлями въ текствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Общедоступная физіологія. Д-ра Эрнмана. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекціи и статьи Джона Тиндала, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Гельмгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Популярная медицина. 2 тома. Сост. Ханъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Практическое рыболовство по Гаму.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями О. А. Гримма. Ц. 75 к., съ перес.

Переводный чловѣкъ, съ 126 рисунками и 5-ю картами. Соч. Фигье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи. Гексли и Мартини. Элементарный практическій курсъ биологіи. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рель воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ Д. Тиндалла. Перевелъ Ф. Павленковъ. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Ziemssen'a. Т. XI. Часть III. Болѣзни спиннаго мозга и его оболочекъ. Киевъ 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Руководство къ женскимъ болѣзнямъ. Составленное подъ редакціей Д-ра Т. Виллота, съ многочисленными въ текстѣ типами. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труновъ. Д-ра I. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер.

Руководство къ полевой хирургической техникѣ. Фр. Эсмарха, съ 586 политипажными въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 25 к.

Руководство къ анатоміи чловѣческаго тѣла съ указаніемъ на физиологическія основанія и практическія примѣненія ея. Соч. Іосифа Гиртля. Переводъ съ 18-го послѣдняго изданія. Спб. 1878. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Руководство къ собиранію, храненію и наблюденіямъ надъ насекомыми и другими низшими животными и Скелетированіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Свѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Джономъ Тиндалемъ, съ портретоми и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Соотношеніе химическихъ и физическихъ силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перевелъ Ф. Павленковъ. Ц. 10 к., съ пер. 80 к.

Тетради для естественной сельско-хозяйственной отчетности. Сост. А. Н. Вульфъ. Спб. 1878 г. Ц. на велевой бумагѣ 6 р., съ пер. 7 р., на простой бумагѣ 5 р., съ пер. 6 р.

Учебникъ практической медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологію. Д-ра К. Ф. Кунце. 2-ое изданіе. 2 т. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ переслком.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ прав. сената 1866—1876 г. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Спб. 1878. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Исследования по русскому праву семейному и наследственному. И. Г. Орманскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Исторія права Московскаго государства. Т. I. Введеніе.—Вѣтви исторія права.—О верховной власти въ московскомъ государствѣ и о земскихъ соборахъ.—Н. П. Загоскина. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Крестянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права. Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въс. 2 ф.

Наставленіе къ судебнымъ вскрытіямъ труновъ. Для врачей-экспертовъ и судебныхъ слѣдователей. Сочин. Д-ра Гуго Миттенцвейга. Харьковъ. 1878 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., въс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Описательная социологія или группы социологическихъ фактовъ, классифицированныхъ и распределенныхъ Гербертомъ Спенсеромъ. Англія. Таблицы составилъ Эжемсъ Колье. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Опытъ теоріи страхового договора. И. Степанова. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологіи. Герб. Спенсе-

ра. Т. П. Слб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ аненизми и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II выстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Россія и Востокъ. Собраніе географическихъ и политическихъ статей, М. Венюкова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Руководство къ особенной части Русскаго Уголовнаго права, т. III. Преступленія: 1, противъ брака и правъ семейственныхъ; 2, противъ законовъ о состояніяхъ; 8, обмѣопасныя преступленія (поджогъ и т. п.). Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Слб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. ар. Сената. Слб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ II. Судопроизводство. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. ар. Сената. Слб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго Кассационнаго Департамента. Пр. Сената за 1876 годъ. Составилъ А. Книримъ и Евг. Ковалевскій. Т. I. Матеріальное право. Слб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Т. II. Судопроизводство Слб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Систематическій Уставъ о земселяхъ, дополненный рѣшеніями общаго Собранія Пр. Сен., Гражд. Кас. Д. и Ком. Суда. Сост. Л. Астафьевъ. К. 1878 г. Ц. 60 к., съ пересылкою 80 к.

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Слб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Слб. 1878 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Уставныя грамоты XIV-го—XV вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Н. Загоскина. 2 вып. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Асфальтъ и Битумы и техническое ихъ примѣненіе. Настольная книга для гг. инженеровъ, архитекторовъ и домовладѣльцевъ. Сост. Слоринскій. Изд. 2-ое, исправлен. и доп. Де-Скороховскимъ. Слб. 1878 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Безья. 150 одноголосныхъ и двуголосныхъ пѣсенъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Составилъ Г. В. Дольдъ и А. С. Фамининъ. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Гейфманъ. Современная школа. Практическій руководитель къ изученію фокуснаго искусства. Съ 318 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Русскій дѣтскій пѣсенникъ. Собраніе пѣсенъ съ народными названіями Составилъ А. Фамининъ. Ч. I: 60 пѣсенъ для одного голоса Ч. II 50: пѣсенъ для двухъ и трехъ голосовъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Мессернахъ, единажъ, столѣвореніе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точкою зрѣнія. Лекціи, читанныя, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Слб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Теорія звука въ приложеніи къ музыкѣ. Лекціи профес. Влэкерри. Переводъ съ итальянскаго В. А. Четотта, подъ редакціею Н. А. Гезехуса, съ многочисленными политонажами въ текстѣ. Слб. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

А. Шаленфельдъ. Практическое руководство къ обученію руководящимъ; 1 ступень — ВЯЗАНІЕ чулочное. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Общепонятное пособіе или вспомога- тельныя таблички для всякихъ исчисленій, учетовъ, смѣтъ и расчетовъ. Сост. Н. Н. Струковъ. Ц. 3 р. 50 к. съ перес.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политонажными рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Салтыковъ. Повесть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгений Туръ. Сиб. 1878. Стр. 286. Ц. 1 р.

Нѣтъ десяти тому назадъ появилась въ первый разъ эта повесть, вышедшая изъ-подъ пера одной изъ лучшихъ нашихъ писательницъ, столь известной еще въ сороковыхъ годахъ подъ именемъ Евгениі Туръ—изъ кружка Грановскаго, Сухаревича. Хотя сюжетъ и археологическія подробности заимствованы у иностранныхъ писателей, но, тѣмъ не менѣе, повесть можетъ быть отнесена къ числу оригинальныхъ произведеній по легкости языка и живости образовъ. Пытывая жизнь лычскаго міра и подвижничество первыхъ христіанъ изображены въ ней ясными рельефными образомъ. Эту книгу мы можемъ събѣе отнести къ числу лучшихъ, какія можно рекомендовать для книжескаго чтенія. Повесть весьма интересна исторически, и фабула повести не уступитъ въ интересѣ современному роману.

Писма о научной философіи, В. Лесевича. Сиб. 1878. Стр. 208. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящее изслѣдованіе г. Лесевича, въ формѣ писемъ, находится въ связи съ знакомымъ нашимъ читателямъ его же „Опытомъ критическаго изслѣдованія основанаціи позитивной философіи“, но имѣетъ свою спеціальную цѣль—попознакомить русское общество съ послѣдними помыслами философскимъ движеніемъ въ Германіи, которое было вызвано провозглашеніемъ необходимости для философіи возвратиться къ Канту, именно къ его методу, и положило основаніе самостоятельной школѣ критическаго реализма, представителями котораго служатъ въ Германіи Шопенгауэръ, Гегель, Апенаріусъ, и во Франціи—Рибо. Въ заключеніе, авторъ даетъ отвѣтъ на нападки, вышедшія въ печати противъ его вышеупомянутого „Опыта“.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Біографія; критическій обзоръ поэзіи; собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта; сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Съ портретомъ. Сиб. 1878. Стр. 163. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящее изданіе не есть простой сборникъ критическихъ статей изъ газетъ, какой былъ изданъ вскорѣ по смерти поэта, подъ заглавіемъ: „На память Некрасова“. Кромѣ краткой біографіи, въ которой, однако, соединены всѣ главныя черты изъ жизни Некрасова, составленъ помѣстивъ обзоръ важнѣйшихъ фактовъ изъ Некрасовской поэзіи, упомянуть и тѣ критическіе отзывы, какіе были сдѣланы въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ въ первое полугодіе, послѣдовавшее за смертью поэта. Въ концѣ книги собраны изъ газетъ и журналовъ стихотворенія, посвященные памяти Некрасова, и послѣдній сводъ всѣхъ статей о немъ, начиная съ 1840 г. по настоящее время. Особенное вниманіе обращаетъ на себя портретъ покойнаго, превосходно исполненный съ негатива фотографіи Левцакова въ мастерской Лемерсье въ Парижѣ. Мы не знаемъ лучшаго портрета и по сходству, и по исполненію. Чистый сборъ

отъ этого изданія посвященъ на улучшеніе народной школы въ мѣстѣ рожденія поэта.

Собраніе сочиненій Гете, въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ п. р. Н. В. Гербеля. Первые пять томовъ. Сиб. 1878. Стр. 424, 427, 480, 438, 640. Цѣна 8 р.

Только что успѣлъ кончить Н. В. Гербель полное собраніе Шекспира на русскомъ, которому предшествовали такіе же полныя собранія Шиллера и Байрона, а уже передъ нами первая половина новаго и весьма обширнаго предпріятія: первые пять томовъ (изъ предполагаемаго числа 10) собранія сочиненій величайшаго изъ современныхъ поэтовъ—Гёте. Самое существенное мы имѣемъ уже теперь въ рукахъ: вся лирика, главныя поэмы: Германъ и Доротея и Рейнске Лисъ; обѣ части Фауста, въ новомъ переводѣ г. Холодковского, отрывокъ изъ котораго знакомъ нашимъ читателямъ; драмы въ прозѣ и въ стихахъ, по большей части въ новыхъ переводахъ; наконецъ, первая половина знаменитѣйшаго изъ романовъ Гёте „Вильгельмъ Мейстеръ“ (Ученическіе годы). Остальные 5 томовъ, гдѣ, между прочимъ, въ первый разъ явится по-русски Автобіографія Гёте, г. Гербель обѣщаетъ выпустить въ теченіи года—и ему легко повѣрить, если припомнить все то, что онъ уже исполнялъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта попытка, третья по числу, ввести весь гётевскій міръ въ нашу литературу, удастся нынѣшній разъ вполне. Въ первомъ томѣ помѣщена довольно обширная біографія Гёте и полный указатель переводовъ изъ его поэзіи на русскій языкъ. Нельзя не быть признательнымъ г. Гербелю за ту настойчивость, съ которою онъ трудится надъ переселеніемъ къ намъ корифеевъ творчества западнаго міра. По тому успѣху, которымъ пользуются прежнія его изданія, надобно думать, что они начали приносить ту пользу, какой по справедливости можно отъ нихъ ожидать.

Сказки и разсказы. Соч. Н. Щедрина (М. Салтыкова). Сиб. 1878. Стр. 161. Ц. 60 к.

Мы недавно указывали на восьмой томъ „Русской Библіотеки“, цѣлкомъ посвященный выбору изъ сочиненій Н. Щедрина; то изданіе имѣло цѣлью познакомить систематически съ развитіемъ этого замѣчательнаго таланта по всѣмъ фазисамъ, которые онъ прошелъ въ теченіи почти двадцатилѣтняго. Настоящій сборникъ имѣетъ въ виду дать интересныя матеріалы для чтенія, на подобіе тѣхъ дешевыхъ изданій, какія существуютъ въ западной Европѣ подъ спеціальнымъ названіемъ „жизненно-дорожныхъ“, такъ какъ они предлагаются преимущественно путешественникамъ. Кромѣ существенныхъ достоинствъ, такіе изданія должны быть всегда карманны по формату, и вытѣтъ—по карману большинства путешественниковъ. Въ послѣднемъ отношеніи, настоящій сборникъ итъ-сколько грѣшитъ; по за то путешествующій скоро найдетъ съ наслажденіемъ свое вагонное время, напр., за чтеніемъ „Повѣсти о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ“, или: „Дикаго помѣщика“. Въ сборникѣ помѣщено шесть такихъ разсказовъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1878-й годъ:

ГОДЪ—12 книгъ:

въ Россіи: за границею:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . . . 5 » — » 7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается:
съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . . 2 » 50 » 3 »

Подписывавшіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обыкновенною уступкою

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высылаютъ подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные дѣлается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; а изъ городскихъ въ иногородныхъ въ иностранніе—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственнымъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

исследователи истины. Кант, Фихте, Якоби. Къ рациональному мировоззрѣнію. Съ предисловіемъ и послѣловіемъ. Состав. Ипполитъ Панаевъ. Два тома. Слб. 1878. Стр. 441+38, и 434+223. Ц. 3 р.

Авторъ въ своемъ предисловіи предупреждаетъ читателя весьма добросовѣстно о томъ, что его немалый трудъ есть главнымъ образомъ проектъ личнаго, субъективнаго его настроенія, ямо противоположнаго господствующему теченію общественной мысли: онъ считаетъ идеалистическую философію единственнымъ путемъ открытія истины, и указываетъ на себя, какъ на примѣръ человека, нашедшаго въ ней душевное успокоеніе отъ тревоженій материализма и т. п. Такъ думали и древніе мудрецы; но мало ли бы они такъ и въ наше время, или, въ сущности, они и теперь какую-нибудь другую формулу мудрости — это оставимъ открытымъ вопросамъ. Авторъ скромно говоритъ, что онъ писалъ свою книгу не для ученыхъ; онъ удивленъ съ добрымъ цѣлемъ, — чтобы не оставать празднымъ, и въ надеждѣ „способствовать янкому дѣлу обновленія и поднїтїа человѣческаго духа“; онъ и не общается читателю божественнаго „откровенія“ съ ученіемъ Фихте, Якоби и т. п. Однимъ словомъ, почтенный авторъ никого не вводитъ въ заблужденіе, онъ, какъ и подобаетъ своему труду, объявляетъ о самъ, несмотря на всю общность, за что „къ рациональному мировоззрѣнію“; открыто излагаетъ въ предисловіи всю исторію своего труда и степень своей подготовленности, и нельзя не вынѣтъ всего этого автору въ заслугу.

Вѣдѣніе статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Томъ I: Территорія и населеніе. Ю. Э. Яковина. Слб. 1878. Стр. 372. Ц. 2 р.

Авторъ предупреждаетъ, что задуманный имъ обширный трудъ, треть котораго теперь находится уже въ рукахъ публики, встрѣчаетъ неодолимые препятствія для полнаго и подробнаго своего осуществленія; но имя автора и его естественныя труды гарантируютъ намъ то, что мы будемъ сдѣлано все, что можно сдѣлать въ современномъ состояніи статистическаго матеріала. Нынѣшній томъ обнимаетъ собою статистику населенія Россіи, которой предпослана статистика ея территорій; слѣдующій томъ будетъ посвященъ труднѣйшему отдѣлу — статистикѣ общественной, какъ показателю матеріальнаго и умственнаго развитія народа; а послѣдній — соберетъ факты общественной и умственной его дѣятельности. Авторъ удалилъ изъ своего изданія сирія цифръ, и не ввелъ тамъ образцовъ въ текстъ свою новую работу; если это обстоятельство имѣетъ при справкахъ нѣкотораго удобства, то, другой стороны, книга въ настоящемъ своемъ видѣ сдѣлалась вслѣдствіе того доступною для многихъ; специалисты же найдутъ всегда средства повѣрить автора, обращаясь къ источникамъ.

Паневъ и Вюръ. 1868—1878. Гр. Арсеній Голенищевъ-Кутузовъ. Слб. 1878. Стр. 169. Ц. 1 р. 25 к.

По имени автора, читатель догадывается, что въ немъ найдешь подлѣ приведеннымъ заглавіемъ собраніе стихотвореній нашего молодого поэта за нынѣшніе десять лѣтъ его дѣятельности. Мы имѣли разныя случаи печатать на страницахъ нашего журнала его поэтическія произведенія, а потому

по поводу нынѣшняго сборника позволить себѣ высказать только одно небольшое замѣчаніе, повторенное многими. Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ по преимуществу лирикъ, а потому стихъ его утрачиваетъ много своей природной силы всякій разъ, когда поэтъ вздумаетъ отдать его на службу публицистикѣ; поэтическая мысль въ этомъ случаѣ тотчасъ слабѣетъ, образы дѣлаются туманными, и по временамъ его лира, какъ говорится, издаетъ невѣрные звуки, въ родѣ тѣхъ, какими, наприимѣръ, заключаются его „Панихида“ по убитымъ на войнѣ:

„Ну что-жъ? Не даромъ говорить:

„Тѣсь рубить — щепки вокругъ летятъ!“

Содержаніе стихотворенія ничѣмъ не оправдываетъ такого неожиданныго оборота мысли въ авторѣ. Подобной ошибки никогда нельзя встрѣтить въ его чисто-лирическихъ стихотвореніяхъ, продиктованныхъ ему внутреннимъ голосомъ, безъ всякаго усилія попасть въ чужой тонъ. Плевна, наприимѣръ, оказалась не мѣсто пагубною и для нашего поэта, породивъ подобныя стихи:

„Побѣдно Русь ликуетъ, словно

„Страхнуть недуга долгой гнѣтъ;

„Дунай и Шинка, Карсъ и Плевна —

„Да!.. Плевна! Голосъ не дрогнетъ!“

Не только поэзія, но даже рѣчь автора разсердилась на поэта и оставила его — безъ рѣчи.

Хожденіе игумена Давида въ Святую землю, въ началѣ XII-го вѣка. Исслѣдованіе М. А. Веневитинова. Изданіе Археографической Коммиссіи. Слб. 1877.

„Хожденіе“ въ Палестину игумена Давида есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней русской литературы. Оно занимаетъ почетное мѣсто вообще въ ряду средневѣковыхъ путешествій въ Святую землю, отличающагося большою точностью и подробностью описаній, и издано было уже нѣсколько разъ по разнымъ спискамъ; французское изданіе Норова дало ему извѣстность и въ европейской ученой литературѣ. Но до сихъ поръ еще нѣтъ настоящаго критическаго изданія этого памятника, не опредѣлены разныя редакціи, въ которыхъ оно ходило въ старинныхъ рукописяхъ; не сличены всѣ его рукописные тексты (ихъ извѣстно теперь болѣе пятидесяти) и ихъ отличія. Г. Веневитиновъ предпринялъ ту предварительную работу, которая должна разъяснить состояніе текстовъ и дать возможность для изданія, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ археографической и исторической критики. Это — работа, требующая большого вниманія и трудолюбія, и будущій издатель получитъ въ книжкѣ г. Веневитинова чрезвычайно полезное руководство. Отчего бы не быть этимъ издателемъ именно самому же г. Веневитинову, который уже сдѣлалъ для этого свои предварительныя изслѣденія?

О городскихъ налогахъ въ Москвѣ. Состав. М. М. Щенкинъ. М. 1878. Стр. 230.

Авторъ оказалъ существенную услугу этимъ изданіемъ, знакомя въ популярной формѣ съ предметомъ столь же близкимъ многимъ изъ насъ, сколько темнымъ для большинства. Въ вопросы городского хозяйства вносятся обыкновенно болѣе личныхъ интересовъ, нежели знанія дѣла. Очерку положенія городскихъ налоговъ въ Москвѣ авторъ предпосылаетъ теорію обложенія общины, по повѣренію П. П. Фридерга, и анализъ послѣднихъ заграничныхъ проектовъ преобразованія городскихъ налоговъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1878-й годъ:

ГОДЪ—12 книгъ:

въ Россіи: за границею

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . . . 5 » — » 7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается:
съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . . 2 » 50 » 3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ многогородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ многогородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ многогородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или многогородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала выслаются особо тѣмъ изъ многогородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

OCKER
NOV 20 1980

